ЛЕ
М43
т19 г2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ 1878–1917

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

RELATIONS INTERNATIONALES

DE L'ÉPOQUE DE L'IMPÉRIALISME

DOCUMENTS DES ARCHIVES
DES GOUVERNEMENTS
IMPÉRIAL ET PROVISOIRE
1878-1917

2-E SÉRIE
1900-1913

1939

ЛЕ
М43

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ 1878-1917

СЕРИЯ ВТОРАЯ
1900-1913

Т. 19 т. 2.

1939

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. П. БОЛЬШЕМЕННИКОВ
А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ
А. А. МОГИЛЕВИЧ
Ф. А. РОТШТЕЙН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
589074

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ЧАСТЬ II

14 ЯНВАРЯ 1912 г. – 13 МАЯ 1912 г.

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ

Л. А. ТЕЛЕШЕВА

ПРИ УЧАСТИИ

Э. С. АЛЬТШУЛЕР

И

Е. М. ГЛЯЗЕР

9 (47)
М 43 Доб. 327

Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, ч. II.
Государственное издательство политической литературы, 1939.
Редактор *А. Могилевич.*

Техн. редактор *И. Галактионов.* Корректор *Р. Пагге.*

Подписано к печати с матриц 4/X 1939 г. № изд-ва 2041.
Индекс МОЭИ. Леноблгорлит № 2440.
Формат 70×108¹/₁₆. Объем 35⁵/₈ печ. л. Уч.-авт. л. 53,3.
134.000 зн. в 1 печ. л. Заказ № 3042.
Тираж 17.000 (5.001—17.000) экз. Бумага Камского бумкомбината.
Цена в переплете 12 р.

Набор и матрицы—2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано во 2-й фабрике детской книги Детиздата ЦК ВЛКСМ, Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 3042.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ [1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Военное министерство — воен. м-во.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Памятная записка — пам. записка.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Телеграмма — тел.

British Documents on the Origins of the War 1898—1914, London — Brit. Doc.
Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914—Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin, — Gr. Pol.
Documents Diplomatiques Français (1871—1914), Commission de Publication des Documents Relatifs aux Origines de la Guerre de 1914, Paris, — Doc. Dipl.
Известия министерства иностранных дел —Изв. МИД.
Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes, 1910—1914, Librairie du Travail, Paris 1923 — L. N.
«Красный Архив», изд. Центрархива — Кр. Арх.
Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 г. — М.
Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914 (Dipl. Akt. des Oest.-Ung. Ministeriums des Aeussern), Wien und Leipzig 1930—Oe. U. A.
Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел, изд. НКИД, 1917 г. — Сб. секр. док.
Siebert, B. — Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, Verlag von Walter de Gruyter u. Co, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert.
Stieve, Friedrich. — Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis — Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin 1925 — Stieve.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. серия III, т. I, стр. XXV—XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

ТОМ XIX

(14/1 ноября 1911 г. — 13 мая/30 апреля 1912 г.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(14/1 января 1912 г. — 13 мая/30 апреля 1912 г.)

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
345	15/2.I	Тел. № 4	Сазонов — Щекину	К. ст. 645	1
346	15/2.I	Тел. № 9	Сазонов — Чарыкову	П. ст. 1205	1
347	15/2.I	Тел. № 2	Извольский — Сазонову	К. 101	1
348	15/2.I	Тел. № 5	Чарыков — Сазонову	К. 32	2
349	16/3.I	Тел. № 13	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 1205	2
350	16/3.I	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	3
351	16/3.I	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	7
352	16/3.I	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	8
353	16/3.I	Тел. № 3	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	9
354	16/3.I	Тел. № 1	Неклюдов — Сазонову	К. 117	10
355	16/3.I	Тел. № 3	Поклевский — Сазонову	К. 166	10
356	17/4.I	Записка	Итал. посол в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 3190	10
357	17/4.I	Рапорт № 3	Ермолов — Жилинскому	ВИА ГУГШ 180—036	11
358	17/4.I	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	12
359	17/4.I	Рапорт № 6	Ностиц — Жилинскому	ВИА ГУГШ 176—172	13
360	17/4.I	Рапорт № 7	Ностиц — Жилинскому	ВИА ГУГШ 180—036	14
361	17/4.I	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	16
362	17/4.I	Письмо	Свербеев — Сазонову	П. А. 2595	19
363	17/4.I	Рапорт № 4	Самойлов — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 189—191	21
364	18/5.I	Тел. № 37	Сазонов — Бенкендорфу, Извольскому, Остен-Сакену, Бахметеву и Броневскому	К. ст. 99	21
365	18/5.I	Тел. № 38	Сазонов — Бенкендорфу, Щекину и Броневскому	К. ст. 855	22
366	18/5.I	Депеша № 1	Извольский — Сазонову	К. 99	22
367	18/5.I	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 380	24
368	18/5.I	Письмо	Остен-Сакен — Сазонову	К. 18	25
369	18/5.I	Депеша № 2	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	26
370	18/5.I	Тел. № 2	Гартвиг — Сазонову	К. 130	27
371	19/6.I	Тел. № 39 (№ 1)	Сазонов — Гартвигу	П. А. 3692	28
372	19/6.I	Письмо № 16	Сазонов — Коковцову	П. ст. 4208	28
373	20/7.I	Письмо	Ж. Луи — Сазонову	С. А. 838	29
374	20/7.I	Тел. № 5	Гартвиг — Сазонову	П. А. 3692	30
375	20/7.I	Тел. № 29	Щекин — Сазонову	К. 105	31
376	20/7.I	Тел. № 30	Щекин — Сазонову	К. 105	31
377	22/9.I	Тел. № 58	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 1205	32
378	22/9.I	Тел. № 6	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	32
379	23/10.I	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	К. ст. 99	33
380	23/10.I	Тел. № 9	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	35
381	23/10.I	Тел. № 10	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	36
382	23/10.I	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	37
383	24/11.I	Сообщение	Япон. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	Яп. ст. 211	38
384	24/11.I	Тел. № 66	Сазонов — А. Миллеру	П. ст. 4498	39
385	24/11.I	Тел. № 69	Клемм — Голубинову	П. ст. 1205	39
386	24/11.I	Тел. № 11	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	40

№ № п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
387	24/11.I	Тел. № 10	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	40
388	25/12.I	Тел. № 70	Сазонов — Гартвигу	П. А. 3692	40
389	25/12.I	Тел. № 4	Неклюдов — Сазонову	П. А. 1350	41
390	25/12.I	Письмо	Чарыков — Сазонову	П. А. 3190	41
391	26/13.I	Тел. № 75	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4498	43
392	26/13.I	Тел. № 78	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 595б	43
393	26/13.I	Тел. № 16	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	44
394	27/14.I	Письмо № 19	Сазонов — Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену, Н. Гирсу, Чарыкову и Долгорукому	П. А. 3190	45
395	27/14.I	Рапорт № 3	Гурко — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 180—010	47
396	28/15.I	Письмо № 40	Сазонов — Сухомлинову	К. ст. 1811	48
397	28/15.I	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	50
398	29/16.I	Нота	М-р ин. дел — англ. послу в Петербурге	С. А. 303	54
399	29/16.I	Тел. № 96	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 4558	56
400	29/16.I	Депеша № 4	Боткин — Сазонову	П. А. 1405	57
401	30/17.I	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	58
402	30/17.I	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	П. ст. 4558	60
403	30/17.I	Депеша № 1	Долгорукий — Сазонову	К. 103	61
404	30/17.I	Депеша № 2	Долгорукий — Сазонову	К. 103	62
405	30/17.I	Тел. № 8	Остен-Сакен—Сазонову	П. А. 3190	64
406	30/17.I	Тел. № 6	Неклюдов — Сазонову	П. А. 3692	65
407	30/17.I	Письмо	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	65
408	31/18.I	Депеша № 7	Извольский — Сазонову	К. 99	67
409	31/18.I	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	69
410	31/18.I	Рапорт № 29	Базаров — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 180—036	70
411	31/18.I	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	71
412	1.II/19.I	Тел. № 115	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4498	72
413	1.II/19.I	Тел. № 13	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	73
414	1.II/19.I	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 3693	73
415	1.II/19.I	Рапорт № 39	Ностиц — Жилинскому	ВИА ГУГШ 176—172	74
416	1.II/19.I	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	75
417	2.II/20.I	Тел. № 117	Сазонов — Извольскому	П. А. 3647	76
418.	2.II/20.I	Тел. № 3	Пустошкин — Сазонову	П. А. 941	76
419	3.II/21.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. ст. 4558	77
420	3.II/21.I	Докл. записка № 11	Сухомлинов — Николаю II	ВИА ГУГШ 187—747	78
421	3.II/21.I	Тел. № 30	Чарыков — Сазонову	П. А. 2595	79
422	5.II/23.I	Тел. № 407	Коковцов — Воронцову-Дашкову	П. ст. 456	79
423	5.II/23.I	Письмо № 418	Коковцов — Сухомлинову	К. ст. 1811	81
424	6.II/24.I	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. ст. 4498	81
425	6.II/24.I	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	П. А. 126	82
426	6.II/24.I	Тел. № 148	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4498	83
427	6.II/24.I	Тел. № 14	Н. Гирс — Сазонову	П. А. 3190	83
428	7.II/25.I	Тел. № 156	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4450	84
429	7.II/25.I	Тел. № 96	Грей — Бьюкенену	К. 44	85
430	7.II/25.I	Тел. № 75	Поклевский — Сазонову	П. ст. 6б	85
431	7.II/25.I	Депеша № 4	Броневский — Сазонову	Яп. ст. 919	86
432	7.II/25.I	Письмо № 493	Коковцов — Сазонову	П. А. 3647	88
433	8.II/26.I	Письмо № 101	Сазонов — Извольскому	П. ст. 4558	89
434	8.II/26.I	Тел. № 27	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	91
435	8.II/26.I	Тел. № 28	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 3190	92
436	8.II/26.I	Тел. № 31	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	93
437	8.II/26.I	Депеша № 6	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	94
438	8.II/26.I	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	95
439	8.II/26.I	Тел. № 15	Гартвиг — Сазонову	К. 17	97
440	8.II/26.I	Тел. № 4	Пустошкин — Сазонову	П. А. 941	97
441	9.II/27.I	Тел. № 169	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4498	98
442	10.II/28.I	Тел. № 13	Остен-Сакен — Сазонову	К. 19	99

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
443	10.II/28.I	Рапорт № 13	Артамонов — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 172—771	100
444	11.II/29.I	Тел. № 185	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. ст. 896	101
445	11.II/29.I	Тел. № 187	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 3190	102
446	11.II/29.I	Тел. № 16	Гирс — Сазонову	П. А. 3190	103
447	11.II/29.I	Депеша № 2	Чемерзин — Сазонову	П. А. 181	103
448	11.II/29.I	Депеша № 7	Гартвиг — Сазонову	П. А. 3692	106
449	11.II 29.I	Депеша № 8	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	107
450	12.II/30.I	Письмо № 119	Сазонов — Коковцову	П. ст. 4558	108
451	12.II 30.I	Тел. № 32	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	109
452	12.II/30.I	Тел. № 17	Гартвиг — Сазонову	К. 17	110
453	12.II/30.I	Тел. № 139	Щекин — Сазонову	К. 105	111
454	12.II/30.I	Тел. № 143 (№ 1)	Щекин — Сазонову	К. 156	111
455	12.II/30.I	Тел. № 143 (№ 2)	Щекин — Сазонову	К. 156	111
456	12.II/30.I	Депеша № 5	Бахметев — Сазонову	К. ст. 896	112
		Приложение: Нота государственного секретаря США — герм. послу в Вашингтоне от 3.II, 21.I		К. ст. 896	113
457	13.II/31.I	Тел. № 34	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 3190	114
458	13.II/31.I	Тел. № 36	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	115
459	13.II/31.I	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 3190	116
		Приложение: Меморандум англ. м-ва ин. дел — росс. послу в Лондоне от 12.II/30.I		П. А. 3190	118
460	13.II/31.I	Письмо	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	119
461	13.II/31.I	Тел. № 14	Остен-Сакен — Сазонову	К. 19	120
462	13.II/31.I	Донесение № 360	Беренс — Ливену	ВИА ГУГШ 180—036	121
463	13.II/31.I	Депеша № 3	Мясоедов — Сазонову	К. 118	124
464	13.II/31.I	Тел. № 42	Чарыков — Сазонову	П. А. 1045	126
465	13.II 31.I	Тел.	Иванов — Сазонову	К. 166	127
466	13.II/31.I	Письмо № 107	Коковцов — Сазонову	К. ст. 896	127
467	14/1.II	Тел. № 210	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4498	128
468	14/1.II	Донесение №29	Ермолов — Данилову	ВИА ГУГШ 180—036	129
469	14/1.II	Тел. № 162	Щекин — Сазонову	К. 105	131
470	15/2.II	Пам. записка	М-во ин. дел — англ. послу в Петербурге Бьюкенену	П. ст. 4558	131
471	15/2.II	Тел. № 218	Сазонов — Поклевскому	С. А. 931	132
472	15/2.II	Тел. № 20	Извольский — Сазонову	К. 101	133
473	15/2.II	Депеша № 11	Извольский — Сазонову	К. 99	133
474	15/2.II	Депеша № 12	Извольский — Сазонову	К. 99	135
475	15/2.II	Письмо	Извольский — Сазонову	П. ст. 4558	136
476	15/2.II	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	137
477	15/2.II	Тел. № 20	Б. Миллер — Сазонову	К. 21	138
478	15/2.II	Депеша № 9	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	139
479	15/2.II	Депеша № 10	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	140
480	16/3.II	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	К. 175	142
481	16/3.II	Тел. № 221 (№1)	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 863	143
482	16/3.II	Тел. № 222 (№2)	Сазонов — Бахметеву	К. ст. 863	143
483	16/3.II	Тел. № 230	Сазонов — Чарыкову	П. А. 3647	144
484	16/3.II	Тел.	Мясоедов — Сазонову	К. 175	144
485	16.3.II	Тел. № 23	Б. Миллер — Сазонову	К. 21	145
486	16/3.II	Тел. № 592	Коковцов — Воронцову-Дашкову	ВИА ГУГШ 442—789	145
487	17/4.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 2595	146
488	17/4.II	Нота № 1554	Кит. посланник в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 863	147
489	17/4.II	Тел. № 236	Сазонов — Гартвигу	П. А. 3692	147
490	17/4.II	Тел. № 44	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	148

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
491	18/5.II	Тел. № 240	Сазонов — Щекину	К. ст. 855	148
492	18/5.II	Письмо № 95	Сазонов — Коковцову	К. ст. 896	149
493	18/5.II	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	150
494	18/5.II	Нота	Росс. и англ. посланники в Тегеране — перс. м-ру ин. дел	П. ст. 5б	155
495	18/5.II	Тел. № 109	Поклевский — Сазонову	П. ст. 6б	156
496	19/6.II	Тел. № 10	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	156
497	19/6.II	Тел. № 53	Чарыков — Сазонову	П. А. 1045	157
498	19/6.II	Тел. № 29	Броневский — Сазонову	К. 120	158
499	20/7.II	Вербальная нота № 102	М-во ин. дел — япон. послу в Петербурге	Яп. ст. 211	158
500	20/7.II	Тел. № 246	Сазонов — Б. Миллеру	П. А. 126	161
501	20/7.II	Рапорт № 23	Романовский — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 174—780	161
502	20/7.II	Тел. № 23	Гартвиг — Сазонову	К. 17	163
503	20/7.II	Тел. № 54	Чарыков — Сазонову	К. 32	163
504	20/7.II	Тел. № 178	Щекин — Сазонову	К. 105	164
505	20—19/7—6.II	Письмо № 145	Коковцов — Сазонову	К. ст. 863	164
506	21/8.II	Пам. записка № 77	М-во ин. дел — англ. послу в Петербурге	П. А. 3190	165
507	21/8.II	Сообщение	Япон. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 896	166
508	21/8.II	Тел. № 254	Сазонов — Щекину	К. ст. 896	167
509	21/8.II	Тел. № 257	Сазонов — Броневскому	К. ст. 863	167
510	21/8.II	Тел. № 260	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4558	168
511	21/8.II	Тел. № 28	Гартвиг — Сазонову	К. 17	169
512	21/8.II	Тел. № 59	Чарыков — Сазонову	П. А. 1045	169
513	21/8.II	Тел. № 114	Поклевский — Сазонову	К. 119	170
514	22/9.II	Тел. № 262	Сазонов — Чарыкову	П. ст. 1205	170
515	22/9.II	Письмо № 82	Сазонов — Извольскому	П. А. 3647	171
516	22/9.II	Тел. № 124	Поклевский — Сазонову	К. 119	172
517	22/9.II	Тел. № 17	Дабижа — Сазонову	К. 166	172
518	22/9.II	Тел. № 183 (№ 1)	Щекин — Сазонову	К. 105	172
519	22/9.II	Письмо № 153	Коковцов — Сазонову	К. ст. 3135	173
520	23/10.II	Тел. № 21	Неклюдов — Сазонову	К. 117	174
521	23/10.II	Тел. № 27	Б. Миллер — Сазонову	К. 21	175
522	23/10.II	Тел. № 18	Иванов — Сазонову	П. ст. 2436	175
523	23/10.II	Депеша № 11	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	176
524	23/10.II	Письмо	Коковцов — Сазонову	П. ст. 716	178
525	24/11.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 2595	179
526	24/11.II	Тел. № 281	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4498	179
527	24/11.II	Тел. № 282	Сазонов — Гартвигу	П. А. 3692	180
528	24/11.II	Тел. № 283	Сазонов — Неклюдову	П. А. 3692	180
529	24/11.II	Тел. № 287	Сазонов — Шебунину	П. А. 2595	180
530	24/11.II	Тел. № 288	Сазонов — Остен-Сакену и Крупенскому	П. А. 2595	181
531	24/11.II	Тел. № 289	Сазонов — Рощаковскому	П. А. 2595	181
532	24/11.II	Тел. № 17	Остен-Сакен — Сазонову	П. А. 3190	182
533	24/11.II	Депеша № 2	Лермонтов — Сазонову	К. 81	182
534	24/11.II	Депеша № 2	Неклюдов — Сазонову	С. А. 302а	184
535	24/11.II	Письмо	Гартвиг — Неклюдову	Блгрд 188	186
536	25/12.II	Письмо	Неклюдов — Сазонову	С. А. 526	188
537	26/13.II	Пам. записка № 134	М-во ин. дел — япон. послу в Петербурге	К. ст. 863	189
538	26/13.II	Нота № 28554/59	Турец. посол. в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 3190	189
539	26/13.II	Тел. № 22	Крупенский — Сазонову	К. 125	190
540	26/13.II	Тел. № 71	Чарыков — Сазонову	П. А. 3190	190
541	26/13.II	Тел. № 18	Дабижа — Сазонову	П. ст. 736	191
542	26/13.II	Тел. № 37	Броневский — Сазонову	К. ст. 863	192
543	26—25/13—12.II	Письмо № 166	Коковцов — Сазонову	К. ст. 896	192
544	27/14.II	Депеша № 7	Ревелиоти — Нератову	К. ст. 1458	193
545	27/14.II	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	198
546	27/14.II	Тел. № 22	Неклюдов — Сазонову	К. 117	198

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
547	27/14.II	Тел. № 131	Поклевский — Сазонову	П. ст. 66	199
548	27/14.II	Письмо № 171	Коковцов — Сазонову	К. ст. 896	199
549	28/15.II	Тел. № 47	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	200
550	28/15.II	Тел. № 49 (№ 1)	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 3190	200
551	28/15.II	Тел. № 54	Бенкендорф — Сазонову	К. 149	201
552	28/15.II	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	202
553	28/15.II	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	203
554	28/15.II	Тел. № 14	Долгорукий — Сазонову	К. 104	204
555	28/15.II	Донесение № 364	Беренс — Ливену	ВИА ГУГШ 180—036	204
		Приложение: Вопросы англ. морск. агента в Берлине		ВИА ГУГШ 180—036	208
556	28/15.II	Тел. № 198	Щекин — Сазонову	К. 105	209
557	29/16.II	Письмо № 145	Сазонов — Коковцову	К. ст. 896	209
558	29/16.II	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	211
559	29/16.II	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 761	212
560	29/16.II	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 761	213
561	29/16.II	Тел. № 15	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	214
562	29/16.II	Тел. № 16	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	214
563	29/16.II	Письмо	Крупенский — Сазонову	К. 124	215
564	29/16.II	Тел. № 134	Поклевский — Сазонову	П. ст. 71б	215
565	1.III/17.II	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	П. А. 126	216
566	1.III/17.II	Тел. № 316	Сазонов — Извольскому	П. А. 3190	216
567	1.III/17.II	Письмо № 216	Сазонов — Коковцову	П. ст. 677	217
568	1.III/17.II	Запись беседы Сазонова с япон. послом в Петербурге		К. ст. 863	218
569	1.III/17.II	Депеша № 8	Остен-Сакен — Сазонову	П. А. 2595	218
570	1.III/17.II	Депеша № 9	Остен-Сакен — Сазонову	К. 18	219
571	1.III/17.II	Рапорт № 73	Базаров — Данилову	ВИА ГУГШ 180—036	220
572	1.III/17.II	Донесение № 369	Беренс — Ливену	ВИА ГУГШ 180—036	221
573	1.III/17.II	Депеша № 9	М. Гирс — Сазонову	П. А. 695	221
574	1.III/17.II	Тел. № 30	Б. Миллер — Сазонову	К. 21	222
575	1.III/17.II	Тел. № 204	Щекин — Сазонову	К. 105	223
576	1.III/17.II	Депеша № 12	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	223
577	2.III/18.II	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 896	225
578	2.III/18.II	Тел. № 328	Сазонов — Извольскому	П. А. 3190	226
579	2.III/18.II	Тел. № 26	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	226
580	2.III/18.II	Тел. № 18	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	227
581	2.III/18.II	Тел. № 210	Щекин — Сазонову	К. 105	227
582	3.III/19.II	Письмо	Броневский — Сазонову	Яп. ст. 919	227
583	4.III/20.II	Тел. № 35	Б. Миллер — Сазонову	С. А. 879	229
584	4.III/20.II	Письмо	Чарыков — Сазонову	П. А. 3647	230
585	4—3.III/20—19.II	Письмо № 203	Коковцов — Сазонову	К. ст. 896	231
586	5.III/21.II	Письмо № 169	Сазонов — Сухомлинову	К. ст. 855	233
587	5.III/21.II	Тел. № 87	Чарыков — Сазонову	П. А. 1045	234
588	5.III/21.II	Тел. № 88	Чарыков — Сазонову	П. А. 1045	234
589	5.III/21.II	Тел. № 153	Поклевский — Сазонову	П. ст. 73б	235
590	6.III/22.II	Тел. № 349	Сазонов — Извольскому, Бенкендорфу и Долгорукому	П. А. 2595	236
591	6.III/22.II	Тел. № 350	Сазонов — Остен-Сакену, Извольскому, Бенкендорфу и Бахметеву	К. ст. 896	236
592	6.III/22.II	Тел. № 356	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 8б	237
593	6.III/22.II	Тел. № 28	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	237
594	6.III/22.II	Рапорт № 34	Романовский — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 174—776	237
595	6.III/22.II	Донесение № 263	Щекин — Нератову	К. ст. 896	238
596	7.III/23.II	Письмо № 113	Сазонов — Извольскому	П. А. 3390	239

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
		Приложение: Пам. записка м-ра ин. дел—франц. послу в Петербурге		П. А. 3390	239
597	7.III/23.II	Письмо № 180	Сазонов — Коковцову	К. ст. 896	240
598	7.III/23.II	Тел. № 20	Остен-Сакен — Сазонову	К. 19	241
599	7.III/23.II	Тел. № 39	Гартвиг — Сазонову	К. 17	242
600	7.III/23.II	Тел. № 27	Шебунин — Сазонову	П. А. 941	242
601	8.III/24.II	Тел. № 168	Поклевский — Сазонову	К. 119	242
602	8.III/24.II	Тел. № 172	Поклевский — Сазонову	К. 119	243
603	8.III/24.II	Депеша № 15	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	244
		Приложение: Условия официальной передачи Юань Ши-каю президентских полномочий		К. ст. 136	245
604	9.III/25.II	Вербальная нота № 62	Франц. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 896	246
605	9.III/25.II	Пам. записка	Япон. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 877	247
606	9.III/25.II	Тел. № 30	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	248
607	9.III/25.II	Тел. № 24	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	248
608	9.III/25.II	Депеша № 13	Броневский — Сазонову	Яп. ст. 919	248
609	10.III/26.II	Тел. № 32	Извольский — Сазонову	К. 101	250
610	10.III/26.II	Тел. № 243	Щекин — Сазонову	К. 105	250
611	11.III/27.II	Тел. № 389	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4558	251
612	11.III/27.II	Депеша № 11	Остен-Сакен — Сазонову	П. А. 2595	251
613	11.III/27.II	Тел. № 42	Гартвиг — Сазонову	П. А. 3692	252
614	12.III/28.II	Меморандум	Англ. м-во ин. дел — росс. послу в Лондоне	К. ст. 896	253
615	12.III/28.II	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	253
616	12.III/28.II	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	254
617	12.III/28.II	Депеша № 5	Мясоедов — Сазонову	К. 175	256
618	12.III/28.II	Тел. № 25	Неклюдов — Сазонову	К. 117	258
619	12.III/28.II	Тел. № 175	Поклевский — Сазонову	К. 119	258
620	13.III/29.II	Пам. записка № 214	М-во ин. дел — англ. послу в Петербурге	К. ст. 877	258
621	13.III/29.II	Тел. № 411	Сазонов — Извольскому	П. А. 3647	260
622	13.III/29.II	Тел. № 416	Сазонов — Щекину	К. ст. 896	260
623	13.III/29.II	Тел. № 417	Сазонов — Броневскому	К. ст. 863	261
624	13.III/29.II	Рапорт № 40	Голеевский — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 180—036	261
625	13.III/29.II	Запись беседы Неклюдова с Фердинандом болгарским		П. А. 3692	262
		Приложение I: Сербо-болг. договор		С. А. 319	265
		Приложение II: Секретное приложение к сербо-болг. договору		С. А. 319	266
626	13.III/29.II	Рапорт № 39	Романовский — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 174—780	268
627	13.III/29.II	Тел.	Бахметев — Сазонову	К. 126	269
628	14/1.III	Тел. № 430	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4558	269
629	14/1.III	Тел. № 431	Сазонов — Остен-Сакену, Извольскому, Бенкендорфу, Бахметеву и Броневскому	К. ст. 877	270
630	14/1.III	Письмо № 124	Сазонов — Коковцову	П. А. 3647	271
631	14/1.III	Депеша № 19	Извольский — Сазонову	К. 99	272
632	14/1.III	Депеша № 20	Извольский — Сазонову	К. 99	273
633	14/1.III	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 3647	274
634	14/1.III	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 761	275
635	14/1.III	Рапорт № 95	Базаров — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 442—900	278

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
636	14/1.III	Тел. № 26	Неклюдов — Сазонову	К. 117	279
637	15 2.III	Тел. № 438	Сазонов — Чарыкову	П. А. 2941	279
638	15/2.III	Тел. № 447	Сазонов — Чарыкову	П. ст. 1205	280
639	15/2.III	Тел. № 448	Сазонов — Чарыкову	П. ст. 456	280
640	15/2.III	Письмо № 222	Сазонов — Коковцову	К. ст. 896	281
641	15/2.III	Тел. № 67	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	283
642	15/2.III	Тел. № 38	Извольский — Сазонову	К. 101	284
643	15/2.III	Тел. №№ 28—29	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3190	284
644	15/2.III	Депеша № 16	Остен-Сакен — Сазонову	К. 18	287
645	16/3.III	Тел. № 40	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	287
646	16/3.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	288
647	16/3.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	289
648	16/3.III	Тел. № 271	Щекин — Сазонову	К. 105	290
649	17/4.III	Тел. № 461	Сазонов — Извольскому	П. А. 2763	291
650	17/4.III	Тел. № 31	Долгорукий — Сазонову	К. 159	291
651	17/4.III	Письмо	Король черногорский — Сазонову	П. А. 1598	292
652	18/5.III	Тел. № 475	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. ст. 877	294
653	18/5.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	295
654	18/5.III	Тел. № 45	Броневский — Сазонову	К. 120	296
655	19/6.III	Тел. № 480	Сазонов — Чарыкову	П. ст. 1205	296
656	19/6.III	Тел. № 76	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	297
657	19—18/6—5.III	Письмо № 276	Коковцов — Сазонову	П. А. 3647	297
658	20/7.III	Сообщение	Турец. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 3190	299
659	20/7.III	Тел. № 487	Сазонов — Бенкендорфу, Извольскому, Долгорукому, Остен-Сакену и Н. Гирсу	П. А. 3190	300
660	20/7.III	Тел. № 489	Сазонов — Броневскому	К. ст. 877	301
661	20/7.III	Тел. № 42	Извольский — Сазонову	К. 101	301
662	20/7.III	Тел. № 44	Извольский — Сазонову	К. 101	301
663	20/7.III	Тел. № 24	Н. Гирс — Сазонову	К. 125	302
664	20/7.III	Письмо	Свербеев — Сазонову	П. А. 2595	302
665	20/7.III	Нота	Перс. м-р ин. дел — росс. посланнику в Тегеране	П. ст. 5б	304
666	21/8.III	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	П. А. 127	307
667	21/8.III	Тел. № 497	Сазонов — Извольскому	П. А. 3190	307
668	21/8.III	Тел. № 500	Сазонов — Щекину	К. ст. 877	308
669	21/8.III	Письмо № 285	Коковцов — Сазонову	К. ст. 877	308
670	22/9.III	Тел. № 507	Сазонов — Шебунину	П. А. 2595	311
671	22/9.III	Тел. № 508	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 877	312
672	22/9.III	Тел. № 509	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 418б	313
673	22/9.III	Письмо № 156	Сазонов — Коковцову	П. А. 3647	313
674	22/9.III	Тел. № 28	Урусов — Сазонову	К. 117	314
675	23/10.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 877	315
676	23/10.III	Тел. № 53	Броневский — Сазонову	К. 120	316
677	24/11.III	Тел. № 527	Сазонов — Извольскому	П. А. 3190	316
678	24/11.III	Тел.	Урусов — Сазонову	К. 117	317
679	24/11.III	Тел. № 512	Дабижа — Сазонову	П. ст. 73б	317
680	24/11.III	Тел. № 54	Броневский — Сазонову	К. 120	318
681	24—22/11—9.III	Письмо № 291	Коковцов — Сазонову	К. ст. 877	319
682	25/12.III	Пам. записка	Япон. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 877	320
683	25/12.III	Тел. № 533	Сазонов — Чарыкову	П. ст. 1205	322
684	25/12.III	Письмо № 258	Сазонов — Коковцову	К. ст. 877	323
685	25 12.III	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	324
686	25/12.III	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	325
687	25/12.III	Депеша № 14	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	326
688	25/12.III	Тел. № 312	Щекин — Сазонову	К. 105	327
689	26/13.III	Письмо № 261	Сазонов — Коковцову	К. ст. 877	328
690	26/13.III	Письмо № 1	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	329
691	26/13.III	Письмо № 2	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	331
692	26/13.III	Тел. № 47	Извольский — Сазонову	П. А. 3190	333
693	26/13.III	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	333
694	27/14.III	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 752	334

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
695	27/14.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	338
696	27/14.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	338
697	27/14.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	339
698	28/15.III	Депеша № 21	Извольский — Сазонову	К. 99	340
699	28/15.III	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 3390	341
700	28/15.III	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	343
701	28/15.III	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 761	344
702	28/15.III	Депеша № 12	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	346
703	28/15.III	Письмо	Савинский — Сазонову	К. 118	346
704	28/15.III	Письмо	Савинский — Сазонову	К. 118	348
705	29/16.III	Депеша № 18	Шебеко — Сазонову	К. 18	350
706	29/16.III	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	351
707	29/16.III	Письмо	Урусов — Сазонову	П. А. 1349	352
708	30/17.III	Тел. № 580	Сазонов — Извольскому	П. А. 3692	353
709	30/17.III	Тел. № 586	Сазонов — Извольскому	П. А. 3190	353
710	30/17.III	Депеша № 6	Урусов — Сазонову	П. А. 1349	354
711	30/17.III	Депеша № 7	Урусов — Сазонову	П. А. 1349	355
712	30/17.III	Депеша № 8	Урусов — Сазонову	С. А. 302а	357
713	30/17.III	Письмо	Чарыков — Сазонову	П. А. 1044	358
714	31/18.III	Пам. записка	Франц. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 877	360
715	31/18.III	Тел. № 31	Шебеко — Сазонову	П. А. 3190	360
716	31/18.III	Рапорт № 45	Романовский — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 174—180	361
717	31/18.III	Тел. № 572	Дабижа — Сазонову	П. ст. 73б	361
718	1.IV/19.III	Тел. № 49	Извольский — Сазонову	К. 101	362
719	1.IV/19.III	Письмо № 3139	Поливанов — Сазонову	П. ст. 307б	363
720	2.IV/20.III	Тел. № 604	Сазонов — Извольскому	П. А. 3190	364
721	2.IV/20.III	Меморандум	Англ. м-во ин. дел — росс. послу в Лондоне	К. ст. 877	365
722	2.IV/20.III	Тел. № 331	Щекин — Сазонову	К. 105	367
723	3.IV/21.III	Письмо № 276	Сазонов — Коковцову	К. ст. 877	368
724	3.IV/21.III	Тел. № 94	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	370
725	3.IV/21.III	Тел. № 592	Дабижа — Сазонову	П. ст. 73б	371
726	3.IV/21.III	Тел. № 334	Щекин — Сазонову	К. 105	371
727	3.IV/21.III	Письмо № 318	Коковцов — Сазонову	К. ст. 877	372
728	4.IV/22.III	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 2595	373
729	4.IV/22.III	Письмо № 177	Сазонов — Извольскому	П. А. 3390	374
730	4.IV/22.III	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	375
731	4.IV/22.III	Тел. № 33	Урусов — Сазонову	П. А. 1350	376
732	4.IV/22.III	Депеша № 23	Щекин — Сазонову	К. ст. 136	376
733	6.IV/24.III	Пам. записка № 290	М-во ин. дел — англ., франц., герм., амер. и япон. послам в Петербурге	К. ст. 877	378
734	6.IV/24.III	Тел. № 630	Сазонов — Извольскому	П. А. 3692	379
735	6.IV/24.III	Тел. № 631	Сазонов — Извольскому	К. ст. 877	379
736	6.IV/24.III	Тел. № 632	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 877	380
737	6.IV/24.III	Депеша № 16	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	380
738	6.IV/24.III	Письмо	Поклевский — Сазонову	П. ст. 5б	381
739	8.IV/26.III	Тел. № 635	Сазонов — Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену, Н. Гирсу и Свечину	П. А. 3190	384
740	8.IV/26.III	Письмо № 294	Сазонов — Коковцову	К. ст. 877	385
741	8.IV/26.III	Депеша № 22	Извольский — Сазонову	К. 99	385
742	8.IV/26.III	Тел. № 36	Долгорукий — Сазонову	К. 104	387
743	9.IV/27.III	Депеша № 10	Долгорукий — Сазонову	К. 103	387
744	9.IV/27.III	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	388
745	9.IV/27.III	Письмо	Савинский — Сазонову	К. 118	389
746	10.IV/28.III	Тел. № 643	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 4560	390
747	10.IV/28.III	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 99	390
748	10.IV/28.III	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	391
749	10.IV/28.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	393
750	11.IV/29.III	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 761	394
751	11.IV/29.III	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	395
752	11.IV/29.III	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	396
753	11.IV/29.III	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	397
754	11.IV/29.III	Тел. № 356	Щекин — Сазонову	К. 105	398

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
755	12.IV/30.III	Пам. записка № 302	М-во ин. дел — япон. послу в Петербурге	К. ст. 877	398
756	12.IV/30.III	Тел. № 95	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	400
757	12.IV/30.III	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	402
758	13.IV/31.III	Письмо № 313	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 877	403
759	13.IV/31.III	Письмо №№ 315, 316	Сазонов — Коковцову и Тимашеву	К. ст. 1322	404
760	13.IV/31.III	Тел. № 96	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	405
761	13.IV/31.III	Тел. № 42	Долгорукий — Сазонову	К. 104	406
762	15/2.IV	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. ст. 4346	406
763	15/2.IV	Тел. № 680	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 4146	407
764	15/2.IV	Тел. № 684	Сазонов — Щекину	К. ст. 897	408
765	15/2.IV	Письмо № 323	Сазонов — Коковцову	К. ст. 1811	408
766	16/3.IV	Тел. № 693	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 553	409
767	16/3.IV	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	410
768	16/3.IV	Тел. № 152	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	413
769	17/4.IV	Пам. записка № 422	М-во ин. дел — англ. послу в Петербурге	П. ст. 4558	413
770	17/4.IV	Письмо № 204	Сазонов — Коковцову	П. А. 3647	414
		Приложение: Записка, составленная в м-ве ин. дел		П. А. 3647	414
771	17/4.IV	Письмо № 333	Сазонов — Коковцову	К. ст. 897	416
772	17/4.IV	Рапорт № 61	Романовский — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 174—776	417
773	17/4.IV	Письмо	Свербеев — Сазонову	П. А. 2595	418
774	18/5.IV	Письмо № 210	Сазонов — Гартвигу	П. А. 3692	419
775	18/5.IV	Письмо № 211	Сазонов — Поливанову	ВИА ГУГШ 172—770	420
776	18/5.IV	Депеша № 25	Лихачов — Сазонову	П. А. 1405	420
777	18/5.IV	Депеша № 10	Урусов — Сазонову	П. А. 3692	421
778	18/5.IV	Вербальная нота № 14352/40	Турец. м-во ин. дел — представителям иностранных государств в К-поле	К-поль 3961	424
779	18/5.IV	Тел. № 161	М. Гирс — Сазонову	К-поль 3961	424
780	18/5.IV	Тел. № 163	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	424
781	18/5.IV	Тел. № 380	Крупенский — Сазонову	К. 105	425
782	19/6.IV	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	К. ст. 897	425
783	19/6.IV	Тел. № 106	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	426
784	19/6.IV	Тел. № 46	Долгорукий — Сазонову	К. 104	428
785	19/6.IV	Тел. № 29	Н. Гирс — Сазонову	К. 125	428
786	19/6.IV	Письмо	Поклевский — Сазонову	П. ст. 56	429
787	20/7.IV	Меморандум	Япон. м-во ин. дел — росс. м-ру ин. дел	Яп. ст. 211	430
788	20/7.IV	Тел. № 716	Сазонов — Бенкендорфу	К. ст. 897	432
789	20/7.IV	Тел. № 718	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 3191	432
790	20/7.IV	Письмо	Король болгарский — Николаю II	С. А. 3026	433
791	20/7.IV	Рапорт № 61	Хольмсен — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА ГУГШ 129—244	434
792	20—19/7—6.IV	Письмо № 362	Коковцов — Сазонову	П. А. 3647	435
793	21/8.IV	Тел. № 729	Клемм — Дабиже	П. ст. 3246	438
794	21/8.IV	Письмо	Будберг — Сазонову	К. 81	438
795	22/9.IV	Тел. № 399	Крупенский — Сазонову	К. 105	439
796	23/10.IV	Тел. № 747	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 3647	440
797	23/10.IV	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	440
798	23/10.IV	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 78	444
799	23/10.IV	Депеша № 26	Лихачов — Сазонову	П. А. 1405	445
800	23/10.IV	Нота	Турец. м-во ин. дел — представителям вел. держав в К-поле	К-поль 3961	447
801	23/10.IV	Тел. № 176	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	450
802	23/10.IV	Тел. № 180	М. Гирс — Сазонову	П. А. 3191	450

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
803	23/10.IV	Депеша № 27	Крупенский — Сазонову	К. ст. 136	450
804	24/11.IV	Письмо № 367	Сазонов — Коковцову	К. ст. 897	451
		Приложение: Проект инструкций япон. финансовым представителям на конференции		К. ст. 897	452
805	24/11.IV	Письмо № 451	Сазонов — Коковцову	П. ст. 4558	453
806	24/11.IV	Тел. № 402	Крупенский — Сазонову	К. 105	455
807	25/12.IV	Пам. записка № 374	М-во ин. дел — англ. послу в Петербурге	К. ст. 897	456
808	25/12.IV	Депеша № 25	Извольский — Сазонову	К. 99	457
809	25/12.IV	Депеша № 26	Извольский — Сазонову	К. 99	458
810	25/12.IV	Депеша № 27	Извольский — Сазонову	К. 99	459
811	25/12.IV	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	460
812	25/12.IV	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	462
813	25/12.IV	Тел. № 36	Неклюдов — Сазонову	К. 117	463
814	26/13.IV	Тел. № 761	Сазонов — Бенкендорфу, Извольскому, Остен-Сакену и Н. Гирсу	П. А. 3191	464
815	26/13.IV	Депеша № 20	Шебеко — Сазонову	К. 18	464
816	26/13.IV	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	466
817	27/14.IV	Тел. № 57	Извольский — Сазонову	П. А. 3191	467
818	28/15.IV	Тел. № 38	Шебеко — Сазонову	П. А. 3191	468
819	28/15.IV	Тел. № 31	Н. Гирс — Сазонову	П. А. 3191	468
820	29/16.IV	Тел. № 771	Сазонов — Крупенскому	К. ст. 897	468
821	29/16.IV	Тел. № 778	Сазонов — Шебунину	П. А. 2595	469
822	29/16.IV	Тел. № 779	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 3191	469
823	29/16.IV	Тел. № 110	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 3191	469
824	29/16.IV	Тел. № 50	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3191	470
825	29/16.IV	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	470
826	29/16.IV	Пам. записка № 14829	Турец. м-во ин. дел — росс. послу в К-поле	П. А. 1044	472
827	29/16.IV	Депеша № 2	М. Гирс — Сазонову	П. А. 3191	473
828	29—28/16—15.IV	Письмо № 377	Коковцов — Сазонову	К. ст. 897	474
		Приложение: Проект инструкции делегату Русско-азиатского банка		К. ст. 897	476
829	30/17.IV	Тел. № 112	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	477
830	30/17.IV	Тел. № 51	Долгорукий — Сазонову	К. 104	479
831	30/17.IV	Тел. № 189	М. Гирс — Сазонову	П. А. 3647	479
832	30/17.IV	Тел. № 191	М. Гирс — Сазонову	П. А. 3191	480
833	30/17.IV	Тел. № 192	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	480
834	1.V/18.IV	Пам. записка № 390	М-во ин. дел — япон. послу в Петербурге	Яп. ст. 211	480
		Приложение: Проект секретной конвенции между Россией и Японией		Яп. ст. 211	482
835	1.V/18.IV	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ру ин. дел	П. А. 3191	483
836	1.V/18.IV	Тел. № 788	Сазонов — Бенкендорфу, Извольскому, Остен-Сакену и Н. Гирсу	П. А. 3191	484
837	1.V/18.IV	Тел. № 789	Сазонов — М. Гирсу	С. А. 931	485
838	1.V/18.IV	Тел. № 790	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 3191	485
839	1.V/18.IV	Тел. № 59	Извольский — Сазонову	П. А. 3191	485
840	1.V/18.IV	Депеша № 30	Лихачов — Сазонову	П. А. 1405	486
841	1.V/18.IV	Тел. № 54	Долгорукий — Сазонову	П. А. 3191	488
842	1.V/18.IV	Депеша № 17	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	488
843	1.V/18.IV	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	490
844	1.V/18.IV	Тел. № 40	Неклюдов — Сазонову	С. А. 302а	491
845	1.V/18.IV	Вербальная нота № 15038	Турец. м-во ин. дел — представителям иностранных государств в К-поле	К-поль 3961	491

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
846	1.V/18.IV	Тел. № 419	Крупенский — Сазонову	К. 105	491
847	1.V/18.IV	Письмо № 381	Коковцов — Сазонову	П. ст. 4416	492
848	1.V/18.IV	Письмо № 2375	Коковцов — Сазонову	П. ст. 5606	493
849	2.V/19.IV	Тел. № 796	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 4558	493
850	2.V/19.IV	Письмо № 243	Сазонов — Извольскому	П. А. 3390	494
851	2.V/19.IV	Тел. № 115	Бенкендорф — Сазонову	К. 80	494
852	3.V/20.IV	Тел. № 801	Нератов — Крупенскому	К. ст. 897	495
853	3.V/20.IV	Тел. № 33	Н. Гирс — Сазонову	П. А. 3191	496
854	4.V/21.IV	Депеша № 8	Савинский — Сазонову	К. 118	496
855	4.V/21.IV	Тел. № 200	М. Гирс — Сазонову	П. А. 3647	497
856	4.V/21.IV	Депеша № 29	Крупенский — Сазонову	К. ст. 136	498
857	5.V/22.IV	Тел. № 52	Гартвиг — Сазонову	К. 130	499
858	6.V/23.IV	Нота № 408	Бельг. поверенный в делах в Петербурге — м-ву ин. дел	К. ст. 897	500
859	6.V/23.IV	Тел. № 816	Нератов — Извольскому	П. А. 3647	502
860	6.V/23.IV	Меморандум	Англ. м-во ин. дел — росс. послу в Лондоне	К. ст. 897	502
861	7.V/24.IV	Пам. записка	Австро-венг. пос-во в Петербурге — м-ву ин. дел	К. ст. 897	503
862	7.V/24.IV	Письмо	Долгорукий — Сазонову	К. 104	505
863	7.V/24.IV	Депеша № 18	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	506
864	7.V/24.IV	Тел. № 30	Свербеев — Нератову	П. А. 331	508
865	7.V/24.IV	Депеша № 22	Гартвиг — Сазонову	П. А. 528	508
866	7.V/24.IV	Тел. № 206	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1045	509
867	8.V/25.IV	Тел. № 835	Нератов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 2595	510
868	8.V/25.IV	Письмо № 596	Нератов — Коковцову	П. ст. 4558	510
869	8.V/25.IV	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	511
870	8.V/25.IV	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	К. 124	513
871	9.V/26.IV	Тел. № 849	Нератов — Малевскому	К. ст. 897	514
872	9.V/26.IV	Тел.	Сазонов — Нератову	П. А. 2595	515
873	9.V/26.IV	Тел. № 118	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 2595	515
874	9.V/26.IV	Тел. № 62	Извольский — Сазонову	П. А. 2595	516
875	9.V/26.IV	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 301	516
876	9.V/26.IV	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 100	517
877	9.V/26.IV	Письмо	Н. Гирс — Сазонову	С. А. 838	518
878	10.V/27.IV	Записка Сазонова		П. А. 3692	520
879	10.V/27.IV	Тел.	Сазонов — Нератову	К. 101	521
880	10.V/27.IV	Письмо № 273	Нератов — М. Гирсу	П. А. 3191	522
881	10.V/27.IV	Письмо № 274	Нератов — М. Гирсу	П. А. 3191	522
882	10.V/27.IV	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	522
883	10.V/27.IV	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	523
884	10.V/27.IV	Письмо № 447	Коковцов — Сазонову	К. ст. 897	524
885	11.V/28.IV	Тел. № 872	Нератов — Извольскому Бенкендорфу	П. А. 2595	525
886	11.V/28.IV	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	П. ст. 4146	526
887	11.V/28.IV	Депеша № 30	Крупенский — Сазонову	К. ст. 136	527
888	12.V/29.IV	Тел. № 56	Гартвиг — Нератову	К. 130	529
		Приложение: Сербо-болг. воен. конвенция		С. А. 302а	530
889	12.V/29.IV	Депеша № 21	Арсеньев — Сазонову	П. А. 1598	532
890	12.V/29.IV	Тел. № 434	Крупенский — Сазонову	К. 105	533
891	13.V/30.IV	Письмо № 445	Нератов — Коковцову	К. ст. 897	533
892	13.V/30.IV	Депеша № 34	Лихачов — Сазонову	К. 115	534
893	13.V/30.IV	Депеша № 4	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1044	535

№ 345. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

/. Телеграмма № 4. 15/2 января 1912 г.

Китайский посланник сообщил на словах, что его правительство выражает признательность за наше предложение посредничества между ним и монголами, но не может принять его на указанных нами основаниях из опасения однородных требований других держав [1]. Китайское правительство надеется, что Куэ-Фану, отправляемому в Ургу для переговоров, удастся достигнуть соглашения с монголами, удовлетворяющего всем их пожеланиям.

Китайскому посланнику отвечено, что, насколько нам известно настроение монголов, они не доверяют обещаниям китайского правительства, даваемым без нашей гарантии, и, вероятно, откажутся от переговоров с Куэ-Фаном при настоящих условиях. Во всяком случае Куэ-Фан не должен рассчитывать на наше содействие.

[Сазонов.]

№ 346. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 9. 15/2 января 1912 г.

Телеграмма № 789 получена [2].

Заявление, сделанное вам министром иностранных дел, свидетельствует о желании турок не только попрежнему добиваться права голоса в персидских делах, но и произвести на нас давление. Ни того, ни другого мы, конечно, допустить не можем. Поэтому мы полагаем оставить упомянутое заявление без ответа. В случае же нового обращения к вам Ассим-бея по этому делу, вам надлежит ему решительно указать на то, что ликвидация тавризской смуты касается только нас, и мы предоставляем себе действовать в этом вопросе исключительно по своему усмотрению. Относительно пребывания наших отрядов в Персии вы можете указать ему на то, что таковое попрежнему не носит характера оккупации, так как наши войска в отличие от турецких в Урмии не присваивают себе административных функций, и что согласно уже сделанного нами заявления, означенные отряды будут отозваны, когда мы это признаем возможным. Что касается до Мохамед-Али-шаха, то между его судьбой и нашими мероприятиями не существует никакой связи.

Сазонов.

Верно.

Царское Село, [15]2 января 1912 г.

№ 347. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 2 [3]. 15/2 января 1912 г.

Меня только-что посетил новый председатель совета и министр иностранных дел Пуанкаре [4] и заверил меня о своем твердом намерении поддерживать с нами

[1] См. № 253.

[2] Тел. от 13 янв. 1912 г./31 дек. 1911 г. за № 789 Чарыков сообщал Сазонову, что турец. м-р ин. дел просил его «частным и самым доверительным образом о возможном ускорении развязки тавризской смуты». Эта «смута», по мнению Ассим-бея, вызывает сильное беспокойство среди турец. мусульман. «Дело усложняется опасением, что русская оккупация сделается постоянной, и, главное, распространяемыми здесь слухами о предстоящем возвращении на персидский престол Мохамед-Али-шаха».

[3] Опубл. М., стр. 145.

[4] 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г. кабинет Кайо подал в отставку. 13 янв. 1912 г./31 дек. 1911 г. был составлен кабинет Пуанкаре, в котором последний взял себе портфель м-ра ин. дел.

самые тесные отношения и направлять внешнюю политику Франции в полном согласии с ее союзницей. Я не скрыл от г. Пуанкаре, что в некоторых вопросах, как например, в деле четверного синдиката его предшественник г. Кайо недостаточно принимал во внимание наши интересы, и высказал ему надежду, что под его руководством вопросы эти примут более благоприятное направление. Я воспользовался также случаем, чтобы ознакомить его с вашим предложением, изложенным в телеграмме № 2267 [1]. Он обещал мне обсудить это предложение, но выразил мнение, что совместное выступление Франции и Германии тотчас после заключения марокканского соглашения, а также после известных инцидентов в сенатской комиссии [2] может породить неправильные суждения о степени франко-германской политической близости и об ослаблении Тройственного согласия. Определенный ответ я получу, вероятно, в среду [3], но предвижу, что вряд ли здесь согласятся на сказанное совместное выступление.

Извольский.

№ 348. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 5. 15/2 января 1912 г.

Копия в Цетинье.

Судя по новейшим, необычным воинственным заявлениям здешнего черногорского представителя, приходится думать, что Черногория сознательно ищет предлога для разрыва с Турцией. Отказавшись повидимому от настояний на северном направлении Адриатической дороги, Попович налегает теперь на скорейшем утверждении Портой разграничительного протокола 1908 года, а вчера заявил мне, что Черногория объявит войну Турции, если Дожич не будет утвержден в звании призренского митрополита [4]. Я, конечно, указываю Поповичу на опасность подобной воинственности, но считаю долгом обратить на нее ваше внимание, как на симптом какого-то нового направления внешней политики Черногории [5].

Чарыков.

№ 349. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 13. 16/3 января 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1286 [6].

Благоволите выяснить и телеграфировать, когда ожидается начало работ турецко-персидской разграничительной комиссии и кто намечен представителем

[1] См. № 336.
[2] См. №№ 307 и 351.
[3] 17/4 января.
[4] См. №№ 295 и 323.
[5] Деп. от 16/3 янв. за № 1 Арсеньев сообщил Сазонову, что, отвечая на запрос в скупщине о черногорско-турецких пограничных столкновениях, м-р ин. дел Грегович заявил: «При рассмотрении карты пограничной полосы невольно возникает мысль, что международная комиссия, определяя черногорско-турецкую границу, как бы умышленно провела ее таким образом, что пограничные столкновения стали неминуемы. Бесчисленные протесты с нашей стороны по поводу пограничных столкновений доселе оставляемы были Портой без внимания. Так например, жители сел Велика и Мокра лишены до сих пор возможности свободно обрабатывать свои поля и пользоваться своими пастбищами, лежащими по ту сторону границы, на турецкой территории. Черногорское правительство стремится сохранить дружественные отношения к Турции и не пожелало использовать затруднительное положение турецкого правительства. Но всякому терпению может наступить конец. Мы намерены вновь обратиться с представлениями к Порте в надежде на этот раз встретить готовность к улажению пограничных вопросов. Если это не поможет, то Черногория обратится к великим державам. Если и это не поможет, то я убежден, что вопли нашего пограничного населения найдут громкий отголосок со стороны всех черногорцев». «Это бряцание оружием в речи г. Греговича, — отмечал далее Арсеньев, — подало повод к обмену мыслей между ним и новым турецким посланником Рустем-беем. Г. Грегович объяснил ему воинственный тон своей речи необходимостью успокоить парламентскую оппозицию, обвинявшую нынешнее черногорское министерство в равнодушии к интересам пограничного населения».
[6] См. № 263.

Персии. Желательно ускорить это дело и, по возможности, назначить определенный срок для прибытия персидского делегата в Константинополь.

Вместе с тем необходимо принять все меры к тому, чтобы представитель Персии постоянно и во всех подробностях осведомлял наше посольство в Константинополе о ходе переговоров и в точности следовал советам, которые будут даваться ему посольством. В этих видах благоволите заявить доверительно персидскому правительству следующее:

В благоприятном для Персии разрешении пограничного вопроса мы заинтересованы не менее самих персиян, так как Урмийский район имеет для нас первостепенное стратегическое значение. Если персы проявят недопустимую уступчивость туркам, мы будем вынуждены принять весьма решительные меры в Азербайджане для ограждения важнейших наших интересов от возможных посягательств турок.

Для облегчения Чарыкову руководительства персидским делегатом мы имеем в виду назначить в Константинополь Минорского, основательно изучившего пограничный вопрос [1].

Сазонов.

№ 350. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 16/3 января 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Quoique le jour de l'ouverture du Parlement soit encore assez éloigné je crois devoir rendre compte à votre excellence dès aujourd'hui de certains symptômes sur des dispositions destinées à se manifester bientôt après la réunion et concernant la politique étrangère du Cabinet et plus spécialement et personnellement celle de Sir E. Grey.

Ainsi que j'ai déjà eu occasion de vous en rendre compte après la fin de la crise marocaine, au moins après la fin de sa période aiguë, cette politique avait, comme par réaction, été l'objet de certaines attaques provenant de différents côtés; elle était critiquée comme ayant été trop décisive et apportant trop d'obstacles, sinon à une entente avec l'Allemagne, du moins à un modus vivendi offrant des garanties sérieuses pour que l'Angleterre ne se trouvât pas aussi souvent que jusqu'ici à la veille d'une guerre avec cette Puissance à propos d'intérêts qui ne lui étaient pas directement propres.

Même parmi les conservateurs quelques voix autorisées s'étaient fait entendre en ce sens.

Mais le côté sérieux de cet état de choses pour Sir E. Grey personnellement c'est qu'une propre fraction du parti ministériel se prononçait ainsi.

Plusieurs feuilles libérales importantes, telles que la «Westminster Gazette», s'alliant pour cette fois aux efforts du «Daily Telegraph» conservateur, sans aller jusqu'à faire de l'opposition à la politique des ententes, travaillaient et travaillent encore à une amélioration des rapports avec l'Allemagne.

Depuis peu cette tendance s'est sensiblement calmée au sein du parti conservateur. En revanche elle s'accentue dans les rangs plus radicaux du parti ministériel et a gagné le labour party à peu près en son entier.

Naturellement les derniers événements en Perse ont servi à nourrir cette tendance et ont mis la question persane au premier plan comme point d'attaque contre

---

[1] В ответной тел. от 24/11 янв. за № 29 Поклевский передал благодарность перс. м-ра ин. дел за проявляемый росс. прав-вом «к делу турецко-персидского разграничения интерес и надежду, что интерес этот не ослабеет до благоприятного для Персии окончания этого вопроса. Персидское правительство уже отдало конфиденциально своему представителю в Константинополе приказ осведомлять нашего посла во всех подробностях о ходе турецко-персидских переговоров и следовать его советам». Сообщая о назначении перс. делегатов в разграничительную комиссию, Поклевский указывал, что они выедут в К-поль через две недели и что работы комиссии должны начаться через шесть недель.

*

la politique de Sir E. Grey. Jugeant l'occasion bonne, le «Comité persan» siégeant en Angleterre, fort peu influent quand il est réduit à ses propres forces, a joint ses efforts à ceux des socialistes et des radicaux.

Il n'y a pas de doute qu'un moment, qui d'ailleurs n'a duré qu'un clin d'oeil, on a espéré pouvoir exploiter les soi-disant atrocités commises par nos troupes ou les exécutions [1]. On a été forcé d'abandonner ce terrain qui n'a trouvé en Angleterre aucun écho malgré les efforts de certaines feuilles radicales et socialistes comme le «Daily News», la «Nation» et l'organe de scandale par excellence le «Daily Graphic». Cette période a été si courte et a laissé si peu de traces que même hier, au meeting convoqué par le «Comité persan», personne n'a osé y faire allusion.

De certaines appréhensions au sujet des vues ambitieuses de la Russie répandues par ces mêmes groupes et fortement exploitées au meeting, subsistent certainement encore et ceci durera jusqu'au moment où à la Chambre Sir E. Grey pourra, sur la base des faits et des communications passées entre les deux gouvernements, présenter les choses sous leur véritable jour.

Je considère ce côté de la question comme tout à fait secondaire et n'ayant pour ainsi dire plus d'importance réelle.

Il y en a un autre pourtant beaucoup plus sérieux et qui aujourd'hui encore cause de graves soucis au gouvernement et au ministre des affaires étrangères. C'est l'état dans lequel se trouve le midi de la Perse.

Absolument confiant dans les intentions du gouvernement impérial pour ce qui regarde le Nord (confiance que les télégrammes de Sir G. Buchanan dont Sir A. Nicolson m'a donné lecture hier sont venus si péremptoirement renforcer), se fiant au développement normal des choses d'ici à la reprise de la session parlementaire,— le gouvernement anglais concentre son attention sur la question du midi de la Perse. C'est aussi cette question qui occupe tous les groupes politiques sérieux y compris le parti conservateur. Elle se trouve dès lors au premier plan.

Il serait peut-être prématuré d'étudier hypothétiquement le rôle que cette question pourra jouer au Parlement.

Il n'y a pas de doute que les choses dans le midi de la Perse ont atteint des proportions graves; les routes n'offrent aucune sécurité; les tribus sont en armes, le commerce est arrêté et une attaque sérieuse contre un consul anglais a déjà eu lieu [2].

Il s'ensuit que deux programmes sont en présence: l'un consistant en mesures militaires énergiques, l'autre — contraire à toute tentative d'occupation et d'ingérence directe.

C'est le dilemme qui se pose au gouvernement.

Les journaux sérieux en Angleterre ne se pressent guère de prendre position et la question n'a presque pas été touchée jusqu'ici. Le «Times» seul l'a abordée. Mais il n'est pas difficile de se rendre compte que c'est le parti conservateur dans son ensemble qui se trouve partisan d'une politique énergique; le parti libéral est hésitant; tout le parti radical, les socialistes et le Labour party sont adversaires de toute tentative de répression ou d'occupation.

Je n'ai pas de renseignements exacts sur l'attitude de Lord Hardinge et du gouvernement des Indes. Je crois que si aux Indes en général on est porté à agir, Lord Hardinge personnellement tout comme le Cabinet et Sir E. Grey jusqu'ici temporise.

En tout cas Sir Arthur Nicolson m'a dit hier qu'aucune décision n'avait été prise.

Il n'y a pas de doute pourtant que ces divergences d'opinion contiennent le germe de danger pour le gouvernement.

A première vue cette situation purement parlementaire n'offre pour le gouvernement impérial et la Russie qu'un intérêt secondaire.

---

[1] См. №№ 261, 297 и 301.

[2] Тел. от 27/14 дек. за № 329 Бенкендорф сообщал Сазонову, что на англ. консула, возвращавшегося с охраной в Ширав, было совершено нападение около Нюазерума, что сам консул пропал без вести, а его лошадь найдена раненой.

En réalité les choses se présentent pourtant autrement.

L'hésitation apparente du Cabinet et de Sir E. Grey n'en est pas une.

C'est une question de programme politique. Il n'y a en réalité que deux moyens d'en sortir: le premier est l'occupation des ports et de certains points du midi; le second est le succès des efforts des gouvernements russe et anglais pour créer à Téhéran un état de choses et un gouvernement suffisamment fort pour pouvoir tout au moins contribuer dans une large mesure au rétablissement de l'ordre dans le midi de la Perse.

Ce dernier moyen est le programme auquel le Cabinet, et plus spécialement Sir E. Grey sont liés; tel est aussi le programme de l'entente avec la Russie. C'est en ce sens que la situation—que j'ai tenté d'esquisser avec autant de précision qu'il est possible aujourd'hui et qui à première vue est purement parlementaire et intérieure — prend je crois pour nous, et au point de vue de nos intérêts et de notre politique générale, une importance toute spéciale.

Elle explique aussi plus réellement que toute autre explication le vif désir de Sir E. Grey de voir réglées à Téhéran avec toute la promptitude que le cas permet, certaines questions de première nécessité pour l'Angleterre, entrées d'ailleurs aujourd'hui en bonne voie, telle que la question d'une gendarmerie inséparable de celle de l'emprunt et du contrôle d'un conseiller financier étranger.

Je ne veux pas dire par là que le gouvernement anglais renonce à des moyens tels que le renforcement de ses gardes consulaires, car il n'est guère à espérer que le gouvernement persan puisse tout faire à lui seul. Mais le résultat obtenu exclurait toute nécessité d'occupation en de plus larges proportions — mesure à laquelle le parti ministériel semble absolument hostile — et constituerait le triomphe de la politique de Sir E. Grey et de l'entente avec la Russie, non seulement aux yeux des conservateurs tout acquis, mais à ceux de son propre parti dont en somme le sort du Cabinet et de sa politique dépend.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Хотя день открытия парламента еще довольно далек, я считаю своим долгом уже теперь осведомить ваше высокопревосходительство о некоторых симптомах, указывающих на настроения по отношению к внешней политике кабинета и в особенности лично сэра Э. Грея, которые проявятся вскоре после открытия парламента.

Как я имел уже случай сообщить вам, — по окончании марокканского кризиса или, по крайней мере, по окончании его острого периода, — эта политика подвергалась, как бы в силу реакции, нападкам с разных сторон; ее критиковали, считая, что она была слишком решительна и что она создала слишком много препятствий если не для согласия с Германией, то хотя бы для такого modus vivendi, который представлял бы серьезные гарантии для Англии в том, что она не будет так часто, как было до сих пор, стоять на пороге войны с этой державой из-за вопросов, в разрешении которых она непосредственно не заинтересована.

Даже среди консерваторов нашлись авторитетные лица, высказывавшиеся в этом смысле.

Лично для сэра Э. Грея серьезность такого положения заключается в том, что в этом же смысле высказывалась и часть самой министерской партии.

Многие влиятельные либеральные газеты, такие как «Westminster Gazette», объединили на этот раз свои усилия с консервативным «Daily Telegraph» и, не доходя до оппозиции политике согласия, работали и работают над улучшением отношений с Германией.

В партии консерваторов эта тенденция с некоторых пор значительно уменьшилась. Наоборот, она возросла в наиболее радикальных кругах министерской партии и почти целиком охватила лейбористскую партию.

Естественно, что последние события в Персии способствовали укреплению этой тенденции и выдвинули на первый план персидский вопрос в качестве объекта для нападок против политики сэра Э. Грея. Считая, что ему представился удобный случай, «Персидский комитет», заседающий в Англии, обладающий весьма небольшим влиянием, когда он предоставлен своим собственным силам, объединился с социалистами и радикалами.

Нет сомнения, что был такой момент, — который, впрочем, длился всего одно мгновение, — когда надеялись использовать так называемые жестокости, совершенные нашими войсками, или казни. Но были вынуждены оставить эту попытку, которая не нашла в Англии никакого отклика, несмотря на старания некоторых радикальных и социалистических газет, как «Daily News», «Nation» и скандального, по преимуществу, органа «Daily Graphic». Этот

период был так непродолжителен и оставил так мало следов, что даже вчера на митинге, созванном «Персидским комитетом», никто не посмел упомянуть об этом.

Некоторые опасения, относительно честолюбивых замыслов России, распространяемые этими же самыми группами и в значительной мере использованные на митинге, существуют еще и теперь, и это будет продолжаться до тех пор, пока сэр Э. Грей не сможет представить палате положение вещей в истинном свете, основываясь на фактах и на тех сообщениях, которыми обменялись оба правительства.

Я считаю эту сторону вопроса совершенно второстепенной, уже не имеющей, так сказать, реального значения.

Но есть другая сторона, гораздо более серьезная и которая и по настоящее время сильно тревожит правительство и министра иностранных дел. Это — положение, в котором находится Южная Персия.

Питая полное доверие к намерениям императорского правительства в том, что касается Северной Персии— доверие, еще более укрепившееся под влиянием телеграмм сэра Дж. Бьюкенена, прочитанных мне вчера Никольсоном, и рассчитывая на нормальный ход событий от настоящего момента до возобновления парламентской сессии, английское правительство концентрирует свое внимание на положении в Южной Персии. Именно этот вопрос занимает все серьезные политические партии, включая и партию консерваторов. Вот почему он и стоит на первом плане.

Делать предположения относительно той роли, которую будет играть этот вопрос в парламенте, было бы, пожалуй, преждевременно.

Нет сомнения, что события в Южной Персии достигли серьезных размеров; дороги отнюдь не безопасны; туземные племена взялись за оружие; торговля приостановилась и на одного английского консула уже было совершено серьезное нападение.

В результате — наличие двух программ: одна предполагает энергичные военные мероприятия, другая, наоборот, возражает против всякой попытки оккупации и непосредственного вмешательства.

Вот дилемма, стоящая перед правительством.

Серьезные газеты в Англии не спешат определять свою позицию, и до настоящего времени этот вопрос почти не поднимался. Один только «Times» коснулся его. Но не трудно отдать себе отчет в том, что партия консерваторов в целом является сторонницей решительной политики; либеральная партия колеблется; вся партия радикалов, социалисты и лейбористы являются противниками всяких попыток репрессии и оккупации.

У меня нет точных сведений о позиции лорда Гардинга и правительства Индии. Я думаю, что если вообще в Индии склонны действовать, лично лорд Гардинг, подобно кабинету и сэру Э. Грею, придерживается до сих пор выжидательной политики.

Во всяком случае сэр А. Никольсон мне сказал вчера, что никакого решения не было принято.

Это различие во взглядах несомненно таит в себе зародыш опасности для правительства.

На первый взгляд это чисто парламентское положение представляет для императорского правительства и для России лишь второстепенный интерес.

В действительности же дело обстоит иначе.

Видимая нерешительность кабинета и сэра Э. Грея в действительности не существует. Это вопрос политической программы. В действительности есть только два способа выйти из положения: один — это занять порты и некоторые пункты на юге, другой — добиться благоприятного результата усилий российского и английского правительств с целью создать в Тегеране прочное положение и правительство настолько сильное, чтобы оно хотя бы могло в широкой мере способствовать восстановлению порядка в Южной Персии.

Этот последний способ и является программой, к которой присоединился кабинет и, в особенности, сэр Э. Грей; такова и программа согласия с Россией. В этом смысле положение, которое я пытался обрисовать со всей возможной в настоящий момент точностью и которое на первый взгляд является делом чисто парламентским и внутренним, приобретает, по моему мнению, для нас и с точки зрения наших интересов и нашей общей политики, совершенно исключительное значение.

Более правильно, чем всякое другое объяснение, оно объясняет, почему сэр Э. Грей так желает, чтобы в Тегеране были урегулированы — со всей возможной в данном случае быстротой — некоторые неотложные для Англии вопросы, которые, впрочем, в настоящее время приняли благоприятный оборот, как, например, вопрос о жандармерии, неразрывно связанный с вопросом о займе, и о контроле, осуществляемом иностранным финансовым советником.

Я не хочу сказать этим, что английское правительство отказывается от таких средств, как усиление своего консульского конвоя, ибо нельзя надеяться, что персидское правительство все сможет сделать своими силами. Но полученные результаты исключили бы всякую необходимость оккупации в более широком масштабе,—мера, против которой, повидимому, решительно возражает министерская партия,— и знаменовали бы собой торжество политики сэра Э. Грея и согласия с Россией не только в глазах консерваторов, полное сочувствие которых имеется, но и в глазах его собственной партии, от которой, в сущности, зависит судьба кабинета и его политики.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 351. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо. 16/3 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Предсказание мое о близком падении кабинета г. Кайо [1] сбылось ранее, нежели я предполагал. Из предыдущих писем моих вам известно, что сенатская комиссия, рассматривающая франко-германское соглашение, задалась целью раскрыть закулисную роль, сыгранную г. Кайо в переговорах; по мере того, как она знакомилась со всеми подробностями этой роли, росло всеобщее возбуждение против председателя совета министров. Возбуждение это очень мало замечалось в печати, так как почти все главные газеты были закуплены г. Кайо (говорят о невероятных суммах, розданных через его посредство печати различными банками, состоящими с ним в связи). Но среди членов палаты депутатов и сената и в широкой публике ходили самые враждебные ему рассказы и суждения. Возникший между ним и г. де Сельвом в комиссии инцидент лишь ускорил неминуемую развязку. Г. де Сельв, испытавший за последние шесть месяцев много горечи от г. Кайо, доставил г. Клемансо, специалисту по части свержения министров, надлежащие данные о тайных сношениях г. Кайо с германским правительством; когда же г. Кайо попробовал отрицать эти сношения, г. де Сельв публично обличил его во лжи и подал в отставку. Несмотря на громадность скандала, г. Кайо сделал отчаянную попытку удержаться у власти и обратился за спасением к г. Делькассе, который — как уверяют, для виду — принял предложенное ему министерство иностранных дел, а на самом деле ускорил падение кабинета, доказав невозможность приискать при настоящих обстоятельствах лицо, которое согласилось бы занять морское министерство в окончательно дискредитированном кабинете.

Среди страстных толков, порожденных отставкой г. Кайо, весьма трудно разобраться в разнообразных возводимых на него обвинениях. О закулисной его политике я писал вам несколько раз, но все подробности ее мне не вполне известны; вмешательство его в переговоры началось еще в то время, когда он был министром финансов в кабинете г. Мониса, и вначале носило характер довольно темных финансовых комбинаций, в которых были замешаны, с французской стороны, г. Фондер, а с германской — г. Земмлер; несомненно, что он первый указал Германии на возможность разрешить мароккский вопрос путем территориальной компенсации в пределах Конго. Вслед за сим, в то время, как гг. де Сельв и Камбон упорно отстаивали каждую пядь французской колониальной территории, он под рукой высказывался за более широкие уступки, и лишь после того, как французское общественное мнение энергически восстало против этих уступок, взял свои предложения обратно. Но враги г. Кайо идут в своих обвинениях еще дальше: газета «Liberté», слывущая органом г. де Сельва, утверждает, что г. Кайо вел в Берлине, чрез своего личного представителя и тайно от французского посла и остальных членов кабинета, переговоры не только о финансовых и железнодорожных комбинациях, но о всей совокупности политических отношений между Францией и Германией и что эти переговоры клонились к тому, чтобы совершенно изменить политику Франции по отношению к Германии и державам Тройственного согласия. В частности, ему приписывается готовность обещать Германии открытие французского денежного рынка и целый ряд уступок на экономической почве. Насколько я могу судить, обвинения эти, конечно, преувеличены, и вряд ли г. Кайо хотел и мог в корне изменить направление внешней политики Франции. Но несомненно, что он смотрел на все дело скорее с финансовой и экономической, нежели с чисто политической точки зрения, и лично был склонен к широким территориальным уступкам в пределах среднеафриканских колониальных владений Франции. В этом отношении, если судить беспристрастно, он оказал не только Франции, но и общеевропейскому миру несомненную услугу,

[1] См. ч. I, стр. 282, прим. 1.

поставив спор на почву обмена и доведя переговоры до благополучного окончания.

Хотя, как сказано выше, я не верю, что г. Кайо хотел воспользоваться марокканским кризисом, чтобы сблизиться с Германией в ущерб отношениям к России и Англии, я не могу не высказать, что падение его для нас должно считаться безусловно выгодным. Во главе французского правительства г. Кайо являлся не столько политическим деятелем, сколько финансистом и притом весьма беспринципным. На многие интересующие нас вопросы, как, например, о четверном синдикате, об австро-венгерском займе и т. п., он смотрел исключительно с точки зрения финансовой выгоды и весьма неохотно поддавался необходимости принимать во внимание политическую сторону дела. При этом, повидимому, большую роль играли соображения о личной выгоде, так как он заинтересован почти во всех совершающихся здесь крупных кредитных операциях. В последнее время враги его приводили примеры его цинизма и беззастенчивости и уверяли, что различные излишества поколебали его умственные способности. По всеобщему убеждению, последние инциденты настолько его дискредитировали, что политическая его карьера должна считаться законченной.

Примите и пр.

Извольский.

№ 352. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 16/3 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В предыдущем моем письме [2] я уже высказал, что нам нет никакой причины сожалеть о падении г. Кайо. Хотя возводимые на него обвинения и преувеличены, нет сомнения, что для нас весьма нежелательно во главе французского правительства лицо, руководствующееся исключительно финансовыми соображениями, а иногда и чисто корыстными побуждениями. Уход г. де Сельва также для нас скорее выгоден, ибо, несмотря на свои личные качества и искреннее расположение к России, совершенное незнакомство его с вопросами внешней политики и отсутствие личного авторитета весьма затрудняли ведение с ним интересующих нас дел. Что касается до нового министерства, уже получившего громкое название «национального», то на сформирование его повлияли главным образом два обстоятельства: высокий подъем французского национального чувства, вызванный марокканскими осложнениями, и выразившееся в последних сенаторских выборах умеренное настроение страны. Тогда как оба предыдущие кабинета, гг. Мониса и Кайо, носили резкий радикальный отпечаток и опирались, главным образом, на крайние партии парламента, новая министерская комбинация включает в себе наиболее умеренные элементы республиканского большинства. Желание г. Пуанкаре дать удовлетворение консервативным тенденциям заметно в самом распределении портфелей; заручившись участием столь выдающихся деятелей, как Бриан, Леон Буржуа, Мильеран и Дельказсе [3], он поручил им такие министерства, во главе коих они не будут чувствовать себя связанными прежними своими выступлениями радикального свойства. Единственной уступкой радикалам является назначение г. Стеега, бывшего министром народного просвещения в кабинете Кайо, на пост министра внутренних дел. Но уступка эта компенсируется тем, что г. Бриану, около года тому назад свергнутому крайними фракциями парламента, в новом кабинете обеспечено особое положение вице-председателя совета министров. Нельзя также не отметить готовности вышесказанных министров, из которых каждый по своему по-

[1] Опубл. Stieve, II, S. 25, № 187.

[2] См. № 351.

[3] В кабинете Пуанкаре Бриан занял пост вице-председателя совета м-ров и м-ра юстиции, Буржуа получил портфель м-ра труда и социального обеспечения, Мильеран — воен. м-ра, Дельказсе — морского м-ра.

литическому весу мог бы стоять во главе правительства, занять в кабинете г. Пуанкаре подчиненное положение; подобный состав делает новое правительство чрезвычайно сильным, и его сравнивают со знаменитым «большим» министерством Гамбетты [1]. Сам г. Пуанкаре пользуется репутацией не только блестящего оратора и писателя (он член французской академии), но и в высшей степени уравновешенного, умеренного и разумного политика и финансиста. Присвоение им себе портфеля иностранных дел указывает на то, что он прежде всего намерен быстро довести до конца ратификацию франко-германского соглашения и заключение соглашения с Испанией. На решение г. Пуанкаре несомненно повлиял также тот факт, что министерский кризис был вызван обвинением г. Кайо в намерении изменить курс внешней политики Франции. Как вам известно из моей телеграммы от вчерашнего числа, г. Пуанкаре в самый день своего назначения поспешил посетить меня и выразить мне твердое свое намерение направлять свою деятельность в полном согласии с Россией [2]. Поблагодарив г. Пуанкаре за это заявление, я высказал ему, что, несмотря на все ходившие слухи, я никогда не сомневался в строгой последовательности и преемственности внешней политики Франции; тем не менее, я не мог скрыть от него, что предшественник его в некоторых серьезных делах (как, например, в деле четверного синдиката) пренебрегал нашими интересами. Я напомнил ему, что ровно год тому назад здесь было много толков о недостаточном практическом применении русско-французского союза. С тех пор Россия дала Франции яркое доказательство своей готовности оказывать ей безусловную поддержку; надо надеяться, что и французское правительство, под руководством г. Пуанкаре, проявит такое же отношение к России в интересующих ее делах. Вслед за сим я воспользовался случаем, чтобы ознакомить г. Пуанкаре со взглядами, изложенными в вашей телеграмме за № 2267 [3]. Г. Пуанкаре ответил мне, что он еще не успел даже беглым образом ознакомиться с делами своего министерства, и обещал мне серьезно обдумать ваши предложения и дать мне по возможности скорый ответ. При этом он выразил мне, однако, личное свое опасение, что предлагаемая вами совместная роль Франции и Германии может вызвать, при настоящих обстоятельствах (т. е. сейчас после подписания франко-германского соглашения и после инцидента в сенатской комиссии) [4], превратные суждения о степени политической близости между Францией и Германией и о прочности Тройственного согласия.

Завтра состоится у г. Пуанкаре первый дипломатический прием, и я надеюсь получить от него определенный ответ на ваше предложение.

Примите и пр.

Извольский.

№ 353. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 3. 16/3 января 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 2267 [3].

Министр иностранных дел, с которым виделся вчера, сообщил, что дальнейшее обсуждение вашего предложения ему кажется в настоящую минуту обреченным на неуспех вследствие отзыва остальных великих держав, представители коих из Константинополя известили, что посредничество пока было бы несвоевременным.

Долгорукий.

---

[1] В письме от 18/5 янв. посол в Вене, Н. Гирс, писал следующее по поводу образования кабинета Пуанкаре: «Пробыв больше 15 лет в Париже [1883—1898] и прекрасно зная каждого из членов кабинета Пуанкаре, осмеливаюсь высказать мнение, что составление этого министерства из крупных государственных деятелей является чрезвычайно благоприятным для Франции и для нас, ее союзницы. Но, к сожалению, это не является доказательством длительного существования кабинета, так как Франция — страна парламентских абсурдов, и к тому же Клемансо подстерегает свою добычу».

[2] См. № 347.

[3] См. № 336.

[4] См. № 307.

№ 354. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 1. 16/3 января 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 107 [1].

Третьего дня, после дипломатического обеда во дворце, и я, и Спалайкович, и Гешов получили впечатление, что вопрос о сербо-болгарском соглашении решен утвердительно в уме короля Фердинанда, и что договор будет подписан на-днях. Вчера Спалайкович получил от Миловановича ответ по поводу Струги. Милованович отвергает предложенную болгарами по настоянию полковника Романовского границу и требует безусловного принятия болгарами черты, первоначально предложенной сербами. Очевидно, здесь сказалось противодействие Пашича. При таких условиях считаю переговоры рушившимися окончательно и полагаю, что нам нечего больше рассчитывать на осуществление сербо-болгарского соглашения [2].

Неклюдов.

Не может быть.

Царское Село, [18]5 января 1912 г.

№ 355. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 3. 16/3 января 1912 г.

Вслед за отъездом Шустера [3] я вступил с Барклаем в обмен взглядов относительно монетного двора, чтобы выяснить, возможно ли по поводу него какое-либо соглашение между обоими банками, и чтобы обеспечить, в случае невозможности такового, справедливое соревнование между обоими кредитными учреждениями. Вчера Барклай сообщил мне, что он с удивлением узнал от директора Шахиншахского банка, что Шустер заключил с ним будто бы еще в ноябре контракт на 10-летнюю поставку серебра для монетного двора. Я указал английскому посланнику на то, что подобный контракт недействителен без утверждения его меджлисом, за отсутствием такового — шахским правительством. Я также заметил, что контракт нарушает права нашего банка и что, по моему мнению, вопрос этот подлежит обсуждению обоих правительств, которые, может быть, придут относительно него к соглашению. Барклай вполне с этим согласился.

Поклевский.

№ 356. Записка, переданная итальянским послом министру [4].

[Петербург], 17/4 января 1912 г.

L'abstention des opérations militaires doit suivre et non précéder l'évacuation des officiers et des soldats turcs de la Tripolitaine et de la Cyrénaïque. Un simple engagement de la Turquie de retirer ses troupes n'est pas suffisant, car il peut être pris de mauvaise foi, et, si même pris de bonne foi, il peut ne pas être obéi. Enver-Bey et d'autres officiers ont déjà déclaré publiquement qu'ils n'obéiront pas.

Du moment où il y aurait accord sur tous les points, on pourrait toutefois prendre l'engagement anticipé de suspendre les hostilités à partir du jour de l'évacuation accomplie des troupes turques. On pourrait également examiner s'il serait opportun, après avoir pris préalablement les accords nécessaires, de procéder à un acte qui assurerait aux Arabes qu'ils ne seront pas molestés pour les hostilités commises avant l'évacuation.

---

[1] См. № 338.

[2] 19/6 янв. тел. за № 40 (№ 2) Савонов препроводил Гартвигу публикуемую тел. См. № 371.

[3] См. ч. I, стр. 310, прим. 2.

[4] Заголовок оригинала.

On n'exclut pas d'ailleurs la possibilité d'admettre en principe un arrangement différent, et, si celui proposé démontrerait, après un plus mûr examen, qu'il offre des garanties suffisantes, il n'est pas dit qu'on ne pourrait l'adopter. Ainsi l'idée qui a été émise que l'engagement de la Turquie d'évacuer ses troupes devrait être garantie par les Puissances, pourrait constituer éventuellement une solution efficace et satisfaisante. Il serait pourtant nécessaire de bien établir que l'engagement de la Turquie d'évacuer ses troupes de la Tripolitaine et de la Cyrénaique devrait être pris avant la conclusion de l'armistice.

Перевод.

Приостановка военных действий должна иметь место после, а не до эвакуации турецких офицеров и солдат из Триполитании и Киренаики. Простого обязательства Турции вывести свои войска недостаточно, так как оно может быть неискренним и, если даже оно будет искренним, может случиться, что оно не будет выполнено. Энвер-бей и другие офицеры уже заявили публично, что они не подчинятся.

С того момента, когда будет достигнуто соглашение по всем пунктам, можно было бы все же принять предварительное обязательство приостановить военные действия, начиная со дня закончившейся эвакуации турецких войск. Можно было бы также рассмотреть вопрос о том, не будет ли целесообразно, вступив предварительно в необходимые соглашения, приступить к акту, который гарантировал бы арабам, что они не подвергнутся притеснениям за враждебные действия, совершенные до эвакуации.

Не исключается, впрочем, возможность принять в принципе какое-либо другое соглашение, и если предложенное соглашение оказалось бы, по зрелом рассмотрении, предоставляющим достаточные гарантии, то нигде не сказано, что его нельзя было бы принять. Так, высказанная мысль о том, что обязательство Турции эвакуировать свои войска должно быть гарантировано державами, могла бы эвентуально явиться действительным и удовлетворительным решением. Было бы, однако, необходимо твердо установить, что обязательство Турции эвакуировать ее войска из Триполитании и Киренаики должно быть принято ранее заключения перемирия.

№ 357. Военный агент в Англии начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 3 [1]. 17/4 января 1912 г.
Весьма секретно.

Ваше высокопревосходительство, м. г. Яков Григорьевич,

Вчера французский военный агент в Лондоне, полковник Huguet, заходил ко мне и в частном разговоре сообщил, что чувство ожидания войны с Германией в близком будущем во Франции все более и более усиливается. По словам полковника Huguet, общественное мнение в Германии, возлагающее столь много надежд на армию, не может примириться с обидными для германского самолюбия дипломатическими неудачами минувшего года в марокккском вопросе. Усиление военно-сухопутных и морских вооружений в Германии идет вперед безостановочно. Кроме того — и это самое главное — Германия в настоящее время вполне ясно сознала, что *выступить против Англии она может не иначе, как через Францию*—задев Францию,—и поэтому в Германии нападки в прессе и в публике, до сих пор почти исключительно раздававшиеся только против Англии, в настоящее время, с большей и большей горечью и остротой, начинают раздаваться и против Франции. Вполне вероятно, что миролюбие германского императора скоро не будет в силах удержать эти враждебные порывы. По мнению полковника Huguet, настроение относительно ожидания войны во Франции в настоящее время еще более напряженное, чем было во время марокккского кризиса. Кроме того, по словам полковника Huguet, во французском главном штабе начинают сознавать, что для Германии было бы вполне выгодно: а) начать войну *этой зимой, до весны*, пока бездорожье и оттепель снегов будут затруднять и задерживать мобилизацию в России; б) *искать столкновения с Англией, не откладывая* долее, дабы прекратить и приостановить бесконечное, разорительное, параллельно идущее соперничество в усилении морских вооружений обоих го-

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXIV, стр. 176. На оригинале имеется помета: «Сообщить содержание этого письма министру иностранных дел. Сухомлинов. [24] 11 янв.».

сударств. Таковы соображения, сообщенные мне полковником Huguet. С своей стороны, относительно ожидания возможности войны в близком будущем считаю долгом донести вашему высокопревосходительству, что и здесь, в Англии, напряженность ожидания войны увеличивается: биржи в Лондоне и Париже весьма нервничают, английские ценные бумаги (консоли) падают; наступающая общая забастовка углекопов придает тревожности настроения еще более мрачный характер. Слухи о назначении г. Делькассе министром иностранных дел повлияли настолько тревожно, что страховые премии по страхованию морских грузов против опасности войны в Лондоне тотчас же повысились до 5, до 8 и, наконец, на этих днях до 12%. Возникла мысль о сосредоточении войск Альдершотского округа в лагерном сборе где-либо поближе к восточному побережью. Между английским сухопутным генеральным штабом и вновь созданным морским генеральным штабом устанавливается полное единогласие во взглядах, и адмиралтейство уже не будет, как то было минувшей осенью, высказывать свои тайные сомнения относительно возможности перевозки английского экспедиционного отряда через канал к берегам Франции.

Примите и пр. Н. Ермолов.

№ 358. Посол в Париже министру иностранных дел.

7. Письмо. 17/4 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Небывалый успех, выпавший на долю первого выступления г. Пуанкаре перед парламентом, подает надежду, что после ряда эфемерных кабинетов гг. Мониса и Кайо мы имеем, наконец, дело с устойчивой министерской комбинацией. Можно также рассчитывать, что руководство внешними делами попало в руки сведущего и энергичного лица, что особенно важно при настоящем сложном международном положении. Читая свою декларацию, г. Пуанкаре с особенной силой подчеркнул места, касавшиеся внешней политики, и заявление его о верности Франции своим союзам и дружбам было покрыто шумными рукоплесканиями. Сегодняшняя печать специально отмечает также его заявление, что финансовое могущество Франции будет направляться к той же цели, как ее военные и морские силы. Заявление это, по всеобщему мнению, служит ручательством, что он не даст своего согласия на финансовые операции, вроде австро-венгерского займа, к которому, вопреки своим отрицаниям, склонялся, повидимому, его предшественник [1].

Я только-что отправил вам телеграмму о результате моей второй беседы с г. Пуанкаре [2]. Он подтвердил мне высказанное им вчера личное мнение о нежелательности предложенного вами совместного выступления Франции и Германии. «Французское общественное мнение, — сказал он мне, — в настоящую минуту очень чутко настроено, и вы могли заметить, как оно было встревожено слухами об ослаблении Тройственного согласия. Это побудило меня особенно рельефно заявить о нашей верности этой политической комбинации. Если теперь, тотчас после заключения франко-германского соглашения и после наделавшего столько шума инцидента с г. Кайо [3], Франция выступит в Константинополе вдвоем с Германией, это может породить весьма вредные суждения и вызвать опять во французском обществе сильную тревогу». По ходу дальнейшего разговора г. Пуанкаре высказал мне полную свою готовность присоединиться либо к коллективному действию всех держав, либо к поручению исполнительной роли одной из второстепенных держав, например Голландии. Судя по сведениям, полученным здесь сегодня от г. Бомпара, в Константинополе еще не наступил благоприятный момент для посреднического выступления держав. Тем не менее г. Пуанкаре счи-

---

[1] См. № 308.

[2] Тел. Извольского от 17/4 янв. за № 4 о беседе с Пуанкаре (опубл. М., стр. 146) полностью изложена в публикуемом документе.

[3] См. № 351.

тает весьма полезным продолжать обмен мыслей между кабинетами, дабы заранее установить «modus procedendi» и затем воспользоваться первым удобным случаем, чтобы предпринять решительные шаги в пользу восстановления мира.

Не желая затягивать разговора в первый приемный день нового министра, я сегодня не коснулся других вопросов, которые мне приходилось обсуждать с его предшественником, но я воспользуюсь первым случаем, чтобы обратить его внимание на обмен писем между мной и г. де Сельвом о Проливах и Северном Китае [1]. По этому поводу позволяю себе высказать, что переписка эта может оказаться для нас весьма полезной; она во всяком случае закрепляет происходившие между мной и г. де Сельвом беседы о вышесказанных вопросах, от которых иначе не осталось бы никакого следа, и устанавливает, что, оказав Франции крупную услугу во время переговоров о Марокко, мы ожидаем такой же поддержки с ее стороны в тех делах, в которых мы окажемся заинтересованными в будущем. Наконец, если бы вы пожелали ныне же начать более формальные переговоры об этих делах, сказанная переписка может послужить для них весьма удобной точкой отправления.

В заключение считаю долгом заметить, что было бы вообще весьма полезно воспользоваться тем, что во главе французского министерства иностранных дел сейчас стоит крупная и авторитетная личность, чтобы заранее несколько ближе подойти к некоторым вопросам, которые могут со дня на день выступить на первый план европейской политики. Я только-что имел длинную беседу с находящимся здесь в отпуску французским послом в Вене. Г. Крозье настроен весьма тревожно и предвидит к весне неминуемость серьезных осложнений на Балканах. По его убеждению, граф Эренталь хотя все еще искренне желает поддержания status quo и сохранения Турции, в то же время деятельно готовится ко всяким случайностям и вырабатывает все подробности активного участия Австро-Венгрии в надвигающихся событиях. В военном отношении сделаны весьма обширные приготовления; в Боснии сосредоточено сорок тысяч войска и заготовлено все необходимое для развития операций. В политической области идут разговоры с королем Фердинандом, который опять может подать сигнал к неожиданным событиям. Одним словом, мы можем очень быстро очутиться перед таким же положением, как в 1908 году. Если державы Тройственного согласия опять будут застигнуты врасплох и не установят заранее общего плана действий, дело может вновь принять для нас неблагоприятный оборот. Необходимо поэтому, чтобы Россия, Франция и Англия ныне же путем конфиденциального обмена мыслей точно определили свое отношение к могущим наступить случайностям. Не могу не высказать, что взгляды г. Крозье кажутся мне заслуживающими серьезного внимания и что вступление во власть г. Пуанкаре весьма благоприятствует возбуждению бесед между нами и парижским кабинетом о вышеупомянутых вопросах. Если бы вы согласились с этим мнением и наметили мне в общих чертах программу подобных бесед, я мог бы, не теряя времени, осторожным образом удостовериться, насколько г. Пуанкаре склонен пойти нам навстречу.

Примите и пр.

Извольский.

К докладу.

Царское Село, [22] 9 января 1912 г.

№ 359. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 6 [2]. 17/4 января 1912 г.
Секретно.

В донесении полковника Маттона, которое прочитал мне генерал Дюбайль (см. рапорт от [17]4 января с. г. № 5 [3]), военный агент передавал (в не совсем

[1] См. т. XVIII, приложение к № 838 и приложение к № 331 настоящего тома.
[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXIV, стр. 173.
[3] В рапорте от 17/4 янв. за № 5 (опубл. Кр. арх., т. XXXIV, стр. 173) Ностиц доносил Жилинскому, что Дюбайль прочел ему сообщение франц. воен. агента в России Маттона о раз-

ясной форме) следующий разговор, который у него был с вашим высокопревосходительством.

Ваше высокопревосходительство изволили высказать, что желательно было бы пересмотреть военную конвенцию [1], во избежание постоянного повторения все тех же замечаний и пожеланий в протоколах заседаний начальников генерального штаба союзных армий.

Генерал Дюбайль просил меня по этому поводу доложить, что он находит, что в настоящее время было бы несвоевременным тронуть конвенцию, что это вызвало бы весьма нежелательные толки, которых теперь в особенности нужно тщательно избегать.

Далее, его превосходительство мне сказал, что политический горизонт весьма мрачен, что ни во Франции, ни в Германии никто не доволен соглашением относительно Марокко, что его негласные сведения очень тревожного характера и что он готовится к тому, что весной вспыхнет война: «nous travaillons comme si nous aurons la guerre au printemps» [2].

При этом генерал заметил, что тройственные и двойственные союзы имеют характер оборонительный и что искусство дипломатии будет состоять в том, чтобы не быть нападающей стороной [3].

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц.

№ 360. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 7 [4]. 17/4 января 1912 г.
Секретно.

Я имел разговор с генералом Дюбайль, начальником штаба армии, по поводу предполагаемой высадки 150 000 англичан во Франции, так как наш военный агент в Великобритании в своем донесении [22]9 ноября 1911 г. за № 180 скорее опровергал эти сведения [5].

Генерал Дюбайль вновь вполне категорично мне подтвердил достоверность английской помощи на материке и сказал, что он не имеет никакого основания не верить англичанам, что теперь, кроме того, морские генеральные штабы во Франции и в Англии вошли в тесные сношения и работают сообща над этим вопросом.

Здешний великобританский военный агент еще в большей степени подтвердил мне на прошлой неделе достоверность высадки. Наш разговор начался по поводу статей, появившихся в некоторых английских газетах не в пользу идеи высадки во Франции постоянной английской армии.

Он сказал мне: «Эти слухи очень неприятны и совершенно не соответствуют истине. Я еще сегодня получил из министерства полное подтверждение нашей готовности помочь Франции на суше, и вы можете самым решительным образом это утверждать. Так было решено поступить осенью и так будет в случае новых осложнений. Конечно, вне военного ведомства не все сочувствуют этой мысли и в морском министерстве некоторые были против [6], но этих лиц недавно сменили

говоре с Сухомлиновым по вопросу о скреплении ежегодных протоколов совещания начальников ген. штабов подписями председателей советов м-ров или воен. м-ров (ср. № 367).

[1] Имеется в виду франко-русская военная конвенция от 17/5 авг. 1892 г.

[2] «мы работаем, как если бы весной нам предстояла война».

[3] На оригинале имеется помета: «Прошу сообщить гр. Ностицу, что мой разговор имел частный характер и что вопрос о пересмотре конвенции, как я и говорил полковнику Маттону, может быть поднят только при наступлении полного политического затишья. Жилинский». Содержание этой пометы было сообщено Ностицу отношением Данилова от 2 февр./20 янв. за № 74.

[4] Опубл. Кр. арх., т. XXXIV, стр. 174.

[5] Указанное донесение в делах Военно-исторического архива не обнаружено.

[6] Как об этом доносил генерал Ермолов. [Прим. оригинала.] См. № 357.

и, с целью обеспечить именно в этом вопросе взаимодействие армии и флота, недавно сформировали морской генеральный штаб».

Императорский посол, которому я доложил в сентябре сведения, полученные мной от генерала Дюбайль по поводу английской высадки (см. мой рапорт от [14]1 сентября 1911 года за № 299), имел разговор по этому поводу с французским министром иностранных дел, который подтвердил ему все, что передал мне начальник штаба армии [1].

Ввиду вышеизложенного я не вижу решительно никакого основания, почему отрицать реальную помощь, которую Англия собирается оказать Франции в случае войны с Германией, коль скоро французское правительство в этом убеждено.

В таком случае интересно сделать подсчет силам обоих противников.

Как вашему высокопревосходительству известно, против Италии французы предполагают оставить лишь ничтожные силы (альпийских стрелков и одну колониальную дивизию [2]); в настоящее время, вследствие экспедиции в Триполи, можно сказать, что имеется еще больше оснований так поступить. С другой стороны, союз с Англией даст возможность перевести из Африки 19-й корпус, а 6 английских дивизий, будучи в усиленном составе, могут быть приравнены четырем корпусам.

Следовательно англо-французы будут иметь 25 корпусов [3] (резервных формирований, для упрощения, я не принимаю в расчет). Германцы же будут принуждены оставить против нас 3—5 корпусов, кроме того один или два корпуса придется им выделить для наблюдения за бельгийской армией, так как нарушение ими нейтралитета Бельгии более, чем вероятно. Таким образом превосходство в силах переходит на сторону англо-французов, даже в том случае, если бы Испания примкнула к Германии.

Франция после 1870 года еще никогда не была в столь выгодном стратегическом положении, армия ее в очень хорошем состоянии (несмотря на все толки ее недоброжелателей и клеветников), финансы ее не оставляют желать лучшего, на патриотизм населения можно вполне рассчитывать, как это доказали события прошлого лета. Франция имеет двух могущественных союзников, между тем как Тройственный союз, как говорят, «трещит по швам».

Наконец, следует еще учесть один фактор морального свойства.

Поколение, пережившее во Франции войну 1870 года, питало скрытое чувство страха перед немцами, воспоминание de l'année terrible [4] на всю жизнь сделало из него людей, склонных преувеличивать могущество германского оружия, и в этом согласны французы, чуждые чувства самохвальства; между тем последующее поколение, т. е. все лица, коим теперь не более 45 лет, совершенно не знают этого чувства; многие из них были в Германии и могли оценить отрицательные стороны ее могущества, «on n'a plus peur du prussien en France» [5], говорил мне недавно один высокопоставленный офицер.

Нужно еще принять во внимание сознание французов, что рано или поздно война неизбежна.

Все это, вместе взятое, составляет весьма тревожную атмосферу, и мое мнение, что если Германия не изменит по отношению к Франции своей политики задирания и устрашения, то первый крупный инцидент (вроде Агадирского) вызовет теперь конфликт.

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц.

---

[1] Рапорт Ностица от 14/1 сент. за № 299 в делах Военно-исторического архива не обнаружен (ср. т. XVIII, № 474).

[2] И эти войска останутся против Италии только временно до выяснения политической обстановки. [Прим. оригинала.]

[3] Франц. армия состоит из 20 корпусов и одного колониального, из коих 4 корпуса имеют по 3 дивизии: VI, VII, XIX и колониальный. [Прим. оригинала.]

[4] «ужасного года».

[5] «во Франции больше не боятся пруссаков».

№ 361. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 17/4 января 1912 г.
Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je profite du départ de Kroupensky pour vous soumettre un exposé politique de la dernière quinzaine.

Je dois avant tout souligner le fait incontestable de la position très ébranlée du comte Aehrenthal qui n'est soutenu que par l'empereur François-Joseph, — parce que ce vénérable monarque désire finir son règne en paix et ne veut aucun changement.

La pression de l'opinion publique contre son ministre des affaires étrangères — opinion à la tête de laquelle se trouve l'archiduc François-Ferdinand, ne réussira pas à lui forcer la main, — mais il se pourrait qu'il se décide à se séparer du comte Aehrenthal au moment où on s'y attendra le moins, — car François-Joseph aime ces surprises.

La victoire remportée par Aehrenthal aux délégations contre le nouveau ministre de la guerre [1], n'a pas raffermi sa situation. Il s'en rend fort bien compte, d'où son extrême irritabilité et l'impossibilité souvent absolue de traiter calmement avec lui les questions surtout d'un ordre d'administration intérieure, car là son impuissance devient par trop manifeste.

Le malheureux incident de Lemberg en est une preuve en ce qui nous touche [2].

Le bloc polonais est devenu trop puissant et compact en Autriche depuis qu'il s'est vu indispensable pour obtenir une majorité au Parlement autrichien. Seul l'appui des Tchèques aurait pu libérer un ministère autrichien de cette dépendance des Polonais, mais toutes les tentatives faites dans ce sens par les derniers cabinets Bienerths, Gautsch n'ont pas abouti. La Galicie est devenue, par la faiblesse du gouvernement autrichien, une province absolument autonome sur laquelle le gouvernement central de Vienne n'a aucune prise. Le comte Aehrenthal a du toujours se soumettre à cet état de choses et n'a jamais pu imposer à la lieutenance de Galicie sa volonté, inspirée par le désir d'éviter toute complication avec les Puissances voisines.

Mon collègue d'Allemagne, tout récemment encore, m'a parlé des ennuis que lui cause l'immixtion des Polonais de Galicie dans les questions concernant les Polonais, sujets allemands. Il m'a affirmé qu'il avait toujours essuyé un refus quand il s'agissait de mettre fin aux démonstrations hostiles au gouvernement allemand, démonstrations employées comme témoignage de sympathie pour les Polonais de Silésie.

En cela nous avons certes le même intérêt que l'Allemagne à nous opposer à toute immixtion des Polonais autrichiens dans les questions touchant aux affaires intérieures de nos pays. Mais sur un autre point en Galicie nous sommes en complet désaccord avec l'Allemagne. Elle manifeste de toute façon sa sympathie aux catholiques grecs ou plutôt les grecs unis de Galicie, qu'elle voudrait voir forts et capables de faire contrepoids aux Polonais — tandis que pour nous ces rénégats russes «мазепинцы» sont les ennemis les plus acharnés de la Russie et soutiennent toujours tout acte hostile à notre pays.

Le duc d'Avarna m'a longuement parlé des difficultés contre lesquelles se débat Aehrenthal, grâce à la constante opposition de l'archiduc héritier François-Ferdinand. Il a ajouté, qu'on ne se rendait pas compte à Rome combien il lui était difficile de traiter des affaires avec un ministre devenu si maladivement irritable. Mon collègue d'Italie avait demandé à être reçu par Aehrenthal avant son départ pour le Semmering afin de lui demander ce qu'il pensait des propositions de votre excellence. Il voulait contrôler à quel point était exacte l'affirmation de Melegari [3] que l'Autriche avait accepté en principe ces propositions. San-Giuliano était

[1] См. № 311.
[2] См. № № 198, 242, 305 и 326.
[3] См. № 275.

surpris de recevoir la nouvelle de St. Pétersbourg, — tandis que d'Avarna n'en soufflait mot.

Aehrenthal a nié avoir donné son consentement même en principe, il a ajouté que le succès d'une action commune des cinq ambassadeurs à Constantinople était paralysé par la rivalité des représentants d'Angleterre et d'Allemagne, qui sont pleins de méfiance l'un vis-à-vis de l'autre. Alors Avarna aurait proposé à Aehrenthal d'intervenir pour mettre d'accord ces deux Puissances et rendre par là un grand service à l'oeuvre de la paix générale. A ceci Aehrenthal aurait répondu qu'à Berlin on envisagerait d'un très mauvais œil toute intervention de sa part entre ces deux pays, car lui, Aehrenthal, était très mal vu en Allemagne. A ce qu'il dit, il doit s'imposer actuellement la plus grande réserve dans toutes les questions internationales, mais il a donné à Avarna l'assurance formelle que sa politique dans les Balkans demeurerait conservatrice et pacifique.

A l'égard du roi de Monténégro Avarna paraît moins rassuré [1].

J'ai eu l'honneur de rendre compte par télégraphe à votre excellence de mon entretien avec le comte Aehrenthal [2]. D'après l'avis du ministre, toute démarche à Constantinople ne peut aboutir à aucun résultat favorable dans les circonstances de crise intérieure actuelle en Turquie, comme preuve il m'a donné lecture du résumé des entretiens du marquis Pallavicini avec Bompard et Tcharykow.

J'ai demandé à Aehrenthal si les Albanais-Malissores s'étaient réellement adressés au gouvernement autrichien pour demander sa protection. Le comte Aehrenthal ne l'a pas nié et m'a dit que le Cabinet de Vienne avait donné des conseils de sagesse et l'avis formel d'éviter tout acte hostile contre la Turquie. De son côté, le gouvernement austro-hongrois fera son possible pour appuyer leurs revendications vis-à-vis du gouvernement ottoman, quand le moment serait venu et que la crise s'écoulera pacifiquement.

Un membre hongrois des délégations, le comte Théodore Zichy, mon ex-collègue de Paris, qui a quitté la carrière diplomatique depuis 6 ans, — m'a affirmé que la position du comte Aehrenthal n'est plus tenable. D'après lui, le successeur qui aurait le plus de chance serait le comte Szécsen, actuellement ambassadeur à Paris, car il jouit auprès de l'empereur François-Joseph et de l'archiduc héritier en même temps d'une sympathie particulière. Il appartient à une grande famille hongroise qui, une des premières, s'était ralliée en 1848 à l'Autriche. Son caractère est cassant, mais il a la réputation d'un esprit avisé, de plus, il est orateur, ce qui est très important pour le Parlement. Le comte Berchtold aurait été certainement désigné s'il possédait le don de la parole. Il paraît que Berchtold aurait déclaré

---

[1] Позднее, в деп. от 7 февр./25 янв. 1912 г. за № 3, поверенный в делах в Цетинье Б. Миллер сообщал Сазонову, что австро-венг. посланник Гизль в беседе с ним говорил о беспокойстве, которое внушают ему черногоро-албанские отношения. По словам Гизля, король Николай призвал его к себе вместе с герм. посланником и, сообщая им о подготовляющихся волнениях среди албанцев, заявил, что он «чрезвычайно опасается, как бы силой вещей Черногория не оказалась поставленной в положение еще более затруднительное, чем была в прошлом году, особенно если беженцы снова нахлынут на ее территорию». В ответ на это Гизль «заклинал» короля Николая «следовать политике наибольшего благоразумия и осторожности», так как «в противном случае Черногория не должна рассчитывать ни на малейшую моральную поддержку Австрии». В дальнейшем разговоре с Миллером Гизль высказывал мнение, что Черногории следовало бы заявить малиссорам, что в случае повторения восстания черног. граница будет для них закрыта.

Излагая свой взгляд на черног. политику в Албании, Миллер писал, что эта политика опасна и невыгодна «как с точки зрения общих интересов мира на Балканах, так и специальных интересов славянства и самой Черногории как государства». Значение Черногории, по мнению Миллера, «исключительно определяется ее военными силами и основывается на национальном единстве черногорского народа и его высоких моральных качествах. Благодаря воинским качествам своего населения Черногория, в случае нашего столкновения с Австро-Венгрией, способна отвлечь на свои границы не менее трех австрийских корпусов, чем определяется высокая ценность для нас этого маленького государства». Миллер в заключение отмечал, что если бы Черногории и удалось присоединить к себе часть скутарийского санджака, то это ослабило бы ее, поставив «в еще более зависимые отношения к Австрии».

[2] См. № 340.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

à son souverain, qu'il n'aspirait qu'au poste d'ambassadeur d'Autriche-Hongrie à Berlin.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод.

Доверительно.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Пользуюсь отъездом Крупенского, чтобы изложить вам политические события последних двух недель.

Прежде всего я должен подчеркнуть тот бесспорный факт, что положение графа Эренталя сильно поколеблено и что его поддерживает лишь один император Франц-Иосиф, потому что этот почтенный монарх хочет закончить свое царствование в мире и не желает никаких перемен.

Общественное мнение, направленное против его министра иностранных дел, — мнение, во главе которого стоит эрцгерцог Франц-Фердинанд,—не сумеет оказать на него давление, но, может быть, он решится расстаться с графом Эренталем в тот момент, когда меньше всего можно будет этого ожидать, потому что Франц-Иосиф любит такие сюрпризы.

Победа, одержанная в делегациях Эренталем над новым военным министром, не укрепила его положения. Он прекрасно отдает себе в этом отчет, отсюда его крайняя раздражительность и зачастую полная невозможность спокойно говорить с ним, в особенности по вопросам внутреннего управления, потому что там его беспомощность бывает слишком очевидна.

По отношению к нам доказательством этого является прискорбный инцидент в Львове.

Польский блок стал слишком сильным и сплоченным в Австрии с тех пор, как он увидел, что без него невозможно получить большинство в австрийском парламенте.

Только поддержка чехов могла бы освободить австрийское министерство от этой зависимости от поляков, но все попытки, сделанные в этом направлении последними кабинетами Бинерта, Гауча, ни к чему не привели. Из-за слабости австрийского правительства Галиция превратилась в совершенно автономную провинцию, над которой центральное венское правительство не имеет никакой власти. Граф Эренталь всегда вынужден был покоряться такому положению вещей, и никогда не умел подчинить наместничество Галиции своей воле, руководствуясь желанием избежать всяких осложнений с соседними державами.

Мой германский коллега еще недавно говорил мне о тех неприятностях, которые ему причиняет вмешательство галицийских поляков в дела, касающиеся поляков—германских подданных. Он утверждал, что он всегда получал отказ, когда нужно было пресечь демонстрации, враждебные германскому правительству, демонстрации, которыми пользовались для выражения симпатии силезским полякам.

В этом отношении мы, как и Германия, заинтересованы в том, чтобы препятствовать всякому вмешательству австрийских поляков во внутренние дела наших стран. Но по другому вопросу, касающемуся Галиции, мы целиком расходимся с Германией. Она всячески высказывает свои симпатии галицийским греко-католикам или, вернее, грекам-униатам, которых она желала бы видеть сильными и способными служить противовесом полякам, тогда как мы считаем этих русских ренегатов, «мазепинцев», самыми ярыми врагами России, всегда поддерживающими всякие действия, враждебные нашей стране.

Герцог Аварна долго говорил со мной о затруднениях, с которыми приходится бороться Эренталю, благодаря постоянной оппозиции наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Он добавил, что в Риме не отдают себе отчета в том, как ему трудно вести дела с министром, ставшим столь болезненно раздражительным. Мой итальянский коллега просил, чтобы Эренталь принял его до отъезда в Земмеринг, чтобы узнать его мнение по поводу предложений вашего высокопревосходительства. Он хотел проверить, в какой мере верно утверждение Мелегари, что принципиально Австрия принимает эти предложения. Сан-Джулиано был удивлен, получив известие из Петербурга, в то время как Аварна ничего не сообщал ему об этом.

Эренталь отрицал, что он дал свое, хотя бы принципиальное, согласие; он добавил, что совместное выступление пяти послов в Константинополе обречено на неудачу, вследствие соперничества представителей Англии и Германии, исполненных недоверия друг к другу. Тогда Аварна предложил Эренталю выступить с целью привести к согласию эти две державы и тем самым оказать большую услугу делу всеобщего мира. На это Эренталь будто бы ответил, что в Берлине очень косо взглянули бы на всякое вмешательство с его стороны в отношения между этими двумя странами, потому что к нему, Эренталю, в Германии очень плохо относятся. По его словам, в настоящий момент он должен придерживаться чрезвычайно сдержанной позиции во всех международных вопросах, но он дал Аварна категорическое заверение, что его политика на Балканах останется консервативной и мирной.

Относительно черногорского короля Аварна, повидимому, менее спокоен.

Я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство по телеграфу о моей беседе с графом Эренталем. По мнению министра, никакое выступление в Константинополе не может привести к благоприятным результатам в условиях внутреннего кризиса, переживае-

мого в настоящий момент Турцией; в доказательство он прочел мне содержание бесед, которые маркиз Паллавичини имел с Бомпаром и Чарыковым.

Я спросил у Эренталя, правда ли, что албанцы-малиссоры обращались к австрийскому правительству с просьбой о покровительстве. Граф Эренталь не отрицал этого и сказал мне, что венский кабинет дал советы благоразумия и категорическое указание воздерживаться от всяких действий, враждебных Турции. Со своей стороны, австро-венгерское правительство сделает все возможное, чтобы поддержать их требования перед оттоманским правительством, когда наступит подходящий момент, и кризис разрешится мирным путем.

Член венгерских делегаций граф Теодор Зичи, мой бывший коллега по Парижу, шесть лет назад оставивший дипломатическую карьеру, подтвердил мне, что положение Эренталя непрочно. По его мнению, граф Сечен, теперешний посол в Париже, имеет больше всего шансов сделаться его преемником, потому что он пользуется особыми симпатиями одновременно и у императора Франца-Иосифа и у эрцгерцога наследника. Он принадлежит к знатной венгерской семье, одной из первых примкнувшей к Австрии в 1848 г. У него резкий характер, но он пользуется репутацией умного человека и, кроме того, он хороший оратор, что очень важно для парламента. Граф Берхтольд, конечно, получил бы назначение на этот пост, если бы он обладал даром слова. Говорят, что Берхтольд заявил своему государю, что он желает лишь получить назначение на пост австро-венгерского посла в Берлине.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 362. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 17/4 января 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как императорскому министерству известно из последних донесений коллежского асессора Пустошкина [1], многие из сторонников Венизелоса на Крите намереваются примкнуть ныне к революционерам, а с другой стороны, по полученным сэром Ф. Эллиотом известиям из Канеи, Венизелос выразил там будто бы надежду, что весной эллинскому правительству возможно будет принять в Афинах критских депутатов.

Желая проверить справедливость этих слухов, из коих последний казался ему весьма неправдоподобным, старейшина наш обратился с запросом к самому Венизелосу, который, посетив сперва моего английского коллегу, а затем и меня, сообщил нам следующее.

Отдавая себе отчет в том, что роль и задача его приверженцев на Крите становится с каждым днем все более затруднительной, Венизелос уже не счел возможным противиться их соединению с революционерами, в надежде, что они сумеют помешать проведению в жизнь по крайней мере главнейших пунктов революционной программы, заключающихся в упразднении исполнительного комитета и капитуляций, а также в увольнении от службы мусульман, не присягнувших королю эллинов. Этого результата он надеется добиться, утверждая, что обаяние его на острове еще достаточно велико [2].

Через посредство негласного своего представителя в Канее председатель совета министров опроверг слух, что он будто предвидит возможность принять весной критских депутатов в Афинах.

Надежды этой он никогда не выражал, так же как и не переставал порицать деятельность революционеров, которая, по его убеждению, может лишь привести к гибели как Крита, так и самой Греции.

Если критяне воображают, что им удастся принудить державы-покровительницы заняться их делами, то они жестоко ошибаются, и только в случае полного

[1] В донесении от 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г. за № 38 Пустошкин между прочим сообщал Нератову: «Воздержанию партии Венизелоса от участия в революционном движении, повидимому, приходит конец. Показав себя безусловно враждебными делу посылки депутатов в Афины, венизелосисты вряд ли окажутся столь же несговорчивыми в ряде других политических вопросов, которые намерены поднять революционеры. Ныне ходят упорные слухи о начавшихся даже переговорах о совместных действиях. Проектируется создание революционного правительства».

[2] Тел. от 23/10 янв. за № 1 Пустошкин сообщал Сазонову: «Вчера в Ретимно состоялся вооруженный митинг венизелосистов. Постановлено примкнуть к революционному движению и избрано 47 депутатов в революционное собрание».

спокойствия на острове до выборов и даже до созыва эллинской палаты можно надеяться, что державы эти готовы будут проявить свое благорасположение к Криту.

Прося передать все вышесказанное критскому населению, Венизелос посоветовал сверх того не упразднять исполнительного комитета, оставив его законным посредником между критянами и державами, а членам революционного собрания он дал совет вернуться по домам и лишь в крайнем случае учредить небольшой наблюдательный комитет, притом не в столице, а в каком-либо маленьком городке вроде Вамоса.

Последнюю уступку председатель совета министров счел необходимым сделать революционерам потому, что они вряд ли согласились бы разом прекратить свою революционную деятельность.

Выборы в Греции предполагается назначить на 24/11 марта, так как 31/18 [марта] таковые должны состояться на Крите, а 7 апреля/25 марта будет пасха. Далее их откладывать нельзя, ввиду необходимости для эллинского правительства иметь палату весной на случай возникновения серьезных беспорядков на Балканах, в чем, кстати сказать, Венизелос, повидимому, не сомневается.

На мое возражение, что, может быть, было бы осторожнее отложить выборы до крайнего срока, то есть до конца апреля, Венизелос ответил мне, что если бы ожидаемые балканские осложнения застигли Грецию врасплох, то вся ответственность за это всецело возложена была бы на него, а подобное обвинение могло бы бесповоротно подорвать его популярность в стране.

Критяне, по мнению премьера, вполне ошибочно признают настоящий момент наиболее подходящим для аннексии; но если до весны итало-турецкая война не прекратится или если державы-покровительницы к тому времени не изыщут какого-либо выхода из настоящего положения, то, сказал Венизелос, критяне без сомнения возобновят свои попытки отправить депутатов в Афины. Эллинское же правительство, которое твердо решило не допускать их в парламент, принуждено будет, по всей вероятности, принять против них самые энергичные меры, причем, может статься, применена была бы вооруженная сила и пролита кровь, а в таком случае в глазах общественного мнения и самой короны нынешнему правительству невозможно было бы оставаться у власти.

«Да, — продолжал Венизелос, — положение наше таково, что если державы-покровительницы, в своем благорасположении к Криту, не найдут возможным дать ему более сносного режима, то о дальнейшей созидательной деятельности в королевстве не может быть и речи, так как критский вопрос является постоянной помехой всем благим начинаниям эллинского правительства. Не говорю уже о самом Крите, которому угрожает неминуемая анархия».

Так как председатель совета министров сам коснулся вопроса о новом режиме, то я спросил его, действительно ли, по его мнению, была бы принята комбинация, упомянутая в моих телеграмме № 86[1] и письме от [27] 14 декабря м. г. [2], не только в Греции, но и на острове; на что он мне ответил, что в Греции подобного рода режим безусловно считался бы приемлемым; что же касается до Крита, то хотя режим этот и вызвал бы там неудовольствие, все же, по настояниям самого Венизелоса, пользующегося доверием своих бывших соотечественников, он был бы также принят.

«Что лично меня касается, — добавил министр, — подобное временное разрешение критского вопроса мне кажется настолько во всех отношениях желательным, что если бы мне удалось его достигнуть, я считал бы себя в праве заявить Греции и Криту, что на этом блестящем результате я с глубоким удовлетворением готов был бы закончить свою политическую карьеру с полным сознанием той огромной услуги, которую мне удалось оказать моему отечеству и связанному с ним своей судьбой острову».

Примите и пр. С. Свербеев.

---

[1] См. ч. 1, стр. 240, прим. 2.
[2] См. № 270.

№ 363. Военный агент в Японии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 4. 17/4 января 1912 г.

Положение дел в Китае.

Японский военный агент в Пекине донес о возможности отречения китайского императора. Здесь в военном министерстве полагают, что это будет событие большой важности, могущее вызвать столь серьезное положение, что в силу необходимости придется прибегнуть к вооруженному вмешательству, к которому, весьма возможно, Япония прибегла бы уже и ранее, если бы встретила поддержку со стороны Англии, нерешительный образ действия которой здесь объясняют недостатком у нее в Китае военной силы [1]. Англии в общем здесь не верят и опасаются, что она желает выступить первой, поэтому здесь очень внимательно следят за перевозкой войск из Индии. Пока достоверно известно только о том, что из Индии отправляют в Гонконг два батальона пехоты и одну горную батарею. Дальнейшее назначение их неизвестно. Возможно, впрочем, что войска эти останутся на усиление гарнизона Гонконга, из которого взято довольно много войск в Кантон и другие пункты.

Американский отряд в составе одного батальона 15-го пехотного полка из Манилы при двух пулеметах, всего около 500 человек и 100 лошадей, прибывает [22] 9 января в Цинвандао, откуда пойдет на охрану участка дороги, занятого теперь англичанами.

В некоторых японских газетах были напечатаны известия о предстоящем скором усилении находящихся в Китае японских войск, но известия эти оказались пока неверными. Тем не менее принятые ранее меры готовности на случай необходимости отправки войск в Китай в больших силах не отменены, и таковая отправка может быть сделана очень скоро и без особых затруднений, но пока принято решение: выжидать событий.

Последние известия из Китая указывают на то, что, несмотря на перемирие [2], войска революционеров по разным направлениям двигаются на север. Пока эти движения имеют скорее демонстративный характер, но весьма возможно, что произойдут столкновения между обеими сторонами. Здесь полагают, что действия обеих сторон будут нерешительны и не особенно обращают внимание на результаты столкновения, допуская скорее победу на стороне правительственных войск, но все время опасаются и ждут общей анархии и беспорядков, которые и должны будут вызвать постороннее вмешательство.

Генерал-майор Самойлов.

№ 364. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Берлине, Вашингтоне — Бенкендорфу, Извольскому, Остен-Сакену, Бахметеву и поверенному в делах в Токио Броневскому.

*/. Телеграмма № 37 [3]. 18/5 января 1912 г.

Министр иностранных дел революционного китайского правительства телеграфировал мне просьбу о признании сказанного правительства [4]. Полагаю, что с такой же просьбой он обратился ко всем великим державам.

---

[1] См. № 319.
[2] См. ч. 1, стр. 209, прим. 4.
[3] Царск. экз.
[4] См. № 318.

Благоволите доверительно осведомиться, как правительство, при котором вы аккредитованы, предполагает отнестись к этой просьбе [1].

[Сазонов.]

№ 365. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу и поверенным в делах в Пекине и Токио — Щекину и Броневскому.

Телеграмма № 38. 18/5 января 1912 г.

Японский посол сказал мне, что его правительство получило достоверные сведения о предстоящей высадке в одном из портов Южной Манчжурии китайских революционных войск, которые пойдут оттуда на Пекин [2]. Таким образом революционеры займут сообщение Южной Манчжурии с Пекином и отрежут находящиеся в Порт-Артуре японские войска от китайской столицы. Чтобы предупредить такой оборот дела, японское правительство решило занять линию Шанхай-Гуань — Мукден, на что желает заручиться нашим согласием.

Я ответил советом действовать с осторожностью, чтобы не возбудить протестов держав, и просил предупредить нас за несколько дней о предстоящем занятии Шанхай-Гуань-Мукденской железной дороги, чтобы мы могли приготовить к этому событию русское общественное мнение. Я выразил надежду, что японские войска будут отозваны с этой линии тотчас по миновании надобности. Посол ответил, что его правительство, конечно, не встретит препятствий дать нам утвердительный ответ по обоим этим пунктам.

Для Лондона. — Благоволите в самой осторожной и доверительной форме выяснить, как относится к вышеизложенному намерению Японии английское правительство, которое, по словам барона Мотоно, уже некоторое время тому назад выразило согласие на занятие японцами железной дороги между Мукденом и Шанхай-Гуанем.

Для Токио и Пекина. — Вышеизложенное сообщается для вашего личного сведения.

Сазонов.

№ 366. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 1. 18/5 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Разыгравшийся здесь на прошлой неделе министерский кризис не являлся неожиданным, ввиду пошатнувшегося положения кабинета Кайо. Тем не менее он поразил всех как своей внезапностью, так, главным образом, в силу того обстоятельства, что причиной падения министерства явилось обнаружившееся в его среде резкое разногласие по жгучему вопросу о недавних франко-германских переговорах.

[9 января 1912 г.] 27 декабря [1911 г.] в заседании сенатской комиссии председатель совета и министр иностранных дел давали подробные разъяснения. Первый из них упомянул, между прочим, о переговорах, которые еще при министерстве Мониса велись между г. Фондером, с французской стороны, и г. Земмлером, с германской, о сооружении железнодорожной линии между Камеруном

---

[1] В ответных тел. Бенкендорф, Извольский и Бахметев сообщили, что в Лондоне, Париже и Вашингтоне получена аналогичная тел. м-ра ин. дел. кит. революционного прав-ва, но что все три прав-ва решили оставить ее без ответа, ожидая дальнейшего развития событий (тел. из Лондона от 20/7 янв. за № 4, из Парижа от 20/7 янв. за № 5 и из Вашингтона от 19/6 янв. за № 1). В тел. от 20/7 янв. за № 3 Остен-Сакен сообщил, что кит. революционное прав-во уже несколько раз обращалось с такой же просьбой к берлинскому кабинету, который оставляет ее без ответа. Наконец, Броневский тел. от 20/7 янв. за № 1 сообщил, что и японское прав-во получило тел. Ванг-Чунг.гуя. В этой же тел. он передавал, что японское прав-во получило «второе ходатайство о том же» и «намерено оставить обе телеграммы без ответа».

[2] Рапортом от 19/6 янв. за № 14 Самойлов сообщал о получении япон. воен. м-вом сведений, что «китайские революционеры замышляют перенести свою деятельность в Манчжурию».

и Конго. Делом этим г. Кайо, по его словам, интересовался в качестве министра финансов [1]; однако выработанный проект был в совете министров признан неприемлемым и отклонен.

Заканчивая свою речь, г. Кайо выразил удивление по поводу распространяемых толков о каких-то подпольных переговорах, которые будто бы велись им независимо от официальных, и заявил, что хотя он, в качестве главы правительства, и прилагал все усилия к облегчению задачи французской дипломатии, однако никогда он не вел переговоров помимо министра иностранных дел и французского посла в Берлине, которых, напротив, неуклонно держал в курсе всех получаемых им сведений.

Тотчас после этих слов поднялся член комиссии сенатор Клемансо и обратился к министру иностранных дел с вопросом, может ли и он, со своей стороны, подтвердить, что, помимо официальных франко-германских переговоров, не велось параллельно никаких переговоров частного свойства. Ко всеобщему изумлению, г. де Сельв отказался ответить на этот вопрос, ограничившись загадочной ссылкой на то, что к такому решению его побуждает, с одной стороны, стремление не уклониться от истины, а с другой — сдержанность, необходимая ввиду занимаемого им официального положения.

Вслед за сим между гг. Клемансо, Кайо и де Сельвом произошла частная беседа, и министр иностранных дел покинул здание сената, заявив, что слагает свою должность. Действительно уже в тот же вечер г. де Сельв адресовал, вопреки общепринятому порядку, не председателю совета, а непосредственно президенту республики письмо, в газетной вырезке у сего прилагаемое [2]. Резкий тон содержащегося в нем заявления г. де Сельва о невозможности для него продолжать нести ответственность за направление внешней политики страны, «лишенной», по его словам, «единства взглядов и солидарности действия», не оставлял более сомнения в окончательном разрыве, происшедшем между гг. Кайо и де Сельвом.

Председатель совета первоначально надеялся, повидимому, спасти положение быстрым замещением поста министра иностранных дел и сохранить этим путем за кризисом частичный характер. Он предложил означенный портфель г. Делькассе, который после усиленных настояний как г. Кайо, так и г. Фальера согласился было его принять. Тогда начались поиски заместителя ему по морскому министерству, которое было поочередно и безуспешно предложено гг. Пуанкаре, Мильерану, Бодену и адмиралу Жермино.

Тем временем агитация в парламентских кругах и возбуждение общественного мнения по поводу инцидента с г. де Сельвом приняли настолько внушительные размеры, что г. Кайо пришлось убедиться в невозможности сохранить у власти руководимый им кабинет. [11 января 1912 г.] 29 декабря [1911 г.] он подал в письме на имя президента республики отставку всего министерства, мотивировав ее затруднениями, встреченными им в деле замещения поста морского министра, должность которого, как затрагивающего интересы национальной обороны, он не желал оставить вакантной, хотя бы на самый короткий срок. Одновременно коллеги г. Кайо, за исключением, разумеется, г. де Сельва, адресовали ему письмо, носящее как бы характер реабилитации г. Кайо от возведенных на него обвинений. В письме этом министры категорически утверждали, что за все время происходивших трудных переговоров о франко-германском соглашении в среде кабинета наблюдалось полное единомыслие и согласный образ действий.

Тексты письма г. Кайо к президенту республики и коллективного письма его сотоварищей имею честь при сем приложить.

Несмотря на это опровержение, общественное мнение продолжало быть сильно встревоженным. Одни газеты обвиняли во всем г. де Сельва и оправдывали г. Кайо, другие — наоборот, но почти все органы печати признавали насущно необхо-

---

[1] Ср. ч. 1, стр. 282, прим. 1.

[2] Текст упомянутого письма, равно как и др. приложения к публикуемому документу, не воспроизводится.

димым положить, наконец, предел взаимной розни и личным интригам, проникающим, как показал последний инцидент, в среду самого правительства и не останавливающимся даже в минуту внешней опасности для страны.

Примите и пр.

Извольский.

№ 367. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 18/5 января 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Военный агент наш, граф Ностиц, сообщил мне весьма конфиденциальным образом, что после пребывания в Париже бывшего начальника нашего генерального штаба, генерала Гернгросса, с французской стороны было заявлено желание, чтобы протоколы совещаний обоих начальников штабов были скрепляемы подписью председателей русского и французского советов министров [2]; желание это было вторично выражено прошлым летом генералом Дюбайль во время посещения им Петербурга. По обсуждении этого вопроса, по словам графа Ностица, в Петербурге было решено, что протоколы эти желательно скреплять подписями не председателей советов министров, а военных министров. Решение это было тогда же сообщено генералу Дюбайль и, по приказанию генерального штаба, подтверждено ему на-днях графом Ностицем. Процедура эта ныне окончательно принята как русским, так и французским генеральными штабами.

По поводу вышеизложенного позволяю себе обратить ваше внимание на то, что еще в 1906 г., вскоре после моего назначения министром иностранных дел со стороны французского правительства было сделано сходное предложение. Об этом предмете между мной и французским послом, г. Бомпар, произошла переписка, хранящаяся в секретном архиве вместе с другими документами, относящимися к нашей военной конвенции с Францией. Предложение французского правительства в то время было отклонено по мотивам, подробно изложенным мной во всеподданнейшем докладе [3]. Ныне в моем уме невольно возникает вопрос, было ли принятое военным ведомством решение подвержено вашему предварительному обсуждению и согласовано с вышесказанным высочайше утвержденным всеподданнейшим докладом? Вопрос этот имеет не только формальное значение, но затрагивает самую сущность наших соглашений с Францией. Насколько мне помнится, в 1906 г. Франция требовала скрепления протоколов министрами иностранных дел, и это было признано нами неудобным и нежелательным; скрепление их военными министрами, конечно, имеет несколько другой характер, но и к подобной контрассигновке, казалось бы, приложимы те же аргументы, которые послужили мотивом к отклонению предложения 1906 г.

Если решение, сообщенное графом Ностицем генералу Дюбайль, состоялось с вашего ведома и согласия, то заранее прошу вас простить мое вмешательство в этот вопрос, на который я позволяю себе обратить ваше внимание лишь в том предположении, что, при обсуждении его военным ведомством, может быть, случайно не были приняты в соображение прежние его фазисы и касательство к нему министерства иностранных дел [4].

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] Опубл. М., стр. 146.

[2] См. стр. 13, прим. 3.

[3] Докладная записка Извольского от 5 июня/23 мая 1906 г. опубл. М., стр. 147.

[4] В ответном письме от 22/9 февраля Сазонов извещал Извольского о своем разговоре с Сухомлиновым по вопросу о скреплении протоколов совещаний генеральных штабов подписями военных министров. «Военный министр самым положительным образом заверил меня, что, хотя он и нашел возможным сделать в этом отношении уступку повторным просьбам французов, он тем не менее отнюдь не намерен подписывать упомянутые протоколы без предварительного соглашения с министерством иностранных дел». «Мы признали возможным, — заканчивал Сазонов, — допустить сказанное нововведение, но под условием, чтобы протоколы предварительно сообщались председателю совета министров и министру иностранных

№ 368. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 18/5 января 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях я имел продолжительный разговор с помощником статс-секретаря по содержанию секретной телеграммы вашего высокопревосходительства от [11 января 1912 г.] 29 минувшего декабря за № 2267 [1]. Г. Циммерман снова подтвердил мне полную готовность берлинского кабинета приложить все усилия к приисканию способа, могущего обеспечить скорейшее окончание итало-турецкой войны.

«Мы весьма признательны г. Сазонову, — добавил помощник статс-секретаря, — что он так энергично взял на себя инициативу в этом деле и поставил на очередь разрешение столь одинаково важного для всех вопроса». По словам моего собеседника, берлинский кабинет ныне озабочен изысканием базы для примирения воюющих и не преминет поставить в известность ваше высокопревосходительство, если бы он оказался в состоянии сделать какое-либо предложение, могущее дополнить или изменить соображения, высказанные в вашем весьма доверительном письме от [28] 15 минувшего декабря [2].

Что касается исполнительной роли — сообщения воюющим решения держав, то этот вопрос, по мнению берлинского кабинета, совершенно второстепенный. Не высказываясь определенно о вашей мысли поручить эту исполнительную роль двум державам — по одной от каждой из больших политических группировок, г. Циммерман выразил уверенность, что не представит затруднения сговориться об этом, раз уже будут сообща найдены основные положения для посредничества. Найти же такую базу, приемлемую как Италией, так и Турцией в настоящее время крайне трудно. Наиболее компетентными в этом отношении были бы, по мнению г. Циммермана, послы на местах и главным образом в Константинополе. Барону Маршаллу, повидимому, уже предложено высказать свое мнение по этому вопросу. Упомянув об исходящем из турецкого источника мнении о приемлемости для Турции, в виде компенсации за отказ от Триполи, крупной коллективной уступки в ее пользу со стороны всех держав, о чем в свое время сообщал также гофмейстер Извольский со слов Рифаата-паши [3], г. Циммерман самым определенным образом высказался о неприемлемости для держав подобной уступки; турки имели, очевидно, в виду общий отказ от капитуляций, на что державы, очевидно, согласиться не могут. Да и сама Италия, по словам моего собеседника, не согласилась бы в настоящее время купить мир ценой отказа от капитуляционных прав. Этот взгляд г. Циммермана подтверждается, впрочем, также высказанным вам итальянским послом мнением о необходимости, даже при перемирии, полного восстановления status quo ante bellum в отношении вытекающих из капитуляций прав и преимуществ для итальянских подданных в Турции.

Развивая свою мысль о трудности для держав достичь к весне прекращения военных действий, помощник статс-секретаря упомянул также о невозможности для турок вывести ныне свои войска из Триполи и оставить на произвол судьбы столь доблестно сражающихся за общее отечество арабов. Такое предательство со стороны турок, несомненно, отозвалось бы весьма неблагоприятно в других населенных арабами частях Оттоманской империи.

дел и лишь затем, по соглашении с последними, скреплялись подписью военного министра. Таким путем, казалось бы, достаточно обеспечивается уверенность, что в эти протоколы не может случайно проникнуть что-либо несогласное с общим направлением нашей государственной политики. По докладе моем вышеизложенного государю императору, его величеству благоугодно было [16] 3 сего февраля изъявить высочайшее соизволение на принятие отныне указанного порядка для скрепления протоколов совещаний начальников штабов русской и французской армий».

[1] См. № 336.

[2] См. № 275.

[3] См. т. XVIII, № 725.

С другой стороны, Италия, к сожалению, отрезала себе отступление торжественным провозглашением о полном присоединении обеих африканских провинций Турции. Считаясь со всем этим, г. Циммерман и находит, что пока — при настоящем положении вещей — весьма трудно, если не невозможно, найти основы, на которых можно было бы достичь соглашения между воюющими, не прибегая к более или менее сильному давлению главным образом на Турцию.

Излишне добавить, что не представляет никакого сомнения, что берлинский кабинет не согласится на какое бы то ни было давление по отношению к Турции. Помощник статс-секретаря сказал мне однако, что барону Маршаллу предписано приложить все старания, чтобы исподволь приучить турок к мысли о неизбежности примириться с потерей своих африканских владений.

Из дальнейшего разговора об общем политическом положении на Ближнем Востоке я мог убедиться, что г. Циммерман не вполне разделяет опасений за возможность возникновения с началом весны новых беспорядков на Балканском полуострове. В этом он убеждается также из донесений германского посла в Константинополе; такого же взгляда, по имеющимся у него сведениям, держатся будто бы гофмейстер Чарыков и сэр Джерард Лоутер.

Несмотря на все внутренние неурядицы и действительно крайне затруднительное положение младотурецкого правительства, Оттоманская империя, по мнению помощника статс-секретаря, за последние два года и даже за последний год настолько окрепла в военном отношении, что является слишком опасным противником. Это обстоятельство и, пожалуй, добрые советы великих держав в столицах балканских государств будут достаточны, чтобы успокоить слишком предприимчивые элементы на Балканском полуострове. Самым беспокойным, — добавил г. Циммерман, — является король Николай, и здесь надеются, что мы сумеем удержать его от необдуманного шага.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 369. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 2. 18/5 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На этих днях австро-венгерское правительство объявило, что подготовительные работы для призыва новобранцев, которые должны были начаться 1 мая 1912 г., отложены на неопределенный срок. Такая неопределенность ставит и крестьянское и городское народонаселение в весьма тяжелое положение и вызывает немалое недовольство. Крестьяне, не зная, когда состоится призыв новобранцев, рискуют в самый разгар уборки урожая остаться без рабочих рук. В городах рабочие не могут заключать контрактов, а учащаяся молодежь, которая уже изъявила свой протест, жалуется, что такая мера дурно повлияет как на экзамены, так и на будущую их карьеру.

Подкладка к принятию такой меры правительством кроется в его желании во что бы то ни стало провести в австрийском и венгерском парламентах новый военный закон о двухлетней службе и об увеличении числа новобранцев со 103 тысяч до 159 тысяч в год. Что касается мнения австрийского парламента, то оно пока неизвестно, так как новый закон ему еще не представлен. Венгерский же парламент, на рассмотрение коего законопроект представлен, уже высказал свое мнение в оппозиционном духе. Обе партии Кошута и Юста изъявили согласие принять этот закон при следующих условиях. Партия Юста требует взамен своего согласия общее выборное право; партия Кошута, менее требовательная, согласится с правительством, если оно предоставит венгерской армии право носить на мундирах, амуниции и т. д. венгерские эмблемы вместо общих имперских.

Найдя таким образом сильную оппозицию в венгерском парламенте и предвидя не менее затруднений со стороны австрийского, правительство решилось прибегнуть к помянутой мере, вызвавшей всеобщее неудовольствие и тяжело

отозвавшейся на всем народонаселении, которому оно желает дать более удобный для него закон о двухлетней вместо трехлетней службы, но не может этого сделать по вине парламентов. Сваливая вину на парламенты, правительство надеется, что само народонаселение повлияет на своих представителей и заставит их притти к желаемому соглашению.

Не будь этого затаенного желания правительства возбудить неудовольствие народонаселения, оно могло бы просто назначить, как и прежде, известный срок для призыва новобранцев, присовокупив, что как скоро новый закон войдет в силу, состоится их дополнительный созыв. Для нас проведение нового закона будет невыгодно, так как он увеличит в военное время австро-венгерскую армию до двух миллионов; по старому закону она достигала лишь 1 200 000 человек. Кроме того, он позволит увеличить кадры. До сих пор они были крайне малочисленны, а число поступавших в случае мобилизации в них новобранцев было столь значительно, что в боевом отношении получался весьма неудовлетворительный комплект.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 370. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 2 [1]. 18/5 января 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму от [4 января 1912 г.] 22 декабря [1911 г.] № 206 [2].

После отклонения Милововичем предложения Гешова о пересмотре уже ранее условленной юго-западной части разграничительной черты в области Охридского озера, которую болгары пытались отодвинуть на север, в Софии, видимо, по бывшим примерам, не теряли надежды добиться от сербов и здесь каких-либо новых уступок. Гешов за все это время неоднократно возвращался к этому вопросу в беседах с Спалайковичем, который в выражениях своих неизменно ссылался 1) на желательность установления прочной границы с Болгарией по естественному водоразделу и 2) самое главное, на крайнюю необходимость сербам иметь на севере Охридского озера «Hinterland» — твердую опору в славянской земле для отражения натиска враждебных албанских племен и ограждения жизненного для Сербии пути к Адриатическому морю. Наконец, на-днях Гешов сообщил Спалайковичу новые варианты граничной черты, как оказывается, целиком изготовленные нашим военным агентом в Софии [3]. Это непосредственное вмешательство полковника Романовского в детальные сербо-болгарские споры, находясь в противоречии с основной мыслью императорского правительства о предоставлении самим договаривающимся сторонам выбора различных формул, породило, кроме того, весьма крупное недоразумение. Он даже, например, болгарам выставлял названный проект, под видом «русского» предложения, обязательного для обоих государств. В этом смысле Гешов высказался вчера перед отъезжавшим в Белград Спалайковичем, указав ему на затруднительность для него дальнейшего обсуждения охридской граничной черты, после того как и военный министр Никифоров и король Фердинанд сочли своим долгом немедленно подчиниться русскому предложению. Между тем вариант Романовского, не удовлетворяя вышеизложенным существенным требованиям сербов, представляет и по техническим и по стратегическим условиям серьезные недостатки. Сегодня зашел ко мне крайне взволнованный Пашич, заявляя о полной неприемлемости для сербов помянутого проекта. Эти не теряют, однако, надежды на возможность найти примирительный выход, если бы ваше высокопревосходительство сочли соответственным рассеять в Софии мысль о существовании русского предложения, под каковым выдается совершенно частное мнение нашего военного агента. Смею думать, что обязательность последнего тем менее допустима, что

[1] Царск. экз. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 19, где датирована 19/6 янв. Тел. от 19/6 янв. (без номера) Гартвиг просил датировать публикуемую тел. 18/5 янв.

[2] См. ч. 1, стр. 291, прим. 3.

[3] См. № 338.

таковая постановка дела в известной степени предрешала бы верховный арбитраж, к которому, быть может, еще вынуждены будут прибегнуть обе стороны. Ходатайствую о спешных инструкциях для избежания перерыва в сербо-болгарских переговорах.

Гартвиг.

№ 371. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

/. Телеграмма № 39. 19/6 января 1912 г.

№ 1.

За № 2 вам сообщается весьма секретная телеграмма Неклюдова [1] о неблагоприятном обороте сербо-болгарских переговоров. Можем только искренне пожалеть, что из-за весьма второстепенных соображений более или менее далекого будущего рушится важное дело, способное обеспечить в принципе именно это будущее.

Так как право России иметь в этих вопросах свое мнение было в принципе признано обеими сторонами в течение их переговоров, считаем своевременным посоветовать Сербии принять последнюю предложенную болгарами границу.

О последующем благоволите телеграфировать.

Сазонов.

№ 372. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 16. 19/6 января 1912 г.
Секретно. Спешное.

М. г. Владимир Николаевич,

По поводу препровожденной мне вашим высокопревосходительством секретной телеграммы наместника его императорского величества на Кавказе от [15] 2 сего января за № 1001 [2] считаю долгом сообщить, что мной уже сделан запрос нашему послу в Константинополе относительно поступающих отовсюду сведений о военных приготовлениях Турции в смежных с Кавказом и Персией турецких областях [3]. Вместе с тем я просил гофмейстера Чарыкова высказаться также относительно положения, которое нам следовало бы занять при настоящих обстоятельствах. Впредь до получения от посла ответа на означенный запрос, я полагал бы желательным воздержаться от предлагаемого вновь наместником занятия теперь же макинского ханства. Не подлежит сомнению, что указанное выше усиление турецких боевых сил вызвано главным образом посылкой нами отряда в Хой, с расстановкой наших постов на дороге, ведущей из этого города в Урмию. Поэтому занятие нами Маку могло бы только способствовать обострению взаимных отношений.

Высказанная выше мысль, что турецкие мероприятия имеют связь с нашим выступлением в Урмийском районе, находит себе подтверждение в прилагаемой при сем секретной телеграмме посла в Константинополе от [14] 1 сего января за № 3 [4], в которой гофмейстер Чарыков между прочим высказывается за безотлагательное усиление нашего хойского отряда. Эту меру было бы желательно передать на обсуждение наших военных властей. При этом я должен, однако, заметить, что упоминаемое гофмейстером Чарыковым занятие Кущи, как видно из имеющихся в вверенном мне министерстве сведений, а также из телеграммы на-

---

[1] См. № 354 и прим. 2 к нему.

[2] Тел. Воронцова-Дашкова за № 1001 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] Тел. от 13 янв. 1912 г./ 31 дек. 1911 г. за № 2294 Сазонов, сообщая Чарыкову о поступающих сведениях по поводу принимаемых Портой мерах военного характера, просил последнего проверить эти слухи.

[4] В тел. от 14/1 янв. за № 3 Чарыков указывал: «По моему мнению, необходимо использовать наше преимущество в отношении сообщений и усилить хойский отряд и линию Хой — Урмия соответственным образом ранее прибытия туда турецких подкреплений. Необходимо также занять, не разбрасывая наших сил однако, снова и прочно Кущи. Турки, как мне видно, примирились с нашим обладанием Кущи, но будут оборонять Салмас».

местника за № 1001, уже состоялось наряду с занятием и некоторых других важных пунктов на пути из Хоя в Урмию. Вопрос сводится теперь лишь к тому, достаточно ли сильны расположенные на сказанном пути наши части, чтобы с успехом выполнять возложенную на них задачу по охране его от курдских грабежей и внушать должное уважение стоящим в непосредственной близости туркам [1].

Передавая об изложенном и присовокупляя, что копия с настоящего письма мною вместе с сим препровождается для сведения военному министру, пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

№ 373. Французский посол в Петербурге министру иностранных дел.

Письмо. 20/7 января 1912 г.

Mon cher Ministre,

Vous savez que des conversations ont eu lieu à Paris entre financiers pour la constitution d'une société russo-anglo-française d'étude du futur Transpersan. Un groupe français, dont nos grands établissements de crédit ont été sollicités de faire partie—est en formation, mais il a fait connaître qu'il subordonnait à l'assentiment du gouvernement sa participation aux études. Avant de se prononcer, Mr. Poincaré désirerait savoir comment vous envisagez cette question et si vous voyez un intérêt politique à ce que la participation de nos établissements de crédit soit encouragée.

Voulez vous bien par un mot me mettre en mesure de répondre, à moins que vous ne préfériez que j'aille causer de cette affaire avec vous [2].

Votre bien dévoué

George Louis.

Перевод.

Дорогой министр,

Вы знаете, что в Париже между финансистами имели место собеседования по поводу учреждения русско-англо-французского общества по изучению будущей Трансперсидской ж. д. В настоящее время организуется французская группа, принять участие в которой было предложено нашим крупным кредитным учреждениям; но она дала знать, что свое участие в изысканиях она ставит в зависимость от согласия правительства. Прежде чем высказаться, г. Пуанкаре желал бы знать, как вы относитесь к этому вопросу и считаете ли вы желательным, с точки зрения наших политических интересов, чтобы участие наших кредитных учреждений было поощрено.

Благоволите написать мне несколько строк, чтобы дать мне возможность ответить, если только вы не предпочитаете, чтобы я переговорил по этому вопросу с вами лично.

Преданный вам

Жорж Луи.

---

[1] Позднее, при деп. от 19/6 февр. за № 16 (в оригинале ошибочно датированной 19/6 янв.), Чарыков, представляя Сазонову совместную записку англ. и росс. воен. агентов в Турции и рапорт росс. воен. агента от 16/3 февр. за № 20, указывал, что «с целью усилить батальоны, находящиеся на самой границе и в Персии», турки собирают резервистов и что «нормальная перевозка военных грузов в сторону персидской границы ускорилась со времени предъявления в Тегеране русского ультиматума и вступления русских отрядов в Персию». По словам росс. воен. агента, сообщал далее Чарыков, «происходящее пока усиление турецких войск на персидской границе скорее всего является мерой предосторожности с турецкой стороны, а не вызовом России». По мнению Чарыкова, поручение англ. и росс. воен. агентам наблюдения за ходом турец. воен. мероприятий было бы достаточным «для заблаговременного ограждения без особых дипломатических шагов наших военных интересов на русско-турецкой и персидско-турецкой границах».

[2] Передавая в тел. от 27/14 янв. за № 80 содержание этого письма Бенкендорфу, Сазонов сообщал: «Я ответил, что мы приветствуем таковое участие и придаем большое значение тому, чтобы правительство республики оказало этому предприятию зависящую поддержку».

№ 374. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 5 [1]. 20/7 января 1912 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 1 и 2 от 19/6 января [2], полученные мной сегодня после отправления моей телеграммы № 2 от [18] 5 января [3].

Для полного освещения возникшего в сербо-болгарских переговорах затруднения, на мой взгляд пока не безысходного, почитаю долгом указать на следующее: Милованович пока вовсе не требовал безусловного принятия болгарами сербской первоначальной черты. От этой первоначальной черты, направлявшейся от Вардара на юго-запад и перерезывавшей озеро южнее города Охриды на две половины — северную сербскую и южную болгарскую, в Белграде давно отказались. Следуя нашим миролюбивым советам, сербы последовательно сокращали свои притязания, уступая болгарам и Велес, и Прилеп, и Крушево, и Охриду, определив конечную южную границу от Брежаны до крайнего северного побережья Охридского озера к Струге, в каковой области речь шла уже не о числе километров, но об ограждении выхода для Сербии к Адриатическому морю. На этот проект, как тогда заявил Гешов, болгары в принципе согласились, и в дальнейших переговорах все внимание сосредоточилось на северо-восточном «единственно» спорном участке. Лишь после того, как болгары добились также уступки сербами важной позиции в Эгри-Паланке, Гешов неожиданно вернулся к охридскому вопросу, вновь обсуждать который после достигнутого соглашения Милованович отказался еще [2 января 1912 г.] 20 декабря [1911 г.] [4]. Дальнейший ход дела описан в моей телеграмме № 2, затем идет недоразумение: Неклюдов телеграфирует во вторник [16] 3 января [5] о безусловном отклонении Миловановичем варианта Романовского и об окончательном крушении переговоров, тогда как Спалайкович, возражавший Гешову на основании общих инструкций против пересмотра уже однажды установленной черты и, в частности, по телеграфным разъяснениям Милановича о невозможности для Сербии лишиться опоры на побережьи озера, только в среду [17] 4 января выехал из Софии в Белград именно для получения окончательных указаний своего правительства относительно помянутого варианта. При этом Гешов напутствовал Спалайковича увещаниями склонить Милановича в пользу проекта, упомянув и о желательности скорейшего изготовления военной конвенции. Руководствуясь указаниями вашего высокопревосходительства, я имел сегодня дружеские объяснения с Миловановичем и Пашичем. Дорожа благоволением России и сознавая все значение союза с Болгарией, они, конечно, для успеха дела не остановятся ни перед какими второстепенными соображениями и всегда готовы отказаться от различных прирезок и от более точного направления граничной черты. Но болгарское требование наносит удар жизненным интересам Сербии, а посему принятие его целиком равносильно самоубийству. Смею думать, что настояния наши в пользу проекта Романовского могли бы вызвать крайне невыгодное для нас впечатление среди сербов, которые всегда болезненно чувствовали неравномерность благ, получаемых от России славянскими государствами. В данном случае таковая сказалась бы тем интенсивнее, что на весы поставлены, с одной стороны, жизненные интересы Сербии, с другой, прихоть Болгарии обладать Стругой, местом, где родились братья Милодиновичи, в сущности сербы по происхождению, борцы за болгарскую самобытность. По обсуждении дела сербское правительство, готовое последовать примирительным советам России, намерено в ответ на последний вариант Романовского предложить Болгарии: вопрос о граничной черте в узком коридоре между Брежаной на реке Брежане и Стругой на реке Дрине считать открытым, и подлежащим в будущем верховному арбитражу России и тот-

[1] Маш. копия.
[2] См. № 371.
[3] См. № 370.
[4] См. ч. 1, стр. 291, прим. 3.
[5] См. № 354.

час подписать соглашение. В этом смысле Милованович предполагает завтра отправить инструкции Спалайковичу в надежде, что ваше высокопревосходительство одобрите таковые.

Гартвиг.

№ 375. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 29. 20/7 января 1912 г.

Юань Ши-кай предупредил декана дипломатического корпуса, что указ об отречении династии будет издан на этих днях, примерно через неделю [1]. Остается лишь условиться о размерах пенсии императорской фамилии, которая настаивает на пяти миллионах лан в год, вместо предложенных ей трех миллионов; по прочим пунктам соглашение состоялось. Указ поручит Юаню образовать временное правительство для введения республиканского строя и избрания президента при помощи либо национального собрания, либо имеющихся налицо депутатов от провинций. Для выигрыша времени в указе будет избран второй способ. Намекнув на состоявшееся уже соглашение между ним и республиканским правительством в Нанкине, Юань добавил, что думает организовать свое временное правительство в Тяньцзине, ввиду трудности побудить двор уехать зимою из Пекина и для облегчения съезда депутатов провинций, так как южане отказываются приехать в Пекин, опасаясь за свою безопасность. Опасения эти, вероятно, разделяет и Юань, так как следствие обнаружило, что виновник покушения на его жизнь был начальник чертежного отделения генерального штаба и что дом, из которого была брошена бомба, был незадолго перед тем куплен князем Цзай-Тао [2]. В заключение Юань добавил, что надеется на признание временного правительства, которое он должен будет организовать, со стороны держав.

Щекин.

№ 376. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 30. 20/7 января 1912 г.

№ 2 [3].

Какова бы ни была истинная роль, сыгранная Юань Ши-каем после возвращения его к власти, в настоящее время едва ли может быть сомнение, что ближайшей своей задачей он считает — заручиться признанием держав нового строя в Китае возможно скорее и на наиболее легких для последнего условиях. Главным аргументом Юань будет выставлять необходимость восстановить порядок в стране в интересах самих иностранцев. Из обмена мыслей, который я имел с некоторыми коллегами, выяснилась склонность обставить окончательное признание всякого нового правительства определенными условиями. Особенно ясно

[1] Тел. от 18/5 янв. за № 19 Щекин сообщил Сазонову, что 17/4 янв. под председательством вдовствующей императрицы состоялось совещание, на котором присутствовали семь ближайших родственников императорского дома и семь монг. князей. Князь Цин, один из ближайших родственников императора, указывая, что денег и боевых запасов недостаточно, настаивал на отречении династии от престола при условии обещания со стороны республиканцев «о сохранении за императорской фамилией ее движимого и недвижимого имущества, о поддержании храма предков и о достройке гробницы императора Гуан-Сюй». Монгольские князья возражали, доказывая, что «республиканцы не располагают значительными средствами и что гарантии их доверять нельзя». Окончательного решения принято не было.

[2] Деп. от 21/8 янв. за № 4 Щекин «из официально и тщательно проверенных источников» сообщал Сазонову, что на карету Юань-Ши-кая была брошена бомба из верхнего окна дома, купленного подставными лицами по поручению князя Цзай-Тао; было арестовано три человека, но допросить удалось только одного, так как двое из арестованных покончили жизнь самоубийством; из допроса оставшегося в живых выяснилось, что «он занимал должность начальника топографического отделения главного управления генерального штаба в то время, когда князья Цзай-Тао и Юй-Лан стояли во главе этого учреждения».

[3] Под № 1, повидимому, Щекиным была послана тел. за № 29 (см. № 375).

высказался в этом смысле японский посланник. Французский посланник в частной форме развил мне мысль о необходимости для держав установить по взаимному соглашению принципиальные пункты, которые бы гарантировали общие права иностранцев в Китае, и лишь по принятии новым правительством этих пунктов согласиться на его признание. Выход такой предотвратил бы соревнование держав заручиться теми или другими, быть может, даже несущественными выгодами и пойти на сепаратное признание. Мне казалось бы нелегкой задачей достигнуть такого предварительного уговора держав иначе, как в самой общей форме, которая для нас могла бы представлять разве лишь некоторую выгоду при пересмотре торгового договора. Быть может, поэтому было бы рациональнее ограничиться обменом мнений для начала с Японией, а затем с Англией и Францией. Представители обеих последних держав имеют пока основной инструкцией от своих правительств заботу о скорейшем установлении нормального положения вещей в Китае. С нашей стороны мог бы быть выставлен тот аргумент, что смута в сопредельных, на громадном протяжении с нашими владениями, окраинах Китая заставляет нас, при признании всякого нового китайского правительства, сделать особую оговорку о неизбежной для нас необходимости не ограничиваться лишь подтверждением формально принадлежащих нам прав, но и обеспечить себе правильное продолжение и завершение наших текущих переговоров с нынешним пекинским правительством и стоящих на очереди вопросов. На случай совещаний с коллегами почтительно просил бы руководящих указаний вашего высокопревосходительства.

Щекин.

№ 377. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 58. 22/9 января 1912 г.

Сообщается послу в Константинополе и посланнику в Тегеране.

Отчет Шипле и Минорского [1] с очевидностью установил, что турки далеко продвинулись вперед за пределы спорной пограничной зоны на всем ее протяжении и что ими принимаются там все меры к укреплению своего владычества. Ныне поступают к нам отовсюду сведения о весьма деятельных военных приготовлениях турок в целях отправки новых воинских частей в оккупированные области [2]. Вместе с тем имеются ясные указания также и на стремление их занять и весь персидский Соуджбулаг, в районе которого, по свидетельству поименованных делегатов, распространение турок еще далеко не остановилось.

Вследствие этого и ввиду предстоящего в скором времени начала работ по пограничному вопросу турецко-персидской комиссии в Константинополе нам представляется своевременным и весьма желательным произвести безотлагательно совместно с великобританским правительством давление на Порту в видах предотвращения дальнейшей посылки ею войск в пределы Персии и новых каких-либо захватов.

Благоволите склонить лондонский кабинет к тому, чтобы великобританскому послу в Константинополе было предложено сговориться с Чарыковым относительно совместных шагов в этом смысле и о последующем телеграфировать [3].

Сазонов.

№ 378. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 6 [4]. 22/9 января 1912 г.

Сегодня, при весьма приподнятом и нервном настроении палаты, Пуанкаре ответил на ряд запросов о захвате итальянцами двух французских судов и о задержании находившейся на одном из них партии турецких пассажиров. Изло-

[1] Ср. № 280.
[2] См. № 372.
[3] Ответной тел. от 29/16 янв. за № 17 Бенкендорф сообщал, что Лоутеру посланы аналогичные инструкции.
[4] Опубл. М., стр. 148.

жив подробности инцидента, Пуанкаре высказал, что после возвращения сказанных пассажиров Франции, остальные спорные пункты могут быть подвергнуты Гаагскому трибуналу. Сейчас получено агентское известие, что Италия предлагает подвергнуть Гаагскому трибуналу все связанные с инцидентом вопросы. Это предложение вряд ли будет здесь принято, ибо общественное мнение с большой силой высказывается за немедленное возвращение задержанных турок [1].

Извольский.

№ 379. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [2].

23/10 января 1912 г.

Полученные из Пекина известия о предстоящем отречении от престола дайцинской династии и поручении Юань Ши-каю организовать новое правительство в Китае ставят вопрос о признании этого нового правительства со стороны держав. Наш поверенный в делах уже выяснил путем частных объяснений, что представители в Пекине наиболее заинтересованных в китайских делах держав считают необходимым обставить признание правительства Юань Ши-кая условиями, гарантирующими права иностранцев в Китае [3]. Можно полагать, что Юань Ши-кай будет вынужден, в той или другой степени, итти навстречу означенным требованиям гарантий, ибо прочность положения его правительства, не могущего рассчитывать на общее и безусловное сочувствие китайцев и нуждающегося прежде всего в деньгах, т. е. в иностранном займе для подавления внутренней смуты, будет в значительной степени зависеть от отношения к нему держав [4].

Из последних особое значение для Юань Ши-кая имеют Россия и Япония, как соседки Китая, имеющие в нем политические интересы, по своей важности далеко превосходящие политические интересы других держав. Россия и Япония поэтому должны использовать настоящий исключительно благоприятный момент, чтобы закрепить свое положение в Китае и положить конец политике, которую преследовало за последние годы китайское правительство и которая была направлена против сказанных русских и японских первостепенных политических интересов.

Эта политика уже приводила императорское правительство к мысли о желательности силой оружия и отторжением некоторых китайских областей упрочить настолько наше положение на Дальнем Востоке, чтобы не рисковать осложнениями в этих областях в такое время, когда наши силы должны быть сосредоточены в других сферах нашей внешнеполитической деятельности. Отторжение от Китая и присоединение обширных территорий признавалось, однако, императорским правительством крайней мерой, и мы постоянно искали решений, не связанных с столь многочисленными и серьезными отрицательными последствиями. Именно для таких решений, достигаемых дипломатическим путем и не нарушающих неприкосновенность китайской территории, настоящий момент, когда в Китае образуется новое правительство, нуждающееся в нашем признании и поддержке, представляет столько выгоды, что нам нельзя пропустить его, не сделав, по крайней мере, попытки достигнуть сказанных решений.

---

[1] В тел. от 24/11 янв. за № 9 Извольский сообщил, со слов Пуанкаре, что франц. прав-во настаивает на немедленном возвращении задержанных 29 турок и лишь после этого согласно передать остальные спорные вопросы на решение Гаагского трибунала. По словам Извольского, в Париже «продолжает господствовать очень повышенное настроение, и, если ответ Италии окажется неудовлетворительным, положение может серьезно обостриться».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 88.

[3] См. № 376.

[4] В деп. от 21/8 янв. за № 4 (см. стр. 31, прим. 2) Щекин, между прочим, писал Сазонову, что на первых же порах новое правительство должно будет считаться с денежными затруднениями, переживаемыми Китаем. «Поэтому, как только отпадет вопрос о нарушении нейтралитета, возобновятся старания китайцев заключить внешний заем на неотложные расходы и на водворение некоторого порядка, необходимого, между прочим, и для упорядочения финансового положения, что не может быть безразлично для иностранных кредиторов».

На первом месте среди политических вопросов, занимающих нас в Китае, стоит манчжурский вопрос. В сторону борьбы против занятого нами в Манчжурии положения особенно деятельно шло китайское правительство. Воспользовавшись минутой, нам надлежит прежде всего попытаться оградить себя в Манчжурии от этой враждебной нам деятельности китайцев. А так как в Манчжурии наши интересы совпадают с японскими и относительно Манчжурии мы имеем с Японией политические соглашения 1907 и 1910 годов, то в этом вопросе нам предстоит действовать совместно с японским правительством, что очевидно облегчает нашу задачу. Надо заметить также, что и Юань Ши-кай и революционеры делали нашему посланнику в Пекине намеки на возможность признания нашего положения в Манчжурии. Почва для этого таким образом имеется, по-видимому, уже налицо.

Такое признание положения несомненно удобнее всего могло бы осуществиться путем предварительных переговоров с Японией для установления наших и японских пожеланий по этому вопросу. Эти пожелания с нашей стороны, казалось бы, должны сводиться к следующему: к получению обязательства Китая действовать по соглашению с нами в вопросах: 1) о железнодорожном строительстве в Манчжурии и в прилегающей к ней Внутренней Монголии и 2) о количестве и дислокации китайских военных сил. Затем из признания нашего положения в Манчжурии должно вытекать 3) — признание китайским правительством права общества Китайско-Восточной железной дороги заведывать единолично не только железнодорожным хозяйством, как утверждают китайцы, но и всей администрацией в полосе отчуждения. Все три пункта должны быть ясно формулированы до их предъявления Китаю.

Из этих трех пунктов японцев, в применении к их сфере влияния в Манчжурии, может интересовать только железнодорожное строительство: китайские вооружения не вызывают в них опасений, а на положение в полосе отчуждения Южно-Манчжурской железной дороги они не имеют причин жаловаться. Надо ожидать, что японцы свяжут признание правительства Юань Ши-кая с более существенным для них вопросом о сроке аренды Квантуна и пожелают добиться ее продления на срок, превышающий 25 лет, на которые пользование Квантуном было уступлено России. Такое требование нисколько не затрагивает наших интересов. Поэтому мы не имеем оснований ему противиться.

Другим вопросом, который желательно решить в связи с признанием нового китайского правительства, является вопрос о пересмотре С.-Петербургского договора. Если нам удастся добиться обязательства Китая сохранить, при пересмотре этого договора, его основные черты, делающие его орудием нашей политической деятельности в Застенном Китае, то мы не только обеспечим в этой области наши торговые интересы, но и в значительной степени предрешим желательную нам постановку монгольского вопроса, в смысле сохранения Монголии автономной областью в составе китайской империи. Окончательное же решение этого вопроса, слишком сложного и затрагивающего лишь специально русские, чисто политические и идущие вразрез с принципом неприкосновенности китайской территории интересы, может быть отложено до последующего времени, ибо без соглашения с нами китайцы не могут восстановить свою власть над Монголией, и от нас будет зависеть продиктовать условия восстановления этой власти.

Предварительно предъявления вышеизложенных требований Китаю мы должны столковаться с японским правительством и установить с ним все пункты требований, которые будут предъявлены как нами, так и японцами, дабы затем совокупными усилиями настаивать на их принятии китайским правительством предварительно его признания Россией и Японией. Действуя в согласии с японцами, мы можем рассчитывать на успех наших переговоров, особенно если нам удастся заручиться сочувственным отношением нашей союзницы Франции, а японцам — их союзников англичан.

Сазонов.

Одобряю.

Царское Село, [23] 10 января 1912 г.

№ 380. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 9. 23/10 января 1912 г.

Reçu N 38 [1].

Pour compléter mon N 5 [2].

Grey a repris l'entretien à ce sujet que j'avais eu avec Nicolson et dont ai rendu compte. Grey m'a dit que dans les premiers jours de novembre le chargé d'affaires japonais avait demandé comment le gouvernement britannique considérerait une occupation importante japonaise de la ligne Shanghai-Kuan. Le 11 novembre Grey a répondu par un mémoire dans lequel il disait qu'il ne contestait pas le droit du gouvernement japonais de procéder à cette mesure au cas d'une absolue nécessité pour les intérêts japonais, mais qu'il n'en serait aucunement ainsi dans un moment où les Puissances se bornaient à s'occuper de la securité des communications entre Tientsin et Pékin, ce qui ne pouvait être considéré comme une intervention et que par conséquent il ne pouvait pas approuver la mesure dont parlait le représentant japonais. Grey me dit que depuis il n'a plus été question de cette affaire entre les gouvernements anglais et japonais. Grey ajouta qu'il y a une quinzaine de jours au cours d'un entretien provoqué par une question différente avec le chargé d'affaires japonais il lui avait dit que dans son opinion personnelle le maintien de la dynastie conjointement avec des réformes de forme de gouvernement lui paraissait offrir plus de garanties pour l'unité de la Chine et le maintien de l'ordre, que les projets de république qui sont en faveur dans le midi. Mais que le gouvernement anglais n'interviendrait ni en faveur de l'une, ni de l'autre, et qu'il croyait toute intervention étrangère nuisible dans l'intérêt de la Chine comme des Puissances, parce qu'une intervention en faveur de la dynastie dans le nord provoquerait facilement une déclaration d'indépendance dans le midi, ce qu'il considère comme le début d'une dissolution de l'Empire et vice versa. Grey dit en réponse à ma demande de préciser son opinion sur le cas dont il est actuellement question, qu'il lui était très difficile de préciser une opinion, ne se rendant pas assez clairement compte du but poursuivi par le gouvernement japonais, ni de la nécessité de sauvegarder leurs intérêts, mais qu'il maintenait l'opinion motivée qu'il avait exprimée au sujet de l'intervention et qu'il lui paraissait que le projet japonais pouvait être considéré comme tel.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 38.

Дополнение к моему № 5.

Грей возобновил разговор по вопросу, о котором я беседовал с Никольсоном и о котором я уже доносил. Грей мне сказал, что в первых числах ноября японский поверенный в делах вапросил о том, как отнеслось бы английское правительство к занятию значительными японскими силами линии Шанхай-Гуань. 11 ноября Грей ответил памятной запиской, в которой он указал, что он не оспаривает права японского правительства принять такую меру, в случае абсолютной необходимости ее для японских интересов; но что такой необходимости ни в коем случае не имеется в момент, когда державы ограничиваются лишь заботой о безопасности путей сообщения между Тяньцзином и Пекином, что не может рассматриваться как вмешательство, и что, следовательно, он не может одобрить меру, о которой говорит японский представитель. Грей мне сказал, что с тех пор этот вопрос между английским и японским правительствами больше не поднимался. Грей добавил, что недели две тому назад, во время разговора, возникшего по другому вопросу с японским поверенным в делах, он ему сказал, что, по его личному мнению, сохранение династии одновременно с преобразованием формы правления даст, как ему кажется, больше гарантий для единства Китая и поддержания порядка, чем проекты республики, встречающие сочувствие на Юге. Но что английское правительство не выступит в пользу ни того ни другого, и что всякое иностранное вмешательство он считает вредным как для интересов Китая, так и для держав, потому

[1] См. № 365.

[2] В тел. от 20/7 янв. за № 5 Бенкендорф сообщил Сазонову, со слов Никольсона, что япон. посол в Лондоне не делал заявления, аналогичного тому, которое Мотоно сделал в Петербурге. Никольсон добавил, что «вопрос ему кажется важным, и он должен, прежде чем дать мне ответ, обратиться к Грею».

что вмешательство в пользу династии в северном Китае легко может вызвать объявление независимости на Юге, и наоборот; он считает это началом распадения империи. В ответ на мою просьбу выразить более точным образом свое мнение по затронутому вопросу, он ответил, что очень затрудняется высказать точно свое мнение, поскольку ему не ясны ни цель, преследуемая японским правительством, ни необходимость ограждения японских интересов, но что он придерживается мотивированного мнения, высказанного по поводу вмешательства, и что, как ему кажется, японский проект может рассматриваться как таковое.

Бенкендорф.

№ 381. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 10. 23/10 января 1912 г.

Grey m'a parlé de la pension de Mahomet-Ali. Il me dit que si d'un côté le souverain abdicataire avait perdu le droit, il comprenait que continuation était nécessaire, mais qu'il tiendrait à ce que cette fois Mahomet-Ali donne un gage de plus contre nouvelle tentative de restauration. Dans la supposition qu'il reprendrait son séjour en Russie Grey propose de mettre comme condition à l'entremise des deux Puissances auprès du gouvernement persan pour le service de la pension que l'ex-shah s'engage par écrit vis-à-vis du gouvernement impérial qu'il ne reparaîtrait pas en Perse sans la permission du gouvernement impérial. Grey motive cette formalité ultérieure en disant qu'elle lui paraît tenir compte du point de vue maintenu par le gouvernement impérial. Grey m'a dit y tenir parce que le fâcheux état de choses qui prédomine dans le midi [1] aggrave la position par suite de l'intrusion de Mahomet-Ali, parce que le peu de force armée et d'argent persan disponibles pour le maintien d'un ordre relatif dans le midi ont dû servir à la lutte contre l'ex-shah. Grey me dit que le chaos et l'anarchie dans le midi de la Perse était un des sujets qui causait le plus de soucis au gouvernement anglais. A Shiraz il n'y a que quelques centaines de troupes anglaises, insuffisantes pour le maintien de l'ordre et exposées aux attaques de forces supérieures. Le dilemme devant lequel se trouve placé le gouvernement anglais est de renforcer cette troupe très considérablement ou de la retirer. La question n'est pas décidée, elle reste en suspens avec plus de probabilité en ce moment pour la dernière alternative, le Cabinet étant très opposé aux conséquences incertaines d'une occupation. Mais en ce cas si le gouvernement persan reste impuissant, tout le commerce anglais reste ruiné. C'est pourquoi il est extrêmement important pour le gouvernement anglais que le gouvernement persan, que les deux Puissances s'éfforcent d'établir, soit libre d'user de ses moyens d'action sans complications par suite de nouvelles difficultés créées par Mahomet-Ali. En terminant Grey me dit qu'une partie de l'opposition tendancieuse, dont est l'objet la Russie, semble rendre notre action dans le nord responsable des troubles dans le midi. Grey m'a dit qu'à cette accusation il est en mesure de répondre à l'opposition que quelle que soit l'influence des troubles dans le nord sur ceux du midi, l'anarchie régnait dans le midi avant notre expédition militaire et qu'elle avait atteint son comble depuis l'apparition de Mahomet-Ali sur le théâtre des événements.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил со мной относительно выплаты пенсии Мохамеду-Али. Он мне сказал, что хотя отрекшийся государь и потерял на нее право, он полагает все же необходимым продолжать ее выплату, но на этот раз он желал бы, чтобы Мохамед-Али дал еще одно новое обязательство не делать больше попыток к реставрации. В предположении, что он вернется жить в Россию, Грей предлагает обусловить ходатайство двух держав перед персидским правительством по вопросу о пенсии требованием, чтобы экс-шах дал письменное обязательство императорскому правительству, что он не появится снова в Персии без разрешения императорского правительства. Грей мотивирует эту последнюю формальность тем, что она, по его мнению, отвечает взглядам императорского правительства. Грей сказал мне, что он считает это нужным потому, что прискорбное положение, царящее на Юге, еще более усложняется

[1] См. № 350.

появлением Мохамеда-Али, так как незначительные вооруженные силы и денежные ресурсы, имеющиеся в распоряжении персидского правительства для поддержания относительного порядка на Юге, должны были пойти на борьбу с экс-шахом. Грей мне сказал, что хаос и анархия в Южной Персии являются одним из вопросов, более всего тревожащих английское правительство. В Ширазе имеется всего лишь несколько сотен английских войск, которых недостаточно для поддержания порядка и которые могут подвергнуться нападению превосходных сил. Перед английским правительством стоит дилемма — или значительно увеличить количество этих войск, или отозвать их. Вопрос в настоящее время не разрешен, но больше шансов имеет второе решение, потому что кабинет сильно опасается сомнительных последствий оккупации. Но в таком случае, если персидское правительство будет бессильно, вся английская торговля погибнет. Вот почему для английского правительства очень важно, чтобы правительство, которое обе державы стремятся установить в Персии, было бы свободно в использовании своих средств, не страдая от новых затруднений, создаваемых Мохамедом-Али. В заключение Грей сказал, что часть оппозиции, тенденциозно настроенная против России, склонна, повидимому, возложить ответственность за беспорядки в Южной Персии на наши действия в северной ее части. Грей сказал, что он имеет возможность возразить на это обвинение оппозиции, что каково бы ни было влияние беспорядков на Севере на волнения на Юге, анархия царила в Южной Персии еще до нашей военной экспедиции и она достигла своего апогея в момент появления Мохамеда-Али на арене событий.

Бенкендорф.

№ 382. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо [1]. 23/10 января 1912 г.
Секретно.

Сербский поверенный в делах Димитриевич посетил меня третьего дня и поведал мне, что недели три тому назад он, по поручению своего правительства, запросил маркиза ди Сан-Джулиано, верны ли дошедшие до Белграда из Цетинье слухи: Италия будто бы совместно с Германией и Турцией отказалась от противодействия новому занятию Австро-Венгрией Новобазарского санджака. Министр иностранных дел ответил, что он убежден в твердом намерении графа Эренталя не нарушить status quo на Балканах, но что он не сомневается, что если будут сделаны кем-либо поползновения войти в Санджак, то ранее остальных держав в нем удастся утвердиться Австро-Венгрии [2]. Ввиду этого он считает долгом обратить внимание и Черногории и Сербии на желательность безусловного воздержания от каких бы то ни было действий, которым могли бы быть приписаны вызывающие замыслы. «Последуйте нашему примеру, —закончил он, — ради сохранения европейского мира мы стеснили себя всюду, где наше выступление могло угрожать ему». Г. Димитриевича, однако, несколько озадачило, что ди Сан-Джулиано не счел долгом заверить его в отсутствии у Италии приписывавшихся ей намерений и ограничился советами дидактического свойства. Ныне Димитриевичу вновь пришлось обратиться к итальянскому правительству на основании сведений, полученных уже из Вены, будто граф Эренталь высказался в присутствии нескольких членов делегаций о предстоящем занятии Австро-Венгрией Санджака. Сербский поверенный в делах должен был добавить, что сербские правительственные круги и общественное мнение весьма встревожены подобными

[1] Лит. копия.

[2] В донесении от 31/18 дек. 1911 г. за № 58 ген. консул в Будапеште Приклонский сообщал Сазо́нову: «Здесь все более крепнет убеждение, что весной разразится смута на Балканах. Заключение Черногорией займа в Вене [см. ч. 1, стр. 220, прим. 2] делает опасения эти более вероятными. Смута послужит поводом и даже быть может создаст необходимость для Австро-Венгрии осуществить ее мечту последних лет — занять Санджак, что будет сигналом к общему кровопролитию. Есть некоторые слабые признаки, что при этом вспыхнет восстание в Боснии и Герцеговине. Соседние с Балканами государства деятельно готовятся к указанной перспективе. Австро-Венгрия настолько приготовилась к мобилизации, что она произойдет в самый близкий срок после объявления и, конечно, уже не произойдет то, что произошло перед аннексией Боснии, когда Австро-Венгрия в сущности оказалась совсем неготовой к войне». Изложив внутриполитические осложнения в Австро-Венгрии, Приклонский заканчивал: «Таково в общих чертах местное настроение. Его тревожность может служить некоторым успокоением относительно экспансивных планов монархии. Но есть моменты, когда нации идут в бой, каково бы ни было их внутреннее положение, и такой момент, повидимому, близок для Австро-Венгрии».

известиями и не могут отвечать за последствия, которые должны вызвать таковое правонарушение со стороны Австрии. Министр иностранных дел не принял г. Димитриевича и последнему пришлось беседовать с Боллати. Боллати старался успокоить его и уверял, что сведения, полученные в Белграде, ни на чем не основаны; между тем, по донесению Аварны, граф Эренталь не помышляет о нарушении status quo на Балканах, а черногорский король отрицает приписываемые ему заявления. Г. Димитриевич, лишь недавно прибывший в Рим на смену безнадежно заболевшему Вуичу, остался, как мне показалось, не совсем удовлетворенным тем, что ему пришлось услышать в Консульте.

Долгорукий

№ 383. Сообщение японского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

24/11 января 1912 г.
Strictement confidentiel.

Projet de convention secrète entre le Japon et la Russie.

Le gouvernement impérial du Japon et le gouvernement impérial de Russie, animés du sincère désir d'écarter, pour l'avenir, toute cause de malentendus concernant leurs intérêts spéciaux en Mandchourie et dans la Mongolie Intérieure, ont décidé de prolonger la ligne de démarcation fixée par l'article additionnel de la convention du 30/17 juillet 1907 et de déterminer leurs sphères d'intérêts dans la Mongolie Intérieure, et sont convenus de ce qui suit:

Article I.

Partant du point d'interception du fleuve Talaho et du 122° méridien est de Greenwich, la ligne de démarcation susmentionnée suit les cours du fleuve Ulunchuru et du fleuve Mushisha jusqu'à la ligne de partage des eaux du fleuve Mushisha et du fleuve Haldaitai; de là elle suit la ligne frontière de la province de Heilungchiang et de la Mongolie Intérieure pour arriver au point extrême de la frontière de la Mongolie Intérieure et de la Mongolie Extérieure.

Article II.

La Mongolie Intérieure sera partagée en deux parties: l'une à l'Est, l'autre à l'Ouest du chemin communiquant la ville de Chan-Chia-Kou à la ville de Kulun (Urga).

Le gouvernement impérial du Japon s'engage à reconnaître et à respecter les intérêts spéciaux de la Russie dans la partie ouest de la Mongolie Intérieure et le gouvernement impérial de Russie s'engage à reconnaître et à respecter les intérêts spéciaux du Japon dans la partie est de la Mongolie Intérieure.

Chacune des deux hautes parties contractantes s'engage à s'abstenir de tout acte pouvant porter atteinte aux intérêts spéciaux susmentionnés de l'autre partie.

Article III.

La présente convention sera strictement confidentielle entre les deux hautes parties contractantes.

En foi de quoi, les soussignés, dûment autorisés par leurs gouvernements respectifs, ont signé cette convention et y ont apposé leurs sceaux.

Fait à St. Pétersbourg, le ... jour du ... mois de la quarante-cinquième année de Meiji, correspondant au ... mille neuf cent douze.

Перевод. Строго доверительно.

Проект секретной конвенции между Японией и Россией.

Императорское японское правительство и императорское российское правительство, воодушевленные искренним желанием устранить на будущее время все причины недоразуме-

ний относительно их специальных интересов в Манчжурии и Внутренней Монголии, решили продлить демаркационную линию, установленную дополнительной статьей конвенции от 30/17 июля 1907 г., и определить их сферы интересов во Внутренней Монголии. В связи с этим они согласились о следующем:

Статья I.

Начиная от точки пересечения реки Талахо и 122° меридиана к востоку от Гринвича, вышеупомянутая демаркационная линия следует по течению реки Улунчуру и реки Мушиша до линии водораздела реки Мушиша и реки Халдайтай; оттуда она идет по пограничной черте провинции Хейлунцзян и Внутренней Монголии, достигая крайней точки границы Внутренней Монголии и Внешней Монголии.

Статья II.

Внутренняя Монголия будет разделена на две части: одна к востоку, другая к западу от дороги, соединяющей город Шан-Чиа-Ку с городом Кулун (Урга).

Императорское японское правительство обязуется признавать и уважать специальные интересы России в западной части Внутренней Монголии, и императорское российское правительство обязуется признавать и уважать специальные интересы Японии в восточной части Внутренней Монголии.

Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется воздерживаться от всех действий, могущих нанести ущерб вышеупомянутым специальным интересам другой стороны.

Статья III.

Настоящая конвенция будет строго доверительной между обеими высокими договаривающимися сторонами.

В ознаменование чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими правительствами, подписали эту конвенцию и приложили свои печати.

Совершено в С.-Петербурге... дня... месяца сорок пятого года мейдзи, соответствующего... тысяча девятьсот двенадцатого года.

№ 384. Министр иностранных дел генеральному консулу в Тавризе А. Миллеру.

·/. Телеграмма № 66. 24/11 января 1912 г.

Сообщается посланнику в Тегеране и управляющему вице-консульством в Ардебиле.

По сведениям, сообщенным великобританским послом и персидским посланником, Шоджа-эд-Доуле и Решид-эс-Солтане готовят экспедиции на Тегеран, где первый, кроме того, через сторонников усиленно агитирует против настоящего персидского правительства в пользу бывшего шаха. Сообщите Шоджа и Решиду о нашем заявлении в согласии с великобританским правительством, что Мохамед-Али-шах не будет признан нами [1], пока наши войска находятся близ Тегерана, и разъясните им, что ввиду этого предприятие шаха ныне безнадежно. При таких условиях поход их был бы совершенно бесцелен и не встретил бы нашего одобрения [2].

Сазонов.

№ 385. Заведующий отделом Среднего Востока вице-консулу в Урмии Голубинову.

Телеграмма № 69. 24/11 января 1912 г.
Личная.

Донесение № 242 [3] и телеграмма № 6 [4] получены.

Считаю нужным предостеречь вас самым настоятельным образом против увлечений. Никоим образом не следует доводить дела до столкновений с турками,

[1] См. №№ 296 и 381.

[2] Далее зачеркнуто: «Самое лучшее для них было бы искать примирения с правительством, чему могла бы содействовать и наша миссия».

[3] Донесение из Урмии за № 242 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] Тел. от 20/7 янв. за № 6 Голубинов запрашивал, какие меры может он принять «к задержанию главного участника тавризского нападения [см. ч. 1, стр. 231, прим. 5] Саидоль-Мемалека, прошедшего со своей шайкой в 8 верстах от города Урмии». Голубинов считал, что в его обязанности входит защита мирного населения не только в самом городе, но и в окрестностях, и указывал, что «сила урмийского отряда вполне достаточна для успешного выполнения этой последней задачи».

открытый разрыв с коими совершенно не соответствовал бы нашим видам. Постоянные экспедиции и экзекуции могут лишь привести к крупным столкновениям с курдами, за которыми стоят турки. Поэтому надо тщательно и их избегать, допуская их лишь в крайних случаях и когда успех вперед обеспечен. В пределы оккупированной турками полосы ни в каком случае проникать не следует. Вам надо лишь зорко следить за изменением границ турецких захватов и о нем доносить. Для этого вам можно было бы предпринимать иногда частные поездки по Урмийской равнине. Относительно преподания инструкций в этом же смысле Устиновскому делаются сношения с наместником.

Клемм.

№ 386. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 11. 24/11 января 1912 г.

Grey m'a dit, qu'au cours d'un entretien ces jours derniers avec le chargé d'affaires d'Amérique, il lui avait dit, que, dans son opinion, participation à l'emprunt international chinois devait être réservée à Russie et Japon, comme Puissances éminemment intéressées à affaires de Chine.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что в разговоре на-днях с американским поверенным в делах он сказал ему, что, по его мнению, участие в международном китайском займе должно быть предоставлено России и Японии, как державам, особенно заинтересованным в делах Китая.

Бенкендорф.

№ 387. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 10 [1]. 24/11 января 1912 г.

По сведениям, полученным Пуанкаре, Кидерлен вынес из своего пребывания в Риме [2] убеждение в невозможности в настоящую минуту успешного посредничества держав между Италией и Турцией. С другой стороны, по тем же сведениям, итальянцы, ожидавшие от Кидерлена определенных предложений и обещаний, очень разочарованы. При таких условиях Пуанкаре продолжает сомневаться в возможности достигнуть единения держав для немедленного выступления в Константинополе.

Извольский.

№ 388. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

*/. Телеграмма № 70. 25/12 января 1912 г.

Сообщается в Софию [3].

Телеграмма № 5 получена [4].

Считаю необходимым разъяснить сербскому правительству, что участие полковника Романовского в обсуждении вопроса о разграничительной сербо-болгарской черте было вызвано нашим советом болгарам не откладывать решения принципиального вопроса о соглашении из-за второстепенных на наш взгляд территориальных вожделений, о чем вам сообщено было телеграммой № 2182 [5].

[1] Опубл. Stieve, II, S. 31, № 193, где номер отсутствует.

[2] О пребывании Кидерлена в Риме см. № 403.

[3] Передавая Неклюдову публикуемую тел., Сазонов в тот же день телеграфировал ему за № 71: «Так как участию полковника Романовского в выработке окончательной разграничительной сербо-болгарской черты было в Белграде придано нежелательное толкование навязываемого нами решения, я счел нужным отправить Гартвигу телеграмму, каковая сообщается вам за № 2».

[4] См. № 374.

[5] См. № 293.

Выработанный, при его участии, проект сам по себе не может носить характера навязываемого сторонам «русского» предложения. Но мы продолжаем думать, что принцип соглашения стоит выше определенного начертания тех сфер, самая возможность реального «разграничения» коих в свое время обеспечивается этим соглашением.

Поэтому за отсутствием положительного решения возможно принять последнее предложение Миловановича: оставить вопрос об участке граничной черты у Струги открытым [1].

Сазонов.

№ 389. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 4 [2]. 25/12 января 1912 г.

Ссылаюсь на мое письмо товарищу министра от [20] 7 января [3].

Между правительством, болгарским Народным банком и г. Лост, как представителем Crédit Français и франко-русской группы, установлено соглашение об учреждении франко-болгаро-русского банка с капиталом 10 000 000 и снабженною особым капиталом филиалью в Салониках. В русской группе, как заявил мне Лост, участвуют банки Учетный и Международный. Лост отказался от чрезмерных домогательств Crédit Français и взамен приобрел деятельное участие болгарского Народного банка. Считаю этот результат весьма полезным и в политическом отношении, так как новый банк отодвинет на задний план все орудовавшие здесь полуеврейские банки. Участие в подобном деле Поля Думера и Я. И. Утина дают нам хорошие ручательства.

Неклюдов.

№ 390. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

25/12 января 1912 г.

Письмо. Частное.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Искренне благодарю вас за вашу телеграмму от [18] 5 января за № 27 относительно новейшего фазиса вопроса об итало-турецком примирении [4].

Согласно вашему намерению я мог, не будучи снабжен специальной инструкцией от своего правительства, остаться в стороне от толков, которые были вызваны и здесь означенным фазисом. Ограничиваясь наблюдением за происходившим, мне привелось констатировать следующие два обстоятельства, могущие иметь некоторое значение при дальнейшем развитии рассматриваемого дела.

1) Турки были все время осведомлены о содержании и ходе упомянутого вами обмена мыслей, и я не ошибусь, приписав эту осведомленность Порты прежде всего здешнему германскому посольству.

Такая откровенность будет, без сомнения, продолжаться и впредь, если это не будет особо предотвращено: на турецкой почве Германия всегда относилась

---

[1] В ответной тел. от 28/15 янв. за № 7 Гартвиг передал полученные от Спалайковича сведения, что Гешов, после разъяснений, данных Сазоновым, «проявляет в переговорах больше уступчивости».

[2] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 20.

[3] Письмо Неклюдова от 20/7 янв. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] Тел. от 18/5 янв. за № 27 (опубл. М., стр. 146) Сазонов сообщал Чарыкову о предпринятых им перед державами шагах по поводу посредничества между Италией и Турцией (см. №№ 275 и 336). По словам Сазонова, из обмена мнений выяснилось, что «настоящая минута, по единогласному мнению послов в Константинополе, не почитается подходящей для подобного выступления, как вследствие парламентского кризиса в Турции, так и ввиду продолжающегося нежелания Порты считаться с фактическим положением». Сазонов добавлял, что он сознательно до сих пор не извещал об этом Чарыкова, «ибо существенным условием успеха и для Турции наиболее приемлемым считаю, чтобы разговор с Портой начался лишь после единогласного установления как программы действий, так и способов ее выполнения».

своеобразно к «общеевропейским» начинаниям. Теперь же она прилагает все усилия, дабы per fas et nefas вернуть себе расположение и подчинение турецкого правительства. Для сего здешнее германское посольство не брезгает никакими средствами, не стесняется лойяльностью перед Европой, открыто бранит итальянцев и слабо их охраняет и даже, как говорят, ведет секретно свои сепаратные переговоры о мире. Основания последних, будто бы, следующие: религиозное главенство султана-халифа; оставление части Киренаики за Турцией, 300 миллионов франков индемнизаций со стороны Италии и, главное, ручательство Германии, что Австро-Венгрия не покусится на балканский status quo, в чем сейчас заключается главное опасение турок.

Я вполне понимаю — и турки понимают, — что нам теперь не до них, что китайским и персидским делам, вступившим в острый фазис, мы отдаем предпочтение перед делами турецкими, сохраняющими пока хронический характер.

Но я боюсь, что наступившая было здесь благоприятная для русских интересов конъюнктура, не будучи использована, сменится прежней — времен Дерида и Хакки-паши, — что значительно затруднит обеспечение наших реальных интересов, в частности, в срочном вопросе о малоазиатских железных дорогах.

Ведь наши противники не дремлют, и любопытным проявлением их работы является односторонность упомянутой выше осведомленности турок.

Они знают, что основой русских предположений о мире служило признание невозможности для Турции восстановить status quo ante в отношении двух африканских провинций, т. е. утрата оных для Турции, что туркам, очевидно, не понравилось. Но им осталась неизвестной симпатичная им русская мысль о том, как пощадить их самолюбие и избавить Турцию от необходимости официального признания совершившихся фактов.

Многие здесь идут дальше и пророчат нам со стороны Германии, в области турецко-персидского пограничного вопроса, «Агадир».

Я этому не верю, но считаю долгом отметить это довольно распространенное ожидание, а равно и факт, что беззастенчивые усилия германской дипломатии, привлекшей даже юбилей Фридриха Великого к служению своим интересам в Турции, постепенно успевают тем легче, что они не встречают противовеса.

О том, насколько достигнутый успех уже значителен, можно судить по прилагаемой берлинской телеграмме «Osmanischer Lloyd» [1]. Неужели и турецкий флот перейдет в германские руки? На вред и опасность для нас такой комбинации указывали в свое время и наш морской агент и я [2].

2) Саид-паша и большинство его кабинета усматривают в общеевропейском давлении на Турцию в пользу заключения мира желанное оправдание перед народом своего согласия на неизбежно тяжкие для Турции условия примирения с Италией.

Такому давлению Порта подчинится, как непреоборимой силе, равнозначащей окончательному военному поражению, в каковом мусульмане усматривают волю аллаха и которое итальянцы неспособны им нанести.

Но возможно ли общеевропейское давление на Турцию, действительно искреннее, вполне солидарное, без задних мыслей и тайных происков одной или нескольких держав?

История не знает такого примера, а барон Маршалл, который знает, как это делается, говорил мне еще на-днях, что оно невозможно. И он привел пример европейской морской демонстрации по поводу македонских реформ: турки знали, что европейская солидарность была только кажущейся и уступили не ей, а совету Германии.

---

[1] К документу приложена вырезка из газеты с сообщением из Берлина от 25/12 янв. о том, что турец. пос-во в Берлине ведет с герм. морским ведомством переговоры о приглашении на турецкую службу морского офицера высшего ранга для реорганизации турец. флота.

[2] См. мое письмо управляющему министерством от 23/10 июня 1911 г. [Прим. оригинала.] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Впрочем, и Бомпар и Лоутер полагают не только, что время еще не наступило для подобного давления, но что последнее должно непременно быть обставлено достаточными гарантиями искренности и добросовестности. Иначе державы Тройственного союза неизбежно выставят это давление, как злой умысел держав Тройственного согласия против Турции, и Германия на их счет вернет себе здесь свои прежние политические и экономические позиции. А в этом ни французы, ни англичане не желают ей помогать.

В заключение позвольте мне припомнить, что через месяц, а то и раньше, будут кончены проекты малоазиатских линий и должны быть представлены французскими предпринимателями Порте.

Французское правительство связано с нами известным секретным протоколом [1], и я не сомневаюсь, что оно сделает, что мы хотим. Но необходимо теперь уже войти с ним в обмен мыслей по этому предмету и, — как я продолжаю думать, — предложить ему воздействовать на Порту, дабы она, хотя бы сначала частным образом, возобновила длящиеся уже два года переговоры с нами о соглашении 1900 г. Французы могли бы добавить, что вопрос о 25-миллионном железнодорожном займе не сможет подвинуться, пока между Турцией и Россией не будет выяснен вопрос о замене означенного соглашения другим.

Этим путем сами французы окажутся заинтересованными в том, чтобы турки поскорее сделали нам необходимые уступки. Если же мы станем задерживать на неопределенное время ознакомление Порты с французскими проектами, то французские предприниматели начнут наседать на свое правительство и на нас, дабы мы поскорее уступили туркам. Дело срочное и минута благоприятная.

Душевно преданный вам

Н. Чарыков.

№ 391. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 75. 26/13 января 1912 г.

Сообщается в Тавриз, Решт и Ардебиль.

Телеграмма [24] 11 января получена [2].

Считаем полезным преподание вами консулам указаний о соблюдении ими строгого нейтралитета и относительно умеряющего воздействия с их стороны на сторонников Мохамед-Али-шаха.

Сазонов.

№ 392. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 78 [3]. 26/13 января 1912 г.

Сообщается посланнику в Тегеран.

Телеграмма № 10 получена [4].

В разговоре с великобританским послом я уже высказывал принципиальное согласие наше на предложенные Поклевским и Барклаем меры по упорядочению положения дел в Персии [5], из коих одной из главных является удаление оттуда Мохамед-Али-шаха. Я высказал при этом, что следовало бы предоставить персидскому правительству самому договориться с экс-шахом относительно пенсии и прочих условий. Со своей стороны, мы готовы воздействовать на последнего и возложить посредничество на нашего консула в Астрабаде.

---

[1] См. т. XVIII, приложение к № 202.

[2] Тел. от 24/11 янв. за № 30 Поклевский сообщал Сазонову текст следующей своей тел. в Ардебиль: «По имеющимся у меня сведениям, высадившийся недавно в Энзели Конши-ас-Солтане был снабжен вами открытым листом, о факте этом осведомлено и персидское правительство. Благоволите сообщить, почему вы нашли возможным выдать официальный документ этому лицу, собиравшемуся провозгласить в Гиляне Мохамед-Али-шаха?»

[3] Опубл. Siebert, II, S. 283, № 553.

[4] См. № 381.

[5] См. № 335.

Мы, однако, не желали бы, чтобы Мохамед-Али снова поселился в России ввиду постоянных подозрений и нареканий, которые его пребывание в наших пределах навлекало бы на нас в Персии. Шаху следует предложить поселиться в Швейцарии или Франции. Мы не можем также согласиться на письменное заявление нам шахом, что он не вернется в будущем в Персию, так как это навлекло бы на нас ответственность в случае вторичного нарушения Мохамедом-Али своего обязательства [1].

Что касается сторонников шаха, то нами уже приняты меры к надлежащему воздействию на них со стороны наших консулов [2].

Общие соображения наши о дальнейших мероприятиях к улажению персидских дел подробно излагаются в ноте, с которой мы вместе с сим обращаемся к Бьюкенену [3].

Передавая об изложенном Грею, благоволите обратить его внимание на то, что мы, идя навстречу пожеланию великобританского правительства, делаем ныне новую решительную попытку установить прочные дружественные отношения с персидским правительством и что если последнее и на сей раз окажется недостойным нашего доверия, то нам придется серьезно обсудить с лондонским кабинетом создавшееся положение.

Сазонов.

№ 393. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 16. 26/13 января 1912 г.

Je transmets télégramme correspondant «Times» à Téhéran [4]. Ce télégramme tendancieux mais qui, à en juger par documents lithographiés, contient quelques remarques qui peuvent être exactes, produira ici surprise regrettable et très embarrassante pour gouvernement. Je crois que rectifications ou motivations des mesures en question, si elles sont maintenues, devraient être publiées à St.-Pétersbourg sans délai et transmises ici par correspondant «Times». Pas besoin de vous signaler que si dernière occupation de Kazvin a eu à l'origine motif appui ultimatum, maintien et renforcement actuel du corps expéditionnaire ne peut pas être déterminé par les mêmes circonstances. C'est ce qui frappera. A en juger par télégramme Poklewski № 1303 du [2 janvier 1912] 20 décembre [1911] [5], il s'agirait aujourd'hui de prévenir troubles futures à Téhéran. Ceci tend à perpétuer occupation. C'est je le crains la conclusion qu'on en retirera ici d'autant plus que jusqu'ici il n'a pas été question de troubles.

Benckendorff.

Перевод.

Передаю телеграмму тегеранского корреспондента «Times». Эта телеграмма, хотя и тенденциозная, но, судя по литографированным документам, содержит несколько замечаний,

---

[1] Далее зачеркнуто: «Равным образом мы не считаем возможным принять на себя обязательство никогда и ни при каких условиях не признавать бывшего шаха в случае возвращения его на престол».

[2] См. № 391.

[3] См. № 398.

[4] Тел. от 26/13 янв. за № 14 Бенкендорф сообщил Сазонову, что «Times» опубликовал следующую тел. своего корреспондента в Тегеране: «Приблизительно около 1 000 русских достигли Хархана или Кабушана на северо-западе от Мешеда, а 1 000 человек прибыло в Мешед при 21 орудии. Отряды, отправленные недавно из Казвина в Решт, постепенно возвращаются в Казвин. Мне известно, что в настоящее время предположено сохранить минимум 2 000 русских войск в Казвине. Самад-хан, являющийся в настоящее время полным хозяином в Тавризе, поддерживает связь с агентами бывшего шаха в Зенжане, Реште и Мазандеране с целью добиться соединения всех сил экс-шаха в Миане между Тавризом и Казвином. Российское министерство иностранных дел, кажется, относится совершенно враждебно к такому проекту, но, к сожалению, русские консульства, особенно в Реште, повидимому, подвержены противоположному влиянию. Здесь все же утверждают, будто бы оба правительства в ближайшее время придут к соглашению с Персией относительно окончательного удаления экс-шаха со сцены».

[5] Очевидно, ошибка. Тел. Поклевского за № 1303, датированная 28/15 дек., посвящена вопросу о назначении генерал-губернатора в Решт. Имеется, вероятно, в виду тел. Поклевского № 1323. См. № 299.

могущих быть правильными, и вызовет здесь нежелательное удивление, крайне неприятное для правительства. Я полагаю, что поправки или объяснения мероприятий, о которых идет речь, если они будут сохранены в силе, должны быть опубликованы в С.-Петербурге и незамедлительно переданы сюда через корреспондента «Times». Незачем указывать вам, что если последняя оккупация Казвина вначале имела целью поддержку ультиматума, то сохранение и нынешнее усиление экспедиционного корпуса не может определяться теми же обстоятельствами. Именно это и поразит. Судя по телеграмме Поклевского № 1303 от [2 января 1912 г.] 20 декабря [1911 г.], сейчас дело идет о предупреждении будущих беспорядков в Тегеране. Это клонится к превращению оккупации в постоянную. Боюсь, что здесь придут именно к такому заключению, тем более что до сих пор не было речи о беспорядках.

Бенкендорф.

№ 394. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Константинополе и Риме — Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену, Н. Гирсу, Чарыкову [1] и Долгорукому.

/. Письмо № 19 [2]. 27/14 января 1912 г.

Monsieur l'ambassadeur,

Par ma lettre en date du [28] 15 décembre 1911, № 799 [3] et mon télégramme du [11 janvier 1912] 29 décembre [1911] № 2267 [4], j'ai eu l'occasion d'exposer à votre excellence les motifs pour lesquels je jugeais opportun d'entrer avec les Grandes Puissances dans un échange de vues confidentiel dans l'espoir de provoquer une action pacificatrice dont le but serait de préparer la cessation des hostilités entre l'Italie et la Turquie.

J'ai lieu de croire que les principes fondamentaux qui m'ont guidé — c'est-à-dire la nécessité d'une part de tenir compte de la situation créée par l'Italie et, d'autre part, le désir d'épargner autant que possible la susceptibilité turque — ont été appréciés à leur juste valeur. Un certain malentendu semble cependant subsister au sujet du moment auquel cette action devrait se produire. Dans notre pensée il ne s'agissait pas d'entreprendre cette intervention immédiatement, mais uniquement de se mettre d'accord sur la question de principe afin de pouvoir agir en temps opportun.

C'est précisément pour cela que je me proposais de ne faire intervenir les représentants à Constantinople que lorsque cette communauté de vues et d'action aurait été établie. Or, on risquait à cette occasion de se heurter à de multiples et épineuses questions, telles que: garanties du maintien d'un armistice et du retrait projeté des troupes ottomanes, compensations pécuniaires de la part de l'Italie et, enfin, celle du mode d'une intervention entre les combattants. Je suis convaincu que la divergence sur ces questions de détail qui, fatalement, s'est fait jour à Constantinople, a été la cause principale de l'opposition que le projet dans son entier y a rencontré parmi les représentants des Puissances qui se trouvaient sous l'impression de la crise interne en Turquie.

Quoiqu'il en soit, de l'ensemble des informations qui me sont parvenues jusqu'ici, trois conclusions se dégagent: 1) qu'il est impossible, dans l'état actuel des hostilités, de s'attendre à ce que la Turquie consente à un armistice ou au retrait de ses troupes; 2) que certaines Puissances se prononcent contre toute pression sur la Turquie et 3) que la crise parlementaire turque est considérée comme condition défavorable à tous pourparlers avec la Porte au sujet de son conflit avec l'Italie.

Si les conséquences de ce conflit pouvaient n'atteindre que les parties belligérantes, il ne resterait plus qu' à attendre un moment plus propice pour tenter une entremise. Mais actuellement la guerre provoque sur toute l'étendue de l'Empire

---

[1] На черновике имеется указание, что в письме Чарыкову заключительные слова: «Vous êtes... laisser copie» опущены и что на заголовке письма рукой министра написано: «*Для личного вашего сведения*».

[2] На черновике имеется штамп: «Отправлено [29] 16 января 1912 г.». Опубл. Gr. Pol., Bd. XXX, T. I, S. 282, № 11020; Oe. U. A., Bd. III, S. 798, № 3254 и Doc. dipl., 3-me série, V. I, p. 559, № 540.

[3] См. № 275.

[4] См. № 336.

ottoman une inquiétude que personne ne peut nier. Ceci est vrai surtout pour la péninsule Balkanique où, indépendamment de tout le reste, un grand nombre de questions attendent une solution. Tout ceci me semble interdire aux Puissances de demeurer spectatrices passives.

Pour se rendre compte de la nécessité de mettre fin aux hostilités, il importe avant tout et indépendamment des liens qui, séparément, unissent les Puissances à chacun des deux belligérants de se placer au point de vue de l'intérêt supérieur de la paix européenne. Il faudrait considérer aussi à quel point l'intention d'épargner l'amour-propre de la Turquie—c'est à dire le désir de ne pas la contraindre à se soumettre, mais de l'aider à ne devoir sa soumission inévitable qu'à sa propre initiative — pourrait être erronément interprêtée dans le sens d'un encouragement à une trop grande confiance en soi dont témoignent certains cercles turcs. Ils s'agirait ensuite de décider si, dans quelque temps, il ne serait pas utile de provoquer la cessation des opérations de guerre au prix d'une certaine pression, peut-être sensible sur l'instant bien que salutaire, plutôt que de se trouver en face d'une situation qui en elle-même ne se serait pas améliorée mais aurait pris un caractère menaçant pour les intérêts des tiers et dangereux pour la paix générale, le conflit africain pouvant facilement se répercuter dans les autres parties de l'Empire ottoman.

Au cours des conversations récentes nombre d'idées ont été énoncées et bien des propositions faites — tant par rapport à la forme que pourrait prendre la cessation des hostilités (armistice, évacuation, déclaration de l'indépendance de la Tripolitaine et de la Cyrénaique), qu'au sujet des compensations à offrir à la Turquie pour la perte désormais inévitable de ses provinces (rachat des vacoufs, participation proportionnelle à la Dette Publique ottomane et autres charges d'ordre économique) et, en dernier lieu, au sujet de la forme dans laquelle il serait fait appel aux belligérants (toutes les Puissances conjointement ou bien séparément mais simultanément; l'une des Puissances, par délégation générale, ou deux — selon les groupements politiques). Le choix de bases et de formules ne devrait plus, semble-t-il, rencontrer de difficultés insurmontables, pourvu que de toute part la bonne volonté d'aboutir à des résultats positifs ne fasse pas défaut.

Il faudrait pour cela ne pas abandonner l'échange de vues entamé récemment par les Puissances et auquel j'aimerais contribuer encore en priant votre excellence de vouloir bien entretenir de ce qui précède le gouvernement auprès duquel vous êtes accrédité et d'établir comme premier point dans quelle mesure le Cabinet... est disposé à reconnaître la nécessité d'une action pacificatrice commune, au cas où le cours des événements deviendrait menaçant pour la paix européenne.

Vous êtes autorisé de donner au ministre des affaires étrangères lecture de cette pièce et de lui en laisser copie.

Veuillez agréer, etc. [S a z o n o w.]

Перевод.

Г. посол,

Моим письмом от [28]15 декабря 1911 г., № 799, и моей телеграммой от [11 января 1912 г.] 29 декабря [1911 г.] № 2267, я имел случай изложить вашему превосходительству мотивы, по которым я находил уместным вступить с великими державами в доверительный обмен мнений в надежде вызвать примирительную акцию, целью которой было бы подготовить прекращение военных действий между Италией и Турцией.

Я имею основания думать, что руководившие мной основные принципы, а именно: необходимость, с одной стороны, считаться с положением, созданным Италией, и, с другой стороны, желание щадить, насколько возможно, турецкое самолюбие, были оценены по достоинству. Повидимому, существует, однако, некоторое недоразумение по вопросу о времени, когда эта акция должна состояться. По нашей мысли не предполагалось предпринять это вмешательство немедленно, а только достигнуть соглашения по принципиальным вопросам, дабы иметь возможность действовать в подходящий момент.

Именно поэтому я предполагал привлечь представителей в Константинополе лишь тогда, когда будет установлена эта общность взглядов и действия. Был риск по этому случаю натолкнуться на многочисленные и щекотливые вопросы, как то: гарантии сохранения перемирия и проектируемого отвода оттоманских войск, денежная компенсация со стороны Италии и, наконец, вопрос о форме вмешательства между воюющими сторонами. Я убежден, что разногласие по этим касающимся деталей вопросам, роковым образом проявившееся в Константинополе, было главной причиной оппозиции, которую проект в целом встретил

там среди представителей держав, находившихся под впечатлением внутреннего кризиса Турции.

Как бы то ни было, из совокупности сведений, поступивших ко мне до сих пор, вытекают три заключения: 1) что при нынешнем состоянии военных действий невозможно ожидать, чтобы Турция согласилась на перемирие или на отвод своих войск; 2) что некоторые державы высказываются против всякого давления на Турцию и 3) что турецкий парламентский кризис рассматривается, как условие, неблагоприятное для каких-либо переговоров с Портой относительно ее конфликта с Италией.

Если бы последствия этого конфликта могли затрагивать лишь воюющие стороны, то оставалось бы только ожидать более благоприятного момента для попытки посредничества. Но в настоящее время война вызывает на всем протяжении Оттоманской империи беспокойство, которого никто не может отрицать. Это в особенности верно в отношении Балканского полуострова, где, независимо от всего остального, большое число вопросов ожидает разрешения. Мне кажется, что все это не позволяет державам оставаться пассивными зрителями.

Чтобы отдать себе отчет в необходимости положить конец военным действиям, важно прежде всего и независимо от уз, связывающих в отдельности державы с каждой из обеих воюющих сторон, стать на точку зрения высших интересов европейского мира. Следовало бы также рассмотреть, до какой степени намерение щадить самолюбие Турции,—т. е. желание не принуждать ее подчиняться, а помочь ей приписать свое неизбежное подчинение лишь своей собственной инициативе,—могло бы быть ложно истолковано в смысле поощрения к чрезмерной самонадеянности, обнаруживаемой некоторыми турецкими кругами. Далее следовало бы решить, не будет ли через некоторое время полезно вызвать прекращение военных действий ценой некоторого давления, — быть может, осязательного в тот момент, хотя и благодетельного, — вместо того, чтобы иметь налицо положение, которое само по себе не улучшилось бы, но приняло бы характер, угрожающий интересам третьих сторон и опасный для общего мира, так как африканский конфликт может легко вызвать отклик в других частях Оттоманской империи.

Во время недавних разговоров был высказан ряд мыслей и было сделано много предложений — как по поводу формы, какую могло бы принять прекращение военных действий (перемирие, эвакуация, объявление независимости Триполитании и Киренаики), так и по вопросу о компенсациях, которые можно было бы предложить Турции за неизбежную отныне потерю ее провинций (выкуп вакуфов, пропорциональное участие в Оттоманском публичном долге и другие обязательства экономического характера) и, наконец, по поводу формы, в которой был бы сделан призыв к воюющим сторонам (все державы совместно или же отдельно, но одновременно; одна из держав по общему полномочию или две соответственно политическим группировкам). Выбор основ и формул больше не должен, казалось бы, встретить непреодолимых трудностей, лишь бы не отсутствовала добрая воля всех сторон притти к положительным результатам.

Для этого нужно было бы не прекращать обмена мнений, недавно начатого державами и которому я хотел бы снова содействовать, прося ваше превосходительство переговорить об изложенном выше с правительством, при котором вы аккредитованы, и установить, в качестве первого пункта, в какой мере... кабинет расположен признать необходимость общих примиряющих действий на тот случай, если ход событий станет угрожающим для европейского мира.

Вам разрешается прочесть министру иностранных дел настоящее письмо и оставить ему копию.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 395. Военный агент в Швейцарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

27/14 января 1912 г.

Рапорт № 3. Секретно.

Приезд германского императора на швейцарские маневры в 1912 г.

Доношу: то, что я предвидел в своих рапортах за № 1 [1] 1911 г., только-что официально объявлено: германский император объявил через своего посланника в Берне, что он приезжает в Швейцарию 3 сентября нового стиля для присутствия на маневрах швейцарских войск. Программа его пребывания установлена следующая: встреча и чествование произойдут в Берне по той же программе, как при приезде в 1910 г. президента французской республики Фальера. 4-го и 5-го император будет присутствовать на маневрах швейцарских войск, которые в этом году будут происходить около Цюриха. В них примут участие 5-я и 6-я дивизии, всего 26 батальонов, 24 батареи и 10 эскадронов; маневрами будет руководить полковник Вилле [2].

[1] Рапорт Гурко за № 1 1911 г. не обнаружен.

[2] После этой фразы карандашом вписаны слова: «Женатый на родственнице Бисмарка».

6-го и 7-го император совершит поездку в Энгадин и 7-го или 8-го уедет из Швейцарии.

Приезд германского императора давно подготовлялся германскими представителями, всячески стремящимися втянуть Швейцарию в военный союз с Германией. История этого приезда небезынтересна в отношении упорства, с каким германцы преследуют свои цели. Вкратце она следующая: в 1909 году на германских маневрах император Вильгельм сказал швейцарскому офицеру, присутствующему на маневрах, что он очень интересуется швейцарской армией и очень желал бы ее видеть. Слова императора были приняты за любезную фразу, и им не было придано значения. В 1910 году на германских маневрах император обратился к представителю швейцарской армии и сказал, что он его просит передать президенту швейцарской конфедерации, что он очень желал бы видеть маневры швейцарской армии. Офицер растерялся, и император повторил свою фразу, тогда офицер ответил, что он передаст слова его величества президенту.

Ответа на заявление императора, однако, от президента швейцарской конфедерации не последовало. Тогда германский посланник в Берне сначала полуофициально, а затем официально спросил у президента ответ на пожелание императора. Президент ответил, что швейцарское правительство очень польщено выраженным желанием императора, но оно лишено необходимых средств для приема столь высокого гостя. На этом ответе, однако, германцы не успокоились и в начале 1911 года опять возобновили свои представления, причем от имени императора сказали, что он не желает никакого приема. Тогда швейцарское правительство вынуждено было ответить, что оно будет очень радо посещению императора, но что приглашать его не может по уже высказанным ранее причинам; если же он приедет на маневры без приглашения, то оно будет очень радо его видеть. Швейцарцы думали, что император после такой формы приглашения не приедет. Однако мои предположения о том, что все же посещение более чем вероятно, сбылись. Император не воспользовался, как я и думал, возможностью приехать на швейцарские маневры в том же году, потому что его приезд не имел бы желаемого им результата, т. е. сближения обеих армий, так как в маневрах 1911 года принимали участие войска французской Швейцарии. Кроме того, президентом конфедерации был французский швейцарец Ruchet. В этом же году обстоятельства, напротив, очень благоприятствуют тому, чтобы это посещение увеличило связь швейцарской армии с германской: президент швейцарской конфедерации Форер происходит из немецкой Швейцарии, войска, участвующие в маневрах, состоят исключительно из контингента немецкой Швейцарии, а главный руководитель маневрами, корпусный командир полковник Вилле, самый большой германофил швейцарской армии и убежденный сторонник военного союза с Германией. Очевидно, что он, со своей стороны, сделает все возможное для того, чтобы это посещение как можно больше способствовало бы желаемому им заключению военного союза с Германией. Конечно, союз от одного этого посещения заключен не будет, но большой шаг будет сделан в его сторону.

Газеты германской Швейцарии приняли известие о посещении германским императором швейцарских маневров с большой радостью. Газеты французской Швейцарии вежливо, но сдержанно его приветствуют.

Полковник Гурко.

№ 396. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 40[1]. 28/15 января 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Александрович,

Вследствие письма от [23] 10 сего января за № 2842[2] по вопросу о численности русского отряда, подготовленного для охраны наших интересов в Илий-

[1] Копия публикуемого документа была сообщена Коковцову.

[2] Письмом от 23/10 янв. за № 2842 Сухомлинов просил Сазонова дать заключение по вопросу о численности русского отряда в Илийском крае; воен. м-р ссылался при этом на

ском крае, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я руководствовался нижеследующими соображениями, когда указывал [1], что в настоящее время нет, казалось бы, надобности в формировании отряда такой же силы, как тот, который сосредоточен был в прошлом году в Джаркенте при предъявлении нами ультиматума китайскому правительству [2].

Как вы изволите припомнить, при тогдашних обстоятельствах предусматривалась, в случае неудовлетворительного китайского ответа, военная оккупация Илийской провинции, которая, очевидно, не могла не принять длительного характера. Мы должны были считаться при этом с возможностью планомерного сопротивления нашим действиям со стороны войск центрального китайского правительства, прочность которого в то время не внушала никаких сомнений. Совершенно иначе обстоит дело теперь: единственной задачей нашего отряда намечается охрана безопасности русской колонии, на случай наступления беспорядков в Китае. Ход китайской революции на всем пространстве империи не дает никаких указаний на вероятность принятия движением характера, направленного против иностранцев, и таким образом мы скорее должны ожидать единичных нападений на русских подданных, чем организованного выступления против нашего отряда. Можно даже, наоборот, предполагать, что введение слишком внушительных сил породит среди населения подозрения относительно наших намерений присоединить Или, что даст агитаторам благодарную почву для возбуждения вражды против России, тогда как менее значительный отряд будет рассматриваться как привычное для китайцев усиление конвоя. Министерство иностранных дел вполне учитывало упоминаемые вами меры Китая к усилению обороны Илийского края. Однако ему также известно, что последние события в Кульдже, как и в прочих местностях Китая, отразились значительным расстройством военной обороноспособности провинций. Внутренние междоусобия, финансовые затруднения, отсутствие связи с центром бесспорно являются элементами, сводящими почти на-нет все достигнутые в области военных реформ улучшения. Основываясь на этих мотивах, министерство и признавало возможным в интересах государственного казначейства и местного русского населения, среди которого должна быть произведена мобилизация, высказаться за некоторое уменьшение численности подготовляемого на границе отряда. Если бы, однако, за всем тем ваше высокопревосходительство полагали, что возлагаемая на этот отряд задача не могла бы быть выполнена иначе, как при условии сформирования его в том составе, как это указано в вашем письме, я, конечно, не признавал бы себя в праве выступить против этого с дальнейшими возражениями.

В ожидании и пр.

[Сазонов.]

свое письмо от 20/7 янв. за № 4934, в котором он указывал, что отряд должен быть достаточной силы ввиду того, что китайцы за последнее время укрепили этот район. Сухомлинов считал необходимым «не только вызвать со льготы» два льготных казачьих полка, но и произвести частичную мобилизацию войск Семиреченской области.

[1] См. ч. I, стр. 308, прим. 4.

[2] 16/3 февр. 1911 г. росс. посланником в Пекине было предъявлено кит. прав-ву ультимативное требование признания кит. прав-вом обеспеченных за Россией по Петербургскому договору 1881 г. «прав свободной торговли в Застенном Китае и Монголии, права судебной и административной внеземельности русских подданных и учреждения наших консульств в Кобдо, Хами и Гучэне» (тел. Сазонова от 15/2 февр. 1911 г. за № 149). Решение росс. прав-ва предъявить ультимативное требование было принято на особом совещании совета м-ров от 26/13 янв. 1911 г., которое при выборе пункта для воен. демонстрации, если бы таковая понадобилась, остановилось на Илийском крае, «являющемся по своей доступности со стороны Семиреченской области весьма уязвимым местом китайской границы, а по своему богатству и вниманию, которое обращается на него пекинским правительством, представляющим для последнего в высшей степени чувствительное место». В связи с этим было решено сосредоточить в Джаркенте отряд значительной силы.

№ 397. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [1]. 28/15 января 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

J'ai lu avec vif intérêt votre télégramme du 26/13 janvier № 78 [2]. Rien ne me paraît plus sage que la résolution que Mahomed-Ali transporte ses pénates hors de la Russie. Quant aux engagements qu'il aurait à prendre envers nous je n'ai jamais eu de sympathie pour ce projet. Une telle déclaration serait de valeur médiocre et pourrait nous compromettre. Peut-être le gouvernement persan désirera-t-il quelque chose de ce genre comme condition mise à la pension; en ce cas il faut s'attendre que Grey, qui part toujours du point de vue que le retour de l'ex-souverain a été un abus de confiance et qu'il a ainsi forfait à son droit de pension, approuvera l'exigence persane.

Nicolson ne prévoit pas de difficultés quant au consentement persan. La question de savoir comment on persuadera l'ex-shah lui paraît moins claire. Et pourtant tout gît là. Il croit qu'il y aura nécessité d'une pression de la part des représentants des deux Puissances collatéralement aux négociations entre lui et le gouvernement persan.

Cette question me paraît extrêmement importante. Nos déclarations officielles qui ne peuvent plus être modifiées quant au fond prêtent incontestablement à de l'équivoque. Notre action n'en devrait laisser subsister aucune car elle pourrait agir sur Mahomed-Ali comme encouragement indirect à ne pas céder, ce qui exercerait la plus mauvaise influence sur toute la situation à tout point de vue. Je ne voudrais pas insister.

Je n'ai jusqu'ici pas fait usage de la dernière phrase de votre télégramme du [26] 13 janvier. Elle me paraît un peu prématurée.

Emises par moi, ces prévisions démontreraient trop notre manque de confiance dans les efforts actuels et indiqueraient que nous pensons d'ores et déjà plus à l'acte suivant qu'à l'acte actuel. L'acte «suivant» ne pourrait guère être qu'un partage plus ou moins déguisé. C'est à dire l'écroulement de la politique de Grey, celle au nom de laquelle il a fait taire jusqu'ici tous les adversaires de l'entente qui eux se trouveraient avoir prévu juste. Il est évident qu'il nous faut arriver à implanter à Téhéran une situation nouvelle, mais je n'aurais pas parlé de «решительная попытка». Cela ressemble un peu trop à un dernier effort. Des résultats concrets sont déjà obtenus. Shuster a disparu et le Mejliss est dissous. Pour l'esprit nouveau il faudra du temps. Quant à faire apprécier à Grey les gages de conciliation que nous donnons, c'est ce qui ne me sera pas difficile: la question de Mahomed-Ali tout d'abord, clairement et ostensiblement traitée, et l'emprunt destiné à mettre le gouvernement à flot. Il n'en est pas de meilleure.

Ce que je voudrais éviter surtout, c'est de faire dépendre l'entente avec l'Angleterre, nos rapports avec elle qui viennent et continuent à être un gage si précieux pour la paix générale, des dispositions de ce gouvernement persan si peu stable et de remettre en quelque sorte entre les mains de ce gouvernement la clef de la situation entre l'Angleterre et nous.

Il me paraît illusoire que de l'examen en commun avec l'Angleterre d'un programme tout différent du programme actuel il en puisse sortir un résultat. Admettre l'examen d'un partage même ou d'un protectorat partagé, — ni Grey ni le gouvernement actuel ne le pourraient. Non seulement tout le parti gouvernemental, mais un gros parti des conservateurs y serait contraire. Je crois que les conservateurs se garderont bien, même s'ils le peuvent, de faire tomber le Cabinet sur la question de la politique étrangère. Ils tiennent trop à arriver au pouvoir les mains libres.

A moins de circonstances imprévues, je ne crois pas que Grey tombe.

Mais un ministre des affaires étrangères ne peut guère rester longtemps au pouvoir attaqué par les siens et soutenu seulement par l'opposition. C'est pourtant ce

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 284. № 554.

[2] См. № 392.

qui sera le cas le jour où nous dirons franchement qu'il faut aller plus loin en Perse.

Il n'y a pas à se faire d'illusions, l'esprit d'opposition s'accentue. La question de Perse, peut-être le plus en vue, n'est nullement la seule. Il s'agit en réalité de rapports avec l'Allemagne, on les trouve trop tendus, et l'on en rend Grey, très injustement d'ailleurs, responsable.

Bonar Law dans un discours officiel de vendredi [1] n'a, comme vous l'aurez remarqué, consacré aux affaires étrangères qu'une très courte phrase.

Il se garde de se faire l'écho des «senseless» attaques dirigées contre Sir E. Grey. Mais il conclut pourtant en disant que le plus clair des résultats de sa politique est d'avoir concentré sur l'Angleterre tout le ill-will de l'Allemagne.

C'est là le fond du thème de l'opposition, quelqu'en soient les démentis.

S'il n'y avait que les attaques accoutumées du Comité persan, la chose ne serait pas dangereuse. Ce qu'on reproche à Grey c'est d'avoir fait les affaires de la France, pas très reconnaissante, et de faire celles de l'Italie et de la Russie. Les deux premières questions appartiennent au passé et la Perse revient au premier plan comme question en cours; c'est sur elle surtout que l'opposition s'efforcera de démontrer qu'en adoptant la politique russe il a négligé les intérêts anglais dans le midi de la Perse et aux Indes.

Demain Shuster doit prononcer ici un discours; s'il ne dit que des absurdités sur la Perse il enthousiasmera un certain public mais cela n'ira guère au delà. Mais s'il parle de la question des Indes l'impression sera réellement nuisible [2].

Nicolson lui même m'a dit que Hardinge écrivait que les événements en Perse auraient produit une ébullition sérieuse au sein de la population musulmane. Hardinge, — principal appui anglais autochtone — allait convoquer les représentants les plus influents et s'aboucher directement avec eux pour les calmer et les rassurer.

Que les répressions sévères à Tabriz étaient nécessaires et dues à nos troupes est incontestable, évident et n'a pas été contesté. Mais j'avoue franchement que je les aurais désirées pas moins sévères, mais plus rapidement terminées. S'il est exact que les exécutions continuent, cela est bien long. Je crois que cela ne peut que contribuer à maintenir l'excitation des esprits et la nourrir, rendant par là plus précaire la liberté d'action du gouvernement persan dont nous attendons de meilleures dispositions et au point de vue anglais, encore sérieux, créer des difficultés réelles dans leur sphère d'influence et parmi leurs sujets musulmans.

Un autre résultat est que cette excitation perpétuée devra retarder l'évacuation de nos troupes telle qu'elle est déterminée par le télégramme si important et si bien raisonné du président du Conseil en date du [24] 11 décembre № 2119 [3] et c'est pourtant cette évacuation après résultats obtenus qui sera la vraie réponse à tous les détracteurs de la politique russe, celle qui leur coupera l'herbe sous les pieds et remettra intacte et fortifiée notre politique internationale qui est notre but principal [4].

Metternich sort de chez moi. Il m'a dit: «L'opinion publique anglaise nous revient». Cela est vrai. Il ne faudrait pas qu'elle s'éloigne de nous dans la même mesure. C'est pourtant ce qui arrive; cela peut encore facilement se remettre, mais cela peut aussi s'accentuer et très rapidement, comme Grey, — vous vous en souviendrez, — me l'a dit il y a quelques semaines. Ce jour-là il parlait bien sérieusement.

C'est avec hésitation que je laisse ma plume s'inspirer trop souvent de Cassandre. Mais à qui appartient-il sinon à moi de vous décrire ce que je vois et ce que je prévois ou j'observe, autant que possible, avant que Grey ou Nicolson ne m'aient rien dit.

Il est évident que dans notre programme actuel pour la Perse nous répondons largement aux voeux anglais. Mais c'est un programme. Tant qu'il n'aura pas abouti, les choses empireront. Compter mener de front répressions à Tabriz, rétablissement

---

[1] 26/13 января.

[2] У Siebert'a слова: «Demain Shuster... réellement nuisible» опущены.

[3] См. ч. I, стр. 237, прим. 1.

[4] У Siebert'a слова: «Hardinge,—principal appui... qui est notre but principal» опущены.

du calme à Téhéran, arrangements avec le Shah et contenir les inquiétudes anglaises pour leur sphère d'influence et au delà, me paraît d'une complication extrême. Il me semble qu'il faudrait circonscrire le but, y marcher directement en déblayant le plus possible le terrain des obstacles que les circonstances y ont mis [1].

Les rapports de gouvernement à gouvernement, la confiance subsistant, sont clairs. Ils savent à quoi s'en tenir. Les rapports d'opinion publique à opinion publique, qui ne jugent que d'après les faits patents, ne le sont aucunement. Et pourtant à faire durer l'obscurité — la décision finale viendra d'elles.

Je vois dans le «Times» un excellent télégramme en rectification de celui de Téhéran que je vous ai signalé [2]. Il est venu juste à point et me paraît utile.

Mille compliments affectueux et sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

С живым интересом я прочел вашу телеграмму от 26/13 января № 78. Ничто не кажется мне более разумным, чем решение, чтобы Мохамед-Али перенес свои пенаты за пределы России. Что же касается обязательств, которые он мог бы взять на себя по отношению к нам, то я никогда не сочувствовал такому проекту. Такие обещания не имели бы большой цены и могли бы нас скомпрометировать. Может быть, персидское правительство пожелает чего-нибудь в этом роде в качестве условия для пенсии; в таком случае нужно ожидать, что Грей, всегда исходя из той точки зрения, что своим возвращением экс-шах злоупотребил доверием и тем самым лишил себя права на пенсию, одобрит требование персидского правительства.

Никольсон не предвидит затруднений со стороны персидского правительства. Вопрос о том, как убедить экс-шаха, для него менее ясен. А ведь все дело именно в этом. Он думает, что параллельно с переговорами между ним и персидским правительством окажется необходимым давление со стороны представителей обеих держав.

Этот вопрос мне кажется чрезвычайно важным. Наши официальные заявления, сущность которых уже не подлежит изменению, могут бесспорно дать повод к двусмысленному толкованию. Наша линия поведения должна устранить таковое, ибо она может косвенным путем побудить Мохамеда-Али к неуступчивости, что со всех точек зрения отозвалось бы самым дурным образом на всем положении в целом. Я не хотел бы дольше на этом останавливаться.

До настоящего времени я не использовал последнюю фразу вашей телеграммы от [26] 13 января. Она кажется мне несколько преждевременной.

Эти предположения, высказанные мной, слишком явно свидетельствовали бы о недостатке доверия с нашей стороны к усилиям, прилагаемым в настоящий момент, и показывали бы, что уже теперь мы больше думаем о последующем действии, чем о настоящем. «Следующее» же действие едва ли может быть чем-нибудь иным, как более или менее замаскированным разделом. Другими словами — крушением той политики Грея, во имя которой он до сих пор заставлял молчать всех противников согласия, предсказания которых, в таком случае, оказались бы правильными. Совершенно очевидно, что мы должны создать в Тегеране новое положение, но я не стал бы говорить о «решительной попытке». Это слишком похоже на последнее усилие. Конкретные результаты уже достигнуты. Шустер исчез и меджлис распущен. Чтобы упрочилось новое направление умов, нужно время. Что касается того, чтобы заставить Грея ценить те доказательства миролюбия, которые мы даем, — это мне не будет трудно: прежде всего вопрос о Мохамед-Али, разрешенный ясно и определенно, а затем заем, предназначенный на то, чтобы поставить правительство снова на ноги. Лучше и быть не может.

Чего я особенно хотел бы избежать, это того, чтобы согласие с Англией, наши отношения с ней, — которые являются и будут драгоценным залогом всеобщего мира, — не находились в зависимости от намерений этого столь неустойчивого правительства Персии и чтобы в руки этого же правительства не был передан, так сказать, ключ от наших отношений с Англией.

Мне кажется мало вероятным, что обсуждение нами, совместно с Англией, новой программы, существенно отличающейся от настоящей, даст благоприятные результаты. Ни Грей, ни теперешнее правительство не смогут согласиться на обсуждение вопроса о самом разделе или о совместном протекторате. Не только вся правительственная партия, но и бо́льшая часть консерваторов были бы против этого. Я думаю, что консерваторы, даже если бы они и могли, не захотят вызвать падения кабинета из-за вопроса внешней политики; они слишком заинтересованы в том, чтобы притти к власти со свободными руками.

Я не думаю, что Грей будет вынужден уйти, не считая, конечно, непредвиденных обстоятельств.

---

[1] У Siebert'а слова: «Il est évident... ont mis» опущены.

[2] См. № 393.

Но вряд ли министр иностранных дел может долго оставаться у власти, если на него нападают его сторонники, а поддерживает его только оппозиция. Но так именно будет в тот день, когда мы открыто скажем, что в персидском вопросе нужно итти дальше.

Не следует создавать себе иллюзий: дух оппозиции крепнет. Персидский вопрос, может быть, больше всего на виду, но ни в коем случае не единственный. В действительности, дело идет об отношениях с Германией — их находят слишком натянутыми, и в этом обвиняют — к тому же совсем несправедливо — Грея.

Как вы заметили, Бонар Лоу в своей официальной речи, в пятницу, ограничился относительно внешней политики одной короткой фразой.

Он остерегался повторять бессмысленные нападки на сэра Э. Грея, но в заключение все-таки сказал, что самый ощутительный результат его политики заключается в том, что вся неприязнь Германии сконцентрировалась на Англии.

В этом суть выступлений оппозиции, как бы это ни опровергали.

Положение не было бы опасным, если бы речь шла только об обычных нападках Персидского комитета. Грея упрекают в том, что он отстаивал интересы Франции, не получив за это особой признательности, и отстаивает интересы Италии и России. Два первых вопроса отошли в прошлое, а Персия опять выступает на первый план, как актуальный вопрос. Именно на нем оппозиция попытается показать, что, следуя русской политике, он [Грей] пренебрег интересами Англии в Южной Персии и Индии.

Завтра Шустер должен произнести здесь речь; если он будет говорить только нелепости относительно Персии, он приведет в восторг определенную публику, но вряд ли дело пойдет дальше этого. Если же он будет говорить об Индии, то это произведет пагубное впечатление.

Сам Никольсон сказал мне, что Гардинг писал, что события в Персии вызвали большое возбуждение среди мусульманского населения. Гардинг — главная опора Англии среди туземного населения — намеревался созвать наиболее влиятельных представителей и беседовать с ними лично, дабы разуверить и успокоить их.

Что суровые репрессии в Тавризе были необходимы и что наши войска должны были к ним прибегнуть, это, очевидно, бесспорно и никем не оспаривается. Но, говоря откровенно, я желал бы не того, чтобы они были менее суровыми, но чтобы они скорее окончились. Если правда, что казни продолжаются, то это слишком долго. Я думаю, что это может лишь поддерживать и питать возбуждение умов, ограничивая тем самым свободу действий персидского правительства, от которого мы ждем самых лучших намерений, а по мнению англичан, продолжающих считать положение серьезным, это может создать еще бо́льшие затруднения в сфере их влияния и среди их мусульманских подданных.

Это длительное возбуждение умов будет иметь другим результатом то, что из-за него придется задержать эвакуацию наших войск в том виде, как она предусмотрена в столь разумной и в столь важной телеграмме председателя совета от [24] 11 декабря за № 2119, а ведь именно эта эвакуация, после полученных нами результатов, должна послужить действительным ответом всем противникам русской политики, — ответом, который вырвет у них почву из-под ног, восстановит и укрепит престиж нашей международной политики, что и является нашей главной целью.

Меттерних только-что был у меня. Он мне сказал: «Общественное мнение Англии опять склоняется на нашу сторону». Это правда. Не нужно допускать, чтобы оно в той же мере отдалилось от нас. Но именно это и происходит. Положение может еще легко исправиться, но может случиться также, что оно обострится, и очень быстро, как сказал мне, — если вы помните, — несколько недель тому назад Грей. В тот день он говорил очень серьезно.

Не без колебания я позволяю себе столь часто уподобляться Кассандре. Но кто, как не я, должен описать вам все, что я замечаю, вижу и предвижу, по возможности прежде, чем Грей или Никольсон что-либо скажут мне.

Совершенно очевидно, что в нашей теперешней программе касательно Персии мы в широкой мере идем навстречу желаниям Англии. Но ведь это только программа. Пока она не выполнена, положение будет ухудшаться. Рассчитывать в одно и то же время провести карательную экспедицию в Тавризе, восстановить порядок в Тегеране, добиться соглашения с шахом и успокоить тревогу Англии за ее сферу влияния и не только за нее — представляется мне чрезвычайно сложной задачей. Я думаю, что следует наметить себе более определенную цель и итти к ней напрямик, устраняя по возможности со своего пути препятствия, создавшиеся вследствие стечения обстоятельств.

При наличии доверия, отношения между правительствами ясны. Последние знают, какой линии они должны придерживаться. Но ни в коем случае нельзя сказать того же о взаимоотношении общественных мнений, ибо общественное мнение складывается лишь на основании очевидных фактов. Но если продолжать политику умолчания — решающее значение будет иметь общественное мнение.

Я видел в «Times» прекрасную телеграмму в исправление телеграммы из Тегерана, на которую я вам указывал. Она появилась как раз во-время, и я считаю ее полезной.

Тысяча сердечных и искренних приветов.

Бенкендорф.

№ 398. Нота министра иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену [1].

29/16 января 1912 г.

Г. посол,

Внимательно обсудив предложенные русским и великобританским посланниками в Тегеране меры к упорядочению положения дел в Персии [2], императорское правительство готово согласиться на отступление с его стороны в пользу персидского правительства от принципа невмешательства во внутренние персидские смуты, которого оно до сего времени тщательно придерживалось, но считает необходимым выставить при этом некоторые условия.

Обращаясь к вопросу, в чем может выразиться поддержка со стороны России и Англии персидскому правительству, следует прежде всего отметить необходимость положить, так или иначе, конец борьбе между последним и Мохамед-Али-шахом. Этого, казалось бы, легче всего было бы достигнуть путем непосредственных переговоров между борющимися сторонами, к каковым персидскому правительству и следовало бы приступить безотлагательно. Русское правительство, со своей стороны, могло бы в таком случае оказать на Мохамеда-Али возможное влияние и поручить своему консулу в Астрабаде посредничество между шахом и правительством. Следует, однако, тут же отметить, что экс-шах, повидимому, не считает свое положение настолько безнадежным, чтобы пойти на любые условия. Быть может, обеспечение ему пенсии побудит его отказаться от дальнейшей борьбы, которая способна лишь привести к окончательному разорению страны. В случае удаления шаха из Персии русское правительство не желает, чтобы он вновь поселился в России, и предполагает предоставить ему выбрать себе место пребывания в какой-либо другой стране.

За сим, как на то справедливо указывают посланники, представляется настоятельно необходимым притти спешно на помощь персидскому правительству в денежном отношении, а равно в возможно быстром создании достаточной и вполне надежной вооруженной силы, на которую это правительство могло бы опереться. Что касается первого вопроса, то императорское правительство считает, что Персия, для радикального улучшения ее внутреннего положения, нуждается непременно в крупном займе, который надлежало бы ей устроить безотлагательно и в счет которого могли бы выдаваться ей авансы на неотложные нужды. Размер займа, как и его условия, способ контролирования расходов и т. п. — должны были бы быть выработаны на месте обеими миссиями, по совещанию с персидским правительством. Русское правительство считает лишь нужным отметить, что оно полагало бы не возвращаться к вопросу об устройстве сказанного займа при посредстве фирмы Зелигмана, а обратиться к иным предложениям, которые представляются более приемлемыми с точки зрения интересов обоих правительств.

Вопрос о вооруженных силах Персии и их распределении имеет для императорского и великобританского правительств существенное значение. В настоящее время, как известно, эти силы состоят: 1) из шахской казачьей бригады, 2) из старой регулярной армии (сербазов), 3) из вновь формируемой под руководством шведских инструкторов жандармерии и 4) из так называемых «фидаев». Первая из этих частей представляет собой вполне организованную и обученную силу, тем более надежную, что она находится под начальством русских офицеров и вполне обеспечена в материальном отношении. К сожалению, однако, часть эта весьма невелика по своему составу, насчитывая всего в своих рядах около 1 500 человек. Русское правительство признает необходимым увеличить состав казачьей бригады с тем, чтобы на нее могло быть возложено поддержание порядка не только в Тегеране, но и вне столицы. Прежде всего надлежало бы сформировать новую

---

[1] Лит. копия. Иностранный текст публикуемого документа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[2] См. №№ 335 и 344.

часть этого войска в Азербайджане, что дало бы русскому правительству возможность отозвать оттуда свой отряд.

Персидская регулярная армия, состоящая из жалкого сброда, является лишь источником беспорядков и насилий над мирным населением. Это войско должно быть либо совершенно упразднено, либо коренным образом реорганизовано, под руководством европейских офицеров, и материально обеспечено.

О состоянии новой жандармерии точных сведений пока не имеем, но есть основание полагать, что под руководством шведских инструкторов из нее может выработаться полезная сила для несения полицейских обязанностей в городах и охраны путей сообщения, при условии, конечно, что она будет исправно оплачиваться.

«Фидаи» представляют собой, как известно, род революционной милиции, составленной из местных подонков и пришлых, преимущественно кавказских анархистов, преступников и тому подобных отбросов. О вреде, приносимом стране этим сбродом, руководимым демократами и им всецело преданным, распространяться нет надобности, и нет сомнения, что одним из главных средств к водворению прочного порядка является немедленное повсеместное искоренение этого войска, с одновременной высылкой за пределы Персии всего входящего в него пришлого элемента. Последнее может, однако, быть полностью достигнуто лишь после того, как персидское правительство будет обладать достаточной регулярной армией.

Ввиду ограниченности средств, которыми шахское правительство будет располагать и после заключения займа, общая численность будущей персидской армии должна быть ограничена пределами крайней необходимости. Определение этой общей численности, как и размеров казачьей бригады, жандармерии и других регулярных частей в отдельности, должно быть предоставлено обеим миссиям в Тегеране совместно с персидским правительством и утверждено затем с.-петербургским и лондонским кабинетами.

Что касается дислокации персидских войск, то русскому и английскому правительствам следует выговорить себе известное право голоса в этом вопросе.

При таких условиях императорское правительство готово будет оказать персидскому правительству также зависящее содействие в вопросе о приобретении оружия и боевых припасов для персидских войск, при необходимых гарантиях, конечно, что оружие и патроны не будут попадать в руки неблагонадежных элементов, как это было недавно в Тавризе и Реште.

Так как персидское правительство отнюдь не должно быть стеснено в своих действиях по проведению неотложных реформ и так как при настоящем порядке вещей едва ли можно рассчитывать на более удачный состав меджлиса, чем прежний, императорское правительство полагало бы желательным не созывать народных представителей до тех пор, пока шахское правительство не будет обладать достаточной вооруженной силой, чтобы импонировать демократам и отстаивать свои прерогативы не только в Тегеране, но и в провинциях. Императорское правительство считает также безусловно необходимым, чтобы во всяком случае одновременно с меджлисом был созван, в противовес ему, сенат, полагающийся по персидской конституции.

В тесной связи с вопросом о меджлисе стоит вопрос об энджуменах, вредная деятельность коих достаточно известна. Если нельзя совершенно упразднить эти очаги смуты, то необходимо, по крайней мере, строго урегулировать и ограничить их деятельность, что при наличии у правительства достаточных сил в провинциях не встретит, конечно, особых затруднений. Для достижения этой цели правительство должно будет прежде всего принять строгие меры к обузданию местных коноводов, удалив главных из них совершенно из тех городов, где они в настоящее время действуют.

Таковы общие соображения, которые императорское правительство имеет высказать по рассматриваемому вопросу; но, кроме того, оно имеет выставить и некоторые специальные условия, частью общего и частью личного характера.

Императорское правительство желает, чтобы династия Каджаров была сохранена на персидском престоле, так как какая-либо перемена в этом отношении могла бы лишь возбудить соперничество разных племен и внести еще бо́льшую смуту в страну.

За сим персидское правительство, взамен оказываемой ему поддержки, должно обязаться, что оно будет неукоснительно сообразовываться с пожеланиями русского правительства в отношении необходимых последнему концессий в русской сфере влияния, что все залежавшиеся претензии Учетно-ссудного банка и русско-подданных будут быстро им ликвидированы и что, по соглашению с императорской миссией, им будут разработаны в благоприятном смысле давно назревшие вопросы о землевладении, об улучшении судопроизводства по смешанным делам и тому подобное. Не настаивая на немедленном удовлетворении персидским правительством всех крупных денежных претензий русско-поданных, пострадавших от персидской смуты, императорское правительство считает, однако, необходимым, чтобы были вознаграждены безотлагательно жертвы тавризских зверств и семьи убитых русских воинов.

Все вышеизложенное сводится в общем к вполне законному пожеланию о признании шахским правительством преимущественных интересов и прав русского правительства в отмежеванной ему англо-русским соглашением 1907 г. сфере влияния, на каковой почве только и могут восстановиться прочные дружественные отношения между обеими соседними странами.

На приведенных условиях императорское правительство искренно готово оказать настоящему тегеранскому кабинету широкое содействие в надежде, что он сумеет оправдать возлагаемые на него надежды и энергично поведет страну по пути к умиротворению и водворению в ней прочного порядка [1].

№ 399. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 96. 29/16 января 1912 г.

Сообщается послу в Париже и посланнику в Тегеране.

Посетивший меня представитель Парижского и Нидерландского банка Бенак сообщил мне о готовности французской финансовой группы, участвующей в об-

---

[1] Пам. запиской от того же числа Бьюкенен известил Сазонова, что англ. прав-во «соглашается с мнением, недавно выраженным представителями обеих держав в Тегеране, что в результате переговоров, которые имели место между императорским правительством и правительством его величества, исключается возможность признания ими бывшего шаха и что поэтому, если обе державы и выступят, то на стороне персидского правительства. Правительство его величества в соответствии с этим готово принять предложение обоих посланников, а именно: оба правительства предложат персидскому правительству известные условия, на которых они согласны информировать экс-шаха, что они откажутся признать его, и посоветуют ему вернуться назад в Европу. Условия эти следующие: выдача экс-шаху соответствующей пенсии (размеры которой можно предоставить установить персидскому правительству), объявление всеобщей амнистии и более важное условие — обязательство в какой-нибудь форме со стороны персидского правительства придерживаться принципов англо-русского соглашения». Далее в пам. записке указывалось, что было бы весьма желательно получить от перс. прав-ва заверение, что оно ничего не предпримет в нарушение англ. или русских интересов; англ. прав-во считало, что как только экс-шах покинет Персию, иррегулярные войска — фидаи — будут больше не нужны, и так как они могут сделаться источником раздоров, то должны быть распущены. Англ. прав-во далее предлагало еще до завершения переговоров о заключении займа выдать перс. прав-ву аванс в 400 000 ф. ст. на условиях, предложенных обоими представителями в Тегеране, а именно, что деньги будут расходоваться под наблюдением главного перс. казначея и что значительная их часть пойдет на организацию жандармерии. Английская доля аванса в 200 000 ф. ст. будет израсходована на восстановление порядка на дорогах Южной Персии. Ввиду того, что англ. и росс. прав-ва связаны в вопросе о займе с Зелигманом, а последний выразил намерение пойти навстречу желаниям России, Грей считал неправильным изъять это дело из рук Зелигмана и поддерживать другую финансовую группу. Грей на это согласился бы только в том случае, если бы Зелигман отказался продолжить переговоры о займе на тех условиях, которые были установлены во время его пребывания в октябре 1911 г. в Петербурге. (См. т. XVIII, прим. к № 772)

ществе по изучению вопроса о Трансперсидской железной дороге, принять на себя устройство персидского займа, причем он пояснил, что операция эта может быть совершена очень быстро [1]. Считаем принятие предложения Бенака во всех отношениях более желательным, чем сделку с Зелигманом, тем более что Парижский банк находится в тесной связи с бр. Беринг и другими серьезными английскими фирмами, которые он и намерен привлечь к участию. Я счел, однако, нужным указать Бенаку на поддержку, оказываемую, повидимому, лондонским кабинетом Зелигману, на что получил ответ, что последнему может быть предоставлено в новой комбинации известное негласное участие, которым он, вероятно, удовлетворится. Главная причина, побуждающая нас предпочитать сделку с банками, финансирующими «Société d'Etudes», та, что объединение того и другого дела в руках одного консорциума в значительной мере облегчит получение концессии на сказанную железную дорогу. Мы считаем, однако, что основное право на заключение займа должно быть предоставлено персами нашему Учетно-ссудному и английскому Имперскому банкам, которые уже от себя должны будут войти в переговоры с консорциумом. Бенак, между прочим, признает возможной выдачу персидскому правительству авансов в счет займа, что крайне важно ввиду полного безденежья этого правительства и того факта, что заем может быть формально заключен лишь с одобрения меджлиса, который, однако, впредь до известного укрепления власти центрального правительства созывать отнюдь не следует.

Благоволите спешно переговорить об этом с Греем и о последующем телеграфировать [2].

Сазонов.

№ 400. Посланник в Танжере министру иностранных дел.

*/. Депеша № 4. 29/16 января 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

С той поры, что французский поверенный в делах неосторожно затронул вопрос о будущности г. Танжера [3], между английским посланником и французской миссией постоянно возникали недоразумения, причем с английской стороны резко обрисовалось твердое намерение правительства препятствовать малейшей попытке французов расширить пределы намеченного протектората, в особенности же не допускать французского протектората в Гибралтарском проливе.

Последнее столкновение произошло по поводу предстоящего посещения Гибралтара королем Георгом на обратном пути из Индии [4].

Сэр Реджинальд Листер уговорился с местными властями, чтобы особая марокканская депутация была отправлена в Гибралтар для выражения привет-

---

[1] В письме от 22/9 янв. за № 10 Коковцов сообщал Сазонову, что русская группа об-ва по изучению Трансперсидской железной дороги получила из Парижа от Рафаловича сообщение о том, что англ. финансисты, заинтересованные в сооружении ж.-д. на Мохаммеру, завязали с перс. прав-вом переговоры о займе, «причем будто бы имеется в виду наложить руку на персидские финансы и затормозить в Персии постройку железных дорог».

[2] Ответной тел. от 30/17 янв. за № 19 Бенкендорф сообщил Сазонову, что Никольсон принципиально не возражает против его предложения, но заявил, что Грей считает переговоры с Зелигманом зашедшими уже слишком далеко, чтобы их можно было внезапно прервать и передать дело о займе в другие руки. Считая важным выяснить, когда группа Бенака согласна выдать аванс перс. прав-ву, Бенкендорф добавлял, что Грей настаивает на том, чтобы аванс был выдан немедленно, до окончания переговоров.

[3] В деп. от 26/13 янв. за № 3 Боткин между прочим сообщал о сделанной франц. повер. в делах в Танжере де Бильи в ноябре 1911 г. попытке «провести некоторые реформы в местном управлении, прежде нежели выяснится вопрос о будущности Танжера». Эта попытка встретила энергичный отпор со стороны англ. посланника. Затем, по словам Боткина, «вопрос об «интернационализации» Танжера был поставлен ребром и после известного обмена мыслей между парижским и лондонским кабинетами более французами не оспаривался».

[4] См. ч. I, стр. 30, прим. 3.

ствия от имени султана. Сэр Реджинальд имел в виду лично представить марокккское посольство своему монарху, но совершенно неожиданно французский поверенный в делах заявил, что считает своим долгом сопровождать марокккское посольство. Произошло замешательство. В намерения англичан вовсе не входило видеть марокккскую депутацию в Гибралтаре под эгидой французского представителя. Запросили в Лондон, снеслись с Парижем. В результате г-ну де Бильи было дано понять, чтобы он не беспокоился, султанское посольство отправилось самостоятельно в Гибралтар, отделавшись на этот раз от французской опеки.

Сегодня утром большой английский крейсер «Cumberland» бросил якорь в Танжерской бухте. После салютов и обмена визитов представитель султана в Танжере Си-Магомет-эль-Геббас, паша города Танжера, Эль-Мохтар-эль-Мокри (сын великого визиря) и многочисленная живописная свита с большой помпой были приняты на борт крейсера, который и ушел тотчас же в Гибралтар. Английский посланник с секретарями сопровождают султанское посольство, которое везет английскому монарху приветствие от доживающего последние дни независимости повелителя шерифов.

Обмен любезностей между французским и английским правительствами, посылки эскадр, приветственные речи, тосты, телеграммы и газетные статьи — все эти внешние знаки прочности политических соглашений хороши лишь до поры до времени. На самом деле, каждый гнет в свою сторону, всякий имеет в виду свою лишь пользу и выгоду.

Несмотря ни на какие заверения о незыблемости основ политических комбинаций, настоящие помыслы и вожделения держав всплывают наружу, как только затрагиваются существенные интересы той или другой стороны.

Примите и пр.

П. Боткин.

№ 401. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 30/17 января 1912 г.

Monsieur le Ministre,

J'ai eu l'honneur de recevoir ce matin la lettre ministérielle en date du 27/14 janvier sub N 19 [1].

J'en ai remis en l'absence de Sir E. Grey la copie à Sir A. Nicolson aujourd'hui même.

L'entretien fut très court. Sir Arthur se borna à me dire qu'il soumettrait immédiatement cette lettre à Sir Edward, les considérations qu'elle contenait étant de nature trop sérieuse pour qu'il puisse prendre sur lui d'en faire le commentaire.

Dans mon opinion la difficulté n'est pas d'obtenir de l'Angleterre qu'elle se joigne à une démarche à Constantinople de toutes les Puissances. Plus que toute autre elle redoute des troubles dans les Balkans.

Ce qui sera plus difficile c'est d'obtenir d'elle d'avance quelque définition plus précise du degré de pression qu'elle serait disposée à exercer pour sa part sur le gouvernement turc. Je crois même que le Cabinet de Londres ne se décidera à une pression sérieuse qu'en cas de danger imminent et en dernière heure.

Mais jusqu'à ce moment ce Cabinet tient à ménager la Turquie.

Trois motifs principaux me paraissent motiver cette attitude:

1. Les considérations que lui inspirent les populations mahométanes aux Indes et en Egypte.

2. Le désir de ne pas contribuer à rendre à Constantinople l'influence allemande prédominante.

3. L'opinion publique anglaise en ce qui regarde plus particulièrement la question de Tripoli.

[1] См. № 394.

Je crois qu'il n'y a pas un homme politique en Angleterre qui ne se rende clairement compte que d'une façon ou d'une autre Tripoli est perdu pour la Turquie et que d'ailleurs il est dans l'intérêt de l'Angleterre d'attirer vers elle l'Italie. Aussi, à commencer par Sir E. Grey et Sir A. Nicolson, ont-ils constaté non sans regrets et avec soucis les démonstrations de l'opinion publique au début de la guerre. Cette opinion s'est clairement déclarée hostile au coup de main italien. D'abord le procédé a déplu; en outre l'Angleterre ne voit jamais qu'à regret une nouvelle Puissance européenne s'établir sur la côte africaine.

J'ai eu déjà l'occasion de m'exprimer à ce sujet; c'est une des raisons des attaques dont la politique de Sir E. Grey est l'objet.

Au cours de la guerre les premières impressions se sont adoucies, mais il en subsiste assez pour rendre prudent le Cabinet de Londres dans toute manifestation diplomatique trop directement en faveur d'une issue favorable à l'Italie.

Il n'en sera différemment que le jour où la paix sera réellement menacée et que le public anglais soit confronté avec une possibilité qu'il redoute comme pas une — une nouvelle avance de l'Autriche dans les Balkans qui à ses yeux ne serait que le prélude d'une occupation de Salonique au profit de l'Allemagne.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Я имел честь получить сегодня утром министерское письмо от 27/14 января за № 19.

Сегодня же я передал копию его сэру Артуру Никольсону, ввиду отсутствия сэра Э. Грея.

Беседа была очень короткой. Сэр Артур ограничился лишь обещанием немедленно передать это письмо сэру Э. Грею, так как содержащиеся в нем соображения настолько серьезны, что он не может взять на себя их истолкование.

По моему мнению, затруднение не в том, чтобы получить согласие Англии на ее участие в выступлении всех держав в Константинополе. Более чем кто-либо, она опасается волнений на Балканах.

Труднее будет добиться от нее, чтобы она заранее более точно определила степень давления, которое она расположена оказать на турецкое правительство. Я думаю даже, что лондонский кабинет решится на серьезное давление лишь в случае неминуемой опасности и в самую последнюю минуту.

Но до этого лондонский кабинет считает нужным щадить Турцию.

Мне кажется, что эта позиция объясняется тремя главными причинами:

1. Соображениями, которые вызывают у него магометанские народности Индии и Египта.

2. Нежеланием содействовать тому, чтобы германское влияние в Константинополе стало преобладающим.

3. Настроением общественного мнения Англии, особенно по отношению к триполитанскому вопросу.

Я думаю, что в Англии нет ни одного политического деятеля, который не отдавал бы себе ясно отчета в том, что так или иначе Триполитания для Турции потеряна и что к тому же привлечение на свою сторону Италии входит в интересы Англии. Вот почему все, начиная с сэра Э. Грея и А. Никольсона, констатировали не без сожаления и с беспокойством проявление общественного мнения в начале войны. Это общественное мнение ясно высказалось против итальянской авантюры. Прежде всего не понравился образ действий; кроме того, Англия всегда с неудовольствием смотрит на новую европейскую державу, которая водворяется на африканском побережье.

Я уже имел случай высказываться по этому вопросу, это — одна из причин, по которым политика Грея подвергается нападкам.

За время войны первое впечатление смягчилось, все же прежние настроения сохранились в достаточной мере, чтобы заставить лондонский кабинет действовать осторожно при всяких дипломатических выступлениях, слишком явно направленных в пользу благоприятного для Италии исхода.

Это положение изменится только тогда, когда мир, в самом деле, окажется под угрозой, и английское общество станет лицом к лицу с возможностью, которой оно опасается больше всего: нового продвижения Австрии на Балканах, что в его глазах будет лишь предвестником оккупации Салоник в пользу Германии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 402. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

-/. Письмо. 30/17 января 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Comme j'ai eu l'honneur d'en informer votre excellence par télégraphe, j'ai eu deux entretiens avec Sir A. Nicolson au sujet de l'emprunt persan [1].

C'est lui-même qui hier amena l'entretien sur ce sujet sur la base d'un télégramme de Sir G. Buchanan. Je repris la conversation aujourd'hui conformément aux instructions contenues dans le télégramme ministériel № 96 [2].

Sir Arthur me répéta ce qu'il m'avait dit hier, mais en précisant sa pensée.

Il croit que les négociations antérieures avec la maison Seligman lui donnent une priorité (a first claim) sur l'affaire.

Il me dit que récemment cette maison avait, à cause de la crise en Perse, montré quelqu'hésitation à continuer l'affaire, que par conséquent, dans son opinion, la marche à suivre serait d'interpeller la maison Seligman en lui posant catégoriquement la question si, oui ou non, elle compte conclure l'affaire sans retard, la prévenant que des propositions sérieuses acceptables avaient été faites d'autre part.

Je rappelai à Sir Arthur que Mr. Bénac s'était fait fort d'une avance au gouvernement persan avant la conclusion définitive de l'emprunt.

Il me répondit que cette considération ne lui semblait pas très concluante, que le groupe français ne se déciderait guère à cette avance avant que les pourparlers soient suffisamment avancés ce qui constituerait un délai trop prolongé.

Il me reparla avec insistance des conditions qui règnent dans la sphère anglaise et il me signala l'importance que cette question avait prise en Angleterre au point d'en faire une question politique très importante. Il en conclut que pour les intérêts anglais une avance de fonds prompte devenait d'autant plus indiquée que sans cette avance il était impossible de rien exiger d'un gouvernement persan dont la pénurie était d'après Sir G. Barclay devenue complète. La quote part anglaise de cette avance de £. 200 000 devait en entier être affectée aux besoins du Midi de la Perse.

Sir Arthur me dit qu'il ne voyait pour cette partie de la question qu'un moyen, celui de revenir à l'offre au gouvernement persan qui déjà une fois avait été faite par les deux Puissances. Il pense qu'avec £. 400 000 le gouvernement persan peut subvenir aux besoins les plus pressants et attendre la conclusion de l'emprunt en son temps.

Je n'ai que peu de choses à ajouter à ces considérations. Il est exact comme j'ai déjà eu l'honneur d'en rendre compte à votre excellence que cette question des désordres dans le Midi de la Perse a pris récemment une importance spéciale qui impose au gouvernement anglais la tâche de prendre un parti.

D'un autre côté il me semble qu'une avance de fonds le plus rapidement possible et suffisante, présente pour nous l'avantage de rendre moins pressante la réalisation d'un emprunt, par conséquent de reculer d'autant la convocation d'un Medjliss nécessaire pour cette réalisation, convocation que nous avons tout intérêt à reculer le plus possible [3].

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

---

[1] См. стр. 57, прим. 2. Тел. от 29/16 янв. за № 18 Бенкендорф сообщил Сазонову, со слов Никольсона, что Грей признает крайне необходимой немедленную выдачу совместного аванса Персии, причем англ. доля в 200 000 ф. ст. должна быть израсходована на неотложные нужды в англ. сфере влияния на юге.

[2] См. № 399.

[3] Тел. от 31/18 янв. за № 20 Бенкендорф сообщил Сазонову о своем новом разговоре с Никольсоном, которому он представил все выгоды передачи займа франц. группе, которая не будет вносить никаких политических элементов в финансовую сделку. Никольсон, однако, продолжал настаивать на необходимости, до начала переговоров с новой группой, запросить Зелигмана, примет ли он участие в займе при настоящем положении в Персии.

Перевод.

Г. министр,

Как я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство по телеграфу, я дважды беседовал с сэром А. Никольсоном по поводу персидского займа.

Вчера он сам завел речь по этому вопросу на основании телеграммы сэра Дж. Бьюкенена. Сегодня я возобновил этот разговор согласно инструкциям, содержавшимся в министерской телеграмме № 96.

Сэр Артур мне повторил то, что он сказал мне вчера, лишь уточнив свою мысль.

Он полагает, что предыдущие переговоры с фирмой Зелигман дают ей преимущественное право в этом деле.

Он мне сказал, что недавно эта фирма, вследствие кризиса в Персии, выказывала некоторую нерешительность в продолжении этого дела, а потому, по его мнению, нужно действовать следующим образом: обратиться к фирме Зелигман, поставив ей в категорической форме вопрос: рассчитывает ли она заключить без промедления сделку, да или нет, и предупредить ее, что от других фирм поступили серьезные и приемлемые предложения.

Я напомнил сэру Артуру, что г. Бенак заручился выдачей аванса персидскому правительству до окончательного заключения займа.

Он мне ответил, что это соображение не кажется ему очень убедительным, что французская группа едва ли решится на этот аванс прежде, чем достаточно подвинутся переговоры, для чего понадобится слишком долгий срок.

Он вновь настойчиво говорил со мной о положении в английской сфере влияния и указал, что этот вопрос приобрел в Англии столь большое значение, что может стать весьма важным политическим вопросом. Отсюда он делает заключение, что английские интересы тем более требуют спешной выдачи аванса, что без этого аванса невозможно предъявлять какие-либо требования к персидскому правительству, по сообщениям Дж. Барклая, не имеющему совершенно денег. Английская доля этого аванса — 200 000 ф. ст. — должна целиком пойти на нужды Южной Персии.

Сэр Артур мне сказал, что для этой стороны вопроса он видит только одно разрешение, а именно вернуться к предложению, уже однажды сделанному двумя державами персидскому правительству. Он думает, что, располагая 400 000 ф. ст., персидское правительство может удовлетворить самые неотложные нужды и ожидать заключения займа в свое время.

Я немногое могу добавить к этим соображениям. Правда, что вопрос о беспорядках в Южной Персии, как я уже имел честь сообщить вашему превосходительству, приобрел с недавних пор особенное значение, вынуждающее английское правительство принять решение.

С другой стороны, мне кажется, что наивозможно быстрая выдача достаточно большого аванса представляет для нас то преимущество, что она сделала бы реализацию займа менее срочной и тем самым дала бы возможность отсрочить в той же мере необходимый для этой реализации созыв меджлиса, который мы заинтересованы отложить на возможно длительный срок.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 403. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Депеша № 1. 30/17 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В телеграмме моей за № 5 [1] я имел честь вкратце донести вашему высокопревосходительству об итогах посещения германским министром иностранных дел столицы Италии. Г. Кидерлен-Вехтер не считал нужным скрывать, что появление его в Риме было вызвано настойчивыми усилиями Пансы [2] привести сюда руководителя внешней политикой союзной державы для представления королю и знакомства с маркизом ди Сан-Джулиано. Мне не удалось, однако, выяснить, действовал ли Панса по личному почину или по поручению Консульты. Во всяком случае установлено, что в Консульте существовало желание заполучить Кидерлен-Вехтера, дабы дать ему убедиться на месте в невозможности для Италии отменить указ о присоединении Триполи и Киренаики. Это было ему сообщено в непродолжительных беседах, которые он имел за краткое свое здесь пребывание с г. Джиолитти и маркизом ди Сан-Джулиано. Но желательного вывода из сообщенных ему данных не успели или не сумели извлечь. Предпо-

[1] Тел. от 24/11 янв. за № 5 Долгорукий сообщил Сазонову следующее: «Кидерлен в переговорах с Сан-Джулиано выяснил, что при настоящих обстоятельствах он полагает невозможным какое бы то ни было выступление в Константинополе в целях прекращения итало-турецких военных действий».

[2] Итал. посол в Берлине.

лагали или, скорее, надеялись, воззвать к союзническим отношениям Германии и уговорить ее произвести давление в желательном для Италии смысле на Турцию. Беседуя с австрийским послом, г. Кидерлен-Вехтер, будто бы, обмолвился, что «итальянцы — совершенные дети. Они не хотят понять, что можно быть союзниками и не видеть необходимости жертвовать своими выгодами в обстоятельствах, чуждых договору».

Повидимому, не было речи о возобновлении Тройственного союза, кроме обычных заверений в самых общих выражениях. Иначе трудно было бы согласовать отрицательные отзывы по этому поводу Консульты и противоположные сведения, распространенные в парламентских кругах.

Общественное мнение и печать отнеслись крайне холодно к этому официальному визиту. В общем, находили, что для такового было весьма неудачно выбрано время. Посещение это было бы восторженно приветствовано, если бы Кидерлен-Вехтер пожаловал с оливковой ветвью в руках. Между тем почти одновременно с его приездом стало известно, что возможность переговоров о мире исключена до производства новых выборов в турецкий парламент. Наученные опытом 1876 г., здесь опасаются, что и в вопросе соблюдения конституции младотурецкий режим не будет значительно отличаться от предшествовавшего ему. Искренно сочувственных статей приезду Кидерлен-Вехтера не было вовсе. В органах официальных были трафаретные обращения и биографические сведения о прохождении службы германского министра, в оппозиционных были статьи, начиная с равнодушных до мало гостеприимных, вроде озаглавленной «Malvenuto Signore!».

Неуспех посещения был бы еще рельефнее, если бы его не отодвинула на второй план франко-итальянская полемика, возникшая по поводу остановки «Carthage» и «Manouba» [1].

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 404. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 2. 30/17 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Происходившие во французской палате депутатов прения по поводу предъявленных правительству запросов о задержании почтовых судов «Carthage» и «Manouba» произвели самое удручающее впечатление в Италии. Приученные за последнее время к предупредительному с ними обращению французов,—итальянцы не отдают себе отчета в том, как могли столь невинные, по их мнению, опиравшиеся всецело на 47 ст. Лондонской декларации [2] действия флота вызвать в соседней дружественной стране такой взрыв негодования. По сию сторону Альп проглядели национальный подъем духа, интерес к международным вопросам, болезненное самолюбие, обнаружившиеся во Франции после прибытия «Panther»'а в Агадир. С ним не считались и действовали, не оберегая достаточно французской щепетильности в вопросах о национальном флаге. Когда последовал отпор в форме речей г. Пуанкаре и ораторов, предшествовавших ему, а также почти единогласного перехода к очередным делам, то здесь захотели видеть в проявлении такого парламентского единодушия желание французов выместить на Италии накипевшую под влиянием франко-германских переговоров горечь. Горечь, как полагают здесь, усилившуюся посещением Рима г. Кидерленом-Вехтером [3]. Итальянцы усмотрели в поведении французов пренебрежительное отношение «старшей латинской сестры» к «младшей», которую первая считает себя в праве наставлять и карать. Такое отношение, как его здесь себе толковали, недостаточно считается с чувством самоуверенности итальянцев, навеян-

[1] См. № 378.

[2] Ст. 47 Лондонской декларации 26/13 февр. 1909 г. о праве морской войны гласит: «Всякое лицо, входящее в состав военных сил неприятеля и найденное на нейтральном торговом судне, может быть сделано военнопленным, даже если нет основания захватить судно».

[3] См. № 403.

ным патриотическими торжествами, столь шумно отпразднованными в минувшем году [1]. Самоуверенность эта не отличает истинного покамест международного значения Италии от того, которое желали бы уже представлять. Повсюду приходилось слышать жалобы на то, что такие естественные в военное время события, как осмотр военными судами почтовых, торговых и т. д., угрожают привести к войне с Францией. «Какое же значение имеет тогда французско-итальянское сближение, если ему столь неожиданно и внезапно наступить может конец под влиянием самых незначительных событий», — говорили и сожалели об оказавшейся бесплодной и непрочной деятельности Баррера.

Инцидент был благополучно улажен по возвращении в Рим Баррера [2]. Причем значительно облегчили задачу его отношения к Джиолитти. В свидании с последним ему удалось в сравнительно короткий срок добиться приемлемых условий, после того как его беседа с маркизом ди Сан-Джулиано оказалась бесплодной. Разбираясь в причинах, давших событию принять такие размеры, приходится отметить, что прежде всего тут согрешило несвоевременное и недостаточное оповещение о положении дела французским министерством иностранных дел своего представителя в Риме. Г. Леграну не были известны ни *частный* характер ручательства отца летчика Дюваля, что аэроплан его сына не будет служить ни одной из воюющих сторон, ни беседа г. Пуанкаре и г. Титтони, в которой первый от имени Франции обязался проверить звание 29 турок, бывших на «Manouba». Ввиду этого, заключив из полученной краткой телеграммы, что французское правительство ручалось за то, что летчик с аэропланом не поступит на турецкую службу, г. Легран выработал совместно с маркизом ди Сан-Джулиано официальное сообщение, переданное агентством Стефани, которое, к великой обиде Италии, было всецело затем официально же опровергнуто французским правительством, через агентство Гавас [3]. Полагаясь на заверения маркиза ди Сан-Джуалиано, что 29 турок были военными, и не подозревая о существовании соглашения Пуанкаре — Титтони, г. Легран телеграфировал французскому вице-консулу в Кальяри приказание выдать турок итальянским властям. К некоторому извинению маркиза ди Сан-Джулиано должен добавить, что получившаяся поздно вечером телеграмма Титтони была разобрана лишь на следующий день. Обстоятельство это послужило поводом к запросу, предъявленному депутатом Киэза министру иностранных дел. Разрешение дипломатического инцидента не успокоило доныне общественного мнения, над которым, вероятно, будет еще немало времени тяготеть недовольство Францией и недружелюбные к ней чувства.

Уверения «Popolo Romano», что Сан-Джулиано предложил установить modus vivendi, который позволил бы избежать в будущем повторения подобных инцидентов, по заявлению Баррера, лишены всякого основания. По словам моего французского коллеги, он мечтает выработать какие-нибудь полицейские правила, которые обеспечили бы беспрепятственное сообщение между Францией и ее африканскими колониями и в то же время не стеснили бы Италию в качестве воюющей стороны, но ему не удалось до сих пор подыскать практические и юридические основы к такому соглашению.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

---

[1] Имеются в виду торжества по поводу 50-летия образования итал. государства, происходившие в марте 1911 года.

[2] Тел. от 14/1 янв. за № 1 Долгорукий сообщил, что накануне Баррер уехал на неделю в Париж, поручив управление пос-вом Леграну.

[3] В «Новом времени», № 12868 от 21/8 янв., приведена тел. аг-ва Гавас о франко-итальянском инциденте, в которой, между прочим, говорится: «Вопреки некоторым сообщениям, французское правительство вовсе не обещало итальянскому правительству препятствовать продаже аэропланов, находящихся на пароходе «Carthage», какой-либо иностранной державе. Французское правительство лишь сообщило римскому кабинету о добровольно принятом на себя владельцем аппаратов обязательстве не уступать их ни одной из воюющих сторон, причем французское правительство нисколько и не предполагало брать на себя гарантию исполнения этого обязательства».

№ 405. Посол в Берлине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 8. 30/17 января 1912 г.

Viens d'avoir un très long entretien avec Zimmerman, lui ai donné lecture et copie de votre lettre du [27]14 janvier № 19 [1], Kiderlen n'ayant interrompu son congé que pour passer ici la fête du 27 janvier [2]. Il est déjà reparti pour Stuttgart, m'ayant fait exprimer ses regrets de n'avoir pas trouvé un moment pour me voir au retour de Rome. Pourtalès a été informé par écrit de mettre votre excellence au courant de la situation actuelle par rapport à vos propositions dans la question italo-turque. Kiderlen a trouvé l'Italie fermement résolue de rester sur le terrain du décret du 5 novembre dernier — c'est-à-dire annexion pure et simple et souveraineté complète de l'Italie sur la Tripolitaine et la Cyrénaïque. De son côté Kiderlen n'a pas caché au Cabinet de Rome, ni même au roi, que la Turquie n'était pas en ce moment en état d'entrer en pourparlers sur les conditions émises par l'Italie et que l'heure de toute proposition tendant à ce but n'avait pas encore sonné. En outre Zimmerman affirme, que le Cabinet de Berlin partage absolument le bienfondé des idées contenues dans la proposition de votre excellence, mais ne va pas jusqu'à partager la crainte que l'état général de la Turquie soit aussi menaçant. Zimmerman croit que c'est à peu près l'opinion de tous les Cabinets de l'Europe et des ambassadeurs à Constantinople; il nie absolument que Marschall fasse sur les lieux opposition au projet de votre excellence; de plus ambassadeur aurait reçu de nouvelles instructions pressantes de profiter de sa longue expérience du terrain à Constantinople pour modifier les propositions italiennes et les rendre acceptables à la Turquie, qui ne saurait abandonner en ce moment l'élément arabe, ne se reconnaissant pas vaincue. Cette dernière explication est personnelle à Mr. Zimmerman, qui dit ne pas savoir si Kiderlen a usé de cet argument auprès des hommes d'état italiens.

Osten-Sacken.

Перевод:

Только что имел очень долгий разговор с Циммерманом, прочел и оставил ему копию вашего письма от [27]14 января № 19, так как Кидерлен прервал свой отпуск лишь для того, чтобы провести здесь праздник 27 января. Он уже снова уехал в Штутгарт, выразив мне свое сожаление, что не имел времени повидать меня после возвращения из Рима. Пурталесу письменно поручено поставить ваше высокопревосходительство в известность о нынешнем положении, поскольку это касается ваших предложений по итало-турецкому вопросу. Кидерлен нашел Италию в твердой решимости оставаться на почве декрета от 5 минувшего ноября, т. е. простая и чистая аннексия и полный суверенитет Италии над Триполитанией и Киренаикой. Со своей стороны, Кидерлен не скрыл от римского кабинета и даже от короля, что Турция в настоящий момент не в состоянии вступить в переговоры на условиях, выставленных Италией, и что час для каких-либо предложений, направленных к этой цели, еще не пробил. Кроме того, Циммерман утверждает, что берлинский кабинет вполне признает обоснованность соображений, содержащихся в предложении вашего высокопревосходительства, но не идет так далеко, чтобы разделять опасения, что общее положение Турции является столь угрожающим. Циммерман думает, что таково приблизительно мнение всех европейских кабинетов и послов в Константинополе; он абсолютно отрицает, что Маршалл устраивает на месте оппозицию проекту вашего высокопревосходительства; более того, посол получил новые настойчивые инструкции воспользоваться своим долгим опытом, приобретенным в Константинополе, чтобы видоизменить итальянские предложения и сделать их приемлемыми для Турции, которая, не признав себя побежденной, не может покинуть в настоящий момент арабов. Последнее объяснение принадлежит лично г. Циммерману, который говорил, что не знает, употребил ли Кидерлен этот аргумент перед итальянскими государственными деятелями.

Остен-Сакен.

---

[1] См. № 394.

[2] День рождения Вильгельма II.

№ 406. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 6 [1]. 30/17 января 1912 г.

Получил две телеграммы от [25]12 января [2].

Ввиду предстоящего приезда сербского королевича я сегодня и вчера убеждал Гешова покончить дело, оставив границу между Брегальницей и Стругой в неопределенном положении и подлежащей позднее арбитражу России. Но совет министров решил отклонить эту комбинацию. Считаю долгом напомнить, что так называемая «граница Романовского» вовсе не представляла собой нашего предложения, а уже уступку, выговоренную мной в пользу сербов при посредстве нашего военного агента. Теперь болгары слушать не хотят о дальнейших уступках. Ввиду сего повторяю, что считаю дело окончательно неудавшимся.

Неклюдов.

№ 407. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Письмо [3]. 30/17 января 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Если истекшая неделя и не ознаменовалась ожидавшимся отречением династии, то по нервности настроения, упорству борьбы разных влияний, а главное, по обилию самых невероятных, злонамеренно распускавшихся слухов, она заслуживает особого упоминания в развитии революционных событий в Китае.

Разбираясь в этом сложном материале, приходится признать, что Юань Ши-кай оставался центральной фигурой и успел сохранить в своих руках все нити переплетавшихся интриг хотя ему пришлось считаться одновременно как с новыми требованиями нанкинского временного правительства, так и с манчжурской оппозицией в Пекине.

В субботу, [20]7 января, отречение казалось вопросом решенным, как вдруг в Нанкине было получено известие о данном, будто бы, английским посланником, в качестве декана, обещании ускорить признание временного правительства, которое должен был образовать в Тяньцзине Юань Ши-кай. Известие это исходило от американских корреспондентов, исказивших полученные, как утверждают, благодаря нескромности американского посланника в Пекине, сведения о доверительном разговоре декана с председателем совета министров, о котором представлен был отчет в телеграмме моей за № 29 [4]. На следующий день из Нанкина было пущено в газеты сведение о готовящемся вмешательстве Англии в пользу династии, и одновременно Сун Ят-сен предъявил новые требования Юань Ши-каю относительно условий образования и местопребывания временного правительства. Хотя эти требования были тотчас же вслед за тем смягчены, они несомненно значительно обострили сопротивление некоторых манчжурских князей проекту отречения. Есть все основания думать, что Юань Ши-кай не принял сначала никаких мер для противодействия этой усилившейся оппозиции, а напротив, всячески содействовал распространению о ней преувеличенных слухов. [25]12 января появился императорский указ, составленный в туманных выражениях, коим опровергались «вздорные слухи» (видимо, об отречении) и упоминалось лишь о переговорах по поводу условий созыва национального собрания. Указ этот, казалось, подтверждал намерения двора продолжать борьбу. Вместе с тем ближайшие сотрудники Юаня и служащие в вай-ву-бу дали ход последовательно двум ложным известиям о выступлениях японского посланника, подготовлявшего, якобы, почву для вмешательства. Известия эти приобрели са-

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 21.
[2] См. № 388 и стр. 40, прим. 3.
[3] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 91.
[4] См. № 375.

мую широкую огласку, не на шутку встревожив даже некоторых коллег, и я счел долгом доложить истинное положение вашему высокопревосходительству телеграммами за №№ 57 [1] и 67 [2].

Нужное впечатление в Нанкине было во всяком случае произведено, и [26] 13 января Сун Ят-сен заявил о своей готовности выйти в отставку и уступить президентство во временном правительстве Юань Ши-каю, если состоится отречение; о местопребывании временного правительства умалчивалось. Заявление это было одобрено формальным голосованием заседающих в Нанкине представителей примкнувших к республике провинций. В ночь с [26]13 на [27]14 января и на следующий день произведены были покушения на двух известных своей преданностью манчжурам генералов Лян-би (бывшего начальника гвардейской бригады) и Чжан Хуай-чжи, заведующего войсками внутренней обороны в Тяньцзине. Наконец, в тот же день вечером была разослана министрам и князьям, для доклада трону, коллективная телеграмма высших военных начальников имперских войск, полученная мною в копии от монгольских князей и в главных чертах доложенная вашему высокопревосходительству по телеграфу [3]. Документ этот, о котором пока в печать проникли лишь отрывочные сведения, представляет, несомненно, выдающееся значение уже в силу стоящих под ним подписей командующих 1-й армией (у Ханькоу) и войсками провинции Чжили, генерала Чжан-Сюня, бывшего защитника Нанкина и ныне руководящего войсками на Тяньцзин-Пукоуской линии, а также семи начальников дивизий и почти всего высшего командного состава северных войск. Переходя к содержанию телеграммы, считаю долгом прежде всего отметить приведенные в ней условия соглашения между пекинским правительством и республиканцами относительно отречения династии:

1. Императорский титул сохраняется на вечные времена.

2. Императору ежегодно выплачивается содержание в размере не менее 3 миллионов лан.

3. Для обеспечения существования знаменных (получающих ныне содержание от казны) изыскиваются особые средства; все специальные повинности, существовавшие исключительно для манчжур, монголов, мусульман и тибетцев, отменяются.

4. Манчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане уравниваются в правах с китайцами.

5. Княжеские и прочие титулы сохраняются и

6. Имущество всех титулованных лиц остается за ними.

Соответствующее обязательство республиканцев должно было храниться в архиве международного трибунала в Гааге.

Установив выгодность этих условий для правящего ныне класса, авторы телеграммы переходят к подробному разбору стратегического положения, сложившегося весьма невыгодно для северных войск, перечисляют успехи, достигнутые республиканцами, констатируют продолжающуюся дезорганизацию и брожение среди подчиненных им частей. Предвидя, что национальное собрание безусловно выскажется за провозглашение республики, телеграмма заканчивается советом

---

[1] Тел. от 25/12 янв. за № 57 Щекин сообщил Сазонову: «Здесь держится упорный слух, подтверждаемый из источников, близких к вай-ву-бу, что японцами обещана поддержка Теляну (бывший военный министр Китая, давнишний враг Юань Ши-кая), который будто бы обратился также за помощью к манчжурскому генерал-губернатору. Японский посол передал мне доверительно содержание своей последней беседы с Юань Ши-каем, который высказался в смысле неизбежности отречения династии. По ходу разговора Иджуин, в качестве личного мнения, сообщил Юань Ши-каю, что продолжает считать сохранение династии желательным». На вопрос Щекина япон. послу, «думает ли он, что династию действительно возможно удержать, японский посол ответил, что, конечно, при настоящих условиях это сомнительно».

[2] Тел. № 67 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Возможно, что речь идет о тел. от 27/14 янв. за № 66, являющейся продолжением тел. за № 57. В ней Щекин сообщил Сазонову, что не удается установить правильность слухов о поддержке японцами династии.

[3] Об этом Щекин сообщал Сазонову тел. от 28/15 янв. за № 69.

признать теперь же республиканский строй и издать указ об оставлении временно у власти нынешнего кабинета, который до созыва национального собрания будет руководить «решением вопросов государственной политики, имеющих отношение к иностранным державам». Едва ли проскользнула случайно в заключительную часть телеграммы излюбленная Юань Ши-каем тема, но, не касаясь пока этого пункта, а равно ближайшего влияния на политическое положение указанного выступления начальников армии, приходится заключить, что истекающее перемирие придется продолжить, так как возобновление военных действий представлялось бы при подобном настроении чересчур рискованным.

Переходя к противодействию некоторых манчжурских князей, которые я в телеграммах позволил себе охарактеризовать как преувеличенное слухами [1], следует заметить, что борьба для князей затруднительна не только за недостатком материальных средств и сторонников, но и благодаря невозможности открыто взять власть в свои руки. Чисто манчжурское правительство едва ли было бы в состоянии удержать большинство северных войск от мятежа, ни тем более заставить их сражаться с республиканцами; это обстоятельство я и счел долгом подчеркнуть, давая в телеграммах отчет о попытках крайней манчжурской партии перейти к активным действиям.

Среди самих князей, отстаивающих династию, только один, бывший министр финансов Цзай-Цзэ, является сколько-либо выдающимся по способностям. Его инициативе приписывают последний маневр двора — пожалование Юань Ши-каю титула маркиза 1-й степени. Несмотря на троекратные отказы Юаня, причем в последнем докладе он «умоляет в знак особой милости временно отменить изданный указ», вдовствующая императрица упорно настаивает на принятии им этой заслуженной награды «за преданность и особые труды по охранению целости империи». Хотя Юань Ши-кай тщательно воздерживался от каких-либо официальных советов в пользу отречения, высокая милость двора, особенно с точки зрения психологии китайцев, придающих такое значение внешнему соблюдению своего достоинства и нравственных устоев, скомпрометировала и стеснила председателя совета министров, поставив подневольного маркиза в весьма щекотливое положение, из которого ему еще нужно найти выход [2].

Примите и пр.

Щекин.

№ 408. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 7. 31/18 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Отставка кабинета Кайо [3] несколько замедлила ход работ сенатской комиссии, занимающейся рассмотрением франко-германского соглашения. Из ее состава вышли докладчик г. Пуанкаре и председатель г. Леон Буржуа, первый — став во главе нового кабинета, а второй — сделавшись министром труда. Вслед за сим г. Рибо был единогласно выбран председателем комиссии, а должность докладчика была поручена г. Бодену (Pierre Baudin).

Вскоре после вступления в управление вновь составленным кабинетом, г. Пуанкаре был выслушан сенатской комиссией уже в качестве министра ино-

[1] В тел. от 20/7 янв. за № 32 Щекин сообщал, что хотя он считает слухи о значении агитации манчжурских князей против отречения преувеличенными, тем не менее он имеет сведения, что явившаяся к князю Цин депутация офицеров гвардии заставила его «под угровой смерти» на совещании во дворце 19/6 янв. высказаться, вопреки прежним заявлениям (см. стр. 31, прим. 1) в пользу конституционной монархии.

[2] В деп. от 1 февр./19 янв. за № 5 Щекин по этому поводу добавлял, что на следующий день после отправления публикуемого письма «председателю совета министров удалось найти формулу, которая решала вопрос, сохраняя достоинство двора»; Юань Ши-каю было разрешено «принять пожалованный титул позже, когда в общем положении вещей наступит некоторое успокоение».

[3] См. № 366.

странных дел. В речи своей он просил сенат принять соглашение с Германией в возможно скором времени. Тотчас по вступлении во власть он озаботился приисканием способов осуществления франко-германского соглашения, установлением французского протектората в Марокко. С этой целью им была созвана особая междуведомственная комиссия из представителей министерств — иностранных дел, военного и финансов, имеющая объединить соответственные работы отдельных ведомств.

Министр указал, что расходы по оккупации Марокко, достигнув в 1911 г. 61 млн. франков, возрастут в 1912 г. приблизительно до 90 млн., считая в этой сумме и необходимые затраты на предполагаемые первоначальные реформы в стране. Что касается оккупационного отряда, то председатель совета думает ограничиться нынешним его составом, численностью в 38 000 человек, который он считает достаточным для обеспечения нового протектората. Состав этот можно будет впоследствии сократить в зависимости от увеличения туземных войск под начальством французских офицеров.

Тотчас по принятии сенатом соглашения со стороны французского правительства будет командировано в Фец лицо, которому поручено будет заключить с султаном договор о протекторате, подобно тому, как это было сделано в 1881 г. с тунисским беем. Ведение этих переговоров было в то время поручено г. Полю Камбону; самый же договор о протекторате заключен был лишь в 1883 г.

На вопрос г. Клемансо касательно нового положения, созданного статьей 16-й соглашения [1], требующей предварительного уговора с державами для осуществления Францией своего преемственного права на бельгийский Конго [2], министр ответил, что французские права на эту область остаются непоколебимыми и что, с своей стороны, он счел нужным дать самые дружеские по этому поводу заверения бельгийскому правительству, несколько озадаченному выходкой г. Кайо о предстоящем, будто бы, общем переделе африканских колониальных владений.

Наконец, по поводу переговоров с Испанией г. Пуанкаре выразил мнение и надежду скорого и успешного их завершения ко взаимному удовлетворению обеих стран.

Несколько дней спустя после вышесказанных объяснений председателя совета министров г. Боден представил сенатской комиссии свой доклад о франко-германском соглашении 4 ноября [нов. ст.], который был принят комиссией большинством 16-ти голосов против 2 при 4 воздержавшихся.

Доклад этот, весьма обстоятельный и пространный, приходит, конечно, к заключению о необходимости утвердить франко-германское соглашение. Вследствие решения комиссии, по весьма понятным соображениям, в нем ничего не сказано о переговорах, имевших место между 1 июля и 4 ноября [нов. ст.], т. е. с момента появления германского судна в Агадире вплоть до самого заключения соглашения.

В общем доклад представляет собой подробное исследование причин неудачного применения франко-германского договора 1909 года, исторический очерк событий, приведших к необходимости занятия Феца, правильную, а подчас и строгую критику правительственных действий и упущений накануне кризиса минувшего лета, наконец, оценку самих соглашений о Марокко и Конго и виды правительства по установлению будущего протектората.

Возражая в вступлении своем против злоупотребления в последнее время секретными договорами, доклад вызвал единодушное пожелание комиссии об ограничении таковых до пределов крайней необходимости, указывая на то обстоятельство, что хотя конституция 1875 г. и предоставляет президенту республики возможность оценивать момент, когда подобные договоры могут быть представляемы палатам без ущерба для безопасности и интересов государства, тем

---

[1] См. ч. 1, стр. 225, прим. 1.

[2] Имеется в виду ст. 1-я франко-бельгийского соглашения от 23/10 дек. 1908 г. о преимущественном праве Франции на покупку Конго.

не менее она (т. е. конституция) не разрешает приложения к публичному трактату каких-либо секретных статей, могущих изменить его направление и смысл его постановлений [1].

Разбирая отдельно все попытки франко-германского промышленно-финансового сотрудничества, предусмотренного договором 1909 г., доклад приходит к выводу, что неудачу этих попыток следует приписать отчасти промахам самого французского правительства, отчасти же коренному различию экономических методов обеих стран. В то время как в Германии весь государственный механизм направлен к защите и поощрению германских частных промышленных предприятий, во Франции, напротив, когда правительство пытается поддержать представителей каких-нибудь экономических интересов, его немедленно обвиняют в своекорыстии и зачастую свергают кабинет. В поисках за экономическими выгодами Германия, без сомнения, ставила на первый план именно финансовое содействие Франции, на основании договора 1909 г., между тем как Франция, наоборот, усматривала в нем главным образом орудие своего политического владычества в Марокко.

Экспедиция в Фец явилась, по мнению докладчика, непременным следствием безотзывчивого отношения правительства к беспрестанно повторявшимся просьбам султана о военной и денежной поддержке.

Поход этот, вызвавший в Германии скрытую, но сильную тревогу, мог быть избегнут, и таким образом оказалось бы легко устранить главный, в сущности, предлог Германии для поднятия снова всего марокканского вопроса, уже на почве территориальных компенсаций. Понесенные Францией жертвы, заканчивает доклад, могли бы еще оказаться для нее легкими, если урок этот будет надлежаще ею использован и если методы правительства освободятся, наконец, от устарелых предрассудков, столь ясно осужденных опытом.

Общие прения в сенате по настоящему вопросу начнутся, по всей вероятности, уже на этой неделе и, несмотря на значительное число записанных ораторов, на-днях можно ожидать окончательное принятие соглашения.

Примите и пр.

Извольский.

№ 409. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 31/18 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом прибавить несколько слов к донесению моему от сего числа, подробно излагающему ход франко-итальянского конфликта из-за секвестра французских судов «Carthage» и «Manouba» [2]. Конфликт этот вызвал здесь весьма сильное волнение и в течение нескольких дней грозил принять крайне серьезный оборот. Независимо от запутанности юридической своей стороны, вопрос с самого начала осложнился целым рядом несчастных случайностей и недоразумений. В самый день получения известия о задержании «Manouba» г. Титтони довольно серьезно заболел и до сих пор не мог ни разу видеться с г. Пуанкаре; отсутствие

[1] Позднее, в деп. от 14/1 марта за № 18 (опубл. М., стр. 165) Извольский сообщал, что в связи с разоблачениями относительно закулисной политики Кайо, в палату депутатов было внесено предложение «об изменении статьи 8-й органического закона 16 июля 1875 г., которая предоставляет президенту республики право самостоятельно заключать договоры с иностранными державами». По настоянию Пуанкаре это предложение было отклонено.

[2] В деп. от 31/18 янв. за № 6 Извольский сообщал Сазонову о переговорах между франц. и итал. прав-вами, приведших к улажению инцидента и установлению соглашения. По этому соглашению «все спорные вопросы, связанные с остановкой и временной задержкой обоих французских пароходов, будут подвергнуты, в силу франко-итальянской арбитражной конвенции, Гаагскому международному суду». Во избежание повторения подобных инцидентов Пуанкаре предложил назначить на время войны франко-итальянскую комиссию, состоящую из юрисконсультов и морских офицеров обеих стран.

г. Баррера из Рима [1] также неблагоприятно отразилось на ходе дела. Французское общественное мнение, все еще не вполне успокоившееся после событий минувшего лета, отнеслось к инциденту в высшей степени нервно и настойчиво требовало полного удовлетворения. Г. Пуанкаре, только-что получивший от парламента небывалый, по своему единодушию, знак доверия, оказался в весьма трудном и щекотливом положении; малейшая неудача в области внешней политики могла сразу поколебать положение его кабинета. Этим объясняется смелость, с которой он решился тотчас поставить все дело на парламентскую почву; вместо того чтобы, по принятому обычаю, отказаться от дачи объяснений до окончания переговоров, он начал с того, что подробно изложил перед палатой депутатов сущность конфликта и публично заявил о предъявленных Италии требованиях. Успех его в палате и во всей стране был громадный. Великолепная его речь была покрыта шумными рукоплесканиями на всех скамьях, не исключая крайних правых и левых. Но выступлением этим он, вместе с тем, отрезал себе все пути к отступлению или даже частичному ослаблению своих требований и, как я высказал в одной из моих телеграмм, если бы Италия на эти требования не согласилась, конфликт мог принять крайне серьезный и даже опасный оборот [2]. Замечательно, с какой легкостью, по поводу, в сущности, второстепенного дела, здесь тотчас было произнесено слово «война». В этом отношении надо признать, что в настроении французской нации в последнее время произошла глубокая перемена, с которой необходимо считаться при всяких вновь возникающих политических конъюнктурах. Быстрое и успешное разрешение конфликта еще более укрепило столь сильный по своему составу кабинет г. Пуанкаре; этому нельзя не радоваться, ибо если наступающая весна действительно принесет с собой крупные международные осложнения, можно уповать, что под его руководством Франция сыграет в них подобающую ей и полезную для ее союзников роль.

В настоящую минуту весьма трудно сказать, какого рода последствия будет иметь только-что улаженный конфликт. Если он и не разрушил результата десятилетней дипломатической работы, приблизившей Францию к Италии, он все же не останется без влияния на франко-итальянские отношения. Совпадение с ним римского визита г. Кидерлена [3] как бы подчеркнуло факт, что Италия, в сущности, принадлежит к враждебной Франции группе держав, и освежило интерес к вопросу о возобновлении Тройственного союза. Германская печать весьма искусно пользуется обстоятельствами, чтобы, преувеличивая дипломатический успех г. Пуанкаре, возбуждать Италию против Франции. При таких условиях всякий новый инцидент, подобный только-что улаженному, может оказаться весьма опасным, и надо пожелать Италии, чтобы она с большей осмотрительностью и умеренностью пользовалась правом остановки и осмотра нейтральных судов.

В заключение не могу не высказать, что хаотическое состояние современного морского права весьма способствует возникновению конфликтов. За отсутствием положительных и общеобязательных норм, решения Гаагского трибунала по настоящему делу представят большой интерес, ибо они затронут целый ряд весьма сложных и спорных вопросов: об условной контрабанде, о длящемся путешествии, об осмотре судов большого каботажа и т. п. Я буду внимательным образом следить за ходом предположенного арбитража и о результатах его не премину в свое время вас уведомить.

Примите и пр. Извольский.

№ 410. Военный агент в Германии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 29. 31/18 января 1912 г.
Секретно.

За последнее время мной получены из различных источников сведения, дающие основание предполагать, что в Германии с некоторой тревогой ожидают

[1] См. стр. 63, прим. 2.
[2] См. стр. 33, прим. 1.
[3] См. № 403.

весну настоящего года. Лица, повидимому, хорошо знакомые с Ближним Востоком, выражают предположение, что если в течение ближайшего времени не удастся положить конец турецко-итальянской войне, то к весне на Балканском полуострове надо ожидать весьма серьезных событий, причем Италия легко может быть вынуждена перенести военные действия на Балканский полуостров или в Эгейское море.

Таким образом один из членов Тройственного союза не может быть принимаем во внимание при общем подсчете сил в случае европейской войны. С другой стороны, при такой обстановке положение Турции, продолжающей тяготеть к Германии, будет весьма тяжелым.

Вместе с тем и Австрия будет вынуждена держать наготове часть своих сил как на итальянской границе, так и для возможности поддержать свои требования на Балканском полуострове и, следовательно, будет ослаблена на главном театре, т. е. против России.

Все это создает обстановку, чрезвычайно выгодную как для балканских государств, так и для Англии и Франции в смысле перехода к более активной политике и вызывает здесь некоторую, не всегда удачно скрываемую тревогу.

Между прочим во время обеда в день рождения императора Вильгельма, за так называемым гофмаршальским столом, к которому приглашается свита приезжающих в этот день в Берлин представителей германских государств, председательствовавший при произнесении тоста в честь императора упомянул о тучах, заволакивающих политический горизонт.

В частности, по имеющимся у меня сведениям, в большом генеральном штабе за последнее время идет усиленная работа, причем занятия продолжаются до необычно поздних часов; из другого источника я имею сведения, что в Баварии получено распоряжение пополнить и освежить все запасы; наконец, мне передавали, будто бы в кадетском корпусе приняты меры к тому, чтобы кадеты старшего класса могли быть выпущены прямо в офицеры; к последнему сведению считаю, однако, необходимым отнестись пока с осторожностью [1].

Генерального штаба полковник Базаров.

№ 411. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 31/18 января 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Me conformant aux instructions que votre excellence a bien voulu me donner, j'ai donné lecture au baron de Muller, gérant du ministère des affaires étrangères [2], de la lettre du 27/14 janvier année courante № 19 et lui en ai laissé copie [3].

Le baron de Muller m'a déclaré qu'il se mettrait en rapport avec les autres grandes Puissances et qu'il étudierait avec sympathie les nouvelles suggestions de votre excellence et qu'il ne manquera pas de faire connaître le sentiment du Cabinet de Vienne au sujet de la nécessité d'une action pacificatrice commune, au cas où le cours des événements deviendrait menaçant pour la paix européenne.

---

[1] В деп. от 5 янв. 1912 г./23 дек. 1911 г. за № 86 Остен-Сакен сообщил, что в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» были опубликованы выдержки из принятого герм. союзным советом бюджета на 1912 г., из которых, по его словам, «можно заключить, что имперское правительство считает необходимым обратить особое внимание на развитие своих военно-морских сил». По поводу сметы военного и морского ведомств Остен-Сакен сообщал следующее: «Всего расходы на армию исчисляются в 770,4 млн. марок, а на флот — в 457,2 млн. марок, что вместе составляет приблизительно 43,5% всего бюджета. На погашение имперских долгов ассигновано 85,2 млн. марок, — на 29 млн. марок менее, чем в 1911 г. Почти три четверти чрезвычайного бюджета, исчисленного в 134,5 млн. марок, идет на военно-морские надобности, а именно 82,5 млн. марок на постройку судов и 16,7 млн. марок на сооружение крепостей».

[2] Мюллер временно управлял австро-венг. м-вом ин. дел в связи с болезнью Эренталя (ср. № 416).

[3] См. № 394.

Je crains fort que nous ne devons plus nous attendre, de la part du Cabinet de Vienne, à une expression de pensée indépendante du Cabinet de Berlin, comme avait l'habitude de le faire le comte Aehrenthal, qui se refusait énergiquement à jouer un rôle secondaire dans la Triplice.

Veuillez agréer, etc. N. de Giers.

Перевод.

Г. министр,

Повинуясь инструкциям вашего высокопревосходительства, я прочел барону Мюллеру, управляющему министерством иностранных дел, письмо от 27/14 января сего года за № 19 и оставил ему копию его.

Барон Мюллер заявил мне, что он войдет в сношения с другими великими державами, что он рассмотрит в благожелательном смысле новые предложения, выдвинутые вашим высокопревосходительством и что он и не преминет сообщить взгляд венского кабинета по вопросу о необходимости совместных умиротворяющих действий в том случае, если ход событий будет угрожать миру в Европе.

Я сильно опасаюсь, что мы не можем больше рассчитывать на то, что венский кабинет выразит мнение, независимое от берлинского кабинета, как это имел привычку делать граф Эренталь, решительно отказывавшийся играть второстепенную роль в Тройственном союзе.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 412. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 115. 1 февраля/19 января 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1359 [1].

Считали бы своевременным, не выжидая решения прочих вопросов, предложить ныне же персидскому правительству вступить в переговоры с Мохамед-Али-шахом в видах склонения его к добровольному удалению из Персии, причем правительство могло бы предложить шаху возобновление пенсии и полную амнистию его сторонникам. С своей стороны, мы в таком случае могли бы повлиять на шаха и даже, если правительство этого пожелает, возложить на Иванова [2] посредничество в переговорах. Иванову следовало бы тогда прежде всего убедить шаха в полной безнадежности его предприятия, так как англичане его никогда не признают, а с нашей стороны он ни на денежную, ни на какую-либо другую поддержку рассчитывать не может. Иванов может далее высказать, что мы желаем прекращения шахом бесплодной и гибельной для страны борьбы на предлагаемых ему выгодных условиях. Если это окажется недостаточно убедительным, чтобы склонить шаха принять предложения правительства, то следовало бы ему прямо сказать, что, признав необходимым положить конец настоящему положению вещей в Персии, Россия и Англия решили оказать правительству нравственную и материальную поддержку, которая несомненно поднимет его шансы в борьбе с шахом и его сторонниками. Вслед затем Иванову надо будет принять возможные меры к удалению примкнувших к Мохамеду-Али кавказцев, а пограничному комиссару — повлиять на туркмен, чтобы они приняли предлагаемую правительством амнистию и прекратили военные действия.

Относительно упомянутого заявления персидскому правительству благоволите сговориться с Барклаем, который получит соответствующие указания [3], и, в случае принятия правительством нашего предложения, снабдить Иванова надлежащими инструкциями.

Сазонов.

---

[1] См. № 335.

[2] Консул в Астрабаде.

[3] Ср. стр. 56, прим. 1.

№ 413. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 13. 1 февраля/19 января 1912 г.

Получил циркулярную депешу № 19 [1].

Сообщил эту депешу министру иностранных дел, оставив ему копию. Пуанкаре высказал мне, что он вполне признает необходимость совместных действий всех держав в пользу восстановления мира. При этом он особенно подчеркнул, что, по мнению парижского кабинета, подобные действия должны непременно быть общими. К сожалению, по имеющимся у него сведениям, Германия еще на прошлой неделе заявила в Константинополе, что она не намерена присоединиться к каким-либо общим шагам. Пуанкаре всецело согласен с вашей мыслью о желательности продолжить обмен мыслей между державами и постарается сообщить мне на-днях более точные и подробные соображения по содержанию вашей депеши.

Извольский.

№ 414. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 1 февраля/19 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со времени последнего моего письма [2] я имел несколько бесед о политическом положении на Ближнем Востоке как с г. Пуанкаре, так и со вновь назначенным политическим директором г. Палеологом.

Г. Пуанкаре вполне разделяет наши опасения насчет возможности осложнений на Балканском полуострове к началу весны. Из слов его я мог заключить, что он беседовал с г. Крозье и подробно осведомлен о наблюдениях и соображениях французского посла в Вене, изложенных в письме моем от 17/4 января [2]. Отнюдь не доверяя ни устойчивости мирных намерений венского кабинета, ни искренности короля Фердинанда, он предвидит главную опасность со стороны болгарских вожделений; кроме того, его тревожит возможность выступлений короля Николая и внутренних потрясений в Турции. Перечислив все эти источники осложнений, г. Пуанкаре, по собственному почину, высказал мне, что необходимо заранее озаботиться о том, чтобы события не застали державы Тройственного согласия врасплох и что, со своей стороны, он готов во всякое время вступить в конфиденциальный обмен мыслей как с нами, так и с лондонским кабинетом о могущих возникнуть случайностях. Я поспешил принять к сведению это заявление и прибавил, что, по моему личному мнению, было бы особенно естественно и легко начать подобный разговор между Россией и Францией, связанными столь тесными союзническими отношениями. По ходу дальнейшей беседы я воспользовался случаем, чтобы обратить его внимание на ходящие здесь слухи о предстоящем, будто бы, на парижском рынке болгарском займе. Г. Пуанкаре тотчас же заявил мне, что он самым внимательным образом следит за финансовыми проектами балканских государств и что он допустит их не иначе, как в полном согласии с нами и при условии достаточной гарантии, что они направлены к мирным целям.

Г. Палеолог, как вам известно, занимал в последнее время пост французского посланника в Софии, где он состоял в особенно интимных отношениях с королем Фердинандом. Человек блестящего ума и выдающегося литературного дарования, г. Палеолог, по моему личному мнению, вряд ли может считаться очень серьезным и уравновешенным политическим деятелем. В Болгарии он иногда предавался чрезвычайному алармизму, и суждения его о политическом положении на Балканском полуострове необходимо принимать несколько критически. Тем не менее, по свойству его личных отношений к королю Фердинанду,

---

[1] См. № 394.
[2] См. № 358.

а также значительности занимаемого им сейчас положения во французском министерстве иностранных дел, мнения его заслуживают с нашей стороны серьезного внимания. Г. Палеолог высказал мне убеждение, что король Фердинанд, приблизительно с октября месяца, окончательно повернулся в сторону Австро-Венгрии. Тогда как до этого граф Эренталь тщательно уклонялся от встреч и бесед с ним, в последнее время он несомненно подробно обсуждал с ним различные вопросы, касающиеся будущих событий на Балканском полуострове. При этом, повидимому, планы короля Фердинанда признаны в Вене не идущими вразрез с австро-венгерскими интересами. По догадке г. Палеолога, король Фердинанд обещал свою поддержку австро-венгерскому проекту создания крупной независимой Албании и получил в обмен обещание расширения Болгарии, отчасти за счет македонских областей (исключая Салоник), отчасти же за счет Сербии (Ниш и Пирот). Доказательство состоявшегося соглашения г. Палеолог видит в перемене, будто бы наступившей в отношениях между Болгарией и Румынией: по его словам, по внушению венского кабинета, румынское правительство заявило Болгарии, что оно не связано никакими обязательствами с Турцией насчет возможных выступлений Болгарии и готово обсудить с последней различные могущие возникнуть случайности.

Я, конечно, отнюдь не беру на себя судить о степени достоверности исходящих от г. Палеолога сведений, которые могут быть проверены лишь нашими представителями в Вене и в балканских столицах; тем не менее считаю долгом поставить вас о них в известность, так как суждения нового политического директора будут иметь несомненное влияние на характер и направление наших эвентуальных объяснений с парижским кабинетом по вопросам балканской политики.

Примите и пр. Извольский.

№ 415. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 39 [1]. 1 февраля/19 января 1912 г.
Секретно.

Ввиду ухода генерала Дюбайль [2] и разговора, бывшего у меня недавно с ним, о котором я докладывал вашему высокопревосходительству в моих рапортах от [17]4 января с. г. за №№ 6 и 7 [3], я счел нужным просить генерала Жоффра подтвердить то, что говорил мне генерал Дюбайль. Его превосходительство исполнил мою просьбу.

Кроме того, генерал Жоффр мне сказал, что теперь в военном министерстве идет усиленная работа, чтобы быть вполне готовым, если весной вспыхнет война; что все, касающееся английской высадки, подготовлено до мельчайших подробностей, так что английская армия примет участие в первом генеральном сражении; что движение немцев через южную Бельгию он считает весьма выгодным для Франции на том основании, что это даст возможность вести войну, во-первых, не на своей территории, а во-вторых, на театре, где противник не имеет никаких фортификационных сооружений.

Затем, желая знать, насколько генерал Дюбайль ориентировал генерала Жоффра относительно нашего содействия в случае франко-германской войны, я коснулся этого вопроса. Оказалось, что начальник генерального штаба был в достаточной мере осведомлен, так как он не проявил опасения, что наша будто бы поздняя готовность лишит нас возможности оказать действительную помощь Франции с первых же дней главных операций на франко-германском театре.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXIV, стр. 178. На оригинале имеется помета: «Неудобно. [6 февраля]25 января С[ухомлинов]».

[2] Деп. от 1 февр./19 янв. 1912 г. за № 9 Извольский сообщал, что должность начальника главного штаба во Франции упразднена, его функции были переданы начальнику ген. штаба. С упразднением названной должности занимавший ее ген. Дюбайль получил назначение командиром 9 корпуса.

[3] См. №№ 359 и 360.

Напротив, генерал Жоффр сказал, что ему известно, что мы будем в состоянии удержать на нашей границе те германские корпуса, которые теперь там находятся. Но при этом его превосходительство прибавил, что он считал бы весьма желательным, если бы об этом стало известно немцам...

По этому поводу я осмелюсь доложить мои личные соображения.

За границей появляется масса статей, брошюр и книг, в которых разбираются и критикуются вероятные планы войны. В них много фантазии, но так как в этой новой отрасли военной литературы принимают участие часто выдающиеся военные писатели (как, например, генерал Фалькенгаузен), то в конце концов можно составить себе некоторое понятие о господствующих в данное время в военных сферах взглядах на наиболее целесообразное ведение предстоящих военных операций. Так, вероятное нарушение германцами бельгийской территории вызвало множество весьма интересных статей.

У нас совсем нет подобной литературы, и все, что касается нашей армии, ее силы и боевой готовности, известно лишь немногим, а это дает повод некоторым военным писателям распространять совершенно ложные сведения относительно ее оперативной способности и той реальной помощи, которую мы можем оказать французам, как, например, это сделал генерал Метро в статье, о которой я докладывал в рапорте от [17]4 января с. г. за № 8 [1]. Подобные слухи, конечно, в высшей степени наруку немцам.

А между тем можно было бы поместить в русских газетах и журналах или в отдельных изданиях немало статей, интересных и полезных «pour notre cause commune» [2], как говорят французы... Например, «Русские железные дороги в военном отношении теперь и 20 лет тому назад», «Россия и Франция в борьбе с Германией», «В чем может выразиться помощь России Франции в течение первого периода войны» и т. д.

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц.

№ 416. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 1 февраля/19 января 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Император Франц-Иосиф крайне опечален состоянием здоровья графа Эренталя. Его величеству сообщено было докторами, что нет никакой надежды на исцеление графа ввиду того, что разложение крови приняло угрожающий для его жизни характер. Граф может прожить всего еще несколько недель, но возможна также и внезапная его кончина. По советам врачей, которые строго запрещают Эренталю какие бы то ни было занятия, граф Эренталь просил императора Франца-Иосифа уволить его в отставку, но престарелый монарх ответил ему, что он и слышать не хочет пока об этой отставке, так как не теряет надежды на его выздоровление. Император предложил Эренталю бессрочный отпуск и поручил управление министерством иностранных дел барону Мюллеру. В разговоре с моим германским коллегой, во время торжественного обеда, данного в Шенбрунне в день рождения императора Вильгельма, император Франц-Иосиф сказал фон Чиршки, что он, увы, отдает себе прекрасно отчет, что Эренталь не вступит больше в управление министерством иностранных дел и что это большая потеря для Австро-Венгрии. Пока он ничего не решил насчет его заместителя на столь

[1] В рапорте от 17/4 янв. за № 8 Ностиц сообщал, что Метро поместил в журнале «Correspondant» три статьи «по поводу разных предположений, вызываемых франко-германской войной». «К сожалению, — заканчивал Ностиц, — генерал Метро сообщает весьма неблагоприятные и даже ложные сведения о нашей армии, умаляя в сильной степени ее оперативную способность. Подобные выступления французских военных писателей, конечно, весьма нежелательны, но от этого страдают прежде всего сами французы, так как не мы нуждаемся в их помощи, а они в нашей».

[2] «для нашего общего дела».

ответственном посту. Однако существует всеобщее убеждение, что выбор падет на венгерца и что, вероятно граф Сечен будет назначен, так как граф Сегени, австро-венгерский посол в Берлине, пользующийся репутацией большого приверженца Германии, уже слишком пожилой человек. Кто бы ни был заместителем графа Эренталя, он поневоле будет в полной зависимости от берлинского кабинета и не проявит больше ни той энергии, ни той самостоятельности, которые были отличительными чертами графа Эренталя. Я глубоко убежден, что в последнее время он искренно желал полного соглашения с Россией и Италией для поддержания status quo на Балканах. Клерикальная партия упрекала его в недостаточном заступничестве за католических подданных Турции, за неоказание более действительного покровительства албанцам и т. д. Разумеется, все эти нападки и в особенности враждебное отношение известных военных кругов сильно раздражали графа Эренталя и отравляли душевное его спокойствие. С другой стороны, германофильская партия упрекала его в том, что он ничего не сделал, чтобы укрепить узы с Германией и доказать ей благодарность Австро-Венгрии за поддержку, оказанную Германией в аннексионное время. Травля Эренталя не имела успеха в решающих сферах. Он сохранил полное доверие своего монарха, который держится убеждения о необходимости сохранить нынешнее направление внешней политики даже в случае смерти Эренталя.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 417. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 117. 2 февраля/20 января 1912 г.

Ссылаюсь на письмо [3 января 1912 г.] 21 декабря [1911 г.], № 812 [1].

Ввиду приближения срока представления французским синдикатом Порте результатов изысканий малоазиатских линий и дабы не затруднять дальнейшего развития дела на основании протокола обоих послов в Константинополе [2], полагаем особенно желательным вызвать содействие Франции, чтобы побудить Турцию формулировать свои пожелания относительно изменения соглашения 1900 года. Благоволите посему ускорить отзыв ваш на письмо [3 января 1912 г.] 21 декабря [1911 г.] [3].

Сазонов.

№ 418. Управляющий генеральным консульством в Канее министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 3. 2 февраля/20 января 1912 г.

Сообщаю в Афины.

Ссылаюсь на телеграмму № 2 [4].

Сегодня утром состоялось заседание революционного собрания. Постановлено: 1) Предложить правительству вновь принести перед собранием присягу королю

---

[1] См. № 300.

[2] См. т. XVIII, приложение к № 202.

[3] Тел. от 2 февр./20 янв. за № 14 Извольский отвечал Сазонову, что 3 февр./21 янв. в Париж прибывает Бомпар, после совещания с которым франц. прав-во не замедлит дать ответ на переданный Извольским меморандум «по вопросу о желательности побудить Турцию формулировать свои пожелания относительно изменений соглашения 1900 г.».

Нотой от 7 февр./25 янв. Пуанкаре известил Извольского, что Бомпару «дана инструкция начать с Ассим-беем, после уговора с его русским коллегой, разговор в указанном в памятной записке императорского посла смысле». «Правительство республики, — говорилось далее в ноте, — счастливо оказать в этом деле союзной нации просимое ею содействие и желало бы быть в курсе переговоров, которые могли бы быть продолжены между Чарыковым и Ассим-беем в случае, если бы последний согласился их возобновить, по поводу соглашения 1900 г.». Содержание ноты Пуанкаре Извольский передал Сазонову тел. от 9 февр./27 янв. за № 17 (опубл. Stieve, II, S. 35, № 198).

[4] Тел. от 29/16 янв. за № 2 Пустошкин сообщил Сазонову, что на состоявшихся 27/14 и 28/15 янв. заседаниях революционного собрания на Крите было постановлено «предложить правительству принести вновь присягу и признать свое подчинение собранию».

эллинов и именоваться впредь «временным революционным правительством». 2) Учреждение «постоянной комиссии», состоящей из бюро собрания, 30 его членов и правительства, имеющей руководить революцией и заниматься национальным вопросом. 3) Правительство самостоятельно ведает лишь внутренние административные дела. 4) Одновременно с выборами в Греции должны состояться и здесь выборы в афинскую палату депутатов. Правительство, по приглашению председателя, явилось в собрание и принесло требуемую присягу. Прошу инструкций вашего высокопревосходительства, надлежит ли признавать перекрещенное правительство. По мнению коллег, разделяемому мною, мы могли бы продолжать с ним сношения на условиях, подобных существовавшим поныне, и признать его фактическим правительством. Коллеги телеграфируют в том же смысле [1].

Пустошкин.

№ 419. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

3 февраля/21 января 1912 г.

In view of the present situation in Persia His Britannic Majesty's Government consider it of great importance that the Russian and British Ministers at Tehran should be authorised without delay to make the following proposals to the Persian Government.

1. In order to meet the immediate requirements of the Persian Government Russia and Great Britain will advance conjointly the sum of two hundred thousand pounds, the expenditure of this sum to be supervised by the Treasurer General and the British share of one hundred thousand pounds to be devoted to the organisation of a gendarmerie in South Persia. His Britannic Majesty's Government would not object to an advance of two hundred thousand pounds by each Power, should the two Representatives at Tehran consider this necessary.

2. That the two Ministers should inform the Persian Government that Mohammed-Ali will be requested to remove himself from Persia, and that neither Russia nor Great Britain will afford any encouragement or support to His Majesty or to any of his adherents. His Britannic Majesty's Government agree to His Excellency Mr. Sazonow's suggestion that the drafting of the text of the communication on this point might be left to the two Representatives at Tehran [2], the amount of the pension to be fixed by arrangement between the Persian Government and the ex-Shah and the condition on which it is granted being, as already arranged, that His Majesty should promise not to enter Persian territory, without the consent of the Russian Government.

3. That the two Ministers should propose to the Persian Government the proclamation of a general amnesty, and that the Persian Government should dismiss their irregular forces when Mohammed-Ali has left Persian territory.

4. That the two Ministers should express to the Persian Government their readiness to discuss with them a scheme for the creation of a small Persian army.

5. That the two Ministers should request the Persian Government to give an engagement to conform to the principles of the Anglo-Russian convention of 1907. The form of this request should be left to the discretion of the two Ministers.

His Britannic Majesty's Government is of opinion that the situation will go from bad to worse unless support is given to the Persian Government without further delay. They therefore earnestly trust that the Imperial Government will consent to send instructions to Mr. Poklewsky, explaining that all other questions, such

[1] Тел. от 6 февр./24 янв. за № 144 Сазонов сообщил Пустошкину: «Полагаю, что перемена правительством названия не требует особого признания со стороны консулов, которые должны продолжать с ним сношения на прежних основаниях, как с фактическим правительством острова. Благоволите сообразоваться с образом действий ваших французского и английского товарищей».

[2] См. №№ 392, 398 и стр. 56, прим. 1.

as that of the cossack brigade, the senate, and the conclusion of a loan should be left for consideration later on [1].

Перевод.

Ввиду настоящего положения дел в Персии правительство его британского величества считает весьма важным, чтобы российский и британский посланники в Тегеране были без промедления уполномочены сделать нижеследующие предложения персидскому правительству.

1. В целях удовлетворения насущных потребностей персидского правительства, Россия и Великобритания совместно выдадут ему аванс в сумме 200 000 ф. ст. с тем, чтобы расходование этой суммы производилось под наблюдением главного казначея и чтобы английская доля — в 100 000 фунтов — была употреблена на организацию жандармерии в Южной Персии. Правительство его британского величества не будет иметь возражений против выдачи аванса в 200 000 фунтов со стороны каждой державы, если оба представителя в Тегеране сочтут это нужным.

2. Оба посланника уведомят персидское правительство, что Мохамеду-Али будет предложено удалиться из Персии и что ни Россия, ни Великобритания не будут оказывать какое-либо поощрение или поддержку ни его величеству, ни кому-либо из его приверженцев. Правительство его британского величества согласно с предложением его высокопревосходительства г. Сазонова, чтобы выработка текста сообщения по этому предмету была предоставлена обоим представителям в Тегеране, причем размер пенсии будет определен соглашением между персидским правительством и экс-шахом, и условием ее дарования явится, как уже решено, обещание его величества не вступать на персидскую территорию без согласия российского правительства.

3. Оба посланника предложат персидскому правительству провозгласить всеобщую амнистию и распустить свои иррегулярные войска после того, как Мохамед-Али покинет персидскую территорию.

4. Оба посланника выразят персидскому правительству готовность обсудить с ним план создания небольшой персидской армии.

5. Оба посланника предложат персидскому правительству дать обязательство, что оно будет сообразовываться с принципами англо-русского соглашения 1907 г. Форма этого предложения будет предоставлена усмотрению обоих посланников.

Правительство его британского величества придерживается того мнения, что положение будет становиться все хуже и хуже, если только не будет оказана без дальнейшего промедления поддержка персидскому правительству. Ввиду этого оно серьезно рассчитывает на то, что императорское правительство согласится послать г. Поклевскому инструкции, пояснив, что все другие вопросы, как-то: о казачьей бригаде, сенате и заключении займа, должны послужить предметом более позднего обсуждения.

№ 420. Докладная записка военного министра Николаю II.

Ф. № 11 [2]. 3 февраля/24 января 1912 г.

Осенью прошлого 1911 года его величество король черногорский имел случай сделать заявление о своем предположении возбудить вопрос о пересмотре военного между Россией и Черногорией соглашения, в целях исключения из него статьи 7-й, обязующей Черногорию не предпринимать никаких активных выступлений без согласия вашего императорского величества.

Принимая во внимание особую важность подобного заявления, тогда же вашему императорскому величеству были представлены соображения о необходимости, в интересах России, сохранения в силе статьи 7-й, каковые сообра-

[1] Передавая содержание этой пам. записки Коковцову, Сазонов в письме от 4 февр./22 янв. за № 87 высказывал следующие соображения: «По имеющимся сведениям, положение персидского правительства действительно отчаянное, и если ему не будет оказана немедленная помощь и притом в достаточном размере, то оно вынуждено будет выйти в отставку. Это обстоятельство не замедлило бы ввергнуть страну в окончательную анархию, которая, в свою очередь, повлекла бы за собой осложнения, результаты коих могут быть крайне опасны. Англичане этого не допустят и, в крайнем случае, решатся одни оказать шахскому правительству денежную помощь, что неизбежно отразилось бы на дальнейшем взаимодействии нашем с ними в персидских делах и на англо-русском соглашении вообще. Эти крайне серьезные соображения, в связи с преследуемыми нами ныне общеполитическими целями, побуждают меня настаивать на безусловной необходимости для нас пойти навстречу пожеланию лондонского кабинета относительно оказания поддержки персидскому правительству и снабдить последнее столь настоятельно нужными ему суммами».

[2] На полях помета: «Его величество изволил читать. [9 февраля] 27 января 1912 г. Генерал-от-кавалерии Сухомлинов».

жения были одобрены вашим императорским величеством [7 октября] 24 сентября 1911 года [1].

В виду предстоящего прибытия в С.-Петербург короля черногорского [2] об изложенном всеподданнейше докладывается вашему императорскому величеству, с представлением, в копии, текста статьи 7-й военного между Россией и Черногорией соглашения [3].

Сухомлинов.

№ 421. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 30. 3 февраля/21 января 1912 г.

По поручению своего правительства великобританский посол осведомился сегодня у меня и во французском посольстве о том, можно ли рассчитывать на предполагаемую в Афинах готовность турецкого правительства пойти на соглашение по критскому вопросу. Лоутер и я, обсудив положение, пришли к заключению, что нынешний турецкий кабинет не может пойти на какие-либо уступки в критском вопросе ранее окончания теперешних парламентских выборов. Если последние приведут к установлению сильного правительства, переговоры о Крите станут возможны. Ввиду единогласного заявления начальников критских стационеров о неосуществимости вторичного воспрепятствования отъезду критских депутатов в Грецию и неминуемой опасности для нее турецкого вторжения в случае принятия критских депутатов, остается для сохранения status quo и мира одно средство — произвести согласно мысли лондонского кабинета решительное выступление в Крите раньше собрания греческого парламента, угрожая международной оккупацией при полной готовности осуществить оную. Лойяльный и энергичный образ действий Греции в новейшем фазисе критского дела обязывает, казалось бы, держав-покровительниц выручить Грецию. Для выигрыша времени могла бы пригодиться отсрочка собрания греческого парламента [4].

Чарыков.

№ 422. Председатель совета министров наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 407 [5]. 5 февраля/23 января 1912 г.

Ответ на телеграмму [27] 14 января, № 1046 [6]. Совет министров, рассмотрев в заседании [1 февраля] 19 января предположения вашего сиятельства о возвра-

[1] См. т. XVIII, № 518.

[2] См. № 246.

[3] Статья 7-я воен. соглашения, заключенного между Россией и Черногорией 15/2 дек. 1910 г., гласит: «Королевское правительство обязуется не предпринимать своей армией никаких наступательных действий без предварительного соглашения с императорским правительством и не заключать военных соглашений ни с каким другим государством без согласия его императорского величества».

[4] Тел. от 3 февр./21 янв. за № 72 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей поручал Бьюкенену запросить Сазонова, какого он мнения о критском вопросе: следует ли оккупировать остров войсками держав-покровительниц или же ждать от Турции некоторых уступок. 4 февр./22 янв. Бьюкенен тел. за № 34 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) отвечал Грею, что Сазонов, не желая брать на себя инициативы в критском вопросе, присоединится к мнению Франции и Англии.

[5] Маш. копия. Публикуемая тел. была препровождена Коковцовым Сазонову при записке от 6 февр./24 янв. за № 436.

[6] В тел. от 27/14 янв. за № 1046 Воронцов-Дашков сообщил Коковцову: «Спокойствие в Персии, повидимому, установилось: ультиматум принят, войска воздают должное возмездие за дерзкое на нас нападение в Тавризе, Реште и Энзели. Полагаю, что наша политика в Персии приняла определенное и правильное течение, которое дает нам возможность разобраться с задачами, выпадающими на долю войск Кавказского округа. Озабоченный тревожными слухами, идущими от наших консулов и агентов из Малой Азии, и известиями о под-

щении на Кавказ части командированных в Персию отрядов, в существе одобрил означенные предположения, полагая, что по современной политической обстановке положение дел в Персии представляется сравнительно спокойным, причем некоторую угрозу можно усматривать лишь со стороны Турции, усиливающей, по донесению нашего генерального консула в Эрзеруме, свои войска около Баязета и нашей границы. В частности, совет министров находил с своей стороны возможным пойти даже несколько далее и полагал: 1) — вернуть из Казвина весь находящийся там отряд, оставив часть его в размере половины настоящего его состава в Энзели и Реште; 2) — признать, что к некоторому сокращению тавризского и ардебильского отрядов не только не имеется препятствий, но, быть может, было бы допустимым пойти на дальнейшее их сокращение, при условии сохранения в первом из этих городов отряда приблизительно силы, указанной в сообщаемой вам телеграмме генерального консула в Тавризе № 39 [1], и в частности гаубичной батареи; остающиеся части должны быть пополнены молодыми солдатами; 3) — просить военного министра сделать нужные распоряжения к скорейшему осуществлению высочайшего повеления о командировании на Кавказ 45-й пехотной дивизии; 4) — занятие Маку признать несвоевременным и 5) — в отношении к урмийскому отряду в совете министров высказаны были два взгляда. Министр иностранных дел считает, что уход наших войск оттуда будет истолкован в смысле отступления нашего перед турками и подорвет наш престиж во всем Урмийском районе, и что наше консульство с конвоем в 90 человек может подвергнуться внезапному нападению местных фидаев и курдов, восстановленных принятыми против них мерами и потерями в перестрелках с нашими войсками. Поэтому он находит нужным не отзывать этого отряда. Министр считает также опасным очищение нами занятых пунктов между Кущи и Урмией, ибо таковые будут в таком случае тотчас заняты турками. Военный же министр и некоторые другие члены считали опасным оставление в Урмии малочисленного отряда и предпочитали сохранить там лишь консульский конвой, находя возможным воздействовать на Урмию из Кущи, в котором укрепиться[2]. Решение по этому вопросу совет министров отложил до получения вашего окончательного заключения. Покорнейше прошу сообщить мне таковое заключение, а также подробные сведения о расположении и численности наших войск в Персии после вышеуказанных передвижений и пополнения отрядов молодыми солдатами.

Коковцов.

готовительных операциях против нас Турции, я хотел бы выяснить, насколько и какие части войск сейчас и в скором будущем могут быть возвращены из Персии, дабы предназначить их в соответствующие районы нашей турецкой пограничной полосы. Основываясь на прежних указаниях вашего высокопревосходительства, что войска из Персии должны быть скоро возвращены, и ввиду необходимости отправить молодых солдат к своим частям, представляю при сем свое соображение о выводе теперь же из Персии части излишествующих там войск и прошу по сему вашего заключения». Перечисляя далее, какие войсковые части, в каком количестве и откуда он намерен отозвать, в случае одобрения его предложения, Воронцов-Дашков высказывался за отозвание русских войск из Урмии, мотивируя это следующими соображениями: «Иметь в Урмии даже отряд слабого состава не признаю необходимым, ибо считаю положение этого отряда, в случае нашего столкновения с турками, весьма опасным по крайней затруднительности ухода оттуда. На этом основании ходатайствую о разрешении отозвать теперь же войска, там находящиеся, и оставить в распоряжении консула Голубинова попрежнему его конвой в 90 человек под начальством поручика Иванова». На копии этой тел., хранящейся в делах б. м-ва ин. дел, имеется помета Николая II: «Прошу теперь же обсудить с председателем совета министров и военным министром. В общем разделяю предположения гр. Воронцова. Царское Село, [28]15 января 1912 г.».

[1] Тел. от 31/18 янв. за № 39 Миллер, указывая Сазонову на необходимость усиления тавризского отряда, отмечал: «Для Тавриза необходимы: два стрелковых полка полного состава, непременно гаубичный взвод, рота сапер, казачий полк, причем охрана тавризской администрации должна быть поручена двум отдельным сотням, без выделения их из казачьего полка».

[2] Решение совета м-ров о постепенном отозвании войск из Персии, изложенное в публикуемом документе, было передано Сазоновым Поклевскому тел. от 7 февр./25 янв. за № 152.

№ 423. Председатель совета министров военному министру Сухомлинову.

Письмо № 418 [1]. 5 февраля/23 января 1912 г. [2]
Секретное.

Обсудив в заседании [1 февраля] 19 сего января, вопрос о подготовке в Семиреченской области воинского отряда для ввода его, в случае необходимости, в Илийский край [3], совет министров нашел, что современное положение дел в Китае не дает основания предвидеть близкой надобности в командировании нами в Илийский край сколько-нибудь крупной вооруженной силы для достижения каких-либо политических задач. В названном крае, в случае наступления в нем анархии, может возникнуть лишь потребность в охране безопасности проживающих там русских подданных, для каковой цели достаточно, конечно, небольшой воинской части, могущей быть быстро передвинутой в край из состава Туркестанского военного округа. При таких условиях совет полагал, что необходимости в образовании в Семиреченской области особого отряда для экспедиции в Илийский край в настоящее время не представляется.

Сообщая об изложенном с приложением перестуканной на ротаторе переписки по изъясненному вопросу [4], прошу принять и пр.

В. Коковцов.

№ 424. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

6 февраля/24 января 1912 г.
Urgent.

With reference to its aide-memoire of February 4 / January 22 [5], His Britannic Majesty's Embassy is instructed by Sir Edward Grey to bring to the notice of the Imperial Government the following further information, which has since reached His Majesty's Government with regard to the situation in north-eastern Persia.

The Persian Minister for Foreign Affairs has again complained to Sir George Barclay that the Russian Turcoman Commissioner at Gumbad-i-Kabuz is encouraging the recruiting of troops for the ex-Shah, while the Persian Minister in London states that this same Commissioner has sent two hundred and fifty Turcomans to join the ex-Shah's forces.

With regard to the situation at Meshed itself, His Majesty's Government feel compelled to inform the Imperial Government that, from reports which reach them, it would appear that the attitude of the Russian Consul General has not been a strictly impartial one. Agents of the Consulate General are stated to be taking an active part in a serious agitation in favour of the ex-Shah, and a large mob, headed by Russian agents and by Russian subjects, is stated to be defying the police.

The accumulation of evidence showing that the ex-Shah is being encouraged by Russian agents — acting, as His Majesty's Government are well aware, in disregard of the orders of the Imperial Government — causes grave anxiety to His Majesty's Government, and compels them to ask the Imperial Government

---

[1] Маш. копия.

[2] В копии, с которой печатается это письмо, год не указан («23-го января сего года»). В письме Сухомлинова от 21/8 марта 1912 г. за № 435 (см. стр. 409, прим. 1) имеется ссылка на публикуемый документ, который датирован 1912 годом.

[3] См. № 396.

[4] Имеются в виду копии писем Сухомлинова от 23/10 янв. за № 2842 и Сазонова от 28/15 янв. за № 40 (см. № 396 и прим. 2 к нему).

[5] Пам. запиской от 4 февр./22 янв. Бьюкенен передавал Сазонову жалобу перс. прав-ва на росс. ген. кон-во в Мешеде, где находился в бесте некий Юсуф-хан, который вел агитацию в городе в пользу экс-шаха. Указывая на служащего ген. кон-ва Акбер-Болана, также замешанного в этом деле, Бьюкенен просил послать инструкцию ген. консулу в Мешеде сделать все от него зависящее для прекращения агитации в пользу Мохамеда-Али.

to send further urgent instructions to their Representatives in Persia on this subject. His Majesty's Government trust that the Russian Representatives will be at once instructed to refrain from giving assistance, either direct or indirect, to the ex-Shah or to his supporters. His Majesty's Government further trust that some serious notice will be taken of the action of Prince Dabija at Meshed.

Перевод.

Срочно.

Ссылаясь на памятную записку от 4 февраля/22 января, сэр Эдуард Грей поручил посольству его британского величества довести до сведения императорского правительства следующую информацию, полученную с тех пор правительством его величества относительно положения в северо-восточной Персии.

Персидский министр иностранных дел снова жаловался сэру Джорджу Барклаю, что пограничный комиссар поощряет в Гумбад-и-Кабузе набор войск для бывшего шаха, тогда как персидский посланник в Лондоне заявляет, что тот же комиссар отправил для присоединения к силам бывшего шаха 250 туркмен.

По поводу положения в самом Мешеде правительство его величества вынуждено уведомить императорское правительство, что из поступающих к нему донесений видно, что позиция российского генерального консула не была вполне беспристрастной. Об агентах генерального консула сообщается, что они принимают активное участие в серьезной агитации в пользу бывшего шаха и что большая толпа, во главе с российскими агентами и российскими подданными, держит себя вызывающе по отношению к полиции.

Накопление данных, показывающих, что экс-шах поощряется российскими агентами, действующими, как хорошо известно правительству его величества, вопреки приказам императорского правительства, вызывает серьезную тревогу у правительства его величества и заставляет его просить императорское правительство послать новые срочные инструкции своим представителям в Персии по этому поводу. Правительство его величества надеется, что российским представителям немедленно будет дана инструкция воздерживаться от оказания поддержки, прямой или косвенной, бывшему шаху или его сторонникам. Кроме того, правительство его величества надеется, что будет обращено серьезное внимание на деятельность князя Дабижа в Мешеде.

№ 425. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

/. 6 февраля/24 января 1912 г.

Расходы, понесенные черногорской казной в связи с празднованием юбилея короля Николая в 1910 году, и крупные затраты на оказание помощи перешедшим на черногорскую территорию в минувшем году албанским повстанцам, а также неурожай, постигший королевство, — пошатнули финансовое положение его и привели к необходимости заключения внешнего займа для покрытия образовавшегося в бюджете дефицита.

Заем в сумме $3^1/_2$ миллионов крон заключен был в декабре минувшего года в Австрии в частном учреждении «Boden-Credit-Anstalt» [1]. По условиям займа, обеспечением правильности уплаты процентов служат таможенные доходы королевства, излишек доходов соляной монополии и доход от монополии на папиросную бумагу.

По официальным данным, заем предназначается, кроме покрытия дефицита бюджета 1911 года в сумме 1 млн. крон, на постройку шоссейных дорог (1 млн. крон) и на выдачу населению земельных ссуд ($1^1/_2$ млн. крон).

[1] См. № 233. В деп. от 18/5 янв. за № 2 (ср. ч. 1, стр. 252, прим. 1) по поводу черног. займа Арсеньев писал: «По полученным мной сведениям, дирекция венского банка «Boden-Credit» весьма долго колебалась, согласиться ли на выдачу черногорскому правительству заимообразно $3^1/_2$ млн. крон, и лишь вследствие категорических настояний графа Эренталя заем этот мог состояться. Из секретного источника мне сверх того известно, что австрийское правительство взяло на себя гарантию перед банком «Boden-Credit» в исправной уплате % по займу. Из того же источника до сведения моего дошло, что австро-венгерский посланник в Цетинье, барон Гизль, дал понять черногорскому правительству, что в случае запозданий в уплате % по займу австрийское правительство готово временно взять эту уплату на себя. Очевидно, что такая предупредительность Австрии относительно Черногории находится в зависимости от образа действий черногорского правительства в вопросах внешней политики».

Условия займа не слишком тяжки, но следует отметить в особенности то обстоятельство, что заем заключен в ипотечном банке.

Факт этот внушает тем более опасений, что, по некоторым данным, одним из секретных условий займа является, будто бы, учреждение в Черногории ипотечного банка, при посредстве которого и вероятном негласном участии австрийских ипотечных банков Австро-Венгрия могла бы получить доступ к завладению земельными богатствами королевства. Это обстоятельство поставило бы Черногорию в крайне опасную зависимость от Австрии и могло бы привести королевство к полному экономическому, а затем и политическому закабалению.

Сазонов.

№ 426. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 148. 6 февраля/24 января 1912 г.

Сообщается генеральному консулу в Мешеде.

Великобританский посол снова сообщил мне жалобу на то, что агенты нашего генерального консульства в Мешеде принимают активное участие в агитации в пользу бывшего шаха [1], причем добавил, что сам Дабижа не проявляет достаточного беспристрастия в этом деле. По словам посла, большая толпа в Мешеде, под начальством русских агентов и подданных, держится вызывающе в отношении полиции.

Благоволите телеграфировать, в чем дело, и принять меры к прекращению этого порядка вещей, если английские сведения подтвердятся [2].

Сазонов.

№ 427. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 14. 6 февраля/24 января 1912 г.

Только-что состоялся в Шенбрунне торжественный обед в честь великого князя Андрея Владимировича. Император Франц-Иосиф удостоил меня продолжительной беседой, прося поблагодарить государя императора за данное великому князю высочайшее повеление остановиться в Вене, чтобы посетить его [3]. Император Франц-Иосиф глубоко ценит подобное внимание. Полученное императором донесение о разговоре государя императора с австрийским послом

[1] См. № 424. О первом сообщении англ. посла по этому вопросу (см. стр. 81, прим. 5) Сазонов известил Поклевского (копия в Мешед) тел. от 5 февр./23 янв. за № 140.

[2] В ответной тел. от 7 февр./25 янв. за № 5 Дабижа сообщил Сазонову: «С самого начала брожения, начавшегося, конечно, без всякого участия консульства, делал все возможное, дабы успокоить население, уговаривая не питать никаких необоснованных надежд и не принимать агрессивных мер. По обнаружении мною участия в агитации сидевшего у нас в бесте Сердар-Юсуфа последний был мною немедленно же удален из консульства. Акбер — простой пишхидмет (лакей) в консульстве — к агитации непричастен. Не отрицаю участия в брожении русско-подданных, коим, однако, своевременно предписал воздерживаться от такого участия; воспретить же им посещать мечети я не имею ни права, ни возможности». Дабижа в заключение указывал, что бо́льшая часть населения Хорасана желает возвращения Мохамед-Али-шаха и что единственной возможностью избежать крупнейших беспорядков в случае решения удалить Мохамед-Али-шаха из Персии «является такая постановка дела, при которой получалось бы впечатление, что экс-шах сам, никем к тому не побуждаемый, отказывается от своих намерений». На этой тел. имеется помета: «По желанию г. министра, эта телеграмма *не* посылается государю. С. П. б. [11 февраля/] 29 января 1912 г.». Содержание тел. Дабижи за № 5 было передано м-вом ин. дел англ. пос-ву в Петербурге пам. запиской от 10 февр./28 янв. за № 115.

[3] Вел. кн. Андрей Владимирович ездил в Софию в качестве представителя Николая II на празднование совершеннолетия королевича Бориса, где он пробыл с 2 февр./20 янв. по 4 февр./22 янв. На обратном пути в Петербург, по приглашению сербского короля Петра, он остановился 5 февр./23 янв. в Белграде (см. № 452), откуда выехал в тот же день в Вену, где пробыл с 6 февр./24 янв. по 9 февр./27 янв.

в Петербурге произвело на монарха самое отрадное впечатление. Он убедился, что политика обеих держав вполне тождественна и что мы преследуем ту же цель сохранить status quo на Балканах и прилагаем все усилия, чтобы война между Турцией и Италией не привела к осложнениям на Ближнем Востоке. Что же касается прекращения этой войны, то император до сих пор не видит, какие условия могли бы быть ныне одинаково приемлемыми для обеих воюющих сторон. Неизлечимая болезнь Эренталя глубоко печалит императора [1], но кто бы ни явился его заместителем, его императорское величество твердо намерено держаться той политической программы, которая была изложена Эренталем в делегациях [2]. Вид у императора замечательно бодрый и здоровый. В конце своей беседы император выразил мне свое удовольствие, что здоровье вашего высокопревосходительства вполне хорошо и что вы могли снова вступить в управление министерством иностранных дел.

Гирс.

№ 428. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 156. 7 февраля/25 января 1912 г.

Сообщена послу в Париже.

Министр финансов, изъявляя готовность выдать персидскому правительству аванс в размере ста тысяч фунтов стерлингов, предлагает поставить следующие условия [3]: 1) выдавать аванс не сразу, а частями, сообразно действительным нуждам; 2) наши выдачи должны не предшествовать английским, а следовать за ними, дабы, если великобританское правительство встретит, подобно нам, формальные затруднения к осуществлению данной меры, аванс не получил характера одностороннего воспособления персидскому правительству за счет русской казны; 3) контроль над расходованием аванса и 4) в остальном аванс выдается на тех же основаниях, как кредит на расчет с американцами.

Телеграфируйте спешно ваше заключение.

Великобританское правительство имеет в виду, что расходование денег будет производиться под наблюдением главного казначея и что английский аванс в 100 000 ф. ст. будет посвящен организации жандармерии на юге. Оно, кроме того, предлагает поставить персидскому правительству следующие условия: 1) соглашение последнего с Мохамед-Али-шахом относительно пенсии в видах удаления его из Персии; 2) провозглашение общей амнистий и роспуск иррегулярных военных сил тотчас после отъезда бывшего шаха; 3) заявление обеими миссиями персидскому правительству о их готовности обсудить совместно проект создания небольшой персидской армии; 4) требование от персидского правительства обязательства согласовываться с принципами англо-русской конвенции 1907 года, с предоставлением обеим миссиям выработать соответствующую форму этого требования. Какие-либо другие вопросы, как, например, о казачьей бригаде и сенате, с авансом не связывать [4].

Ввиду необходимости безотлагательно притти на помощь персам считаем это предложение лондонского кабинета в общем приемлемым, но предупреждаем его, что всякая дальнейшая денежная помощь персидскому правительству будет непременно обставлена нами необходимыми нам условиями.

Сазонов.

---

[1] См. № 416.

[2] См. № 311.

[3] Имеется в виду ответное письмо Коковцова от 6 февр./24 янв. за № 78 на письмо Сазонова за № 87 (см. стр. 78, прим. 1), в котором Коковцов отрицал «практическую пользу» выдачи аванса перс. прав-ву, но вследствие настояний Сазонова соглашался на него, требуя обставить этот аванс условиями, указанными в первом абзаце публикуемого документа.

[4] См. № 419.

№ 429. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

/. Телеграмма № 96 [1]. 7 февраля/25 января 1912 г.

You should inform Mr. Sazonow secretly that conversations on naval expenses that began some time ago, as Russian Government were informed, but which have been interrupted by first general election here, and then by Morocco crisis, will be resumed. NN [2] has gone to Berlin on an unofficial visit having some inquiry to make about.... he gives over commission on the subject here [3]. We will have a frank exchange of views with German Government, and will do our best to see if there is a favourable prospect of negociations to put relations of two countries on a less unfavourable foot [4]. Until Sir... report I cannot say which is the prospect, but in any case it should not proceed to alter our present good relations with Russia. France having made agreement with Germany about Morocco and Mr. Sazonow settled some questions at Potsdam, it is very desirable we should also settle now our questions, or our relations with Germany may become worse.

Перевод.

Вам следует секретно уведомить г. Сазонова, что переговоры о расходах, связанных с морскими вооружениями, начавшиеся, как о том было сообщено российскому правительству, некоторое время назад, но прерванные сперва здешними общими выборами, а затем марокканским кризисом, будут возобновлены. NN [2] поехал в Берлин с неофициальным визитом для ознакомления ... здесь он является председателем комиссии по этому вопросу [3]. Мы будем иметь откровенный обмен мнений с германским правительством и сделаем все возможное, чтобы выяснить, имеется ли благоприятная перспектива для переговоров о создании для отношений между двумя странами менее неблагоприятной почвы. Пока сэр ... сделает доклад, я не могу сказать, какова перспектива, но во всяком случае она не может повести к изменению нынешних наших хороших отношений с Россией. Так как Франция заключила соглашение с Германией о Марокко, а г. Сазонов уладил некоторые вопросы в Потсдаме, то очень желательно, чтобы теперь и мы урегулировали наши вопросы; в противном случае наши отношения с Германией могут ухудшиться.

№ 430. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 75. 7 февраля/25 января 1912 г.

Телеграмма № 179 получена [5].

Телеграфировал консулу в Астрабаде:

На основании полученных нами инструкций мной и английским посланником предложено вчера персидскому правительству вступить в переговоры с Мохамед-Али-шахом в видах склонения его к добровольному удалению из Персии, причем мы указали, что правительство могло бы предложить бывшему шаху возобновление пенсии и полную амнистию его сторонникам. Нам также было поручено заявить, что, в случае желания шахского правительства, посредничество в переговорах может быть возложено на вас. Персидское правительство с благодарностью приняло наше предложение и просило поручить вам ведение переговоров с Мохамед-Али-шахом. Вследствие вышеизложенного благоволите предложить от имени персидского правительства Мохамед-Али-шаху пенсию в размере 50 тысяч томанов в год и полную амнистию его сторонникам, при условии, что

---

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Частично опубл. Brit. Doc., V. VI, p. 667, № 495, где текст этой тел. несколько отличается от публикуемого документа.

[2] В Brit. Doc.: «Lord Haldane».

[3] Эта фраза плохо расшифрована. В Brit. Doc. она читается: «...having some inquiries to make about University education; he presides over a commission here on that subject» («...с целью выяснить некоторые вопросы, касающиеся университетского преподавания; здесь он является председателем комиссии по этому вопросу»).

[4] В Brit. Doc. последующая часть тел. опущена.

[5] Очевидно, ошибка, так как тел. за № 179 датирована более поздней датой: 10 февр./28 янв. Возможно, имеется в виду тел. Сазонова от 1 февр./19 янв. за № 115 (см. № 412).

он добровольно и немедленно покинет Персию. Старшему сыну шаха принцу Иттизад-эс-Солтане персидское правительство обещает выплачивать небольшую пенсию. Принцу Шоа-эс-Солтане вы можете гарантировать снятие конфискации со всех его имений, если он немедленно удалится из Персии и обяжется не возвращаться сюда без предварительного согласия персидского правительства.

Передавая вышеизложенное, вам следует прежде всего убедить Мохамед-Али-шаха в полной безнадежности его предприятия, так как англичане его никогда не признают, а с нашей стороны он ни на денежную, ни на какую-либо другую поддержку рассчитывать не может. Вы можете даже высказать, что мы желаем прекращения шахом бесплодной и гибельной для страны борьбы на предлагаемых ему выгодных, по нашему мнению, условиях. Если это покажется недостаточно убедительным, чтобы склонить шаха принять предложение персидского правительства, то вам следовало бы ему прямо сказать, что, признав необходимым положить конец настоящему положению вещей в Персии, Россия и Англия решили оказать здешнему правительству нравственную и материальную поддержку, которая несомненно поднимет его шансы в борьбе с бывшим шахом и его сторонниками. Вслед затем вам надо будет принять возможные меры к удалению примкнувших к Мохамед-Али-шаху кавказцев, а пограничному комиссару надлежит повлиять на туркмен, чтобы они приняли предлагаемую правительством амнистию и прекратили военные действия.

О последующем благоволите телеграфировать сюда и в С.-Петербург [1].

Поклевский.

№ 431. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

/. Депеша № 4. 7 февраля/25 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Еще в декабре минувшего года здесь стали ходить слухи, что китайские революционеры и сочувствующие движению китайские коммерческие круги Шанхая в поисках за деньгами на нужды восстания с особой настойчивостью обращаются в Японию с просьбами о займах. Когда я в начале января спросил товарища министра иностранных дел о том, как относятся к подобным предложениям главнейшие японские банки, вроде «Iokohama Specie Bank», барон Ишии ответил, что банки эти, очевидно, не пойдут на предлагаемые им комбинации; он, впрочем, оговорил, что исключение составляет известный токийский капиталист Окура, имеющий как в Манчжурии, так и в Южном Китае крупные интересы: он, повидимому, не прочь воспользоваться данной минутой, чтобы эти интересы закрепить и развить.

Одновременно стало известно, что ведутся переговоры между г. Окура и китайцами-директорами Шанхай-Ханьчжоуской железной дороги, каковое предприятие, хотя и построенное большей частью на английские капиталы, предложено Окуре в обеспечение займа в 3 млн. иен. При этом не скрывалось, что

[1] В ответной тел. от 9 февр./27 янв. за № 9 Иванов сообщал Поклевскому (копия Сазонову): «Передал Мохамед-Али-шаху все, даже о нашей готовности поддержать персидское правительство морально и материально, ибо Мохамед-Али-шах, потрясенный услышанным от меня, сначала хотел продолжать войну, считая, что раз победа так близка, меньше чем на полмиллиона рублей пенсии он согласиться не может и то лишь потому, что прекращения войны желает Россия. Увидев бесполезность настояний, шах собственноручно написал следующий ответ: «Я начал настоящее дело в предположении, что симпатии России со мной, и хотел действовать здесь согласно желаниям русского правительства. К несчастью, я не успел в своих намерениях и усилиях. Во всяком случае я не предприму ничего вне воли его императорского величества и, раз таково желание русского правительства, я готов прекратить и уехать. Но тогда, когда победа моя близка, когда за меня Хорасан, Азербайджан, все побережье Каспийского моря и, может быть, вся Персия, несправедливо заставлять меня отказаться от моих прав в угоду людям, которые сами себя назвали правительством, а условия, ими предложенные, я не считаю отвечающими моему достоинству. Но во всяком случае, если таково желание его императорского величества, я готов выехать, предоставив решение этого дела справедливости его императорского величества. Прошу лишь спешно повторить мне приказание»

директора железной дороги, сами ярые революционеры, явятся лишь передаточной инстанцией, и деньги будут ими предоставлены на неотложные нужды временного республиканского правительства; не скрывал этого и Окура, заявивший одному журналисту, что «этот заем его китайским революционерам будет его первым внешним займом». Ныне известно, что заем этот состоялся на следующих условиях: 8% годовых, погашение начнется через пять лет и в течение следующего пятилетия заем будет погашен; обеспечением служит не вся названная выше железная дорога, а лишь один определенный участок ее.

Пока шли переговоры об этой финансовой операции, стало известно, что имеется в виду и целый ряд других: так, крупнейшая судостроительная фирма Мицубиси имеет в виду ссудить «China Merchant's Steamship C°» несколько миллионов иен под залог ее пароходов и недвижимостей; главный собственник фирмы Мицубиси — барон Ивасаки — приобрел между Ханьяном и Вучаном громадный участок земли; наконец, «Toyo Kody Kaisha» — Восточно-азиатский промышленный синдикат и «Окура и К°» предполагают взять в залог угольные копи в Пиньсяне и железные — в Тайе (на южном берегу Желтой реки, 67 миль на ю.-в. от Вучана), а также Ханьянский железоделательный завод. Эти три предприятия принадлежат одной китайской компании, акционером которой является находящийся ныне в Японии бывший китайский министр путей сообщения Ченг; в это дело уже ранее были вложены японские и иные иностранные капиталы, в том числе и Русско-азиатским банком — 250 000 иен. Железные копи в Тайе имеют для Японии первостепенное значение, так как из них получается и привозится в Японию вся железная руда, потребная для казенного железоделательного завода в Вакаматсу. По другим сведениям, японская фирма Митцуи уже подписала [2 февраля] 20 сего января договор с названным выше китайским акционерным обществом, ссудив ему под залог Тайеских рудников 3 миллиона иен.

Здесь я позволил себе перечислить лишь самые крупные из помещений японских капиталов в китайские предприятия: рядом с ними есть еще и другие, менее значительные.

Следует отметить, что все ссужаемые предприятия расположены в революционной зоне; во всех почти случаях проскальзывало сведение, что часть займа предназначается вовсе не на расширение того или другого предприятия, а на пополнение пустующей революционной кассы и имеет в виду обезопасить коммерческое дело от возможной конфискации или принудительного позаимствования со стороны революционного правительства.

Когда стало известным о сделке, состоявшейся между г. Окура и компанией Шанхай-Ханьчжоуской железной дороги, я просил министра иностранных дел подтвердить мне это известие; он сказал, что предварительное условие уже подписано, что дело это является частным делом г. Окура и что он, министр, опасается, что в будущем означенный заем причинит японскому капиталисту еще немалые затруднения. Виконт Уцида, повидимому, хотел сказать, что затруднения могут встретиться впоследствии в вопросе признания залоговой сделки будущим правительством Китая. Смею думать, что замечание это Уцида сделал лишь для отвода глаз, в расчете произвести впечатление, будто японское правительство относится неодобрительно к подобным сделкам. Капитал — даже японский — не есть, конечно, элемент, легко поддающийся дисциплине; тем не менее, зная здешние условия и тесную связь, которую имеют с правительством крупнейшие японские фирмы, вроде Митцуи, Ивасаки, Мицубиси и Окура, нельзя сомневаться, что они идут на помещение очень значительных сумм в охваченный волнениями Южный Китай не иначе, как получив на то негласные правительственные директивы и удостоверившись, что их финансовые комбинации соответствуют видам правительства. Поэтому и элемент риска, о котором говорит министр иностранных дел, в операции г. Окура совершенно отсутствует: ожидать в настоящее время победы империалистов[1] никаких оснований не

[1] Так в оригинале. Имеются в виду сторонники империи.

имеется; но если даже допустить возможность таковой, то сделка г. Окура как обставленная всеми законными гарантиями — чисто коммерческая операция, не могла бы быть с успехом оспорена пекинским правительством, и в случае подобной его попытки за спиной г. Окура встало бы во весь рост японское правительство в защиту чисто коммерческих японских интересов; говорить же о необеспеченности займа при нынешнем торжестве в Китае республиканского режима, конечно, не приходится: в данном случае тут приобретается и хорошее помещение для японского капитала и благодарность революционеров за протянутую руку помощи.

Все вышесказанное относится не только к займу у г. Окура, но и ко всем перечисленным мною выше помещениям японского капитала в Южном Китае, в благоприятном осуществлении коих здесь больше не сомневаются.

Таким образом, пока без всякой посылки японских дивизий и, якобы, инициативой частных лиц, будут упрочены и сильно развиты и без того крупные интересы Японии в Южном Китае, что даст ей в этих областях преобладающий голос на случай будущих там осложнений.

Морской агент при вверенном моему управлению посольстве, посетивший в свое время и Ханьянский железоделательный завод и рудники в Тайе, отмечает, в частности, что преобладание японского капитала в этих предприятиях и в «China Merchant's Steamship C°» будет способствовать сосредоточению в японских руках почти всего железного дела Дальнего Востока.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 432. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 493. 7 февраля/25 января 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В письме от [13 ноября] 31 октября 1911 года за № 4326 [1] военный министр изволил осведомить меня о переписке его с временно управлявшим министерством иностранных дел гофмейстером Нератовым и министром путей сообщения по вопросу о необходимости расширения нашей рельсовой сети на Кавказе в противовес подготавливаемому Турцией развитию своего железнодорожного строительства в ее сопредельных с Кавказом малоазиатских владениях.

Ввиду весьма серьезного значения сего вопроса с точки зрения обеспеченности нашей государственной обороны я счел нужным, по получении отзывов по сему предмету вашего превосходительства и министра путей сообщения, внести настоящее дело на рассмотрение совета министров.

Обсудив означенный вопрос в засседании [1 февраля] 19 текущего января, совет министров нашел, что все заявленные военным ведомством пожелания о развитии нашей рельсовой сети на Кавказе выполняются, в пределах возможного, министерством путей сообщения без какого-либо промедления. Что же касается желательного для нас задержания постройки турецких железных дорог в Малоазиатской Турции, то совет министров принял во внимание, что, на основании русско-турецкого соглашения 1900 года — об участии русских капиталистов при сооружении железных дорог в районе между берегом Черного моря и линией городов Ангора — Кайсарие — Сивас — Харпут — Диарбекир — Ван, — и в особенности ввиду подписанного в 1911 году нашим и французским послами в Константинополе протокола о взаимоотношениях наших с Францией, в случае участия последней в железнодорожном строительстве в Турции, — в нашем распоряжении имеются известные средства для воспрепятствования железнодорожному строительству Турции в Малой Азии. Вследствие сего совет министров счел полезным, насколько это окажется возможным, придерживаться

[1] См. № 306 и примечания к нему.

упомянутых соглашений, не предпринимая пока каких-либо дальнейших в этом вопросе шагов, тем более, что переговоры Турции с иностранными предпринимателями о предоставлении им железнодорожных концессий в Малой Азии в настоящее время прекратились. Само собой разумеется, что вышеизъясненная директива должна быть преподана и нашему послу в Константинополе, которому надлежало бы, воздерживаясь от каких-либо самостоятельных в этой области выступлений, подробно осведомлять императорское российское правительство о движении этого вопроса, в точности сообразуя свои действия с исходящими от министерства иностранных дел указаниями.

Сообщая об изложенном, с приложением напечатанной на ротаторе переписки по настоящему предмету [1], покорнейше прошу принять и пр.

В. Коковцов.

№ 433. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 101 [2]. 8 февраля/26 января 1912 г.
Секретно.

М. г. Александр Петрович,

Из моей секретной телеграммы от [7 февраля] 25 сего января за № 156 [3] ваше превосходительство уже изволили осведомиться о том, что министр финансов изъявил согласие выдать аванс в 100 000 ф. ст. из средств государственного казначейства персидскому правительству на неотложные расходы и что поэтому необходимость в выдаче этого аванса Парижско-Нидерландским банком, в счет будущего займа, пока отпадает. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что двухсот тысяч ф. ст., которые Россия и Англия решили ныне предоставить сказанному правительству, хватит ненадолго и что, вероятно, в недалеком будущем явится столь же настоятельная надобность в новом авансе, тем более, что великобританское правительство имеет в виду обусловить выдачу своей доли означенной суммы обязательством расходовать ее исключительно на организацию жандармерии для охраны дорог и восстановления порядка на юге Персии. С уверенностью можно также сказать, что Персия без крупного займа в размере от 4 до 6 млн. ф. ст. никак обойтись не может.

Вашему превосходительству, вероятно, небезызвестно, что в прошлом году персидское правительство уже входило в переговоры по этому поводу с лондонским банкирским домом «Братья Зелигман», который изъявил желание принять на себя выпуск такового займа [4]. Сознавая, что осуществление этой операции невозможно без санкции и содействия русского и великобританского правительств, Зелигман обратился к лондонскому кабинету и к нам с запросом о том, на каких основаниях сделка его с персидским правительством могла бы быть допущена. Имея в виду, что незадолго перед тем английский «Imperial Bank of Persia» устроил персидскому правительству конверсионный заем в $1^1/_4$ млн. ф. ст., мы сочли себя вправе потребовать, чтобы новая операция была осуществлена при посредстве нашего Учетно-ссудного банка Персии, который, со своей стороны, мог бы войти в соглашение с какой-либо финансовой группой по своему усмотрению. Зелигман, признав правильность этой точки зрения, изъявил готовность условиться с нашим банком, который, после переговоров в Петербурге с представителем этого дома, и составил проекты соответствующих соглашений между банком и Зелигманом, с одной стороны, и между этими контрагентами и персидским правительством — с другой. Однако наступившие в конце минувшего года события прекратили всякие разговоры о займе, и вопрос остался совершенно открытым. Поэтому мы вправе считать, что никаких фор-

[1] К письму приложены копии писем Сухомлинова от 13 ноября/31 окт. за № 4326, Рухлова от 21/8 дек. за № 171, Коковцова от 3 янв./21 дек. за № 6250 и Сазонова от 13 янв./31 дек. за № 837. См. № 306 и примечания к нему и № 342.

[2] Копия публикуемого письма была в тот же день послана Бенкендорфу за № 102.

[3] См. № 428.

[4] См. т. XVIII, № 482.

мальных обязательств по отношению к Зелигману у нас не имеется. Но, с другой стороны, в нравственном смысле мы до известной степени связаны, так как, вследствие наших переговоров с Зелигманом, последний посылал в Тегеран своих агентов и несомненно понес известные, хотя, вероятно, и небольшие, расходы. Я должен, однако, тут же заметить, что Зелигман никогда не внушал вверенному мне министерству особенного доверия и что относительно него всегда существовало подозрение, что он имеет в виду опереться главным образом на американские и германские капиталы, привлечение коих в Персию, конечно, не соответствовало бы нашим интересам.

Великобританское правительство, по крайней мере, вначале, относилось к выступлениям Зелигмана в Тегеране видимо отрицательно, но, повидимому, лишь потому, что этот банкирский дом является конкурентом «Imperial Bank of Persia» в деле заключения упомянутого выше конверсионного займа. С тех пор как эта последняя сделка стала совершившимся фактом, отношение англичан к Зелигману постепенно изменилось.

Во время упомянутой в секретной телеграмме от [29] 16 января за № 96 [1] беседы моей с представителем «Banque de Paris et des Pays Bas» г. Бенаком, последний отозвался о Зелигмане как о весьма незначительной величине в финансовом мире и выразил уверенность, что он сам по себе, без какой-либо сильной поддержки, совершенно не способен осуществить столь крупную финансовую операцию, как персидский заем.

Сопоставляя эти отрицательные данные насчет Зелигмана с теми соображениями, которые вызывает предложение упомянутого французского банка принять на себя устройство займа, мы не можем не отдать во всех отношениях предпочтения последнему. Помимо солидности финансовой группы, представляемой этим банком, главным из означенных соображений является то, что эта группа представляет собой вместе с тем и консорциум, финансирующий «Société d'Etudes» Трансперсидской жел. дороги и что поэтому его участие в деле займа может в значительной мере способствовать быстрому и благоприятному разрешению вопроса о концессии на постройку сказанной дороги. С другой стороны, если бы операция по заключению займа была предоставлена Зелигману и у последнего очутилось вследствие сего в руках большинство статей доходов персидского правительства, могущих служить обеспечением, то финансирование предприятия Трансперсидской жел. дороги стало бы крайне затруднительным, если бы не совсем невозможным.

Ввиду всего этого мы уже заявили великобританскому правительству, что мы решительно высказываемся в пользу предоставления выпуска персидского займа группе, представляемой «Banque de Paris et des Pays Bas». Лондонский кабинет отнесся, однако, к этому не вполне сочувственно и, сославшись на предшествовавшие переговоры с Зелигманом, предлагает, во имя справедливости, запросить сначала последнего, намерен ли он возобновить прерванные переговоры по означенному предмету [2]. Вследствие этого я во время моей беседы с Бенаком упомянул о необходимости так или иначе сговориться с Зелигманом, на что получил ответ, что последнему может всегда быть предоставлено некоторое негласное участие в операции, которым он, вероятно, удовлетворится. Считая таким образом вопрос о Зелигмане устранимым, я полагаю желательным ныне же вступить с «Banque de Paris et des Pays Bas» в более обстоятельные переговоры по поводу займа для выяснения его принципиальной точки зрения на это дело. В этих видах имею честь препроводить вам при сем копии с упомянутых выше проектов соглашений между Учетно-ссудным банком и Зелигманом

---

[1] См. № 399.

[2] См. № 402. Тел. от 8 февр./26 янв. за № 30 Бенкендорф передал Сазонову заявление Грея, что он не отдает предпочтения одному банку перед другим, но что для него важно само заключение займа. Грей считает, однако, разрыв с Зелигманом, «при отсутствии вины со стороны этого банка», и передачу устройства займа другому банку весьма щекотливым вопросом. Лучшим исходом, по его мнению, было бы слияние обеих групп, если это возможно.

и между последними и шахским правительством [1], покорнейше прося вас ознакомить конфиденциально с их содержанием г. Бенака и узнать, насколько заключающиеся в этих документах условия были бы приемлемы для представляемой им группы. Я должен тут же отметить, что установленный нами ранее принцип, в силу коего право на означенную финансовую операцию должно принадлежать нашему банку, остается в полной силе и что поэтому в пользу этого банка должны вперед быть выговорены все те финансовые выгоды и политические преимущества, которые намечались во время предварительных переговоров с Зелигманом и которые изложены в прилагаемой справке [1]. За сим следует указать на то, что, ввиду крупного размера операции и в силу принципа общности действий наших с Англией в Персии, в этом деле придется, по всей вероятности, предоставить участие в известной доле также «Imperial Bank of Persia». Так как этот последний, как уже было сказано, устроил в прошлом году заем персидскому правительству, то участие нашего банка в новой операции должно быть несомненно бóльшим, но устранить совсем от нее английский банк мне представляется вперед невозможным еще и потому, что статьи доходов персидского правительства, имеющие гарантировать крупный заем, распространяются далеко за пределы отведенной нам соглашением 1907 года сферы влияния. Наконец, для успешного разрешения всего этого довольно сложного вопроса мне представляется безусловно необходимым, чтобы к делу привлечены были с самого начала солидные английские фирмы, вроде «Baring Brothers», участвующие в консорциуме Трансперсидской жел. дор., и чтобы при их содействии было возможно быстро достигнуто соглашение с Зелигманом и оказано возможное влияние на лондонский кабинет.

В заключение считаю нужным затронуть еще один весьма важный вопрос. Как известно, персидское правительство в силу конституции не вправе заключать займы без предварительного согласия меджлиса, а между тем последний в настоящее время распущен, и в видах столь желательного успокоения Персии и восстановления в ней прочного порядка представляется необходимым отсрочить созыв его до тех пор, пока правительство не будет обладать достаточной силой, чтобы устранить вредное влияние крайних революционных партий и организовать правильные выборы, которые обеспечили бы подходящий состав народных представителей, способный беспристрастно оценить нужды страны и признать необходимость займа, как единственного выхода из создавшегося положения. Эта цель, очевидно, не может быть достигнута на те два миллиона ф. ст., которые Персия получит ныне от нас и англичан; но, по счастью, шахское правительство не лишено права получать авансы в счет будущего займа и к этому-то средству и придется прибегнуть, чтобы помочь тегеранскому кабинету выйти из этого заколдованного круга. Поэтому представляется желательным выяснить ныне же, насколько можно рассчитывать на готовность «Banque de Paris et des Pays Bas» снабжать персидское правительство в крайнем случае авансами и каким путем это могло бы лучше всего быть осуществлено на практике.

Передавая об изложенном и покорнейше прося о результате ваших переговоров с г. Бенаком почтить меня уведомлением в возможно непродолжительном времени [2], пользуюсь случаем и пр.

Сазонов.

№ 434. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 27 [3]. 8 февраля/26 января 1912 г.

Indisposé jusqu'à aujourd'hui me suis rendu aujourd'hui seulement à l'invitation de Grey. Il m'a lu le télégramme à l'ambassadeur anglais à St. Pétersbourg

[1] Приложения к публикуемому документу не воспроизводятся.

[2] Тел. от 10 февр./28 янв. за № 176 Сазонов, ссылаясь на публикуемое письмо, просил Извольского и Бенкендорфа пользоваться содержанием приложенных контрактов «лишь в очень общих чертах», так как они «составляют коммерческую тайну нашего банка».

[3] Опубл. Siebert, II, S. 287, № 555.

au sujet du voyage de Haldane en Allemagne[1]. Il n'a pas ajouté grand commentaire. Il a dit seulement qu'il pensait qu'une détente entre l'Angleterre et l'Allemagne ne pourrait être qu'à l'avantage de la paix générale, que grande difficulté pour pareille détente était question armement maritime périodiquement progressif, que plusieurs communications à ce sujet avaient été échangées entre les deux gouvernements sans résultat pratique. La dernière communication allemande était parvenue à Londres peu avant incident Agadir qui avait fortement arrêté réponse anglaise pour un temps. C'est en janvier que cette réponse a été expédiée à Berlin[2]. Elle traitait de questions secondaires. Mais ces communications avaient si peu avancé les choses qu'il n'y avait toujours pas matière pour traiter diplomatiquement par voie d'ambassadeur; qu'il ne se faisait pas d'illusion sur difficulté de cette négociation, mais qu'il avait paru au Cabinet de Londres que dispositions à Berlin étaient pourtant telles qu'un échange privé de vues avec un homme d'état anglais de premier ordre à occasion de voyage fortuit pourrait être utile et d'ailleurs n'offrait aucun inconvénient; que Haldane avait été chargé d'expliquer à Berlin ce que le Cabinet de Londres pensait de cette question et de rapporter à Londres ad referendum des réponses qui lui seront faites. Je demandais à Grey si Haldane était chargé de parler de cette question seulement. Grey répondit que si Bethmann en soulevait quelque autre, Haldane était chargé d'écouter ad referendum ce que lui serait dit. Grey ajouta qu'il me priait de traiter cette communication tout à fait confidentielle. Il en a parlé à Cambon.

Benckendorff.

Перевод.

Чувствуя себя все это время нездоровым, я только сегодня смог поехать к Грею, получив от него приглашение. Он прочел мне телеграмму английскому послу в Петербурге по поводу поездки Холдена в Германию. Он не вдавался в подробные объяснения. Он сказал только, что, по его мнению, всеобщий мир лишь выиграет от улучшения отношений между Англией и Германией, что большим препятствием для такого улучшения является вопрос о периодически возрастающих морских вооружениях, что оба правительства уже обменялись по этому поводу многочисленными сообщениями, не имевшими практических результатов. Последнее германское сообщение было получено в Англии незадолго до Агадирского инцидента, который на долгое время задержал ответ Англии. Ответ Берлину был отправлен в январе. Он касался второстепенных вопросов. Но эти сообщения так мало подвинули дело, что вести его дипломатическим путем через посла все еще не представлялось возможным; что он не строит себе иллюзий относительно трудности таких переговоров, но лондонскому кабинету кажется, что настроения в Берлине все же таковы, что частный обмен взглядами с крупным государственным деятелем Англии, во время его случайной поездки, мог бы быть полезен и, кроме того, не представляет никаких неудобств; Холдену поручено высказать в Берлине мнение лондонского кабинета по этому вопросу и передать в Лондон ad referendum полученный им ответ. Я спросил Грея, было ли Холдену поручено говорить только по одному этому вопросу. Грей ответил, что если Бетман затронет какой-нибудь другой вопрос, Холдену поручено выслушать ad referendum то, что ему будет сказано. Грей добавил, что он просит меня считать это сообщение совершенно доверительным. Он говорил о нем с Камбоном.

Бенкендорф.

№ 435. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 28. 8 февраля/26 января 1912 г.

Suis revenu avec Grey sur question de démarche à Constantinople proposée par votre excellence[3] en lui demandant de m'expliquer son point de vue le plus nettement possible. Grey répondit qu'il est tout en faveur de pareille démarche à

[1] Ср. № 429.

[2] Имеется в виду англ. меморандум (опубл. Gr. Pol., Bd. XXXI, S. 50, № 11332), переданный 29/16 янв. 1912 г. Э. Гошеном Кидерлен-Вехтеру в ответ на герм. ноту от 27/14 июня 1911 г. (опубл. Gr. Pol., Bd. XXVIII, S. 423, № 10452) о взаимном обмене информацией герм. и англ. адмиралтействами.

[3] См. № 401.

condition toutefois de l'unanimité des cinq Puissances. Dans son opinion abstention d'une ou deux Puissances équivaudrait à désaccord qui d'abord mettrait gouvernement turc dans situation très difficile de suivre ou bien les conseils d'un groupe de Puissances ou bien les indications tacites de l'autre. En ces conditions Grey ne croit pas succès possible et redoute constatation d'insuffisance d'influence. Par contre Grey croit qu'il serait beaucoup plus facile au gouvernement turc d'affronter opposition en Turquie et tendances belliqueuses locales s'il est en mesure de déclarer qu'il cède au conseil de toutes les Puissances. Si un pareil assentiment pouvait être obtenu, l'opinion de Grey sur marche à suivre serait la suivante: il s'agirait de charger représentants des cinq Puissances de demander à Porte exposé de son point de vue, sans bien entendu s'y engager, et de demander ensuite à Porte de remettre affaire de paix aux mains des cinq Puissances lesquelles après s'être concerté entre elles et s'être confidentiellement abouché avec l'Italie communiqueraient à Porte leur conclusion avec conseil de s'y soumettre. Grey ne croit pas que dans ce cas Porte puisse assumer responsabilité d'un refus. Et ce procédé selon lui aurait le grand avantage de prévenir toute lutte d'influence à Constantinople.

Benckendorff.

Перевод.

Вернулся с Греем к вопросу о выступлении в Константинополе, предложенном вашим высокопревосходительством, попросив его объяснить мне возможно яснее его точку зрения. Грей ответил, что он всецело за такое выступление, однако при условии единогласия пяти держав. По его мнению, воздержание одной или двух держав было бы равноценно разногласию, которое прежде всего поставило бы турецкое правительство в крайне трудное положение: следовать либо советам одной группы держав, либо молчаливым указаниям другой. При наличии таких условий Грей не верит в возможность успеха и опасается, что будет обнаружен недостаток влияния. Напротив, Грей думает, что турецкому правительству было бы гораздо легче бороться с оппозицией в Турции и местными воинственными тенденциями, если бы оно было в состоянии заявить, что оно уступает совету всех держав. Если бы такое согласие могло быть достигнуто, то порядок действий, по мнению Грея, должен быть следующий: надо было бы поручить представителям пяти держав попросить Порту изложить ее точку зрения, разумеется, не связывая себя, и затем просить Порту передать дело мира в руки пяти держав, которые, сговорившись между собой и доверительно снесясь с Италией, сообщили бы Порте свое заключение, советуя ему подчиниться. Грей не думает, что при таких условиях Порта могла бы взять на себя ответственность отказа. И по его мнению этот образ действий имел бы то крупное преимущество, что он предупредил бы всякую борьбу влияний в Константинополе.

Бенкендорф.

№ 436. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 31. 8 февраля/26 января 1912 г.

Grey m'a exprimé sa haute appréciation de l'accueil si spécialement gracieux fait par notre auguste maître et l'impératrice à la délégation anglaise, ainsi que de la grande hospitalité accordée en Russie [1]. Grey pense que l'influence du succès de cette visite peut être sérieuse et réelle en Angleterre. Il m'a répété son regret que le speaker ait été au dernier moment empêché d'y prendre part [2]. Il m'a dit qu'il avait spécialement tenu à sa participation, comme représentant du Parlement anglais et aussi à cause de la confiance dont sa personne jouit à juste titre dans tous les partis et que convaincu d'avance des impressions qu'il rapporterait de Russie, elles eussent été de grande utilité.

Benckendorff.

[1] Прибывшая в Россию 25/12 янв. 1912 г. англ. делегация состояла из членов обеих палат, представителей англ. церкви, армии и флота, промышленности, финансового мира, печати, науки и литературы. На другой день по приезде делегация была принята Николаем II в Царском Селе.

[2] Во главе делегации стоял спикер англ. палаты общин Лоутер. Внезапная смерть его отца заставила его отказаться от поездки в Россию и вернуться из Берлина в Англию. Его место занял лорд Уэрдель.

Перевод.

Грей высказал мне, как высоко он ценит исключительно милостивый прием, оказанный нашим августейшим повелителем и императрицей английской делегации, а так же сердечное гостеприимство, проявленное по отношению к ней в России. Грей думает, что успех этого посещения может оказать серьезное и действительное влияние в Англии. Он повторил мне свое сожаление, что спикер в последний момент был лишен возможности принять в ней участие. Он сказал мне, что он особенно дорожил его участием, как представителя английского парламента, а также ввиду доверия, которым его личность, по справедливости, пользуется среди всех партий, и что зная заранее какие впечатления он привез бы из России, он был уверен в их пользе.

Бенкендорф.

№ 437. Посол в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 6. 8 февраля/26 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Желая положить конец постоянной обструкции украинцев во львовском сейме, мешающей проведению областного бюджета, министр-президент граф Штюргк настоял на том, чтобы польская и «украинская» партии начали между собой переговоры для того, чтобы подыскать почву, на которой могло бы состояться полное между ними соглашение. Вследствие сего несколько времени тому назад между лидерами обеих партий начались переговоры, которые в конце концов, вероятно, приведут к желаемому центральным правительством соглашению между двумя указанными партиями, но нет еще основания предполагать, чтобы таковое скоро наступило. Как мне передавали, граф Штюргк надеется, что вопрос будет улажен к лету. Главнейшие требования «украинцев» сводятся к следующему: они хотят иметь третью часть всех мандатов в сейме. Поляки же уступают им четвертую часть представительства и готовы предложить им 26,4% депутатских мест в сейме. Так как «украинцы» в свою очередь дают русским партиям как в сейме, так и в парламенте только одну пятую своих депутатских мест, то с этой точки зрения предстоящее соглашение для русских партий особенного значения не имеет. Но с точки зрения интересов русского культурного и национального единства, всякий уговор между двумя одинаково враждебными русскому населению Галиции партиями представляется, конечно, нежелательным. Простой народ, живущий на этой искони русской земле — русские, малорусского племени,— говорит на малороссийском наречии и принадлежит к униатской церкви. При Марии-Терезии и при Иосифе II, в первые времена по присоединении к Австрии, эта страна в официальных бумагах называлась Rot Russland (Червонная Русь), а население — russisch. С тех пор эти названия более не употреблялись. Ныне австрийское правительство отрицает даже самое существование русского племени в Галиции, считая его совершенно другой разновидностью славян, и придумало для них наименование «рутены», что ни в коем случае не есть перевод слова руссин, которое по-польски значит малоросс. Великороссов поляки называют «россиянами». Хозяевами в крае являются поляки и евреи. О последних говорить излишне, а первые пользуются в Австрии привилегированным положением, так как австрийское правительство нуждается в поддержке «польского клуба». Управление Галицией находится в польских руках. Этим объясняются те притеснения, коим подвергается та небольшая часть червонно-русского народа, которая исповедует православную веру и дорожит своей русской народностью. Однако как православные, так и униаты — прежде всего верноподданные своего монарха и одинаково исправно несут все возлагаемые на них государством обязанности. Так, по отзывам компетентных австрийских военных, эти люди отлично служат, и из них выходят прекраснейшие солдаты. Австрийские офицеры, коим приходилось служить в частях, расположенных в Галиции, говорят, что галицкий простой русский народ чужд всякой политике, что заподозрить его ни в чем противогосударственном нельзя и что презрительное к нему отношение со стороны поляков и австро-польских властей ничем не оправдывается. Как бы то ни было, австрийское правительство в силу соображений высшей политики переименовало

малороссов в рутенов и стало поощрять, в противовес русскому влиянию, возникшее в 60-х годах антирусское украинофильское движение в крае. Бо́льшая часть интеллигенции ради личных выгод отказалась от своей русской национальности, отделилась от народа и составила партию украинцев, иначе мазепинцев, стоящих за полную латинизацию унии и мечтающих о так называемой «самостийности Украйны». Их бессмысленные мечты простираются вплоть до создания в будущем нового самостоятельного украинского государства под властью Габсбургов, в состав коего должны войти наши Малороссия и юго-западный край, причем чуть ли не с большей частью Новороссийского и городом Одессой. Украинская пропаганда в крае поддерживается несколькими газетами, из коих субсидируемые «Дило» и «Руслан» наиболее распространены. Кроме того, украинофильство имеет ревностных агитаторов в лице подслуживающихся австрийским властям и митрополиту графу Шептицкому, злейшему врагу России, униатских священников, пользующихся амвоном в целях политической агитации и проповедующих ненависть к нашему отечеству.

Другая часть русской интеллигенции в Галиции, к сожалению, разделилась вследствие личных раздоров своих главарей на две партии, одну — умеренную, представляемую газетой «Галичанин», и другую — радикальную, органом которой является «Прикарпатская Русь». Обе эти русско-народные партии стоят за культурное единение с великим русским народом и справедливо считают русский язык литературным, а малороссийский — только наречием. К несчастью, они находятся в непримиримой вражде, чем сами портят свое дело. «Галичанин» стоит за унию, «Прикарпатская Русь» стремится к тому, чтобы все галицкие малороссы вернулись в лоно православной церкви. Кроме того, в смысле политическом, «Галичанин» держит себя по отношению к высшему правительству вполне корректно, тогда как номера «Прикарпатской Руси» часто конфискуются. Австрийское правительство неусыпно следит за всяким проявлением симпатий наших общественных организаций к зарубежному русскому племени и, основываясь на пристрастных донесениях польских властей, всякий раз принимает новые суровые меры против руссофильского движения в крае. Чем меньше будет интерес нашей печати и наших политических деятелей к состоящим в австрийском подданстве малороссам, тем лучше будет и их положение, которое только они сами могут улучшить путем неустанной работы к поднятию своего экономического благосостояния.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 438. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 8 февраля/26 января 1912 г.

Mon cher Ministre,

Veuillez mé permettre de résumer, en peu de mots, l'impression qui se dégage du séjour de son altesse impériale le grand duc André à Vienne[1]. Je tâcherai, également, de rendre textuellement, autant que possible, les paroles qui m'ont été dites par l'empereur François-Joseph et l'archiduc François-Ferdinand. L'entretien ayant eu lieu en français — c'est à cette langue que j'ai recours pour mon rapport.

Le doute n'est pas possible que le vénérable souverain d'Autriche-Hongrie a été profondément heureux et reconnaissant à notre auguste maître de l'ordre qu'il a daigné donner au grand duc André de s'arrêter à Vienne, à son retour de Sofia, pour saluer l'empereur d'Autriche-Hongrie. La façon dont le grand duc a été reçu, les mesures prises pour lui rendre les honneurs, le prouvent amplement. En me parlant de cette visite, l'empereur s'est exprimé ainsi: «Je vous prierai de faire savoir à votre souverain la joie que j'éprouve de l'ordre que l'empereur a bien voulu donner au grand duc de s'arrêter à Vienne. Je suis heureux de recevoir le grand duc et reconnaissant pour l'attention. J'ai lu avec grande satisfaction le rapport de mon

[1] См. № 427 и стр. 83, прим. 3.

ambassadeur à St.-Pétersbourg rendant compte de l'audience que l'empereur a daigné lui accorder. Nous poursuivons le même but dans les Balkans, et devrions nous entendre pour le maintien du «status quo» et pour empêcher que la guerre italo-turque n'amène des complications. Pour le moment, je ne vois pas de bases sérieuses pour mettre fin à cette guerre, les turcs n'étant pas battus. Je suis très affligé de la maladie incurable d'Aehrenthal, mais, quel que soit son successeur, ma politique ne changera pas, je désire une entente avec la Russie. Je suis heureux que la santé de votre ministre soit bonne et qu'il soit de nouveau à la tête de son ministère».

Tout cela a été dit avec une voix forte, un sentiment de conviction.

Je me suis permis d'exposer en peu de mots la nouvelle proposition de votre excellence au sujet de l'échange de vues des Puissances, n'ayant pu encore obtenir de réponse du Cabinet de Vienne.

En me parlant des Balkans l'empereur m'a dit qu'il croyait pouvoir être tranquille au sujet de la Bulgarie, le Monténégro le préoccupait davantage.

L'empereur François-Joseph s'est complètement remis de son indisposition, sa voix est claire, il a très bonne mine.

L'archiduc François-Ferdinand n'a pas été moins chaleureux. Il ne cachait pas sa joie de recevoir le grand duc; après son déjeuner au Palais du Belvedère, l'archiduc a longuement causé avec moi. Il m'a dit: «La visite du grand duc me fait énormément de plaisir. J'aimais beaucoup son père et n'oublie pas combien il a été bon pour moi en Russie et ici en 1908. C'est chez moi qu'à eu lieu sa dernière chasse. Je suis dévoué à votre empereur et ma politique a toujours été les bonnes relations, l'amitié avec la Russie. J'espère qu'il n'y aura plus de malentendus avec la Russie. J'ai déploré ce qui s'est passé car je suis un ami de la Russie».

Avant le déjeuner l'archiduc est venu à 11 heures à l'hôtel de l'ambassade pour rendre la visite au grand duc.

Veuillez agréer, mon cher ministre, l'assurance de mon profond dévouement.

N. de Giers.

Перевод.

Дорогой министр,

Позвольте мне изложить в нескольких словах впечатление, создавшееся от пребывания в Вене его императорского высочества великого князя Андрея. Я постараюсь также воспроизвести, по возможности точно, слова, сказанные мне императором Францем-Иосифом и эрцгерцогом Францем-Фердинандом. Так как беседа шла по-французски, то и я пользуюсь этим языком для моего донесения.

Нет никакого сомнения, что почтенный монарх Австро-Венгрии был глубоко счастлив и признателен нашему августейшему повелителю за приказание, которое он соблаговолил дать великому князю Андрею, остановиться в Вене на обратном пути из Софии, дабы приветствовать императора Австро-Венгрии. Прием, оказанный великому князю, меры, принятые для оказания ему почестей, служат тому наглядным доказательством. Говоря со мной об этом посещении, император выразился так: «Прошу вас передать вашему государю радость, которую я чувствую в связи с тем, что он соблаговолил дать распоряжение великому князю остановиться в Вене. Я счастлив принять великого князя и признателен за внимание. С большим удовлетворением я прочел донесение моего посла в С.-Петербурге, сообщавшее об аудиенции, которую соблаговолил ему дать император. На Балканах мы преследуем одну и ту же цель и нам следовало бы притти к соглашению для поддержания status quo и для того, чтобы не допустить осложнений в результате итало-турецкой войны. В настоящий момент я не вижу серьезных оснований для прекращения этой войны, так как турки не побеждены. Я очень огорчен неизлечимой болезнью Эренталя, но кто бы ни был его преемником, моя политика не изменится, я желаю согласия с Россией. Я счастлив, что ваш министр находится в добром здоровье и что он снова во главе своего министерства».

Все это было сказано уверенным тоном, с чувством убеждения.

Я позволил себе изложить в нескольких словах новое предложение вашего высокопревосходительства относительно обмена мнений между державами, так как я еще не смог получить ответ от венского кабинета.

Говоря о Балканах, император сказал мне, что, по его мнению, он может быть спокоен относительно Болгарии, но Черногория тревожит его в большей степени.

Император Франц-Иосиф совершенно поправился от своей болезни. Голос у него чистый, он очень хорошо выглядит.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд высказался в не менее теплых выражениях. Он не скрывал своего удовольствия принять у себя великого князя. После завтрака в Бельведерском дворце эрцгерцог долго беседовал со мной. Он мне сказал: «Посещение великого князя доставило мне огромное удовольствие. Я очень любил его отца и помню доброе отношение его ко мне в России и здесь в 1908 г. В последний раз он охотился у меня. Я предан вашему императору, и моя политика всегда имела в виду хорошие отношения и дружбу с Россией. Я надеюсь, что не будет больше недоразумений с Россией. Я жалею о том, что произошло, потому что я — друг России».

Перед завтраком эрцгерцог приехал в 11 часов в посольство, чтобы отдать визит великому князю.

Примите, дорогой министр, уверения в глубокой преданности.

Н. Гирс.

№ 439. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 15. 8 февраля/26 января 1912 г.

Как и следовало ожидать, попытка генерала Груича образовать нейтральное министерство потерпела полное фиаско[1]. Желая держаться строго конституционной почвы, король после того вновь пригласил Любу Стояновича, изъявив, с некоторыми ограничительными условиями, согласие на составление однородного младорадикального кабинета. Однако ввиду непринятия клубом самостальцев помянутых условий, Стоянович вынужден был отказаться от данного ему поручения. После неудач, постигших всевозможные парламентские комбинации, перед королем остался единственный выход — снова обратиться к старорадикальной партии. Призванный во дворец Милованович согласился образовать министерство. Сегодня до позднего вечера члены радикального клуба совещались относительно частичной реконструкции павшего кабинета, состав которого будет утвержден завтра, в пятницу. Весь ход кризиса, завершившийся торжеством старорадикалов, — явление большой политической важности. Оно свидетельствует о силе и значении в Сербии той партии, заветами которой всегда было — бескорыстная преданность России и полное единение с мощной покровительницей славян. При этом не следует терять из виду, что старорадикальная партия не есть, как принято думать, группа политических деятелей с Пашичем во главе; нет, она в большой мере олицетворяет собой сербский народ. А при таких условиях, смею думать, представляются не лишенными основания высказанные мной в целом ряде донесений соображения о роли, которую в нашей ближневосточной политике призвана сыграть Сербия, как русский верный передовой пост.

Гартвиг.

№ 440. Управляющий генеральным консульством в Канее министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 4. 8 февраля/26 января 1912 г.

Получил № 144 [2].

Представители держав-покровительниц получили сегодня от правительства письменное извещение об отмене [3] революционным собранием исполнительного комитета и назначении временного революционного правительства из трех лиц, составлявших упраздненный комитет. Извещение это имеет в заголовке греческий герб и надпись: «Греческое королевство. Временное революционное прави-

[1] В тел. от 1 февр./19 янв. за № 9 Гартвиг сообщал, что Милованович «передал вчера королю письменное заявление, в коем, указывая на ослабление правительственного большинства в скупщине, предлагает роспуск последней и назначение новых выборов. В случае отклонения этого предложения, Милованович ходатайствует об отставке кабинета». В тел. от 3 февр./21 янв. за № 12 Гартвиг указывал, что король принял отставку кабинета Миловановича, а 6 февр./24 янв. тел. за № 14 сообщал, что король «призвал генерала Савву Груича, который согласился образовать нейтральный кабинет из лиц более или менее беспартийных».

[2] См. стр. 77, прим. 1.

[3] Так в оригинале.

тельство». Между тем условия, на которых происходили до сих пор деловые сношения между консулами и фактическим критским правительством, были именно отсутствие на письмах заголовков аннексионного характера. Условия эти до сих пор правительством строго соблюдались, и нарушение их ныне является, по мнению коллег, разделяемому мной, прямым вызовом со стороны критян. Мы полагаем также, что в случае приема нами таких писем можно ожидать более серьезных попыток — вызвать с нашей стороны протест и привести к конфликту. С другой стороны, непринятие этих писем может привести к отставке правительства и ускорить этим необходимость вмешательства держав-покровительниц, каковое может быть желательно несколько отсрочить. Изложенные соображения вынуждают меня и коллег просить инструкций наших правительств [1].

Пустошкин.

№ 441. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 169. 9 февраля/27 января 1912 г.

Телеграмма за № 74 получена [2].

Вопрос о заявлении с нашей стороны, что мы никогда не признаем бывшего шаха, был возбужден здесь и великобританским послом. Это предложение было нами решительно отвергнуто, так как мы не признаем возможным связывать себя на будущее время обязательством, которое, при известных условиях, может оказаться невыполнимым. Исаак-хану, возбудившему тот же вопрос, было разъяснено, что мы не намерены принимать на себя какую-либо ответственность за дальнейшие поступки шаха и не желаем даже, чтобы он снова поселился в России. Если раньше у Мохамед-Али-шаха была иллюзия, что его авантюра нами одобряется и встретит с нашей стороны нравственную и материальную поддержку, то таковая должна была совершенно рассеяться после проявленного нами отношения к его выступлениям, и в особенности после настоящего давления на него с нашей стороны. Мы, как и раньше, готовы советовать шаху примириться со своей судьбой и не нарушать порядка в Персии бесплодными авантюрами, но дальше этого мы итти не желаем и не примем на себя обязательства не признавать его ни при каких обстоятельствах. В этом смысле вы можете высказаться, если бы Восуг-эд-Доуле вернулся к этому вопросу.

Что касается пенсии шаха, то желательно, конечно, чтобы она, по возможности, была установлена в прежнем размере. Вы могли бы осторожно внушить персидскому правительству, что в столь крупном вопросе, как скорейшее удаление Мохамед-Али-шаха, далеко не считающего себя побежденным, не следует упорствовать относительно мелкой суммы в 50 тысяч томанов. Остальные условия персидского правительства представляются нам приемлемыми [3].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 13 февр./31 янв. за № 196 Сазонов сообщал Пустошкину: «Великобританское правительство полагает неудобным оставлять без возражения новую форму обращения правительства острова к представителям держав и предлагает, чтобы консула, по получении одинаковых указаний, вернули бы правительству письменные сообщения с новым заголовком, предупредив, что обращения под таким заголовком ими приниматься не будут. Можете присоединиться к совместному с английским и французским представителями шагу в этом смысле».

[2] Содержание тел. Поклевского от 7 февр./25 янв. за № 74 совпадает с содержанием его тел. за № 75 (см. № 430); в конце тел. Поклевский передавал, что перс. м-р ин. дел выразил желание «получить от обоих правительств обещание не признавать Мохамед-Али-шаха, если он вновь появится в Персии».

[3] В тот же день, в дополнение к публикуемой тел., Сазонов телеграфировал Поклевскому за № 170: «Сегодня Бьюкенен предложил предоставить персидскому правительству самому заручиться от бывшего шаха обязательством, что он ничего не будет предпринимать против него и не вернется в Персию без согласия России и Англии. Не встречаем к сему препятствий».

№ 442. Посол в Берлине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 13. 10 февраля/28 января 1912 г.

La présence mystérieuse à Berlin du ministre de la guerre anglais [1] préoccupe au dernier degré l'opinion publique et la presse à Berlin. D'après l'avis de l'ambassadeur de France son gouvernement a été laissé dans une ignorance complète de la mission dont serait chargé Lord Haldane. Très intrigué Mr. Cambon se serait adressé directement à l'ambassadeur anglais pour lui demander une entrevue avec le ministre anglais qu'il a interviewé hier. Je dois à l'obligeance de l'ambassadeur de France de connaître le résultat de cette démarche. Il se trouvait que Lord Haldane, germanophile connu, aurait été choisi pour une mission de confiance, nommément sonder le terrain d'un rapprochement entre les deux pays dont l'antagonisme prenait aux yeux de l'Angleterre un caractère tout à fait alarmant. S'il faut en croire un bruit dont je ne saurais garantir l'authenticité, le choix du négociateur serait attribué à l'initiative de l'empereur Guillaume lui-même. Haldane s'est efforcé d'assurer Cambon que le terrain d'entente cherché par l'Angleterre, garderait en tout état des choses l'intégrité des deux groupes politiques qui forment actuellement l'équilibre européen. Il s'agirait, selon lui, d'amener une détente entre les deux pays qui pourrait dans un avenir plus ou moins rapproché se traduire par un arrangement politique quelconque. D'après l'impression de l'ambassadeur de France, il s'agirait peut-être d'une limitation des forces navales des deux pays; ce qui pourrait justifier les suppositions de Cambon c'est qu'on parle dans les cercles qui touchent à la marine du retrait de l'amiral Tirpitz, connu pour être contraire à toute mesure limitant les ressources navales de l'Allemagne. Au banquet officiel que l'empereur a donné à l'occasion de la présence du ministre anglais se trouvaient invitées toutes les notabilités de la marine aussi bien que des représentants de l'armée. Les nombreuses entrevues que ne cesse d'avoir Haldane avec le chancelier ainsi qu'avec toutes les notoriétés politiques présentes à Berlin trahissent le sérieux de sa mission et sont un symptôme remarquable combien l'Angleterre redoute une rupture avec l'Allemagne et quel soin elle met à éloigner toute raison de brouille entre les deux pays. Symptomatique aussi se révèle l'envoi du négociateur à l'insu du Cabinet de Paris. Cette réserve porte un caractère inquiétant pour les alliés de l'Angleterre. On parle du départ de Lord Haldane pour demain.

Osten-Sacken.

Перевод.

Таинственное пребывание в Берлине английского военного министра до крайности занимает общественное мнение и прессу Берлина. По словам французского посла, его правительство было оставлено в полном неведении относительно миссии, порученной лорду Холдену. Крайне заинтригованный, г. Камбон обратился непосредственно к английскому послу с просьбой устроить ему свидание с английским министром, которого он интервьюировал вчера. Благодаря любезности французского посла я знаю результат этого шага. Выяснилось, что лорд Холден, известный германофил, был выбран для выполнения доверительной миссии, а именно — зондировать почву для сближения обеих стран, антагонизм между которыми приобретал в глазах Англии крайне тревожный характер. Если верить слуху, достоверность которого я не могу гарантировать, то выбор уполномоченного для переговоров принадлежит инициативе самого императора Вильгельма. Холден старался уверить Камбона, что искомая Англией основа для соглашения сохранит неприкосновенными при всяком положении вещей те две политические группировки, которые в настоящее время создают европейское равновесие. По его словам, дело идет об устранении натянутых отношений между обеими странами, что могло бы, в более или менее близком будущем, выразиться в каком-либо политическом соглашении. По впечатлению французского посла, речь идет об ограничении морских сил обеих стран. Предположения Камбона подтверждаются тем, что в кругах, прикосновенных к флоту, говорят об отставке адмирала Тирпица, который известен, как противник всех мер, ограничивающих морские ресурсы Германии. На официальном банкете, данном императором по случаю прибытия английского министра, присутствовали в качестве приглашенных все крупные деятели морского ведомства, равно как и представители армии. Многочисленные встречи, которые Холден беспрестанно имеет с канц-

[1] См. № 434.

лером, как и со всеми известными политическими деятелями, находящимися в Берлине, указывают на всю серьезность его миссии и являются ярким симптомом того, насколько Англия опасается разрыва с Германией и какие старания она прилагает к устранению всякой причины для ссоры между обоими странами. Симптоматичным является также посылка уполномоченного для переговоров без ведома парижского кабинета. Эта сдержанность носит характер, тревожный для союзников Англии. Говорят об отъезде лорда Холдена завтра.

Остен-Сакен.

№ 443. Военный агент в Сербии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 13. 10 февраля/28 января 1912 г.

Кабинетный кризис. Законопроекты, предложенные рассмотрению скупщины.

Рапортом [17] 4 января с. г. за № 3 мной сообщалось о решении старорадикального кабинета подать в отставку [22] 9 января [1]. В действительности ожидаемое событие произошло неделей позже [2], по утверждении скупщиной дополнительных кредитов к бюджету 1911 г., рассмотрении некоторых запросов и вообще ликвидации настоящего периода заседаний скупщины.

Отставка кабинета произошла после того, как король отказал в разрешении на роспуск скупщины и производство новых выборов теперь же, весной, а не осенью.

Кабинетный кризис длился дней 10—12. Составление нового кабинета было поручено вождям младорадикальной партии. После неудачной попытки составить коалиционный кабинет из представителей всех партий младорадикалы не решились составить самостоятельное министерство из членов своей партии и вернули полученный ими мандат королю. В результате кризис закончился возвращением кабинета г. Миловановича в полном его составе, получившего, однако, теперь разрешение короля на роспуск скупщины и производство новых выборов, которые, произойдут, повидимому, в первой половине марта. В общем надо полагать, что на выборах правительству удастся заручиться большим числом депутатов и чувствовать себя в скупщине в меньшей зависимости от оппозиции.

Из обстоятельств, сопровождавших кризис, заслуживает быть отмеченным, что в числе условий, поставленных королем младорадикальной партии при ее попытке составить чисто младорадикальный кабинет, было и следующее: «*На посту военного министра оставить настоящего военного министра генерала С. Степановича*». Мотивом требования, говорят, выставлено желание избежать новых промедлений с вотированием законопроекта об устройстве войска, так как назначение нового военного министра повлекло бы пересмотр им законопроекта. Как бы то ни было, печать отмечает совпадение действий короля с желаниями, высказанными тайной патриотической организацией «Черная рука» (см. донесе-

---

[1] В рапорте от 17/4 янв. за № 3 Артамонов, извещая о намерении серб. кабинета подать в отставку, сообщал также, что из К-поля получены сведения, будто между австро-венг. послом и Портой ведутся переговоры об уступке Австрии Новобазарского санджака. Эти сведения, по словам Артамонова, производят в Сербии удручающее впечатление, так как сербы считают, что Австрия вошла по этому поводу в соглашение с Россией. «Оставляя в стороне вопрос, действительно ли Австрия договаривается с Турцией о Санджаке и как относится к этому Россия, — писал далее Артамонов, — можно сказать, что как бы ни понимать интересы России и ее отношения к тем или другим из южных славян, бесспорно одно, что эти интересы требуют не допускать Австрию в Салоники (а Германию — на Босфор), иначе и открытие Проливов нам ничего не даст». Артамонов считал, что воспрепятствовать движению Австрии на Салоники могут только южные славяне. Однако Болгария, по получаемым сведениям, не только не собирается препятствовать Австрии, а, наоборот, договаривается с ней о совместных действиях. И тем не менее «Болгария, — заканчивал свой рапорт Артамонов, — с сербской точки зрения, пользуется полным сочувствием и поддержкой России. Сербия же, делающая громадные усилия, дабы в европейской войне явиться авангардом России и оттянуть на себя 5 австрийских корпусов, Россией, по мнению сербов, совершенно игнорируется».

[2] См. стр. 97, прим. 1.

ние [30] 17 января № 10, стр. 7, п. 1 [1]) и склонна верить в расширение влияния последней.

Младорадикалы, принудившие бывшего несколько лет тому назад военным министром генерала Степановича подать в отставку (по делу о поставках Шнейдера) и ныне постоянно нападавшие на него в скупщине, конечно, не могли принять его в состав своего кабинета, что и явилось одной из причин неудачи при их попытке составить кабинет.

В связь с успехом старорадикалов (и «Черной руки»), выразившимся в оставлении на посту военного министра генерала Степановича, имевшего ряд столкновений с главным инспектором армии, приводят неожиданно последовавший вслед за разрешением кризиса отъезд за границу, неизвестно куда, престолонаследника королевича Александра, будто бы крайне раздосадованного исходом кабинетного кризиса. Только спустя несколько дней выяснилось, куда именно выехал королевич [2].

Имея теперь разрешение распустить скупщину, кабинет г. Миловановича не предполагает, однако, воспользоваться этим правом немедленно. Правительство имеет в виду провести при настоящем составе скупщины несколько законопроектов, признаваемых спешными, а именно: 1) законопроект о государственной помощи витежским дружествам (см. рапорты [21] 8 и [6 июня] 24 мая 1911 г. за №№ 66 и 83 [3]) и 2) законопроект о выдаче концессии г. Иерониму Табурно, инженеру из Петербурга, на постройку на Дунае у Прахова пристани с годичным оборотом в 250 000 тонн, закрытым бассейном и портом-убежищем не менее, как на 30 судов. На концессионера возлагается и постройка жел.-дор. станции [4] с потребным числом путей; постройка магазинов, амбаров, складов и т. д.

Первый законопроект, встречающий общее сочувствие и вносимый ныне самим правительством, выполняющим данное им обещание, вероятно, пройдет без затруднений.

Что же касается второго законопроекта, признаваемого правительством спешным [5], то уже в государственном совете, дававшем свое заключение, голоса разделились поровну, в печати же начата кампания против отдачи работ концессионеру без конкурса. Таким образом судьба законопроекта в скупщине пока представляется гадательной.

Законопроект об устройстве войска настоящему составу скупщины предложен не будет и, вероятно, ранее осени рассмотрению не подвергнется.

Генерального штаба полковник Артамонов.

№ 444. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

-/. Телеграмма № 185 [6]. 11 февраля/29 января 1912 г.

Сообщается поверенным в делах в Токио и Пекине.

Директор Русско-азиатского банка сообщил мне о желании образованного сказанным банком синдиката устроить Юань Ши-каю заем в 300 тыс. ф. ст. с тем, чтобы этот заем был признан революционным китайским правительством, и предупредить таким образом четверной синдикат, который деятельно хлопочет о таком же займе.

Я ответил, что с нашей стороны нет возражений против этой финансовой операции, если заем будет заключен официально не с Русско-азиатским банком,

---

[1] Указанное донесение не обнаружено.

[2] 1 февр./19 янв. королевич Александр в сопровождении воен. свиты выехал в Софию на празднование совершеннолетия королевича Бориса (см. стр. 83, прим. 3).

[3] Указанные рапорты не обнаружены.

[4] Начальная станция — Дунай, Адриатической ж. д. [Прим. оригинала.]

[5] Постройку желают начать весной. [Прим. оригинала.]

[6] Опубл. Stieve, II, S. 36, № 200.

связь которого с императорским правительством слишком известна, а с одним из иностранных банков, входящих в синдикат Русско-азиатского банка, например, с бельгийским, на который указал г. Верстрат.

Вышеизложенное сообщается для вашего личного сведения[1].

[Сазонов.]

№ 445. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 187. 11 февраля/29 января 1912 г.

Reçu № 28[2].

Si j'ai bien saisi la pensée de Grey, il s'agirait pour les cinq Grandes Puissances neutres de demander à la Porte l'exposé de son point de vue sur les conditions éventuelles pour cesser les hostilités; de se concerter ensuite sur la manière de mettre d'accord les desiderata turcs avec les faits accomplis et les exigences de l'Italie; de vérifier en commun l'acceptabilité pour l'Italie des conditions ainsi élaborées par les Puissances, et de communiquer enfin à la Porte leurs conclusions avec le conseil de s'y soumettre.

Je crains que démarche à Constantinople ne rencontre refus principiel de discuter tout arrangement sur base décret annexion ce qui rendrait tentative infructueuse dès début. Mais je me demande si modus procedendi de Grey ne pourrait être appliqué inversement c'est-à-dire en commençant par se renseigner sur la limite des conditions italiennes qui seraient étudiées par les cinq Puissances, adaptées aux exigences de la situation générale et recommandées à l'acceptation de la Porte.

Si telle est aussi impression de Grey je me joins entièrement à démarches dans ce sens et les soutiendrai avec conviction, en premier lieu vis-à-vis de la France.

Seulement avant démarches ultérieures désirerais être muni d'aide-mémoire précis à ce sujet et pense que Cabinet de Londres devrait simultanément saisir le gouvernement français de cette proposition, ce qui assurerait en premier lieu action concordante des trois Puissances.

Sazonow.

Перевод.

Получил № 28.

Если я хорошо уловил мысль Грея, то дело шло бы для пяти нейтральных великих держав о том, чтобы попросить у Порты изложить ее точку зрения на эвентуальные условия прекращения военных действий; чтобы условиться затем о способе согласования турецких пожеланий с фактическим положением и с требованиями Италии; чтобы сообща проверить приемлемость для Италии условий, выработанных таким образом державами, и, наконец, чтобы сообщить Порте их заключения с советом подчиниться им.

Я боюсь, что выступление в Константинополе встретит принципиальный отказ обсуждать какое-либо соглашение на основе декрета об аннексии, что сделало бы попытку бесплодной с самого начала. Но я спрашиваю себя, не может ли «modus procedendi» Грея быть применен в обратном порядке, т. е. начать с того, чтобы осведомиться о пределах итальянских условий, которые были бы изучены пятью державами, приспособлены к требованиям общего положения и рекомендованы Порте к принятию.

Если таковым же является и впечатление Грея, то я целиком присоединяюсь к шагам в этом смысле и буду убежденно поддерживать их, в первую очередь перед Францией.

Но до дальнейших шагов я хотел бы получить точный меморандум по этому предмету и думаю, что лондонский кабинет должен был бы одновременно обратиться к французскому правительству с этим предложением, что обеспечило бы в первую очередь согласованные действия трех держав.

Сазонов.

---

[1] Тел. от 14/1 февр. за № 206 (опубл. Stieve, II., S. 37, № 202) Сазонов сообщил Щекину: «Заем, который предлагает Юань Ши-кай бельгийская группа синдиката Русско-азиатского банка, имеет характер частного ее выступления. Вы могли бы поэтому отвечать на вопросы ваших иностранных коллег, что вам официально ничего не известно об этом проектируемом займе».

[2] См. № 435.

№ 446. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 16. 11 февраля/29 января 1912 г.

En réponse à ma démarche faite le [27] 14 janvier [1] au sujet de l'action pacificatrice des Puissances le baron Muller m'a répondu que les renseignements dont il disposait sont insuffisants pour s'éclairer de façon précise sur l'attitude définitive que prendront les Puissances à l'égard de la dernière proposition de votre excellence. Toutefois il n'hésite pas à m'assurer dès à présent qu'en principe le Cabinet de Vienne est d'accord à reconnaître l'utilité à un moment donné d'une action pacifique dont le caractère et la forme seraient à concerter entre les Puissances, action qui pourrait s'imposer notamment si le cours des événements produisait pour la paix européenne la situation sérieuse et menaçante envisagée par votre excellence. Quand même les Puissances ne seraient pas unanimes à reconnaître l'heure actuelle comme propice à une intervention, la démarche du Cabinet de St.-Pétersbourg n'en aurait pas moins le mérite de maintenir entre elles le contact qu'exige la situation. Le Cabinet de Vienne l'a donc accueillie avec sympathie. Une solution pacifique du conflit italo-turc ne saurait être obtenue par une intervention étrangère qu'à condition que l'action bienveillante des Puissances soit inspirée et réglée entre elles par un accord complet [2].

Giers.

Перевод.

В ответ на мое выступление от [27]14 января по поводу примиряющего действия держав барон Мюллер мне ответил, что имеющиеся в его распоряжении сведения недостаточны для того, чтобы по ним можно было составить себе точное представление об окончательной позиции, которую займут державы относительно последнего предложения вашего превосходительства. Однако уже в настоящее время он, не колеблясь, может заверить меня, что в принципе венский кабинет согласен признать полезность, в надлежащий момент, примирительных действий, относительно характера и формы которых державы должны будут сговориться. Такие действия могли бы стать необходимыми, особенно в том случае, если бы ход событий создал для европейского мира то серьезное и угрожающее положение, которое предусматривается вашим превосходительством. Даже если настоящий момент и не будет единодушно признан державами подходящим для вмешательства, тем не менее за выступлением петербургского кабинета нельзя отрицать ту заслугу, что оно поддерживает между державами контакт, который требуется настоящим положением. Венский кабинет таким образом принял его сочувственно. Мирное разрешение итало-турецкого конфликта может быть достигнуто иностранным вмешательством лишь при условии, что благожелательные действия держав будут вдохновляться и регулироваться с их общего и полного согласия.

Гирс.

№ 447. Поверенный в делах в Аддис-Абебе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 2. 11 февраля/29 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Если, с одной стороны, путем долгих усилий и денежных жертв Франции удалось занять исключительное положение в вопросе о соединении центра Абиссинии с портом Джибути железной дорогой и таким образом мирно отвоевать себе сферу влияния на востоке Эфиопии; если, с другой стороны, Италии удалось за последние годы заполнить север Абиссинии своими товарами, наводнить Годжам, Гондар и Тигре своими «коммерческими» агентами и захватить в свои руки всю телеграфную и телефонную сеть, соединяющую эти провинции с Аддис-Абебой, и тем достичь преобладания в этой части страны,— то и третий участник пресловутого соглашения 13 декабря 1906 года [3] о поддержании территориальной и политической целости Абиссинии и о негласной опеке над ней — Англия не осталась

[1] См. № 411.

[2] В письме от 14/1 февр. Н. Гирс сообщил, что ввиду того, что Мюллер только временно замещает м-ра ин. дел, он просил Мюллера в письменной форме изложить точку зрения австро-венг. прав-ва. Переданная Мюллером нота от 10 февр./28 янв. полностью совпадает с его заявлением, изложенным в публикуемом документе.

[3] Имеется в виду англо-франко-итал. соглашение.

в накладе и озаботилась захватить в свои руки весьма важный фактор — деньги, что и дает ей ныне такое преимущество над всеми частями Эфиопии, каковое иным путем ей едва ли бы удалось достигнуть ввиду неприязни, проявляемой абиссинцами к англичанам.

Денежная монополия попала в руки англичан следующим образом.

Согласно договору от 10 марта 1905 года, в переводе у сего прилагаемому [1], император Менелик II дал Национальному Египетскому банку концессию на 50 лет на учреждение в Аддис-Абебе Абиссинского банка (Bank of Abyssinia) с основным капиталом в 5 000 000 рублей.

Новый банк учреждался на акционерных началах, причем подписка на акции была произведена в Аддис-Абебе (среди туземцев), в Каире, Александрии, Лондоне, Париже, Риме, Берлине, Вене и Нью-Йорке.

После распределения всех 100 000 акций, стоимостью в 5 ф. ст. каждая, между пайщиками,— в наиболее благоприятном положении (по численности) оказалась англо-египетская группа акционеров (39 000 акций), затем французские и итальянские пайщики (по 19 500 акций) и абиссинцы-акционеры (6 180 акций); наконец, немецким, австрийским и американским акционерам достались 10 820 акций.

К 1 июля 1906 года банк должен был уже начать свою деятельность, при чем ему присваивались следующие преимущества: 1) император обязался не выдавать разрешения на открытие иного банка в своем государстве; 2) абиссинское правительство уступило банку право чеканки и приобретения в Европе денежных знаков.

Хотя, согласно первоначальному плану, упомянутому кредитному учреждению предполагалось придать международный характер, но вскоре в силу связи его с Египетским банком, зависимости от последнего и принадлежности директоров к английской национальности он принял чисто английскую окраску.

Первоначально деятельность банка ограничивалась спекуляциями на курсе серебра, который здесь весьма непостоянен, ибо находится в зависимости не столько от условий европейских денежных рынков, сколько от цен на серебро в Адене, где сосредоточена торговля сырыми кожами всей Абиссинии, составляющими главный продукт ее вывоза. Неудачный выбор первых двух управляющих банком, несогласия между ними и великобританскими представителями в Аддис-Абебе и отчасти конкуренция со стороны абиссинского земледельческого и торгового банка (Société générale Ethiopienne de Crédit pour le développement du commerce et de l'agriculture), созданного исключительно на абиссинские деньги еще в 1901 году с капиталом в 3 000 000 рублей, вскоре, впрочем, сведенная к нулю из-за недостатка у последнего денежных средств, сделали то, что предприятие вначале пошло весьма неудовлетворительно, и к 1 января 1908 года свело баланс с дефицитом в 55 000 рублей (5 560 ф. ст.), каковой к началу 1909 года возрос до 80 000 рублей (8 425 ф. ст.).

Однако неудачное начало не обескуражило правление банка, каковое приняло энергичные меры, направленные преимущественно на сокращение непроизводительных расходов по представительству, результатом чего явилась уже возможность получить к 1 января 1912 года остаток в 1 400 рублей.

В настоящее время банк производит следующие операции: 1) приобретение серебряной полноценной монеты (талеров Марии-Терезии) на европейских рынках (преимущественно в Триесте) в количестве, потребном для внутреннего обращения; 2) чеканка в Париже мелкой разменной серебряной монеты (тамунов, стоимость коих около 6 копеек), доставка ее в Аддис-Абебу и выпуск ее на местный рынок в количестве, потребном для регулирования курса талера; 3) ссуды под залог недвижимостей и под другие обеспечения и 4) открытие кредита торговцам под залог товаров на особенно льготных условиях.

Из всех указанных операций наилучшие результаты и наименьшие потери дал торговый кредит, что и побудило банк, насколько возможно, озаботиться его развитием.

---

[1] Приложение не воспроизводится.

Не довольствуясь наличностью успешно работающих отделений в Дире-Дауа и Хараре, заправилы банка решили открыть отделение его также в столице провинции Уолло — Дэсие, коей правит рас Микаэль, и в Го́ре — главном торговом центре провинции Уоллага, недавно перешедшей во владение министра иностранных дел и торговли Нагад раса Хайле Георгиса, каковой пользуется ныне особою благосклонностью Лиджа Ясу.

Позволительно сомневаться в успехе учреждения отделения в Дэсие, ввиду того, что край небогат и торговля ничтожна, но объяснением этому намерению может служить желание банка оказать одолжение одним из своих главных пайщиков, итальянцам, весьма заинтересованным в развитии торговых предприятий в Уолло, которым отделение банка может оказать существенную поддержку.

Совершенно иные побуждения заставляют банк обосноваться в Го́ре, и мне кажется, что в этом факте политические соображения играют едва ли не бо́льшую роль, нежели экономические.

Не отрицая выгод, которые может принести банку его отделение в одной из самых богатых провинций, которая не только сама производит почти все продукты, коими торгует Абиссиния (каучук, воск, хлопок, кофе, кожи, циветту и в значительном количестве золото и железо), но кроме того служит местом, где сосредоточиваются все товары, идущие в Судан из богатейших провинций Эфиопии — Джиммы, Гумы, Гофы и Кафы. Последнее обстоятельство давно привлекло внимание великобританского правительства, которое, владея Суданом, не могло, разумеется, равнодушно относиться к тому, что такое выгодное положение Уоллаги до сих пор никем, а тем более им самим, не было в достаточной мере использовано.

Зная хорошо, что всякая попытка завладеть упомянутой провинцией, граничащей с Суданом, открытой силой может вызвать взрыв народного негодования в Эфиопии и повести к столкновению, исход коего может оказаться неудачным для суданских войск, англичане решили применить иной способ, заключающийся в том, чтобы основаться прочно в названной стране, в непосредственном соседстве с Гамбелла (речным портом на реке Баро, полученным несколько лет назад на арендных началах от Абиссинии), и, владея путями подвоза товаров из внутренних частей западных провинций Абиссинии, захватить туземную торговлю в свои руки, постараться стать необходимыми как местным купцам, так и аддис-абебским властям путем воздействия через свой главный отдел, а затем воспользоваться первым же денежным затруднением Абиссинии, чтобы привести в исполнение то, на что намекал английский поверенный в делах в разговоре, о коем я имел честь доносить в донесении № 1[1], и предложить правительству заем под обеспечение доходов с провинции Уоллага, после чего до формального захвата этой провинции в цепкие руки бриттов и до мирного присоединения ее к Судану останется всего один шаг.

Трудно предугадать срок, в который закончится эта операция над государственным организмом Эфиопии, но что к ней ведет Англия с большой последовательностью, на это указывают многие факты.

Так, недаром же и не бесцельно осчастливливали в минувшем году Аддис-Абебу своими частыми посещениями британские офицеры специальных родов оружия из суданских гарнизонов, старательно знакомясь с особенностями западных провинций Абиссинии, через которые они следовали, и не бесплодной была, вероятно, состоявшаяся также в 1911 году поездка в Го́ре и Гамбелла здешнего великобританского консула майора Даути Вайли, бывшего офицера суданских войск, коему было поручено по возможности ускорить сооружение трех мостов

[1] В донесении от 2 февр./20 янв. за № 1 Чемерзин, указывая на неисправное поступление центральному прав-ву причитающейся ему от вассальных владетелей дани, приходил к выводу, что после истощения неприкосновенных запасов серебра, оставленных Менеликом, Абиссинии придется обратиться к внешнему займу, что явится началом ее вакабаления той страной, у которой она получит заем. Как сообщал далее Чемерзин, англ. представитель предложил абиссинскому прав-ву «устроить в Англии ссуду Эфиопии для развития промышленных предприятий под обеспечение таможенных поступлений».

на реке Баро, кои возводятся английскими офицерами с согласия абиссинского правительства между Гамбелла и Го́ре.

Не лишен также интереса тот факт, что с тех пор, как англичане избрали объектом своих вожделений страну Уоллага, произошел ряд административных перемен в этой области, каковые нельзя не объяснить влиянием английских советов в Аддис-Абебе, направленных на устранение нежелательных свидетелей из Уоллага. Так, область была по смерти раса Тесаммы передана весьма корыстолюбивому Хайле Георгису, а управление страной между северным берегом реки Баро и страной Бени-Шонгул, бывшей в руках нашего соотечественника Бабичева (имеющего чин фитаурари), было у него отнято, дабы избавиться от европейца, неудобного для англичан.

Ныне разыгрывается последний акт пролога: отправлен в Го́ре помощник директора Абиссинского банка г. Броди, поездка коего должна определить условия, на коих должно быть учреждено отделение Абиссинского банка, долженствующее служить базой экономического захвата упомянутой богатой страны.

Таким образом все три державы, опекающие ныне Абиссинию, заранее распределили между собою сферы экономического влияния и выработали план действий. Остаются пока в забвении пограничные с Угандой местности, но о них Англия пока не заботится, ибо присутствие мухи цеце и наличность лихорадок делают эти части Эфиопии малопривлекательными.

Примите и пр.

Б. Чемерзин.

№ 448. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

№ Депеша № 7. 11 февраля/29 января 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сербо-болгарские переговоры о соглашении на время приостановлены были, с одной стороны, вследствие софийских торжеств по случаю совершеннолетия королевича Бориса[1], с другой,— ввиду разыгравшегося здесь министерского кризиса[2].

В секретной телеграмме моей от вчерашнего числа[3], служащей дополнением и обширным пояснением двух предыдущих ([18] 5 [4] и [20] 7 января [5]), я имел честь всесторонне осветить источник и характер недоразумений, возникших между сербами и болгарами из-за разграничения сфер у Охридского озера.

Последняя примиряющая спор формула, предложенная сербским правительством, не встретила, как донес Спалайкович, сочувствия в Софии главным образом потому, что в ней упоминалось об «арбитраже России». Приезжавший сюда полковник Романовский, в свою очередь, поведал мне, что, по его наблюдениям, болгары с самого возникновения переговоров видимо противились передаче подобного рода вопросов на русский третейский суд.

Чем объяснить это на первый взгляд загадочное явление? Нет сомнения, существующей у болгар уверенностью в том, что третейское разбирательство России должно было бы неминуемо сказаться в пользу Сербии, притязания которой более правые, крайне умеренные и отвечающие не только ее жизненным интересам, но и общим политическим видам самой России.

В самом деле, Болгария — по своему *географическому положению*, уже достаточно сильная балканская держава — готовится в ближайшем будущем свести счеты с разваливающейся Турцией исключительно ради территориальных завоеваний. Тогда как Сербия, с *уязвимой отовсюду границей*, принуждена еще *бороться за свое существование*, которому непрестанно угрожает могущественная соседняя монархия. В соглашении с Болгарией Сербия ищет не только средств

---

[1] См. стр. 83, прим. 3.
[2] См. №№ 439 и 443.
[3] Соответствующая тел. Гартвига в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.
[4] См. № 370.
[5] См. № 374.

к осуществлению своих заветных идеалов на Коссовом поле, но также и незыблемых опор для ограждения своей *независимости*, которую Россия ни при каких политических комбинациях не может поставить на карту, в силу принятой на себя великой исторической миссии на Ближнем Востоке.

При всем том, как я уже имел честь телеграфировать, сербское правительство, возлагая все упования на помощь и защиту России *в будущем*, готово ныне поступиться и государственными, и стратегическими, и экономическими выгодами в целях скорейшего подписания соглашения с Болгарией, которому она не может не придавать громадного политического значения.

Отъезжающему сегодня вечером в Софию Спалайковичу даны самые широкие полномочия — обсудить совместно с Гешовым вопрос об Охридской границе и изыскать формулу, которая признавалась бы болгарами приемлемой.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 449. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 8. 11 февраля/29 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

История только-что завершившегося министерского кризиса, о котором мной подробно сообщалось по телеграфу,[1] представляется весьма характерной с точки зрения внутреннего положения Сербии. За это время, во всяком случае, ясно обнаружилось, что в среде различных фракций, составлявших оппозицию нынешнему старорадикальному правительству, нет налицо достаточно прозорливых и энергичных деятелей, которые готовы были бы отрешиться от мелких партийных счетов и выступить пред народными представителями с определенной государственной программой. Как только освободилось место у кормила правления,— в лагере либералов, самостальцев и напредняков, столь чуждых друг другу, наступил целый переполох, в котором, конечно, никто не мог во-время разобраться, психологическая минута была упущена — и всем помянутым группам оставалось только признаться в своей политической несостоятельности.

Между тем редко обстоятельства складывались более благоприятно для совершенно спокойного перехода в руки оппозиции правительственной власти, которой она с такой настойчивостью добивалась в течение многих лет.

В самом деле, после отклонения ходатайства старорадикалов о роспуске скупщины и принятия отставки кабинета Миловановича, король, в полном согласии с постановлениями устава, пригласил для образования нового министерства лидера самой значительной оппозиционной группы — младорадикальной, предоставив ему на этот счет самые широкие полномочия. А именно: Любомиру Стояновичу поручалось последовательно создать коалицию: сначала из всех четырех политических партий, затем из трех оппозиционных и, наконец, союз из младорадикалов с либералами, либо с напредняками.

Когда все эти попытки не увенчались успехом, Люба Стоянович, толкуя полученные им полномочия распространительно, сам стал ходатайствовать пред королем о разрешении ему составить однородный младорадикальный кабинет. Его величество, после некоторых колебаний, согласился и на это предложение, обставив, однако, согласие свое тремя условиями: 1) чтобы новый кабинет не требовал роспуска скупщины до апреля месяца; 2) чтобы в нынешнем составе администрации не было произведено перемен и 3) чтобы портфель военного министра сохранен был за генералом Степановичем. Так как младорадикальный клуб признал эти условия неприемлемыми, то Люба Стоянович вынужден был сложить с себя данные ему полномочия.

Этим и закончилась эпопея беспомощных выступлений оппозиции в целях создать новое правительство и устранить «навсегда» с политической арены старо-

[1] См. №№ 439 и 443.

радикальную партию, которая, по ее мнению, была уже не в силах «справляться с государственной машиной».

Наконец, после неудачной и, надо признать, совершенно противной духу устава попытки престарелого генерала Саввы Груича образовать «нейтральный» кабинет из деятелей, стоящих вне парламентских организаций, король, силой вещей, поставлен был в необходимость вновь вверить государственное управление старорадикальной партии, несомненно имеющей самые глубокие корни в народе, идеалы и заветы коего она запечатлела на своем политическом знамени.

Результатом призыва партии Пашича, который за все время кризиса сохранял самоуверенное спокойствие, и явилось возвращение к власти кабинета Миловановича, в личном составе коего, ввиду наступления переходной эпохи, не произошло никаких изменений.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 450. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 119. 12 февраля/30 января 1912 г.
Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [6 февраля] 24 сего января за № 78 [1], относительно выдачи аванса в 100 000 ф. ст. персидскому правительству, я не замедлил запросить посланника в Тегеране о его заключении.

Из полученной сего числа секретной телеграммы действительного статского советника Поклевского-Козелл от [11 февраля] 29 сего января за № 85, в копии при сем прилагаемой [2], усматривается, что первое из поставленных вами условий, касающееся постепенной выдачи аванса, вполне осуществимо указанным посланником способом. Второе условие,— чтобы наши выдачи не предшествовали английским,— фактически уже осуществилось, так как, согласно сообщению, сделанному мне великобританским послом, англичане уже открыли персидскому правительству кредит в размере своей доли аванса, которая и будет, таким образом, расходоваться раньше нашей.

Третье условие, касающееся контроля над расходованием аванса, посланник предполагает осуществить при посредстве русской и английской миссий и исправляющего обязанности главного казначея бельгийца Морнара. Со своей стороны, я считаю, что этот способ контроля представляется достаточно надежным.

Что касается размера процентов и гарантий, которые надлежало бы потребовать по означенному авансу, то мной на основании секретного письма вашего от [1 февраля] 19 сего января, № 53 [3], было указано посланнику на желательность выставить те же условия, которые были приняты нами в отношении кредита на расчеты с американцами, приглашенными Шустером на персидскую службу [4]. Еще до получения ответа г. Поклевского-Козелл я осведомился из памятной записки здешнего великобританского посольства от [10 февраля] 28 января, в копии при сем прилагаемой [5], что лондонский кабинет решил предоставить персам свою долю аванса из 5% годовых. Я поспешил тогда же уведомить сэра Дж. Бьюкенена, что мы имели в виду более высокую цифру процентов, точный размер которой я обещал сообщить ему дополнительно [6]. Как вы изволите усмотреть

[1] См. стр. 84, прим. 3.

[2] В упомянутой тел. Поклевский предлагал открыть перс. прав-ву кредит, «который расходовался бы по мере действительной надобности; его хватит, по всей вероятности, на два месяца».

[3] Письмо Коковцова от 1 февр./19 янв. за № 53 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] См. № 428. Тел. от 15/2 янв. за № 10 Сазонов сообщал Поклевскому о согласии Коковцова на выдачу Учетно-ссудным банком перс. прав-ву ссуды в 125 тысяч томанов для расчетов с 14 американцами. «Ссуда, — добавлял он, — должна быть обеспечена таможенными доходами и на непогашенную часть ей должны начисляться проценты, размером выше, чем по конвертированному долгу, а именно 8% годовых».

[5] Пам. записка англ. пос-ва от 10 февр./28 янв. в основном изложена в публ. документе.

[6] Письмом от 10 февр./28 янв. за № 116 Сазонов сообщил Бьюкенену, что Коковцов намерен установить для русской доли аванса размер процента от $7^1/_2$ до 8. См. № 470.

из телеграммы нашего посланника, он определенно на этот счет не высказывается, а лишь указывает на то, что два года тому назад мы были готовы выдать персам аванс из 7% годовых. Цифра эта была действительно установлена нами и сообщена англичанам вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [15] 2 июля 1910 года, за № 524 [1]. Однако у нас в архиве не имеется указаний на то, чтобы лондонский кабинет изъявил на этот размер процентов свое согласие. Вопрос этот, повидимому, затих в то время, вследствие того, что с предложением о выдаче аванса на более льготных для персов условиях (из 5—6%) выступила частная английская компания «Persian Oil C⁰».

Как бы то ни было, считаю долгом покорнейше просить вас сообщить мне, по возможности срочно, какой минимальный размер процентов по сказанному авансу вы признали бы возможным установить и как вы полагали бы обставить дело, если бы англичане уже довели до сведения тегеранского кабинета, что они готовы удовольствоваться пятью процентами. Со своей стороны не могу не высказать, что назначение нами другого размера процентов, конечно, произвело бы невыгодное для нас впечатление в Персии.

Что касается вопроса о крупном займе, то мной в настоящее время наводятся, через посла нашего в Париже, дополнительные справки [2], по получении коих я не премину сообщить вам подробно свои соображения по сему предмету. Считаю лишь нужным тут же отметить, что интересы фирмы «Бр. Зелигман» будут нами в пределах возможного ограждены.

Передавая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство благоволить уведомить меня, не признаете ли вы возможным ныне же сделать распоряжение об открытии персидскому правительству кредита в размере нашей доли упомянутого аванса [3].

Примите и пр. [С а з о н о в.]

№ 451. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 32. 12 февраля/30 января 1912 г.

Avant l'arrivée du courrier et la réception de la lettre № 102 [4], j'ai reçu la visite de Revelstoke. Il m'a montré une lettre de Reveliotti proposant l'affaire de l'emprunt persan au nom Paris Bas [5]. Sur base de cette lettre sans s'engager et comme première impression Revelstoke m'a dit qu'il croyait que plan pourrait être que contrôle soit passé entre le gouvernement persan, la Banque d'Escompte et la Banque Impériale et que ces deux banques s'adressent pour la réalisation au Comité d'études, lequel agirait au moyen de Paris Bas à Paris et Baring frères à Londres. Revelstoke m'a dit qu'avant toute réponse effective il devait connaître le projet de contrôle Seligman et Banque d'Escompte de Téhéran au point de vue des conditions et des garanties, aussi qu'il devait s'aboucher avec le Foreign Office. Pourtant, Revelstoke

[1] В письме от 15/2 июля 1910 г. за № 524 Коковцов писал по поводу предполагавшейся тогда выдачи Персии Россией и Англией аванса в 400 000 ф. ст., что «установление размера процентов по авансу в 7% есть крайняя уступка», которую прав-во могло бы сделать в этом вопросе, и что он считает безусловно невозможным согласиться на дальнейшее понижение размера процентов.

[2] См. № 433.

[3] В ответном письме от 15/2 февр. за № 115 Коковцов вторично настаивал на невозможности «итти на большее понижение», чем 7%. Относительно того, что англичане могли уже сообщить перс. прав-ву о своем согласии на установление размера роста в 5%, Коковцов писал, что размер 5% был указан в инструкции англ. посланнику в Тегеране «лишь при условии согласия русского правительства, и потому едва ли можно допустить, чтобы Барклай столь неосторожно поделился с персидским правительством полученными им указаниями». В заключение Коковцов сообщал Сазонову: «Мною одновременно с сим делается распоряжение о том, чтобы, как только в Тегеране будет окончательно достигнуто соглашение с персидским правительством об условиях выдачи аванса, названному правительству был открыт соответствующий кредит».

[4] См. стр. 89, прим. 2.

[5] Имеется в виду «Banque de Paris et des Pays Bas» (Парижский и Нидерландский банк).

m'a dit que, s'il existait déjà projet d'accord élaboré par la Banque d'Escompte et Seligman, les usages de la cité lui rendraient difficile de se substituer à Seligman à Londres. Il m'a dit qu'il connaissait trop peu ce côté de la question pour se prononcer, qu'il continuerait la correspondance avec Bénac et éventuellement avec Seligman. Revelstoke m'a prié de considérer ceci comme sa première impression qu'il me communiquait à titre personnel. Vous voudrez bien remarquer qu'il croit possible l'intermédiaire du Comité d'études lui même pour faciliter les difficultés à Seligman.

Benckendorff.

Перевод.

До прибытия курьера и получения письма № 102 меня посетил Ревельсток. Он показал мне письмо Ревелиотти с предложением займа для Персии от имени Paris Bas. На основании этого письма Ревельсток, не давая определенных обещаний, высказал сложившееся у него под первым впечатлением мнение о возможности следующего плана: контроль осуществляется персидским правительством, Учетно-ссудным банком и Имперским банком, и эти два банка в целях реализации обращаются к Comité d'études, которое будет действовать через Paris Bas в Париже и Бр. Беринг в Лондоне. Ревельсток мне сказал, что раньше чем дать окончательный ответ он должен ознакомиться с проектом контроля Зелигмана и Учетно-ссудного банка в Тегеране с точки зрения условий и гарантий, а также он должен договориться с Foreign Office. Однако Ревельсток мне сказал, что если между Учетно-ссудным банком и Зелигманом уже был выработан проект соглашения, ему было бы трудно, ввиду установившихся в Сити традиций, занять в Лондоне место Зелигмана. Он мне сказал, что он слишком мало знает эту сторону вопроса, чтобы высказаться по нему, что он будет продолжать переписку с Бенаком и, возможно, с Зелигманом. Ревельсток просил меня отнестись к сказанному им как к сообщению, сделанному от него лично и под первым впечатлением. Как вы заметите, он считает возможным посредничество самого Comité d'études, дабы облегчить затруднения Зелигману.

Бенкендорф.

№ 452. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 17 [1]. 12 февраля/30 января 1912 г.

Ввиду окончания министерского кризиса [2], сербское правительство ныне возобновит переговоры о соглашении с Болгарией, и, поскольку дело это зависит от образа действий Сербии, я не теряю уверенности в благополучном его исходе. Ибо в Белграде соглашение оценивается именно как акт большой политической важности для будущей судьбы балканских государств. На-днях я имел беседу с приезжавшим сюда в свите великого князя Андрея Владимировича [3] нашим военным агентом в Софии, который, ознакомившись с недавними сербо-болгарскими препирательствами при ином освещении, не мог не признать за сербской точкой зрения большей согласованности с общеславянскими, а стало быть, и русскими интересами. Потому-то именно сербы, как я доносил неоднократно, готовы всецело предоставить императорскому правительству окончательное определение границ сфер влияния, тогда как болгары, что подметил полковник Романовский, всячески стараются уклониться от арбитража России [4]. Это мне кажется симптомом важного значения. К сему же почитаю нужным пояснить, что между Миловановичем и Пашичем нет разногласия по существу вопроса о соглашении. Налицо имеется лишь несоизмеримость ответственности. За всякий слишком смелый шаг министра иностранных дел ответствует только лидер старорадикалов, а Пашич естественно не желает давать оппозиционным группам и прочим нашим недоброжелателям оружие в руки против руссофильской партии, опирающейся на Россию и следующей ее указаниям в делах внешней политики. Но как бы то ни было, сербы собираются явить новое доказательство своей сговорчивости и желания

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 21. Публикуемая тел., повидимому, не была сразу расшифрована в м-ве ин. дел и вследствие запроса м-ва Гартвиг прислал повторение 13 февр./31 янв.
[2] См. № 449.
[3] См. стр. 83, прим. 3.
[4] См. № 448.

сообразоваться с нашими советами. В выработанных ныне инструкциях Спалайковичу, отъезжающему завтра в Софию, предлагается несколько примирительных формул относительно спорной Охридской границы. В случае дальнейшего упорства Болгарии, сербское правительство пойдет даже на риск принятия варианта Романовского [1], лишь бы покончить с делом соглашения.

Гартвиг.

№ 453. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 139. 12 февраля/30 января 1912 г.

Получил № 174 [2].

В частных беседах американский посланник намекал некоторым из моих сотоварищей, что нота Нокса, истолкованная как выступление, направленное главным образом против Японии, имеет целью подготовить и вызвать в нужную минуту обмен мнений между державами по китайскому кризису. Привлекает внимание двусмысленная редакция той части ноты, которая касается вмешательства. Это обстоятельство особенно заметно, если сравнить американское заявление с общими указаниями, полученными недавно французским посланником от своего правительства. Последнее считает: нейтралитет обязательным, пока соглашение между империалистами [3] и республиканцами не приведет к образованию правительства, признаваемого обеими сторонами; вмешательство — допустимым, когда опасность угрожает жизни и имуществу иностранцев, и, наконец, коллективное вмешательство по соглашению держав — желательным, если события примут оборот, исключающий всякую надежду на примирение между сторонами, оспаривающими друг у друга власть в Китае.

Щекин.

№ 454. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 143 [4]. 12 февраля/30 января 1912 г.

№ 1.

Сегодня вечером мною получены: сообщение вай-ву-бу с приложением текста указа об отказе императора от престола и согласии на введение республиканского строя, с просьбой довести о нем до сведения императорского правительства; сообщение Ху Вей-дэ, извещающего, что он, как глава вай-ву-бу, по распоряжению Юань Ши-кая, впредь до образования временного правительства, попрежнему будет вести сношения с иностранными представителями и просит довести об этом до сведения императорского правительства; сообщение Юань Ши-кая, как уполномоченного по образованию китайского республиканского временного правительства, с приложением копии указа об отказе от престола и об условиях этого отказа, с просьбой довести о них до сведения императорского правительства.

Щекин.

№ 455. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 143 [5]. 12 февраля/30 января 1912 г.

№ 2.

Первым указом [12 февраля] 30 января вдовствующая императрица, вместе с императором, соглашается на введение республиканского строя, поручает

---

[1] См. № 338.

[2] Тел. от 9 февр/27 янв. за № 174 Сазонов сообщал в Пекин и Токио текст тел. Бахметева от 7 февр./25 янв. за № 8, в которой передавалось содержание ноты Нокса (см. № 456 и приложение к нему).

[3] Так в оригинале.

[4] Царск. экз.

[5] Царск. экз.

Юань Ши-каю, в качестве уполномоченного, образовать временное республиканское правительство и притти к соглашению с республиканцами относительно совместного образа действий. Отныне все пять народностей: китайцы, манчжуры, мусульмане, монголы и тибетцы, имеют составить одно государство под названием: «Великая китайская республика». Во втором указе приводятся условия отказа императора от престола. Третьим указом министерству внутренних дел, генералам Цзян Гуй-ци, Чэн Гуй-чан и другим поручено принять меры к предупреждению волнений и разъяснению населению, что, отказываясь от престола, император идет навстречу желаниям большинства населения; высказывается надежда, что власти останутся на местах исполнять лежащий на них долг.

Подробности высылаются завтра телеграммой через Харбин [1].

Щекин.

№ 456. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

-/. Депеша № 5. 12 февраля/30 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к моим последним телеграммам [2] считаю долгом доставить при сем копию с ноты государственного секретаря германскому послу и его препроводительную записку мне [3].

В разговоре со мной г. Нокс весьма убедительно старался выяснить, что он не инициатор этого предложения, а только отвечал на письменный запрос, сделанный графом Бернсторфом, в уверенности, что он не расходится со взглядами держав вообще, и России в частности, будучи заранее осведомлен в утвердительном смысле американским послом в Берлине.

Первая часть ноты, в которой высказывается только желательность сохранения общего образа действий по отношению к Китаю, не представляет ничего нового и определенного; но заявление, что правительство Соединенных Штатов будет с неодобрением взирать на попытки частных лиц в Америке ссужать суммы враждующим сторонам, вполне, мне кажется, согласуется и с желаниями императорского министерства, выраженными в полученных мною телеграммах [4].

Г. Нокс по этому случаю рассказал мне, что его осаждали требованиями дать разрешения, другими словами, гарантии на выдачи заимообразно значительных сумм китайцам; между прочим до 20 млн. долларов революционерам, а с другой стороны и империалистам, под видом покупки драгоценностей из дворца; все эти «компании» состоят из проходимцев, рассчитывающих заработать ростовщические проценты, но не рискующих итти на свой страх без уверенности, что в случае неуплаты или краха, правительство поддержит их иск; теперь этим происком здесь положен конец.

Вся печать гордится «первенствующей» ролью, сыгранной Соединенными Штатами, радуясь, что принцип открытых дверей вновь получил применение «на практике» — под лозунгом «руки долой» и под покровительством двух держав, твердо идущих заодно в дальневосточных делах.

---

[1] В тел. от 12 февр./30 янв. за № 146 Щекин передал сообщение Ху Вэй-дэ, в котором последний извещал его, что «от Юань Ши-кая последовало распоряжение о временном оставлении министров при исполнении обязанностей с переименованием их в главы министерств» и что Ху Вэй-дэ остается во главе м-ва ин. дел.

[2] Имеются в виду тел. Бахметева Сазонову от 7 февр./25 янв. за № 8 (см. стр. 111, прим. 2) и тел. от 9 февр./27 янв. за № 9, в которой Бахметев сообщил Сазонову о появлении в амер. газетах текста ноты Нокса. В разговоре с Бахметевым Нокс сказал, «что он нашел полезным этим обнародованием положить конец разным толкам о разделе Китая, а также покончить с происками спекуляторов, просящих поддержки правительства для выдачи займов той или другой враждебной стороне». Затем Нокс прочел Бахметеву тел. посла США в Берлине, в которой последний сообщал об обсуждении Кидерленом с росс. и англ. послами положения в Китае; Кидерлен, по словам посла США, «получил уверенность», что прав-ва России и Англии «соглашаются с принципами, изложенными в американской ноте».

[3] См. приложение к публикуемому документу и стр. 113, прим. 1.

[4] Ср. № 201.

Во всяком случае этим выступлением, в момент, когда всякий шаг и всякое слово привлекают напряженное внимание будущих избирателей, г. Тафт, пожалуй, прибавил некоторую толику к своему кредиту в расчетной книжке общественного мнения.

Примите и пр. Ю. Бахметев.

Приложение.

Нота государственного секретаря Соединенных Штатов Америки германскому послу в Вашингтоне Бернсторфу [1].

3 февраля/21 января 1912 г.

In reply to your note of the 31st ultimo requesting information as to the attitude of the Government of the United States with regard to conditions in China I have the honor to state that since the beginning of the present disturbances this Government has from time to time as occasion arose exchanged views with the other interested Powers,— particularly France, Great Britain, Italy, Japan and Russia as well as the Imperial German Government — as to what course was expedient for the protection of the common interests. From these exchanges it has been quite clear that all the Powers concerned were at one as to the wisdom of maintaining the policy of concerted action in the circumstances.

This unanimity of view found concrete expression in the identic note presented by the representatives of France, Great Britain, Germany, Japan, Russia and the United States simultaneously to the peace commissioners at Shanghai on December 20th, as well as in the cooperative measures taken for the protection of their common interests [2].

The advices received by this Government moreover show that the other governments concerned have likewise had similar exchanges in view and that official statements of policy to the same effect have appeared in the public press of various countries.

It is, therefore evident to this Government that all the Powers have up to the present by common consent not only refrained from independent action and from intervening in China's internal affairs, but have acted in full accord with their mutual assurances that they would respect its integrity and sovereignty. There happily has thus far been no reason for interference on the part of the foreign powers inasmuch as both Imperialists and Republicans have guaranteed the life and property of the foreign population and the latest reports tend to strengthen the belief that it is improbable that future developments will necessitate such interference. If, however, contrary to all expectations, any further steps should prove necessary, this Government is firm in the conviction that the policy of concerted action after full consultation by the Powers should and would be maintained in order to exclude from the beginning all possible misunderstandings.

Moreover this Government has felt it to be a corollary of the policy of strict neutrality hitherto pursued by common accord with respect to loans to China to look with disfavour upon loans by its nationals unless assured that such loans would be of neutral effect as between the contending factions, as it has also felt that the present was an occasion where there might be invoked with peculiar appropriateness the principle of the lending Governments, deterring their nationals from making loans not approved as to their broad policy by their own Governments in consultation with the other interested Powers.

Accept etc.

[1] Маш. копия. Опубл. Gr. Pol., Bd. XXXII, S. 256, № 11824. Текст этой ноты был препровожден Бахметеву Ноксом при письме от 6 февр./24 янв.

[2] См. ч. 1, стр. 209, прим. 4.

Перевод.

В ответ на вашу ноту от 31 прошлого месяца, в которой запрашиваются сведения о позиции правительства Соединенных Штатов по отношению к событиям в Китае, имею честь заявить, что с самого начала нынешних беспорядков правительство США время от времени, когда для этого представлялся случай, обменивалось мнениями с другими заинтересованными державами, в особенности с Францией, Великобританией, Италией, Японией и Россией, равно как и с императорским германским правительством относительно образа действий, который представляется наиболее целесообразным для защиты общих интересов. Из этого обмена мнений вполне выяснилось, что все заинтересованные державы единодушно признавали разумность сохранения, при данных обстоятельствах, политики согласованных действий.

Этот единодушный взгляд нашел себе конкретное выражение в тождественной ноте, врученной одновременно представителями Франции, Великобритании, Германии, Японии, России и Соединенных Штатов уполномоченным по ведению мирных переговоров в Шанхае 20 декабря, а равно и в совместных мерах, принятых для защиты их общих интересов.

Сведения, полученные нашим правительством, показывают кроме того, что другие заинтересованные правительства также имели в виду подобный обмен мнений, и что официальные заявления о политике в этом направлении появились в прессе различных стран.

Для нашего правительства поэтому очевидно, что до сих пор все державы не только воздерживались по общему соглашению от сепаратных действий и от вмешательства во внутренние дела Китая, но действовали в полном согласии со своими взаимными уверениями в том, что они будут уважать его целостность и суверенитет. К счастью до сих пор не было оснований для вмешательства иностранных держав, поскольку и сторонники империи и республиканцы гарантировали жизнь и имущество иностранного населения, и последние донесения могут только укрепить мнение об отсутствии вероятности, что дальнейшее развитие событий потребует такого вмешательства. Если, однако, вопреки всем ожиданиям, окажутся необходимыми какие-либо дальнейшие шаги, то наше правительство твердо убеждено, что политика согласованных действий после исчерпывающего обсуждения между державами должна быть и будет сохранена для того, чтобы с самого же начала исключить всякую возможность недоразумений.

Наше правительство считает, кроме того, что из проводившейся до сих пор с общего согласия политики строгого нейтралитета по вопросу о займах Китаю вытекает отрицательное отношение к займам, выдаваемым его гражданами, если нет уверенности, что эти займы не являются нарушением нейтралитета в отношении борющихся групп в Китае. Мы также думаем, что настоящий момент является особенно подходящим для проведения в жизнь правительствами, предоставляющими займы, принципа о предотвращении выдачи их гражданами займов, не одобренных в силу общей политики их же собственными правительствами, по согласованию с другими заинтересованными державами.

Примите и пр.

№ 457. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 34. 13 февраля/31 января 1912 г.

Reçu № 187 [1].

En parlerai à Grey demain. Mais il y a une nuance entre sa pensée telle que je l'ai comprise et ce que vous en dites. Dans l'idée de Grey la Porte devrait commencer par développer son point de vue quel qu'il soit sur les conditions de paix. Après en avoir pris connaissance, mais sans y souscrire, sans même en discuter les termes, la Porte serait invitée à remettre affaire des conditions de paix aux mains des Puissances, qui, après s'être concertées et avoir confidentiellement consulté l'Italie, formuleraient des conditions élaborées par elles mêmes et en conseilleraient l'acceptation à la Porte: tout comme une médiation. Le procédé de Grey ressemble beaucoup à l'inversion que vous proposez. Mais il a peut être l'avantage qu'on se serait muni d'avance d'une sorte de consentement de la Porte de s'en remettre aux Puissances, ceci peut faciliter les choses plus que de venir simplement lui apporter les conditions des italiens approuvées par les Puissances. Grey n'a pas parlé de cessation d'hostilités. Ceci aussi me paraît de nature à pouvoir créer à Constantinople une difficulté dès le début. On a l'impression ici qu'actuellement les hostilités sont moins onéreuses pour la Turquie que pour l'Italie. On me dit qu'on négocie déjà des bons du trésor italien. Je vérifierai ce bruit. Il s'agirait, je pense, de trouver une formule, qui, tout en maintenant le décret italien, en modifierait la portée.

Benckendorff.

[1] См. № 445.

Перевод.

Получил № 187.

Буду говорить об этом с Греем завтра. Но есть некоторая разница между его мыслью, как я ее понял, и тем, что вы говорите об этом. По мнению Грея, Порта должна прежде всего изложить свою точку зрения, какова бы она ни была, относительно условий мира. Ознакомившись с нею, но не выражая на нее согласия и даже не обсуждая ее, державы предложат Порте передать в их руки дело об условиях мира, после чего они, договорившись между собой, и, запросив доверительным путем Италию, сформулируют условия, выработанные ими самими, и посоветуют Порте принять их: все, как при медиации. Предлагаемый Греем метод во многом напоминает тот «обратный порядок», который вы предлагаете. Но у него, может быть, есть то преимущество, что он предлагает заранее заручиться своего рода согласием Порты довериться державам; может быть, это будет легче, чем просто преподнести ей условия Италии, одобренные державами. Грей не говорил о прекращении военных действий. Это обстоятельство может, по моему мнению, также создать с самого начала затруднения в Константинополе. Здесь существует мнение, что в настоящее время военные действия для Турции менее тягостны, чем для Италии. Как я слышал, уже ведутся переговоры об итальянских казначейских бонах. Я проверю этот слух. Я думаю, что нужно будет найти формулу, которая, сохраняя в силе итальянский декрет, изменила бы его значение.

Бенкендорф.

№ 458. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 36 [1]. 13 февраля/31 января 1912 г.

Grey m'a convié. Il a dit que Haldane comme convenu n'a rien conclu à Berlin, que conversations avec Bethmann ont porté sur trois points susceptibles dans la suite être formulés par voie de négociations: 1) Armement maritime. Angleterre maintient définitivement proportion entre deux flottes telle que définie par Churchill [2] en public. Mais si par suite d'explication réciproque rapports de deux pays étaient améliorés, augmentation proportionnelle pourrait être ralentie. 2) Chemin de fer Bagdad. Il a été question exclusivement de part sud de Bagdad. Angleterre est disposée à négocier pour section Golfe une combinaison qui lui donnerait une quantité de part suffisant pour lui assurer contrôle et qui reconnaîtrait son point de vue sur Koweit et Golfe; il a été explicitement dit que si arrangement à cet égard intervenait, Angleterre est liée par surtaxe de 4% et ne pourrait y consentir qu'avec consentement de Russie et de France de sorte qu'opposition d'une des trois Puissances empêcherait consentement des deux autres. 3) Entente avec Russie et France. Angleterre affirme qu'aucune d'elles n'ont un caractère aggressif contre Allemagne. Angleterre objecterait à entente avec ce caractère. Par contre en cas d'une action aggressive d'Allemagne contre Russie et France, Angleterre se réserve toute liberté d'action. Telles sont les bases sur lesquelles Grey [3] a dit que rapports des deux pays peuvent être améliorés [4]. Haldane est satisfait de l'accueil lui fait par Bethmann. Il n'a causé affaires qu'avec lui et Stumm. Kiderlen n'est pas intervenu directement.

Benckendorff.

Перевод.

Грей пригласил меня к себе. Он сказал, что, как было условлено, Холден не заключил никакого соглашения в Берлине, что разговоры с Бетманом касались трех пунктов, могущих впоследствии быть формулированными путем переговоров: 1) Морские вооружения. Англия окончательно сохраняет ту пропорцию между обоими флотами, которая публично была установлена Черчиллем. Но если в результате взаимных объяснений отношения между обеими стра-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 307, № 561.

[2] См. № 468.

[3] У Siebert'a «Haldane».

[4] В тел. от того же числа за № 37 (опубл. Siebert, II, S. 308, № 562) Бенкендорф сообщил Сазонову: «В конце беседы Грей сказал мне, что он считает нужным поставить вас в известность о том, что инициатива собеседования исходила из Берлина, что после принципиального согласия берлинский кабинет выразил желание, чтобы приехал сам Грей. Это показалось ему [Грею] невозможным. Таким образом выбор пал на Холдена».

нами улучшатся, то пропорциональное увеличение могло бы быть замедлено. 2) Багдадская железная дорога. Речь шла исключительно о части южнее Багдада. Англия склонна пойти на переговоры о комбинации в отношении участка, прилегающего к заливу, при которой она получила бы количество паев, достаточное для обеспечения за ней контроля, и которая признавала бы ее точку зрения на Ковейт и [Персидский] залив. Было ясно сказано, что если состоится соглашение по этому предмету, то Англия, будучи связана 4%-ной надбавкой, могла бы согласиться на него лишь при согласии России и Франции, так что возражение со стороны одной из этих трех держав помешало бы согласию двух других. 3) Согласие с Россией и Францией. Англия утверждает, что ни то, ни другое не имеет агрессивного характера по отношению к Германии. Англия возражала бы против соглашения, имеющего такой характер. Напротив, в случае агрессивных действий Германии против России и Франции, Англия оставляет за собой полную свободу действий. Таковы основы, на которых, по словам Грея, могут быть улучшены отношения между обеими странами. Холден удовлетворен приемом, оказанным ему Бетманом. Он вел деловые разговоры только с ним и Штуммом. Кидерлен непосредственно не участвовал.

Бенкендорф.

№ 459. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо. 13 февраля/31 января 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Ayant eu l'honneur de recevoir hier le télégramme de votre excellence en date [11 février] 29 janvier, № 187 [1], je me suis rendu compte que je n'avais pas exprimé assez clairement dans mon télégramme du [8 février] 26 courant le point de vue de Sir E. Grey au sujet d'une démarche collective des Puissances en faveur de la paix à conclure entre l'Italie et la Turquie [2].

J'ai par conséquent cru devoir rectifier certains points par mon télégramme d'hier [3] avant même d'avoir vu Sir E. Grey et de m'être acquitté des instructions contenues dans votre télégramme № 187.

Ce matin, encore avant de m'être rendu au Foreign Office, je reçus de Sir E. Grey le memorandum ci-joint [4] que me fit constater que mon télégramme du [8 février] 26 [janvier] [2] contenait un passage qui se trouve omis dans le memorandum.

Dans mon télégramme il est dit: «Il s'agirait de charger les représentants des cinq Puissances de demander à la Porte l'exposition de son point de vue sans s'y engager et de demander ensuite à la Porte de remettre l'affaire de la paix aux mains des cinq Puissances».

Dans le memorandum les mots «l'exposition de son point de vue» sont omis.

Il y est dit «that the Ottoman Government should be approached in a friendly spirit and that a proposal should be made to them to entrust their cause to the five Powers».

En m'acquittant cet après-midi des dernières instructions de votre excellence, je signalai cette différence à Sir Edward. Il me répondit aussitôt qu'il attachait de l'importance à la rédaction du memorandum attendu précisément que son projet était d'éviter toute explication avec la Turquie au sujet des conditions qu'elle pourrait mettre à la paix; qu'il s'agissait simplement de lui proposer les bons offices des cinq Puissances, qui se chargeraient d'élaborer entre elles les conditions de paix.

Le texte de ce passage du memorandum m'a paru porter assez directement sur l'argument de votre excellence en faveur d'une action inverse pour être de nature à modifier vos vues en une certaine mesure.

De sorte que, sans insister plus spécialement après avoir donné lecture de votre télégramme d'hier [1], j'ajoutai que je vous en référerais.

Sir E. Grey m'a dit pourtant qu'il croyait qu'il serait nécessaire de débuter par une démarche auprès de la Porte telle qu'elle venait d'être définie entre nous.

---

[1] См. № 445.
[2] См. № 435.
[3] Имеется в виду тел. от 13 февр./31 янв. за № 34 (см. № 457).
[4] См. приложение к публикуемому документу.

En attendant des ordres ultérieurs de votre excellence je n'ai pas poussé la conversation plus loin.

Mais je ne doute pas que Sir E. Grey tient au procédé qu'il propose comme plus acceptable à la Porte. Il le croit de nature à faciliter la tâche au gouvernement turc au point de vue de la dignité nationale, tandis que sa tâche deviendrait plus difficile si les Puissances venaient communiquer à Constantinople les conditions de paix élaborées avec le gouvernement italien sans s'être munies d'avance d'un consentement pur et simple turc à ce qu'elles prennent la cause de la paix en mains.

En ce dernier cas il y aurait nécessité de pression, tandis qu'une pression ne serait pas nécessaire pour le procédé qu'il propose. Et il met du prix à l'éviter.

Il n'a jamais été question entre le ministre et moi de cessation d'hostilités. Je crois que le ministre la considère si fort en faveur de l'Italie que la Porte n'y consentirait en aucun cas.

Sir Edward me parla ensuite de la dernière phrase du télégramme de votre excellence dont je venais de lui donner lecture.

Il me dit qu'il ignorait si votre excellence avait reçu des réponses officielles de toutes les Puissances à la proposition contenue dans la lettre № 19 [1], et ajouta que le memorandum qu'il m'avait transmis constituait la réponse officielle du Cabinet de Londres.

Sir Edward pense que si toutes les Puissances répondent en principe affirmativement, votre excellence, — si elle juge opportun d'accéder au modus procedendi anglais, — pourrait faire une seconde communication aux cinq gouvernements en suggérant le procédé indiqué dans la réponse officielle anglaise.

Il croit qu'il y aurait plus de chances d'obtenir l'assentiment définitif de l'Allemagne et de l'Autriche en procédant ainsi, qu'en mettant ces deux Puissances en présence d'un accord préétabli des trois autres.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

После того, как я имел честь получить вчера телеграмму вашего превосходительства от [11 февраля]29 января за № 187, я отдал себе отчет в том, что в своей телеграмме от [8 февраля]26 текущего месяца я недостаточно ясно передал точку зрения сэра Э. Грея относительно коллективного выступления держав в пользу мира, подлежащего заключению между Италией и Турцией.

Поэтому я счел долгом исправить своей вчерашней телеграммой некоторые пункты, даже прежде чем я посетил сэра Э. Грея и выполнил инструкции, содержащиеся в вашей телеграмме за № 187.

Сегодня утром, еще перед тем, как отправиться в Foreign Office, я получил от сэра Э. Грея прилагаемый меморандум, на основании которого я констатировал, что моя телеграмма от [8 февраля]26 [января] содержала слова, которые в меморандуме опущены.

В моей телеграмме сказано: «Надо было бы поручить представителям пяти держав попросить Порту изложить ее точку врения, не связывая себя, и затем просить Порту передать дело мира в руки пяти держав».

В меморандуме слова «изложить ее точку врения» опущены.

В нем сказано: «для обращения к оттоманскому правительству в дружественном духе, и чтобы ему было сделано предложение о передаче его дела в руки пяти держав».

Выполняя сегодня днем последние инструкции вашего превосходительства, я указал сэру Эдуарду на это расхождение. Он сейчас же ответил мне, что он придает значение редакции меморандума именно потому, что его проект имел в виду избежать всякого объяснения с Турцией об условиях, которые могли бы быть выставлены ею для заключения мира; что дело идет просто о предложении ей добрых услуг пяти держав, которые взяли бы на себя выработку условий мира.

Текст этого места меморандума показался мне достаточно отвечающим аргументу вашего превосходительства в пользу обратного действия, чтобы до некоторой степени изменить ваш взгляд.

Поэтому особенно не настаивая после того как я зачитал вашу вчерашнюю телеграмму, я добавил, что сообщу вам об этом.

Сэр Э. Грей сказал мне однако, что, по его мнению, необходимо начать с такого выступления перед Портой, какое было согласовано между нами.

Ожидая дальнейших распоряжений вашего превосходительства, я не пошел в разговоре дальше этого.

[1] См. № 394.

Но я не сомневаюсь в том, что сэр Э. Грей стоит за процедуру, предлагаемую им, как более приемлемую для Порты. Он считает, что она способна облегчить задачу турецкого правительства с точки зрения национального достоинства, тогда как задача его была бы более трудной, если бы державы сообщили в Константинополь условия мира, выработанные с итальянским правительством, не заручившись предварительно простым согласием Турции на то, чтобы они взяли дело мира в свои руки.

В этом последнем случае потребовалось бы давление, тогда как при предлагаемой им процедуре давление не было бы необходимым. А он придает значение тому, чтобы его избежать.

Между министром и мной никогда не было речи о прекращении военных действий. Мне кажется, что министр считает его настолько благоприятным для Италии, что Порта на него не согласилась бы ни в каком случае.

Сэр Эдуард говорил мне затем о последней фразе телеграммы вашего превосходительства, которую я перед тем ему прочел.

Он мне сказал, что не знает, получили ли ваше превосходительство официальные ответы всех держав на предложение, содержащееся в письме № 19, и добавил, что переданный им мне меморандум представляет собой официальный ответ лондонского кабинета.

Сэр Эдуард думает, что если все державы ответят в принципе утвердительно, то ваше превосходительство, — если вы сочтете уместным присоединиться к английскому modus procedendi, — могли бы сделать второе сообщение пяти правительствам с предложением процедуры, указанной в английском официальном ответе.

Он считает, что, действуя таким образом, было бы больше шансов получить окончательное согласие Германии и Австрии, чем поставив эти две державы перед состоявшимся заранее соглашением трех других.

Примите и пр. Бенкендорф.

Приложение.

Меморандум английского министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [1].

12 февраля/30 января 1912 г.

His Excellency the Russian Ambassador was good enough to read and to leave at this Office a copy of the despatch from the Imperial Russian Minister for Foreign Affairs in respect to the question of the Powers offering their mediation with a view to terminating the state of war which unhappily exists between Italy and Turkey. His Majesty's Government fully appreciate the reasons which have dictated the communication in question, and they are entirely in accord with the desire of the Imperial Russian Government that an interchange of views should take place between the several Powers. In order that such an interchange of views should lead to any fruitful results, it is clear that in the first place a complete unanimity should be secured among the mediating Powers, as without such unanimity any subsequent steps which might be taken by an individual Power or by any group of Powers would have little prospect of serving any useful purpose, and might indeed introduce factors which would confuse and complicate the issues. His Majesty's Government will therefore await the results of the enquiries which the Imperial Russian Government are doubtless formulating with other European Cabinets.

In the meanwhile His Majesty's Government, desirous of evincing their interest in the pacific objects which the communication from the Russian Government has foreshadowed, would suggest, in the event of all the Powers coming to an agreement, that some steps at the first favourable opportunity should be taken, that the Ottoman Government should be approached in a friendly spirit, and that a proposal should be made to them to entrust their cause to the Powers, who would then endeavour to elaborate a solution which they could put before the Italian Government in the hope that the latter would find it acceptable. His Majesty's Government consider that the above procedure would render it easier for the Ottoman Government to accept an arrangement than if any pressure of a different nature were brought to bear upon them. At the present moment the difficulty lies in the fact that the Ottoman Government do not find it possible to recognise the decree annexing Tripoli and the Cyrenaica to the Italian Kingdom, while the Italian Government have allowed it to be clearly understood that it is not in their power, even if it were their wish,

[1] Маш. копия.

to withdraw or modify the enactment which establishes their absolute sovereignty over the regions in which they are at present prosecuting military operations. Neither Italy nor Turkey is therefore in a position itself to initiate or present any proposals for putting an end to the existing situation, but it is possible that, if the Ottoman Government were to entrust their case to the mediating Powers, the latter might be able to discover a means of re-establishing peaceable relations between the two belligerents.

Перевод.

Его превосходительство российский посол был так добр, что прочел и оставил в нашем министерстве копию депеши императорского российского министра иностранных дел по вопросу о предложении посредничества держав с целью покончить с состоянием войны, которое, к сожалению, существует между Италией и Турцией. Правительство его величества вполне оценивает причины, которыми было продиктовано это сообщение и вполне соглашается с желанием российского правительства, чтобы между некоторыми державами состоялся обмен мнений. Для того, чтобы такой обмен мнений привел к какому-либо плодотворному результату, ясно, что прежде всего должно быть обеспечено полное единодушие между державами-посредницами, так как без такого единодушия все дальнейшие шаги, которые могли бы быть сделаны отдельной державой или группой держав, имели бы мало шансов оказаться полезными и могли бы, в действительности, внести факторы, которые запутали бы и осложнили вопрос. Правительство его величества будет поэтому ожидать результатов тех запросов, с которыми императорское российское правительство, без сомнения, обратилось к другим европейским кабинетам.

Тем временем правительство его величества, желая доказать свой интерес к мирным целям, предуказанным в сообщении российского правительства, предложило бы, если все державы придут к соглашению, чтобы при первом удобном случае были предприняты шаги для обращения к оттоманскому правительству в дружественном духе, и чтобы ему было сделано предложение о передаче его дела в руки пяти держав, которые затем озаботились бы выработкой решения, могущего быть представленным ими итальянскому правительству в надежде, что последнее найдет его приемлемым. Правительство его величества считает, что вышеуказанная процедура сделает для оттоманского правительства принятие соглашения более легким, чем если на него будет оказано давление другого рода. В настоящий момент трудность заключается в том, что оттоманское правительство не находит возможным признать декрет о присоединении Триполи и Киренаики к итальянскому королевству, тогда как итальянское правительство дало ясно понять, что не в его власти, даже если бы оно желало этого, отменить или изменить акт, устанавливающий его полный суверенитет над областями, где оно теперь ведет военные операции. Поэтому ни Италия, ни Турция не имеют возможности взять на себя в настоящее время инициативу каких-либо предложений о прекращении существующего положения, но возможно, что если оттоманское правительство доверило бы свое дело державам-посредницам, то последние были бы в состоянии найти путь к восстановлению мирных отношений между обеими воюющими сторонами.

№ 460. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Письмо. 13 февраля/31 января 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмо вашего высокопревосходительства от 27/14 января [1] произвело самое отрадное впечатление в Консульте. Маркиз ди Сан-Джулиано сказал мне, что он мог бы под ним подписаться и добавил, что за все время войны единственной державой, благоволение коей ни минуты не изменило Италии, была Россия.

Тем не менее итальянское правительство стесняется высказать что-либо иное по поводу ваших предложений кроме чувств самой искренней признательности. Оно опасается, что ее [2] единичное выступление, при выжидательном отношении остальных великих держав, будет истолковано в Константинополе как доказательство ее нетерпения покончить скорее войну. Возникновение же такого подозрения в Константинополе сделало бы турок окончательно несговорчивыми и еще менее расположило бы державы к посредническим выступлениям в оттоманской столице. Мне дали понять, что если бы предложение вашего высокопревосходительства исходило не от одной только России, но примерно, от всей группы держав Тройственного согласия, то итальянское правительство получило бы боль-

[1] См. № 394.
[2] Т. е. Италии.

шую свободу действий в отношении своих союзниц. Вчера же вечером кн. Скалеа [1] развил передо мной другую картину, а именно совместного, предварительного обращения России и Австро-Венгрии к великим державам в целях убеждения их соединиться на почве вашего предложения. Следующие причины побудили кн. Скалеа заговорить об Австро-Венгрии: ему кажется, что лишь Россия и Австро-Венгрия являются главным образом представителями политических задач на полуострове и не преследуют в Оттоманской империи экономических, концессионных и тому подобных целей. И Франция, и Англия, и Германия вложили огромные капиталы в различные предприятия и связаны в своих действиях заботами о целости и преуспеянии таковых. Ни Россия, ни Австро-Венгрия не подвержены подобным опасениям и потому могут действовать, имея исключительно в виду сохранение мира в Европе. После посещения Вены великим князем Андреем Владимировичем [2] сговорчивость Австро-Венгрии представляется князю Скалеа более вероятной. Вместе с тем ему кажется, что поддержка Австро-Венгрией вашего предложения оградит Италию от подозрений ее со стороны Двуединой монархии. Опасение и недоверие к последней сопутствует обязательно всем предположениям и начинаниям в Консульте.

Страх итальянцев быть заподозренными в желании заключить мир является тем более понятным, что он в известной степени отвечает действительности. Если общественное мнение поражает еще своим единодушием, если народные массы продолжают обнаруживать прежний подъем духа, то в правительственных кругах и в финансовом мире настойчивость эта является более показной [3]. Понижение ренты, покамест, весьма незначительное, является однако предостережением, которое нельзя всецело обойти вниманием. Тем более, что сведения, сообщаемые послом в Константинополе в доверительной депеше за № 4 об обещаниях, данных имаму Яхия [4], делают весьма гадательными надежды, возлагавшиеся маркизом ди Сан-Джулиано на блокаду Иемена.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 461. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 14. 13 февраля/31 января 1912 г.

Me réfère télégramme № 13 [5].

Des nouvelles que nous recueillons sur le séjour de Lord Haldane qui, comme je l'avais fait pressentir à votre excellence a quitté Berlin dimanche [6] matin, il résulte que les entretiens de l'envoyé du gouvernement anglais n'ont abouti à aucun résultat pratique et qu'un terrain d'entente n'a pas encore été trouvé. Il paraîtrait dans tous les cas que le grand adversaire à toutes concessions à l'Angleterre sur le terrain d'une limitation dans la force numérique actuelle de la flotte allemande aurait été l'amiral Tirpitz dont l'influence a prévalu dans le résultat négatif de la mission de Lord Haldane.

Osten-Sacken.

---

[1] Товарищ м-ра ин. дел.

[2] См. стр. 83, прим. 3.

[3] Письмом от 13 февр./31 янв. Долгорукий сообщил Сазонову о приезде в Рим главнокомандующего итал. армией в Африке ген. Канева и о появившихся в печати слухах, что ему «был поставлен вопрос, может ли он разбить в ближайшем будущем находящиеся против него соединенные силы турок и арабов. На отрицательный, будто бы, ответ генерала итальянское правительство решило не торопить его и вновь принялось изыскивать способы оказания давления на Турцию».

[4] Деп. от 22/9 янв. за № 4 Чарыков сообщал Сазонову о соглашении, заключенном турец. прав-вом с иеменским имамом Яхия, «в силу коего названному повелителю предоставлена не только широкая автономия, но и фактическая независимость от центрального правительства».

[5] См. № 442.

[6] 11 февр./29 января.

Перевод.

Ссылаюсь на телеграмму № 13.

Из сведений, собранных нами о пребывании лорда Холдена, который, как я уже извещал ваше превосходительство, покинул Берлин в воскресенье утром, вытекает, что разговоры посланца английского правительства не привели к какому-либо практическому результату и что почва для соглашения еще не найдена. Судя по всему, главным противником каких-либо уступок Англии в области ограничения нынешней численности германского флота явился адмирал Тирпиц, влияние которого сыграло решающую роль в отрицательном результате миссии лорда Холдена.

Остен-Сакен.

№ 462. Морской агент в Германии начальнику морского генерального штаба Ливену.

Донесение № 360 [1]. 13 февраля/31 января 1912 г.
Конфиденциально.

Внезапный и неожиданный приезд в Берлин английского военного министра при обстоятельствах существующей политической обстановки, как раз перед опубликованием германского проекта усиления их вооруженных сил [2], возбудил, как известно, много толков и надежд, и дал повод вновь заговорить о возможности англо-германского соглашения, конечно, главным образом в области ограничения и согласования вооружений.

Европейская и, в частности, германская печать, посвятившие этому приезду очень много внимания, не могли до сих пор найти ответа на этот вопрос и должны были ограничиться лишь предположениями, не носящими определенного характера.

В пятницу (9 февраля) 27 января, на второй день пребывания здесь английского военного министра, у меня был обед, на котором в числе прочих должен был быть английский морской агент капитан 1 ранга Watson, приславший мне перед обедом сказать, что приехать не может, но что приедет потом, попозже. Он приехал действительно после 11 часов и среди разговора обратился ко мне с просьбой притти к нему в его бюро в посольстве переговорить по важному делу в понедельник.

На следующий день, в субботу, я имел разговор с советником нашего посольства, который спросил меня, известно ли мне что-нибудь по поводу переговоров, ведущихся, по слухам и газетным сведениям, английским военным министром с германским правительством. На мой ответ, что пока у меня также сведений нет, мне было сказано, что в Петербурге этими переговорами очень интересуются и также, повидимому, определенных сведений не имеют. Когда я сказал, что в понедельник буду в английском посольстве, меня советник просил по возможности позондировать почву и узнать результаты поездки.

Придя в понедельник в английское посольство, я был проведен в кабинет морского агента, находящийся отдельно от канцелярии и рядом с кабинетом военного агента, что, конечно, способствует и очень облегчает совместную их деятельность, а также хорошо отражается на отношениях агентов к посольству и обратно. Это же самое сказал мне и английский морской агент.

Разговор наш с капитаном 1 ранга Watson, продолжавшийся 1 1/2 часа, характеризовался тем, что почти все время говорил он, я же давал ему лишь реплики или вопросы, но осторожно, чтобы не показаться сразу назойливым или чересчур заинтересованным и этим не отбить у него охоты к дальнейшим беседам со мной в будущем.

Содержание того, что мне было сказано капитаном 1 ранга Watson, можно передать следующим образом:

---

[1] Маш. копия. На полях имеются пометы рукой Данилова, см. примечания на стр. 122 и 123).

[2] В тронной речи при открытии рейхстага 7 февр./25 янв. было объявлено о предстоящем внесении на рассмотрение рейхстага нового законопроекта об увеличении вооруженных сил Германии (см. стр. 71, прим. 1).

По многим признакам, наблюдениям и сведениям английского правительства, в германских вооруженных силах за последнее время замечается усиление деятельности и нервность. Личное убеждение капитана 1 ранга Watson, основанное на *его* сведениях, наблюдениях и разговорах с разными лицами, также подтверждает это явление, и это убеждение, наконец, настолько окрепло, что он решил предупредить меня и французского морского агента с просьбой, не передавая пока *официально* этих алармических сведений, все же *частным образом* (d'une façon privée) довести до сведения наших правительств о том, что они (англичане) считают крайне критическим период 1912—1913 годов и полагают, что если это время удастся пережить без краха, то опасность насильственного разрешения кризиса сильно уменьшится и настолько же увеличится вероятность мирного разрешения англо-германских отношений.

Проект усиления тем или иным путем германского флота (и вероятно армии) теперь *наверное* будет внесен в рейхстаг, главным образом по настоянию здешнего морского министра адмирала Тирпица, убедившего в этом окончательно императора, несмотря на то, что имперский канцлер Бетман-Гольвег не особенно настаивал на необходимости сейчас усиливать флот и был готов пойти на уступки в этом отношении. Адмирал Тирпиц, пользующийся большим доверием императора и имеющий на него в морских делах сильное влияние, теперь крепко сидит на своем посту, и потому его мнение о необходимости усиления флота взяло верх, и такое усиление решено сейчас *окончательно*.

В Англии необходимость соблюдать неоспоримое превосходство в морских силах сознается теперь всеми почти одинаково (как консерваторами, так и либералами), и морской министр Черчилль твердо намерен добиваться соотношения 2 : 1. Поэтому, в *ответ* на германское усиление, Англия не задумается ответить таким образом, чтобы отнять у Германии надежду на возможность желательного *для них* соотношения. Поступая таким образом, Англия надеется, что вызываемые этим путем расходы на вооружение окончательно возмутят и без того обремененное налогами население Германии, здешние социалисты, настроенные пока еще националистически, переменят окраску и сделаются более похожими на социалистов обычного типа, и при поддержке многих еще недовольных военными налогами более умеренных групп населения, откажутся от дальнейшего соревнования с Англией. Ввиду этого англичанам важно, чтобы их усиление было бы лишь *ответом* на германское, ибо тогда у германского правительства отпадает самый важный аргумент оправдания расходов, а именно — необходимой самообороны, и оно явится зачинщиком в этом деле. С этой же целью Англия попридержит свой проект усиления и бюджет, пока не будут распубликованы германские [1].

Такая перспектива дает Англии надежду, что при дальнейших попытках Германии тягаться с ней, она потерпит фиаско, не выдержавши экономически одновременно усиления армии и флота и это, по расчету Англии, должно случиться не позже конца 1913 г., к каковому времени и следует ожидать падения адмирала Тирпица и возможности так или иначе сговориться с Германией, не теряя вместе с тем ни своего мирового положения и не рискуя своей безопасностью, если только, конечно, не случится краха в случае, если Германия предпочтет насильственным путем разрешить вопрос.

Во всяком случае, не имея ни малейшего желания и даже расчета начинать войну с Германией, Англия тем не менее боится того, что при существующем теперь в обеих странах настроении, достаточно *малейшей* искры, чтобы взорвать все и вызвать катастрофу.

Передавая все это (то, на что особенно напиралось в разговоре, мной подчеркнуто), капитан 1 ранга Watson прибавил, что теперь ему поручено его правительством *особенно внимательно* следить за всеми признаками военных приготовлений Германии и что он передает это мне и французскому морскому агенту,

---

[1] Против слов: «ибо тогда... распубликованы германские» — помета: «Вот как планомерно ведут политику».

думал, что было бы хорошо, если бы мы сообщили об этом своим, так как, прибавил он, «это вероятно будет им интересно».

В дальнейшем разговор перешел уже на более специальные морские вопросы, имеющие, конечно, отношение с вышеприведенным политическим положением. Капитан 1 ранга Watson сказал мне, что имеет ряд вопросов, на которые ему желательно было бы иметь ответы, прочел их мне и обещал дать с них копию для того, чтобы я мог помочь ему дать на них ответы в пределах, в каких найду возможным. Вопросы эти, по получении их мной, будут присланы вашей светлости; пока лишь могу сказать, все они касаются прямо или косвенно выяснения степени готовности (моральной и материальной) германского флота.

Между прочим большой интерес проявляется англичанами к числу и размерам частных эллингов, причем агенту поручено особенно внимательно следить, не создается ли новых в таких укромных местах, как у Вулкана в Штеттине и в Данциге. (В других местах англичане считают, что скрыть присутствие нового эллинга слишком трудно.)

Специально и *экстренно* интересуют Англию моральные качества и способность к командованию высшего командного состава флота и особенно командиров миноносных флотилий. Вообще капитану 1 ранга Watson приказано обратить главное внимание на стратегическую и тактическую подготовку флота, каковые сведения теперь Англию интересуют несравненно более, чем сведения о материальной части[1].

Передав мне все вышеизложенное, английский морской агент спросил меня, не нахожу ли удобным и полезным, ввиду серьезности положения, иметь с ним и французским коллегой более тесные сношения, обмениваться данными, обсуждать их сообща, а также сообразовать наши поездки таким образом, чтобы взаимно дополнять друг друга, все это, конечно, производя осторожно, не возбуждая лишних толков и подозрений. При этом он упомянул, что с французом надо быть несколько осторожным, ибо он увлекается, недостаточно положителен и принимает многое, что ему хотелось бы видеть, за действительность.

На такое предложение я в принципе согласился, зная, что в таких делах все зависит от того, как поступать и как держать себя в щекотливых случаях и рассчитывая, во всяком случае, больше выиграть, чем проиграть [2].

Таким образом главная цель и смысл разговора моего с капитаном 1 ранга Watson находятся в первой его части, т. е. в том заявлении, которое было им мне сделано.

Принимая во внимание, что: 1) таких разговоров я до сих пор с английским морским агентом не имел и что сношений здесь вообще агенты друг с другом имеют очень мало,

2) разговор был вызван специальным его приглашением притти к нему в посольство,

3) время разговора совпало как раз с отъездом английского военного министра из Берлина,

приходится притти к заключению, что, с одной стороны, английский военный министр уехал отсюда с уверенностью, что с Германией сейчас по вопросам вооружений сговориться нельзя и что все пойдет по старому, и с другой, — что Англия считает период до окончания 1913 года критическим и находит необходимым быть готовой ко всяким случайностям.

В какой мере английский морской агент излагал мнения своего правительства и в какой свои собственные, сказать трудно, но главная часть разговора, где говорилось о том, что «следовало бы предупредить частным образом правительства» носила характер инспирированной.

Почему именно разговор шел между двумя морскими агентами, а не между другими, более высшими инстанциями, наверное сказать не могу, но думаю, что это было сделано с целью придать заявлению не такой официальный характер, а сделать это «d'une façon privée», на которую особенно напирал мой собеседник.

---

[1] Против слов: «Вообще капитану... материальной части» — помета: «Знаменательно».
[2] Против слов: «На такое... чем проиграть» — помета: «Верно».

Со своей стороны, во время разговора я не хотел задавать своему собеседнику прямого вопроса относительно пребывания здесь английского военного министра, так как он сам об этом прямо ничего не говорил и мне не хотелось показаться ему для первого такого разговора бестактным или навязчивым, тем более, что самый факт нашего разговора после отъезда министра дает совершенно определенный ответ на этот вопрос.

Вчера, после разговора, я передал его содержание послу, с просьбой сохранить за ним то значение, которое ему было дано, т. е. не делать из него официального донесения и не ссылаться в нем на замешанные в нем лица, пока дальнейшие события не покажут чего-нибудь более определенного.

Сегодня я передал его содержание нашему военному агенту [1] с той же самой просьбой, причем услышал от него, что, повидимому, в здешнем сухопутном генеральном штабе идут ежедневно какие-то длинные заседания и что действительно замечается не совсем обычная деятельность в военном мире: идут усиленные учения, закупают за границей овес, чего никогда не делали, и другие, в которых он сам еще пока не разобрался.

Спеша закончить это письмо, чтобы иметь возможность сегодня же отправить его вашей светлости, ограничиваюсь пока теми новостями, которые произошли за последние дни; думаю, что мне удастся до отправления вализы в пятницу [2] переговорить с французским морским агентом, а также навести справки о признаках деятельности здешнего флота.

Донося все вышеизложенное конфиденциально вашей светлости, прошу по возможности сохранить за ним характер неофициальный, так как мне здесь, для пользы дела, важно сохранить доверие моего английского коллеги, особенно в данном случае напиравшего на это и, кроме того, конечно, потому, что изложенное требует дальнейшей проверки и наблюдения.

Беренс.

№ 463. Поверенный в делах в Стокгольме министру иностранных дел.

*/.Депеша № 3. 13 февраля/31 января 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В минувшем декабре я имел случай доносить вашему высокопревосходительству о возбуждении, охватившем здешнее общество при известии о решении правительства приостановить на-время постройку броненосца так называемого типа F, признанного прежним кабинетом наиболее подходящим для шведских потребностей [3].

Волнение это не улеглось и доселе. Недавно основалась здесь лига, поставившая себе целью сбор пожертвований, если не [для] создания целого флота, то, по крайней мере, для скорейшей достройки начатого корабля [4].

---

[1] После разговора с Беренсом, росс. воен. агент в Германии Базаров отправил соответствующий рапорт начальнику ген. штаба Жилинскому (от 14/1 февр. № 42). Содержание указанного рапорта исчерпывается публикуемым документом. Между прочим Базаров писал, что «английский посол [в Берлине] до сих пор уклончиво отвечал на вопросы нашего советника посольства относительно цели приезда в Берлин генерала Холдена».

[2] 16/3 февраля.

[3] См. № 227.

[4] В деп. от 13 февр./31 янв. за № 1 Мясоедов сообщал об открытии 16/3 янв. первой сессии нового риксдага и о программе нового прав-ва, изложенной в тронной речи. По поводу военной части новой программы и предположения приостановить начатую постройку нового броненосца Мясоедов писал: «Тронная речь касается этого вопроса и король заявляет о приостановке работ по судостроению впредь до окончания трудов особой комиссии. Часть предназначавшихся на этот предмет средств предполагается употребить на приобретение предметов снаряжения для военных судов. Вопрос об усилении сухопутной обороны находится равным образом на обсуждении комиссии, а потому отпуск кредитов на эту цель пока не предвидится. Однако, для выяснения действительности существующих ныне мер обороны предполагается в конце 1912 или в начале 1913 года частичная пробная мобилизация, для чего испрашивается кредит в 500 000 крон». «С другой стороны,— указывал далее Мясоедов,—под сильным давлением общественного мнения, очень патриотически настроенного, кабинет Стаафа

Одновременно ведется усиленная агитация в печати, ярким примером которой является изданная здесь на-днях, в количестве 420 000 экземпляров, сенсационная брошюра «Слово предостережения» (Ett Varnings ord), подписанная известным именем Свен Хедина. Брошюра эта, при сем прилагаемая[1], рассылается бесплатно подписчикам многих здешних газет и выходит уже третьим изданием.

Считаю долгом остановить на ней внимание вашего высокопревосходительства, как вследствие мировой известности ее составителя, так особенно потому, что она близко касается русско-шведских отношений и, к сожалению, не может не оказать на них пагубного влияния.

Проникнутая враждебным нам духом, распространенная в сотнях тысяч экземпляров, она будет прочитана большинством шведов и не может не укрепить в них вековых чувств недоверия и даже озлобления к великой соседке и победительнице Швеции.

До последних лет призрак русского нашествия постоянно мерещился шведам. Несомненно, что главным образом страх перед нами гнал их в объятия Германии. Лишь с недавнего времени гипноз этот начал, как будто, рассеиваться, уступая место более трезвому взгляду на вещи и допуская возможность установления более доверчивых отношений. Выходка Свен Хедина может вернуть шведов к прежним страхам. Вредя русско-шведским отношениям, она на-руку только Германии.

Читая брошюру, трудно поверить, чтобы составителем ее был Свен Хедин, побывавший, по его словам, 16 раз в России, пользовавшийся у нас самым широким гостеприимством и помощью во время своих среднеазиатских путешествий и не далее, как в начале текущего месяца удостоившийся милостивого приема у нашего августейшего монарха.

Знаменитый путешественник задался целью предостеречь своих сограждан от равнодушного отношения к обороне отечества, которому грозит, будто бы, неминуемая опасность с Востока. Со времени Петра Великого Россия добивается, по мнению Хедина, выхода в открытое море. Балтийское море, с его замерзающими гаванями, не удовлетворяет нас более. После неудачной попытки выйти к Тихому океану Россия обратилась в сторону Персии, но и здесь ее ожидает неудача. Несмотря на соглашение, Англия не может допустить Россию укрепиться в Персидском заливе, так как это было бы постоянной угрозой Индии. Остается только Атлантический океан. Всего несколько миль отделяет русскую границу от ближайших норвежских портов. Что значит это расстояние для войска, привыкшего сражаться за 8 000 верст от отечества. Захватив эти порты, Россия естественно будет двигаться к югу, к Трондьельму, окружая, таким образом, Швецию с трех сторон. Для облегчения доступа к открытому морю Россия неминуемо захватит и Швецию. Путь к Атлантическому океану лежит через нее.

Теперешняя наша политика в Финляндии объясняется, по толкованию Хедина, все тем же стремлением, а отнюдь не желанием «обижать» финляндцев. Постройка стратегических железных дорог, казарм, усиление войск в Великом княжестве — все эти меры имеют целью приблизить «казацкую» границу к Швеции. Для большего впечатления целая глава посвящена описанию ужасов расквартирования русских войск по городам и селам Швеции. Население подвергается всяческим притеснениям, женщин оскорбляют на улицах и даже в домах, съестные припасы и товары отбираются даром, детей заставляют учиться чужому языку, запрещается исповедание протестантской веры. Малейшее ослушание карается смертной казнью. В подтверждение описанных ужасов, ожидающих в близком будущем шведское население, Свен Хедин не постеснялся повторить клеветнические наветы на поведение наших войск в Персии.

не может отказаться от проведения военных мероприятий, которые усилили бы боевую готовность королевства. Но он занимается пока этим делом довольно вяло, без необходимой поспешности, и обращает, повидимому, более внимания на возможно большую бережливость, чем на действительные нужды обороны. Это вызывает здесь сильное недовольство, в котором, мне кажется, и кроется опасность для либерального правительства».

[1] Брошюра Свен Хедина хранится в деле К. 175.

Несмотря на самые категорические опровержения, которых он не мог не читать и которым он не мог не верить, Свен Хедин утверждает, что сотни мужчин, женщин и детей избивались нашими солдатами на улицах Тавриза.

Дальнейшие главы содержат уверения, что Швеция может легко справиться с Россией. Россия сильна только на бумаге и, несмотря на свое огромное население, может выставить лишь немногочисленное войско. Если Россия когда-либо и побеждала, то лишь по вине и небрежности своих противников. Везде, где ей оказывали сопротивление, она терпела поражения.

Особенно картинно описывает Свен Хедин, как шведские миноносцы будут топить русские транспорты, перевозящие наши войска в Швецию, как один за другим идут эти суда ко дну, как страх и смятение охватывают команду и войска на других. В заключение Свен Хедин указывает на необходимость скорейшего, не теряя драгоценного времени, увеличения шведского флота и шведской армии для отражения врага.

Предоставляю судить вашему высокопревосходительству, какое влияние может оказать подобная брошюра на запуганные еще «русской опасностью» умы шведских обывателей. Легкость же расправы с вековым врагом, сулимая Хедином, усилит и без того шовинистское настроение и воинственный дух шведского народа.

Мне довелось на-днях говорить по этому поводу с здешним товарищем министра иностранных дел. Я указал моему собеседнику на тяжелое впечатление, которое должна произвести выходка Свен Хедина на наше общественное мнение и на то пагубное влияние, которое она может оказать на отношение к нам шведского населения. Барон Рамель ответил мне, что он вполне разделяет мое мнение, что королевское правительство глубоко сожалеет о поступке Хедина и не допустило бы издания брошюры, если бы располагало какими-нибудь к тому средствами. В заключение он прибавил, что граф Эренсверд воспользуется, по всей вероятности, каким-либо подходящим случаем, чтобы заявить в риксдаге о сожалении королевского правительства и о несочувствии его к поступку Свен Хедина.

Примите и пр.

Мясоедов.

№ 464. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42[1]. 13 февраля/31 января 1912 г.

Копия в Париж.

На сегодняшнем дипломатическом приеме министр иностранных дел по окончании текущих бесед сделал мне следующее сообщение, которое он просил считать совершенно личным и доверительным: хотя, согласно нашему желанию, отложено рассмотрение некоторых вопросов, и в том числе о малоазиатских железных дорогах, однако ввиду приближения времени, когда будут окончены доклады по французским изысканиям означенных линий, министр спросил меня, могу ли я изложить ему, в каких пунктах мы желаем смычку русских и турецких железнодорожных линий и наши взгляды на связанные с этими линиями торговые интересы. При этом министр намекнул на желательность для Турции нашего согласия на повышение таможенных пошлин до 15 процентов и на налог теметту. Такое изложение помогло бы турецкому правительству приступить к установлению с нами соглашения, которое является необходимым до предстоящего рассмотрения французских проектов. Я ответил, что уполномочен выслушать все, что министр скажет в личной и доверительной форме по поводу известных вопросов, но что я испрошу указаний моего правительства для ответа ему. Я напомнил, что права, приобретенные Россией в силу соглашения 1900 года, соответствуют дарованной тогда германским предпринимателям багдадской концессии. Не желая эксплоатировать нашего соседа подобным образом, мы не можем однако отступиться от означенных прав, не обеспечив наших торговых интересов, связанных

[1] Опубл. Siebert, II, S. 308, № 563.

с малоазиатскими железными дорогами, в особенности в Северной Персии, и принимая во внимание недавнее предоставление Багдадской дороге Александреттского порта. Считаю благоприятным для наших интересов, что министр взял почин переговоров в желаемой для нас форме и на выгодной для нас почве необходимости притти к соглашению с Россией ранее рассмотрения французских проектов. Полагал бы своевременным доверительное сообщение министру наших максимальных требований по малоазиатскому железнодорожному вопросу, причем надлежало бы, однако, не заявлять прямо о нашем противодействии постройке дорог в известной зоне, но обставить постройку эту такими условиями, которые допустили бы ее осуществление только в случае полного обеспечения наших интересов. Между прочим можно было бы потребовать, чтобы линия Карс—Эрзерум была построена одновременно с линией Сивас—Эрзингян, что побудит турок сильно задуматься над постройкой линии Сивас—Эрзингян. Постройку линии Трапезунд—Эрзерум—Баязид можно бы допустить, лишь когда российское торговое преобладание в Северной Персии оказалось бы достаточно обеспеченным. Наше согласие на повышение таможенных пошлин и налог теметту могло бы побудить Порту к уступкам нам в железнодорожном вопросе. Турки очевидно хотят торговаться, но при данной обстановке и содействии парижского кабинета перевес должен оказаться на нашей стороне.

Чарыков.

№ 465. Консул в Астрабаде министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 13 февраля/31 января 1912 г.
Личная.

Сегодня Мохамед-Али шах, вызвав меня к себе, передал мне собственноручно написанное и подписанное им письмо следующего содержания: «Настоящим письмом поручаю вам сообщить секретно вашему правительству, что в делах Персии я буду поступать так, как то благоугодно будет его императорскому величеству. Так и в зоне английской я буду действовать лишь по указаниям его императорского величества. Но официально пишу вам — об этом пусть знает только министерство иностранных дел, но посланник в Тегеране никоим образом не должен знать; пока это было бы не на пользу ни русскому правительству, ни мне». Словесно шах пояснил при этом, что он давно уже пришел к убеждению о необходимости для Персии русского протектората и потому готов выдать письменное обязательство русскому правительству о принятии им русского протектората для Персии в любой форме. Но до времени Мохамед-Али шах просил бы держать переговоры о сем в тайне от Тегерана, ибо малейшая неосторожность очень повредит делу, создав много лишних врагов. Мохамед-Али шах сказал также, что, согласно полученным им сегодня из Тегерана сведениям, тегеранское правительство поставило себе задачей добиться его удаления из Персии ценой любых обещаний, дабы затем действовать относительно России по-старому.

Иванов.

№ 466. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 107. 13 февраля/31 января 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из сообщенной мне, в числе других документов, для просмотра телеграммы российского посла в Вашингтоне [2], я осведомился о сделанном статс-секретарем Ноксом заявлении, что правительство Северо-Американских Соединенных Штатов считает полезным придерживаться и впредь установленной с общего согласия

[1] Царск. экз. Номер отсутствует.
[2] См. стр. 111, прим. 2.

заинтересованных держав политики строгого нейтралитета в вопросе о заключении займов для Китая, и что оно будет относиться несочувственно ко всяким исходящим от частных лиц в Америке предложениям о таких займах, если только они будут нарушать принцип нейтралитета по отношению к одной из враждующих сторон.

С другой стороны, правление Русско-азиатского банка довело до моего сведения ряд полученных им данных, свидетельствующих о том, что, повидимому, не во всех странах придерживаются взгляда, высказанного Ноксом. Так, имеются указания на то, что Гонконг-шанхайский банк уже теперь принимает меры к тому, чтобы обеспечить себе крупный заем, который потребуется для Китая, когда там восстановится порядок, причем названный банк предполагает выдать в счет этого займа аванс немедленно после отречения манчжурской династии от трона. Затем японский посол при высочайшем дворе подтвердил г. Верстрату слух о том, что японский дом Окура ведет, хотя и на свой риск, переговоры с революционерами о займе, и высказал мнение, что эта операция сведется к доставке революционерам оружия [1]. Наконец, не лишено интереса и сообщение «Neue Freie Presse» (в № от 7 февраля) о том, что группа австрийских банков предложила, через посредство фирмы Арнольд, Карберг и К°, Китаю аванс в 300 000 ф. ст. с тем, чтобы эти деньги были употреблены на покупку орудий у Skodawerke в Пильзене.

Со своей стороны, я считаю при данных условиях взгляд, высказанный статс-секретарем Ноксом, единственно правильным и, не сомневаясь в том, что и ваше превосходительство разделяете этот взгляд, позволяю себе обратиться к вам с покорнейшей просьбой, не признаете ли вы возможным оказать ваше содействие к усвоению всеми заинтересованными державами той точки зрения, на которой стоит вашингтонское правительство. В частности, я признавал бы весьма желательным обмен мнений по данному вопросу с великобританским правительством, дабы убедить его повлиять на Гонконг-шанхайский банк в смысле отказа его от переговоров с китайцами относительно займа.

В ожидании уведомления о последующем, прошу вас, милостивый государь, принять и пр. [2]

В. Коковцов.

№ 467. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 210. 14/1 февраля 1912 г.

Сообщается консулу в Астрабаде.

Ссылаюсь на телеграмму Иванова № 9 [3].

Иванову следует определенно заявить шаху, что сообщенное ему решение императорского правительства бесповоротно и что излишней затяжкой дела, неприемлемыми требованиями он рискует лишь ухудшить результаты переговоров своих с персидским правительством. По нашему мнению, ему следует воспользоваться настоящим моментом, когда правительство еще вынуждено до известной степени с ним считаться, чтобы выговорить себе пенсию и амнистию всем своим сторонникам. Бóльшего он добиться не может, и мы дружески советуем ему с этим примириться.

Иванов может при этом дать понять шаху, что наше решение было принято после зрелого размышления, приведшего нас к убеждению, что возвращение его величества на престол при настоящих условиях невозможно. В личном расположении нашем к нему он попрежнему может быть уверен.

Сазонов.

---

[1] См. № 431.

[2] В письме от 17/4 февр. за № 93 Сазонов сообщил Коковцову, что он вполне разделяет соображения последнего.

[3] См. стр. 86, прим. 1.

№ 468. Военный агент в Англии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Донесение № 29. 14/1 февраля 1912 г.
Секретно.

М. г. Юрий Никифорович,

В развитие телеграммы моей за № 2 [1] доношу о той политической обстановке, которая вызвала и при которой состоялась на этих днях неофициальная поездка в Берлин английского военного министра, лорда Холдена. Поездка эта, может быть, приведет к некоторому уменьшению напряженности англо-германских отношений и к созданию более благоприятной в этом смысле атмосферы. Англичане, повидимому, вполне искренно утверждают, что никакого нарушения Тройственного согласия в этой «миротворческой» попытке нет, ибо улучшение отношений с одной державой, разрешение с ней некоторых частных или специальных спорных вопросов, не нарушают, говорят они, непременно согласия с другой. Нельзя также не отметить, что поездка лорда Холдена является отчасти ответом на русско-германское Потсдамское соглашение. Кроме того, она является некоторым политическим последствием печальных разоблачений относительно бывшего французского премьера г. Кайо [2], закулисная деятельность которого во время последнего марокканского кризиса произвела здесь крайне тягостное впечатление ненадежности некоторых французских государственных деятелей. Обстоятельства поездки лорда Холдена были следующие: как я доносил в рапорте моем за № 3 [3], напряженность отношений, ожидание войны, взаимные пререкания прессы, взаимные обвинения в шпионстве в последнее время между Германией и Англией принимали все более и более острый характер. Недавно по английской армии был даже объявлен приказ, регламентирующий поездки английских офицеров в Эльзас-Лотарингию и Германию вообще и устанавливающий паспортные правила, правила обязательной явки и визитов начальникам гарнизонов и т. п., совершенно тождественные с теми правилами, которыми обставлены поездки германских офицеров во Францию. Кроме того, публике вообще мало известно, что со времени марокканского кризиса между лондонским и берлинским кабинетами дипломатических разговоров, обсуждений, обмена мнений, даже академического характера, почти не было совсем: этот обычный официальный путь как бы прекратился, закрылся совершенно. Для возобновления его надо было изыскать какой-либо новый, побочный путь, и вот недели две тому назад германский император высказался в том смысле, что «если бы кто-либо из английских министров сам приехал бы сюда потолковать и взаимно объясниться, то лучше всего мог бы это сделать мой друг Холден» [4]. Английский кабинет принял этот намек к сведению и, вероятно, и не мог не принять, так как отказ, несомненно, очень скоро сделал бы войну неизбежной, и послал в Берлин неофициально, как бы в качестве частного путешественника, лорда Холдена в сопровождении его брата, профессора Оксфордского университета. Вся поездка была организована во время приезда сюда на 36 часов английского посла в Берлине сэра Эдуарда Гошена. Насколько известно, лорду Холдену были даны следующие, самые общие инструкции:

1) Выслушать от немцев, чего именно Германия хочет от Англии?

2) Заявить немцам, что ограничение, или точнее, некоторая приостановка морских вооружений (судостроительства) была бы для Англии вообще говоря *не* неприемлема, но не иначе как на основании пропорции *2 английских килей против 1 германского*, а никак не на основании *3 килей к 2*. Дабы придать заявлению Холдена еще более веса, одновременно с его поездкой в Берлин другой министр Англии, а именно первый лорд адмиралтейства Черчилль, по поручению того же кабинета, произнес в Глазго довольно воинственную речь [5], в которой

[1] Тел. Ермолова за № 2 не обнаружена.
[2] См. № 351.
[3] См. № 357.
[4] Ср. стр. 115, прим. 4.
[5] 9 февр./27 янв. 1912 г.

именно указывал на пропорцию 2 английских килей к одному германскому как на единственно для Англии приемлемую, ибо «флот для Германии есть дело национальной роскоши, а для Великобритании — дело национального существования».

3) Еще поручалось Холдену поговорить о Багдадской железной дороге (и для сего одновременно с Холденом прибыл в Берлин известный финансист сэр Эрнест Кассель, специалист по финансам багдадского предприятия), а также, по возможности, выяснить все те вопросы, которые взаимно интересовали как Великобританию, так и Германию, и о которых обе стороны не отдают себе ясного отчета в том, чего собственно они одна от другой желают и домогаются?

Вопрос о возможности, хотя бы некоторой, приостановки той «скачки» в морских приготовлениях, которая столь сильно напрягает экономические средства как Германии, так и Англии, есть вопрос для английского либерального кабинета не новый: еще в 1907 году он был задуман Кэмпбелл-Баннерманом к Гаагской конференции, но тогда не мог сделать ни одного шага вперед. В настоящее время сэр Э. Грей, повидимому, рассчитывает, что вопрос этот в Германии будет принят с меньшим недоброжелательством. Конечно, во время второй Гаагской конференции Германия о нем и слышать не хотела, но в настоящее время сама Германия, рейхстаг которой переполнен пацифистами, весьма страдает от денежного напряжения, вызываемого лихорадочно-поспешным, все разрастающимся военным судостроительством. Весьма вероятно, что Германия страдает от такого денежного напряжения неизмеримо больше, чем Англия. Возможно поэтому, предполагает сэр Э. Грей, что ныне некоторое ограничение вооружений увенчается хотя бы частичным успехом, и тогда, конечно, несколько успокоится и острота англо-германских отношений, и это будет для английской либеральной партии, в смысле парламентском и партийном, весьма большим успехом, ибо в Англии среди оппозиции не мало людей, подобных лорду Керзону, явно не сочувствующих ориентации английской политики в смысле отдаления от Германии и сближения с Россией. Так что и в смысле маневра внутренней политики поездка Холдена также представляется желательной. Если же она не поведет ровно ни к чему, то, по крайней мере, либеральный кабинет будет в состоянии заявить оппозиции в предстоящую сессию по поводу предстоящего обсуждения военного и морского бюджетов, что он, в смысле попытки улучшить отношения с Германией, сделал все, что было возможно и согласно с достоинством государства и с лояльностью Тройственному согласию.

Прошу позволения вашего превосходительства несколько обсудить поездку Холдена в Берлин с точки зрения интересов России.

Едва ли может быть сомнение в том, что прочность англо-русского соглашения со стороны Англии зиждется, помимо всяких других соображений, главным образом *на боязни Англии перед Германией*. Пока Англия опасается Германии, она будет держаться соглашения с нами, так сказать, обеими руками и будет более или менее предоставлять нам большую свободу действий в Азии. Но конечно, если когда-нибудь соглашение Англии с Россией почему-либо нарушится, то Англия перейдет на сторону Германии, заключит с ней соглашение и тогда опять тотчас же возникнут все прежние наши распри и пререкания с Англией из-за Средней Азии, Персии, Афганистана и Индии. Так что *сохранение англо-русского соглашения в полной мере и силе желательно и выгодно для обеих держав*. С другой стороны, некоторое улучшение и успокоение отношений между Англией и Германией, быть может, и для нас до некоторой степени не безвыгодно, ибо оно служит к отдалению войны Тройственного союза против Тройственного согласия, войны, вероятно, неизбежной, но отдаление которой по времени желательно. С этой точки зрения необходимо иметь в виду, что поездка лорда Холдена может, однако, иметь (хотя это и мало вероятно) один возможный, опасный для Франции и для нас результат, а именно, что если Германия приостановит несколько, по соглашению с Англией, свои морские приготовления, то она, быть может, сбережения свои обратит на еще большее увеличение *сухопутных* вооружений, например, решит формировать не два новых корпуса, а больше. Этого, повидимому, Франция

несколько и опасается и поэтому за последствиями и результатами поездки лорда Холдена необходимо следить самым внимательным образом.

Примите и пр.

Н. Ермолов.

№ 469. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 162. 14/1 февраля 1912 г.

Сегодня вечером меня посетил товарищ министра иностранных дел и сообщил текст ответной телеграммы Сун Ят-сена на извещение об отказе императора от престола [1]. Сун заявляет о намерении подать в отставку и рекомендовать выбор Юань Ши-кая в президенты временного правительства. С другой стороны, отрицает права императора делегировать власть Юаню для сформирования республиканского правительства. Юань приглашается прибыть в Нанкин, выбрав на время своего отсутствия для поддержания спокойствия в северных областях лицо, которое будет снабжено полномочиями нанкинского правительства. Передав мне эту телеграмму, товарищ министра осведомился частным образом, что я думаю о положении, считаю ли я, что столица должна быть в Нанкине, или в Пекине, как отнеслись бы державы к образованию Юанем временного правительства в Пекине и прочее. Я ограничился ответом, что это внутренние китайские дела, в которые иностранцы, считающиеся лишь с совершившимися фактами, не могут вмешиваться. На мое замечание, что отречению должно было предшествовать, насколько мне известно из официальных источников, полное соглашение с нанкинским правительством, Цзао ответил уклончиво, сославшись на то, что официальным предметом переговоров были привилегии императорской фамилии и манчжурам. На это я мог только дать совет не отчаиваться в успехе и продолжать переговоры.

Щекин.

№ 470. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену [2].

15/2 февраля 1912 г.

Императорское правительство согласно на совместную с великобританским правительством выдачу персидскому правительству аванса в размере 100 000 ф. ст. с каждой стороны на условиях, изложенных в памятной записке великобританского посольства от [3 февраля] 21 сего января [3], за исключением из второго пункта этих условий фразы «без согласия русского правительства», как о том уже было заявлено словесно гофмейстером Сазоновым г. великобританскому послу.

Императорское правительство считает при этом нужным настаивать на более высоком размере процентов по этой ссуде, чем тот, который обозначен в памятной записке посольства от [10 февраля] 28 января [4], а именно на 7%. Соображения, побуждающие к тому императорское правительство, подробно изложены были в памятных записках императорского министерства иностранных дел посольству от [12 февраля] 30 января и [29] 16 июня 1910 года [5]. Что касается контроля над расходованием этого аванса, то представляется желательным, чтобы распределение денег было предварительно утверждаемо русской и английской миссиями в Тегеране по соглашению с исправляющим должность главного казначея, кото-

[1] См. №№ 454 и 455.
[2] Иностранный текст публикуемого документа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.
[3] См. № 419.
[4] См. № 450 и прим. 5 к нему.
[5] В этих пам. записках отмечалась необходимость не понижать размера процента по авансу перс. прав-ву, исходя из того, что это понижение могло бы послужить помехой для установления приемлемого процента при заключении перс. прав-вом крупного займа.

рый потом наблюдал бы за тем, чтобы деньги шли действительно по их назначению. Обеспечением русской части ссуды должны служить остатки от поступлений с северных таможен, а в случае недостаточности их — какие-либо другие источники дохода персидской казны, по соглашению с шахским правительством. Весь аванс имеет быть погашен из первых же поступлений по предстоящему крупному займу.

Хотя некоторые из условий, обозначенных в памятной записке посольства от [3 февраля] 21 января, уже выполнены, представляется тем не менее желательным, чтобы оба посланника обратились к персидскому правительству с совместной нотой, в которой были бы перечислены все поставленные обоими правительствами условия. В частности, в этой ноте следовало бы потребовать от персидского правительства простого обязательства сообразовать в будущем свою политику с принципами англо-русской конвенции, предоставив персам, если они того пожелают, предложить какую-либо другую приемлемую формулу на этот счет.

Доводя об изложенном до сведения великобританского посольства и проявляя готовность снабдить указаниями в изложенном смысле своего представителя в Тегеране, императорское министерство считает нужным тут же оговорить, что, соглашаясь ныне, ввиду безвыходного положения персидского правительства и необходимости спешно притти ему на помощь, не связывать с вопросом об авансе каких-либо других условий, кроме вышеприведенных, оно предоставляет себе обусловить какую-либо дальнейшую денежную помощь сказанному правительству известными требованиями, о которых в свое время оно не преминет поставить в известность лондонский кабинет.

№ 471. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 218. 15/2 февраля 1912 г.

Сообщается генеральному консулу в Тавризе.

Телеграмма № 87 получена [1].

Не считаем нужным настаивать на признании Шоджа-эд-Доуле азербайджанским генерал-губернатором [2] и признаем предлагаемую вами комбинацию приемлемой. Но, во избежание дальнейших осложнений, вследствие неудовольствия сторонников Шоджи, необходимо добиться соглашения последнего с правительством и Сепехдаром, которым и надлежало бы вступить с ним в переговоры. Миллеру следует, в таком случае, использовать все свое влияние на Шоджу, чтобы склонить его к подчинению воле правительства, причем он мог бы высказать этому чиновнику, что своим благожелательным отношением к нам он заслужил наше расположение и может в будущем рассчитывать на нашу поддержку [3].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 12 февр./30 янв. за № 87 Поклевский сообщал, что перс. прав-во не согласно на назначение Шоджа-эд-Доуле азербайджанским генерал-губернатором, мотивируя свой отказ тем, что курдские племена, с которыми перс. прав-во желает установить дружественные отношения, относятся враждебно к Шоджа-эд-Доуле. Перс. прав-во просило согласия росс. прав-ва на утверждение в указанной должности Сепехдара, добавляя при этом, что «на случай какого-либо замедления с отъездом последнего в Тавриз, персидское правительство согласно признать Шоджа его временным заместителем». Признавая предлагаемую персами комбинацию приемлемой, Поклевский отмечал: «Нам следовало бы лишь обусловить наше согласие на назначение и поддержку Сепехдара благоприятным ответом на совместную ноту по поводу аванса и образованием в Тавризе отделения казачьей бригады численностью в 600 или 700 человек, причем обеспечение необходимой ежегодной суммы на содержание этой новой воинской части могло бы быть предоставлено дальнейшим переговорам с персами и Морнаром».

[2] См. № 296.

[3] Ответной тел. от 17/4 февр. за № 99 А. Миллер сообщил Сазонову, что управляющий англ. кон-вом в Тавризе Стивенс отправил Барклаю телеграмму «о желательности во всех отношениях признания азербайджанским генерал-губернатором Шоджа-эд-Доуле».

№ 472. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 20 [1]. 15/2 февраля 1912 г.

По словам Пуанкаре, на сегодняшнем дипломатическом приеме турецкий посол в первый раз высказал ему, что турецкое правительство охотно приняло бы предложение медиации, конечно под условием, что от Турции не потребуют признания декрета о присоединении Триполи к Италии. Рифаат-паша прибавил, что Франция могла бы сыграть при этом особенную роль. Пуанкаре ответил ему, что Франция охотно окажет содействие восстановлению мира, но непременно в полном единении с Россией и Англией. Несмотря на оговорку Рифаата, что заявление его носит лишь официозный характер, Пуанкаре придает этому заявлению серьезный характер [2].

Извольский.

№ 473. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 11. 15/2 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Шестидневные дебаты в сенате о франко-германском соглашении 1911 г. касательно разграничения обоюдных владений в экваториальной Африке закончились, как вашему высокопревосходительству известно из секретной телеграммы моей от [11 февраля] 29 мин. января [3], одобрением сказанного соглашения большинством 222 голосов против 48.

Прения эти представляли совершенно исключительный интерес, как ввиду важности самого вопроса, подлежавшего обсуждению, так и вследствие участия, принятого в нем целым рядом выдающихся политических деятелей Франции. То обстоятельство, что новый кабинет, призванный отстаивать соглашение, не принимал в свое время участия в его заключении, отнимало у прений оттенок сведения личных счетов и придало им высокую степень объективности.

Наиболее ярыми противниками договора явились консервативные элементы в сенате, в лице гг. Jénouvrier, Lamarzelle, Las'Cases, Goulaine и др. Все они усматривали в уступке Германии обширной территории, завоеванной ценой великих усилий французского народа, глубокое национальное унижение, равного которому Франция не переживала с 1871 г. Пользуясь разоблачениями о подозрительном образе действий г. Кайо в деле франко-германских переговоров [4], ораторы обрушивались всей тяжестью своих обвинений на существующий режим, при котором, будто бы, немыслимо ведение последовательной национальной политики.

Почти столь же строго, хотя и по другим соображениям, осудили соглашение бывший в 1909 г. министром-президентом г. Клемансо и министр иностранных дел того же кабинета г. Пишон. Последний в обширной речи пытался доказать, что Франции отнюдь не следовало покидать почвы Алжесирасского акта и дополнительного франко-германского договора 1909 г. Продолжение политики мирного проникновения в Марокко рано или поздно завершилось бы, по его мнению, окончательным утверждением там французского владычества. Попытке же Германии воспользоваться внутренними затруднениями Франции, чтобы добиться непосредственно от нее уступок в марокканском деле, надлежало противо-

[1] Опубл. М., стр. 156.

[2] Тел. от 28/15 февр. за № 53 Бенкендорф сообщил Сазонову, что, по мнению Никольсона, Рифаат-паша говорил о своем личном впечатлении, так как поведение Тевфик-паши не подтверждает мнения турец. посла в Париже.

[3] В тел. от 11 февр./29 янв. за № 18 (опубл. Stieve, II, S. 35, № 199) Извольский сообщал: «Вчера, после шестидневного обсуждения, сенат принял франко-германское соглашение большинством 212 голосов против 42. В своей речи Пуанкаре с большой энергией заявил о неизменной верности Франции союзу с Россией и сердечному согласию с Англией».

[4] См. № 351.

поставить твердый отпор, основанный на силе международных договоров и на дипломатической поддержке, неизменно оказывавшейся Франции ее союзниками и друзьями.

Соглашение 1911 г. Пишон признал не только чрезвычайно невыгодным, ввиду связанных с ним пожертвований, но и опасным, ибо Германия, ободренная только-что одержанным успехом, может легко возобновить и в будущем политику застращивания и свести на-нет большинство сделанных ею Франции на марокканской почве уступок. Наконец, г. Пишон указал также, что необходимость содержать отныне в Марокко значительные военные силы не может не привести к ощутительному ослаблению боевой готовности Франции на европейском материке.

Ораторы противоположного лагеря равным образом отнюдь не выражали полного одобрения содержанию последнего договора. Наиболее сочувственно отнесся к нему г. д'Эстурнель де Констан, усматривавший в оном серьезный залог европейского мира, улучшения франко-германских отношений и, наконец, новый шаг на пути развития дорогого ему принципа международного арбитража, который призван впредь разрешать могущие возникнуть на почве договора недоразумения между Францией и Германией.

Все прочие ораторы, а именно: гг. Рибо, Дюпюи и др. признавали недостатки соглашения, но все же советовали голосовать за его принятие, считая это единственным возможным ныне путем завершить историческую миссию Франции в Северной Африке и предупредить новое обострение только что улаженного внешнего кризиса. С особенной энергией настаивал на принятии договора г. Рибо, указавший на тяжелые последствия, к коим привело бы отклонение его сенатом.

В последний день дебатов выступил председатель совета министров г. Пуанкаре, блестящая речь которого в защиту соглашения произвела весьма сильное впечатление и обеспечила его принятие. Текст означенной речи имею честь представить у сего в газетной вырезке [1].

Исходной точкой своей аргументации г. Пуанкаре избрал афоризм: «Трактат не совершенен, но все же необходимо его принять».

Председатель совета отнюдь не склонен умалять тяжелых жертв, налагаемых договором на Францию. Уступка иностранной державе, среди глубокого мира, части своей территории, орошенной кровью ее сынов, не может не ощущаться болезненно всей страной. Однако не следует, с другой стороны, и преувеличивать этой жертвы, имеющей более нравственную, нежели реальную ценность; ярким доказательством тому служит уже то обстоятельство, что в то время, как французы скорбят о чрезмерности своей утраты, немцы сетуют на недостаточность выговоренных приобретений. Необходимо поэтому, по словам г. Пуанкаре, спокойно и трезво взвесить то, что дает Франции в Марокко новый трактат в обмен за уступку части Конго.

Основным приобретением Франции является признание Германией ее протектората над шерифской империей, в отмену прежнего принципа независимости и суверенности марокканского султана. Решение это, являющееся залогом постепенного утверждения в стране французского владычества, обусловлено, конечно, необходимостью договориться с Испанией. Но между обеими державами уже происходят по настоящему делу дружественные объяснения, и г. Пуанкаре питает уверенность, что таковые, невзирая на их сложность и деликатность, приведут к соглашению, отвечающему достоинству и выгодам обеих сторон.

Сохранение в Марокко начала «открытых дверей» в смысле экономического равноправия всех держав не является чем-либо новым. Г. Пуанкаре не теряет однако надежды иметь возможность приступить исподволь к разрешению щекотливого вопроса о ввозных пошлинах в направлении, отвечающем интересам французов и марокканцев.

Что касается общественных работ (железные дороги, телеграф, порты и пр.), то хотя приобретение права на их сооружение подлежит началу свободной конкуренции, зато эксплоатация этих предприятий составляет всецело неотъемлемое

[1] Приложение не воспроизводится.

право шерифского правительства, которое может уступить оное французским компаниям.

Засим, никаких других стеснений французской инициативы в деле оказания марокканскому правительству содействия при введении административной, финансовой, школьной и других реформ г. Пуанкаре в тексте договора не усматривает. Важнейшее из этих преобразований, а именно военная реформа, по его словам, намечена пока лишь в главных чертах. Для ее осуществления потребуется сохранение в Марокко находящегося уже там французского отряда в 27 000 человек и сформирование нового, в 6 000 человек, составленного из местных жителей, под командой французских офицеров и унтер-офицеров.

В общем, по словам первого министра, ценность нового договора, как и всякого вообще международного трактата, будет зависеть от характера будущих отношений между обеими договаривающимися державами. Франция уже не в первый раз со времени последней войны заключает с Германией соглашение по частному вопросу, и поэтому нет основания ожидать, чтобы в трактате этом неизбежно заключались зародыши взаимных недоразумений. Правительству республики надлежит лишь впредь твердо, ясно и откровенно отстаивать свои законные интересы. Что касается возможного возникновения пререканий, не затрагивающих национального достоинства сторон, то для мирного улажения их уже ныне указан путь гаагского трибунала.

В заключение своей речи г. Пуанкаре заявил, что франко-германский договор 1911 г. отнюдь не знаменует собой какой-либо перемены в общей ориентировке французской внешней политики.

«Наш союз с Россией, наше сердечное согласие с Англией, — сказал он, — остаются ее неприкосновенной основой. Если [бы] когда-нибудь какое-либо французское правительство оказалось достаточно ослепленным, чтобы уклониться от этих руководящих начал, предначертанных народной волей, оно разбилось бы о возмущенное общественное мнение страны». «Республиканская Франция, — закончил оратор, — остается глубоко миролюбивой. Но вернейший залог мира она усматривает в тщательном поддержании на высоте своей военно-морской и финансовой мощи, в верности великим национальным заветам, в заботливом ограждении своих прав и интересов».

Единодушные одобрения всех сенаторов покрыли последние слова министра-президента.

Упомянутый в начале настоящей депеши исход голосования сената принят общественным мнением с чувством глубокого удовлетворения. Почти все органы печати приветствуют благополучное завершение франко-германских недоразумений по марокканским делам, которые с 1905 г. являлись постоянной угрозой европейскому миру.

Примите и пр. Извольский.

№ 474. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 12 [1]. 15/2 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Отвечая на прошлой неделе в палате депутатов на предъявленный ему запрос по поводу предполагавшегося выпуска на парижском рынке облигаций поземельного кредита острова Кубы, председатель совета министров изложил принципиальную точку зрения нынешнего кабинета на условия допущения иностранных займов к котировке на здешней бирже.

Г. Пуанкаре заявил, что в делах подобного рода национальному интересу должно принадлежать первенство перед интересом финансовым. Поэтому министерству финансов надлежит, в случае поступления в оное ходатайств о допущении иностранных ценностей к котировке во Франции, прежде всего входить

[1] Опубл. М., стр. 152.

в сношения с министерством иностранных дел. Могущие возникнуть затем между обоими ведомствами разногласия будут вноситься на разрешение совета министров.

Указанное заявление г. Пуанкаре значительно отличается от точки зрения г. Кайо, который, как вашему высокопревосходительству известно, смотрел на операции, подобные венгерскому займу или участию Франции в четверном китайском синдикате, преимущественно со стороны представляемой ими финансовой выгоды. Происшедшая ныне во взглядах французского правительства перемена несомненно должна быть поэтому признана имеющей для наших политических интересов серьезное и благоприятное значение.

Примите и пр.

Извольский.

№ 475. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 15/2 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма вашего от [8 февраля] 26 января с. г. за № 101 [1], я тотчас же вступил в переговоры с гг. Нецлин и Бенак о персидском займе. Руководствуясь сказанным письмом и приложенными к нему документами, я изложил им план предположенной финансовой операции, причем, согласно телеграмме вашей от [10 февраля] 28 января, № 176 [2], я ознакомил их лишь в самых общих чертах с содержанием проектов контрактов Учетно-ссудного банка с Зелигманом и персидским правительством. Гг. Нецлин и Бенак высказали мне полную готовность пойти навстречу нашим пожеланиям, и сегодня я получил прилагаемое при сем в подлиннике письмо [3], в коем высказано, что Парижский и Нидерландский банк расположен предложить русским, французским и английским банкам, участвующим в подготовительном комитете Трансперсидской железной дороги, взять на себя реализацию займа, под условием, что Россия и Англия согласятся между собою относительно ведения этого дела, ибо г. Нецлин убежден, что без давления со стороны английского правительства английская группа не согласится заступить место фирмы Зелигман. Далее г. Нецлин ставит в своем письме ряд вопросов: о цифре займа, о размере и форме предположенных авансов, о доходах, предназначаемых в обеспечение займа, о способе взимания этих доходов, об общей цифре долгов Персии и т. д. Наконец, г. Нецлин констатирует, что, по мысли императорского правительства, контракт с персидским правительством о займе будет подписан Учетно-ссудным банком Персии при участии Шахиншахского банка и что оба эти банка заключат условие с консорциумом, но с тем, что будущие облигации будут иметь характер персидских правительственных бумаг, дабы они подлежали во Франции лишь двухпроцентному налогу.

По поводу этих последних предположений позволяю себе высказать следующие соображения: по смыслу вашего письма, новый персидский заем должен быть осуществлен при посредстве и от имени нашего Учетно-ссудного банка, с допущением лишь участия в этом деле в известной доле Шахиншахского банка. Мне кажется, что подобная постановка вопроса может значительно затруднить осуществление займа. Шахиншахский банк устроил персидскому правительству в прошлом году заем всего в $1^1/_4$ млн. ф. ст.; ныне же идет речь о займе в 4, а может быть, и в 6 млн. ф. ст. Статьи доходов, имеющие гарантировать новый заем, распространяются далеко за пределы отведенной нам соглашением 1907 года сферы влияния; наконец, весьма важно привлечь к делу английские фирмы, входящие в состав трансперсидского консорциума, а это, по заявлению г. Нецлина, невозможно без давления со стороны английского правительства. Не лучше ли при таких условиях придать новому займу не исключительно русский, а *англо-*

[1] См. № 433.

[2] См. стр. 91, прим. 2.

[3] Письмо Нецлина на имя Извольского от 13 февр./31 янв. в основном изложено в публикуемом документе.

русский характер, и предоставить заключение контракта с персидским правительством не одному нашему банку, а обоим — *русскому и английскому банкам*. Это не только обеспечит всему делу столь необходимую для устранения Зелигмана поддержку английского правительства, но также облегчит установление и функционирование контроля над поступлениями доходов в уплату процентов по займу. Из разговоров моих с гг. Нецлин и Бенак, а также с некоторыми другими участниками консорциума я мог заключить, что вопрос о контроле будет играть в настоящем деле первенствующую роль. Персидские дела внушают очень мало доверия французской публике и размещение займа окажется возможным лишь в том случае, если займу будет обеспечен контроль со стороны обеих заинтересованных держав — России и Англии. По мысли здешних банкиров, контроль этот должен быть организован на подобие греческой долговой комиссии или сербской монопольной кассы, а органом его, вполне естественно, будет служить Учетно-ссудный и Шахиншахский банки. Если же окажется, что в настоящем деле нет полной кооперации между Россией и Англией, следует опасаться, что, несмотря на принципиальное согласие французских банков, в последнюю минуту заем встретит практические препятствия, например, в случае отказа английской группы принять в нем участие. То обстоятельство, что Шахиншахский банк в прошлом году устроил сепаратный заем в $1^1/_4$ млн. ф. ст., казалось бы, не должно препятствовать осуществлению моей мысли, ибо, вероятно, будет нетрудно соответственным образом разверстать доли участия обоих банков в новом займе или даже слить оба займа в один.

В заключение считаю долгом присовокупить, что для подробных переговоров с консорциумом о займе было бы весьма желательно командировать сюда вполне сведующее и облеченное надлежащими полномочиями лицо. В этом отношении мог бы быть особенно полезен Николай Рафалович, хорошо знакомый с делами консорциума. Если бы вы согласились прислать его сюда, ему следовало бы приехать в Париж не позже конца будущей недели.

Примите и пр.

Извольский.

№ 476. Посол в Вене министру иностранных дел.

/. Письмо. 15/2 февраля 1912 г.

Mon cher Ministre,

Le Cabinet de Vienne est fort alarmé de la tension des relations entre la France et l'Allemagne d'une part, et de l'Allemagne et l'Angleterre de l'autre.

Certains passages du discours de Ribot au sujet de ce qu'il aurait fallu dire à l'Allemagne dans la question du Maroc [1], aussi bien que le chauvinisme de Clémenceau [2] et des orateurs du Sénat, ont effrayé l'opinion publique en Autriche-Hongrie. On a ici l'impression que la convention du 4 novembre [nouv. st.] 1911 n'apaisera pas les passions éveillées tant en France qu'en Allemagne, ce qui constitue un réel danger pour le maintien de la paix.

---

[1] На заседании сената при обсуждении франко-герман. соглашения Рибо заявил: «Пушки в Агадире, это — дипломатическая ошибка Германии; нашим долгом было извлечь из нее пользу. Если бы я был министром иностранных дел, на следующий день после инцидента в Агадире г. Камбон не вернулся бы в Берлин» (газета «Matin», № 10210 от 10 февр.).

[2] О выступлении Клемансо в сенате газета «Новое время» сообщала: «Клемансо заявляет, что соглашение 1909 г. являлось прекраснейшим оплотом. Он порицает сделки и уступки, сделанные Германии под угрозою пушек Агадира. Он сомневается, что договор сделался прочным орудием мира. С 1870 г. Германия пять раз угрожала нам войной, отказывала нам в праве жить спокойно, заботясь исключительно о своей силе. Одно лишь заключенное Тройственное соглашение отвечает интересам трех держав. Германия требует от нас, чтобы мы не становились на сторону Англии, мы не откликнемся на ее призыв». Клемансо отвергает мысль о сближении с Германией и говорит: «Давнишнее поражение не может повести к вассальной зависимости. Нам предстоит еще кое-что сказать и сделать в мире» (№ 12890 от 12 февр./30 янв.).

Le séjour de Lord Haldane à Berlin aurait donné l'espoir d'une détente, que le discours de W. Churchill [1] sur les armements navals anglais a détruit partiellement.

Par contre, on croit dans les sphères politiques en Autriche que les derniers incidents entre la France et l'Italie [2] ont contribué à rapprocher cette dernière Puissance de l'Allemagne et surtout de l'Autriche-Hongrie. C'est la maladresse surtout de la presse française qui a exaspéré l'opinion publique en Italie et a assuré par là le renouvellement de la Triple Alliance. L'article paru dans le «Temps» et donnant le conseil de vendre toutes les valeurs italiennes et de les remplacer par des titres russes, a donné le branle, — la réplique, même des organes officieux de la presse italienne, ne s'est pas fait attendre, et elle a été très véhémente à l'égard de la France.

Mon collègue d'Italie m'a donné confidentiellement connaissance des rapports des ambassadeurs d'Italie: ceux de Tittoni et de Pansa méritent attention. Je me ferai un devoir de soumettre verbalement à votre excellence le résumé à mon arrivée à St. Pétersbourg le 24/II février.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод.

Дорогой министр,

Венский кабинет сильно встревожен напряженностью отношений между Францией и Германией, с одной стороны, и Германией и Англией — с другой.

Некоторые места речи Рибо относительно того, что следовало бы сказать Германии по вопросу о Марокко, а также шовиниям Клемансо и ораторов в сенате напугали общественное мнение Австро-Венгрии. Здесь создалось впечатление, что конвенция от 4 ноября [нов. ст.] 1911 г. не успокоит пробужденные страсти ни во Франции, ни в Германии, что составляет серьезную опасность для поддержания мира.

Пребывание лорда Холдена в Берлине как будто давало надежду на улучшение отношений, которая была отчасти разбита речью У. Черчилля о морских вооружениях Англии.

С другой стороны, в политических кругах Австрии считают, что последние инциденты между Францией и Италией содействовали сближению этой последней державы с Германией и, в особенности, с Австро-Венгрией. Главным образом неудачные выступления французской прессы раздражили до крайности общественное мнение Италии и тем самым обеспечили возобновление Тройственного союза. Начало этому положила появившаяся в «Temps» статья, советовавшая продавать все итальянские ценности и заменять их русскими бумагами; ответ даже официозных органов итальянской прессы не заставил себя ждать, и этот ответ отличался большой запальчивостью по отношению к Франции.

Мой итальянский коллега познакомил меня доверительным образом с донесениями итальянских послов; донесения Титтони и Панса заслуживают внимания. Сочту своим долгом изложить их содержание вашему превосходительству устно по моем приезде в Петербург 24/11 февраля.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 477. Поверенный в делах в Цетинье [3] министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 20. 15/2 февраля 1912 г.

Дополнение к № 19 [4].

Сербский посланник сообщил мне следующее: на-днях австрийский посланник поведал ему, что ввиду крайнего несовершенства черногорских судов и больших затруднений, от сего проистекающих для австрийских подданных в смешанных процессах, он добился согласия короля Николая на командирование в Черногорию двух австрийских судебных чиновников для усовершенствования черногорских судебных установлений. Барон Гизль настаивал также на том, чтобы

[1] См. № 468.

[2] См. № 409.

[3] Тел. от 1 февр./19 янв. за № 11 Арсеньев известил м-во о своем выезде в Россию и передаче управления миссией вице-консулу в Скутари Б. Миллеру. Арсеньев выехал в Россию в связи с поездкой в Петербург короля черногорского.

[4] Тел. от 14/1 февр. за № 19 Б. Миллер сообщал Сазонову, что «в Цетинье ожидаются два австрийских судебных чиновника далматинца, которые командируются Австрией в Черногорию, по уговору между королем Николаем и здешним австрийским посланником, в качестве инструкторов». Миллер добавлял, что председатель черног. совета м-ров Томанович, «видимо не одобряя эту затею», заявил ему, что «Черногория их услуг оплачивать не будет, так что присылка их является «любезностью» австрийского правительства».

эти инспекторы оплачивались одной только Австрией, но на это условие король еще не выразил согласия. В обязанности одного из инспекторов, насколько понял Гаврилович, будут входить частые разъезды по стране для инспектирования судов и ревизии делопроизводства [1].

Миллер.

№ 478. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

/. Депеша № 9. 15/2 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Препирательства из-за привилегий, сохраняемых за династией, взаимные запугивания, распускание ложных слухов и официальное сообщение, даже иностранным представителям, неполных и неточных сведений — все эти приемы до конца ознаменовали собою переговоры об отказе императора от престола. Еще накануне самого события управляющий вай-ву-бу заявил некоторым посланникам, что главное затруднение — подыскание соответствующего иероглифа для термина отречение («отказ от престола») — устранено и что взамен сделанных двором уступок республиканцы отказались от своего намерения настаивать на приезде Юань Ши-кая в Нанкин; на самом деле проводившаяся здесь официальная версия о намерении пекинского правительства обусловить уход династии полным соглашением с республиканцами относительно дальнейшего образа действий остается, однако, под сомнением. Утром в день выхода указов об отречении, сообщенных миссиям около 8 часов вечера, в официальных китайских кругах заявляли, что опубликование состоится дня через 2—3. Нужно сказать, что все эти и другие мелкие факты, — например, преувеличение сведений об оппозиции манчжурских князей, которые, кроме бессилия и своекорыстия, ничего в конце концов не проявили, — создали весьма неприглядную и темную обстановку интриг вокруг отречения и, несомненно, подорвали то доверие, которое иностранцы склонны были оказывать Юань Ши-каю.

Суть полученных мною официальных сообщений об отказе вдовствующей императрицы и императора от престола уже доложена была вашему высокопревосходительству по телеграфу [2]. Ныне почитаю долгом представить при сем перевод означенных документов и приложенных к ним указов, а равно перевод сообщения о переименовании китайских посланников за границей во «временных дипломатических агентов» [3].

При рассмотрении этих актов необходимо прежде всего отметить, что по двум наиболее существенным пунктам, указанным в донесении моем за № 7 [4], пекин-

---

[1] Тел. от 17/4 февр. за № 26 Б. Миллер сообщал, со слов барона Гизля, что переговоры о посылке из Австро-Венгрии судебных инспекторов начались 2—3 месяца тому назад; приезд этих лиц уже решен и оплачиваться они будут австро-венгерским прав-вом. По мнению Миллера, переговоры по этому вопросу были связаны с заключенным Черногорией займом в Вене (см. № 425).

[2] См. №№ 454 и 455.

[3] Приложения не воспроизводятся.

[4] В деп. от 6 февр./24 янв. за № 7 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 93) Щекин сообщал, что 3 февр./21 янв. императрица уполномочила Юань Ши-кая на ведение переговоров с республиканцами относительно условий, на которых могло бы состояться отречение. Указывая, что остается еще спорным вопрос о размере средств на содержание императора, Щекин далее писал: «Воздерживаясь пока от приведения не окончательно установленных подробностей, тем более что об основных условиях я уже имел случай упоминать, считаю долгом высказать, что наиболее интересующая нас сторона этих условий уже вполне выяснилась и сводится, как неоднократно отмечалось мной в телеграммах и донесениях, к стремлению Юань Ши-кая придать установлению нового строя характер законного перехода власти от династии к республиканскому правительству. Что речь будет итти ныне именно о «переходе», а не об «унаследовании», можно заключить из того обстоятельства, что слово «отречение» старательно обходится во всех официальных и официозных версиях. Пока, конечно, прежде всего имеется в виду этим путем добиться с наименьшими затруднениями признания держав. Нужно ли сохранение носителя императорского титула для каких-либо других затаенных целей, или же эта уступка вызывалась необходимостью добиться скорейшего компромисса с двором и, в таком случае, насколько этот компромисс окажется долговечным, покажет будущее».

ское правительство уступило: императорский титул сохраняется не на вечные времена в дайцинской династии, а лишь пожизненно за нынешним его малолетним носителем; с другой стороны, отречение оформлено точным образом, как «отказ от престола» и удаление вдовствующей императрицы и императора на покой. Другой важный пункт, вызывавший столько споров, решен в том смысле, что пенсия императору определяется в 4 000 000 лан первоначально и затем понижается до 4 000 000 долларов нового чекана, когда монетная реформа будет осуществлена. Таким образом пенсия почти сводится к сумме, предложенной вначале республиканцами (3 000 000 лан против 5 000 000, потребованных двором).

Заслуживает внимания, что привилегии обеспечены манчжурам, монголам, тибетцам, «ныне признавшим республиканский строй»; таким образом, если инородцы проявят мало охоты примкнуть к «Великой китайской республике», то и дарованные им льготы могут оказаться условными. Практически, в отношении поддержания порядка в стране, продолжение выдачи содержания знаменным имеет наибольшее значение. В общем только будущее покажет, что именно из этих привилегий и сколько времени будет соблюдаться на деле, хотя в официальном тексте и предусмотрено, что он будет сообщен «делегатами обеих сторон» иностранным представителям в Пекине. Странно звучит вступительная фраза о согласии (на предоставление привилегий) китайского республиканского правительства: можно заключить, что этот термин признан таким образом за нанкинским временным правительством, так как едва ли допустимо принятие на себя обязательств каким-либо будущим, пока еще не существующим правительством.

На следующий день после издания указов дипломатический корпус собрался для чисто формального обсуждения полученных сообщений. Решено было оставить их без ответа, так как уведомление о получении полагалось бы сделать лишь по одному из сообщений прежнему законному правительству, прекратившему свое существование.

На случай каких-либо неизбежных письменных сношений с министерством иностранных дел условлено было придавать таковым безличную форму отношений или памятных записок, адресованных в вай-ву-бу с пропуском эпитета «императорское, дайцинское».

Само собою разумеется, что в ожидании, пока положение несколько определится, дипломатический корпус воздержался от всяких суждений, которые могли бы связать его свободу действий в будущем.

Примите и пр. Щекин.

№ 479. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

/. Депеша № 10. 15/2 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме от [14] 1 сего февраля, № 162 [1], считаю долгом представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства некоторые подробности беседы с посетившим меня в тот день товарищем министра иностранных дел. Если бы не напряженность политического положения, то визит этот мало отличался бы от обычного объезда членами вай-ву-бу или секретарями Юань Ши-кая представителей шести держав в Пекине, периодически повторяющегося в зависимости от хода переговоров с республиканцами.

Сановник Цзао Чжу-лин ознакомил меня прежде всего с содержанием прилагаемой у сего в переводе телеграммы Сун Ят-сена на имя Юань Ши-кая, полученной в ответ на извещение об отречении династии. Хотя тон этого документа наводит на размышления, я воздержался от какой-либо его оценки. Последовавшие затем вопросы приняли весьма пространный характер. Сославшись на давнишнее

[1] См. № 469.

наше знакомство, Цзао стал осведомляться частным образом, считаю ли я, что Нанкин был бы лучшей столицей, чем Пекин; таково ли положение на севере, что отъезд Юань Ши-кая в Нанкин не представлял бы опасности с точки зрения поддержания порядка; кто принес бы Китаю больше пользы в роли президента, Юань Ши-кай или Сун Ят-сен; как отнеслись бы державы к временному правительству, которое было бы сформировано Юань Ши-каем на севере и пр. В ответ пришлось мне, конечно, развивать на все лады тему о невмешательстве иностранцев во внутренние дела Китая и, в частности, о нашем доброжелательном нейтралитете или отвечать вопросами же. По ходу всего разговора заметно было не только зондирование или подготовление почвы, но и желание вызвать какое-нибудь мнение, которое можно было бы использовать, как аргумент против южан. Трудно было допустить, конечно, что Юань Ши-кай так легко доверился и дал себя обмануть Сун Ят-сену; поэтому я осведомился у моего собеседника, каким образом состоялось опубликование указов об отречении, если не было уверенности в полном соглашении с нанкинским временным правительством или единодушия в среде последнего. Цзао не нашелся сказать ничего другого как то, что официально переговоры велись лишь об условиях отказа императора от престола. На это я, конечно, выразил надежду, что, преодолев уже столько трудностей, нельзя отчаиваться и остается продолжать переговоры. Как потом выяснилось, приблизительно такие же беседы велись сановниками вай-ву-бу и с остальными моими пятью коллегами.

Весьма возможно, что Юань Ши-кай решил не откладывать далее устранения императора от трона в надежде одним ударом ускорить затянувшиеся переговоры об образовании временного правительства, и, развязав себе руки, под кличкой республиканца, продолжать вести дело на свой личный страх. Учел ли он правильно последствия отречения династии, за счет которой он мог до того вступать в компромиссы с республиканцами, решить пока трудно. Самое отречение во всяком случае, как я уже имел честь докладывать, не могло положить конец смуте, так как для действительного объединения соперничающих сторон Юань Ши-каю нехватает доверия, которым он, вне клана своих сотрудников, не пользуется[1]. Благодаря той же причине нельзя не считать весьма относительно правильным довольно распространенное среди европейцев мнение, что Юань — единственный человек, способный вывести Китай из нынешних затруднений. Это, быть может, справедливо только в отношении севера постольку, поскольку европейцы дадут Юаню материальные средства, чтобы деньгами бороться с республиканской пропагандой и сохранить за собою преданность войск. Китайцы, напротив, видят в нем прежнего предателя покойного императора Гуан-Сюй, повторившего ныне предательство в отношении манчжурской династии, трон которой он взялся спасать; страх, внушаемый его властолюбием, уменьем и ловкостью, вызывает чувства, весьма мало похожие на расположение. Как ни сложатся дальнейшие обстоятельства, с этим настроением Юань Ши-каю придется серьезно считаться.

Главным объединяющим началом в современном Китае может явиться усиливающийся национализм; но Юань Ши-кай — оппортунист, чересчур пропитанный заветами старой китайской школы, чтобы руководствоваться идейностью или все подчинять заботе о государственной пользе. Между тем для сколько-нибудь искренней попытки насадить на китайской почве республиканские или даже конституционно-монархические принципы требуется громадная идейная

---

[1] В тел. от 14/1 февр. за № 160 Щекин сообщал, что создавшееся в Китае положение «сводится к отсутствию всякого правительства, так как звание уполномоченного по образованию временного республиканского правительства, принятое Юань Ши-каем, тем менее соответствует понятию о законной или даже действительной правительственной власти, что оно носит чисто условный характер. Ненависть к Юань Ши-каю и неоднократно отмеченное мной в телеграммах и донесениях крайнее недоверие к нему громадного большинства китайцев, особенно южных, может пересилить расчеты республиканских главарей использовать его авторитет и сотрудничество. Отсутствие третьей стороны, т. е. династии, в споре скорее затруднит, чем облегчит дело».

работа, которая претворила бы все эти принципы, именно опираясь на национализм. Окажется ли вообще возможным на практике сотрудничество между Юань Ши-каем и вождями республиканцев, если слияние внешним образом состоится, остается поэтому еще большим вопросом. Дело таким образом может свестись к тому, захватит ли один человек в свои руки победившую, повидимому, благодаря его сообщничеству, политическую партию или же партия возьмет в руки и до конца использует в своих целях этого человека.

Если соглашение с нанкинским временным правительством не будет достигнуто, и Юань Ши-кай приступит к образованию отдельного временного правительства в Пекине, то подбор сотрудников, которых ему удастся найти, до известной степени прольет свет и на крайне запутанное положение и на планы самого Юаня. Весьма возможно, что он воспользуется настоящим моментом, чтобы постараться для начала вызвать раскол и привлечь на свою сторону более умеренную часть республиканцев, или, по крайней мере, тех, которые склоняются в пользу сохранения столицы на севере. К возобновлению военных действий пока не заметно особой склонности, да оно было бы и не логично, так как официально, судя по циркулярам, разосланным властям Юанем, в стране остались только республиканцы, под сенью нового пятицветного флага. В Пекине и Тяньцзине население было настолько подготовлено к отречению, что заметного впечатления самое событие не произвело. Тем временем на севере усиленно подготовляется кандидатура Юань Ши-кая в президенты, и газеты запестрели коллективными телеграммами в этом смысле, образчик коих при сем прилагается в вырезке.

При всем том однако следует предвидеть, что продолжение интриг и внутренней борьбы усилит развивающуюся анархию, в этом едва ли может быть сомнение.

Примите и пр.

Щекин.

P. S. Настоящее донесение было уже написано, когда мне были доставлены прилагаемая у сего в копии телеграмма нанкинского правительства в редакцию здешней газеты «Journal de Pékin», в тексте коей приводятся не лишенные интереса подробности переписки Юань Ши-кая с Сун Ят-сеном, а равно перевод полученной из вай-ву-бу телеграммы о состоявшемся в Нанкине избрании Юань Ши-кая президентом временного правительства [1].

Ut in litteris Щекин.

№ 480. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

16/3 февраля 1912 г.

Известный путешественник и исследователь Средней Азии Свен Хедин издал на шведском языке брошюру под заглавием «Слово предостережения»[2], заключающую в себе грубые нападки на Россию, со стороны которой, по словам автора, Швеции грозит будто бы серьезная опасность. Брошюра, напечатанная в 420 000 оттисках, распространяется даром, с явной целью возбудить шведское общественное мнение против России.

Ввиду того, что Свен Хедин в течение многих лет постоянно пользовался милостивым вниманием вашего императорского величества и поддержкой русского правительства, неоднократно облегчавшего ему достижение его ученых целей, подобная выходка является особенно возмутительной. Поэтому я не счел возможным обойти ее молчанием и высказал по этому поводу наше удивление и негодование как лично пребывающему при высочайшем дворе шведскому посланнику, так и чрез императорского поверенного в делах в Стокгольме королевскому министру иностранных дел [3].

[1] Указанные в публикуемом документе приложения не воспроизводятся.

[2] См. № 463.

[3] Тел. от 15/2 февр. за № 219, содержание которой совпадает с публикуемым документом, Сазонов предписывал Мясоедову высказаться в этом смысле перед шведским м-ром ин. дел, указав, «что подобные случаи едва ли могут содействовать улучшению наших взаимных отношений, к которому мы, со своей стороны, всеми средствами стремимся».

Почитая своим долгом донести о вышеизложенном вашему императорскому величеству, приемлю смелость повергнуть на высочайшее благовоззрение извлечение из означенной брошюры в русском переводе[1].

Сазонов.

Вот не ожидал этого от Хедина.

Царское Село, [16]3 февраля 1912 г.

№ 481. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 221. 16/3 февраля 1912 г.

Сообщается послу в Париже.

№ 1.

Американский статс-секретарь сообщил нашему послу свой ответ на германскую ноту об отношении к событиям в Китае [2], который был затем опубликован. За № 2 вам передается ответ, который мы поручаем Бахметеву сделать на это сообщение [3].

Благоволите ознакомить министра иностранных дел с содержанием нашего ответа и осведомиться у него, как великобританское правительство отвечает американскому статс-секретарю, особенно по вопросу о ссудах денег борющимся в Китае партиям. Ввиду недостатка денежных средств на продолжение этой борьбы, как у империалистов, так и у сторонников республики, всякие займы той или другой из этих партий получают большое политическое значение. Между тем нам известно, что Гонконг-шанхайский банк ведет переговоры о займе для Юань Ши-кая; германская фирма Арнольд Карберг выдала ссуду ему же, а японская фирма Окура устроила заем для республиканцев [4].

Такой образ действий нарушает принцип общего невмешательства в происходящую в Китае борьбу и приносит государственные интересы в жертву частным. Мы желали бы знать, как английское правительство относится к высказанной Ноксом мысли, чтобы все заинтересованные в китайских займах державы придерживались принципа недозволения своим подданным заключать такие займы без их одобрения подлежащими правительствами по обсуждении с прочими державами.

[Сазонов.]

№ 482. Министр иностранных дел послу в Вашингтоне Бахметеву.

/. Телеграмма № 222. 16/3 февраля 1912 г.

Сообщается послам в Лондоне, Париже, Токио и посланнику в Пекине (№ 2).

№ 8 [5] reçu.

Veuillez adresser la réponse suivante à la communication du secrétaire d'Etat:

«Depuis le commencement de la crise actuelle en Chine, le gouvernement impérial a observé une attitude de stricte neutralité vis-à-vis des deux partis luttant pour le pouvoir dans ce pays. Ces deux partis ayant jusqu'ici respecté les intérêts des étrangers, le gouvernement impérial ne voit pas de raison pour se départir d'une pareille attitude. Cependant si les intérêts communs des étrangers étaient atteints par cette lutte le gouvernement impérial n'aurait pas d'objection à un échange de vues avec les autres Puissances au sujet des mesures à prendre pour la protection desdits intérêts.

D'accord avec le gouvernement fédéral, le gouvernement impérial est d'avis qu'il serait utile que les Puissances s'entendissent entre elles pour ne prêter aucun

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] См. приложение к № 456.
[3] См. № 482.
[4] См. № 466.
[5] См. стр. 111, прим. 2.

appui à ceux de leurs sujets qui auraient l'intention de fournir des fonds au parti impérialiste ou à celui des partisans de la république en Chine. Le gouvernement impérial croit devoir constater toutefois qu'aucun sujet russe n'a essayé jusqu'ici d'émettre un emprunt au profit de l'un des partis susindiqués.»

[Sazonow.]

Перевод.

Сообщается послам в Лондоне, Париже, Токио и посланнику в Пекине (№ 2).
№ 8 получен.
Благоволите дать следующий ответ на сообщение статс-секретаря:
«С самого начала настоящего кризиса в Китае императорское правительство занимало позицию строгого нейтралитета по отношению к двум партиям, борющимся за власть в этой стране. Так как обе партии до настоящего времени уважали интересы иностранцев, императорское правительство не видит оснований для того, чтобы изменить эту позицию. Однако, если бы в этой борьбе общие интересы иностранцев были затронуты, императорское правительство не возражало бы против обмена мнений с другими державами относительно мер, которые могли бы быть приняты для ограждения указанных интересов.
В согласии с федеральным правительством императорское правительство полагает, что было бы целесообразно, чтобы державы уговорились не оказывать никакой поддержки тем из своих подданных, которые намерены были бы предоставить средства сторонникам империи или сторонникам республики в Китае. Императорское правительство считает однако своим долгом констатировать, что ни один из русских подданных не пытался до настоящего времени выпустить заем в пользу одной из вышеуказанных партий».

[Сазонов.]

№ 483. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

/. Телеграмма № 230 [1]. 16/3 февраля 1912 г.

Ваши телеграммы №№ 42 [2] и 45 [3] получены.

Предварительно какого-либо ответа министру иностранных дел по существу затронутых им в разговоре с вами вопросов, благоволите ясно дать понять Порте: 1) Что основой переговоров по железнодорожным вопросам может служить лишь положение, исходящее из соглашения 1900 г., и что, следовательно, о «смычке» (raccordement) железнодорожных путей в Малой Азии может начаться разговор лишь после того, как будут взаимно условлены руководящие принципы направления (tracé) и порядка построения этих линий, каковые вопросы вполне объемлются текстом 3 абзаца соглашения 1900 года: «On devra prendre en considération de part et d'autre lors de la construction de ces lignes, les intérêts commerciaux communs des deux Etats» [4].

2) Что в вопросе 4% надбавки таможенных пошлин, как касающемся всех держав, мы не можем связывать себя единоличными обязательствами пред Портой при отсутствии возможности судить, на что пойдет излишек таможенных поступлений, а что впрочем это была бы услуга настолько значительная для Турции, что стоила бы без сомнения особой компенсации.

Сазонов.

№ 484. Поверенный в делах в Стокгольме министру иностранных дел.

/. Телеграмма [5]. 16/3 февраля 1912 г.

Получил № 219 [6].

О брошюре Хедина и разговоре по ее поводу с товарищем министра иностранных дел послал во вторник с очередным курьером подробное донесение [7]. С тех

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 310, № 564.
[2] См. № 464.
[3] Тел. от 13 февр./31 янв. за № 45 Чарыков высказывал пожелание, ввиду ожидаемого содействия со стороны франц. прав-ва, ознакомить последнее «с содержанием того сообщения, которое будет сделано нами Порте по малоазиатскому железнодорожному вопросу».
[4] «Во время постройки этих линий и та и другая сторона должны будут принять во внимание общие торговые интересы обоих государств».
[5] Номер отсутствует.
[6] См. стр. 142, прим. 3.
[7] См. № 463.

пор до получения телеграммы вашего высокопревосходительства говорил с министром иностранных дел, признавшим вред брошюры для наших взаимных отношений. По словам министра, выходка Хедина направлена, главным образом, против теперешнего шведского правительства и его политики. Увижу графа Эренсверда во дворце на дипломатическом обеде и сделаю предписанное заявление [1].

Мясоедов.

№ 485. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 23. 16/3 февраля 1912 г.

Как я узнал от Томановича, министр финансов известил его о том, что на-днях в Цетинье получены 500 000 крон в счет заключенного в Вене займа [2]. Болгарский посланник узнал из австрийского источника, что этот аванс был выдан по настоятельной просьбе черногорского правительства, крайне нуждающегося в деньгах, что расходование этой суммы будет происходить под австрийским контролем и что из нее прежде всего будет оплачен сделанный в Болгарии заказ на один миллион кило маиса для нуждающегося населения.

Миллер.

№ 486. Председатель совета министров наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 592 [3]. 16/3 февраля 1912 г.

Ответ на № 1691 [4]. По соглашению с министром иностранных дел, уведомляю: 1) к предположенному вашим сиятельством определению численности наших отрядов в Энзели, Реште и Ардебиле препятствий не встречается; 2) так как в Тавризе далеко еще не наступило полного успокоения, то чрезмерное ослабление тавризского отряда опасно. Ввиду сего чрезвычайно желательно, чтобы из намечаемого вами уменьшенного состава означенного отряда не выделялось никаких частей, а охрана Джульфа-Тавризской дороги и других указанных в телеграмме пунктов возложена была на особые части; 3) по вопросу об отозвании урмийского отряда, с оставлением в Урмии лишь консульского конвоя в 90 человек, гофмейстер Сазонов остается при прежнем своем мнении о нежелательности этой меры, так как положение малочисленного конвоя будет еще менее обеспеченным, нежели целого отряда в 400 человек с артиллерией и 4 пулеметами. Впрочем, нападение турецких войск более чем сомнительно. Нужно предусматривать лишь возможность нападения курдов, подстрекаемых турками. Но курдские шайки не представляются особенно опасным противником для отряда в 400 человек с пулеметами и артиллерией. Между тем отозвание отряда будет истолковано как признак нашей слабости перед надвигающимися турками и может подстрекнуть курдов напасть на наш консульский конвой в Урмии. Учи-

---

[1] Тел. от 17/4 февр. (без номера) Мясоедов передал Сазонову сожаление Эренсверда по поводу «неприличной выходки Хедина». «Свобода печати, — добавлял Мясоедов, — лишает правительство возможности принять меры против распространения брошюры, но министр полагается на здравый ум шведского народа и уверяет, что благоразумное большинство не сочувствует Хедину».

[2] См. № 425.

[3] Маш. копия. Копия публикуемой тел. была, по распоряжению Коковцова, послана Сазонову управляющим делами совета м-ров Плеве, при письме от 12 февр./30 янв. за № 552.

[4] Тел. от 8 февр./26 янв. за № 1691 Воронцов-Дашков, ссылаясь на тел. Коковцова № 407 (см. № 422), указывал, что свирепствующая в Реште и Энзели малярия вынуждает отказаться от занятия этих городов сильным отрядом. Он считал достаточным оставить в Энзели и Реште — 1600 чел., в Ардебиле — 1400, в Тавризе — 2800, в Хое — 2450, а в Урмии — консульский конвой в 90 чел. и 14 казаков. «Из состава тавризского отряда, — указывал Воронцов-Дашков, — по мере необходимости будут заняты Джульфа, Маранд, Марага». «Связь между Джульфой, Тавризом, Хоем, Урмией, установленную искровой ротой, полагаю оставить в силе».

нив же такое нападение, они тотчас же скроются в турецких владениях и сделаются недостижимыми для нашего карательного отряда. О последующих распоряжениях покорно прошу ваше сиятельство почтить меня сообщением [1].

Коковцов.

№ 487. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

17/4 февраля 1912 г.

His Britannic Majesty's Government propose that the Protecting Powers should inform the Austro-Hungarian and German Governments of the situation actually existing in Crete and more especially of the intention of the Cretans to send deputies to the Greek Chamber at Athens [2].

His Britannic Majesty's Government would be glad to learn whether the Imperial Government agree that it would be of advantage that the Protecting Powers should make a communication to the Cabinets of Vienna and Berlin in the following sense:

It would be pointed out in the communication that the ships of war of the Protecting Powers were able on a recent occasion to prevent Cretan deputies from leaving the island for Athens. Their success in this was due to the fact that the deputies made no attempt to conceal their movements. It would however be impossible for the Protecting Powers to establish an effective blockade of the whole island if Cretan deputies were to attempt to leave clandestinely for Greece from various points on the Cretan sea-board. With regard to the situation in the island itself it is the firm determination of the Protecting Powers to maintain the status quo there, even should such a policy necessitate an eventual reoccupation of Crete; it is possible however that the arrival in Athens of Cretan deputies might involve Greece in difficulties with Turkey, whereby a situation of grave international concern would be brought about. It is therefore considered most desirable that an exchange of views should take place between all the Powers as to what steps should be taken in order to avert any danger of a breach of the public peace.

The Government of France have been asked for their views on this proposal, and the Government of Italy have also been informed of the suggestion that a communication in the above sense should be made to Vienna and Berlin [3].

---

[1] Публикуемый документ является кратким пересказом письма Сазонова Коковцову от 14/1 февр. за № 130.

[2] Пам. запиской от 15/2 февр. Бьюкенен сообщил росс. м-ву ин. дел о посланной англ. консулу в Канее инструкции заявить критскому прав-ву, что поведение революционной партии производит неблагоприятное впечатление на прав-ва держав-покровительниц. «Если она будет упорствовать в проведении таких мер, как посылка депутатов в Афины, отмена капитуляций, увольнение чиновников-мусульман, или если будут продолжаться убийства мусульман, то державы-покровительницы предпримут соответствующие шаги для предотвращения нежелательных последствий от такого рода действий». Далее консул должен был заявить, что державы не допустят изменения status quo на Крите, и в случае, если критяне не сумеют управляться мирно, державами будут приняты меры, неблагоприятные для критских стремлений.

Далее Бьюкенен передавал мнение англ. посла в К-поле, согласно которому турец. прав-во даже не станет рассматривать вопроса о малейших уступках Криту. Исходя из этого, англ. прав-во считает необходимым, чтобы державы-покровительницы уже сейчас предприняли необходимые шаги к реоккупации Крита (ср. № 421), которая может оказаться необходимой в будущем месяце. Поскольку Италия, в связи с войной с Турцией, вероятно уклонится от участия в реоккупации, следовало бы установить с наибольшей ясностью, что это уклонение будет только временным. В тот же день Бьюкенен обратился с личным письмом к Сазонову, в котором между прочим писал: «Опасаюсь, что положение на Крите становится все хуже и что державы-покровительницы вскоре будут вынуждены договориться о реоккупации острова».

[3] Пам. запиской от 20/7 февр. за № 75 Сазонов сообщил Бьюкенену, что росс. м-во ин. дел разделяет точку зрения англ. прав-ва на своевременность обмена мнений с венским и берлинским кабинетами о положении на Крите и что оно присоединится к любому шагу в этом направлении, который будет одобрен Лондоном и Парижем.

Перевод.

Правительство его британского величества предлагает, чтобы державы-покровительницы информировали австро-венгерское и германское правительства о существующем в настоящее время положении на Крите и в особенности о намерении критян послать депутатов в греческую палату в Афинах.

Правительство его британского величества хотело бы знать, согласно ли императорское правительство с тем, что было бы желательно, чтобы державы-покровительницы сделали венскому и берлинскому кабинетам сообщение в следующем смысле:

В сообщении было бы отмечено, что при недавно представившемся случае военные суда держав-покровительниц оказались в состоянии воспрепятствовать депутатам Крита выехать с острова в Афины. Этого успеха они достигли потому, что депутаты не пытались скрывать свои передвижения. Однако для держав-покровительниц было бы невозможно установить эффективную блокаду всего острова, если бы критские депутаты стали пытаться тайком выехать в Грецию из разных пунктов критского побережья. Что касается положения на самом острове, то державы-покровительницы твердо решили поддерживать там status quo, даже если такая политика потребовала бы новой оккупации Крита; возможно, однако, что приезд в Афины критских депутатов сможет повлечь для Греции затруднения с Турцией, чем было бы создано положение, имеющее серьезное международное значение. Поэтому признается в высшей степени желательным, чтобы между всеми державами состоялся обмен мнений относительно того, какие шаги следует предпринять для предотвращения всякой опасности нарушения общего мира.

Французское правительство запрошено относительно его взгляда на это предложение, и правительство Италии также информировано о предложении сделать в Вене и Берлине сообщение в вышеуказанном смысле.

№ 488. Нота китайского посланника в Петербурге министру иностранных дел.

/. № 1554. 17/4 февраля 1912 г.

Monsieur le Ministre,

D'après un télégramme reçu du ministère des affaires étrangères de Pékin, j'ai l'honneur d'informer votre excellence que l'Assemblée Nationale de Nankin a accepté la démission du président provisoire Mr. Sun Yat-Sen et que Mr. Yuan Shi-Kai vient d'être élu, à l'unanimité de ladite Assemblée, président provisoire de la République chinoise. Toutes les provinces du Nord ainsi que les mandchous et les mongols ont voté également pour Mr. Yuan Shi-Kai.

En portant ce qui précède à votre connaissance, je saisis cette occasion pour vous renouveler, Mr. le ministre, l'assurance de ma haute considération.

Lou Tcêng-siang.

Перевод.

Г. министр,

На основании телеграммы, полученной от министерства иностранных дел в Пекине, я имею честь уведомить ваше превосходительство, что Национальное собрание в Нанкине приняло отставку временного президента г. Сун Ят-сена и что г. Юань Ши-кай единогласно избран указанным собранием временным президентом Китайской республики. Все северные провинции, а также манчжуры и монголы равным образом голосовали за г. Юань Ши-кая.

Доводя до вашего сведения вышеизложенное, пользуюсь случаем возобновить, господин министр, уверения в моем глубоком к вам уважении.

Лу Чжен-цзян.

№ 489. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 236. 17/4 февраля 1912 г.

Срочно.

За № 2 вам передается срочная телеграмма Неклюдова [1].

---

[1] Тел. от того же числа за № 237 Сазонов препроводил Гартвигу тел. Неклюдова от 16/3 февр. за № 17, в которой последний передавал просьбу Гешова и Спалайковича «поддержать перед Милововичем возможность немедленно подписать соглашение на основании границы Романовского» (ср. стр. 163, прим. 3).

Ввиду принципиального значения, которое мы не переставали придавать соглашению, и настроения Сербии, о коем вы сообщали телеграммой № 17 [1], благоволите поддержать пред Миловановичем просьбу Спалайковича и Гешова.

Сазонов.

№ 490. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 44 [2]. 17/4 февраля 1912 г.

Nicolson me dit que Grey appréciait beaucoup procédés amicaux et conciliants de Russie au cours des dernières négociations sur Perse. Il me donna sommaire de discours que Grey prononcerait soir même devant auditoire spécial à Manchester [3]. Je profitai de cette occasion pour demander si dans son opinion situation créée par mission Haldane pourrait en quelque sorte influer sur rapport actuel de Russie et d'Angleterre. Il m'en réfère à mon entrevue avec Grey à laquelle il avait assisté et aux déclarations de Asquith au Parlement [4]. Je lui dis que je parlais d'opinion publique anglaise. Il répondit que malgré satisfaction assez générale pour détente avec Allemagne, il croyait que sauf quelques irréconciliables, appréhensions concernant Perse étaient déjà calmées, que le ministre des affaires étrangères avait reçu même du comité de Perse lettre sur un ton tout-à-fait différent de jusqu'ici, ce qu'il considère symptôme important. Nicolson constata avec regret hésitation d'opinion de France, il croit qu'il pourrait en être de même en Russie. Il espère que cela serait très passager et dissipé par déclaration publique. Il ajouta qu'il pensait que dans opinion anglaise mission Haldane comportait aucune modification à entente anglo-russe.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон сказал мне, что Грей очень ценит дружественный и примирительный образ действий России во время последних переговоров по персидскому вопросу. Он сообщил мне содержание речей, которые Грей должен произнести сегодня вечером перед особой аудиторией в Манчестере. Я воспользовался этим случаем, чтобы спросить, может ли, по его мнению, положение, созданное миссией Холдена, повлиять каким-нибудь образом на существующие между Россией и Англией отношения. Он сослался на мою беседу с Греем, при которой он присутствовал, и на заявления Асквита в парламенте. Я ему сказал, что я имел в виду общественное мнение Англии. Он ответил, что, несмотря на довольно распространенное чувство удовлетворения по поводу улучшающихся отношений с Германией, он полагает, что за исключением нескольких «непримиримых», опасения относительно Персии рассеялись, и что министр иностранных дел получил даже от Персидского комитета письмо, составленное в совершенно ином тоне, чем это было до сих пор; он считает это важным симптомом. Никольсон констатировал с сожалением колебания общественного мнения Франции, он считает, что то же самое может случиться и в России. Он надеется, что эти колебания временные и что они быстро рассеются в результате публичного заявления. Он добавил, что, по его мнению, в глазах англичан миссия Холдена не вносит никаких изменений в англо-русское согласие.

Бенкендорф.

№ 491. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

·/. Телеграмма № 240. 18/5 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Поппе № 88 [5].

В согласии с установленным нами общим положением не вмешиваться в происходящую в Китае борьбу, мы считаем за лучшее, если вы не встречаете против

---

[1] См. № 452.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 311, № 565.

[3] См. стр. 150, прим. 3.

[4] В своем выступлении в нижней палате 14/1 февр. Асквит, отмечая благоприятные результаты поездки Холдена в Берлин, подчеркнул, что искреннее желание англ. прав-ва улучшить взаимоотношения между Англией и Германией ни в какой мере не затрагивает особых отношений Англии к другим державам.

[5] В тел. от 17/4 февр. за № 88 ген. консул в Харбине Поппе сообщал, что в этот день «проникшие в Фуцзядянь революционеры сместили чинов приставства и полиции,

того возражений, не оказывать поддержки ни одной из сторон, пришедших в столкновение в Харбине.

Содержание указаний, которые вы дадите Поппе, благоволите телеграфировать нам. Мы войдем в сношение с министром финансов для преподания аналогичных инструкций властям Китайско-восточной ж. д. [1]

Сазонов.

Но, очевидно, военных действий на нашей полосе отчуждения мы допустить не можем.

Царское Село, [18]5 февраля 1912 г.

№ 492. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 95. 18/5 февраля 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

В ответ на письмо от [16] 3 сего февраля № 1355 [2], спешу уведомить ваше высокопревосходительство, что еще [10 февраля] 28 минувшего января, в разговоре с директором Русско-азиатского банка г. Верстратом, я сказал ему, что если с вашей стороны не встречается к тому препятствий, то и я не имею возражений против того, чтобы синдикат названного банка авансировал некоторую сумму денег Юань Ши-каю. Я поставил условием своего согласия на такой аванс, чтобы эта сделка последовала со стороны не Русско-азиатского банка, связи которого с императорским правительством слишком хорошо известны, но чтобы операция эта носила характер частной сделки одной из иностранных групп, входящих в синдикат, например, бельгийской, на которую указал мне г. Верстрат [3].

При этом мнении я остаюсь и ныне. Недавние указы об отречении дайцинской династии и об образовании в Китае республиканского правительства, на мой взгляд, еще далеко не исчерпывают происходящую там борьбу, и всякие ссуды одной из борющихся сторон носят слишком яркую политическую окраску, чтобы они могли делаться банками, стоящими столь близко к императорскому правительству, как Русско-азиатский, особенно ввиду тех сношений о воздержании от ссуд китайцам, которые, в согласии с высказанным вами мнением, мы

заняли Дайцинский банк. Днем происходило совещание, на котором революционеры предъявили даотаю требования: 1) сдать имеющееся оружие, 2) отменить сборы и налоги, 3) сдать наличные суммы сборов и налогов. После совещания, на коем даотаем окончательного ответа дано не было, ко мне явился делегат партии революционеров с просьбой воздействовать на даотая в целях избежания кровопролития».

[1] Письмом от 19—20/6—7 февр. за № 146 Коковцов сообщил Сазонову, что управляющий КВЖД Хорват тел. от 17/4 февр. за № 417 донес ему о занятии китайскими революционерами города Фуцзядяня. Ввиду близкого соседства Фуцзядяня с полосой отчуждения Хорват усматривал в этом враждебную по отношению к России демонстрацию и испрашивал указаний, «не следует ли впредь, до признания нами нового правительства, принять меры к удалению революционеров из Фуцзядяня и к восстановлению там прежних китайских властей». Коковцов, запрашивая мнение Сазонова, высказывался в том смысле, что он не усматривает за росс. прав-вом права «удалять тех или иных представителей китайской власти из местностей, расположенных вне железнодорожной территории», но признает необходимым в пределах последней «действовать вполне самостоятельно, не считаясь с тем, какие китайские власти там находятся». Тел. от 21/8 февр. за № 259 Сазонов известил Поппе, что Коковцовым посланы Хорвату инструкции в смысле изложенного письма.

[2] В письме от 16/3 февр. за № 1355 Коковцов сообщил Сазонову, что, ввиду крайне тяжелого финансового положения кит. прав-ва, Русско-азиатский банк считает желательным теперь же «в счет будущего займа или независимо от него авансировать на нужды китайского правительства некоторую сумму, дабы не потерять окончательно своих связей и влияния в Пекине и чтобы обеспечить синдикату Русско-азиатского банка возможность участия в выгодных финансовых делах Китая».

[3] См. № 444.

делаем с английским правительством, и о которых я счел долгом довести до вашего сведения письмом от [17] 4 сего февраля, № 93 [1].

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне о тех указаниях, которые вы дадите Русско-азиатскому банку по настоящему вопросу, пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

№ 493. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [2]. 18/5 февраля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je vous ai envoyé hier par poste un premier discours prononcé à Manchester par Sir E. Grey.

Il en a prononcé un second à Manchester même hier [3].

Ces deux discours adressés à un auditoire specialement intéressé dans les questions de commerce touchant la Perse Méridionale et pour cette raison devenu plus sensible que d'autres à l'égard des rapports entre la Russie et l'Angleterre, offrent de plus l'avantage d'avoir été prononcés sur un ton plus familier et plus direct que ne peuvent l'être des déclarations ministérielles adressées à la Chambre des Communes.

Je trouve l'un et l'autre singulièrement significatif au point de vue de la portée réelle de la mission de Lord Haldane à Berlin.

Pour ne m'avoir pas inspiré d'inquiétudes directes, cette mission m'imposait cependant d'observer les mouvements d'opinion publique anglaise avec un surcroît d'attention.

Je ne saurais vous cacher que les premières manifestations dans la presse, et dans le public surtout, m'avaient frappé comme allant au delà de ce que j'avais prévu, bien que je me fus rendu compte que la tension continuelle et progressive

---

[1] См. стр. 128, прим. 2. В оригинале после слов «4 сего февраля, № 93», зачеркнуто: «К тому же мы не признали нового строя в Китае и ждем образования там правительства, пока представленного двумя лишь наполовину согласившимися лагерями Юань Ши-кая и Сун Ят-сена. Нам неизвестно, ни как и когда окончательно согласятся между собой эти два лагеря, ни как сложатся наши отношения к тому правительству, которое утвердится в Китае. Есть много причин опасаться, что эти отношения будут так же мало удовлетворительны, как и те, которые существовали у нас с китайской империей за последние несколько лет. Мечтать же заручиться расположением нового китайского правительства путем выдачи ему денежной ссуды в трудную для него минуту безденежья значит придавать слишком много цены сентиментальным соображениям, игнорируя реальные факторы, влияющие на политические отношения. За всем тем, если ваше высокопревосходительство не встречаете к тому препятствий, я не возражаю против заключения бельгийской группой синдиката Русско-азиатского банка займа для Юань Ши-кая и буду первый приветствовать эту операцию, если она окажется выгодной для названного синдиката и обеспечит ему в будущем участие в финансовых делах Китая».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 312, № 566.

[3] В речи, произнесенной в Манчестере в Reform Club 16/3 февр., Грей по поводу англо-герман. отношений указал, что поездка Холдена в Берлин имела благоприятные результаты, поскольку она разрядила атмосферу недоверия и подозрительности, существовавшую до тех пор в отношениях этих стран. Относительно англо-русского соглашения 1907 г. Грей сказал, что существовавшее в англ. общественных кругах мнение, будто это соглашение налагает на Англию новую ответственность за независимость и неприкосновенность Персии, не соответствует действительности. Стремление видеть в этом соглашении средство противодействовать влиянию России на Севере Персии противоречит самому духу этого акта. «Соглашение имело последствием не только установление добрососедских отношений между двумя правительствами, но и весьма значительное усиление дружеских чувств в русском народе». Грей упомянул также о сердечном приеме, который встретила англ. делегация в России (см. № 436).

В речи, произнесенной на другой день, Грей заявил о намерениях Англии поддерживать отношения, связывающие ее с дружественными державами. Эти отношения отнюдь не предполагают ее агрессивной политики к другим государствам. «Морское могущество Англии нужно ей не для завоевательных целей, а для сохранения равенства с другими странами, имеющими более сильную сухопутную армию».

avec l'Allemagne pesait sur le public anglais. Je savais, et je crois vous l'avoir dit, que ce sentiment en se développant parallèlement avec une diminution de confiance envers la Russie pouvait devenir dangereux au point de vue de nos intérêts.

Il est vrai que les nouvelles parvenues de Perse avaient sensiblement calmé l'atmosphère. Il est vrai aussi que le retour à Londres de la Cour après le voyage aux Indes [1], ainsi que de tous les personnages politiques et des publicistes qui l'avaient accompagné, — tous très imbus des avantages de l'entente avec la Russie, — avaient agi dans le même sens, tout comme le retour de la délégation qui avait été en Russie.

L'ordre de la Jarretière [2] conféré à Sir E. Grey, ceci est devenu tout à fait clair depuis, n'avait d'autre signification qu'une manifestation la plus éclatante possible de l'approbation du roi de la politique de Sir E. Grey et de la solidarité entre lui et le Cabinet au pouvoir.

Il est vrai qu'à la première séance de la chambre des Communes, lors de la discussion de l'adresse en réponse au discours du Trône, si toute la partie du discours de Mr. Asquith [3] qui traitait de politique étrangère a été approuvée par l'immense majorité de la Chambre, le passage qui a recueilli le plus de «cheers» — et ceci a frappé beaucoup de témoins oculaires — avait été celui où il parlait, en haussant la voix, du maintien des anciennes ententes.

Il est vrai surtout que dès que je revis Sir Edward les déclarations qu'il me fit et que je vous ai télégraphié [4], avaient été on ne peut plus claires et catégoriques.

Mais à vrai dire ces déclarations n'avaient de valeur réelle que si elles venaient à être confirmées par l'opinion publique. Elles étaient purement ministérielles et les manifestations plus indirectes que j'ai signalées plus haut, avaient toutes un certain caractère officiel et comme tel insuffisant.

Je ne pouvais fermer les yeux sur le fait que la mission Haldane n'avait été l'objet d'aucune opposition de quelqu'importance dans le pays.

Public et presse avaient pendant un temps été occupés presqu'exclusivement de cette mission et à la séance de la Chambre dont je viens de parler, c'est d'Allemagne qu'il avait été question bien plus que de Russie et de France. Tout ceci prêtait à refléxion.

C'est à ce point de vue que ces deux discours tout récents de Sir E. Grey sont de grande importance. Très simples, très clairs et très positifs, ces deux discours ont été reçus — autant qu'il est permis d'en juger dès aujourd'hui — avec une approbation d'un caractère tout à fait général.

En somme ces discours signifiaient simplement — maintien des ententes et des armements anglais, détente avec l'Allemagne en tant que compatible avec ces deux conditions.

Telle est l'impression et c'est l'impression qui a été approuvée. Même dans les feuilles et les revues qui manifestaient le plus de sympathies pour une modification sensible des rapports anglo-allemands, la question des ententes reprend sa vraie place. Telles la «Westminster Gazette», le «Daily Telegraph», le «Spectator» et d'autres, et aujourd'hui les journaux de dimanche. C'est aussi ce que j'entends autour de moi et ce qui me revient.

C'est le sentiment que m'exprimait avant-hier Sir Arthur Nicolson avec assez de force pour que j'aie cru devoir vous le télégraphier [5].

J'avoue avoir été un peu étonné par la rapidité de ce revirement, plutôt de ce retour à la politique anglaise telle qu'elle a été ces dernières années.

Il me paraissait un peu rapide et pourtant, quitte à faire erreur, je le crois stable parce qu'en réalité il est naturel et logique. Rassuré sur l'entente russe, le public anglais y revient. Il revient du même coup à l'entente avec la France. La base est rétablie. Cela ne se prononce pas encore aussi haut que le fait Sir E. Grey, mais

[1] См. ч. I, стр. 30, прим. 3.
[2] О пожаловании Грею этого ордена Бенкендорф сообщил тел. от 14/1 февр. за № 38.
[3] См. стр. 148, прим. 4.
[4] См. №№ 434 и 458.
[5] См. № 490.

cela se voit à toute chose. Sir Edward n'aurait pas mis la progression qu'il a mise à ses déclarations publiques, si tel n'avait pas été son sentiment.

Reste à expliquer l'approbation à peu près générale donnée à la mission Haldane. Je ne crois que cela soit très difficile. Cette mission répondait à la situation.

Deux causes poussaient l'esprit public anglais. Des nuages un peu imaginaires du côté de la Russie et de la France et le sentiment tout à fait général que l'irritation en Allemagne était basée sur une fausse conception de la politique anglaise, entraînant des résultats non seulement dangereux, mais fictifs et inutiles.

C'est ce qui explique la très grave modération du ton de la presse anglaise à l'égard de l'Allemagne. Mais aller plus loin, faire carrément la première avance, était tout aussi impossible qu'il était devenu impossible de se refuser à une initiative allemande. C'est dans ces conditions que Lord Haldane se rendit à Berlin, et aucun choix ne pouvait être meilleur.

Seulement l'éclat de ce voyage a été tel, que pendant une dizaine de jours, à cause de l'état des esprits antécédent, il a absorbé l'attention anglaise, jusque là peu renseignée, au point d'obscurcir en partie ses jugements.

La lumière semble s'être faite depuis plus rapidement que je ne croyais.

Je ne veux pas dire que Sir Edward n'ait pas à soutenir encore des débats acerbes à la Chambre. Mais au point où je vois les choses, les attaques partiront probablement d'un coin seulement de la Chambre, le coin des radicaux irréconciliables, et ne trouvera plus d'écho ailleurs. L'attitude à ce sujet du Comité persan est fort significative. Elle signifie — outre qu'en partie le Comité peut réellement être rassuré — qu'il sent l'herbe qui un temps avait poussé trop aisément, coupée sous ses pieds.

Laissez moi revenir sur une opinion que j'ai émise récemment — qu'un échec de la mission Haldane créerait une situation pire que celle d'avant. D'abord rien ne me fait conclure à un échec complet. Si le gouvernement allemand visait la rupture des ententes anglaises avec la conséquence naturelle d'une pareille rupture — soit une entente générale anglo-allemande, — il y a en effet échec. Jusqu'ici je partage en parti l'opinion de mon collègue de France. Mr. Cambon me paraît croire qu'il ne sortira rien du tout de tout cela. Je crois le point de vue exagéré.

Lord Haldane a-t-il su persuader à Berlin que dans l'idée anglaise la Triple Entente, ni aucune entente anglaise, n'avait de caractère agressif envers l'Allemagne? A-t-il su persuader que si l'Angleterre a armé en été dernier, elle ne l'a pas fait dans un but agressif, mais seulement pour défendre ses intérêts et ceux de la France dans le cas d'une agression allemande? C'est ce que je ne sais pas et ce dont d'ici je ne saurais juger. A tout prendre, je suis porté à croire que les efforts de l'homme d'Etat anglais n'ont pas été tout à fait sans résultats.

Mais il y a autre chose. Il y a d'abord que l'Angleterre — il est vrai en maintenant toutes ses positions et ses conditions — s'est montrée disposée à reprendre les négociations concernant le chemin de fer de Bagdad. Il y a plus — et je crois le point important parce qu'il répond à l'argument allemand que l'Angleterre contrecarre partout l'expansion coloniale allemande.

Tout comme lors des négociations qui ont suivi l'entrevue de Potsdam, nous avons déclaré que nous renoncions à notre opposition principielle au projet du chemin de fer de Bagdad, l'Angleterre par la voix de Lord Haldane a informé l'Allemagne qu'elle ne s'opposait nullement à l'extension des colonies allemandes dans l'Afrique tropicale.

Ces deux questions, la dernière pas moins que la première, me paraissent importantes. Je me souviens m'être expliqué en ce sens en été au plus mauvais de la crise avec des hommes influents en Allemagne, fort de ce que Sir E. Grey m'avait dit à ce sujet. J'ai rencontré la plus parfaite incrédulité. Il me paraît qu'on ne sera plus aussi tenacement incrédule à Berlin.

Ces deux points pourraient suffir à une détente et je crois encore à une détente. En tout cas, et c'est ce que je voulais vous signaler, elle entre dans les vues anglaises et serait bien vue en Angleterre.

Je ne crois aucunement que nos intérêts aient à en souffrir, mais je crois que c'est ce que nous aurons à prendre en considération dans le développement futur de nos rapports avec l'Angleterre. A cette condition je crois possible de les raffermir aujourd'hui même plus qu'ils ne l'ont été.

Si je me suis étendu aussi longuement sur cette question, son importance politique capitale me servira, je l'espère, d'excuse à vos yeux.

Vous trouverez mes conclusions un peu précipitées. Mais les symptômes sont clairs et si tout ne m'abuse, elles sont exactes.

Mille compliments les plus effectueusement sincères.

Benckendorff.

Не о чем беспокоиться.

Царское Село, [24]11 февраля 1912 г.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Вчера я послал вам по почте первую речь, произнесенную в Манчестере сэром Э. Греем. Вчера он произнес вторую речь, также в Манчестере.

Обе эти речи, произнесенные перед аудиторией, специально заинтересованной в торговых вопросах, касающихся Южной Персии, и по этой причине более других интересующейся отношениями между Россией и Англией, имеют, кроме того, то преимущество, что они произнесены в более непринужденном и непосредственном тоне, чем то возможно для министерских деклараций в палате общин.

Я нахожу, что и та, и другая крайне показательны с точки зрения реального значения берлинской миссии лорда Холдена.

Хотя эта миссия и не вызвала во мне определенного беспокойства, но она тем не менее заставила меня наблюдать с усиленным вниманием за изменениями английского общественного мнения.

Не могу скрыть от вас, что первые отклики в прессе и особенно в обществе поразили меня, так как выходили за пределы моих предположений, хотя я и отдавал себе отчет в том, что постоянная и усиливающаяся напряженность отношений с Германией тяготит английское общественное мнение. Я знал и, кажется, говорил вам, что это чувство, развиваясь параллельно с уменьшением доверия к России, могло сделаться опасным с точки зрения наших интересов.

Правда, сведения, полученные из Персии, значительно успокоили атмосферу. Верно также, что возвращение в Лондон, после путешествия в Индию, двора и всех сопровождавших его политических деятелей и публицистов, — которые все проникнуты сознанием выгод соглашения с Россией, — оказало влияние в том же направлении, как и возвращение делегации, ездившей в Россию.

Пожалование сэру Э. Грею ордена Подвязки, как это теперь стало ясно, не имело иного значения, кроме желания выразить самым показательным образом одобрение со стороны короля политике сэра Э. Грея и солидарности его с кабинетом, находящимся у власти.

Верно то, что если на первом заседании палаты общин во время обсуждения ответного адреса на тронную речь, вся часть речи г. Асквита, касавшаяся внешней политики, встретила одобрение огромного большинства палаты, то местом, вызвавшим больше всего одобрительных возгласов, — и это поразило многих очевидцев, — было то, где он, возвысив голос, говорил о сохранении прежних соглашений.

В особенности же верно то, что как только я снова увиделся с сэром Эдуардом, он сделал мне заявления, которые были как нельзя более ясны и категоричны, о чем я вам и телеграфировал.

Но, по правде сказать, эти заявления имели бы реальную ценность, лишь при одобрении их общественным мнением. Они носили чисто министерский характер, а менее непосредственные выступления, отмеченные мной выше, имели все же некоторый характер официальности и, как таковые, были недостаточны.

Я не мог закрывать глаза на то, что миссия Холдена не встретила сколько-нибудь значительной оппозиции в стране.

Общество и пресса в течение некоторого времени были почти исключительно заняты этой миссией, и на заседании палаты, о котором я только-что говорил, речь шла гораздо больше о Германии, чем о России и Франции. Все это наводило на размышления.

Именно с этой точки зрения обе недавние речи сэра Э. Грея имеют большое значение. Очень простые, очень ясные и очень положительные, обе эти речи были, — насколько сейчас можно судить, — встречены всеобщим одобрением.

По существу эти речи просто означают сохранение соглашений и вооружений Англии и устранение натянутых отношений с Германией, поскольку это совместимо с этими двумя условиями.

Таково впечатление, и именно это впечатление и было одобрено. Даже в тех газетах и журналах, которые проявляли наибольшую симпатию к значительному изменению англо-

германских отношений, вопрос соглашений снова занимает надлежащее место. Таковы «Westminster Gazette», «Daily Telegraph», «Spectator» и другие, а сегодня — и воскресные газеты. То же я слышу вокруг себя и то же доходит до меня.

Сэр А. Никольсон высказывал мне третьего дня это впечатление настолько убедительно, что я счел долгом телеграфировать вам.

Признаюсь, я немного удивлен той быстротой, с какой произошло это изменение, или, вернее, этот возврат к английской политике последних лет.

Он казался мне немного быстрым, и тем не менее я считаю, если только не ошибаюсь, что он устойчив, потому что в действительности он естественен и логичен. Английская публика, успокоенная насчет соглашения с Россией, возвращается к нему. Она тем самым возвращается и к соглашению с Францией. База восстановлена. Об этом еще не говорят так громко, как то делает сэр Э. Грей, но это видно по всему. Сэр Эдуард не пошел бы так далеко в своих публичных заявлениях, если бы он так не думал.

Остается объяснить почти всеобщее одобрение миссии Холдена. Я не думаю, чтобы это было очень трудно. Эта миссия отвечала положению.

Английское общественное мнение находилось под влиянием двух причин. С одной стороны тучи, отчасти воображаемые, со стороны России и Франции, с другой — общее впечатление, что раздражение в Германии основано на неверном представлении об английской политике, что может повлечь за собой не только опасные, но и выдуманные и ненужные последствия.

Этим и объясняется крайняя умеренность тона английской прессы по отношению к Германии. Но итти дальше, решительно сделать первый шаг к сближению, было столь же невозможно, как было невозможно ответить отказом на германскую инициативу. В этих то условиях лорд Холден и отправился в Берлин, и лучшего выбора не могло быть сделано.

Но впечатление от этой поездки было настолько сильным, что в течение десяти дней, вследствие существовавшего перед тем настроения умов, оно настолько поглотило все внимание англичан, до тех пор мало осведомленное, что отчасти затемнило их суждение.

Положение с тех пор прояснилось быстрее, чем я думал.

Я не хочу сказать, что сэру Эдуарду не придется еще выдержать жестокие дебаты в палате. Но при нынешнем положении вещей, как мне кажется, атака будет исходить лишь из одного угла палаты, из угла непримиримых радикалов, и не встретит отклика в других группах. В этом отношении весьма показательна позиция Персидского комитета. Она означает — помимо того, что комитет отчасти может действительно успокоиться — что он чувствует, как из под его ног уходит почва, одно время казавшаяся столь твердой.

Позвольте мне вернуться к недавно высказанному мною мнению, что неудача миссии Холдена создала бы положение худшее, чем раньше. Во-первых, я не имею никаких оснований делать заключение о полной неудаче миссии. Если германское правительство стремилось вызвать разрыв соглашений Англии, и естественное последствие подобного разрыва, а именно общее англо-германское соглашение — то, действительно, неудача налицо. В этом смысле я отчасти разделяю мнение моего французского коллеги. Мне кажется, г. Камбон думает, что из всего этого ничего не выйдет. По моему мнению, эта точка зрения преувеличена.

Удалось ли лорду Холдену убедить Берлин, что, по мнению англичан, ни Тройственное согласие, ни какое-либо другое соглашение Англии не имеют агрессивного характера по отношению к Германии? Удалось ли ему убедить, что если Англия и вооружалась последним летом, то она делала это не в агрессивных целях, но единственно для защиты интересов своих и Франции на случай германского нападения? Этого я как раз не знаю и об этом я отсюда не могу судить. В общем я склонен думать, что усилия английского государственного деятеля не оказались совершенно безрезультатными.

Но есть и другое. Прежде всего то, что Англия — правда, сохраняя все свои позиции и условия — показала себя расположенной возобновить переговоры относительно Багдадской железной дороги. Есть даже большее, и я считаю этот пункт важным, потому что он является ответом на германский аргумент о том, что Англия везде становится на пути германской колониальной экспансии.

Совершенно так же, как мы заявили во время переговоров, последовавших за потсдамским свиданием, что мы отказываемся от наших принципиальных возражений против проекта Багдадской железной дороги, Англия устами лорда Холдена заявила Германии, что она нисколько не возражает против расширения германских колоний в тропической Африке.

Оба эти вопроса — последний не меньше первого — мне кажутся одинаково важными. Мне помнится, что последним летом, в худший момент кризиса, я объяснялся в этом смысле с влиятельными лицами Германии, основываясь на том, что мне по этому поводу говорил сэр Э. Грей. Я встретил полнейшее недоверие. Мне кажется, что теперь в Берлине не будут столь упорно недоверчивы.

Эти два пункта могли бы быть достаточными для того, чтобы устранить напряженность отношений, и я еще верю в возможность такого устранения. Во всяком случае — и на это я хотел обратить ваше внимание, — оно входит в планы Англии и было бы там сочувственно встречено.

Я совершенно не думаю, что наши интересы могут от этого пострадать, но полагаю, что нам придется считаться с этим в дальнейшем развитии наших отношений с Англией. При этом условии я нахожу возможным даже укрепить их теперь больше, чем до сих пор.

Если я так долго остановился на этом вопросе, то его большая важность послужит мне, надеюсь, извинением в ваших глазах.

Вы найдете мои заключения немного поспешными. Но симптомы ясны, и если я не совсем ошибаюсь, то эти заключения верны.

Тысячу самых искренних пожеланий.

Бенкендорф.

№ 494. Нота российского и английского посланников в Тегеране персидскому министру иностранных дел Восуг-эд-Доуле [1].

т/. 18/5 февраля 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Animées du désir de mettre les relations entre le gouvernement de sa majesté britannique, le gouvernement impérial de Russie et le gouvernement impérial de Perse sur une base solide d'amitié et de confiance et désireuses d'aider autant que possible le gouvernement persan dans sa tâche de rétablir et de maintenir l'ordre et la tranquillité dans le pays, les légations de Russie et d'Angleterre, d'ordre de leurs gouvernements ont l'honneur de faire au gouvernement persan les propositions suivantes:

1. Les deux gouvernements sont prêts à avancer, pour faire face aux dépenses urgentes, au gouvernement persan, une somme £ 100 000 chacun. La Banque Impériale et la Banque d'Escompte ouvriront chacune un crédit pour cette somme aussitôt que les deux légations auront reçu une réponse favorable à la présente note, et il est entendu que le crédit de la Banque d'Escompte sera mis à la disposition du gouvernement persan en roubles s'élévant à la somme de 945 750 roubles.

2. Les sommes sus-indiquées seront prêtées à un taux d'intérêt de 7 pour cent par an et devront être remboursées du premier produit du prochain emprunt du gouvernement persan et jusqu'alors les excédents des revenus des douanes du Nord et du Sud qui jusqu'ici ont été mis par les deux Banques à la disposition du gouvernement persan, devront être employés intégralement et respectivement pour le service de l'amortissement et des intérêts des parties russe et anglaise de la présente avance.

3. L'avance doit être dépensée sous le contrôle du trésorier général et d'après un programme élaboré par ce dernier d'accord avec le Cabinet et approuvé par les deux légations. Il est entendu qu'une partie considérable sera affectée à l'organisation de la gendarmerie gouvernementale avec l'aide des officiers suédois. En faisant cette proposition et pour atteindre les buts indiqués au commencement de cette note, les deux légations espèrent que le gouvernement persan s'engagera:

1) A conformer dorénavant sa politique aux principes de la convention anglo-russe de 1907.

2) A licencier, aussitôt que Mohammed Ali-Shah et Salar-ed-Dowleh auront quitté la Perse, les fédaïs et les forces irrégulières qui se trouvent actuellement au service persan.

3) A discuter avec les deux légations un projet d'organisation d'une petite armée régulière et effective.

4) A arriver à un accord avec Mohammed Ali-Shah au sujet de son départ de la Perse, de sa pension et d'une amnistie générale à ses partisans.

En espérant une réponse favorable, nous saisissons cette occasion pour vous renouveler etc.

Перевод.

Г. министр,

Одушевленные желанием установить отношения между правительством его британского величества, императорским российским правительством и императорским персидским правительством на прочных основах дружбы и доверия и желая насколько возможно помочь персидскому правительству в задаче восстановления и поддержания порядка и спокой-

[1] Маш. копия. Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. IV, стр. 32. При деп. от 22/9 февр. за № 7 (опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. IV, стр. 32) Поклевский, препровождая Сазонову публикуемый документ, указывал, что 18/5 февр. он, совместно с Барклаем, передал перс. м-ру ин. дел «французский текст совместной ноты об условиях аванса». На деп. Поклевского имеется помета: «Спешно. Сообщить министру финансов, посольствам в Париже и Лондоне для сведения. В. К л е м м».

ствия в стране, российская и английская миссии, по предписанию своих правительств, имеют честь сделать персидскому правительству следующие предложения:

1. Оба правительства готовы выдать персидскому правительству на неотложные расходы аванс в размере 100 000 ф. ст. каждое. Шахиншахский банк и Учетно-ссудный банк Персии откроют каждый кредит на указанную сумму, как только обе миссии получат благоприятный ответ на настоящую ноту, причем кредит в Учетно-ссудном банке будет предоставлен в распоряжение персидского правительства в рублях, что составит сумму в 945 750 рублей.

2. Вышеупомянутые суммы будут выданы из 7% годовых и должны быть возмещены из первых поступлений будущего займа персидского правительства, а до того времени остатки от поступлений северных и южных таможен, которые доныне предоставлялись обоими банками в распоряжение персидского правительства, будут полностью и соответственно обращены на погашение и уплату процентов русской и английской доли настоящего аванса.

3. Аванс должен расходоваться под контролем главного казначея и по программе, выработанной последним по соглашению с кабинетом и одобренной обеими миссиями. Значительная часть его должна быть обращена на организацию правительственной жандармерии при помощи шведских офицеров. Делая это предложение и для достижения указанных в начале этой ноты целей, обе миссии надеются, что персидское правительство примет на себя следующие обязательства:

1) Сообразовать на будущее время свою политику с принципами англо-русского соглашения 1907 года.

2) Как только Мохамед-Али-шах и Салар-эд-Доуле покинут Персию, распустить фидаев и иррегулярные войска, в настоящее время находящиеся на персидской службе.

3) Обсудить с обеими миссиями проект организации небольшой регулярной и боеспособной армии.

4) Притти к соглашению с Мохамед-Али-шахом по вопросу об отъезде его из Персии, его пенсии и общей амнистии его сторонникам.

В ожидании благоприятного ответа, пользуемся случаем возобновить вам и пр.

№ 495. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 109. 18/5 февраля 1912 г.

Телеграфирую в Мешед:

К сожалению, за последнее время вновь не имею от вас никаких сведений о положении дел в Мешеде [1], между тем как из английских и персидских источников миссии сообщают о бесте в мечети, о продолжающейся в городе агитации в пользу Мохамед-Али-шаха и об участии в ней Юсуф-хана. Вам следует сообщить как местным властям, так и всем, кому вы признаете это нужным, что отъезд бывшего шаха из Персии бесповоротно решен и состоится вслед за окончанием переговоров о размере его пенсии, что поэтому всякая агитация в его пользу является бесцельной и не пользуется нашим сочувствием. Персидское правительство будет стараться мирными средствами восстановить спокойствие в Мешеде, но намерено, если это ему не удастся, принять репрессивные меры против виновных, причем генерал-губернатору поручено условиться с вами с целью избежания каких-либо столкновений с нашими войсками. Благоволите оказать в этом вопросе персидским властям полное содействие. Я также считаю, что признаваемое участие Юсуфа в помянутой вами выше агитации лишает его нашего покровительства и позволяет персидскому правительству принять против него самостоятельные меры.

Поклевский.

№ 496. Посол в Риме министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 10. 19/6 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 8 [2].

В Консульте приходят к окончательному решению, что никакие меры мест-

---

[1] Тел. от 14/1 февр. (без номера) Поклевский сообщил Сазонову: «От Дабижи не имею известий, но Барклаю персы сообщают, что в Мешеде восстановилось полное спокойствие после того, как наше генеральное консульство дало серьезно понять русско-подданным и лицам, находящимся под нашим покровительством, что участие их в агитации и манифестациях в пользу Мохамед-Али-шаха нежелательно».

[2] В тел. от 8 февр./26 янв. за № 8 Долгорукий передал свои впечатления от бесед с Сан-Джулиано по поводу предложения Сазонова от 27/14 янв. (см. № 394). Содержание этой тел. исчерпывается письмом от 13 февр./31 янв. (см. № 460).

ного значения не могут вывести турок из их равнодушия и неподвижности: ни победы над турецко-арабскими силами в новоприсоединенных областях, ни блокада в Красном море. Верят в действительность прорыва через Дарданеллы, но опасаются его последствий и считают, что только при помощи вмешательства держав можно будет достигнуть окончания войны. Имею основания ожидать, что ввиду решения Англии поддержать ваше предложение, ди Сан-Джулиано обратится к вам, если не обратился, с просьбой выработать условия, на которые обе стороны могли бы согласиться, причем не могло бы быть речи об отмене приказа о присоединении обеих областей, а также об обязательности Стамбульского халифата для неприемлющих его.

Доверительно. Баррер намерен подсказать своему правительству следующую формулу согласования вашего разномыслия с Греем об очереди выступления с посредничеством в Риме и Константинополе: державы должны поручить России предложить от их имени условия доверительно в Риме, а затем уже все совместно официально в Константинополе.

Долгорукий.

№ 497. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 53 [1]. 19/6 февраля 1912 г.

Копия в Париж.

Получил № 230 [2] и ссылаюсь на телеграмму Извольского № 17 [3].

Сегодня я сказал министру иностранных дел, что мне поручено, предварительно какого-либо ответа по существу затронутых им в последнем разговоре со мной вопросов, выяснить ему ту основу, на которой мы изъявляем готовность вступить в переговоры с Портой по малоазиатским железнодорожным вопросам. Основа эта заключается в «prise en considération des intérêts commerciaux communs des deux Etats» [4], вследствие чего должны быть прежде всего взаимно условлены руководящие принципы направления и порядка постройки линий, являющихся предметом переговоров. Министр после некоторого колебания принял эту основу и заявил, что он обратится к новому министру общественных работ — недавнему министру финансов — Джавид-бею, чтобы тот запросил французских предпринимателей о направлении и порядке постройки предоставляемых им малоазиатских линий, и обещал сообщить мне ответ турецкого правительства. Впрочем между Ассим-беем и мной условлено, что теперешние наши сношения по этому вопросу имеют лишь частный и подготовительный характер дела, что лишь после достаточного выяснения дела переговоры примут официальный характер. Оказывается, что министр взял почин разговора об анатолийских линиях вследствие настоятельного давления с французской стороны. Изыскания будут через две недели отправлены в Париж на утверждение синдиката. Там надо будет к тому времени установить программу дальнейших действий и соответственным образом задержать или ускорить возврат изысканий в Константинополь для предъявления Порте. Желательно внушить французским предпринимателям, что̀ и как ответить Джавид-бею. Я постараюсь, чтобы здешние представители синдиката отсрочили ответ до получения инструкций. Нам выгоднее, чтобы сами предприниматели отозвались неблагоприятно о принципиально неугодных нам линиях. Технические трудности в особенности велики на линии Трапезунд — Эрзерум. Директор Оттоманского банка Ревуаль всячески нам помогает; Ламорне рассказал мне, что первоначальная расценка синдиката будет теперь повышена на 22%, ввиду вздорожания рабочих рук. Назначение Джавид-бея, расположенного к нам и старающегося задобрить французское правительство, является

[1] Опубл. Siebert, II, S. 318, № 567.
[2] См. № 483.
[3] См. стр. 76, прим. 3.
[4] «В принятии во внимание общих коммерческих интересов обоих государств».

благоприятным для нас обстоятельством. Скорейший приезд Бомпара сюда желателен.

Чарыков.

№ 498. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 29 [1]. 19/6 февраля 1912 г.

I did not fail to communicate to my Government the substance of your note of the sixth instant and its enclosure which you did me the honour of sending to me. The Imperial Government have instructed me to assure you in reply that they cordially concur with the Government of the United States in the view that the policy of common action having for its object the protection of common interests in the present crisis is the wisest course for the powers concerned to pursue. That policy, as understood and practised in the past has been signally successfull, and, in the opinion of the Imperial Government, will, if adhered to in the future, prove no less benificial. Accordingly, they have no hesitation in declaring that that policy has their warm support.

Bronevsky.

Перевод.

Я не преминул сообщить моему правительству содержание вашей ноты от 6 текущего месяца и приложения к ней, которые вы соблаговолили прислать мне. Императорское правительство предписало мне в ответ на это заверить вас, что оно всем сердцем разделяет мнение правительства Соединенных Штатов, что политика совместных действий, имеющая целью охрану общих интересов при нынешнем кризисе, является самым разумным образом действий для заинтересованных держав. Эта политика, как она понималась и практиковалась в прошлом, была определенно удачной и, по мнению императорского правительства, будет, если ее придерживаться впредь, не менее благотворной. В соответствии с этим, оно без колебаний заявляет, что эта политика встречает его горячую поддержку.

Броневский.

№ 499. Вербальная нота министерства иностранных дел японскому послу в Петербурге Мотоно.

№ 102. 20/7 февраля 1912 г.

Le gouvernement impérial russe partage entièrement le désir du gouvernement impérial japonais d'écarter toute cause de malentendus concernant leurs sphères d'intérêts en Chine. S'inspirant de ce désir, le gouvernement impérial n'a pas manqué d'examiner avec la plus grande attention le projet de convention qui lui a été communiqué par l'ambassade du Japon [2].

Cet examen suggère au gouvernement impérial les observations suivantes:

Le préambule de ce projet de convention lui donne pour but de délimiter les sphères des intérêts spéciaux russes et japonais en Mandchourie et dans la Mongolie Intérieure en prolongeant la ligne de démarcation fixée par l'article additionnel de la convention du [30] 17 juillet 1907. Or, la convention de 1907 ne faisait pas mention de sphères d'intérêts spéciaux. Il s'y agissait de déterminer les régoins dans lesquelles la Russie d'un côté et le Japon de l'autre s'abstiendraient de demandes de concessions en matière de chemin de fer et de télégraphe. Le terme intérêts spéciaux n'a paru que dans la convention du 21 juillet 1910 [3], par laquelle les deux parties contractantes se sont, en outre, reconnu le droit de développer et de consolider leurs intérêts spéciaux dans les sphères fixées par la convention de 1907. Le gouvernement impérial russe serait donc désireux de savoir si le gouvernement impérial japonais attache la même signification aux termes du projet de convention qui

[1] Тел. от того же числа за № 28 Броневский сообщил, что в публикуемой тел. он передает текст ответа япон. посла в США на ноту Нокса (см. приложение к № 456).

[2] См. № 383.

[3] Так в оригинале. Следует читать: «[4 juillet] 21 juin 1910».

fait en ce moment l'objet de leurs pourparlers, et notamment si la conclusion d'une pareille convention comporterait pour la Russie et le Japon le droit de prendre des mesures pour la consolidation et le développement de leurs intérêts spéciaux respectifs dans les sphères établies par cet acte.

Au cours des négociations qui ont précédé la signature de la convention de 1907, le gouvernement impérial a cru devoir faire observer que la Russie avait en Mongolie et dans l'Ouest chinois des intérêts spéciaux basés sur des traités qui placent le commerce russe dans ces régions sous un régime douanier spécial. Le gouvernement impérial japonais, sans contester ces droits et tout en déclarant que le Japon n'avait aucune intention de s'opposer à l'activité pacifique de la Russie en Mongolie et dans l'Ouest chinois ni aucune raison de s'immiscer dans des questions qui n'ont point de rapport avec ses propres intérêts, constatait que ces régions se trouvent en dehors des sphères où les intérêts de la Russie et du Japon pourraient être en contact, et qu'il n'y avait aucune raison de prévoir que des difficultés pussent jamais s'y élever entre les deux pays.

Les idées du gouvernement japonais sur cette question semblent avoir subi depuis une certaine évolution. Car, sans qu'aucun changement se soit produit dans le status quo de la Mongolie Intérieure située au nord de la province de Chili, le gouvernement japonais déclare que toute cette région forme la sphère de ces intérêts spéciaux, et prévoit la nécessité d'établir les limites de cette sphère afin d'éviter toutes causes de malentendus avec la Russie.

Au point de vue des intérêts russes, il n'y a pas de partie plus importante de la Mongolie Intérieure que celle où passent les routes qui réunissent Ourga à Kalgan, Pékin et Tientzin. Ce sont ces routes que suivent les caravanes russes; c'est ici que la Russie entretient des communications postales avec la Chine Intérieure; c'est sur le point où ces routes traversent la Grande Muraille qu'est située la ville de Kalgan, ouverte au commerce russe par voie de terre et, par conséquent, à la résidence des sujets russes. Dans ces conditions, le gouvernement impérial ne saurait reconnaître au Japon des intérêts spéciaux dans les limites indiquées par le projet qui lui a été communiqué, sans renoncer, sur les points les plus vitaux, à la situation qui appartient à la Russie en vertu de ses traités avec la Chine.

Le gouvernement impérial s'est abstenu jusqu'ici de toute activité politique dans la Mongolie Intérieure au nord de la Grande Muraille. Se contentant du status quo dans ces régions le gouvernement impérial s'est borné à y protéger le commerce russe. Cependant puisque le gouvernement japonais considère le moment venu de délimiter les sphères russe et japonaise dans la Mongolie Intérieure, le gouvernement impérial croit devoir insister pour que la même idée préside à cette délimitation que celle dont les deux gouvernements se sont inspirés dans leur politique chinoise depuis le commencement de la crise que traverse actuellement la Chine, notamment l'idée du parallélisme de leur action. Le gouvernement russe sincèrement disposé d'aller au devant des désirs du gouvernement japonais, n'aurait pas d'objection à ce que la sphère japonaise en Mandchourie s'étende sur la partie de la Mongolie Intérieure qui a une gravitation naturelle vers le chemin de fer Sud-Mandchourien. Mais puisque la sphère japonaise toucherait ainsi aux confins de la province de Chili, la sphère russe devrait dans ce cas, en raison du principe de parallélisme ci-dessus indiqué, s'étendre également jusqu'à la frontière de cette province où se trouve la capitale de la Chine.

Le projet japonais ferme à la Russie tout accès de la province de Chili où des intérêts réels russes de la plus grande importance existent depuis près de deux siècles. Il aurait pour effet d'englober dans la sphère japonaise la partie de la Mongolie Intérieure qui intéresse la Russie à un degré égal, sinon supérieur. Le gouvernement impérial estime, par conséquent, que ce projet ne pourrait servir le but de concilier les vues des deux pays, sans avoir été modifié sur la base des considérations ci-dessus énoncées.

C[*огласен*].

Царское Село, [20] 7 февраля 1912 г.

Перевод.

Императорское российское правительство целиком разделяет желание императорского японского правительства устранить все причины недоразумений касательно сфер их интересов в Китае. Руководимое этим желанием, императорское правительство не преминуло с величайшим вниманием рассмотреть проект конвенции, сообщенный ему японским посольством.

В результате этого рассмотрения императорское правительство имеет следующие замечания:

Во вступительной части этого проекта конвенции указывается, что целью ее является разграничение сфер русских и японских специальных интересов в Манчжурии и во Внутренней Монголии путем продолжения демаркационной линии, установленной дополнительной статьей конвенции от [30]17 июля 1907 г. Между тем конвенция 1907 г. не упоминала о сферах специальных интересов. В ней речь шла об определении областей, в которых с одной стороны — Россия, а с другой — Япония воздерживались бы от испрашивания железнодорожных и телеграфных концессий. Термин «специальные интересы» появился лишь в конвенции от 21 июля 1910 г. [1], которой обе договаривающиеся стороны, дополнительно, признали за собой право развивать и укреплять свои специальные интересы в сферах, установленных конвенцией 1907 г. Поэтому императорское российское правительство желало бы знать, дает ли императорское японское правительство такое же толкование проекту конвенции, составляющей в настоящий момент предмет их переговоров, и в частности создает ли заключение такой конвенции право для России и Японии принимать меры для укрепления и развития своих специальных интересов в сферах, устанавливаемых этим актом.

Во время переговоров, предшествовавших подписанию конвенции 1907 г., императорское правительство сочло необходимым отметить, что Россия имеет в Монголии и в Западном Китае специальные интересы, основанные на договорах, которые ставят русскую торговлю в этих областях под действие специального таможенного режима. Императорское японское правительство, не оспаривая этих прав и заявляя, что Япония не имеет никаких намерений противиться мирной деятельности России в Монголии и в Западном Китае и никакого основания вмешиваться в вопросы, не имеющие какого-либо отношения к ее собственным интересам, констатировало, что эти области находятся вне тех сфер, в которых могли бы соприкасаться интересы России и Японии, и что нет никаких оснований предвидеть, чтобы по этому поводу между обеими странами могли когда-либо возникнуть затруднения.

Образ мыслей японского правительства по этому вопросу, повидимому, претерпел с тех пор некоторое изменение. Ибо, хотя никакой перемены в status quo Внутренней Монголии, расположенной на север от провинции Чжили, не произошло, императорское японское правительство заявляет, что вся эта область составляет сферу его специальных интересов, и предусматривает необходимость установить границы этой сферы, дабы избежать всяких причин к недоразумениям с Россией.

С точки зрения русских интересов нет более важной части Внутренней Монголии, чем та, где проходят дороги, соединяющие Ургу с Калганом, Пекином и Тяньцзином. По этим дорогам проходят русские караваны; именно по этому пути Россия поддерживает почтовые сношения с внутренним Китаем; именно в том месте, где эти пути пересекают Великую стену, расположен город Калган, открытый для русской сухопутной торговли и, следовательно, для проживания русских подданных. В этих условиях императорское правительство не могло бы признать за Японией специальных интересов в пределах, указанных в сообщенном ему проекте, не отказавшись, по самым жизненным пунктам, от положения, принадлежащего России на основании ее договоров с Китаем.

Императорское правительство воздерживалось до сих пор от всякой политической деятельности во Внутренней Монголии севернее Великой стены. Довольствуясь status quo в этих областях, императорское правительство ограничивалось охраной там русской торговли. Тем не менее, раз японское правительство считает, что наступил момент разграничить русскую и японскую сферы во Внутренней Монголии, императорское правительство полагает необходимым настаивать на том, чтобы это разграничение определялось той же идеей, которой оба правительства руководствовались в своей китайской политике с начала кризиса, переживаемого ныне Китаем, а именно идеей параллелизма их деятельности. Российское правительство, искренне расположенное итти навстречу пожеланиям японского правительства, не имело бы возражений против того, чтобы японская сфера в Манчжурии простиралась на часть Внутренней Монголии, естественно тяготеющей к Южно-манчжурской железной дороге. Но так как японская сфера соприкасалась бы таким образом с пределами провинции Чжили, то русская сфера должна была бы в таком случае, в силу вышеуказанного принципа параллелизма, тоже простираться до границы этой провинции, в которой находится столица Китая.

Японский проект закрывает для России всякий доступ в провинцию Чжили, где уже почти два столетия существуют реальные русские интересы крупнейшей важности. Он имел бы результатом включение в японскую сферу той части Внутренней Монголии, которая интересует Россию в равной, если не в большей степени. Вследствие этого императорское правительство находит, что этот проект не может служить цели согласования взглядов обоих правительств, не будучи измененным на основе изложенных выше соображений.

---

[1] Так в оригинале. Следует читать: «[4 июля]21 июня 1910 г.».

№ 500. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Б. Миллеру.

*/. Телеграмма № 246 [1]. 20/7 февраля 1912 г.

Телеграммы №№ 19, 20 и 26 [2] получены.

Удивляемся, как само черногорское правительство не сознает опасности положения, вытекающего из командировки оплачиваемых Австрией судебных чиновников, положения, равнозначущего установлению чужеземного и едва ли дружелюбного контроля над одной из отраслей внутреннего управления страны, что в свою очередь парализует правильное развитие королевства, коему Россия всегда искренне способствовала.

Благоволите при первой возможности объясниться в этом смысле с министрами и о последующем телеграфировать.

[Сазонов.]

№ 501. Военный агент в Болгарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 23. 20/7 февраля 1912 г.
Весьма секретно.

В своих предыдущих донесениях я высказывал мысль, что частые поездки царя в Вену [3] сами по себе не являются показателем того, что он решил связать свою политику с Австрией, ибо даже если бы царь вполне искренно хотел бы сближения с Россией, он всячески скрывал бы это от Вены.

Судить о политическом значении этих поездок и о возможном поведении Болгарии в случае осложнений на Балканском полуострове с некоторой вероятностью можно лишь по другим признакам.

К сожалению, некоторые обстоятельства и, на первый взгляд, мелкие данные позволяют предполагать, что между Софией и Веной действительно могут вестись переговоры и что в случае каких-либо неожиданных осложнений на Балканском полуострове Болгария может очутиться в таком положении, что ей придется пойти вместе с Австрией.

Прежде всего, как я уже доносил раньше, царь все время упорно избегает серьезных разговоров с нашим посланником и за все время пребывания последнего в Софии ни разу не заговорил с ним о предполагавшейся военной конвенции. Избегает определенных разговоров на эту тему и министр Гешов [4].

До известной степени молчание царя можно было бы объяснить ожиданием окончания болгарско-сербских переговоров, но ввиду затяжного характера последних объяснение это едва ли может считаться основательным, тем более, что современная политическая обстановка требует серьезного обмена мыслей между нами и Болгарией. Другой причиной, также порождающей некоторые подозрения, являются сношения здешней австрийской миссии с военным министер-

---

[1] Царск. экз.

[2] См. стр. 138, прим. 4, № 477 и стр. 139, прим. 1.

[3] Тел. от 15/2 февр. за № 16 Неклюдов сообщал Сазонову, что Фердинанд 14/1 февр. выехал в Кобург, и на обратном пути заедет в Вену для присутствия на торжестве «бриллиантовой свадьбы» эрцгерцога Райнера.

[4] В рапорте от 23/10 янв. за № 5 Романовский сообщал в отдел генерал-квартирмейстера ген. штаба, что на новогоднем обеде во дворце Фердинанд заявил ему: «Этот год будет годом деятельности, и вы будете им и мной довольны». Отмечая, что это было очевидно намеком на сербо-болгарские переговоры, Романовский продолжал: «Вы знаете, — сказал царь, — я — миролюбец, но конечно нужно быть готовым ко всему, чтобы события не застали врасплох». По поводу поездки Фердинанда в Вену Романовский писал: «Зная страсть царя к путешествиям, можно было бы не придавать этой новой поездке особое значение, если бы он не избегал разговоров с нашим посланником на интересующие нас темы, ибо ни [19]6 декабря, ни [15]2 января царь в разговоре с последним ни разу не коснулся вопроса о болгарско-сербских переговорах или о военной конвенции с нами. Между тем болезнь не помешала ему [20]7 декабря принять в часовой аудиенции здешнего австрийского посланника. По некоторым сведениям, царь в конце января уезжает в Ниццу, и, если к этому времени наши взаимоотношения не будут выяснены, придется отнестись к частым поездкам царя в Вену с большим подозрением».

ством. Из вполне достоверного источника я узнал, что недавно здешний австрийский посланник, пригласив к себе военного министра, вел с ним продолжительную беседу. Тот же посланник тогда же просил генерала Фичева посетить его по серьезному делу, но, к сожалению, мне не удалось выяснить, состоялось ли это свидание.

Наконец, австрийский военный агент за последнее время весьма часто посещает генерала Фичева, хотя последний принимает военных агентов лишь раз в неделю.

Кроме того, необходимо еще учесть следующие обстоятельства. Болгарская армия в случае мобилизации вполне обеспечена людьми, но крайне бедна запасами обмундирования, боевыми припасами, и комплектование ее лошадьми будет весьма затруднительно. Осенью минувшего года, опасаясь войны с Турцией, болгарское правительство обратилось к нам с просьбой снабдить его шинелями, сапогами [1], а также просило облегчить ему возможность приобрести в России лошадей. Мы согласились тогда удовлетворить эту просьбу. Когда острая надобность в этих запасах миновала, главный интендант генерал Диков, от лица военного министра, просил меня ходатайствовать оставить в силе наше согласие помочь болгарской армии в деле снабжения ее шинелями, обувью и лошадьми, заявив, что для выработки подробных условий он, вероятно, будет командирован в Петербург в январе или в начале февраля.

В начале января я напомнил военному министру об этом деле; последний ответил мне крайне уклончиво, сказав, что на-днях рассчитывает со мной подробно обо всем переговорить. С тех пор прошел целый месяц, но генерал Никифоров, встречаясь со мной довольно часто, ни разу не коснулся этого вопроса.

Тогда же генерал Диков подал генералу Никифорову подробную докладную записку по этому делу, но записка эта осталась без всякого движения.

Между тем, состояние неприкосновенных запасов в болгарской армии по-прежнему довольно плачевное, и не было принято никаких мер для их пополнения.

При таких обстоятельствах, в случае осложнения политической обстановки этой весной, Болгария может очутиться в довольно затруднительном положении. Получить все необходимое для мобилизации из России будет крайне трудно, и если Болгария не захочет остаться пассивной зрительницей разыгрывающихся событий, что едва ли вероятно, ей поневоле придется обратиться к Австрии, которая легко может снабдить ее всеми запасами, а также лошадьми, но, конечно, только в том случае, если она будет уверена, что Болгария явится ее послушным союзником.

Таковы обстоятельства, которые, как мне кажется, могут внушить некоторые подозрения. Я отнюдь не хочу придавать своим доводам решающее значение, однако они таковы, что их нельзя обойти молчанием, и я считаю своим долгом указать, что при существующем положении вещей, особенно в случае осложнений весной этого года, Болгария может быть принуждена согласовать свои действия с видами и желаниями Австрии [2].

Полковник Романовский.

---

[1] См. т. XVIII, № 588.

[2] В письме от 23/10 февр. Неклюдов сообщал Сазонову, что на следующий день после отъезда Фердинанда в Кобург его посетил находившийся в Софии со времени празднования совершеннолетия королевича Бориса (ср. стр. 83, прим. 3) болг. посланник в Париже Станчов и передал «от имени короля приблизительно следующее: королю вообще весьма больно и обидно, что всякое путешествие его в Вену возбуждает какие-то подозрения не только в русской прессе, но и в русских официальных кругах. Недавно еще наш посол в Вене обвинил его в переговорах с Эренталем и в попытках сговориться с Румынией».

На заявление Станчова, что путешествия короля в Вену «отнюдь не вызваны соображениями политическими». Неклюдов, по его словам, ответил «весьма сухо и определенно, что в России отнюдь не думают запрещать независимому болгарскому монарху ездить куда ему угодно и разговаривать, с кем он хочет. Но и наш посол в Вене не только имеет право, но и обязан передавать в Петербург те сведения, которые до него доходят».

№ 502. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 23. 20/7 февраля 1912 г.

Получил телеграммы №№ 236 [1], 237 [2] и 239 [3].

До получения мной этих телеграмм у Миловановича уже было известие из Софии об отклонении сербских предложений и настойчивой просьбе Гешова приступить скорее к подписанию соглашения, мотивированной следующим образом: так как, сказал Гешов, король Фердинанд далеко не сочувствует заключению при жизни императора Франца-Иосифа актов, направленных против Австрии, то он может всегда воспользоваться предлогом, вроде создаваемого Сербией, чтобы отсрочить вообще всякое соглашение с ней. А посему опасно упускать момент. Это откровенное заявление Болгарии произвело весьма тяжелое впечатление на членов сербской комиссии, обсуждающей соглашение, все более теряющей веру в искренность короля Фердинанда. При таких условиях, как мне поведал Милованович, положение его самого и Пашича становится крайне затруднительным, особенно ввиду неопределившихся еще результатов предстоящих в Сербии выборов. Однако, осведомившись о проезде через Белград болгарского посланника в Париже, который должен отвезти сербский ответ королю Фердинанду, Милованович по телеграфу просил Станчова остановиться здесь на несколько часов для объяснений в надежде достигнуть полюбовного соглашения.

Гартвиг.

№ 503. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 54 [4]. 20/7 февраля 1912 г.

Копия в Париж.–

Ссылаюсь на мою телеграмму № 53 [5].

Ссылаюсь на отношение управляющего министерством от 10 июля за № 4566 [6].

От себя я изложил министру подробно историко-экономические соображения, побуждающие нас безусловно охранять наше торговое преобладание в Северной Персии не от турецкой, а от иноземной конкуренции, для которой являлась бы серьезным облегчением постройка железной дороги через Турцию в направлении границы Кавказа и Персии. На вопрос же министра, одобряем ли мы трассу французских предпринимателей, я ответил, что мое правительство в свое время выскажет по этому предмету свое суждение. Министр выразил в заключение не только искреннее желание, но и твердую надежду, что соглашение будет достигнуто. Я думаю, что о существе наших требований у турок нет иллюзии и что дело установления нового соглашения сведется главным образом к отысканию такой формулы, которая дала бы туркам возможность удовлетворить нас, но самим перед публикой «спасти лицо». Так как министр больше не касался таможенной надбавки, то я совершенно исключил этот вопрос из данных переговоров, и наша свобода действий в этом деле ничем не связана. Зато я воспользовался инструкцией № 4566, чтобы дать Ассим-бею крайне важное и своевременное для

---

[1] См. № 489.

[2] См. стр. 147, прим. 1.

[3] Тел. от 18/5 февр. за № 239 Сазонов препроводил Гартвигу тел. Неклюдова от 17/4 февр. за № 18, в которой последний сообщал, что он по ошибке послал в м-во ин. дел адресованную Гартвигу свою тел. за № 17 (см. стр. 147, прим. 1). «Впрочем тем лучше, — указывал в тел. за № 18 Неклюдов, — ибо я был уверен в полной нецелесообразности и неисполнимости подобного спешного выступления в Белграде и согласился быть передаточной инстанцией лишь по настойчивой просьбе Гешова и Спалайковича».

[4] Опубл. Siebert, II, S. 319, № 568.

[5] См. № 497.

[6] Письмо Нератова за № 4566 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. Ср. стр. 164, прим. 1.

него поощрение, о чем телеграфирую вам за № 55[1]. Министр по собственному почину держит французского поверенного в делах в курсе своих объяснений со мной по железнодорожному делу, о чем Бопп доносит телеграфом в Париж. Таким образом сами турки открывают французскому правительству возможность оказывать нам в предстоящих переговорах полезное содействие.

Чарыков.

№ 504. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 178. 20/7 февраля 1912 г.

Получил № 240 [2].

Телеграфирую Поппе: Получил № 87 [3].

Согласно руководящим указаниям императорского министерства, нам рекомендуется ни вмешиваться в происходящую борьбу, ни оказывать поддержку какой-либо из сторон, пришедших в столкновение в Фуцзядяне. Ввиду отсутствия какого-либо законного правительства в Китае в настоящее время не производится никакого различия между властями, принадлежащими к той или другой партии. Официальные сообщения о перемене в управлении и сменах должностных лиц временно оставляются без ответа. Неотложные деловые сношения ведутся с теми, кто является фактической властью, либо устно, либо в безличной письменной форме на имя соответствующего китайского учреждения с пропуском слов «императорское и дайцинское». На обязанности нашей лежит предупреждать всякую новую власть о строго нейтральном характере Китайско-восточной железной дороги, в пределах коей не может быть допущено беспорядков. Копию этой телеграммы не откажите сообщить генералам Хорвату и Мартынову и почтой, для сведения, консулам в Гирине и Цицикаре.

Щекин.

№ 505. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 145. 20—19/7—6 февраля 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Препровождая при сем копию телеграммы управляющего Китайско-восточной железной дорогой от [17] 4 сего февраля (№ 420) по поводу официального заявления, сделанного командующим войсками Квантунской области Лян Тенвеем в письме на имя начальника Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенанта Мартынова [4], имею честь уведомить ваше превосходительство, что мною одновременно с сим сделано распоряжение о том, чтобы, в случае поступления подобных заявлений на имя генерал-лейтенанта Мартынова, последний передавал таковые непосредственно на распоряжение управляющего

---

[1] В тел. от 21/8 февр. за № 55 Чарыков извещал Сазонова, что согласно инструкции, содержащейся в письме Нератова за № 4566, он сообщил турец. м-ру ин. дел, что росс. прав-во «разделяет взгляд здешнего агента министерства финансов на проектированный налог теметтy и считает, что соответственный закон разработан внимательно и может быть применен к русским подданным». Чарыков добавлял, что такое отношение росс. прав-ва «к столь интересному для Турции вопросу является новым выражением нашего желания способствовать ее экономическому и финансовому преуспеванию».

[2] См. № 491.

[3] Повидимому, за этим номером была послана в Пекин тел. Поппе Сазонову за № 88 (см. стр. 148, прим. 5).

[4] Согласно этой тел. Хорвата Лян Тен-вей в указанном письме сообщает, что «он назначен для завоевания манчжурских провинций в смысле присоединения их к республике; далее Лян Тен-вей заявляет, что все займы и действующие договоры будут безусловно признаваться новым правительством и что иностранцам и их имуществу, при соблюдении ими нейтралитета, гарантируется полная неприкосновенность. В случае несоблюдения нейтралитета нарушившая сторона будет рассматриваться как враждебная».

дорогой, которому одному принадлежит право сношения с туземными властями по делам железной дороги. Вместе с тем управляющему дорогой подтверждено по телеграфу, что по всем вопросам политического характера подобное право принадлежит исключительно нашим консульским представителям и что, впредь до признания нашим правительством китайской республики, ему, генерал-лейтенанту Хорвату, надлежит воздерживаться от каких бы то ни было существенных шагов.

Сообщая о вышеизложенном, пользуюсь случаем и пр.

В. Коковцов.

№ 506. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 77 [1]. 21/8 февраля 1912 г.

Sir E. Grey, répondant à une communication de l'ambassadeur de Russie à Londres au sujet du procédé à adopter par les cinq Grandes Puissances neutres pour le cas d'une intervention amicale entre la Turquie et l'Italie [2], expose l'opinion du gouvernement britannique à ce sujet dans le sens suivant:

L'unanimité de principe quant à l'opportunité d'une pareille intervention une fois établie entre les Puissances, celles-ci s'adresseraient amicalement à la Turquie, l'invitant de remettre l'affaire de la paix aux mains des cinq Puissances qui, après s'être concertées et avoir confidentiellement consulté l'Italie, élaboreraient les conditions d'une cessation d'hostilités et en conseilleraient l'acceptation à la Porte.

En s'associant entièrement à cette manière de procéder qui, équivalant à une médiation, permettrait aux Puissances d'éluder la délicate question du décret d'annexion rendu par l'Italie, le gouvernement impérial y voit cependant un inconvénient à éviter. Cet inconvénient consiste dans la possibilité pour la Porte de mettre à son acceptation de la médiation quelques conditions préalables de nature à faire avorter toute action pacificatrice ultérieure.

C'est pourquoi le gouvernement impérial serait d'avis de faire précéder l'ensemble des démarches si-dessus indiquées par un échange de vues entre les Puissances et l'Italie qui serait invitée à leur communiquer le minimum des conditions auxquelles elle subordonnerait l'acceptation d'une intervention des Puissances [3].

La connaissance préalable de ces conditions offrirait la possibilité de faire entrevoir à Constantinople dès le début des conversations quelques avantages qui pourraient servir de compensation au retrait éventuel des troupes turques des provinces africaines, tels par exemple que la levée du blocus des côtés de l'Arabie et le retour au status quo ante bellum par rapport aux forces navales italiennes dans la Mer Rouge, avantages qui pourraient être de nature à disposer la Porte à remettre ses intérêts entre les mains des Puissances [4].

[1] Опубл. Gr. Pol. Bd. XXX, T. I, S. 305, № 11034, Anlage; Oe. U. A. Bd. IV, S. 4, № 3310; Doc. dipl. 3-me série, V. II, p. 71, № 80, Annexe.

[2] См. № 459.

[3] В тел. от 16/3 февр. за № 231 (опубл. Stieve, II, S. 42, № 208) Сазонов, сообщая Бенкендорфу точку зрения росс. прав-ва, изложенную в публикуемом документе, извещал его, что он намерен сделать в этом смысле заявление державам и просил выяснить, как отнесется к этому Грей. В ответной тел. от 17/4 февр. за № 43 Бенкендорф сообщал, что он не сможет скоро поговорить с Греем и вероятно увидит его только после получения меморандума от Сазонова.

[4] Текст этой пам. записки был препровожден Сазоновым в Лондон, Париж, Берлин, Вену, Рим и для сведения в К-поль при письме от 22/9 февр. за № 81, в котором он поручал послам содействовать тому, чтобы англ., франц., герм. и австр. представителям в Риме были даны «необходимые указания для вступления в предварительные объяснения с итальянским правительством» согласно его предложению.

Тел. от 24/11 февр. за № 284 Сазонов предписал Долгорукому, в случае получения его коллегами аналогичных инструкций, осведомиться у итал. прав-ва «о предельных условиях, на которых Италия приняла бы посредничество держав». Тел. от того же числа за № 285 он поручил Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену и Гирсу передать соответствующему м-ру ин. дел копию публикуемой пам. записки.

Перевод.

Сэр Э. Грей в ответ на сообщение российского посла в Лондоне по вопросу о порядке действий пяти нейтральных великих держав в случае дружественного вмешательства между Турцией и Италией, высказывает следующее мнение британского правительства по этому поводу:

Как только между державами будет установлено принципиальное единомыслие относительно уместности подобного вмешательства, они дружески обратятся к Турции, приглашая ее передать дело мира в руки пяти держав, которые, согласившись между собой и доверительно запросив Италию, выработают условия прекращения военных действий и посоветуют Порте принять их.

Вполне соглашаясь с этим планом действий, который, будучи равноценным посредничеству, позволил бы державам обойти щекотливый вопрос об итальянском декрете относительно аннексии, императорское правительство находит однако в нем одно неудобство, которого следует избежать. Это неудобство состоит в возможности для Порты предпослать принятию ею посредничества некоторые предварительные условия, способные обречь на неудачу все дальнейшие примирительные действия.

Поэтому императорское правительство считало бы необходимым предпослать совокупности вышеуказанных шагов обмен мнениями между державами и Италией, предложив последней сообщить им минимум условий, которым она подчиняла бы принятие вмешательства держав.

Предварительная осведомленность об этих условиях дала бы возможность с самого начала переговоров в Константинополе предусматривать некоторые преимущества, которые могли бы служить компенсацией за эвентуальный вывод турецких войск из африканских провинций, как например снятие блокады с побережья Аравии и возвращение к status quo ante bellum в отношении итальянских военно-морских сил в Красном море, — преимущества, которые были бы способны побудить Турцию передать свои интересы в руки держав.

№ 507. Сообщение японского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

21/8 февраля 1912 г.
Strictement confidentiel.

Upon the establishment in China of a new and stable governement, having the intention and capacity to fulfil international obligations of the country, the Powers will be called upon to accord recognition to the new state. In view of present conditions of things in China, it is necessary for the Powers at this time to consider matters relating to such recognition. The continuation, under the new order of affairs, of the rights, privileges and immunities which foreigners now enjoy in China are quite essential. Those rights, privileges and immunities rest largely upon treaty grants, but to a certain extent they depend either upon national enactment or upon established custom or usage. It seems advisable therefore for the Powers at the time of recognition to secure from the new government as a measure of reward formal confirmation of those rights, privileges and immunities, and it would also be well for them to obtain from the said governement at the same time formal engagement regarding the foreign indebtedness of China. Pending the establishment of a government entitled to recognition, it will be necessary for the Powers through their representatives and consuls to deal in current and local affairs with the ostensible Chinese officials. Accordingly the Imperial Government suggest that the principle of joint action which has been adhered to with marked success during the present crisis be extended to the above questions so that, in the matter of recognition of the new government as well as in the matter of their action in the meantime, the Powers may act in concert, and they would also suggest that recognition be accorded upon the condition that the new government give such guarantees as will fully safeguard the common rights and interests of the Powers in China. By means of uniform action more satisfactory guarantees can be obtained and the act of recognition will be greatly facilitated. If the above suggestion prove acceptable to the Powers, the Imperial Government recommend that the necessary authority and instructions be in the matter given to diplomatic representatives at Peking.

Перевод.

Строго доверительно.

После установления в Китае нового и устойчивого правительства, намеревающегося и способного выполнять международные обязательства страны, державы будут призваны дать

[1] Маш. копия.

свое признание новому государству. Ввиду нынешнего положения вещей в Китае, державам необходимо в настоящее время рассмотреть вопросы, касающиеся такого признания. Сохранение при новом положении вещей прав, привилегий и льгот, которыми иностранцы сейчас пользуются в Китае, совершенно необходимо. Эти права, привилегии и льготы основываются в значительной мере на договорных обязательствах, но до некоторой степени зависят либо от национального законодательства, либо от установившегося обычая. Поэтому желательно, чтобы в момент признания державы обеспечили себе со стороны нового правительства, в порядке компенсации, формальное подтверждение этих прав, привилегий и льгот, и одновременно было бы также полезно получить от указанного правительства формальное обязательство относительно иностранной задолженности Китая. Впредь до установления правительства, имеющего право на признание, державам необходимо, через своих представителей и консулов, сноситься по текущим и местным делам с имеющимися налицо китайскими чиновниками. В соответствии с этим императорское правительство предлагает, чтобы принцип совместных действий, соблюдавшийся с явным успехом в течение нынешнего кризиса, был применен и к вышеуказанным вопросам так, чтобы в деле признания нового правительства, равно как и в вопросе о деятельности держав до этого момента, они могли действовать согласованно, и оно также предлагает, чтобы признание состоялось под тем условием, чтобы новое правительство дало гарантии, полностью обеспечивающие общие права и интересы держав в Китае. Путем единообразных действий могут быть получены более удовлетворительные гарантии, и акт признания будет значительно облегчен. Если указанное выше предложение окажется приемлемым для держав, то императорское правительство рекомендует дать дипломатическим представителям в Пекине необходимые полномочия и инструкции по этому вопросу.

№ 508. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

·/. Телеграмма № 254. 21/8 февраля 1912 г.

Дополнение к № 206 [1].

Правлению Русско-азиатского банка разрешено выдать ссуду Юань Ши-каю под условием, чтобы эта сделка исходила от какой-либо иностранной группы, входящей в состав образованного банком синдиката, например, бельгийской [2].

Сазонов.

№ 509. Министр иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

·/. Телеграмма № 257. 21/8 февраля 1912 г.

№ 28 получен [3].

Барон Мотоно доверительно сообщил мне, что японскому послу в Вашингтоне поручено, давая американскому правительству переданный вами официальный ответ по вопросу об отношении к событиям в Китае, дать понять статс-секретарю, что у Японии есть специальные интересы в Манчжурии, для защиты которых японское правительство оставляет за собой свободу действий. То же поручение дано японскому послу в Берлине. Токийский кабинет полагает, что однородный шаг со стороны императорского правительства отвечал бы интересам обеих держав при настоящем положении вещей.

Благоволите выразить виконту Уцида нашу признательность за сказанное доверительное сообщение. Мы разделяем его мнение, что ныне настало время напомнить державам о существовании русских и японских специальных интересов в Манжчурии, и желали бы ознакомиться с формой, в которой это напоминание будет сделано японскими представителями, дабы облечь наше выступление по возможности в сходные выражения.

[Сазонов.]

---

[1] См. стр. 102, прим. 1.

[2] О разрешении, данном правлению Русско-азиатского банка, Сазонов был извещен Коковцовым письмом от 19—20/6—7 февр. за № 124.

[3] См. стр. 158, прим. 1.

№ 510. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 260. 21/8 февраля 1912 г.

Считая, что аванса в 200 000 ф. ст., выдаваемого ныне персидскому правительству [1], может хватить лишь на очень короткое время и что Персия без крупного займа обойтись не может, признаем неотложным ныне же выяснить все вопросы, с этим связанные, а именно, о размере займа, который мы предполагаем приблизительно в 6 000 000 ф. ст., о способе реализации его, о гарантиях, — каковыми намечаются, кроме остатков доходов всех таможен, паспорта, монетный двор, государственные земли, малиат, — о доходности каждой из этих статей и т. д. Нам необходимо иметь по этому поводу спешно подробное ваше заключение.

Со своей стороны, имеем в виду следующую схему. Устройство займа принимают на себя Учетно-ссудный и Шахиншахский банки, причем, так как последний в прошлом году заключил для персидского правительства заем в 1 250 000 ф. ст., то доля нашего банка ныне в проектируемом займе должна быть больше английской. Справедливо было бы из общей суммы займа прежде всего выделить в пользу нашего банка 1 250 000 ф. ст., которыми мог бы быть погашен унифицированный в прошлом году долг персидского правительства. Относительно остальной суммы можно поступить двояко: либо просто поделить ее пополам между обоими банками, либо распределить ее между ними пропорционально суммам гарантий по месту нахождения последних в Северной или Южной Персии. Последний способ предоставил бы, вероятно, нашему банку бóльшую долю, но исключал бы зато право Шахиншахского вступать в заведывание статьями доходов, лежащими в нашей сфере влияния, что было бы противно соглашению 1907 года.

Считая далее, что столь крупная операция была бы не по силам Зелигману и что во всех отношениях предпочтительно предоставить реализацию займа банкам, входящим в международный консорциум Трансперсидской железной дороги, мы полагаем, что обоим упомянутым банкам следовало бы передать операцию этому консорциуму. В этих видах мы уже вступили в предварительный обмен мнений с Парижско-Нидерландским банком, который принципиально готов взяться за это дело и привлечь к нему английскую группу с Ревельстоком во главе [2]. По имеющимся сведениям, Зелигман, которому предполагается предоставить некоторое участие, протестовать не будет [3].

Важен вопрос, как может быть обойден закон, требующий для заключения займа предварительного согласия меджлиса, который мы признаем безусловно необходимым не созывать, пока у правительства не будет достаточно регулярных войск, на которые оно могло бы опереться не только в Тегеране, но и в провинциях для устранения крайних элементов и обеспечения благоприятных выборов. Единственным выходом представляется нам дальнейшая выдача необходимых авансов. Эту мысль высказал и Исаак-хан, и имеются основания думать, что Парижский банк на это согласится.

Ожидаем спешного ответа. Сазонов.

---

[1] См. № 494.

[2] См. № 475.

[3] Тел. от 18/5 февр. за № 23 (опубл. М., стр. 156) Извольский передал Сазонову: «Лорд Ревельсток сообщил Нецлину, что Зелигман не намерен настаивать на своих правах и не считает английское правительство связанным перед ним. Таким образом конкуренция Зелигмана кажется легко устранимой. С другой стороны, по мнению Ревельстока, персидский заем может иметь успех в Англии лишь в том случае, если переговоры будут совершены с полного согласия и при поддержке России и Англии и если оба правительства дадут определенные заверения, непосредственно обеспечивающие интересы участников. По сведениям из того же источника, английское правительство, повидимому, вообще не сочувствует заключению займа при посредстве Трансперсидского консорциума. Ввиду всего вышеизложенного, Нецлин настаивает на необходимости энергичного дипломатического воздействия с нашей стороны на лондонский кабинет. Он считает весьма желательным прямую гарантию займа со стороны обоих правительств и спрашивает, возможна ли подобная гарантия».

№ 511. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 28 [1]. 21/8 февраля 1912 г.

Дополнение моей телеграммы № 23 [2].

В ожидании ответа из Софии Милованович отправил Спалайковичу нижеследующие телеграфные указания: Передайте Гешову, что последнее сообщение его ставит меня в крайне тяжелое положение, ибо все мои коллеги категорически противятся изменению нашей формулы, находя, что я и без того широко жертвовал национальными интересами Сербии. Обратите серьезное внимание Гешова на следующее: после долгих усилий только достигли при благожелательном содействии России полного успеха по существу акта, имеющего великое политическое значение для всего славянства; неужели ему суждено рушиться из-за мелкого второстепенного вопроса разграничения сфер. Желая обойти трения и избежать опасных промедлений, мы предложили Болгарии примирительный выход, который, вовсе не предрешая вопроса, оставил его открытым до того отдаленного будущего, когда события заставили бы нас приступить к реальному дележу турецкого наследства. Упорство со стороны Болгарии при таких условиях может быть объяснено либо прихотью, либо вымогательством под угрозой. И то, и другое поневоле вызывает среди нас недоверие. Между тем события надвигаются и могут застать нас врасплох. — Спалайкович телеграфирует, что изложенное сообщение произвело большое впечатление на Гешова; он казался смущенным и обещал снова переговорить со своими коллегами. Этим объясняется задержка в Софии Станчова [3], который сегодня утром должен был проехать без остановки в Ниццу с докладом к королю.

Гартвиг.

№ 512. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 59. 21/8 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на последнюю экспедицию Свербеева [4].

В своих беседах с дипломатическими представителями министр иностранных дел открыто подтверждает известное давнишнее заявление военного министра, что если в афинском парламенте появятся депутаты от острова Крита, турецкие войска вступят в Фессалию. Повидимому, это произошло бы без объявления войны и имело бы целью приобретение материального залога для восстановления прав султана на Крите. Ввиду последних сообщений Свербеева, державам как будто бы приходится теперь выбирать между турецкой оккупацией Фессалии и европейской оккупацией Крита. Если при осуществлении последней будет объявлено осадное положение с приостановкой конституционных и парламентских прав и гарантий на острове, то выборы депутатов в афинскую палату будут фактически предотвращены, а полномочия лиц, которые стали бы называть себя депутатами Крита в Афинах, оказались бы лишенными юридической силы. Само афинское правительство могло бы стать на эту точку зрения с меньшим риском революции. Здешний французский представитель разделяет этот взгляд, отмечая, однако, что подобная мера должна бы быть принята ранее 24 марта [нов. ст.], когда назначены выборы в греческую палату. Вышеизложенные соображения возникли при беседе с Шебуниным [5], недавно проехавшим на Крит [6].

Чарыков.

---

[1] Тел. бланк.

[2] См. № 502.

[3] Ср. стр. 162, прим. 2.

[4] Вероятно, имеется в виду письмо Свербеева от 17/4 янв. (см. № 362).

[5] Ген. консул в Канее.

[6] В тот же день Чарыков дополнительно телеграфировал: «Окончание телеграммы № 59. Ввиду наступившего успокоения на Балканах, только критские выборы являются угрозой миру предстоящей весной. Такое крупное значение критского дела могло бы послужить основанием для привлечения к участию в нем хотя бы Австро-Венгрии, что прекрасно подействовало бы на турок».

№ 513. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 114. 21/8 февраля 1912 г.

Копия в Тифлис.

Сегодня узнал впервые от Овсеенко [1], что наместник на Кавказе приказал начальнику отряда эвакуировать Казвин, оставив в этом городе одну сотню и что выступление наших войск начнется через неделю. По этому поводу позволяю себе высказать, что я продолжаю еще считать отозвание казвинского отряда преждевременным и соображения, высказанные мной в секретной телеграмме [2 января 1912 г.] 20 декабря [1911 г.], № 1323 [2], остаются в силе, несмотря на некоторую перемену их мотивов. Положение здесь далеко еще нельзя считать прочным и неудачный исход нынешних переговоров персидского правительства с нами и Англией, задержка с отъездом из Персии Мохамед-Али-шаха или с восстановлением власти правительства в Азербайджане, могут повести к отставке кабинета и к возможности анархии в Тегеране. Кроме того, разоружение фидаев способно также причинить осложнения или потребовать особого с нашей стороны давления, для которого необходимо присутствие военной силы в недалеком от столицы расстоянии, и только по ликвидации этих жгучих вопросов отозвание отряда не будет опасным. Я неоднократно высказывал Барклаю эти соображения, который не находил против них возражений и передал их английскому правительству. У меня есть также основание предполагать, что и само шахское правительство сознает необходимость несколько более продолжительного пребывания наших войск в Казвине.

Поклевский.

№ 514. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

/. Телеграмма № 262. 22/9 февраля 1912 г.

Me réfère votre dépêche du [5 février] 23 janvier [3].

L'ambassadeur de Turquie nous a adressé une note verbale dans le même sens. Répondons comme suit:

Le gouvernement ottoman ne saurait douter de ce que le gouvernement impérial n'a nullement en vue d'occuper des localités appartenant à l'Empire Ottoman. Le gouvernement impérial croit cependant prématuré de discuter des questions ayant rapport à des décisions futures quant au territoire en litige entre les gouvernements turc et persan. D'ailleurs, le gouvernement ottoman ne pourra pas nier le fait que les localités occupées actuellement par des détachements russes se trouvent en dehors du territoire qui forme l'objet du litige [4].

Sazonow.

Перевод.

Ссылаюсь на вашу депешу от [5 февраля] 23 января.

Турецкий посол передал нам вербальную ноту в том же смысле. Отвечаем следующим образом:

Оттоманское правительство не может сомневаться в том, что императорское правительство никоим образом не имеет в виду оккупировать местности, принадлежащие Оттоманской империи. Императорское правительство считает, однако, преждевременным обсуждать вопросы,

---

[1] Консул в Исфагани.

[2] См. № 299.

[3] В деп. от 5 февр./23 янв. за № 9, посвященной вопросу о турецко-перс. разграничении, Чарыков сообщал Сазонову, что турец. м-р ин. дел в связи с предстоящим началом работ турецко-перс. разграничительной комиссии, высказал пожелание «получить уверение от русского правительства, что если означенная комиссия или Гаагский суд признает турецкой территорией какую-либо местность, занятую ныне русскими войсками, то войска эти будут оттуда выведены».

[4] Этот текст Сазонов сообщил турец. пос-ву в Петербурге в тот же день пам. запиской за № 168.

имеющие отношение к будущим решениям по поводу территории, которая является предметом спора между турецким и персидским правительствами. К тому же оттоманское правительство не может отрицать того факта, что местности, занимаемые ныне русскими отрядами, находятся вне территории, составляющей предмет спора.

Сазонов.

№ 515. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Письмо № 82. 22/9 февраля 1912 г.

М. г. Александр Петрович,

Письмом моим от [3 января 1912 г.] 21 декабря минувшего года за № 812 [1] и сообщенными вам гофмейстером Чарыковым телеграммами своими в императорское министерство за №№ 42 [2] и 53 [3] ваше превосходительство уже осведомлены о настоящем положении вопроса о пересмотре соглашения нашего с Турцией по железнодорожному строительству в северной части Малой Азии. Для лучшего уразумения последней телеграммы посла в Константинополе считаю необходимым приложить при сем и копию с моей телеграммы гофмейстеру Чарыкову от [16] 3 сего февраля за № 230 [4], на которую он ссылается.

Из совокупности этих данных вы усмотрите, что, начав под вызванным нами воздействием с французской стороны общий разговор о малоазиатских железных дорогах, турецкий министр иностранных дел поставил однако формулировку определенных по этому предмету предложений в зависимость от заключений, какие французские предприниматели малоазиатских железных дорог представят турецкому министерству общественных работ относительно направления и порядка постройки предоставляемых им линий.

Обсуждение этих вопросов синдикатом имеет произойти в Париже в недалеком будущем, и это обстоятельство навело гофмейстера Чарыкова на мысль, по-моему заслуживающую внимания, что было бы для нас выгодно, если бы сами предприниматели отозвались неблагоприятно о принципиально неугодных нам линиях.

Ваше превосходительство, может быть, изыщете средства побудить, при содействии французского правительства или непосредственно, синдикат Самсун-Сивасской железной дороги высказаться в том смысле перед Портой, что со специально технической и коммерческой точек зрения наиболее желательными являются линии, идущие от Черного моря вглубь Малой Азии, как то линия Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир или Трапезунд — Эрзингян — Моссул, между тем, как линии параллельные берегу (нам неугодные) станут коммерчески выгодными и доходными лишь тогда, когда навстречу им потянутся рельсы от российской границы.

При этом отчасти можно будет воспользоваться соображениями предпоследних фраз телеграммы гофмейстера Чарыкова за № 42.

Такая постановка вопроса самим синдикатом облегчила бы императорскому правительству переговоры с Турцией по щекотливому вопросу постройки железных дорог в северной части Малой Азии и позволила бы, насколько возможно, отдалить постройку нежелательных и даже опасных для нас линий в направлении к кавказской границе.

В ожидании результатов тех шагов и переговоров, которые ваше превосходительство сочтете возможным предпринять по этому вопросу, пользуюсь настоящим случаем и пр.

Сазонов.

---

[1] См. № 300.
[2] См. № 464.
[3] См. № 497.
[4] См. № 483.

№ 516. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 124. 22/9 февраля 1912 г.

№ 2 [1].

En vue de témoigner son vif désir d'établir une base solide d'amitié et de confiance durables, le gouvernement persan sera soucieux de conformer sa politique aux principes de la convention de 1907 en tant que cette politique ne porte aucune atteinte aux principes fondamentaux de ladite convention établis dans le préambule à savoir: 1) l'indépendance et l'intégrité de la Perse; 2) son développement pacifique; 3) avantages égaux pour le commerce et l'industrie de toutes les autres nations.

Poklewski.

Перевод.

№ 2.

В целях доказательства своего горячего желания установить прочную основу для длительной дружбы и доверия, персидское правительство будет стремиться согласовать свою политику с принципами конвенции 1907 г., поскольку эта политика не нанесет никакого ущерба основным принципам сказанной конвенции, установленным во вступлении, а именно: 1) независимость и целостность Персии; 2) ее мирное развитие; 3) равные преимущества для торговли и промышленности всех других наций.

Поклевский.

№ 517. Генеральный консул в Мешеде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 17 [2]. 22/9 февраля 1912 г.

Копия в Тегеран.

Местные власти выразили консульству благодарность за принятые им зависящие от него меры к прекращению агитации [3]. Затихшее было брожение возобновилось по приезде в Мешед третьего дня нишабургского разбойника Мамеда, сторонника экс-шаха. Мамед с двадцатью человеками разбил и разоружил высланных против него находившихся в распоряжении властей всадников и пробрался в Бест [4], где вместе с Юсуф-ханом возобновил сочувственные экс-шаху манифестации. Мечети полны бестующими. Шоа-эс-Солтане прислал вчера духовенству телеграмму, в которой извещает о скором выступлении Мохамед-Али-шаха в Мешед. Рукн-эд-Доуле дал собравшимся 24 часа срока разойтись. Срок истекает сегодня. По настоянию консульства манифестантам обещана полная амнистия. Переловить подозрительных русско-подданных не могу, ибо все они укрываются в Бесте. Персидские власти бессильны оказать какое-либо содействие. Подробности о брожении ныне сообщены почтой.

Дабижа.

№ 518. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 183. 22/9 февраля 1912 г.

№ 1.

Гроссе телеграфирует: «Директор банка Каррер [5] имел сегодня свидание с Таном по поводу заключения золотого займа в 12 млн. лан на следующих условиях, если последует принципиальное согласие нашего правительства:

---

[1] В тел. от 22/9 февр. за № 124 (1) Поклевский сообщал Сазонову, что перс. прав-во готово принять условия аванса, «за исключением пункта о признании англо-русской конвенции, для которого оно предлагает редакцию, изложенную в телеграмме № 2».

[2] Царск. экв.

[3] См. № 495 и прим. 1 к нему.

[4] Бестом в Мешеде называется район города, окружающий священную для всех персов гробницу имама Ревы — по счету 8-го. [Прим. оригинала.]

[5] Каррер — директор шанхайского отделения Русско-азиатского банка.

1) Срок ссуды один год по цене 97 и 5% годовых под гарантию общегосударственных доходов. 2) Ссуда погашается при первом же заключении Китаем крупного займа. 3) Соглашение с китайской стороны подписывают Юань Ши-кай, Тан Шао-и, Сун Ят-сен и республиканский министр финансов Чэм Цзин-дао. 4) Сумма выплачивается банком чрез неделю по подписании соглашения в течение одного месяца по 3 млн. в неделю. 5) Совершение этой сделки дает банку преимущественные права при заключении Китаем следующих займов. Тан дал понять Карреру, что республиканцы стремятся освободиться от посредничества японцев и обратились в русский банк, несмотря на образ действия России в Монголии, желая этим подчеркнуть исключительно коммерческий характер сделки. Банк телеграфирует Гойеру и правлению в Петербург» [1].

Щекин.

№ 519. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 153. 22/9 февраля 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ввиду высказанного вашим превосходительством мнения о том, что финансовые сделки с китайским правительством должны заключаться не от имени Русско-азиатского банка, а под флагом одной из иностранных групп, входящих в состав образованного банком синдиката [2], правление банка снабдило соответствующими указаниями своего представителя в Пекине, и в дальнейшем банк будет вести переговоры с китайцами через посредство директора Китайско-бельгийского банка г. Devos.

В настоящее время от этого последнего лица в правление Русско-азиатского банка поступило прилагаемое при сем в копии сообщение [3] о том, что китайское правительство, в лице Юань Ши-кая, предлагает заем в 10 млн. ф. ст., с тем, чтобы в счет этого займа ему был выдан аванс в размере до 2 млн. ф. ст. Юань Ши-кай обещает предоставить очень существенные гарантии, и так как условия займа должны быть утверждены обоими правительствами, Пекина и Нанкина, то операция теряет характер политического вмешательства в пользу одной из сторон.

Правление Русско-азиатского банка считает весьма желательным осуществление указанной операции, так как она дала бы синдикату банка большие выгоды и содействовала бы достижению соглашения с консорциумом 4 держав относительно будущей деятельности в Китае.

По поводу этого последнего предположения представитель Русско-азиатского банка, г. Верстрат, объяснил, что когда в минувшем январе, в его бытность в Париже, российский посол вел переговоры с представителями французских банкиров, именно с гг. Бетено, председателем Лионского кредита, и Тюреттини, директором-распорядителем Парижско-Нидерландского банка, о возможном отказе французской группы от ее соглашения с консорциумом [4], то названные лица сообщили, что вопрос личностей весьма затрудняет такой отказ, но что, если бы синдикат Русско-азиатского банка мог принести на французский и английский рынки уже готовую китайскую операцию, то это облегчило бы разрешение настоящего положения. Начатые бельгийской финансовой группой с Юань Шикаем переговоры именно дают синдикату возможность привести в исполнение советы гг. Бетено и Тюреттини, и, в случае успеха этих переговоров, консорциум,

---

[1] В тел. от того же числа за № 184 (2) Щекин сообщал, что он не имеет никаких сведений по этому вопросу от представителей Русско-азиатского банка в Пекине и потому не знает, является ли указанная в публикуемом документе сделка займовой операцией, на которую последовало согласие Сазонова в тел. за № 254 (см. № 508).

[2] См. № 492.

[3] Текст сообщения, равно как и другие приложения к публикуемому документу, отсутствуют.

[4] См. № 309.

по мнению г. Верстрата, должен будет отказаться от своей нынешней политики, направленной к тому, чтобы взять в свои руки все китайские операции.

Признавая, с своей стороны, обеспечение указанной выше операции за синдикатом Русско-азиатского банка в лице его бельгийской группы вполне соответствующим нашим интересам и предполагая оказать этому делу возможную для меня поддержку, позволяю себе вместе с тем обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой почтить меня уведомлением, не встречается ли с вашей стороны каких-либо к сему препятствий, и, буде вы изволите разделить мой взгляд на данную операцию, не отказать в вашем содействии к успешному завершению начатых относительно ее переговоров.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы препроводить при сем вашему превосходительству копию нового договора, выработанного ныне участниками синдиката Русско-азиатского банка ввиду последовавшего недавно присоединения к синдикату английской фирмы «J. Henry Schroeder and C°» и бельгийской «Société Générale de Belgique» в Брюсселе в лице ее отделений: «Société Belge de Chemins de fer en Chine» и «Banque Sino-Belge».

Согласно этому договору, право ведения переговоров с китайскими властями принадлежит исключительно Русско-азиатскому банку, который однако может делегировать это право по своему усмотрению той или иной из входящих в состав синдиката групп. Кроме того, один только названный банк может вести дела, имеющие отношения к Манчжурии, Монголии и Восточному Туркестану.

С другой стороны, бельгийской группе, как наиболее компетентной в промышленных делах, предоставлено добиваться всякого рода заказов на поставку материалов, но такие заказы, в случае их получения, будут распределяться поровну между всеми участниками, не исключая и России. С этой точки зрения проектируемый ныне китайский заем представляет особый интерес ввиду того, что одной из гарантий имеет служить Пекин-Ханькоуская ж. д., благодаря чему явится возможность получения заказов на поставку материалов для этой дороги.

Препровождая при сем документы, покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать вернуть по миновании в них надобности.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 520. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 21 [1]. 23/10 февраля 1912 г.

После долгих и исключительных усилий со стороны Гешова и Данева болгары предлагают следующую комбинацию для улажения вопроса о македонском разграничении: Болгария соглашается на проведение границы, желаемой сербами, т. е. между городами Охридой и Стругой, и с допускаемой сербами возможностью изменения этих трасс в силу русского арбитража, имеющего последовать при окончательной ликвидации Македонии. Но Болгария испрашивает нашего доверительного обещания, что город Струга при этом арбитраже достанется не сербам, а болгарам. Я думаю, что мы можем обещать все, что угодно, ибо если события действительно вызовут ликвидацию турецкого владычества на полуострове, то никто не будет и думать о разграничении, ныне столь трудно улаживаемом; а будет иметь смысл и влияние на события лишь самый факт сербоболгарского единения. Неделю тому назад здесь были все так готовы к подписанию соглашения, что Станчов четыре дня ждал здесь, чтобы повезти текст соглашения в Эбенталь на подпись короля [2]. Теперь король, не дождавшись, уехал в Ниццу. Осмеливаюсь посоветовать решительное давление на Пашича, который сознательно тормозит дело, не желая вовсе поступиться надеждами безграничного распространения Сербии в Македонии и даже к Салоникам. Но это было

[1] Маш. копия.
[2] См. № 511.

бы повторением политики напредняков и повело бы к новому уловлению Сербии австрийцами. Я лично доверяю показному руссофильству Пашича столь же мало, сколь искренности Фердинанда. Их обоих нужно заставить итти в единственном для обеих стран (возможном) направлении. Усиленно прошу возможно скорейшего ответа и ходатайствую об утвердительном ответе.

Неклюдов.

№ 521. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 27. 23/10 февраля 1912 г.

Получил № 246 [1].

Я не преминул переговорить в предписанном смысле с Томановичем и министром юстиции. Томанович, видимо мало знакомый с подробностями вопроса, уверял меня лишь в том, что инспекторы никаким влиянием и властью пользоваться не будут. Дожич [2] сообщил мне следующее: вопрос этот был возбужден не по инициативе Австрии, а самой Черногории в прошлом октябре. Вследствие недостаточного числа своих юристов гражданская и уголовная процедура в Черногории применяются крайне несовершенно. Безусловно необходимо обревизовать по всей стране все суды и выяснить их недостатки и необходимые исправления. Для этих целей Черногория вынуждена пригласить опытных юристов, теоретиков и практиков, из далматинских сербов. Она представит список желательных ей лиц, из которых Австрия выберет двух, с коими будет заключен контракт, самое большее на год. Вопрос об их жалованьи еще не решен. Вероятно, они останутся на прежних своих местах, продолжая получать по ним плату от Австрии, но вместе с тем за услуги по командировке будут вознаграждены Черногорией. Один из них будет советником министерства юстиции, другой будет занят ревизией процедуры всех провинциальных судов. Окончив свою миссию, они возвратятся в Австрию, а намеченная теперь министерством юстиции штатная должность инспектора будет замещена юристом из черногорцев. Дожич горячо доказывал мне отсутствие в этом вопросе всякой политической подкладки и просил меня верить, что он вызван исключительно «лютой неволей» черногорского правосудия.

Подробности со следующим курьером [3]. Миллер.

№ 522. Консул в Астрабаде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 18. 23/10 февраля 1912 г.

Телеграфирую посланнику в Тегеране:

Телеграмма за № 116 получена [4].

Мохамед-Али-шах ответил:

«Я ждал прямого указания императорского правительства оставить Персию, но готов и совет его принять за приказание и потому прошу лишь дать мне воен-

---

[1] См. № 500.

[2] М-р юстиции в кабинете Томановича.

[3] В деп. от 4 марта/21 февр. за № 10 Б. Миллер передал Сазонову свою беседу с Греговичем по этому вопросу. Последний заявил ему, что «инициатива исходила от короля, который вел переговоры непосредственно с австрийским посланником».

Позднее, деп. от 22/9 апр. за № 18, Арсеньев сообщил, что по своем возвращении в Цетинье он настаивал перед черног. прав-вом на нежелательности приезда австр. юристов. Далее Арсеньев сообщал, со слов Греговича, что когда в апреле 1912 г. австр. посланник заявил черног. прав-ву о назначении «делегатами австрийского министерства юстиции в Черногорию двух юристов-хорватов», Грегович ответил ему, что «повидимому произошло недоразумение: черногорское правительство не просило о присылке юристов в качестве делегатов австрийского правительства и поэтому отклоняет присылку в качестве таковых гг. Злошило и Метелича». Таким образом приезд австр. юристов был, по словам Арсеньева, отсрочен на неопределенное время.

[4] Тел. от 22/9 февр. за № 116 Поклевский сообщал Сазонову и Иванову, что перс. прав-во соглашается назначить Мохамед-Али-шаху, «в виде последней уступки и при условии не-

ное судно или прислать специально для меня нанятый пароход и дать мне взаймы 6 000 рублей, которые я обязуюсь возвратить сейчас же по прибытии в Одессу, и я с братом выеду отсюда немедленно. Прошу еще дать в охрану до Одессы трех казаков при одном офицере, которые могут сопровождать меня и не в форме. На условия же тегеранского правительства лично я согласиться не могу, но предоставляю решение этого вопроса благоусмотрению императорского правительства. Просил бы лишь выговорить мне, по крайней мере, прежние 100 000 томанов в год, чтобы хотя бы половина суммы, нужной для расплаты с туркменами и кавказцами, была отнесена на счет тегеранского правительства, ибо в ней сосчитано почти 25 000 томанов для расплаты за ограбленное у русско-подданных. Сумма эта может быть понижена до 70 000 томанов».

Со своей стороны считаю долгом донести, что отъезд Мохамед-Али-шаха до окончательных расчетов чрезвычайно затруднит мне ликвидацию и может вызвать беспорядки [1].

Иванов.

№ 523. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

/. Депеша № 11 [2]. 23/10 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

21/8 февраля из Шанхая выехала для приветствования Юань Ши-кая с избранием в президенты временного республиканского правительства [3] и для приглашения его прибыть в Нанкин особая делегация с министром народного просвещения нанкинского кабинета, Цай Юань-пей, во главе. В состав депутации вошло еще 7 лиц, из коих некоторые, как например бывший председатель Чжилийского республиканского комитета Ван Чжао-мин, являются деятельными и убежденными сторонниками партии, но особенно выдающегося положения не занимают. Что касается самого Цай Юань-пея, то последний в 1898 году считался сторонником Кан Ю-вея и бежал из Пекина после переворота. Дальнейшая его деятельность была посвящена просветительным целям, причем он стал постепенно вести пропаганду уже в духе республиканских и социалистических идей. Последние шесть лет он провел в Германии, работая в разных университетах. Как все лица, пострадавшие от переворота 1898 года, он сохранил глубоко враждебные к Юань Ши-каю чувства, и, поставив его во главе депутации, нанкинское правительство, очевидно рассчитывало застраховать себя от последствий столь распространенного в китайских нравах подкупа.

Предсказать в точности исход предстоящих переговоров, конечно, невозможно, но нужно думать, что компромисс будет достигнут. В частности мысль о сохранении столицы в Пекине завоевывает себе все больше сторонников; помимо весьма веских политических и финансовых доводов, которые выставлялись в пользу этой мысли, генерал Ли Юань-хун и другие видные учанские республиканцы, желая ослабить притязания Нанкина, выступили с предложением избрать столицей Учан. Видимо с целью принять участие в переговорах и обеспечить себе возможно большее число мест в будущем правительстве, недавно прибыла в Пекин хубэйская депутация, уже вступившая в сношения с Юань Ши-

---

медленного отъезда в Европу», ежегодную пенсию в размере 75 000 томанов. «Для расплаты же с кавказцами и туркменами,—добавлял он, — персидское правительство готово авансировать сумму в 50 000 томанов, а в случае крайней надобности вероятно и большую, но при непременном условии, что деньги эти выдаются за счет будущей пенсии, из которой они затем будут удерживать равными частями по 24 000 томанов в год». Поклевский предлагал Иванову сообщить содержание этой тел. Мохамед-Али-шаху.

[1] Передавая содержание публикуемой тел. Коковцову в письме от 27/14 февр. за № 204, Сазонов со своей стороны высказывался за желательность пойти навстречу Мохамед-Али-шаху, ввиду необходимости скорейшего удаления его из пределов Персии, «без чего нельзя рассчитывать на успешный исход предпринимаемых нами совместно с Англией шагов для упорядочения положения дел в этой стране».

[2] Частично опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 141.

[3] См. № 488.

каем. Такое соревнование между республиканцами должно помочь Юаню достигнуть компромисса и избежать поездки в Нанкин, на которую он, все более подчиняясь гнетущему страху за свою жизнь, едва ли когда-либо решится. Помимо вопроса о столице, особый интерес предстоящих переговоров сосредоточивается на выяснении состава будущего временного правительства, тот или другой подбор имеющих войти в него деятелей даст, как я имел честь докладывать [1], возможность более определенно судить о положении.

В ожидании приезда делегатов нанкинского правительства, всеобщий интерес продолжает сосредоточиваться на визитах, сделанных Юань Ши-каю, после избрания его в президенты, некоторыми из иностранных представителей, которым затем визиты эти были официально отданы Юанем. Означенный факт, о котором донесено было мною по телеграфу [2], вызвал недоумение и сожаление среди остальных посланников, справедливо усмотревших в нем, несмотря на все официальные объяснения заинтересованных лиц, не только не оправдываемое обстоятельствами предвосхищение событий, но и весьма неосторожный шаг, обнаруживающий лишний раз перед китайцами, как мало солидарности и согласованности действий среди дипломатического корпуса. Факт выступления хотя и не коллективного, так как оно было сделано в разные дни и под разными предлогами, представителей Англии, Франции, Германии и Америки, остается фактом, притом весьма демонстративного характера. Умело использовав эту неосторожность, Юань Ши-кай воочию показал республиканцам, что, несмотря на удаление династии, он все еще им нужен для устранения международных препон и препятствий с пути юной республики. Чтобы окончательно привлечь сердца иностранцев к новому режиму, остается лишь расширить им горизонты на заключение займов и на получение концессий, сделав из этих надежд яблоко раздора; затем китайцы могут более спокойно смотреть на будущее, сознавая, что, по крайней мере, опасность солидарных действий иностранцев миновала.

Посетившие Юань Ши-кая со своими поздравлениями иностранные представители, несомненно, сами не ожидали того шума, который был вызван их шагом, и комментариев китайской прессы, заговорившей об официальном признании нового президента. Некоторое смущение обнаружилось очень скоро; оно стало заметно благодаря стараниям, которые были приложены, чтобы лишить именно официального характера принесенные поздравления: то говорилось, что свидание с Юань Ши-каем было лишь деловое, то довольно наивно подчеркивалось отсутствие преднамеренности или указаний своего правительства. Насколько я могу судить, истинная цель все-таки сводилась к тому, чтобы оказать нравственную поддержку Юань Ши-каю перед началом переговоров его с нанкинской депутацией; последствия не были учтены правильно и, как только они стали обнаруживаться, потребность оправдаться оказалась налицо.

Со своей стороны, я счел долгом держаться более осторожно по примеру большинства коллег и, в частности, японского посланника. Г. Иджуин в разговоре со мною оттенил особенно то обстоятельство, что звание декана должно было бы удержать английского посланника от опрометчивых выступлений, без предупреждения о своих намерениях остальных коллег. «Если декан открыто берет роль «друга Юань Ши-кая», то в следующий раз, — справедливо заметил японский посланник, — ему трудно будет выступать с какими-либо коллективными представлениями от имени дипломатического корпуса». Согласившись с этой точкой зрения, я однако указал г. Иджуину, что едва ли Юань Ши-кай настолько прост, чтобы, с одной стороны, отождествлять официальное признание держа-

---

[1] См. № 479.

[2] Тел. от 19/6 февр. за № 173 Щекин известил Сазонова о посещении Юань Ши-кая «в день принятия им выбора в президенты английским посланником и представителем французского посланника». «Хотя на другой день подобные же визиты были сделаны бельгийским посланником, китайская пресса особенно раздула первые два посещения, истолковав их как начало официального признания Юань Ши-кая в роли президента республики». Англ. посланник «объяснил свой визит деловыми целями», франц. посланник придавал «своему шагу строго личный, неофициальный характер».

вами нового строя в Китае с личным расположением того или другого иностранного представителя, а с другой стороны, руководствоваться личными отношениями в серьезных деловых переговорах.

Впрочем, не делая себе иллюзий относительно солидарного образа действий всех заинтересованных держав в Китае, что возможно лишь при самых исключительных условиях, казалось бы все-таки излишним чересчур ярко обнаруживать это обстоятельство перед китайцами и тем поощрять их политические интриги. Хотя и отдельные державы и группы держав, в крайнем случае, всегда могут найти средства давления на Китай, но доводить дело до крайности едва ли может быть выгодно государствам, имеющим скорее экономические, чем политические интересы в Китае.

Предпочитая действовать осторожно, я тщательно воздерживался от всякого слова или шага, который мог бы быть истолкован в пользу или во вред Юань Ши-каю. Само собой разумеется, однако, что если бы оказался какой-либо подходящий предлог для свидания, я бы не преминул им воспользоваться в надежде услышать хотя бы обычные заверения в желании «закрепить дружбу и устранить недоразумения», служащие для китайцев обычным преддверием ко всяким переговорам.

Примите и пр. Щекин.

Щекин действовал правильно.

Царское село, [11 марта] 27 февраля 1912 г.

№ 524. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо. 23/10 февраля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По полученным в самое последнее время некоторыми здешними иностранными корреспондентами сведениям, в Мешеде продолжается агитация в пользу экс-шаха Мохамеда-Али, поддерживаемая, будто бы, нашим генеральным консулом, вопреки полученным им инструкциям.

Ввиду крайней нежелательности распространения подобных известий, к которым охотно прислушиваются за границей, в особенности же радикальные сферы в Англии, считаю долгом о вышеизложенном довести до сведения вашего превосходительства на тот предмет, не признаете ли вы нужным подтвердить нашим консульским агентам в Персии, и в частности князю Дабиже, о неуклонном и точном подчинении их действий преподанным им руководящим указаниям относительно нашего отношения к экс-шаху.

Покорнейше прошу вас, м. г., о последующем не отказать почтить меня уведомлением и принять уверение в отличном уважении и совершенной преданности[1].

В. Коковцов.

---

[1] В ответ на тел. Дабижи от 22/9 февр. за № 17 (см. № 517) Клемм телеграфировал последнему 24/11 февр. за № 279: «Англичане вновь конфиденциально сообщили, что, по их сведениям, вы секретно поддерживаете сторонников Мохамеда-Али [см. №№ 424 и 426]. В доказательство приводят то, что вы, будто бы, сами передали агитаторам телеграмму Шоа-эс-Солтане, чем подняли их дух. Добавляют, что вы отказываетесь действовать совместно с английским консулом, ссылаясь на неполучение инструкций. Телеграфируйте спешно, как обстоит дело. Постарайтесь успокоить Сайкса [англ. ген. консул в Мешеде], который видимо посылает алармистские телеграммы, но отнюдь не ссылайтесь на то, что вам сообщено об этом отсюда. Мохамед-Али, сговорившийся с правительством относительно пенсии, на днях покидает Персию, о чем можете известить его сторонников». Со своей стороны, Поклевский в тел. от 26/13 февр. за № 130 (копия Сазонову) указывал Дабиже, что «по сообщению персидского правительства и Сайкса, телеграмма Шоа-эс-Солтане агитаторами была получена через посредство наших телеграфных чиновников и передана генеральным консульством по назначению». Указывая Дабиже, что «персидское правительство и Сайкс также утверждают, что, несмотря на полученные указания, вы продолжаете тайно поддерживать агитацию в пользу Мохамед-Али-шаха», Поклевский предлагал ему «положить конец происходящей ныне в Мешеде агитации».

№ 525. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

24/11 февраля 1912 г.

His Britannic Majesty's Government desire to suggest that the warning to be given to the Cretan Government (see Embassy aide-mémoire of February 15/2 [1]) should be communicated officially and in writing to Monsieur Vénizelos by the Representatives of the Protecting Powers at Athens. His Majesty's Government further suggest that the representatives should inform Mr. Vénizelos verbally that he must do everything in his power to prevent Cretan deputies from sitting in the Greek Assembly, warning him that otherwise the Greek Government would be involved in serious difficulties with Turkey [2].

His Britannic Majesty's Government would be glad to learn whether the Imperial Government agree to this proposal and, if so, beg that they will send the necessary instructions to their representative at Athens.

Перевод.

Правительство его величества высказывает пожелание, чтобы предостережение, которое должно быть сделано критскому правительству (см. памятную записку посольства от 15/2 февраля) было официально и в письменной форме сообщено г. Венизелосу представителями держав покровительниц в Афинах. Далее правительство его величества предлагает, чтобы представители устно уведомили г. Венизелоса, что он должен употребить все имеющиеся в его распоряжении средства, дабы не допустить критских депутатов в греческую палату, предупредив его, что в противном случае греческое правительство будет иметь серьезные затруднения с Турцией.

Правительство его величества желало бы знать, согласно ли императорское правительство на это предложение, и в утвердительном случае просит его послать своему представителю в Афинах надлежащие инструкции.

№ 526. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

/. Телеграмма № 281. 24/11 февраля 1912 г.

Телеграмма за № 116 получена [3].

Ссылаюсь на № 18 Иванова [4].

Считаем, что персидское правительство, в своих же интересах, не должно затягивать дело бесплодными пререканиями с Мохамед-Али-шахом. Допуская понижение размера пенсии до 75 000 томанов, мы находим, что ежегодный вычет в 24 тысячи на погашение аванса на расплату с туркменами и другими сторонниками слишком обременителен и потому должен быть понижен хотя бы до 10 000. Сумма на удовлетворение сторонников должна в точности соответствовать действительной потребности, так как, в противном случае, беспорядки и грабежи представляются нам неизбежными.

Опасаемся, что производство расчетов непосредственно Ивановым после отъезда шаха может породить неудовольствие против нашего консула, которому поэтому следует ограничиться ролью посредника и наблюдателя за правильным расходованием денег.

Благоволите решительно настоять перед персидским правительством на скорейшем окончании дела. Сносимся с великобританским правительством об ока-

---

[1] См. стр. 146, прим. 2. Письмом от 22/9 февр. Бьюкенен сообщил Сазонову, что Грей озабочен тем, чтобы росс. ген. консулу в Канее была послана возможно скорее тождественная инструкция с той, которая послана англ. ген. консулу и суть которой изложена в пам. записке от 15/2 февр. Сообщая далее, что франц. и итал. прав-ва уже согласились это сделать и что осталось всего несколько дней до выборов, Грей высказывал мнение, что какая-либо задержка в передаче предостережения может создать очень серьезное положение.

[2] Позднее, тел. от 8 марта/24 февр. за № 90, Чарыков сообщал Сазонову, что, по словам турец. м-ра ин. дел, Порта предписала своему поверенному в делах в Афинах повторить афинскому кабинету, что «появление критских депутатов в греческом парламенте будет сочтено Турцией за открыто враждебный поступок со стороны Греции».

[3] См. стр. 175, прим. 4.

[4] См. № 522.

зании вам поддержки Барклаем [1]. Относительно проезда шаха и просимой им ссуды сделаны необходимые сношения [2].

[Сазонов.]

№ 527. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

т/. Телеграмма № 282. 24/11 февраля 1912 г.

Сообщается в Софию.

Телеграммы №№ 23 [3] и 28 [4] получены.

По достоверным сведениям, Болгария соглашается на проведение границы, желаемой сербами [5], т. е. между Охридой и Стругой, с допускаемой Сербией возможностью изменения этих трасс в силу русского арбитража, имеющего последовать при окончательной ликвидации Македонии.

Признавая за сербо-болгарским соглашением с самого начала переговоров более принципиальное, чем практическое значение, можем лишь усердно посоветовать притти поскорее к соглашению по существу. На случай же осуществления дележа, повидимому, не в скором еще будущем, оставляем за собой право третейского решения спора в зависимости от фактического положения дел к тому времени.

Сазонов.

№ 528. Министр иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

т/. Телеграмма № 283. 24/11 февраля 1912 г.

Телеграмма № 21 [5] получена.

За № 2 вам передается телеграмма моя Гартвигу [6]. Ввиду принципиального значения придаваемого нами соглашению [7] и считая интересы обеих сторон достаточно обеспеченными нашим правом третейского суждения относительно фактического раздела спорных земель [8], опасаясь, кроме того, чтобы удобное время было упущено, полагаемся на политическую мудрость Болгарии для скорейшего осуществления соглашения ее с Сербией.

Сазонов.

№ 529. Министр иностранных дел генеральному консулу в Канее Шебунину.

т/. Телеграмма № 287. 24/11 февраля 1912 г.

Сообщается в Афины.

Как только ваши великобританский и французский коллеги получат соответственные инструкции, благоволите сделать правительству острова сообще-

---

[1] Содержание первого абзаца публикуемого документа было в тот же день передано Бенкендорфу тел. за № 280 со следующим дополнением: «Благоволите просить Грея поручить Барклаю оказать в этом деле нашему посланнику энергичную поддержку».

[2] 29/16 февр. за № 311 Сазонов телеграфировал Поклевскому: «Министр финансов изъявил согласие на немедленную выдачу нашим банком персидскому правительству в счет аванса в 100 000 ф. ст. 35 000 томанов на расплату с туркменами и другими сторонниками Мохамед-Али-шаха. Такая же сумма будет уплачена англичанами». В тот же день управляющий Бендергязским агентством Учетно-ссудного банка Персии Жеребин телеграфировал правлению банка за № 375: «Дела шаха ликвидируются, сегодня он выезжает из предёлов Персии».

[3] См. № 502.

[4] См. № 511.

[5] См. № 520.

[6] См. № 527.

[7] Далее зачеркнуто: «не считаем ни возможным, ни даже нужным давать какие-либо обещания».

[8] Далее зачеркнуто: «самая возможность коего, весьма еще отдаленная, обусловливается принципиальным соглашением Болгарии с Сербией».

ние в том смысле, что державы-покровительницы крайне удивлены поведением революционной партии, и если хотя одна из их угроз, как то посылка депутатов в Афины, уничтожение капитуляций и отставка мусульманских чиновников, будет исполнена или если убийства мусульман будут продолжаться, то державами будут приняты меры, какие они сочтут нужными, чтобы предотвратить вредные последствия таких поступков [1]. Следует присовокупить, что державы не допустят изменения status quo и, если критяне не сумеют управляться мирно, то державами будут приняты меры, неблагоприятные для критских стремлений.

Благоволите сообщить министерству и миссии в Афинах текст сообщения, которое будет вами сделано [2].

Сазонов.

№ 530. Министр иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену и поверенному в делах в Вене Крупенскому [3].

·/. Телеграмма № 288. 24/11 февраля 1912 г.

Благоволите совместно с французским, великобританским и итальянским представителями сделать правительству, при коем вы аккредитованы, сообщение по критским делам в том смысле, что, хотя державами-покровительницами и будут на месте приняты все возможные меры к ненарушению status quo, все же возможно, что самозванные депутаты острова появятся в афинской палате [4]. Так как это несомненно вызовет столкновение между Грецией и Турцией, желательно, чтобы все державы совместно обсудили возможность предотвращения нарушения мира в таком случае.

О последующем телеграфируйте. [Сазонов.]

№ 531. Министр иностранных дел поверенному в делах в Афинах Рощаковскому [5]

·/. Телеграмма № 289. 24/11 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 287 [6].

Благоволите, сговорившись с французским, великобританским и итальянским представителями, письменно сообщить Венизелосу содержание предостережения, адресуемого критскому правительству, и словесно прибавить, что державы рассчитывают на то, что королевское правительство всячески воспрепятствует присутствию критских депутатов в афинской палате. В противном случае Греции грозят серьезные осложнения с Турцией [7].

Сазонов.

---

[1] См. стр. 146, прим. 2.

[2] Тел. от 26/13 февр. за № 13 Шебунин передал в м-во ин. дел и посланнику в Афины идентичный текст декларации, врученной критскому прав-ву консулами держав-покровительниц. Содержание декларации соответствует публикуемому документу.

[3] Тел. от 22/9 февр. (без номера) Н. Гирс сообщал, что вследствие своего отъезда в Петербург он передал управление пос-вом Крупенскому.

[4] Пам. запиской от 24/11 февр. Бьюкенен известил росс. м-во ин. дел, что англ. представители в Берлине и Вене получили инструкции сделать соответствующим прав-вам сообщение о положении на Крите, как только их коллеги получат аналогичные инструкции (см. № 487). Ссылаясь на одобрение росс. м-вом ин. дел этого предложения (см. стр. 146, прим. 3), Бьюкенен просил послать необходимые инструкции росс. послам в обе столицы.

[5] Тел. от 21/8 февр. Свербеев сообщал, что он выехал в отпуск и передал управление миссией Рощаковскому.

[6] См. № 529.

[7] Тел. от 28/15 февр. за № 8 Рощаковский сообщил в м-во ин. дел, что четыре посланника передали Венизелосу текст декларации, врученной четырьмя ген. консулами в Канее критскому прав-ву (см. прим. 2). При вручении декларации англ. посланник сделал от своего имени и от имени всех своих коллег словесное предостережение Венизелосу, точно воспроизводящее текст публикуемого документа. Вслед затем он заявил: «Считаю своим долгом вам сказать, что я получил следующую информацию, которую я еще не имел времени сообщить моим присутствующим здесь коллегам: сообщения из Константино-

№ 532. Посол в Берлине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 17. 24/11 февраля 1912 г.

Reçu lettre du [22] 9 février, № 81 [1].

J'ai remis ce matin personnellement l'annexe de votre lettre entre les mains de Kiderlen qui approuve entièrement vos objections aux propositions anglaises et partage les vôtres. Il communique immédiatement par télégraphe leur contenu à son ambassadeur à Rome avec l'ordre de se mettre en rapport avec ses collègues et à s'associer à leur démarche si elle est identique à vos propositions.

Osten-Sacken.

Перевод.

Получил письмо от [22] 9 февраля, № 81.

Сегодня утром лично вручил приложение к вашему письму Кидерлену, который полностью одобряет ваши возражения против предложений Англии и соглашается с вашими предложениями. Он немедленно передает по телеграфу содержание их германскому послу в Риме, предписывая ему сговориться со своими коллегами и присоединиться к их выступлению, если таковое будет идентично с вашими предложениями.

Остен-Сакен.

№ 533. Поверенный в делах [2] в Мадриде министру иностранных дел.

/. Депеша № 2. 24/11 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вернувшийся на-днях из Парижа пребывающий здесь французский посол возобновил переговоры с испанским правительством по делам Марокко.

Как известно вашему высокопревосходительству, переговоры, начавшиеся более месяца тому назад, с падением во Франции министерства Кайо, временно приостановились и возобновлены лишь ныне после поездки г. Жоффре в Париж, куда он был вызван г. Пуанкаре, пожелавшим, совместно с представителем Франции в Мадриде, еще раз обсудить те пункты французских предложений, которые представляли наибольшие затруднения для достижения окончательного соглашения.

Г. Жоффре пробыл в Париже около двух недель и вернулся с новым проектом соглашения, который значительно разнится от первого, выработанного министерством Кайо [3]. Тут мне кажется уместным отметить, что в здешних политических кругах падение министерства Кайо было встречено с нескрываемым удовлетворением. Не совсем удачное течение переговоров всецело приписывалось, справедливо или нет, чрезмерной нервности и несговорчивости бывшего председателя совета министров и неосведомленности в делах внешней политики министра иностранных дел г. де Сельва.

Новое же французское министерство было приветствуемо надеждой, что оно явится значительно более уступчивым и сговорчивым, и надежда эта, как кажется, оказалась не без основания, так как оправдалась уже до известной степени.

Одно появление у власти г. Пуанкаре, пользующегося репутацией человека в высшей степени уравновешенного, не поддающегося посторонним влияниям,

---

поля тревожны. Ходят слухи, что в случае посылки критянами депутатов в Афины, Турция временно займет Фессалию». (Ср. № 512). Выразив пожелание, чтобы сделанное ему заявление не было оглашено, Венизелос заверил посланников, что в случае выборов депутатов на Крите, они будут признаны недействительными, а в случае необходимости он отсрочит созыв палаты на месяц; «он будет настаивать на продолжении своей мирной политики, но, принимая во внимание общественное мнение в Греции и возможные внешние осложнения, не может поручиться за то, что его усилия увенчаются успехом; он выразил пожелание, чтобы реоккупация острова державами-покровительницами не состоялась до выборов». Венизелос, по словам Рощаковского, «выразил мало опасения по поводу возможного занятия Фессалии Турцией».

[1] См. стр. 165, прим. 4.

[2] Ввиду отъезда посла в Мадриде Будберга в отпуск Лермонтов вступил в управление пос-вом 21/8 февраля.

[3] См. № 240.

отразилось здесь на общем возбужденном состоянии успокоительным образом, и печать всех оттенков в один голос объявила, что ныне настала новая эра и что тучи, грозившие затемнить политический горизонт, начинают понемногу рассеиваться.

Во всем этом есть большая доля правды; нельзя отвергать, что французское правительство сделало с своей стороны все, что только было возможно для того, чтобы притти к скорейшему соглашению с Испанией; но этого недостаточно; нужно, чтобы и со стороны здешнего правительства была сделана хоть какая-нибудь попытка пойти навстречу Франции, но этого пока не замечается. Испанцы, как дети, капризничают и все их дифирамбы новому французскому министерству не более как слова.

Принятие участия в переговорах здешнего английского посла положительно спасает положение. Сэр Морис де Бунзен пользуется как в дворцовых, так и в политических здешних кругах всеобщим уважением и престижем человека необыкновенно тактичного и умеющего найти выход из всякого щекотливого положения.

Так, лично ему принадлежит предложение о назначении смешанной испано-французской комиссии для разрешения вопроса о таможнях Лараша, Танжера и Тетуана.

Предложение это сразу подвинуло ход переговоров, так как вопрос о таможнях и связанный с ним финансовый вопрос являлись одними из самых трудных к разрешению.

Как известно вашему высокопревосходительству, главнейшие пункты, составляющие тему переговоров между Францией и Испанией, заключаются в следующем:

1) Вопрос об администрации зоны, находящейся в сфере испанского влияния.

2) Назначение в эту зону представителя султана.

3) Вопрос о железнодорожном пути Танжер — Фец.

4) Вопрос о таможнях вообще и в частности о таможнях в Лараше, Танжере и Тетуане и [о] связанном с ним вопросе о государственном долге.

и 5) Вопрос о территориальных компенсациях, требуемых Францией от Испании.

По первым двум пунктам французское правительство ныне нашло возможным сделать некоторые уступки, заключающиеся в том, что оно более не настаивает на том, чтобы введение гражданского управления в испанской зоне исходило от султана, а равно, чтобы назначение халифа, представителя султана, производилось султаном по личному его выбору.

Пожелание это, выраженное в первоначальной ноте, переданной испанскому правительству французским послом, было тогда уже отклонено Испанией и ныне французское правительство согласилось с контрпредложением испанского правительства, заключающимся в том, что Испании предоставляется право вводить в своей зоне гражданское управление по ее личному усмотрению и что назначение султанского представителя должно будет сопровождаться предварительным запросом о том, угодно ли испанскому правительству намеченное на эту должность султаном лицо (agrément).

Что же касается железнодорожной линии Танжер — Фец, то Франция, приняв на себя обязательство перед Германией не давать концессий на другие железнодорожные пути до окончания постройки линии Танжер — Фец, продолжает настаивать на своем первоначальном предложении, отвергая испанский проект о разделении линии на два участка: Танжер — Алькасар и Алькасар — Фец, с предоставлением постройки и эксплоатации этих участков каждой из договаривающихся сторон, а именно участка Танжер — Алькасар — Испании и Алькасар — Фец — Франции.

Вопрос этот, равно как и вопрос о таможнях и распределении государственного долга, представит, повидимому, серьезное затруднение в предстоящих переговорах, если Испания, с своей стороны, не выкажет немного более сговорчивости и не согласится на некоторые уступки.

По вопросу о таможнях пока еще только достигнуто соглашение касательно таможенных тарифов и таможен, имеющих быть учрежденными Испанией в зоне Средиземного моря. Совершенно открытым остается вопрос о таможнях в Ларраше, Танжере, Рио-Мартине или Тетуане и связанный с ним вопрос о государственном марокканском долге, гарантированном доходами с этих таможен. Как я сказал выше, предложение сэра Мориса де Бунзена о назначении испано-французской комиссии, на обязанности коей будет лежать выяснение обязательств Испании в этом долге, было уже принято здешним правительством. Комиссия будет состоять из шести членов, по три от каждого из договаривающихся государств. Комиссия эта соберется в Мадриде в самом непродолжительном времени, и члены ее уже назначены.

Хотя в принципе испанское правительство и признает за Францией право на некоторые территориальные компенсации, но само собой понятно, что обсуждение этих компенсаций вызовет серьезные затруднения.

Вопрос этот не затрагивался еще на совещаниях. По словам пребывающего здесь французского посла, его правительство намерено предоставить Испании, как он выразился «La ligne des Canaries», т. е. все побережье Атлантического океана за исключением, впрочем, порта Ифни. Если же уступка этого последнего пункта Франции вызовет слишком сильные протесты со стороны испанских шовинистов, то Франция готова будет, ради того, чтобы не скомпрометировать соглашение, отказаться от Ифни, но, конечно, не иначе, как за серьезную компенсацию, которую, в данном случае, составит территория, находящаяся в границах бассейна реки Себу и ее притоков [1].

Г. Жоффре не скрывает, что задача, выпавшая на его долю, является гораздо более сложной, нежели это представлялось первоначально. Ему постоянно приходится считаться с характерной чертой испанской нации, которая, несмотря на кажущуюся цивилизованность, сохранила до сих пор еще в складе своего ума и в понимании вещей отпечаток восточных народов. Этим объясняется постоянная нерешительность, боязнь как-нибудь промахнуться и не совсем ясное понимание своих прямых интересов.

Г. Жоффре, несмотря на сравнительно недолгое здесь пребывание, отлично усвоил себе этот характер; он с необыкновенным тактом сглаживает все возникающие шероховатости и, надо отдать справедливость испанцам, что даже они, которые редко когда признают какие-либо качества за иностранцами, в данном случае воздают ему должную честь.

Примите и пр. Лермонтов.

№ 534. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 2. 24/11 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь неоднократно доносить в секретных телеграммах и письмах моих, отношения между Грецией и Болгарией все более и более улучшаются [2] и то с одной, то с другой стороны делаются намеки о желательности соглашения, которое имело бы целью соединение сил Греции и Болгарии на случай решающих событий и замешательств на полуострове. Намеки эти однакоже не перешли еще в область формальных предложений и переговоров.

---

[1] В письме от 29/16 февр. (опубл. М., стр. 160) Извольский сообщал, что с приходом к власти кабинета Пуанкаре «вновь оживились надежды на скорое и благополучное окончание франко-испанских переговоров о Марокко». Наиболее сложным являлся вопрос о территориальных компенсациях. «Французское правительство, — сообщал Извольский, — требует уступок в свою пользу на востоке, западе и юге. Наиболее важным для Франции является при этом исправление неправильно проведенной на карте 1904 г. границы сферы обоюдного влияния к северу от Феца. Г. Пуанкаре сказал мне, что на востоке и западе со стороны Франции возможны некоторые уступки, но что он должен безусловно настаивать на отдалении от Феца южной границы испанской зоны, которая ныне отстоит лишь на 30 клм. от столицы и фактически не занята испанцами».

[2] См. т. XVIII, №№ 116, 298, 667, 717 и 768.

Участие наследного королевича Константина в торжествах совершеннолетия царевича Бориса было встречено здесь всеми с живейшей радостью, и король Фердинанд выказывал по отношению к диадоху особую предупредительность и особые симпатии [1].

Здесь много поговаривают о предстоящем путешествии царя болгар в Афины, но путешествие это не решено еще официально, — или, по крайней мере, Гешов не осведомлен еще о подобном решении.

Вопрос о сближении с Грецией и с греками тесным образом связан с вопросом о церковной схизме и об ее желательном устранении.

Предвыборное соглашение румелийских греков и болгар, конечно, представляет собой весьма отрадный признак, но оно может быть скоропреходяще и не оставить за собою ощутительных следов в отношениях между обеими народностями, если не воспоследует церковного примирения, которое одно лишь может исключить возобновление вражды и столкновений.

В донесении моем от [26] 13 минувшего сентября за № 34 [2] я имел честь более подробно представить настроение, господствующее в болгарской церкви по отношению к вопросу о схизме, об упорядочении положения экзархии и об автокефальности церкви царства болгарского. Настроения эти по сие время остались теми же самыми; но разница в воззрениях экзархии и болгарского синода еще более обострилась, и к вопросам этим начинают примешиваться внутренне-политические и партийные распри. Король Фердинанд скорее склоняется на сторону экзарха, кабинет, в особенности же народняки, т. е. партия Гешова, — на сторону софийского синода, и, кроме того, начинает сказываться еще демократическое течение союза приходских священников против того же синода. Я позволю себе вернуться к этим интересным явлениям, когда в достаточной мере их изучу. Церковные вопросы вообще настолько сложны и в них почти неуловимые оттенки имеют подчас такое крупное значение, что в высшей степени опасно касаться этих вопросов без достаточного подготовления и на скорую руку. Вот почему я считаю улажение схизмы делом в высшей степени трудным и которое едва ли может зависеть лишь от политической потребности минуты.

Но, переходя на почву более осязательную и практическую, мы можем с удовлетворением отметить, что дело примирения с греками в самом королевстве подвинулось за последнее время решительно вперед. Кабинет Гешова уже внес в Народное собрание предложение, которое несомненно пройдет и в силу коего греческие церковные общины получают два существенных права в вопросе школьном: восстановление греческих школьных эфорий (попечительств) и допущение обязательного обложения греческих церковных обществ сбором в пользу греческих приходских школ. В вопросе чисто церковном греческие общины давно уже ходатайствовали о предоставлении им следующих прав: 1) официального признания тех высших духовных лиц (архимандритов), которые посылаются патриархией для надзора за приходами бывших греческих епархий, и 2) возвращения хотя бы части тех греческих храмов, которые были насильственно отняты у греков в Варненском, Бургасском и Филипопольском округах. На первое требование правительство едва ли даст свое согласие; оно решительно не желает признавать этих «missi dominici» вселенской патриархии, но оно готово, как и доселе, — и даже с еще большей снисходительностью, — смотреть сквозь пальцы на пребывание в Болгарии греческих духовных надзирателей и на отправление ими своих обязанностей. Что же касается второго пункта, то многие здравомыслящие болгары полагают, что необходимо удовлетворить в известной мере

---

[1] Тел. от 14/1 февр. за № 15 Неклюдов сообщал Сазонову, что пребывание греч. наследника в Болгарии на торжествах по случаю совершеннолетия царевича Бориса «повидимому, произвело самое благоприятное впечатление и укрепило короля и правительство в желании политического сближения с Грецией на основаниях примирения греков и болгар в Македонии».

[2] В указанном донесении, посвященном взаимоотношениям между болгарским синодом и вселенской патриархией, отмечалось благожелательное отношение, существующее в болгарских правительственных кругах, к примирению между синодом и патриархией.

справедливые претензии их греческих сограждан. И я полагаю, что было бы весьма уместно и дозволительно и с нашей стороны поддерживать, — хотя бы и неофициально и доверительно, — греческие настояния, во-первых, как справедливые, а во-вторых, как могущие еще более содействовать устранению печальной церковной розни между греками и болгарами.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 535. Посланник в Белграде посланнику в Софии Неклюдову.

Письмо [1]. 24/11 февраля 1912 г.

М. г. Анатолий Васильевич,

На мое *совершенно частного характера письмо* вы сочли *дозволительным* ответить официальной бумагой [2], с приведением из него обильных выписок, включительно до более или менее *интимных выражений!* Вы, очевидно, полагали, что это дело *личного усмотрения*, личных вкусов!

Придерживаясь совершенно иных воззрений на значение *частной корреспонденции*, я, ввиду происшедшего, решил было воздержаться от дальнейшей переписки с вами. Но соображения служебного порядка заставили меня изменить решение. Я взялся за перо, чтобы представить возражения на некоторые пункты вашей бумаги, совершенно несогласные с истиной.

Постараюсь возражать кратко, ибо считаю официальную полемику по поводу частного случайного недоразумения — занятием праздным, решительно никому не интересным и бесцельно убивающим время, которым я очень дорожу.

Пункт 1. Приведя выписку в две страницы из моего *частного* письма, вы пытаетесь толковать ее по-своему, вследствие чего у вас и получился вывод, совсем не отвечающий моим мыслям.

Говоря об очень и очень продолжительной работе моей *в Белграде* (чуть не со дня вступления моего в настоящую должность) на дело сербо-болгарского соглашения, я этим вовсе не умалял ваших трудов *в Софии*, которые начались с конца сентября 1911 г. Мне кажется, это ясно само собою. Между тем, именно вы стараетесь доказать мне, будто в начале истекшего года *никто* об этом соглашении *не говорил*!! Если вам угодно будет ознакомиться с архивом вверенной вам миссии, то вы несомненно удостоверитесь в том, что сербо-болгарские переговоры вовсе не свалились, как deus ex machina, в половине сентября прямо к вашему приезду в Софию.

Пред вами из архива 1909—1911 гг. восстала бы интересная картина тяжелого, медленного, но неустанного труда над вопросом о сближении славянских государств. Как в калейдоскопе пред вами проходили бы и отдельные, выдающиеся эпизоды «переговоров» — во время пребывания короля Петра в С.-Петербурге в марте 1910 г., двукратных поездок Миловановича в Софию в том же году, посещения королем Фердинандом Копаоника и Белграда [3]; вы ознакомились бы с делом характерных черногорских предложений; с попытками приглашения кого-либо из болгарских министров и даже самого Малинова в Белград в целях обмена мыслей о сближении; с проектом посылки из Софии доверенного лица для свидания с Миловановичем по пути его следования с королем Петром в Рим и т. д. и т. д.

Отрицая всю эту долгую подготовительную работу, благодаря которой только и могли «*оживиться* надежды на возможность сближения», вы не только расходитесь с фактическими данными, но вместе с тем грешите перед памятью по-

[1] Печатается с черновика, написанного Гартвигом 6 янв. 1912 г. /24 дек. 1911 г. На полях помета его рукой: «Отправлено, за продолжительным отсутствием верной оказии, только [24] 11 февраля 1912 г. с Фонвизиным».

[2] См. № 291 и прим. 1 к нему.

[3] Имеется в виду поездка короля Фердинанда 24/11 окт. 1909 г. в Копаоник (расположенный на б. сербско-турец. границе) и посещение им на обратном пути в Софию короля Петра в Белграде 25/12 ноября 1909 г.

койного предшественника вашего Д. К. Сементовского, а также совсем не цените посильного труда наших младших сослуживцев. Из них, например состоящему первым секретарем вверенной вам миссии кн. Урусову пришлось, как вы знаете, разбираться в так называемом тошевском инциденте [1], который представляет одно из звеньев истории сербо-болгарских переговоров.

Пункт 2. После второй выписки из того же *частного* письма моего, где шла речь о разногласиях наших по делу разграничения сфер, вы восклицаете: «Я решительно не могу поверить (от себя скажу: и прекрасно делаете), чтобы инструкции, которые получали вы, отличались от тех, которые получал я; за это ручаются мне высокая порядочность и испытанное благоразумие А. А. Нератова».

Тут кроется явное заблуждение. Вы, очевидно, полагаете, что несогласие во взглядах двух посланников на одно и то же дело должно неминуемо обусловливаться различием получаемых ими инструкций! Неужели возможно поддерживать подобный тезис?! Вам, конечно, хорошо известно, что императорское министерство, снабжая своих заграничных агентов общими указаниями, по счастью, никогда не возбраняет им (кроме определенных случаев) высказывать даже по существу дела их собственные суждения. Пользуясь этим драгоценным правом, я, имея, — могу вас в том уверить, — однородные с вашими указания, тем не менее имел смелость очень часто выражать взгляды, которые совершенно расходились с вашими. Вот и все. А при таких условиях приводимые вами ручательства за добропорядочность начальства представляются по меньшей мере излишними. К тому же ручательство ваше в данном случае направлено не по адресу, ибо вам небезызвестно, что за время 20-летней службы моей в центральном ведомстве А. А. Нератов был моим ближайшим сотрудником, и, стало быть, высокие качества его мне ближе знакомы, чем кому бы то ни было.

Пункт 3 и последний. Вы приводите следующую фразу из моего *частного* письма: «Когда я стою за точку зрения белградского правительства, то я поддерживаю вовсе *не сербские интересы*, а *чисто русские*. Объяснение этому вы найдете в моих телеграммах и депешах». Не взирая на слова, дважды подчеркнутые как в моем подлиннике (предполагаю, ибо копии с частных писем не сохраняю), так и в вашей выписке, вы спешите перевести фразу на какой-то «общепринятый» язык и комментируете ее так: «Для меня, равно как, надеюсь (!!), и для вас — дело шло не об успехе болгар или сербов, а об успехе дела, которое у нас рассматривается как отвечающее *интересам России*. (Два раза подчеркнуто мною!)

Вот это, если хотите, на «общепринятом» языке называется *играть словами*! И вот почему я, как сказано выше, считаю всю эту полемику занятием праздным и спешу закончить ее раз навсегда большой точкой.

Заключительная фраза вашей бумаги опять-таки направлена не по адресу: она была бы более уместной в письме к вашему начальству, ибо я никогда не позволяю себе задаваться вопросом, в какой мере сослуживцы мои исполняют долг свой по отношению к родине.

Могу заметить только одно: для «беспристрастия» и «спокойствия», о которых вы упоминаете, необходимы, мне кажется, бóльшая согласованность с архивными данными и совершенно иное обращение с *частной* перепиской [2].

Примите и пр.

Гартвиг.

---

[1] О переговорах болг. посланника в Белграде Тошева с серб. прав-вом относительно условий, на которых могло бы состояться сербо-болг. соглашение, см. т. XVIII №№ 6 и 50.

[2] Неклюдов ответил Гартвигу письмом от 28/15 февр., в котором опровергал также по пунктам обвинения последнего. По п. 1 Неклюдов писал, что в Софию он прибыл не в сентябре, а в начале мая 1911 г.; нисколько не желая умалять, по его словам, трудов Сементовского и Урусова, он обращал внимание Гартвига на то, что переговоры между Сербией и Болгарией оживились с появлением у власти кабинета Гешова—Данева. На п. 2 Неклюдов отвечал, что его восклицание относилось «не к вопросу о разногласиях наших по делу о разграничении сфер», а к заявлению Гартвига, что м-во согласно с ним в вопросе о статьях III и IV проекта сербо-болгарского договора; Неклюдов продолжал утверждать, что м-во не давало Гартвигу инструкций, отличных от тех, которые получал он. По п. 3 Неклюдов считал, что Гартвиг

№ 536. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 25/12 февраля 1912 г.
Лично. Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел честь получить секретную личную телеграмму вашего высокопревосходительства от 29/16 января сего года за № 93 касательно вопроса о ссуде в 3 000 000 франков, испрашиваемой королем Фердинандом [1]. На основании этой телеграммы я обратился к министру финансов Тодорову, которому король специально поручил это щекотливое и доверительное дело, и попросил его точнее оформить обязательство об обеспечении долга земельным имуществом заинтересованного лица.

При этом выяснилось однако, что король желает предоставить в обеспечение ссуды отнюдь не все земли, принадлежащие ему в Болгарии, а лишь поместье Врану с дворцом, обошедшимся действительно весьма дорого, но едва ли достигающим вместе с землей стоимости в 3 000 000 франков. Во всяком случае это — имущество, не могущее найти частного покупателя. Эта перемена значительно меняет дело.

Тем не менее я все-таки позволю себе настаивать на исполнении желания короля, и притом без всякого торга и затруднений. Гораздо лучше, по моему мнению, просто *замолчать* все дело и прекратить таким образом переговоры, нежели представлять требования бóльшего обеспечения и т. п. А самое лучшее было бы — просто выдать эту ссуду, не откладывая и не входя в излишние подробности. Ссуда все-таки будет иметь известное политическое значение.

Три миллиона франков, т. е. 1 125 000 рублей, не такая уже огромная сумма, чтобы ею нельзя было бы рискнуть; риск же весьма малый; я уверен, что нам будут весьма аккуратно выплачивать и % и погашение. Мы выдали 4 000 000 франков на уплату долгов королевича Георгия [2] под бóльшим риском и, кажется, без всякого обеспечения. Здесь же известное обеспечение все-таки имеется. К тому же я только что имел честь подписать конвенцию о румелийском долге, дающую нам от Болгарии в течение 21 года по 500 000 рублей в год.

Г. Тодоров уверяет меня, что мы решительно ничем не рискуем, что долг будет даже, по всему вероятию, погашен *ранее* срока и что оказание этой услуги королю Фердинанду будет весьма ценно и для политическх целей кабинета Гешова — Данева. А г. Тодоров — человек слишком серьезный и слишком по отношению к нам верный, чтобы я мог сомневаться в искренности его доводов. К сему имею честь приложить проект договора, составленный его рукою [3].

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство почтить меня телеграфным ответом вашим по сему предмету, ибо я считаю возможно скорейшее разрешение вопроса весьма желательным [4].

С глубоким почтением и пр. Неклюдов.

неправильно его понял. В заключение Неклюдов убедительно просил Гартвига содействовать прекращению этого «прискорбного и совершенно безвыходного разногласия. Если от него даже и не пострадает самое дело, нам обоим столь дорогое, то (прошу вашего извинения) наша размолвка бросает на нас обоих un certain ridicule: сербов и болгар еще де не примирили, а сами между собой рассорились! Подадимте друг другу искренно и дружелюбно руку и возобновимте наши прежние и доверчивые отношения».

[1] В тел. от 29/16 янв. за № 93 Сазонов, сообщая Неклюдову, что «дело, вероятно, получит благоприятное разрешение» (см. № 96), высказывался за необходимость «заблаговременно выяснить» условия обеспечения этой ссуды.

[2] См. № 96.

[3] Проект договора не воспроизводится.

[4] В тел. от 30/17 апр. за № 39, адресованной лично Сазонову, Неклюдов сообщал, что Тодоров снова обратился к нему с просьбой устроить ссуду в 3 млн. фр. и добавлял: «Я сам считаю это безусловно важным с политической точки врения, ибо заинтересованное лицо, невзирая на все мои объяснения, всегда будет считать неудачу доказательством нашего к нему нерасположения».

Тел. от 5 июля/22 июня (без номера) Сазонов сообщил Неклюдову: «Дело известного вам лица решено в благоприятном смысле под условием подписания им заемного письма согласно предложенному вами тексту». Текст заемного письма Фердинанда опубл. Сб. секр. док., кн. 4, стр. 173.

№ 537. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петербурге Мотоно [1].

№ 134. 26/13 февраля 1912 г.

Le gouvernement impérial russe a exprimé son approbation de l'idée émise par le gouvernement impérial japonais d'inviter les Puissances à ne reconnaître le nouveau gouvernement chinois qu'après en avoir obtenu des garanties suffisantes de la sauvegarde de leurs droits et intérêts communs en Chine [2].

En dehors de ces intérêts généraux, la Russie et le Japon, ainsi que plusieurs autres Puissances ont, dans différentes parties de la Chine, des droits et des intérêts spéciaux, dont la sauvegarde ne peut ne pas les préoccuper en vue du changement de régime dans ce pays.

Dans l'opinion du gouvernement russe il serait utile qu'en répondant à la demande de reconnaissance du nouveau gouvernement chinois chacune des Puissances ayant des intérêts et des droits spéciaux en Chine adressa audit gouvernement une déclaration formelle constatant son intention de faire respecter les intérêts et les droits susmentionnés.

Avant de communiquer cette idée aux autres Puissances, le gouvernement russe serait désireux de connaître l'opinion du gouvernement japonais à ce sujet.

Перевод.

Императорское правительство выразило свое одобрение высказанной императорским японским правительством мысли предложить державам признать новое китайское правительство лишь по получении от него достаточных гарантий для ограждения их общих прав и интересов в Китае.

Помимо этих общих интересов, Россия и Япония, равно как и многие другие державы, имеют в различных областях Китая специальные права и интересы, ограждение которых не может их не заботить в связи с изменением режима в этой стране.

По мнению российского правительства, было бы полезно, чтобы каждая держава, имеющая в Китае специальные права и интересы, отвечая на просьбу о признании нового китайского правительства, сделала бы указанному правительству категорическое заявление о намерении ее заставить уважать вышеупомянутые права и интересы.

Прежде чем сообщить эту мысль другим державам, российское правительство желало бы ознакомиться с мнением японского правительства по этому вопросу.

№ 538. Нота турецкого посла в Петербурге министру иностранных дел.

№ 28554/59. 26/13 февраля 1912 г.

Monsieur le Ministre,

A l'occasion du vote du parlement italien du decret par lequel le roi d'Italie avait proclamé l'annexion à son royaume des deux provinces ottomanes de Tripoli et de Benghazi [3], je viens, d'ordre et au nom de mon gouvernement, renouveler auprès de votre excellence l'acte de protestation formelle que j'avais eu l'honneur d'adresser au gouvernement de sa majesté l'empereur de Russie, par ma note du 8 novembre dernier [4].

Il est évident, et le gouvernement impérial en est convaincu, que cette ratification parlementaire ne saurait donner aux yeux des Etats amis et des Grandes

---

[1] Проект этой пам. записки был представлен Сазоновым Николаю II при докл. записке от 25/12 февр., в которой он, между прочим, указывал следующее: «Предварительно обмена мнений по этому вопросу с прочими заинтересованными правительствами, мне представляется нужным зондировать токийский кабинет, с которым мы ввиду общности наших интересов в Манчжурии поддерживаем особую близость в касающихся настоящего положения в Китае вопросах, чтобы убедиться, не встретит ли такое предложение с его стороны противодействие, которое нарушило бы наш согласный образ действий». На докладной записке имеется помета Николая II: «С [огласен]. Царское Село, [25] 12 февраля 1912 г.».

[2] См. № 507.

[3] 23/10 февр. итал. палата депутатов приняла законопроект об утверждении королевского декрета относительно аннексии Триполи и Киренаики; 24/11 февр. этот законопроект был утвержден сенатом (тел. Долгорукого от 24/11 и 25/12 февр.).

[4] См. т. XVIII, № 833.

Puissances signataires des Traités garantissant l'intégrité de l'Empire Ottoman aucune valeur à cette formule d'annexion, nulle en droit et fictive en fait [1].

Veuillez agréer, etc.

Turkhan.

Перевод.

Г. министр,

По случаю голосования в итальянском парламенте декрета, которым король Италии провозгласил присоединение к своему королевству двух турецких провинций Триполи и Бенгази, я по приказанию и от имени моего правительства возобновляю перед вашим превосходительством категорический протест, который я имел честь адресовать правительству его величества императора России в моей ноте от 8 ноября прошлого года.

Совершенно очевидно, и императорское правительство в этом убеждено, что в глазах дружественных государств и великих держав, подписавших трактаты, гарантирующие целостность Оттоманской империи, эта ратификация парламента не придает никакого значения формуле об аннексии, недействительной в правовом отношении и фиктивной на деле.

Примите и пр.

Турхан.

№ 539. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 22. 26/13 февраля 1912 г.[2]

Ответ на № 288 [3].

Английский, французский и итальянский послы, а вслед за ними и я, сделали сегодня министру иностранных дел сообщение по критским делам в указанном нам смысле. Каждому из нас Берхтольд заявил, что в принципе продолжает стоять на усвоенной австро-венгерским правительством точке зрения о непринятии им участия в критских делах наравне с державами-покровительницами, которую оно уже раз отказалось изменить, года три тому назад. Я заметил министру, что дело идет не о вступлении Австро-Венгрии в число держав-покровительниц, а лишь о совместном обсуждении предотвращения возможности нарушения мира из-за критских дел. Берхтольд ответил, что, в случае наступления осложнений, венский кабинет готов оказать содействие державам-покровительницам в их шагах, направленных к охране мира, как это и было им сделано в вопросе о недопущении отъезда критских депутатов на австрийском пароходе [4]. На мое возражение, что по возникновении конфликта между Турцией и Грецией будет уже поздно приступать к обмену мнений, министр сказал, что по зрелом обсуждении вопроса даст на-днях ответ в письменной форме.

Крупенский.

№ 540. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 71. 26/13 февраля 1912 г.

Копия в Бейрут.

На мой вопрос, какие известия имеются о Бейруте [5], министр иностранных дел рассказал мне сегодня следующее: Известия удовлетворительные. Спокойствие полное. С вчерашнего утра Бейрут объявлен на военном положении. Прибыло три эскадрона из Дамаска. Созваны местные редифы, желающие зачислены добровольцами в ряды войска. Остальному населению приказано сдать все оружие начальству. Во время бомбардировки убито 42, в том числе один русский

[1] Тел. от 28/15 февр. за № 51 Бенкендорф сообщил об аналогичном выступлении турец. посла в Лондоне.

[2] Лит. копия ошибочно помечена 1911 г.

[3] См. № 530.

[4] См. ч. 1, стр. 165, прим. 2.

[5] 23/10 февр. Бейрут подвергся бомбардировке итал. кораблями «Гарибальди» и «Вольтерно».

подданный, еврей, повидимому, осколком гранаты. Однако, будет произведено вскрытие и если причина смерти окажется иная, вали произведет строгое расследование. Раненых больше ста. Губернатор Ливана доносит, что итальянцы обстреливали также Джедидие. Предписано изгнание итальянских подданных из вилайетов Алеппо, Дамаск и Бейрут и из Иерусалимского округа в пятнадцатидневный срок. Эта мера вызвана не только необходимостью возмездия, но и невозможностью для правительства отвечать долее за безопасность означенных иностранцев. Порта протестовала перед державами против бесчеловечного нарушения Италией Гаагской конвенции [1]. Министр добавил, что Турция желает мира, но теперь еще более, чем раньше, ей невозможно приступить к переговорам на почве итальянского аннексионного декрета. По моим сведениям, изгнание итальянцев должно будет отозваться неблагоприятно на сооружении ветви Багдадской железной дороги к Александретте и на начатых работах по устройству там порта.

Чарыков.

№ 541. Генеральный консул в Мешеде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 18. 26/13 февраля 1912 г.

Копия в Тегеран.

Телеграмма за № 279 получена [2].

Никаких секретных сношений с монархистами я не имел и не имею. Телеграмма Шоа-эс-Солтане передана по назначению непосредственно телеграфом. Я действительно отказал Сайксу подписать составленное им объявление, что шах удаляется из Персии по настоянию обоих правительств, ибо не имел на то особенных инструкций.

Сегодня получена мною телеграмма Мохамед-Али-шаха следующего содержания:

«Прошу вас передать по принадлежности следующее: вы, чтимые муджтехиды, купцы и все население Хорасана, я получил вашу телеграмму, глубоко тронут ею и очень благодарю вас за выраженные в ней чувства преданности мне. Вы хорошо сделали, что обратились к его императорскому величеству государю императору всероссийскому, без его помощи в Персии порядка не будет. Даст бог, я скоро буду в Мешеде, поклонюсь гробнице святого имама и вместе с вами пойду на Тегеран». Подписано: «Мохамед-Али».

Прошу указаний, могу ли я передать означенную телеграмму по принадлежности.

Брожение в Мешеде продолжается; монархисты, число коих ежедневно увеличивается, завладели Бестом [3], куда не пускают своих противников, считая теперь таковыми и русско-подданных с момента получения ими строгого запрещения по существу участвовать в брожении. Так как наши подданные имеют в Бесте магазины и дома и терпят убытки от подобных затруднений и при проникновении ныне в Бест, то я обратился к губернатору с просьбой о прекращении подобного порядка вещей, однако видно, что он бессилен будет что-либо предпринять. Пока все манифестации носили мирный характер, случаев каких-либо насилий не было, однако таковые возможны. Прошу заблаговременных указаний, как поступить в таковом случае. Бест у имама Ризы — место для нас недоступное. Здешним отрядом получены сведения о скором его отозвании. Речи о таковом отозвании, ввиду изложенного, считаю совершенно пока несвоевременными [4].

Дабижа.

---

[1] 26/13 февр. турец. пос-во в Петербурге вручило Сазонову вербальную ноту за № 28558/61 с протестом против бомбардировки Бейрута и указанием, что эта бомбардировка является нарушением 1-й статьи Гаагской конвенции.

[2] См. стр. 178, прим. 1.

[3] См. стр. 172, прим. 4.

[4] Ссылаясь на публикуемую тел., Сазонов 29/16 февр. за № 310 телеграфировал Поклевскому (копия Дабиже): «Дабижа, конечно, не должен передавать упомянутой им теле-

№ 542. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 37. 26/13 февраля 1912 г.

Получил № 257 [1].

Министр иностранных дел доверительно сообщил следующее: 1 февраля пов. ст. германское министерство иностранных дел заявило японскому послу в Берлине, что, по мнению всех иностранных представителей в Берлине, державам надлежит, в случае необходимости вмешательства в китайские смуты, придерживаться общих действий. В ответ на это японскому послу поручено разъяснить, что его правительство имеет намерение держаться таковой политики, поскольку дело касается общих всем державам интересов в Китае; там же, где дело будет касаться специальных интересов Японии, она будет принуждена действовать самостоятельно. Так, например, особенные интересы в Южной Манчжурии, представляющие для Японии первостепенное значение, могут наложить на нее обязанность принять меры, необходимые для их ограждения. Подобного же рода заявление было поручено сделать японскому представителю в Вашингтоне в форме личного его убеждения. Это заявление и было сделано еще [21] 8 февраля; поэтому передача Ноксу изложенного мною в телеграмме № 29 [2] официального ответа Японии на американское сообщение не сопровождалось, в противность утверждения барона Мотоно, никакими дополнительными устными разъяснениями; помимо того, виконт Уцида совершенно конфиденциально поставляет императорское правительство в известность, что существование специальных интересов Японии в Манчжурии было им отмечено также в официальной ноте, обращенной на-днях по другому делу [к] английскому послу в Токио.

Броневский.

№ 543. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 166. 26—25/13—12 февраля 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма от [23] 10 сего февраля за № 126 [3], коим ваше превосходительство просили меня осветить смысл переговоров, которые ведет шанхайское отделение Русско-азиатского банка о займе в 12 млн. лан, имею честь уведомить вас, что, согласно сообщению правления банка, нанкинское правительство действительно обратилось к шанхайскому отделению банка с просьбой о выдаче ссуды в размере 1 500 000 ф. ст. (около 12 000 000 лан) с опционом на будущий заем, причем названное отделение подписало относительно этой операции предварительный договор. Это известие явилось для правления банка совершенно неожиданным, и оно немедленно предложило шанхайскому отделению не предпринимать ничего на будущее время, не испросив предварительных указаний

граммы Мохамед-Али-шаха. Ему надлежит совместно с Сайксом принимать все зависящие меры, чтобы прекратить выступления сторонников шаха, которым надо дать понять, что шах покидает Персию добровольно, вследствие разъяснения ему обоими правительствами бесцельности его дальнейшей борьбы с персидским правительством».

[1] См. № 509.

[2] См. № 498.

[3] В письме от 23/10 февр. за № 126 Сазонов, не возражая против заключения Китайско-бельгийским банком предварительного контракта с Юань Ши-каем на заем в 10 млн. ф. ст. и против выдачи последнему аванса в счет этого займа (см. № 519), указывал следующее: «Я нахожу, что такого рода финансовая операция должна иметь характер частной сделки бельгийского банка, и явное участие в ней Русско-азиатского банка поставило бы нас в противоречие с теми шагами, которые мы делаем в видах запрещения всеми заинтересованными правительствами своим подданным ссужать деньгами борющиеся в Китае стороны. По этой же причине я затрудняюсь поручить нашим представителям за границей оказывать поддержку займу, проектируемому для китайцев синдикатом Русско-азиатского банка, в лице его бельгийской группы». Одновременно Сазонов запрашивал мнение Коковцова по поводу переговоров директора отделения Русско-азиатского банка в Шанхае с кит. прав-вом (см. № 518).

коллежского асессора фон Гойера, которому правлением сообщен взгляд министерства иностранных дел на дело заключения китайских займов [1]. Со своей стороны, фон Гойер телеграфировал в Шанхай о высылке ему указанного предварительного договора для того, чтобы использовать его при переговорах, которые ведутся в Пекине от имени бельгийской группы относительно займа в 10 млн. ф. ст.

Что касается этого последнего займа, то из позднейших донесений коллежского асессора фон Гойера выяснилось, что цифра аванса теперь понижается с 2 млн. до 1 млн. ф. ст., а равно, что гарантией имеет служить не Пекин-Ханькоуская ж. д., а Пекин-Калганская, которая дает, согласно донесению г. фон Гойера, ежегодного дохода до 800 000 лан [2], и что нет надежды на получение, помимо указанной, еще каких-либо других гарантий. Правление Русско-азиатского банка, имея в виду важность дороги Пекин — Калган с точки зрения русских интересов, выразило согласие на принятие предлагаемой ныне гарантии и сообщило о сем бельгийской группе.

Вместе с тем правление Русско-азиатского банка получило уведомление, что упомянутая бельгийская группа дала своему представителю в Пекине указание представить договор о займе четырем миссиям. Так как под этими миссиями разумеются, повидимому, бельгийская, французская, английская и русская, в соответствии с национальностью групп, входящих в состав синдиката Русско-азиатского банка, то правление банка обратилось в министерство финансов за разъяснением, подлежит ли указанный договор представлению русской миссии. Полагая, с своей стороны, дать правлению банка, в согласии с отзывами вашего превосходительства, отрицательный ответ, я однако предварительно считаю долгом покорнейше просить вас не отказать почтить меня по сему вопросу вашим заключением [3].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 544. Управляющий генеральным консульством в Калькутте товарищу министра иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 7. 27/14 февраля 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Получив секретное предписание императорского министерства от [5 февраля] 23 января с. г. за № 142 [4] отправиться в Даржилинг и лично вручить далай-ламе высочайшее письмо, я немедленно уведомил секретаря индийского правительства по иностранным делам сэра Генри Мак-Магона о моем намерении посетить далай-ламу и сообщил ему содержание присланного мне при письме государя императора на имя его святейшества aide-mémoire.

---

[1] См. № 492.

[2] В оригинале слова: «ежегодного дохода до 800 000 лан» подчеркнуты и на полях неизвестным почерком помета: «убытка около 50 тыс.».

[3] В ответном письме от 26/13 февр. за № 137 Сазонов высказался против сообщения росс. миссии в Пекине текста договора, так как «это лишило бы нас возможности отрицать всякое участие в сказанной финансовой операции, которой мы с самого начала решили придать характер частной сделки». Он полагал также нежелательным представление этого контракта иностранным миссиям в Пекине.

Тел. от 26/13 февр. за № 298 Сазонов, передавая Щекину содержание письма Коковцова и своего ответа на него, сообщал ему следующее: «Вообще мы стремимся придать этому займу характер частной сделки бельгийского банка и не придаем ему политического значения, не считая лишь возможным мешать синдикату Русско-азиатского банка совершить коммерческое дело, которое он считает для себя выгодным, тем более, что подобные займы, по нашим сведениям, уже заключаются другими иностранными банками».

[4] В оригинале ошибка в дате. Тел. за № 142 датирована 6 февр. /24 янв. В ней Козаков предписывал Ревелиоти отправиться в Даржилинг и лично вручить далай-ламе письмо Николая II (см. № 69). «Против присутствия английского чиновника при вашем свидании с далай-ламой, — указывал Козаков, — не встречаем возражений».

Сэр Генри пообещал мне тотчас же осведомить о моем приезде в Даржилинг политического агента Сиккима г. Бэлл и, повидимому, никакого возражения против свидания моего с далай-ламой не имел.

Однако за полчаса до моего отъезда в Даржилинг я получил спешное письмо от товарища секретаря по иностранным делам г. Вуда, просившего меня отложить мою поездку на несколько дней ввиду неизвестности (?) [1], где находится далай-лама, а также вследствие отсутствия г. Бэлл, уехавшего в Гангток, отстоящий от Даржилинга на расстоянии трехдневного переезда на мулах.

Прекрасно зная, что далай-лама не покидал своей резиденции, я ответил г. Вуду, что предпочитаю ожидать возвращения г. Бэлл в Даржилинге и воспользоваться таким образом этим прохладным горным местом для отдыха от зноя Калькутты.

Мои сведения о месте нахождения далай-ламы оказались верными. Прибыв в Даржилинг, я узнал, что далай-лама оттуда еще не уехал, но что через три дня его святейшество намерено предпринять путешествие в Калимпонг на границу Сиккима, о чем я уже имел честь донести вашему превосходительству секретной телеграммой от минувшего [12 февраля] 30 января за № 8 [2].

Таким образом, если бы я исполнил просьбу г. Вуда и отложил свой отъезд на несколько дней, мне навряд ли удалось бы выполнить данную мне инструкцию и передать далай-ламе собственноручно письмо государя императора, на что, повидимому, местное правительство и рассчитывало.

Не считаю себя в праве не упомянуть также и о том, что за мной был учрежден самый бдительный надзор. Когда, желая проверить свое предположение об этом, я предпринял прогулку в 12 часов дня в сопровождении проводника гостиницы по направлению к дому далай-ламы, за мной неотступно следовал полицейский, а по пути я, как бы случайно, встретил ехавшего от далай-ламы помощника даржилингского комиссара. За полверсты до ворот резиденции его святейшества я был остановлен полицейским инспектором-буддистом, любезно представившимся мне и сообщившим, что политический агент Сиккима г. Бэлл, спешно выехавший из Гангтока, телеграфировал ему о своем прибытии в Даржилинг на следующее утро в 10 часов.

В тот же день я получил от заместителя политического агента г. Леденла уведомление о том, что свидание мое с далай-ламой назначено на субботу утром (то есть на следующий день) и что встреча моя с г. Бэлл, который будет присутствовать при означенном свидании, произойдет у ворот резиденции его святейшества.

Не считая для себя удобным ожидать едущего на мулах и потому легко могущего запоздать к назначенному часу политического агента «на перепутье» у изгороди жилища далай-ламы, я отклонил в самой вежливой форме предложение г. Леденла и просил известить меня о времени прибытия г. Бэлл к условленному месту, чтобы в свою очередь немедленно выехать туда же.

Как и всегда в подобных случаях в Индии, предложение «встречи у ворот» не замедлило оказаться недоразумением. В субботу рано утром г. Бэлл в сопровождении эскорта прибыл в гостиницу, где я остановился, и, извинившись в самых любезных выражениях, что не мог приехать в Даржилинг раньше, находясь в объезде своего округа, поставил себя в полное мое распоряжение. После такого приветливого вступления вопрос о встрече «у ворот», разумеется, отпал сам собой, и дальнейший наш разговор, благодаря предупредительности моего собеседника, совершенно рассеял мое первоначальное неприятное впечатление.

Мы тотчас же поехали верхами к далай-ламе. Встреченные министрами его святейшества, г. Бэлл и я, после обычных приветствий и обмена «хадаков», были введены в покой далай-ламы. Я был поражен крайней убогостью отведенного индийским правительством тибетскому первосвященнику помещения. Небольшой домик, скромная и даже бедная обстановка, полное отсутствие той роскоши, ко-

[1] Знак вопроса в оригинале.
[2] Содержание указанной тел. исчерпывается публикуемым документом.

торая является необходимым условием внутреннего убранства восточных жилищ, указывали на незавидное существование привыкшего к величию Поталаского дворца духовного владыки тибетского народа.

Я полагал, что такая невзрачная картина окружающей далай-ламу обстановки объяснялась близким его отъездом, но, по наведенным мной справкам, оказалось, что такое же убожество окружало тибетского первосвященника с первого дня его жизни в Даржилинге.

Далай-лама принял меня в высшей степени любезно и не мог скрыть овладевшего им волнения при известии о цели моего посещения. После обычного, требуемого этикетом, обмена нескончаемых приветствий и вопросов я сообщил его святейшеству о том, что государю императору благоугодно было прислать ему собственноручное письмо и хадак.

Далай-лама и все присутствовавшие тотчас же встали, и я вручил его святейшеству высочайшее письмо. Так как тибетский первосвященник не владеет никакими другими языками, кроме тибетского и китайского, разговор наш происходил при посредстве британского политического агента Сиккима, говорящего по-тибетски.

Далай-лама обратился ко мне с просьбой перевести текст высочайшего письма на английский язык, что я и исполнил. В самом начале чтения письма оказалось, что к нему приложен тибетский перевод. Несмотря на это обстоятельство, далай-лама пожелал, чтобы я продолжал переводить послание государя императора на английский язык, а г. Бэлл — на тибетский. Сам же он с напряженным вниманием следил за тибетским текстом. В конце чтения письма мой перевод разошелся с редакцией на тибетском языке, согласно которой между Россией и Англией ведутся, будто бы, в настоящее время переговоры по тибетским делам.

Я поспешил вторично и самым тщательным образом перевести дословно текст высочайшего письма и объяснил причину неточности тибетского перевода его святейшеству и г. Бэлл тем, что знающих тибетский язык в С.-Петербурге почти нет, и что очевидно перевод этот, проверить который в императорском министерстве иностранных дел не представлялось возможным, был составлен кем-нибудь из священников буддийского храма, недостаточно знакомым с русским языком. Не знаю, убедил ли я далай-ламу в случайности этого недоразумения, но политический агент, повидимому, поверил моему объяснению, и таким образом инцидент был исчерпан.

По окончании чтения письма далай-лама обратился с длинной речью к г. Бэлл, который перевел ее так: «Его святейшество выражает почтительнейшие чувства благодарности и глубокой преданности своей и всего тибетского народа государю императору, каковые чувства он просит вас повергнуть к стопам его императорского величества, бесконечно тронутый высочайшим вниманием. Среди превратностей судьбы мысль о том, что русский царь сочувственно относится к его печальной доле, ему крайне отрадна, и он неизменно будет руководствоваться во всех своих действиях высочайшей волей».

На мой вопрос о том, какие планы у его святейшества на ближайшее будущее, далай-лама ответил мне, что он решил покинуть Даржилинг и переселиться в Калимпонг, так как сырой даржилингский климат вредно отзывается как на его здоровьи, так и на здоровьи его министров. Двое из них не вынесли продолжительного пребывания в этой сырой части Гималаев и умерли. Климат Калимпонга значительно суше и отчасти напоминает климат Лхассы. «К тому же, — добавил далай-лама, — Калимпонг, находясь у входа в долину Чумби на пути в Тибет, приблизит меня к Лхассе».

Спросив у г. Бэлл, не имеет ли он каких-либо возражений против моих расспросов и получив от него ответ, что, напротив, он рад услышать о планах далай-ламы, вообще редко о них говорящего, я обратился к тибетскому первосвященнику с вопросом о том, как скоро может состояться возвращение его святейшества в Лхассу.

«Если бы это зависело от меня, — сказал далай-лама, — то, конечно, я не замедлил бы тотчас же выехать в мой город. Но к чему говорить об этом, если

*

у моего народа пока нет возможности обеспечить мне неприкосновенность в Лхассе? Хотя в Тибете в настоящее время едва ли наберется и тысяча китайских солдат, и владычество Китая над моей страной является лишь номинальным, тем не менее без посторонней помощи мне трудно будет возвратиться в Лхассу. Будь у моего народа оружие, ему не стоило бы больших усилий отстоять свою независимость при поддержке России и Англии».

Видя, что беседа моя с далай-ламой вступает в область вопросов политического характера, обсуждать которые я не был уполномочен вашим превосходительством, я попросил г. Бэлл передать его святейшеству, что посещение мое отнюдь не носит на себе характера политической миссии и состоит лишь в передаче ему высочайшего письма, и что поэтому мне было бы трудно сказать что-либо определенное относительно нашей совместной с Англией политики в Тибете. Г. Бэлл, повидимому, был очень рад тому, что я подчеркнул отсутствие всякого политического характера данного мне поручения, так как хроническая боязнь индийского правительства, как бы иностранный консульский представитель не выступил в роли политического агента своего правительства, и была, смею думать, главной причиной первоначального нежелания местных властей устроить мое свидание с далай-ламой. В заключение нашей беседы его святейшество сказал мне, что он выразит его императорскому величеству свою глубокую благодарность за участие к его судьбе в собственноручном письме и будет ходатайствовать перед русским правительством об оказании им, совместно с великобританским, давления на пекинское правительство, дабы последнее отказалось от своих притязаний на Тибет и разрешило его святейшеству возвратиться в Лхассу.

Откланявшись далай-ламе, я вступил, согласно обычая и по предложению г. Бэлл, выказывавшего мне все бóльшее доверие, в беседу с министрами его святейшества князьями Шарак и Шаган, с большим интересом осведомившимися о России. Не владея тибетским языком и не будучи поэтому в состоянии изменить тему разговора, если бы он принял нежелательное для меня направление, я поневоле выслушал длинное повествование моих собеседников о китайских несправедливостях и жестокостях в Тибете. Повидимому, г. Бэлл получил инструкцию дать министрам возможность высказаться, но я, во избежание противоречия между вышеприведенным моим заявлением далай-ламе об отсутствии у меня всякой политической миссии и моей дальнейшей тактикой, предоставил г. Бэлл вести разговор и ограничился лишь обычными фразами, требуемыми вежливостью. При прощании, в ответ на расспросы министров о ходе англо-русских переговоров о Тибете, я опять сказал, что мне об этом ничего неизвестно, и что все переговоры ведутся обыкновенно непосредственно между императорским и королевским правительствами в С.-Петербурге и Лондоне.

Резюмируя вышесказанное, я не могу не притти к выводу, что свидание мое с далай-ламой произвело как на его святейшество, так и на индийское правительство самое благоприятное впечатление. Если англо-индийские власти сначала отнеслись к моей поездке в Даржилинг с некоторым недоверием, и даже были непрочь помешать ей под благовидным предлогом, то совершенно открытая прямая тактика, предписанная мне императорским министерством, и то обстоятельство, что я подчеркнул отсутствие политического характера возложенного на меня поручения, окончательно рассеяли сомнения местного правительства относительно неуклонного соблюдения нами англо-русского соглашения касательно Тибета. Присутствие при моем свидании с далай-ламой британского политического агента в Сиккиме не только в качестве переводчика, но и равноправного участника в беседе моей с тибетским первосвященником как нельзя более соответствовало идее политической задачи нашего генерального консульства в Индии.

Как это ни странно, г. Бэлл, подобно многим англо-индийским чиновникам, не представлял себе, что в состав населения российской империи входит несколько миллионов ламаистов, и что поэтому религиозная связь окраинных племен России с далай-ламой является вполне естественной и понятной. Обедая у него накануне моего отъезда из Даржилинга, я подробно объяснил ему сущность наших отношений с тибетским первосвященником и, смею думать, г. Бэлл, как и не более его

осведомленный об этом вопросе иностранный департамент Индии, отныне будут с меньшим недоверием относиться к нашим сношениям с далай-ламой.

Если посещение мое Даржилинга послужило, как я уже имел честь упомянуть, к упрочению наших добрых отношений с местным правительством, то впечатление, произведенное на далай-ламу фактом передачи его святейшеству письма государя императора через русского консульского представителя в Индии, а не через английского политического агента, было самое выгодное для нас.

За последнее время связь наша с далай-ламой, повидимому, начинала ослабевать. Хотя никогда не симпатизировавший англичанам тибетский первосвященник принужден был поневоле считаться с ними, будучи, с одной стороны, их субсидируемым гостем, чтобы не сказать пленником, с другой же под влиянием обещаний оказать ему поддержку, обещаний однако весьма неопределенных.

Письмо государя императора, явившееся для его святейшества лучом надежды, несомненно ободрило его и придало ему мужества для дальнейшей борьбы с превратностями судьбы. Искренность нашей политики в Тибете хорошо известна тибетскому народу, тогда как намерение англичан рано или поздно присоединить Тибет к системе государств-буферов не составляет для него тайны. Сравнительно недавняя экспедиция полковника Юнгхэсбенда в Лхассу, вызвавшая бегство далай-ламы оттуда, в достаточной степени открыла глаза тибетскому народу на тактику англичан по отношению к Тибету.

Если его святейшеству удастся в ближайшем будущем водвориться в Лхассе, опираясь на единодушную поддержку тибетцев, которым не так уж трудно будет скупить у деморализованных китайских войск оружие и изгнать китайцев из своей страны, то вопрос о дальнейшем международном положении Тибета может быть разрешен только лишь путем воздействия на китайское правительство.

Для нас, смею думать, было бы крайне полезным в предвидении будущего поддерживать надежду далеко не чуждого нам народа на наше попечение о нем. Престиж наш в Тибете велик, тогда как близость Индии и возможность наглядно убедиться, какими ничтожными средствами располагает Англия для поддержания своего владычества в трехсотмиллионной империи, населенной робкими и беззащитными индийцами, — конечно, не могут способствовать представлению об ее величии среди тибетцев.

Сознание того, что русский царь не забывает о судьбе тибетского народа — для народа этого является гораздо большей нравственной поддержкой, чем тысяча рупий в месяц, даваемая индийским правительством низверженному духовному владыке Тибета.

В заключение позволю себе упомянуть, что во время моего пребывания в Даржилинге около гостиницы, где я остановился, толпились проживающие в этом городе тибетцы, желавшие увидеть русского консула и поднести ему традиционный «хадак».

Не находя причины отказывать им в этой просьбе, я принимал всех их без исключения и в свою очередь вручал им ответные «хадаки», что по тибетским понятиям считается большой честью.

Далай-лама выехал в Калимпонг 11 февраля/29 января на рассвете, провожаемый ламами, эскортом и толпой народа, оказывавшего ему царские почести. Англо-индийская печать, ежедневно помещающая на своих столбцах самые мелкие подробности, относящиеся к жизни далай-ламы, обошла полным молчанием мое свидание с ним.

О пребывании его святейшества в Калимпонге и о дальнейших событиях в Тибете я буду иметь честь донести вашему превосходительству дополнительно.

Примите и пр.

Л. Ревелиоти.

№ 545. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 27/14 февраля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Известие о кончине гр. Эренталя [1] произвело сильное впечатление в Италии, несмотря на то, что роковой исход болезни уже ясно определился за последнее время. Почти все органы печати оплакивали его преждевременное исчезновение, восхваляя его как верного друга и союзника Италии. В особенности ему ставили в заслугу противодействие воинственным замыслам ген. Конрада [2] и упорство, с которым он отстаивал необходимость доверчивых отношений к Италии и ее государственным людям. События 1908 года, надолго ли и сознательно ли, но, повидимому, совершенно сгладились в памяти у большинства лиц, создающих здешнее общественное мнение. Джиолитти, которому столь мало посчастливилось с приемами сотрудников иностранной печати, приравнял кончину графа Эренталя народной печали («lutto nazionale») Италии. Впоследствии неловкость такого преувеличения старались ослабить заменой сказанного выражения словами «печаль в семье нашей» («lutto in casa nostra»), но обнаруженное в данном случае главой правительства отсутствие собственного достоинства является новым подтверждением постоянного страха, наводимого соседней союзницей на Италию.

Этим же чувством руководятся, когда возносят графа Берхтольда, после данных им обещаний продолжать политику покойного его предместника. Приписываемое графу Берхтольду расположение к России является тем не менее источником некоторого беспокойства Консульты. Так, Боллати в беседе с секретарем французского посольства г-ном Ларош высказал, что итальянцы относятся к налаживающемуся будто бы русско-австрийскому сближению с тем же чувством, которое, вероятно, внушают Франции англо-германские переговоры.

Ввиду этого не подлежит сомнению, что столь усердно поднимаемые в австрийской печати толки о необходимости согласования морских вооружений Италии и Австро-Венгрии на случай совместного выступления против общего врага, а также приводимые сравнения отношения сил обеих держав и сил, располагаемых на море Францией, не соответствуют истинному настроению ни итальянских правительственных кругов, ни здешнего общественного мнения. Последнее сильно разочаровалось в искренности расположения Франции, после неосторожных выступлений в парламенте г. Пуанкаре [3] и заявления г. Делькассе по вопросу о господствовании на Средиземном море [4].

Но от такой горечи, испытываемой в отношении «латинской сестры», до военных приготовлений против нее — еще целая пропасть, которую покамест никто не помышляет перешагнуть.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 546. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 22 [5]. 27/14 февраля 1912 г.

Телеграммы №№ 282 [6] и 283 [7] получены.

В телеграмме моей № 21 [8] значилось, что болгары только в том случае согласятся на установление границы между Охридой и Стругой, если мы дадим им

[1] Тел. от 18/5 февраля без номера Н. Гирс сообщил о смерти Эренталя 17/4 февраля вечером.

Тел. от 18/5 февраля за № 18 Н. Гирс известил о назначении Берхтольда министром иностранных дел и министром двора.

[2] См. № 171.

[3] См. № 409.

[4] В речи, произнесенной в палате депутатов 14/1 февр., Делькассе, между прочим, сказал: «Французский флот должен быть готов к отпору всякого флота, который будет угрожать сообщению Франции с северной Африкой».

[5] Тел. бланк.

[6] См. № 527.

[7] См. № 528.

[8] См. № 520.

ручательство, что при окончательном арбитраже Струга достанется Болгарии. Соглашение иначе, боюсь, не состоится. Прошу разрешить мне сделать Гешову устное заявление в возможно более осторожной форме, что Россия при ликвидации присудит восточную часть города Струги болгарам, то-есть настоит в конце концов на «границе Романовского», в особенности если для Сербии обеспечены будут западный берег Дрины и Охридского озера. Ходатайствую о возможно скорейшем ответе [1].

Неклюдов.

№ 547. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 131. 27/14 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на №№ 260 [2], 261 [3].

Соображения о государственных доходах Персии, могущих служить обеспечением будущего займа, будут представлены вслед за получением от Морнара точных цифровых данных. Мы с Барклаем предполагаем, что заем, заключенный нынешним персидским правительством с согласия России и Англии, может обойтись без согласия меджлиса и едва ли подаст повод к недоразумениям в будущем. К тому же для подобного случая имеются недавние прецеденты, а именно — персы признали на практике законность всех документов и обязательств, выданных Мохамед-Али-шахом иностранным учреждениям и подданным после разгрома меджлиса и когда власть его считалась националистами незаконной.

Поклевский.

№ 548. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 171. 27/14 февраля 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По ходу переговоров, которые ведутся между синдикатом Русско-азиатского банка в лице его бельгийской группы с пекинским правительством относительно займа в 10 млн. ф. ст., выяснилось, что в контракте о проектируемом займе имеют быть перечислены все банки, принимающие участие в данной операции, и что, как мною уже указывалось в письме от [25—26] 12—13 сего февраля за № 166 [4], предполагается представить контракт четырем миссиям в Пекине в соответствии с национальностью групп, входящих в состав синдиката Русско-азиатского банка.

Считая весьма желательным как упоминание в контракте о Русско-азиатском банке, так и представление контракта русской миссии в Пекине, — особенно ввиду того, что гарантией займа должна служить Пекин-Калганская железная дорога, — правление названного банка обратилось в министерство финансов с запросом, не признает ли русское правительство, ввиду изменившегося положения дел в Китае, возможным отказаться от взгляда о нежелательности официального участия в проектируемой операции русского кредитного учреждения [5]. При этом правление банка указывает на состоявшееся соглашение между империалистами и республиканцами, на поздравле-

[1] В ответной тел. от 1 марта/17 февр. за № 320 Сазонов предписал Неклюдову: «При условии обеспечения этим путем сербо-болгарского соглашения можете сделать Гешову устное заявление, что при фактическом разграничении в будущем мы будем иметь в виду их желание относительно Струги». Передавая эту тел. Гартвигу, Сазонов тел. от 1 марта/17 февр. за № 321 предлагал при случае объяснить сербам, что «в вопросе о Струге мы связаны относительно Болгарии еще со времени Сан-Стефанского трактата, от постановлений коего уже успели, однако, выговорить значительные уступки в пользу Сербии. Было бы несправедливо видеть в отношении нашем к вопросу о Струге какое-либо пристрастие».

[2] См. № 510.

[3] Тел. Сазонова за № 261 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[4] См. № 543.

[5] См. № 492.

ния, которые были уже принесены Юань Ши-каю некоторыми иностранными миссиями в Пекине, и на то, что при таких условиях данная операция не может более считаться нарушающей нейтралитет.

Признавая, со своей стороны, соображения правления Русско-азиатского банка заслуживающими внимания, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать меня уведомить, в непродолжительном по возможности времени, не встречается ли с вашей стороны препятствий к тому, чтобы правлению банка было отвечено в смысле согласия русского правительства на упоминание в контракте о займе и Русско-азиатского банка и на представление контракта русской миссии в Пекине.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 549. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 47. 28/15 февраля 1912 г.

Grey très impressionné par événements Beyrout [1] redoute que Turquie posera mines sur toutes ses côtes y compris Dardanelles. Il croit que seul moyen empêcher mesures aussi néfastes point de vue politique et commercial serait obtenir Italie assurance qu'elle s'abstiendrait d'attaques dans Dardanelles et eaux environnantes. Sans cette assurance il ne serait pas possible exiger de Turquie limitation de ses moyens de défense. Recevrez à ce sujet proposition de Buchanan [2].

Benckendorff.

Перевод.

Грей под сильным впечатлением бейрутских событий опасается, что Турция минирует все свои берега, включая Дарданеллы. Он полагает, что единственным средством воспрепятствовать столь гибельным с политической и торговой точки врения мерам было бы получение от Италии заверения в том, что она воздержится от нападений в Дарданеллах и прилегающих к ним водах. Без этого заверения было бы невозможно требовать от Турции ограничения ее средств обороны. Получите по этому поводу предложение от Бьюкенена.

Бенкендорф.

№ 550. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 49. 28/15 февраля 1912 г.

N 1.

Me réfère à mon télégramme N 47 [3].

Nicolson me dit qu'à la suite de renseignements indiquant que démarche en question ferait fâcheuse impression à Rome, Grey au dernier moment s'est décidé à

---

[1] См. стр. 190, прим. 5.

[2] Тел. от 22/9 февр. за № 138 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей передал Бьюкенену сообщение из Берлина о сделанных турец. послами в Берлине и Вене заявлениях, что, в случае открытия Италией военных действий в Эгейском море, вход в Дарданеллы будет минирован; Кидерлен, якобы, ответил турец. прав-ву советом быть осторожным, так как державы воспротивятся всякому шагу, противоречащему международным постановлениям. Согласно тел. Бьюкенена от 23/10 февр. за № 78 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) на аналогичное заявление турец. посла в Петербурге Сазонов сказал, что в случае минирования Дарданелл «возникнет серьезный вопрос с Россией». Далее Бьюкенен сообщал, что на просьбы турец. посла, чтобы державы выступили в Риме с целью воспрепятствовать морским операциям в Эгейском море, Сазонов, якобы, ответил, что это было бы уклонением от нейтралитета, но что Турция всегда может обратиться к державам с просьбой о медиации.

[3] См. № 549.

modifier texte télégramme à Buchanan transformant projet en échange d'idées. Nicolson me dit aussi que d'après renseignements français Berchtold avait dit à ambassadeur de France qu'Italie avait déjà donné assurance formelle à Autriche au sujet de ses intentions concernant Dardanelles [1]. Nicolson croit que si réponse Autriche à télégramme circulaire de Grey contenait cette information elle pourrait être considérée comme suffisante pour agir à Constantinople sans agir d'avance à Rome [2].

Benckendorff.

Перевод.

№ 1.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 47.

Никольсон мне сказал, что вследствие сообщений, указывающих, что выступление, о котором идет речь, произвело бы плохое впечатление в Риме, Грей в последний момент решил видоизменить текст телеграммы Бьюкенену, превратив проект в обмен мнений. Никольсон сказал мне также, что по французским сведениям, Берхтольд говорил французскому послу, что Италия уже дала формальное заверение Австрии по поводу своих намерений относительно Дарданелл. Никольсон думает, что если бы ответ Австрии на циркулярную телеграмму Грея содержал это сообщение, то он мог бы считаться достаточным основанием для того, чтобы действовать в Константинополе без предварительных выступлений в Риме.

Бенкендорф.

№ 551. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 54 [3]. 28/15 февраля 1912 г.

Reçu télégrammes NN 221 et 222 [4].

En réponse à ma communication Grey m'a fait remettre mémorandum [5]. En substance il dit que principe de politique anglaise au cours de troubles chinois a été que toute ingérence mettait en danger unité de Chine et sécurité des étrangers et que gouvernement anglais avait usé de toute son influence pour décourager ses nationaux fournir emprunts à partis chinois. Banque Hongkong-Shanghai avait en effet prêté 1 500 000 taels à «China Merchant Steam Navigation Company» [6], mais cette affaire avait été conclue tout-à-fait à l'insu du gouvernement anglais et sur payement par avances partielles. Ambassadeur anglais à Washington avait eu ordre informer gouvernemant américain en réponse à sa demande qu'en substance la note du secrétaire d'Etat à l'ambassadeur allemand [7] s'accordait avec l'attitude adoptée par gouvernement anglais.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграммы №№ 221 и 222.

В ответ на мое сообщение Грей передал мне меморандум. Сущность его в том, что английская политика за время беспорядков в Китае руководствовалась принципом, что всякое вмешательство угрожает единству Китая и безопасности иностранцев и что английское правительство использовало все свое влияние, чтобы удержать своих подданных от выдачи займа китайским партиям. Гонконг-Шанхайский банк, правда, выдал 1 500 000 лан «China

---

[1] Тел. от 26/13 февр. за № 13 Долгорукий сообщил Сазонову, что по сведениям, полученным Баррером из Вены, Италия, будто бы, «на-днях возобновила перед Австрией обязательство не предпринимать военных действий в Адриатическом и Эгейском морях».

[2] В тел. от того же числа за № 50 (2) Бенкендорф сообщил, со слов П. Камбона, что Пуанкаре согласен с предложением Грея, изложенным в тел. Бенкендорфа за № 47 (см. № 549), но сохраняет за собой право предложить, чтобы наряду с Дарданеллами было указано побережье Сирии.

[3] Царск. экз.

[4] См. №№ 481 и 482.

[5] Указанный меморандум был препровожден Бенкендорфом Сазонову при письме от 28/15 февр. Содержание его изложено в публикуемом документе.

[6] Ср. № 466.

[7] См. № 456 и приложение к нему.

Merchant Steam Navigation Company», но эта сделка была заключена совершенно без ведома английского правительства и на условии выплаты частичными авансами. Английскому послу в Вашингтоне было предписано уведомить американское правительство в ответ на его запрос, что по существу нота государственного секретаря германскому послу отвечает позиции, занятой английским правительством.

Бенкендорф.

№ 552. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 28/15 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В сегодняшней беседе со мной г. Пуанкаре коснулся бейрутского инцидента [2] и вообще отношений между Францией и Италией. По его словам, первое известие о военных действиях Италии внутри Бейрутского порта вызвало здесь глубокое волнение, и ему стоило больших трудов внушить печати хладнокровное и даже доброжелательное отношение к этому делу. Весьма прискорбно, что так скоро после инцидента с французскими почтовыми судами [3], военная деятельность Италии проявилась именно в таком пункте азиатского побережья Турции, где сосредоточены особенно значительные французские интересы. С другой стороны, он должен признать, что Италия не связана перед Францией никакими обещаниями не распространять своих действий на это побережье. Поэтому он ограничился тем, что поручил г. Барреру высказать маркизу ди Сан-Джулиано надежду, что Италия, осуществляя в означенных местностях свои права воюющей державы, отнесется с осмотрительностью к имеющимся там французским интересам. В том же смысле он выскажется в палате депутатов в ответ на готовящийся там запрос по бейрутскому делу.

Хотя, как сказано выше, благодаря усилиям г. Пуанкаре, французская печать заняла по настоящему случаю вполне благоразумное и даже доброжелательное по отношению к Италии положение, дальнейшее развитие итальянских военных операций в местностях, подобных Бейруту, неминуемо вызовет здесь сильное раздражение. Как это ни странно, столь, повидимому, второстепенные, с чисто политической точки зрения, случайности, как вышеупомянутые инциденты с французскими судами, сразу разрушили добрую часть долголетней работы французской и итальянской дипломатии на пользу сближения двух родственных наций. При этом, по обыкновению, самую вредную роль сыграла печать обеих стран. Не остались также без влияния на взаимное охлаждение личные трения между г. Пуанкаре и здешним итальянским послом. Г. Титтони слишком громко высказывает свое неудовольствие на председателя совета за то, что он сразу вынес инцидент о судах на парламентскую трибуну, приписывая этот образ действия желанию г. Пуанкаре заручиться личным парламентским успехом. Со своей стороны г. Пуанкаре упрекает г. Титтони в излишней нервности и в склонности раздувать каждое неприятное для него газетное выступление. Благодаря моим тесным личным отношениям к итальянскому послу, я всячески стараюсь сглаживать эти шероховатости и, не далее как сегодня, мне удалось предотвратить новое столкновение между гг. Титтони и Пуанкаре по поводу неудачной формы газетного сообщения о медиации и о бейрутском инциденте. Г. Титтони уезжает на-днях в Рим, где он пробудет около месяца; временное отсутствие его отсюда, при настоящих условиях, может оказать лишь благотворное влияние на франко-итальянские отношения.

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] Опубл. М., стр. 157.
[2] См. стр. 190, прим. 5.
[3] См. №№ 378 и 409.

№ 553. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 28/15 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я только-что телеграфировал вам [2], я не преминул передать министру иностранных дел меморандум, приложенный к письму вашему от [22] 9 февраля за № 81 [3]. Г. Пуанкаре был уже знаком из телеграммы г. Жоржа Луи с сущностью предложенной вами процедуры и успел всесторонне ее обсудить. Он поспешил высказать мне, что, не отказываясь присоединиться к вашему предложению, в случае единодушия всех остальных держав, он лично усматривает в сказанной процедуре некоторые неудобства и даже опасности. По имеющимся у него сведениям, минимум условий Италии все еще весьма отдален от максимума уступок, на которые сейчас могла бы согласиться Турция. Итальянское правительство, очевидно, не может отказаться от только-что единогласно подтвержденного палатами присоединения, в полном их объеме, Триполиса и Киренаики [4]. Единственное, что она может допустить — это признание духовного главенства султана и денежную компенсацию. Г. Пуанкаре думает, что признание духовного главенства султана имеет весьма серьезную цену и может послужить, в будущем, основанием для соглашения. Тем не менее в настоящую минуту Турция этим, очевидно, не расположена удовольствоваться. На этих днях в Париже находился турецкий сенатор Бустани, председатель турецкой интерпарламентской группы арбитража. Он был представлен министру иностранных дел турецким послом и в беседах своих свободно высказывал желание турецкого правительства и турецких парламентских кругов достичь мира, но не иначе, как на следующих условиях: непременное сохранение турецкого суверенитета и, в крайнем случае, признание status quo, т. е. итальянской оккупации в портах Триполиса, но отнюдь не в Киренаике, или в Триполитанском Hinterland'е. При таких условиях следует опасаться, что Германия, осведомившись, согласно предложенной вами процедуре, о минимальных требованиях Италии, отделится от остальных держав, как только зайдет речь о каком-либо давлении на Порту, а это, очевидно, приведет к крушению весь план медиации. Поэтому г. Пуанкаре, со своей стороны, предложил бы следующую поправку к вашему предложению: державы одновременно и коллективно осведомятся, как в Риме, так и в Константинополе, о крайних пределах взаимных уступок и затем обсудят между собой, каким образом согласовать эти условия. Контрпредложение это занимает как бы середину между вашим планом и программой сэра Э. Грея. По полученным здесь известиям, ваше предложение уже известно в Берлине и в Вене, и германское правительство поспешило его принять [5]. По убеждению г. Пуанкаре, подобная готовность берлинского кабинета вовсе не гарантирует его дальнейшего участия в предложенной медиации; ибо, как только выяснится, что минимум итальянских условий неприемлем для Турции, Германия откажется, под обычным предлогом, от коллективного выступления в Константинополе. По этому поводу г. Пуанкаре высказал мне, с легким оттенком упрека, сожаление, что, прежде нежели сообщить ваше предложение в Берлин и в Вену, вы не установили общей точки зрения с Парижем, дабы предотвратить возможность хотя бы видимости разногласия между Россией и Францией. Со своей стороны, он строго придерживается правила прежде всего искать полного согласия с русским и английским правительствами и с этой целью покуда он телеграфирует свое контрпредложение только в Петербург и в Лондон [6].

Примите и пр. Извольский.

---

[1] Опубл. М., стр. 158.

[2] Имеется в виду тел. от того же числа за № 25 (опубл. Stieve, II, S. 43, № 210) содержание которой исчерпывается публикуемым документом.

[3] См. стр. 165, прим. 4.

[4] См. № 538.

[5] См. № 532.

[6] Тел. от 29/16 февр. за № 52 Бенкендорф сообщил, что он передал текст русского меморандума Никольсону, который сказал, что прежде, чем высказаться, необходимо узнать отношение держав к новому франц. предложению.

№ 554. Посол в Риме министру иностранных дел.

№ Телеграмма № 14. 28/15 февраля 1912 г.
Доверительно.

В непринужденной беседе с Баррером Сан-Джулиано, не будучи на то вызван, по личному почину сообщил ему вчера, что предельными уступками Италии ради прекращения войны будут: не настаивание на заключении официального мира и на признании Турцией присоединения Ливии, раз совершившийся факт присоединения будет установлен великими державами; полное и самое широкое помилование арабов за преступления, совершенные в связи с войной, по оставлении Ливии турецкими военными силами; денежное вознаграждение за государственные и духовные имущества, а также второстепенные уступки, которые нужно будет установить. Баррер просил вышеизложенное хранить в тайне.

Долгорукий.

№ 555. Морской агент в Германии начальнику морского генерального штаба Ливену.

Донесение № 364 [1]. 28/15 февраля 1912 г.
Конфиденциально.

В дополнение к моему письму от 13 февраля/31 января с. г. за № 360 [2] имею честь сообщить вашей светлости, что для выяснения положения, изложенного в нем, я имел еще дальнейшие переговоры со своими английским и французским коллегами, а также с нашими военным и финансовым агентами.

Английский морской агент был у меня на этой неделе и принес мне список вопросов, о которых я уже упоминал вашей светлости в предыдущем письме. Копию с него я прилагаю к этому письму [3] и, кроме того, я его показывал бывшему здесь проездом в Лондон капитану 1 ранга Рейн, которому обещал прислать с него копию.

Как видно из этого листа, английское адмиралтейство тоже не особенно богато сведениями по части германского флота, хотя на некоторые из них оно могло бы получить ответы из опубликованных уже сведений, если не всегда прямо, то косвенно. Не знаю, чему это приписать: неосведомленности ли агента или беспорядкам в самом министерстве, но полагаю, что некоторым толчком к желанию получить эти ответы послужило образование в Англии морского генерального штаба, в особенности на первых порах проявляющего, конечно, особо интенсивную деятельность [4].

После сообщения англичанину кое-чего из имевшегося у меня и указания, где то или другое следует искать, он перевел разговор опять на политическое положение, причем особенный интерес проявлялся им к содержанию проекта усиления здешнего флота, который до сих пор не опубликован и о котором поэтому ходят всевозможные слухи. Он особенно интересовался моим мнением о величине ассигнований на флот и о вероятности прохода этих ассигнований через рейхстаг, ввиду несогласия, царствующего там, об источниках покрытия этих расходов.

Англичанин был нервен, как и в прошлый раз, и имел озабоченный вид. Он меня спросил, не слышал ли я со своей стороны об уходе канцлера и о замене его адмиралом Тирпиц, на что я ему ответил, что вряд ли этот слух верен, ибо император, пока что, очень благоволит к теперешнему канцлеру, назначение же Тирпица означало бы открытый вызов в этот момент Англии, на что ни император, ни общественное мнение вряд ли пойдут, ибо войны с Англией в Германии не хотят,

---

[1] Маш. копия. Копия публикуемого донесения вместе с донесениями Беренса за №№ 360 и 369 (см. №№ 462 и 572) была послана Ливеном Жилинскому при сопроводительном письме от 28/15 марта за № 749/145. На сопроводительном письме имеется помета: «Очень интересное сообщение. Д[анилов] [1 апреля] 19 марта». Отмеченные в последующих примечаниях пометы сделаны рукою Данилова.

[2] См. № 462.

[3] См. приложение к публикуемому документу.

[4] На полях помета: «А может быть, для проверки».

и если она случится, то это произойдет как следствие исторической необходимости, но не от желания отдельных лиц или партий, ибо таковых, говоря серьезно, нет.

С этим англичанин согласился, но прибавил, что уж очень натянуты струны, и поэтому надо быть весьма осторожным.

На этой же неделе я был во французском посольстве у морского агента и спросил его, говорил ли он о чем-нибудь с англичанином. Оказалось, что этот последний французу ничего не сказал, несмотря на то, что виделся с ним несколько раз и вообще раньше о делах говорил. Я тогда навел француза на разговор о положении дел и спросил его мнение.

Сущность нашего разговора, если отбросить свойственные французской нации увлекаемость и самохвальство, заключается в том, что у этого моего коллеги тоже имеется впечатление об усилении деятельности германских военных сил за последнее время, как-то: более частые выходы в море отдельных судов и целых отрядов здешнего флота, а главное — рассылка в части оснований мобилизационных планов на этот год в январе, тогда как это обыкновенно делается в конце марта. Откуда у него это последнее сведение, он не сказал, но думаю, что от своего сухопутного коллеги, производящего впечатление очень пронырливого и осведомленного человека[1].

Главное, что нас обоих в данном случае заинтересовало, это был вопрос, почему сообщение англичанина вышло односторонним, направленным лишь в мою сторону, но, чтобы ответить на него, у нас обоих нехватало самого главного, а именно общей ориентировки в политическом положении за последнее время, для которой требуется, конечно, много материала, проходящего всецело помимо нас, через посольства к соответствующим центрам.

В дальнейшем француз с горячностью доказал, что положение немцев сейчас лучше английского, ибо англичанам особенно увеличивать их флот будет трудно из-за затруднений в его укомплектовании; немцы же еще далеки в этом отношении до предела, теперь же относительно даже небольшое усиление их флота будет иметь большее значение, чем более значительное усиление английского, а потому, по его мнению, не столько сейчас желают ограничения вооружений немцы, как англичане [2]. Затем он перевел разговор на то, что в случае войны немцы с них ничего не выиграют, ибо отнимать от них провинции — с немцев достаточно Эльзас-Лотарингии, отнять же колонии в Средиземном море — не позволят англичане[3].

Через несколько дней я встретился опять с французом на одном обеде, и он мне тогда высказал мысль, которая, по моему предположению, является мнением не его лично, а здешнего французского посольства, а именно, что англичане решили нас запугать возможностью войны с тем, чтобы мы (Россия), пользуясь наилучшими отношениями с Германией (из всех держав Тройственного соглашения), оказали бы им содействие, находящееся также и в наших интересах, дабы общими усилиями уладить вопрос об увеличении вооружений.

Конечно, чтобы судить о том, насколько справедлива эта мысль, надо быть в центре, там, где сходятся все нити, т. е. в Петербурге. Привожу ее как, может быть, полезное сведение в общей массе остальных, присылаемых в С.-Петербург. За некоторую ее справедливость говорят факты одновременного почти выступления англичан с такими разговорами, как-то: разговор английского морского министра с капитаном 1 ранга Рейн перед его отъездом в Петербург, мой здешний разговор с здешним морским агентом и сношение английского военного агента в Петербурге с нашим начальником генерального штаба. Последнее сведение имею от моего военного коллеги, которому была прислана весьма секретная копия письма этого агента к генералу Жилинскому [4] и где он говорил о возможности войны

---

[1] Слова: «Откуда у него... осведомленного человека» отчеркнуты, и на полях помета: «Pellé».

[2] Слова: «как англичане» подчеркнуты, и на полях помета: «Похоже на то».

[3] Слова: «в случае войны... не позволят англичане» отчеркнуты, и на полях помета: «Контрибуция!»

[4] Письмо англ. воен. агента Жилинскому не обнаружено.

весной этого года. Все эти выступления англичан по отношению к нам происходили по их инициативе [1].

Пока это все, что я имел доложить вашей светлости по части моих сношений с здешними иностранцами. Обо всех этих переговорах я докладывал каждый раз послу для сведения.

Общее политическое положение здесь сейчас не совсем еще выяснилось, но заметны признаки не совсем обыденного свойства, к каковым относятся:

1) Заявление директора здешнего правительственного банка всем частным банкам ограничить кредитные операции и озаботиться увеличением золотого запаса (такое же распоряжение почти одновременно сделано и в Австрии) [2] и

2) Проект закона по прусским сберегательным кассам, по которому кассы должны не менее 25% вкладов держать в бумагах на предъявителя и из этого числа не менее $^3/_5$ должно быть в государственных бумагах.

Первая из этих мер имеет несомненную цель увеличения золотого запаса в стране и некоторого сокращения промышленной и торговой деятельности. Мера вызвала много толков, и сами немцы находят, что если это было сделано с целью лишь придать финансовому положению большую устойчивость, как это объяснено правительством, то момент выбран не совсем удачно, ибо время нервное, и в этом увидят какое-то приготовление к чему-то необычному. Если принять во внимание, что одновременно та же мера принимается и в Австрии, и если вспомнить события летом прошлого года, когда изъятие с здешнего рынка части английских и французских ценностей сыграло такую роль, придется притти к заключению, что это нечто вроде именуемого «финансовой подготовкой» [3].

Вторая мера имеет целью с одной стороны — поднять курс государственных % бумаг, создав для них круг обязательных покупателей, и с другой — дать большую подвижность громадным капиталам, находящимся в сберегательных кассах (в одной Пруссии около 12 млрд. марок). До сих пор кассы эти увлекались безусловно верным, но долгосрочным и малоподвижным ипотечным кредитом, из-за чего чуть было не произошло затруднений этим летом, когда некоторая паника, повлекшая за собой изъятие лишь всего 2—3 млн. марок, уже чуть было не создала затруднений с выплатой вкладов, бывших в долгосрочных обязательствах, а потому не подлежащих быстрой реализации.

Конечно, каждая из этих мер в отдельности не представляет еще особых симптомов, но взятые вместе они указывают на заботу, направленную к поднятию курса, к образованию золотого запаса и к подготовке финансового положения не к совсем обыкновенным условиям.

Подробности этих финансовых мероприятий здешний финансовый агент одновременно с сим доносит министру финансов.

Из посылаемого вместе с настоящим письмом моего рапорта за №....[4] ваша светлость увидите, что военное министерство заказало недавно сразу 49 аэропланов со сроком сдачи 1 мая [н. ст.] с. г.; такой цифры до сих пор в единовременных заказах этого министерства не встречалось [5].

Донося о всем вышеизложенном вашей светлости, считаю долгом добавить, что до сих пор еще не имеется сведений об окончательной форме, в которую вылились давно оповещенные и ожидаемые проекты усиления армии и флота. Их обещались передать рейхстагу сейчас же по его созыве, но с тех пор прошло уже $1^1/_2$ месяца, и все-таки обещание не исполнено. Причиной этому может служить несколько

---

[1] Слова: «Последнее сведение... по их инициативе» отчеркнуты, и на полях помета: «Прошу доложить подполковнику Базарову, надо быть осторожнее в открытии источника сведений».

[2] Против слов: «Заявление директора... в Австрии» помета: «Доносил ли нам об этом подполковник Базаров? Что-то не помню». Под пометой неизвестной рукой написано: «Рапорт полк. Базарова [1 марта] 17 февраля, № 74». (В указанном рапорте Базаров говорит о «финансовой подготовке» в Германии. Содержание рапорта в основном изложено в публикуемом документе).

[3] Против слов: «придется притти... финансовой подготовкой» помета: «Несомненно».

[4] Пропуск в оригинале.

[5] Против этого абзаца помета: «Также есть ли донесение подполковника Базарова?». Неизвестной рукой написано: «Не было».

обстоятельств, но в какой мере каждое из них влияло на задержку проектов утверждать трудно. Во-первых, открытым остается еще вопрос об источнике покрытия расходов, вызываемых проектами: консерваторы и центр заявили, что они не согласны на проведение налога с наследств, на который с самого начала указывалось, как на самый справедливый источник, всеми остальными партиями рейхстага и большинством общественного мнения. И это — несмотря на торжественное заверение консерваторов после марокккского инцидента, что они ничего не пожалеют на усиление военной силы. Тогда правительство само заявило в рейхстаге, что этого налога оно проводить не собирается и вместе с тем подтвердило еще раз неоднократно высказывавшийся им и раньше взгляд: никаких новых расходов без соответствующего источника для их покрытия и при этом без новых займов (конечно, по возможности). Говорили одно время о введении нового налога на оборотные капиталы промышленных и торговых предприятий, но вряд ли это возможно, ибо такой проект, несомненно, встретит упорное и сильное сопротивление среди заинтересованных кругов, которые многочисленны и пользуются большим влиянием. За самое последнее время начали говорить о покрытии этих расходов ожидающимся от завершения бюджета остатком (по расчетам — около 200 млн. марок), но этот остаток еще в будущем и сколько получится в действительности — никому неизвестно, министру же финансов очень хочется употребить их на погашение государственного долга.

Таким образом, ни сумма, ни источник ее покрытия пока еще не установлены.

Во-вторых, пока еще неизвестна раскладка новых расходов между армией и флотом. В этом отношении, за то время, что идут слухи об усилении военной силы (приблизительно с ноября), замечается постепенное изменение взглядов. Вначале шли разговоры почти исключительно о мерах для усиления *флота*, обсуждались различные возможные комбинации в этой области, и величина расходов указывалась от 60 до 80 млн. марок. Затем постепенно начали усиливаться голоса за необходимость усиления *армии*, начали появляться статьи, доказывающие, что сила и могущество Германии создались на суше и что главная задача ее теперь — сохранить на должной высоте сухопутную силу, как доминирующую; создался в прошлом месяце «военный ферейн», ведущий усиленную пропаганду в пользу усиления на первом месте армии. Идя по этому пути, дошли, наконец, до того, что теперь начинают уже говорить главным образом про усиление армии, флот же отошел на второй план. Раньше говорили про создание двух новых армейских корпусов: одного на нашей и другого — на французской границах; теперь же говорят, что на одной французской будет два и один — на нашей.

Доношу о видимом ходе этих проектов столь подробно вашей светлости с целью показать, что здесь сейчас идет столь знакомая и нам внутренняя борьба между военным, морским и финансовым ведомствами, в которую пущены в ход все средства: партийная агитация, специальная агитация (ферейны), пресса и т. д.[1].

Имея в виду эту еще не законченную борьбу, можно полагать также, что англичане, пугая нас, быть может, рассчитывают, что мы примем свои меры против возможных случайностей, которые при нашем теперешнем положении могут, конечно, носить лишь почти исключительно сухопутный характер, а это даст повод немцам еще больше настаивать на усилении их армии и им меньше останется на флот, — что англичанам и требовалось.

Из проектов здешнего морского усиления упорно держится слух о создании 3-й активной эскадры и увеличении числа подводных лодок; к этому некоторые прибавляют ассигнование (ежегодное) средств на постройку $^1/_2$ дредноута с тем, чтобы к году завершения закона о флоте их иметь 3 лишних.

Донося о всем вышеизложенном, прошу вашу светлость принять и пр.[2].

Капитан 2-го ранга Беренс.

---

[1] Против слов: «Доношу о... пресса и т. д.» помета: «Нам об этой борьбе ничего неизвестно». Под этой пометой неизвестной рукой написано: «Газетные вырезки представлялись».

[2] Позднее, в рапорте от 29/16 марта за № 390, Беренс сообщал Ливену, что англ. морской агент пригласил его в пос-во «переговорить о делах». Во время разговора, посвященного

Приложение.

Вопросы, переданные мне английским морским агентом в Берлине капитаном 2 ранга Watson, на которые английскому адмиралтейству было бы желательно получить ответы [1]:

1) ? Extraordinary activity at Kiel, Wilhelmshaven, Danzig, the private Firms and Admiralstab, preparations for ship-building.

2) Schichaus, Elbing — rumours of Torpedo boats being laid down in Autumn 1911. State of progress, if true.

3) ? N, of Submarines building.

4) Armement of «Kaiserin». Also of 1911 Battleships & Cruisers J. and K.

5) 35,5 cm. guns, what is state of manufacture, how many completed & what length.

6) ? Has German Admiralty officially announced that 2 of the 3 Vessels (E. Hagen, E. Aegir, E. Odin) cannot be completed until end of 1913.

7) Dates of laying down: — E. Odin, E. Aegir, E. Hagen, the 1911 Battleships. Cruiser K., E. Condor, E. Geier, E. Seeadler, Torpedo boats V. 1 to 6 and G. 7 to 12.

8) Any information on Submarine School at Kiel, and as to the housing, berthing, etc. of the crews of the Submarine Flotilla.

9) Is there a branch establishment at Cuxhaven or at Wilhelmshaven? If the boats go to these places what vessel acts as convoy?

10) Any information as to position from where Naval Recruits have been obtained last 3 years, giving Numbers of Boys, Volunteers and Conscripts, or percentages of them.

11) Mining-description of Mines and Mooring apparatus, size of Mooring-Wire.

12) Sweeping-Size of Wire Sweeps — Nature of Boats used.

13) Where were the position and dispositions of the German Fleet in 1911 during the so-called crises of July (latter part), August & September?

14) Where were 2 River-Gunboats recently sent to China (in Sections)?

15) What are dimensions of «Friedrich der Grosse» — class, and what purpose is the extra tonnage intended to be put to?

16) Any information regarding Naval Aviation policy. As to reported aviation School at Danzig, is any one in charge of it or as Instructor?

Перевод.

1) ? Чрезвычайная деятельность в Киле, Вильгельмсгафене, Данциге, частные фирмы и адмиральский штаб, подготовка к судостроению.

2) Шихау, Эльбинг — слухи о закладке миноносцев осенью 1911 г. В каком положении, если верно.

3) ? №, строящихся подводных лодок.

германскому законопроекту об усилении армии и флота, англ. морской агент «передал известие, полученное им, как он выразился, от лица, очень близко стоящего к канцлеру и которому он безусловно доверяет. Известие заключается в том, что 28 августа прошлого года германский флот находился в полной готовности и имел приказание по условному сигналу итти в Аббердин. Так как мирного такого посещения делать не предполагалось, и о нем Англии ничего не было известно, то, как выразился мой коллега, — это была бы война. Мне это известие показалось маловероятным, что я ему и высказал, ибо, если бы Германия действительно собиралась воевать, то все же не понятна цель именно такого начала войны. На это мне было отвечено, что известие совершенно верно и заслуживает полного доверия, цель же им, так [же] как [и] Англии тоже сейчас не ясна, но что ему поручено министерством выяснить положение германского флота перед 28 августа и в этот день и вообще постараться разобраться в этом вопросе. Англичанин теперь занят собиранием материала и просил меня ему помочь». Это известие, по словам Беренса, было передано ему строго доверительно, так как о нем «агент доложил лишь послу и не рассказывал остальным членам посольства и никому из здешних своих иностранных коллег также ничего не говорил».

[1] Заголовок оригинала.

4) Вооружение «Kaiserin». Также — боевых судов и крейсеров 1911 г. J. и K.
5) 35,5 см. пушки, в каком положении изготовление, сколько сделано и какая длина.
6) ? Объявляло ли официально германское адмиралтейство, что 2 из 3 судов (Э. Гаген, Э. Эгир, Э. Один) не могут быть закончены ранее конца 1913 г.
7) Даты закладки: — Э. Один, Э. Эгир, Э. Гаген, боевых судов 1911 г., крейсера K., Э. Кондор, Э. Гейер, Э. Зеeадлер, миноносцев V. 1 по 6 и G. 7 по 12.
8) Всякие сведения о подводной школе в Киле, о помещениях, местах стоянки и т. д. экипажей подводной флотилии.
9) Имеется ли филиальное учреждение в Куксгафене или Вильгельмсгафене? Если лодки ходят в эти пункты, то какое судно служит для их конвоя?
10) Всякие сведения относительно источников, из которых были получены рекруты для флота за последние 3 года, с указанием количества новобранцев, добровольцев или призывников, или их процентного отношения.
11) Минирование — описание мин и заградительных аппаратов, размер минрепов.
12) Траление — размер тралловых сетей — характер применяемых судов.
13) Где находились позиции и места расположения германского флота во время так называемых июльского (его последней части), августовского и сентябрьского кризисов?
14) Где находились 2 речные канонерки, недавно отправленные в Китай (в разобранном виде)?
15) Каковы размеры класса «Фридрих Великий» и для какой цели предназначен дополнительный тоннаж?
16) Всякие сведения относительно политики в области морской авиации. Относительно сообщений о данцигской авиационной школе, заведует ли кто-либо ею или состоит в качестве инструктора?

№ 556. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 198. 28/15 февраля 1912 г.
Срочно.

Французский посланник доверительно сообщил мне, что управляющий министерством финансов в Пекине обратился к четверному синдикату с предложением заключить государственный заем для текущих надобностей как северных, так и южных провинций; на первых порах понадобится шесть миллионов лан взноса, распределенных на несколько месяцев. Маржери по собственной инициативе поручил представителю французской группы, на случай обсуждения условий займа с китайцами, отклонять всякие гарантии, которые могли бы касаться Манчжурии, Монголии и Китайского Туркестана. Донося об этом деле в Париж, посланник добавил о желательности, ввиду прежнего обмена мнений между императорским и французским правительствами, выяснить вопрос, примут ли Россия и Япония участие в упомянутом займе. Наконец, в качестве личного мнения, Маржери высказал мне, что ввиду политического значения, которое могут принять переговоры между группами, если бы Россия и Япония приняли бы в них участие, было бы желательно окончательно установить, что мы официально признаем за русскую группу, кем она будет представлена и под чьим ответственным контролем будут вестись подобные переговоры, если бы они были начаты.

Щекин.

№ 557. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 145. 29/16 февраля 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Письмом от [27] 14 с. февраля, № 171[1], ваше высокопревосходительство просите меня сообщить, не встречается ли с моей стороны препятствий к тому, чтобы императорское правительство согласилось на упоминание о Русско-азиатском банке в контракте на проектируемый китайский заем, и чтобы контракт этот был представлен нашей миссии в Пекине.

[1] См. № 548.

Прежде чем ответить на этот вопрос, считаю долгом несколько осветить занятое нами по отношению денежных ссуд китайцам положение.

Взяв за основание нашей политики по отношению событий в Китае соблюдение строгого нейтралитета, мы последовательно настаивали на том, чтобы борющимся там партиям было отказываемо в иностранных займах. Еще в недавнее время, уже после отречения дайцинской династии, мы, в согласии с высказанным вами мнением, выступили с предложением, чтобы великобританское правительство воспротивилось заключению Гонконг-Шанхайским банком китайского займа [1]. В то же время однако, имея сведения о мелких ссудах, выдаваемых китайцам некоторыми японскими и германскими фирмами, мы не сочли возможным тормозить совершение такого же рода незначительной финансовой сделки синдикатом Русско-азиатского банка, поставив условием, чтобы она носила частный характер и чтобы русское имя не было официально связано с нею.

Ныне постановка вопроса совершенно изменяется: речь идет уже о заключении Русско-азиатским банком, главою синдиката, официального контракта на большой заем с временным китайским правительством, причем этот контракт должен быть явлен в подлежащих дипломатических миссиях в Пекине, в том числе и у нашего поверенного в делах.

Что же случилось, чтобы оправдать такую перемену? Правление Русско-азиатского банка указывает на факт отречения династии и на компромисс, установившийся между Юань Ши-каем и нанкинским революционным правительством. Однако нам неизвестно, насколько этот компромисс окончателен и можно ли с уверенностью утверждать, что попытка Юань Ши-кая упрочиться в качестве главы нового китайского правительства не потерпит неудачи. Не говоря об этом, следует иметь в виду, что это правительство еще не признано державами и признание его предполагается обставить некоторыми политическими условиями, гарантирующими принадлежащие иностранцам в Китае общие капитуляционные права. Приходится спросить себя, какие шансы на успех будут иметь настояния на этих гарантиях, если китайцы уже ныне, до образования правительства, обеспечат себе крупный заем у банкиров одной из групп европейских держав и таким образом, с одной стороны, достигнут их разъединения, с другой стороны — устранят самое важное для них неудобство непризнания: затруднительность заключения займов.

Между банкирами в Пекине, очевидно, идет состязание о том, кто заручится будущим китайским займом. Китайцы очень ловко пользуются этим соперничеством и ведут зараз переговоры и с четверным синдикатом и с синдикатом Русско-азиатского банка. Из прилагаемой при сем копии секретной телеграммы поверенного в делах в Пекине вы изволите усмотреть, что первый из этих двух синдикатов получил уже предупреждение английского правительства о нежелательности заключения китайского займа, в котором не приняли бы участия Россия и Япония [2]. Доля этого участия, которая будет нам предложена, едва ли удовлетворит нас. Однако я не могу не видеть в этом факте орудия для дальнейшего затруднения китайцам получения ссуд за границей. Едва ли можно сомневаться, с другой стороны, что английское правительство, осведомившись о переговорах Русско-азиатского банка относительно китайского займа, изменит свой образ действий и окажет дипломатическую поддержку четверному синдикату, дабы этот заем достался последнему. Это будет иметь последствием дальнейшее состязание между обоими синдикатами, которые будут все более и более понижать свои требования и тем компрометировать политическое положение держав в Китае.

Из прилагаемой при сем в копии секретной телеграммы статского советника Щекина от [27] 14 с. февраля, № 196 [3], ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что он относится отрицательно к проекту китайского займа, выдвину-

---

[1] См. № 466 и стр. 128, прим. 2.

[2] Имеется в виду тел. Щекина от 27/14 февр. за № 197, в основном изложенная в публикуемом документе.

[3] Тел. Щекина от 27/14 февр. за № 196 в основном изложена в публикуемом документе.

тому Русско-азиатским банком, как к неимеющему никаких шансов на успех, иначе как в связи с нашей дипломатической деятельностью в Китае. Между тем с политической точки зрения усиливать правительство Юань Ши-кая, от которого нам предстоит получить признание наших особых прав в северных областях Китая, не может входить в наши интересы. Не следует делать себе иллюзий относительно политического значения помощи, которую мы можем оказать Юань Ши-каю в трудную для него минуту безденежья: мы не приобретем этим его расположения и не подвинем разрешения наших задач в Китае. С точки зрения этих задач, для нас несравненно важнее внушить Юань Ши-каю, что он должен считаться с нашими требованиями, что мы можем быть для него опасны. Едва ли предложение ему денег на условиях, постепенно все более и более льготных, послужит к созданию у него такого убеждения.

Из вышеизложенного я прихожу к тому выводу, что для перемены нашей политики в деле китайских займов нет достаточных оснований. Такая перемена свелась бы к жертве частным интересам банкиров нашими государственными интересами на Севере Китая. Не торопиться снабдить Юань Ши-кая нужными ему деньгами следует нам, а итти прежним путем солидарности с прочими державами в этом вопросе [1] и тормозить заключение китайского займа, пока новое правительство Китая не даст нам доказательств своего желания итти навстречу нашим законным требованиям. Поэтому мне кажется предпочтительным оставить за происходящими в Пекине переговорами характер частной сделки Китайско-бельгийского банка, в которой Русско-азиатский банк не принимает официального участия и к которой российское правительство и его дипломатический агент не имеют касательства.

Ход событий может, конечно, привести к тому, что будущий китайский заем будет заключен с четверным синдикатом. Но и ныне нельзя с уверенностью рассчитывать на то, что он выпадет на долю Русско-азиатского банка. Шансы на успех последнего во всяком случае не уменьшатся от отсрочки переговоров о большом китайском займе, которую я считаю желательной по изложенным мною соображениям.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 558. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 29/16 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Поездка лорда Холдена в Берлин хотя и состоялась внезапным образом, но по словам г. Пуанкаре не явилась совершенным сюрпризом для французского правительства, которое уже с некоторых пор было осведомлено о взаимном желании как германских, так и английских руководящих государственных людей найти способ ослабить опасную натянутость англо-германских отношений. Если, тем не менее, на первых порах здесь и ощутили некоторую нервность по поводу этой поездки, публичное заявление английского правительства, что она ни в коем случае не может отразиться на прочности политических связей Англии с Францией и Россией [3] и что как парижский, так и петербургский кабинеты будут вполне осведомлены о ее результате, насколько я могу судить, окончательно рассеяло это чувство. С тех пор г. Пуанкаре, как мне известно, получил несколько сообщений от французского посла в Лондоне о существе разговоров между лордом Холденом и германскими министрами. Сведения эти вполне сходятся с тем, что сообщено вам в телеграммах графа Бенкендорфа [4]. В разговорах были затронуты вопросы

[1] Далее зачеркнуто: «дабы заключение займа явилось для китайцев вознаграждением за признание за державами их законных требований гарантировать соблюдение их прав».
[2] Опубл. М., стр. 163.
[3] См. стр. 148, прим. 4.
[4] См. №№ 434 и 458.

о морских вооружениях, о Багдадской железной дороге, о некоторых колониальных делах и, наконец, об общем характере отношений Англии к Германии, России и Франции. Ни по одному из этих вопросов не только не состоялось, но даже не намечено конкретного соглашения; наиболее затруднительный вопрос — о морских вооружениях — повидимому ни на шаг не подвинулся вперед. Тем не менее, из разговоров обе стороны вынесли благоприятное впечатление и убеждение в возможности и желательности продолжать обмен мыслей.

Г. Пуанкаре высказал мне, что французское правительство может лишь приветствовать настоящую попытку Англии и Германии установить между собой более нормальные отношения и что попытка эта не вызывает, с французской стороны, ни малейших опасений или сомнений в полной лойяльности английского правительства. Опасаться следует скорее возможной неудачи переговоров, после которой может наступить еще большее обострение англо-германских отношений, а следовательно, новая угроза европейскому миру. Заявления г. Пуанкаре кажутся мне совершенно искренними и, со своей стороны, я стараюсь укрепить в нем оптимистический взгляд на дело. Не могу однако не отметить, что в здешних военных кругах господствует несколько иной взгляд, а именно, военные опасаются, что если между Англией и Германией состоится соглашение о прекращении или, по крайней мере, ослаблении соревнования в деле увеличения флотов, германское правительство обратит удвоенные средства на усиление армии, что должно вызвать соответственные меры со стороны Франции и России. Что касается французской печати, она сохранила по настоящему поводу вполне хладнокровный и благоразумный тон, а биржа приветствовала переговоры повышательным движением.

Примите и пр.

Извольский.

№ 559. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 29/16 февраля 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

В официальном письме моем о разговоре касательно вашего проекта медиации [2] я несколько смягчил высказанное мне г. Пуанкаре неудовольствие на одновременное сообщение этого плана в Париж, Берлин и Вену. Не могу однако скрыть от вас, что в тоне его звучала нота несомненного раздражения и что он несколько раз и с большой настойчивостью возвращался к необходимости предварительного установления в подобных случаях общей точки зрения между Петербургом и Парижем. По тому же поводу г. Пуанкаре несколько раз спрашивал меня, что мне известно о происходившем, судя по газетам и получаемым им из других источников сведениям, обмене мыслей между вами и венским кабинетом о балканских делах; при этом он еще раз напомнил мне о своей готовности в каждую минуту вступить с нами в разговор об этих делах и дал мне понять, что он ожидал бы с нашей стороны такого же осведомления о наших переговорах с Веной, какое он получил от лондонского кабинета после поездки лорда Холдена в Берлин. Пишу вам все это с полной откровенностью, ибо мне кажется, что для нас весьма важно сохранить и укрепить заявленные мне г. Пуанкаре, при вступлении к власти, намерения. Нынешний председатель совета и министр иностранных дел — весьма крупная личность, и кабинет его является наиболее сильной комбинацией за длительный ряд годов.

Насколько при гг. Крупи и де Сельве было бесплодно разговаривать с Францией об общеполитических вопросах, настолько при нынешнем составе французского правительства подобные разговоры не только полезны, но и необходимы. Кроме того, насколько я мог заметить, г. Пуанкаре, обладая крупными достоинствами, в то же время чрезвычайно самолюбив и весьма сильно воспринимает

[1] Опубл. М., стр. 161.
[2] См. № 553.

всякое, по его мнению, пренебрежение его участием или мнением. На этой почве у него с Титтони происходят весьма чувствительные трения. Ко мне он относится с большой предупредительностью и с видимым желанием как можно чаще и подробнее со мной беседовать. Между тем по многим вопросам, не исключая самых животрепещущих, я иногда нахожусь в полном неведении, что ставит меня перед ним в затруднительное, и даже смешное положение. Так, например, с самого начала новейших критских осложнений я не получил из Петербурга *буквально* ни одного сообщения; мне абсолютно неизвестны происходившие и происходящие между державами-покровительницами переговоры, неизвестно даже о предложенной сэром Э. Греем программе действий, повидимому, принятой в Петербурге [1]. Между тем Пуанкаре постоянно возвращается к этому вопросу, спрашивает моего мнения, и мне приходится говорить ему, что я абсолютно не осведомлен о точке зрения русского правительства. Если принять в соображение, что Жорж Луи не всегда очень точно передает то, что ему говорится в Петербурге, я не понимаю, почему вы предпочитаете вести разговоры с Парижем об этом вопросе через него, а не через меня.

В заключение должен рассказать вам следующую неправдоподобную, но тем не менее вполне достоверную историю: в Париж только что возвратилась из Персии некая графиня Клермон-Тоннер (Comtesse de Clermont-Tonnerre), сопровождавшая в его походе экс-шаха, или точнее брата его, принца Салара. Дама эта, известная здесь своей эксцентричностью и различными экзотическими приключениями, повидимому, увлеклась идеей реставрации Мохамеда-Али, а по другой версии — личностью принца Салара и неотлучно находилась в лагере последнего во время последних событий; она уверяет, что ссудила экс-шаху четыреста тысяч франков, которые она получила от заклада принадлежащего ей в Париже дома. (Графиня Клермон-Тоннер была замужем за известным фабрикантом шампанского c-te Chaudon de Biailles, но рассталась с ним и носит свое девичье имя). Лично я с ней еще не встречался, но она часто бывает у некоторых моих знакомых и пропагандирует в их салонах реставрацию Мохамеда-Али. Таким образом получается разгадка вопроса, откуда экс-шах достал денег на начало своей экспедиции.

Сердечно радуюсь приходящим сюда вестям о хорошем состоянии вашего здоровья. Дай бог вам сил на продолжение вашей тяжелой работы.

Искренне преданный вам

Извольский.

№ 560. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [2]. 29/16 февраля 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В письме к вашему высокопревосходительству от 16/3 февраля мин. года [3] я имел честь высказаться за желательность установления более тесных и непосредственных сношений между главными морскими штабами России и Франции. Здешний морской агент наш писал в том же смысле своему начальству. Ныне капитан 1 ранга Карцов, возвратившийся на-днях из Петербурга, сообщил мне, что вышесказанная мысль встретила полнейшее одобрение со стороны морского министра. По словам капитана Карцова, адмирал Григорович имел случай, путем устного обмена мыслей с вами, удостовериться, что и министерство иностранных дел относится к сказанному предположению вполне сочувственно. Ныне капи-

[1] См. № 525.
[2] Опубл. М., стр. 162.
[3] В письме от 16/3 февр. 1911 г. (опубл. М., стр. 34) Извольский сообщал о своей беседе с Пишоном относительно обмена мнений между высшим воен. командованием Франции и Англии. По словам Извольского, Пишон согласился с ним, что было бы весьма полезно держать росс. ген. штаб в курсе этих совещаний. В заключение Извольский писал, что росс. морской агент в Париже капитан 2 ранга Погуляев в пространном рапорте обращал внимание росс. морского м-ва на желательность установления непосредственной связи между росс. и франц. морскими ген. штабами.

тану Карцову поручено войти в доверительные сношения с французским морским министром, дабы, с одной стороны, обеспечить русскому морскому агенту в Париже более тесное общение с отдельными органами здешнего морского министерства, а с другой — подготовить приезд сюда нового начальника нашего главного морского штаба. При этом капитан Карцов просил меня оказать содействие к выполнению возложенного на него поручения путем соответствующих разговоров с председателем совета министров и морским министром. Я ответил капитану Карцову, что искренне сочувствуя намеченной цели, я однако затрудняюсь вступить в переговоры с французскими министрами о столь важном и щекотливом вопросе, не имея на то указаний от вашего высокопревосходительства. Ввиду вышеизложенного позволяю себе покорнейше просить вас уведомить меня, как вы относитесь к возложенному на капитана Карцова поручению, и могу ли я выступить с соответствующими заявлениями пред гг. Пуанкаре и Делькассе.

Примите и пр.

Извольский.

Желательно.

Царское Село, [3 марта] 19 февраля 1912 г.

№ 561. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 15. 29/16 февраля 1912 г.

В Лондоне и Париже повидимому возникло необъяснимое недоразумение по поводу jus procedendi в вашем предложении. Английский и французский коллеги не получили ожидаемых указаний. Германский и австрийский послы, отрицавшие получение инструкций, воспользовались этим обстоятельством, чтобы сделать попытку обратить общественное мнение в пользу Тройственного союза. Они, как я узнал из частного источника, доверительно сообщили вчера вечером министру иностранных дел, что им поручено поддержать почин России [1].

Долгорукий.

№ 562. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 16. 29/16 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму от [19] 6 февраля № 10 [2].

Грей сообщил английскому послу копию с его циркулярного обращения к великим державам [3], имеющего целью получить от Италии новое обещание не предпринимать военных действий против Дарданелл, дабы турки не минировали их. Считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, что общественное мнение Италии, весьма щепетильное в настоящую минуту, встретило бы крайне враждебно подобное выступление держав. Последнее казалось бы мне к тому же излишним, если Австрия уже успела единолично сделать такой шаг [4].

Долгорукий.

---

[1] В тел. от 1 марта/17 февр. за № 17 Долгорукий просил Сазонова «повлиять в Лондоне и Париже на ускорение высылки послам в Риме инструкций». «Дальнейшее промедление, — указывал Долгорукий, — может ослабить благоприятное настроение общества, вызванное вашим почином».

[2] См. № 496.

[3] Ср. № 549 и 550.

[4] Ср. стр. 201, прим. 1. В ответной тел. от 2 марта/18 февр. за № 326 Сазонов сообщал: «Я отношусь вполне отрицательно к предположению о выступлении, которое имело бы характер ограничения свободы военных действий Италии, и высказался в этом смысле перед английским послом». В тел. от 2 марта/18 февр. за № 89 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен сообщил Грею, что Сазонов не может согласиться на вышеуказанное выступление: «Он думает, что Италия отнесется к этому шагу крайне неодобрительно, а он стремится сохранить с ней лучшие отношения, так как она имеет большое значение в качестве противовеса Австрии на Балканах».

№ 563. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

/. Письмо. 29/16 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тотчас по получении письма вашего высокопревосходительства от [22] 9 сего февраля за № 81 [1] по вопросу о посредничестве между Италией и Турцией, я не преминул отправиться к австро-венгерскому министру иностранных дел и высказаться перед ним в предписанном мне смысле, передав ему вместе с тем, согласно заключавшемуся в секретной телеграмме от 24/11 февраля № 285 [1] указанию, копию с меморандума, врученного вашим высокопревосходительством великобританскому послу при высочайшем дворе 21/8 февраля.

Как я имел честь донести секретной телеграммой от 25/12 февраля за № 21 [2], граф Берхтольд, выслушав мое сообщение и ознакомившись с содержанием меморандума, прежде всего сказал мне, что он принципиально относится с живейшим сочувствием ко всякому шагу, имеющему целью посредничество между Италией и Турцией, а потому с радостью приветствует и настоящую попытку в этом направлении. Министр затем прибавил, что для определенного ответа ему необходимо предварительно основательно обдумать наше предложение, но что при первом взгляде на него он не может скрыть своего опасения, чтобы успеху дела не помешала совершенная неприемлемость для Турции итальянского декрета о присоединении Триполи к Италии. Я обратил тогда внимание моего собеседника, что наш меморандум имеет именно в виду избежать прямого разрешения этого деликатного вопроса и что способ к этому был в свое время указан вашим высокопревосходительством в первом вашем предложении о посредничестве, сделанном два месяца тому назад [3]. Министр возразил на это, что он все же питает сомнение относительно возможности успешно обойти камень преткновения, который представляет из себя вопрос о провозглашении итальянского суверенитета над Триполи. В заключение он сказал мне, что по зрелом размышлении он сообщит свой ответ вашему высокопревосходительству через австро-венгерского посла в С.-Петербурге.

Как я узнал от здешнего великобританского посла, видевшего графа Берхтольда на следующий день после вышеизложенного моего посещения, министр говорил сэру Фэрфаксу Картрайту о нашем предложении, причем упомянул, что находит его недостаточно определенным, а потому намерен попросить у нас сообщения более подробных соображений по этому вопросу.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 564. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 134. 29/16 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на №№ 18 [4] и 325 князя Дабижа [5]. Телеграфирую ему:

Вам конечно не следует быть посредником в корреспонденции Мохамед-Алишаха с местным населением. По моему мнению, вам надлежит сообщить бестующим, что их бест причиняет убытки русско-подданным, а потому все меры правительства для восстановления порядка в Мешеде будут пользоваться нашим сочувствием. Вы можете также объявить манифестантам, что отряд наш находится

---

[1] См. стр. 165, прим. 4.

[2] Содержание тел. от 25/12 февр. за № 21 исчерпывается публикуемым документом.

[3] См. № 275.

[4] См. № 541.

[5] Тел. от 28/15 февр. за № 325 Дабижа сообщал Поклевскому (копия Сазонову), что «монархисты начали перестреливаться с конституционалистами» и что местные власти бессильны гарантировать в городе порядок. «На-днях, — сообщал далее Дабижа, — пуля пролетела мимо офицера, делавшего съемку; возможно предположение, что выстрел был произведен по нем».

в Мешеде для поддержания спокойствия в городе, а потому всякие акты насилия с их стороны будут подавлены нами военной силой. Эту угрозу, в случае крайней необходимости, пришлось бы применить и на деле. Так как, по примеру других городов Персии, я убежден, что серьезная агитация в пользу Мохамед-Али-шаха могла развиться лишь в надежде на содействие генерального консульства и поддержку наших войск, то опасность беспорядков должна уменьшиться, как только все убедятся в том, что вы искренне следуете полученным от императорского правительства указаниям. Способ воздействия на хорошо известных генеральному консульству манифестантов, вроде Юсуф-хана, предоставляю вашему усмотрению. Имейте также в виду, что нашему отряду следует всячески избегать вооруженного столкновения с правительственными войсками.

Поклевский.

№ 565. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

1 марта/17 февраля 1912 г.

Тотчас по получении телеграммы статского советника Шебунина № 11 [1] и еще до возвращения представленной на высочайшее воззрение копии с нее с пометой вашего императорского величества я вошел в сношение с морским ведомством для выяснения вопроса о возможности для крейсера «Авроры» прибыть в случае нужды в критские воды.

По сведениям главного морского штаба, крейсер «Аврора» мог бы прибыть из Виллафранки к острову Криту в пятидневный срок, если бы на то последовало высочайшее вашего императорского величества соизволение.

К сему обязуюсь присовокупить, что великобританское правительство настаивает на желательности морской демонстрации в критских водах и послало уже, так же как и французское правительство, два крупных судна в воды острова [2].

Сазонов.

На короткое время согласен. По-моему, лучше послать д в а хороших крейсера из Севастополя. Это со всех точек зрения наилучшее решение вопроса.

Царское Село, [1 марта] 17 февраля 1912 г. [3]

№ 566. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

У. Телеграмма № 316. 1 марта/17 февраля 1912 г.

Телеграмма № 25 получена [4].

Не уясняю себе, вследствие каких обстоятельств наш меморандум, одновременно сообщенный во все посольства, стал известен французам позднее, чем в Вене и Лондоне

Луи был все время в курсе предварительных моих объяснений по этому вопросу.

---

[1] Тел. от 25/12 февр. за № 11 Шебунин запрашивал Сазонова, не считает ли он возможным задержать пребывание крейсера «Аврора» в Средиземном море в связи с открытием 6 марта/22 февр. революционного собрания в Канее. На этой тел. имеется помета Николая II: «Очень нежелательно. У Англии целая эскадра. Царское Село, [26] 13 февраля 1912 г.».

[2] Тел. от 5 марта/21 февр. за № 23 Шебунин сообщал Сазонову о прибытии в критские воды трех англ. крейсеров и одного французского.

[3] На черновом отпуске имеется помета чернилами: «О высочайшем соизволении на отправку крейсера «Авроры» в критские воды сообщено по телефону начальнику главного морского штаба [2 марта] 18 февраля 1912 г.».

[4] См. № 553 и прим. 2 к нему.

Еще менее уясняю себе основания несогласия Пуанкаре с предложенным мной modus procedendi. Его поправка, не устраняя нисколько риска простого отказа со стороны Турции, риска, в котором и я отдаю себе ясный отчет, имеет существенную невыгоду задерживать дальнейший ход дела и расстраивать не легко достигнутое единомыслие пяти держав, чего мы никак не ожидали именно от Франции. Не разделяю и ставшего ныне известным мнения Пуанкаре, будто предварительный запрос Италии о ее условиях равносилен принятию державами ее стороны в споре; скорее — напротив, ибо делается это с намерением сразу же поставить на вид Турции возможные для нее компенсации прекращения военных действий.

Благоволите по содержанию вышеизложенного объясниться с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать в возможно скором времени [1].

Сазонов.

№ 567. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 216. 1 марта/17 февраля 1912 г.
Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Николаевич,

Ознакомившись с приложенной к секретному письму вашего высокопревосходительства от [29] 16 сего февраля за № 887 телеграммой наместника его императорского величества на Кавказе по вопросу об отозвании казвинского отряда [2], я не признаю возможным согласиться со взглядами на дело графа Воронцова-Дашкова. Присутствие наших войск в названном городе, всего в нескольких переходах от Тегерана, несомненно, составляет угрозу для неблагонадежных элементов в столице. Персы очень хорошо знают, что наш отряд, в случае надобности, может быть двинут в Тегеран по первому требованию нашего посланника.

Засим, ввиду категорического заявления действительного статского советника Поклевского-Козелл о нежелательности отозвания в настоящее время нашего отряда из Казвина [3], я не беру на себя высказываться за немедленную полную эвакуацию этого пункта и полагаю попрежнему, что уход оттуда наших войск должен совершиться с такой постепенностью, чтобы в Казвине еще возможно дольше оставалось количество их, достаточное для нравственного воздействия на тегеранских демократов. Что касается до осуществления этого на практике, то лучше всего, по моему мнению, было бы предоставить решение вопроса, как именно произвести эвакуацию, соглашению нашего посланника с начальником отряда.

Передавая об изложенном, считаю долгом присовокупить, что на всеподданнейшем моем докладе [4], при котором повергнута была на всемилостивейшее благовоззрение телеграмма действительного статского советника Поклевского-Козелл от [21] 8 февраля за № 114, о нежелательности отозвания отряда, его император-

---

[1] Тел. от 2 марта/18 февр. за № 325 Сазонов предписывал Бенкендорфу: «Ввиду выраженного лондонским кабинетом согласия на предложенный мной modus procedendi благоволите вызвать скорейшие инструкции великобританскому послу в Риме по этому предмету». В ответной тел. от 3 марта/19 февр. за № 59 Бенкендорф высказывал опасение, что произошло недоразумение: Никольсон не говорил о безусловном согласии на предложение Сазонова (см. стр. 203, прим. 6), а выражал готовность принять его в случае согласия остальных держав; в настоящий же момент франц. прав-вом выдвинуто новое предложение, из чего явствует, что Франция не приняла modus procedendi, предложенный Сазоновым. Бенкендорф просил разъяснений.

[2] При письме от 29/16 февр. за № 887 Коковцов препровождал Сазонову тел. Воронцова-Дашкова от 27/14 февр. за № 2015, в которой последний, сомневаясь в «умеряющем влиянии на тегеранские неблагонадежные элементы стояния нашего отряда в Казвине, не имеющего, по мнению персов, права двинуться на Тегеран», настаивал на отозвании казвинского отряда. Указывая далее, что стоянка отряда в Казвине «стоит государству дорого, а как угроза не имеет значения», Воронцов-Дашков запрашивал указаний.

[3] См. № 513.

[4] Имеется в виду докладная записка Сазонова Николаю II от 24/11 февр., передававшая содержание тел. Поклевского за № 114 (см. № 513).

скому величеству благоугодно было начертать: «Конечно на месте лучше можно оценить обстановку» [1].

Примите и пр. Сазонов.

№ 568. Запись беседы министра иностранных дел с японским послом в Петербурге Мотоно.

1 марта/17 февраля 1912 г.

[1 марта] 17 февраля 1912 г. японский посол, посетив гофмейстера Сазонова, сообщил, что его правительство против приглашения держав к заявлению китайскому правительству, одновременно с его признанием, что они будут отстаивать свои специальные интересы в Китае [2]. Японское правительство выступает перед державами с предложением обусловить признание нового китайского правительства гарантиями соблюдения общих прав и привилегий иностранцев и считает неудобным осложнять этот вопрос упоминанием о специальных интересах.

Гофмейстер Сазонов ответил барону Мотоно, что в таком случае он изберет другой путь для напоминания о русских специальных правах и интересах в Китае и намерен включить упоминание о них в декларацию, которую ему, вероятно, предстоит сделать в Государственной думе, причем полагает указать на солидарность императорского и японского правительств в делах Манчжурии. По его мнению было бы полезно, чтобы японский министр иностранных дел также воспользовался случаем, чтобы заявить перед японским парламентом о солидарности России и Японии в защите их положения в Манчжурии.

Японский посол выразил полную готовность рекомендовать своему правительству такое выступление, которое он также считает весьма своевременным и полезным.

№ 569. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 8. 1 марта/17 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я не преминул по получении секретной телеграммы вашего высокопревосходительства от 24/11 февраля с. г.[3] сговориться по содержанию ее с здешними представителями держав-покровительниц острова Крита; при этом нами совместно выработан был меморандум, копию с коего имею честь у сего приложить [4].

На следующий же день, 27/14 сего февраля, этот меморандум был вручен, каждым из нас в отдельности, статс-секретарю по иностранным делам.

Хотя г. Кидерлен-Вехтер уже имел возможность ознакомиться с нашим предложением, так как английский поверенный в делах вручил ему меморандум несколькими часами ранее, чем французский посол и я, статс-секретарь воздержался от выражения своего мнения по затронутому четырьмя державами столь важному вопросу и только обещал, изучив вопрос, дать нам через два-три дня письменный ответ. Ответ этот однако по сие время нами получен не был [5].

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

---

[1] Тел. от 4 марта/22 февр. за № 357 Сазонов передавал Поклевскому, что Коковцов известил Воронцова-Дашкова «о желательности постепенной эвакуации Казвина, причем предложено предоставить решение вопроса о порядке ухода оттуда наших войск соглашению между вами и начальником отряда».

[2] См. № 537.

[3] См. № 530.

[4] В указанном меморандуме были развиты положения тел. Сазонова от 24/11 февр. за № 288 (см. № 530).

[5] Тел. от 5 марта/21 февр. за № 19 Остен-Сакен сообщал Сазонову: «Статс-секретарь передал мне сейчас меморандум следующего содержания: сохраняя точку зрения, высказанную в сообщении 1898 года, германское правительство считает возможным заняться крит-

№ 570. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 9. 1 марта/17 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Итало-турецкая война продолжает живо интересовать общественное мнение Германии, причем попрежнему симпатии находятся здесь не на стороне союзной державы. Как на новое проявление такого отношения к Италии, можно указать на почти полное отсутствие комментариев здешней прессы к действительно импозантной патриотической демонстрации в римских представительных собраниях [1]. Здешние органы печати, дающие всегда подробную оценку зачастую даже незначительных проявлений политической жизни за границей, нашли возможным в этом случае ограничиться помещением на своих столбцах сообщений римских корреспондентов с отчетами о заседаниях палаты депутатов и сената. Отметила это событие в сочувственных выражениях лишь «Hamburger Nachrichten», которая проводит параллель между единодушным взрывом патриотических чувств в Италии и внутренним разладом политической жизни в Оттоманской империи. «Мы поздравляем правительство и народ союзной нам страны, — говорит старый орган князя Бисмарка, — с такой твердостью и решимостью, которые импонируют даже несочувственно относящимся к самому триполитанскому предприятию».

Обсуждая мотивировку итальянского правительства, газета высказывает уверенность, что намек о возможном занятии Триполи другой державой несомненно относится к Англии. В заключение «Hamburger Nachrichten» выражает надежду, что Турция проникнется этими соображениями и протянет Италии руку для соглашения.

Такой симпатичный по отношению к Италии отзыв, как я уже заметил, является единственным. Почти все другие газеты молчат, или же пользуются случаем в нескольких словах уменьшить впечатление римской демонстрации.

Не отметив неприятного для себя единодушия в Италии, здешняя пресса заполняет свои столбцы комментариями о бомбардировке Бейрута [2], причем, как и можно было ожидать, выражает порицание этому новому выступлению Италии.

В заключение считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на телеграмму из Берлина в «Kölnische Zeitung», в газетной вырезке у сего препровождаемую [3], так как телеграммы эти имеют обыкновенно официозный характер. Отмечая, что демонстрации в римском парламенте представляют крупный интерес и вне пределов Италии, она заявляет, что при такой единодушной готовности нести новые жертвы, чужое посредничество в настоящей войне казалось бы менее чем когда-либо уместным.

Не могу не заметить, что такое мнение, высказываемое официозным органом, мало согласуется с готовностью, встреченной мной у г. Кидерлен-Вехтера, дать инструкции германскому послу в Риме действовать в смысле вашего предложения, о чем я не преминул поставить ваше высокопревосходительство в известность секретной телеграммой от 24/11 февраля с. г. за № 17 [4].

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

скими делами, лишь если [бы] дело коснулось изменения международного положения острова. Однако берлинский кабинет не откажется, когда обстоятельства того потребуют, принять участие в обмене мнений между шестью державами, но только по вопросу сохранения мира между Грецией и Турцией». На этой тел. против слов: «когда обстоятельства того потребуют» имеется помета Николая II: «Когда уже будет поздно. Царское Село, [7 марта] 23 февраля 1912 г.».

[1] 22/9 февр. на первом заседании открывшейся сессии итал. палаты депутатов было постановлено послать приветствие армии и флоту.

[2] См. стр. 190, прим. 5.

[3] Приложение не воспроизводится.

[4] См. № 532.

№ 571. Военный агент в Германии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 73 [1]. 1 марта/17 февраля 1912 г.
Секретно.

Вследствие препровожденной мне выписки из рапорта военного агента в Великобритании [2] я имел между прочим разговор с здешним французским военным агентом полковником Pellé, хорошо осведомленным в вопросах военно-политического характера по отношению к Германии, благодаря продолжительному пребыванию в Берлине в должности военного агента.

Обоюдный обмен мнений привел нас к следующим заключениям.

Во время марокккского кризиса нападки германской печати и настроение различных слоев германского общества против Франции были несравненно острее, чем в настоящее время. Не менее сильные, чем против Франции, нападки против Англии прекратились в прессе, — несомненно по распоряжению свыше, — со времени приезда в Берлин английского генерала Haldane.

Хотя никаких особенных «враждебных порывов» против Франции в настоящее время более не замечается, тем не менее не подлежит сомнению, что политически развитые слои общества, а также армия глубоко затаили чувство обиды как против Франции, так, в особенности, и против Англии, нанесенной немецкому самолюбию развитием марокккского вопроса.

Создавшаяся в Европе политическая группировка держав, желание закончить организацию своих сухопутных вооруженных сил и достигнуть наиболее выгодного соотношения морских сил заставили Германию пойти почти до предела возможных уступок. Между тем политическая обстановка, несмотря на попытки Германии притти к некоторому соглашению с Англией, пока мало изменилась. Поэтому, опасаясь поражения, а может, и полного уничтожения своего флота, при становящемся все более и более вероятным столкновении своем с Англией, Германия принуждена искать компенсации в победоносной войне с Францией, на средства которой (контрибуция) она надеется построить новый флот.

Таким образом разрыв с Англией, инициатива которого в ближайшем, по крайней мере, будущем, повидимому, может исходить лишь со стороны последней, косвенно поведет к объявлению войны Германией Франции.

Результат происходящих, повидимому, и в настоящее еще время между Германией и Англией тайных переговоров, предметом которых несомненно служит также и вопрос о дальнейшем развитии морского могущества обеих стран, а главное ожидаемое в самом недалеком времени внесение германским правительством в рейхстаг новых Heeres-und Flottenvorlagen [3], должны пролить свет на политическую обстановку ближайшего будущего.

Что касается вопроса о выгодности для Германии начать войну среди зимы или во время весенней в приграничных областях России распутицы, то он заслуживает несомненного интереса. Ввиду большей привычки немцев к холоду по сравнению с французами и, наоборот, большей выносливости французов по отношению к жаре, немцам выгоднее начать кампанию в зимнее время года, тем более, что на западном своем фронте они не встретят особых затруднений в отношении проходимости дорог, даже в самое ненастное время года. Кроме того, при нанесении главного удара против Франции и оборонительном характере операций на русском фронте, особенно выгодным для немцев моментом для открытия кампании следует признать время перед наступлением весенней распутицы в пределах северной части варшавского военного округа. Наконец, с точки зрения климатических условий и состояния грунтовых путей необходимо также принять во внимание предполагаемый способ действий австрийцев и особенности этого последнего театра.

В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXIV, стр. 179.
[2] Возможно, имеется в виду рапорт Ермолова за № 3. См. № 357.
[3] «военного и морского бюджетов».

В то же время несомненно, что ни император, ни, безусловно, большая часть германского народа в *данное время* войны не желает. В случае, однако, сознания полной неизбежности ее более чем вероятно, что начало военных действий последует именно со стороны Германии, которая только внезапностью может рассчитывать до известной степени уравновесить шансы успеха борьбы с английским флотом и обеспечить за собой преимущество исходного положения для борьбы против Франции. Организация военно-сухопутных и морских сил Германии дает полную к тому возможность.

Генерального штаба полковник Базаров.

№ 572. Морской агент в Германии начальнику морского генерального штаба Ливену.

Донесение № 369[1]. 1 марта/17 февраля 1912 г.
Конфиденциально.

Когда мое письмо к вашей светлости было уже закончено (№ 364) [2], появились дополнительные сведения о проектах усиления военной силы Германии, исходящие на этот раз уже из союзного совета, а потому имеющие большую достоверность.

По этим сведениям морским министерством испрашивается: 180 млн. марок на постройку в течение 6 лет лишних против закона о флоте трех больших судов (неизвестно, линейных кораблей или броненосных крейсеров), причем из них 90 млн. марок — в экстраординарный бюджет. На активирование 3-й эскадры испрашивается ежегодно 15 млн. марок. Всего по 1917 г. морским министерством испрашивается лишних 270 млн. марок.

Военное министерство исчислило свой расход на ближайшие 6 лет в 420 млн. марок, по 70 млн. в год. В среднем ежегодный добавочный расход, вызываемый обоими проектами, исчисляется в 115 миллионов.

Относительно источников покрытия этих расходов до сих пор ничего определенного нет.

Капитан 2-го ранга Беренс.

№ 573. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Депеша № 9. 1 марта/17 февраля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В письме к вашему высокопревосходительству от [1 февраля] 19 числа прошлого января месяца императорский посол в Париже, отдавая отчет о своей беседе с г. Палеологом касательно политического положения на Ближнем Востоке, приводит отзыв своего собеседника о роли Румынии в соглашении, состоявшемся, будто бы, между Болгарией и Австро-Венгрией [3]. Г. Палеолог видит доказательство соглашения в перемене, наступившей в отношениях между Болгарией и Румынией; правительство последней заявило Болгарии, по внушению, будто бы, венского кабинета, что оно не связано никакими обязательствами с Турцией насчет возможных выступлений софийского правительства и готово обсудить с Болгарией различные могущие возникнуть случайности.

Мне неоднократно уже приходилось доносить об отношениях Румынии к Болгарии, основанных на чувствах опасения и некоторой зависти с румынской стороны. Отношения эти обострялись при возникновении случайных между обоими королевствами инцидентов, но в общем за последние годы, при министерствах Братиану и Карпа, носили с формальной стороны вполне дружественный характер.

В вопросе о роли Румынии в случае возникновения осложнений между Турцией и Болгарией мною не замечается никакой перемены во взглядах румынских

[1] Маш. копия.
[2] См. № 555.
[3] См. № 414.

правящих сфер. Они, как при приезде моем в Румынию девять лет тому назад, так и теперь, руководствуются не столько желанием сохранения целости Оттоманской империи, сколько опасением нарушения равновесия на Балканском полуострове в ущерб румынским интересам в случае усиления Болгарии. Они мечтают в таковом случае принудить последнюю восстановить равновесие путем соответствующих уступок в пользу Румынии.

До сих пор, насколько мне известно, румыны никогда точно не высказывали болгарам, в чем будут состоять их требования, тем более, что размер этих требований будет зависеть от обстоятельств. Более определенно обнаруживались румынские вожделения в бытность министром иностранных дел покойного генерала Лаговари, когда выставлялась, в частных беседах, необходимость округления южной Добруджи.

За последний год Румыния неоднократно давала Болгарии уверения в том, что она не связана с Турцией военной конвенцией. В последний раз подобные уверения были даны в весьма категорической форме как в Софии, так и болгарскому представителю в Бухаресте около шести недель тому назад, что отчасти совпадает по времени с беседой А. П. Извольского с г. Палеологом.

У меня нет никаких данных, указывающих, что эти уверения были внушены венским кабинетом.

Пока Румыния не придет к соглашению с Болгарией, она, несомненно, будет упорно отстаивать сохранение status quo на Балканах. В этом смысле, т. е. в смысле желательности сохранения status quo, румынское ведомство иностранных дел постоянно высказывается пред иностранными представителями в Бухаресте.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 574. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 30. 1 марта/17 февраля 1912 г.

На-днях начнется трассировка шоссейного пути от Грахова, близ австрийской границы, до Трубела в направлении Никшича. Постройка этого шоссе, верст 30 длиной, будет сдана на-днях с торгов, участками. От Никшича до Кусидо шоссе уже существует, а от Кусидо до Трубела в настоящее время разрабатывается казенным способом. Все шоссе Грахово — Никшич предположено закончить к началу сентября с. г. Строится оно за счет австрийского правительства, по негласному соглашению, заключенному Австрией с Черногорией в октябре прошлого года. Стоимость около 450 000 крон. Австрийцы уже имеют шоссе от Рисано на Катаррском заливе до черногорской границы против Грахова, а от границы до Грахова уже имеется черногорское шоссе. Таким образом, осенью сего года будет готов сплошной шоссейный путь от австрийского порта Рисано до Никшича, центра Черногории. Австрийцы приобретают право автомобильного движения от Рисано чрез Никшич до Подгорицы.

Шоссе Рисано — Никшич имеет, правда, некоторое торговое значение для местного населения, но зато должно значительно подорвать ввоз чрез черногорский порт Антивари. Кроме того, по мнению полковника артиллерии Рачинского, этот путь крайне опасен для Черногории в стратегическом отношении, и это известно самим черногорцам: австрийский форт Дврсник господствует над Грахово и этим шоссе, при входе последнего в пределы Черногории. Одна австрийская дивизия, даже при наличности сопротивления, может в два дня достичь по нему Никшича, а при внезапном нападении — захватить этот город даже в один день почти без выстрела. К сожалению, я незнаком также с мнением нашего военного агента в Черногории генерал-майора Потапова, находящегося в отпуску. Подробности курьером [11 марта] 27 февраля [1].

Миллер.

[1] Деп. от 8 марта/24 февр. за № 12, посвященной подробному изложению этого вопроса, Б. Миллер передал свою беседу с черног. м-ром финансов и путей сообщения Ерго-

№ 575. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 204. 1 марта/17 февраля 1912 г.
Срочно.

Шанхайские газеты опубликовали текст соглашения о займе, подписанном Русско-азиатским банком с нанкинским правительством [1]. На запрос японского посланника я ответил, что дело шло о предварительных переговорах с банком, и что последний без разрешения императорского правительства не может заключать подобных сделок. Позволяю себе доложить, что ввиду крайне осложняющегося положения и во избежание весьма прискорбных последствий, необходимо положить предел самостоятельной деятельности банка и Гойера, не дающих себе отчета ни в существующей обстановке, ни в том, что они делают [2].

Щекин.

№ 576. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 12 [3]. 1 марта/17 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прибытие в Пекин нанкинской депутации [4], несомненно, увеличило шансы на соглашение между Юань Ши-каем и южанами, следовательно и на образование коалиционного временного правительства. Здесь было сделано все, начиная с момента торжественной встречи, устроенной депутатам, чтобы подчеркнуть оптимистические надежды, питавшиеся в Пекине; особенно настойчиво проводилась эта тенденция в кругах, близких к Юань Ши-каю, заверявших, что он пойдет на всевозможные уступки нанкинцам, лишь бы достигнуть объединения. В частности относительно наиболее непримиримого из республиканских вождей, Хуан-Сина, был пущен слух, что Юань готов предоставить ему пост военного министра в формируемом временном правительстве. Казалось, таким образом, что при обнаруживаемой китайцами удивительной способности к взаимным уступкам и компромиссам и под давлением как страха перед иностранным вмешательством, так и чувства растущего бессилия — соглашение будет скоро достигнуто. Впрочем, со стороны южан продолжали настойчиво говорить о поездке Юань Ши-кая в Нанкин, как о непременном условии принятия власти и образования коалиционного правительства, тем более что Юг с самого начала отказывался признать какое-либо значение за полномочиями, предоставленными Юаню указом об отречении императора [5]. Эта точка зрения отражает настроение очень влиятельной на Юге группы.

вичем, который, по его словам, «считается убежденным австрофилом». «Г. Ергович по собственному почину заговорил о стратегическом значении этой дороги и высказал следующего рода мысли: Правда, против соединения Грахова с Никшичем заявлялись стратегические соображения и опасения, как бы она не облегчила военного проникновения австрийцев внутрь Черногории. Но, повидимому, теперь эти стратегические соображения отчасти забыты, отчасти уже не представляют прежнего значения; повидимому, черногорское правительство пришло к убеждению, что все равно граница с Австрией в критический для Черногории момент не может быть защищена силой, и что вообще судьба Черногории в роковой для нее час решится не силой ее оружия, а дипломатическим путем «где-нибудь в Берлине за зеленым столом» (как буквально выразился г. Ергович)». В заключение Миллер высказывал предположение о существовании общеполитического соглашения между Австро-Венгрией и Черногорией.

[1] См. №№ 518 и 543.

[2] Дополнительной тел. от 2 марта/18 февр. за № 208 Щекин передавал запрос франц. посланника относительно полученных им от Тан Шао-и сведений, что последний «ведет с Гойером переговоры о займе, одно из условий коего предоставляет Русско-азиатскому банку преимущественное право по выпуску будущих займов Китая». Щекин, по его словам, ответил, что ему ничего неизвестно об этих переговорах. В этой же тел. он сообщал, что «четверной синдикат выдал китайцам аванс в 2 000 000 лан в счет проектируемого займа».

[3] Частично опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 142.

[4] См. № 523.

[5] См. №№ 454 и 455.

Не успели однако переговоры с прибывшими в Пекин делегатами принять сколько-либо определенный характер, как признаки общего разложения и анархии, неоднократно уже отмечавшиеся в моих донесениях, стали обнаруживаться с особенной яркостью не только почти повсеместно в провинциях, но и в самом Пекине. Беспорядки, сопровождавшиеся серьезными грабежами, учиненные частями недавно прибывшей из Манчжурии третьей дивизии, вечером и в ночь с [29] 16 на [1 марта] 17 февраля, о которых я имел честь донести телеграммами за №№ 202 [1] и 203 [2], являются, несомненно, весьма грозным признаком. Участие хэнаньских солдат из личных войск Юань Ши-кая является лучшим объяснением, почему против бесчинствовавших нижних чинов не было принято никаких мер: истинной причиной такого бездействия властей было скорее всего их бессилие, так как трудно допустить в данном случае провокацию, слишком уже рискованную и опасную по своим последствиям. Официальная, придуманная в интересах Юань Ши-кая версия о связи разыгравшихся событий с его поездкой в Нанкин мало кого убедила в Пекине и здесь начинают опасаться, как бы подобные явления не стали повторяться; но эта версия может произвести некоторое впечатление на Юге.

Весь свой истинный смысл пекинские события приобретают, если сопоставить их с общим положением на Севере. В оставшихся верными династии провинциях два губернатора (шэньсийский и синьцзянский) открыто не признали республику и проявляют — особенно первый — довольно воинственное настроение; шэньганьский генерал-губернатор, видимо, проявляет мало склонности к республике. В Манчжурии преданность как Чжао Эрр-сюня, так и губернаторов республике или даже Юань Ши-каю подлежит большому сомнению и единственно лишь страх перед замыслами России и, особенно, Японии уберегает эти области от таких событий, которые были бы равносильны полной анархии. В Шандуне, после высадки в разных пунктах республиканских войск, положение до сих пор не может выясниться, принимая по временам чисто хаотический характер. Монголия фактически автономна, а в остальных провинциях власть и дисциплина расшатаны до крайности; наглядным примером могут служить порядки на Пекин-Ханькоуской железной дороге, занятой северными войсками: когда была сделана попытка восстановить правильное движение, товарные поезда задерживались неоднократно солдатами, которые, в присутствии офицеров, грабили все, что им попадалось под руку, и затем отпускали дальше опустошенный поезд.

Что касается Юга, то недавний военный бунт в Учане, о котором упоминается в телеграмме генерального консула в Ханькоу за № 22 [3], довольно ярко характеризует положение. Последнее теперь вполне обрисовалось: массы населения, проникшиеся убеждением, что республика — это свобода от налогов и сборов; провинции, самостоятельно назначающие и смещающие своих должностных лиц, лишь для сведения уведомляя о том нанкинское правительство, причем в Хубэй-

---

[1] В тел. от 29/16 февр. за № 202 Щекин сообщал следующее: «В половине восьмого вечера возмутившиеся части 3-й дивизии начали грабить и поджигать манчжурский и китайский город. Первая дивизия осталась верна. Пожары приняли большой размер, но опасность кварталу миссий пока не угрожает».

[2] Тел. от 1 марта/17 февр. за № 203 Щекин передавал Сазонову: «Грабежи и поджоги продолжались до 3-х часов ночи при редкой стрельбе». «Не было принято никаких мер к подавлению беспорядков, — заканчивал Щекин, — хотя в них участвовали лишь около 2 000 нижних чинов 3-й дивизии. Поводом послужил перевод этой дивизии с повышенного на нормальное содержание. Установлено участие в грабеже и солдат Юань Ши-кая».

[3] Тел. за № 22 из Ханькоу в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому за этим номером была послана в Пекин тел. Островерхова в м-во ин. дел от 1 марта/17 февр. за № 23, в которой он сообщал, что «возвратившиеся из Сычуани войска бывшей смешанной Учанской бригады, недовольные отстранением их от военного управления, произвели вчера военный бунт против властей военного министерства Хубэйской провинции, обвинив министра Сунь-У и его партию в непотизме и присвоении денег. Командир 2-й дивизии и еще несколько человек убиты, Сунь-У и командир 4-й дивизии скрылись». «Был случай столкновения китайских солдат с полицией на английской концессии».

ской провинции власти эти даже присваивают себе наименование министров по разным отраслям управления; три провинции (Сычуань, Юнань, Гуйчжоу), не признающие никакой правительственной власти; абсолютная неизвестность того, что творится в Тибете и Кукуноре. На фоне этой картины трехсоттысячная республиканская армия, в отношении которой наиболее благоразумные члены нанкинского правительства проникнуты лишь одной мыслью, — достать как-нибудь денег, чтобы удовлетворить добавочным жалованьем, выкупить оружие и распустить по домам большую часть этих весьма опасных элементов, пригодность коих к делу можно сохранять лишь железной дисциплиной, а поддерживать таковую становится все труднее и труднее.

Если прибавить к этому, что провозглашение республики разнуздало самые разнообразные аппетиты и что погоня за местами и за личными выгодами все более и более начинает выдвигаться на первый план, оттесняя первые, быть может, искренние порывы, пока дело шло об устранении почти у всех китайцев одинаково непопулярной манчжурской династии, то положение, по всей справедливости, нельзя не признать внушающим весьма серьезные опасения за будущее. Тем более позволяю себе считать обоснованными сомнения, которые я считал долгом докладывать вашему высокопревосходительству, в способности Юань Ши-кая легко справиться с этим положением. В лучшем для Китая случае, если и может быть достигнуто установление сколько-нибудь прочной власти, то на это потребуется и много усилий и, главное, много времени. Принимая в расчет автономные стремления провинций и племенную вражду к китайцам окраин, нельзя сказать, что в настоящую минуту целость бывшей китайской империи может считаться обеспеченной.

Примите и пр.

Щекин.

№ 577. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

2 марта/18 февраля 1912 г.

The Banks in China of the four Powers — Germany, the United States, France and Great Britain — are combining to make an advance to the provisional Government of seven million taels, of which two millions have been paid to the Government at Nanking already [1]. The security for the advance consists of the ships of the China Merchants Company. His Majesty's Government have expressed their consent to this advance being made on condition that participation in it is offered to Russia and Japan and that it is approved by the Peking Government. The participation of Japan and Russia was not invited in the first instance by the Banks, because they considered this to be a political question in which they were not concerned and that it was incumbent on the Governments interested to take the initiative in regard to it. The agreement can however still be adjusted so as to admit the two Powers. His Majesty's representative at Peking has accordingly been instructed to join with his French, American and German colleagues in endeavouring to arrange with the Russian Minister and the Japanese Minister that the latter should designate the financial groups which the Russian and the Japanese Governments would wish to cooperate in the loan.

Sir E. Grey would be glad if the Imperial Government would send the necessary instructions to the Russian representative at Peking [2].

---

[1] См. стр. 223, прим. 2.

[2] Дополнительно пам. запиской от 6 марта/22 февр. англ. пос-во в Петербурге сообщило Сазонову, что, по мнению посланников Англии, Франции, Германии и США в Пекине, необходимо немедленно предоставить кит. прав-ву предполагаемый аванс. В связи с этим англ. пос-во просило Сазонова незамедлительно сообщить росс. посланнику в Пекине, какая финансовая группа будет со стороны России участвовать в этом авансе.

Пам. запиской без даты герм. пос-во, присоединяясь к англ. выступлению, также высказало пожелание об участии России и Японии в кит. займе.

Перевод.

Существующие в Китае банки четырех держав — Германии, Соединенных Штатов, Франции и Великобритании — объединяются для выдачи временному правительству аванса в семь миллионов лан, из которых два миллиона уже выплачены нанкинскому правительству. Обеспечением аванса служат суда китайской торговой компании. Правительство его величества выразило свое согласие на то, чтобы этот аванс был предоставлен при условии, чтобы участие в нем было предложено России и Японии и чтобы он был одобрен пекинским правительством. Япония и Россия не были вначале приглашены банками участвовать в авансе потому, что последние рассматривали это, как не касающийся их политический вопрос, и считали, что заинтересованным правительствам надлежало взять на себя инициативу в этом деле. Это соглашение может однако еще быть изменено в смысле допущения обеих держав. Представителю его величества в Пекине даны вследствие этого инструкции совместно с его французским, американским и германским коллегами договориться с российским и японским посланниками о том, чтобы последние указали финансовые группы, участие которых в займе желательно для российского и японского правительств.

Сэр Э. Грей был бы доволен, если бы императорское правительство послало необходимые инструкции российскому представителю в Пекине.

№ 578. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 328. 2 марта/18 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму № 316 [1].

Французский поверенный в делах только-что повторил мне уже известные доводы в пользу предпочтительности предложения Пуанкаре. Имея сведения, что англичане не противятся этому предложению и считая существенно важным проявление единомыслия между державами Согласия, и я готов присоединиться к этому предложению. Передавая об этом Пуанкаре, благоволите однако запросить его, как предполагает он поступить, чтобы заручиться согласием Германии и Австрии на его modus procedendi. Германия, весьма возможно, сошлется на уже данное ею согласие на русское предложение, а проявление разномыслия между Россией и Францией будет несомненно широко использовано и подчеркнуто, особенно в Берлине. О последующем благоволите телеграфировать.

Сазонов.

№ 579. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 26 [2]. 2 марта/18 февраля 1912 г.

Получил телеграмму № 316 [1].

Ваш меморандум, отправленный с кружным курьером, был очевидно получен в Берлине и Вене в субботу [3], а здесь лишь в понедельник. Я же мог видеть Пуанкаре и передал ему меморандум лишь в среду. Надо полагать, что Луи не вполне точно, а может быть, и не вполне беспристрастно передал сюда сущность ваших предварительных объяснений. Смею думать, что если[бы] Пуанкаре был осведомлен об этих объяснениях не через Луи, а через меня, мне, вероятно, удалось бы предотвратить настоящее недоразумение. Пуанкаре, с которым я только-что весьма настойчиво беседовал, продолжает думать, что предложенный вами modus procedendi представляет существенные неудобства. По его сведениям, лондонский кабинет также высказался в пользу единовременных шагов в Риме и Константинополе. Тем не менее он готов не настаивать на своей точке зрения и присоединиться к вашему предложению, если оно будет принято в Лондоне. Он обещал мне тотчас же телеграфировать в этом смысле в Лондон.

Извольский.

---

[1] См. № 566.
[2] Опубл. Stieve, II, S. 53, № 218.
[3] 24/11 февраля.

№ 580. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 18. 2 марта/18 февраля 1912 г.

Исключительно для личного вашего сведения.

Сан-Джулиано просил Баррера повлиять на французского министра иностранных дел, дабы последний не упоминал в речи, которую произнесет, об обещании, данном Италией, — не предпринимать военных действий в Эгейском море [1], подтверждая твердое намерение Италии не давать повода к нарушению мира на Балканах; министр иностранных дел не желает, чтобы подобное заявление было бы использовано против нее, давая Турции повод надеяться, что она может скрываться за Дарданеллами в борьбе с Италией. К тому же оппозиция пользуется подобными данными для нападок на правительство, бездействие которого осуждается общественным мнением. Французский посол телеграфирует в этом духе своему правительству.

Долгорукий.

№ 581. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 210. 2 марта/18 февраля 1912 г.
Срочная.

Значительная часть 2-й дивизии присоединилась в Баодинфу к грабителям и двинулась на Пекин [2]. Ввиду продолжения грабежей в Пекине и опасения, что к ним присоединится вся гвардия, Тан шао-и просит дипломатический корпус решить [3] меры к охране столицы. Заседание дипломатического корпуса сейчас будет обсуждать эти меры [4]. Японский охранный отряд в Пекине, с призывом живущих здесь запасных, достиг 1 300 человек.

Щекин.

№ 582. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

*/. Письмо. 3 марта/19 февраля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Отношение токийского кабинета к сделанному г. Ноксом пребывающим в Вашингтоне представителям держав сообщению, излагавшему взгляд правительства Соединенных Штатов на положение дел в Китае, доложено было мною вашему высокопревосходительству в ряде секретных телеграмм настолько подробно, что мне почти ничего не остается ныне к оным прибавить.

Как я уже имел честь отметить в секретной телеграмме от [13 февраля] 31 января с. г. за № 23 [5], виконт Уцида не придал большого практического значения американскому выступлению и вообще отнюдь не был им потревожен. На мой вопрос, каков будет японский ответ, он сказал мне, что полагает ответить полным

---

[1] См. №№ 64 и 95.

[2] В тел. от 2 марта/18 февр. за № 209 Щекин сообщал, что «грабежи возобновились в восточной и северной части манчжурского города» (см. стр. 224, прим. 1 п 2) и что прибывшие в Баодинфу солдаты 3-й дивизии начали там грабежи. Щекин добавлял, что «движение не имеет политического характера и является продуктом начавшейся анархии. Немногочисленные надежные войска охраняют Юань Ши-кая».

[3] Так в оригинале.

[4] Тел. от 2 марта/18 февр. за № 213 Щекин известил Сазонова, что дипломатический корпус не счел возможным рассмотреть просьбу Тан Шао-и и будет ожидать соответствующего обращения от Юань Ши-кая. Пока же он решил принять «лишь те меры, которые осуществимы с имеющимися международными силами, например, военные прогулки по городу», а также перевести до 1 000 международных войск из Тяньцзиня в Пекин и вызвать в Таку несколько военных судов.

[5] Тел. от 13 февр./31 янв. за № 23 Броневский сообщил Сазонову, что япон. м-р ин. дел «не склонен придавать преувеличенного значения американскому шагу; на это дает право и самая форма, избранная Ноксом, — не прямое обращение к заинтересованным державам, а лишь сообщение им своего ответа германскому послу».

согласием на главное, по его мнению, пожелание американской ноты, заключающееся в том, чтобы державам на случай необходимости охраны в Китае общих всем им интересов придерживаться и общих согласованных действий (concerted actions). Ту часть американского сообщения, которая касалась недозволения займов Китаю, нарушающих нейтральное отношение к обеим враждующим партиям, Уцида полагал оставить в своем ответе без упоминания, так как считал запрещение таких займов неосуществимым ни в Японии, ни даже в самой Америке, от которой означенное предложение исходило. Умолчание это было со стороны японского правительства тем более понятным, что незадолго пред тем стали известны энергичные стремления некоторых японских капиталистов и фирм поместить крупные деньги в различные предприятия в Южном Китае, причем не скрывалось, что часть ссуды предназначается на пополнение оскудевшей революционной казны.

На вопрос, будет ли ответ Японии содержать какие-либо указания на существование у нее в Китае специальных интересов, министр ответил отрицательно, добавив шутя, что не видит нужды говорить в ноте своей о том, о чем не спрашивают. Из сообщенного мною в секретной телеграмме от [19] 6 февраля с. г. за № 29 [1] текста японского ответа стаст-секретарю Ноксу ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что ответ сей находится в полном соответствии с вышеприведенными объяснениями виконта Уцида.

На вопрос других иностранных представителей, каково отношение японского правительства к новому американскому шагу, Уцида, как мне скоро стало известным, отвечал почти всегда в том смысле, что он вполне сочувствует всем провозглашенным в ноте Нокса принципам, но что Япония тем не менее не должна в своих отношениях к Китаю забывать о существовании у нее в Южной Манчжурии специальных интересов первостепенной важности; некоторым он даже в частном разговоре добавлял: «there we ought to have a free hand» [2].

На выраженное вашим высокопревосходительством в секретном телеграфном предписании от [21] 8 сего февраля за № 257 [3] желание знать, в каких именно выражениях японское правительство, передавая в Вашингтон свой официальный ответ, поручило своему представителю дать понять статс-секретарю Ноксу о существовании у Японии специальных интересов в Манчжурии, министр иностранных дел ответил мне письменно обстоятельным конфиденциальным сообщением. Ту часть оного, которая касалась устных упоминаний о специальных японских интересах в Манчжурии, сделанных от своего имени как японским поверенным в делах в Вашингтоне, так и японским послом в Берлине, я не преминул сообщить императорскому министерству секретной телеграммой от [26] 13 сего февраля за № 37 [4]. Ныне имею честь приложить на благовоззрение вашего высокопревосходительства копию сего документа [5].

Когда я имел случай видеть виконта Уцида три дня тому назад, он не сказал мне ничего нового по вопросу, исчерпанному означенным письменным его сообщением, и ограничился лишь тем, что поставил в кратких словах меня в известность относительно данного им на-днях барону Мотоно поручения предложить вашему высокопревосходительству, чтобы предстоящий вопрос о признании будущего китайского республиканского правительства был бы решен всеми заинтересованными державами сообща и одновременно [6]. Он считает это предложение практическим дополнением тех платонических пожеланий, которые высказаны в ноте статс-секретаря Нокса. На мой вопрос, какими державами он ограничивает свое предложение, Уцида сказал, что пока он включает в этот круг лишь наиболее заинтересованные в китайских делах государства, т. е. Россию, Японию,

---

[1] См. № 498.
[2] «там нам надо иметь руки развязанными».
[3] См. № 509.
[4] См. № 542.
[5] Приложение не воспроизводится.
[6] См. № 507.

Англию, Францию, Америку и Германию, но что не видит, со своей стороны, препятствий в случае общего сих держав согласия, к расширению этого круга включением в него хотя бы всех государств, имеющих в Пекине своих дипломатических представителей.

Совершенно неожиданно начавшийся 29/16 февраля в Пекине солдатский бунт, сопровождавшийся грабежами и поджогами [1], дал японской прессе лишний случай выразить все недоверие, питаемое здесь к личности Юань Ши-кая, которого подозревают в организации вспыхнувших беспорядков с целью как доказать невозможность для временного президента предпринять путешествие в Нанкин, так и повлиять на сговорчивость прибывших в Пекин посланцев из Нанкина.

Сегодня в передовых статьях своих оба здешние официоза — «Цюо» и «Japan Times» — делают из пекинских беспорядков следующий вывод: отбрасывая, ввиду их недоказанности, обвинения, возводимые на Юаня, оба названные органа указывают, что как внезапность, с коей возникают в Китае непредвиденные события, так и явная ненадежность даже отборных китайских войск налагают на державы, имеющие в Китае существенные интересы, обязанность самим и заблаговременно принять меры к охране сих интересов; «Цюо» при этом говорит более определенно о выяснившейся необходимости усилить иностранные гарнизоны в Китае; а «Ници-ници» даже помещает в сегодняшнем номере известие, будто на совещании дипломатического корпуса в Пекине 1 марта/17 февраля решено — в случае необходимости — обратиться к Японии за присылкой войск в Северный Китай для охраны там иностранцев.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 583. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 35. 4 марта/20 февраля 1912 г.

Копия в Константинополь.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 28 [2].

Возвратясь из Подгорицы, турецкий посланник посетил сегодня меня и сообщил, что король Николай сказал ему, — и затем снова повторил в присутствии многих свидетелей, — что «Россия [3] настоятельно пригласила его содействовать туркам в поддержании порядка на границе и жить с ними в сердечной дружбе, что это вполне соответствует и его личному желанию, и что он, со своей стороны, сделает все возможное, дабы мир не был нарушаем» [4]. Рустем-бей убежден, что эти заявления его величества произвели на приграничных албанцев самое желательное в смысле соблюдения ими мира впечатление и оказали тем Турции весьма реальную услугу, за которую турецкое правительство искренно признательно императорскому правительству.

Миллер.

---

[1] См. № 576.

[2] Тел. от 28/15 февр. за № 28 Б. Миллер сообщил Сазонову, что король черногорский, пригласив турец. посланника, выехал вместе с ним в Подгорицу, где был назначен учебный офицерский сбор. «Его величество мне высказал, — добавлял Миллер, — что ожидает от своей поездки хорошего впечатления в смысле укрепления добрососедских отношений Черногории с Турцией».

[3] Король Николай был в Петербурге вместе с королевичем Петром с 11 февр./29 янв. по 17/4 февр. 1912 г. Ср. № 246.

[4] Еще раньше, рапортом от 9 февр./27 янв. за № 793, Егорьев (вр. и. д. воен. агента в Цетинье) сообщал в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба, что тотчас после отъезда короля черногорского в Петербург князь Мирко в беседе с ним «говорил о своей любви к России, о том, как он много работал, чтобы заставить короля поехать в Россию, чему, по его словам, противились несколько человек», и в том числе наследник престола. Говоря о своей «бескорыстной любви» к России, князь Мирко указывал, что «другие, между тем, берут из двух карманов (Россия и Австрия) и не делают ничего ни для того, ни для другого».

№ 584. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 4 марта/20 февраля 1912 г.
Частное.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Из сегодняшней моей железнодорожной депеши [1] и из соответственных телеграмм [2] вы увидите, что турки приступают теперь к переговорам об анатолийских линиях в гораздо более примирительном настроении, чем во времена Хакки и Рифаата пашей. Осязательным выражением этой уступчивости является согласие Ассим-бея на ваше предложение обсуждать самое направление (tracé) и порядок постройки (délais de construction) дорог, расположенных на турецкой территории, тогда как до сих пор турки всячески старались избегнуть этого явственного ущерба их суверенным правам.

Из числа различных причин этого выгодного для русских интересов явления позволю себе отметить здесь следующую, уже упомянутую в моей телеграмме № 53 [3]: особое воздействие на Порту в нашу пользу г-на Ревуаль (Mr. Révoil), бывшего французского посла в Мадриде во время Алжесирасской конференции и нынешнего выдающегося директора Оттоманского банка.

Ревуаль, действуя на министра финансов, побудил Порту начать теперешние переговоры и он же, оставаясь строго в пределах финансовой сферы, постарается внушить как французским предпринимателям, так и туркам те полезные нам взгляды, о которых идет речь в моей сегодняшней депеше.

Конечно и Бомпар нам помогает во исполнение нашего протокола [4]. Но ответственность за интересы французских промышленников его видимо озабочивает и потому хорошо бы его теперь несколько подбодрить снабжением из Парижа специальной инструкцией оказывать нам здесь деятельную поддержку (appui actif) при предстоящих окончательных переговорах с Портой по малоазиатскому же-

---

[1] В деп. от 4 марта/20 февр. за № 21 Чарыков, препровождая карту и сводную таблицу проектированных ж.-д. линий, сообщал Сазонову содержание своего разговора с Бомпаром 2 марта/18 февр. о результатах, произведенных в 1911 г. по поручению Самсун-Сивасского синдиката железнодорожных изысканий в северовосточных областях Малой Азии. Сущность этих изысканий, по словам Бомпара, состояла в следующем: вся проектированная сеть составляла 1449 километров, распадалась на 4 участка и должна была стоить всего 570 440 000 франков, причем километровая стоимость дороги повышалась по мере приближения к русской границе. Минимальный срок постройки — 10 лет. Порядок постройки определялся в четыре очереди. 1-я очередь — линия Самсун — Сивас, с ветвью от Туркала до Токата, длиной в 440 километров и стоимостью в 88 млн. фр., т. е. 200 тыс. фр. за один клм.; продолжительность постройки — 4 года; 2-я очередь — продолжение линии Самсун — Сивас до Харпута, с небольшой ветвью до Кебан-Мадена; протяжение — 374 клм., стоимость — 149 600 000 фр., т. е. около 400 тыс. фр. за один клм.; продолжительность постройки — 4 года; магистрали 1-й и 2-й очередей расположены вне сферы русских интересов. 3-я очередь — линия Чалта — Эрзингян — Пекеридж — Эрзерум; протяжение этой линии — 344 клм., стоимость ее — 158 240 000 фр., т. е. 460 тыс. фр. за один клм. Срок постройки — к концу 10-го года от начала первой очереди. 4-я очередь — линия Трапезунд — Ямбусти — Пекеридж, с ветвью Ямбусти — Байбурт. Протяжение — 291 клм., стоимость одного клм. — 600 тыс. фр., продолжительность постройки — 5 лет. Последние 2 магистрали должны были пройти по территории, на которой турец. прав-во обязалось по русско-турец. соглашению 1900 г. не строить железных дорог без предварительного согласия России. Касаясь способов давления на турец. прав-во с целью воспрепятствовать ему построить последние две ж.-д. линии, Чарыков писал: «Я имею основания думать, что с французской стороны будут приложены старания к тому, чтобы сами предприниматели отозвались неблагоприятно о принципиально нежелательных для нас линиях Трапезунд — Эрзерум и Чалта — Эрзингян — Эрзерум, что впрочем видно уже из довольно искусной отсрочки приступа к работам в Транезунде до начала работ за Сивасом. Вместе с тем весьма возможно и финансовое давление французов на Порту в том смысле, что к сумме без малого в 250 млн. фр., необходимой, как установлено выше, для упомянутых участков первых двух очередей, не может быть добавлено дальнейшего займа на следующие участки, без ущерба для турецкого кредита, по крайней мере, до тех пор, пока входящие в первые две очереди линии (Самсун — Сивас — Чалта — Харпут), несомненно, производительные, не начнут проявлять своего благодетельного экономического действия».

[2] См. №№ 464, 497 и 503.

[3] См. № 497.

[4] См. ч. I, стр. 275, прим. 5.

лезнодорожному делу. При отъезде Бомпара из Парижа он не получил от Пуанкаре особой по этому предмету инструкции. Роль же Ревуаля совершенно доверительная и, очевидно, чем меньше о ней будут знать вообще — тем лучше.

На Ассима и Джавида и на военного министра влияет также, как он мне вчера доверил, бывший и будущий великий визирь Хильми-паша. Он постоянно вспоминает свое знакомство с вами и путешествие по России [1], qui fut son chemin de Damas [2] — в смысле веры в Россию и расположения к ней.

Если турки уступят по существу, то надо будет подыскать соответствующую обстоятельствам форму для проектированного соглашения.

Имея в виду, что теперь железнодорожный вопрос обсуждается и решается особняком, а не в составе политического соглашения общего характера, окажется, может быть, предпочтительным придать ему не форму «декларации», а как в 1900 году, — форму обмена нот, текст коих был бы заранее условлен, в связи с контрактами Порты с французскими предпринимателями о «tracé» и сроках.

Это выяснится лишь после ожидаемого ответа Ассим-бея вслед за сообщением ему Джавид-беем результата изысканий.

Пока я тщательно сохраню за сношениями с Ассим-беем теперешний их предварительный и личный характер.

Душевно преданный вам Н. Чарыков.

P. S. Новым, неблагоприятным для нас элементом этого дела является возбуждение Портой снова честеровского проекта, в его последней невыгодной для нас форме. Германцы ему попрежнему противодействуют. Но их влияние слабеет. Вполне возможно, что турки, решившись отказаться от постройки неугодных нам линий в сфере 1900 года, задумают отыграться осуществлением честеровских линий от Диарбекира к Битлису и Вану. А оттуда возможно проведение дороги до Баязида и в сторону Урмии. Бомпар опасается даже, как бы турки не передали американцам всей Самсун-Сивасской сети, при формальном соблюдении уговора 1900 г.

Ut in litteris Чарыков.

№ 585. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 203. 4—3 марта/20—19 февраля 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [29] 16 сего февраля за № 145 [3] ваше превосходительство изволили сообщить мне, что вы не усматриваете оснований для изменения того положения, которое мы заняли в вопросе о заключении Китаем внешних займов, и признаете, по политическим соображениям, необходимым не только не торопиться с предложением Юань Ши-каю денег, но, наоборот, тормозить всякую крупную финансовую сделку. В частности, что касается уже начатых в Пекине бельгийской группой переговоров об авансе, то вы считаете предпочтительным, чтобы в них не принимали участия ни Русско-азиатский банк, ни официальные русские представители.

Вполне присоединяясь к изложенным в письме вашего превосходительства соображениям, я не преминул рекомендовать правлению Русско-азиатского банка принять к руководству предлагаемый вами план действия [4]. Вместе с тем однако

---

[1] См. ч. I, стр. 20, прим. 1.

[2] «которое было его путем в Дамаск».

[3] См. № 557.

[4] Позднее, в письме от 9 марта/25 февр. за № 248, Коковцов сообщал, что правление Русско-азиатского банка «вопреки утверждению ст. сов. Щекина, не только не позволяло себе каких-либо самостоятельных выступлений в Китае, но, наоборот, неизменно руководствовалось теми советами, которые ему давались министерствами финансов и иностранных дел».

я позволяю себе высказать вашему превосходительству, что, на мой взгляд, нам едва ли было бы желательно ограничиваться в данный момент лишь отрицательным отношением ко всяким попыткам совершения финансовых операций для Китая. Мы, как мне кажется, не можем упускать из виду, с одной стороны, того, что иностранные капиталисты, объединившиеся в так называемом «консорциуме», прилагают все усилия к тому, чтобы монополизировать в своих руках будущие кредитные операции, а с другой, что предложения Китаю денег и со стороны «синдиката» лишь создают для Юань Ши-кая особо выгодное положение в отношении обеих конкурирующих сторон. Поэтому, нам необходимо было бы стремиться к использованию создавшегося ныне положения вещей для того, чтобы подвинуть вперед не налаживающиеся доныне переговоры о согласовании действий консорциума и синдиката на будущее время.

По сему поводу обязываюсь пояснить, что если Русско-азиатский банк так настойчиво пытается в последнее время заручиться той или иной финансовой операцией с Китаем, с правом опциона на крупный заем, то объясняется это желанием не захватить в действительности в свои руки монополию в данном деле, а лишь обеспечить себе благоприятную почву для переговоров с международным консорциумом [1]. С этой последней точки зрения следует приветствовать то положение, которое заняли Англия и Франция по отношению к последним выступлениям международного консорциума. Именно, как видно из сообщенных мне вами телеграмм нашего поверенного в делах в Пекине от [27] 14 и [28] 15 сего февраля за №№ 197 [2] и 198 [3], великобританское правительство заявило, что оно считает нежелательным заключение китайского займа консорциумом без участия Японии и России, а французский представитель в Пекине рекомендовал отклонять всякие гарантии, касающиеся Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана. Эти заявления, вероятно, не замедлят оказать умеряющее действие на участников консорциума и, быть может, заставят их искать сближения с синдикатом Русско-азиатского банка.

Возникает поэтому вопрос, на каких именно основаниях можно было бы вести с консорциумом переговоры по этому предмету. Этот вопрос уже неоднократно подвергался обсуждению и в переписке между министерствами иностранных дел и финансов и между соответствующими капиталистами, причем выяснилось, что участники консорциума пока выражают известную готовность лишь допустить Россию и Японию к участию в консорциуме, наравне с другими нациями. Однако такое участие, как я имел уже честь сообщить письмом от [8 декабря] 25 ноября минувшего года за № 821, является для нас весьма невыгодным, так как оно сводится к обеспечению за Россией только $^1/_{24}$ части всех китайских операций [4]. Кроме того, нельзя, как мне кажется, не учитывать и того обстоятельства, что принятие изложенной комбинации сводится к упразднению синдиката Русско-азиатского банка, а между тем с политической точки зрения для нас имело бы, несомненно, важное значение, чтобы Россия выступила во главе самостоятельной группы, а не оказывалась бы в хвосте международных капиталистов в общей их группировке.

Изложенные соображения заставили синдикат Русско-азиатского банка выступить с новым предложением, которое сводится к тому, чтобы взамен объединения консорциума и синдиката в одну группу и распределения всех китайских операций между капиталистами по их национальности, установить деление этих операций пополам между консорциумом и синдикатом. Подробности этой комбинации, а равно расчеты, ее обосновывающие, ваше превосходительство

---

[1] В тел. от 6 марта/22 февр. за № 352 Сазонов, передавая Щекину о распоряжении, посланном Коковцовым Русско-азиатскому банку, сообщал: «Все такого рода переговоры синдиката Русско-азиатского банка являются в наших глазах средством давления для обеспечения более выгодных условий соглашения между названным синдикатом и четверным консорциумом банкиров».

[2] См. № 557 и стр. 210, прим. 2.

[3] См. № 556.

[4] В указанном письме Коковцов не касается этого вопроса (см. ч. I, стр. 251, прим. 1).

изволите усмотреть из прилагаемой при сем выписки из письма директора Banque d'Outremer г. Франки от 26/13 сего февраля [1].

Директор Индо-Китайского банка, г. Симон, которому было сообщено изложенное предложение, выразил согласие поддерживать его в том случае, если русское правительство выступит с этим предложением перед правительством республики.

Со своей стороны я считал бы осуществление такового проекта весьма желательным и покорнейше просил бы не отказать сообщить мне ваше заключение по вопросу о том, не признали ли бы вы возможным войти в соответствующие дипломатические сношения по данному предмету [2].

Вместе с тем было бы необходимо добиться от английского и французского правительств, чтобы они предложили подлежащим банкирам воздерживаться от заключения финансовых операций с Китаем во всяком случае в течение того времени, пока будут происходить переговоры.

В ожидании уведомления о последующем, прошу принять и пр.

В. Коковцов.

№ 586. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 169. 5 марта/21 февраля 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Александрович,

В дополнение к письму моему от вчерашнего числа за № 164 [3] спешу сообщить вашему высокопревосходительству, что председатель совета министров высказал мне желание, чтобы войска, посылка которых могла бы потребоваться в первую очередь для охраны наших интересов в Чжилийской провинции при настоящем тревожном там положении, были выделены из Заамурского округа пограничной стражи.

Статс-секретарь Коковцов уже отдал распоряжение, чтобы три роты названной пограничной стражи, расположенные в Харбине, были готовы к немедленному выступлению на юг по железной дороге.

Полагая, что посылка этих трех рот в настоящую минуту будет достаточной для наших целей, я делаю в этом смысле сношение с нашим поверенным в делах в Пекине [4].

---

[1] Содержание указанного письма Франки в основном изложено в публикуемом документе.

[2] В ответ на запрос Сазонова по этому поводу (тел. от 9 марта/25 февр. за № 375, опубл. М., стр. 542) Извольский тел. от 13 марта/29 февр. за № 36 (опубл. М., стр. 542) сообщил, что за отсутствием Симона он имел объяснение с президентом Индо-Китайского банка Гели д'Уассель, который «высказался безусловно против предположения о разделе будущих китайских займов пополам между четверным консорциумом и синдикатом Русско-азиатского банка». В письме от 14/1 марта (опубл. М., стр. 542) Извольский дополнительно сообщил о заявлении Гели д'Уасселя по вопросу о вхождении России в четверной консорциум, что «если в будущем окажется, что консорциум проявляет в Манчжурии, Монголии и других специально нас интересующих частях Китая враждебную нам деятельность, французская группа будет иметь основание порвать с ним свои связи; при нынешних же обстоятельствах французские банки сделать этого не могут вследствие соображений банковской этики и могущих произойти для них от этого важных финансовых последствий».

[3] Письмом от 4 марта/20 февр. за № 164 Сазонов сообщал Сухомлинову «о бунте китайских войск в Чжилийской провинции» (см. № 581) и просил «ввиду опасности, которой этот бунт грозит проживающим в Пекине и Тяньцзине русским подданным, и общей неуверенности, что правительство Юань Ши-кая сумеет водворить порядок прежде чем пострадают иностранцы, находящиеся в местностях, где происходят эти события», срочно сделать распоряжение о приведении в готовность к немедленному выступлению по первому указанию из Петербурга того отряда, который намечался для отправления в провинцию Чжили.

[4] Тел. от 5 марта/21 февр. за № 344 Сазонов сообщал Щекину: «Ввиду положенного в основание нашей политики по отношению китайского кризиса принципа параллелизма с Японией, мы считаем полезным усилить наш отряд в Чжилийской провинции, чтобы принять более деятельное участие в охране находящихся в Пекине и Тяньцзине иностранцев и сообщения этих городов с морем. С этой целью по первому вашему требованию из Харбина могут быть двинуты в Чжили три роты пограничной стражи».

Считаю однако долгом ныне же предупредить ваше высокопревосходительство, что распространяющаяся в Китае анархия легко может вызвать с нашей стороны дальнейшее усиление наших там воинских отрядов, и что в таком случае посылка туда полевых войск сделается неизбежной. Я не премину в случае наступления таких обстоятельств войти в соответствующее сношение как с вами, так и с председателем совета министров.

Примите и пр. Сазонов.

№ 587. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 87. 5 марта/21 февраля 1912 г.

Порта разослала циркулярную ноту, предупреждающую посольства и миссии, что с завтрашнего дня, [6 марта] 22 февраля, следование ночью через Дарданеллы воспрещено всем торговым судам. Министр иностранных дел мотивировал в разговоре со мной это распоряжение ожиданием итальянского нападения на Дарданеллы. Он добавил, что контактные мины готовы к погружению в проливе и что в таком случае торговым судам будут предоставляемы лоцманы. Но министр дал мне положительные уверения, что погружение произойдет только в случае действительного приближения итальянского флота к Дарданеллам. Объявленная мера отразится на срочных почтовых пароходах некоторым замедлением в прибытии в Смирну и в получении довольствия. Оборонительные меры в Дарданеллах закончены, и турецкие военные круги уверены в своем успехе в случае появления здесь итальянцев.

Чарыков.

№ 588. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 88 [1]. 5 марта/21 февраля 1912 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 53 [2] и экспедицию, которую получите в пятницу [3].

Последняя содержит сообщенные мне французским послом результаты прошлогодних изысканий относительно направления, порядка, сроков и стоимости постройки линий железнодорожной сети Черного моря и мое заключение. Вчера министр иностранных дел, повторив оговорку о предварительном и личном характере теперешнего нашего обмена мыслей по малоазиатскому железнодорожному вопросу, дал мне, по совещании с министром общественных работ, следующий ответ на мое сообщение, упомянутое в телеграмме № 53. 1. — Турецкое правительство принимает предложенную нами основу переговоров по означенному вопросу, именно: prise en considération des intérêts commerciaux communs des deux Etats [4]. 2. — Относительно направления tracé и порядка постройки (délais de construction) желания турецкого правительства следующие: 1) Сивас—Самсун—Диврик, 2) Диврик—Эрзингян—Эрзерум, 3) Диврик—Харпут, 4) Трапезунд—Пекеридж на магистраль Эрзингян—Эрзерум. Минимальный срок окончания всей сети — 8 лет. Министр добавил, что Порта ведет по этому предмету переговоры с группой французских предпринимателей. В заключение министр заявил, что Турция согласна на смычку (raccordement) турецкой и русской сети в направлении Сагалыга, между Эрзерумом и Карсом. Ассим-бей сообщил вышеизложенное также французскому послу, прося его дружественного посредничества и поддержки. Из разговоров по этому делу с Ассим-беем и министрами общественных работ и военным посол вынес впечатление, что турки

[1] Опубл. Siebert, II, S. 321, № 570.
[2] См. № 497.
[3] См. № 584 и прим. 1 к нему.
[4] «принимая во внимание общие коммерческие интересы обоих правительств».

очень удручены и ожидают с нашей стороны сильного противодействия. Для меня ясно, что теперешний кабинет настолько желает скорейшего окончания этого дела, что не дождался сообщения с французской стороны результатов изысканий, и что заявленные теперь желания являются максимальными, с которых Порте придется сбавить то, что мы сочтем приемлемым. Он открыл нам возможность на этом настаивать, приняв за основу переговоров наше начало: prise en considération des intérêts commerciaux communs. Согласие же на смычку линий между Карсом и Эрзерумом, чего Турция очень боится, дает нам новое средство для давления на них [1] теперь, а в будущем для обеспечения нашего торгового преобладания в восточной части Анатолии. Упоминание о переговорах с французскими предпринимателями подтверждает решение Порты предоставить им, а не кому-либо иному рассматриваемую сеть. К этому принуждает турок их финансовое положение и необходимость искать поддержки держав Тройственного согласия. Доклад французских предпринимателей будет, благодаря весьма доверительному сочувственному нам воздействию Ревуаля, очень пессимистичен, в особенности в финансовом отношении, и укажет Порте необходимость разбить сеть на несколько очередей, причем надлежать будет воздержаться от постройки линии к востоку от магистрали Самсун — Сивас — Харпут, или, по крайней мере к востоку от Эрзингяна, и в особенности не строить линии Трапезунд — Эрзерум, пока названная магистраль не станет доходной и не начнет проявлять своего благодетельного экономического воздействия. Доклад этот последует дней через 10. Смею думать, что для нас было бы желательно выждать полезных результатов оного, прежде чем формулировать ответ на вчерашнее сообщение министра иностранных дел.

Подробности следующим пароходом.

Чарыков.

№ 589. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

№ Телеграмма № 153. 5 марта/21 февраля 1912 г.
Срочная.

Ссылаюсь на телеграмму Дабижи № 21 [2].

Из донесения Дабижи, мне кажется, нельзя еще заключить, что офицеры наши подверглись умышленному обстрелу. Принятие же предложенных мер, которые не были нами применены ни в Тавризе ни в Реште, пока не оправдывается обстоятельствами. Притом виновниками беспорядков в Мешеде являются бестующие в мечети, против которых, по словам Дабижи, никакие меры невозможны, а потому военное положение было бы нами применено к мирной и послушной правительству части города. Ввиду вышеизложенного, я считал бы желательным предписать Дабиже избегать столкновений между нашими войсками и населением, обсудить совместно с губернатором меры к скорейшему восстановлению порядка в городе и произвести самостоятельное расследование случаев обстрела наших офицеров с тем, чтобы к обнаруженным виновным была затем применена персидскими властями высшая мера наказания.

Поклевский.

---

[1] Так в оригинале.

[2] Тел. от 4 марта/20 февр. за № 21 Дабижа сообщил Поклевскому (копия Сазонову), что ночью сотник Шостак, возвращаясь от управляющего банком Супрунова, «подвергся в поле вблизи городской стены обстрелу из засады нескольких персов». Так как в тот же день у Супрунова находился генерал Редько, то по мнению Дабижи, «возможно думать, что засада предназначалась против генерала». Указывая далее, что в городе продолжается перестрелка и что власти вряд ли смогут восстановить порядок, Дабижа сообщал: «Манифестанты продолжают сидеть в Бесте, откуда власти их удалить, конечно, не могут. Нахожу необходимым немедля взять власть в наши руки и объявить город на военном положении; других средств к установлению порядка не вижу, почему прошу дать распоряжение в этом смысле, иначе не могу отвечать ни за какие последствия».

№ 590. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Долгорукому.

·/· Телеграмма № 349. 6 марта/22 февраля 1912 г.

Сообщается в Афины и Канею (для личного сведения).

Я высказался пред послами держав-покровительниц в смысле высказанного Венизелосом пожелания, чтобы к оккупации было приступлено никак не раньше времени выборов и в качестве крайней меры воздействия [1].

Сазонов.

№ 591. Министр иностранных дел послам в Берлине, Париже, Лондоне и Вашингтоне — Остен-Сакену, Извольскому, Бенкендорфу и Бахметеву.

·/· Телеграмма № 350 [2]. 6 марта/22 февраля 1912 г.

Сообщается поверенным в делах в Токио и Пекине.

Le gouvernement auprès duquel vous êtes accrédité aura été saisi de la proposition japonaise de profiter du moment de la reconnaissance du nouveau gouvernement chinois pour assurer l'intégrité des droits, privilèges et immunités dont tous les étrangers jouissent en Chine tant en vertu de traités que par suite d'usages établis [3]. Le Japon suggère par conséquent que les Puissances devraient se mettre d'accord pour ne reconnaître le nouveau gouvernement qu'après en avoir obtenu des garanties suffisantes de la sauvegarde de leurs intérêts communs.

Cette proposition nous a été également faite par l'ambassadeur du Japon, et nous y avons donné notre consentement [4].

En communiquant ce qui précède au ministère des affaires étrangères, veuillez lui laisser comprendre que la Russie a dans la Mandchourie du Nord, en Mongolie et dans l'Ouest chinois des intérêts et des droits spéciaux, basés sur ses traités et conventions avec la Chine. Tout en approuvant l'idée d'une action commune des Puissances en tant qu'elle vise la défense de leurs intérêts généraux en Chine, nous devons nous réserver, par rapport à nos droits et nos intérêts spéciaux dans lesdites régions, la liberté de prendre telles mesures de protection dont la nécessité nous pourrait être imposée.

[Sazonow.]

Перевод.

Сообщается поверенным в делах в Токио и Пекине.

Правительству, при котором вы аккредитованы, вероятно сделано со стороны Японии предложение воспользоваться моментом признания нового китайского правительства, чтобы обеспечить неприкосновенность прав, привилегий и льгот, которыми все иностранцы пользуются в Китае как в силу договоров, так и в результате установившихся обычаев. В соответствии с этим Япония высказывается в том смысле, что державы должны были бы договориться между собой признать новое правительство лишь по получении от него достаточных гарантий для ограждения их общих интересов.

Это предложение было сделано японским послом и нам, и мы выразили на него свое согласие.

Сообщая вышеизложенное в министерство иностранных дел, благоволите дать понять, что Россия имеет в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае специальные интересы и права, основанные на ее договорах и конвенциях с Китаем. Одобряя идею совместных действий держав, поскольку она имеет в виду защиту их общих интересов в Китае, мы должны оставить за собой по отношению к нашим специальным правам и интересам в указанных областях свободу принимать те меры предосторожности, к которым мы могли бы быть вынуждены.

[Сазонов.]

---

[1] См. стр. 181, прим. 7.
[2] Опубл. М., стр. 541.
[3] См. №№ 507 и 568.
[4] См. № 537.

№ 592. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 356. 6 марта/22 февраля 1912 г.

Телеграмма за № 153 получена [1].

Нельзя ли, подобно Тавризу, воспользоваться присутствием нашего довольно сильного отряда в Мешеде для обезоружения, при содействии местных властей, населения. Эта мера обеспечила бы порядок и после ухода наших войск. Бестующих можно было бы принудить к сдаче, прекратив доставку жизненных припасов в Бест, который для этого следовало бы окружить правительственными войсками. Расследование Дабижей нападения на Редько необходимо [2], но едва ли достигнет цели.

Сазонов.

№ 593. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 28. 6 марта/22 февраля 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 27 [3].

Получив из Лондона утвердительный ответ, Пуанкаре заявил мне о своем окончательном согласии присоединиться к вашему modus procedendi. Французскому представителю в Петербурге предложено сделать вам сообщение в этом смысле. Барреру уже даны соответствующие инструкции [4].

Извольский.

№ 594. Военный агент в Болгарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 34. 6 марта/22 февраля 1912 г.
Весьма секретно.

В дополнение к телеграмме моей за № 33 [5] доношу, что [29] 16 февраля военный министр просил меня зайти к нему по делу и во время нашего свидания изложил свою просьбу о снабжении болгарской армии шинелями и сапогами. Военный министр просит отпустить из наших складов от 150 до 200 тысяч пар сапог и 100—150 тыс. шинелей по заготовительной их стоимости или же дать возможность заказать их поставщикам нашего интендантства. Одновременно он просил меня ходатайствовать о рассрочке платежа за эти вещи с таким расчетом, чтобы первый взнос был внесен в январе 1913 года.

Я ответил военному министру, что немедленно донесу об этой просьбе, но, конечно, не могу дать ему сейчас мало-мальски определенного ответа. Вместе с тем мы решили, что в случае если с нашей стороны последует принципиальное согласие на удовлетворение настоящего ходатайства, в Петербург будет безотлагательно командирован особый уполномоченный (вероятно, главный интендант, генерал Диков) для подробных переговоров на месте.

Военный министр разъяснил мне, что он не мог выяснить этот вопрос раньше, не имея полномочий от министерского совета и что это является единственной

---

[1] См. № 589.

[2] См. стр. 235, прим. 2.

[3] В тел. от 3 марта/19 февр. за № 27 Извольский, повидимому, в ответ на тел. Сазонова за № 328 (см. № 578) сообщал: «Пуанкаре только-что сказал мне, что ввиду вчерашней телеграммы своей в Лондон, в которой он заявляет о готовности своей присоединиться к вашему предложению, он предпочитает выждать ответа лондонского кабинета и, в случае согласия последнего, выполнит предложенный вами modus procedendi. Он обещал тотчас же предупредить меня, как только получится ответ из Лондона».

[4] Тел. от 5 марта/21 февр. за № 20 Долгорукий сообщил, что англ. послу предписано поддержать русское предложение, как только франц. посол получит тождественные указания.

[5] Тел. Романовского от 3 марта/19 февр. за № 33 исчерпывающе изложена в публикуемом документе.

причиной того обстоятельства, что, получив осенью наше согласие снабдить болгарскую армию необходимым ей количеством сапог и шинелей [1], он до настоящего времени не предпринял никаких шагов для выяснения этого дела. Зная генерала Никифорова как большого формалиста и человека, опасающегося каких-либо самостоятельных решений, нахожу, что уверения эти заслуживают доверия.

Что касается политической стороны дела, то военный министр сообщил мне, что желание экстренно пополнить запасы обуви и шинелей продиктовано исключительно соображениями осторожности, а отнюдь не какими-либо агрессивными планами.

Так как состояние запасов в болгарской армии действительно довольно неудовлетворительное, то заявление это также заслуживает доверия, тем более, что других мер, указывающих на подготовку Болгарии к войне, пока не видно.

На мой осторожный вопрос, не считает ли военный министр своевременным выяснить военно-политическую обстановку, он ответил мне, что со дня на день надо ожидать благоприятного окончания болгаро-сербских переговоров, которые наглядно должны доказать, что Болгария ищет тесного сближения с Россией.

Донося об изложенном, я позволяю себе высказать мысль, что удовлетворение болгарского ходатайства было бы весьма желательно, ибо в случае нашего отказа, Болгарии для удовлетворения насущной потребности в сапогах и шинелях придется или прибегнуть к экстренному внешнему займу, что может связать ее в политическом отношении в невыгодную для нас сторону, или же заставить ее обратиться за помощью к Австрии [2].

Полковник Романовский.

№ 595. Поверенный в делах в Пекине товарищу министра иностранных дел Нератову.

Донесение № 263. 6 марта/22 февраля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к телеграфным донесениям [3] считаю долгом представить при сем в вырезке из наиболее распространенной шанхайской газеты «The China Press» текст контракта о займе [4], заключенного Русско-азиатским банком с временным нанкинским правительством. Тот же текст несколько дней спустя был опубликован в нанкинской официальной газете.

К сожалению, приходится определить впечатление, произведенное этими разоблачениями, как крупный скандал, в высшей степени вредный для нас, так как попытка заручиться преимущественным правом на выпуск будущих займов Китая имеет чисто политическое значение и с какой-либо ссудой под реальное обеспечение в сравнение итти не может. Вероятно, еще более прискорбное впечатление произвели «тайные» переговоры, которые вел в Пекине частью самостоятельно, частью совместно с г. де Фосс, агентом Сино-бельгийского банка, представитель нашего банка г. фон Гойер. «Тайна» сводилась к тому, что г. фон Гойер старательно скрывал от меня свою деятельность, не имея при том решительно никакого опыта в переговорах с китайцами и не догадываясь, что о каждом его шаге сами китайцы осведомляли других представителей иностранных держав и банков.

---

[1] См. № 501.

[2] В справке ген. штаба по этому вопросу, хранящейся в Военно-историческом архиве, было записано: «[12 марта]28 февраля с. г. военный министр, ввиду недостатка в наших запасах шинелей и сапог, признавал удовлетворение ходатайства болгарского военного министерства затруднительным для нашего интендантства, о чем нашему военному агенту в Болгарии было сообщено [14] 1 марта сего года по телеграфу». О том, что болг. воен. м-во 22/9 марта вновь обратилось с подобным ходатайством ср. № 674 и прим. 3 к нему.

[3] См. № 575 и стр. 223, прим. 2.

[4] Приложение не воспроизводится.

Не давая себе отчета в существующем положении, г. фон Гойер увлекся, повидимому, финансовыми планами довольно фантастического свойства, во всяком случае такими, которые могли казаться осуществимыми лишь лицу в его положении, т. е. не несущему никакой ответственности за исполнение этих планов. О последствиях, отмеченных уже в моих телеграммах, распространяться излишне, могу лишь добавить, что, к счастью, иностранцы, в большинстве случаев хорошо узнавшие г. фон Гойера и не относящиеся к нему слишком серьезно, не придали, по крайней мере до сих пор, его выступлениям официального значения и не были склонны, несмотря на все его старания, верить его связям с русским правительством. Должен однако сказать, что мои старания вселить здесь убеждение в отсутствии какого-либо стремления с нашей стороны к политике авантюр в значительной мере оказались подорванными, и, как я имею основание думать, только благодаря стараниям французского посланника обстоятельство это не отразилось на положении, занятом четверным синдикатом [1].

Примите и пр.

Щекин.

№ 596. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 113. 7 марта/23 февраля 1912 г.

М. г. Александр Петрович,

Напряженность положения на Балканском полуострове, вызываемая итало-турецкой войной, заставляет опасаться, что, несмотря на умеряющие и примиряющие старания большинства держав, все же могут возникнуть осложнения, способные угрожать всеобщему миру.

В письме от 20/7 декабря м. г. вами указано было на то благотворное для общего мира влияние, какое единодушный образ действий держав Тройственного согласия имел в марокканском кризисе [2].

Подобно сему мне представляется, что и при нынешнем положении лучшей гарантией явился бы согласованный образ действий этих держав.

Я воспользовался беседой с французским послом перед отъездом его в отпуск, чтобы начать разговор на эту тему прежде всего с союзной нам державой, и, в кратких чертах указав на те случаи, которые представляются мне наиболее возможными, я вместе с тем наметил и те пункты, по которым желательно было бы достигнуть общности взгляда и действий между нами.

Считаю долгом доставить при сем вашему превосходительству копию с памятной записки, которая при этом передана была мною г. Жоржу Луи [3], с покорнейшей просьбой и со своей стороны объясниться по этому предмету с французским министром и о последующем не отказать меня уведомить.

[Сазонов.]

Приложение.

Pro-memoria [4].

Il serait désirable de s'entendre sur la manière de voir et d'agir en vue des éventualités suivantes:

a) une crise intérieure (gouvernementale) en Turquie;

b) une démarche active de l'Autriche (Sandjak, Albanie);

c) un conflit armé entre la Turquie et une Puissance balkanique (Monténégro, Grèce, Bulgarie).

---

[1] На оригинале имеется помета карандашом рукой Козакова: «Я не понимаю этих рассуждений Щекина».

[2] См. № 232.

[3] См. приложение к публикуемому документу.

[4] Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, V. II, p. 37, № 43, Annexe. Черновик написан рукой Нератова. Внизу приписка его же рукой: «Для разговора с G. Louis 14/1 февраля 1912 г.».

Les questions pratiques qui s'y rapportent et qu'il s'agirait d'étudier sont:
Jusqu'où laisserait-on aller les événements?
De quels moyens moraux dispose-t-on pour influencer les acteurs directs des événements éventuels ci-dessus indiqués?
Par quelles mesures pratiques pourrait-on appuyer une action diplomatique?

Перевод.

Для памяти.

Было бы желательно договориться о точке зрения и образе действий, имея в виду следующие случаи:
а) внутренний (правительственный) кризис в Турции;
б) активное выступление Австрии (Санджак, Албания);
в) вооруженный конфликт между Турцией и какой-либо балканской державой (Черногория, Греция, Болгария).
Относящиеся к этому практические вопросы, подлежащие изучению, следующие:
До каких пределов будет допущено развитие событий?
Какие моральные средства имеются в распоряжении для того, чтобы оказать влияние на непосредственных участников возможных событий, указанных выше?
Какими практическими мерами можно было бы поддержать дипломатическое выступление?

№ 597. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 180. 7 марта/23 февраля 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Письмом от [4—3 марта] 20—19 сего февраля № 203 [1] ваше высокопревосходительство изволили сообщить мне соображения ваши о тех условиях, на которых могло бы последовать соглашение относительно финансирования китайских займов между синдикатом Русско-азиатского банка и так называемым четверным консорциумом банкиров. Вполне соглашаясь, что эти условия были бы желательны с точки зрения нашего участия в китайских займах, я однако должен ныне же сообщить вам, что из моих объяснений с французским и английским послами я выношу заключение, что их правительства пока не идут далее уже известного нам желания привлечь Россию и Японию к участию в сказанном консорциуме путем предоставления каждой из этих держав 1/6 доли общей суммы финансовых операций консорциума.

Из прилагаемых при сем в копиях трех памятных записок, из которых две вручены мне английским послом [2] и одна — японским послом [3], ваше высокопревосходительство усмотрите, что великобританское правительство стремится произвести на нас и на японское правительство дипломатическое давление, чтобы осуществить присоединение России и Японии к консорциуму на вышеупомянутых условиях. Хотя ни в одной из этих памятных записок не упоминается о той доле участия в авансе правительству Юань Ши-кая, которая будет предоставлена России и Японии, мне известно со слов английского и японского послов, что речь идет об уделении нам и японцам именно по 1/6 названного аванса. Я не могу не предвидеть при этом, что раз согласившись на такую долю участия в одной из кредитных операций консорциума, мы будем очень затруднены в требовании более значительной доли в его дальнейших операциях.

Из памятной записки барона Мотоно вы изволите усмотреть, что японское правительство склонно пойти навстречу предложению четверного консорциума.

---

[1] См. № 585.
[2] См. № 577 и стр. 225, прим. 2.
[3] В пам. записке от 7 марта/23 февр. Мотоно, передавая Сазонову о сделанном англ. прав-вом предложении Японии участвовать в авансе в счет займа Китаю, сообщал, что, «признавая за этим займом исключительно политический характер, японское правительство полагает необходимым принять в нем участие и желало бы, чтобы Россия приняла такое же решение»; однако япон. прав-во считает, что участие России и Японии в этом займе не предрешает вопроса о вхождении этих держав в четверной консорциум, который должен быть предварительно обсужден между росс. и япон. прав-вами.

Это объясняется, вероятно, прежде всего давлением, которое производит на Японию ее союзница Англия [1].

Обращаясь к рассмотрению этого предложения я должен заявить, что не вижу необходимости, с точки зрения политической, нашего участия в выдаче аванса правительству Юань Ши-кая. Принимая однако во внимание, что наш отказ от этого участия, вероятно, не удержал бы Японию от согласия участвовать в нем и что, таким образом, наш Русско-азиатский банк оказался бы изолированным в финансовых операциях Китая, я склонен допустить, что его участие в авансе имело бы некоторые выгодные последствия. Я думаю, что для нашего согласия на это участие мы не можем поставить условием раздел суммы аванса пополам между консорциумом и синдикатом Русско-азиатского банка, как повидимому было бы нужно сделать в соответствии с соображениями, изложенными в письме вашем № 203 [2], не рискуя тем, что эти наши условия будут отвергнуты и консорциум обойдется без нас. С другой стороны, и наше согласие на участие в авансе в размере всего 1/6 его доли было бы слишком явным отказом нашим от противодействия консорциуму и, как я выше имел честь заметить, до некоторой степени предрешило бы вопрос о нашей доле в дальнейших его операциях.

Поэтому, если бы ваше высокопревосходительство признали необходимым, чтобы Русско-азиатский банк принял участие в проектируемом консорциумом авансе, я полагал бы, что для нас возможно на это согласиться, но с тем, чтобы при этом были ясно оговорены два условия: 1) что нам и бельгийцам предоставляется по 1/7 доле аванса; 2) что этим нисколько не предрешается вопрос о доле нашего участия в дальнейших финансовых операциях консорциума и о нашем праве противодействовать распространению его деятельности на области Китая к северу от Великой стены.

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство в ближайшем по возможности времени почтить меня вашим заключением по предмету настоящего письма, дабы я мог дать ответ английскому и японскому правительствам, настаивающим на спешности этого дела, пользуюсь случаем и пр. [3]

Сазонов.

№ 598. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 20. 7 марта/23 февраля 1912 г.

Сделал статс-секретарю сообщение согласно телеграмме вашего высокопревосходительства за № 350 [4]. Кидерлен принял его к сведению и сказал, что,

---

[1] Тел. от 8 марта/24 февр. за № 41 Броневский передал сделанное ему япон. м-ром ин. дел заявление, что герм. посол в Токио по поручению из Берлина передал япон. прав-ву приглашение принять участие в предстоящем займе Китаю. На запрос Броневского, как отнесется япон. прав-во к этому предложению, м-р ответил, что «оно примет участие в займе, ибо последний в случае отказа Японии состоялся бы и без нее».

[2] См. № 585.

[3] В ответном письме от 10—9 марта/26—25 февр. за № 256 Коковцов соглашался с предложением Сазонова, но высказывался за желательность обусловить согласие России на участие в авансе «требованием о немедленном приступе к переговорам относительно оснований, на которых должны совершаться будущие заемные операции Китая». Наиболее целесообразным решением последнего вопроса он признавал предложение, высказанное ему япон. послом Мотоно, которое было позднее изложено в япон. пам. записке от 9 марта/25 февр. (см. № 605). По мнению Коковцова, эта комбинация дала бы возможность росс. прав-ву, в пределах его соглашений с Японией, «с успехом бороться с мероприятиями, которые китайское правительство пожелало бы осуществить с помощью иностранных капиталов в ущерб нашим интересам». От этой комбинации вряд ли пострадали бы и интересы синдиката Русско-азиатского банка, так как все операции проектируемого консорциума подлежали бы распределению по национальностям, что «открывало бы названному синдикату возможность сохранить за собой ту или иную долю участия во всякой операции». Что касается включения в состав консорциума бельг. капиталистов, то Коковцов указывал, что Мотоно, допуская в принципе эту возможность, «все же высказал по сему поводу сомнения, и таковые сомнения в известной мере разделяются и мною».

[4] См. № 591.

со своей стороны, он выразил японскому послу свое согласие на предложение токийского кабинета. Статс-секретарь присовокупил, что, по его мнению, не следует слишком торопиться признанием нового китайского правительства.

Остен-Сакен.

№ 599. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 39 [1]. 7 марта/23 февраля 1912 г.

Согласно сообщению из Софии болгарское правительство предпочло вместо предложенной Милововичем последней формулы о передаче Охридской границы на арбитраж России принять первоначально выработанную сербами демаркационную линию от Брежаны по водоразделу и затем по северному побережью Охридского озера до устья Черна Дрина. Спалайковичу поручено немедленно приступить совместно с Геновым к окончательной редакции соглашения по установленному уже плану и вслед за подписанием оного болгарскими делегатами привезти соответственные экземпляры в Белград. Сербское правительство просит меня принести от его имени императорскому правительству самую искреннюю и живейшую благодарность за оказанное им могущественное содействие к успешному завершению акта, который будет иметь великое значение для всего славянства.

Гартвиг.

№ 600. Генеральный консул в Канее министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 27. 7 марта/23 февраля 1912 г.

Председатель революционного собрания вручил представителям держав-покровительниц с просьбой представить нашим правительствам меморандум, составленный постоянной комиссией тринадцати по поводу последней нашей ноты [26] 13 февраля [2]. В документе этом от лица всего критского народа высказывается горесть, причиненная ему решением держав сохранить status quo и их угрозой принятия неблагоприятных мер в случае, если он не сумеет сам управляться; говорится, что при доказанной на деле несостоятельности настоящего режима, основанного на разъединении с Грецией, требования, предъявляемые критянам державами, неисполнимы; напоминаются поощрявшие критян в их стремлениях обещания держав, выраженные как словами, так и делами; указываются гибельные для благосостояния страны последствия длительной неопределенности политического ее положения, разрушающей ее жизненные силы, и заявляется, что все вышесказанное побуждает критян твердо стоять на принятом решении добиться достижения их национального идеала. Меморандум составлен в выражениях очень почтительных, но расплывчато и голословно, не отзываясь ни на один из отдельных пунктов нашей ноты. Подлинник высылаю первой почтой [3].

Шебунин.

№ 601. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 168. 8 марта/24 февраля 1912 г.

Министр иностранных дел сообщил вчера Барклаю и мне проект ответной ноты [4], против коего мы сделали несколько возражений и установили заранее

[1] Тел. бланк.
[2] См. № 529 и стр. 181, прим. 2.
[3] Указанный меморандум в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.
[4] Ср. № 665.

совместно с министром могущую удовлетворить нас редакцию, которая представляется теперь на утверждение кабинета и еще раз будет предъявлена нашим драгоманам прежде подписания. В проекте не упоминалось об одобрении обеими миссиями программы расходования аванса и в пункте о сформировании персидской армии говорилось лишь, что шахское правительство обсудит с обеими миссиями вопросы о приглашении инструкторов от второстепенных держав и вооружении армии. Кроме того, во второй части заявления о признании англо-русского соглашения была введена не вполне ясная фраза, как бы указывающая на то, что самое признание делается зависимым от соблюдения заверений, включенных во вступлении к соглашению. В одобренной нами редакции о расходовании аванса будет сказано, что программа уже известна обеим миссиям, что совершенно верно. Об организации армии говорится, что персидское правительство сообщит обеим миссиям свой проект и вступит с ними в обмен мнений по вопросам, по коим это окажется нужным. Во второй же части пункта о признании соглашения персидское правительство «принимает официально к сведению заверения и т. д.». В ноте лишь вкратце упоминается о Мохамед-Алишахе и выражается надежда, что оба правительства помогут не допустить его возвращения в Персию. Но персидское правительство сообщит обеим миссиям в отдельном документе о размере пенсии бывшему шаху, о назначении ежегодной пенсии в 6 000 томанов Иттизад-эс-Солтане, о сохранении за Меликеидже-хан и ее детьми ежегодной пенсии в 20 000 томанов, в случае смерти Мохамед-Алишаха, и снятии конфискации с имений Шоа-эс-Солтане. В конце ноты персы хотят выразить надежду, что оба правительства помогут им заключить крупный заем на чисто финансовых основаниях и что в скором времени вопрос о пребывании в Персии «иностранных» войск будет решен согласно надеждам шахского правительства [1].

Поклевский.

№ 602. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 172. 8 марта/24 февраля 1912 г.

Мы с Барклаем узнали, что персидское правительство держало за границей своих представителей в курсе происходящих ныне с нами переговоров и что Самад-хан [2] делал даже по поводу последних представления французскому правительству, из чего мы могли предположить, что персы стараются вмешать в наши переговоры иностранные правительства. Министр иностранных дел вчера конфиденциально разъяснил нам, что слух о возможности признания англо-русского соглашения вызвал беспокойство некоторых здешних иностранных представителей, вследствие чего персидским дипломатам за границей были даны нужные указания на случай обращения к ним с запросами со стороны иностранных правительств. Подобный запрос сделан был лишь в Берлине, где министр иностранных дел заявил, что Германия не признает никакого соглашения, нарушающего ее права наиболее благоприятствуемой державы. Персидский посол [3] указал на то, что вступление к англо-русскому соглашению вполне сохраняет «открытые двери» в Персии для иностранной торговли. Ему было отвечено, что

[1] В дополнение к публикуемой тел. Поклевский 12 марта/28 февр. за № 178 телеграфировал Сазонову, что отклонение предложенной перс. прав-вом формулы о реорганизации армии при помощи инструкторов от второстепенных держав «возбудило подозрительность кабинета, который объясняет себе наш образ действий желанием добиться приглашения русских и английских офицеров» и что «пункту об армии здесь начинают придавать преувеличенное значение, выдвинувшее на второй план вопрос о признании англо-русского соглашения, которое, повидимому, не возбуждает более возражений».

[2] Перс. посланник во Франции.

[3] Так в оригинале; следует читать: посланник.

прежде чем окончательно высказаться по этому вопросу, германское правительство должно ознакомиться с содержанием «договора», но без указания, какого именно [1].

Поклевский.

№ 603. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 15 [2]. 8 марта/24 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Нанкинское временное правительство не упустило случая использовать против «своего» президента Юань Ши-кая разразившиеся в Чжили беспорядки [3]. Деканом дипломатического корпуса в Пекине была получена прилагаемая у сего в копии телеграмма из Нанкина, в которой южане с большой смелостью заявляют, что берут на себя ответственность за поддержание порядка на севере [4]. Одновременно из разных источников стали поступать сведения о намерении республиканцев отправить войска из Ханькоу, Пукоу и Чифу в Тяньцзин и Пекин. Такая мера была бы, несомненно, сопряжена с риском вызвать столкновения с северными китайскими войсками и еще более осложнить положение. Дипломатический корпус счел долгом коллективной нотой, также в копии у сего представляемой [5], напомнить Юань Ши-каю о принятом в 1902 году китайцами обязательстве не вводить войск в десятиверстную зону вокруг Тяньцзина [6], за соблюдением какового правила ныне поручено следить начальникам местных иностранных отрядов. Отступления от означенного порядка, к сожалению допущенные несколько недель тому назад по ходатайству консулов в Тяньцзине, были таким образом отменены. Сделанный дипломатическим корпусом шаг касался Тяньцзина между прочим потому, что отправка туда южных войск из Чифу представлялась вполне осуществимой, иные же передвижения упомянутых войск являлись мало вероятными.

В общей сложности положение на севере приняло настолько тревожный характер, что нанкинские республиканцы отказались от мысли настаивать на отъезде Юань Ши-кая и переговоры об образовании временного правительства возобновились. Юань командировал в Нанкин, чтобы дать сведения о состоянии северных провинций, бывшего члена конституционной палаты Фан Юань-лянь и известного императорскому министерству по своей деятельности в Урге полковника Тан Цзай-ли; туда же выезжает на-днях Тан Шао-и, предназначаемый на пост председателя совета министров. Решено, будто бы, окончательно установить состав кабинета в Нанкине, причем присягу на верность республике должен принести от имени Юань Ши-кая вице-президент генерал Ли Юань-хун и уже затем организовать временное правительство в Пекине.

Для нас возвращение ко власти Тан Шао-и представляется довольно печальным, так как во время переговоров с покойным действительным статским советником Покотиловым по манчжурскому вопросу, после войны, Тан проявил особенно непримиримое отношение к нашим интересам, и соглашение достигнуто

---

[1] Тел. от 11 марта/27 февр. за № 388 Сазонов предложил Извольскому проверить полученные Поклевским сведения о том, что «персы обращались к французскому правительству по поводу предъявленного им нами совместно с англичанами требования о признании англо-русского соглашения 1907 г.». Тел. от 13 марта/29 февр. за № 35 Извольский ответил, что, по словам Пуанкаре, «персы действительно обращались к нему» по этому поводу, спрашивая его совета, но «отнюдь не высказываясь во враждебном нам смысле. Пуанкаре ответил им уклончивым образом, указав им лишь на желательность притти к соглашению с Россией и Англией по этому вопросу».

[2] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 144.

[3] См. стр. 227, прим. 2 и № 581.

[4] Тел. от 4 марта/20 февр. за подписью Ванг Чунг-гуя полностью изложена в публикуемом документе.

[5] Коллективная нота представителей иностранных держав в Пекине от 7 марта/23 февр. целиком изложена в публикуемом документе.

[6] Имеется в виду обмен нотами между державами и Китаем в июле 1902 г.

не было. Но все вообще иностранцы едва ли извлекут много пользы из назначения Тан Шао-и, который, даже среди китайцев, отличается беззастенчивой недобросовестностью: достаточно припомнить, например, известный случай, когда, будучи мукденским губернатором, он выдал представителю американского синдиката Стрэту и Гонконг-Шанхайскому банку одинаковые, взаимно друг друга исключавшие, обязательства на предоставление им преимущественных финансовых прав, причем для принятия на себя подобных обязательств у него не было даже надлежащих полномочий.

Следует ожидать, что подобно всем кантонцам, склонным увлекаться, чтобы не сказать, упиваться властью, Тан Шао-и тем более обнаружит эти отрицательные стороны, чем выше и прочнее будет достигнутое им положение.

Примите и пр.

Щекин.

P. S. Прилагаю перевод только-что полученной из вай-ву-бу телеграммы из Нанкина об условиях официальной передачи Юань Ши-каю президентских полномочий. Документ настолько характерный, что в комментариях не нуждается [1].

Ut in litteris.

Щекин.

Приложение.

Условия официальной передачи Юань Ши-каю президентских полномочий в Пекине [2].

[7 марта] 23 февраля Юань Ши-каем получена следующая телеграмма от нанкинской палаты представителей: «Ваша телеграмма от [4 марта] 20 февраля получена. Хотя беспорядки в Пекине прекратились и спокойствие восстановлено, однако при настоящем тревожном положении вам, конечно, невозможно в ближайшем будущем отправиться на юг. Между тем как с точки зрения внешней, так и внутренней политики нельзя долее медлить с делом официальной передачи вам президентских полномочий. Получив телеграммы от Цай Юань-пэя и прочих делегатов, палата представителей занялась обсуждением вопроса о том, как бы совершить в самом непродолжительном времени официальную передачу президентских полномочий Юань Ши-каю и тем упрочить новый государственный порядок. Во время обсуждения этого вопроса вчера от Цай Юань-пэя получена новая телеграмма с указанием на то, что с делом передачи президентских полномочий нельзя долее медлить. Ввиду сего мы сегодня вновь собрались на совещание и выработали следующие условия официального принятия вами в Пекине президентских полномочий:

1. Палата представителей должна официально по телеграфу уведомить вас о согласии ее на то, чтобы принятие вами президентских полномочий имело место в Пекине.

2. Получив упомянутую в первой статье телеграмму нанкинской палаты представителей, президент должен в ответ телеграфировать ей о принесении им соответствующей присяги, сообщив одновременно ее текст.

3. Получив ответную телеграмму о принесении присяги, палата представителей должна немедленно же со своей стороны послать Юань Ши-каю телеграмму с уведомлением о том, что она считает официально состоявшимся факт принятия им президентских полномочий и объявить о сем всему населению Китая.

4. После официального принятия президентских полномочий Юань Ши-кай должен по телеграфу сообщить нанкинской палате представителей имена и фамилии лиц, которых он предполагает избрать в состав временного правительства, прося палату утвердить его выбор.

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.

[2] Заголовок оригинала.

5. По утверждении палатой избранных президентом председателя совета министров и других министров, последние должны отправиться в Нанкин для того, чтобы принять здесь дела от своих предшественников.

6. Одновременно с официальным вступлением в исполнение своих обязанностей нового кабинета Сун Ят-сен должен фактически сложить с себя звание президента.

Вышеизложенные условия сообщены палатою Сун Ят-сену и Цай Юань-пэю. В заключение мы выражаем надежду, что по получении настоящей телеграммы и по ознакомлении с ее содержанием вы выразите готовность поступить согласно нашему предложению, дабы тем удовлетворить желание всего народа».

№ 604. Вербальная нота французского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

№ 62. 9 марта/25 февраля 1912 г.

En raison du danger de laisser Yuan Chi-kai plus longtemps sans argent pour le paiement des troupes, le consortium des banques lui a fait une première avance de deux millions de taëls à Nankin et se prépare à en faire une seconde de huit millions de taëls destinée à Pékin.

Le groupe formant le consortium désire obtenir la participation de la Russie et du Japon, chacun pour un sixième. Le Japon n'attendrait pour accepter que la décision définitive de la Russie.

Les circonstances actuelles en Chine rendent plus nécessaire que jamais le maintien du principe de l'action collective entre les six grandes Puissances, qu'il s'agisse de la reconnaissance future du gouvernement de Pékin, quand il aura été constitué solidement, reconnaissance subordonnée d'ailleurs au maintien des privilèges des étrangers résultant des traités et des traditions, ou de la participation du gouvernement impérial dans des conditions de parfaite égalité aux avances actuelles et éventuellement aux emprunts futurs.

L'entrée de la Russie dans le consortium ne paraît pas pouvoir porter atteinte aux intérêts qu'elle possède dans le Nord de l'Asie, le groupement des nations engagées dans ce consortium ou devant y adhérer étant de nature à enlever au gouvernement impérial toute inquiétude à cet égard.

Le gouvernement impérial consentirait-il par conséquent à désigner des banques autorisées à le représenter et à participer dans les conditions indiquées ci-dessus aux avances actuelles et aux emprunts futurs?

Перевод.

Ввиду того, что дольше оставлять Юань Ши-кая без денег для расплаты с войсками было бы опасно, консорциум банков выдал ему первый аванс в 2 млн. лан в Нанкине и готовится выдать ему второй в 8 млн. лан в Пекине.

Группа, составляющая консорциум, желает добиться участия России и Японии в размере шестой доли для каждой из них. Япония ожидает лишь окончательного решения России, чтобы выразить свое согласие.

Совдавшееся в настоящее время в Китае положение делает более чем когда-либо необходимым поддержание принципа совместных действий шести великих держав, как для будущего признания пекинского правительства, когда оно примет прочную форму, — признания, которое, впрочем, находится в зависимости от сохранения привилегий иностранцев, установленных договорами и обычаями, — так и для участия императорского правительства, на условиях полного равенства в выдаваемых в настоящее время авансах и в возможных будущих займах.

Вхождение России в консорциум не может, повидимому, нанести ущерб ее интересам в Северной Азии, потому что группировка государств, входящих в консорциум или имеющих вступить в него, такова, что не дает императорскому правительству ни малейшего повода для опасений на этот счет.

Согласно ли вследствие вышеизложенного императорское правительство наметить банки, уполномоченные представлять его, и принять на вышеуказанных условиях участие в выдаваемых в настоящее время авансах и в будущих займах?

№ 605. Памятная записка японского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

9 марта/25 февраля 1912 г.

La question des opérations financières en Chine va prendre, avec les événements qui se déroulent en ce moment dans ce pays, une importance capitale, au point de vue international, dans un avenir très prochain.

Le gouvernement impérial estime, en conséquence, qu'il serait temps d'élaborer, d'accord avec le gouvernement impérial de Russie, un plan de campagne pour répondre aux exigences de la situation actuelle.

Le gouvernement impérial de Russie a suggéré, dans le temps, l'idée de former un consortium de financiers russes et japonais et de combattre l'influence du consortium des quatre Puissances.

Après une mûre réflexion, le gouvernement japonais est arrivé à penser que dans les circonstances actuelles il serait plutôt plus opportun de négocier à entrer dans le consortium des quatre Puissances et de former ainsi un consortium à six, mais avec cette condition que non seulement les opérations financières dudit consortium ne pourront porter atteinte aux droits et intérêts spéciaux que le Japon et la Russie ont déjà en Mandchourie et en Mongolie, mais que d'une manière générale, pour toutes les opérations financières qui se rapportent directement ou indirectement à ces régions, le Japon et la Russie devront être consultés en premier lieu et qu'aucune décision sur ces questions ne pourra être prise sans leur assentiment. Comme conséquence de l'entrée des financiers japonais et russes dans le consortium des quatre Puissances, l'article 16 du contrat d'emprunt des 10 000 000 de livres sterling qui a fait l'objet d'une protestation de la part des gouvernements japonais et russe [1], devra disparaître dudit contrat et qu'en outre les financiers japonais et russes entreraient comme parties dans le contrat susmentionné.

Les événements en Chine marchant avec une extrême rapidité, une décision prompte sur cette question paraît très désirable au gouvernement japonais.

En conséquence le gouvernement impérial du Japon serait très heureux de connaître, dans le plus bref délai possible, l'opinion du gouvernement impérial de Russie sur cette question [2].

Перевод.

Вопрос о финансовых операциях в Китае приобретет в ближайшем будущем чрезвычайно важное с международной точки зрения значение в силу событий, развертывающихся в настоящее время в этой стране.

Поэтому императорское правительство полагает, что настал момент выработать, в согласии с императорским правительством России, план действий, отвечающих требованиям настоящего положения.

В свое время императорское правительство России выдвинуло мысль о создании консорциума русских и японских финансистов в противовес влиянию консорциума четырех держав.

После зрелого размышления японское правительство пришло к убеждению, что в настоящих условиях было бы более своевременно начать переговоры о присоединении к консорциуму четырех держав и создать таким образом шестерной консорциум, но с тем условием, что не только финансовые операции указанного консорциума не нанесут ущерба специальным правам и интересам, которые Япония и Россия имеют в Манчжурии и Монголии, но и

---

[1] В июне 1911 г. (см. т. XVIII, № 18).

[2] В письме Сазонову от 12 марта/28 февр. за № 262 Коковцов, ссылаясь на публикуемую пам. записку, а также на ноты франц. и герм. послов (см. № 604 и стр. 225, прим. 2) высказывался за желательность сосредоточения в Париже переговоров о преобразовании четверного консорциума в шестерной; представительство России в деле совершения финансовых операций в Китае он полагал наиболее удобным возложить на Русско-азиатский банк.

В этом же письме он высказывал мнение, что деятельность преобразованного консорциума должна распространиться на все будущие финансовые операции в Китае, включая заем в 10 млн. ф. ст., относительно которого был заключен контракт с четверным консорциумом 15/2 апр. 1911 г., при условии исключения ст. 16 контракта.

что вообще обо всех финансовых операциях, прямо или косвенно касающихся этих областей, прежде всего должны быть запрошены Япония и Россия и никакое решение по этим вопросам не может быть принято без их согласия. В результате вхождения японских и русских финансистов в консорциум четырех держав, статья 16-я контракта о займе в 10 000 000 ф. ст., послужившая предметом протеста со стороны японского и российского правительств, должна быть изъята из указанного контракта и, кроме того, японские и русские финансисты станут участниками вышеназванного контракта.

Ввиду того, что события в Китае развиваются с чрезвычайной быстротой, японское правительство считает крайне желательным быстрое решение по этому вопросу.

Вот почему японское императорское правительство было бы счастливо ознакомиться в кратчайший срок с мнением императорского правительства России по этому вопросу.

№ 606. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 30. 9 марта/25 февраля 1912 г.

Получил телеграмму № 370 [1].

Пуанкаре сказал мне, что Барреру еще третьего дня даны по телеграфу вполне точные инструкции и что от него получена телеграмма, извещающая, что сегодня в три часа в Риме должно состояться совместное выступление пяти послов. Пуанкаре присовокупил, что согласие его на это выступление не предрешает дальнейшего хода медиации и что, по получении ответа от римского кабинета, он предоставляет себе обсудить этот вопрос с остальными кабинетами и прежде всего с Россией и Англией.

Извольский.

№ 607. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 24. 9 марта/25 февраля 1912 г.

Министр иностранных дел, которого я только-что посетил [2], обещал дать ответ на наше предложение о посредничестве после совещания с председателем совета министров и доклада королю. Министр выразил горячую признательность за неизменно дружеское отношение к Италии, особенно проявившееся в настоящую минуту.

Долгорукий.

№ 608. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 13. 9 марта/25 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На этой неделе в нижней палате министру иностранных дел был поставлен одним из депутатов партии Цюо-клуба ряд вопросов в связи с китайскими делами. Так как некоторые ответные заявления виконта Уцида не лишены инте-

[1] Тел. от 8 марта/24 февр. за № 370 Сазонов передал в Париж тел. Долгорукого от 6 марта/22 февр. за № 21, в которой последний сообщал: «Французский посол получил ожидаемые инструкции, но не считает себя вправе в последнюю минуту поддержать ваше предложение. По его мнению, присоединение его правительства к сказанному предложению не дает ему возможности выступить вместе с нами без точных и определенных указаний». Сазонов просил Извольского «выяснить, чем вызван подобный образ действий Баррера». Как выяснилось позднее, при передаче из Рима тел. № 21 было пропущено слово «австро-венгерский». Ее точный текст был таков: «французский посол получил ожидаемые инструкции, но австро-венгерский [посол] не считает себя вправе» и т. д. (тел. из Рима от 26/13 марта за № 34).

[2] Тел. от 8 марта/24 февр. за № 22 Долгорукий сообщил о состоявшемся совещании пяти послов, на котором было решено, что на следующий день «все посетят лично министра иностранных дел, причем представителю России, от которой исходит почин посредничества, предоставлена первая очередь». В ответной тел. от 10 марта/26 февр. за № 383 Сазонов сообщил следующее: «Не придаем значения предоставлению России первенства выступления, напротив, желательно полное единодушие и единогласие выступления пяти послов».

реса, то я позволяю себе представить их по возможности в сжатом виде на благовоззрение вашего высокопревосходительства.

Первый ряд вопросов депутата Шиба касался неопределенности японской политики в Китае и роли японского посланника в Пекине. Ответ Уцида сводился к следующему. По его мнению, упрек в отсутствии у правительства определенной программы действий в Китае является незаслуженным: правительство с самого начала смуты неизменно держалось принципа территориальной неприкосновенности Китая и нейтрального отношения к враждующим сторонам; оно стремится итти вровень с другими державами и ставит себе главной целью всемерно охранять жизнь и имущество японских подданных. Единственно этой последней целью — охраной проживающих в Пекине японцев — вызвана недавно состоявшаяся отправка одного полка в Шанхай-Гуань, и правительство готово, в случае если дальнейший ход событий того потребует, послать из Манчжурии и из Японии в Северный Китай еще большее количество войск.

Далее министр вновь опроверг часто возводимое на японского посланника в Пекине обвинение, будто он в наиболее острый момент кризиса настаивал на введении в Китае конституционной монархии: все сводится, по словам Уцида, к тому, что японский представитель в Пекине после обмена мнений с английским посланником высказал враждующим сторонам, что они могли бы притти к соглашению, приняв за основу оного только-что объявленную тогда принцем-регентом конституцию из 19 статей; от подобного совета до давления или вмешательства далеко.

В последующих своих заявлениях г. Уцида отметил между прочим, что одной из главнейших задач для Японии в данный момент является поддержание порядка и спокойствия в Южной Манчжурии, где Япония имеет исключительные интересы.

На вопрос г. Шиба, правда ли, что некоторые японские офицеры, находясь в Учане, состояли на жалованьи у революционеров, министр сослался на свидетельство товарища военного министра, согласно которому обвинения эти по расследовании не подтвердились; тот офицер, на которого более всего в этом отношении указывала молва, находится ныне на пути в Японию и от него потребуют соответствующих объяснений.

Из остальных запросов позволю себе привести лишь те, которые касались отношения Японии к положению дел на линии Шанхай-Гуань—Мукден и к вопросу о постройке железных дорог: Чанчунь—Гирин и Гирин—Хойриенг. По первому вопросу министр сказал, что железная дорога между Мукденом и Шанхай-Гуанем имеет весьма важное для Японии значение, особенно, например, при необходимости посылки войск в Северный Китай; пока никаких повреждений, кроме порчи одного моста, эта линия не потерпела и благодаря мерам охраны функционирует исправно.

Что касается Гирин-Чанчуньской линии, то, как известно, половина капитала, нужного для ее сооружения, была отпущена Японией. Прошлогодняя чума в Манчжурии и совершенная неопытность китайских строителей и властей сильно задержали работы. Несмотря на это из 80 миль означенной дороги уже готовы 46 миль; так как подписанного вначале капитала на постройку всей линии не хватит, то японское правительство уже согласилось отпустить новые средства на завершение предприятия.

Наконец, по поводу предстоящей постройки линии Гирин—Хойриенг министр сказал, что по условию с Китаем срок начатия работ предоставлялось определить китайскому правительству по сношении с японскими властями. Задержка со стороны Китая побудила японского генерального консула в Мукдене обратиться к манчжурскому вице-королю в целях скорейшего приступления к работам, но возникшие в Китае беспорядки прервали начавшиеся было переговоры.

Приведенные запрос и разъяснения по поводу Гирин-Хойриенгской железной дороги показывают, что, несмотря на установившиеся хорошие отношения с Россией, несмотря на нередко встречающиеся в японской прессе указания на нежелательность возбуждать тем или иным мероприятием подозрительность Рос-

сии, с коей Япония в ряде вопросов стремится итти рука об руку, вопрос о постройке названной линии стратегического характера по направлению к нашей границе попрежнему считается делом спешным.

Как бы для того, чтобы несколько сгладить возможность неблагоприятного на нас впечатления от этих правительственных заявлений, официозный орган «Цюо» в пространной статье советует сегодня России заняться железнодорожным строительством в Восточном Туркестане, Монголии и Северной Манчжурии. Сославшись на то, что Россия, по слухам, намерена продлить свою средне-азиатскую железную дорогу до Кашгара и провести другую линию от станции Мысовой чрез Кяхту до Урги, официоз советует этот последний путь продлить на юг до Калгана, а также соорудить дорогу от Харбина чрез Бодунэ, Ургу, Улясутай и Кобдо до Турхату.

Примите и пр. [А. Броневский.]

№ 609. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 32 [1]. 10 марта/26 февраля 1912 г.

Продолжение моей телеграммы № 31 [2].

В только-что полученном мною письменном ответе на мою памятную записку высказано, что французское правительство, всегда принимавшее самым серьезным образом во внимание наши специальные интересы и права, основанные на наших трактатах с Китаем, остается в полном согласии с Россией по этому вопросу и считает, что нынешние события в Китае не должны отразиться вредным образом на интересах пограничных держав, вытекающих как из трактатов, так и из географического положения. Текст ответа высылается курьером [3].

Извольский.

№ 610. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 243. 10 марта/26 февраля 1912 г.

Продолжение телеграммы № 233 [4].

Только сегодня получил ответ относительно участка железной дороги, который мог бы быть предоставлен для охраны нашим ротам, именно от Тяньцзина до Янцуня. Вопрос этот решали английский и французский начальники, устранив фактически старшего японского генерала, и наше предложение было принято несколько неохотно, — повидимому под влиянием оптимизма, вернувшегося к английскому и французскому посланникам, быть может, искренне, быть может, в целях поощрения деятельности четверного синдиката. Со своей стороны, продолжаю считать положение далеко не выяснившимся и осложнения возможными. В принципе посылка слишком незначительных отрядов представляется мне мало желательной, так как, наблюдая здесь условия международного командования, особенно английского, опасаюсь, что в случае серьезных действий повторится печальный пример колонны Сеймура [5], пока положением не овладеют

---

[1] Опубл. Stieve, II, S. 56, № 223.

[2] В тел. от 9 марта/25 февр. за № 31 Извольский сообщил, что он вручил франц. м-ру ин. дел пам. записку, передающую содержание тел. Сазонова за № 350 (см. № 591).

[2] При письме от 14/1 марта Извольский препроводил в м-во копии своей пам. записки франц. м-ру ин. дел от 8 марта/24 февр. и ответной пам. записки франц. м-ва ин. дел от 9 марта/25 февр., содержание которой изложено в публикуемом документе.

[4] В тел. от 7 марта/23 февр. за № 233 Щекин, сообщая о вручении дипломатическим корпусом коллективной ноты Юань Ши-каю относительно недопущения кит. войск в десятиверстную зону вокруг Тяньцзина (см. № 603) добавлял: «Выписываемые из Харбина войска [см. № 586] полагал бы расположить или у Пекина или у Тяньцзина для поддержания связи с нашими охранными отрядами. Вопрос будет решен по соглашению с командирами отрядов в Тяньцзине».

[5] Сеймур — англ. адмирал, командовавший европейскими соединенными силами во время боксерского восстания.

японцы. Завтра подробно протелеграфирую генералу Мартынову об отправке рот и снабжении их всем необходимым для службы здесь и сделаю сношения о провозе по японской и китайской железным дорогам.

Щекин.

№ 611. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 389. 11 марта/27 февраля 1912 г.

Сообщается Бенкендорфу в Лондон [1].

Телеграмма № 172 получена [2].

Вы можете заявить министру иностранных дел, что обращение персидского правительства к другим державам по поводу наших совместно с Англией переговоров с ним произвело на нас весьма неблагоприятное впечатление, так как оно указывает на стремление тегеранского кабинета искать попрежнему внешнюю поддержку против нас. Это в наших глазах является плохим залогом установления взаимных доверчивых и дружественных отношений.

Для вашего личного сведения.

Из весьма секретного источника нам известно, что персы как в Тегеране, так и в Берлине сами начали переговоры с немцами. Им было отвечено, что Германия ничего не имела бы против признания ими соглашения 1907 года при условии соблюдения германского равноправия. Последнее было бы нарушено, если бы Персия обязалась предоставлять только России и Англии концессии политического и коммерческого характера в обоюдных сферах влияния. Хотя относительно русской сферы и состоялось особое соглашение с Россией, это не изменило отношения Германии к персидскому правительству. На признание исключительного русского экономического влияния на Севере и английского на Юге Персии Германия согласиться не может.

Бенкендорфу:

Благоволите о даваемом нами Поклевскому поручении поставить в известность Грея и просить его снабдить соответствующими указаниями Барклая [3].

Сазонов.

№ 612. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Депеша № 11. 11 марта/27 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к депеше моей от 1 марта/17 февраля с. г. за № 8 [4] имею честь препроводить у сего текст ответа германского правительства на меморандум, врученный г. Кидерлен-Вехтеру представителями четырех держав-покровительниц острова Крита [5].

Содержание этого ответа, как ваше высокопревосходительство могло уже судить из секретной телеграммы моей от 1 марта/21 февраля [6], крайне сдержанно. Берлинский кабинет, соглашаясь в случае, если бы события этого потребовали, на обмен мнений между шестью великими державами по вопросу о сохранении мира между Турцией и Грецией, подчеркивает, что именно только этот вопрос,

---

[1] Сазонов послал публикуемую тел. Бенкендорфу за № 390.

[2] См. № 602.

[3] Тел. от 14/1 марта за № 232 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей передавал Бьюкенену текст своей тел. в Тегеран, в которой предоставлял на усмотрение Барклая решение вопроса о том, должен ли он поддержать выступление Поклевского перед перс. прав-вом.

[4] См. № 569.

[5] Приложение не воспроизводится.

[6] В оригинале ошибка. Указанная тел. датирована 5 марта/21февр. (см. стр. 218, прим. 5).

а никоим образом не сами критские дела могут служить предметом совместного обсуждения. По отношению же последних германское правительство сохраняет свою точку зрения, принятую еще в 1898 году.

Вручая свой ответ, г. Кидерлен-Вехтер и на словах высказался в этом же духе, не входя впрочем в подробности дела.

Считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства, что ответ германского правительства помечен 1 марта нового стиля, вручен же был лишь 5 марта. Такое промедление очевидно объясняется тем, что берлинский кабинет нашел нужным сговориться сначала с Веной, следствием чего и явился, как мне только-что сообщил французский поверенный в делах, получивший уже известие об этом из Парижа, почти дословный с прилагаемым у сего, ответ австро-венгерского правительства по этому делу.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 613. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 42 [1]. 11 марта/27 февраля 1912 г.

Спалайкович привез в двух экземплярах окончательный проект, редактированный в Софии, текста сербо-болгарского соглашения с соответственными картами [2]. Вчера на особом совещании под председательством короля договор подвергнут был детальному обсуждению со стороны гражданских и военных делегатов; последние вновь выражали сожаление по поводу сделанных болгарам уступок со стороны Эгри-Паланки, представляющей для Сербии важную стратегическую позицию. Но они должны были смириться перед высказанными Миловановичем соображениями отнюдь не принципиального значения с большим трудом достигнутого соглашения [3]. Сегодня в 4 часа дня, предварительно подписания договора, король пригласил меня во дворец, дабы, как выразился его величество, выслушать от меня лично внушительное и ободряющее слово по поводу названного акта. В своих ответных разъяснениях на запросы короля, я, конечно, руководствовался преподанными мне общими указаниями. Я особенно подчеркнул то обстоятельство, что по мысли императорского правительства соглашение должно содействовать укреплению порядка на Балканах и мирному преуспеянию обоих государств, но отнюдь не служить орудием в их руках для каких-либо завоевательных замыслов. Король дал мне самые положительные заверения в том, что он ни при каких обстоятельствах не решится на активное выступление без предварительного соглашения с Россией. Короля крайне занимал, — чтобы не сказать смущал, — вопрос, в какой мере можно рассчитывать на искренность короля Фердинанда, так упорно уклонявшегося от заключения договора с Сербией. Я заметил на это, что все сомнения его величества, вероятно, рассеются в тот день, когда здесь получен будет экземпляр соглашения, скрепленный подписью болгарского монарха. Поблагодарив императорское министерство за помощь, оказанную его министрам во время переговоров, король поручил мне засвидетельствовать об одушевляющих его чувствах глубокой признательности императорскому правительству, явившему новые доказательства благожелательного отношения к Сербии. В 5 часов дня экземпляр соглашения, предназначенный для болгарского правительства, был подписан королем и Миловановичем. К нему приложен изготовленный первый набросок проекта военной конвенции, которая состоящим при вверенной мне миссии военным агентом полковником Артамоновым признана вполне удовлетворительной. С означенным документом Спалайкович отбыл в Софию сегодня вечером.

Гартвиг.

---

[1] Маш. копия.
[2] Ср. № 599.
[3] Так в оригинале.

№ 614. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу [1].

12 марта/28 февраля 1912 г.

The proposals of the Japanese Government regarding the recognition of the new Chinese Government have been communicated to His Majesty's Government, as assumed in the memorandum which was left at the Foreign Office by the Russian Ambassador on the 8-th instant, and are substantially the same as those indicated by the Russian Government.

His Majesty's Government have replied that they accept these proposals in principle, and His Majesty's Minister at Peking has been instructed to keep in close touch with his Japanese colleague as to the time, manner and conditions of the recognition of the new Government [2].

Перевод.

Предложения японского правительства относительно признания нового китайского правительства были сообщены правительству его величества, как о том говорится в меморандуме, оставленном в Foreign Office российским послом 8 текущего месяца, и являются по существу теми же, что и указанные российским правительством.

Правительство его величества ответило, что оно в принципе принимает эти предложения, и посланнику его величества в Пекине даны указания поддерживать тесный контакт с его японским коллегой по вопросу о времени, форме и условиях признания нового правительства.

№ 615. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Письмо. 12 марта/28 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству известно значение общественного мнения в политической жизни Италии и то влияние, которое оказывает на него печать. Ввиду этого позволю себе коснуться в кратких словах нынешнего ее настроения.

С самого начала войны газеты, за редкими исключениями, обнаружили преувеличенную впечатлительность, восхваляя самые незначительные военные действия итальянцев, как героические события; одновременно с сим они с болезненной щепетильностью следили за оценкой иностранцами поведения итальянских войск на северном берегу Африки. Статьи, появлявшиеся тогда в газетах австрийских и германских, не были таковы, чтобы обеспечить им расположение итальянцев; к английской печати относились менее строго, принимая во внимание заветные дружеские узы, издавна связывающие Великобританию с Италией, а также принадлежность ее к Тройственному согласию, которое возносили в то время, противопоставляя ненавистному Тройственному союзу. О России упоминали редко, не замечая точек соприкосновения. Все похвалы, все восторженные отзывы высказывались по адресу «старшей латинской сестры» — Франции. Описания торжественных приветствий, которыми встречали возвращавшегося из Триполи Ж. Каррера, сотрудника газеты «Le Temps», несомненно, еще памятны вашему высокопревосходительству.

---

[1] Публикуемый меморандум был препровожден Бенкендорфом при письме от 13 марта/29 февр., в котором он указывал, что этот меморандум является ответом на его сообщение в Foreign Office в смысле тел. Сазонова от 6 марта/22 февр. за № 350 (см. № 591).

[2] Позднее Бенкендорф передал, что 29/16 марта он получил следующий дополнительный меморандум в ответ на свое сообщение (см. прим. 1): «Правительство его величества не преминуло принять к сведению это сообщение и оно признает за Россией право предпринять такие действия, которые могут оказаться необходимыми для охраны ее специальных интересов в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае, поскольку эти специальные интересы вытекают из ее договоров и соглашений с Китаем» (тел. от 29/16 марта, № 88, опубл. Siebert, II, S. 334, № 579).

Случай с «Manouba» и «Carthage», речи, произнесенные по этому поводу французским председателем совета министров [1], не совсем осторожные заявления г. Делькассе о необходимости утверждения Францией господства в Средиземном море [2] произвели самое отрицательное впечатление на здешнее общественное мнение и печать. В расположении Франции изверились. Почувствовали обиду от несправедливого, высокомерного отношения к Италии французов. Им приписали самые нелепые намерения. Поправка, предложенная г. Пуанкаре к намеченному вами посредничеству [3], была истолкована, как желание угодить туркам. При этом, почти единогласно газеты отмечали «разницу, обнаруживающуюся между постоянными уверениями в намерении соблюдать нейтралитет, когда таковой может благоприятствовать Турции, и забывать таковые, когда оказывается необходимым стеснить свободу действий Италии».

Представители Германии и Австро-Венгрии искусно воспользовались таким поворотом общественного мнения, чтобы несколько укрепить в нем положение Тройственного союза. Щедрой рукой рассыпаются милости, и влияние подкупа заметно в выборе статей иностранной печати, на которые ссылаются многие газеты, и на выводы, которые делаются на основании их. Даже непримиримый «Avanti» и тот как будто бы относится мягче в отношении союзниц, не упоминаю уже об органах с менее резко определенным направлением.

Неустанные старания вашего высокопревосходительства, — в интересах самой России, как это здесь отлично понимают и признают, — положить конец итало-турецкой войне на условиях, которые считались бы с совершившимися фактами, обеспечили России самое исключительное положение. И в обществе, и в печати, повсюду не упускают случая воздать нашей родине выражение самой искренней признательности, подчеркнуть общность интересов на Ближнем Востоке и необходимость на общую пользу более тесного сближения между обоими народами.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 616. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Письмо. 12 марта/28 февраля 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из ряда моих телеграмм по вопросу о мирном выступлении пяти держав вашему высокопревосходительству угодно было усмотреть, что необходимое единодушие среди их представителей в Риме создалось лишь постепенно. Первым из послов, получивших указание поддержать почин России, был сэр Реннель Родд [4]. Нескромность, допущенная газетой «le Matin», сообщившей, что предложение России было принято державами Тройственного согласия, послужила поводом к заявлению Wolff-Bureau, что Германия и Австрия первыми присоединились к намеченному вами шагу и что г. фон Ягову [5] уже несколько дней тому назад были посланы соответственные указания. Но и эти сведения, подобно заявлению «le Matin», грешили неточностью, так как накануне дня появления сообщения Wolff-Bureau г. Ягов, по собственному его заявлению, не получал еще никаких инструкций своего правительства. Создалось таким образом среди представителей держав обеих группировок нечто вроде состязания на почве первенства присоединения к русскому предложению. Сэр Реннель Родд, несомненно, оказал влияние на свое правительство, разъяснив ему, насколько невыгодно раздражать щепетильно настроенное общественное мнение Италии чрезмерной медлительностью, тем более, что вопрос о дружеском выступлении держав был решен в принципе утвердительно. Г. Баррер, горячий сторонник союза с нами и едино-

[1] См. № 409.
[2] См. стр. 198, прим. 4.
[3] См. № 553.
[4] См. стр. 237, прим. 4.
[5] Герм. посол в Риме.

душных с нами во всех случаях выступлений, скорбел душой, но был бессилен оказать давление на нынешнее правительство Франции [1]. Можно смело сказать, что кабинет г. Пуанкаре является главным виновником того, что общественное мнение Италии, мало сочувствовавшее державам Тройственного союза, начало выказывать менее раздражительности по адресу союзниц.

В прошлую пятницу [2] австро-венгерский посол получил, наконец, свои инструкции [3], после чего мы собрались у Баррера в тот же день, в пятом часу вечера. Предметом продолжительных прений был вопрос о том, следовало ли просить маркиза ди Сан-Джулиано высказать нам предельные условия, на которых Италия согласна была бы принять предложение о посредничестве, называя последнее «médiation» или «intervention amicale». Остановились на первом, смягчив и его выражением «amicale». Определение значения терминов «минимум» и «максимум» вызвало сомнение у австро-венгерского посла. Тогда я просил коллег придержаться слова «минимум» ввиду того, что вы на него ясно указывали в памятной записке от [21] 8 февраля за № 77 [4], копию с которой каждый из послов получил от своего правительства. Решили также, во избежание разногласий, просить министра дать письменный ответ на наш запрос.

Последним обсуждался вопрос о том, как мы посетим министра иностранных дел: совместно ли, или по очереди. Все единогласно нашли более удобным поочередное выступление, причем мои собеседники также единогласно пожелали, чтобы первым отправился в Консульту представитель России, т. е. той державы, коей принадлежал почин предложения. Обстоятельство это, как вашему высокопревосходительству угодно было отметить в телеграмме за № 383 [5], действительно не представляет особого значения, но я счел долгом донести о нем, как о доказательстве предупредительного отношения остальных послов к представителю России. Между тем, как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, обстоятельство это имело особое значение в смысле предупреждения излишней и новой проволочки. Получив тягостное известие о постигшем меня семейном горе, я уполномочил г. Гулькевича [6] отправиться вместо меня в Консульту. Последний выполнил от имени императорского правительства поручение в тех выражениях, которые были установлены на бывшем накануне совещании послов. Министр выслушал сказанное заявление и просил передать вашему высокопревосходительству его горячую благодарность за ваши неустанные старания, направленные к восстановлению мира, и заметил, что если бы они и не увенчались немедленным успехом, за ними останется заслуга установления почина переговоров. Г. Гулькевич, пользуясь существующими между ним и ди Сан-Джулиано добрыми отношениями и руководствуясь содержанием ваших писем от [28] 15 декабря 1911 года, № 799 [7], и 27/14 января с. г., № 19 [8], решился тогда доверительно и как бы лично от себя добавить несколько частных и дружеских внушений: в целях обеспечения успеха выступления держав в Константинополе строго придерживаться в ответе границ, поставленных запросом, и не возбуждать в настоящую минуту вопросов, значение которых для Италии очевидно, но которые, будучи преждевременными, заранее обрекли бы на неуспех деятельность держав в оттоманской столице. Ввиду этого г. Гулькевич настаивал на том, чтобы маркиз ди Сан-Джулиано обратил внимание на выражение «минимум» условий, ограничил свои требования прекращением военных действий, а также предложением удовлетворения не на почве признания указа от 5 ноября [нов. ст.], а на почве предпочтительно экономической. Министр записал слова советника посольства и обещал дать ответ на-днях. Послы остальных держав посетили министра иностранных дел в течение дня.

[1] Ср. № 606.
[2] 8 марта/24 февраля.
[3] Ср. стр. 248, прим. 1.
[4] См. № 506.
[5] См. стр. 248, прим. 2.
[6] Первый секретарь посольства в Риме.
[7] См. № 275.
[8] См. № 394.

Но вчера утром князь Скалеа вызвал спешно г. Гулькевича в Консульту и сообщил ему, что министр иностранных дел находится в затруднительном положении. Лишь великобританский посол высказался в тождественных с представителем России выражениях. Г. Баррер несколько уклонился по форме выражения, но затем телефонировал министру в целях исправления своего заявления. Послы же германский и австро-венгерский упоминали об условиях «посредничества», не касаясь ни «минимума», ни ограничивали таковое прекращением военных действий. Между тем, если бы министру пришлось отвечать на вопрос, поставленный без сказанного ограничения, как его изложили послы германский и австро-венгерский, то он не мог не выставить главным требованием признание присоединения Триполитании и Киренаики.

Г. Гулькевич старался уверить князя Скалеа, что ввиду установившегося накануне единодушия, он не допускает, чтобы могло возникнуть малейшее разногласие в выступлении держав, что если таковое и обнаружилось, то вероятно оно сводилось исключительно к внешней форме. Так как князь Скалеа просил г. Гулькевича хранить в тайне его к нему обращение, то г. Гулькевич мог указать лишь на следующий способ выйти из затруднительного положения: предложить послам изложить письменно свое заявление, ввиду того, что послы просили министра сообщить свой ответ на письме. После продолжительной беседы министр согласился, что раз представитель России был уполномочен остальными послами посетить первым министра иностранных дел, то нет основания сомневаться в том, что выступление остальных явилось поддержкой русского предложения, следовательно первенствующее значение имеет изложение запроса русского представителя. Чтобы установить единодушие настроения всех послов, маркиз ди Сан-Джулиано сообщил им текст официального извещения, до напечатания его, составленного, применяясь к словам, сказанным г. Гулькевичем. Эта редакция была принята послами без всяких изменений.

О последующем не премину в свое время доложить вашему высокопревосходительству и покорнейше прошу принять и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 617. Поверенный в делах в Стокгольме министру иностранных дел.

Депеша № 5. 12 марта/28 февраля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами от 16/3 [1] и 17/4 февраля [2] я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о разговоре моем с королевским министром иностранных дел по поводу недостойных и клеветнических нападок Свен Хедина на Россию.

Наряду с заверениями своего сожаления, граф Эренсверд сказал мне, между прочим, что для него совершенно непонятна выходка Хедина, столь многим обязанного императорскому правительству, которое постоянно оказывало ему свое содействие, во время его путешествия по Центральной Азии. «Sans votre concours il ne serait pas le grand homme d'aujourd'hui» [3], сказал министр и добавил, что заявления по поводу брошюры должны бы обращаться к ее составителю, а не к королевскому правительству, затронутому не менее нас памфлетом Хедина.

Замечание графа Эренсверда кажется мне вполне справедливым. Брошюра Хедина, несомненно, одно из проявлений внутренней партийной борьбы за власть, утраченную минувшей осенью консерваторами, после почти пятилетнего управления страной.

Консерваторы не могут помириться со своим поражением и всячески стараются подорвать доверие населения к либеральному правительству.

---

[1] См. № 484.
[2] См. стр. 145, прим. 1.
[3] «Без вашего содействия он не был бы теперь большим человеком».

Запугивание Россией — обычный прием всякий раз, когда нужно ассигнование новых средств на военные потребности. Теперешний кабинет хочет повременить со внесением новой военной программы и враги его пользуются этим, чтобы указать населению на те опасности, которые, будто бы, сулит Швеции управление страной либералами.

Что агитация эта венчается успехом, видно уже из того, что за короткий срок собрано свыше 7 млн. крон добровольных пожертвований на постройку броненосца, начатую прежним кабинетом и временно приостановленную правительством Стаафа [1].

Со своей стороны, и правительство старается противодействовать враждебной агитации. Председатель совета и военный министр произнесли недавно программные речи, в коих они изложили взгляд либерального правительства на нужды обороны. Либералы, не менее консерваторов, заботятся о возможном усилении военной мощи страны и лишь делают это иначе, стараясь затрачивать народные деньги как можно производительнее и желая, в первую очередь, выяснить, что действительно нужно теперь шведским армии и флоту.

Наряду с официальными выступлениями появились и частные брошюры, направленные против Хедина. Три подобных брошюры имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству [2].

Одна из них написана известным писателем Стриндбергом и носит заглавие: «Царский курьер или тайна точильщиков пил». Она содержит, главным образом, личные нападки против давнишнего противника Стриндберга, Хедина, высмеивает его страсть к почету, приемам и рекламе, называет чуть ли не провокатором и подшучивает над здешними милитаристами, видящими в каждом новгородском или тверском пилоставе русского шпиона.

Бо́льшего внимания заслуживает брошюра: «Ответ на слово предостережения Свен Хедина» (Svar på Hedins Varningsord), подписанная псевдонимом «Гаральд Свенске». Говорят, что под этим именем скрывается весьма известное и влиятельное здесь лицо, барон Карл Бунде (Carl C. Bonde), председатель здешнего отдела междупарламентского союза мира, которым и издана эта брошюра. Она содержит в себе, во-первых, столь свойственные всем обществам мира заявления о невозможности в настоящее время, по экономическим и гуманитарным соображениям, европейской войны, напоминает шведам, что все войны с Россией велись исключительно по их собственной вине и что русские только научили их «оставлять других в покое». Россия отобрала у Швеции только свои коренные или польские земли, завоеванные шведами. Шведы сами виноваты также в потере ими Финляндии, которая со времени присоединения к России избавилась от бедствий войны и пользуется столетним миром. Наконец, г. Свенске заявляет, что борьба Швеции с Россией немыслима, она уподобилась бы драке средней величины собаки с медведем или столкновению дрезины с паровозом, и говорит, что шведский народ хочет жить в мире со своей великой соседкой, покупать у нее товары и сбывать ей свои, а потому всякий человек, ищущий поссорить эти два государства, должен быть наказан, как изменник отечеству.

Таково, в кратких чертах, содержание брошюры Гаральда Свенске. Она написана легко и увлекательно, содержит много иронических и остроумных замечаний по адресу Хедина, которого часто побивает его же собственным оружием. Перевод ее на русский язык был бы, мне кажется, желательным.

Я думаю, что не ошибусь, считая выраженные в брошюре воззрения наиболее подходящими к действительным чувствам благоразумного большинства шведского народа. Он не хочет войны, боится ее, и частое здесь за последнее время бряцание оружием и шовинистские выходки должны остаться на совести немногих неугомонных мутителей, работающих на пользу враждебных нам политических комбинаций, и, вероятно, даже по указаниям из-за границы.

Примите и пр.

Мясоедов.

[1] См. № 463 и стр. 124, прим. 4.

[2] Указанные брошюры хранятся в деле при публикуемом документе.

№ 618. Посланник в Софии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 25 [1]. 12 марта/28 февраля 1912 г.

Спалайкович привез сегодня инструмент [2] договора, подписанный королем Петром и Миловановичем [3]. В четверг [4] — годовщину смерти царя-освободителя — король Фердинанд подпишет в свою очередь важный акт сербо-болгарского соглашения. Выеду в субботу. Привезу копию акта и сербский проект военной конвенции. Остановлюсь, если ничего не имеете против, на сутки в Белграде гостем Гартвига.

Неклюдов.

Хорошо.

Царское Село, [13 марта] 29 февраля 1912 г.

№ 619. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 175. 12 марта/28 февраля 1912 г.

Сообщаю копию в Тавриз.

Министр иностранных дел сообщил мне весьма конфиденциально, что некоторые министры желали бы видеть во главе кабинета Сепехдара и что регент тоже сочувствует этому плану. Бахтиарам в таком случае будет уплачено из аванса все им должное, и на правительственной службе в Тегеране их останется всего человек 300. Я указал министру на опасность столкновения с бахтиарами и на отсутствие у персов подходящих кандидатов для Тавриза, где им лучше всего будет тогда признать Шоджу. Министр вновь указал на полную невозможность подобного назначения, как ввиду недавнего прошлого Шоджи, так и вследствие теперешнего бесцеремонного его обращения с государственными доходами и самостоятельного замещения им губернаторских и других вакансий. В связи с этим Восуг просил меня предложить на усмотрение вашего высокопревосходительства следующие две комбинации: назначение в Тавриз Фермана-Ферма или посылку туда велиагда, при котором дядькой и фактическим правителем состоял бы эмир Низам. При обеих комбинациях остаются, конечно, в силе все данные нам относительно Шоджи обещания. В заключение министр просил держать весь разговор этот в строжайшем секрете, так как указанное переформирование кабинета далеко еще не решено даже в принципе [5].

Поклевский.

№ 620. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 214 [6]. 13 марта/29 февраля 1912 г.

Depuis le commencement de la crise actuelle en Chine, le gouvernement impérial de Russie a été d'avis que les prêts d'argent à la Chine ne devraient se faire qu'après une entente préalable entre les Puissances. Le gouvernement russe a eu

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 22.

[2] Так в оригинале.

[3] Ср. № 613.

[4] 14/1 марта.

[5] Ответной тел. от 14/1 марта за № 428 Сазонов сообщал Поклевскому: «Столкновение между кабинетом и бахтиарами представляется нам также делом опасным, и мы считали бы полезным по возможности в него не вмешиваться. О назначении в Тавриз Фермана-Ферма нас запросил также Исаак-хан. Ему было отвечено, что этот принц, прославившийся позорным отступлением перед курдами из Соуджбулага в Миандоаб, не пользуется, по нашим сведениям, никаким авторитетом в Азербайджане, и потому мы такого выбора одобрить не можем. Относительно второй комбинации, с велиагдом, мы затрудняемся судить, так как не имеем никаких сведений о личности эмира Низама».

[6] Опубл. Gr. Pol., Bd. XXXII, S. 208, № 11789, Anlage. Копия публикуемой записки была передана Сазоновым герм., япон., америк. послам и франц. поверенному в делах в Петербурге (ср. № 629).

l'occasion d'exprimer cette idée aux gouvernements d'Angleterre et des Etats Unis d'Amérique, lors de l'échange de vues qui a eu lieu à la suite de la note du secrétaire d'Etat américain [1] recommandant une action commune des Puissances en Chine, et a découragé jusqu'ici les tentatives des banquiers russes de conclure des emprunts chinois avant l'établissement d'une pareille entente.

Le gouvernement russe a par conséquent appris avec regret que le consortium des banquiers anglais, français, allemands et américains avait avancé au gouvernement provisoire de Nankin la somme de 2 000 000 de taëls, un autre million à Yuan Chi-Kai et était prêt à lui avancer d'autres sommes encore, sans que la Russie ait été consultée à ce sujet.

Vu le caractère purement politique de ces avances, le gouvernement russe croit devoir y prendre part, afin de maintenir le principe de la solidarité des Puissances vis-à-vis du nouveau gouvernement chinois.

Le gouvernement russe se voit obligé, cependant, de formuler d'ores et déjà les réserves suivantes quant à ladite participation russe:

1. Les avances d'argent au gouvernement provisoire de la Chine ont, aux yeux du gouvernement russe, un caractère politique, et par conséquent, doivent être considérées comme entièrement indépendantes des futurs emprunts chinois.

2. La participation russe à ces avances ne préjuge aucunement l'attitude de la Russie à l'égard des futurs emprunts chinois qui pourront être négociés par le consortium. En consentant à prendre part à ces avances, le gouvernement russe se croit en droit de s'attendre à ce que les gouvernements dont les ressortissants font partie du consortium, consentent de leur côté à entrer dès à présent en pourparlers avec la Russie sur les conditions de la réalisation des futures opérations financières de la Chine.

Il est bien entendu que tant que ces pourparlers seront en cours, les banquiers des pays y prenant part, devront s'abstenir de prêter de l'argent à la Chine sans avoir obtenu au préalable l'approbation des gouvernements intéressés.

Dans le cas où les réserves ci-dessus indiquées ne rencontrent pas d'objection de la part des gouvernements représentés dans le consortium, le gouvernement russe se déclare prêt à munir le représentant de la Banque Russo-Asiatique à Pékin d'instructions de négocier avec les représentants des groupes financiers formant le consortium sur les conditions de la participation russe aux avances qui ont été faites ou qui seront faites à la Chine.

Перевод.

С начала настоящего кризиса в Китае императорское правительство России придерживалось того мнения, что денежные ссуды Китаю не должны выдаваться иначе, как по предварительному соглашению между державами. Российское правительство имело случай высказать эту мысль правительствам Англии и Соединенных Штатов Америки во время обмена мнениями, имевшего место в связи с нотой американского государственного секретаря, выступившего с предложением предпринять согласованные действия держав в Китае, и оно до сих пор оказывало сдерживающее влияние на русских банкиров, пытавшихся заключить китайские займы до установления такого соглашения.

Вот почему российское правительство с сожалением узнало, что консорциум английских, французских, германских и американских банкиров выдал временному нанкинскому правительству аванс в сумме 2 000 000 лан, а также 1 000 000 Юань Ши-каю и готов выдать ему еще другие авансы, не запросив по этому поводу мнения России.

Ввиду чисто политического характера этих авансов, российское правительство считает долгом принять в них участие, дабы поддержать принцип солидарности держав по отношению к новому китайскому правительству.

Российское правительство однако считает своей обязанностью уже в настоящий момент формулировать следующие оговорки по поводу указанного участия России:

1. Денежные авансы, выдаваемые временному правительству Китая, имеют в глазах российского правительства политический характер и, следовательно, должны считаться совершенно независимыми от будущих китайских займов.

2. Участие России в этих авансах ни в коем случае не предрешает ее позиции по отношению к будущим китайским займам, которые могут быть заключены консорциумом. Соглашаясь принять участие в этих авансах, российское правительство считает себя вправе рассчитывать,

[1] См. № 482.

что правительства, подданные которых входят в состав консорциума, согласятся со своей стороны вступить уже в настоящий момент в переговоры с Россией относительно условий реализации будущих финансовых операций Китая.

Само собой разумеется, что пока будут вестись эти переговоры, банкиры тех стран, которые принимают в них участие, должны будут воздерживаться от выдачи Китаю денег, не получив предварительно одобрения заинтересованных правительств.

В случае, если вышеуказанные оговорки не встретят возражений со стороны правительств, представленных в консорциуме, российское правительство заявляет, что оно готово снабдить представителя Русско-азиатского банка в Пекине инструкцией вступить с представителями финансовых групп, составляющих консорциум, в переговоры об условиях участия России в авансах, которые были или будут выданы Китаю.

№ 621. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 411 [1]. 13 марта/29 февраля 1912 г.

Телеграмма № 29 получена [2].

Усматривая в предполагаемом ответе синдиката Порте по вопросу о малоазиатских линиях желание считаться с нашими интересами, тем не менее полагаем желательным по возможности задерживать это дело и прежде всего не спешить передачей Порте результатов изысканий [3]. Пользуясь настоятельной, повидимому, нуждой турок в деньгах, синдикат, при содействии французского правительства, может быть, успел бы закрепить за собой более прочно как права свои на эксплоатацию будущей сети, так и бо́льшую независимость относительно порядка и сроков постройки сети, весьма недостаточно обеспеченной соглашением синдиката с Портой от [29] 16 июля минувшего года. Подробности почтой [4].

Сазонов.

№ 622. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

Телеграмма № 416. 13 марта/29 февраля 1912 г.

Китайско-бельгийский банк от имени представляемого им синдиката договорился с Тан Шао-и о контракте, в силу которого он авансирует китайскому правительству один миллион фунтов стерлингов под гарантию доходов Пекин-Калганской железной дороги и получает преимущественное право на выпуск китайского займа в 10 миллионов фунтов стерлингов.

---

[1] Лит. копия.

[2] В тел. от 7 марта/23 февр. за № 29 (опубл. Stieve, II, S. 54, N 220) Извольский, сообщая Сазонову, что он выполнил полученные им инструкции (см. № 515), передал содержание своих разговоров с Пуанкаре и с представителем синдиката по постройке ж. д. Самсун—Сивас. Подробно об этом см. № 63.

[3] В ответ на публикуемый документ тел. от 15/2 марта за № 39 (опубл. Stieve, II, S. 70, N 234) Извольский сообщал Сазонову, что результаты изысканий еще не переданы Порте и что представитель синдиката граф Витали выразил готовность «следовать нашим указаниям относительно задержки этой передачи».

Позднее, тел. от 20/7 марта за № 43 (опубл. Stieve, II, S. 72, N 237) Извольский сообщал, что Порта производит сильное давление на синдикат с целью добиться скорейшего представления результатов исследований и проекта контракта и что, по словам Витали, «несмотря на все свои старания по возможности затянуть дело, синдикат должен будет подчиниться этому давлению». Тел. от 23/10 марта за № 46 (опубл. Stieve, II, S. 74, N 240) Извольский сообщал, что, подчиняясь требованиям Порты, синдикат принужден представить ей проект контракта на малоазиатские дороги, «причем из этих проектов будут преднамеренно исключены различные важные подробности и цифры, дабы по возможности затянуть условие».

[4] При сопроводительном письме от 19/6 марта за № 142 Сазонов послал Извольскому копию своего письма Коковцову от 14/1 марта за № 124 и деп. Чарыкова от 4 марта/20 февр. за № 21 с приложениями (см. № 630 и стр. 230, прим. 1).

Правление Русско-азиатского банка телеграфировало в Пекин разрешение подписать этот контракт, который должен быть явлен затем во французской, английской и бельгийской миссиях [1].

Сазонов.

№ 623. Министр иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

Телеграмма № 417. 13 марта/29 февраля 1912 г.

Я предполагаю дней через десять, говоря в Государственной думе, упомянуть, что мы действуем параллельно с Японией в китайском кризисе и солидарны в охране наших специальных прав в Манчжурии.

Благоволите доверительно осведомиться у министра иностранных дел, встречает ли он к тому препятствия и не найдет ли возможным сделать однородное заявление в парламенте [2].

Сазонов.

№ 624. Помощник военного агента в Англии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 40 [3]. 13 марта/29 февраля 1912 г.

О подготовке мобилизации минувшей осенью.

За последнее время из различных источников, в том числе и из парламентских, выясняются некоторые подробности военных приготовлений, начавшихся в Англии прошлой осенью по поводу марокканского кризиса. Подробности эти бросают свет на вопрос о той военной помощи, которую Англия намеревалась оказать тогда — и, вероятно, полагает оказать в будущем — Франции.

---

[1] В тел. от 16/3 марта за № 268 Щекин сообщал, что четверной синдикат заявил Тан Шао-и протест против сделки с бельгийцами. В тел. от 18/5 марта за № 282 Щекин сообщил о полученном им письме от Гойера, в котором последний извещал его, что «представитель Бельгийского банка подписал согласно его инструкциям заемный договор с китайцами на 1 000 000 ф. ст. за счет международного синдиката, представляемого Русско-азиатским банком. Гойер скрылся за представителем Бельгийского банка по соображениям политическим и ограничился частным участием в соответствующей доле займа, хотя имел полномочие выступить официально». Сообщая далее, что Гойер просил его «частным образом указать представителям четырех держав на неосновательность предъявленного против займа протеста», Щекин просил указаний м-ва ввиду несоответствия этих заявлений Гойера с имеющимися у него инструкциями.

[2] В ответных тел. от 22/9 марта за № 51 (1 и 2) Броневский сообщал Сазонову, что 23/10 марта Уцида «пошлет в парламент письменно ответ свой на запрос по китайским делам, в котором вставлено будет заявление» о том, что «Япония имеет особые права и интересы в Южной Манчжурии и что права ее тождественны с интересами России в Северной Манчжурии. Японское правительство придерживается тесного контакта с русским правительством в защите их особых прав и интересов».

26/13 апреля при обсуждении сметы м-ва ин. дел Сазонов произнес в Государственной думе речь, в которой относительно параллельности русс. и японских интересов сказал: «Основанные на ряде договоров: торговом трактате и рыболовной конвенции 1907 г., политических конвенциях 1907 г. и 1910 г., из которых первая устранила соперничество между нами в Манчжурии, а вторая установила солидарность нашего образа действий в вопросах, касающихся нашего положения в этой области, эти отношения еще более укрепились в минувшем году с возникновением в Китае настоящего кризиса. С самого его начала мы обмениваемся мнениями с японским правительством и действуем по взаимному соглашению. На самом деле, положение России и Японии в Манчжурии представляется настолько сходным, что для них вполне естественно искать друг у друга опоры для ограждения общими усилиями своих интересов в этой области. Признание этого факта однако не противоречит тому, что я сказал выше о нашем праве собственными силами отстаивать наши специальные интересы в Китае. Мы действуем параллельно; Япония не вмешивается в те меры, которые мы принимаем для охраны нашего положения там, где по преимуществу сосредоточены русские интересы, точно так же, как и мы предоставляем ей свободу действий в тех частях Китая, где преобладают интересы японские».

[3] Маш. копия.

1. К отправке намечалось *четыре пехотные дивизии* из шести; характерно, что именно это число дивизий ныне в первую очередь перевооружается остроконечными пулями (см. рапорт 28/15 февраля № 37) [1].

2. Силы эти считалось возможным доставить в поле сражения в северной Франции или Бельгии через *три недели* со дня приказа о мобилизации.

3. В частях экспедиционного отряда насчитывалось бы до 60—70% резервистов (см. «Вооруженные силы Британской империи», стр. 47).

4. Кавалерия встречала серьезные затруднения в случае мобилизации за недостатком выезженных и втянутых лошадей; предусматривали возможность посылки экспедиционного отряда с одной ездящей пехотой.

5. По заявлению помощника военного министра в парламенте, «значительные силы регулярных войск» оставались бы в стране.

6. Главнейшей причиной неизбежной задержки в отправлении экспедиционного отряда являлась совершенная неготовность территориальных частей в течение нескольких дней заступить гарнизоны уходящих частей регулярных войск и сколько-нибудь заместить их в несении гарнизонной службы, береговой обороны и поддержания порядка и спокойствия среди населения.

Голеевский.

№ 625. Запись беседы посланника в Софии Неклюдова с Фердинандом болгарским.

13 марта/29 февраля 1912 г. [2]

Questions du roi au sujet de la retraite de Tcharykow [3].

Des louanges sur la personne de Tcharykow.

J'ai dû aborder moi-même les sujets politiques. J'ai commencé en complimentant chaleureusement le roi d'avoir signé aujourd'hui le traité serbo-bulgare [4], lui exposant succinctement notre opinion sur ce sujet. Le roi a exprimé à deux reprises (en ce moment et à la fin) des craintes au sujet des indiscrétions qu'on pourrait commettre à Belgrade. Il m'a prié d'entretenir en son nom Hartwig d'user de tout son pouvoir pour empêcher de pareilles indiscrétions. Louanges du roi à la prudence et à l'esprit pratique des Bulgares; par contre doutes émis sur la sagesse des hommes politiques serbes. Le roi en excepte cependant Milovanovitch: «Vous pourrez être sûr de la discrétion absolue dans cette maison; par contre malheureusement on ne peut pas être aussi sûr de mon collègue de Belgrade: il s'ouvre à trop de monde— il a trop de confiance dans des individus qui ne le méritent pas».

J'ai assuré le roi que les Serbes comprendront certainement la gravité de la situation et seront discrets; d'ailleurs je suis sûr que nous nous emploierons de tout notre pouvoir en ce sens: nous-même nous n'avons aucun intérêt à pousser les événements et à provoquer une collision avec l'Autriche.

J'ai dû commencer aussi moi-même la question de la convention militaire russo-bulgare. J'ai communiqué au roi les opinions là dessus de Sazonow — j'ai parlé de l'arrêt des négociations et des instructions que j'ai reçues au mois d'octobre de Nératow [5], dont le sens était que la délimitation des sphères entre la Bulgarie et la Serbie ayant été en 1910 la pierre d'échoppement de nos pourparlers au sujet de la convention, ces pourparlers devaient suivre tout naturellement la conclusion de l'accord serbo-bulgare; c'est pourquoi aujourd'hui même j'ai cru devoir en reparler avec Mr. Guéchoff. «Et qu'est ce que Guéchoff vous a répondu?» — Il m'a répondu, Sire, que le gouvernement bulgare avait le désir sincère de conclure cette convention. Puis-je dans les conversations que j'aurai à St.-Pétersbourg certifier la même chose de la part de votre majesté? Réponse affirmative. Puis après une pause — «Les

[1] Указанный рапорт не обнаружен.

[2] Маш. копия. Публикуемый документ не имеет ни даты, ни заголовка. Как видно из его содержания, эта беседа происходила в день заключения сербо-болг. договора.

[3] См. № 637.

[4] См. приложения к публикуемому документу.

[5] См. т. XVIII, № 699.

pourparlers qui ont eu lieu ont besoin d'être pour ainsi dire revisés et précisés conformément aux circonstances actuelles. D'abord il faut beaucoup ménager la susceptibilité des Bulgares dans la question du «водительство». Je crois que le colonel Romanowsky qui a un esprit très large et très ouvert comprendra cette nécessité. Ensuite il y a la question des bases politiques. Nous avons toujours maintenu la nécessité absolue des Bulgares de posséder Salonique et (après quelque hésitation) Andrinople. La Bulgarie forte et dans ses frontières naturelles dominant la presqu'île serait un vrai appui pour la politique russe». Je réponds: — Sire, permettez moi de diviser la question. Au cours de tous les pourparlers qui ont eu pour but l'accord que votre majesté a signé aujourd'hui, la Russie a implicitement reconnu les droits de la Bulgarie sur la Macédoine avec Monastir, Ochrida, Salonique et le littoral de la mer Egée. Quant à Andrinople je me permets d'exposer à votre majesté mon opinion personnelle en attendant que je puisse vous communiquer celle de mon gouvernement. Cette opinion est la suivante: nous aimons bien envisager la possibilité d'une solution toute naturelle de la question balkanique — c'est à dire le développement territorial de la Bulgarie, de la Serbie, du Monténégro et de la Grèce. Cela assurerait la paix dans la presqu'île. Mais par contre dans l'intérêt de cette même paix nous ne voyons aucun intérêt à voir disparaître la Turquie, gardienne des détroits. Une Turquie qui après la solution de la question macédonienne pourrait et devrait vivre en paix et bonne intelligence avec nous — et bien cette Turquie là, justement pour pouvoir être une gardienne efficace des détroits, doit posséder en Europe tout le vilayet actuel d'Andrinople ou à peu près. Le roi: «Oui, je sais, la question d'Andrinople est une question bien difficile à résoudre. Mais les Bulgares ont vraiment besoin d'Andrinople et surtout de Salonique. Vous savez que pendant longtemps chez vous on nous défendait même de penser à Salonique (digression du côté du feu comte Mouravieff). Il y a encore maintenant des courants chez vous très influents qui préconisent une entente de la Russie avec l'Autriche pour partager la péninsule: abandonner tout le pays à l'ouest du Vardar à l'Autriche et garder sous influence russe la partie est de la péninsule»... Je réponds que ces opinions me sont connues mais que je doute qu'elles soient soutenues par des courants quelque peu influents. D'ailleurs le désir si sincère que nous vous avons témoigné de voir aboutir l'accord serbo-bulgare vous indique clairement que nous ne voulons pas du tout nous entendre avec l'Autriche sur un partage de la péninsule. L'acte que votre majesté a signé aujourd'hui inaugure une nouvelle ère — c'est comme cela que nous le comprenons. Vous avez arboré définitivement vos couleurs — nous ne voudrions pas du tout que vous les affichiez à tous les coins de rue, mais nous voulons être sûrs que vous les portez et que vous ne les abandonnerez pas.

Réponse du roi: «Non, je veux sincèrement marcher de concert avec la Serbie et surtout avec vous: d'ailleurs tout mon peuple le veut, seulement je voudrais être sûr que la Russie veut sincèrement une Bulgarie forte et puissante et conduite par moi autant que je puis encore conduire avec ce qui me reste de force et d'influence».

Retour vers la crainte des indiscrétions serbes. — Mon assurance que nous ne voulons aucunement hâter une collision avec l'Autriche.

Questions insidieuses du roi sur nos relations avec l'Autriche. Plaintes au sujet du manque de franchise du Grand Duc André Wladimirowitch [1].

Violente sortie contre le Belvédère.

Passage à la situation générale européenne. Guerre italo-turque. Je confesse franchement au roi que cette question nous préoccupe — que nous craignons que l'Italie ne soit amenée sous la pression de son opinion publique à frapper un coup maritime: qu'en tout cas nous ferons tout au monde pour prévenir que même de pareils événements ne provoquent une crise sérieuse dans le proche Orient.

«Mais cette crise, — dit le roi, — peut venir aussi indépendamment de l'Italie par la force des choses en Turquie même». Je réponds que c'est vrai et que c'est justement pour cela que nous avons tellement tenu à l'accord serbo-bulgare, et que

[1] См. стр. 83, прим. 3.

nous tenons probablement à bien régler entre nous, l'Angleterre et la France la conduite que nous devons tenir en cas de crise.

«Ceci est une idée très juste, — vous devez absolument vous bien entendre avec l'Angleterre et la France avant que les événements ne se précipitent — j'espère seulement qu'en ce cas vous aurez toujours en vue les intérêts de mon pays».

Le roi se lève.

Prière de remercier l'empereur pour tout ce qu'il a fait pour Boris. Prière d'assurer sa majesté l'empereur de la sincérité des sentiments du roi envers sa personne.

Congé.

Prière de faire savoir si l'empereur ira au printemps en Crimée.

Перевод.

Вопросы короля по поводу отозвания Чарыкова.

Похвалы по адресу Чарыкова.

Я должен был сам затронуть политические вопросы. Я начал с горячих поздравлений королю по случаю подписания им сегодня сербо-болгарского договора, причем изложил ему вкратце наше мнение по этому вопросу. Дважды (в этот момент и в конце) король выразил опасения по поводу возможной нескромности в Белграде. Он просил меня переговорить от его имени с Гартвигом, чтобы он использовал все свое влияние, дабы предупредить такую нескромность. Похвалы короля по поводу осторожности и практического ума болгар; наоборот, сомнения относительно благоразумия политических деятелей Сербии. Король делает однако исключение для Миловановича: «Вы можете быть уверены в абсолютной осторожности в этом доме; по отношению же к моему белградскому коллеге, к сожалению, нельзя быть столь же уверенным. Он слишком откровенен со многими; он слишком доверяет лицам, не заслуживающим этого».

Я заверил короля, что сербы, конечно, поймут серьезность положения и не допустят нескромности; к тому же я уверен, что мы используем все наше влияние в этом направлении; мы сами вовсе не заинтересованы в том, чтобы обострять положение и провоцировать столкновение с Австрией.

Я должен был также сам затронуть вопрос о русско-болгарской военной конвенции. Я сообщил королю мнение Сазонова по этому вопросу, — я говорил о прекращении переговоров и об инструкциях, полученных мной в октябре месяце от Нератова в том смысле, что поскольку в 1910 г. разграничение областей между Болгарией и Сербией послужило камнем преткновения в наших переговорах относительно конвенции, эти переговоры, естественно, должны последовать за заключением сербо-болгарского договора; вот почему я счел своим долгом сегодня же возобновить разговор о них с г. Гешовым. «А что ответил вам Гешов?»— Он ответил мне, государь, что болгарское правительство имеет искреннее желание заключить эту конвенцию. Могу ли я в беседах, которые я буду иметь в Петербурге, подтвердить то же самое от имени вашего величества? Положительный ответ. Потом после паузы: «Переговоры, имевшие место раньше, нуждаются, так сказать, в пересмотре и уточнении сообразно с обстоятельствами настоящего времени. Прежде всего нужно очень щадить щепетильность болгар в вопросе «водительства». Я думаю, что полковник Романовский, человек большого ума и широких взглядов, поймет необходимость этого. Затем вопрос о политических базах. Мы всегда считали абсолютно необходимым для болгар владеть Салониками и (после некоторого колебания) Адрианополем. Сильная Болгария, в своих естественных границах господствующая на полуострове, была бы действительной опорой для русской политики». Я ответил: Государь, позвольте мне разделить вопрос. В течение всех переговоров, имевших целью договор, подписанный вашим величеством сегодня, подразумевалось, что Россия признает права Болгарии на Македонию с Монастырем, Охридой, Салониками и на побережье Эгейского моря. Что же касается Адрианополя, то я позволяю себе изложить перед вашим величеством мое личное мнение в ожидании того момента, когда я смогу сообщить вам взгляды моего правительства. Мнение это следующее: мы рады были бы видеть возможность естественного разрешения балканского вопроса, т. е. территориальное расширение Болгарии, Сербии, Черногории и Греции. Это обеспечило бы мир на Балканском полуострове. Но, с другой стороны, в интересах этого же мира мы никоим образом не заинтересованы в том, чтобы перестала существовать Турция — страж Проливов. Турция, которая по разрешении македонского вопроса могла бы и должна была бы жить в мире и добром согласии с нами, такая Турция должна, именно для того, чтобы быть действительным стражем Проливов, владеть в Европе всем или почти всем теперешним Адрианопольским вилайетом. — Король: «Да, я знаю, вопрос об Адрианополе очень трудно разрешим. Но болгарам в самом деле нужен Адрианополь и в особенности Салоники. Вы знаете, что в течение долгого времени у вас нам запрещали даже и думать о Салониках (отступление от темы разговора по поводу покойного графа Муравьева). Еще и теперь у вас существуют сильные течения, проповедующие согласие России с Австрией в целях раздела полуострова: отдать Австрии всю страну к западу от Вардара и сохранить под русским влиянием восточную часть полуострова»... Я отвечаю, что о существовании таких взглядов мне известно, но я сомневаюсь, чтобы они поддерживались течениями,

имеющими какое-либо влияние. К тому же, выказанное нами искреннее желание видеть сербо-болгарский договор заключенным ясно указывает, что мы вовсе не желаем договариваться с Австрией относительно раздела полуострова. Акт, подписанный сегодня вашим величеством, возвещает новую эру. Так мы его понимаем. Вы решительно водрузили ваше знамя. Мы вовсе не хотели бы, чтобы вы афишировали его на всех перекрестках, но мы хотим быть уверенными в том, что вы будете нести его и что вы от него не откажетесь.

Ответ короля: «Нет, я искренне хочу действовать в согласии с Сербией и в особенности с вами, к тому же весь мой народ этого желает. Только я хотел бы быть уверенным в том, что Россия искренне желает видеть Болгарию сильной и могущественной, руководимой мной, поскольку я могу еще руководить с тем, что мне осталось от моих сил и влияния».

Опять опасения нескромности со стороны Сербии. Мои заверения, что мы ни в коем случае не желаем ускорять столкновение с Австрией.

Коварные расспросы короля о наших отношениях с Австрией. Жалобы по поводу отсутствия откровенности со стороны великого князя Андрея Владимировича.

Бурный выпад против Бельведера.

Переход к общему положению в Европе. Итало-турецкая война. Я откровенно признаюсь королю, что этот вопрос нас заботит — что мы опасаемся, как бы Италия не оказалась вынужденной под давлением общественного мнения предпринять решительные действия на море, что мы во всяком случае сделаем все возможное для того, чтобы помешать даже таким событиям вызвать серьезный кризис на Ближнем Востоке.

«Но этот кризис, — сказал король, — может наступить и независимо от Италии, в силу положения вещей в самой Турции». Я отвечаю, что это справедливо и что именно по этой причине мы так и желали заключения сербо-болгарского договора и, вероятно, желаем договориться с Англией и Францией относительно позиции, которой мы должны придерживаться в случае кризиса.

«Это очень правильная мысль. Вы непременно должны основательно договориться с Англией и Францией прежде чем нагрянут события — только я надеюсь, что в таком случае вы всегда будете иметь в виду интересы моей страны».

Король встает.

Просьба поблагодарить императора за все, что он сделал для Бориса. Просьба заверить его величество императора в искренних чувствах короля.

Прощание.

Просьба сообщить, поедет ли император весной в Крым.

Приложение I.

Договор о дружбе и союзе между королевством сербским и царством болгарским [1].

Его величество Фердинанд I, царь болгар, и его величество Петр I, король сербский, проникнутые уверенностью во взаимности интересов и в тождественности (еднаковость) судеб их держав и обоих братских народов, сербского и болгарского, и порешив солидарно соединенными силами (за дружни сили) оборонять эти интересы и работать на их всестороннее развитие, согласились относительно того, что следует:

Статья I.

Царство болгарское и королевство сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целость их государственных территорий, обязуясь абсолютно и без какого-либо ограничения притти на помощь друг другу со всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких других держав.

Статья II.

Обе договаривающиеся стороны обязуются точно также притти на помощь друг другу со всеми своими силами в случае, если какая бы то ни было великая держава попыталась присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно, какую-либо часть балканских территорий, которые находятся ныне под турецкой властью, если одна из договаривающихся сторон сочтет подобный акт противным своим жизненным интересам и как casus belli.

[1] Заголовок оригинала. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 23. Печатается с царского экз., хранящегося, равно как и приложение II, в деле вместе с копиями сербо-болгарского договора на сербском и болгарском языках, заверенными Миловановичем и Гешовым.

Статья III.

Обе договаривающиеся стороны обязываются не заключать мира иначе, как совместно и по предварительному уговору.

Статья IV.

Для полного и более целесообразного исполнения этого договора будет заключена военная конвенция, в коей исчерпывающим образом будет предусмотрено как все, что должно быть предпринято и той и другой стороной в случае войны, так и все, что с точки зрения военной организации, дислокации, мобилизации войск, равно как и отношений между верховными командованиями, должно быть определено в мирное время, дабы быть готовыми к военному положению и успешному ведению войны.

Военная конвенция должна считаться составной частью этого договора. К выработке оной будет приступлено самое позднее 15 дней после подписания настоящего договора, а для самой выработки ее определяется срок не свыше 2 месяцев.

Статья V.

Настоящий договор и военная конвенция сохраняют свою силу со дня подписания до [13 января 1921 г.] 31 декабря 1920 г. включительно. Лишь в случае дополнительного соглашения, нарочито утвержденного обеими договаривающимися сторонами, договор и военная конвенция могут быть продолжены и далее этого срока. Но в случае, если ко дню истечения договора и конвенции договаривающиеся стороны будут находиться в войне или в еще не ликвидированном положении после войны, то договор и конвенция будут иметь силу, пока мир не будет заключен или созданное войной положение не будет ликвидировано.

Статья VI.

Настоящий договор будет подписан в двух одинаковых экземплярах каждый на сербском и болгарском языках. Они будут подписаны державными главами и министрами иностранных дел.

Военная конвенция, равным образом в двух одинаковых экземплярах, оба на сербском и болгарском языках, будет подписана державными главами, министрами иностранных дел и специальными военными уполномоченными.

Статья VII.

Договор и конвенция могут быть объявлены или сообщены другой державе лишь по предварительному соглашению между обеими договаривающимися сторонами и притом лишь совместно и единовременно.

Равным образом лишь по предварительному соглашению может быть принята в союз какая бы то ни было другая держава.

Учинено в Софии [13 марта] 29 февраля 1912 г.

Фердинанд. Петр.
Гешов. Милованович[1].

Приложение II.

Секретное приложение к договору о дружбе и союзе между королевством сербским и царством болгарским[2].

Статья I.

В случае, если в Турции наступят неурядицы внутренние, которые подвергли бы опасности государственные и национальные интересы обеих договаривающихся сторон или одной из них, так же как и в случае, если вследствие внутренних или

[1] В царск. экз. подписи отсутствуют.
[2] Заголовок оригинала. Царск. экз. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 24.

внешних затруднений, которые возникли бы для Турции, возник бы вопрос о сохранении status quo на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первая убедилась бы в необходимости начать военные действия, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, которая обязана тотчас вступить в обмен мыслей и, если бы она не согласилась со своей союзницей, дать ей мотивированный ответ.

Если соглашение о действиях последует, то об этом сообщается России, и если последняя не воспротивится, то действия начнутся согласно установленному соглашению и вдохновляясь во всем чувствами солидарности и обоюдности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, то будет апеллировано (спрошено) к мнению России, которое, если и поскольку она его выразит, будет обязательно для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не захочет дать своего мнения и если соглашение между обеими договаривающимися сторонами не могло бы быть достигнуто после того, тогда, если та сторона, которая высказалась за акцию, начала бы одна на собственный риск и страх действия против Турции, другая сторона обязана сохранять дружеский нейтралитет относительно своей союзницы, предпринять тотчас мобилизацию в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и притти всеми своими силами на помощь своей союзнице, если какая-либо третья держава стала бы на сторону Турции.

Статья II.

Все территориальные приобретения, которые были бы добыты совместными действиями по смыслу статей I и II договора, равно и статьи I настоящего секретного приложения, будут находиться под совместной властью (condominium) союзных сторон, и эти приобретения будут ликвидированы тотчас и наипозже в трехмесячный срок по заключении мира и на следующих основаниях:

Сербия признает за Болгарией право на территорию на восток от Родопа и реки Струмы, а Болгария признает за Сербией право на территорию на север и на запад от Шар-Планины.

Что же касается территории между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и озером Охридским, если обе договаривающиеся стороны убедятся, что организация этой территории в одну особую автономную область являлась бы невозможной вследствие общих интересов сербской и болгарской народностей или из-за иных внешних или внутренних причин, то относительно вышеупомянутой территории будет поступлено на основании следующих изъявлений: Сербия обязуется не требовать ничего вне линии, означенной на приложенной карте [1], каковая линия начинается от турецко-болгарской границы от Голем-Верх (севернее от Кривой-Паланки) и следует вообще и в юго-западном направлении до Охридского озера, проходя вершиной Китка между деревнями Метежево и Подржиконь, вершиной на восток от деревни Нерав, водоразделом до вершины 1 000 на север от села Баштево (Градец-Планина), селом Баштево, между деревнями Любенцы и Петралица, вершиной Остричь 1 000 (Лисец-Планина), по вершине 1 050 между деревнями Драчь и Опила, селом Талшиманцы и Живальево, по вершине 1 050, по вершине 1 000, селом Кышань, главным водоразделом Градиште-Планины на вершину Гориште, вершиной 1 023, водоразделом между Иванковцы и Логинцы, по линии Ветерско-Сопот и Вардару, через Вардар по гребням гор к вершине 2 550, затем к Пороноле-Планине, водоразделом упомянутой Планины между деревнями Крана и Барбарас, вершиной 1 200, между деревнями Якреново и Дреново, чрез вершину Чесма (1 254), водоразделом Баба-Планины и Крушкатенеси, между деревнями Сош и Уверска, верхом Протапской Планины на восток от села Белицы, по Брежаны вершиной 1 200 (Илинска-Планина), водоразделом, вершиной 1 330, вершиной 1 217 и между деревнями Ливониште и Горенцы до Охридского озера у монастыря Губовцы; и Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, qui sera prié быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу этой линии. Разумеется,

[1] Приложение отсутствует.

что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу ту линию, которую его императорское величество русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон.

Статья III.

Копия договора с сим секретным приложением, равно и военная конвенция будут сообщены совместно императорскому российскому правительству, к которому одновременно обратятся с просьбой, чтобы оно, приняв оные к сведению, было благосклонно к поставленной цели, равно и ходатайствовать перед его императорским величеством государем императором соблаговолить принять на себя и одобрить для императорского правительства те «роли», которые предусмотрены для них договорными положениями.

Статья IV.

Всякий спор, который возник по поводу толкования или исполнения какого-либо положения настоящего договора, секретного приложения и военной конвенции, повергается на окончательное решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами.

Статья V.

Никакое постановление настоящего секретного приложения не может быть ни предано гласности, ни сообщено какой-либо другой державе без предварительного согласия обеих договаривающихся сторон и разрешения России.

Учинено в Софии [13 марта] февраля 29 дня 1912 г.

Фердинанд. Петр.
Гешов. Милованович[1].

№ 626. Военный агент в Болгарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 39. 13 марта/29 февраля 1912 г.
Весьма секретно.

Сегодня подписано болгарско-сербское соглашение[2]. Болгары согласились признать предложенную сербами границу сфер влияний, с секретной оговоркой, что в случае реализации этого соглашения Россия будет иметь в виду их право на г. Стругу. В ближайшем будущем будет приступлено к выработке военной конвенции между Болгарией и Сербией.

Вероятным последствием заключения этого соглашения явится возобновление переговоров о заключении конвенции с нами. По крайней мере, царь заявил сегодня нашему посланнику, что он искренне желает этой конвенции[3].

Пока в Болгарии все спокойно и каких-либо серьезных приготовлений, указывающих на подготовку к войне, не заметно.

Состав нынешнего правительства дает основание надеяться, что Болгария едва ли может быть вовлечена весной этого года в какую-нибудь политическую авантюру.

Единственное, чего следует опасаться, — это военных действий Италии против Дарданелл или побережья Европейской Турции. Эти действия могут вызвать взрыв болгарского шовинизма и поднять шансы воинственных партий, что, в свою очередь, может повлечь за собой выступление Болгарии против Турции.

Предположение это тем более допустимо, что, по полученным мной из достоверного источника сведениям, здешний итальянский посланник недавно беседовал с министром иностранных дел на тему о совместном выступлении Болгарии и Италии против Турции.

Полковник Романовский.

---

[1] В царск. экз. подписи отсутствуют.
[2] См. приложения к № 625.
[3] См. № 625.

№ 627. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма [1]. 13 марта/29 февраля 1912 г.

Reçu télégramme N 350 [2].

Et l'ai communiqué au gérant du département d'Etat qui, de son côté, m'a communiqué sa reponse à la proposition japonaise: «Le gouvernement des Etats-Unis est heureux de constater cette nouvelle affirmation faite par le gouvernement japonais du principe de l'action de concert et du principe de l'application de cette politique à la reconnaissance de la République chinoise, selon les principes acceptés de la loi internationale, en tant que ce mode d'action n'entraîne pas un délai indu et sera heureux de donner une réponse plus définie aux autres questions soulevées par le gouvernement japonais quand il aura l'avantage de tenir des informations plus explicites sur la nature et les termes des garanties proposées. Le gouvernement des Etats Unis est d'avis que les obligations déjà établies de la Chine tiennent bon sans égard à la forme du gouvernement et passent automatiquement au gouvernement provisoire de facto, avec lequel le gouvernement des Etats-Unis traitera non officiellement, et à tout autre gouvernement ultérieurement établi qui mériterait une reconnaissance formelle».

Bakhméteff.

Перевод.

Получил телеграмму № 350.

И сообщил ее содержание управляющему государственным департаментом, который, в свою очередь, сообщил мне свой ответ на японское предложение: «Правительство Соединенных Штатов счастливо констатировать данное японским правительством новое подтверждение принципа согласованных действий и принципа применения этой политики в вопросе о признании китайской республики, согласно принятым принципам международного права, поскольку такой образ действий не влечет за собой ненужной отсрочки, и оно будет счастливо дать более определенный ответ на другие вопросы, затронутые японским правительством, когда оно будет располагать более определенными сведениями о характере и условиях предложенных гарантий. Правительство Соединенных Штатов полагает, что ранее установленные обязательства Китая остаются в силе независимо от формы правления, и что они автоматически переходят к временному правительству, фактически находящемуся у власти, с которым правительство Соединенных Штатов будет иметь неофициальные сношения, и ко всякому последующему правительству, которое заслужит официального признания».

Бахметев.

№ 628. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 430. 14/1 марта 1912 г.

Сообщается Бенкендорфу в Лондон.

Телеграмма за № 178 получена [3].

Исаак-хан также возбудил здесь вопрос о нашем отношении к персидской армии и об инструкторах, причем он допытывался, имеем ли мы в виду ограничить численность армии и противиться приглашению офицеров из второстепенных держав. Ему было сказано, что об ограничении нами численности армии не может быть и речи, так как, по нашему мнению, Персии следовало бы иметь гораздо большую армию, чем она может создать и содержать по своим средствам. Что касается инструкторов, то мы ничего не имеем против приглашения таковых из офицеров второстепенных держав, что и доказали уже неоднократным своим согласием на увеличение числа шведских инструкторов.

Вы можете повторить это министру иностранных дел, если Барклай получит такую же инструкцию. При этом вам надо будет однако добавить, как и я сделал в своем разговоре с Исаак-ханом, что это, конечно, не касается казачьей

[1] Номер отсутствует.
[2] См. № 591.
[3] См. стр. 243, прим. 1.

бригады, которая должна оставаться на прежних основаниях и в случае дальнейшего ее развития. Такая оговорка даст нам право впоследствии настаивать на приглашении дополнительных русских офицеров, когда будет решен вопрос об увеличении бригады или создании новой части ее в Азербайджане [1].

Для графа Бенкендорфа:

Благоволите переговорить об изложенном с Греем и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 629. Министр иностранных дел послам в Берлине, Париже, Лондоне и Вашингтоне — Остен-Сакену, Извольскому, Бенкендорфу и Бахметеву и поверенному в делах в Токио Броневскому.

/. Телеграмма № 431 [2]. 14/1 марта 1912 г.

Сообщается поверенному в делах в Пекине.

№ 2 [3].

Приглашение участвовать в авансах Китаю было также сделано нам французским [4], германским [5] и американским правительствами [6]. Поэтому я сообщил их здешним представителям копию моей памятной записки английскому послу.

На словах я объяснил сказанным четырем представителям, что при переговорах о реализации будущих китайских займов мы имеем в виду настаивать на таких условиях нашего и японского участия в консорциуме, берущем на себя эту задачу, которые не противоречили бы нашим специальным интересам в областях Китая к северу от Великой стены. В сфере этих наших специальных интересов мы желаем сохранить за собою преобладающее положение в отношении займов, предназначаемых на их развитие и гарантируемых их доходами.

Японское правительство, также приглашенное к участию в выдаваемых Китаю авансах, сообщило нам, что намерено принять это приглашение и желало бы, чтобы и Россия приняла его. При этом японское правительство, так же как и мы, рассматривает эти авансы как независимую от общих китайских займов финансовую операцию политического характера, и стремится, войдя в четверной консорциум, оградить свои специальные интересы в Манчжурии от вредной для них деятельности консорциума.

Я ознакомил японского посла с моим ответом Бьюкенену и с сущностью моих вышеупомянутых устных объяснений по этому предмету с представителями Англии, Франции, Германии и Соединенных Штатов [7].

Сазонов.

---

[1] В ответной тел. от 16/3 марта за № 189 Поклевский сообщал, что предписанное Сазоновым заявление «было сделано сегодня драгоманами обеих миссий регенту и министру иностранных дел, которые просили выразить их искреннюю благодарность и обещали дать ответ на ноту в возможно скорейшем времени».

[2] Опубл. М., стр. 546.

[3] В тел. за № 431 (№1) от того же числа (опубл. М., стр. 545), адресованной в Берлин, Лондон, Париж, Вашингтон и Токио и сообщенной в Пекин, Сазонов передал содержание своей пам. записки от 13 марта/29 февр. (см. № 620).

[4] См. № 604.

[5] См. стр. 225, прим. 2.

[6] Соответствующего заявления США в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. В письме от 14/1 марта за № 219, при котором Сазонов препроводил послу США свою пам. записку от 13 марта/29 февр., он ссылался на свой разговор с послом по вопросу об участии России в кит. займах.

[7] В тел. от 16/3 марта за № 74 Бенкендорф передал, со слов Грея, предварительный ответ англ. прав-ва на пам. записку Сазонова, содержание которой было по телеграфу передано Бьюкененом в Лондон. Англ. прав-во выражало «живейшее желание», чтобы Россия участвовала как в авансах, так и в реорганизационном займе.

№ 630. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 124. 14/1 марта 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству копию с донесения императорского посла в Константинополе от [4 марта] 20 февраля с. г. за № 21 [1], с подлинным к нему приложением, каковое покорнейше прошу не отказать возвратить мне по миновании надобности.

Из документов этих вашему высокопревосходительству угодно будет усмотреть, что синдикатом так называемой Самсун-Сивасской железной дороги должны в ближайшем будущем быть представлены турецкому министерству общественных работ результаты изысканий железнодорожных линий в северо-восточной части Малой Азии, на основании которых должны затем между Портой и синдикатом быть заключены договоры о постепенной постройке и эксплоатации означенных линий в силу подписанной 29/16 июля 1911 года и довольно стеснительной для французов декларации, копию с коей имею честь при сем приложить [2].

Подписанием такового договора Турция, несомненно, нарушила дух соглашения с нами 1900 г., каковой взгляд выражали и ваше высокопревосходительство в письме от [4 августа] 22 июля м. г. за № 466 [3], вследствие чего явилось особенно настоятельным заменить означенное соглашение более подходящим к фактическим условиям и прочнее гарантирующим русские интересы уговором.

Вам известно, что начатые по этому поводу в сентябре м. г. гофмейстером Чарыковым переговоры ни к чему не привели, и последовавшее ныне отозвание посла в Константинополе [4], вероятно, отсрочит возможность переговоров по этому вопросу с Портой. Вследствие сего в настоящее время единственной заручкой нашей против приступа к осуществлению неугодных нам железных дорог в Малой Азии является пункт V частного протокола, подписанного императорским и французским послами в Константинополе в минувшем апреле [5] и ставящий дальнейшие переговоры между синдикатом и Портой в зависимость от нашего предварительного согласия.

Но этим самым создается как бы конфликт между политическими и экономическими интересами нашей союзницы, ибо отказ французов строить известные, нам неугодные, а Турции желательные железные дороги (напр. Сивас — Эрзингян — Эрзерум) или же искусственное удлинение сроков постройки может побудить Порту, основываясь на букве декларации 29/16 июля, вовсе отказаться от услуг Франции и передать дело в другие руки; а необходимость для Франции найти применение избытку своих капиталов может поставить синдикат пред соблазном согласиться на построение линий, заведомо неугодных России, вредных для нее стратегически и таким образом косвенно неблагоприятных и для самой Франции.

Обсуждая создающееся ныне в этом вопросе положение с временно пребывающим в С.-Петербурге и хорошо знакомым с вопросом военным агентом в Константинополе генерального штаба генерал-майором Хольмсеном, мы остановились на мысли, что было бы желательно приискать какую-либо компенсацию, которую бы мы могли предложить французскому синдикату взамен того риска, которому он может подвергнуться, если в вопросе о направлении и сроках постройки поручаемых ему Турцией мало-азиатских линий будет сообразоваться более с нашими желаниями, совпадающими к тому же с экономической

---

[1] См. стр. 230, прим. 1.

[2] Указанной декларацией франц. синдикат получил право на постройку и эксплоатацию ж. д. линий: Самсун—Сивас, Сивас—Эрзингян—Эрзерум и Эрзерум—Трапезунд.

[3] См. т. XVIII, прим. к № 301.

[4] См. № 637.

[5] См. ч. I, стр. 275, прим. 5.

выгодой, нежели с турецкими домогательствами, направленными главным образом в сторону стратегических линий по направлению к нашей границе.

Таковой компенсацией, может быть, могло бы служить предоставление нами тому же синдикату постройки известной части проектированных нами линий на Кавказе, которые рано или поздно, явятся нам необходимыми для противовеса проектируемым турецким железным дорогам.

Ввиду того, что этот вопрос выходит за пределы моей единоличной компетенции, считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству все вышеизложенное с просьбой подвергнуть вопрос этот совместному с вами обсуждению, дабы соответственные указания могли быть преподаны представителям нашим в Париже и Константинополе.

Со своей стороны телеграммой, в копии у сего прилагаемой, я поручил гофмейстеру Извольскому по возможности задержать передачу Порте синдикатом результатов своих изысканий и обратить внимание последнего на желательность более прочно, чем то оговорено в декларации 29/16 июля, обеспечить свои права и свободу действий в деле построения малоазиатских железных дорог [1].

При сем считаю долгом приложить и копию с новейшей телеграммы посла в Константинополе по этому вопросу [2].

Примите и пр. Сазонов.

№ 631. Посол в Париже министру иностранных дел.

Депеша № 19 [3]. 14/1 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Французская палата депутатов приступила ныне к прениям о внешней политике, посвятив им пятничные свои заседания. До сих пор однако ввиду продолжающихся еще переговоров с Испанией по марокканским делам [4], прения эти носят скорее ретроспективный характер и не затрагивают пока непосредственно политики нынешнего кабинета.

Только лидер социалистов г. Жорес сделал в минувшую пятницу [5] попытку косвенным образом нанести удар министерству Пуанкаре, в лице двух видных его членов, гг. Делькассе и Бриана, на прошлую деятельность коих он напал в своей обширной речи, посвященной марокканскому вопросу.

Жорес начал свое повествование с эпохи, предшествующей 1904 году, когда министром иностранных дел был г. Делькассе. Последнего он обвинял в шовинистической политике, которая чуть было не поссорила Францию на марокканской почве с Англией, а затем обратилась против Германии и послужила истинной основой всех последующих кризисов и затруднений. Перейдя к г. Клемансо, который в недавней своей речи в сенате назвал франко-германское соглашение 1911 г. «авантюрой», г. Жорес выразил по этому поводу изумление, ибо по его мнению, именно г. Клемансо в свое время втягивал Францию в марокканскую авантюру, посылая туда французские войска и снабжая султана займами. Еще более жестоко досталось от г. Жореса бывшему министру иностранных дел г. Пишону, который также недавно обвинял кабинет Кайо за то, что последний покинул почву франко-германского договора 1909 г. и тем дал Германии возможность добиться компенсации вне Марокко [6]. Г. Жорес не без успеха доказал, что почин в этом деле по всей справедливости принадлежит г. Пишону, который, будучи лишен возможности осуществить предусмотренное договором 1909 г.

---

[1] См. № 621.

[2] Имеется в виду тел. Чарыкова от 12 марта/28 февр. за № 95, в которой он сообщал, со слов Ревуаля, что «результаты изысканий переписываются начисто и будут представлены Порте в конце этой недели».

[3] Опубл. М., стр. 166.

[4] См. № 533.

[5] 8 марта/24 февраля.

[6] См. № 473.

экономическое сотрудничество с Германией в самом Марокко, вынужден был впервые перенести вопрос на почву Конго. Доказательством сего служит образование в то время пресловутого колониального общества «N'Goko Sangha», для эксплоатации богатств как Марокко, так и Конго.

Оратор обрушился как на г. Пишона, так и на бывшего министра-президента г. Бриана за то, что последние, зная, что Германия считает утверждение французским правительством договора с вышеупомянутым синдикатом непременным условием соглашения 1909 г., не осведомили о том ни парламентскую комиссию, ни сменивший их кабинет Мониса, который вследствие сего и отверг концессию компании.

В этом месте председатель совета г. Пуанкаре прервал оратора и прочел выдержку из протокола заседания парламентской комиссии от [27]14 декабря 1910 г., из коего видно, что г. Бриан указал в свое время на связь между предприятием «N'Goko Sangha» и договором 1909 г.

Г. Жорес повторил затем известные уже разоблачения об участии в различных политико-экономических переговорах и предприятиях некоторых закулисных дельцов в лице г. Фондера [1] и политического редактора газеты «Temps» г. Тардье [2]. По его мнению, агадирский жест Германии, при всей своей бесцеремонности, явился лишь логичным результатом разочарования, испытанного Германией вследствие указанного сплетения тайных и подозрительных интриг.

Если бы, по несчастью, между Францией и Германией возгорелась в то время война, и французский народ ринулся в бой, считая честь нации затронутой, то миллионам его сынов пришлось бы скоро убедиться, что они идут на смерть исключительно в интересах немногих финансовых дельцов, столь же алчных, сколь и неловких.

Речь Жореса, несомненно, произвела известное впечатление на депутатов. Он прервал ее на агадирском инциденте и заявил, что продолжит ее лишь после получения объяснений по предмету затронутых в первой ее части вопросов. Завтра в палате с живым интересом ожидают выступления г. Бриана с целью оправдать себя от возведенных на него Жоресом обвинений.

Примите и пр.

Извольский.

№ 632. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 20 [3]. 14/1 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За последнее время я имел случай неоднократно отмечать в моих депешах и письмах к вашему высокопревосходительству наблюдаемый среди широких слоев французского народа, под воздействием недавно минувшего внешнего кризиса, подъем национальных чувств и, в частности, оживление интереса к военным силам страны.

Наглядным подтверждением этого движения является, между прочим, блестящий успех объявленной недавно, по почину газеты «Matin», всенародной подписки на приобретение аэропланов для нужд французской армии, которая

[1] См. ч. I, стр. 282, прим. 1 и № 366.

[2] Обвинения Жореса против Пишона и Тардье заключались в следующем: для поощрения развития франко-герм. сотрудничества на основе договора 1909 г. Пишон подписал с группой немецких предпринимателей соглашение, по которому франц. компания «N'Goko Sangha», получившая концессию в Конго, должна была войти в состав смешанного франко-герм. синдиката. Франц. компания, поддерживаемая Тардье, лично заинтересованным в ее делах, поставила непременным условием своего участия в новом синдикате выплату ей франц. прав-вом крупного возмещения. Жорес обвинил Тардье, что он использовал свое влияние в печати для того, чтобы принудить Пишона дать согласие на указанное возмещение. Жорес считал, что роль, которую Тардье играл в бытность Пишона м-ром ин. дел., составит одну из самых печальных страниц истории Франции.

[3] Опубл. М., стр. 168.

менее чем в две недели дала уже свыше полутора миллионов франков. Целью подписки является удержание, во что бы то ни стало, за Францией первенства перед Германией в деле военного воздухоплавания, притом вне зависимости от материальных средств, которые могут быть уделены на сей предмет казной.

Большую заслугу в деле оживления общественного интереса к армии следует, без сомнения, приписать новому военному министру г. Мильерану. Последний, между прочим, резко порвал с традициями некоторых своих предшественников, в действиях которых часто проскальзывало недоверие к армии и к ее командному составу. Об отмене г. Мильераном системы секретных аттестаций офицеров, с точки зрения их политической благонадежности, я уже сообщил в свое время императорскому министерству [1].

С тех пор г. Мильеран признал также целесообразным восстановить некоторые, уже довольно давно вышедшие из употребления военные традиции, как, например, субботние вечерние зори с церемонией, на которые ныне стекается в качестве зрителей, значительное количество столичного населения.

Наконец, в прошлое воскресенье [2], впервые после продолжительного перерыва, состоялся вновь весенний смотр войскам парижского гарнизона на Венсенском поле. Уже с раннего утра в этот день на улицах Парижа замечалось необычное оживление. Не только все средства сообщения с местом смотра были использованы публикой полностью, но целые толпы народа сопровождали пешком, с пением патриотических песен, идущие в Венсен полки. Последние выступили в походном обмундировании и снаряжении, что придавало всей картине особенно внушительный боевой вид. Точно так же и самый смотр отличался несколько от обычной программы; после церемониального марша вся пехота перестроилась и произвела примерный приступ на трибуны, оставивший во всех зрителях глубокое впечатление. Атака кавалерии закончила смотр, во время коего над полем реяло несколько аэропланов и два дирижабля. В течение всего дня войска были предметом самых горячих оваций со стороны народа, собравшегося в Венсен в количестве около миллиона душ. Клики «vive l'armée» [3] провожали войска до самых казарм.

Примите и пр. Извольский.

№ 633. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 14/1 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [22] 9 февраля с. г. за № 82 [4] я не преминул войти в сношения как с французским министром иностранных дел, так и непосредственно с синдикатом Самсун-Сивасской железной дороги по вопросу о малоазиатских железных дорогах.

Я начал с того, что передал г. Пуанкаре прилагаемую при сем в копии па-

[1] В деп. от 15/2 февр. за № 13 (опубл. М., стр. 152) Извольский сообщал, что незадолго до отставки кабинета Кайо, б. воен. м-р Мессими издал циркуляр, обязывавший всех префектов представлять в воен. м-во два раза в год «подробные сведения о тех офицерских чинах, которые какими-либо поступками или общим своим поведением обнаружили бы недостаточную политическую сдержанность и преданность существующему режиму. Это распоряжение, возрождавшее пресловутую систему секретных аттестаций офицеров, с точки врения их политической благонадежности, не встретило сочувствия со стороны нового военного министра г. Мильерана». Последний, сообщал далее Извольский, отменил это распоряжение, послав префектам циркулярное письмо, в котором указывал, что «представление префектами периодических отчетов по сему предмету признается военным министром мерой, подрывающей авторитет военного начальства и вместе с тем противоречащей основному требованию, чтобы французская армия все свои заботы посвящала исключительно лежащей на ней высокой задаче и не отвлекалась от сего никакими посторонними соображениями».

[2] 10 марта/26 февраля.

[3] «да здравствует армия».

[4] См. № 515.

мятную записку [1], в коей, основываясь на данных, заключающихся в вашем письме, я выразил надежду, что французское правительство побудит синдикат высказаться в том смысле перед Портой, что, со специально технической и коммерческой точки зрения, наиболее желательными являются линии, идущие от Черного моря вглубь Малой Азии, как-то линия Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир или Трапезунд — Эрзингян — Моссул, между тем как линии, параллельные берегу (нам неугодные) станут коммерчески выгодными и доходными лишь тогда, когда навстречу им потянутся рельсы от российской границы.

Г. Пуанкаре поспешил заявить о своей готовности всячески содействовать исполнению нашего желания; он заметил мне однако, что в той форме, в которой пожелания эти выражены в моей записке, они не вполне согласуются со смыслом подписанного русским и французским послами в Константинополе протокола; по его словам, синдикат, вероятно, потребует, чтобы ему были указаны сроки, в которые мы допускаем приступ с его стороны к постройке тех или других линий; он присовокупил, что в этом именно смысле, по полученным им из Константинополя сведениям, происходили объяснения между гг. Чарыковым и Бомпаром.

Не будучи в состоянии проверить это последнее заявление, я предпочел не вступать с г. Пуанкаре в более подробное обсуждение вопроса. Обратившись затем непосредственно к синдикату, я выяснил, что планы малоазиатских линий вполне закончены и будут в ближайшем будущем представлены Порте. Ввиду сего я тотчас же самым настойчивым образом повторил ему заявленные мной г. Пуанкаре пожелания. Представитель синдиката уверил меня, что в настоящем деле синдикат действует и намерен и впредь действовать в Константинополе в полном согласии с нашим послом. Представляя планы турецкому правительству, синдикат предполагает высказаться в следующем смысле:

Синдикат подверг изучению следующие линии:

1. Самсун — Токат — Сивас — 440 клм.; 2. Сивас — Чалта — Харпут — 374 клм; 3. Чалта — Эрзингян — Пекеридж — Эрзерум — 344 клм; 4. Пекеридж — Трапезунд — 258 клм. Итого: 1 416 клм.

Первая группа может быть окончена в 4 года, вторая — еще через 4 года, т. е. через 8 лет.

Третья группа может быть начата лишь через 6 лет и окончена через 10 лет.

Четвертая группа должна быть совершенно устранена вследствие трудности ее исполнения.

С экономической точки зрения желательно тотчас же начать постройку первой группы. Затем можно будет приступить к постройке сети № 2.

Что касается сети № 3, к ней можно будет приступить лишь после того, как сеть № 2 достигнет Чалты. В этот момент можно будет, основываясь на экономических соображениях, рекомендовать ограничиться, по крайней мере на некоторое время, постройкой линии лишь до Эрзингяна.

Об этих заявлениях синдиката я тотчас же уведомил вас по телеграфу [2]; не зная, соответствуют ли эти предположения всем нашим требованиям, я ограничился вышеупомянутыми объяснениями с синдикатом, в ожидании дальнейших указаний от вашего высокопревосходительства.

Примите и пр. Извольский.

№ 634. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [3]. 14/1 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Я очень рад, что мне удалось, хотя и не без некоторого труда, побороть упрямство Пуанкаре и побудить его принять предложенный вами modus procedendi

[1] Указанная пам. записка была передана Извольским Пуанкаре 28/15 февр. Текст ее в основном изложен в публикуемом письме.

[2] См. стр. 260, прим. 2.

[3] Опубл. М., стр. 169.

в деле медиации [1]. Причины настоящего недоразумения, насколько я мог в них разобраться, двоякого рода: с одной стороны, здесь, как я уже писал вам, несомненно играет роль личное самолюбие Пуанкаре, затронутое тем, что во всем этом деле вы с ним не посоветовались и вели разговоры с Лондоном, а затем с Берлином и другими кабинетами, помимо всякого предварительного обмена мыслей с ним. С этой его чертой необходимо считаться и, мне кажется, что действительно наши союзнические отношения с Францией налагают на нас заботу о том, чтобы в подобного рода крупных вопросах заранее устранять всякие возможности разногласий с парижским кабинетом. Затем я продолжаю думать, что если бы Пуанкаре был осведомлен о ваших предварительных объяснениях не через Ж. Луи, а через меня, мне вероятно удалось бы предотвратить случившееся недоразумение и досадную проволочку. Вы по опыту знаете, до какой степени неточно, чтобы не сказать более, Ж. Луи передает то, что вы ему говорите. Вы помните, что по поводу Потсдамского свидания и вашего соглашения с Германией о персидских делах его обвинили здесь в неосведомленности, и с тех пор он, конечно, сильно окрашивает все свои сообщения. Немного ниже я приведу вам несколько примеров того, в каком виде приходит сюда то, что он слышит от вас. Не забудьте также, что подобно тому, как за мною совершенно незаслуженно утвердилась репутация германофоба, причем меня обвиняли в Германии в попытке заключить в Ревеле наступательный союз с Англией против Германии (подлинные выражения императора Вильгельма), точно также вы слывете за германофила и вас подозревают в холодности к Франции и Тройственному согласию. Это, конечно, абсурд, и я делаю все, что могу, чтобы разрушить эту легенду, но вы знаете, как трудно бороться с легендами. Но, помимо всего вышеизложенного, есть еще и другие причины, по которым Пуанкаре был настроен против вашего предложения. Из моих разговоров с ним для меня вполне ясно, что Ж. Луи представил все дело в таком виде, будто ваша программа медиации носит, так сказать, односторонний характер и в особенности благоприятствует Италии. Между тем, как мне вполне откровенно признался Пуанкаре, здесь в особенности боятся раздражить Турцию, — с одной стороны, дабы не подать повода Германии воспользоваться этим в Константинополе для обеспечения себе экономических выгод — и, с другой, и, кажется, главным образом — потому, что всякое раздражение мусульманского чувства может быстро отразиться в Алжире, Тунисе и Марокко. Пункаре с особенной силой настаивал на этом последнем обстоятельстве. Со своей стороны, я не преминул развить перед ним столь основательные соображения ваши об опасности толкнуть Италию обратно в сторону Тройственного союза после того, как стоило стольких трудов привлечь ее на нашу сторону. Отмеченное мной различие во взглядах между нами и Францией в настоящем вопросе, несомненно, скажется и в последующих фазисах медиации. Это необходимо иметь в виду, и следует приложить все старания, дабы заблаговременно по возможности сглаживать это различие. А это возможно лишь путем предварительного обмена мыслей с парижским кабинетом о каждом вновь готовящемся шаге.

Перехожу к примерам того, в каком виде доходят сюда ваши разговоры с Ж. Луи и его временным заместителем:

1. Об английском предложении повлиять коллективно на Италию в смысле ограничения сферы ее военных действий [2] я узнал впервые от г. Пуанкаре. При этом он сказал мне, будто вы объяснили французскому послу (или поверенному в делах), ваш отказ тем соображением, что *вам необходимо содействие Италии в ваших переговорах с венским кабинетом о балканских делах.* Признаюсь, это меня очень озадачило и я несколько раз переспросил г. Пуанкаре, так ли это? Он ответил мне вполне утвердительно, сославшись на полученное из Петербурга донесение. Вслед за сим я получил ваше письмо, в коем вы категорически отрицаете существование каких бы то ни было переговоров с Австрией о Балканах и

[1] См. № 593.
[2] См. № 562.

объясняете совершенно иначе необходимость не вызвать раздражение Италии [1]. Я, конечно, не преминул по возможности восстановить истинный смысл вашего нежелания произвести в настоящую минуту давление на Италию.

2. Пуанкаре сказал мне, что когда, по ходу вашего разговора с французским послом, Ж. Луи высказал вам, что, по мнению парижского кабинета, необходимо, ввиду возможных на Балканском полуострове событий, чтобы Россия и Франция заранее обсуждали эти события и свои обоюдные решения и выступления, причем Ж. Луи употребил слова «se concerter» [2], — вы возразили ему, что вполне согласны с ним, но лишь в том смысле, что Франция и Россия должны не «se concerter», а только «se prévenir mutuellement de leurs intentions» [3]. Это будто бы сделанное вами в весьма определенной форме заявление очень взволновало Пуанкаре, который самым тщательным образом просмотрел все относящиеся к франко-русским военным и политическим соглашениям документы и пришел к заключению, что, в силу этих соглашений, Франция и Россия должны, при известных угрожающих миру обстоятельствах, именно «se concerter», а не только «se prévenir mutuellement de leurs intentions». Я, конечно, приложил все старания к тому, чтобы успокоить его и хотя мне ничего неизвестно о разговоре, на который он ссылался, я счел возможным заверить его, что вы никоим образом не могли иметь в виду установить формальное различие между терминами «se concerter» и «se prévenir» а, вероятно, употребили в разговоре один термин вместо другого. Доказательством этому служит переданная вами Ж. Луи памятная записка, в коей перечислены вопросы, которые именно, по вашему мнению, должны послужить предметом предварительного обсуждения между петербургским и парижским кабинетами [4]. Кажется, мне удалось совершенно его успокоить, но согласитесь, что этот случай весьма характеристичен. По ходу нашей дальнейшей беседы Пуанкаре высказал мне величайшую готовность самым тщательным образом рассмотреть все перечисленные в вашей памятной записке вопросы. Вопросы эти настолько важны, что он должен представить их на коллективное обсуждение всего правительства, после чего он не преминет сообщить вам свои соображения.

По этому поводу он с видимым беспокойством спросил меня, что мне известно о будто бы происходящих в настоящую минуту на Кавказе военных приготовлениях и перемещениях, о которых он имеет известия как из Тифлиса, так и из Константинополя, где, по его словам, приготовления эти возбуждают большую тревогу. Я ответил ему, что не имея никаких сведений об этих мерах, я могу уверить его, что тут очевидно идет речь о каких-либо чисто местных военных распоряжениях, могущих однако быть вызванными соответствующими передвижениями и приготовлениями турок, которые, как известно, систематически захватывают персидскую территорию и притом с очевидной целью приобретения важных стратегических позиций на нашем фланге.

Прежде нежели окончить настоящее длинное письмо, я должен затронуть еще один вопрос. По дошедшим до меня слухам, вы предполагаете перевести Боткина из Танжера в Лиссабон, а на его место, хотя бы временно, до уничтожения танжерского поста, назначить Коростовца. Не могу скрыть от вас, что это произвело бы здесь самое тяжелое впечатление и было бы истолковано, как мера, прямо недружелюбная Франции. Из донесения моего вам известно, что г. Реньо уже выехал отсюда в Марокко с поручением заключить с султаном формальный договор о протекторате и притом в самом непродолжительном времени [5]. Протекторат должен положить конец дипломатическому представительству иностранных держав в Марокко. Легко вообразить, какое получится здесь впечатление, если за несколько недель до заключения сказанного договора мы назначим

[1] Указанное письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[2] «договариваться».
[3] «предупреждать друг друга о своих намерениях».
[4] См. приложение к № 596.
[5] См. стр. 284, прим. 1.

нового посланника в Танжер [1]. Кроме того, необходимо вспомнить, при каких обстоятельствах Коростовец покинул Пекин и какая здесь ходит версия об этих обстоятельствах. Вот почему позволяю себе убедительно просить вас не давать ходу вышеупомянутым предположениям [2].

В заключение несколько слов о предстоящем прибытии сюда великого князя Николая Николаевича. Визит этот будет, конечно, обставлен большой торжественностью; при господствующем здесь, не только в военной сфере, но и в широкой публике приподнятом настроении, пребывание его среди французских войск вызовет, несомненно, шумные овации. В программу визита входит, между прочим, пребывание в Нанси, где предполагается парад, маневры и военный обед. Между тем известно, что именно Нанси, расположенный в районе так называемых «железных» войск, готовых каждую минуту к отпору против германской армии, является особенно вулканической почвой. Необходимо заранее иметь это в виду, дабы по возможности избежать каких-либо нежелательных инцидентов. Из разговора моего с Пуанкаре я вынес впечатление, что и он несколько озабочен вышеизложенным. Весьма возможно, что здесь опасаются не столько инцидентов на международной почве, но до известной степени излишнего энтузиазма по адресу представителя военно-монархического принципа, хотя бы и союзного. По всем этим соображениям весьма возможно, что Нанси будет вычеркнуто из программы, о чем, мне кажется, нам не следует сожалеть[3].

Простите за нескончаемое письмо. Крепко жму вашу руку.

Искренно преданный вам

Извольский.

№ 635. Военный агент в Германии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 95. 14/1 марта 1912 г.

Доношу вашему превосходительству, что сегодня я говорил со здешним французским военным агентом, полковником Pellé, только-что вернувшимся из двухнедельной поездки в Париж.

По словам полковника Pellé, во французском генеральном штабе имеется ряд указаний на то, что за последнее время в Германии замечается несколько необычная деятельность в смысле подготовки к войне. Хотя непосредственная опасность, повидимому, и не угрожает, тем не менее среди компетентных лиц парижского военного общества замечается некоторая нервность и беспокойство.

Большинство впрочем склонно думать, что принимаемые Германией меры носят характер скорее пассивный, т. е. являются подготовкой на случай могущего произойти разрыва, вызванного вероятными противниками Германии, тем не менее, ввиду отсутствия в данное время агрессивных планов и намерений со стороны Франции, меры эти не всегда можно объяснить одним лишь желанием в полной готовности встретить угрожающий якобы извне удар. Ближайшее будущее, а именно успех проведения новых Heeres-und Flottenvorlagen [4] и решение

[1] Деп. от 4 февр./22 янв. за № 7 посланник в Танжере Боткин сообщил Сазонову, что по смыслу франко-герм. соглашения от 4 ноября нов. ст. 1911 г. «с установлением французского протектората заведывание внешними сношениями империи шерифов должно перейти в руки французов. Неизбежным следствием утраты независимости султаната следовало ожидать упразднение миссий и замену их консульскими учреждениями».

[2] По вопросу о назначении Коростовца Извольский высказывался также в тел. от 14/1 марта за № 37. В ответ на нее тел. от 16/3 марта за № 450 Сазонов сообщил, что «указ о Коростовце уже состоялся, поэтому принятие в соображение желаний Франции ставит нас в очень трудное положение и создает кроме того странное положение, при котором лишь Россия не была бы представлена в Марокко, так как об отозвании других представителей нет еще речи. Посему приходится настоять на назначении Коростовца, хотя из внимания к близости протектората мы готовы не посылать его на место, тем более, что мы, вероятно, первые признаем протекторат, если будем заблаговременно предупреждены о намерениях Франции».

[3] Предполагавшийся приезд в Париж вел. кн. Николая Николаевича в мае 1912 г. был позднее отменен и назначен на октябрь того же года.

[4] «бюджетов на армию и флот».

вопроса об изыскании средств для покрытия вызываемых ими расходов, а также положение, которое займет Англия в разрешении вопроса о соотношении морских сил,—покажут, следует ли ожидать серьезных событий уже в течение 1912—1913 годов, или же Германия сумеет отсрочить их до полного проведения в жизнь усиления своих сухопутных и морских вооруженных сил, к чему она, повидимому, стремится, надеясь за это же время подготовить и более благоприятную политическую и финансовую обстановку.

В дальнейшем разговоре полковник Pellé сообщил мне нижеследующее.

Так как до отъезда его в Париж я обратил внимание полковника Pellé на то, что в прежнее время французский генеральный штаб не отказывал в передаче нам некоторых документов, полученных им негласным путем, как, например, план мобилизации германской армии, переданный нам в 1902 году[1], то в настоящую свою поездку он доложил об этом начальнику французского генерального штаба. Последний в дальнейшем признал возможным и выразил свое согласие на то, чтобы нам был передан план мобилизации (общая мобилизационная инструкция) германской армии, относящийся к 1907 году, который французскому генеральному штабу удалось недавно получить. Начальник генерального штаба, поручив полковнику Pellé передать это мне, признал однако более правильным, чтобы в случае, если бы документ этот не был известен русскому генеральному штабу, передача его последовала через нашего военного агента во Франции[2].

Донося о вышеизложенном, прошу ваше превосходительство не отказать уведомить меня, будет ли признано желательным получение этого документа, дабы я мог сообщить об этом полковнику Pellé, столь любезно и успешно содействовавшему приобретению нами документа чрезвычайной важности.

Генерального штаба полковник Базаров.

№ 636. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 26[3]. 14/1 марта 1912 г.

Царь Фердинанд подписал вчера акт сербо-болгарского соглашения и приложенный к нему секретный акт, заключающий македонское разграничение сфер, и обоюдное намерение заключить сербо-болгарскую военную конвенцию. Таким образом важное дело, начатое трудами Сементовского и Гартвига, приведено к благополучному окончанию. Установлена формальная связь между двумя славянскими государствами. Требуется еще много бдительности и попечений, дабы установить связь искреннюю и тесную между обоими народами и дворами. Вчера я был принят королем. Выезжаю завтра. Проведу субботу в Белграде. Везу вам копии подписанных актов[4].

Неклюдов.

№ 637. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

*/. Телеграмма № 438. 15/2 марта 1912 г.

Отзывные грамоты высылаются вам в понедельник[5]. Свечину предложено вернуться в Константинополь для управления посольством по представлении вами

---

[1] Против слов: «Так как... 1902 году» имеется помета Данилова: «Кто собственно уполномачивал подп. Базарова на этот разговор, не касающийся прямой его деятельности? [18]5 марта».

[2] Рапортом от 25/12 апр. за № 163 воен. агент во Франции Ностиц доносил Данилову: «Я переговорил с начальником французского генерального штаба по поводу получения документа, касающегося мобилизации германской армии в 1907 г. Генерал Жоффр отнесся очень сочувственно к моей просьбе».

[3] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 22.

[4] См. приложения I и II к № 625.

[5] 18/5 марта.

грамот. Благоволите сообразоваться с изложенным для определения времени вашего отъезда [1].

[Сазонов.]

№ 638. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 447. 15/2 марта 1912 г.

Сообщается послу в Лондоне и посланнику в Тегеране.

Ввиду предстоящего начала работ турецко-персидской разграничительной комиссии в Константинополе [2] и вероятности предъявления турками чрезмерных требований, я счел нужным заявить здешнему турецкому послу следующее.

Вопрос о турецко-персидской границе имеет для России существенное значение ввиду близости спорных местностей к нашей кавказской границе. Более столетия Персия фактически владела этими местностями, и сообразно с этим исподволь сложилась известная обстановка в той части нашего Закавказья, которая граничит с Персией, и наши отношения к смежной с нашими владениями персидской провинции Азербайджан.

Если оттоманскому правительству удастся каким-либо путем распространить свое владычество на местности, имеющие существенное значение для нашего положения на кавказско-персидской границе, то отношение наше к Азербайджану придется пересмотреть и оно, смотря по обстоятельствам, может измениться коренным образом.

Для графа Бенкендорфа:

Благоволите об изложенном довести до сведения великобританского правительства и о последующем телеграфировать.

[Сазонов.]

№ 639. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 448. 15/2 марта 1912 г.

Сообщается послу в Лондоне и посланнику в Тегеране.

Телеграмма № 98 получена [3].

По поводу перемещения на Кавказ дивизии ко мне обратился и здешний турецкий посол. Я объяснил ему, что мера эта была решена уже много раньше и что она, конечно, никакого агрессивного значения не имеет. Необходимость посылки отрядов в Персию вносит чувствительную дезорганизацию в войска кавказского военного округа, почему и признано было нужным передвинуть туда дивизию, дабы легче было выделять летучие части, на которые по мере надобности, могла бы быть возлагаема защита наших учреждений и подданных в Персии. Я указал затем, в свою очередь, Турхану-паше на имеющиеся у нас сведения о турецких приготовлениях на малоазиатском театре [4], каковые он однако попрежнему отрицал.

Сазонов.

---

[1] 13 марта/29 февр. послом в К-поль был назначен посланник в Бухаресте М. Гирс. 18/5 марта Сазонов обратился с личным письмом к Ассим-бею, в котором извещал его о назначении Чарыкова сенатором, а бывшего советника пос-ва в К-поле Свечина, незадолго перед тем назначенного посланником в Гаагу, — «временно управляющим императорским русским посольством в Константинополе».

[2] См. №№ 263 и 377.

[3] Тел. от 13 марта/29 февр. за № 98 Чарыков сообщал Сазонову: «Из сегодняшнего разговора с министром иностранных дел о перемещении на Кавказ из Казанского округа одной нашей дивизии я вынес впечатление, что турки собираются принять некоторые меры военной предосторожности на малоазиатском театре».

[4] См. № 372, стр. 29, прим. 1 и № 377.

№ 640. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 222. 15/2 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Имею честь препроводить к вам при сем копию памятной записки [1], которую я передал английскому послу по вопросу о нашем участии в авансах временному правительству Юань Ши-кая. Копии этой памятной записки переданы мною также германскому, американскому и японскому послам и французскому поверенному в делах, так как их правительства, вслед за великобританским, также выражали желание, чтобы русские банкиры приняли участие в сказанных авансах.

При составлении ответа английскому послу я в общем руководствовался соображениями, изложенными в письме ко мне вашего высокопревосходительства от [9—10 марта] 25—26 мин. февраля, № 256 [2]. К намеченным вами условиям нашего участия в авансах Китаю я счел долгом присоединить требование, чтобы с момента начала переговоров о реорганизации четверного консорциума с включением в него русской и японской групп, дальнейшие денежные ссуды китайцам выдавались не иначе, как по соглашению между заинтересованными правительствами; мысль о желательности такого условия была высказана в прежней переписке вашей со мною.

Из моих объяснений с заинтересованными иностранными представителями я пришел к заключению, что они относятся отрицательно к мысли предоставить бельгийской группе долю в авансах Китаю. Я предпочел поэтому не упоминать об этом в моей памятной записке, предполагая, что вопрос об участии бельгийцев, независимом или в виде увеличения русской доли, с бо́льшим удобством может составить предмет переговоров между представителями банкиров в Пекине.

Дабы твердо установить разницу, которую мы делаем между нашим отношением к денежным авансам Китаю, — операции по существу чисто политической, — и нашим отношением к китайским займам вообще, я счел за лучшее вовсе не упоминать в моем письменном ответе по первому из этих двух вопросов о том направлении, которого мы будем держаться при переговорах о реорганизации четверного консорциума. На словах я однако разъяснил иностранным послам, что мы имеем в виду оградить области наших специальных интересов в Китае от возможности враждебной этим интересам деятельности консорциума.

По получении ответа английского правительства на поставленные нами условия нашего участия в авансах Китаю, я не премину поставить ваше высокопревосходительство в известность о содержании этого ответа, и в случае принятия наших условий, буду просить вас о преподании соответствующих инструкций представителю Русско-азиатского банка в Пекине.

Переходя к вопросу о тех условиях, на которых мы могли бы присоединиться к четверному консорциуму в видах финансирования китайских займов вообще, имею честь сообщить, что я не встречаю препятствий к тому, чтобы принять за основание переговоров по этому поводу соображения японского посла, о которых вы изволили уведомить меня в письме от [9—10 марта] 25—26 мин. февраля, № 256 [2]. Я считаю однако долгом высказать ныне же сомнение в том, чтобы при этих переговорах нам удалось добиться права veto по отношению операций консорциума, которые будут иметь в виду предприятия к северу от Великой стены. Вероятно, нам придется изыскать какую-либо иную комбинацию для ограждения наших интересов в этих областях. Мне кажется также сомнительным, чтобы японцы согласились войти в состав синдиката Русско-азиатского банка: связи «Jokohama Specie Bank» с Гонконг-Шанхайским банком, вероятно, не дозволят этого, на что впрочем уже имеется намек в препровожденной мною вам, при записке от минувшего февраля № [3], памятной записке барона Мотоно. Во всяком

[1] См. № 620.

[2] См. стр. 241, прим. 3.

[3] В оригинале номер отсутствует. Повидимому, имеется в виду записка от 10 марта/26 февр. за № 208, при которой Сазонов препроводил Коковцову копии пам. записок франц., япон. и герм. пос-в в Петербурге (см. №№ 604, 605 и стр. 225, прим. 2).

случае я постараюсь в этом вопросе действовать солидарно с японским правительством, насколько это окажется возможным, а равно попытаюсь сделать Париж местом переговоров, согласно желанию, высказанному вами в письме от [12 марта] 28 мин. февраля, № 262 [1].

С политической точки зрения мне представляется желательным руководствоваться той мыслью, что, присоединяясь к четверному консорциуму, мы должны прежде всего стремиться к цели, уже давно поставленной нами, а именно, к тому, чтобы устранить возможность вредного для нас распространения деятельности международных банкиров на области Северного Китая и получить преобладающий голос в таких финансовых операциях Китая, которые предназначаются для предприятий в этих областях или гарантируются их доходами. Ради достижения этой главной цели мы могли бы, мне кажется, пойти на довольно крупные уступки в той сфере деятельности консорциума, которая будет обнимать собою Внутренний Китай.

В самом деле, участие в этих последних операциях нужно нам более всего, чтобы иметь голос в международном контроле китайских финансов, если бы ход событий привел к установлению такового. Между тем, С.-Петербургская декларация 1895 г. обеспечивает нам право участия в этом контроле, и положение наше в этом отношении является достаточно сильным [2].

Я буду, конечно, держать ваше высокопревосходительство в курсе моих переговоров по настоящему предмету, как с японским правительством, так и с державами, заинтересованными в четверном консорциуме, дабы согласовать наш образ действий с вашими пожеланиями и соображениями относительно направления этого дела.

В заключение считаю долгом остановиться на тех упреках, которые вы изволили сделать поверенному в делах в Пекине в письмах ко мне от [8—9 марта] 24—25 мин. февраля, № 248 [3], и от [9—10 марта] 25—26 мин. февраля, № 256 [4]. Как вашему высокопревосходительству известно, авансу, о котором велись переговоры в Пекине, решено было придать характер совершенно частной сделки Китайско-бельгийского банка, к которой российское правительство и его агенты не должны были иметь касательства. Поэтому статский советник Щекин не мог отвечать своим иностранным сотоварищам на их запросы об этих переговорах иначе, как указанием на то, что он не имеет о них никаких сведений, и тем более не мог оказывать какой-либо дипломатической поддержки Китайско-бельгийскому банку. Точно так же, когда английский посланник обратился к нему с просьбой указать то лицо, с которым четверной консорциум должен вести переговоры о русском участии в проектируемом им китайском займе, статский советник Щекин не мог поступить иначе, как отказаться назвать такое лицо [5], ибо вопрос о сказанном участии нашем не только не был решен в то время, но и ныне мы обставляем наше согласие на участие в авансе Китаю известными условиями, до принятия которых переговоры с консорциумом не могут начаться. Такой отказ со стороны статского советника Щекина был тем более правильным, что, как показал опыт, некоторые агенты Русско-азиатского банка в Китае действуют вразрез с устанавливаемыми по соглашению между министерствами финансов и иностранных дел взглядами, результатом чего явилось подписание в Шан-

[1] См. стр. 247, прим. 2. В этом смысле Сазоновым была вручена пам. записка япон. пос-ву 16/3 марта.

[2] Ст. 4 русско-кит. декларации от 6 июля/24 июня 1895 г. о заключении кит. 4% займа читается: «Ввиду настоящего займа китайское правительство заявляет о принятии им решения не предоставлять никакой иностранной державе никаких прав или преимуществ какого бы то ни было свойства, кои касались бы наблюдения за доходами китайской империи или управления ими. Но в случае, если бы китайское правительство предоставило какой-либо державе права подобного рода, постановляется, что в силу одного уже факта такого предоставления, они будут распространены также на русское правительство».

[3] См. стр. 231, прим. 4.

[4] В этом письме (см. стр. 241, прим. 3) Коковцов, между прочим, указывал, что упреки Щекина по адресу Русско-азиатского банка вызваны тем, что он не был достаточно осведомлен «об истинной роли» этого последнего.

[5] Соответствующего сообщения Щекина в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

хае контракта на китайский заем, который был затем признан недействительным [1]. Между тем, факт подписания этого контракта явился для нас весьма невыгодным, не говоря уже о том, что оставление его без последствий не могло не иметь в глазах общества характера нашего дипломатического поражения. Мы были лишены таким образом основания протестовать перед заинтересованными в четверном консорциуме державами против выдачи консорциумом без нашего согласия авансов китайскому правительству.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 641. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 67 [2]. 15/2 марта 1912 г.

N 1.

Grey me pria chez lui et me dit que l'ambassadeur d'Allemagne lui avait dit hier que projet éventuel de constructions navales dépendrait nécessairement de la politique anglaise à l'égard de l'Allemagne et que l'opinion publique allemande persistait à considérer cette politique comme ayant en vue une agression de l'Allemagne. Grey répondit que si le gouvernement allemand avait besoin pour rassurer le public d'une confirmation de la politique pacifique de l'Angleterre, il ne s'y refusait pas à condition que gouvernement allemand ne s'arme d'aucun crédit supplémentaire pour des armements ultérieurs, que pour ce cas le gouvernement anglais devait revenir au programme formulé par Churchill [3]. Grey me remit alors le mémorandum qu'il donne à l'ambassadeur d'Allemagne me disant qu'il avait été rédigé sous une forme dont il pourrait user dans discours public que s'il n'y avait pas d'accroissement ultérieur de flotte allemande. Ayant lu ce mémorandum [4] je dis à Grey qu'il reproduisait ce que Haldane avait dit à Berlin. Grey acquiesça et ajouta que Haldane avait réservé la liberté d'action de l'Angleterre pour le cas de politique agressive de l'Allemagne contre les Puissances avec lesquelles l'Angleterre avait des ententes, que ceci restait bien entendu en force. Grey a fait la même communication à Cambon. Il nous pria de marquer dans nos rapports que l'information qu'il avait donné était toute confidentielle.

Benckendorff.

Перевод.

№ 1.

Грей попросил меня к себе и сказал мне, что германский посол сообщил ему вчера, что предполагаемый проект морских вооружений неизбежно будет зависеть от политики Англии по отношению к Германии и что германское общественное мнение попрежнему считает, что эта политика имеет в виду нападение на Германию. Грей ответил, что если германское правительство нуждается для успокоения общественного мнения в подтверждении мирной политики Англии, он не отказывается от такого подтверждения при условии, что германское правительство не ассигнует никаких дополнительных кредитов на свои дальнейшие вооружения, и что в таком случае английское правительство должно будет вернуться к программе, формулированной Черчиллем. После этого Грей передал мне меморандум, предназначенный для германского посла, сказав мне, что меморандум составлен в такой форме, которая позволит ему использовать его в публичном выступлении лишь в том случае, если в будущем увеличение германского флота не будет иметь места. Прочитав этот меморандум, я сказал Грею, что он воспроизводит то, что Холден высказал в Берлине. Грей согласился с этим и добавил, что Холден оставил за Англией свободу действий в случае агрессивной политики

---

[1] См. №№ 543 и 595. В письме от 9 марта/25 февр. за № 248 (см. стр. 282, прим. 3) Коковцов, между прочим, сообщал, что правление Русско-азиатского банка «решило совершенно отказаться от шанхайского договора лишь бы только не войти в противоречие со взглядами правительства».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 324, N 571.

[3] См. № 468.

[4] В тел. от 15/2 марта за № 68(№ 2) (опубл. Siebert, II, S. 325, N 572) Бенкендорф сообщил текст этого меморандума: «Англия не произведет невызванного нападения на Германию и не преследует агрессивной политики по отношению к ней. Агрессия по отношению к Германии не является целью и не составляет предмета какого-либо договора, соглашения или уговора, в котором Англия в настоящее время принимает участие, и впредь она не примет участия ни в чем, что имеет подобную цель». См. Gr. Pol., Bd. XXXI, S. 178, N 11401.

Германии против держав, с которыми Англия имеет соглашения, и что это, само собой разумеется, остается в силе. Такое же сообщение Грей сделал и Камбону. Он просил нас отметить в наших донесениях весьма доверительный характер его сообщения.

Бенкендорф.

№ 642. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 38. 15/2 марта 1912 г.

Сегодня опубликована ратификация франко-германской конвенции о Марокко и Конго. Сегодня же Реньо выезжает из Танжера в Фец с поручением в возможно короткий срок заключить с султаном договор о протекторате [1]. Пуанкаре только-что заявил о вышесказанном в палате депутатов, подчеркнув по этому поводу, что конвенции с Германией оставляют вполне неприкосновенной политическую систему Франции, основанную на союзе с Россией и сердечном согласии с Англией.

Извольский.

№ 643. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма №№ 28—29 [2]. 15/2 марта 1912 г.

Le texte de la communication italienne: «Les gouvernements allemand, austro-hongrois, français, anglais et russe ont exprimé le désir de connaître minimum des conditions auxquelles l'Italie subordonnerait acceptation d'une médiation des Puissances à l'effet de la cessation des hostilités entre l'Italie et la Turquie. Le gouvernement royal apprécie à sa juste valeur l'esprit amical qui a inspiré cette démarche des Grandes Puissances et le but hautement humanitaire qu'elles se proposent. Obéissant aux devoirs qui lui étaient imposés par sa dignité de Grande Puissance et à la nécessité de sauvegarder ses intérêts politiques et économiques dans la Méditerrannée, elle s'est vue contrainte de déclarer la guerre à la Turquie, guerre que l'attitude du gouvernement ottoman avait rendu inévitable et qui a été constamment appuyée par le consentement unanime du parlement et du pays. L'Italie n'a cependant point d'intérêt à amoindrir la situation internationale de la Turquie. Par conséquent, tout en poursuivant la guerre avec tous les moyens à sa disposition, l'Italie est également disposée, la réalisation de ses fins une fois assurée, à mettre terme à l'état de guerre et à seconder, avec esprit de conciliation, les efforts des Puissances tendants au rétablissement de la paix. La cessation des hostilités signifie en effet la constitution d'un état de fait équivalent à la paix, sans existence d'un traité qui en contient la stipulation formelle.

La cessation des hostilités doit avant tout avoir pour base la souveraineté pleine et entière de l'Italie sur la Tripolitaine et la Cyrénaïque, telle qu'elle a été solennellement proclamée par la loi du Royaume du 27 février [nouv. st.] 1912. La reconnaissance de cette souveraineté une fois explicitement admise par les Puissances ne serait pas demandée à la Turquie. Il suffirait d'obtenir la certitude de sa renonciation pratique qui serait donnée respectivement en premier lieu par la retraite définitive de toutes ses troupes des deux provinces. La Turquie devrait également rétablir le «status quo ante bellum» pour tout ce qui concerne la situation des sujets italiens dans son territoire (régime des capitulations, relations commerciales, bu-

[1] В деп. от 14/1 марта за № 17 (опубл. М., стр. 164) Извольский, между прочим, сообщал, что несговорчивость Испании в переговорах с Францией (ср. № 533) побудила последнюю ускорить посылку Реньо для формального установления протектората Франции над Марокко.

[2] Публикуемый документ представляет собой две тел., передававшие ответ итал. прав-ва: первая, посланная 15/2 марта за № 28, и вторая, посланная 16/3 марта за № 29. Вторая тел. начинается со слов: «Concessions que l'Italie ferait envisager...» Опубл. Gr. Pol., Bd. XXX, T. I, S. 318, № 11047, Anlage; Doc. dipl., 3-me série, V. II, p. 205, N 208, Annexe; Oe. U. A., Bd. IV, S. 47, N 3378, Beilage; Br. Doc., V. IX, P. I, p. 378, N 382, Enclosure.

reaux de postes, écoles, hôpitaux etc.). L'Italie supprimerait, en échange, bien entendu, les surtaxes établies à l'entrée des produits turcs dans le royaume.

Concessions que l'Italie ferait envisager de son côté pourraient se rapporter aux points suivants:

I. Reconnaissance de l'autorité religieuse du Calife sous forme analogue aux dispositions de l'article 4 du protocole austro-turc du 26 février [nouv. st.] 1909 pour autant qu'elle serait applicable aux usages et aux conditions locales, et à la condition qu'elle se maintienne sur territoire religieux, de manière à exclure tout ce qui pourrait constituer une immixtion politique ou y donner prétexte. Il ne faut pas laisser subsister en effet une source de conflits perpétuels, ce qui ne serait certainement pas dans l'intérêt de l'Italie [1] ni de la Turquie elle-même;

II. Engagements relatifs à l'élévation des droits de douane, à l'établissement de monopoles, aux bureaux de postes italiens et au régime des capitulations dans l'Empire Ottoman, pareillement sous une forme analogue aux dispositions des articles 6, 7 et 8 du protocole austro-turc susmentionné;

III. Remboursement dans un montant à établir de la valeur des biens immeubles de diverse nature que la Turquie possédait en Tripolitaine et Cyrénaïque;

IV. Confirmation de la déclaration déjà émise par le gouvernement italien relativement à la garantie des intérêts représentés par le Conseil de la Dette Publique turque en tant qu'ils se rapportent aux revenus de la Tripolitaine et de la Cyrénaïque;

V. Règlement des réclamations privées des sujets italiens en Turquie, en les déférant au Tribunal de la Haye, ou en adoptant telle autre solution qui serait proposée par les Puissances [2], de toutes les réclamations concernant les dommages infligés par la Turquie aux ressortissants italiens, à leur commerce et aux institutions italiennes pendant la guerre. Le droit des particuliers de faire valoir leurs réclamations envers le gouvernement turc par la voie purement judiciaire devrait cependant demeurer fait accompli;

VI. Déclaration de renoncer à l'application de toute punition aux populations arabes de la Tripolitaine et de la Cyrénaïque pour tous les faits survenus jusqu'à la date de cessation des hostilités entre l'Italie et la Turquie: expression, de la part du gouvernement royal de son intention d'appliquer auxdits insurgés un régime largement libéral et faire droit aux us et coutumes de leur race;

VII. Accords à prendre avec les autres Grandes Puissances en vue d'une déclaration ou stipulation répondant aux principes du maintien de l'intégrité territoriale de la Turquie d'Europe.

Le gouvernement royal, dans ses échanges de vues avec les Puissances, a déjà eu maintes fois l'occasion de mentionner quelques-unes des conditions sub-énoncées, en ayant soin d'ajouter qu'elles répondaient à la situation du moment, et qu'elles avaient dû subir des modifications considérables par suite de la prolongation de l'état de guerre. Cependant, et pour se référer au désir exprimé par les Grandes Puissances le gouvernement royal est toujours disposé à maintenir ces conditions. Le gouvernement royal est convaincu que les Grandes Puissances reconnaîtront l'esprit de conciliation duquel s'inspirent les conditions qu'il propose. Si toutefois, dans le but de donner satisfaction aux intérêts et aux sentiments de la Turquie, les Grandes Puissances présentaient quelques autres propositions, le gouvernement royal est disposé à les examiner avec le même esprit de conciliation en laissant naturellement hors de discussion le point relatif à la souveraineté pleine et entière de l'Italie sur la Tripolitaine et la Cyrénaïque. Les dispositions du gouvernement royal deviendraient naturellement moins favorables à la Turquie si la guerre devait se prolonger».

Dolgorouky.

---

[1] В Doc. Dipl. далее следуют слова: «ni des Puissances» («ни держав»).

[2] В Doc. Dipl. далее следуют слова: «règlement, sur ces mêmes bases, ou solution proposée par les Puissances» («урегулирование на тех же основах или [согласно] решению, предложенному державами»).

Перевод.

Текст итальянского сообщения: «Германское, австро-венгерское, французское, английское и российское правительства выразили желание узнать минимум условий, которым Италия подчинила бы принятие посредничества держав с целью прекращения военных действий между Италией и Турцией. Королевское правительство по достоинству оценивает дружественные чувства, вызвавшие это выступление великих держав, и высоко гуманную цель, которую они себе ставят. Подчиняясь обязанностям, которые на нее налагало ее достоинство великой державы, а также необходимости ограждать свои политические и экономические интересы в Средиземном море, она была вынуждена объявить Турции войну,— войну, сделавшуюся неизбежной из-за позиции оттоманского правительства и которая все время пользовалась единодушной поддержкой парламента и страны. Италия однако нисколько не заинтересована в умалении международного положения Турции. Поэтому, продолжая войну всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении, Италия также расположена, как только будет обеспечено осуществление ее задач, положить конец состоянию войны и содействовать в духе примирения усилиям держав, направленным к восстановлению мира. Прекращение военных действий означает, в сущности, установление положения, равноценного миру, без наличия договора, содержащего формальное постановление о нем.

Прекращение военных действий должно прежде всего иметь основой полный и безусловный суверенитет Италии над Триполитанией и Киренаикой, торжественно объявленный законом королевства от 27 февраля [нов. ст.] 1912 г. В случае открытого признания державами этого суверенитета последнее не потребуется от Турции. Достаточно было бы получить уверенность в ее отказе на практике, который в первую очередь выразился бы в окончательном выводе всех ее войск из обеих провинций. Турция должна была бы также восстановить status quo ante bellum во всем, касающемся положения итальянских подданных на ее территории (режим капитуляций, торговые отношения, почтовые конторы, школы, госпитали и т. д.). Италия отменила бы, разумеется, взамен этого, надбавки, установленные на ввоз в королевство турецких продуктов.

Уступки, которые Италия согласна рассмотреть, со своей стороны могли бы касаться следующих пунктов:

I. Признание религиозной власти халифа в форме, аналогичной постановлениям статьи 4-й австро-турецкого протокола от 26 февраля [нов. ст.] 1909 г., поскольку она была бы применима к местным условиям и обычаям и при условии, чтобы эта власть не выходила за пределы религиозных вопросов, т. е. с исключением всего, что могло бы представить собой политическое вмешательство или служить для него предлогом. Не следует оставлять источника для постоянных конфликтов, что было бы, конечно, не в интересах ни Италии, ни самой Турции;

II. Обязательства, касающиеся повышения таможенных пошлин, установления монополий, итальянских почтовых контор и режима капитуляций в Оттоманской империи, тоже в форме, аналогичной постановлениям статей 6-й, 7-й и 8-й вышеуказанного австро-турецкого протокола;

III. Возмещение стоимости разного рода недвижимых имуществ, которыми Турция владела в Триполитании и Киренаике в сумме, подлежащей установлению;

IV. Подтверждение заявления, уже сделанного итальянским правительством, относительно гарантии интересов, представляемых советом турецкого публичного долга, поскольку они относятся к доходам Триполитании и Киренаики;

V. Урегулирование частных претензий итальянских подданных в Турции путем передачи их в Гаагский трибунал или иным путем, предложенным державами; всех претензий, касающихся убытков, причиненных Турцией итальянским подданным, их торговле и итальянским учреждениям во время войны. Право частных лиц предъявлять свои претензии турецкому правительству чисто судебным порядком должно тем не менее быть сохранено;

VI. Заявление об отказе от применения к арабскому населению Триполитании и Киренаики каких-либо репрессий за все действия, имевшие место до дня прекращения военных операций между Италией и Турцией; заявление со стороны королевского правительства о его намерении применять к упомянутым повстанцам широко либеральный режим и считаться с обычаями и привычками их племени;

VII. Заключение соглашения с другими великими державами относительно декларации или постановлений, отвечающих принципам сохранения территориальной неприкосновенности Европейской Турции.

Королевское правительство, при обмене мнений с державами, уже многократно имело случай упоминать о некоторых из вышеизложенных условий, добавляя, что они отвечают обстоятельствам момента и должны подвергнуться значительным изменениям в связи с продолжением войны. Однако, считаясь с желанием, выраженным великими державами, королевское правительство попрежнему расположено сохранить в силе эти условия. Королевское правительство убеждено, что великие державы признают примирительный дух, которым проникнуты предлагаемые им условия. Если, однако, для удовлетворения интересов и достоинства Турции, великие державы выставили бы какие-либо другие предложения, то королевское правительство расположено рассмотреть их в том же примирительном духе, оставляя, конечно, вне обсуждения пункт, касающийся полного и безусловного суверенитета Италии над Триполитанией и Киренаикой. Отношение королевского правительства стало бы, естественно, менее благоприятным для Турции, если б война затянулась».

Долгорукий.

№ 644. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Депеша № 16. 15/2 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Неожиданная биржевая паника, охватившая Германию минувшей осенью, во время острого периода переговоров по марокккскому вопросу, произвела, повидимому, серьезное впечатление на германское правительство. В то время принятыми энергичными мерами удалось предотвратить тяжелый финансовый кризис, но правительство не оставило без внимания это предостережение; целый ряд правительственных мер служит этому доказательством.

Наш финансовый агент уже донес, несомненно, по своему начальству о всех подробностях этих мероприятий, я же тем не менее считаю долгом остановиться на них, хотя в нескольких словах.

Преследуемая германским правительством в этом вопросе задача, повидимому, двоякая. С одной стороны, она старается дать бо́льшую устойчивость государственным ценностям и создать более широкий круг держателей ренты, а с другой — разными мерами достигнуть увеличения наличного запаса золота [1].

Все эти мероприятия проводятся без особого спеха, но планомерно, как законодательным порядком, так и административными распоряжениями.

Из числа мероприятий законодательного характера наиболее интереса представляет законопроект, обязующий сберегательные кассы помещать доверяемые им вклады главным образом в облигациях государственных займов. Этим достигается двоякая цель, так как значительно облегчается таким путем расчет с вкладчиками. До сих пор же сберегательные кассы увлекались ипотечными операциями, опасность чего и сказалась минувшей осенью, когда боязнь войны вызвала значительный отлив вкладов, и сберегательные кассы оказались в затруднении, будучи не в состоянии сразу располагать достаточным количеством наличных денег.

К этому же разряду законопроектов относится обсуждаемый ныне вопрос об обязательном помещении частными страховыми обществами части своих средств в государственных бумагах.

О необходимости принятия мер к поддержанию курса государственных займов подробно распространился также на-днях в ландтаге прусский министр финансов.

К мерам, непосредственно направленным к накоплению запаса золота, нужно отнести разные административные распоряжения, как, например, циркуляр Государственного банка (Reichsbank), имеющий целью побудить частные банкирские учреждения хранить известную часть своих оборотных средств (15%) в кассовой наличности и, повидимому, преимущественно в золоте. Затем следует упомянуть о правительственном распоряжении пользоваться исключительно бумажными деньгами при всех расчетах казны, выдаче жалования чиновникам и т. д.

Нельзя не признать, что все эти меры имеют одну общую цель — подготовить финансы Германии ко всяким могущим возникнуть политическим осложнениям.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

№ 645. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 40. 16/3 марта 1912 г.

По поводу полученного вчера ответа Италии [2], Пуанкаре сказал мне, что, по его мнению, следует продолжать обмен мыслей между державами касательно предстоящего шага в Константинополе. Со своей стороны, он готов присоеди-

[1] Ср. № 555.
[2] См. № 643.

ниться к подобному шагу, под условием, что он не будет иметь характера давления в пользу итальянских требований, что было бы несогласно с нейтралитетом держав [1].

Извольский.

№ 646. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 16/3 марта 1912 г.
Secrète.

Mon cher Ministre,

A mon passage par Moscou j'ai vu le prince Lvoff, directeur de nos archives en cette ville. Il a attiré mon attention sur la réunion des généraux à Moscou, qui étudient un travail de mobilisation et parlent très ouvertement d'une guerre très proche avec l'Autriche-Hongrie. Ce langage belliqueux, la mobilisation surtout des troupes du gouvernement de Kieff, la concentration de la cavalerie le long de la frontière autrichienne, n'échappera pas à l'attention du Cabinet de Vienne, elle produira la plus funeste impression, et ce qui est plus fâcheux c'est que les instructions que sa majesté et vous m'avez données se trouveront en flagrante contradiction avec les faits militaires. Les paroles ne seront plus conformes aux actes.

Je dois vous signaler ce danger. Je ne puis douter à l'heure présente de la sincérité du comte Berchtold et du Cabinet de Vienne, car c'est présentement l'intérêt de l'Autriche-Hongrie.

On tient le même langage belliqueux à Belgrade grâce à l'austrophobie incurable de Hartwig. Il aurait mieux fait de ne chercher que les intérêts avant tout de la Russie. Je l'aurais souhaité ministre plutôt à Bucarest, où il ferait moins de mal. La légation est aussi plus avantageuse. A Belgrade il aurait fallu un représentant plus pondéré, pour que notre action soit plus solidaire et conforme aux instructions de notre auguste maitre et que mes efforts ne soient pas paralysés. Un diplomate sage et prudent dans le genre de Déméric, actuellement à Hambourg, serait plus à sa place à Belgrade.

A St.-Pétersbourg j'ai constaté malheureusement aussi, dans le milieu militaire, des paroles belliqueuses à l'égard de l'Autriche. On parle trop.

Vous voudrez bien m'excuser de parler avec cette franchise. Connaissant les intentions de votre excellence, je désire les servir loyalement et ne point trouver des entraves constantes chez ceux qui ne devraient pas avoir une autre ligne de conduite.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод.

Секретное.

Дорогой министр,

При проезде через Москву я видел князя Львова, директора наших архивов в этом городе. Он обратил мое внимание на совещание генералов в Москве, которые изучают мобилизационные планы и совершенно открыто говорят об очень близкой войне с Австро-Венгрией. Эти воинственные речи и в особенности мобилизация войск в Киевской губернии, концентрация кавалерии вдоль австрийской границы, не ускользнут от внимания венского кабинета и произведут самое пагубное впечатление и, что особенно неприятно, это, что инструкции, данные мне его величеством и вами, окажутся в явном противоречии с военными мероприятиями. Слова не будут более соответствовать действиям.

Я должен указать вам на эту опасность. В настоящий момент я не могу сомневаться в искренности графа Берхтольда и венского кабинета, ибо в настоящее время это в интересах Австро-Венгрии.

Такие же воинственные речи раздаются и в Белграде, благодаря неизлечимому австрофобству Гартвига. Было бы лучше, если бы на первом плане у него стояли только интересы России. Я бы предпочел, чтобы он был посланником в Бухаресте, где он приносил бы меньше вреда. Эта миссия даже имеет бо́льшие преимущества. В Белграде нужен был бы более

[1] Тел. от 17/4 марта за № 460 (опубл. Stieve, II, S. 71, N 235), сообщенной в Лондон, Сазонов поручил Извольскому запросить франц. прав-во, считает ли оно своевременным, ввиду ответа, полученного от Италии, предписать представителям держав в К-поле дать Порте «дружеский совет, если она сочтет это возможным, положиться на державы в деле посредничества».

уравновешенный представитель, чтобы наши действия были более согласованными и больше соответствовали инструкциям нашего августейшего государя и чтобы мои усилия не были парализованы. Благоразумный и осторожный дипломат вроде Демерика, который находится в настоящее время в Гамбурге, был бы в Белграде более на месте.

К сожалению, в Петербурге в военных кругах я также слышал воинственные речи по отношению к Австрии. Говорят слишком много.

Извините меня за такую откровенность. Зная намерения вашего высокопревосходительства, я желаю честно проводить их и не встречать постоянных препятствий со стороны тех, которые не должны были бы иметь другой линии поведения.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 647. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 16/3 марта 1912 г.

Mon cher Ministre,

Le jour même de mon retour à Vienne [1] j'ai eu une entrevue avec le comte de Berchtold.

Je me suis scrupuleusement acquitté de la mission dont vous m'aviez chargé, j'ai parlé du but que vous poursuiviez par vos propositions de médiation, qui ont eu, en tout cas, le grand mérite de mettre d'accord cinq Grandes Puissances et ont fixé leur point de contact pour une future action diplomatique en temps et lieu.

J'ai mis au point la polémique, les attaques intempestives du «Новое время» qui n'ont pas plus de valeur que les propos de la «Neue Freie Presse» que le Ball-Platz désapprouve énergiquement.

J'ai exprimé le désir que le comte Berchtold demeure fidèle à son engagement du status quo dans les Balkans et contribue au maintien de la paix.

Le comte Berchtold m'a répondu qu'il était heureux de l'identité des vues des deux grandes Puissances les plus intéressées dans les questions des Balkans. Il m'a confirmé sa ferme décision de ne pas se départir de la politique pacifique et d'entente pour éviter tout ce qui pourrait nous désunir, il a rejeté l'accusation portée contre le Cabinet de Vienne de vouloir occuper le Sandjak. Quant à la presse autrichienne, le comte Berchtold a marqué son mécontentement contre la «Neue Freie Presse», en refusant de recevoir jusqu'à présent Mr. Benedikt, l'homme puissant et le rédacteur en chef de cet organe juif.

Le comte Berchtold m'a prié de continuer à lui parler toujours avec entière franchise sur toutes les questions concernant nos deux pays, car cette attitude est la seule qui permette d'écarter tout malentendu.

Le ministre espère pouvoir compter sur l'amitié de votre excellence et un bienveillant concours pour le but pacifique qu'il poursuit.

J'ai fait part au ministre de mon désir d'être reçu par sa majesté l'empereur François-Joseph afin de pouvoir m'acquitter des ordres qu'il a plu à mon auguste maître de me donner.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод.

Дорогой министр,

В самый день моего возвращения в Вену я имел беседу с графом Берхтольдом.

Я добросовестно выполнил возложенное вами на меня поручение, я говорил о той цели, которую вы преследовали вашими предложениями медиации, имевшими во всяком случае ту большую заслугу, что они привели пять великих держав к соглашению и установили между ними точки соприкосновения для будущих дипломатических выступлений, когда и где это окажется необходимым.

Я дал объяснения по поводу полемики и неуместных выпадов «Нового времени», имеющих столь же мало значения, как и заметки в «Neue Freie Presse», которым Ball-Platz высказывает энергичное порицание.

Я выразил пожелание, чтобы граф Берхтольд остался верен своему обязательству относительно status quo на Балканах и содействовал поддержанию мира.

---

[1] См. стр. 181, прим. 3.

Граф Берхтольд ответил мне, что он счастлив убедиться в единстве взглядов двух великих держав, наиболее заинтересованных в балканских вопросах. Он подтвердил мне свое твердое решение не изменять политике мира и согласия, дабы избежать всего, что могло бы нас разъединить; он отверг выдвинутое против венского кабинета обвинение в желании занять Санджак. Что же касается австрийской прессы, то граф Берхтольд выразил свое неудовольствие газетой «Neue Freie Presse», отказываясь до настоящего времени принять г. Бенедикта, влиятельного человека и главного редактора этого еврейского органа.

Граф Берхтольд просил меня продолжать и впредь говорить с ним вполне откровенно по всем вопросам, касающимся наших двух стран, потому что только такой образ действий позволяет устранить всякие недоразумения.

Министр надеется, что он может рассчитывать на дружеские чувства вашего высокопревосходительства и на ваше благожелательное содействие мирным целям, которые он преследует.

Я сообщил министру о моем желании быть принятым его величеством императором Францем-Иосифом, чтобы выполнить приказания, которые соблаговолил мне дать мой августейший повелитель.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 648. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 271. 16/3 марта 1912 г.

Получил № 431 [1].

В связи с вопросом об условиях реализации будущих иностранных займов Китая, затронутым в пункте втором памятной записки, переданной вашим высокопревосходительством английскому послу, позволяю себе доложить нижеследующее соображение с точки зрения положения вещей на месте. Полное банкротство Китая в отношении ресурсов казны на текущие расходы и по оплате значительной части внешних договорных обязательств, именно боксерского вознаграждения, некоторых железнодорожных займов и других более мелких долгов, — уже совершившийся факт. Необходимо следовательно урегулировать обслуживание старых долгов и установить порядок расходования и обслуживания новых. Единственным доступным дополнительным источником дохода является лишь увеличение таможенных пошлин; мера эта была бы однако по сравнению с предстоящей задачей совершенно недостаточным паллиативом и, кроме того, сводясь к переложению долгов Китая на иностранных импортеров, вызвала бы сильную оппозицию с разных сторон. Неизбежным при такой постановке дела является введение широкого иностранного финансового и административного контроля, потому что всякий будущий крупный заем Китая, чтобы иметь под собой хотя какую-либо реальную почву, должен прежде всего предназначаться на неотложные реформы в финансовых и других областях государственного управления или на такие предприятия, которые при существующих условиях могут быть продуктивными только под иностранным контролем. Всякие переговоры об условиях будущих крупных займов Китая неминуемо сведутся к подобной программе. Остается таким образом вопрос об осуществлении соглашения на этот счет, хотя бы до известной степени, между шестью державами; на это могут быть некоторые слабые надежды ввиду чрезвычайных событий, разыгрывающихся в Китае. Другой вопрос — отношение самих китайцев к подобной программе. Всякая государственная власть в Китае, особенно националистически-республиканская, как только сорганизуется, будет всеми силами противиться установлению иностранного контроля. Если же обстоятельства заставят ее отказаться от сопротивления, то на власть эту нельзя уже будет рассчитывать, чтобы провести в стране осуществление упомянутого иностранного контроля. Задача таким образом для иностранцев будет состоять в том, чтобы наложить руку на Китай, и весь вопрос сводится к дилемме, сделать ли это при первом удобном случае, как только сформируется центральное правительство и затем вводить контроль, или же сделать это тогда, когда в зависимости от развития финансового вопроса все более мягкие средства давления будут исчерпаны. Первый способ мог бы быть лучше рас-

[1] См. № 629.

считан и при нем, раз достигнув соглашения между державами, легче было бы поддерживать таковое; второй, придавая делу затяжной характер, устранил бы всякие сложные и трудные вопросы на первых порах, но едва ли способствовал бы в дальнейшем согласованности действий между державами.

Щекин.

№ 649. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 461. 17/4 марта 1912 г.

Испанский посол сообщил мне справку, из коей выходит, что Франция требует от Испании в виде компенсации за признание особых прав в ее зоне в Марокко — 139 000 квадратных километров, признанных было за Испанией соглашением 1904 года [1]. Посол просит о нашем умеряющем воздействии на Францию. Сообщая изложенное, предоставляю вам, однако, действовать сообразно настроению, какое встретите, вовсе не желая задевать Францию щекотливыми замечаниями.

[Сазонов.]

№ 650. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 31 [2]. 17/4 марта 1912 г.

Считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству о некоторых обстоятельствах, определяющих нынешнее настроение Италии: 1) Общественное мнение тяготится бездействием правительства, противоречащим его постоянным воинственным заверениям. Слова вступительной части ответа Италии [3]: tout en poursuivant и т. д. [4]. Правительство, объявившее войну, под давлением общественного мнения, будет принуждено, если попытки посредничества не увенчаются успехом, уступить ему и предпринять деятельные военные меры, международных последствий которых нельзя учесть. 2) Войско будто бы также начинает терять терпение. По сведениям, полученным в германском посольстве, — нижние чины, а в великобританском — молодые офицеры, и, наконец, по частным доверительным сведениям из Триполи, и те и другие — ропщут на однообразное топтание на месте, а запасные чины настаивают на движении вперед, либо просят роспуска по домам. Такие данные, конечно, тщательно скрываются правительством. 3) Свободной наличности для ведения войны хватит еще месяца на два. Затем придется изыскивать новые средства или путем займа или увеличением налогов. Это положение еще более заставит правительство подчиниться общественному мнению, тем не менее Джиолитти из страха того же общественного мнения не счел для себя возможным ответить на предложение посредничества отказаться от требования признания закона о распространении на Ливию верховных прав Италии. Он не заметил всей несообразности требования от держав признания сказанного закона в ответ на их запрос об условиях, предъявляемых Италией Турции. Заключительная часть ответа от слов: Si toutefois и т. д. — служит подтверждением того, что если бы державы по личному почину нашли возможным обойти молчанием этот вопрос, итальянское правительство подчинилось бы воле держав. Если изложенные обстоятельства еще более утвердят вас в желании продолжать ваши усилия, направленные к прекращению военных действий, не найдете ли вы уместным возобновить ваши предложения, изложенные в письмах от [28] 15 декабря мин. г.[5] и [27] 14 января с. г.[6], лишь видоизменив их форму хотя бы следующим образом: оставить без ответа памятную записку, переданную послам итальянским мини-

[1] См. ч. I, стр. 32, прим. 4.
[2] Царск. экз.
[3] См. № 643.
[4] Так в оригинале. Повидимому, этот пункт тел. плохо расшифрован.
[5] См. № 275.
[6] См. № 394.

стром иностранных дел, и, сговорившись с остальными четырьмя нейтральными державами, предложить от общего имени обеим воюющим сторонам прекратить военные действия на следующих условиях: 1) Турция отзывает из Триполи и Киренаики находящиеся там свои войска и распускает арабские отряды. Италия прекращает блокаду Аравии, отказывается от бомбардировки турецкого побережья, дарует восставшим в Ливии полное помилование и предоставляет желающим право свободного избрания себе духовного главы, — пункт 1 итальянского ответа. Из слов министра иностранных дел я понял, что Италия согласна была бы снять блокаду Аравии только в том случае, если ей будет гарантировано прекращение войны, ибо в противном случае она изменила бы самой себе. Кроме того, она опасается обмана со стороны Турции при отозвании войск из Ливии. 2) После достигнутого прекращения военных действий, переход к нормальному порядку мог бы быть достигнут следующим путем: в целях возвращения к прежним торговым и промышленным отношениям восстанавливаются неофициальные дипломатические сношения для урегулирования как этих вопросов — смотри итальянский ответ от слов: Situation des sujets italiens и т. д., — так и заключающихся в §§ 2, 4 и 5 ответа, равно и о размере денежного вознаграждения, причем последнее не должно было бы быть предложено за недвижимое имущество, принадлежащее Турции в Ливии, — § 3 ответа, — ибо это было бы равносильно вынуждению признания Турцией потери обоих вилайетов. Такая попытка посредничества должна была бы, казалось, рассчитывать на менее отрицательный прием со стороны Турции, если была бы предпринята в связи с отклонением державами других домогательств. Лишь после этого державам можно было бы признать совершившееся утверждение Италии на северо-африканском побережьи путем обмена нот, как указано в письме от [28] 15 декабря или же фактически путем назначения в Триполи и Бенгази консулов, экзекватур которым был бы выдан итальянским королем.

Долгорукий.

№ 651. Король черногорский российскому министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 17/4 марта 1912 г.

Cher Ministre,

La parfaite conformité de vues qui s'est établie entre nous, aussitôt que nous nous sommes rencontrés dernièrement à St.-Pétersbourg me procure le plaisir de vous adresser cette lettre, dans le double but de me féliciter d'abord d'avoir fait connaissance d'un homme d'Etat éclairé, qui m'inspire la pleine confiance que la politique slave ne saurait être confiée à de meilleures mains, et ensuite de vous donner quelques renseignements sur la situation en Albanie.

Je viens d'écrire une lettre à sa majesté l'empereur [2] concernant cette situation et il me semble opportun de la compléter par ce qui suit: d'après les informations

---

[1] Публикуемый документ был препровожден Б. Миллером в м-во ин. дел при письме отв. 25/12 марта вместе с письмами короля черногорского Николаю II (см. прим. 2) и Коковцову. Письмо короля Николая Коковцову в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] В письме Николаю II от того же числа король черногорский писал: «В политическом положении Албании не произошло заметных перемен за время моего отсутствия из Черногории. Тем не менее я счел нужным, после своего возвращения, подчеркнуть действиями, а также торжественными, насколько возможно ясными, подробными и публичными заявлениями непоколебимое решение моего правительства воздерживаться от какого бы то ни было действия, могущего показаться поощрением албанцев к восстанию, а следовательно враждебного Турции. Мои слова и мои настроения в этом отношении должны были убедить албанцев в том, что им нечего надеяться на помощь или симпатию Черногории, если они восстанут против своего правительства. В то же время я воспользовался несколькими случаями, чтобы громогласно объявить, что я в настоящее время больше, чем когда-либо, желаю поддержания мира с Оттоманской империей. Приняв твердо эти решения, я могу таким образом уверить ваше величество, что я буду крепко охранять границу, насколько то будет в моей власти. Не только не будет оказано никакого поощрения малиссорам вновь поднять оружие против турок, но, хотя состояние умов среди христианского населения в погра-

que j'ai reçues de sources différentes, l'Albanie serait plutôt excitée dans le sens de cette agitation spéciale qui précède en général les soulèvements.

L'excitation est maintenue d'une part par la prolongation de la guerre italo-turque et d'autre part le mécontentement est occasionné par les mauvais procédés des autorités turques et par une méfiance enracinée dans la population envers tout ce qui dérive du gouvernement ottoman.

Une révolte albano-macédonienne, si elle n'est pas imminente, sera pourtant difficile à éviter.

Près de ma frontière les Malissores et autres Albanais montrent dès à présent la velléité à reprendre les armes; mais, fidéle à mon engagement, je leur ai fait comprendre à tous que dans aucun cas ils ne peuvent pas compter sur moi pour une aide quelconque, une protection ou un acte de sympathie; ma volonté de vivre dans les meilleurs termes avec la Turquie étant au dessus de toute atteinte.

C'est dans ces dispositions que je tiens à répéter ici ce que j'ai eu déjà l'occasion de dire en maintes circonstances, savoir: que la paix et l'ordre en Albanie, dépendent uniquement au moment actuel de l'attitude des autorités ottomanes vis-à-vis la population.

Ces autorités civiles ou militaires devraient s'abstenir de froisser les sentiments des Albanais par des procédés brusques ou violents bien qu'elles aient la tâche de soumettre ces fiers montagnards à la loi commune.

La Sublime Porte doit se rendre compte qu'il n'est guère possible de supprimer du jour au lendemain de très anciennes habitudes et de vieilles coutumes consacrées par des siècles, sans provoquer des oppositions opiniâtres et des révoltes sanglantes, politiquement fort dangereuses, chez un peuple belliqueux, qui a joui jusqu'à présent d'une entière indépendance.

Les deux points surtout de l'introduction du service militaire obligatoire et de la perception des impôts devraient être abordés et traités avec beaucoup de tact et de ménagement. C'est dans l'intérêt même de la Turquie d'avoir pour ainsi dire la main légère avec les Albanais, en attendant de l'action du temps et d'un traitement doux et bienveillant ce qu'elle ne pourra pas obtenir par la force et immédiatement.

Je ne puis laisser passer cette occasion sans vous rappeler l'affaire du métropolite Dojitch [1] dont l'issue favorable dépend exclusivement du bienveillant appui que votre excellence voudra bien lui accorder. Contrairement aux informations qui ont pu vous parvenir à ce sujet, je puis assurer votre excellence, que l'installation de monseigneur Dojitch calmera immédiatement les esprits et comblera les voeux de l'immense majorité de la population orthodoxe de la Vieille Serbie, qui prépare un accueil chaleureux à son métropolite.

Je saisis avec empressement cette occasion pour exprimer à votre excellence mes meilleurs sentiments d'estime et d'amitié [2].

Nicolas.

Перевод.

Дорогой министр,

Полная солидарность взглядов, установившаяся между нами со времени нашей недавней встречи в С.-Петербурге, дает мне приятную возможность написать вам это письмо

ничных вилайетах Косово и Скутари крайне возбуждено, я буду действовать доступными мне средствами, чтобы отговорить их от безумного предприятия, последствия которого были бы для них гибельными. Придерживаясь этой линии поведения, я буду испытывать глубокое удовлетворение от того, что точно следую желанию вашего величества, вполне отвечающему идентичным интересам и видам России и Черногории».

[1] См. №№ 295 и 323.

[2] Рапортом от 3 мая/20 апр. за № 831 Потапов сообщал нач. ген. штаба Жилинскому, что поездка короля Николая в Россию отразилась «благоприятным образом» на политике черног. прав-ва. По словам Потапова, королевское прав-во «энергично советует всем находящимся под его влиянием албанским племенам соблюдать полное спокойствие, причем на случай ослушания грозит даже запереть границу и не допускать на свою территорию ни одного албанского беженца». Указывая далее на возможность восстания в Албании, Потапов сообщал о связанных с этим военных приготовлениях Австро-Венгрии в соседних с Черногорией районах Далмации, Боснии и Герцеговины.

с двойной целью: прежде всего, чтобы выразить удовольствие по поводу знакомства с просвещенным государственным мужем, личность которого внушает мне абсолютную уверенность, что славянская политика не может быть передана в лучшие руки, а затем для того, чтобы сообщить вам некоторые сведения относительно положения в Албании.

По поводу этого положения я написал письмо его величеству императору и мне кажется целесообразным дополнить его следующим: по полученным мной из различных источников сведениям, Албания находится в том особенном возбужденном состоянии, которое обычно предшествует восстаниям.

С одной стороны, затягивающаяся итало-турецкая война поддерживает состояние возбуждения, с другой — нарастает недовольство благодаря грубым действиям турецких властей и вкоренившемуся недоверию ко всему, что исходит от турецкого правительства.

Если восстание албано-македонцев и не предвидится непременно в ближайшее время, то избежать его совсем все же будет трудно.

Вблизи моих границ малиссоры и другие албанцы уже теперь обнаруживают стремление взяться за оружие. Но, верный своему обещанию, я дал им всем понять, что ни в коем случае они не могут рассчитывать на поддержку, покровительство или сочувствие с моей стороны, так как мое желание сохранять самые лучшие отношения с Турцией непреложно.

С этой целью я считаю нужным повторить здесь то, что я уже неоднократно имел случай говорить, а именно, что спокойствие и порядок в Албании в настоящее время зависят исключительно от поведения турецких властей по отношению к населению.

Эти власти, гражданские или военные, должны были бы стараться не задевать чувства албанцев резким и грубым обращением, хотя бы на них и лежала задача подчинить этих гордых горцев общим законам.

Блистательная Порта должна отдать себе отчет, что невозможно в один день отменить старинные привычки и старые, освященные веками, обычаи, не вызвав упорного сопротивления и кровавых мятежей, — политически очень опасных, — со стороны воинственного народа, пользовавшегося до настоящего времени полной независимостью.

Два пункта требуют особенно тактичного и осторожного подхода: введение обязательной военной службы и сбор налогов. В интересах самой Турции было бы мягкое обращение с албанцами в ожидании, что само время, а так же мягкое и доброжелательное обращение, помогут ей добиться того, что ей не удастся сделать силой и в короткий срок.

Не считаю возможным не напомнить вам о деле митрополита Дожича, благоприятный исход которого зависит исключительно от той благожелательной поддержки, которую вашему превосходительству угодно будет ему оказать. Вопреки сведениям, которые могли дойти до вас по этому вопросу, я могу заверить ваше превосходительство, что водворение его преосвященства Дожича немедленно внесет успокоение и удовлетворит желание громадного большинства православного населения Старой Сербии, готовящей теплый прием своему митрополиту.

Спешу воспользоваться случаем, чтобы выразить вашему превосходительству чувства уважения и дружбы.

Николай.

№ 652. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 475 [1]. 18/5 марта 1912 г.

Китайский заем.

Французский поверенный в делах сообщил мне, что четверной консорциум на собраниях в Лондоне 12 и 13 марта нов. стиля решил ныне же выдать Юань Ши-каю еще один аванс в 13 млн. лан и затем авансировать ему по 6 млн. лан в месяц в течение пяти месяцев, с апреля по август. Тем временем будут обсуждаться условия проектируемого большого китайского займа. Одновременно английский посол сообщил, что сказанный заем предполагается в сумме 60 млн. ф. ст., из которых 80% предназначается на культурные предприятия и 20% на вооружения. Россия приглашается участвовать в сказанных авансах и займе в шестой доле. Такое же приглашение делается Японии [2].

Я ответил английскому и французскому представителям, что буду в состоянии сообщить им решение императорского правительства по этому вопросу лишь по его изучении совместно с министром финансов. Однако уже теперь я не могу не высказать удивление тому направлению, которого держится четверной консорциум. Наше согласие участвовать в его авансах Китаю испрашивается, когда

[1] Опубл. М., стр. 546.

[2] Указанные предложения были переданы Сазонову в пам. записках англ. и франц. пос-в в Петербурге от 16/3 марта. Содержание их в основном изложено в публикуемом документе.

эти авансы уже выданы, и мы не успеваем дать ответ относительно одного аванса, как узнаем о выдаче следующего. Китайское правительство не только еще не признано державами, но даже еще не образовано. Между тем ему уже решено выдать сумму в 45 млн. лан и с ним ведут переговоры об огромном займе в 60 млн. ф. ст. Таким образом, вопрос о признании китайской республики уже предрешается, хотя для ее признания предполагалось поставить известные политические условия, и интересы государственные приносятся в жертву частным интересам банкиров, которые руководят действиями своих правительств [1].

Результатом такой деятельности консорциума будет вооружение азиатского государства против держав Европы. России, как ближайшей соседке Китая, предстоит прежде других испытать на себе невыгодные последствия этого и, следовательно, надолго сосредоточить свое внимание на Дальнем Востоке. Нам приходится поэтому спросить себя, не выгоднее ли для нас отстраниться от этого дела и потребовать от Китая отказа от таких финансовых операций, которые мы сочтем для нас вредными, а в случае его упорства, поддерживать эти требования вооруженной силой.

На замечание французского поверенного в делах, что Китайско-бельгийский банк также ведет переговоры об авансе Юань Ши-каю я ответил, что если это так, то я не могу осуждать действия бельгийцев ввиду образа действий четверного консорциума, пользующегося к тому же дипломатической поддержкой четырех великих держав, которой нет у Китайско-бельгийского банка.

Благоволите в вышеизложенном смысле объясниться с министром иностранных дел и просить его обдумать, соответствует ли интересам держав Тройственного согласия, чтобы внимание и силы России были отвлечены на Дальний Восток грозящей ей там опасностью.

[Сазонов.]

№ 653. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 18/5 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие данного мне вашим высокопревосходительством предписания, я испросил аудиенцию у императора Франца-Иосифа для выражения чувств благодарности государя императора за крайне лестный и сердечный прием, оказанный великому князю Андрею Владимировичу во время его пребывания в Вене [2] и для передачи престарелому монарху дружеского привета от его императорского величества.

Францу-Иосифу угодно было меня принять сегодня в Шенбрунне в частной аудиенции. Посадив меня крайне милостиво рядом с собой, император с видимым удовольствием выслушал выражение дружественных чувств нашего августейшего монарха. В теплых словах его величество ответил мне, что традиционная его преданность государю императору и всей царской семье не может подвергнуться никаким изменениям, какие бы ни были политические отношения между нашими державами. К великому своему счастью, на склоне своего царствования, ему удалось дожить до момента, когда отношения между Россией и Австро-Венгрией

---

[1] В письме от 20/7 марта за № 237, при котором были препровождены Коковцову пам. записки англ. и франц. пос-в, а также телеграммы из Токио за №№ 45 и 46 (см. стр. 294, прим. 2, № 654 и стр. 296, прим. 3) Сазонов высказывал предположение, что «как сказанное расширение замыслов четверного консорциума, так и быстрота, с которой японцы согласились примкнуть к нему, находятся в связи с займом Китайско-бельгийского банка» (см. № 622). В том же письме он ссылался на свою беседу с Коковцовым 19/6 марта, во время которой они договорились, что России следует «добиться от великобританского и французского правительств обязательства, по нашем присоединении к консорциуму, признать за нами право требовать отказа сказанной комбинации банкиров от всякой такой финансовой операции, которую мы будем иметь причины считать вредной для наших специальных прав и интересов в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае».

[2] См. стр. 83, прим. 3.

стали снова более дружественными. Он придает этому большое значение для укрепления мира в Европе и сохранения status quo на Балканах; только в этом видит он возможность избегнуть острый кризис, а мир необходим всем. Император Франц-Иосиф с особенным участием справился о состоянии здоровья императрицы Александры Федоровны и просил передать ее императорскому величеству, а равно и государыне императрице Марии Федоровне свои чувства глубокой привязанности.

Возвращаясь к вопросу о внешней политике и о трудностях найти серьезную почву для посредничества между Италией и Турцией, император Франц-Иосиф с большим сочувствием отнесся к вашему предложению совместного действия пяти держав [1]. Его величество прибавил, что он крайне счастлив, что между вашим высокопревосходительством и графом Турном установились доверчивые отношения.

Говоря о «Новом времени», император сказал, что он выражает самое искреннее свое сожаление, что и в Австро-Венгрии находятся органы печати, которые отзываются о России самым неподобающим образом, что возмущает как его, так и графа Берхтольда [2]. К несчастью, при свободе прессы, с этим злом трудно бороться.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 654. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 45. 18/5 марта 1912 г.

Сегодня японское правительство официально ответило на сделанное ему германским, английским, французским и американским правительствами приглашение участвовать в так называемом реорганизационном займе Китаю. Оно уведомляет о принятии означенного предложения и сообщает, что «Jokohama Specie Bank» будет через своих агентов представительствовать японскую финансовую группу. Об авансе Китаю в ответе не упоминается, так как его рассматривают здесь как составную часть займа. Министр иностранных дел сообщил мне также ту часть ответа, которая оговаривает специальные права и интересы Японии в Манчжурии. В телеграмме № 46 сообщаю подлинный английский текст этой части [3].

Броневский.

№ 655. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 480. 19/6 марта 1912 г.

Сообщается в Лондон, Тегеран, Тавриз, Хой, Урмию и Тифлис.

Турецкий посол заявил мне, что оттоманское правительство отдало приказ не посылать более войск в оккупированную турками персидскую пограничную зону и не занимать более никаких пунктов в этой зоне.

Благоволите высказать министру иностранных дел, что мы с удовольствием приняли означенное заявление к сведению и надеемся, что турецкое правительство осуществит это намерение свое на деле [4].

Сазонов.

---

[1] См. № 394.

[2] См. № 647.

[3] Тел. Броневского от 18/5 марта за № 46 в русском переводе читается: «Японское правительство считает себя в праве ожидать, что все операции, связанные с проектируемым займом, не нанесут ущерба специальным правам и интересам Японии в Южной Манчжурии».

[4] В ответной тел. от 24/11 марта за № 115 Чарыков сообщал Сазонову: «Министр иностранных дел подтвердил означенное заявление и добавил, что воинские части, коими усилен состав стражи турецких консульств в Персии, будут отозваны, как только наступят успокоение и безопасность».

№ 656. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 76. 19/6 марта 1912 г.

Depuis dimanche[1] bruits alarmants sur (guerre) avec la Turquie se sont soudainement répandus avec trop de persistance. City pas encore alarmée, mais nouvelles de bourse de St.-Pétersbourg inquiètent; d'après ce que m'a dit gouverneur de la Banque d'Angleterre dangereux bruits se concentrent sur probabilité de guerre turco-russe sur base du traité d'alliance russo-italienne. En vue d'embarras que mouvements d'esprits peuvent créer à négociations médiatrices, crois qu'intervention de presse serait indiquée. Crois devoir signaler que surtout «Daily Telegraph» a publié courtes informations qui ont agi le plus directement. «Times» reste très calme et publie aujourd'hui télégramme rassurant sur les mouvements de nos troupes au Caucase.

Benckendorff.

Перевод.

С воскресенья здесь неожиданно распространились тревожные слухи о (войне) с Турцией. Сити пока еще спокойно, но известия с петербургской биржи тревожат; по словам управляющего Английским банком ходят опасные слухи о возможности русско-турецкой войны на основании союзного договора между Италией и Россией. Ввиду затруднений, которые может создать для посреднических переговоров настроение общества, считаю целесообразным вмешательство прессы. Считаю долгом отметить, что в особенности «Daily Telegraph» напечатал ряд кратких сообщений, оказавших самое непосредственное влияние. «Times» держится очень спокойно и публикует сегодня успокоительную телеграмму относительно передвижения наших войск на Кавказе.

Бенкендорф.

№ 657. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 276. 19—18/6—5 марта 1912 г.
Спешное. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [14] 1 сего марта за № 124[2] ваше превосходительство, сообщая мне сведения о современном положении вопроса о постройке железных дорог в Малой Азии и отмечая, что изыскание способов ограждения интересов России, затрагиваемых означенным вопросом, выходит за пределы вашей компетенции, просили меня подвергнуть этот вопрос совместному с вами обсуждению.

По тщательном ознакомлении с сообщенными мне вашим превосходительством данными, я не могу не присоединиться в полной мере к высказанному вами мнению, что вопрос о нашем дальнейшем отношении к намечаемому оттоманским правительством проекту железнодорожного строительства в Малой Азии не может считаться входящим в сферу ведения одного только министерства иностранных дел. Со своей стороны, я считаю себя обязанным высказать, что и предполагаемое вашим превосходительством обсуждение сего вопроса совместно со мной должно считаться недостаточным, так как он требует освещения с точки зрения интересов как нашей государственной обороны, так и внешней торговли России. Это обстоятельство я уже имел честь неоднократно отмечать в минувшем году — письма [21] 8 апреля, [4 августа] 22 [июля] и [10 августа] 28 июля и [3 января 1912 г.] 21 декабря за №№ 232[3], 466, 479[4] и 6250[5] — и в настоящее время вижу себя

---

[1] 17/4 марта.
[2] См. № 630.
[3] В письме от 21/8 апр. 1911 г. за № 232 Коковцов, ссылаясь на сообщение Чарыкова о переговорах представителя франц. синдиката Ламорне с турец. прав-вом по поводу постройки не только Самсун-Сивасской ж. д., но и примыкающих к ней линий: Сивас—Харпут, Сивас — Эрзингян — Эрзерум и Иозгад — Силе, указывал, что реализация этого проекта является «в высшей степени для нас нежелательной», так как часть этих линий входит в «запретную зону», установленную совещанием 15/2 июня 1910 г.
[4] См. т. XVIII, примечания к № 301.
[5] См. № 306.

вынужденным повторить мою покорнейшую просьбу не отказать внести это дело на рассмотрение совета министров.

В этом отношении я не могу не напомнить вашему превосходительству, что вопрос об изменении политики, которой мы держались в вопросах, касавшихся сооружения железных дорог в Малой Азии с 1900 г. в течение 10 лет, обсуждался в особом совещании [15] 2 июня 1910 г. при участии представителей наиболее заинтересованных ведомств. Это совещание, выяснив необходимость более надежного обеспечения наших интересов, решило добиваться от турецкого правительства замены запретной полосы, установленной соглашением с Турцией 1900 г. вдоль всего черноморского побережья, новой зоной, очерченной с запада линией Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Моссул—Ханекен. Такое постановление особого совещания удостоилось высочайшего утверждения, и так как оно более уже не пересматривалось, то, казалось бы, должно считаться сохраняющим свою силу и до настоящего времени. Между тем сообщенные мне вами сведения показывают, что данный вопрос получил, в своем дальнейшем течении, направление, прямо противоположное взглядам и решениям помянутого особого совещания.

Не останавливаясь на деталях настоящего дела, я отмечу, что соглашением французских капиталистов с оттоманским правительством от [29] 16 июля 1911 г. намечен к постройке ряд линий, входящих не только в запретную полосу 1900 г., но и в новую запретную зону, намеченную особым совещанием [15] 2 июня 1910 г., и доводящих железнодорожную сеть до Трапезунда и Эрзерума в ближайшем соседстве с нашей закавказской границей. В соглашение, состоявшееся одновременно между российским и французским послами в Константинополе [1], включена оговорка о том, что русское правительство относится в принципе сочувственно к осуществлению всех указанных линий, причем значение этой оговорки ослаблено лишь предоставлением России возможности воспротивиться впоследствии переговорам французов с оттоманским правительством о сооружении линий к востоку от линии, намеченной особым совещанием. Такое благожелательное отношение к сооружению железных дорог по направлению к русской границе нашло себе отражение и в дальнейших переговорах нашего представителя в Константинополе с турецким правительством, и, как видно из телеграммы гофмейстера Чарыкова от [6 марта] 21 февраля за № 88 [2], турецкий министр иностранных дел счел возможным завести разговор даже о смычке русских и турецких железных дорог, что было признано нашим послом, вопреки очевидности, благоприятным для нас признаком.

В настоящее время, как видно из письма вашего превосходительства от [14] 1 марта за № 124, нам приходится обсуждать вопрос о железных дорогах в Малой Азии исходя не из постановки, намечавшейся особым совещанием 1910 г., а из тех условий, которые оказались созданными соглашением с французскими капиталистами и объяснениями с турецким правительством. С одной стороны, мы оказываемся вынужденными считаться с желанием французских капиталистов поместить свои капиталы в выгодное для них дело постройки железных дорог в Малой Азии, каковое желание мы в известной степени поощрили, а с другой,— с возможностью того, что в случае, если французы не исполнят, в угоду нам, пожеланий турецкого правительства, несомненно клонящихся к ущербу для наших интересов, турки передадут все дело в другие руки, что было бы для нас еще более нежелательным.

При таком положении вещей, я со своей стороны затрудняюсь присоединиться к предположениям вашего превосходительства, имеющим целью ограждение интересов России в настоящем вопросе. Вы изволите исходить из той мысли, что с точки зрения наших интересов желательно, чтобы постройка железных дорог в Малой Азии находилась в руках французских капиталистов, но в то же время вами предполагается предложить им известные компенсации для того, чтобы побудить уклониться от постройки неугодных нам линий и особенно в нежела-

[1] См. т. XVIII, приложение к № 202.
[2] См. № 588.

тельной для нас постепенности. Но если предположить, что нам удалось бы достигнуть этой последней цели, то, очевидно, мы тем самым дали бы туркам возможность признать соглашение с французами нарушенным и обратиться к услугам предпринимателей других национальностей. Таким образом намеченный в вашем письме путь не дает нам выхода из того положения, которое создалось в Константинополе.

С другой стороны, я сомневаюсь и в самой возможности привлечь на нашу сторону французских капиталистов какими-либо компенсациями в сфере железнодорожного строительства в пределах кавказского наместничества. В этом отношении необходимо иметь в виду, что при постройке железных дорог в турецких владениях концессия выдается на имя иностранных капиталистов, которые и имеют возможность извлечь разные финансовые выгоды не только при реализации строительного капитала, но также при постройке путем экономии в расходах и при эксплоатации благодаря высокой километрической гарантии. Между тем в России для сооружения железных дорог иностранцам приходится выступать под флагом частных русских обществ, вследствие чего на долю иностранных капиталистов выпадают главным образом выгоды от реализации денежных средств, что не может итти в сравнение с выгодами, получаемыми в первом случае.

Эти соображения приводят меня к выводу о невозможности изыскания способов для ограждения наших интересов в тех рамках, которые намечены в письме вашего превосходительства от [14] 1 марта за № 124, и со своей стороны я продолжаю оставаться при высказывавшемся мной мнении о том, что нам наиболее целесообразно или стать на путь, проектированный особым совещанием [15] 2 июня 1910 г., или, в случае, если министерство иностранных дел считает это при современной политической обстановке невозможным, — утвердиться на почве соглашения 1900 г.

В ожидании уведомления о последующем, прошу вас, милостивый государь, принять и пр.

В. Коковцов.

№ 658. Сообщение турецкого посольства в Петербурге министру иностранных дел.

20/7 марта 1912 г. [1]

Son excellence Assim-bey à Turkhan-pacha, le 17/4 mars 1912.

Si les Puissances se bornent à nous communiquer simplement les conditions de paix de l'Italie et à nous demander les nôtres, nous n'aurons rien à dire contre une pareille démarche, tout en réservant, bien entendu, pleine et entière notre liberté d'apréciation et de réponse.

Dans le cas cependant où la proposition des Puissances acquerrait la forme sous laquelle elle nous est décrite par son excellence Mr. Sazonow [2], et si les propositions italiennes ont pour base la reconnaissance, de notre part, de l'annexion qui a été décrétée, la démarche des Puissances serait en contradiction directe avec la neutralité qu'elles se sont empressées de proclamer dès le début des hostilités, neutralité dont elles se sont prévalu lors de nos protestations à l'occasion du bombardement de nos ports et villes ouvertes de la mer Rouge, des massacres à Tripoli et enfin du

[1] На оригинале публикуемого документа дата отсутствует. Лит. копия ее озаглавлена «Communication ottomane. St. Pétersbourg, le 20/7 mars 1912». Ср. Gr. Pol., Bd. XXX, T. I, S. 324, N 11052 и Doc. Dipl., 3-me série, V. II, p. 217, N 217.

[2] Ср. № 659. Нота турец. прав-ва, как это видно из бесед турец. м-ра ин. дел Ассимбея с австро-венг., франц. и герм. послами в К-поле, была вызвана беседой Сазонова с Турхан-пашой накануне вручения итал. ноты, т. е. 14/1 марта. Во время этой беседы Сазонов сказал, что, после получения ответа от итал. прав-ва, державы-посредницы обратятся к Порте с предложением, не доверит ли она им свои интересы с целью заключения мира. Сазонов при этом развил план возможных условий, на которых мог бы быть заключен мир между Италией и Турцией. Об этой беседе в делах б. м-ва ин. дел не сохранилось никаких материалов. См. Oe. U. A., Bd. IV, S. 50, NN 3381, 3382; Gr. Pol., Bd. XXX, T. I, S. 322, N 11050; Doc. Dipl., 3-me série, V. II, p. 238, N 234.

bombardement de Beirouth [1], et avec les traités qui garantissent notre intégrité territoriale.

Cette contradiction serait d'autant plus flagrante que l'un des belligérants serait simplement sondé et consulté, tandis que l'autre serait invité à confier ses intérêts aux Puissances.

Notre décision au sujet du décret d'annexion étant d'ores et déjà connue par les Puissances, nous avons la ferme conviction qu'elles ne feront pas auprès de nous une démarche aussi contraire à l'équité [2].

Перевод.

Его превосходительство Ассим-бей Турхану-паше, 17/4 марта 1912 г.

Если державы ограничатся тем, что просто сообщат нам итальянские условия мира и запросят нас о наших условиях, то мы не будем иметь никаких возражений против подобного шага, сохраняя за собой, разумеется, целиком и полностью свободу оценки и ответа.

В том случае однако, если бы предложение держав приняло форму, в которой оно описано нам его превосходительством г. Сазоновым, и если бы итальянские предложения имели основой признание с нашей стороны аннексии, которая была декретирована, то шаг держав был бы в прямом противоречии с нейтралитетом, который они поспешили объявить с самого начала военных действий, — нейтралитетом, которым они воспользовались во время наших протестов по поводу обстрела наших открытых портов и городов в Красном море, резни в Триполи и, наконец, бомбардировки Бейрута, — а также с трактатами, гарантирующими нашу территориальную неприкосновенность.

Это противоречие было бы тем более явным, что одну из воюющих сторон просто зондировали и запросили бы, тогда как другая была бы приглашена доверить свои интересы державам.

Так как наше решение относительно декрета об аннексии уже известно державам, то мы твердо уверены, что они не предпримут по отношению к нам шага, столь противоречащего справедливости.

№ 659. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Риме, Берлине и Вене — Бенкендорфу, Извольскому, Долгорукому, Остен-Сакену и Н. Гирсу.

·/. Телеграмма № 487 [3]. 20/7 марта 1912 г.

Сообщается в Константинополь.

Турецкое правительство, по собственному побуждению, обратилось с циркулярной нотой к державам по вопросу о медиации [4]. Излагая в этой ноте свою точку зрения на ожидаемое выступление держав в Константинополе, Порта старается заранее отстранить всякое упоминание об аннексии, как неприемлемое для нее. Упоминая в ноте о сделанном мною, будто бы, сообщении по существу будущих предложений держав, она указывает на несоответствие таковых предложений с принципами нейтралитета.

Считаю необходимым разъяснить, на случай обращения к вам, что никаких сообщений мною в этом смысле турецкому правительству не делалось и что в бывших у меня беседах с здешним турецким послом я касался вопроса о медиации в общих чертах и скорее о modus procedendi, чем по существу.

Что же касается до указаний Порты на различие формы обращения держав к воюющим, то я не могу не высказать, что в этом различии отнюдь не кроется желание посягнуть на ее свободу действий.

Турецкая циркулярная нота высылается вам с очередным курьером.

[Сазонов.]

---

[1] См. стр. 190, прим. 5.

[2] Письмом от 12 апр./30 марта Долгорукий сообщил Сазонову одну из версий о том, каким образом турец. прав-во узнало о выступлении пяти держав в Риме по вопросу о медиации и об ответе Италии на это выступление: газета «Corriere della Sera» опубликовала ответ Италии на предложение посредничества «еще ранее получения его державами, которым он был предназначен». Один из сотрудников «Corriere della Sera» сообщил первому секретарю росс. пос-ва Гулькевичу, что напечатанные в статье данные были получены от ген. секретаря м-ва ин. дел Боллати.

[3] Опубл. Stieve, II, S. 73, N 238.

[4] См. № 658.

№ 660. Министр иностранных дел повереннoму в делах в Токио Броневскому.

*/. Телеграмма № 489. 20/7 марта 1912 г.

№№ 45 и 46 получены [1].

Согласие японского правительства на участие в четверном консорциуме, данное без предупреждения нас, представляется необъяснимым. Соглашаясь на участие в авансах Юань Ши-каю, мы приняли во внимание пожелание японцев, чтобы эти авансы рассматривались, как независимая от общих китайских займов финансовая операция [2]. Затем японское правительство предложило нам выработать общую программу действий относительно русского и японского участия в консорциуме, поставив условием этого участия, чтобы всякие финансовые операции консорциума, так или иначе связанные с Манчжурией или Монголией, предпринимались не иначе, как с одобрения России и Японии [3]. Мы одобрили предположения по этому вопросу японского правительства. Всего менее мы могли ожидать после этого, что Япония примет по этому вопросу самостоятельное решение, которым отменяются сообщенные нам и одобренные нами его предположения.

В вышеизложенном смысле благоволите объясниться с министром иностранных дел и попросить его разъяснить нам, какого направления он намерен ныне держаться в вопросе о наших параллельных действиях в Китае.

[Сазонов.]

№ 661. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42. 20/7 марта 1912 г.

Получил телеграмму № 475 [4].

Китайский заем.

Подробно объяснился по содержанию вашей телеграммы с Пуанкаре, который был несколько удивлен моим сообщением, ибо на основании переданной вами французскому повереннoму в делах памятной записки [5] считал, что вы согласились принять участие в авансах, оставив открытым вопрос о будущем займе. Он тщательно ознакомился с вопросом и вполне ясно понимает наши аргументы. Но ввиду невозможности ныне для французских банков выйти из синдиката он искренне надеется, что мы не откажемся в него вступить, тем более, что Япония уже дала свое согласие. Он убежден, что это облегчит Франции возможность оказать нам полное свое содействие в настоящем вопросе. Он отправляет Ж. Луи депешу с подробными соображениями в этом смысле.

Извольский.

№ 662. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 44. 20/7 марта 1912 г.

На сегодняшнем дипломатическом приеме Пуанкаре, отвечая на вопросы некоторых из послов, высказал, что, несмотря на очевидную неприемлемость для Турции итальянских условий, державы во всяком случае должны сделать соответственный шаг в Константинополе, ибо, если они от такого шага воздержатся, это будет нарушением принципа нейтральности в пользу Турции. В разговоре со мной он прибавил, что, по личному его мнению, державы должны ограничиться в Константинополе таким же вопросом, какой был сделан в Риме, и затем обсу-

[1] См. № 654 и стр. 296, прим. 3.
[2] См. стр. 240, прим. 3.
[3] См. № 605.
[4] См. № 652.
[5] См. № 620 и стр. 258, прим. 6.

дить между собой оба ответа. Он подчеркнул однако, что, высказывая эту мысль, он отнюдь не выступает с предложением и ожидает предложения с вашей стороны.

Извольский.

№ 663. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 24. 20/7 марта 1912 г.

На сегодняшнем дипломатическом приеме министр иностранных дел сообщил мне ответ итальянского правительства [1], а затем и сообщение, переданное ему турецким послом в Вене [2]. Турецкое правительство, ссылаясь на разговор вашего высокопревосходительства с Турхан-пашой на прошлой неделе, заявляет, что оно считает условия Италии неприемлемыми для себя, оно не согласно поручить пяти державам вести от ее имени [3] переговоры о мире на этих условиях. Говоря о России, здешний турецкий посол прибавил, что оттоманское правительство очень встревожено передвижением войск на Кавказе. Министр иностранных дел ответил послу, что разговор вашего высокопревосходительства с Турханом ему неизвестен, он, вероятно, был академическим, так как державы не предприняли еще никаких шагов в Константинополе относительно посредничества. После ответа Италии не было обмена мнений между державами по этому вопросу. Что же касается вопроса Урмии, то Россия принимает, вероятно, только меры предохранительные, а не враждебные по отношению к Турции.

Гирс.

№ 664. Посланник в Афинах [4] министру иностранных дел.

*/. Письмо. 20/7 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера после обеда во дворце, данного в честь императорской миссии, король Георг, в продолжительной беседе со мной, коснулся жгучего для Греции критского вопроса и горько жаловался на то крайне затруднительное положение, в котором находится ныне эллинское правительство.

По заверению его величества, Венизелос, принявший нынешней зимой, с риском потерять свою популярность в стране, самые энергичные меры для воспрепятствования приезда критских депутатов в Афины, не в состоянии уже был бы вновь помешать последним появиться в афинском парламенте. Что же касается до самих критян, то нечего льстить себя надеждой, что они добровольно откажутся от выбора сказанных депутатов и посылки их для принятия участия в работах здешней палаты, и это тем более, что они не послушались советов благоразумия, которые неоднократно им преподавались из Афин за последние месяцы.

Так как Крит находится в ведении (en dépôt) держав-покровительниц, продолжал король, то на их обязанности, казалось бы, лежит предотвращение греко-турецкого столкновения, и им следовало бы воспрепятствовать критянам привести в исполнение задуманный ими план. В случае объявления Турцией войны по поводу появления критских уполномоченных в стенах афинского парламента или в случае занятия Портой Фессалии, ответственность за подобного рода нарушение мира должна была бы, по мнению его величества, всецело лечь на державы-покровительницы, которые очевидно располагают могущественными средствами воздействия для предотвращения сказанной опасности.

---

[1] См. № 643.
[2] См. № 658.
[3] Так в оригинале. Следует читать: «от имени Турции».
[4] Тел. от 7 марта/23 февр. за № 10 Свербеев сообщал, что по возвращении в Афины вступил в управление миссией.

Я позволил себе возразить его величеству, что при наличии вновь выбранных на острове правительственной комиссии [1] и временного комитета [2], в которых, повидимому, участвуют в значительном числе приверженцы Венизелоса, — есть, мне кажется, основание надеяться на поворот критского общественного мнения в сторону умеренности и благоразумия; а если бы надежда эта не оправдалась, то, к сожалению, единственным средством воздействия оказалось бы занятие острова международными отрядами; но и при таковом державам не легко было бы, ввиду значительного протяжения береговой черты Крита, силой удержать каждого из 69 депутатов [3] (избранных умышленно в тройном числе именно на случай задержания некоторой их части) от путешествия в Афины.

Тут его величество со свойственной ему живостью ответил, что державы-покровительницы настолько сильны, что легко могли бы отправить на Крит хотя бы 30 тысяч войска, которых достаточно было бы для приведения в действие какого бы то ни было их решения.

«Я более и более убеждаюсь,— сказал король,— что державы-покровительницы утратили всякий интерес к судьбам Греции и Крита, несмотря на то, что они в свое время обещали как той, так и другому свое благорасположение».

Я не мог в своем ответе не обратить внимание его величества на то обстоятельство, что условия с тех пор совершенно изменились и что проведение в настоящее время каких бы то ни было мероприятий на острове сопряжено было бы с величайшими затруднениями ввиду того, что точки зрения эллинского и турецкого правительств непримиримо противоположны.

«Но ведь в настоящую минуту, — возразил король, — идет речь не об окончательном присоединении острова, но лишь о некотором видоизменении создавшегося невыносимого положения», на что я заметил, что хотя это и справедливо, но что посылка критских депутатов в Афины, являющаяся главным пунктом сказанного видоизменения, — принята была бы Портой как предлог к нарушению мира и занятию Фессалии турками.

Из этой беседы я вынес впечатление, что его величество глубоко опечален тем обстоятельством, что критский вопрос, составляющий краеугольный камень эллинской политики, дошел до той мертвой точки, с которой он не может быть сдвинут. Вместе с тем я убедился по некоторым глухим намекам в том, что главную вину в этом отношении король возлагает на Англию, которая будто бы более остальных держав-покровительниц противится соединению Крита с королевством, имея затаенную цель завладеть Судской бухтой.

Одновременно считаю своим долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, что на прошлой неделе, в день отбытия своего для объезда избирательных округов, Венизелос, указав в откровенной беседе с моим английским сотоварищем на невозможность продолжения настоящего порядка вещей на Крите, запросил его, не представилось ли бы, на его взгляд, возможным, восстановить на острове status quo ante 1908 г., т. е. должность избираемого королем и назначаемого державами верховного комиссара.

Эллиот возразил на это, что так как подобного рода мероприятие встретило бы, без сомнения, самое энергичное сопротивление со стороны критян, то его не удалось бы провести без занятия острова международными отрядами.

Председатель совета министров ответил ему, что настроение на острове столь тревожно, что он не противился бы даже вооруженному занятию Крита, лишь бы с его помощью восстановить сказанный выше порядок.

---

[1] Тел. от 15/2 марта за № 30 Шебунин сообщил Сазонову, что революционное собрание на о. Крите постановило: «Прекратить существование критского правительства, как установления отдельного от администрации «остальных частей» греческого королевства; учредить взамен его для управления страной комиссию из 72 членов и назначить на [24] 11 марта выборы депутатов в греческую палату».

[2] Тел. от 16/3 марта за № 31 Шебунин сообщил Сазонову, что революционное собрание постановило избирать ежемесячно из состава правительственной комиссии временный комитет из 5 человек «для управления в течение этого периода текущими делами острова».

[3] Тел. от 24/11 марта за № 35 Шебунин сообщил Сазонову, что в афинскую палату избрано 69 депутатов.

Лично я не имел возможности видеть Венизелоса, возвращение коего ожидается лишь завтра; министр же иностранных дел, беседу с коим я при последнем свидании навел на этот вопрос, проявил свою полную неосведомленность, сказав мне, что за недостатком времени председатель совета не успел посвятить его в подробности своей беседы с английским посланником. Г. Грипарис обещал мне немедленно по возвращении Венизелоса сообщить в точности пожелания премьера, в исполнимости коих он, Грипарис, позволил себе усумниться. При этом министр иностранных дел, по обыкновению своему, еще раз с тревогой упомянул о тех непреодолимых затруднениях, которые ожидают эллинское правительство в недалеком будущем, прибавив при этом, что афинский кабинет не теряет надежды на благорасположение держав, которые в своей постоянной заботе о судьбах Греции и Крита найдут возможным, каким бы то ни было путем, изменить существующий на острове режим.

Примите и пр. С. Свербеев.

P. S. [21] 8 марта. Венизелос, вернувшийся вчера вечером, поручил Грипарису передать мне, что восстановление должности верховного комиссара на острове явилось бы исходом настоящего тревожного положения на Крите, хотя занятие его международными отрядами противоречило бы интересам королевства. Тем не менее, если бы таковое занятие признано было бы необходимым для проведения сказанной меры, то здешнее правительство готово было бы даже и с ним примириться.

Вместе с тем французский мой сотоварищ поверил мне, что министр иностранных дел, по приказанию короля Георга, передал ему сегодня следующее:

При всей нежелательности для Греции вооруженного занятия Крита, таковым, в случае настоятельной в нем необходимости, следовало бы воспользоваться для восстановления должности верховного комиссара.

Как ваше высокопревосходительство благоволите усмотреть из всего предыдущего, его величество в беседе со мной третьего дня вовсе не коснулся сказанного вопроса.

Ut in litteris С. Свербеев.

№ 665. Нота персидского министра иностранных дел российскому посланнику в Тегеране Поклевскому [1].

20/7 марта 1912 г.

Monsieur le Ministre,

J'ai eu l'honneur de recevoir la note que votre excellence a bien voulu m'adresser en date du 29 Safar (18 février) dernier d'accord avec son excellence le ministre d'Angleterre, au sujet de certaines propositions tendant à établir sur une base solide de confiante amitié les relations existantes entre les gouvernements persan, russe et anglais, ainsi qu'à faciliter au gouvernement de sa majesté impériale le shah le soin de rétablir et de maintenir l'ordre et la tranquillité dans le pays [2].

[1] Маш. копия. Публикуемый документ был препровожден Сазонову Поклевским при деп. от 21/8 марта за № 12. В тел. от 20/7 марта за № 213 Поклевский сообщал Сазонову, что перс. прав-во «прислало весьма дружественный, по мнению Барклая и моему, вполне удовлетворительный ответ на нашу совместную ноту от [18] 5 прошлого февраля» (см. № 494). «Барклай, — заканчивал, посланник, — сделал уже распоряжение Шахиншахскому банку об открытии персидскому правительству кредита в размере 100 000 фунтов стерлингов».

[2] В деп. от 21/8 марта за № 11 Поклевский сообщал Сазонову: «Вечером [20] 7 марта, накануне ноуруза, персидское правительство дало, наконец, положительный ответ на русско-английское предложение от [18] 5 февраля. Несмотря на все нежелание регента и отдельных министров принять на себя ответственность за признание англо-русского соглашения 1907 г. и за вытекающую из этого признания коренную перемену в направлении внешней и внутренней политики Персии, полное отсутствие денег и опасение новых беспорядков положило конец колебаниям кабинета, к тому же ясно сознававшего все те гибельные последствия, которые повлекло бы за собой для Персии отклонение предложения двух соседних правительств». На полях имеется помета рукой Клемма: «Не слишком ли большое значение придается этому факту?»

Le gouvernement impérial, très touché des bonnes intentions des deux Puissances voisines et animé du désir de donner à l'ensemble des dites propositions la suite la plus favorable, a l'honneur de porter à votre connaissance ce qui suit:

A.—1. Sur la question du crédit de £ 200 000 que les Banques Impériale et d'Escompte ouvriront au profit du gouvernement persan à titre d'avance sur le premier emprunt que la Perse va conclure, mon gouvernement consent à ce que cette somme soit remboursée par le premier produit dudit emprunt. En attendant les intérêts seront calculés à raison de 7% par an et les excédents des recettes douanières du Nord et du Sud seront affectés intégralement et respectivement pour le service de l'amortissement et des intérêts de la présente avance.

2. Pour assurer l'emploi intégral de cette somme aux dépenses déjà fixées par le gouvernement et connues des deux légations, le gérant de la Trésorerie générale sera chargé par le gouvernement impérial de contrôler les dépenses imputées sur ce crédit. Il est entendu qu'une partie considérable de l'avance sera affectée à l'organisation de la gendarmerie gouvernementale avec l'aide des officiers suédois.

B. En ce qui concerne les quatre points de la partie in fine de la note collective le gouvernement persan, convaincu que le respect de l'intégrité et de l'indépendance de la Perse, ainsi que son développement pacifique forment l'objet de la sollicitude sincère des deux gouvernements amis, accueille avec plaisir ces bonnes dispositions en y répondant dans les termes suivants:

1. En vue de témoigner son vif désir d'établir sur une base solide d'amitié et de confiance les relations entre la Perse, la Russie et la Grande Bretagne, le gouvernement persan se montrera soucieux de conformer sa politique aux principes de la convention de 1907 et il prend acte des assurances contenues dans le préambule de ladite convention.

2. Conformément à ce qui a été arrêté dans le programme de mon gouvernement, après le départ définitif de Mohammed-Ali-Mirza et de Salar-ed-Dowleh du territoire persan, les mudjahids seront licenciés et les autres forces irrégulières seront disciplinées et incorporées dans le cadre des forces régulières au fur et à mesure du développement de l'organisation militaire.

3. En vue du maintien de l'ordre et de la sécurité dans le pays l'organisation d'une armée régulière et effective constitue un des points fondamentaux du programme ministériel. Il est évident que l'armée à organiser sera proportionnée aux besoins du pays. Dans le but de faire partager aux deux Puissances voisines la conviction qu'il considère comme son devoir des plus impérieux de procéder à l'organisation de cette armée, le gouvernement persan informera les deux légations du programme de ladite organisation, afin qu'un échange de vue amical puisse avoir lieu sur les points nécessaires.

4. En ce qui concerne le départ de Mohammed-Ali-Mirza et l'octroi d'une pension en sa faveur: par déférence pour les propositions des gouvernements de la Russie et de la Grande Bretagne, un accord, qui fera l'objet d'une note à part, est déjà intervenu à ce sujet. Pour enlever tout obstacle à l'apaisement du pays et au rétablissement de l'ordre et pour assurer l'efficacité des mesures prises par l'Etat pour le maintien de la sécurité publique, le gouvernement persan a le ferme espoir que les deux Puissances voisines ne manqueront pas de lui prêter tout leur concours, de façon à écarter tout danger d'une nouvelle tentative de rentrée en Perse par l'ex-shah. Désirant donner suite à la proposition formulée par les gouvernements de Russie et de la Grande Bretagne, le gouvernement impérial accordera une amnistie générale aux partisans de Mohammed-Ali-Mirza. Cette mesure ne concernera bien entendu que des faits et agissements antérieurs et ne pourra être étendue aux faits postérieurs à la date de l'amnistie.

C. Ayant donné dans ce qui précède les preuves de ses intentions amicales à l'égard des deux Puissances et de son désir sincère de rétablir l'ordre et la sécurité dans le pays, le gouvernement persan tient à obtenir le concours efficace des deux pays voisins sur les deux points suivants:

1. Pour la conclusion urgente de l'emprunt nécessaire à la réalisation des réfor-

mes, et dont les conditions se rapporteraient exclusivement aux taux d'intérêt, à l'amortissement et à la garantie [1].

2. Pour que l'évacuation du territoire de la Perse par les troupes étrangères s'accomplisse dans le plus bref délai possible conformément aux souhaits du gouvernement persan.

Veuillez agréer, etc.

Vossough-ed-Dowleh.

Перевод.

Г. министр,

Я имел честь получить присланную мне вашим превосходительством в согласии с его превосходительством великобританским посланником ноту от 29 сафара (18 февраля) с. г. касательно некоторых предложений, имеющих целью упрочить на основе искренней дружбы существующие между персидским, российским и английским правительствами отношения, а равно и облегчить правительству его императорского величества шаха заботу о восстановлении и поддержании порядка и спокойствия в стране.

Императорское персидское правительство, весьма тронутое добрыми намерениями двух соседних держав и одушевленное желанием отнестись самым благоприятным образом к совокупности упомянутых предложений, имеет честь довести до вашего сведения нижеследующее:

А — 1. По вопросу об открытии Шахиншахским и Учетно-ссудным банками в пользу персидского правительства кредита в 200 000 ф. ст. в виде аванса по первому займу, который заключит Персия, мое правительство согласно на то, чтобы означенная сумма была возмещена из первого взноса упомянутого займа. Пока же проценты будут начисляться из 7% годовых, и излишки таможенных доходов Севера и Юга будут полностью и соответственно поступать в погашение и на уплату процентов по настоящему авансу.

2. Чтобы обеспечить правильное употребление этой суммы на утвержденные уже правительством и известные обеим миссиям расходы, управляющему главным казначейством будет поручено императорским правительством осуществлять контроль над расходами, предусмотренными этим кредитом. Установлено, что значительная часть аванса будет употреблена на организацию, при содействии шведских офицеров, правительственной жандармерии.

В. Что касается четырех пунктов заключительной части совместной ноты, то персидское правительство, убежденное в том, что уважение к целости и независимости Персии, равно как и ее мирное развитие, составляют предмет искренних забот обоих дружественных правительств, с удовольствием принимает эти доброжелательные предложения, отвечая на таковые следующим образом:

1. В целях засвидетельствовать свое живейшее желание установить на прочной основе дружбы и доверия отношения между Персией, Россией и Великобританией, — персидское правительство озаботится согласовать свою политику с принципами соглашения 1907 г. и принимает к сведению заверения, заключающиеся во вступительной части упомянутого соглашения.

2. Согласно тому, что было установлено в программе моего правительства, после окончательного отъезда Мохамед-Али-мирзы и Салар-эд-Доуле с персидской территории, муджахиды будут распущены, а другие иррегулярные части будут дисциплинированы и введены в состав регулярных войск по мере развития военной организации.

3. В видах поддержания порядка и безопасности в стране, организация регулярной и дееспособной армии составляет один из основных пунктов министерской программы. Очевидно, что организуемая армия должна будет соответствовать нуждам страны. Дабы обе соседние державы прониклись убеждением в том, что персидское правительство считает своим главнейшим долгом приступить к организации этой армии, оно сообщит обеим миссиям программу этой организации, чтобы мог состояться дружественный обмен мнений по необходимым пунктам.

4. Относительно отъезда Мохамед-Али-мирзы и дарования ему пенсии: из уважения к предложениям российского и великобританского правительств соглашение об этом, долженствующее послужить предметом особой ноты, уже состоялось. Дабы устранить всякое препятствие к успокоению страны и восстановлению порядка и обеспечить действительность мер, принятых государством для поддержания общественной безопасности, персидское правительство твердо надеется, что обе соседние державы не откажут ему в своем полном содействии к устранению всякой возможности новой попытки экс-шаха вернуться

[1] Извещая Коковцова в письме от 22/9 марта, что перс. прав-во дало вполне благоприятный ответ на совместную англо-русскую ноту и что на этом основании англ. посланник сделал распоряжение об открытии Шахиншахским банком перс. прав-ву кредита в размере 100 000 ф. ст., Сазонов просил сообщить, можно ли «спешно уполномочить Учетно-ссудный банк Персии открыть таковой же кредит».

25/12 марта Сазонов телеграфировал Поклевскому за № 536, что Коковцовым сделано распоряжение об открытии перс. прав-ву кредита в 100 000 ф. ст.

в Персию. Исходя из желания пойти навстречу сделанному российским и великобританским правительствами предложению, шахское правительство предоставит общую амнистию сторонникам Мохамед-Али-мирзы. Мера эта, конечно, коснется лишь прежних проступков и не может быть распространена на деяния, совершенные после даты амнистии.

С. Дав в вышеизложенном доказательства своих дружественных намерений по отношению к обеим державам и своего искреннего желания восстановить в стране порядок и безопасность, персидское правительство рассчитывает получить действительное содействие обоих соседних государств в отношении следующих двух пунктов:

1. Для заключения в срочном порядке необходимого для проведения реформ займа, условия которого будут касаться исключительно размера процентов, погашения и гарантии.

2. Для возможно скорейшего, согласно желаниям персидского правительства, очищения персидской территории от иностранных войск.

Примите и пр.

Восуг-ад-Доуле.

№ 666. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

21/8 марта 1912 г.

Пребывающий в С.-Петербурге великобританский посол получил предписание выяснить нашу точку зрения относительно желательности нового занятия о. Крита войсками держав-покровительниц в случае избрания на предстоящих [24]11 сего марта выборах депутатов для посылки в греческий парламент [1].

Сэр Э. Грей полагает, что оккупация является единственным верным способом предотвратить отправление депутатов в Афины.

Полагая со своей стороны, что державы-покровительницы могут оказаться вынужденными прибегнуть к этой крайней мере, приемлю смелость испрашивать на сей предмет высочайших вашего императорского величества указаний.

Сазонов.

Может ли Россия посылать войска через проливы при нынешних обстоятельствах? [2]

Царское Село, [21] 8 марта 1912 г.

№ 667. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

/. Телеграмма № 497 [3]. 21/8 марта 1912 г.

Сообщается в Лондон, Рим, Берлин, Вену и Константинополь.

Телеграмма № 41 получена [4].

Я затрудняюсь согласиться с высказанным вам Пуанкаре мнением, что последнее сообщение Порты значительно осложнит дело медиации, обрекая его на неуспех в Константинополе. Как итальянское предложение, содержащее определенное требование аннексии, так и турецкое нынешнее выступление не могут, по мнению моему, представить непреодолимых препятствий для дальнейших действий. Порта опасается предъявления к ней требования со стороны держав о признании аннексии, но подобного требования никто и не собирается предъявлять, и оно не содержится в итальянском предложении.

---

[1] Ранее, пам. запиской от 27/14 февр., Бьюкенен передал Сазонову запрос англ. прав-ва, какое количество войск необходимо по мнению росс. прав-ва для возможной оккупации Крита державами-покровительницами. Письмом от того же числа Бьюкенен запрашивал Сазонова о числе судов, которые могла бы послать Россия для участия в морской демонстрации и о сроке их прибытия в критские воды.

[2] Тел. от 21/8 марта за № 496 Сазонов предлагал Чарыкову позаботиться получить разрешение судам пройти через проливы в случае необходимости посылки войск на Крит. На тел. помета Николая II: «А военное мин[истерст]во уведомлено? Царское Село, [21] 8 марта 1912 г.»

[3] Опубл. Stieve, II, S. 73, N 239.

[4] Тел. от 19/6 марта за № 41 Извольский, извещая Сазонова о сделанном турец. послом в Париже заявлении (см.№ 658), сообщал, что, по мнению Пуанкаре, это заявление обрекает на неуспех предлагаемое Сазоновым выступление в К-поле (см. стр. 288, прим. 1), если последнее «не будет сопровождаться сильным давлением, несогласным с принципом нейтралитета».

Таким образом, по мнению моему, представляется вполне возможным выступление в Константинополе в согласии с условленной программой, причем вопрос об аннексии, конечно, не должен и возбуждаться.

Что же касается ссылки на меня в турецкой ноте, то повторяю, что она может относиться лишь к modus procedendi [1] и объясняется неудачной редакцией этой ноты [2].

Сазонов.

№ 668. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

Телеграмма № 500. 21/8 марта 1912 г.

№ 282 получен [3].

Просьба Гойера о вашей поддержке неосновательна.

Заключаемый Китайско-бельгийским банком заем есть его частная сделка [4]. Русско-азиатский банк участвует в ней негласно [5]. Благоволите поэтому не оказывать сказанному займу поддержки, но, конечно, и не противодействовать ему.

[Сазонов.]

№ 669. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 285. 21/8 марта 1912 г.
Спешное. Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаясь на личные объяснения, которые я имел с вашим превосходительством [19]6 сего марта [6], считаю долгом уведомить вас, что [20]7 того же марта у меня была продолжительная беседа с японским послом в С.-Петербурге, во время которой я старался разъяснить барону Мотоно, насколько неблагоприятное положение создалось для России вследствие выраженного японским правительством согласия примкнуть к так называемому четверному консорциуму, имеющему целью реализацию китайских займов [7]. При этом я с полной откровенностью высказал своему собеседнику, что указанный шаг Японии не отвечает, по моему мнению, тем взаимным отношениям, которые обусловлены уговором между нами и Японией, и предупредил барона Мотоно, что о таковом своем взгляде я поставил в известность и ваше превосходительство.

Я напомнил японскому послу, что во время моей предыдущей с ним беседы, о которой я имел честь сообщить вам в письме от [9 марта] 25 минувшего февраля за № 256 [8], он сам наметил те условия, на которых Россия и Япония могли бы принять участие в четверном консорциуме, предложив потребовать включения в соглашение о преобразовании этого консорциума оговорки о том, что операции, касающиеся в той или иной форме областей Застенного Китая, будут произво-

---

[1] См. № 659.

[2] В ответной тел. от 22/9 марта за № 45 Извольский сообщал о согласии Пуанкаре с точкой зрения Сазонова, что «выступление в Константинополе возможно и желательно. Что касается до формы, то он полагает, что державы могли бы не только осведомиться об условиях Турции, но также сообщить ей итальянские условия без всякого давления в пользу Италии. Он высказал мне эту мысль лишь как личное свое мнение, ибо, вместе с лондонским кабинетом, он считает, что инициатива в настоящем деле всецело принадлежит вам».

[3] См. стр. 261, прим. 1.

[4] В тел. от 18/5 марта (без номера) Гойер, сообщая Верстрату, что «российский поверенный в делах как будто бы присоединился к протесту четырех держав перед китайским правительством по поводу нашего займа», просил его добиться «хотя бы благожелательного нейтралитета» м-ва ин. дел.

[5] Далее зачеркнуто: «Мы могли бы решиться оказать этому делу дипломатическую поддержку, только если бы были уверены в успехе. Но такой уверенности у нас нет».

[6] См. стр. 295, прим. 1.

[7] См. № 654.

[8] См. стр. 241, прим. 3.

диться не иначе, как с согласия каждый раз России и Японии. Это предложение мною тогда же было признано отвечающим нашим интересам и, повидимому, сам посол вполне искренне верил в правильность своей мысли, так как в памятной записке, с которой он вслед затем обратился официально к вашему превосходительству, он внес в свое предложение лишь небольшие изменения несущественного характера [1]. Между тем в то же самое время японское правительство ответило на обращенный к нему Великобританией запрос своим согласием принять участие в консорциуме с одной лишь мало определенной оговоркой в том смысле, что названное правительство предполагает впоследствии заявить о своем особом положении в Манчжурии [2]. Ввиду такого неожиданного оборота дел нам приходится заключить, что мы стоим перед совершившимся фактом, и что после состоявшегося уже решения японского правительства мы должны самостоятельно решить вопрос о том, какое положение нам следует занять в данном деле.

По этому поводу я высказал японскому послу так же, как и вашему превосходительству, что нам предстоит в настоящую минуту выбор одного из трех путей: или войти в состав международного консорциума без всяких оговорок или принять в нем участие при условии тех ограничений, которые были предложены бароном Мотоно и принципиально приняты мною, либо, наконец, вовсе уклониться от такого участия и, заняв вполне изолированное положение по отношению уже не к четырем, а к пяти державам, стараться оградить наши интересы в пределах Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана нашими единичными усилиями.

Как и следовало ожидать, барон Мотоно решительно отверг возможность первого пути. Он заявил мне при этом, что Япония отнюдь не может стать на путь солидарных действий с четверным консорциумом, не приняв мер к ограждению своих специальных интересов. Указав, что он вполне понимает, насколько подобное положение было бы недопустимо и с точки зрения России, посол подтвердил мне, и притом неоднократно, — что принципиальное согласие Японии на участие в консорциуме должно быть понимаемо, как обусловленное проектированными им ограничениями, и выразил сомнение лишь в том, следует ли теперь же заявить об условиях, на которых мы можем вступить в консорциум, или же предпочтительнее ограничиться пока лишь оговоркой, изложенной в общей форме, с тем, чтобы подробности необходимых для нас гарантий соблюдения наших интересов были нами выяснены при выработке частностей соглашения между участниками консорциума.

На это я счел своею обязанностью, сославшись и на взгляд вашего превосходительства, совершенно определительно заявить японскому послу, что всякие отсрочки в точном выяснении оснований нашего вступления в состав консорциума представляются нам более недопустимыми. До тех пор, пока между консорциумом и китайским правительством шли переговоры относительно небольших авансовых выдач в 2—3 млн. лан, еще можно было говорить о несовместимости серьезных политических оговорок с указанными мелкими выдачами. Но когда в настоящее время нам, через посредство французского и английского послов, открыто заявлено, что предметом соглашения китайского правительства с консорциумом, в состав которого нам предлагают войти, явится на первых порах заем в 45 млн. лан, а, по заявлению великобританского посла, одновременно обсуждается вопрос о расширении этой операции до 60 млн. ф. ст. [3], уже не может быть, по моему глубокому убеждению, никаких колебаний в необходимости для России и Японии немедленно же выступить с категорическим заявлением о том, на каких основаниях они считают допустимым свое участие в консорциуме. Всякое промедление в этом деле имело бы только характер формальной оттяжки и не могло бы принести никакой пользы.

Я не скрыл от японского посла, что я допускаю полную возможность решительного отказа со стороны представителей консорциума принять те ограниче-

[1] См. № 605.
[2] См. № 654.
[3] См. № 652.

ния, которые были проектированы бароном Мотоно в беседе со мной и затем представлены вашему превосходительству в письменном виде. Подтверждением такого моего предположения явилась доставленная мне как раз во время моей беседы с бароном Мотоно и в копии при сем прилагаемая телеграмма директора «Banque d'Outremer» Франки [1], в которой содержится определенное сообщение, будто правительства четырех государств, капиталисты коих вошли в состав консорциума, высказались в смысле решительного отказа принять наши оговорки, касающиеся Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана. Барон Мотоно, со своей стороны, не придал этому сообщению решающего значения. Он полагает, что упомянутый отказ, буде он последовал, может исходить лишь от представителей финансовых групп, участвующих в консорциуме, но что он не отражает воззрений самих правительств, по крайней мере, всех. Если догадка японского посла имеет под собою известные основания, то нам, по моему мнению, тем более необходимо теперь же выяснить со всей непреложной ясностью, каково же на самом деле отношение отдельных государств к данному вопросу, можем ли мы быть уверены, что действительно, как думает барон Мотоно, французское правительство не оставит без внимания столь законного заявления его союзника, а правительство Великобритании не предъявит протеста против столь естественной меры ограждения своих интересов государством, состоящим в дружественном с ним соглашении, и вообще, в какой мере заявления России и Японии, сделанные в духе предложений барона Мотоно, могут рассчитывать на успех. Если бы при этом оказалось, что телеграмма Франки воспроизводит в точности решение самих заинтересованных правительств, и обращение русского и японского правительств к союзным державам не изменит усвоенного означенными правительствами крайне невыгодного для нас взгляда, то нам, очевидно, не осталось бы иного выхода, как стать на третий из указанных выше путей, отказавшись от всякого участия в консорциуме и сохранив за собой полную свободу действий. К этому я счел долгом прибавить от себя, что в случае, если дело получит подобный оборот, японскому правительству придется пожалеть, что оно поспешило, не предупредив нас, выразить готовность примкнуть к консорциуму, имея в виду лишь впоследствии заявить о своих условиях, которые уже и теперь признаются консорциумом неприемлемыми.

Я счел своей обязанностью изложить все это столь подробно, дабы не оставить места малейшим недоразумениям в столь важном и чреватом последствиями деле. Если заявления японского посла были вполне искренни, то можно ожидать, что японское правительство поспешит исправить сделанную им ошибку и обставит согласие на участие Японии в консорциуме такими условиями, которые, отвечая нашему взаимному соглашению, устранят, в существе дела, всякое различие в отношениях обеих держав к рассматриваемому вопросу.

Но за всем тем, в полном согласии с вашим превосходительством, я полагаю, что центр тяжести всего данного дела лежит не в том или ином образе действий Японии, а в отношении к делу нашей союзницы Франции. Если ваше превосходительство можете хотя на одну минуту допустить правильность сообщения Франки, то мне кажется, что нам следует, оставив всякую щепетильность в дипломатических сношениях, обратиться к французскому правительству с запросом, можем ли мы рассчитывать теперь на его содействие нам и на реальное признание за нами тех преимуществ в Застенном Китае, которые ранее не раз уже признавались вполне естественными и законными самим французским правительством. Ответ правительства республики на этот категорически поставляемый вопрос и должен дать нам указание, какого образа действий нам надлежит держаться в дальнейшем. Если только нынешний парижский кабинет подтвердит заявленный нам официально взгляд б. министра иностранных дел Пишона на преимущественное наше положение в Застенном Китае [2], то мы можем с пол-

[1] Тел. Франки от 19/6 марта не воспроизводится.

[2] Имеется в виду заявление, сделанное Пишоном в беседе с Неклюдовым 7 дек./24 ноября 1910 г. (см. т. XVIII, прим. к № 82).

ным спокойствием примкнуть к четверному консорциуму, но с тем непременным условием, чтобы в самом тексте соглашения о преобразовании этого консорциума было оговорено с ясностью, не оставляющей места каким-либо сомнениям или толкованиям, что в отношении мероприятий, касающихся Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана, Россия и Япония имеют право преимущества, а именно, что отдельные операции могут быть совершаемы для названных областей или обеспечиваемы их ресурсами, лишь в том случае, если таковые операции будут признаны Россией и Японией совместимыми с их особыми интересами. Такая оговорка, не создавая для нас какого-либо монопольного права, гарантировала бы нам лишь право veto в отношении операций, носящих враждебный к нам характер.

Если же, наоборот, французское правительство уклонится от оказания нам своей, столь естественной, поддержки, то, мне кажется, наш прямой долг заявить ему без всяких прикрас, что оказание китайскому правительству консорциумом четырех держав широкой финансовой помощи должно будет иметь своим последствием усиление нашего военного положения на границе с Китаем, что, в свою очередь, будет сопровождаться столь же неизбежным ослаблением наших сил на западном фронте и может лишить нас необходимых средств для оказания Франции поддержки, предусматриваемой нашей военной с нею конвенцией.

Я вполне сознаю, что развитые мною соображения могут быть признаны чрезмерно резкими и даже не отвечающими создающемуся на Дальнем Востоке положению вещей. Но я считаю себя не вправе не высказать с полной откровенностью моих мыслей, так как я с грустью усматриваю, что в общем ходе переговоров даже с дружественными нам державами, как, например, в данном случае с Японией и Францией, мы все еще не можем достигнуть определенных результатов и продолжаем находиться в положении, едва ли отвечающем нашему государственному достоинству.

Покорнейше прося ваше превосходительство не отказать почтить меня вашим отзывом по содержанию настоящего письма, пользуюсь случаем и пр.[1].

В. Коковцов.

№ 670. Министр иностранных дел генеральному консулу в Канее Шебунину.

·/. Телеграмма № 507. 22/9 марта 1912 г.

Телеграмма № 34 получена [2].

В согласии с некоторыми соображениями, высказанными здешним великобританским послом, мы полагали бы не предпринимать никаких действий до выяснения результата выборов [3]. Что же касается до вероятного желания вы-

[1] В ответном письме от 23/10 марта за № 251 Сазонов сообщал, что он разделяет мнение Коковцова и в этом смысле высказался в тел. послам в Париже и Лондоне (см. № 652). Свое письмо Сазонов заканчивал следующими словами: «В заключительной части вашего письма ваше высокопревосходительство замечаете, что в наших переговорах по поводу китайских займов мы все еще не можем достигнуть определенных результатов и находимся в положении, едва ли отвечающем нашему государственному достоинству. По сему поводу считаю долгом заметить, что в вопросах, выходящих из единоличной компетенции министра иностранных дел и затрагивающих сферы ведения других ведомств, к числу каковых вопросов относятся особенно финансовые, направление нашей политики определяется по соглашению с заинтересованными членами объединенного правительства».

[2] Тел. от 21/8 марта за № 34 Шебунин сообщал, что выборы депутатов в афинскую палату должны состояться 24/11 марта и что накануне «в Суде соберутся три английских военных судна, три французских и два наших». «Одно присутствие этой эскадры, — заканчивал Шебунин, — само по себе не производит никакого впечатления на критян. Относительно каких-либо действий ни коллеги, ни командиры не имеют инструкций. Поэтому вместе с коллегами прошу указаний на случай, если бы вслед за выборами последовал демонстративный отъезд в Грецию хотя бы нескольких депутатов, общее число коих должно быть 81».

[3] В деп. от 27/14 марта за № 8 Свербеев сообщал «о блестящей победе, одержанной Венизелосом на происшедших [24] 11 сего марта выборах в эллинскую палату, обеспечивших за нынешним правительством 148 голосов из 181, т. е. 82% всего состава парламента».

бранных отправиться в Грецию, то по сему поводу вам предоставляется принять возможные меры по соглашению с вашими коллегами.

[Сазонов.]

№ 671. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 508 [1]. 22/9 марта 1912 г.

N 80 reçu [2].

Emprunt chinois.

Je n'ai pas parlé dans mon télégramme N 475 d'un conflit immédiat avec la Chine. Je prévoyais seulement l'éventualité d'une action militaire dans le cas où le consortium ayant contracté un emprunt chinois destiné à combattre nos intérêts spéciaux, comme celui du chemin de fer Kinchéou-Aïgoun, — le gouvernement chinois insisterait, malgré notre protestation, sur la réalisation d'une pareille opération financière.

Nous ne refusons pas en principe de nous joindre au consortium. Mais nous ne pouvons le faire que dans des conditions qui nous permettraient de ne pas distraire notre attention de nos intérêts en Europe et dans les Balkans pour la concentrer sur la défense de notre situation en Extrême Orient. Nous estimons que c'est là un intérêt commun des Puissances de la Triple Entente.

Toutes nos négociations avec le consortium concernant ces conditions ayant jusqu'ici échoué, nous croyons qu'il est inutile de causer maintenant avec les groupes financiers qui le forment. Nous nous adressons donc aux gouvernements anglais et français pour leur signaler le danger de méconnaître plus longtemps les intérêts de la Russie en Chine, dont les banquiers des quatre Puissances font si peu de cas.

L'affaire ayant un caractère urgent, je vous prie de ne pas remettre davantage vos explications à ce sujet avec Sir E. Grey.

Sazonow.

Перевод.

№ 80 получен.

Китайский заем.

В моей телеграмме за № 475 я не говорил о немедленном конфликте с Китаем. Я предвидел только возможность военных действий в том случае, если бы консорциум заключил с Китаем заем, предназначенный нанести ущерб нашим специальным интересам, как например в вопросе о Цзинчжоу-Айгунской железной дороге, а китайское правительство настаивало бы, несмотря на наш протест, на осуществлении подобной финансовой операции.

В принципе мы не отказываемся присоединиться к консорциуму. Но мы можем сделать это лишь в условиях, которые позволили бы нам не отвлекать нашего внимания от наших интересов в Европе и на Балканах ради того, чтобы сосредоточить его на защите нашего положения на Дальнем Востоке. Мы считаем, что это является общим интересом держав Тройственного согласия.

Так как все наши переговоры с консорциумом об этих условиях до сих пор заканчивались неудачей, мы считаем бесполезным разговаривать теперь с группами, составляющими консорциум. Поэтому мы обращаемся к английскому и французскому правительствам с целью указать им на опасность дальнейшего игнорирования русских интересов в Китае, с которыми так мало считаются банкиры четырех держав.

Так как это дело срочное, я прошу вас не откладывать дольше ваших объяснений по этому предмету с сэром Э. Греем.

Сазонов.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 327, N 574.

[2] В тел. от 20/7 марта за № 80 (опубл. Siebert, II, S. 325, N 573) Бенкендорф сообщал о получении тел. за № 475 (см. № 652) и признавал желательным в заявлении Грею не упоминать пока «об угрозе конфликта с Китаем», не предрешая тем самым исхода переговоров. По мнению Бенкендорфа, состояние «постоянного хаоса» в Китае может завлечь росс. прав-во дальше, чем оно этого желает, а потому ему представляется целесообразным согласиться на участие в двух авансах, при условии принятия державами выдвинутых Россией оговорок, и обсудить в будущем условия проектируемого большого займа. В той же тел. Бенкендорф сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, англ. группа выражает большое желание договориться с русскими финансистами.

№ 672. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 509. 22/9 марта 1912 г.

После отъезда из Тегерана Шустера выяснилось, что он еще в ноябре заключил контракт с Шахиншахским банком на 10-летнюю поставку серебра для персидского монетного двора [1]. Сделка эта, нарушающая права нашего банка, должна несомненно быть признана недействительной, как не утвержденная ни меджлисом, ни правительством. Наш банк поэтому уже заявил о готовности участвовать в соревновании на поставку серебра. Вчера истек срок прежнего контракта с Шахиншахским банком на поставку, и шахское правительство пока не выказывает желания утвердить сделку Шустера. Однако наш банк затрудняется взять подряд на текущий год и готов предоставить эту операцию еще на год Шахиншахскому банку. Не встречая к этому препятствий, мы считаем лишь необходимым, чтобы впредь поставка серебра оставалась за тем из обоих банков, который предложит персидскому правительству наиболее выгодные условия. Поклевскому поручено переговорить в этом смысле с Барклаем [2]. Благоволите просить Грея снабдить последнего соответствующими указаниями и произвести надлежащее давление на Шахиншахский банк, чтобы побудить его добровольно отказаться от незаконной и несправедливой сделки.

Сазонов.

№ 673. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 156. 22/9 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Письмом от [18]5 сего марта за № 276 [3] ваше высокопревосходительство, отмечая то обстоятельство, что дело турецкого малоазиатского железнодорожного строительства за последние годы совершенно отклонилось от тех предначертаний, которые были установлены соглашением нашим с Турцией 1900 г. и видоизменены затем особым совещанием [15]2 июня 1910 г. в смысле перемещений запретной зоны, — полагаете ныне необходимым рассмотреть настоящее дело в совете министров.

По сему поводу обязуюсь объяснить, что вопрос о малоазиатских железных дорогах во всей его совокупности уже неоднократно служил предметом суждения между членами совета министров, как в особых совещаниях, так и в самом совете. Еще последней осенью управлявший в то время министерством гофмейстер Нератов имел случай в совете министров обменяться взглядами по настоящему делу и с вашим высокопревосходительством.

Создавшееся в Турции положение дел после 1908 г. в значительной степени отразилось, если не на существе самого соглашения 1900 г., которое во всяком случае по форме оставалось обязательным и для нового турецкого правительства, то на способах его осуществления, так как не требует доказательств, что молодая Турция не могла равнодушно отнестись к обязательствам, ограничивающим ее как независимое государство и естественно должна была стремиться всеми доступными ей способами освободиться от связующих ее постановлений соглашения 1900 г., которое к тому же не представляет достаточных правовых

---

[1] Ср. № 355.

[2] Письмом за № 1565, датированным «март 1912 г.» (получено 21/8 марта), председатель правления Учетно-ссудного банка Персии сообщал Клемму, что правление банка, признавая в настоящее время несколько затруднительным для себя заключение договора с перс. прав-вом на поставку серебра, полагало наиболее желательным «добиться того, чтобы контракт английского банка с персидским правительством был продлен не долее, чем на один год». Содержание этого письма Сазонов сообщил Поклевскому в тел. от 22/9 марта за № 503, причем предлагал последнему переговорить в этом смысле с Барклаем.

[3] См. № 657.

оснований для отстаивания установившейся у нас по настоящему делу точки зрения.

При подобных условиях трудно было рассчитывать на возможность долгого замедления дела железнодорожного строительства, затрагивающего как экономические, так и стратегические интересы Турции.

Вступление в это дело французских капиталистов, конечно, явилось лишь фактором, осложняющим общую постановку вопроса, но все-таки их участие, как вы и сами изволите признавать, несколько ослабило невыгодность для нас малоазиатских линий, давая нам возможность затягивать самую постройку и одновременно осуществлять, если это будет признано полезным, наше строительство на Кавказе.

По поводу сего последнего обстоятельства считаю нелишним отметить, что наше военное ведомство высказывалось в свое время за желательность ускорения и усиления нашего железнодорожного строительства на Кавказе.

Совокупность создавшихся условий побуждает меня просить вас о скорейшем направлении настоящего дела, ввиду неминуемости окончания переговоров между турецким правительством и французскими предпринимателями, как свидетельствуют о сем препровождаемые телеграфные сведения от наших представителей [1].

В ожидании отзыва вашего о последующем, примите и пр. [2]

[Сазонов.]

№ 674. Поверенный в делах в Софии [3] министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 28. 22/9 марта 1912 г.

Военный министр обратился к полковнику Романовскому с усиленной просьбой исходатайствовать от нашего военного министра разрешение на немедленный отпуск для нужд болгарской армии из наших запасов по заготовительной цене от 100 до 150 тысяч шинелей и от 150 000 до 200 000 пар сапог [4]. Сегодня Гешов просил меня поддержать перед императорским правительством ходатайство генерала Никифорова, уверив меня, что Болгарии предметы эти требуются лишь на случай возможных осложнений в связи с итальянско-турецкой войной, причем без согласия или предупреждения России Болгария не предпримет какого-либо решительного выступления. Передавая на благоусмотрение вашего высокопревосходительства вышеизложенную просьбу болгарского правительства, считаю долгом отметить ту выдающуюся роль русского авангарда, которая может выпасть на долю болгарской армии, на что указал мне и Гешов. Кроме того, отказ в выдаче просимого не сможет, при стечении обстоятельств, удержать Болгарию впредь от развивающихся событий и, наконец, своевременная и широкая поддержка с нашей стороны, кроме благотворного морального значения, известным образом обяжет ныне Гешова и даст нам посему в руки лишнюю возможность влияния на последующие решения болгарского правительства [5].

Урусов.

---

[1] Приложения отсутствуют.

[2] Ответным письмом от 26/13 марта за № 298 Коковцов сообщил Сазонову: «Я остаюсь при высказанном мной мнении о том, что данное дело подлежит внесению на обсуждение совета министров». Он обращался с просьбой к Сазонову «внести данное дело в совет министров в самом непродолжительном времени».

[3] Неклюдов выехал в Петербург (см. № 636).

[4] См. № 594.

[5] Тел. от 22/9 марта за № 41 Романовский передавал в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба вторичную просьбу воен. м-ра Болгарии об отпуске хотя бы некоторой части просимого обмундирования и о разрешении заказать остальную часть, при посредстве росс. интендантства, у поставщиков последнего. «Если будет признано невозможным рассрочить платеж за вещи, — заканчивал Романовский, — болгары согласны уплатить за них теперь».

Письмом от 27/14 марта пом. воен. м-ра Поливанов сообщил Сазонову, что воен. м-во в настоящее время не может удовлетворить ходатайство болг. прав-ва, считая, что это нанесет ущерб снабжению русской армии.

№ 675. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

23/10 марта 1912 г.

His Britannic Majesty's Government learn with pleasure that the Imperial Government intend to participate in the advances which are to be made to China.

It was impossible for His Majesty's Government to consult the Imperial Government before sanctioning the first advances. His Majesty's Government were convinced that the moment had come for strengthening the hands of the de facto Government in China against the forces of disorder. That end could only be achieved by advances made without delay to meet immediate necessities and it was impossible to wait until the Imperial Government had designated the Russian group. His Majesty's Government could only stipulate that there should be Russian participation and, when this could not be arranged beforehand, make the condition that the arrangement, when made, should be retrospective. For the same reason His Majesty's Government consider that it may also be impolitic to prohibit any further advances pending the final settlement of the conditions of Russian participation.

His Majesty's Government still consider that the conditions of participation in advances could best be discussed by the various financial groups in consultation with their Governments. His Majesty's Government will however be prepared to enter into discussion with the Imperial Government on the conditions of a loan. They approve in principle the conditions adopted by the four financial groups, the text of which has been communicated to the Russian Ambassador in London [1].

With regard to the first reserve made by the Imperial Government in their aide-mémoire of March 13/February 29 [2], His Majesty's Government consider the £ 60 000 000 loan as the natural sequel and complement of the advances, which will be covered by it.

As to reserve № 2 His Majesty's Government must of course acknowledge that the attitude of the Russian Government towards other future loans is not prejudiced by their participation in the advances [3].

Перевод.

Правительство его британского величества с удовольствием узнало, что императорское правительство намерено участвовать в авансах, имеющих быть сделанными Китаю.

Для правительства его величества было невозможно запросить мнение императорского правительства до того, как были санкционированы первые авансы. Правительство его величества было убеждено в том, что наступил момент для укрепления власти фактического правительства Китая против сил, противных порядку. Эта задача могла быть достигнута лишь путем немедленного предоставления авансов для удовлетворения неотложных нужд и не представлялось возможным ждать, пока императорское правительство укажет русскую группу. Правительство его величества могло только оговорить необходимость русского участия, а в случае невозможности об этом заблаговременно договориться, поставить условием, что соглашение это, когда оно будет заключено, будет иметь обратную силу. По этой же причине правительство его величества считает, что было бы также неполитично запретить какие-либо дальнейшие авансы впредь до окончательного урегулирования вопроса об условиях русского участия.

---

[1] Текст революций, принятых на съезде банкиров в Лондоне 12 и 13 марта нов. ст. был передан англ. м-вом ин. дел Бенкендорфу при пам. записке от 20/7 марта. Бенкендорф препроводил его Сазонову при отношении от 21/8 марта.

[2] См. № 620.

[3] В дополнение к публикуемому документу англ. пос-во в Петербурге 27/14 марта передало Сазонову пам. записку, в которой отмечалось, что слова последнего параграфа «other future loans» («другие будущие займы») не относятся к займу в 60 000 000 ф. ст., который является последствием уже данных авансов и покроет последние. Ссылаясь на то, что своей позицией в вопросе о Цзинчжоу-Айгунской ж. д. Англия показала, что она не поддерживает какие бы то ни было предприятия, направленные против интересов России в Манчжурии, англ. прав-во считает нужным указать росс. прав-ву, что «участие его в большом займе облегчило бы России добиться того, чтобы этот заем не пошел на предприятия, которые могли бы нарушить специальные интересы России в Китае к северу от Великой стены».

Правительство его величества попрежнему считает, что условия участия в авансах могли бы наилучшим образом быть обсуждены различными финансовыми группами, действующими по соглашению со своими правительствами. Правительство его величества будет однако готово вступить с императорским правительством в обсуждение условий займа. Оно в принципе одобряет принятые четырьмя финансовыми группами условия, текст которых был сообщен российскому послу в Лондоне.

Что касается первой оговорки, сделанной императорским правительством в его памятной записке от 13 марта/29 февраля, то правительство его величества считает заем в 60 млн. ф. ст. естественным последствием и дополнением авансов, которые будут им покрыты.

Относительно оговорки № 2 правительство его величества должно, конечно, признать, что позиция российского правительства по отношению к другим будущим займам не предрешается его участием в авансах.

№ 676. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 53. 23/10 марта 1912 г.

Получил телеграмму № 489 [1].

Объяснился по содержанию этой телеграммы с министром иностранных дел. Разъяснения его сводятся к следующему: японское правительство никогда не делало различия между так называемым политическим или реорганизационным займом Китаю и между авансами, рассматривая авансы, как часть политического займа. Но оно строго разграничивает этот заем и неизбежные в счет оного авансы от других финансовых операций Китая, имеющих не политический, а чисто коммерческий характер, как например, уже подписанный в прошлом году заем четверного синдиката; относительно этого рода займов он и предложил нам выработать общую программу действий и поставить условием участия в них России и Японии, чтобы всякие связанные с займами предприятия в Манчжурии и Монголии предпринимались не иначе, как с согласия России и Японии [2]. Это предложение, сделанное нам Японией, остается в полной силе. Что же касается политического займа, то Япония с самого начала считала необходимым свое в нем участие, полагая, что она этим путем будет поставлена в лучшие условия для ограждения своих интересов, нежели оставаясь в стороне. Министр полагает, что в таком же положении находится в данном вопросе и Россия. Получив приглашение участвовать в политическом займе, японское правительство через посла в Петербурге сообщило о своем решении принять предложение и о желательности и нашего участия. Извещенное затем Мотоно, что императорское правительство на аналогичное приглашение ответило [13 марта] 29 февраля условным согласием, японское правительство послало свои ответы [18]5 марта, о чем накануне предупредило Мотоно. Сожалея о происшедшем временном недоразумении, министр иностранных дел также поручает Мотоно представить вашему высокопревосходительству соответствующие разъяснения [3], добавляя, что его стремление итти в Китае в согласии с императорским правительством неизменно. Здесь, повидимому, считают наше участие в политическом займе обеспеченным и на поставленные нами условия смотрят как на дополнительную предосторожность.

Броневский.

№ 677. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 527 [4]. 24/11 марта 1912 г.

Сообщается в Лондон, Берлин, Вену, Рим и Константинополь «для личного сведения».

---

[1] См. № 660.

[2] См. № 605.

[3] Соответствующая записка была вручена Сазонову Мотоно 24/11 марта. Содержание ее исчерпывается публикуемым документом.

[4] Опубл. Stieve, II, S. 74, N 241.

Получил № 45 [1].

Считаю, как и Пуанкаре, выступление в Константинополе необходимым, как вторую часть проектированного посреднического воздействия держав.

Однако ввиду проявленной в этом отношении Портой крайней щепетильности, выразившейся в циркулярном сообщении оттоманских послов [2], — не считаю нисколько нужным настаивать на первоначальной формуле, принятой мною по почину Грея: «de proposer à la Porte de s'en remettre aux Puissances etc.» [3] и полагаю вполне возможным, для соблюдения параллелизма, запросить Порту «de communiquer aux Puissances les conditions auxquelles elle accepterait la médiation des Puissances en vue d'arriver à la cessation des hostilités» [4].

При этом однако необходимо по взаимному уговору заранее дать понять Порте, что так как к ней не будет предъявлено условие признания аннексии, так [5] и с ее стороны недопустимо предъявление требования об отмене Италией декрета аннексии.

Благоволите о вышеизложенном переговорить с министром иностранных дел и о последующем уведомить.

Сазонов.

№ 678. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма [6]. 24/11 марта 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму от [26]13 декабря № 2136 [7].

Ввиду вновь возникшего намерения болгарского правительства послать Данева в Ливадию для представления государю императору, причем он поверг бы на благоусмотрение его величества акты подписанного сербско-болгарского соглашения, председатель Народного собрания просил меня осведомиться под рукой, будет ли признана своевременной поездка специальной миссии в Крым нынешней весной. Одновременно Данев считал бы крайне желательным, чтобы его приезд совпал бы с пребыванием вашего высокопревосходительства в Крыму. По местным условиям благоприятное разрешение данного вопроса представляется в настоящий момент весьма ценным. Даневу было бы важно заранее знать возможный срок своего приезда.

Урусов.

К докладу.

Царское Село, [25] 12 марта 1912 г. [8]

№ 679. Генеральный консул в Мешеде министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 512. 24/11 марта 1912 г.

Телеграфирую посланнику в Тегеран:

Сегодня утром вооруженная милиция шахистов вышла из Беста [9] и начала атаковывать ближайшие посты полиции, которая вынуждена была отступить. Ша-

---

[1] См. стр. 308, прим. 2.

[2] См. № 658.

[3] «предложить Порте положиться на державы и т. д.» (см. стр.288, прим. 1).

[4] «сообщить державам условия, на которых она приняла бы посредничество держав в целях прекращения военных действий».

[5] Так в оригинале, следует читать: «то».

[6] Тел. бланк. Номер отсутствует.

[7] См. ч. 1, стр. 241, прим. 2.

[8] Тел. от 27/14 марта за № 553 Сазонов сообщил Урусову о согласии Николая II на приезд Данева в Ливадию в двадцатых числах апреля ст. ст.

[9] См. № 541. Телеграммами от 14/1 и 21/8 марта за №№ 430 и 435 Дабижа сообщал Сазонову, что бастующие ежедневно перестреливаются с полицейскими и что присутствие в Бесте вооруженных «шахистов» тормозит торговлю и причиняет большие убытки и банку и русскоподданным. «Власти совершенно бессильны что-либо предпринять, не имея ни достаточной вооруженной силы, ни денег, ни оружия». Тел. от 21/8 марта (без номера) Дабижа, вновь указывая на воинственные действия «шахистов», отмечал: «Выступление нашего отряда против шахистов признаю немыслимым, ибо тогда неминуемо занятие нашими войсками Беста, что может возбудить против нас мусульман».

хисты двинулись за нею следом внутрь города. Пользуясь суматохой, все подонки Мешеда, весьма возможно и часть самих шахистов, начали грабить; обстрелу подверглись и дома русско-подданных. Последние тотчас явились в генеральное консульство, прося защиты. Я немедленно пригласил генерала Редько, генерал-губернатора и каргузара. Рукн-эд-Доуле на вопрос мой, может ли он водворить в городе порядок, ответил категорически, что не может, за неимением ни вооруженной силы, ни денег. Ввиду этого и продолжавшихся в городе грабежей и беспорядков, с минуты на минуту принимавших все более и более угрожающий всему населению города характер, я заявил губернатору, что, ввиду его ответа, я вынужден силой обстоятельств немедленно объявить город на военном положении и передать всю власть в руки начальника наших войск. Рукн-эд-Доуле заявил, что он и сам признает это единственным выходом из невозможного положения; вследствие сего сегодня в 2 часа дня я послал генералу Редько предложение вступить в начальство над городом [1].

Дабижа.

№ 680. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 54. 24/11 марта 1912 г.

Продолжение № 53 [2].

В разъяснение, почему японское правительство сочло необходимым участвовать в политическом займе Китаю, министр иностранных дел сообщил следующее: в конце прошлого года на совещании дипломатического корпуса в Пекине было постановлено, хотя и не в письменной форме, что державы воздержатся от ссуд той или другой враждующей стороне, так как это могло бы только способствовать продолжению борьбы; если же явится, с политической точки зрения, необходимость ссудить Китай деньгами, то в этом примут участие все заинтересованные державы. Японское правительство считает, что с этого момента оно принципиально согласилось участвовать в политическом займе. Получив [8 марта]24 февраля соответствующее приглашение и заверение, что заем — именно политического характера, японское правительство [18]5 марта ответило формальным согласием. Конфиденциально министр сообщил мне, что согласно объяснениям английского правительства остаток займа за покрытием громадных нужд китайского правительства предполагается обратить на нужды центральных областей Китая. Отдельно от этого займа, без которого Китай не может продолжать существование, стоят, в мнении японского правительства, всякие другие финансовые операции Китая, имеющие ввиду железнодорожное строительство и иные коммерческие предприятия. Образовавшийся два года назад четверной синдикат имеет постоянный характер: в прошлом году он заключил условие стомиллионного займа и впредь может осуществить целый ряд других, которые, как и первый, могут получить направление в подрыв положения России и Японии в Северном Китае. Чтобы обезвредить будущую деятельность синдиката, ныне более чем прежде стремящегося заручиться содействием русской и японской финансовых групп, Уцида и предложил нам выработать общую программу действий относительно этой категории займов, обставив наше и японское участие известным вашему высокопревосходительству условием относительно Манчжурии и Монголии. Министр имеет основание предполагать, что совместное давление в Париже может привести к принятию сказанного условия. Сегодня здешний корреспондент

[1] На другой день, тел. за № 514, Дабижа сообщал: «Войсками, разъезжающими патрулями по городу, без выстрела водворен в городе порядок, до сего момента не нарушенный. Население приносит генеральному консульству изъявления благодарности за принятые меры. Бестующие ведут себя пока совершенно спокойно. Надо полагать, что на-днях без какого-либо активного побуждения они очистят добровольно Бест. Рукн-эд-Доуле и командующий войсками подали в отставку». Тел. от 26/13 марта за № 544 Савонов сообщал Поклевскому: «Вполне одобряем энергичные меры Дабижи и с удовольствием осведомились о восстановлении благодаря им порядка в Мешеде».

[2] См. № 676.

лондонского «Times» и редактор местной газеты обратились ко мне за разъяснением относительно поставленного нами условия нашего участия в авансе, чтобы впредь до окончания переговоров дальнейшие ссуды не выдавались без согласия заинтересованных. Я высказал, как личное мнение, что императорское правительство, вероятно, не желает быть втянутым в финансовую операцию большого размера ранее, нежели выработаны все условия оной, и что все сделанные нами оговорки кажутся мне продиктованными естественной и разумной политикой [1].

Броневский.

№ 681. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 291. 24—22/11—9 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В письме от [22]9 сего марта за № 286 [2] мною было высказано мнение, что до тех пор, пока между державами не состоится соглашения о порядке совершения китайских заемных операций, нам надлежало бы относиться благожелательно к деятельности Китайско-бельгийского банка по устройству займов для китайского правительства.

Ныне правление Русско-азиатского банка ознакомило меня с сообщениями директора «Banque d'Outremer» г. Франки из Лондона, в коих указывается на крайнюю желательность для финансовых групп, входящих в состав синдиката Русско-азиатского банка, добиться того, чтобы утвержденный нанкинским правительством контракт с Китайско-бельгийским банком о займе в 1 млн. ф. ст. был официально признан и русским правительством [3].

По этому поводу правление Русско-азиатского банка, со своей стороны, указывает на то, что такое признание займа русским правительством, равносильное официальному признанию синдиката Русско-азиатского банка, представляется особенно важным для английских и французских участников этого синдиката. До сих пор обе эти группы синдиката испытывают отрицательное отношение к себе со стороны их правительств. Последние хорошо понимают, что признание ими синдиката Русско-азиатского банка повело бы к расстройству четверного консорциума, пользующегося до сих пор их поддержкой, и они с тем большим основанием могут относиться к участникам синдиката неблагожелательно, что и само русское правительство, с ведома коего образован синдикат Русско-азиатского банка, все же официально его не поддерживает. Поэтому правление Русско-азиатского банка полагает, что, если бы русское правительство, следуя примеру других иностранных правительств, поддерживающих четверной консорциум в его борьбе с синдикатом, разрешило ныне Русско-азиатскому банку открыто выступить в деле заключения китайских займов и оказало ему свою официальную поддержку, то и другие участники синдиката, в частности, английские, во главе с лордом Бальфуром, председателем «Eastern Bank», как это подтверждается прилагаемым при сем в копии письмом г. Франки от [18]5 сего марта [4], могли бы рассчитывать на больший успех в переговорах с соответствующими правительствами о поддержке.

---

[1] В тел. от того же числа за № 56 Броневский сообщил, что «одной из причин, почему японское правительство считает необходимым свое участие в политическом займе, является опасение, что в случае его уклонения державы, принявшие участие, самостоятельно решат ряд вопросов, касающихся китайских финансов, возможного над ними контроля и назначения иностранных советников, а также захватят лучшие источники доходов для гарантии по займу».

[2] Содержание письма Коковцова от 22/9 марта за № 286 изложено в публикуемом документе.

[3] См. №№ 622 и 668.

[4] Письмо директора «Banque d'Outremer» Франки от 18/5 марта в основном изложено в публикуемом документе.

Правление Русско-азиатского банка убеждено, что если бы английскому и французскому правительствам пришлось, под влиянием перемены отношения русского правительства к синдикату Русско-азиатского банка, обещать английским и французским участникам этого синдиката свою поддержку, то это было бы чувствительным ударом для четверного консорциума и облегчило бы достижение с ним соглашения на благоприятных условиях. Наконец, для Русско-азиатского банка было бы весьма важно выйти из неловкого положения перед его бельгийскими, английскими и французскими компанионами, которым он обещал, в обмен за преобладание русского банка, поддержку русского правительства при условии конечно следования во всем указаниям этого правительства. Подробности состоявшегося между участниками синдиката Русско-азиатского банка [1] были мною сообщены вашему превосходительству в письме от [22]9 минувшего февраля за № 153 [2].

Признавая, со своей стороны, изложенные соображения Русско-азиатского банка заслуживающими внимания, позволяю себе просить ваше превосходительство не отказать почтить меня вашим заключением по содержанию настоящего письма.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 682. Памятная записка японского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

25/12 марта 1912 г.

Dans la pensée du gouvernement impérial du Japon la question de l'entrée du Japon et de la Russie dans le consortium des quatre Puissances et la question de la participation aux emprunts politiques chinois en discussion en ce moment sont deux questions nettement distinctes. La première embrasse, d'une maniére générale, toutes les affaires financières concernant la Chine tandis que la seconde n'a trait qu'aux emprunts nécessités par les événements politiques qui se déroulent actuellement en Chine.

En ce qui concerne la première question, le gouvernement impérial est fermement convaincu que le Japon et la Russie devront, préalablement à leur entrée dans le consortium, poser nettement les conditions qui ont fait l'objet de l'échange de vues consignées dans l'aide-mémoire de l'ambassade du Japon en date du 9 mars/ 25 février 1912 [3]. Le gouvernement impérial est résolu à demander aux quatre Puissances l'acceptation desdites conditions comme condition sine qua non de son entrée dans le consortium des quatre Puissances.

Quant à la seconde question, le gouvernement impérial du Japon a dès le début fait savoir aux Puissances intéressées que le Japon avait le droit de participer aux emprunts chinois ayant un caractère politique. L'emprunt des 60 000 000 de livres sterlings qui fait l'objet de la discussion actuelle a éminemment ce caractère et le gouvernement impérial ne peut pas s'en désintéresser. D'après les renseignements qui sont en possession du gouvernement impérial, la majeure partie de cet emprunt sera employée à toutes sortes de dépenses nécessitées par les événements récents et le gouvernement japonais est fermement convaincu que la Chine ne sera pas en état de réorganiser son armée avec l'emprunt projeté et que sur ce point ni le Japon ni la Russie n'ont aucune appréhension à avoir.

Dès lors quelle attitude le Japon et la Russie, qui ont des intérêts spéciaux et identiques dans les régions septentrionales de la Chine, devront-ils prendre sur l'invitation des quatre Puissances à prendre part audit emprunt? Devrons-nous poser comme condition sine qua non de notre participation à cet emprunt les conditions concertées entre les deux gouvernements au sujet de notre entrée dans le consortium?

---

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 519.
[3] См. № 605.

Le gouvernement impérial ne le pense pas. Dans son opinion, il suffit de réserver nos droits spéciaux que nous avons dans le Nord de la Chine. Il pense que cette réserve est suffisante pour sauvegarder nos droits et nos intérêts spéciaux. Dans le cas où nos droits et nos intérêts seraient menacés, il sera toujours temps pendant qu'on discutera les conditions de l'emprunt projeté, de prendre les mesures nécessaires pour sauvegarder nos intérêts.

Si au lieu de nous contenter d'une réserve de nos droits spéciaux, le Japon et la Russie posaient comme condition sine qua non de leur participation à cet emprunt les conditions contenues dans l'aide-mémoire susmentionné du 9 mars/25 février 1912, le gouvernement impérial craint qu'elles ne soient pas acceptées par les quatre Puissances ou qu'elles ne servent de prétexte pour les quatre Puissances d'écarter le Japon et la Russie de cet emprunt. Cet emprunt ne se rapportant pas aux affaires de Mandchourie ou de Mongolie, les quatre Puissances n'auront aucun scrupule à faire cet emprunt sans le concours du Japon et de la Russie.

Le gouvernement impérial ne peut pas envisager avec indifférence une pareille éventualité. La première question qui se posera après la conclusion de cet emprunt sera la question du contrôle des finances chinoises. Si nous participons à cet emprunt, nous aurons notre voix au chapitre; si nous n'y prenons pas part, nous ne pourrons pas non plus participer à ce contrôle. Le gouvernement impérial ne croit pas avoir besoin d'insister sur l'importance de cette question. Le Japon et la Russie ne peuvent pas laisser le contrôle des finances chinoises entre lès seules mains des quatre Puissances.

Dans ces conditions le gouvernement impérial est fermement convaincu que, pour sauvegarder tous leurs droits et leurs intérêts en Chine, le Japon et la Russie devront marcher d'accord et participer à cet emprunt, tout en faisant leur réserve en ce qui concerne leurs droits et intérêts spéciaux.

Si le Japon et la Russie sont parfaitement d'accord, le gouvernement impérial est fermement convaincu que les deux gouvernements seront suffisamment forts pour contrecarrer les entreprises qui seraient de nature à menacer les droits et les intérêts spéciaux des deux pays en Chine.

Перевод:

По мнению императорского правительства Японии вопрос о вступлении Японии и России в консорциум четырех держав и вопрос об участии в политических китайских займах, обсуждающихся в настоящее время, представляют собой два совершенно различных вопроса. Первый схватывает вообще все финансовые дела, касающиеся Китая, тогда как второй имеет отношение лишь к займам, необходимость в которых вызывается политическими событиями, развивающимися в настоящее время в Китае.

Что касается первого вопроса, то императорское правительство твердо убеждено, что Япония и Россия должны, предварительно их вступления в консорциум, решительно выдвинуть условия, которые были предметом обмена мнениями, изложенного в памятной записке японского посольства от 9 марта /25 февраля 1912 г. Императорское правительство решило требовать от четырех держав принятия указанных условий, как условия sine qua non его вступления в консорциум четырех держав.

Что касается второго вопроса, то императорское правительство Японии с самого начала довело до сведения заинтересованных держав, что Япония имеет право принимать участие в китайских займах, имеющих политический характер. Заем в 60 000 000 ф. ст., являющийся в настоящий момент предметом обсуждения, именно и носит такой характер, и императорское правительство не может не быть заинтересовано в нем. По имеющимся у императорского правительства сведениям, большая часть займа будет употреблена на различные нужды вызванные недавними событиями, и японское правительство твердо убеждено, что Китай не будет в состоянии реорганизовать свою армию с помощью проектируемого займа и что в этом отношении ни Японии, ни России нечего опасаться.

Но тогда, какую позицию должны занять Япония и Россия, имеющие специальные и идентичные интересы в северных областях Китая, в ответ на приглашение четырех держав принять участие в указанном займе? Должны ли мы поставить условием sine qua non нашего участия в этом займе условия, обсуждавшиеся между двумя правительствами по поводу нашего вступления в консорциум? Императорское правительство этого не думает. По его мнению, достаточно сделать оговорку относительно наших специальных прав, которые мы имеем в Северном Китае. Оно думает, что этой оговорки достаточно для ограждения наших специальных прав и интересов. В том случае если бы наши права и наши интересы оказались под угрозой,

всегда будет время, пока обсуждаются условия займа, принять меры, необходимые для ограждения наших интересов.

Если же Япония и Россия вместо того, чтобы удовлетвориться оговоркой относительно своих специальных прав, поставят условием sine qua non их участия в займе, условия, содержащиеся в вышеупомянутой памятной записке от 9 марта/25 февраля 1912 г., императорское правительство опасается, что они не будут приняты четырьмя державами или что они послужат для четырех держав предлогом для отстранения Японии и России от этого займа. Так как этот заем не относится к делам Манчжурии и Монголии, то четыре державы не задумаются заключить его и без содействия Японии и России.

Императорское правительство не может отнестись безразлично к такой возможности. Первым вопросом, который возникнет после заключения займа, будет вопрос о контроле над китайскими финансами. Если мы примем участие в этом займе, с нами будут считаться, если мы участия в нем не примем, мы не сможем также участвовать и в этом контроле. Императорское правительство считает излишним подчеркивать важность этого вопроса. Япония и Россия не могут оставить контроль над китайскими финансами в руках одних только четырех держав.

При этих условиях императорское правительство твердо убеждено, что в целях ограждения всех своих специальных прав и интересов в Китае, Япония и Россия должны будут действовать согласованно и должны принять участие в этом займе, сделав при этом оговорку относительно своих специальных прав и интересов.

При наличии полного согласия между Японией и Россией, императорское правительство твердо убеждено, что оба правительства будут достаточно сильны, чтобы противодействовать тем мероприятиям, которые могли бы угрожать специальным правам и интересам обеих стран в Китае.

№ 683. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

*/. Телеграмма № 533. 25/12 марта 1912 г.

Сообщается послу в Лондоне и посланнику в Тегеране.

Телеграмма за № 109 получена [1].

Так как турки, повидимому, становятся более сговорчивыми в вопросе о пограничном споре с Персией, признаем своевременным попытаться склонить их к тому, чтобы в основание переговоров их с персами была положена идентичная карта спорной зоны русского и английского комиссаров, врученная обоим правительствам в 1871 г. и принятая Турцией в 1876 г., как явствует из памятной записки 24/12 июня 1876 г., подписанной Дервишем-пашой, и начинающейся следующим образом:

«La Sublime Porte ayant décidé la démarcation des frontières turco-persanes en prenant pour base la carte élaborée par les commissaires des Puissances médiatrices, j'avais reçu à ce sujet des instructions spéciales, etc.» [2].

Представляется весьма желательным, чтобы ваши настояния в этом смысле были поддержаны вашим британским коллегой, о чем сносимся с Лондоном, и чтобы персидский представитель, в свою очередь, выдвинул этот вопрос [3].

О последующем прошу телеграфировать.

Сазонов.

---

[1] В тел. от 19/6 марта за № 109 Чарыков сообщал по просьбе турец. м-ра ин. дел, что, «признавая необходимым удостовериться в полном и точном исполнении местными турецкими властями в пограничных с Персией округах тех инструкций, которые были им на-днях преподаны и о которых Турхан-паша поставил нас в известность [см. № 655], оттоманское правительство поручило Джабир-паше, командиру расположенного в Ване II корпуса, и Али-Сеиди- бею, административному инспектору здешнего министерства внутренних дел, отправиться безотлагательно в Урмийский округ с означенной целью».

[2] «Ввиду того, что Высокая Порта приняла решение о проведении турецко-персидской границы, приняв за основу карту, составленную комиссарами держав-посредниц, я получил по этому поводу специальные инструкции и т. д.».

[3] Ссылаясь на публикуемую тел., Сазонов в тот же день тел. за № 534 сообщал Бенкендорфу: «В 1876 году турки согласились руководствоваться этой картой, но, повидимому, с оговоркой, а именно при условии, что спор о границе будет тут же решен. Так как подобная постановка вопроса наиболее соответствует интересам Персии и преследуемой нами и англичанами цели, то было бы крайне желательно побудить турецкое правительство вернуться к решению, принятому им в 1876 году. Благоволите спешно переговорить об этом с Греем и просить его снабдить великобританского посла в Константинополе указаниями энергично поддержать Чарыкова в соответствующих настояниях перед Портой».

№ 684. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 258. 25/12 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Письмом от [22—24] 9—11 сего марта, № 291 [1], ваше высокопревосходительство просите моего заключения относительно просьбы финансовых групп, входящих в состав синдиката Русско-азиатского банка, чтобы русское правительство официально признало контракт на китайский заем, заключенный Китайско-бельгийским банком.

Мне кажется, что такое признание крайне осложнило и затруднило бы те переговоры, которые мы ведем теперь по вопросу о финансировании китайских займов с заинтересованными в четверном консорциуме банкиров державами, дав повод последним обвинять нас к тому же в двойственности. В самом деле, в основание этих переговоров нами положено, по соглашению вашего высокопревосходительства со мною, два принципа: соблюдение специальных интересов России в Северном Китае и упразднение соперничества между финансовыми группами разных национальностей, как ведущее лишь к облегчению условий, на которых китайцы получают деньги за границей.

Попутно мы задавались также целью, по возможности, увеличить долю участия синдиката Русско-азиатского банка в китайских кредитных операциях, дабы обеспечить названному банку пользование бельгийским денежным рынком. Но на достижении этой последней цели мы признавали возможным не настаивать. С точки зрения вышеизложенных задач наших мы признали желательным принять участие в китайском займе, который предполагает выпустить четверной консорциум, сделав лишь такие оговорки, которые ограждали бы наши специальные интересы. Выступив в роли официальных защитников займа Китайско-бельгийского банка, мы тем самым подчеркнем отсутствие солидарности между нами и теми правительствами, которые приглашают нас к участию в четверном консорциуме ради объединения дела китайских иностранных займов в руках шести наиболее заинтересованных держав, и заставим их продолжать борьбу против синдиката Русско-азиатского банка, который, будучи более слабой финансовой комбинацией, несомненно будет страдать от этой борьбы более, чем четверной консорциум. Все это не может не повести к обострению отношений между державами на почве китайских дел, от чего выиграем не мы, а китайцы, которые, весьма вероятно, используют эти выгоды для борьбы против занятого нами на Севере Китая положения.

Я склонен видеть в займе Китайско-бельгийского банка орудие для известного давления на четверной консорциум, которому этот заем доказывает невыгодность разделения держав Запада в вопросе китайских финансов. Может быть, этим займом можно будет также воспользоваться для увеличения доли в китайских займах Русско-азиатского банка, ввиду его связей с Китайско-бельгийским. Мы можем грозить консорциуму тем, что имеем в лице синдиката Русско-азиатского банка орудие для самостоятельной финансовой политики в Китае. Но взять заем Китайско-бельгийского банка под наше официальное покровительство, сделать его русским делом мы могли бы лишь в том случае, если бы отказались от продолжения переговоров об условиях совместной с консорциумом работы в Китае [2].

Примите и пр.

Сазонов.

---

[1] См. № 681.

[2] В ответном письме от 29/16 марта за № 314 Коковцов сообщал следующее: «В общем я присоединяюсь к высказанным в вашем письме соображениям, но полагаю, что нам все же необходимо учитывать возможность того, что мы в действительности окажемся вынужденными прекратить переговоры об участии в операциях консорциума. В таком случае услуги Китайско-бельгийского банка и вообще синдиката Русско-азиатского банка окажутся для нас весьма ценными. В этом отношении я не могу не остановиться на содержащемся в вашем письме указании на то, что означенный синдикат является сравнительно слабой финансовой организацией, и сообщить вам, что, по мнению Русско-азиатского банка, образованная им финансовая

*

№ 685. Посол в Риме министру иностранных дел.

-/. Письмо [1]. 25/12 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Мне часто приходится за последнее время обращать внимание вашего высокопревосходительства на существующее здесь предубеждение против Франции. Происшествие с «Carthage» и «Manouba», ряд речей, произнесенных во французском парламенте [2], до-нельзя раздражили здешнее общественное мнение. Более всего возмущает высокомерный оттенок, которым отмечено каждое такое выступление против Италии. Между тем нынешняя война еще более усилила в итальянцах чувство национальной щепетильности, и они отказываются терпеть, как они говорят, чужестранную «опеку».

К сожалению, французская печать лишь подливает масла в огонь. Она является в данном случае, как мне доверительно поведал Баррер, орудием французских страховых обществ, поместивших около трехсот миллионов в здешние предприятия страхования жизни и опасающихся потерять приобретенные выгоды, в случае введения государственной монополии на этот вид страхования [3]. Г. фон Ягов, чрезвычайно удачно использывающий ошибки соперников Германии, отрядил пребывавшего в Риме продолжительное время журналиста г. Мюлинга (Mühling), дабы он, при помощи Wilhelmstrasse, настроил немецкую печать более сочувственно в отношении Италии. До своего отъезда в Берлин г. Мюлинг был принят председателем совета министров, который, со своей стороны, обещал ему денежную помощь для расположения германской печати в пользу Италии.

В Консульте отлично понимают, что натянутые отношения между Италией и соседней республикой весьма вредно отражаются на международном положении королевства, выдавая Италию «головой» союзницам. В этом отдают себе отчет даже сторонники нахождения Италии в Тройственном союзе. Действительные же нужды Италии указывают ей на Тройственное согласие как на политическое сосложнение [4], наиболее способное удовлетворить ее интересы. Зависимость Италии от Франции и Великобритании увеличилась уже одним утверждением ее в Ливии. Италии, втиснутой между сказанными державами на северо-африканском побережье, еще более необходимы откровенные дружеские с ними отношения. Увеличение протяжения ее морских берегов еще менее позволит ей не учитывать значение соединенных англо-французских морских сил в Средиземном море. Надежда на возможность противопоставить им свой флот, опирающийся на австрийский, по всей

группа является достаточно сильной для того, чтобы взять на себя реализацию даже крупного китайского займа. При таких условиях я, со своей стороны, полагал бы, что нам надлежало бы, не принимая пока сделки Китайско-бельгийского банка под свое официальное покровительство, все же относиться к его деятельности вполне благожелательно и оказывать ему хотя бы моральную поддержку».

[1] Опубл. Siebert, II, S. 328, N 575.

[2] См. № 409 и стр. 198, прим. 4.

[3] В летнюю сессию 1911 г. итал. палата депутатов рассматривала закон о введении государственной монополии на страхование. Закон был внесен м-ром земледелия, торговли и промышленности Нитти и вызвал в палате горячие прения. В страховые общества Италии вложено было капитала до 900 млн. лир, из которых по приблизительному подсчету 600 млн. принадлежало иностранным капиталистам. Деп. от 18/5 июля 1911 г. за № 28 росс. поверенный в делах в Риме Корф сообщал Нератову, что все заинтересованные державы через своих дипломатических представителей «обратились к министру иностранных дел, обращая его внимание на несправедливость закона о монополизации и на вред, причиняемый учреждениям, деятельность коих была разрешена итальянским правительством». В палате депутатов от имени оппозиции выступил Саландра с большой речью против введения монополии. Прав-во согласилось переработать законопроект и в частности предоставить всем страховым обществам право продлить свою деятельность еще на 6 лет. Постатейное разбирательство закона, потерявшего предложенными поправками свою остроту, было отложено до осени.

Деп. от 12 марта/28 февр. 1912 г. за № 5 Долгорукий, напомнив Сазонову страстность прений по этому вопросу, сообщил, что законопроект в переработанном виде был принят 28/15 февр. палатой депутатов большинством 266 чел. против 79 при одном воздержавшемся.

[4] Так в оригинале.

вероятности, оказалась бы чреватой горькими разочарованиями. Общность, или по крайней мере сходство целей и стремлений с державами Тройственного согласия на Балканах, ясна наиболее рьяным сторонникам Тройственного союза.

Однако обстоятельства так сложились ныне, что выхода из этого положения не предвидится. В Консульте мне выражали надежду, что когда вашему высокопревосходительству удастся примирить Италию с Турцией, вы поставите себе задачей улучшить отношения двух латинских сестер. Ибо ныне, как мне пришлось слышать, «путь из Рима в Париж ведет на Петербург».

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 686. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Письмо. 25/12 марта 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В телеграмме за № 37 [1] я имел честь изложить вкратце вашему высокопревосходительству содержание моей вчерашней беседы с министром иностранных дел. Неустанные старания ваши изыскать средства к прекращению итало-турецкой распри не могли не быть оценены итальянским правительством, и мне приходится отметить попытки со стороны итальянцев установить более тесные с нами отношения, как это уже случилось в 1908 году и минувшей осенью; но тогда Консультой руководили иные чувства. Ваше высокопревосходительство были свидетелем предложений, которые делались моему предместнику [2] почти накануне его кончины. Главным двигателем такого шага являлось чувство неудовольствия, вызванное присоединением Боснии и Герцеговины. Минувшей осенью итальянцев раздражали стеснения со стороны Австро-Венгрии свободы их военных действий в Адриатическом и Ионическом морях. Ныне, как полагаю, мы имеем дело не только с каким-нибудь проявлением досады, наличность которой я не берусь отрицать, а положительным желанием доказать нам, что чувство благодарности помогло итальянцам яснее сознать общность наших стремлений и целей.

Министр иностранных дел, передавая мне, что итальянским представителям в Пекине и Тегеране были посланы приказания во всем, и не только в официальных выступлениях, содействовать нашим миссиям, подчеркнул, что остановился пока на названных двух городах ввиду того, что в настоящую минуту наше внимание главным образом привлечено китайскими и персидскими событиями. Министр добавил, что он счастлив тому, что ему удалось воспользоваться таким предлогом, дабы доказать России признательность за оказываемую ею услугу Италии.

В целом ряде частных бесед, которые я имел за последнее время в Консульте, меня старались убедить, что итальянское правительство готово пойти навстречу вашим пожеланиям и что оно ищет случая доказать вам на деле свое намерение более точно согласовать направление внешней политики обоих государств, поскольку таковое не связано действующими договорами. В Китае и Персии, как мне было доверительно сообщено, Италия обладает полной свободой действий.

Не придавая преувеличенного значения выслушанным заверениям, я тем не менее считаю долгом донести вышеизложенное на благоусмотрение вашего высокопревосходительства. Неизвестны условия, которые могут быть поставлены Италии при возобновлении теряющего силу в 1914 году договора о Тройственном союзе. С тех пор как вследствие известных вашему высокопревосходительству перестра-

---

[1] В оригинале, очевидно, ошибка. Тел. за № 37 от 6 апр./24 марта (опубл. Siebert, II, S. 341, № 586) касается беспокойства итал. м-ра ин. дел по поводу полученных из К-поля известий о сближении Англии с Турцией. Повидимому, имеется в виду тел. от 24/11 марта, помеченная № 34, как и тел. от 26/13 марта (см. стр. 248, прим. 1), содержание которой полностью исчерпывается публикуемым документом.

[2] Предшественником Долгорукого на посту росс. посла в Риме был Муравьев (1905—1908 гг.).

ховок расчеты на Италию, в случае столкновения держав, образующих два враждебных лагеря в Европе, несколько ослабли, — не возымеет ли Германия намерения вознаградить себя в другом месте и установить выгодные для себя возможности в странах, в которых до сих пор ее интересы были представлены лишь в зачаточной степени, или в целях утверждения за собой положения в будущем? Настоящее настроение Консульты обеспечивает вашему высокопревосходительству полную возможность использовать благорасположение Италии, если бы ее содействие входило в расчеты и предположения ваши.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 687. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 14. 25/12 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По пути своем в Россию и при обратном следовании в Цетинье, король Николай [1] принимал немецких и еврейских публицистов, был с ними крайне любезен и изрядно словоохотлив, откровенно высказывая взгляды свои относительно настоящего положения дел на Балканах. Надо признать, что речи его величества, обращенные к представителям западно-европейской печати, значительно отличаясь по духу и смыслу от всего, что им говорилось в С.-Петербурге, не послужат ни к возвеличению имени черногорского господаря, считавшегося когда-то выразителем самых сокровенных идеалов южного славянства, ни к устранению тех недоразумений, которые все еще тяготеют над сербо-черногорскими отношениями.

Накануне вступления на русскую территорию, король Николай счел уместным засвидетельствовать перед корреспондентом «Фоссовой» газеты об особенно нежных чувствах, питаемых им к Австро-Венгрии; он вообще одобрял политику венского кабинета, признавая большим счастием для Черногории соседство с высококультурной Двуединой монархией. Коснувшись захвата Австрией двух сербских провинций, король выразился буквально так: «Те несколько *неприятных моментов*, которые мы пережили за время аннексии, ныне *безвозвратно* отошли в область истории». Это — слова некогда увенчанного лаврами героя в неравной борьбе с Турцией за освобождение герцеговинских братьев! Они облетели всю славянскую печать и произвели великое смущение не только в Сербии, но и по ту сторону Дуная, служа как бы вящшим подтверждением появившихся в минувшем году во французских газетах разоблачений относительно двусмысленного поведения Черногории в период аннексионного кризиса.

По возвращении в Цетинье король Николай, как сообщал сюда сербский посланник в Черногории, заметно проявлял недовольство результатом своего пребывания в С.-Петербурге. Но почему-то особенно резко обнаруживались его недоброжелательные чувства по отношению к Сербии. Совсем не сдерживая этих чувств, он не так давно сказал, что воспользуется первым подходящим случаем, чтобы устроить крупный скандал (faire un esclandre), который приведет к полному разрыву сношений с Сербией.

С того времени в Белграде ежеминутно ожидали какой-либо оскорбительной выходки со стороны черногорского правительства, но, конечно, никому в голову не могла притти мысль, что в Цетинье «подходящим» предлогом для скандала признают священную церемонию перенесения праха умершей в 1890 году родной дочери черногорского господаря княгини Зорки.

Сущность этого прискорбного происшествия я имел честь сообщить в сегодняшней секретной телеграмме [2].

---

[1] См. стр. 229, прим. 3.

[2] Имеется в виду тел. Гартвига от 25/12 марта за № 47, содержание которой исчерпывается публикуемым документом.

По предварительном соглашении со своим тестем, король Петр в начале сего месяца командировал в Черногорию управляющего двором подполковника Поповича для принятия и перевезения в Сербию бренных останков супруги своей княгини Зорки и двух детей — княжича Андрея и княжны Милены, скончавшихся тоже в Цетинье в младенческом возрасте. Вскрытие могил и церковное служение состоялись при весьма торжественной обстановке; по сему поводу был издан церемониал, в котором однако совсем не было упомянуто имя особого представителя короля Петра подполковника Поповича. Бестактность эту черногорское правительство объяснило *типографской ошибкой*, отказавшись сделать какие бы то ни было изменения в церемониале, уже однажды утвержденном королем. Лишь после того, как сербский посланник пригрозил, что ни он, ни подполковник Попович не примут участия в погребальном шествии, черногорский министр иностранных дел согласился исправить «ошибку» церемониала путем официальной заметки в цетинском правительственном вестнике.

По окончании печальных торжеств король Николай сообщил сербскому посланнику, что он повелел особой депутации, состоящей из захумского епископа Кирилла, министра иностранных дел Греговича, своего генерал-адъютанта Мартиновича и майора Люмовича, сопровождать погребальный кортеж от Цетинье до крайнего австро-венгерского пограничного пункта Землина.

Осведомившись об этом, король Петр лично телеграфировал своему августейшему тестю, прося дозволить черногорской депутации проследовать до самого г. Топола и присутствовать при погребении дорогих для них обоих останков в новой усыпальнице Кара-Георгиевичей. Король Николай отклонил просьбу.

Желая во что бы то ни стало предотвратить явно враждебную и оскорбительную для сербского короля демонстрацию в пограничном венгерском пункте, у самого порога сербской столицы, председатель совета министров Милованович, от имени короля Петра и правительства, обратился к черногорскому господарю с настойчивым ходатайством о разрешении депутатам сопровождать кортеж, по крайней мере, до Белграда, где им оказано будет широкое гостеприимство. На это из Цетинье сухо ответили, что в маршруте депутации не может быть сделано никаких изменений!

Под влиянием необъяснимого враждебного чувства к сербскому монарху, король Николай, сам того не сознавая, оскорбляет память безвременно скончавшейся дочери своей княгини Зорки.

Я не преминул передать на усмотрение вашего высокопревосходительства ходатайство короля и сербского правительства о соответственном воздействии в Цетинье, но, как кажется, дело это уже непоправимо, ибо приезд погребального кортежа в Землин ожидается завтра.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 688. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 312. 25/12 марта 1912 г.

Продолжение телеграммы № 303 [1].

Переданный сегодня четырьмя посланниками протест против бельгийского займа [2] основан на предшествовавших этому займу письменных сообщениях самого Юань Ши-кая четверному синдикату о порядке выдачи авансов и о размере денежных надобностей Китая, на основании каковых данных, считая их окончатель-

[1] Тел. Щекина за № 303 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Возможно, имеется в виду тел. от 23/10 марта за № 302, в которой он сообщал о предстоящем вручении посланниками протеста кит. прав-ву по поводу бельг. займа.

[2] В деп. от 25/12 марта за № 20 Щекин писал по поводу бельг. займа: «Не считая негласного барыша, попутно обеспеченного себе бельгийцами в форме соглашения с китайским Обществом электрического освещения о постройке трамвая в Пекине (операция, не имеющая прямого отношения к займу), вся сделка сводится: а) к ссуде в один миллион фунтов стерлингов на один год под обеспечение доходов и имущества Пекин-Калганской железной дороги и б) к будущему займу в 10 миллионов фунтов».

ными, банки определили возможные условия открытия кредитов. В протесте предусмотрено немедленное возвращение всех авансированных сумм, если он не будет уважен. Юань Ши-кай ответил, что придает ему самое важное значение и пересмотрит дело. По некоторым сведениям, он обещал даже предотвратить осуществление сделки с бельгийцами.

Щекин.

№ 689. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 261. 26/13 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

В дополнение к предыдущей переписке по вопросу о китайских займах имею честь изложить вашему высокопревосходительству результаты моих письменных сношений и устных объяснений по этому предмету за последние несколько дней.

Как вы изволите припомнить, соглашаясь участвовать в авансах временному правительству Юань Ши-кая, мы поставили условиями нашего согласия, чтобы эти авансы рассматривались, как отдельная от общих китайских займов финансовая операция, чтобы наше участие в авансах не предрешало нашего отношения к общим китайским займам и чтобы относительно условий реализации последних были немедленно открыты переговоры. При этом мы высказали пожелание, чтобы впредь до завершения этих переговоров, денежные выдачи Китаю делались не иначе, как по соглашению между заинтересованными правительствами.

Из прилагаемых при сем в копиях памятных записок английского посла в С.-Петербурге [1] и английского министра иностранных дел [2] вы изволите усмотреть, как относится к нашим оговоркам великобританское правительство, взявшее на себя говорить от имени держав-участниц четверного консорциума. Оно признает, что наше участие в авансах Китаю не предрешает нашего отношения к китайским займам и выражает готовность обсудить с нами условия будущего китайского займа в 60 млн. ф. ст., который однако оно считает естественным последствием выдаваемых Китаю авансов. Оно сообщает нам также список тех сумм, которые четверной консорциум предполагает авансировать Китаю в течение ближайших пяти месяцев.

Я не вполне согласен со взглядом английского правительства на проектируемый 60-миллионный заем, как на естественное последствие выдаваемых Китаю авансов; и по своим размерам, и по своему назначению в части, касающейся, например, вооружений, постройки железной дороги Нанкин—У-ху, он не отвечает политической цели дать правительству Юань Ши-кая средства для функционирования. Но так как условия этого займа признаются подлежащими обсуждению, и так как японцы уже выразили согласие в нем участвовать, то, повидимому, нам нельзя ныне же отказываться от участия в нем, а следует отложить наше решение по этому вопросу, до выяснения результатов наших о нем переговоров.

Мне кажется, что при настоящем положении дела нам остается ответить англичанам, что мы согласны участвовать в авансах Китаю в указанных ими размерах, оговорив лишь, что относительно 60-мил. займа мы предоставляем себе высказать наши соображения в ближайшем будущем. Если ваше высокопревосходительство разделяете мой взгляд, то я покорнейше просил бы вас поручить представителю Русско-азиатского банка в Пекине вступить с представителями четверного консорциума в переговоры об условиях русского участия в авансах Китаю. При этих переговорах, мне кажется, должен быть выяснен и вопрос о том, возможно ли несколько увеличить русскую долю участия в сказанных авансах, дабы дать некоторое удовлетворение желаниям бельгийских капиталистов.

Я позволю себе вернуться в другом письме к вопросу о нашем участии в 60-мил. китайском займе. Ныне же покорнейше прошу ваше высокопревосходительство,

---

[1] См. № 675 и стр. 294, прим. 2.
[2] Ср. стр. 315, прим. 1.

в возможно непродолжительном времени, не отказать уведомить меня о тех распоряжениях, которые вы сделаете по содержанию настоящего письма, чтобы я мог дать ответ английскому послу и снабдить соответствующими указаниями поверенного в делах в Пекине [1].

Примите и пр.

Сазонов.

№ 690. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо № 1. 26/13 марта 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Comme j'ai eu l'honneur d'en informer votre excellence par le télégraphe [2], j'ai remis hier à Sir A. Nicolson un mémorandum concernant les pourparlers pour un emprunt chinois, rédigé sur la base des instructions contenues dans le télégramme ministériel en date du 18/5 mars N 475 [3]. J'ai cru bien faire d'y joindre un aide-mémoire beaucoup plus concis et personnel reproduisant une partie du texte de votre télégramme du 22/9 mars [4].

Votre excellence trouvera ci-joint copies de l'un et de l'autre [5].

Je ne sais si ce procédé était celui que vous aviez en vue. J'y ai eu recours dans l'idée qu'il y avait avantage à laisser, au début de cette importante affaire, trace plus tangible de notre point de vue qu'une conversation.

Ce procédé m'était d'ailleurs en quelque sorte imposé par les circonstances actuelles.

Je prévoyais que je ne pourrais causer longuement qu'avec Sir A. Nicolson.

Très malencontreusement pour les affaires diplomatiques, Sir E. Grey se trouve engagé si profondément dans toutes les affaires concernant le strike [6] que non seulement presque tout son temps s'y trouve consacré, mais qu'un entretien avec lui n'aurait pas eu le même fruit.

Il paraît certainement étrange qu'un ministre des affaires étrangères soit engagé si profondément dans une affaire qui n'est pas de son ressort. La raison en est, d'abord, dans la gravité tout exceptionnelle de la situation qui en ce moment absorbe presqu'exclusivement l'attention de l'Angleterre et du gouvernement, ensuite, dans la position personnelle spéciale du secrétaire d'Etat.

Propriétaire dans le Northumberland, représentant ce comté à la Chambre des Communes, jouissant en ces matières d'une autorité toute spéciale et d'une influence qui n'est égalée que par celle du premier ministre, basée sur des raisons tout-à-fait différentes.

Comme je le prévoyais aussi, Sir A. Nicolson a dû, pour me répondre, s'en référer au ministre. Pourtant il ne m'a pas été difficile de constater l'impression sérieuse produite sur lui par ce que je lui ai dit et lu. Il ne me parla que de l'importance de la question sans l'approfondir, et me fit remarquer que, pour l'heure tout se trouvait arrêté par les pourparlers engagés en ce moment entre le gouvernement chinois et le groupe de la Banque Sino-Belge, que les gouvernements

---

[1] В ответном письме от 29/16 марта за № 313 Коковцов, ссылаясь на значительные размеры предполагаемых авансов и на то, что они будут выданы Китаю «без особых оговорок относительно их назначения», высказал мнение, «не следует ли, для ограждения наших жизненных интересов на Дальнем Востоке, обусловить участие наше не только в реализации будущих займов, но и авансов, намечаемых ныне в совершенно не имевшейся нами ранее в виду сумме, предъявлением теперь же категорического требования признать за нами право налагать veto на те операции, которые будут предназначаться для Северной Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана или гарантироваться доходами этих областей, а равно без всякого замедления принять меры к получению от английского и, особенно от французского правительств откровенного разъяснения, как они относятся к этому вопросу».

[2] Имеется в виду тел. Бенкендорфа от 25/12 марта за № 86.

[3] См. № 652.

[4] См. № 671.

[5] Указанные меморандумы, датированные 25/12 марта, не воспроизводятся.

[6] Имеется в виду стачка углекопов в Англии, начавшаяся 29 февр. н. ст. и охватившая вначале 800 000 рабочих, а затем больше 1 200 000 чел. Стачка закончилась 1 апреля.

anglais et français trouvaient en désaccord avec les promesses données par Yuan Chi-Kai au syndicat des quatre gouvernements.

Je condensai en quelques mots l'importance de premier ordre pour la Russie qu'une reconnaissance du gouvernement chinois soit entourée des garanties nécessaires pour nos intérêts spéciaux; je répétais, comme je le lui avais déjà dit, que je ne trouvais pas suffisant le contenu du mémorandum anglais en réponse à celui que je lui avais remis sur la base du télégramme de votre excellence du 6 mars/22 février N 350, où il était question des intérêts et des droits spéciaux de la Russie, non seulement dans la Mandchourie du Nord, mais encore en Mongolie [1].

Sir Arthur me répondit qu'il fixerait sur ce point l'attention de Sir E. Grey.

Je repris encore sur le rôle, hostile jusqu'ici à la Russie, joué par le syndicat, qui ne nous permettait aucune confiance dans des négociations avec ce dernier.

Sir Arthur opposa à cette objection le contrôle des Puissances.

Je répondis que nous touchions au fond de la question qui est précisément l'étendue de ce contrôle, et l'entretien s'épuisa.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Как я имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству, я передал вчера сэру А. Никольсону меморандум, касающийся переговоров о китайском займе и составленный в смысле инструкции, содержащейся в министерской телеграмме от 18/5 марта за № 475. Я счел полезным присоединить к нему памятную записку, составленную в значительно более сжатых выражениях и носящую более личный характер, воспроизводя в ней часть вашей телеграммы от 22/9 марта.

Копии обоих документов при сем прилагаются.

Не знаю, соответствует ли такой образ действий тому, что вы имели в виду. Я избрал его, полагая, что в столь важном вопросе было бы полезно зафиксировать с самого начала нашу точку зрения более осязательным путем, чем устной беседой.

К тому же этот образ действий был мне в известном смысле подсказан обстоятельствами настоящего времени.

Я предвидел, что долго разговаривать я смогу только с сэром А. Никольсоном.

К несчастью для дипломатических дел, сэр Э. Грей так погружен во все дела, связанные со стачкой, что он не только посвящает им почти все свое время, но и беседа с ним не дала бы того же результата.

Конечно, может показаться странным, что министр иностранных дел так занят вопросом, не входящим в его компетенцию. Причиной этого является прежде всего исключительная серьезность обстановки, которая в настоящее время почти целиком поглощает внимание Англии и правительства, а затем особое положение статс-секретаря лично.

Владелец поместья в Нортумберленде, депутат от этого графства в палате общин, он пользуется в этих вопросах совершенно особым авторитетом и влиянием, с которым можно сравнить лишь авторитет премьер-министра, покоящийся на совершенно иных основаниях.

Как я и предвидел, сэр А. Никольсон не смог дать мне ответ без предварительного совещания с министром. Все же мне было нетрудно заметить, что то, что я ему прочел и сказал, произвело на него сильное впечатление. Он говорил со мной только о важности этого вопроса, не углубляя его, и заметил, что сейчас все дело остановилось из-за ведущихся в настоящее время между китайским правительством и группой Китайско-бельгийского банка переговоров, которые, по мнению английского и французского правительств, противоречат обещаниям, данным Юань Ши-каем синдикату четырех правительств.

Я отметил в кратких словах чрезвычайную важность для России получить при признании китайского правительства необходимые для наших специальных интересов гарантии. Я повторил, как я уже говорил ему раньше, что не считаю достаточным содержание английского меморандума, переданного мне в ответ на мой меморандум, составленный в смысле телеграммы вашего превосходительства от 6 марта/22 февраля за № 350 по вопросу о специальных правах и интересах России не только в Северной Манчжурии, но и в Монголии.

Сэр Артур мне ответил, что на этот пункт он обратит внимание сэра Э. Грея.

Я снова говорил о той, до настоящего времени враждебной России, роли, которую играл синдикат, что не позволяет нам иметь доверие к переговорам с ним.

На это возражение сэр Артур ответил ссылкой на контроль держав.

Я ответил, что тем самым мы затронули существенную часть вопроса — размеры этого контроля. На этом и закончилась наша беседа.

Примите и пр.

Бенкендорф.

[1] См. № 591.

№ 691. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо № 2. 26/13 марта 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Pour compléter ma lettre précédente en date de ce jour [1], je crois devoir vous rendre compte d'un entretien que j'ai eu au sortir de chez Sir A. Nicolson avec M. Tyrrel. J'y attache de l'importance parce que Mr. Tyrrel, fervent adepte de l'entente anglo-russe, se trouve être plus que tout autre en contact permanent avec Sir E. Grey et en sympathie constante avec les points de vue du ministre.

Je repris avec lui tout ce que j'avais dit au sous-secrétaire d'Etat.

Quoique Mr. Tyrrel eût pris soin de me dire qu'il ne pouvait parler qu'en son propre nom, il n'y a pour moi aucun doute que dans ce qu'il me dit il reproduisit le point de vue du ministre des affaires étrangères.

Sans entrer en discussion sur les arguments que j'avais développé dans l'aide-mémoire qu'il n'avait pas encore vu, Mr. Tyrrel me fit l'exposé suivant:

Les résultats de la révolution qui en Chine a mis fin à la dynastie mandchoue, ne sont pas encore clairs. En tous cas ils seront extrêmement importants. Il est impossible d'exclure le cas qu'un gouvernement central, plus fort et mieux organisé que le régime précédent, ne donne à la Chine une importance politique, qui, vu l'immensité de son territoire et de ses ressources, ne doit et ne peut pas, au point de vue des intérêts des Puissances, être méconnue. La Chine ne doit pas être laissée entièrement à elle même. Son point faible est la pénurie complète du Trésor et sa faiblesse financière. A ce point de vue elle dépend des Puissances. Le seul contrôle possible sur la Chine est, par conséquent, le maximum possible de contrôle financier. Mais ce contrôle n'est possible que si les Puissances sont solidaires et présentent à Pékin un front uni. Sinon, le crédit de la Chine, qui nécessairement se développera, trouvera pour contracter des emprunts tantôt un marché, tantôt un autre, indépendamment de tout contrôle.

C'est là où le danger pour tous commence. De là la nécessité de lui venir en aide au moyen d'un accord général. Mr. Tyrrel me dit que c'était là le point de vue anglais auquel s'étaient associées la France, l'Allemagne très explicitement, et finalement le Japon.

Il y a, il est vrai,—me dit Mr. Tyrrel,—l'alternative — qui est le chaos, les massacres d'étrangers, l'effondrement. Mais c'est là une alternative qu'aucun gouvernement anglais avec la multiplicité des intérêts anglais engagés, le nombre de ses résidents en Chine, n'aurait pu envisager un seul instant. De là l'urgence de l'aide temporaire, partielle, immédiate. C'est là encore un point de vue auquel se sont arrêtées les Puissances.

Et la solidarité complète des Puissances à Pékin serait également le moment le plus opportun pour régler soit entre elles, soit avec la Chine elle-même autant qu'il le faudra, les intérêts spéciaux de chacune d'elles, la Russie plus spécialement ayant le droit de compter tout au moins sur l'appui de la France, de l'Angleterre et du Japon, sans qu'une opposition de l'Allemagne soit en ce moment à prévoir.

L'interrompant je lui dis: «Et l'Amérique?» Mr. Tyrrel me répondit qu'en matière de Chine, même en Amérique le point de vue s'était beaucoup modifié, et qu'en présence de la constellation des Puissanses son rôle ne lui paraissait pas dangereux, tout au moins ne constituerait qu'une considération secondaire.

Je dis à Mr. Tyrrel que d'après le projet que je connaissais, les Puissances pour l'exécution s'en remettaient à l'intermédiaire d'un syndicat. Mr. Tyrrel me répondit: «Pas entièrement et en tout cas sous la direction des Puissances». Cette fois le contrôle serait une nécessité infiniment plus effective qu'il ne l'a pu être jusqu'ici à cause des conditions spéciales des groupes. Il me dit que là France et l'Allemagne avaient les leurs en main, que le groupe anglais ne pouvait en ce cas se séparer du gouvernement et de fait était sûr.

[1] См. № 690.

Tel est, me dit Mr. Tyrrel, le fondement du point de vue de l'opinion anglaise, corroborée par l'opinion très explicite de la plupart des représentants diplomatiques étrangers à Pékin.

Je ne crois pas me tromper en disant que l'idée d'un contrôle financier de toutes les Puissances sur la Chine, et son crédit comme seul moyen d'action effectif et par lequel il faut en tout cas commencer — est le fond de la pensée de Sir E. Grey. C'est pourquoi j'ai cru devoir rendre compte avec plus de détails que je ne l'aurais fait autrement des pensées que Mr. Tyrrel m'a développées.

Je ne saurais clôre cette lettre sans relever une appréciation contenue dans les télégrammes de votre excellence et plus amplement traitée dans la lettre personnelle qu'elle a bien voulu m'adresser en date du 20/7 mars [1], — que la politique des Puissances en cette occasion était guidée par les intérêts des banques. Pour ce qui regarde le gouvernement anglais cette influence n'existe en aucune façon. D'abord en général l'influence des banques et de la Cité sur le gouvernement est toujours minime, si tant est qu'elle puisse être constatée.

Les intérêts du commerce anglais sont bien entendu en première ligne de la politique anglaise, non pas ceux des banques, à titre de banques, pour des opérations de banque. En l'occasion actuelle les intérêts directs du groupe anglais ne jouent à Londres aucun rôle. En France l'influence de la haute banque sur le gouvernement est, je crois, incontestable. Il me semble difficile d'admettre que dans le cas actuel le point de vue politique n'ait pas suffi à déterminer la politique française.

Seulement comme le but de la politique anglaise est un emprunt international, considéré comme moyen d'ingérence et de contrôle en Chine, l'intérêt des gouvernements et du syndicat coïncident et il appartient aux gouvernements, surtout anglais et français, d'imposer à leurs groupes telle politique à l'égard des intérêts spéciaux de la Russie à laquelle ces gouvernements s'arrêteront.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

В дополнение к моему предшествующему письму от сегодняшнего числа я считаю своим долгом сообщить вам о беседе, которую я имел, выйдя от сэра А. Никольсона, с г. Тиррелем. Я придаю ей значение потому, что г. Тиррель, горячий сторонник англо-русского согласия, находится более, чем кто-либо другой в постоянном общении с сэром Э. Греем и вполне разделяет взгляды министра.

Я повторил ему все то, о чем говорил с помощником статс-секретаря.

Хотя г. Тиррель и не преминул сказать мне, что он может говорить лишь от своего имени, я нисколько не сомневаюсь, что он воспроизвел в своих словах точку зрения министра иностранных дел.

Не входя в обсуждение аргументов, изложенных мной в памятной записке, которую он еще не видел, г. Тиррель мне сказал следующее:

Результаты китайской революции, положившей конец манчжурской династии, еще не ясны. Во всяком случае они будут чрезвычайно важными. Не исключена возможность, что при центральном правительстве, более сильном и лучше организованном, чем предшествовавший режим, Китай приобретет такое политическое значение, которое — при его необъятной территории и его ресурсах — не должно и не может быть игнорировано державами с точки зрения их собственных интересов. Китай не должен быть полностью предоставлен самому себе. Его уязвимое место — это полная пустота казны и его финансовая слабость. С этой точки зрения он зависит от держав. Следовательно единственный возможный контроль над Китаем есть елико возможно больший финансовый контроль. Но этот контроль возможен лишь в том случае, если державы солидарны между собой и представляют в Пекине единый фронт. В противном случае кредит Китая, который неизбежно должен развиваться, будет находить для заключения займов то один, то другой рынок, вне всякого контроля.

С этого момента и начинается опасность для всех. Отсюда необходимость притти ему на помощь путем общего соглашения. Г. Тиррель сказал мне, что таков взгляд Англии, к которому весьма решительно присоединились Франция, Германия и, наконец, Япония.

Правда,—сказал мне Тиррель,—есть и другая возможность—это хаос, избиение иностранцев, разруха. Но это такая возможность, которую никакое английское правительство — принимая во внимание многочисленные интересы Англии и большое число ее ревидентов в Китае— не может ни на одну минуту допустить. Отсюда — острая необходимость оказать временную, частичную, немедленную помощь. Это еще один пункт, по которому державы пришли к соглашению.

[1] Письмо Сазонова от 20/7 марта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Полная солидарность держав в Пекине явилась бы также наиболее благоприятным моментом для того, чтобы урегулировать либо между ними, либо с самим Китаем, поскольку это окажется необходимым, специальные интересы каждой из них, причем Россия особенно имеет право рассчитывать, по меньшей мере, на поддержку Франции, Англии и Японии; противодействия со стороны Германии в настоящий момент не предвидится.

Прервав его, я сказал: «А Америка»? Г. Тиррель ответил мне, что в китайском вопросе даже Америка сильно изменила свою точку врения и что при наличии данной констелляции держав ее роль не кажется ему опасной; во всяком случае она являлась бы фактором второстепенным.

Я сказал г. Тиррелю, что, судя по проекту, который мне известен, державы намерены для выполнения его положиться на посредничество синдиката. Г. Тиррель ответил: «Не вполне и во всяком случае под руководством держав». На этот раз контроль будет гораздо более необходим, чем это могло быть до сих пор, из-за особых условий групп. Он сказал мне, что Франция и Германия держат свои группы в руках, что в этом деле английская группа не может отделиться от правительства и она вполне надежна.

Такова, сказал мне г. Тиррель, основа английской точки врения, которую открыто поддерживает большинство иностранных дипломатических представителей в Пекине.

Я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что идея финансового контроля всех держав над Китаем и кредит, как единственное действительное средство, с которого во всяком случае нужно начинать — вот основная мысль сэра Э. Грея. Вот почему я счел долгом сообщить вам более подробно, чем я бы сделал это при других обстоятельствах, мысли, изложенные г. Тиррелем.

Я не могу закончить это письмо, не остановившись на одной мысли, содержащейся в телеграмме вашего высокопревосходительства, более подробно развитой в личном письме от 20/7 марта, которое вы соблаговолили мне прислать, — что политика держав в этом случае руководится интересами банков. Что касается английского правительства, то такая зависимость никоим образом не существует. Прежде всего влияние банков и Сити на правительство минимально, если вообще можно считать, что оно существует.

Интересы английской торговли, конечно, стоят на первом плане английской политики, но не интересы банков, как таковых, ради банковских операций. В данном случае прямые интересы английской группы не играют в Лондоне никакой роли. Я думаю, что во Франции крупные банки бесспорно оказывают на правительство влияние. В данном случае, мне кажется, трудно допустить, что политических соображений не оказалось достаточно для того, чтобы определить направление французской политики.

Но раз целью английской политики является международный заем, как средство вмешательства в дела Китая и контроля над ним, интересы правительств и синдиката совпадают, и правительствам, в особенности английскому и французскому, надлежит заставить свои группы придерживаться такой политики по отношению к специальным интересам России, на которой эти правительства остановят свое решение.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 692. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 47. 26/13 марта 1912 г.

Получил № 527 [1].

Тотчас сообщил ее содержание Пуанкаре, который был уже осведомлен через Луи о первой части вашего предложения и через него же сообщил вам свое согласие на вашу формулу обращения к Порте. Что касается второй части вашей телеграммы, Пуанкаре убежден, что ее невозможно осуществить без сильного давления на Порту, на что не согласятся другие державы, и в особенности Германия. Поэтому он предпочитает ваше предложение в той форме, в которой оно передано ему французским послом, которому он уже телеграфировал в этом смысле.

Извольский.

№ 693. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 26/13 марта 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Король Виктор-Эммануил вернулся сегодня утром из Венеции [2], и я не имею возможности в настоящую минуту добавить что-либо к телеграмме моей за № 33 [3].

[1] См. № 677.

[2] Речь идет о свидании Виктора-Эммануила с Вильгельмом II в Венеции (см. № 702).

[3] Тел. от 24/11 марта за № 33 Долгорукий сообщил Сазонову: «На мой вопрос, какие ожидания министр возлагает на завтрашнее свидание в Венеции, Сан-Джулиано сказал мне, что, к сожалению, не питает особенных надежд. По его словам, германский император в своем почти часовом посещении итальянского посла в Берлине едва коснулся политики».

Если бы я не опасался впасть в область сплетен, я бы позволил себе выразить некоторое сомнение, не является ли пессимизм маркиза ди Сан-Джулиано навеянным разочарованием, которое ему пришлось испытать. Как мне сказал германский посол, министр иностранных дел выразил ему пожелание сопровождать короля Виктора-Эммануила на предполагавшееся свидание. В ответ на это из Берлина было дано понять, что посещению намерены придать строго интимный оттенок и что присутствие в таком случае в Венеции маркиза ди Сан-Джулиано было бы не совсем удобным.

Из другого дипломатического источника узнал, что германский император перед выездом из Берлина заявил в частной беседе, что он ни в каком случае не намерен оказывать давление на Турцию, — ни в целях признания ею указа о распространении верховных прав Италии на Триполи и Киренаику, ни в целях отозвания ею оттуда турецких отрядов. «Итальянцы сели в лужу со своим указом, не спрося нас, — пускай же и спасаются сами, как знают», — будто бы добавил его величество.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 694. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо. 27/14 марта 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Merci beaucoup de votre lettre personnelle [1]. Elle met pour moi tout au point. Pourtant à la fin il y a une appréciation sur l'emprunt chinois, que je voudrais relever, non seulement parce que je ne la crois pas exacte, mais parce qu'elle touche et transforme le fond de la question.

Je parle de Londres, où je suis sûr de mon fait. Pour de bonnes raisons je crois que ce que je vais vous dire s'applique aussi à Berlin, même à Paris en ce cas-ci.

«Les gouvernements à la remorque de la haute finance». A Londres ce n'est jamais le cas, et en ce cas-ci moins que jamais.

Ce que vous dites était parfaitement exact avant la révolution chinoise. Alors il s'agissait de banques françaises et anglaises, ensuite aussi des banques allemandes, qui voulaient faire de grosses affaires. Dès lors appui français, pataugeage anglais, jusqu' à ce que l'Amérique s'y fût jointe pour faire de la politique, ce qui du reste a fait manquer le coup. Survint la révolution qui forcément mit fin à tout.

Puis survint Yuan Chi-kai, qui menace de transformer la Chine en vraie grande Puissance. Je ne connais pas la proportion exacte de l'impression produite ailleurs par cette perspective. A Londres elle a été très puissante. S'y opposer directement n'étant pas possible, ni acceptable par l'opinion et le commerce, bientôt a surgi la pensée que le seul frein applicable pour le moment consistait à en mettre un aux cordons de la bourse chinoise. Telle est la conception politique, non pas des banques, mais politique. Du coup les banques ont passé du rôle de leader à celui d'instrument. Seulement ce moyen pour être efficace a besoin de la solidarité de toutes les Puissances. C'est pourquoi le projet subit de la Banque Sino-Belge a jeté l'alarme et occasionné comme une panique. C'est précisément ce qu'on voulait empêcher le gouvernement chinois de pouvoir faire. Emprunter de gauche et de droite indépendamment, et bâtir sa puissance financière sur un jeu de bascule. De là la protestation vigoureuse à Péking.

Il s'ensuit, et c'est là ce qui me semble important, que notre opposition au syndicat n'est plus une opposition seulement à l'action de banques qui abusent de leur influence au profit de leurs intérêts privés. Mais c'est une opposition à une conception politique des Puissances elles-mêmes, où, depuis la conversion du Japon, nous sommes seuls.

Allons nous nous opposer à cette conception? Voilà toute la question in a nut shell.

---

[1] Указанное письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Cette conception vaut ce qu'elle vaut. Mais elle n'est pas absurde et peut suffire pour un temps du moins. Il s'agit surtout d'examiner quelle portée elle a sur nos intérêts spéciaux. Je suis plutôt porté à croire qu'elle est de nature a en hâter la reconnaissance de la part des Puissances les plus importantes pour nous. C'est de Mongolie qu'il s'agit surtout aujourd'hui. Pour cette question nous avons déjà le Japon, Cambon me dit que nous avons la France. Ici je m'en occupe, je ne prévois pas de difficultés; et n'était le strike, qui, non sans raison, galvanise Grey et gouvernement, je crois que le résultat serait déjà obtenu. Ceci bien entendu est à établir tout d'abord entre gouvernements. Dès lors le rôle d'un groupe de banques russes, en contact avec le syndicat, se simplifierait et se réduirait à exclure de tout projet d'emprunt l'emploi des fonds à tel objet, telle sphère et aussi telle ou telle garantie, pour lesquels ces groupes n'auraient plus l'appui de leurs gouvernements respectifs. Déjà l'appui anglais est conditionnel.

Tout ce monde de banques tâchera bien encore de jouer de l'indépendance. Mais ils sentent les rôles intervertis. S'ils abusent, l'affaire manquera, voilà tout. La conception politique manquera aussi, ce qui n'ouvre que des alternatives l'une pire que l'autre. Mais en ce cas la conception aurait manqué par la faute des banques, non pas la nôtre.

Je suis loin d'excuser les procédés de hâte. Mais il faut dire que du train dont les choses allaient à Péking, il n'y avait pas beaucoup de temps à perdre.

Vous me direz qu'en ces conditions débuter par L. st. 60 millions est un peu raide. Mais ces 60 millions se réduiront probablement à quarante à repartir sur 4 ou 5 années, ce qui pour un empire comme la Chine transforme le chiffre considérablement.

J'abuse dans mon expédition du sujet «emprunt chinois», mais je le crois très important, précisément parce que de financier il est devenu éminemment politique.

Il y a, je le sais, la combinaison de substituer au syndicat existant un autre syndicat. Mais cela sera tout le projet à reprendre et dans des conditions trop difficiles pour être réalisables. Je ne le crois pas possible.

J'ai peu à vous dire au sujet médiation. J'ai rectifié l'allusion à vous dans la note turque. Cela est en règle. Voyant que vous négociez d'abord à Paris, ici je m'abstiens d'entrer en matière. On est évidemment au courant des négociations de Paris, et on acceptera, je crois, sans difficulté, tout ce que vous avez combiné avec Poincaré.

Je ne puis terminer sans ajouter un mot sur le strike. J'en suis imbu un peu comme Grey. Ces jours-ci la situation changeait d'heure en heure. Il n'y a pas à se faire d'illusions sur le sérieux de la situation. Le bill passé hier et aujourd'hui enregistre le principe d'un minimum wage, admis dès l'abord par 65% des propriétaires, les autres ayant déclaré s'y soumettre si le bill passait. Mais Asquith a absolument refusé parler chiffres dans son bill. Très logiquement il est reservé à des comités locaux mixtes à les fixer. Donc le bill, qui n'est plus, comme le gouvernement l'espérait jusqu'à la dernière minute, et non sans bonnes raisons, basé sur un accord, il ne met pas fin au strike. Cette attitude a valu à Asquith l'appui de toute la Chambre hormis le labour-party, aussi de tout le pays. Cela lui met en main le pouvoir nécessaire.

Nous en sommes au 2-e acte, celui des strong measures, dans une direction précise, protection armée pour les ouvriers qui se détachant de la fédération désireraient reprendre le travail des mines. Cela pourra-t-il comme jusqu'ici se passer sans troubles. Cela n'est guère à prévoir. Je ne vois qu'un espoir d'en sortir, dans la limite de temps nécessaire: la tenue et l'aspect du pays.

Voilà 26 jours que continue un strike qui demain peut affamer et paralyser ce pays. Un million d'hommes en grève. 800 mille désoeuvrés par la force des choses et pas un cri dans la rue, pas un désordre, pas un mot ni un mouvement nerveux dans la Chambre. Des conférences officielles, sans un meeting populaire. L'opposition prêtant sa main à un ministre, laissé maître, au milieu du conflit d'intérêts aussi gigantesques. Avec ce calme et cette discipline là, il est difficile d'être aussi

pessimiste que la logique l'exigerait, mais il est encore plus difficile de prévoir l'avenir prochain.

Le roi, paraît-il, est extrêmement ému et ne quitte plus Londres, La vie sociale continue, mais avec grande modération. Leurs Majestés nous ont fait l'honneur de nous inviter à déjeuner vendredi, après demain. Le roi devait aller à Liverpool ce jour là pour le Gt. National. Je pensais y aller aussi. Mais il aura lieu en plein Lancashire, le centre le plus noir du strike. Tout ce tableau, ces questions, cette crise sont, je l'avoue d'un intérêt palpitant.

J'ai appris hier soir que le gouvernement italien veut négocier ici 100 millions de bons du Trésor à 4%, ce qui est un petit retrait sur le crédit italien, peu sensible mais suffisant. Je crois que l'argent sera aisément trouvé.

Jusqu'ici le strike n'a pas ému le stock exchange, où tout est parfaitement calme. On donne pour cela plusieurs raisons, un peu trop techniques, pour que je me hasarde à vous esquisser.

Lord Revelstoke est très content de sa liste anglaise pour le Comité d'études. Je crois qu'il finira par s'arranger avec Seligman, mais pas sans peine.

Voici une lettre un peu bien longue, la fin de la page en marque le terme. Je crois d'ailleurs vous avoir dit tout ce qui en vaut la peine. Approuvez vous mes memorandums «emprunt chinois»?

Mille compliments bien affectueusement sincères.

Benckendorff.

Перевод:

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Большое спасибо за ваше личное письмо. Оно разъяснило мне все. Однако, в конце имеется замечание по поводу китайского займа, которого я хочу коснуться не только потому, что я не считаю его вполне точным, но и потому, что оно затрагивает и изменяет суть вопроса.

Я говорю о Лондоне, который я хорошо знаю. Я имею основание думать, что то, что я скажу вам, относится также и к Берлину и даже к Парижу, в данном случае.

«Правительства на поводу у финансистов». В Лондоне этого никогда не бывает и в данном случае меньше, чем когда-либо.

То, что вы говорите, было совершенно правильно до китайской революции. Тогда речь шла о французских, английских, а затем также и о германских банках, которые хотели делать большие дела. Отсюда поддержка Франции, путаница со стороны Англии до того момента, когда к ним присоединилась Америка, захотевшая делать политику, что впрочем и испортило дело. Затем пришла революция, поневоле положившая конец всему.

Потом появился Юань Ши-кай, который угрожает превратить Китай в настоящую великую державу. Я не знаю точно, какое впечатление произвела эта перспектива в других местах. Но в Лондоне оно было очень сильно. Открытое сопротивление было невозможно и неприемлемо для общественного мнения и для торговых кругов, поэтому пришли к мысли, что в настоящий момент применимо только одно средство воздействия, а именно надеть узду на китайскую казну. Такова политическая концепция, не банковская, а политическая. И сразу же банки перешли с руководящей роли на роль орудия. Только это средство, чтобы быть действительным, требует солидарности всех держав. Вот почему неожиданный проект Китайско-бельгийского банка вызвал тревогу и даже нечто вроде паники. Это было как раз то, что хотели помешать сделать китайскому правительству. Делать займы направо и налево и, балансируя таким образом, укреплять свое финансовое могущество. Отсюда энергичный протест в Пекине.

Из вышеизложенного следует,— и это мне кажется важным,— что наша оппозиция синдикату уже не является просто оппозицией деятельности банкиров, злоупотребляющих своим влиянием ради своих частных интересов. Это — оппозиция политической концепции самих держав, по отношению к которой мы остались в единственном числе с тех пор, как Япония изменила свою позицию.

Пойдем ли мы против этой концепции? Вот суть вопроса.

Эта концепция недорого стоит. Но она не нелепа и может удовлетворить, по крайней мере на некоторое время. Прежде всего следует выяснить, какое значение она будет иметь для наших специальных интересов. Я скорее склоняюсь к мысли, что она способна ускорить признание их державами, имеющими для нас наибольшее значение. В настоящее время речь идет главным образом о Монголии. В этом вопросе мы имеем уже на нашей стороне Японию; Камбон говорит, что мы имеем и Францию. Здесь в этом же направлении работаю я и не предвижу затруднений; если бы не стачка, которая, не без причины, нервирует Грея и правительство, я думаю, что результаты уже были бы достигнуты. Но об этом, разумеется, прежде всего должны договориться правительства. Тогда роль группы русских банков, в контакте с синдикатом, упростилась бы и свелась к тому, чтобы из всякого проекта

займа исключались те или иные статьи расходов, а также области и гарантии, в отношении которых банковские группы не встретят больше поддержки своих правительств. Английская поддержка уже обставлена условиями.

Все эти банкиры пытаются еще сохранить независимый вид. Но они чувствуют, что роли переменились. Если они будут злоупотреблять, предприятие закончится крахом, вот и все. Это будет также крахом политической концепции, что откроет перспективы одну мрачнее другой. Но в таком случае в крушении политической концепции виноваты будут банки, а не мы.

Я вовсе не оправдываю поспешные действия. Но нужно сказать, что, судя по тому, как шли дела в Пекине, нельзя было терять времени.

Вы мне скажете, что при таких условиях начинать с займа в 60 000 000 ф. ст. немного сильно. Но эти 60 миллионов сократятся, вероятно, до сорока, которые будут распределены на 4 или 5 лет, что для такой империи, как Китай, существенно меняет значение суммы.

В моей экспедиции я злоупотребляю вопросом «китайского займа», но я считаю его очень важным именно потому, что из финансового он превратился в сугубо политический.

Насколько мне известно, есть предложение заменить существующий синдикат другим. Но это поведет к пересмотру всего проекта и притом на условиях слишком тяжелых, чтобы их можно было осуществить. Я считаю, что это невозможно.

По вопросу о медиации я могу сказать вам немного. Я опроверг ссылку на вас, содержащуюся в турецкой ноте. Это в порядке. Заметив, что вы ведете переговоры сначала в Париже, я воздерживаюсь от обсуждения здесь этого вопроса. Очевидно здесь в курсе парижских переговоров, и, я думаю, без особого труда согласятся на все, о чем вы договоритесь с Пуанкаре.

Не могу закончить письма, не добавив несколько слов относительно стачки. Я нахожусь под ее впечатлением почти так же, как Грей. За последнее время положение менялось с часу на час. Нельзя строить себе иллюзий: положение серьезно. Билль, прошедший вчера и сегодня, зафиксировал принцип минимальной заработной платы, принятый с самого начала 65% владельцев, тогда как остальные заявили, что они подчинятся, если билль будет принят. Но Асквит решительно отказался установить в своем билле какие-либо суммы. Вполне логично эта задача предоставлена смешанным комитетам на местах. Итак, билль не базируется на соглашении, как надеялось на это правительство до последней минуты и не без серьезных оснований; он не положил конца стачке. Благодаря этой позиции Асквит получил поддержку всей палаты, кроме лейбористской партии, а также и всей страны. Это обстоятельство дает в руки правительства необходимую власть.

Мы перешли ко второму акту, акту строгих мер в определенном направлении, вооруженной охране рабочих, вышедших из федерации и желающих возобновить работу в рудниках. Пройдет ли это без волнений, как до сих пор? Это трудно предвидеть. Только одно дает мне надежду на благополучный исход в пределах необходимого времени: поведение и внешний облик страны.

Вот уже 26 дней как длится стачка, которая может завтра вызвать голод и парализовать страну. Бастует миллион человек. 800 тысяч оказались безработными силой вещей, а на улице ни одного крика, никакого беспорядка, ни одного возбужденного слова или движения в палате. Проходят официальные конференции без единого народного митинга. Оппозиция идет рука об руку с министром, оставшимся хозяином положения в разгар столкновения гигантских интересов. При наличии такого спокойствия, такой дисциплины трудно быть пессимистом в той мере, в какой этого требует логика, но еще труднее предугадать близкое будущее.

Король, говорят, очень взволнован и не выезжает более из Лондона. Общественная жизнь идет своим чередом, но более умеренным темпом. Их королевские величества сделали нам честь и пригласили нас завтракать в пятницу, послезавтра. В этот день король должен был поехать в Ливерпуль по случаю скачек; я рассчитывал также поехать туда, но они будут происходить в Ланкашире, в самом центре стачечного района. Признаюсь, что вся эта картина, эти вопросы, этот кризис полны захватывающего интереса.

Вчера я узнал, что итальянское правительство собирается вести здесь переговоры о займе в 100 миллионов в казначейских бонах из 4%, что составляет некоторое понижение для кредита Италии, мало ощутимое, но достаточное. Думаю, что деньги будут найдены без труда.

До настоящего времени стачка не затронула курса на бирже, где все совершенно спокойно. Это объясняется несколькими причинами, имеющими слишком технический характер для того, чтобы я решился изложить их вам.

Лорд Ревельсток очень доволен английским списком для «Comité d'études». Думаю, что в конце концов он договорится с Зелигманом, но не без труда.

Вот поистине длинное письмо; оно кончается потому, что кончилась страница. Впрочем я думаю, что сказал все существенное. Одобряете ли вы мои меморандумы о «китайском займе»?

Тысяча сердечных приветствий.

Бенкендорф.

№ 695. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 27/14 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я воспользовался продолжительной своей беседой с графом Берхтольдом, чтобы обратить его внимание на два обстоятельства, которые не могут не произвести неприятного впечатления в России.

Первое касается разговора наследника престола, имевшего место на-днях в Триесте, с весьма враждебно настроенным по отношению к России украинским депутатом фон Василько, с которым эрцгерцог Франц-Фердинанд будто бы говорил о патриотизме русинов. Сообщая об этом разговоре, украинские органы печати выводят заключение, что наследник престола одобряет все меры, клонящиеся к полному искоренению симпатии православного элемента Галиции и Буковины к России.

Граф Берхтольд возразил мне, что эти выводы явно противоречат действительности, так как симпатии эрцгерцога Франца-Фердинанда к России и желание его установить дружеские отношения между нашими державами не подлежат сомнению. Эрцгерцог слишком энергично высказал эту свою политическую программу в разговорах с графом Берхтольдом, чтобы он мог сомневаться в этом. Министр выразил сожаление, что отсутствие из Вены эрцгерцога Франца-Фердинанда не позволяет мне лично убедиться в правоте этих слов. К этому граф Берхтольд прибавил, что наследник престола принял бы меня, как я выразил об этом желание по возвращении из России, и убедил бы меня в искренности своих чувств.

Затем я сказал графу Берхтольду, что до меня дошли слухи (ссылаюсь на секретное донесение консула нашего в Праге за № 8 от [25]12 марта с. г. [1]), что галицийские поляки собираются праздновать в Кракове в будущем году пятидесятилетие польского восстания и что я надеюсь, что австрийское правительство не допустит враждебного по отношению к России торжества.

Министр иностранных дел ответил мне, что он ничего не слышал об этом решении поляков, и он может пока выразить только свое личное мнение. Он находит празднование такого юбилея немыслимым, потому что считает его революционным также и по отношению к австрийской монархии.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 696. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 27/14 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Во время вчерашнего продолжительного моего разговора с графом Берхтольдом он выразил надежду, что ваше высокопревосходительство возьмет на себя почин нового предложения, так как, по его убеждению, выступление в Константинополе необходимо.

Берхтольд находит, что известная ему формула Грея касательно предложения Порте «de s'en remettre aux Puissances etc.» [2] должна быть исключена, так как она заранее отвергнута Портой. Следовало бы поступить по отношению к Турции так же, как и с Италией для соблюдения строгого нейтралитета держав. Излагая свои взгляды в инструкциях, данных графу Турну, министр иностранных дел

---

[1] В донесении от 25/12 марта за № 8 консул в Праге Жуковский сообщал Н. Гирсу, что «предстоящий сокольский слет в Праге, по проискам поляков, обращается понемногу в арену интриг против России». «Поляки, как галицийские так и варшавские отказались участвовать в слете, а между тем одновременно с сокольскими торжествами предстоит открытие памятника Палацкому в Праге». «Мне сообщают,—писал Жуковский,—что свое участие в торжестве открытия памятника Палацкому поляки оговаривают тем условием, что чехи пришлют депутацию в Краков в 1913 году на празднование 50-тилетия польского восстания».

[2] «положиться на державы и т. д.»

советует запросить турецкое правительство об условиях для заключения мира, не говоря об итальянских требованиях и избегая вопрос об аннексии.

Со слов графа Берхтольда я заключаю, что его мнение нисколько не расходится с мнением, выраженным вашим высокопревосходительством в секретной телеграмме от [24]11 марта на имя нашего посла в Париже [1].

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 697. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 27/14 марта 1912 г.
Très secrète.

Mon cher Ministre,

Le comte Berchtold a bien voulu me faire part, très confidentiellement du long entretien politique qu'il a eu avec l'empereur Guillaume [2].

L'empereur d'Allemagne a touché à toutes les questions du jour. Il a déclaré que par le decret d'annexion voté par le parlement italien, — l'espoir de la cessation de la guerre italo-turque, dans un avenir plus ou moins rapproché, est déçu. Les grandes Puissances ne doivent certes pas abandonner leurs tentatives de médiation, mais les faire dans un esprit d'impartialité. Les initiatives prises par votre excellence méritent d'être soutenues. L'empereur a rendu justice aux conseils de sagesse qui ont été donnés par notre auguste maître au roi de Monténégro [3]; il croit savoir que de ce côté il n'y a rien à craindre pour le moment. Il espère que la Bulgarie et la Serbie ne bougeront pas non plus, alors le danger de la continuation des hostilités serait moindre, surtout si la Grèce évite tout conflit avec la Turquie dans la question de la Crète.

L'empereur avait espéré que la mission Haldane aboutirait à une détente entre l'Allemagne et l'Angleterre, malheureusement cela n'a pas été le cas. Toutefois l'empereur Guillaume ne perd pas l'espoir qu'une sensible amélioration se produise dans les relations, car elle est dans l'intérêt des deux pays. La crise charbonnière [4] a vivement préoccupé le souverain, mais elle a pu être évitée grâce à l'énergie du gouvernement allemand; toutefois il y a eu un moment où il a cru que son voyage devrait être abandonné, et qu'il serait placé dans la même situation que le roi d'Angleterre.

Ce qui préoccupe le plus à l'heure présente l'empereur Guillaume, c'est le péril jaune, l'anarchie en Chine et l'attitude que prendra le Japon. Sur ces questions le comte Berchtold ne s'est pas étendu; peut-être même l'empereur ne lui a-t-il pas dit le fond de ses pensées, s'étant aperçu que Berchtold est encore assez mal renseigné sur les événements de l'Extrême Orient.

Pour clore, le comte Berchtold m'a déclaré qu'il avait acquis la ferme conviction que l'empereur d'Allemagne était extrêmement pacifique.

Veuillez agréer, etc.. N. de Giers.

Перевод.

Весьма секретное.

Дорогой министр,

Граф Берхтольд любезно сообщил мне весьма доверительно о длинном политическом разговоре, который он имел с императором Вильгельмом.

Германский император коснулся всех вопросов дня. Он заявил, что декрет об аннексии, вотированный итальянским парламентом, отнимает всякую надежду на прекращение итало-турецкой войны в более или менее близком будущем. Великие державы, конечно, не должны оставлять своих попыток посредничества, но они должны делать их в духе полного беспристрастия. Инициатива, проявленная вашим высокопревосходительством, заслуживает поддержки. Император отдал должное советам благоразумия, которые были даны нашим монархом королю Черногории; насколько ему известно, с этой стороны в данный момент не приходится чего-

[1] См. № 677.
[2] См. № 702.
[3] Ср. № 651.
[4] Имеется в виду забастовка углекопов в Рурской области в марте 1912 г.

либо опасаться. Он надеется, что Болгария и Сербия также не выступят; в таком случае опасность продолжения военных действий будет меньше, в особенности если Греция будет избегать всякого конфликта с Турцией в критском вопросе.

Император надеялся, что миссия Холдена приведет к устранению натянутых отношений между Германией и Англией; к несчастью, этого не случилось. Однако император Вильгельм не теряет надежды на то, что в отношениях произойдет заметное улучшение, так как оно соответствует интересам обеих стран. Угольный кризис сильно заботил монарха, но его удалось избежать благодаря энергии германского правительства. Однако был момент, когда он думал, что ему придется отменить путешествие и что он окажется в таком же положении, как и английский король.

Что больше всего занимает в настоящий момент императора Вильгельма — это желтая опасность, анархия в Китае и позиция, которую займет Япония. На этих вопросах граф Берхтольд не останавливался; может быть, император даже не высказал ему до конца свои мысли, заметив, что Берхтольд еще довольно плохо осведомлен о дальневосточных событиях.

В заключение граф Берхтольд заявил мне, что он получил твердую уверенность в том, что германский император крайне миролюбиво настроен.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 698. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 21. 28/15 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В прошлую пятницу [1] закончились в палате депутатов прения о марокккской политике блестящей победой кабинета г. Пуанкаре.

Подавляющим большинством голосов принят был порядок дня, выражающий доверие правительству.

Попытки г. Жореса [2] вызвать своими нападками ответы и сенсационные разоблачения со стороны некоторых бывших руководителей французской внешней политики не увенчались успехом. Во имя высших патриотических соображений председатель совета министров убедил намеревавшегося было отвечать г. Бриана, а также гг. Кайо, Мессими и Крупи воздержаться от каких-либо выступлений и предоставить ему задачу восстановления правильной оценки действий бывших кабинетов.

С трибуны палаты г. Пуанкаре указал на тот несомненный ущерб, который был бы понесен страной созданием в дебатах недоразумений между людьми, усилия коих были в свое время направлены хотя и различными путями, но все же к одному общему идеалу — к исполнению своего патриотического долга. Никто при этом из бывших министров не мог бы, очевидно, воспользоваться для своей защиты необходимыми документами без согласия иностранных держав, с коими велись переговоры.

Нынешний кабинет, объявил председатель совета, вполне солидарен в этом деле со всеми предшествующими и принимает на себя всю ответственность за их действия.

Сделав краткий исторический очерк марокккского вопроса между 1909 и 1911 годами и указав на преемственную связь французской политики в северной Африке, завершившейся установлением окончательного владычества Франции, г. Пуанкаре высказал пожелание ныне поставить крест на прошлом и заняться подготовлением будущего. Все усилия правительства направлены в настоящее время к упрочению в Марокко твердого порядка, на основании протектората Франции, наподобие тунисского; договор этот будет в скором времени представлен на одобрение палат и сообщен державам.

Совершенно независимо от этого продолжаются переговоры с Испанией. По отношению к последней правительство республики воодушевлено самыми дружескими и примирительными намерениями; оно не может, однако, упустить из виду, что соглашение 4 ноября [нов. ст.], предоставив Испании значительные преимущества, оправдывает умеренные притязания Франции на соответствующие компенсации.

[1] 22/9 марта.

[2] См. № 631.

В заключение оратор заявил о незыблемости как французской внешней политики, так и политики ее союзницы и друзей, не подвергшейся никаким изменениям вследствие отдельных соглашений и переговоров с Германией.

В продолжительной речи своей г. Жорес повторил все свои прежние доводы против деятельности бывших министров и с присущим ему пафосом возобновил свои нападки на них, тщетно пытаясь вызвать к ответу хотя бы г. Кайо. По его мнению, подобное упорное молчание гораздо унизительнее для Франции, нежели открытое обсуждение предосудительных политико-финансовых операций, приведших страну на волосок от войны. Обращаясь к деятельности г. Пишона, оратор снова обвинил его в недостаточности предоставленных им марокканскому султану денежных средств и военной помощи, ибо своевременная помощь предупредила бы необходимость похода на Фец и все последующие события. Он обличал г. Крупни в легкомысленности, с которой последний отнесся к походу, не считаясь с неизбежным и законным протестом Германии. Г-на де Сельва лидер социалистов порицает за его неспособность и крайнюю неподготовленность, выказанную им в тяжелую минуту, когда Германия совершила свой грубый «агадирский жест».

Французская политика последних 10 лет, с точки зрения г. Жореса, послужила лишь к поощрению честолюбивых замыслов Испании и Италии в Средиземном море, создавая вредное чувство соперничества между тремя латинскими государствами. Другим не менее опасным последствием этой политики явилось отчуждение от Франции симпатий мусульманского мира. Наконец, политика эта привела к общей натянутости международных отношений.

Обвинительный акт свой г. Жорес закончил последней попыткой вызвать на объяснения г. Кайо. Он еще раз упомянул о неосторожных предложениях, сделанных Германии бывшим председателем совета, в видах допущения к котировке на парижской бирже части акций Багдадской железной дороги, а также предоставления Германии права очередного председательства в Оттоманском долге, взамен полюбовного разрешения зародившегося конфликта.

Не добившись, однако, желанного выступления г-на Кайо, оратор вывел заключение, к негодованию большинства депутатов, о желательности сохранения мира путем соглашения между Францией, Англией и Германией.

Короткий и твердо отчеканенный ответ председателя совета министров положил конец настоящим прениям. Г. Пуанкаре обратился к палате с просьбой позаимствовать отселе из прошлого не личные раздоры и нападки, а лишь полезное наставление для будущего. Восхваляя труды своих предшественников и указывая на преимущества, полученные Францией от последнего соглашения с Германией, он воспользовался случаем подчеркнуть, при повышенном настроении палаты, что марокканский вопрос подал повод наглядным образом оценить всю силу союза с Россией. «Союз этот, — сказал министр, — служит для мира гарантией, которую мы не допустим ослабить. Мы намерены также развивать и наше согласие с Англией. Главная сила страны лежит, конечно, в ее финансовой и военной мощи; но когда к этим двум элементам присоединяются еще и верные дружбы, то миролюбивая нация всегда уверена возбудить к себе уважение, на которое она имеет право».

Примите и пр. Извольский.

№ 699. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 28/15 марта 1912 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении письма вашего от 7 марта/23 февраля сего года за № 113 [1] я не преминул вызвать г. Пуанкаре на объяснения по вопросам, затронутым в памятной записке, переданной вами г. Жоржу Луи перед отъездом его в отпуск [2].

[1] См. № 596.
[2] См. приложение к № 596.

При этом я напомнил председателю совета министров о его заявлениях касательно необходимости заранее обсудить различные вопросы, которые могут быть выдвинуты по ходу совершающихся ныне на Ближнем Востоке событий [1].

Г. Пуанкаре ответил мне, что г. Жорж Луи уже ознакомил его с происходившими у него с вами по сказанным вопросам беседами, что он продолжает считать весьма желательным совместное обсуждение этих вопросов и что ваша памятная записка, по всестороннем ее изучении, будет подвергнута им рассмотрению в совете министров.

При последнем нашем свидании г. Пуанкаре сказал мне, что французское правительство пришло, по предмету вашей памятной записки, к следующим заключениям: Франция, точно так же как и Россия, прежде всего стремится к сохранению на Ближнем Востоке настоящего status quo. В случае возникновения на этом театре перечисленных в записке или каких-либо иных случайностей, французское правительство твердо намерено действовать в полном согласии со своей союзницей; оно готово поэтому в каждом отдельном случае оказывать России самую деятельную дипломатическую поддержку и не остановится перед могущими оказаться необходимыми совместными военными демонстрациями. Но если дело дойдет до вопроса об объявлении войны, Франция должна будет сделать различие между такими событиями, которые затронули бы область существующего между Россией и Францией союзного договора, и обстоятельствами, так сказать, местного, ближневосточного характера. В первом случае Франция несомненно и безусловно выполнит все лежащие на ней обязательства; во втором — французское правительство должно предвидеть, что оно не будет в состоянии получить от страны и парламента надлежащих полномочий для ведения войны. Французскому послу в Петербурге поручено о вышеизложенной точке зрения своего правительства довести до вашего сведения и вместе с тем просить вас несколько подробнее развить заключающиеся в вашей памятной записке пункты, дабы продолжать совместное с нами обсуждение предвиденных вами случайностей.

Вышеизложенные свои заявления, сделанные со свойственной ему ясностью и сжатостью, г. Пуанкаре дополнил следующими интересными подробностями. По его словам, весьма схожий с настоящим обмен мыслей между Россией и Францией происходил в 1895 году, когда председателем совета министров был г. Буржуа, а министром иностранных дел г. Бертело. Формулированные в то время заявления французского правительства, точная запись о коих сохранилась в делах министерства иностранных дел, были признаны советом министров вполне отвечающими нынешнему положению и послужили основанием для настоящего ответа русскому правительству. Г. Пуанкаре не мог указать мне, в какой именно форме было сделано нам соответствующее сообщение в 1895 году; но г. Буржуа, входящий в состав нынешнего кабинета, хорошо помнит вышесказанный обмен мыслей. Далее г. Пуанкаре сказал мне, что он преднамеренно вызвал по настоящему поводу постановление совета министров в полном его составе, дабы порученное г. Жоржу Луи сообщение имело характер формального правительственного заявления, связывающего не только нынешний, но и последующий кабинеты. При этом, по его словам, членам кабинета не были однако сообщены акты, на которых основаны союзнические отношения между Россией и Францией, каковые акты попрежнему остаются известными лишь определенному числу лиц. Далее г. Пуанкаре высказал мне, что различие, установленное между событиями, затрагивающими область союза, и такими, которые имеют, так сказать, местный характер, в сущности не имеет, по его убеждению, практического значения; при нынешней системе европейских союзов и группировок весьма трудно представить себе такое событие на Ближнем Востоке, которое не затронуло бы общего равновесия Европы, а следовательно, и области франко-русского союза. Так, например, всякое вооруженное столкновение между Россией и Австро-Венгрией из-за балканских дел несомненно представит casus foederis между Австро-Венгрией и Германией, а это, в свою очередь, вызовет применение франко-русского союза.

[1] См. № 414.

По поводу вышеизложенного позволяю себе сделать следующие замечания: в архиве вверенного мне посольства я не мог найти никакого следа обмена мыслей 1895 года, на который ссылается г. Пуанкаре; надо предположить, что этот разговор был вызван армянскими событиями, но между кем именно и в какой форме он происходил, мне остается неизвестным, и г. Пуанкаре не мог дать мне на этот счет точных сведений. Что касается сущности настоящих заявлений французского правительства, то если они отличаются как будто некоторой сухостью; то, с другой стороны, их ясность и определенность, мне кажется, имеет для нас серьезные выгоды: на формулировке их несомненно отразился «математический» ум г. Пуанкаре, обладающего свойством весьма быстро овладевать предметом и определять свое к нему отношение в немногих, сжатых и точных выражениях. Мне думается, что если бы в некоторых предыдущих случаях, например, в 1908 году, мы были бы столь же определенно осведомлены о точке зрения Франции, нам было бы легче избежать некоторых недоразумений и разочарований. Мне кажется также, что, делая оговорку относительно таких событий на Ближнем Востоке, которые не затрагивают области франко-русского союза, г. Пуанкаре поддается влиянию некоторого беспокойства, внушенного ему последним фазисом наших отношений к Турции. Как я уже писал вам в частном письме [1], здесь, вероятно, под впечатлением донесений г. Ж. Луи, вас подозревали в склонности поддержать итальянские требования; кроме того, г. Пуанкаре был озабочен обострением турецко-персидского пограничного вопроса и сведеннями о военных мерах на Кавказе. Все это могло побудить его подчеркнуть различие между обеими вышеупомянутыми категориями вопросов; из этого однако нет никакой причины вывести заключение об охлаждении к союзу, о крепости и неоспоримости коего г. Пуанкаре при каждом случае самым энергическим образом заявляет как публично, так и в беседах со мной. Не знаю, в какой форме г. Ж. Луи сделает вам порученное ему сообщение; во всяком случае, по моему мнению, было бы весьма желательно продолжать начатый разговор; позволяю себе поэтому надеяться, что вы не откажете, со своей стороны, сообщить г. Жоржу Луи более подробные соображения по каждому из затронутых в вашей памятной записке пунктов, после чего я не премину вызвать г. Пуанкаре на дальнейшие и более исчерпывающие объяснения.

Примите и пр. Извольский.

№ 700. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 28/15 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие телеграммы вашей от 18/5 марта за № 475 [2] и частного письма вашего от 20/7 марта [3], я не преминул вызвать г. Пуанкаре на ряд бесед по вопросу о китайском займе. Подробно изложив заключающиеся в сказанной телеграмме соображения, я обратил самое серьезное внимание председателя совета на первостепенную политическую важность настоящего вопроса и высказал ему, что ввиду опасного для нас характера деятельности четверного консорциума нам приходится спросить себя, не лучше ли для нас совершенно отстраниться от этой деятельности и обеспечить себя от таких финансовых операций, которые мы сочтем для нас вредными, путем непосредственного воздействия на Китай. Заявления мои, видимо, произвели на г. Пуанкаре весьма сильное впечатление. Он начал с того, что выразил мне некоторое удивление, ибо на основании сообщения, полученного от вас французским поверенным в делах, он считал, что мы согласны принять, по политическим соображениям, участие в авансах китайскому правительству и оставляем открытым лишь вопрос о будущем китайском займе;

[1] См. № 634.
[2] См. № 652.
[3] Письмо Сазонова от 20/7 марта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

из моих же слов (основанных на точном смысле вышеупомянутой телеграммы вашей) как будто выходит, что мы хотим подвергнуть новому обсуждению вопрос о деятельности четверного консорциума во всей его совокупности. Г. Пуанкаре сказал мне далее, что он тщательно ознакомился с последовательным ходом настоящего вопроса, что он вполне ясно понимает всю силу наших аргументов, но что ныне, ввиду совершенной невозможности для французских банков, связанных своей подписью и своими насущными интересами, выйти из консорциума, он не видит другого исхода, кроме нашего вступления в консорциум на условии равенства с другими державами, тем более что Япония уже дала свое согласие. По его убеждению, вступив в консорциум, мы можем вполне положиться на безусловную солидарность с нами французской группы, причем есть полное основание рассчитывать, что английская и японская группы во всех существенных для нас вопросах также окажутся на нашей стороне. В заключение он заявил мне самым положительным образом о своей готовности оказать нам деятельную свою поддержку, дабы обставить вступление наше в консорциум необходимыми для нас гарантиями. При этом он просил меня по возможности в скорейшем времени сообщить ему точные сведения, на каких именно условиях мы согласились бы вступить в консорциум.

Не желая утруждать вашего внимания подробным изложением всех высказанных мне г. Пуанкаре соображений, я остановлюсь однако на следующих довольно характерных пунктах: защищая принятое французским правительством в настоящем вопросе направление, он сказал мне, между прочим, что побудительной к тому причиной, несомненно, послужил наш образ действий в вопросе о Багдадской железной дороге. По его словам, наше прямое соглашение по этому вопросу с Германией без предварительного уговора с Францией нанесло крупный ущерб французским банкам, которые в прежней стадии дела отказались, по нашим настояниям, от участия в нем, а ныне, после нашей перемены фронта, оказались фактически из него исключенными. Считаю долгом обратить особенное ваше внимание на этот аргумент, ибо я слышал его не только от г. Пуанкаре, но и от многих здешних политических и финансовых деятелей. Затем г. Пуанкаре высказал мне, что, по его мнению, с нашей стороны было большой ошибкой выставить требование о принятии в консорциум в виде отдельной группы бельгийцев; это открывает двери подобным же требованиям со стороны других держав, не имеющих прямых политических интересов в Китае. Так, на-днях, австро-венгерский посол заявил ему о желании Австро-Венгрии вступить в консорциум, на что графу Сечену был дан им уклончивый ответ. Г. Пуанкаре несколько раз и с большой силой выразил мне искреннюю свою надежду, что мы, в конце концов, согласимся вступить в консорциум, и как сказано выше, свою готовность содействовать получению нами необходимых для нас гарантий наших политических и экономических интересов.

Вследствие вышеизложенного позволяю себе покорнейше просить вас снабдить меня указаниями об окончательном решении императорского правительства по настоящему вопросу и, в случае согласия нашего вступить в консорциум, о тех условиях, которыми мы намерены обставить это согласие.

Примите и пр.

Изв о л ь с к и й.

№ 701. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 28/15 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Спасибо за письмо ваше от 20/7 марта [2]. Вчера Пуанкаре подтвердил мне свое намерение сделать вам визит в Петербурге; указанное в вашей телеграмме время [3],

[1] Опубл. М., стр. 172.
[2] Письмо Сазонова от 20/7 марта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[3] Имеется в виду тел. Сазонова от 27/14 марта за № 549.

т. е. вторая половина июля старого стиля, вполне для него удобна, ибо совпадает со здешними парламентскими вакациями. Насколько приезд в Петербург министров, вроде Крупни или де Сельва, казался мне излишним, настолько визит Пуанкаре представляется мне полезным и желательным. Даже если бы, вопреки ожиданиям, министерство его оказалось недолговечным (ибо здесь всегда возможны совершенно неожиданные кризисы), личное знакомство ваше с этим влиятельным деятелем имеет большое значение. Вовсе не желая возбуждать вас понапрасну против Ж. Луи, я не могу не отмечать последствий того, по моему убеждению, неправильного освещения, которое он дает вашим действиям и намерениям; с этими последствиями мне весьма трудно здесь бороться, в особенности когда то или другое ваше сообщение получается здесь от Жоржа Луи ранее, нежели от меня. Это именно и произошло с последним вашим предложением касательно формы предположенных шагов в Константинополе. Когда я сообщил ему содержание вашей телеграммы № 527 [1], он сказал мне, что ваше предложение уже известно ему от Луи, но в укороченной форме (т. е. без прибавки о том, что Турции следует заранее дать понять, что требование с ее стороны отмены декрета об аннексии недопустимо) и что он уже выразил свое согласие на него в этой форме. В весьма секретном письме моем [2] я упоминал также о существующем здесь убеждении, что вы склонны поддерживать итальянские требования; такое впечатление опять-таки могло получиться только от донесений посла. Весьма характерна также высказанная мне не без горечи г. Пуанкаре мысль, что в багдадском вопросе мы пожертвовали интересами Франции ради собственной нашей выгоды и что это не может остаться без влияния на отношении Франции к вопросу о китайском займе и четверном консорциуме.

Переходя к этому вопросу, позволяю себе высказать, что при нынешних обстоятельствах для нас выгоднее войти в консорциум, нежели будировать и оставаться в англо-бельгийской группе, не имеющей серьезного финансового значения. Если по вступлении в синдикат окажется, что враждебные нам элементы имеют в нем перевес, мы можем всегда демонстративно из него выйти, и тогда будет легче увлечь за собою французские банки. Мнения этого безусловно держится А. И. Путилов, находящийся ныне в Париже, но противоположный взгляд поддерживается Верстратом, который ожидается здесь на будущей неделе. К Верстрату здешние крупные финансисты относятся не очень серьезно и его считают представителем скорее бельгийских, нежели русских интересов. Сведение, будто Симон согласен делить китайские займы поровну между обоими синдикатами, очевидно, было получено от него и оказалось ни на чем не основанным [3]. Повторяю, я не вижу другого исхода, кроме вступления в консорциум на возможно выгодных для нас условиях. Как вы увидите из моего официального письма [4], почва для переговоров об этих условиях мною подготовлена, и я ожидаю лишь точных инструкций, чтобы к ним приступить. Но в переговорах этих я могу касаться лишь политической стороны дела; собственно банковская кухня должна быть поручена специальному уполномоченному, каковым, мне кажется, мог бы с пользой выступить Николай Рафалович, вскоре получающий миссию вице-директора здешнего отделения Русско-азиатского банка.

Возвращаясь к предположенному визиту Пуанкаре, не думаете ли вы, что по этому случаю было бы полезно и мое присутствие в Петербурге? Если да, то я мог бы приурочить к концу июля старого стиля мой летний отпуск и приехать одновременно с Пуанкаре.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

---

[1] См. № 677.
[2] См. № 699.
[3] См. № 585.
[4] См. № 700.

№ 702. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Депеша № 12. 28/15 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В субботу утром, 23/10 марта, проездом в Корфу из Берлина прибыл в Вену император германский в сопровождении принца Августа-Вильгельма и его супруги принцессы Александры-Виктории и принцессы Виктории-Луизы. Император Франц-Иосиф хотел лично встретить своего высокого гостя на вокзале, но по совету врачей отказался от этой мысли и поручил эрцгерцогу Леопольду Сальватору приветствовать императора Вильгельма от его имени при выходе из вагона. Прямо с вокзала высокие путешественники проследовали в Шенбруннский дворец, где для них были приготовлены аппартаменты. Толпы народа радостно приветствовали проезд императора германского по улицам Вены. Днем, после семейного завтрака, император Вильгельм принял в аудиенции австро-венгерского министра иностранных дел и имел с ним продолжительную беседу по всем важнейшим современным политическим вопросам. Затем император посетил свое посольство, где его величество был встречен послом фон Чиршки с супругой и личным составом посольства. Там же находились посланники саксонский и баварский.

Вечером, в 6 часов, в Шенбруннском дворце состоялся в честь императора Вильгельма парадный обед с большим числом приглашенных, на котором присутствовали все находящиеся в данное время в Вене эрцгерцоги и эрцгерцогини, между прочим и престарелый эрцгерцог Райнер, высшие придворные чины, общеимперские министры: иностранных дел и двора — граф Берхтольд, финансов — фон Билинский и военный — генерал-от-инфантерии фон Ауффенберг; наместник Нижней Австрии барон Бинерт, венский бургомистр д-р Неймайер, германский посол с супругой и чины германского посольства с супругами, саксонский посланник граф Рекс с супругой, баварский посланник барон Тухер, венгерский министр-президент граф Кун Хедервари, германский генеральный консул в Будапеште и др. Никаких тостов произнесено не было. После обеда император германский обходил приглашенных и многих из них удостоил милостивыми расспросами. В $8^1/_2$ часов император Вильгельм с сопровождающими его величество высочайшими особами и лицами своей свиты изволил отбыть в автомобиле на вокзал для следования в Венецию. На прощание оба монарха сердечно облобызались. Эрцгерцог Леопольд Сальватор проводил императора германского на станцию железной дороги вместо императора Франца-Иосифа. На другой день состоялось свидание с королем итальянским в Венеции, а 26/13 марта император Вильгельм на яхте «Гогенцоллерн» подошел к острову Бриони, где в данное время имеет пребывание эрцгерцог Франц-Фердинанд. Свидание германского императора с наследником престола также носило весьма сердечный характер.

Здешняя печать, обсуждая однодневное пребывание императора Вильгельма в Вене и последовавшее вслед за сим свидание его величества с королем Виктором-Эммануилом в Венеции, усматривает в этих фактах признак незыблемости Тройственного союза, столь необходимого, по ее мнению, для сохранения мира в Европе, и выражает уверенность, что состоявшиеся свидания послужат к вящшему его укреплению.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 703. Посланник в Стокгольме[1] министру иностранных дел.

·/. Письмо. 28/15 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к моей телеграмме от 23/10 сего марта [2], считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству следующие подробности моего приема у короля Густава.

[1] Тел. от 20/7 марта Савинский сообщал, что он вступил в управление миссией.

[2] Тел. от 23/10 марта (без номера) Савинский сообщал, что он был принят королем Густавом в частной аудиенции.

Прибыв в Стокгольм 20/7 марта, я на следующий же день посетил министра иностранных дел и просил его исходатайствовать для меня частную аудиенцию у короля для того, чтобы исполнить возложенное на меня государем императором поручение.

Передав королю поклоны его императорского величества, я сказал, что, представляясь государю императору в Царском Селе, я имел счастье докладывать его величеству некоторые подробности, относящиеся к предстоящим здесь летом олимпийским играм. При этом я отметил интерес, с которым государю императору благоугодно было отнестись к этому торжеству не только с спортивной точки зрения, но и с политической. В уверенности, что спортивное общение послужит к более близкому знакомству и более тесному сближению двух наций, государь император, сказал я, кроме пожалования приза, дал разрешение офицерам русской армии, в том числе офицерам наших первых гвардейских полков, принять участие в состязаниях. Организацию этого участия государю императору благоугодно было поручить августейшему главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, великому князю Николаю Николаевичу, соизволив на принятие его императорским высочеством звания почетного покровителя С.-Петербургского олимпийского комитета. С высочайшего соизволения, подготовка и ближайшее руководство русскими военными поручено трем генералам русской службы, из которых один, командир лейб-гвардейского гусарского его величества полка свиты его величества генерал-майор Воейков, прибудет в Стокгольм на все время олимпийских игр.

Затем я довел до сведения короля о намерении государя императора командировать в Стокгольм во время олимпийских игр военное судно и что, как мне сказал перед моим отъездом из Петербурга морской министр, адмирал Григорович, выбор его императорского величества пал на крейсер 1 ранга «Олег», находящийся под командой великого князя Кирилла Владимировича.

Когда король выразил по этому поводу особое удовольствие, я передал его величеству возложенное на меня лично государем императором приказание и сказал, что, если, в ответ на это посещение, королю угодно будет прислать шведское военное судно в русские воды, то его императорское величество примет его с удовольствием в С.-Петербурге или в Кронштадте. Король вспомнил при этом, что государю императору угодно было еще в 1909 г., во время пребывания их величеств в Тульгарне, сделать подобное любезное предложение и что, если бюджетные соображения позволят, то он воспользуется этим нынешним летом; в противном случае непременно в будущем году. С тех пор [1] министр иностранных дел, которому я передал в общих чертах свой разговор с королем и, в том числе, последнее замечание его величества, сказал, что он, не теряя времени, переговорит с морским министром и министром финансов и примет все меры, чтобы бюджетные соображения не были помехой воспользоваться милостивым приглашением государя императора этим же летом.

В конце аудиенции, длившейся $^3/_4$ часа, король просил меня передать государю императору как его сердечные поклоны, так и самую искреннюю благодарность за все любезности, которые его императорскому величеству благоугодно было оказать ему и Швеции, на что я ответил, что я особенно счастлив, что на мою долю выпало столь лестное поручение и что мне приходится начинать свою деятельность в обстоятельствах столь благоприятных для сближения обоих народов, дружественные отношения между которыми отныне будут составлять предмет моего особого попечения и забот. Во вторник [2] на страстной неделе король уезжает на три недели на юг Франции, где рассчитывает встретиться со своим сыном, принцем Вильгельмом и его супругой, великой княгиней Марией Павловной, возвращающимися из Индии, где их высочества путешествовали после своего официального пребывания в Бангкоке на коронации сиамского короля.

---

[1] Так в оригинале.
[2] 2 апр./20 марта.

При сем прилагается последняя программа олимпийских игр с указанием, в какие дни будут происходить какие состязания [1].

Примите и пр. А. Савинский.

№ 704. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 28/15 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаясь на доверительное письмо мое от сего числа [2], имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что во время своего свидания с министром иностранных дел, на следующий день моего приезда, я изложил графу Эренсверду в общих чертах те любезности, которые государю императору и императорскому правительству угодно оказать Швеции и ее монарху по случаю предстоящих олимпийских игр, и которые перечислены мной подробно в вышеозначенном письме. При этом я выразил уверенность, что эти знаки совершенно исключительного внимания будут оценены королевским правительством по достоинству и докажут ему, насколько императорское правительство стремится к сохранению с ним и укреплению дружеских отношений.

Выразив мне самую искреннюю благодарность за сообщение, министр высказал полное убеждение, что не только правительство, но и народ и общественное мнение всей страны встретят эти знаки внимания с особой признательностью и что наши офицеры и спортсмены будут в Швеции предметом самой радушной встречи. Этим моментом разговора я воспользовался, чтобы указать министру на то, что императорское правительство нашло возможным принять для финляндцев все условия, которые Швеция, в качестве страны, дающей у себя в этот раз гостеприимство участникам олимпийских игр, указала как на желательные. Министр высказал по этому поводу полное удовольствие и подтвердил уверенность, что все пройдет гладко.

Ввиду тех строгих представлений, которые ваше высокопревосходительство изволили в свое время сделать по поводу брошюры Свен Хедина шведскому посланнику в Петербурге [3] и двух длинных разговоров, которые статский советник Мясоедов имел по тому же поводу в мое отсутствие с министром [4], я счел более целесообразным не касаться этого вопроса, тем более, что в последнее время и без того стали появляться здесь брошюры и статьи, направленные против Свен Хедина. Отчет о сих последних представлен императорской миссией при депеше от 12 марта/28 февраля за № 5 [5].

Как я имел случай убедиться из разговоров, которые я имел с разными лицами со времени моего приезда, правительство было поставлено вышеупомянутой брошюрой в самое неприятное положение, причем оно довольно неловко искало из него выхода. Боясь скомпрометировать себя в глазах общественного мнения каким-либо самостоятельным авторитетным выступлением, оно обратилось, чрез посредство министра иностранных дел, к английскому и французскому посланникам с просьбой объяснить нашему поверенному в делах, что брошюра Свен Хедина совсем не направлена против России, а является только партийным маневром. Оба посланника отказались наотрез от исполнения подобной просьбы, указав, что брошюра направлена именно против России и что им тем труднее исполнить просьбу министра, что со своей стороны королевское правительство ничего не сделало, чтобы рассеять это впечатление, не поместив нигде никакого опровержения или возражения. С тех пор на запросы в риксдаге депутатов-социалистов Брантинга и Кронлунда, почему брошюра Свен Хедина допущена в школы и читается молодежью, которая таким образом вместо занятий привле-

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] См. № 703.
[3] См. № 480.
[4] См. № 484 и стр. 145, прим. 1.
[5] См. № 617.

кается к политиканству, министр народного просвещения Берг ответил, что, будучи лично в хороших отношениях с Хедином и отдавая ему должное как исследователю и ученому, он сожалеет о появлении его брошюры, распространение и чтение которой в школах отныне им запрещено.

Как я имел честь упомянуть выше, я намеренно не коснулся в разговоре с графом Эренсвердом Свен Хедина и его брошюры, но в прошлую субботу [1], после обеда у себя, министр иностранных дел сам заговорил о ней, воспользовавшись для начала разговора появившейся в тот же вечер статьей местной газеты «Aftonbladet», умеренно-либерального направления, комментировавшей мой недавний разговор с одним корреспондентом другой газеты и сделавшей на основании его вывод, что брошюра Хедина не повлияла на добрые отношения между Россией и Швецией. Действительно, в этом разговоре, от которого я не счел возможным уклониться и путем которого я хотел высказать местной прессе свой взгляд по данному вопросу, я сказал, что, хотя брошюра Хедина и возмутила всех в России своей нелепостью и грубым тоном, однако я уверен, что она ничего не изменит в отношениях наших с Швецией. В этом же разговоре я старался доказать своему собеседнику, что установление прочных экономических и торговых отношений между Россией и Швецией является верным залогом благополучия последней и что к оживлению этих сношений должны стремиться взаимные усилия обеих стран; при этом я указал на благоприятный в этом отношении для Швеции настоящий момент, когда вследствие отказа Америки от торгового договора с нами [2] Швеция могла бы заменить своими произведениями, например, сельскохозяйственными машинами, часть американского вывоза, направлявшегося в наши балтийские губернии и северо-западный край.

Сославшись на эту статью «Aftonbladet», министр сказал, что он счастлив видеть, что наши мнения сходятся и может дать мне самые формальные заверения, что не только правительство, о коем не может быть сомнения, но и общественное мнение самых разнообразных направлений осуждает мысли Свен Хедина и уверено, что они отнюдь не омрачат взаимных отношений двух стран. На это я заметил однако, что будучи уверен, что ни королевское правительство, ни серьезное общественное мнение страны не может допустить мысли о справедливости утверждений Свен Хедина и об основательности приписываемых им императорскому правительству планов, я не могу тем не менее не повторить того, что уже было высказано нами по этому поводу, а именно самого строгого порицания Свен Хедину и той форме, в которую он облек свои мысли. Нисколько не стараясь извинить Свен Хедина, министр пытался только объяснить его поступок особенностями его пылкого и впечатлительного характера, заставившими его выступить в столь неуместной форме на защиту проповедуемых им принципов государственной обороны.

На мое замечание, что нелепость опасений, высказанных Свен Хедином насчет агрессивных замыслов России настолько очевидна, что оспаривать ее не приходится, министр настойчиво утверждал, что эти опасения не разделяются не только шведским правительством, но не находят отголоска даже в самых крайних социалистических кружках, представители коих обращались к нему неоднократно с заявлениями протеста против утверждений Хедина.

Граф Эренсверд старался мне доказать с возможной очевидностью неизменную лойяльность шведского правительства по отношению к нам и как на пример указал на тот прием, который он оказал недавно шведским коммерсантам, пришедшим его просить вмешаться в дело финляндских лоцманов, уход которых грозит, якобы, нарушением правильных торговых сношений; явившиеся к нему шведские коммерсанты утверждали, что они действуют не только от своего имени, но и от имени английских, бельгийских и других торговцев. Ходатайство это граф Эренсверд категорически отклонил, сказав, что не имеет никакого права вмешиваться во внутренние дела дружественного соседнего государства.

---

[1] 23/10 марта.
[2] См. № 218.

«Это краеугольный камень нашей политики по отношению к России, — сказал граф Эренсверд, — и я могу дать вам слово, что этого принципа будут держаться все мои преемники».

В заключение мой собеседник сознался, что к его большому огорчению в последние, можно сказать, сто лет взоры Швеции были обращены скорее на запад, чем на восток, что он об этом искренне сожалеет и что он по мере своих сил будет стараться исправить этот пробел. Этим оборотом разговора я не преминул, конечно, воспользоваться, чтобы указать на всю бескорыстность дружбы России и на то, что Швеции никогда не придется раскаиваться в том, что она будет искать сближения с державой, указанной ей самой силой вещей, вместо того чтобы обращать свои взоры в другую сторону.

Из вышеизложенного ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что мне пришлось воспользоваться ранее, чем я этого мог ожидать, теми указаниями, которые мне были преподаны вами перед моим отъездом сюда. Обстановка, созданная всеми нашими любезностями и польстившая национальному самолюбию шведов, является той благоприятной почвой, на которой может произойти их отрезвление от мысли, что вне сближения с Германией у них нет спасения. Эта благоприятная атмосфера еще более сгустится во время приезда сюда русских гостей, и я буду прилагать все усилия для того, чтобы ее использовать исподволь и осторожно в желательном для нас смысле.

Свою беседу со мной министр иностранных дел заключил фразой: «Je vois qu'avec les idées avec lesquelles vous arrivez ici il nous sera très facile de nous entendre et d'unir nos forces pour travailler ensemble au rapprochement de nos pays» [1], на что я ответил: «Je considérerai ma tâche atteinte si je réussis à inspirer au gouvernement royal la confiance qui servira de gage de notre rapprochement réciproque» [2].

Примите и пр. А. Савинский.

№ 705. Поверенный в делах в Берлине [3] министру иностранных дел.

*/. Депеша № 18. 29/16 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях рассматривался и принят был союзным советом (Bundesrat) новый правительственный законопроект касательно увеличения сухопутных и морских сил германской империи.

Наши военный и морской агенты в Германии несомненно подробно донесли своему начальству, в чем именно будут состоять эти увеличения армии и флота; я поэтому в кратких только словах коснусь политической стороны этого вопроса.

Согласно вышеупомянутому законопроекту, германская армия усиливается двумя новыми прусскими армейскими корпусами, предназначенными один для восточной, другой для западной границы империи; численность ее увеличивается таким образом на 32 000 чел., это доведет мирный состав германской армии до 683 000 чел.

Усиление флота должно выразиться присоединением к двум ныне плавающим вооруженным эскадрам третьей, составленной из 5 линейных кораблей, 4 панцырных и 4 малых крейсеров, взятых из нынешней резервной эскадры; кроме того, должны быть вновь построены 3 новых линейных корабля и 2 малых крейсера.

---

[1] «Я вижу, что при том настроении, с которым вы сюда приехали, нам будет легко договориться и соединить свои силы для общей работы по сближению наших стран».

[2] «Я буду считать свою задачу выполненной, если мне удастся внушить королевскому правительству доверие, которое послужит залогом нашему взаимному сближению».

[3] В тел. от 24/11 марта за № 25 Остен-Сакен извещал о своем предстоящем отъезде в отпуск.

Личный состав флота должен увеличиться на 75 чел. офицеров и 1 600 чел. нижних чинов.

Вышеозначенное усиление армии и флота потребует:

в 1912 г. — 97 млн. марок,
» 1913 г. — 127 млн. »
» 1914 г. — 114 млн. »

Из них на долю флота приходится:

в 1912 г. — 15 млн. марок,
» 1913 г. — 28 млн. »
» 1914 г. — 38 млн. »

Расход этот должен, согласно одобренному союзным советом и подлежащему теперь внесению в рейхстаг законопроекту, быть покрытым частью остатком 1911 г., частью текущими поступлениями 1912, 1913 и 1914 гг. и частью долженствующими поступить от изменения налога на спирт доходами.

Принятие этой части правительственного законопроекта союзным советом и вызвало отставку статс-секретаря имперских финансов г. Вермута, который стоял за покрытие вышеозначенного расхода путем повышения налога на наследства.

Эта часть законопроекта, по всей вероятности, встретит наибольшую оппозицию со стороны левых партий рейхстага, разделяющих в этом вопросе взгляд г. Вермута.

В общем новый законопроект принят был сочувственно всеми политическими партиями, за исключением крайних социалистов и пангерманистов.

Первые принципиально протестуют против всякого увеличения вооруженной силы Германии, вторые находят предполагаемое усиление сухопутных и морских сил недостаточным для внушения страха врагам Германии и осуществления своих широких завоевательных замыслов.

Незначительность кредитов, предназначаемых на усиление флота сравнительно с расходами на армию, служит некоторым показателем того, что посещение Берлина лордом Холденом не прошло совершенно бесследно.

Действительно, возбуждение против Англии из-за роли, сыгранной ею во время переговоров Германии с Францией по марокканскому вопросу, последнее время значительно улеглось, и адмиралу Тирпицу, пожелавшему воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств для нового значительного усиления германского флота, пришлось удовольствоваться сравнительно скромным результатом. Что он уступил не без борьбы, этому свидетельствуют упорно появившиеся перед отъездом императора Вильгельма слухи об уходе канцлера, который является противником всякой агрессивной против Англии политики.

С точки зрения наших интересов, а также нашей союзницы Франции вышеозначенный исход не может быть признан благоприятным, так как он повел к значительному увеличению сухопутных сил, направленных против обоих соседей Германии.

Примите и пр. Шебеко.

№ 706. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 29/16 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Речь, произнесенная 18/5 сего марта лордом Черчиллем при обсуждении морского бюджета [2], вызвала в Германии значительное возбуждение. Особенно

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 336, № 581.

[2] В речи, произнесенной в палате общин 18/5 марта, Черчилль сказал, что пришло время для обеих наций уяснить себе условия, при которых будет развиваться их соперн-

неприятное впечатление произвела она в тех политических кругах, которые, придавая посещению лорда Холдена преувеличенное значение, мечтали уже о серьезном сближении с Англией.

Вышеозначенная речь великобританского морского министра и только что принятый союзным советом новый законопроект об увеличении морских и сухопутных сил Германии [1] служат сами по себе доказательством того, что о какомлибо ограничении вооружений со стороны как Англии, так и Германии в настоящий момент не может быть и речи.

Не только пангерманские круги, разразившиеся по своему обыкновению по поводу речи лорда Черчилля резкой бранью против сделанного будто бы Германии открытого вызова, но даже либеральные органы печати и сама официозная «Kölnische Zeitung» в сдержанных выражениях выказали удивление словам первого лорда адмиралтейства, в которых он открыто признал, что великобританский флот имеет целью не оборону страны вообще, а специально предназначается для борьбы с флотом державы, с которой Англия пребывает в вполне дружеских отношениях.

Содержание речи английского морского министра сделалось известно в Берлине одновременно с распространением известия о том, что отъезд императора Вильгельма в Корфу отложен на неопределенное время. К этому присоединились слухи об отставке имперского канцлера и Кидерлен-Вехтера, а также об обострении будто бы отношений между нами и Турцией. Все это вызвало столь нервное настроение в публике и на бирже, что правительство сочло нужным успокоительно воздействовать на общественное мнение, заявив в официозном органе, что отъезд императора отложен только на несколько дней и вызван исключительно принятием мер против забастовки углекопов [2]. Действительно, два дня спустя император отбыл в Вену и тревожное настроение улеглось, хотя слухи о предстоящих после возвращения императора Вильгельма переменах в высших правительственных сферах продолжают циркулировать, и положение как имперского канцлера, так и статс-секретаря по иностранным делам считается в осведомленных кругах, несмотря на предстоящую поездку г. Бетман-Гольвега в Корфу, весьма пошатнувшимся.

Примите и пр. Шебеко.

№ 707. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

/. Письмо. 29/16 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Отозвание из Константинополя гофмейстера Н. В. Чарыкова [3] не могло не произвести в Софии известного впечатления как ввиду прошлой деятельности г. Чарыкова в Болгарии [4], так и вследствие того выдающегося положения, которое занимает на берегах Босфора по отношению балканских славян и их интересов представитель русского царя.

ничество на море. В настоящее время он не считает необходимым настаивать на принятии принципа «два киля против одного», но возможно, что придет время, когда это станет необходимым. За последние годы норма постройки англ. судов определялась требованием, чтобы англ. флот по силе линейных судов и крейсеров типа дредноутов превышал на 60% герм. флот. В настоящее время Англия может продолжать следовать этому требованию. Если Германия в течение ближайших 6 лет сохранит свою программу постройки двух судов в год, то для Англии представляется необходимым строить попеременно один год — четыре, другой — три судна типа дредноутов. Если же Германия замедлит или уменьшит свою строительную программу, Англия предпримет соответствующее сокращение у себя.

[1] См. № 705.

[2] См. стр. 339, прим. 4.

[3] См. № 637.

[4] В 1896—1897 гг. Чарыков был дипломатическим агентом в Софии.

Печать правительственная, руссофильская, отнеслась к этому событию с крайней сдержанностью, ограничилась лишь объявлением без всяких комментариев самого факта увольнения Н. В. Чарыкова.

Печать оппозиционная, в особенности орган небезызвестного руссофоба С. Радева «Воля», отозвалась в явно недоброжелательном к г. Чарыкову тоне, мотивируя отставку посла затронутым им, без инструкций из С.-Петербурга, вопросом об открытии Дарданелл, и уверяла, что отозвание г. Чарыкова — счастливое событие для болгарских национальных интересов.

Как вашему высокопревосходительству известно из разговора действительного статского советника Неклюдова с королем Фердинандом, его величество отнесся с большой симпатией к Н. В. Чарыкову [1].

Недолгое пребывание г. Чарыкова в Софии 15 лет тому назад не оставило в быстро меняющейся политической жизни развивающейся Болгарии заметных следов. Подобно правой печати, политические деятели, отзываясь с симпатией о личности г. Чарыкова, не комментировали отозвание посла и больше всего интересовались тем, кто будет его заместителем. Причину же увольнения некоторые видели в его излишнем туркофильстве, и на напоминание, что нынешнее правительство в начале своей деятельности также выкинуло туркофильский флаг, спешили указать, что ошибка эта была сознана и нынешние ответственные деятели Болгарии поняли, что турки, несмотря на введение конституционного строя, остались азиатами лукавыми и некультурными, преклоняющимися лишь перед силой.

Примите и пр. Кн. Урусов.

№ 708. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 580 [2]. 30/17 марта 1912 г.
Лично.

Сообщается в Лондон.

Между Болгарией и Сербией с нашего ведома заключен договор о совместной обороне и охране взаимных интересов на случай нарушения status quo на Балканском полуострове или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон [3]. Гешов и сербский посланник в Софии Спалайкович доверительно сообщили об этом состоявшемся договоре английскому посланнику в Болгарии Айронсайду. Ввиду этого благоволите, выбрав для сего благоприятный с вашей точки зрения момент, в устной форме сообщить Пуанкаре об изложенном для личного его осведомления, предупредив его самым серьезным образом, что факт договора должен сохраняться в безусловной тайне, и прибавив, что так как особое секретное добавление обязывает обе стороны, предварительно каких-либо активных выступлений, осведомиться о мнении России, мы считаем, что этим взяли в руки средство влияния на обе державы и вместе с тем создали гарантию против распространения влияния более сильных держав на Балканском полуострове.

Сазонов.

№ 709. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 586 [4]. 30/17 марта 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 47 получена [5].

Хотя выясняется, что Германия приняла бы целиком формулу, изложенную в моем № 527 [6], тем не менее ради соблюдения полного параллелизма полагаю при-

[1] См. № 625.
[2] Опубл. Stieve, II, S. 76, N 243.
[3] См. приложение II к № 625.
[4] Опубл. Stieve, II, S. 77, N 244.
[5] См. № 692.
[6] См. № 677.

дать сообщению в Константинополь следующую форму: «Les Puissances, ayant pu constater que sous certaines conditions l'Italie serait disposée à admettre une intervention amicale des Puissances en vue d'arriver à la cessation des hostilités, s'adressent amicalement à la Porte avec la prière de leur communiquer les conditions auxquelles elle accepterait leur médiation en vue d'arriver à la cessation des hostilités» [1].

Я переговорил об этой формуле с Луи, оставив под сомнением лишь вопрос, можно ли обойтись без предварительного согласия Италии на представление этой формулы Порте.

О последующем телеграфируйте возможно скорее.

Сазонов.

№ 710. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

/. Депеша № 6. 30/17 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После усидчивой, но непродолжительной работы, на прошлой неделе подписан торговый договор между Болгарией и Австро-Венгрией.

С 1904 года до сего времени Австро-Венгрия в торговых сношениях своих с Болгарией довольствовалась принципом наиболее благоприятствуемой нации. Подобное положение вещей, вызванное таможенной войной, объявленной Австрией как Болгарии, так и Сербии, вследствие последовавшего между этими державами в 1904 году таможенного соглашения, длиться не могло нескончаемое время и, вслед за заключением торговых договоров с Сербией и Румынией, очередь настала и для Болгарии возобновить нормальные экономические отношения с Двуединой монархией.

Переговоры о заключении соглашения велись в Софии, и со стороны Австрии, как мне сообщил министр финансов г. Тодоров, были приложены все старания, чтоб переговоры непременно увенчались бы успехом; венгерские делегаты были более несговорчивы, но, очевидно, приказ был дан из Вены — во что бы то ни стало заключить договор, что и было исполнено в сравнительно короткий промежуток времени.

Болгарское правительство совершенно удовлетворено достигнутыми результатами, ибо если таможенные ставки на некоторые предметы ввоза, как-то лесные материалы в обработанном и необработанном виде, изделия кожаные и стеклянные, вино, хмель, железо и пр. и были сбавлены, то ни одна из таможенных пошлин, ограждающих отрасли производств, постепенно развивающихся в Болгарии, не была, несмотря на усиленные домогательства австро-венгерской делегации, изменена. Спор в этом отношении шел главным образом о сахаре и пиве. Общий убыток болгарской казны вследствие уменьшения таможенных ставок выразится в сумме от 300 до 350 тысяч франков.

Одновременно болгарскому правительству удалось достигнуть весьма важного результата по отношению ввоза рогатого скота в Австро-Венгрию, каковой ввоз до сих пор был воспрещен. Согласно заключенному договору, Болгария имеет право ввозить ежегодно 12 000 штук рогатого скота на следующих условиях: скот доставляется по Дунаю в прибрежный австро-венгерский город Оршаду, где на специально приспособленном для нужд болгарского экспорта понтоне закалывается. На пункте отправления, в г. Видине, австро-венгерский ветеринарный врач производит осмотр отправляемой партии скота. Болгарское правительство выражает надежду, что условия перевозки скота по Дунаю послужат первым шагом к нарождению болгарского каботажа по Дунаю и намерено, для примера, соорудить несколько перевозочных бараков. По объяснению г. То-

[1] «Державы, имев возможность констатировать, что на известных условиях Италия будет готова допустить дружественное вмешательство держав с целью прекращения военных действий, обращаются дружески к Порте с просьбой сообщить им условия, на которых она приняла бы их посредничество с целью прекращения военных действий».

дорова, экспорт болгарского скота в Австрию не скоро достигнет установленной нормы в 12 000 штук, но правительство особенно настаивало на этом количестве для того, чтобы иметь возможность, в случае закрытия по каким-либо причинам турецкой границы, чрез которую идет наибольшая часть болгарского скота, направить в Австрию весь экспорт.

Наряду с этим для болгарского ввоза Австро-Венгрией сделаны таможенные уступки по отношению розового масла (пошлина отменена), орехов и тесьмы — произведения болгарского кустарного труда.

Срок договора пятилетний, т. е. до 1 января [нов. ст.] 1917 года, к каковому сроку кончаются все заключенные Болгарией торговые договоры. Договор был незамедлительно внесен в Народное собрание и одобрен последним.

Вполне понятное желание Австро-Венгрии заключить торговый договор с Болгарией, являющейся с каждым годом все более и более потребляющим рынком, симптоматично лишь в том отношении, что экономическое желание это имело некую политическую подкладку, благодаря которой преследовались не только фискальные выгоды, но было a priori решено довести дело до благополучного конца. Прошло то время, когда Двуединой монархии можно было казнить экономической гильотиной несумевшее ей угодить мелкое балканское государство.

Пример Сербии, с необычайным успехом освободившейся от австрийского экономического гнета, непрекращающиеся старания России завоевать для своего экспорта балканские рынки и создавшаяся за последнее время на Балканах неблагоприятная атмосфера для процветания австрийского влияния — сделали свое дело, и уступчивость, проявленная Австро-Венгрией при заключении настоящего торгового договора, свидетельствует, что ею признается в настоящее время необходимым, по политическим мотивам, ладить со своими растущими в силе балканскими соседками.

Примите и пр. Кн. Урусов.

№ 711. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 7. 30/17 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В начале текущего месяца в Софию приехали два турецких чиновника: Шукри-бей, генеральный секретарь министерства внутренних дел, и, в качестве переводчика при нем, Абдул-Керим-бей, служащий в министерстве народного просвещения.

Приезд этих лиц состоялся с совершенно определенной целью: по личному почину, что не перестает в печати заявлять Шукри-бей, он, пользуясь свободным от службы временем, пожелал войти в непосредственные сношения с проживающими в Софии главарями македонской организации в надежде уговорить последних прекратить в Македонии деятельность революционных чет.

На сей предмет Шукри-бей в продолжение своего восьмидневного пребывания в Софии неоднократно встречался с главнейшими деятелями македонского комитета, как то: д-р Татарчев, М. Геров, Александров, Т. Николов, Матов. Из них последний не преминул предать гласности сущность разговоров и предложений Шукри-бея.

Турецкий чиновник, указав на образование комиссии по введению реформы в управлении, что свидетельствует об искреннем желании еще не вполне окрепшего младотурецкого правительства удовлетворить законные желания христианского населения, приложил все старания убедить македонских главарей отказаться для пользы своих оттоманских сородичей от активной террористической деятельности, динамитных покушений, образования чет и т. д. В ход были пущены соблазнительные обещания в виде возвращения турецким правительством организации затраченных ею текущей весной денежных средств, а также предоставление македонским болгарам большого количества депутатских мест в парламенте.

Но выступление Шукри-бея не увенчалось успехом. Ему было отвечено, что македонская организация наотрез отказывается вступать в какие бы то ни было переговоры с представителями младотурок, что их обещаниям о введении реформ не придается ни малейшей веры, ибо за четыре года пребывания у власти младотурки ясно показали себя по отношению к христианскому населению Турции подражателями абдул-гамидовской системы управления. Шукри-бей с товарищем на этом должен был покинуть Софию, унося главным образом впечатление о категорическом и непримиримом тоне, в котором говорили с ним македонские деятели.

Печать всех оттенков комментировала выступление Шукри-бея в крайне недоброжелательном по отношению к младотуркам тоне.

Сомнения нет, что, приезжая в Софию, Шукри-бей исполнял возложенное на него Талаат-беем доверительное поручение, которое заранее было осуждено на неудачу, потому что младотурецкий режим уже давно окончательно дискредитировал себя в глазах тех, которые с наибольшим воодушевлением, кровно заинтересованные в иной ориентации оттоманской внутренней политики, возложили на него упование при зарождении конституционного строя в Турции. Но неудачные переговоры не только поставили в несколько неподобающее положение закулисных вдохновителей Шукри-бея, но и некоторым образом осветили те внутренние затруднения, которые угрожают турецкому правительству и от которых оно надеялось избавиться столь странным и ненадежным ходом задобрения македонской организации.

Действительно, если войне с Италией из Триполи суждено перебросится в Европейскую Турцию, то какие бы меры — жестокие или наилиберальнейшие — ни принимали младотурки относительно христианского населения, они не смогут погасить повстанческого пожара, который неминуемо широкой волной охватит как Македонию, так и Албанию. И тогда турецким войскам, кроме внешнего, придется считаться с врагом внутренним, трудно караемая деятельность которого, начавшись одновременно на огромном протяжении двух вилайетов, создаст туркам такие затруднения — как то: взрыв мостов, разрушение железнодорожного полотна и телеграфа, угон скота, уничтожение фуража, — которые в сильнейшей степени скомпрометируют возможный успех турецкого оружия.

Неумелая попытка младотурецкого кабинета сговориться с македонской организацией, вероятно повторенная в Белграде, куда направился Шукри-бей, окрылила надежды четников. Как и в прошлом году, македонская и албанская организации установили общность действий; до сих пор деятельность их еще не приняла каких-либо заметных размеров, но следует ожидать, что, при наступлении тревожных обстоятельств, комитеты умело используют положение для извлечения наибольших выгод для своих целей.

Нынешнее болгарское правительство продолжает исполнять свои обязанности по отношению к македонской организации, т. е. оно доподлинно знает все, что происходит на заседаниях комитета, осведомляется о принимаемых решениях, но ни в какие сношения с организацией не входит, о денежных субсидиях, как было при стамбуловистах и демократах, и речи нет, и время от времени возобновляется приказ пограничным властям не пропускать ни чет, ни четников в Турцию.

Но, несмотря на это, организация продолжает свою деятельность в непоколебимом убеждении, что ни одно правительство не решится прекратить ее существование, ибо в ее деле заинтересован весь болгарский народ; ее цель — цель национальная, и пока македонский вопрос не будет решен согласно справедливым ожиданиям Болгарии, организация не исчезнет из политической жизни царства. Она является политическим оружием, заручкой относительно Турции, могущей понадобиться в каждый данный момент болгарскому правительству, и г. Гешов, с которым я беседовал по сему вопросу, не мог скрыть от меня, что корректное отношение правительства, под давлением обстоятельств, может измениться в благожелательную по отношению к деятельности организации сторону.

Одно к одному — и итало-турецкая война, способствовавшая сближению Болгарии с некоторыми балканскими державами, и в этом вопросе играет едва ли

не первую роль, ибо Болгария на пороге неизвестных событий не хочет упустить из рук своих ни малейшего козыря для более верного достижения победы.

Примите и пр.

Кн. Урусов.

№ 712. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 8. 30/17 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Императорская миссия своевременно доносила о периодических попытках Греции заключить с Болгарией общеполитическое соглашение [1]. При демократическом кабинете, специально не расположенном входить в договорные отношения с балканскими державами, попытки эти неизменно оканчивались неудачей. При вступлении во власть г. Гешова стремления Греции вначале также не встретили желаемого сочувствия, ибо основной задачей коалиционного кабинета было установление дружеских отношений с Турцией, исключительно на что и были направлены все старания правительства. В октябре минувшего года на предложение г. Папаса вступить в обмен мыслей на предмет заключения соглашения, г. Гешов ответил в общих благожелательных выражениях, но дальнейшего хода домогательствам греческого посланника не дал. Тогда же императорской миссией было указано г. министру-президенту, что Россия приветствует всякое сближение балканских держав на почве балканских дел, но что Болгарии следует итти с большой осмотрительностью на соглашение с Грецией, имеющей постоянный источник недоразумений с Турцией — именно остров Крит. И Греция, достигнув соглашения с Болгарией, может изменить в сторону большей агрессивности свою политику по отношению к Оттоманской империи.

С того времени коалиционный кабинет вполне и окончательно разочаровался в возможности установления с турецким правительством взаимно-выгодных и искренних отношений и на вновь выраженное греческим правительством желание вступить в переговоры для установления общности политических интересов обеих держав, г. Гешов ответил принципиальным согласием [2].

Главных пунктов лишь в общих чертах намеченного соглашения — два: первый касается греко-болгарских отношений в Македонии, второй — определяет взаимоотношения Болгарии и Греции касательно Турции. Этот второй пункт, по мысли г. Гешова, должен точным образом определить значение и возможную роль критского вопроса по отношению к договорным правам и обязанностям обеих держав.

Как вашему высокопревосходительству известно, с некоторых пор в Македонии началось постепенное сближение болгарского и греческого элемента по непосредственно интересующим это население вопросам. Ненависть, соперничество, взаимное преследование по делам: школьному, церковному, монастырскому и т. д. сменились, если и не вполне дружелюбными отношениями, то отношениями взаимных уступок и мирного сожительства, и в только что законченных выборах в турецкий парламент греки и болгары, объединившись и договорившись, вели вместе избирательную борьбу. В этом отношении секретное болгаро-греческое соглашение только будет способствовать упрочению уже создавшегося порядка.

[1] См. № 534.

[2] В деп. от 5 марта/21 февр. за № 6 Рощаковский, отмечая улучшение отношений между Грецией и Болгарией, указывал, что хотя «династии, церкви, печать и население обоих государств проявляют явную склонность к закреплению греко-болгарских отношений, но переговоры между правительствами этих держав все же не начинаются». Рощаковский считал, что «как греки, так и болгары выбрали меньшее из двух вол: сближение их вызвано исключительно действиями младотурок в Македонии. Как только действия эти станут терпимы, греко-болгарская вражда возгорится снова, ибо слишком уж она закоренелая, да и предмет ее, Македония, так дорог обеим сторонам». Далее, Рощаковский сообщал слухи о том, что целью приезда в Афины греч. посланника в Вене Стрейта является «начавшийся между Австрией и Грецией обмен мнений по различным балканским вопросам».

Второй пункт установит сущность соглашения: взаимные обязанности, status quo, casus belli и т. д. Включение в этот пункт разрабатываемого соглашения точно определенного отношения Болгарии к критскому вопросу и возможных из-за него греко-турецких осложнений является необходимым дополнением будущего договора в интересах Болгарии, могущей быть поставленной в крайне затруднительное положение из-за этого исключительно Грецию интересующего вопроса.

Греко-болгарское секретное соглашение, если не по букве, то несомненно по духу, будет направлено против Турции.

Отношения Болгарии и Греции никогда не были дружественными. Схизма, наложенная на болгарскую церковь вселенской патриархией, взаимно истребляющая борьба болгар и греков в Македонии, греческий погром, со стихийной силой пронесшийся по Болгарии в 1906 году, на долгое время отдалили возможность политического соглашения между Болгарией и Грецией, хотя уже с 1891 года афинский кабинет пытался работать в этом направлении. Ныне отмечаемое соглашение родилось в тревожной атмосфере, созданной на Балканском полуострове уже полгода продолжающейся итало-турецкой войной. События, если не развиваются, то назревают, и Болгария, чутко относящаяся к возможным осложнениям и разумно желающая быть во всеоружии и готовой ко всяким случайностям, нашла своевременным и нужным пойти навстречу желаниям Греции и таким образом обеспечить себе в назревающей борьбе с Турцией содействие еще одной державы, содействие тем более ценное, что греческая армия в 120 000 человек, действуя туркам в тыл, несомненно, отвлечет на себя значительные вражеские силы.

Примите и пр.

Кн. Урусов.

№ 713. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Письмо. 30/17 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Приехав ко мне на-днях прощаться, министр иностранных дел изложил мне подробно политическую программу теперешнего турецкого правительства.

Выясняющиеся уже результаты теперешних парламентских выборов обещают правительству крупное большинство, благодаря которому теперешнему кабинету можно будет проводить твердую и последовательную внутреннюю и внешнюю политику.

Основой внешней политики Турции является сближение с державами Тройственного согласия [1].

Причина этого общеизвестна: Россия — самая сильная и близкая и опасная континентальная соседка Турции; Англия держит в руках судьбы всего побережья турецкой империи; Франция же — казначей Европы, без которого Турция не может обойтись.

Но есть еще и особая причина, обусловливающая близость Турции к названным трем державам.

Причиной этой служит наличность многих миллионов мусульман в числе их подданных.

«Отстраняя вовсе панисламические идеи,— продолжал Ассим-бей,— мы видим однако в многочисленном мусульманском населении владений России, Великобритании и Франции элемент особой общности интересов с названными государствами, так как, с одной стороны, между этими мусульманами и Турцией

[1] В тел. от 24/11 марта за № 115 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен сообщил Грею, что «турецкий министр иностранных дел прислал одного из своих секретарей в Петербург с самыми категорическими заверениями в дружественном отношении Турции к России. Г. Сазонов выразил удовлетворение по поводу получения этих заверений, которые, он надеется, будут подтверждены на деле, и заявил, что Россия не имеет никаких агрессивных планов против Турции».

существует общность религиозных интересов, а с другой, названные державы должны иметь в виду своих мусульманских подданных при определении своих отношений к Турции».

Конечно, такое сближение не должно влечь за собой враждебности Турции к Германии, да и вообще Турция не должна теперь примкнуть ни к той, ни к другой группе великих держав, но должна заботиться при преимущественной близости к Тройственному согласию, поддержанием хороших отношений со всеми остальными государствами.

В области внутренней политики правительство будет преследовать свою основную цель — обеспечение одинаковых прав для всех оттоманских подданных.

Программа Ассим-бея имеет, как и всякие политические программы, лишь то значение, которое будет ей присвоено ее практическим осуществлением.

Одно несомненно: преобладающее влияние Германии постепенно уступает место влиянию держав Тройственного согласия.

Но осуществление изложенной министром программы сближения с последними будет зависеть в значительной степени от того нового элемента — мусульманства, на который Ассим-бей указал.

Именно, если отношение Турции к этому элементу сохранит тот несомненно панисламистский, агитаторский характер, который присвоен ему турками за последние три года, то Россия, Англия и Франция окажутся вынужденными направить свои усилия не на дружественное содействие возрождающейся Турции, а на искоренение того опасного для держав этих очага политических происков, каким явится современная Турция.

Равным образом, если теперешнее оттоманское правительство окажется не в силах обеспечить христианам хотя бы трех македонских вилайетов минимальной безопасности и правомерной жизни, то державы Тройственного согласия должны будут неизбежно припоминать, что в своих официальных заявлениях 1908 года они оговорили полную сохранность приобретенных великими державами прав по организации жандармерии и финансового контроля в названных вилайетах.

Очевидно, и в том и в другом случае должен будет наступить конец турецкой империи, и по этому поводу представляется своевременным отметить существенное различие между теперешним и прежним положением этого вопроса.

В XIX веке решением восточного вопроса считалось обыкновенно «изгнание турок из Европы».

Теперь подобное решение оказалось бы недостаточным для обеспечения интересов держав Тройственного согласия и, в особенности, России.

Утрата Турцией ее европейских владений, являющихся за последнее время для Турции не источником силы, а причиной финансовых, политических и военных затруднений, послужила бы не к ослаблению государства турок-османов, а к его усилению.

Действительно, самостоятельное существование Турции в Малой Азии, откуда главным образом она черпает свои военные и экономические силы, повело бы к установлению непосредственной близости Закавказья и Персии с сильной, чисто мусульманской, настроенной панисламистски и воинственной державой, которая явилась бы для нас гораздо менее удобным соседом, чем современная Турция, сосредоточивающая свои финансовые, административные и военные силы преимущественно на отдаленнейшем от нас западном своем фронте.

Ввиду вышеизложенного смею думать, что обычная старинная формула «изгнание турок из Европы» является для нас совершенно неприемлемым анахронизмом и что, напротив, если бы дело дошло до коренного изменения status quo турецкой империи, русскому правительству надлежать будет не ограничиться освобождением Македонии и Румелии от турецкого господства, а предотвратить также упрочение такового в Малой Азии.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 714. Памятная записка французского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

31/18 марта 1912 г. [1]

Le gouvernement français considère comme nécessaire l'emprunt que la Chine désire négocier en vue de sa réorganisation, mais en même temps il est d'avis, qu'en raison de l'importance du côté politique de l'opération projetée, la direction exclusive des pourparlers ne peut être laissée aux représentants des banques, et qu'il appartient aux Puissances qui ont de grands intérêts en Chine d'intervenir dans la fixation des conditions.

Il s'agira de déterminer l'ordre des réformes et d'organiser un contrôle afin que l'emploi des fonds puisse être surveillé.

En participant à la discussion, le gouvernement russe ferait valoir son point de vue de concert avec le gouvernement français [2].

Перевод.

Французское правительство считает необходимым заем, который Китай желает заключить в целях своего переустройства, но в то же время оно полагает, что ввиду важности предположенной операции с политической точки врения, руководство переговорами не может быть предоставлено исключительно представителям банков и что державам, имеющим в Китае крупные интересы, надлежит принять участие в определении условий.

Надо будет установить порядок реформ и организовать контроль для наблюдения над расходованием фондов.

Принимая участие в обсуждении, российское правительство отстаивало бы свою точку врения совместно с французским правительством.

№ 715. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 31. 31/18 марта 1912 г.

Никакого сообщения Кидерлену по содержанию вашей телеграммы № 527 [3] сделано не было [4] и вообще вопроса о медиации в разговорах с ним за последнее время ни разу не касался. В частной беседе с Циммерманом в числе других вопросов затронут был нами и этот, причем мной была высказана мысль, что Порта, повидимому, протестует более против формы, нежели сути медиации и что некоторое изменение формы в смысле предложения Турции сообщить державам условия, при которых она приняла бы посредничество держав, может сделать ее приемлемой. На это собеседник мой ответил, что он вполне разделяет мое мнение, но что ему кажется, что предложение в таком случае следовало бы редактировать несколько иначе, а именно предложить Порте сообщить державам условия, при которых она согласна была бы на заключение мира. Весь разговор носил характер частного обмена мыслей между мной и Циммерманом и потому не был донесен императорскому министерству.

Шебеко.

---

[1] Маш. копия. Опубл. Doc. dipl., 3-me série, V. II, p. 319, № 307, Annexe II.

[2] Публикуемая пам. записка была передана Сазонову франц. послом Ж. Луи при письме от 31/18 марта (оригинал ошибочно датирован 31/19 марта). В этом письме Ж. Луи ссылался на свой недавний разговор с Сазоновым относительно выгод, которые получит Россия от вхождения в состав консорциума, так как это позволит ей следить во всех деталях за предстоящими переговорами. Что касается военной реорганизации Китая, то она должна, по мнению франц. прав-ва, иметь в виду обеспечение порядка внутри страны. «Не может быть и речи, — писал Ж. Луи, — что мы будем содействовать созданию армии, которая сможет угрожать нашим и вашим интересам. И мы, и вы будем иметь возможность наблюдать за этим во время предварительного обсуждения, которое будет иметь место по вопросу о распределении сумм будущего займа».

[3] См. № 677.

[4] В тел. от 31/18 марта за № 587 Сазонов уведомил Шебеко, что из сделанного ему Пуртале сом сообщения он заключил, что содержание его тел. за № 527, переданной в Берлин только для личного сведения Шебеко, послужило предметом бесед последнего с Кидерленом. Сазонов просил известить его, в какой форме было сделано это сообщение Кидерлену.

№ 716. Военный агент в Болгарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 45. 31/18 марта 1912 г.

За последнее время настроение здешних политических деятелей стало несколько тревожным. Тревога эта вызвана ожиданием появления итальянского флота у Дарданелл или Салоник и опасением, что Италия будет принуждена начать военные действия в Европейской Турции.

Недавно военный министр заявил мне, что в этом случае, особенно если в события вмешается Австрия, Болгария не может остаться зрительницей событий и ей придется выступить против Турции. На той же точке зрения стоят руководители кабинета Гешов и Данев.

Правда, теперешний кабинет составлен из наиболее миролюбивых и благоразумных политических деятелей, но даже Гешов и Данев не скрывают, что обстановка может сложиться так, что они не будут в состоянии продолжать свою миролюбивую политику, тем более, что она не привела ни к чему и доверие к ней общественного мнения подорвано упорным нежеланием Турции покончить с такими жизненными для Болгарии вопросами, какими являются вопрос о соединении железной дороги София—Кюстендиль с Салоникской магистралью и торговый договор.

Помимо этого, по достоверным сведениям, между здешним итальянским посланником и Гешовым ведутся какие-то секретные переговоры; имеются также данные предполагать, что в этих переговорах участвует и Греция.

Пока серьезных военных приготовлений незаметно, но кое-какие меры предосторожности приняты, и в течение минувшей недели в штабе армии была произведена экстренная поверка всех мобилизационных работ.

Нет также пока сношений между правительством и македонским революционным комитетом, который, в случае войны, несомненно, будет использован.

В итоге приходится признать, что перенесение Италией войны в пределы Европейской Турции действительно может повлечь за собой выступление Болгарии и выступление это неминуемо, если в события вмешаются Греция или Сербия, а особенно Австрия.

Полковник Романовский.

№ 717. Генеральный консул в Мешеде министру иностранных дел.

Телеграмма № 572. 31/18 марта 1912 г.

Телеграфирую посланнику в Тегеран:

Со дня объявления в городе военного положения [1] мирные жители, примыкавшие к бестующим, начали покидать Бест, и за последние дни бестующие состояли почти исключительно из соединенных шаек собравшихся в Бест за истекший месяц разбойников, прибывших в Хоросан якобы на поклонение из Шираза и со всего Хоросана. Недавно примкнуло еще около двухсот человек. Последние дни соединенная шайка бестующих состояла из 600—700 хорошо вооруженных людей. Всей шайкой руководил Юсуф-хан.

За эту неделю, несмотря на занятие нашими войсками города, пользуясь тем, что войска избегали с ними столкновения, дабы до последней крайности не очутиться в положении быть вынужденными занять в конце концов и местные святыни, разбойники начали доходить в своих действиях до крайней наглости. Всех казавшихся Юсуф-хану и другим разбойничьим атаманам подозрительными и тем более состоятельных людей начали в Бесте задерживать, грабить и даже предавать мучительным казням. По отношению к проходящим мимо зданий Беста нашим войскам разбойники стали держать себя также вызывающе, ругая их и давая им понять знаками, что всех их перебьют. Юсуф-хан, не стес-

[1] См. № 679.

няясь, заявлял по телефону разным лицам, в том числе и мирзам нашего консульства, что близок час, когда он со своими людьми выйдет из Беста и перевешает и перережет всех русских и других европейцев. Положение становилось невозможным. Жители Мешеда начали громко роптать против русских, говоря, что русские взяли город в свои руки, но порядка в нем водворить не в силах и разрешают разбойникам в центре самого города мучить и грабить невинных и тормозить торговлю всего края; войска же русские, созерцая все эти безобразия, пребывают в бездействии. Ввиду изложенного я счел необходимым, как то изложено в моей предыдущей телеграмме [1], заявить главным руководителям бестующих разбойников —муджтехидам Мирза-Ибрагиму, Талиб-оль-Хакку, Каймакам-ут-Тоулиэ и другим духовным лицам и помещикам, если не совсем открыто, то негласно поддерживающим бестующих, что дальнейшие переговоры с ними признаю возможными лишь в том случае, если они заставят разбойников разоружиться и покинуть город. Вчера, в субботу утром, поверенные сказанных главных зачинщиков, руководителей и виновников всех творившихся безобразий вновь явились ко мне и вместо того, чтобы сообщить мне об открытии базаров и очищении Беста разбойниками, нахально предъявили мне разные новые нелепые условия, например, чтобы я гарантировал им уничтожение конституционного строя. Я на это им ответил, что уже более месяца веду с ними переговоры, совершенно безрезультатные, клонящиеся даже поэтому к ущербу достоинства русского имени. Поэтому я теперь считаю себя вынужденным прекратить всякие с ними дальнейшие переговоры и, если к трем часам дня сего [30] 17 марта разбойники, терроризирующие все население Мешеда, не разоружатся и не разойдутся, то я передам всю полноту власти командующему нашими войсками. Объявив депутатам мое последнее решение, я предупредил об изложенном генерала Редько, прося его после трех часов принять всю власть в свои руки и, в случае сопротивления нашим войскам со стороны разбойников, очистить от них Бест силой оружия. К трем часам дня Бест ввиду прежнего положения вещей был окружен нашими войсками, и генерал Редько самолично пытался последний раз уговорить разбойников сдать добровольно оружие. В ответ на эти мирные предложения разбойники открыли по нашим войскам огонь. Тогда начала действовать артиллерия, а за ней войска. К вечеру Бест был взят. Мечеть Имама Ризы, единственное священное место в Бесте, не тронута. В ней еще осталась часть разбойников, кои мало-помалу сдаются нашим войскам.

Дабижа.

№ 718. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 49 [2]. 1 апреля/19 марта 1912 г.

Получил телеграмму № 586 [3].

Усматривая некоторое несоответствие между предложенной вами формулой и точным смыслом итальянского ответа, Пуанкаре во избежание всяких недоразумений предлагает дать проектированному сообщению Порте следующую форму: «Les Puissances s'étant préalablement adressées à l'Italie afin de savoir à quelles conditions elle admettrait leur intervention amicale en vue d'arriver à la cessation des hostilités, s'adressent dans le même esprit d'amitié à la Sublime Porte pour la prier de leur communiquer les conditions auxquelles elle accepterait leur médiation en vue d'arriver à la cessation des hostilités» [4]. По мнению Пуан-

[1] Имеется в виду тел. Дабижи от 28/15 марта за № 543, в основном изложенная в публикуемом документе.

[2] Опубл. М., стр. 174.

[3] См. № 709.

[4] «Державы, обратившись предварительно к Италии, чтобы узнать, на каких условиях она приняла бы их дружественное вмешательство с целью прекращения военных действий, обращаются в том же дружественном духе к Высокой Порте с просьбой сообщить им условия, на которых она приняла бы их медиацию с целью прекращения военных действий».

каре, предлагаемая им редакция имеет то преимущество, что делает ненужным согласие Италии на предъявление сказанной формулы Турции.

Извольский.

№ 719. Помощник военного министра министру иностранных дел.

Письмо № 3139. 1 апреля/19 марта 1912 г.
Секретно.

На № 345 [1].

М. г. Сергей Дмитриевич,

Руководимая нашими офицерами-инструкторами персидская казачья бригада всегда являлась единственной правильно организованной и обученной регулярной частью войск в Персии.

Исключительное ее значение как важного орудия нашей политики в Персии вполне было установлено междуведомственной перепиской и особыми совещаниями 1910—11 гг. по возбужденным тогда вопросам о необходимости увеличения численности и улучшения материального положения чинов персидской казачьей бригады.

Ввиду этого я всемерно поддерживаю предложение нашего посланника в Тегеране использовать ту финансовую поддержку, которую мы имеем в виду оказать персидскому правительству при заключении им внешнего займа, в смысле разрешения, наконец, вопроса об увеличении персидской казачьей бригады и уравнении содержания казаков с содержанием персидских жандармов.

Вместе с тем однако считаю долгом вновь подтвердить высказанный уже военным министром в письме на имя вашего высокопревосходительства от [16] 3 января 1911 г., № 3004 [2], взгляд, что важная для нашей политики в Персии роль персидской казачьей бригады может быть ею успешно выполнена только при том условии, если она будет стоять на должной высоте, и что жалкое ее состояние может привести лишь к отрицательным результатам, дискредитируя наше дело в Персии.

Если прежде персидской казачьей бригаде не приходилось конкурировать с другими войсками Персии, вследствие полного расстройства последних, то в будущем, когда персидским правительством будут созданы правильно организованные части войск и жандармерии под руководством шведских офицеров, явится совершенно необходимым поддерживать бригаду на такой высоте, чтобы она не только ни в чем не уступала другим частям вооруженных сил Персии, а даже превосходила их.

Достигнуть же этого при существующей системе комплектования персидской казачьей бригады вольнонаемными нижними чинами возможно прежде всего

---

[1] 23/10 марта тел. за № 222 Поклевский, ссылаясь на тел. Сазонова № 430 (см. № 628) сообщал, что регент и перс. м-р ин. дел не возражают против увеличения казачьей бригады. В связи с этим он считал возможным увеличить бригаду до 3 000 человек. Указывая, что Вадбольский составил приблизительный бюджет на сумму в 600 000 томанов для содержания казачьей бригады, Поклевский предлагал ввиду отсутствия денег у перс. прав-ва отложить этот вопрос до заключения займа. На этой тел. имеется помета Николая II: «К докладу. Царское Село, [25] 12 марта 1912 г.».

В письме от 25/12 марта за № 345 Сазонов, препровождая Сухомлинову вышеизложенную тел. Поклевского, писал: «В связи с наступившим общим улучшением наших взаимных отношений с персидским правительством и поддержкой, которую мы имеем в виду ему оказать в деле заключения займа, является, повидимому, возможным вновь поднять вопрос об увеличении численности персидской казачьей бригады».

[2] В письме от 16/3 янв. 1911 г. за № 3004 Сухомлинов, между прочим, писал Сазонову: «Руководимая русскими инструкторами персидская казачья бригада являлась всегда образцовой частью персидской армии, единственной регулярной воинской частью Персии в европейском смысле этого слова. Поддержать бригаду на прежней высоте без самых решительных мер к улучшению ее финансового положения не представляется возможным, и она, при современных условиях ее существования, неизбежно должна опуститься до жалкого состояния других персидских войск и даже стать ниже их. Между тем престиж России и русской армии не позволяет допустить, чтобы русские инструктора стояли во главе воинской части, которая влачила бы жалкое существование».

лишь привлечением на службу в ней лучших элементов достаточным материальным обеспечением; без установления такого обеспечения, которое действительно могло бы привлечь в нее лучших людей, все остальные мероприятия для поднятия состояния и значения бригады, в том числе и увеличение ее численного состава, по моему мнению, не приведут к желательным результатам, так как нашим инструкторам придется попрежнему мириться с оставлением на службе в бригаде заведомо негодных элементов.

Лучше иметь в наших руках небольшую по численности, но образцовую во всех отношениях часть, чем большую, но уступающую в качественном отношении другим частям персидской армии и жандармерии.

Вследствие сказанного считал бы правильным при преобразовании персидской казачьей бригады на первый план поставить улучшение ее материального положения, а затем уже увеличение ее численности, ввиду чего, если наш посланник в Тегеране полагает, что, считаясь с персидской психологией, необходимо предложить сперва персидскому правительству увеличение бригады до 4 000 человек, чтобы потом можно было бы сбавить до 3 000 человек, то казалось бы необходимым поступить аналогично и с бюджетом бригады.

Согласно донесению заведывающего обучением персидской кавалерии от 29/16 февраля сего года № 114, им сначала был исчислен бюджет в 942 тысячи томанов по расчету на 3 000 человек, с выдачей чинам бригады содержания в том же размере, какое получают жандармы, а затем уже был составлен минимальный бюджет для бригады того же состава всего лишь в 600 тысяч томанов, причем пришлось в размерах содержания сильно обделить офицеров.

Наш посланник в Тегеране в своей секретной телеграмме за № 222 [1] упоминает, повидимому, лишь о последнем минимальном бюджете, между тем, как выше упомянуто, необходимо стремиться к наилучшему обеспечению бригады, т. е. к установлению бюджета, близкого к 942 тысячам томанов, как вполне обеспечивающего материальное благополучие бригады.

Ввиду этого, считаясь с персидской психологией и в данном случае и принимая во внимание неизбежную сбавку при переговорах с тегеранским правительством, полагал бы необходимым при первоначальных требованиях базироваться на исчислении бюджета в 942 тысячи томанов, соответственно увеличив этот бюджет по расчету на 4 000 человек и увеличив полученную сумму еще на некоторый процент, чтобы было с чего делать сбавку при переговорах [2].

Примите и пр.

Ал. Поливанов.

№ 720. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 604 [3]. 2 апреля/20 марта 1912 г.

Ваша телеграмма № 49 получена [4].

В предлагаемой французским министром иностранных дел формуле вижу неудачную парафразу моего первоначального предложения, сообщенного мной Жоржу Луи и известного вам из телеграммы № 527 [5]. Словами: «Les Puissances s'étant préalablement adressées à l'Italie» [6] и так далее — делается отступление от принципа параллелизма и притом в ущерб Италии. Поэтому, принимая вторую часть редакции Пуанкаре от слов: «s'adressent dans le même esprit», [7] я настаиваю

---

[1] См. стр. 363, прим. 1.

[2] Тел. от 24/11 апр. за № 751 Сазонов, передавая Поклевскому содержание публикуемого письма, указывал: «Соображения военного министра представляются нам весьма вескими, и вам надлежит ими руководствоваться».

[3] Опубл. Stieve, II, S. 78, N 246.

[4] См. № 718.

[5] См. № 677.

[6] «Державы, обратившись предварительно к Италии».

[7] «обращаются в том же дружественном духе».

на своей редакции для первой половины, а именно: «Les Puissances ayant pu constater que sous certaines conditions l'Italie serait disposée à admettre» [1] и так далее.

Сазонов.

№ 721. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

2 апреля/20 марта 1912 г. [2]

The Russian Ambassador has communicated two memoranda, dated respectively March 23rd and March 26th [3], to His Majesty's Government dealing with the attitude of the Russian Government towards the question of loans to China.

Mr. Sazonow has stated, both to His Majesty's Ambassador at St.-Petersburg and to the French Chargé d'Affaires, that he requires some time still to consider in consultation with the Russian Minister of Finance his final reply to the formal invitation addressed to the Russian Government by His Majesty's Government and the French Government to participate in the advances already made to China and in the sixty million pound loan at present in contemplation.

In the meantime, however, His Excellency has called attention to certain points which are raised by the general question of loans to China in the present circumstances, and His Majesty's Government now desire to offer the following observations on these points.

I. Mr. Sazonow is of opinion that undue haste is being shown in a question which is admittedly of very great importance and deprecates the fact that advances should already have been made before the participation of Russia was an accomplished fact.

In regard to the advances which have already been made, or are about to be made, His Majesty's Government have furnished to the Russian Government both through the Russian Amdassador in London and His Majesty's Ambassador at St.-Petersburg, full explanations of the reasons which forced them to sanction the payment of advances necessary for the immediate requirements of the provisional Government in China, the reason being that it was, in the opinion of His Majesty's Government, to the advantage of all nations having interests in China that the hands of the de facto administration in that Empire should be strengthened against the forces of anarchy.

His Majesty's Government agree, however, with the Russian Government that the large loan in contemplation is of very great importance and they are equally desirous that no undue haste shall be shown in the negotiations for its issue. The terms and conditions of this loan will have to be most carefully considered by the Governments concerned, and it is clear that, until they are in agreement, the loan cannot be sanctioned.

II. Mr. Sazonow would appear to suggest that both the advances and the loan negotiations should be suspended until the question of the recognition of the new Chinese Government has been settled.

As Count Benckendorff is already aware, His Majesty's Government have informed the Japanese Government who were the first to move in this matter, that they accept in principle their proposals regarding the recognition of the new Government and they consider that it might be dangerous to the cause of order in China if not only the advances, but also the negotiations for the large loan, were suspended until the recognition of the Chinese Republic had become an accomplished fact.

---

[1] «Державы, имев возможность констатировать, что на известных условиях Италия будет готова допустить».

[2] Маш. копия. Этот меморандум был препровожден Бенкендорфом Сазонову при письме от 4 апреля/22 марта.

[3] Повидимому, имеются в виду меморандумы, о которых идет речь в письме Бенкендорфа от 26/13 марта (см. № 690).

III. Mr. Sazonow is apprehensive lest the magnitude of the loan may give rise to political difficulties likely to affect the interests of the Powers in China and particularly those of Russia, but he does not refuse participation in the large loan in principle.

His Majesty's Government learn this decision with pleasure, while at the time they cannot refrain from expressing their opinion that Mr. Sazonow's apprehensions that the proceeds of the loan will be used adversely to Russia's special rights and interests are not likely to be justified.

The sixty million pounds which form the total amount of the contemplated loan, are not, according to the conditions proposed by the Groups, to be advanced at once, but are to be spread over a period of five years, and His Majesty's Government consider that this will be a safeguard against the employment of an undue proportion of any single payment for military uses.

His Majesty's Government have acknowledged the right of Russia to make reservations on the question of recognition in regard to the special rights and interests secured to her by Treaty, and they have also clearly proved that they will refuse to encourage any enterprises which she may consider prejudicial to her recognized interests in Mandchuria [1]. There is no reason to believe that the British financial group is not fully prepared to act on the same lines.

Sir E. Grey has moreover already pointed out that Russia by participating in the loan will be in a far better position to prevent the proceeds from being applied to purposes to which she objects, and she would thus not be put in the disagreeable position of having to protest, should the necessity arise, against a loan approved by so many friendly Governments, among others those of Great Britain and France.

IV. Sir E. Grey has noted with surprise Mr. Sazonow's statement that the Four Power Combine has always shown hostility to Russian interests. He has been quite unaware of this attitude on the part of the Combine which would be quite contrary to his own intentions and desire and would be glad if he might be furnished with concrete instances.

Count Benckendorff's memorandum contains a further statement that the Russian negotiations with the Combine in regard to the conditions of Russian participation in the loan have all hitherto proved unsuccessful, and Sir E. Grey can only state in this connexion that he did not know that any such negotiation has taken place.

Перевод.

Российский посол сообщил правительству его величества два меморандума, датированные 23 марта и 26 марта, касающиеся позиции российского правительства в вопросе о займах для Китая.

Г. Сазонов заявил как послу его величества в С.-Петербурге, так и французскому поверенному в делах, что ему необходимо еще некоторое время для составления по согласованию с российским министром финансов своего окончательного ответа на формальное приглашение, сделанное российскому правительству правительством его величества и французским правительством, принять участие в авансах, уже предоставленных Китаю, и в намечаемом ныне займе в 60 миллионов ф. ст.

Тем временем однако его превосходительство обратил внимание на некоторые пункты, вызываемые общим вопросом о предоставлении Китаю займов при нынешних обстоятельствах, и правительство его величества желает представить следующие замечания по этим пунктам.

I. Г. Сазонов находит, что была проявлена ненужная поспешность в вопросе, имеющем заведомо очень большое значение, и сожалеет о том, что авансы были предоставлены прежде чем участие России стало совершившимся фактом.

По поводу авансов, уже предоставленных или подлежащих предоставлению, правительство его величества дало российскому правительству, как через российского посла в Лондоне, так и через посла его величества в С.-Петербурге, исчерпывающее объяснение о тех причинах, которые заставили его санкционировать выдачу авансов, необходимых для удовлетворения неотложных нужд временного правительства Китая; причина эта заключается в том, что, по мнению правительства его величества, для всех наций, имеющих интересы в Китае, выгодно, чтобы фактическая власть в этой империи была укреплена против сил анархии.

[1] Ср. стр. 315, прим. 3.

Правительство его величества согласно, однако, с российским правительством, что намечаемый крупный заем имеет очень большое значение, и оно также желает, чтобы при переговорах об этом не было проявлено ненужной поспешности. Статьи и условия этого займа должны быть самым тщательным образом рассмотрены заинтересованными правительствами, и ясно, что пока между ними не состоится соглашения, заем не может быть санкционирован.

II. Г. Сазонов, повидимому, предлагает, чтобы переговоры как об авансах, так и о займе были приостановлены до тех пор, пока не будет улажен вопрос о признании нового китайского правительства.

Как граф Бенкендорф уже знает, правительство его величества уведомило японское правительство, которое первым предприняло шаги по этому вопросу, что оно принимает в принципе его предложения относительно признания нового правительства, и оно считает, что было бы опасным для установления порядка в Китае приостановить не только авансы, но также и переговоры о крупном займе до тех пор, пока признание китайской республики не станет совершившимся фактом.

III. Г. Сазонов опасается, что крупный размер займа поведет к возникновению политических затруднений, способных повредить интересам держав и особенно России в Китае, но он не отказывается в принципе от участия в крупном займе.

Правительство его величества с удовольствием узнало об этом решении, но в то же время оно не может не высказать мнения, что опасения г. Сазонова относительно того, что суммы, полученные от займа, будут использованы во вред специальным правам и интересам России, едва ли могут быть оправданы.

Шестьдесят миллионов фунтов, составляющие общую сумму намечаемого займа, не подлежат, согласно предлагаемым группами условиям, одновременной выдаче, но должны быть распределены на срок в пять лет, и правительство его величества считает, что это явится гарантией против израсходования слишком крупной части какого-либо отдельного платежа для военных целей.

Правительство его величества оставило за Россией право сделать в вопросе о признании оговорки относительно специальных прав и интересов, обеспеченных ей по договорам, и оно также ясно доказало, что будет отказывать в поощрении каких-либо мероприятий, которые Россия могла бы считать вредными для ее признанных интересов в Манчжурии. Нет оснований предполагать, что британская финансовая группа не готова полностью действовать в том же смысле.

Сэр Э. Грей, кроме того, уже указывал, что, участвуя в займе, Россия будет находиться в гораздо лучшем положении для предотвращения того, чтобы суммы займа были употреблены на цели, против которых она возражает, и что таким образом она не будет поставлена в неприятное положение, заставляющее ее протестовать, в случае необходимости, против займа, одобренного столькими дружественными правительствами, в том числе великобританским и французским.

IV. Сэр Э. Грей с удивлением отметил заявление г. Сазонова о том, что консорциум четырех держав всегда проявлял враждебность к русским интересам. Он был совершенно не осведомлен об этой позиции консорциума, которая была бы совершенно противна его собственным намерениям и желаниям, и он был бы рад, если бы ему могли быть представлены конкретные примеры.

Меморандум графа Бенкендорфа содержит дальше заявление о том, что все русские переговоры с консорциумом по поводу условий участия России в займе до сих пор оказывались неудачными, и сэр Э. Грей может лишь заявить в связи с этим, что он не знал, что такие переговоры имели место.

№ 722. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 331. 2 апреля/20 марта 1912 г.

Телеграмма № 581 получена [1].

Сегодня я имел объяснения с Юань Ши-каем, в точности руководствуясь изложенными в этой телеграмме указаниями вашего высокопревосходительства. Развив наши доводы в связи с предшествовавшими переговорами, причем я мог ссылаться на присутствовавшего при беседе Ху Вей-дэ [2], я придал сделанным заявлениям, хотя внешним образом крайне сдержанную форму, но не оставляющую никакого сомнения относительно неизменности принятых императорским правительством решений. Ответ Юаня может быть резюмирован в трех пунктах.

---

[1] Тел от 30/17 марта за № 581 Сазонов поручил Щекину указать Юань Ши-каю на желательность как можно скорее достигнуть договоренности между Россией, Китаем и Монголией об автономии последней и выразить при этом надежду, что дело не дойдет до подавления силой движения среди монголов.

[2] Ср. № 117.

1) Соглашение с Россией по монгольскому вопросу не зависит исключительно от него. Председатель совета министров и остальные министры ожидаются в ближайшем времени в Пекин; Юань предложит на их обсуждение вопрос, лично высказавшись в пользу соглашения с нами, и о результате не замедлит поставить меня в известность. 2) Подавлять вооруженной силой движение среди монголов китайцы не имеют в виду; предполагается достигнуть компромисса мирными средствами. 3) Прежние нескромности относительно переговоров по монгольскому вопросу были сделаны без его ведома второстепенными должностными лицами. Юань осуждает этот прием и приложит старания, чтобы переговоры велись лишь между обоими заинтересованными правительствами.

Щекин.

№ 723. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 276. 3 апреля/21 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Письмом от [29] 16 с. марта, № 313 [1], ваше высокопревосходительство уведомили меня, что, по вашему мнению, нам следует обусловить наше участие не только в реализации будущих китайских займов, но и в выдаваемых в счет их авансах предъявлением теперь же категорического требования признать за нами право налагать veto на те операции, которые будут предназначаться для Северной Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана или гарантироваться доходами этих областей, а равно принять меры к получению от английского и французского правительств откровенного разъяснения, как они относятся к этому вопросу.

По сему поводу считаю долгом заметить, что еще в предыдущей стадии переговоров о нашем участии в четверном синдикате банкиров я указывал французскому и английскому послам на наше желание заручиться, в случае нашего присоединения к сказанной комбинации, правом не допускать заключения синдикатом таких китайских займов, так или иначе связанных с сферами наших специальных интересов в Китае, которые мы признаем нежелательными. Даже в этой смягченной форме сказанное наше желание признавалось английским и французским послами неприемлемым. Наше требование права veto займов, предназначенных для Северной Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана, едва ли будет поэтому принято заинтересованными правительствами. Между тем, раз заявив такое требование, мы должны будем, если оно будет отвергнуто, воздержаться от совместной с консорциумом деятельности, и таким образом Китай вновь окажется в выгодном положении должника, которому его кредиторы наперерыв предлагают деньги, стараясь вырвать друг у друга эти финансовые операции и предлагая с этой целью все более и более выгодные условия. При таком положении, в случае заключения Китаем направленного во вред нашим интересам займа, нам предстоит опять прибегать к протестам и угрозам, которые в случае упорства китайцев нам придется поддерживать силой. Такая постановка дела не может серьезно не озабочивать меня.

Между тем в настоящую минуту вопрос о китайских займах переходит в совершенно иную плоскость: он становится политическим. Из прилагаемых при сем выписок из частного письма посла в Лондоне [2] и копии памятной записки французского посла при высочайшем дворе [3] ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что и французское и английское правительства имеют в виду обставить дело так, чтобы Китай не мог произвольно заключать иностранные займы и бесконтрольно тратить полученные таким путем деньги. Все дело финансирования

[1] См. стр. 329, прим. 1.
[2] См. № 694.
[3] См. № 714.

Китая предположено поставить под контроль шести наиболее заинтересованных в китайских делах держав: России, Франции, Англии, Германии, Соединенных Штатов и Японии. Банкиры должны служить лишь исполнителями предначертаний этих шести правительств, от которых будет зависеть определить в каждом данном случае в каком размере и для какого назначения могут быть выданы денежные ссуды Китаю. Не участвовать в такой комбинации держав для нас едва ли возможно, ибо только примкнув к ней, мы можем следить за финансовыми операциями Китая и, опираясь на содействие французского, английского и японского правительств, мешать тем из этих операций, которые будут несогласны с нашими интересами.

Что касается того, насколько мы можем рассчитывать, что эти правительства будут уважать наши специальные права в Северном Китае, то на этот счет у нас уже есть заверения французского министра иностранных дел г. де Сельва в письме гофмейстеру Извольскому, копию которого имею честь препроводить к вам при сем [1].

В разговоре и в частном письме, при котором г. Луи прислал мне прилагаемую свою памятную записку, он заверил меня также, что французское правительство имеет в виду при переговорах о китайском реорганизационном займе поставить такие условия, которые дозволяли бы китайцам создать вооруженную силу, нужную им для поддержания порядка в стране, но не давали бы им средств на образование армии, способной угрожать России или Франции [2]. Из весьма секретного источника мне известно, что предварительно написания этого письма г. Луи запросил указаний своего правительства и написал его с согласия г. Пуанкаре. Считаю долгом приложить также копию письма ко мне гофмейстера Извольского от 28/15 с. марта [3], в котором он дает отчет о своих объяснениях с французским министром иностранных дел и передает данные им насчет соблюдения наших специальных прав в Китае заверения.

Что касается английского правительства, то, как видно из прилагаемой выписки из частного письма гр. Бенкендорфа [4] и копии его письма от 26/13 с. марта [5], он считает несомненным, что и С.-Джемский кабинет будет принимать во внимание наши специальные интересы в Северном Китае.

При таких обстоятельствах я полагаю, что с нашей стороны было бы несвоевременно обусловливать наше участие в китайском реорганизационном займе предоставлением нам права veto по отношению займов, связанных с сферами наших специальных интересов в Китае. Мне казалось бы, что для ограждения этих интересов нам достаточно заявить прочим участвующим в реорганизационном займе державам, что мы соглашаемся участвовать в оном с тем непременным условием, чтобы операции образуемого шестерного консорциума не нарушили наших специальных интересов в областях Северного Китая. Присоединившись затем к консорциуму, мы будем иметь возможность участвовать в финансовой реорганизации Китая и в каждом данном случае наблюдать за тем, чтобы заключаемая Китаем финансовая операция не противоречила нашим интересам. При этом, так как предполагается обязать Китай не заключать займов иначе, как у шестерного консорциума, то державы будут иметь возможность продиктовать ему условия, на которых они разрешат банкирам заключить тот или другой китайский заем.

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне, согласны ли вы на такую постановку этого вопроса. Я должен добавить, что австрийское правительство уже возбудило вопрос о своем участии в консорциуме для финансирования Китая [3]. Желательно поэтому, дабы устранить такие попытки участия в этом деле слишком большого числа держав, из которых некоторые могут сделать свое в нем участие оружием против нас, дать по возможности без

[1] См. приложение к № 331.
[2] См. стр. 360, прим. 2.
[3] См. № 700.
[4] См. № 694.
[5] См. №№ 690 и 691.

замедления наш ответ по настоящему вопросу французскому и английскому правительствам [1].

Примите и пр. Сазонов.

№ 724. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 94. 3 апреля/21 марта 1912 г.

Grey me dit que les premières nouvelles qu'il avait reçues d'un bombardement par nos troupes d'une mosquée à Méched [2] l'avaient beaucoup inquiété, qu'il venait pourtant de recevoir un télégramme de Buchanan disant que selon vos informations la mosquée n'avait pas été bombardée, qu'il ne pourrait par conséquent mentionner ces informations qu'à un point de vue général pour relever combien toute action comportant un froissement des sentiments religieux musulmans créerait actuellement plus que jamais des soucis au gouvernement anglais. Le sentiment musulman se réveille aux Indes de plus en plus à l'occasion de la neutralité anglaise dans la guerre turco-italienne. Grey me dit que Méched est un point spécialement important à cause du nombre très considérable des pélerins qui visitent cette place très vénérée par les sujets mahométans anglais. Il me dit qu'il considère comme spécialement funeste si parmi les blessés s'étaient trouvés des pélérins sujets anglais. Grey me dit espérer que ces considérations, qu'il me représentait comme sérieuses, dans le moment actuel surtout, seraient prises en amicale considération par le gouvernement impérial dans l'intérêt même de l'efficacité de notre coopération en pays musulmans. En continuant l'entretien Grey me dit qu'il y aurait plus grand avantage commun à ce que les agents consulaires russes et anglais coopèrent aussi utilement que les commissaires russes et anglais l'ont fait à Urmiah. Il craint qu'il n'en soit pas suffisamment ainsi. Si telle est aussi votre opinion et que vous trouviez avantage à certaines modifications dans le personnel consulaire des deux pays, il y serait de son côté tout disposé [3].

Benckendorff.

Перевод.

Грей мне сказал, что первые известия о бомбардировке нашими войсками мечети в Мешеде его сильно встревожили, но что от Бьюкенена он получил телеграмму, сообщавшую, что, по вашим сведениям, мечеть не была бомбардирована и что он может, следовательно, говорить об этих известиях лишь с общей точки зрения, чтобы подчеркнуть, насколько всякие действия, задевающие религиозные чувства мусульман, могут в настоящий момент более, чем когда-либо, создать затруднения английскому правительству. Среди мусульманского населения Индии все более и более пробуждается чувство недовольства в связи с нейтральной позицией Англии в итало-турецкой войне. Грей сказал мне, что Мешед является пунктом, имеющим особо важное значение ввиду большого числа богомольцев, посещающих это место, очень чтимое среди английских подданных — мусульман. Он сказал, что счел бы осо-

[1] В ответном письме от 4 апр./22 марта за № 324 Коковцов указывал, что он никогда не имел в виду настаивать на необходимости для России уклониться от участия в консорциуме, но считал, что «необходимость ограждения наших специальных интересов в нашей сфере влияния является настолько повелительной, что нам нельзя отступать и перед указанным исходом, раз не будет другого пути для защиты этих интересов». Свое письмо Коковцов заканчивал следующими словами: «Ваше превосходительство имеете возможность ближе оценить значение создавшейся политической конъюнктуры, и если вы полагаете, что для ограждения наших интересов в Застенном Китае нам, по примеру Японии, достаточно заявить прочим причастным к международному консорциуму державам, что наше согласие на участие в последнем обусловлено требованием соблюдения означенных интересов, то я подчиняюсь тому направлению настоящего дела, которое вы наметили в письме за № 276».

[2] См. № 717.

[3] Письмом от 4 апр./22 марта Бьюкенен выражал Сазонову свои опасения, что мешедский инцидент может иметь серьезные последствия. В тел., полученной им от Барклая, сообщалось, что Восуг-эд-Доуле подал в отставку, мотивируя ее тем, что теперь его противники могут ссылаться на то, что его политика уступок по отношению к России не предохранила Персию от такого оскорбления, как осквернение священной мечети в Мешеде. Бьюкенен далее сообщал, что «Восуг-эд-Доуле горько жаловался на князя Дабижа, интригам коего он приписывает этот прискорбный инцидент, и на тот факт, что казаки даже ввели своих лошадей в мечеть».

бенно прискорбным, если бы среди раненых богомольцев оказались английские подданные. Грей выразил надежду, что эти соображения, которые он считает серьезными, особенно в настоящий момент, будут приняты императорским кабинетом в дружественном духе в интересах эффективности нашего сотрудничества в мусульманских странах. Продолжая беседу, Грей сказал мне, что было бы обоюдно чрезвычайно полезно, если бы у русских и английских консулов установилось столь же полезное сотрудничество, как и у русских и английских комиссаров в Урмии. Но он опасается, что этого нет в достаточной мере. Если вы, разделяя его мнение, считаете полезным какие-либо перемещения среди консульского персонала обеих стран, он, со своей стороны, согласен на это.

Бенкендорф.

№ 725. Генеральный консул в Мешеде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 592. 3 апреля/21 марта 1912 г.

Телеграфирую посланнику на телеграммы за №№ 253 [1] и 255 [2]:

Бест сдан вчера с незначительными повреждениями купола и карниза под крышей Мутевали Баши под расписку, в которой он выражает благодарность за целость гробницы и мечети. Из духовенства никто не арестован; задержан лишь Сеид Талиб-оль-Хакк, как возбуждавший своими речами народ, и 24 подозрительных человека; все они будут сданы губернатору; главари же разбойников с Юсуфом во главе скрылись чрез скрытые выходы, мало кому известные. Убитых между персианами 39, а раненых, прошедших через руки наших врачей, 26. С нашей стороны ранены лишь два стрелка. Базары открыты, в городе спокойно [3].

Дабижа.

№ 726. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 334. 3 апреля/21 марта 1912 г.

Ссылаюсь на донесение № 20 [4].

Отсутствие каких-либо известий о нашем отношении к участию в четверном синдикате дает повод английской печати, занимающей здесь выдающееся положение, продолжать открыто обвинять нас в устройстве так называемого бельгийского займа с целью подготовить сепаратную активную политику России в Китае. К этой кампании начинают присоединяться многочисленные зависимые от японцев газеты. Принимая во внимание, что заключенная ссуда почти уже целиком выдана Русско-азиатским банком китайцам, последние в ближайшем времени вновь прибегнут к иностранным капиталам; в связи с этим положение здесь

---

[1] Тел. от 1 апр./19 марта за № 253 Поклевский предлагал Дабиже «своевременно осведомлять миссию о происходящих в Мешеде событиях», отмечая, что перс. прав-во и англ. миссия получили на сутки раньше Поклевского известие о занятии росс. войсками Беста (см. № 679).

[2] Тел. от 1 апр./19 марта за № 255 Поклевский указывал, что занятие росс. войсками Беста «неминуемо будет истолковано как нашими подданными-мусульманами, так и их единоверцами за границей в смысле сознательного осквернения мусульманской святыни». Отмечая, что он не находит достаточно уважительной причины, которая могла бы объяснить занятие росс. войсками Беста, Поклевский в заключение сообщал: «Известие о мешедских событиях еще мало распространилось, но оно произвело удручающее впечатление на регента и кабинет. Мне кажется, что нам следовало бы немедленно сегодня вывести наши войска из Беста, заняв лишь наружные входы, и, по возможности, не оставлять под арестом задержанных нами духовных лиц».

[3] Тел. от 4 апр./22 марта (без номера) Дабижа сообщал текст акта передачи Беста, в котором указывалось, что в мечети «благодаря просвещенной воспитанности русских войск, ничего не тронуто и не ограблено, кроме порчи, происшедшей от бомбардировки или от разыскивания хулиганов». В заключение в акте указывалось: «Принося глубокую благодарность, во-первых, его превосходительству генералу, во-вторых, всем господам офицерам и рядовым русских войск, надеемся, что они и впредь не откажут в заботах по охране этого чистейшего, чтимого святого места».

[4] См. стр. 327, прим. 2.

осложнится, и газетные нападки примут более острый и опасный для наших интересов характер. В целях правильного руководства теми органами прессы, на которые миссия имеет влияние, покорнейше прошу сообщить для моего личного сведения, какие решения приняты относительно нашей финансовой политики в Китае [1].

Щекин.

№ 727. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 318. 3 апреля/21 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Представитель правления Русско-азиатского банка М. Э. Верстрат изложил мне, от имени правления банка, соображения, клонящиеся к доказательству той мысли, что факт вступления России в так называемый четверной консорциум, если бы этому факту в результате переговоров, которые ведет Россия с иностранными державами, суждено было осуществиться, не должен еще влечь за собой необходимость упразднения синдиката бельгийских, французских и английских капиталистов, во главе которого стоит Русско-азиатский банк.

По ходу дела китайских займов, по мнению г. Верстрата, можно заключить, что правительства тех стран, банкиры которых образовали четверной консорциум, повидимому, пришли наконец к сознанию необходимости более активного вмешательства в дело финансирования Китая, чем это было доныне, когда выступления четверного консорциума или Китайско-бельгийского банка, продиктованные исключительно соображениями о коммерческих выгодах, не раз уже ставили правительства лицом к лицу с совершившимися фактами. Правительства поняли, что оказание Китаю денежной поддержки в обстановке происходящих на Дальнем Востоке событий приобретает чисто политическое значение, и консорциум, таким образом, получает характер крупного политического фактора. Как таковой консорциум однако должен бы был быть привлекаем к финансированию лишь крупных мероприятий с политическим оттенком, в которых в равной мере заинтересованы все иностранные державы, имеющие свои интересы в Китае; например, к числу таковых мероприятий могут быть отнесены: монетная реформа, реорганизация вооруженных сил, сооружение железнодорожных магистралей и т. п. Несомненно однако, что Китаю потребуются средства не только для подобных проектов, но также и для разного рода предприятий местного характера, например, для сооружения трамваев в разных городах, разработки горных и других естественных богатств и т. п. Обеспечение для синдиката Русско-азиатского банка как группы, находящейся под нашим преимущественным влиянием, возможности финансирования этих предприятий вполне соответствовало бы видам России, давая нам возможность пристальнее следить за ходом дел в Китае и принимать необходимые для ограждения наших интересов меры. Поэтому и по присоединении нашем к консорциуму нам следовало бы, по мнению г. Верстрата, направить наши усилия к сохранению синдиката Русско-азиатского банка и к облегчению ему условий конкуренции с консорциумом или достижения с последним соглашения по части финансирования указанных предприятий специального или местного характера.

[1] В ответной тел. от 4 апр./22 марта за № 614 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 101) Сазонов сообщал Щекину: «Английское правительство сообщило нам, что консорциум предлагает заключить для Китая заем в 60 миллионов фунтов стерлингов, распределяемых на пять лет, который явится естественным последствием выдаваемых Китаю авансов, и предложило нам участвовать в этом займе. Вследствие наших возражений, что таким образом государственные интересы держав подчиняются частным выгодам банкиров, французское и английское правительства предложили нам, чтобы дело финансирования Китая было взято в руки шести наиболее заинтересованных правительств — русского, французского, английского, германского, американского и японского, исполнителем предначертаний которых был бы консорциум банкиров этих держав. Признавая такую постановку дела для нас приемлемой и не считая возможным не участвовать в такой комбинации держав, сносимся в этом смысле с министром финансов».

Признавая изложенные соображения М. Э. Верстрата не лишенными серьезного значения, но вместе с тем предусматривая возможность возражений по существу их со стороны вверенного вам ведомства, усвоившего на вопрос о китайских займах точку зрения, не вполне согласную с высказывавшимися мною по сему предмету взглядами, считаю долгом сообщить означенные соображения всецело на усмотрение вашего превосходительства, заранее оговариваясь, что готов буду присоединиться ко всякому заключению, к какому вы изволите притти по данному делу.

Со своей стороны, позволю себе лишь высказать, что в случае если бы ваше превосходительство изволили признать предположения г. Верстрата отвечающими создающемуся в Китае положению вещей, то повидимому, было бы желательно, чтобы наша миссия в Пекине оказывала синдикату Русско-азиатского банка более активное содействие в намечаемой им сфере деятельности.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 728. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

4 апреля/22 марта 1912 г.

In a recent conversation with His Majesty's Minister at Athens Mr. Vénizélos suggested as a possible solution of the Cretan question the return to the regime of a High Commissioner [1]. His Majesty's Government propose that the Representatives of the Four Powers at Athens should adopt the following language in speaking to Mr. Vénizélos:

That Turkey would deeply resent the reestablishment of a High Commissioner for Crete designated by the King of Greece and might very possibly be induced thereby to take active measures on the Greek frontier. In view of the above considerations the idea must be abandoned.

That the suggestion to Turkey of any definite solution of the Cretan question is, in the present circumstances, manifestly impossible and that the only practical policy open to the Four Powers is the maintenance of the status quo in support of which the Powers would if necessary be prepared to reoccupy the island.

That the Powers understand and expect that Mr. Vénizélos will take steps to prevent the entrance of the Cretan Deputies to the Greek Assembly either by following the usual legal procedure or nullifying their elections or by any other means which may appear to him most suitable [2].

That the admirable manner in which this difficult question has been hitherto dealt with by Mr. Vénizélos is appreciated to the full by the Powers who feel entirely confident that he will continue to act in the same spirit.

His Majesty's Government would be glad to learn as soon as possible whether the Imperial Government concur in the language proposed above and whether, in

[1] См. № 664.

Нотой от 29/16 марта за № 305 Мелегари сообщил Сазонову, что представитель Италии в Афинах, а также представители других держав-покровительниц считают, что следовало бы воспользоваться успехом Венизелоса на выборах и предложить ему оказать давление на критян и заставить их отказаться от посылки депутатов в афинскую палату. По мнению названных представителей, Венизелос согласится на это предложение, если державы-покровительницы не будут препятствовать восстановлению должности верховного комиссара.

[2] В пам. записке от 20/7 марта турец. посол в Петербурге Турхан-паша ссылался на дошедшие до турец. прав-ва сведения, согласно которым Венизелос уверил представителей держав-покровительниц, что, основываясь на ст. 73 греч. конституции, он объявит недействительными мандаты критских депутатов и поручит проверку их полномочий судебным органам. Турхан-паша заявил Сазонову, что подобная мера противоречит международному положению острова, составляющего часть Оттоманской империи, так как критские депутаты являются турец. подданными, на которых греч. конституция не распространяется. Оттоманское прав-во заявляло, что оно заранее протестует против подобного образа действий, явно нарушающего его суверенные права, и просило державы-покровительницы воспрепятствовать выполнению плана Венизелоса.

the event of the French and Italian Governments also concurring, they would be prepared to instruct their Representatives at Athens accordingly [1].

Перевод.

В одном из недавних разговоров с посланником его величества в Афинах г. Венизелос высказал мысль о возвращении к режиму верховного комиссара как о возможном разрешении критского вопроса. Правительство его величества предлагает, чтобы представители четырех держав в Афинах высказались следующим образом в разговоре с г. Венизелосом:

Что Турция была бы глубоко оскорблена восстановлением верховного комиссара на Крите, назначаемого королем Греции, и весьма возможно, что это побудило бы ее принять активные меры на греческой границе. Ввиду этих соображений эта мысль должна быть оставлена.

Что в нынешних условиях очевидно невозможно предлагать Турции какое-либо определенное решение критского вопроса и что единственная практическая политика, возможная для четырех держав, состоит в сохранении status quo, для поддержания которого державы, в случае надобности, были бы готовы снова оккупировать остров.

Что державы рассчитывают и надеются, что г. Венизелос предпримет шаги для воспрепятствования вхождению критских депутатов в греческую палату либо путем применения обычной законной процедуры, либо путем аннулирования их избрания, либо каким-либо другим способом, который оно сочтет наиболее подходящим.

Что достойный восхищения образ действий г. Венизелоса в этом трудном вопросе оценен по достоинству державами, которые вполне уверены в том, что он будет продолжать действовать в том же духе.

Правительство его величества было бы радо узнать как можно скорее, присоединяется ли императорское правительство к предлагаемым выше заявлениям и готово ли оно, в случае присоединения также французского и итальянского правительств, дать соответствующие инструкции своему представителю в Афинах.

№ 729. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 177. 4 апреля/22 марта 1912 г.

М. г. Александр Петрович,

В весьма секретном письме от 28/15 с. м. [2], излагая беседы ваши с французским министром иностранных дел по содержанию моего к вам письма от [7 марта] 23 февраля № 113 [3], о взаимном согласовании взглядов обоих правительств на возможные на Балканах события, ваше превосходительство передали мне и просьбу г. Пуанкаре подробнее развить пункты, заключающиеся в памятной записке, переданной мной по этому вопросу г. Жоржу Луи, дабы затем продолжать совместное с нами обсуждение возможных случайностей.

Вы признаете при этом, что выслушанные вами заявления французского правительства «отличаются некоторой сухостью» и приписываете это «математическому» складу ума г. Пуанкаре и тому обстоятельству, что нас во Франции подозревают в склонности поддержать итальянские требования.

Указанные свойства мышления французского первого министра побуждают нас к некоторой осторожности при более обстоятельном определении возможных случайностей, и ранее, чем сойти с почвы общих положений, достаточно ясно намеченных в моей памятной записке, нам необходимо отдать себе ясный отчет в двух обстоятельствах:

1) Трудность, признаваемая самим г. Пуанкаре, провести грань между вопросами, входящими в область русско-французского союзного договора и обстоятельствами местного ближневосточного характера, придает соответственной оговорке г. Пуанкаре слишком неопределенный смысл, несколько обесценивающий выражаемое им намерение «действовать в полном согласии со своей союзницей».

2) Хотя Франция, так же как и Россия, прежде всего заинтересована в сохранении на Ближнем Востоке настоящего status quo, однако побудительные причины

---

[1] Тел. от 5 апр./23 марта за № 619 Сазонов предлагал Свербееву присоединиться, в случае согласия всех держав-покровительниц, к предлагаемому англ. прав-вом заявлению Венизелосу по вопросу о восстановлении режима верховного комиссара.

[2] См. № 699.

[3] См. № 596.

для такого отношения, да и самый объем входящих в это понятие отношений не во всем совпадают. Французские интересы по преимуществу экономического и финансового характера, а политическая судьба тех стран, поскольку она не затрагивает непосредственно области наших союзнических отношений, может в известных случаях оставить Францию равнодушной — между тем как для нас важна именно политическая сторона могущих произойти изменений.

Вследствие этой неодинаковой степени заинтересованности России и Франции в ближневосточных вопросах, мне кажется, трудно определенно оформить могущие произойти события и, дабы не связывать себя заранее какими-либо определенными обязательствами, необходимо пока ограничиться лишь обещанием при всякой случайности на Балканах (в пределах, намеченных в моей памятной записке) прежде всего сообщить друг другу взгляд свой на происшедшие обстоятельства и приложить все усилия к взаимному согласованию своего образа действий.

О более подробной разработке всех могущих представиться обстоятельств можно было бы заговорить лишь в том случае, если бы мы получили какое-либо ручательство в том, что французское правительство безусловно готово стать на нашу точку зрения при оценке обсуждаемых возможностей, — ручательство, которое должно бы при этом исходить от самой Франции, на возможность чего я вижу некоторое указание в первой части ответов г. Пуанкаре. Более подробные данные о взгляде французского правительства на вопрос, вероятно, даст нам сообщение, имеющее быть сделанным г. Жоржем Луи, к чему он однако доселе не приступил.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 730. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 4 апреля/22 марта 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Пользуясь проездом чрез Берлин надворного советника Базили [1], имею честь донести вашему высокопревосходительству о весьма интересном разговоре, который я имел с здешним турецким послом, посетившим меня вчера.

Осман-Низами-паша коснулся сначала событий на турецко-персидской границе, причем самым категорическим образом отрицал существование каких-либо агрессивных против нас замыслов со стороны Порты, а также стремление, приписываемое Турции захватить часть персидской территории.

Перейдя к вопросу о возможности скорого окончания войны, посол высказал мнение, — настаивая на совершенно частном и конфиденциальном характере нашего разговора и высказываемых им мыслей, — что не видит возможности благоприятного исхода ведущихся в настоящий момент по сему поводу переговоров между державами ввиду выраженных римским кабинетом требований. Согласиться на последние Порта не может, так как такое решение неминуемо повлекло бы за собой образование арабского халифата и окончательное распадение Оттоманской империи.

Низами-паша тем не менее считает, что вопрос этот мог бы быть разрешен по инициативе России следующим образом: Италия должна была бы обратиться к державам с просьбой о признании аннексии Триполиса. На это державы ответили бы, становясь на точку зрения лорда Гренвиля в 1871 г. в вопросе об единоличной отмене статей 11, 13 и 14 Парижского договора 1856 г. касательно ограничений содержать флот в Черном море, а именно, что признают недопустимым нарушение одной державой постановлений подписанных всеми великими державами Парижского и Берлинского трактатов, обязывающих respecter l'indépendance et l'integrité territoriale de l'Empire Ottoman [2]. Для изменения status

[1] Второй секретарь росс. пос-ва в Париже.

[2] «уважать независимость и территориальную неприкосновенность Оттоманской империи».

quo они признают-де необходимым представить разрешение данного вопроса на обсуждение держав путем созыва конференции или другого международного совещания. Такому совместному действию всех держав, подписавших Берлинский трактат, должно было бы предшествовать временное прекращение с обеих сторон всяких военных действий и операций, за исключением подвоза необходимых для пропитания войск припасов. Наблюдение за точным исполнением этих условий могло бы быть возложено на нейтральные державы, которые для этой цели отрядили бы на театр военных действий известное количество военных судов.

Общественное мнение в Италии могло бы быть, по мнению турецкого посла, подготовлено к подобному разрешению вопроса сообщениями в местной печати об исключительно формальном характере предоставления вопроса об аннексии двух африканских провинций на утверждение международной конференции.

Прося довести содержание этого разговора до сведения вашего высокопревосходительства, Низами-паша настаивал однако на том, чтобы я скрыл, что вышеупомянутые мысли исходят от него, и желал бы, чтобы даже его имя не было упомянуто в могущих последовать по сему поводу переговорах.

Между тем турецкий посол дал мне понять, что вышеупомянутые его соображения были им высказаны также г. Кидерлен-Вехтеру и г. Камбону, которые, будто бы, отнеслись к ним сочувственно.

Примите и пр. Шебеко.

№ 731. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 33 [1]. 4 апреля/22 марта 1912 г.

Болгарское правительство ощущает крайнюю нужду в 160—180-миллионном займе для совершения конверсии 82-миллионного шестипроцентного долга и для начатия работ по постройке железнодорожных линий Ямбол — Кизилагач и Каспичан — Силистрия [2]. Заем предполагается заключить во Франции, здешние представители которой за последнее время неукоснительно указывали Гешову, что первым непременным условием нынешнего кабинета для совершения этой финансовой операции является категорическое утверждение болгарского правительства, что отныне Болгария входит в орбиту политики держав Тройственного согласия. Вследствие сего, с одобрения короля Фердинанда, Гешов обратился ко мне с просьбой передать вашему высокопревосходительству его ходатайство об оказании вами поддержки в данном вопросе и об авторитетном удостоверении перед парижским кабинетом об избранном Болгарией политическом пути. При сем Гешов присовокупил, что болгарское правительство дает формальные гарантии, что заем не будет употреблен на военные цели, а на конверсию и на постройку железных дорог. Завтра Гешов сообщит Панафье о намерении болгарского правительства заключить заем, инструкции же о начатии переговоров по сему предмету уже посланы Станчову [3].

Урусов.

№ 732. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

·/. Депеша № 23. 4 апреля/22 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме от [2 апреля] 20 сего марта за № 331 [4] имею честь препроводить при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства

[1] Опубл. Siebert, II, S. 339, № 584.

[2] Ср. № 290.

[3] Публикуемая тел. была передана Сазоновым в Париж 6 апр./24 марта за № 626 и дополнительно к ней в тот же день он телеграфировал Извольскому за № 627: «Можете оказать желательную болгарам поддержку с нашей стороны ввиду мотивировки их ходатайства, высказываемого намерения тяготеть к Тройственному согласию, а также и опасения возможности их вторичного обращения в Вену в случае неудачи в Париже». Тел. от того же числа за № 628 Сазонов сообщил Урусову, что Извольскому «предложено поддержать болгарские переговоры о займе».

[4] См. № 722.

перевод полученного мною, при содействии князя Палта, проекта положения об управлении Монголией, составленного союзом монгольских князей в Пекине [1]. В документ этот занесены изменения отдельных статей и замечания к ним, сделанные Юань Ши-каем.

Принимая в расчет близкие связи, которые некоторые из членов союза поддерживают с китайцами, трудно допустить, чтобы самое составление проекта обошлось без влияния последних. Тенденция, положенная в его основу и очевидно навеянная со стороны, сводится к усилению власти князей и к устранению от дел буддийского духовенства; это — та же китайская политика, которую Чжао Эрр-фын в свое время с успехом начал проводить в Тибете. Принципиальное постановление о том, что переговоры и сношения с иностранными державами по вопросам, касающимся всех монгольских земель, а также, что дело обороны Монголии входит в компетенцию центральных столичных учреждений, внесено в первоначальный проект самими князьями и лишь объем совещательных прав, предоставленных им в этих делах, сокращен Юань Ши-каем.

Наиболее существенными для монголов являются статьи 8-я и 9-я. Первая упраздняет прежние должности цзян-цзюней, амбаней и пр. и предусматривает назначение исключительно монголов в новые административные учреждения в Монголии, хотя последние и будут создаваться центральным правительством. Вторая касается возвращения монголам некоторых отобранных у них китайцами земель. Обе эти статьи Юань Ши-кай решил представить на обсуждение парламента, причем относительно первой заранее оговорил, что она подлежит изменению. Важна также первая статья проекта, предусматривающая в принятой Юанем редакции равноправие Монголии с Собственным Китаем и исключающая «переселенческий» и «колонизационный» термины из названий центральных учреждений, ведающих монгольскими делами. Союз монгольских князей поспешил закрепить эту уступку и телеграфировал в Шанхай протест против образовавшегося там общества развития китайской эмиграции в Монголию; к чему однако свелось бы на деле запрещение эмиграции, если бы китайцы сделались опять бесконтрольными хозяевами положения, догадаться, конечно, нетрудно.

Весь проект представляет интерес в том отношении, что он является в сущности первой серьезной попыткой китайцев решить самостоятельно монгольский вопрос. Заслуживает внимания, что три основные выставленные нами пункта (недопущение в Монголию китайских войск, переселенцев и чиновников) не упущены проектом из виду, хотя решение их и намечается в неудовлетворительной, с нашей точки зрения, форме. Схема нового управления Монголии построена таким образом, что в зависимости от обстоятельств она может быть приспособлена к разным направлениям, которые принял бы вопрос. Название пробного шара тем более подходит к пересмотренному Юань Ши-каем проекту союза монгольских князей, что общество это во Внешней, равно как во многих хошунах Внутренней Монголии не пользуется никаким прямым влиянием, и сами китайцы не могут не сознавать, сколь шатка надежда установить, опираясь на союз, новые формы монгольского управления. К тому же князья, первоначально приступившие к союзу в числе до 40, постепенно стали уклоняться и разъезжаться по хошунам; неблагоприятное решение Юаня по статьям 8-й и 9-й проекта, наиболее важным для монголов, еще сильнее подорвало их надежды на выгодное соглашение с китайцами, и последние заседания союза посещались не более чем 10 князьями. Даже считавшийся близким к Юань Ши-каю князь Амурлин-гуй сложил с себя звание командира знаменного корпуса, чтобы, согласно официальной версии, посвятить себя всецело своему хошуну. Весьма возможно, что заметно усиливающееся за последнее время тяготение хошунов Внутренней Монголии к Урге следует приписать мало успешному, с точки зрения не вполне еще окитаившихся князей, ходу переговоров в Пекине.

Примите и пр.

Щекин.

[1] Приложение не воспроизводится.

№ 733. Памятная записка министерства иностранных дел английскому, французскому, германскому, японскому послам и послу США в Петербурге — Бьюкенену, Ж. Луи, Пурталесу, Мотоно и Гайльду.

№ 290 [1]. 6 апреля/24 марта 1912 г.

Le gouvernement impérial de Russie n'a pas manqué de soumettre à un examen attentif la question de la participation russe à l'emprunt chinois projeté, dit de réorganisation.

Le gouvernement russe a déjà donné son consentement à prendre part aux avances que les banques ont faites au gouvernement provisoire chinois, et que l'emprunt en question est en premier lieu destiné à couvrir [2]. De même, le gouvernement russe est prêt à participer à l'emprunt de réorganisation dans des conditions d'égalité avec les autres gouvernements qui y prennent part.

En consentant à ladite participation le gouvernement russe croit devoir clairement indiquer dès à présent que les conditions de l'emprunt de réorganisation ne devront contenir rien qui soit de nature à porter atteinte aux droits et intérêts spéciaux de la Russie dans la Mandchourie du Nord, en Mongolie et dans l'Ouest chinois [3].

Sous cette réserve, le gouvernement russe est prêt à désigner la Banque Russo-Asiatique comme devant représenter le groupe financier russe dans le consortium qui prendra sur lui d'émettre l'emprunt chinois de réorganisation. Le gouvernement russe est d'avis que les conditions de cet emprunt devront être élaborées par les groupes financiers de concert avec les gouvernements des pays qu'ils représentent, pour être soumises ensuite à l'approbation desdits gouvernements [4].

Перевод.

Императорское российское правительство не преминуло внимательно рассмотреть вопрос об участии России в проектируемом китайском так называемом реорганизационном займе.

Российское правительство уже дало свое согласие принять участие в авансах, которые были выданы банками временному китайскому правительству и на погашение которых прежде всего предназначается указанный заем. Российское правительство готово также принять участие в реорганизационном займе на равных условиях с другими участвующими в нем правительствами.

Выражая согласие на участие в займе, российское правительство считает долгом ясно указать уже в настоящий момент, что условия реорганизационного займа не должны содержать ничего, что могло бы нанести ущерб специальным правам и интересам России в Северной Манчжурии, в Монголии и в Западном Китае.

С такой оговоркой российское правительство готово назначить Русско-азиатский банк в качестве представителя русской финансовой группы в консорциуме, который возьмет на себя эмиссию китайского реорганизационного займа. Российское правительство полагает,

---

[1] Опубл. Gr. Pol., Bd. XXXII, S. 303, № 11883 и Doc. dipl., 3-me série, V. II, p. 320, № 307, Annexe IV. На полях имеется помета рукой Ковакова: «Сообщено министру финансов, [8 апреля] 26 марта 1912 г.».

[2] См. № 620.

[3] Тел. от 5 апр./23 марта за № 625 Сазонов известил Малевского о своем намерении сделать на следующий день заявление относительно согласия росс. прав-ва принять участие в кит. займе на условиях, изложенных в публикуемом документе, и просил его поставить об этом в известность япон. м-ра ин. дел.

В ответ на сообщение Малевского япон. м-р ин. дел заявил, что «оговорка относительно Монголии понимается японским правительством в том смысле, что ею не предрешен вопрос о заявленном Японией желании разграничить с нами сферы влияния в Монголии» (тел. Малевского от 11 апр./29 марта за № 62). В тел. от 12 апр./30 марта за № 658 Сазонов просил Малевского передать япон. м-ру ин. дел, что «оговорка относительно Монголии касается только тех частей этой области, которые признаны или будут признаны сферой наших специальных интересов», а потому она не предрешает вопроса о разделе сфер влияния.

[4] Содержание этой пам. записки было передано Сазоновым в тот же день тел. за № 633 (опубл. Stieve, II, S. 79, № 249) послам в Париже, Лондоне, Берлине и Вашингтоне и сообщено поверенному в делах в Пекине.

что условия этого займа должны быть выработаны финансовыми группами в согласии с правительствами тех стран, которые они представляют, с тем чтобы эти условия были затем повергнуты на одобрение указанных правительств.

№ 734. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 630 [1]. 6 апреля/24 марта 1912 г.
Лично.

С крайним изумлением узнал, что Ж. Луи, повидимому, шифрованной телеграммой от Пуанкаре поставлен в известность о содержании сообщения, которое вы имели изустно сделать французскому первому министру на основании моей телеграммы № 580 [2], между тем как это сообщение предназначалось лишь для личного его осведомления как главе союзного правительства и как доказательство доверия с нашей стороны.

Благоволите обратить внимание Пуанкаре, что такое отношение к первостепенной международной тайне возбуждает серьезные опасения за возможность дальнейшего соблюдения этой тайны [3].

Сазонов.

№ 735. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 631 [4]. 6 апреля/24 марта 1912 г.

№ 2 [5].

En remettant mon aide-mémoire à l'ambassadeur de France je lui adresse une lettre [6] où je prends acte des déclarations qu'il m'a faites et qui se résument comme suit: le gouvernement français considère que les Puissances qui ont de grands intérêts en Chine doivent intervenir dans la fixation des conditions de l'emprunt de réorganisation et qu'au cours des pourparlers à ce sujet il s'agira de déterminer l'ordre des réformes à introduire en Chine et d'organiser un contrôle afin que l'emploi des fonds puisse être surveillé; quant à l'organisation militaire, elle doit avoir en vue d'assurer l'ordre à l'intérieur, mais le gouvernement français ne se prêtera pas à la création d'une armée chinoise pouvant menacer les intérêts russes ou français [7].

Je constate que c'est en nous basant sur ces assurances, ainsi que sur celles de la lettre de Mr. de Selves à votre excellence du 4 janvier année courante [8] que nous nous sommes décidés à participer à l'emprunt de réorganisation, convaincus que nous pouvions compter sur l'appui français pour écarter des conditions dudit emprunt tout ce qui porterait atteinte à nos intérêts.

[Sazonow.]

Перевод.

№ 2.

Вручая памятную записку французскому послу, я передаю ему письмо, в котором принимаю к сведению сделанные мне им заявления, сводящиеся к следующему: французское правительство полагает, что державы, имеющие крупные интересы в Китае, должны принять участие в определении условий китайского реорганизационного займа и что в течение переговоров по этому вопросу нужно будет установить порядок реформ, подлежащих вве-

---

[1] Опубл. Stieve, II, S. 79, № 248.

[2] См. № 708.

[3] Далее зачеркнуто: «и что ответственность за возможные и даже вероятные разоблачения и превратные толкования всецело ляжет на французское правительство».

[4] На полях имеется помета рукой Козакова: «Сообщена министру финансов, [8 апреля] 26 марта 1912 г.».

[5] За № 1, повидимому, была послана Сазоновым тел. за № 633 (см. стр. 378, прим. 4).

[6] Письмо Сазонова Жоржу Луи от 6 апр./24 марта, в основном изложенное в публикуемом документе, опубл. М., стр. 547.

[7] См. № 714.

[8] См. приложение к № 331.

дению в Китае, и организовать контроль, дабы поставить под наблюдение расходование фондов; что же касается организации армии, то последняя должна иметь в виду обеспечение внутреннего порядка, но французское правительство не согласится на создание такой китайской армии, которая сможет угрожать русским или французским интересам.

Я констатирую, что мы решились на участие в реорганизационном займе на основе этих заверений, а также заверений, данных г. де Сельвом в письме на имя вашего превосходительства от 4 января текущего года, в убеждении, что мы можем рассчитывать на поддержку Франции для устранения из условий указанного займа всего, что могло бы нанести ущерб нашим интересам.

[Сазонов.]

№ 736. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 632 [1]. 6 апреля/24 марта 1912 г.

№ 2 [2].

En remettant mon aide-mémoire à l'ambassadeur d'Angleterre je l'ai fait accompagner d'une lettre [3], dans laquelle je prends acte des assurances qu'il m'a données du désir de l'Angleterre de décourager toute entreprise que la Russie considérerait nuisible à ses intérêts en Mandchourie, ainsi que de l'idée émise par Buchanan qu'en participant à l'emprunt de réorganisation nous serions plus à même de nous garantir contre l'affectation de cet emprunt à des entreprises portant atteinte à nos intérêts spéciaux au Nord de la Grande Muraille. Je constate que ces assurances constituent à nos yeux un gage de l'appui anglais en vue de contrecarrer l'emploi dudit emprunt à de pareilles entreprises [4].

Veuillez provoquer de la part de Grey une réponse écrite constatant qu'il partage ma manière de voir dans la présente affaire.

Sazonow.

Перевод.

№ 2.

Вручая свою памятную записку английскому послу, я передал ему письмо, в котором я принимаю к сведению данные им мне заверения относительно намерения Англии противодействовать всяким мероприятиям, которые Россия сочтет вредными для своих интересов в Манчжурии, а также высказанное Бьюкененом мнение, что, принимая участие в реорганизационном займе, мы будем располагать большей возможностью оградить себя от расходования этого займа на предприятия, наносящие ущерб нашим специальным интересам к северу от Великой стены. Я констатирую, что эти заверения являются в наших глазах залогом поддержки со стороны Англии в деле противодействия расходованию указанного займа на подобные предприятия.

Постарайтесь получить от Грея ответ в письменной форме, в котором указывалось бы, что он разделяет мою точку врения в данном вопросе.

Сазонов.

№ 737. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Депеша № 16. 6 апреля/24 марта 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях здешний итальянский посланник, по поручению своего правительства, обратился к председателю совета министров с просьбой о том, чтобы сербское правительство, в силу постановлений о нейтралитете, приняло строгие меры к недопущению провоза чрез королевскую территорию военных материалов, предназначенных для Турции. При этом г. Бароли добавил, что с таковой же просьбой римский кабинет обращался в Софию, где, без всяких колебаний,

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 342, № 587, где датирована 7 апр./25 марта. На полях имеется помета рукой Козакова: «Сообщена министру финансов, [8 апреля] 26 марта 1912 г.».

[2] См. стр. 379, прим. 5.

[3] Письмо Сазонова Бьюкенену от 6 апр./24 марта, в основном изложенное в публикуемом документе, опубл. М., стр. 549.

[4] См. стр. 315, прим. 3.

поспешили озаботиться закрытием транзита оружия в пределы Оттоманской империи. Это обстоятельство, сказал посланник, дает Италии, связанной с Сербией искренней дружбой и узами родства, полное основание рассчитывать, что просьба ее встретит столь же сочувственный отклик и в среде белградских правительственных сфер.

На это председатель совета министров заметил прежде всего, что, по имеющимся сведениям, все крупные транспорты военных материалов турецкое правительство получает более прямым и кратчайшим путем, а именно чрез румынскую территорию до Констанцы, откуда они далее следуют морем в Константинополь. Единственными поставщиками таковых материалов являются Германия и Австрия, а посему казалось бы естественным и справедливым, если бы Италия обратилась непосредственно к своим «союзникам» с требованием о соблюдении ими обязательств нейтральных держав. Прекратится тайная помощь Турции со стороны членов Тройственного союза, — само собою разумеется, не будет и транзита чрез балканские государства.

Далее, не отрицая факта пропуска из Землина чрез сербскую территорию нескольких вагонов с боевыми припасами для турок, г. Милованович разъяснил своему собеседнику, что только ценой этой ничтожной услуги Сербия успела обеспечить за собою выговоренное еще до итало-турецкой войны право беспрепятственного провоза из Салоник чрез Македонию и Старую Сербию всех необходимых для ее армии военных запасов.

Не ясно ли отсюда, что удовлетворение Сербией просьбы итальянского правительства неминуемо вызвало бы самые решительные репрессалии со стороны Турции, которые отразились бы весьма печально на интересах королевства. Ввиду сего, сказал в заключение г. Милованович, я позволяю себе поставить следующий вопрос: согласно ли будет итальянское правительство принять на себя ответственность за все последствия как нарушения сербо-турецких отношений, так и подрыва боевой готовности сербской армии, которая при настоящих тревожных обстоятельствах должна служить залогом сохранения столь желаемого всеми status quo на Балканах? В случае утвердительного ответа римского кабинета сербское правительство не замедлит распорядиться закрытием своей границы для военных транспортов, направляемых в Турцию.

Я почти не сомневаюсь, возразил г. Бароли, что на такой запрос из Рима может последовать только отрицательный ответ. К тому же как частное лицо, я должен откровенно сознаться, что вполне разделяю все вышеприведенные вами соображения.

Со своей стороны полагаю, что доводы сербского министра иностранных дел нельзя не признать основательными. Закрытие Сербией транзита для боевых материалов, направляемых в Турцию, в сущности не достигло бы цели, которой добивается Италия, ибо материал этот все равно был бы доставлен по назначению иным путем; а между тем такой акт несомненно нарушил бы установившиеся за последнее время между обоими государствами добрососедские отношения и, конечно, подвинул бы Турцию на репрессалии, которые в корне подорвали бы задуманные здешним правительством и близкие к осуществлению планы реорганизации сербской армии.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 738. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Письмо. 6 апреля/24 марта 1912 г.
Конфиденциально.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей от [21] 8 сего марта № 12 [1] позволяю себе ныне вкратце изложить ход переговоров с персидским правительством по поводу его ответа на совместную ноту от [18] 5 прошлого февраля.

[1] В оригинале, повидимому, ошибка: речь идет не о тел., а о деп. № 12 (см. стр. 304, прим. 1).

По сообщении последней министру иностранных дел мы вместе с великобританским посланником передали в тот же день содержание ее регенту, который заверил нас в полном своем сочувствии ее принципам и обещал сделать все от него зависящее, дабы побудить кабинет к ее принятию. Регент находил при этом лишь желательным сделать небольшие редакционные изменения в отдельных пунктах ноты.

[22] 9 февраля министр иностранных дел предложил через Барклая на выбор две формулы для замены нашей редакции пункта об обязательствах шахского правительства сообразовать свою политику с принципами англо-русской конвенции 1907 года. Первая из этих формул была представлена мной на усмотрение вашего высокопревосходительства в секретной телеграмме № 124 (2) [1]. Согласно же второй, персидское правительство выражало готовность уважать принципы конвенции, «относительно коих сэр С. Спринг-Райс представил шахскому министру иностранных дел (4 сентября), 22 августа 1907 г. объяснительную записку».

Текст последнего весьма любопытного документа имею честь при сем представить [2]. Подписание конвенции 1907 г. вызвало брожение в некоторых провинциальных городах Персии, и сэр С. Спринг-Райс, находясь накануне отпуска в нервном и болезненном состоянии, решил, без специальных на то инструкций и без ведома императорского посланника, успокоить персов разъяснением им значения вновь заключенного дипломатического акта, с точным текстом коего он сам еще не был знаком. Он также не счел нужным осведомить великобританское правительство о содержании своей ноты, которая ныне получила огласку при посредстве персов и английской печати.

Отсутствие подписи императорского посланника под упомянутой выше нотой явилось для Барклая и меня достаточным поводом для окончательного отклонения второй персидской формулы.

[28] 15 февраля мы сообщили Восуг-эд-Доуле одобренную обоими правительствами новую редакцию этого пункта совместной ноты, а [7 марта] 23 того же месяца министр ознакомил нас с проектом персидского ответа, относительно которого мы пришли к соглашению после продолжительного и очень обстоятельного разговора, о содержании коего я имел честь донести в телеграмме моей № 168 [3].

До этого момента все шло гладко, но на следующий день министр объявил Барклаю и мне, что ему не удалось получить согласие кабинета на одобренную нами редакцию пункта об организации персидской армии. Оказывается, что отклонение нами накануне персидского предложения о реорганизации армии при помощи иностранных инструкторов от второстепенных держав привело кабинет к убеждению, что оба правительства будут впоследствии настаивать на приглашении в Персию русских и английских офицеров. Восуг указывал на возможность отставки министерства, если мы не согласимся на исключение из ноты всякого упоминания о переговорах между персидским правительством и обеими миссиями по поводу армии или если мы вперед не определим тех вопросов, которые будут служить предметом этих переговоров. Мы не сочли себя вправе связать оба правительства принятием этого предложения и пытались доказать министру, что Россия и Англия не менее Персии заинтересованы в создании действительной персидской армии и что только этим объясняется наше желание получить право голоса в этом вопросе. Министр обещал вновь переговорить с кабинетом, но не выражал большой надежды на успех.

Действительно мы узнали в течение последующих дней, что кабинет продолжает упорствовать, подымая даже новые вопросы, и что регент недостаточно энергично побуждает министров к принятию ноты. Мы решили тогда напомнить Наср-оль-Мольку через Черчилля [4], о данном им нам [18] 5 февраля обещании. Регент самым энергичным образом отрицал возводимое на него обвинение, но не

---

[1] См. № 516.
[2] Приложение не воспроизводится.
[3] См. № 601.
[4] Дж. Черчилль — секретарь при англ. миссии в Тегеране.

скрыл при этом опасения, что трудно будет добиться персидского ответа, который был бы составлен по всем пунктам в желаемом нами смысле.

К вышеизложенным затруднениям прибавился еще затем министерский кризис. Как я уже имел честь докладывать вашему высокопревосходительству, некоторые не расположенные к бахтиарам министры возымели мысль поставить во главе кабинета, вслед за подписанием ответной ноты, Сепехдара, причем регент тоже дал на эту комбинацию принципиальное согласие[1]. Узнав об этом, бахтиарские министры внезапно подали в отставку, чем вызвали общий кризис, который грозил бесконечно затянуть переговоры с нами и был бы несомненно затем истолкован как бегство министров от тяжелых поставленных Россией и Англией условий.

Для избежания этих последствий обе миссии приложили все усилия, чтобы побудить бахтиар остаться у власти до подписания ноты. Ханы согласились, взяли назад свои прошения об отставке и обещали энергично содействовать скорейшему получению нами благоприятного ответа. Задача эта была, впрочем, значительно облегчена сделанным обеими миссиями [16] 3 марта сообщением, что оба правительства не будут противиться реорганизации персидской армии при помощи иностранных офицеров от второстепенных держав[2].

После этого прошло еще несколько дней на препирательства между министрами по поводу ответственности за подписание ноты. Министр иностранных дел совершенно резонно требовал, чтобы черновая последней была подписана кабинетом; последний однако соглашался на это лишь при условии подписания этого документа и регентом. Как ни старался последний указывать на неконституционность такого требования, ему пришлось, наконец, написать на черновике, что он ознакомился с содержанием ноты, которая и была потом вручена обеим миссиям [20] 7 марта[3].

Описав внешний ход недавно закончившихся переговоров, я должен заметить, что внутренней причиной промедления ответа явилось полное сознание персидским правительством всей важности подписанного им документа. Как из слов регента и отдельных министров, так и из сведений из других источников я мог заключить, что персы вполне понимали, что признание ими англо-русского соглашения предрешает раз навсегда направление персидской политики, какие бы внутренние потрясения или перемены режимов и правительств ни выпадали еще в будущем на долю Персии. Регент и кабинет видели ясно, что такой путь и тесное сближение с Россией и Англией являются в настоящее время единственным выходом для Персии, а потому они охотно шли навстречу нашим предложениям. Принятие последних формально устанавливает однако подопечность Персии и разрыв с красивыми лозунгами последней революции; это обстоятельство вместе с значительной агитацией в реакционных и демократических кругах иногда пугало министров и вызывало их колебания.

Мне кажется, что именно таким образом объясняют в здешних дипломатических кругах значение персидской ноты, и этим объясняются вызванные ею в некоторых иностранных миссиях опасения. Однако самый текст признания англо-русского соглашения 1907 года едва ли может вызвать какие-либо протесты, и оба правительства будут иметь затем возможность на практике указать, какое толкование буквы и «духа» конвенции им угодно будет установить.

В заключение имею честь представить на усмотрение вашего высокопревосходительства одобренную обеими миссиями программу расходования аванса[4].

---

[1] См. № 619.

[2] См. № 628 и стр. 270, прим. 1.

[3] См. № 665. Позднее, в деп. от 11 апр./29 марта за № 16 Поклевский сообщал: «Недовольство бахтиар и Сепехдара нерешительностью регента, недоверие последнего к бахтиарам и даже некоторым из министров, угрожающее уже через несколько дней безденежье и, наконец, недавние события в Мешеде — все это чуть было не вызвало министерского кризиса. Восуг-эд-Доуле подал в отставку, и лишь с большим трудом удалось уговорить его взять таковую обратно. Регент, не находя возможным при нынешних обстоятельствах обойтись без помощи бахтиар, решил сохранить кабинет Самсам-эс-Солтане и собирается, передав ему часть своих прав, уехать на несколько месяцев за границу».

[4] Приложение не воспроизводится.

При составлении ее приходилось главным образом руководствоваться желанием обеспечить содержание военной силы и погасить те обязательства персидского правительства, существование коих могло бы вызвать беспорядки в Тегеране. Вследствие задержки в выдаче денег за неокончанием переговоров и ввиду экстренной необходимости снарядить экспедицию против Салар-эд-Доуле, выданные обоими правительствами деньги, за исключением предназначенных для шведской жандармерии, уже близятся к концу.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 739. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине и Вене — Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену, Н. Гирсу и поверенному в делах в Константинополе Свечину [1].

Телеграмма № 635. 8 апреля/26 марта 1912 г.

Сообщается в Рим.

Pour continuer démarche collective dans le but de la cessation des hostilités, je propose qu'ambassadeurs des Puissances à Constantinople soient chargés faire à la Porte communication suivante:

«Les Puissances ayant pu constater que sous certaines conditions l'Italie serait disposée à admettre une intervention amicale des Puissances en vue d'arriver à la cessation des hostilités, s'adressent dans le même esprit d'amitié à la Sublime Porte pour la prier de leur communiquer les conditions auxquelles elle accepterait leur médiation en vue d'arriver à la cessation des hostilités».

Veuillez vous expliquer en conséquence avec le ministre des affaires étrangères, en le priant, pour gagner du temps, d'autoriser son représentant à Constantinople de se joindre à une démarche collective dans ce sens dès que ses collègues seront munis d'instructions analogues. Veuillez télégraphier résultat [2].

Pour votre gouverne personnelle:

Je me suis assuré que formule proposée ne rencontre aucune objection de la part de l'Italie [3].

Sazonow.

Перевод.

Сообщается в Рим.

Дабы продолжить коллективное выступление с целью прекращения военных действий, я предлагаю поручить послам держав в Константинополе сделать Порте следующее сообщение:

«Державы, имев возможность констатировать, что на известных условиях Италия будет готова допустить дружеское вмешательство держав с целью прекращения военных действий, обращаются к Блистательной Порте в том же дружественном духе, чтобы просить ее сообщить им условия, на которых она приняла бы их посредничество с целью прекращения военных действий».

---

[1] Тел. от 30/17 марта за № 131 Чарыков сообщал, что он вручил султану отзывные грамоты и сдал временное управление посольством Свечину (см. № 637).

[2] О согласии франц., герм., англ., и австро-венг. прав-в снабдить своих послов в К-поле соответствующими инструкциями Сазонов был извещен тел. из Парижа и Берлина от 9 апр./27 марта за №№ 52 и 36, из Лондона от 11 апр./29 марта за № 93 и из Вены от 10 апр./28 марта без номера.

В тел. от 13 апр./31 марта за № 148 Свечин сообщил: «Послы Франции, Англии и Австрии получили аналогичные с моими инструкции. Германский посол ожидает их, по его словам, с минуты на минуту. Ни он, ни кто-либо из его коллег не поднимали вопроса об отсрочке до после созыва турецкого парламента. Эта отсрочка к тому же не имела бы морального значения, так как неизбежность выступления держав стала достоянием гласности и его ожидают здесь с минуты на минуту».

[3] Тел. от 5 апр./23 марта за № 618 Сазонов сообщил Долгорукому предполагаемый текст обращения к Порте и просил узнать мнение итал. прав-ва. В ответной тел. от 6 апр./24 марта за № 36 Долгорукий передал благодарность итал. м-ра ин. дел, который признал, что эта редакция «безусловно соответствует достоинству и выгодам Италии».

Вследствие этого благоволите объясниться с министром иностранных дел и просить его, дабы выиграть время, поручить своему представителю в Константинополе присоединиться к коллективному выступлению в этом смысле, как только его коллеги получат аналогичные инструкции. О результатах благоволите телеграфировать.

Для вашего личного сведения:

Я удостоверился, что предложенная формула не встречает никаких возражений со стороны Италии.

Сазонов.

№ 740. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 294. 8 апреля/26 марта 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копию памятной записки, которую я передал здешним французскому, английскому, германскому, американскому и японскому послам [1], уведомляя их о нашем согласии участвовать в китайском реорганизационном займе. Как вы изволите усмотреть, я сделал при этом две оговорки, а именно: я счел нужным указать, что реорганизационный заем не должен нарушать наших специальных прав и интересов в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае, и выразил мысль, что условия этого займа по их выработке финансовыми группами совместно с заинтересованными правительствами должны быть представлены затем на утверждение последних.

Отправляя эту памятную записку французскому и английскому послам, я сопроводил ее письмами, в которых принял к сведению сделанные ими, в связи с настоящим вопросом, заявления касательно готовности их правительств уважать специальные русские интересы в вышесказанных областях. Кроме того, я поручил нашему послу в Лондоне заручиться письменным ответом великобританского правительства на сказанное письмо мое сэру Дж. Бьюкенену, с признанием правильности моих толкований его заявлений. Копии этих писем и телеграмм графу Бенкендорфу и гофмейстеру Извольскому по этому делу имею честь препроводить вам [2].

Уведомляя ваше высокопревосходительство о вышеизложенном вследствие письма вашего от сего марта № [3], позволяю себе высказать убеждение, что наши интересы на Дальнем Востоке ограждены, насколько то было возможно в существующих условиях, при данной мною вопросу о китайском займе постановке, и покорнейше прошу вас не отказать поручить Русско-азиатскому банку, чтобы он снабдил своих представителей надлежащими указаниями для вступления в переговоры с четверным синдикатом о технических условиях нашего участия в реорганизационном займе и в тех авансах, которые делаются в счет этого займа временному китайскому правительству.

Примите и пр. Сазонов.

№ 741. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 22 [4]. 8 апреля/26 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграммы моей от [1 апреля] 19 марта № 48 [5] вашему высокопревосходительству уже известно о состоявшемся в Феце между марокканским султаном и представителем французской республики г. Ренью соглашении об установлении протектората Франции над шерифской империей [6].

---

[1] См. № 733.

[2] См. №№ 735 и 736 и примечания к ним.

[3] В оригинале номер отсутствует. Повидимому, имеется в виду письмо Коковцова от 4 апр./22 марта за № 324 (см. стр. 370, прим. 1).

[4] Опубл. М., стр. 174.

[5] Содержание указанной тел. исчерпывается публикуемым документом.

[6] Соглашение было подписано 30/17 марта 1912 г.

Ныне имею честь препроводить у сего в газетной вырезке недавно опубликованный текст названного соглашения [1].

Быстрый успех, с которым г. Реньо удалось исполнить возложенное на него поручение, повидимому, несколько противоречит сделанному мне г. Паункаре заявлению, появившемуся впоследствии и в печати, — об упорном сопротивлении султана признанию испанских прав на часть марокканской территории и интернационализации г. Танжера. Надо полагать, что французское правительство намеренно несколько преувеличило приложенные им в этом направлении усилия, дабы более наглядно показать свою готовность удовлетворить испанские и английские вожделения, а также и свою верность существующим договорам. Достигнутым соглашением Франция неоспоримо заручилась и более твердым положением на почве затянувшихся своих переговоров с Испанией.

Краткое по своей форме и составленное в общих выражениях новое соглашение содержит однако в своих 8 статьях все начала полного и безусловного протектората Франции и исчерпывающее перечисление всех отраслей марокканской администрации, подлежащих преобразованию.

В самом деле, статья первая гласит, что правительство республики и его величества султана пришли к соглашению о совместном установлении в Марокко нового режима, обнимающего реформы административные, судебные, образовательные, экономические, финансовые и военные, которые французское правительство сочтет нужным ввести на марокканской территории. Что касается мер военно-оккупационного характера, в видах поддержания в стране спокойствия и порядка, то о принятии таковых со стороны Франции достаточно одного уведомления султана.

В той же первой статье упоминается о сохранении полной свободы мусульманской религии и совершения обрядов и традиционного в этом отношении верховенства султана. Конец ее, содержащий вышеупомянутые оговорки в пользу испанских и английских пожеланий, предусматривает предстоящее соглашение с Испанией, основанное на интересах последней, «вытекающих из ее географического положения и территориальных владений на марокканском побережье»; город же Танжер сохранит полностью особый, признанный за ним характер, «имеющий определить его муниципальную организацию».

Дальнейшие статьи содержат обязательство, принимаемое французским правительством, оказывать султану постоянную поддержку для защиты его личности и престола, а также для упрочения его авторитета в стране; в них определяются полномочия французского генерального резидента, в качестве главного советника султана по всем вопросам внутренней и внешней политики; устанавливаются его права, как дипломатического представителя Марокко в сношениях с иностранными государствами. Султану же вменяется в обязанность не заключать никакого международного акта без предварительного на то согласия французского правительства.

В деле финансового преобразования Марокко оба правительства должны совместно положить основы такового, обеспечивая при этом все законные интересы держателей марокканских займов; с этой же целью султану воспрещается впредь самостоятельно заключать новые займы частного или публичного характера и даровать какие-либо концессии без разрешения французского правительства.

Наконец, в особом необнародованном еще документе установлен размер ежегодного содержания султана.

Таково в общих чертах новое соглашение, окончательно утвердившее французский протекторат в Марокко.

В настоящее время французское военное министерство усиленно занято образованием постоянного шерифского войска. Надо однако полагать, что полное успокоение в стране не столь скоро наступит. В здешних газетах недавно появились известия о превратном и тенденциозном толковании среди непокорных марокк-

[1] Приложение не воспроизводится.

ских племен нового соглашения, о нахождении султана в плену, о готовящихся будто бы гонениях на ислам и т. п. Слухи эти свидетельствуют о волнении, вызванном последним договором среди части населения Марокко, и предвещают Франции немало затруднений в осуществлении ее умиротворяющей задачи.

Примите и пр.

Извольский.

№ 742. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 36. 8 апреля/26 марта 1912 г.

В Консульте получили сведения из Берлина, что Ассим-бей выразил Маршаллу пожелания, чтобы державы предприняли свое выступление в Константинополе лишь после открытия парламента [1]. Такая отсрочка позволила бы турецкому правительству притти к известному соглашению с лидерами парламентских партий относительно ответа. В Консульте сохраняют полную внешнюю сдержанность. Но, под впечатлением высказанных вами Торретта [2] опасений возможного отрицательного отношения Порты к делу, полагают, что если бы турецкое министерство иностранных дел обратилось к вам с той же просьбой, что и к Маршаллу, и вы пожелали бы дать ваше согласие на просимую отсрочку выступления, то, быть может, это могло бы послужить удобным случаем выяснить намерения Порты и вместе с тем связать ее обещанием, что содержание ответа ее не будет носить такого характера, который исключал бы возможность вашей дальнейшей деятельности по посредничеству.

Долгорукий.

№ 743. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Депеша № 10. 9 апреля/27 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Позволяю себе приложить к настоящей депеше, в вырезке, передовую статью газеты «Tribuna» от 1 апреля/19 марта текущего года под заглавием «L'Italia e la Russia» [3], наглядно свидетельствующую о том повороте общественного мнения и печати в пользу России, который наблюдается за последнее время в Италии и о котором я имел случай уже несколько раз доносить вашему высокопревосходительству [4].

Автором этой статьи является профессор Туринского университета Guglielmo Ferrero, лицо во всех отношениях просвещенное, культурное и весьма либерального направления. Его способности быстро создали ему почетное место среди коллег и в особенности здешнего общества и снискали ему расположение короля, неоднократно видающегося с профессором философии истории. Соответствующую кафедру ему предполагали предоставить в Риме, к сожалению, безуспешно, ввиду противодействия здешних профессоров.

Беседа, которую я имел с маркизом ди Сан-Джулиано, дает мне основание полагать, что сказанная статья была внушена Ферреро самим министром иностранных дел. При этом маркиз добавил, что если мы желали бы воспользоваться итальянской печатью для правильного (он сказал «желательного для России») освещения интересующих нас вопросов, то он всегда готов содействовать появлению в находящихся в его распоряжении газетах статей соответственного содержания; такие статьи были бы засим воспроизведены при помощи агентства Stefani на столбцах европейской печати. В частности, ему казался стоящим на очереди

---

[1] Ср. стр. 384, прим. 2.

[2] Итал. поверенный в делах в Петербурге.

[3] В статье автор указывал, что со времени итало-турец. войны в итал. общественном мнении произошел резкий поворот в пользу России. «Сразу и не без некоторого изумления, — говорилось в статье, — общество узнало, что из всех великих европейских держав Россия находится в особом положении по отношению к Турции», так как Россия не связана с Турцией значительными финансовыми интересами.

[4] См. №№ 50 и 615.

урмийский вопрос, в Италии почти никому не известный. Если бы ваше высокопревосходительство разделили мнение итальянского министра иностранных дел, то, быть может, вы найдете возможным приказать доставить посольству соответствующий материал, который мог бы быть использован в вышеуказанном порядке.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 744. Посол в Риме министру иностранных дел.

№ Письмо. 9 апреля/27 марта 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Перед самым отправлением курьера я посетил Консульту, где мне доверительно показали корреспонденцию из Филиппополя, адресованную газете «Tribuna» ее корреспондентом г. Тедески. Последний, как меня уверили, имеет обширные связи, и сообщаемые им сведения всегда заслуживают доверия. Корреспонденцию эту в Консульте не нашли возможным разрешить к печатанию. В ней проводилась параллель между характером деятельности гофмейстера Чарыкова и барона Маршалла. Оба дипломата, по мнению г. Тедески, грешили чрезмерным преклонением перед партией «Единения и прогресса». Выступления нашего посла были, будто бы, вызваны идеалистическими стремлениями; поступки же германского представителя преследовали строго практические цели — обеспечить за германской торгово-промышленной деятельностью турецкие рынки. Маршалл достиг намеченной им цели путем ряда уступок младотуркам в области как внешней германской политики, так и в области внутренней жизни Турции. Между тем партия «Единение и прогресс» восстановила против себя не только военный элемент, но и всю страну. При таком стечении обстоятельств партия опасается, что она окажется вынужденной сделать Германии уступки, которые еще более подорвали бы ее положение, и обращает свои вожделения в сторону Англии. Подтверждением этого является, по мнению г. Тедески, статья в газете «Хакк», принадлежащая Сулейман-Назифу, бывшему трапезундскому губернатору и видному члену партии. Статья эта дает резкую отповедь Германии и всему немецкому, не исключая и самого императора Вильгельма. Когда Маршалл явился к Ассим-бею с жалобой на неуместный тон статьи, вызвавший негодование общественного мнения в Германии, то министр ответил ему, что статья отражает мнение лишь ее автора и никакого значения не имеет. Ответ этот напоминает слова Рифаат-паши, обращенные к майору де Планш[1], когда последний еще задолго до войны высказывал сетования на недопустимый тон турецкой печати по адресу Италии. Барон Маршалл, будто бы, заявил тогда, что появление таких статей сделает невозможным не только его дальнейшее сотрудничество с партией, но и самое его пребывание на берегах Босфора.

Тедески заканчивает статью ссылкой на слышанные им заявления членов германского посольства в Турции, что отставка посла, несколько лет тому назад с трудом избегнувшего опалы императора, неминуема.

Прибывший сюда из Туниса профессор арабского языка в Падуанском университете сообщил Консульте, что существовавшее там антиитальянское движение несколько утихло после решительных мер, принятых французским правительством. По мнению профессора, движение это однако не было направлено против итальянцев. в частности, а носило крайне мусульманский националистический оттенок и было вызвано столько же ненавистью к иноверцам, сколько и возмущением младотурками, которых обвиняют в интернационализме. Тем не менее сказанный профессор не допускает возможности возникновения в ближайшем будущем общего согласованного панисламистического движения.

Из частного, но заслуживающего полного доверия источника узнал, что кандидатом в преемники главнокомандующего итальянскими морскими силами после

[1] Итальянский посол в Константинополе в 1910—1911 г.г.

кончины адмирала Обри был намечен морским министром герцог Абруццкий. Кандидатура этого из ряда выходящего по своим дарованиям адмирала потерпела крушение в совете министров вследствие настойчивого противодействия маркиза ди Сан-Джулиано. Министр опасался навлечь на себя неудовольствие Австро-Венгрии выбором принца, против которого союзники Италии так восстановлены.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 745. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

·/. Письмо. 9 апреля/27 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях я имел интересную беседу с здешним французским посланником, изложившим мне, на основании своих наблюдений, свой взгляд на отношения, существующие, по его мнению, между Швецией и Германией.

Г. Тьебо готов верить заверениям шведского правительства, категорически и неоднократно заявлявшего о несуществовании особого письменного соглашения между двумя правительствами, но он более чем уверен, что отношения между ними регулируются не одними беседами двух монархов; он убежден, что генеральные сухопутные и морские штабы обоих государств находятся в постоянном общении и что образ действий их, на случай военных осложнений, заранее выработан и определен.

Как вашему высокопревосходительству известно, при предыдущем правительстве была решена риксдагом постройка броненосца, так называемого типа «F». По своему водоизмещению это судно слишком велико для шведских вод, но, вместе с тем, слишком мало для войны в открытом море.

Г. Тьебо видит в нем тот тип судна, который, в случае войны, может быть полезен Германии для службы в Датских проливах в целях помешать английскому или французскому флоту пройти в Балтийское море. Очень вероятно, что постройка этого судна предпринята по настоянию Германии, которая сумела затронуть слабую сторону шведов, указав им на то, что при известных условиях Швеция может считаться по отношению к своей могущественной соседке «allianzfähig». Г. Тьебо думает, что, когда будет построен первый броненосец вышеуказанного типа, начнется агитация в пользу постройки следующего и т. д. до доведения эскадры до числа судов, которое будет считаться Германией достаточным для обеспечения ее интересов. Этого же мнения относительно броненосца типа «F» держится и наш морской агент, о чем он доносит сегодня своему начальству.

Затем г. Тьебо указал на постоянное присутствие на одном из судов германского флота шведского морского офицера, отметив, что подобной любезности Германия не оказывала никогда никому, и что она может служить лишь новым подтверждением его основной мысли о существовании соглашения между морскими генеральными штабами двух держав. Сведения эти о шведском офицере совпадают с имеющимися в императорской миссии и о которых, как вашему высокопревосходительству угодно будет припомнить, подробно доносил статский советник Мясоедов [1 августа] 19 минувшего июля за № 13 [1].

Далее мой собеседник, в своем качестве представителя дружественной и союзной с Россией державы, дорожил передать мне разговор, который, вскоре после его приезда в Стокгольм, был у него с шведским министром иностранных дел по поводу Аландских островов. Из дальнейшей беседы я увидел, что г. Тьебо перед отъездом своим на теперешний пост был поставлен своим правительством до некоторой степени в известность о происходивших в 1907 г. и позже переговорах наших об Аландских островах. Когда речь как-то зашла об этом вопросе и о

[1] В деп. от 1 авг./19 июля 1911 г. за № 13 Мясоедов сообщал Нератову о прикомандировании к герм. флоту на один год офицера швед. морск. ген. штаба капитана Класа Олефа Линдстрема, что, по словам англ. посланника в Швеции, служит «лучшим доказательством единения обоих флотов».

возбуждавшемся в 1907 г. желаний России освободиться от сервитута, тяготеющего на этих островах с 1856 г., министр иностранных дел сказал г. Тьебо, что мысль иметь укрепленный русский пункт в трех часах от столицы настолько невыносима для шведов, что, если бы Россия продолжала на этом настаивать, то этого было бы достаточно, чтобы бросить Швецию в объятия «всякой другой державы».

На этом кончился мой разговор с французским посланником, которого я поблагодарил за данное мне доказательство дружбы и расположения.

Если первая часть сказанного им верна, а сомневаться хотя в некоторой справедливости его слов относительно тяготения Швеции к Германии трудно, то наша задача — стараться обратить взоры Швеции вместо запада на восток — становится еще более настоятельной.

Примите и пр. А. Савинский.

№ 746. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 643. 10 апреля/28 марта 1912 г.

Телеграмма за № 287 получена [1].

Главный казначей.

Сохранение за Морнаром его прав безусловно необходимо для правильной постановки финансов в Персии. С другой стороны, желательно однако, чтобы он всячески избегал всего, что могло бы обострить его отношения с кабинетом и довести их до того положения, которое создалось при Шустере. Благоволите попрежнему поддерживать Морнара, но вместе с тем своевременными советами, по возможности, предупреждать возникновение между ним и министрами излишних трений.

Сазонов.

№ 747. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 10 апреля/28 марта 1912 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Если я правильно понимаю ваше весьма секретное письмо от [4 апреля] 22 марта за № 177 [2], сообщение, сделанное мне г. Пуанкаре по вопросам, затронутым в памятной записке, переданной вами г. Жоржу Луи, произвело на вас не вполне благоприятное впечатление, и вы приходите к заключению, что в настоящее время нам следует ограничиться лишь общим обещанием, при всякой случайности на Балканах, прежде всего сообщить друг другу взгляд свой на происшедшее событие и приложить все усилия ко взаимному согласованию своего образа действий; к более подробной разработке всех могущих представиться обстоятельств вы считаете возможным приступить лишь в том случае, если бы мы получили ручательство, что французское правительство безусловно готово стать на нашу точку зрения при оценке обсуждаемых возможностей.

Позволяю себе высказать с полной откровенностью, что подобный вывод представляется мне слишком пессимистическим и вряд ли оправдывается истинными намерениями французского правительства.

Если, с одной стороны, я признаю, что выслушанные мной заявления французского правительства отличаются некоторой сухостью, то с другой я не могу не отметить полной определенности, с которой г. Пуанкаре заверил и продолжает

---

[1] Тел. от 9 апр./27 марта за № 287 Поклевский сообщал Сазонову, что «вследствие постоянных попыток министра финансов уменьшить в свою пользу права главного казначея, Морнар обратился в совет министров с письмом, указывая на необходимость сохранения его прав, если персидское правительство действительно желает вывести страну из ее критического финансового положения».

[2] См. № 729.

заверять меня о готовности Франции действовать во всех затронутых вопросах в полном согласии с нами; при этом мне кажется, что, признавая трудность провести различие между вопросами, входящими в область русско-французского союзного договора, и обстоятельствами местного ближневосточного характера, г. Пуанкаре не только не обесценивает выраженную им готовность, а, наоборот, подчеркивает, что различие это не имеет практического значения и что на самом деле он вполне понимает, что при существующей европейской конъюнктуре, всякий подобный местный вопрос может привести Францию к выполнению своих союзнических обязательств. Не отрицая трудности определенно оформить все могущие произойти события, я остаюсь при убеждении, что было бы весьма полезно продолжать начатый обмен мыслей и постараться установить общую точку зрения на важнейшие из этих событий. Не далее как сегодня г. Пуанкаре, высказав мне свою радость по поводу нашего принципиального согласия на участие в китайском займе [1], прибавил, что если он так настаивал на этом участии, то главным образом вследствие убеждения в необходимости для России и Франции действовать вполне солидарно не только в узких рамках русско-французского союзного договора, но и в широкой области общемировой политики; критерий этот, сказал он, должен быть применяем как на Дальнем, так и на Ближнем Востоке, и поэтому он с нетерпением ожидает результата просьбы, с которой должен был обратиться к вам Жорж Луи относительно более подробного формулирования намеченных в вашей памятной записке пунктов. При этом я мог убедиться, что заявлениям своим г. Пуанкаре придает вполне конкретный смысл: когда, по ходу разговора о болгарско-сербском соглашении, я коснулся возможности нового активного выступления Австро-Венгрии на Балканах, например, вторичного занятия Санджака, он с живостью спросил меня, как отнесется к подобному событию Россия и что она предполагает сделать в таком случае? Не получив от меня точного ответа на этот вопрос, г. Пуанкаре высказал, что указанная мною случайность, как наиболее вероятная и правдоподобная, должна быть заранее обсуждена и предусмотрена, дабы она не застигла нас врасплох.

Вообще, чем ближе я знакомлюсь с г. Пуанкаре, тем более убеждаюсь, что, несмотря на угловатость форм и малую опытность в области чистой дипломатии, он обладает большими качествами, к которым я прежде всего отношу необыкновенную деловитость и решительность; этими качествами, мне думается, необходимо пользоваться; в данном случае, если вы предвидите, что надвигающиеся на Балканском полуострове события могут потребовать от нас определенных решений или действий, то было бы в высшей степени желательно заранее предупредить об этом г. Пуанкаре и выяснить его отношение к намечаемым нами случайностям.

Примите и пр. Извольский.

Вообще, чем яснее политика, тем лучше и для себя и для других.

Ливадия, [26] 13 апреля 1912 г.

№ 748. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо. 10 апреля/28 марта 1912 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Получив секретную телеграмму вашу от [30] 17 марта за № 580 [2], я счел необходимым как можно скорее воспользоваться вашим разрешением поставить, весьма доверительным образом, г. Пуанкаре в известность о заключенном между Болгарией и Сербией, с нашего ведома, тайном договоре. Спешность эта вызывалась тем соображением, что, при наличности тесных дипломатических отношений между парижским и лондонским кабинетами, известие о сказанном дого-

[1] См. № 733.
[2] См. № 708.

воре могло быть сперва сообщено сюда из Лондона, что неминуемо вызвало бы в уме г. Пуанкаре подозрительность по отношению к нам. Г. Пуанкаре отнесся к моему сообщению с живейшим интересом и сразу оценил первостепенную политическую важность состоявшегося между обоими главными балканскими государствами соглашения. Усматривая в этом соглашении весьма отрадный для держав Тройственного согласия факт, он выразил лишь некоторое удивление, что болгарское правительство не сообщило о нем непосредственно французскому представителю в Софии, к которому оно столько раз за последнее время обращалось с просьбой об устройстве на французском рынке займа и от которого оно неизменно получало ответ, что вопрос этот может быть разрешен лишь после того, как Болгария даст категорическое уверение, что она вошла в орбиту политики держав Тройственного согласия [1]. Я ответил г. Пуанкаре, что если болгарское правительство сообщило ему о состоявшемся соглашении не прямо, а через наше посредство, то это объясняется, во-первых, в высшей степени секретным характером сказанного акта, а, во-вторых, вероятно, желанием придать соглашению в глазах французского правительства особую силу и значение. Я воспользовался этим, чтобы самым серьезным образом обратить внимание г. Пуанкаре на необходимость сохранить настоящее дело в строжайшей тайне, ибо разглашение его могло бы вызвать весьма опасные последствия. Австро-Венгрия, сказал я, всегда с большой подозрительностью относилась ко всяким попыткам сближения между балканскими государствами; достаточно вспомнить судьбу проектированного несколько лет тому назад сербско-болгарского таможенного соглашения; если ныне ей сделается известным о политическом договоре между этими двумя государствами, хотя бы и чисто оборонительного характера, следует опасаться, что это может побудить австро-венгерское правительство к более активной политике на Балканском полуострове, например к новому занятию, под тем или иным предлогом, Новобазарского санджака.

Г. Пуанкаре обещал мне держать мое сообщение в абсолютном секрете. Поэтому, по получении телеграммы вашей от [6 апреля] 24 марта за № 630 [2] я не преминул поставить ему на вид, сколь неосторожно было с его стороны передать по телеграфу г. Жоржу Луи крайне доверительное сообщение, сделанное ему для личного его осведомления. Г. Пуанкаре ответил мне, что он совершенно уверен в надежности своего шифра и в осторожности французского посла в С.-Петербурге. Вполне признавая всю важность сохранения сербско-болгарского соглашения в абсолютной тайне, он высказал мне, что опасность его разглашения, хотя и не по вине французского правительства, несомненно существует; прежде всего, по его мнению, вряд ли следует вполне полагаться на искренность короля Фердинанда, который может, при известных обстоятельствах, сам довести о нем до сведения Австро-Венгрии, чтобы выслужиться перед Веной: в балканских столицах политические тайны весьма трудно сохраняются, и, по сведениям из Софии, среди тамошнего дипломатического корпуса уже ходят слухи о сербско-болгарском соглашении, а наш посланник сам, хотя и не вполне определенно, дал понять французскому представителю о его заключении, о чем г. де Панафье немедленно донес сюда по телеграфу. Далее г. Пуанкаре высказал мне, что если настоящее соглашение приведет к возобновлению переговоров о болгарском займе, для успеха этой операции необходимо будет, в той или другой форме, ознакомить французские финансовые сферы и французскую публику с новым курсом болгарской политики. Это, конечно, следует сделать по взаимному уговору и в наиболее осторожной форме, например, вовсе не упоминая ни о Сербии, ни о России, а лишь о гарантиях, полученных Францией в том, что отныне Болгария будет следовать внушаемому ей державами Тройственного согласия миролюбивому направлению.

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] См. № 731
[2] См. № 734.

P. S. В подтверждение слов г. Пуанкаре, что опасность разглашения сербско-болгарского договора грозит не только со стороны Франции, считаю долгом присовокупить, что я только-что мог убедиться, что об этом договоре подробно осведомлен здешний болгарский посланник г. Станчов, доверенный человек короля Фердинанда, ездивший недавно для свидания с ним в Вену и вообще употребляемый им на различные тайные поручения.

Ut in litteris Извольский.

№ 749. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 10 апреля/28 марта 1912 г.

Très secrète.

Monsieur le Ministre,

N'étant arrivé ce matin que pour 24 heures à Vienne, après une absence de plusieurs semaines, son altesse impériale et royale l'archiduc François-Ferdinand a tenu à me recevoir aujourd'hui même.

Très sensible aux paroles d'amitié que j'avais reçu ordre de lui transmettre de la part de mon auguste maître, l'archiduc héritier m'a prié de faire parvenir à sa majesté l'expression de sa profonde gratitude. «Je tiens à ce que votre souverain sache que mes sentiments d'attachement pour sa personne et la Russie sont ceux de feu mon père, je voudrais qu'on n'en doute pas plus qu'on ne pouvait douter de lui. Je suis partisan, comme lui, de relations intimes avec la Russie, ma politique c'est le rapprochement des trois grands empires. La Triple Alliance c'est bel et bien, mais l'Italie demeurera toujours l'ennemi de l'Autriche, elle nous causera toujours des ennuis, cette guerre avec la Turquie est stupide et personne ne sait comment tout cela finira. J'ai toujours peur que l'Italie ne se décide à une action de folie, dans l'espoir de forcer la Turquie à céder elle se ruinera et ne vaincra pas la Turquie. J'ai été très inquiet en lisant dans les journaux que vous avez conclu une entente avec l'Italie au sujet des Balkans, j'espère que la nouvelle est inexacte».

Je tiens à réproduire textuellement en français les paroles de l'archiduc héritier, car elles sont caractéristiques et tout à fait inusitées au point de vue diplomatique.

J'ai répondu qu'une entente spéciale avec l'Italie pour le maintien du «status quo» dans les Balkans n'était nullement nécessaire, puisque l'accord est établi sur cette base entre toutes les Grandes Puissances, donc cette nouvelle à sensation est fausse.

Le reste de la conversation a roulé sur les questions privées.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

Перевод.

Весьма секретное.

Г. министр,

Его императорское и королевское высочество эрцгерцог Франц-Фердинанд, приехав сегодня утром в Вену всего лишь на 24 часа после нескольких недель отсутствия, пожелал принять меня в тот же день.

Весьма тронутый дружественными словами, которые мне было приказано передать ему от имени моего августейшего повелителя, наследный эрцгерцог просил меня передать его величеству выражение его глубокой благодарности. «Я хочу, чтобы ваш монарх знал, что мои чувства привязанности к его особе и к России — те же, что и у моего покойного отца, я хотел бы, чтобы в этом не сомневались так же, как нельзя было сомневаться относительно него. Я, как и он, являюсь сторонником дружеских отношений с Россией, моя политика, это — сближение трех великих империй. Тройственный союз — это, конечно, хорошо, но Италия всегда останется врагом Австрии, — она всегда будет причинять нам неприятности, эта война с Турцией бессмысленна и никто не знает, как все это кончится. Я все время боюсь, как бы Италия не решилась на безумный шаг; в надежде принудить Турцию к уступкам, она погубит себя и не сможет победить Турцию. Я был очень обеспокоен, читая в газетах, что вы заключили соглашение с Италией относительно Балкан; надеюсь, что это известие неточно».

Я воспроизвожу текстуально по-французски слова наследного эрцгерцога, так как они характерны и совершенно необычны с дипломатической точки зрения.

Я ответил, что специальное соглашение с Италией о сохранении status quo на Балканах совсем не является необходимым, так как на этой основе установлено соглашение между всеми великими державами, следовательно это сенсационное известие ложно.

Остальной разговор вращался вокруг частных вопросов.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 750. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 11 апреля/29 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Из письма вашего я вижу, что вы все более и более недовольны Жоржем Луи и его способом передавать сюда делаемые ему сообщения [2]. Неудовольствие ваше мне кажется вполне основательным и, по моему мнению, нынешний образ сношений с французским правительством неминуемо должен повести к серьезным неудобствам и недоразумениям. Я, конечно, приложу все старания к тому, чтобы внушить г. Пуанкаре желательность замены его более подходящим лицом. Но отозвание посла — дело весьма деликатное и затруднительное, в особенности здесь, где вокруг подобных крупных перемещений всегда разыгрываются различные политические интриги. Вы помните, каких усилий стоило сместить Бомпара [3], за которым были гораздо более крупные грехи, нежели за Луи. Удаление его, увы, не привело к более удачному выбору, и вряд ли и теперь можно рассчитывать, что заместителем Луи явится вполне подходящая личность. Сейчас готового и, так сказать, бесспорного кандидата на петербургский пост не имеется, и следует опасаться, что как только зайдет речь об этой ваканции, влиятельные политические группы сейчас же начнут выдвигать своих ставленников. Ибо чем важнее дипломатический пост, тем менее шансов, что он достанется карьерному дипломату и тем вероятнее назначение либо бюрократа вроде Луи, либо политического деятеля. Мне кажется поэтому, что с настоящим делом лучше не торопиться, а скорее высмотреть вполне пригодного кандидата и затем воспользоваться первым удобным случаем для его проведения. Покуда же позволяю себе высказать, что можно было бы с пользой принять следующие меры: 1) по возможности избегать в сношениях с Жоржем Луи устных сообщений, а когда эти сообщения необходимы, подкреплять их письменными памятными записками и 2) несколько строже придерживаться общего правила, в силу коего французские сообщения нам (даже оглашенные) должны делаться в Петербурге, а наши французам — в Париже. Это правило в прежние времена применялось более систематически, и в мое время оно обыкновенно соблюдалось в сношениях, например, с венским кабинетом. Приведу вам, в пояснение моей мысли, следующий пример: когда я прочел Пуанкаре текст вашего последнего предложения касательно медиации [4], он сказал мне, что предложение это уже известно ему от Жоржа Луи, но без заключительной его части, и что он уже дал на него в этой форме свое согласие через того же Луи. Весьма вероятно, что передавая сюда ваши сообщения, Луи снабжает их своими комментариями и, может быть, даже подсказывает ответы. Было бы выгоднее, по моему мнению, чтобы эти сообщения достигали Пуанкаре через мое посредство и подкреплялись нашими собственными аргументами.

Пуанкаре все еще не получил переданной вами Жоржу Луи записки с принципиальным согласием на участие в китайском займе [5]. Он очень радуется этому исходу, который и мне представляется наиболее благоразумным, ибо это — единственный способ сохранить наблюдение и контроль над употреблением денег, ссужаемых Китаю. Пуанкаре признает, что в предыдущем фазисе вопроса консорциуму банкиров была предоставлена слишком широкая свобода действий и что мы имели полное основание быть недовольными руководящей ролью, при-

[1] Опубл. М., стр. 178.
[2] Соответствующее письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[3] Бомпар был отозван из Петербурга в 1908 году.
[4] См. № 709.
[5] См. № 735.

своенной себе в этом консорциуме американцами. Он обещает более внимательно следить за этим делом и уверен, что при содействии Франции и ее и наших друзей мы будем лучше в состоянии обеспечить наши интересы, нежели оставаясь в стороне. Оценивая действия французского правительства в настоящем вопросе, не следует забывать, что оно далеко не всесильно по отношению к банкам и что, хотя оно и обладает весьма действительным средством давления на них — разрешением котировки, на практике не банки находятся в руках правительства, а весьма часто, наоборот, правительство, в силу здешних политических условий, подчиняется финансистам. В этом отношении нахождение у власти г. Пуанкаре для нас безусловно выгодно, ибо он гораздо независимее и тверже в этих делах, нежели его предшественники; но и от него не следует требовать невозможного, как, например, приказания французским банкам выйти из консорциума, с которым связаны их насущные материальные интересы.

Говоря о займах, не могу не предвидеть, что практическое осуществление болгарского займа встретит большие трудности. С этой точки зрения учреждение Балканского банка было со стороны болгарского правительства крупной неосторожностью. Сам по себе он не способен совершить здесь крупной операции, а участие его сразу отталкивает крупные кредитные учреждения. Не знаю, правда ли, что Балканский банк составлялся при непосредственном участии Неклюдова. Если это так, то он оказал плохую услугу болгарскому правительству, а, может быть, и нам, ибо в этом банке участвует и наш Международный банк, который таким образом окажется в неравной борьбе с такими силами, как «Banque de Paris et des Pays Bas», «Société Générale» и т. д.

По поводу марокканских дел не скрою от вас, что назначение Коростовца[1] произвело здесь, как я предвидел, большой переполох. Пуанкаре сказал мне, что договор о протекторате[2] будет представлен на утверждение палат тотчас по окончании пасхальных вакаций и что он надеется, что он вступит в силу нынешней же весной. Он рассчитывает поэтому, что вы не забудете вашего обещания не посылать Коростовца в Танжер, что могло бы вызвать крайне неприятные толки и комментарии. Имея в виду предстоящую интернационализацию Танжера[3], мне кажется, что следовало бы заранее обсудить штаты будущего нашего консульского представителя в этом городе и наметить подходящее лицо, которому придется участвовать в вышесказанном международном управлении. Это довольно сложная задача, требующая от ее исполнителя некоторого предварительного знакомства с местными условиями. Со своей стороны, я мог бы указать на князя Гагарина, бывшего секретарем в Танжере. Не знаю, пойдет ли он на эту должность, но мне кажется, что он с ней справился бы. У него очень милая, но больная жена, для которой марокканский климат мог бы заменить итальянский (она сейчас в Генуе).

Простите за слишком длинное письмо. Сердечно преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 751. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо[4]. 11 апреля/29 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Франко-испанские переговоры о Марокко все еще не закончены. Главное затруднение в настоящую минуту составляет вопрос о разграничении французской и испанской сфер к северу и востоку от Феца. Спор идет о принадлежности долины Уэрга и местности вокруг Тацца. Французское правительство настаивает на создании вокруг Феца достаточно широкой французской зоны и с этой целью

[1] См. стр. 278, прим. 2.
[2] См. № 741.
[3] См. № 751.
[4] Опубл. М., стр. 177.

требует перенесения границы до линии водораздела, что соответствует тексту соглашения 1904 года, но противоречит приложенной к этому соглашению и, повидимому, ошибочно составленной карте. Здесь уверяют, что упорство Испании вытекает не из материальных интересов, а лишь из чувства самолюбия, ибо спорные местности до сих пор не были в руках испанцев и никогда не могут быть действительно ими заняты. Для Франции же сказанная зона абсолютно необходима, чтобы правильно организовать военную защиту Феца против беспокойных племен и обеспечить сообщение с морем и алжирской границей. Сегодня испанский министр иностранных дел должен передать французскому послу в Мадриде ответ на последние французские предложения [1]; г. Пуанкаре надеется, что этот ответ будет более благоразумен и если и не окажется вполне благоприятным все же несколько подвинет дело к окончательному разрешению.

Одновременно с вышеупомянутыми переговорами происходит обмен мыслей между Францией, Англией и Испанией по вопросу об устройстве управления г. Танжером на основании интернационализации. Г. Пуанкаре сообщил мне об этом деле следующие сведения: по просьбе английского правительства французское министерство иностранных дел выработало проект сказанного управления и сообщило его лондонскому кабинету; проект этот встретил некоторые возражения со стороны англичан, которые нашли, что в нем не был с достаточной полностью проведен вышесказанный принцип интернационализации. Ныне проект еще раз рассматривается французским правительством и, как только по этому поводу состоится окончательное соглашение с Англией, он будет сообщен сперва испанскому правительству, а затем всем державам, подписавшим Алжесирасский акт, которые также должны будут о нем высказаться; г. Пуанкаре сказал мне, что в интернационализации Танжера главным образом заинтересована Англия; он ожидает упорного сопротивления проекту со стороны Испании, но считает, что забота об устранении испанских возражений должна в особенности лежать на лондонском кабинете.

Здешний испанский посол дал мне несколько иную версию настоящего дела. По его словам, Франция сама проявляет весьма мало склонности к учреждению в Танжере международного управления и была бы готова передать это управление Испании, если бы последняя согласилась на соответственное расширение территориальных уступок Франции в пределах Марокко. Г. Перес Кабальеро сказал мне доверительным образом, что г. Пуанкаре зондировал его на этот счет, указав ему, как на приемлемую для Франции компенсацию, на уступку местности и порта вблизи алжирской границы, известных под именем «Cap de l'eau». По мнению испанского посла, его правительство сознает опасности и затруднения, могущие проистечь для Испании от передачи ей управления Танжером, и ни в каком случае не пойдет на уступку «Cap de l'eau», который является единственным удобным портом на северном побережье Марокко, и, в случае перехода его во французские руки, в короткий срок перетянет всю международную торговлю от Танжера.

Примите и пр. Извольский.

№ 752. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 11 апреля/29 марта 1912 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие секретных телеграмм ваших от [6 апреля] 24 марта за №№ 626 и 627 [2], я не преминул вызвать г. Пуанкаре на разговор о болгарском займе. Сообщив ему содержание телеграммы д. с. с. Неклюдова [3] по этому вопросу, я присовокупил, что ввиду мотивировки ходатайства болгарского правительства,

---

[1] См. № 533.
[2] См. стр. 376, прим. 3.
[3] Имеется ввиду тел. Урусова от 4 апреля/22 марта за № 33 (см. № 731).

высказываемого этим правительством намерения тяготеть к Тройственному согласию, а также опасения возможности вторичного обращения Болгарии в Вену, в случае неудовлетворения в Париже, мне предписано оказать сказанному ходатайству зависящую от меня поддержку.

Г. Пуанкаре поспешил ответить мне, что ныне, после заключения с нашего ведома сербско-болгарского договора, дающего России, а, следовательно, и ее союзнице, средство влиять на политику этой державы, — со стороны Франции не может быть никаких возражений политического свойства против заключения на парижском рынке предположенного болгарского займа. Об этом решении он не преминет сообщить своему коллеге, министру финансов, которому останется лишь рассмотреть этот вопрос с чисто-финансовой точки зрения.

По ходу дальнейшего разговора г. Пуанкаре, хорошо знакомый с вопросом о болгарских займах, которыми ему пришлось заниматься в бытность свою министром финансов, высказал мне, что намечаемый ныне новый заем, хотя и не встретит политических препятствий, натолкнется вероятно на серьезные практические трудности: болгарское правительство, как известно, не допускает мысли о специальных гарантиях займа и о каком-либо контроле, хотя бы и замаскированном; между тем кредит Болгарии не достаточно еще окреп, и доверие к ее политике не настолько еще твердо, чтобы можно было совершенно отказаться от сказанных гарантий и контроля. Надо считаться также с возможностью и некоторых других затруднений чисто банковского свойства; заем в 160 или 170 млн. фр. вряд ли может быть осуществлен на парижском рынке без содействия крупных кредитных учреждений, во главе которых стоят «Banque de Paris et des Pays Bas», «Société Générale», «Comptoir d'Escompte» и другие, с которыми до сих пор всегда имела дело Болгария; ныне болгарское правительство, повидимому, завязало сношения с другой группой банков, при посредстве коих был учрежден недавно Балканский банк и которой руководят г. Думер и небезызвестный у нас г. Лост [1]. Обе названные группы находятся между собой в непримиримой вражде, а если справедливо, что болгарское правительство связало себя со второй, первая и наиболее сильная группа вряд ли окажет ему свое содействие [2].

Примите и пр. Извольский.

№ 753. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 11 апреля/29 марта 1912 г.
Весьма доверительно.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Из предыдущих моих доверительных писем вашему высокопревосходительству хорошо известны мои дружеские отношения с моим итальянским коллегой, который поверяет мне содержание всех циркулярных сообщений своего правительства, относящихся до Ближнего Востока и войны с Турцией.

Должен отметить, что С.-Джулиано не упускает ни одного случая, чтобы не выразить глубокую благодарность королевского правительства за все ваши старания найти солидную почву для посредничества и прекращения войны.

Герцог Аварна доверил мне также, что Австрия относится с большим недоверием к дружеским отношениям Италии к России, предполагая, что между этими державами существует какое-либо тайное соглашение по балканским вопросам. «Если бы Эренталь был бы еще жив, — добавил Аварна, — он, со свойственной ему резкостью, спросил бы прямо меня, не направлено ли это соглашение против Австро-Венгрии и не результат ли это бесед в Раккониджи, но граф Берхтольд не решается заговорить об этом, хотя он не скрывает свою оза-

[1] См. №№ 389 и 750.

[2] Тел. от 16/3 апр. за № 34 (опубл. Siebert, II, S. 348, № 592) Урусов передавал Савонову: «Французский посланник сообщил Гешову, что его правительство изъявляет принципиальное согласие на заключение Болгарией в Париже предполагаемого займа. Переговоры о размерах займа и детальных условиях его начнутся теперь же».

боченность. Я ответил бы, что Италия свободна действовать самостоятельно по всем вопросам, которые не включены в договоре Тройственного союза».

В частном разговоре со мной третьего дня, как бы случайно, граф Берхтольд спросил меня, почему «Новое время» так утвердительно говорит, что между Россией и Италией велись переговоры по балканским вопросам и привели даже к полному соглашению [1]. Я ответил, что и австрийские газеты много писали об этом. «Новое время» должно было впрочем опровергнуть это известие, так как из вполне компетентного источника газета узнала, что в настоящее время существует между всеми державами, а не только между Россией и Италией, полное сходство взглядов, основанное на сохранении status quo на Балканах.

Это недоверие и озабоченность Ball-Platz имеют, конечно, влияние на наши отношения, и враждебный нам элемент в Двуединой монархии старается помешать всякому сближению Австрии с Россией. Хотя личные чувства графа Берхтольда скорее дружелюбны по отношению к России, все же на деле всегда возможно, что он поступится ими. В противоположность своему предшественнику, Берхтольд будет всегда искать указаний в Берлине по всем политическим вопросам. Доказательством тому может служить факт, что граф Берхтольд не решился дать сейчас же свое согласие для снабжения австро-венгерского посла в Константинополе необходимыми инструкциями для совместного действия послов пяти великих держав. Он сообщил мне только на следующий день, успев снестись по телеграфу, согласие венского кабинета на ваше предложение [2]. Между тем уже две недели тому назад граф Берхтольд заявил мне, что он без колебания присоединится к совместному шагу в Константинополе, если он должен исполниться в той же дружеской форме, как и по отношению Италии. Берхтольд стал сдержан и недоверчив.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 754. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

№ Телеграмма № 356. 11 апреля/29 марта 1912 г.

Бельгийский заем.

В дополнение коллективного протеста четырех держав [3], английский посланник предъявил отдельный протест против обеспечения займа Пекин-Калганской железной дорогой, так как эта линия, согласно обмену нот между английской миссией и князем Цином, состоявшемуся 31 июля 1902 года по новому стилю, не может быть заложена иностранцам. Идентичная нота была получена Лессаром и доложена в Петербург при донесении от [6 августа] 24 июля 1902 года. Подробности сообщены в департамент при отношении [17] 4 октября 1904 года, № 431.

Щекин.

№ 755. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петербурге Мотоно.

№ 302 [4]. 12 апреля/30 марта 1912 г.

Par un aide-mémoire daté du 7 mars/23 février 1912 [5], l'ambassade du Japon a bien voulu faire savoir au ministère des affaires étrangères de Russie que le gouvernement japonais était décidé à prendre part à l'emprunt chinois projeté par le

[1] Газета «Новое время» 2 апр./20 марта, № 12939, поместила тел. из Рима об обширной статье в «Tribuna», посвященной сближению России и Италии. В номере от 4 апр./22 марта, 12941, имелась передовая, посвященная этому вопросу.

[2] См. № 739 и прим. 2 к нему.

[3] См. № 688.

[4] Опубл. М., стр. 550.

[5] См. стр. 240, прим. 3.

consortium des quatre Puissances, et qu'il désirait que la Russie prit la même décision.

Le gouvernement russe, qui avait été également invité à prendre part aux avances, faites par le consortium à la Chine à valoir sur un emprunt futur, a éprouvé certaine hésitation à accepter cette invitation, tant par suite de l'hostilité aux intérêts russes dont le consortium avait fait preuve dans son activité antérieure qu'en vue de l'absence de données plus ou moins précises sur le caractère et les conditions dudit emprunt. Le ministre des affaires étrangères de Russie n'a pas manqué de faire part de ses doutes à ce sujet à l'ambassadeur du Japon au cours des entretiens qu'il a eus avec son excellence.

Toutefois désirant maintenir le principe de la solidarité des Puissances vis-à-vis du nouveau gouvernement chinois, et voulant aller, autant que c'était compatible avec les intérêts russes, au-devant des désirs du gouvernement japonais, le gouvernement russe s'est déclaré prêt à participer aux avances à faire à la Chine, formulant en même temps certaines réserves quant à la participation russe aux emprunts chinois qui seraient émis par le consortium [1]. La réponse dans ce sens du gouvernement russe au gouvernement anglais qui s'était fait le porte-voix du consortium pour inviter la Russie à prendre part à ses opérations, a été simultanément communiquée à l'ambassadeur du Japon. Cinq jours plus tard, le gouvernement russe a appris que le Japon prenait part à l'emprunt chinois de réorganisation, en ne formulant que quelques réserves quant aux droits et intérêts spéciaux japonais dans la Mandchourie du Sud [2], et sans tenir compte de l'attitude de la Russie dans la question de sa participation à l'emprunt susindiqué.

Dans ces conditions le gouvernement russe s'est vu dans l'impossibilité de garder son attitude de réserve et s'est joint aux autres Puissances pour l'émission de l'emprunt de réorganisation, malgré les informations qui lui étaient parvenues entre temps sur cet emprunt et qui indiquaient qu'en dehors du but politique de fournir au gouvernement chinois les sommes nécessaires à son fonctionnement, cette opération financière avait en vue des entreprises telles que la construction d'une ligne ferrée entre Nankin et Wu-hu, qui n'ont pas de caractère politique.

Le gouvernement russe prend acte, avec la plus vive satisfaction, des assurances qui lui ont été données par le gouvernement japonais de son désir de marcher d'accord avec la Russie dans la question chinoise. Ce désir est entièrement partagé par le gouvernement impérial.

C'est dans cet esprit que le Cabinet de St.-Pétersbourg a examiné les considérations exposées dans les aide-mémoires de l'ambassade du Japon du 22/9 [3] et du 25/12 mars courant [4], concernant l'entrée définitive de la Russie et du Japon dans le consortium des quatre Puissances.

Malgré ses bonnes dispositions le gouvernement russe se voit obligé de remettre sa décision à ce sujet jusqu'au jour où il se sera convaincu que l'attitude du consortium s'est suffisamment modifiée pour permettre aux banques russes de s'y joindre sans faire courir par là aucun danger aux intérêts russes [5].

Перевод.

Памятной запиской от 7 марта/23 февраля 1912 г. японское посольство соблаговолило довести до сведения российского министерства иностранных дел, что японское правительство решило принять участие в китайском займе, проектируемом консорциумом четырех держав, и что оно желало бы, чтобы и Россия приняла такое же решение.

[1] См. № 620.

[2] См. № 654.

[3] В сообщении от 22/9 марта Мотоно указывал, что на запрос в парламенте по кит. делам Уцида намерен ответить следующим образом: «Япония имеет в Южной Манчжурии специальные права и интересы. Так как эти права и интересы идентичны с правами и интересами России в Северной Манчжурии, то императорское правительство не перестает обмениваться мнениями с российским императорским правительством и согласовывать с ним все вопросы, которые касаются этих областей, дабы обеспечить свои права и интересы».

[4] См. № 682.

[5] Содержание япон. пам. записки от 25/12 марта (см. № 682) и публикуемого документа Сазонов передал Малевскому тел. от 12 апр./30 марта за № 657.

Российское правительство, также получившее приглашение принять участие в авансах, выдаваемых консорциумом Китаю в счет будущего займа, испытывало некоторое колебание принять это приглашение, как из-за враждебного отношения к русским интересам, проявленного консорциумом в период его прежней деятельности, так и из-за отсутствия более или менее точных данных о характере и условиях упомянутого займа. Российский министр иностранных дел не преминул уведомить о своих сомнениях в этом вопросе японского посла в беседах, которые он имел с его превосходительством.

Тем не менее, желая поддержать принцип солидарности держав по отношению к новому китайскому правительству и стремясь пойти, — насколько это совместимо с русскими интересами, — навстречу желаниям японского правительства, российское правительство заявило, что оно готово принять участие в авансах, имеющих быть выданными Китаю, формулировав при этом некоторые оговорки касательно участия России в китайских займах, которые будут выпущены консорциумом. Ответ российского правительства, данный в этом смысле английскому правительству, взявшему на себя передать России приглашение консорциума принять участие в его операциях, был одновременно сообщен японскому послу. Пять дней спустя российское правительство узнало, что Япония принимает участие в китайском реорганизационном займе, формулировав при этом лишь некоторые оговорки относительно специальных прав и интересов Японии в Южной Манчжурии и не считаясь с позицией России в вопросе об ее участии в вышеуказанном займе.

В этих условиях российскому правительству не оказалось возможным сохранять выжидательную позицию, и оно присоединилось к другим державам для эмиссии реорганизационного займа, несмотря на то, что оно получило тем временем сведения относительно этого займа, указывавшие, что кроме целей политического характера — предоставить китайскому правит льству суммы, необходимые для его деятельности, — эта финансовая операция имела в виду такие предприятия, как постройка железнодорожной линии между Нанкином и У-ху, которые не имеют политического характера.

Российское правительство с живейшим удовлетворением принимает к сведению заверения, данные ему японским правительством о его желании действовать согласно с Россией в китайском вопросе. Императорское правительство полностью разделяет это желание.

В этом смысле петербургский кабинет подверг рассмотрению содержащиеся в памятных записках японского посольства от 22/9 и 25/12 марта соображения по поводу окончательного вступления России и Японии в консорциум четырех держав.

Несмотря на свое доброе желание, российское правительство вынуждено отложить свое решение по этому предмету до того дня, когда оно получит уверенность, что позиция консорциума достаточно изменилась, чтобы позволить русским банкам присоединиться к нему, не подвергая никакой опасности русские интересы.

№ 756. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 95 [1]. 12 апреля/30 марта 1912 г.

Grey me dit que se voyant obligé de prendre congé 2 semaines il serait temporairement remplacé par Morley. Mais qu'avant de partir désirait m'entretenir confidentiellement de façon privée d'affaire Méched [2]. Il me donna lecture lettre Lord Crew, ministre des Indes. Dans cette lettre Crew dit que mesures militaires prises contre édifice religieux dans localité peu éloignée d'Afghanistan avait produit impression même plus sérieuse que paraissait au début aux Indes et en Afghanistan. Mosquée était vénérée par sunnites et chiites. Que situation du gouvernement des Indes devenait d'autant plus critique, se trouvant d'un côté responsable de l'attitude de l'Afghanistan et la mesure qui y est considérée comme un outrage ayant été perpétrée par les forces armées d'une Puissance avec laquelle l'Angleterre entretient notoirement des relations d'amitié intime. Crew ne croit pas qu'en ce cas le gouvernement des Indes puisse se déclarer solidaire et craint même qu'éventuellement il se verrait en ce cas obligé de se désassocier. Crew prévoit combien situation ainsi créée serait difficile. Toute la lettre porte empreinte extrêmement soucieuse. Grey ajoute que partant en congé il ne souleverait pas question avant son retour et qu'il ne chargerait Buchanan d'aucune communication officielle, dans l'espoir qu'ayant occasion d'examiner affaire à neuf vous aurez l'occasion de provoquer telle mesure que jugerez utile. Que pour cette raison, désirant vous communiquer son impression, il avait choisi comme moyen entretien privé avec moi. Il insista sur position de Méched, qui, bien que dans notre sphère, n'est pas

[1] Опубл. Siebert, II, S. 342, № 588.
[2] См. №№ 679, 717 и 725.

loin de ses limites, sur proximité de l'Afghanistan et sur importance de cette mosquée. Grey dit qu'il croit savoir que Dabija accuse Sykes de sentiments hostiles à lui et à la politique russe. Grey m'assura que rapport de consul anglais à ce sujet, sans contenir de commentaire, s'en tenait à des faits, qu'il croit pouvoir prouver par des photographies, concernant des dégats plus considérables à la mosquée que celles contenues dans le rapport du consul de Russie. Grey me dit que ces informations, postérieures aux nôtres, portaient que la lettre des écclésiastiques [1] exonérant nos autorités avait été écrite au consul de Russie même non sans pression de la part du consul. Grey me dit que ses informations donnaient aux événements caractère sensation plus considérable que celui décrit par les nôtres. Mais Grey appuya surtout sur l'importance du contenu de la lettre du ministre des Indes. En terme de comparaison il me dit que tant que question frontière turquo-persane ne serait pas réglée, nécessité de défendre nos intérêts stratégiques justifierait présence de nos troupes à Tabris, que cet argument ne pouvait pas s'expliquer [2] de même façon à Méched et qu'il lui paraissait qu'intérêt des deux Puissances, l'intimité de leurs rapports et de leur coopération exigeaient d'éviter tout ce qui pourrait soulever l'esprit turbulant en Afghanistan et toute complication de ce côté. Crois devoir mentionner que tout comme Hardinge Lord Crewe est un des adhérents les plus convaincus et actifs de l'entente anglo-russe.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что он должен взять отпуск на две недели и что временно его будет замещать Морлей. Но перед отъездом он желал бы переговорить со мной доверительным и частным образом о событиях в Мешеде. Он прочел мне письмо лорда Крю, министра по делам Индии. В этом письме Крю говорит, что военные меры, принятые против священного здания в местности, расположенной недалеко от Афганистана, произвели в Индии и в Афганистане впечатление даже более глубокое, чем это казалось вначале. Мечеть чтится как суннитами, так и шиитами. Положение правительства Индии становится тем более критическим, что, с одной стороны, оно ответственно за позицию Афганистана, тогда как эта мера рассматривается там, как оскорбление, нанесенное вооруженными силами державы, с которой Англия, как известно, поддерживает тесные дружеские отношения. Крю не думает, что в данном случае правительство Индии может заявить о своей солидарности, и опасается даже, что оно будет вынуждено отмежеваться. Крю предвидит, сколь затруднительно может быть создавшееся таким образом положение. Все письмо проникнуто чувством крайней тревоги. Грей добавил, что, уезжая в отпуск, он поднимет этот вопрос не раньше своего возвращения и что он не поручит Бьюкенену никакого официального сообщения в надежде, что раз вам представится случай заново рассмотреть это дело, вы найдете возможным принять меры, которые вы сочтете целесообразными. Поэтому, желая поделиться с вами своими впечатлениями, он прибег для этого к частной беседе со мной. Он настойчиво говорил о положении Мешеда, который хотя и находится в сфере нашего влияния, но расположен недалеко от ее границ и вблизи Афганистана, а также о том, какое значение имеет эта мечеть. По словам Грея, у него имеются сведения, что Дабижа обвиняет Сайкса в чувствах, враждебных по отношению к нему и к русской политике. Грей уверял меня, что английский консул в своем донесении, не прибегая к комментариям, придерживается фактов; что он может доказать с помощью фотографических снимков, что повреждения мечети более значительны, чем указано в донесении российского консула. Грей мне сказал, что по этим сведениям, более поздним чем наши, письмо духовных лиц, реабилитирующее наши власти, было написано русскому консулу не без давления со стороны самого консула. Грей мне сказал, что его информации придают событиям значительно более сенсационный характер, чем наши. Но в особенности Грей настаивал на том, что содержание письма министра по делам Индии имеет большое значение. В виде сравнения он мне сказал, что до тех пор, пока не урегулирован вопрос о турецко-персидской границе, необходимость защищать наши стратегические интересы оправдывает присутствие наших войск в Тавризе, но что этот аргумент не применим относительно Мешеда; ему кажется, что интересы обеих держав, близость их отношений и их сотрудничество требуют избегать всего, что могло бы вызвать возбуждение

[1] См. стр. 371, прим. 3. Тел. от 6 апр./24 марта за № 278 Поклевский обращал внимание, что акт передачи Беста не имеет ни одной подписи духовного лица, в ответ на что Дабижа сообщал: «Духовные лица не имеют никакого отношения к Бесту, каковой управляется отдельной собственной администрацией, подписавшей переданный акт нам» (тел. 8 апр./26 марта за № 627).

[2] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «appliquer».

в Афганистане и всякие осложнения с этой стороны. Считаю долгом упомянуть, что лорд Крю, как и Гардинг, является одним из наиболее убежденных и деятельных сторонников англо-русского согласия.

Бенкендорф.

№ 757. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 12 апреля/30 марта 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

С момента отъезда императора Вильгельма из Берлина и роспуска рейхстага, за которыми последовал отъезд имперского канцлера в Корфу [1] и г. фон Кидерлен-Вехтера [2], наступило полное затишье в политической жизни Германии. Затишье это несомненно продолжится недолго, и разнообразные слухи, циркулирующие в городе и относящиеся к области как внутренней, так и внешней политики, служат предзнаменованием того, что это было только затишьем перед бурей и что, после кратковременного успокоения, политические страсти в стране разгорятся с новой силой.

Главный интерес наступающего политического момента сосредоточивается несомненно на новом правительственном законопроекте об усилении армии и флота и на отношении к нему рейхстага.

Во всем этом вопросе сказывается борьба двух политических течений в Германии. Одно, поддерживаемое пангерманскими кругами, предусматривая неминуемость столкновения с Англией, стремится к доведению германского флота до такого состояния, при котором он мог бы во всякий момент не только отразить нападение, но выдержать с успехом бой в открытом море с английским флотом.

Главным органом этой политики является союз флота (Flottenverein) с адмиралом Кёстером во главе; руководителем ее считается морской министр и большой любимец императора Вильгельма адмирал Тирпиц.

Другое течение, во главе которого стоят, повидимому, в настоящий момент имперский канцлер и союзный совет «Bundesrat», сознавая страшное бремя, налагаемое на страну созданием и содержанием первоклассной армии и такового же флота, стоит за заключение соглашения с Англией, которое позволило бы Германии ограничить свои расходы на флот и обратить главное внимание и средства на доведение сухопутных сил империи до такого состояния, которое давало бы голосу ее первенствующее значение при решении всех без исключения международных вопросов.

Вышеозначенное соглашение с Англией касалось бы, главным образом, колониальных владений обеих стран в Африке, причем весь африканский материк разделен был бы на сферы влияний между Германией, Англией и Францией.

Непримиримость взглядов вышеупомянутых двух политических течений сказалась при обсуждении в союзном совете законопроекта о новых вооружениях, причем победа осталась, после упорной борьбы, на стороне защитников усиления армии; она скажется, несомненно, также при предстоящем на-днях обсуждении этого законопроекта в германском рейхстаге.

Одним из признаков этой борьбы является ожесточенная кампания, предпринятая в либеральных органах немецкой печати против адмирала Тирпица, которого обвиняют в систематическом натравливании германского общественного мнения против Англии. В некоторых кругах кампания эта приписывается происками английских агентов в Германии, работающих неустанно для устранения энергичного создателя германского флота.

В последние дни распространились в Берлине настойчивые слухи о предстоящем будто бы в ближайшем будущем оставлении своего поста статс-секретарем по иностранным делам г. фон Кидерлен-Вехтером и о замене его германским послом в Вашингтоне графом Бернсторфом.

Примите и пр. Шебеко.

---

[1] См. № 702.

[2] Кидерлен-Вехтер находился в отпуску.

№ 758. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 313. 13 апреля/31 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Александр Константинович,

Получив письмо ваше от [4 апреля] 22 сего марта [1], при котором вы препроводили ко мне копию памятной записки английского статс-секретаря по иностранным делам от 2 апреля нов. ст. по вопросу о китайском реорганизационном займе, считаю долгом поделиться с вашим сиятельством мыслями, которые возбуждает во мне изучение этого документа.

Общая постановка, которую памятная записка сэра Э. Грея дает вопросу о сказанном займе, отвечает нашим желаниям: я с удовольствием прочитал то место, где английский министр признает наше право оговорить наши специальные права и интересы в Китае и заверяет нас, что английская банкирская группа консорциума будет уважать эти наши интересы. Весьма удовлетворительно также заявление сэра Э. Грея, что реорганизационный заем не будет выпущен до одобрения державами его условий.

За всем тем памятная записка заставляет желать более точной формулировки готовности великобританского правительства оказать нам поддержку против использования Китаем получаемых от консорциума сумм на предприятия, которые мы будем признавать несогласными с нашими интересами. Как я имел честь телеграфировать вам [6 апреля] 24 сего марта за № ... [2] было бы весьма желательно, чтобы вы побудили английское правительство дать нам заверения в вышеизложенном смысле, в форме ответа на мое письмо сэру Дж. Бьюкенену от того же числа [3].

Я должен также отметить, что, говоря о наших специальных правах в Северном Китае вообще, сэр Э. Грей определяет их, как основанные на договорах, как бы противополагая эти права нашему «признанному» положению в Северной Манчжурии. Между тем, как вам известно, еще в 1907 году английскому правительству было сообщено о том, что Внешняя Монголия составляет сферу специальных русских интересов; С.-Джемский кабинет не возражал против этого. Было бы полезно, чтобы вы привлекли на это обстоятельство внимание английского статс-секретаря, дабы предупредить всякие возможные недоразумения, если бы нам пришлось противиться каким-либо китайским предприятиям, направленным против нас не только в Манчжурии, но и в Монголии.

В своей памятной записке сэр Э. Грей выражает желание получить указание на конкретные факты, подтверждающие наше мнение о враждебности нам четверного консорциума. Я покорнейше просил бы вас указать английскому министру, что мы не можем не считать направленными против России такие предприятия, как Цзинчжоу-Айгунская ж. д., контракт на которую был, по нашим сведениям, уступлен четверному консорциуму и проектированный китайский заем в 10 млн. ф. ст., который гарантировался доходами Манчжурии и в силу 16-й ст. договора между китайским правительством и консорциумом давал последнему преимущественное право на заключение всех тех китайских займов, которые будут предназначены на дальнейшее развитие предприятий в Манчжурии, финансируемых сказанным 10-миллионным займом.

Сэр Э. Грей говорит также в своей памятной записке, что ему неизвестно о наших сношениях с четверным консорциумом в видах участия в выпускаемом последним займе. Таких сношений мы, действительно, не имели, но мы неоднократно и безуспешно пытались сговориться с консорциумом относительно отмены вышеупомянутой 16-й статьи договора о 10-миллионном китайском займе и относительно разграничения сфер деятельности его и синдиката Русско-азиатского банка. Несговорчивость, проявленная при этом четверным консорциумом, за-

[1] См. стр. 365, прим. 2.
[2] В оригинале номер отсутствует. Вероятно, имеется в виду тел. за № 632 (см. № 736).
[3] См. стр. 380, прим. 3.

ставила нас убедиться, что мы не можем рассчитывать с его стороны на уважение интересов России на Дальнем Востоке.

Покорнейше прося вас не отказать уведомить о результатах ваших объяснений в вышеизложенном смысле с английским правительством, пользуюсь случаем, чтобы возобновить и пр.

[Сазонов.]

№ 759. Министр иностранных дел министру финансов и министру торговли и промышленности — Коковцову и Тимашеву.

Письмо №№ 315, 316. 13 апреля/31 марта 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич, (Сергей Иванович).

Как известно вашему высокопревосходительству (превосходительству) контрпредложения относительно пересмотра С.-Петербургского договора 1881 г., переданные нами китайскому уполномоченному в октябре минувшего года, остались до сих пор без ответа. Когда революция в Китае приняла размеры, явно угрожавшие династии, китайское правительство заявило нам, что переговоры о пересмотре сказанного договора приходится несколько отложить [1]. С тех пор в Китае произошла перемена режима: династия отреклась от престола, и образовалось временное правительство во главе с Юань Ши-каем, положение которого однако столь мало определенно, что оно не выдвигает вопроса об его признании державами.

Наша сухопутная торговля с Китаем подвергается таким образом временно порядку, основанному на С.-Петербургском договоре, и невозможно предвидеть, когда этому временному режиму наступит конец: при отсутствии признанного китайского правительства не от нас зависит назначить какой-либо срок для возобновления переговоров по пересмотру трактата 1881 г.

Признавая такое положение ненормальным с точки зрения наших государственных и торговых интересов, я останавливаюсь на мысли о необходимости согласиться с китайцами для назначения определенного срока, в течение которого С.-Петербургский трактат будет оставаться в силе. Повидимому, наилучшим было бы оставить его в действии на новый 10-летний срок, т. е. до августа 1921 г.; но мне кажется, что и некоторое сокращение этого срока, скажем до 5—6 лет, было бы для нас более выгодным, чем нынешнее неопределенное положение.

В общем нами признается, что С.-Петербургский договор дает нашей торговле преимущества, которые могут быть только умалены при его пересмотре. Действительно, невыгодным для нас является его постановление о 50-верстной льготной полосе вдоль нашей границы с Китаем.

Я не считаю однако невозможным добиться отмены этого постановления по обоюдному соглашению одновременно с отсрочкой пересмотра. Само собой разумеется, что раз пересмотр С.-Петербургского договора будет отложен на определенное количество лет, министерство иностранных дел не будет возражать в принципе против введения пошлинного обложения китайских провенансов, поступающих к нам по сухопутной границе, поскольку такое обложение будет соответствовать интересам нашей торговли.

Полагая, что переговоры по этому предмету удобнее всего было бы начать вновь назначенному нашему посланнику в Китае д. с. с. Крупенскому тотчас по его приезде в Пекин, я поручаю ему при первом свидании указать Юань Ши-каю на ненормальность временного характера того режима, при котором приходится существовать русско-китайской сухопутной торговле, и зондировать почву относительно возможности отложить на определенный срок пересмотр С.-Петербургского договора, условившись с китайцами лишь об отмене льготной 50-верстной полосы как на русской, так и на китайской стороне нашей сухопут-

[1] См. № 281 и примечания к нему.

ной границы[1]. При этом, конечно, придется иметь в виду, что соглашение по этому предмету должно быть формулировано с таким расчетом, чтобы не предрешить вопроса об отношениях России и Китая к Внешней Монголии.

Предварительно преподания д. с. с. Крупенскому окончательных указаний по этому предмету, считаю долгом покорнейше просить ваше высокопревосходительство (превосходительство) почтить меня, в ближайшем по возможности времени, вашим заключением по содержанию настоящего моего письма[2].

Примите и пр.

Сазонов.

№ 760. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

т/. Телеграмма № 96[3]. 13 апреля/31 марта 1912 г.
Personnel.

Recommande votre attention particulière sur mon télégramme d'hier sur Méched[4]. Lettre du ministre des Indes pas écrite pour m'être lue. Grey s'y est décidé au cours de l'entretien. L'agitation aux Indes s'étend. Nouvelles d'Afghanistan inquiétantes. L'Angleterre se trouve en quelque sorte responsable d'Afghanistan envers nous. La situation ainsi créée est pour elle incontestablement très difficile. La question est de savoir si motifs de notre intervention à Méched, loin en Perse, sont suffisants pour contrebalancer inconvénient de difficultés créées à l'Angleterre, qui de fait est notre alliée en Perse. Il s'agit par conséquent de solidarité, qui pour nous est une garantie pour toute action ultérieure anglaise en Perse. Si l'agitation musulmane s'accentue je crois impossible qu'elle ne réagisse sur attitude anglaise à Constantinople. Grey m'a paru spécialement inquiet de la proclamation de siège, parce qu'il ne peut cesser que lors du retrait de nos troupes ce qui peut en perpétuer la présence. Je ne maintiens pas que leur présence du côté afghan puisse durer sans inconvénients très graves. Grey accentue différence des circonstances entre frontière turque et frontière afghane. Hardinge très alarmé.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Рекомендую вашему особенному вниманию свою вчерашнюю телеграмму о Мешеде. Письмо министра по делам Индии было написано не для прочтения мне. Грей решился на это во время беседы. Возбуждение в Индии усиливается. Известия из Афганистана тревожны. Англия некоторым образом ответственна перед нами за Афганистан. Создавшееся таким образом положение для нее бесспорно крайне затруднительно. Встает вопрос, являются ли мотивы нашего выступления в Мешеде, — далеко в Персии, — достаточными, чтобы служить противовесом тех затруднений, которые создались для Англии, являющейся фактически нашей союзницей в Персии. Дело, следовательно, идет о солидарности, служащей для нас гарантией при всякой дальнейшей английской деятельности в Персии. Если мусульманская агитация обострится, то я считаю невозможным, чтобы она не повлияла на английскую позицию в Константинополе. Грей показался мне особенно обеспокоенным объявлением осадного положения, так как оно может прекратиться лишь по уходе наших войск, что может сделать их присутствие постоянным. Я не считаю, что их присутствие

---

[1] В тот же день была отправлена Крупенскому инструктивная тел. за № 667, полностью совпадающая с содержанием публикуемого письма.

[2] Письмом от 19/6 апр. за № 354 Коковцов сообщил Сазонову, что он в общем присоединяется к высказанному Сазоновым мнению. Что касается желательности отмены 50-верстной полосы, то «такая отмена не должна в чем-либо умалить принадлежащие нам права по беспошлинной торговле в Застенных областях бывшей китайской империи».

Письмом от 1 мая/18 апр. за № 136 Тимашев, соглашаясь в принципе с Сазоновым, высказывал мнение, что необходимо напомнить Китаю ультимативное требование росс. прав-ва о соблюдении статей С.Петербургского торгового договора 1881 г. (см. стр. 49, прим. 2).

[3] Опубл. Siebert, II, S. 344, № 589.

[4] См. № 756.

вблизи Афганистана может продолжаться без весьма серьезных затруднений. Грей подчеркивает разницу между обстановкой на турецкой границе и на афганской границе. Гардинг крайне встревожен.

Бенкендорф.

№ 761. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42 [1]. 13 апреля/31 марта 1912 г.

В Консульте мне передали «à titre purement personnel et strictement confidentiel» [2] данные о вашем разговоре с Торретта, в котором вы коснулись возможности, при нынешнем состоянии войны и положении военных операций, найти базу для мирных переговоров в виде обратной уступки Италией Турции небольшой части Триполи. Считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то обстоятельство, что при настоящем положении вещей общественное мнение не позволит правительству допустить обратную уступку Турции пяди земли, на которую были распространены верховные права Италии. При нынешнем приподнятом настроении, напротив, подобная уступка могла бы повлечь за собой не только падение министерства, но имела бы несравненно более нежелательные последствия. При крайней впечатлительности народа, если бы такой проект подвергся разглашению, он вызвал бы в печати бурю негодования, справиться с которой было бы не по силам правительству. То исключительное положение, которое ваше высокопревосходительство сумели здесь создать для России, было бы подорвано.

Долгорукий.

№ 762. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [3].

15/2 апреля 1912 г.

His Majesty's Government agree to the proposal that the Société d'Etudes for the Trans-Persian railway should take up the Persian loan [4]. When however the Société has submitted its report as to the Railway project, His Majesty's Government reserve to themselves complete freedom of action as to such questions as the alignment of the railway, the scale of freight and passenger-rates to be adopted, the breadth of the gauge and the point at which it is to be changed, the representation of Great Britain on the Railway Directors' Board, the system of management, the proportion of orders for construction to be placed in the United Kingdom, etc... As regards such matters no conclusion can be reached by His Majesty's Government until after the receipt and examination of the report of the Société.

Unless an agreement is arrived at on the above questions His Majesty's Government hold the view that they must not be considered bound to adopt a particular attitude towards any of those or similar questions, or even to the construction of the Trans-Persian railway itself, by the mere fact that they have agreed to the loan being taken up or preliminary studies undertaken by the Société d'Etudes.

The flotation of the loan is a matter of immediate necessity, but it is important that it should be quite clear that in the opinion of His Majesty's Government the loan and the railway project are two quite distinct questions and that it is only from reasons of expediency that the latter has been entrusted to the Société d'Etudes.

Перевод.

Правительство его величества соглашается с предложением, чтобы общество по изучению Трансперсидской железной дороги взяло на себя персидский заем. Однако, после того, как Обществом будет представлен доклад о проекте железной дороги, пра-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 345, № 590.
[2] «совершенно лично и строго доверительно».
[3] Лит. копия.
[4] См. № 433.

вительство его величества оставляет за собой полную свободу действий в таких вопросах, как трасса железной дороги, подлежащий принятию грузовой и пассажирский тариф, ширина колеи и пункты, где она будет меняться, представительство Великобритании в правлении железной дороги, система управления, пропорция заказов на постройку, подлежащих размещению в Соединенном королевстве и т. д. Что касается подобных вопросов, то правительство его величества не может притти к какому-либо решению впредь до получения и рассмотрения доклада Общества.

Правительство его величества придерживается мнения, что если не будет достигнуто соглашения по вышеизложенным вопросам, то оно не может считать себя обязанным занять определенную позицию в отношении одного из указанных или подобных вопросов, или даже в отношении постройки самой Трансперсидской железной дороги, в силу одного лишь факта, что оно согласилось на то, чтобы Общество по изучению взяло на себя заем или предприняло предварительные изыскания.

Выпуск займа является делом ближайшей необходимости, но должно быть совершенно ясно установлено, что, по мнению правительства его величества, заем и проект железной дороги являются двумя совершенно отдельными вопросами и что лишь из соображений удобства последний поручен Обществу по изучению.

№ 763. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 680 [1]. 15/2 апреля 1912 г.

Телеграммы за №№ 95 [2] и 96 [3] получены.

Грей может быть уверен, что мы искренно стремимся к полному взаимодействию с Англией в персидских делах и поддержанию во всех отношениях с ней согласия, столь важного для обеих сторон с точки зрения равновесия сил в мировой политике. Доказательства этого уже даны были нами лондонскому кабинету неоднократно, в особенности, на почве персидских дел, где мы еще недавно, в согласии с ним, способствовали разрешению вопроса о Мохамед-Али-шахе. Мы не можем однако не отметить, что нам все чаще приходится испытывать со стороны великобританского правительства давление, стесняющее в значительной мере нашу свободу действий в отмежеванной нам соглашением 1907 года сфере влияния. Обстоятельство это, как Грею, без сомнения, известно, уже неоднократно было отмечено в нашей печати и вызывает серьезные нарекания на вверенное мне министерство. Мы считаем поэтому необходимым настаивать на своем праве принимать в нашей сфере влияния меры, являющиеся неизбежными в видах ограждения наших интересов, как то было, например, в Мешеде.

Из сообщавшейся вам переписки вам известно, каким образом положение дел в этом городе, постепенно обостряясь, привело к насильственному очищению Беста от неблагонадежных элементов [4]. Наш отряд не мог, без ущерба для достоинства России, оставаться безучастным зрителем творившихся бесчинств, которые к тому же непосредственно отражались на русских подданных, подвергавшихся насилиям и рисковавших поплатиться жизнью от летавших по всем направлениям пуль. С другой стороны, принявшись раз за водворение порядка, наши войска должны были довести дело до конца. В частности, обстрел Беста и занятие его были вызваны исключительно действиями засевших в нем шаек, открывших первыми огонь по нашим войскам. Как ни прискорбен факт нарушения неприкосновенности шиитской святыни, мы не можем возложить ответственность за него на наши войска, действовавшие самым корректным образом.

Мы сомневаемся, чтобы известный документ, оправдывающий образ действий наших войск, был выдан хранителем гробницы под каким-либо давлением со стороны нашего консула. Но как бы то ни было, документ этот весьма важен и должен быть широко использован для успокоения мусульманского мира, что уже и делается нами и персидским правительством. Должен заметить, что до нас не дошло сведений о каких-либо волнениях в Афганистане, или где бы то

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 346, № 591.
[2] См. № 756.
[3] См. № 760.
[4] Ср. №№ 679, 717 и 725.

ни было по поводу мешедских событий; в самом же городе Мешеде господствует ныне полное спокойствие. Нельзя не вспомнить при этом об опасениях, высказывавшихся англичанами по случаю казни в Тавризе Сикат-оль-Ислама и на деле не оправдавшихся. Мы надеемся, что и настоящее событие при надлежащих мерах со стороны заинтересованных правительств не повлечет за собой серьезных осложнений. К числу таких мер нельзя однако отнести немедленное отозвание из Мешеда наших войск, о котором, при господствующем ныне в Хоросане безначалии, не может быть и речи.

Благоволите в изложенном смысле объясниться с великобританским правительством.

Сазонов.

№ 764. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

*/. Телеграмма № 684. 15/2 апреля 1912 г.

№ 366 получен [1].

У нас нет сведений о новом бельгийском займе в два миллиона фунтов стерлингов.

Министр финансов сообщил нам, что финансовые группы, входящие в состав синдиката Русско-азиатского банка, предполагают выдать китайскому правительству новый аванс в 250 тысяч фунтов. Мы указали на невозможность для Русско-азиатского банка после данного нами согласия присоединиться к четверному консорциуму для выпуска китайского реорганизационного займа, участвовать в авансах, выдаваемых китайскому правительству, помимо консорциума [2]. Министр финансов уведомил, что Русско-азиатский банк не примет участия в сказанном авансе, но что бельгийская, английская и французская группы созданного им синдиката тем не менее решили выдать китайцам аванс в 250 тысяч фунтов [3].

[Сазонов.]

№ 765. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 323 [4]. 15/2 апреля 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

События в Илийском крае приняли за последнее время в высшей степени опасный для пребывающих там наших поддапных оборот. Войска генерала Ян Цзан-сюя, поднявшего там восстание против манчжурской династии [5] и объявившего себя сторонником Учанского революционного правительства, были разбиты отрядом, высланным против них синцзянским губернатором Юань Да-хуа. Приход этого отряда в Кульджу, которого можно ожидать со дня на день, грозит сделаться причиной всяких беспорядков и насилий, тем более, что генерал Ян Цзан-сюй счел нужным ввести своих солдат в самый город Кульджу, где их до сих пор не было. При воцарившемся в крае безначалии поднялись калмыки, которые перерезали сообщение с Текесом. Кашгарские власти, опасаясь вторжения в Кашгарию солдат Ян Цзан-сюя, закрыли Музартский перевал. Благодаря всем этим событиям, русская торговля терпит затруднения, и жизнь и имущество русских подданных находятся в опасности.

---

[1] В тел. от 13 апр./31 марта за № 366 Щекин сообщил: «Бельгийская группа синдиката ведет в Шанхае переговоры через одного из английских компаньонов Лоусона с Тан Шао-и о займе в 2 млн. ф. ст.».

[2] Имеется в виду обмен писем между Коковцовым и Сазоновым от 9 апр./27 марта за №№ 326 и 297. Содержание писем изложено в публикуемом документе.

[3] Сазонов имеет в виду письмо Коковцова от 13 апр./31 марта за № 335.

[4] Копия публикуемого письма была в тот же день послана Сазоновым Поливанову при сопроводительном письме за № 324.

[5] См. ч. 1, стр. 308, прим. 3.

Ввиду такого анархического состояния края, я признаю необходимым двинуть ныне же в Кульджу, в виде усиленного консульского конвоя, те две сотни казаков, о подготовке которых для движения в Илийский край, согласно моей просьбе, ваше высокопревосходительство изволили обратиться к военному министру письмом от [19] 6 мин. марта, № 1281 [1]. Помимо большого морального воздействия, которое прибытие сказанных воинских частей произведет на волнующиеся полудикие племена, населяющие Илийский край, оно даст управляющему нашим консульством в Кульдже возможность потребовать удаления из названного города китайских солдат, могущих послужить причиной военных действий на его улицах и назначать охрану при русских караванах, которая обеспечит им свободный проход по местностям, занятым восставшими кочевниками.

Копию настоящего письма я сообщаю генералу-от-инфантерии Поливанову.

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не отказать заблаговременно уведомить меня о ваших распоряжениях по сему делу, для преподания соответствующих указаний поверенному в делах в Пекине и управляющему консульством в Кульдже [2].

Примите и пр. Сазонов.

№ 766. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Т. Телеграмма № 693. 16/3 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Преображенского № 209 [3].

Отказ Шоджи от управления Азербайджаном в связи с приливом в Тавриз фидаев грозит новыми осложнениями, к предотвращению коих необходимо принять все зависящие меры. Нельзя не пожалеть о том, что тегеранский кабинет не внял в свое время нашим советам утвердить энергичного и популярного Шоджу генерал-губернатором Азербайджана [4]. Не признаете ли вы возможным, ввиду неблагоприятного оборота, вновь принимаемого событиями в этой провин-

[1] В делах Военно-исторического архива хранится следующая «Справка» от 17/4 апр., подписанная Беляевым: «Министр иностранных дел, ссылаясь на донесение управляющего нашим консульством в Кульдже о готовящемся в Куре восстании манчжур против стоящих у власти китайцев, письмом от 15/2 марта сего года за № 224 просил военного министра принять необходимые подготовительные меры для усиления, в случае необходимости, нашего консульского конвоя в Кульдже. Вслед за сим необходимость своевременно подготовиться к возможным осложнениям в Илийском округе была подтверждена председателем совета министров в письме на имя военного министра от 19/6 марта сего года за № 1281. В ответ на просьбу министра иностранных дел военный министр письмом от 21/8 марта сего года за № 435 осведомил гофмейстера Сазонова, что он остановился на мысли подготовить, на случай необходимости усиления нашего консульского конвоя в Кульдже, две сотни казаков. С этим предположением министр иностранных дел согласился, о чем и уведомил военного министра письмом от 23/10 марта сего года за № 250. По получении такового согласия министра иностранных дел командующему войсками туркестанского военного округа была послана телеграмма от 25/12 марта за № 465 с просьбой подготовить две сотни казаков с таким расчетом, чтобы они по первому требованию могли бы быстро выступить в Кульджу. Таким образом просимое в настоящее время министром иностранных дел в письме от 15/2 сего апреля за № 324 усиление консульского конвоя в Кульдже двумя сотнями казаков может быть приведено в исполнение незамедлительно, по получении окончательных указаний председателя совета министров по письму к нему министра иностранных дел, копия коего сообщена вашему высокопревосходительству».

[2] Ссылаясь на публикуемое письмо Сазонова, Коковцов письмом от 23/10 апр. за № 2086 запросил Сухомлинова о тех распоряжениях, которые он намерен сделать по этому делу. Сухомлинов письмом от 25/12 апр. за № 631 уведомил Коковцова, что им дано распоряжение по телеграфу «о командировании из состава войск туркестанского военного округа в Кульджу, под видом усиления находящегося там консульского конвоя, двух сотен казаков».

[3] В тел. от 12 апр./30 марта за № 209 Преображенский передавал Сазонову, что Шоджаэд-Доуле «убедительно ходатайствовал освободить его от управления Азербайджаном», так как, по его убеждению, «Тегеран явно стремится создать беспорядки в Азербайджане, чтобы затем обвинить его в них».

[4] См. № 296 и примечания к нему.

ции, попытаться еще раз склонить кабинет к оставлению, если не официально, то фактически, Шоджи во главе ее. Вы могли бы в таком случае предупредить шахское правительство, что новые беспорядки в Тавризе вынудили бы нас к самым решительным мерам [1].

Что касается Сепехдара, то ввиду отъезда регента [2], который, повидимому, трудно будет предотвратить, и при общей неустойчивости положения, присутствие этого сановника в Тегеране могло бы быть более полезным, чем в Тавризе [3].

Сазонов.

№ 767. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 16/3 апреля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Ce n'est qu'à l'instant que j'apprends le départ de Yermoloff ce soir pour Pétersbourg. J'en suis réduit à vous donner mes impressions les plus récentes au courant de la plume.

Yermoloff vous apportera la lettre de Morley, remplaçant Grey, à Buchanan [4]. Je vous envoie aussi la lettre de Nicolson à moi, qui me transmet cette lettre [5], ce qui lui donne sa valeur de pro-mémoria. Ceci par suite de votre télégramme du [7 avril] 25 mars N 632 [6]. Le fond est à peu près ce que vous désiriez. La formule anglaise, différente en ceci de la formule française, parle bien de droits de la Russie mais ajoute «de traité». Cela est une nuance, en pratique je crois peu importante, et que nous avons employée nous mêmes. En tout cas la question de nos intérêts spéciaux en Mongolie et dans l'Ouest de la Chine se trouve entablée comme celle de la Mandchourie du Nord.

Je vous ai télégraphié un télégramme personnel sur Méched [7]. Je me suis, bien entendu, tenu sur le terrain de nos droits imprescriptibles dans notre sphère d'influence. Je dois dire que Grey l'a tout-à-fait accepté et m'a rappelé, en insistant, qu'il ne voulait en aucune façon traiter la chose de débat diplomatique. En d'autres termes, ce qu'il m'a dit revient à ceci: «Si nous prenions des mesures qui vous créent des difficultés, vous nous en préviendriez en vue même de l'accord. Je fais de même. C'est ce que je fais de façon privée. En vertu de l'accord nous devons nous associer à ce que vous faites. Nous vous demandons de prendre en considération l'Afghanistan et nos musulmans des Indes. L'Afghanistan surtout, les conventions nous y rendent responsables. Pouvons nous l'être s'il y surgit des difficultés ainsi engendrées».

Sur ce terrain la conversation peut durer extrêmement longtemps parce qu'au fond tout le monde a raison. Nous pour un motif, l'Angleterre pour un autre.— Seulement je crois que lui demander d'approuver le bombardement d'une mosquée dans les conditions de celles de Méched, à deux pas de l'Afghanistan, c'est lui demander l'impossible. Il ne s'agit pas ici d'opinion publique, mais de faits. Il eut, il me semble, à tout point de vue mieux valu de n'avoir pas été dans le cas de le faire, car il est évident qu'y étant, nous ne pouvions agir autrement.

La question, qui se pose pour moi, est si nous n'allons pas trop loin dans l'ordre d'idées de rétablir l'ordre avec nos troupes. Grey a bien nettement admis qu'à Tabriz des intérêts politiques directs et indirects étaient en jeu et expliquaient tout. Cela peut-il être le cas dans toute notre sphère d'influence, sans que cela tourne à l'occupation à peu près permanente du tout. Pour ma part, j'en doute. Vous le

---

[1] Далее вачеркнуто: «вплоть до принятия управления краем в наши руки».

[2] См. стр. 383, прим. 3.

[3] В тел. от 20/7 апр. за № 723 Клемм указывал Преображенскому на желательность закрепить за Шоджей-эд-Доуле управление Азербайджаном, «если не в качестве генерал-губернатора, то хотя бы под видом постоянного заместителя последнего», с тем, чтобы «Сепехдар оставался в Тегеране, номинально числясь азербайджанским генерал-губернатором».

[4] См. стр. 432, прим. 2.

[5] Приложение отсутствует.

[6] Ошибка в оригинале. Эта тел. датирована 6 апр./24 марта (см. № 736).

[7] См. № 760.

savez, j'ai toujours pensé comme cela. Et nous avons cette fois touché à un point brûlant. Je devrais vous en prévenir, n'en déplaise au «Новое время». Si le procédé constituait un remède radical, je ne dis pas. Mais c'est ce que je ne vois pas. Je ne vois que complications, comme la retraite du régent, comme conséquence. Et vous le savez, depuis nos conversations de Paris [1] je ne puis m'empêcher de croire, qu'une partie de nos consuls poussent à la consommation et placent le ministère dans des situations qui ne sont pas celles prévues par la politique ministérielle. Naturellement qu'il ne s'agit pas de rappel immédiat de troupes de ces parages, mais plutôt, dans mon idée, sans perdre de vue ce rappel dès que faire se pourra, de réserver ces expéditions pour des cas politiques graves, et dans mon opinion toute personnelle de mettre de l'eau dans le vin de certains consuls. Cela est trop dangereux et surtout inefficace; on calme en un point pour allumer le feu ailleurs, et cette fois chez le voisin qui se trouve être notre allié en cette matière. L'impression de l'exécution de Sikat aux Indes ne s'est jamais complètement calmée, cette fois c'est plus direct, de beaucoup même, et d'après les informations anglaises, je crois qu'il n'y a pas de doute que l'émir d'Afghanistan prend beaucoup d'humeur, et que les vaisseaux anglais ont beau faire, ils n'arrivent pas à arrêter tout-à-fait l'importation clandestine des armes. En ce sens je ne m'étonne pas que Grey aie jeté un cri d'alarme, dans une forme d'ailleurs très modeste. Je crois, cher Сергей Дмитриевич, que cela est très fort à considérer. Je me rends compte des difficultés que cela vous crée. En attendant nous sommes plus loin que jamais de l'évacuation projetée une fois l'ultimatum et les conditions supplémentaires réglées, et le régent part et nous sommes voués à nous enfoncer de plus en plus dans le pays. Je verrai demain Morley et lui poserai le Russian case dans toute son étendue, sans me faire l'illusion que cela ne répond pas à tout. Que certain public chez nous, y compris nos consuls, oublient complètement qu' il existe une convention qui ne prévoit pas le partage de la Perse et que s'il n'y avait pas cette convention, nous aurions déjà été obligés de la conquérir, et de la défendre par une guerre avec l'Angleterre. Il me semble qu'il y a là un full [2] à donner, le plus clair possible.

A Londres on sympathise avec le traité serbo-bulgare [3], mais on se méfie du roi Ferdinand, je vous l'ai déjà dit et on ne croit pas à la possibilité du secret. J'ai vu Cambon ce matin, à Paris on irait un peu plus loin, jusqu' à envisager la possibilité d'une marche autrichienne dans le Sandjak. Pour ma part tout cela me paraît un peu exagéré, pourvu que les Italiens soient sages et ne fassent rien qui puisse être qualifié d'atteinte au status quo. Il ne faudrait pas grand'chose.

J'ai été un peu pressé de parler de cette affaire à Nicolson. Je ne vois pas d'avantage à ce qu'on apprenne ici le développement de notre politique générale par voie indirecte, et ils pourraient facilement être froissés, ce qui nous ne rapporterait rien, si tout se passait d'abord en[tre] Paris et nous, pour venir à eux après. Je ne sais pas trop si le gouvernement français aime beaucoup cela. Il est mis entre deux feux. Son intimité avec nous et son intimité avec Londres. C'est du moins l'impression que m'a laissée l'entretien avec Cambon, qui revenait de Paris.

Le projet de départ du régent de Perse a produit ici une impression déplorable. Je vous ai télégraphié ce qu'on propose de faire, sans y compter beaucoup malheureusement. Poklevsky ni Young [4] ne sont guère encourageants. Je crains qu'on a ici l'impression que l'affaire de Méched ne contribuera pas à lui faire changer d'idées.

Quant à Salar, leurs informations sont un peu moins alarmantes que les vôtres, mais tout de même cela est considéré comme une affaire bien sérieuse.

Quant à l'Allemagne, les rapports sont certainement devenus normalement polis, mais aucune conclusion.

Voila tout ce que je puis vous mander en hâte ce soir.

Mille compliments bien sincèrement affectueux.

Benckendorff.

---

[1] См. ч. 1, стр. 140, прим. 2.
[2] Так в оригинале.
[3] См. приложения I и II к № 625.
[4] Советник англ. пос-ва в Тегеране.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Только сейчас узнал об отъезде Ермолова сегодня вечером в Петербург. Вынужден наспех передать вам мои самые последние впечатления.

Ермолов привезет вам письмо Морлея, заменяющего Грея, к Бьюкенену. Посылаю вам также письмо Никольсона ко мне, при котором мне было препровождено указанное письмо, что придает ему значение памятной записки. Это — результат вашей телеграммы от [7 апреля] 25 марта, № 632. Сущность приблизительно та, которую вы желали. Английская формула, отличающаяся в этом отношении от французской формулы, говорит правильно о правах России, но добавляет «договорных». Это оттенок, который я считаю несущественным на практике и который мы сами применяли. Во всяком случае вопрос о наших специальных интересах в Монголии и в Западном Китае затронут так же, как и вопрос о Северной Манчжурии.

Я послал вам личную телеграмму о Мешеде. Я, разумеется, стоял на почве наших неотъемлемых прав в нашей сфере влияния. Должен сказать, что Грей полностью принял это и настойчиво повторял мне, что он никоим образом не желает подходить к вопросу, как к дипломатической дискуссии. Другими словами, то, что он мне сказал, сводится к следующему: «Если бы мы приняли меры, причиняющие вам трудности, вы предупредили бы нас об этом в интересах самого соглашения. Я делаю то же. Именно это я делаю частным образом. В силу соглашения мы должны присоединяться к тому, что вы делаете. Мы просим вас иметь в виду Афганистан и наших мусульман в Индии. Особенно Афганистан; конвенции делают нас за него ответственными. Можем ли мы быть ответственными, если там создадутся затруднения, возникшие таким путем».

На этой почве беседа может продолжаться крайне долго, потому что в сущности все правы. Мы — по одной причине, Англия — по другой. Я думаю только, что требовать от нее, чтобы она одобрила бомбардировку мечети в тех условиях, в каких это было в Мешеде, в двух шагах от Афганистана, — это значит требовать от нее невозможного. Здесь дело идет не об общественном мнении, а о фактах. Мне кажется, что со всех точек зрения было лучше не ставить себя в положение, вынудившее нас сделать это, так как очевидно, что, находясь там, мы иначе поступить не могли.

У меня возникает вопрос — не идем ли мы слишком далеко по линии восстановления порядка при помощи наших войск. Грей вполне определенно признал, что в Тавризе затронуты прямые и косвенные политические интересы, которые и объясняют все. Может ли это обстоять так же во всей нашей сфере влияния без того, чтобы не повлечь за собой более или менее постоянную оккупацию. Со своей стороны, я сомневаюсь в этом. Вы знаете, я всегда так думал. На этот раз мы затронули жгучий вопрос. Я должен был предупредить вас об этом, как это ни неприятно «Новому времени». Я ничего не говорил бы, если бы этот образ действий являлся радикальным средством. Но именно этого-то я и не думаю. Я вижу только осложнения вроде отставки регента, как последствие этого. И, как вы знаете со времени наших парижских разговоров, я не могу не думать, что часть наших консулов подстрекает к совершению таких действий и ставит министерство в положение, которое не предусмотрено министерской политикой. Конечно, речь идет не о немедленном отозвании наших войск из этих мест, но скорее, по-моему, о том, чтобы, не упуская из вида это отозвание, как только это станет возможным, оставить экспедиционные войска для серьезных политических случаев и о том, по моему вполне личному мнению, чтобы охладить пыл некоторых консулов. Это слишком опасно, а главное мало действенно; успокаивают в одном месте, чтобы зажечь огонь в другом, и на этот раз у соседа, который является нашим союзником в этом вопросе. Впечатление в Индии от казни Сиката до сих пор не вполне изгладилось, на этот раз это более непосредственное впечатление, даже много более, и, на основании английских сведений, я думаю, нельзя сомневаться в том, что афганский эмир очень раздражен и что английским судам не удается, как они ни стараются, вполне прекратить тайный ввоз оружия. В этом смысле я не удивляюсь, что Грей подал тревожный сигнал, впрочем, в очень скромной форме. Я думаю, дорогой Сергей Дмитриевич, что об этом надо очень подумать. Я отдаю себе отчет в трудностях, которые все это создает для вас. Тем временем мы более, чем когда-либо, далеки от эвакуации, предполагавшейся как только вопрос об ультиматуме и дополнительных условиях будет урегулирован, и регент уезжает, а мы все более и более проникаем вглубь страны. Завтра я увижу Морлея и поставлю перед ним русский вопрос во всем объеме, не делая себе иллюзий насчет того, что это не отвечает на все. Что у нас некоторая публика, включая наших консулов, совершенно забывает о существовании конвенции, которая не предусматривает раздела Персии, и что если бы этой конвенции не было, то мы были бы уже вынуждены завоевывать ее и защищать ее, воюя с Англией. Мне кажется, что надо дать исчерпывающее разъяснение возможно более ясным образом.

В Лондоне симпатизируют сербо-болгарскому договору, но не доверяют царю Фердинанду, — я уже говорил вам об этом, — и не верят в возможность сохранения тайны. Сегодня утром я виделся с Камбоном, в Париже идут несколько дальше, вплоть до того, что допускают возможность австрийского похода в Санджак. Со своей стороны, я считаю все это немного преувеличенным, если только итальянцы будут благоразумны и не сделают ничего, что могло бы быть признано нарушением status quo. Для этого нужно немного.

Я несколько поспешил переговорить об этом деле с Никольсоном. Я не вижу преимуществ в том, чтобы о развитии нашей общей политики здесь узнавали косвенным путем и они

легко могли бы быть задеты, — что не принесло бы нам никаких выгод, — если все происходило бы сперва между Парижем и нами, а потом уже доходило до них. Я не думаю, что французскому правительству это по душе. Оно находится между двух огней. Его близость с нами и его близость с Лондоном. Таково, по крайней мере, впечатление, оставшееся у меня от разговора с Камбоном, только-что вернувшимся из Парижа.

Проект отъезда регента из Персии произвел здесь самое плохое впечатление. Я телеграфировал вам о том, что намереваются сделать, мало рассчитывая, к несчастью, на успех. Ни Поклевский, ни Юнг отнюдь не обнадеживают. Боюсь, что здесь существует впечатление, что мешедское дело не будет содействовать перемене его образа мыслей.

Что касается Салара, то их сведения немного менее тревожны, чем ваши, но все-таки это рассматривается как очень серьезное дело.

Что касается Германии, то отношения стали, конечно, нормально вежливыми, но никакого заключения.

Вот все, что могу второпях сообщить вам сегодня вечером.

Тысяча самых искренних пожеланий. Бенкендорф.

№ 768. Посол в Константинополе [1] министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 152. 16/3 апреля 1912 г.

№ 679 получил [2].

Посредничество.

Условленный между кабинетами текст был сообщен сегодня утром министру иностранных дел последовательно пятью представителями держав. Последние, как и я сам, разделяют высказанное вам Свечиным в телеграмме № 148 [3] мнение, что предстоящее открытие парламента не вызывало отсрочки сообщения. Оно скорее подвергло бы, напротив, турецкое правительство неудобным для него предварительным запросам об его отношениях к готовящемуся шагу держав и возбудило бы толки о колебаниях или несогласиях среди последних. Ответив Свечину, что он весьма ценит инициативу России и дружественные намерения держав, по тексту же вопроса будет иметь возможность высказаться лишь по совещании совета министров, Ассим-бей сказал далее, в форме частной беседы и личного своего мнения, что известные ему, хотя и не официально, условия Италии оставляют, к сожалению, мало надежд на приемлемость для Турции соглашения. Говоря, что достоинство последней и чувства всего аравийского населения в империи не позволяют последней отказать в возможной поддержке борющимся триполийским арабам, Ассим однако признал, что средством изменить радикально положение в свою пользу Турция, к сожалению, не располагает и вообще высказался спокойным и умеренным тоном.

Гирс.

№ 769. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 422 [4]. 17/4 апреля 1912 г.

Императорское правительство с удовольствием осведомилось о согласии великобританского правительства на то, чтобы реализация персидского займа была предоставлена Обществу по изучению вопроса о постройке Трансперсидской железной дороги [5]. Хотя оба эти дела и представляются на первый взгляд различными, императорское правительство считает, что приведение их в известную связь, несомненно, облегчит разрешение вопроса о предоставлении означен-

---

[1] Тел. от 14/1 апр. за № 70 М. Гирс известил Сазонова о своем приезде в К-поль. Ср. стр. 280, прим. 1.

[2] Тел. от 15/2 апр. за № 679 Сазонов запросил М. Гирса, «не представит ли близкое открытие парламента удобного предлога Порте уклониться от определенного ответа и не больше ли надежды на успех, если отложить обращение до после собрания палаты».

[3] См. стр.384, прим. 2.

[4] Иностранный текст публикуемого документа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[5] См. № 762.

ному Обществу концессии на сооружение упомянутой дороги, а равно получение согласия персидского правительства на производство в ближайшем будущем необходимых изысканий в пределах Персии.

Само собою разумеется, что при этом должна остаться в полной силе неоднократно высказывавшаяся в переговорах мысль, что на означенное Общество ляжет лишь финансирование займа, а устройство последнего и заключение соответствующего договора с шахским правительством примут на себя Учетно-ссудный и Имперский банки в Персии [1].

Императорское правительство вполне присоединяется к мнению лондонского кабинета, что предоставление поименованному Обществу права на реализацию займа и на получение упомянутой концессии, которая в данное время может иметь лишь самый общий характер, отнюдь не должно предрешить отношений России и Англии к вопросу о Трансперсидской железной дороге вообще. Подобно великобританскому правительству, императорское правительство считает, что оно пока лишь принципиально выразило свое сочувствие идее о создании пути, имеющего соединить Индию с Европой через Персию и Россию, и оно предоставляет себе высказать свой окончательный взгляд на это дело и по тем же пунктам, которые перечислены в памятной записке великобританского посольства от 19/2 сего апреля [2], когда Общество по изучению вопроса о постройке Трансперсидской железной дороги представит ему выработанные им определенные данные и соображения.

№ 770. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 204. 17/4 апреля 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [26] 13 минувшего марта за № 298 [3] имею честь препроводить при сем для внесения на рассмотрение совета министров записку, составленную в вверенном мне ведомстве по делу о турецком малоазиатском железнодорожном строительстве, содержащую изложение хода сего вопроса в его последовательном развитии после особого совещания 1910 г.[4].

Материалы, послужившие основанием сей записки, в числе которых находятся и последние депеши б. посла в Константинополе, уже известны вашему высокопревосходительству из предыдущей переписки [5].

Примите и пр. Сазонов.

Приложение [6].

Особое совещание по вопросу о Самсун-Сивасской железной дороге от [15] 2 июня 1910 года остановилось на решении, отказавшись от устаревшего и шаткого соглашения с Турцией, заключенного в 1900 году, — добиваться от Турции заключения нового договора, который бы гарантировал нас от сооружения железных дорог к востоку от линии Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир — Моссул — Ханекен. Для достижения этой цели предполагалось заручиться содействием Франции, предоставив ей в виде компенсации наши права на постройку и эксплоатацию линии Самсун — Сивас.

---

[1] См. №№ 399 и 510.

[2] В оригинале ошибка. Имеется в виду пам. записка от 15/2 апр. (см. № 762).

[3] См. стр. 314, прим. 2.

[4] См. приложение к публикуемому документу.

[5] В тот же день Сазонов при сопроводительном письме за № 205 разослал публикуемую ниже записку для ознакомления м-ру путей сообщения Рухлову, м-ру юстиции Щегловитову, м-ру торговли и промышленности Тимашеву, главноуправляющему землеустройства и земледелия Кривошеину, воен. м-ру Сухомлинову, морск. м-ру Григоровичу, обер-прокурору синода Саблеру и государственному контролеру Харитонову.

[6] Лит. копия.

Недоброжелательное отношение турецкого правительства к нашим домогательствам за последние годы не представило возможности сделать какие-либо решительные шаги в смысле первой части намеченной программы действий.

Между тем турецкое правительство, стремясь к скорейшему осуществлению железнодорожной сети в Малой Азии, по направлению к нашей кавказской границе, но не желая считаться с обязательствами, налагаемыми на него соглашением 1900 г., задумало обойти эти обязательства при помощи следующей комбинации: оно заключило с французским синдикатом, представленным в Константинополе г-ном Салландруз де Ламорне, условие на изыскания и постройку определенной сети железных дорог в северо-восточной части Малой Азии, сети, — выходящей за пределы оговоренной соглашением 1900 года зоны, и на эксплоатацию затем этой сети по ее окончании.

Хотя в уговоре этом и предусматриваются дальнейшие переговоры с французскими кредитными учреждениями об изыскании средств, потребных на постройку этих железных дорог, что придает всей сделке несомненный характер *концессии*, но так как тем не менее *буква* соглашения 1900 года оставалась ненарушенной, то императорскому правительству и не представлялось оснований к формальному протесту.

Напротив того, так как разрыв переговоров между Портой и французским синдикатом грозил возможностью передачи всего предприятия в иные, вероятно, германские руки, что представляло бы для наших интересов еще бо́льшую опасность, то нашему представителю пришлось войти в обсуждение вопроса по существу с тем, чтобы постараться обеспечить наши интересы путем объяснений с французскими предпринимателями и французским послом в Константинополе.

Этой цели имел служить протокол, подписанный в минувшем апреле гофмейстером Чарыковым и французским послом в Константинополе [1] и в силу коего французы обязывались ознакомить нас с результатами своих изысканий и расчетов ранее подписания с Портой каких-либо соглашений с тем, чтобы мы могли в случае необходимости воспротивиться перед Портой дальнейшим переговорам ее с синдикатом, если ко времени представления последним своих проектов сооружения намеченных линий не состоится еще уговора между Россией и Портой о замене соглашения 1900 года.

Бывший посол в Константинополе еще в начале февраля доносил, что замечает со стороны Порты готовность до известной степени считаться с нашей точкой зрения в вопросе о направлении и порядке постройки малоазиатских железнодорожных линий, но что с какими-либо определенными предложениями турецкое правительство выступит лишь после ознакомления с результатами французских изысканий и расчетов [2].

Французский синдикат представил недавно турецкому министру общественных работ требуемые данные и ныне, на основании пункта V соглашения послов, нам предстоит определить свое отношение к дальнейшему ходу этого вопроса и использовать имеющиеся у нас заручки: упомянутый протокол и соглашение 1900 г.

Результаты французских изысканий и расчетов, сообщенные синдикатом турецкому правительству, сводятся в общем к следующему. Линия от Самсуна до Сиваса может быть готова через 4 года и будет стоить 88 000 000 франков. Через другие 4 года рельсы могли бы быть доведены до Харпута. На 6-м году постройки могла бы быть начата от Чалты ветвь на Эрзингян и Эрзерум, и в конце 8-го года достигнуть Пекериджа. Сам синдикат рекомендует ограничиться пока перечисленными линиями, отложить до позднейшего времени продолжение линии от Эрзингяна на Эрзерум и вовсе отказаться от участка Пекеридж — Трапезунд ввиду его значительных технических трудностей и огромной стоимости до 600 000 франков за километр. Вообще, так как вся затеянная сеть в 1449 километров обошлась бы в 570 000 000 — сумма, непосильная для турецкого креди-

[1] См. т. XVIII, приложение к № 202.
[2] См. № 497.

та, — то о постройке последних двух участков должно бы состояться особое финансовое соглашение, после того как раньше построенные части начнут давать нормальный доход.

Вот те данные, на которых будут основаны дальнейшие переговоры Порты с синдикатом, причем уже ныне турецким правительством заявляется желание сократить сроки и изменить постепенность постройки. С этими же данными придется считаться и нам в переговорах об изменении соглашения 1900 г., с какой бы стороны они ни были начаты.

При этом не следует упускать из виду того обстоятельства, что фактическое определение какой-либо запретной для железнодорожного строительства зоны, как затрагивающее суверенные права Турции, едва ли может быть достигнуто более прочно, чем нынешним, столь легко обходимым соглашением. Желательные и необходимые нам ограничения придется вследствие сего прикрыть соображениями техническими и коммерческими, «взаимное принятие во внимание» коих оговорено к тому же соглашением 1900 года. Для такой постановки вопроса создана уже подходящая почва упомянутым докладом синдиката, отстраняющим линию Трапезунд — Эрзерум (нам положительно неугодную), отодвигающим на 8—10 лет приступ к продолжению линии восточнее Эрзингяна (допущенный совещанием министров осенью минувшего года, крайне важный пункт) и налагающий при этом на Турцию весьма тяжелое финансовое бремя. При этом в противоположность положению минувшего лета, крайняя нужда в деньгах и несомненная коммерческая выгода от магистрали Самсун — Сивас и т. д. должна побудить Порту быть более податливой на французские условия.

Соответственно вышеизложенному для нас намечался бы следующий порядок действий: поддержать французских предпринимателей в переговорах их с Портой, причем ими были бы оговорены наименее для нас невыгодные сроки, постепенность и направление и отвергнуты или значительно отсрочены нежелательные нам линии.

Императорскому правительству затем уже легче было бы, выдвигая торговые и экономические соображения, — например, необходимость связать Закавказье с Центральной Россией прямой магистралью, или заботы об утверждении нашей торговли в Северной Персии, недопущение западной конкуренции благодаря возможности транзита через Турцию, — связать Порту каким-либо обязательством о взаимном уговоре относительно дальнейшего развития и условий возможной в будущем смычки линий, к тому времени, когда турки задумают приступить к сооружению железной дороги к востоку от намеченной нами линии, в которую следовало бы также включить Диарбекир и Моссул.

Вопрос в сущности свелся бы к установлению между нами и Портой не столько запретной зоны для железнодорожного строительства, сколько запретного срока для такового строительства, коим мы должны бы со своей стороны воспользоваться для обеспечения себе преимущества или во всяком случае равенства положения в этом вопросе.

Выяснению потребного срока и привходящих условий указанной задачи и должно служить намеченное советом министров обсуждение вопроса.

№ 771. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 333. 17/4 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копию секретной телеграммы от [12 апреля] 30 мин. марта, № 366[1], которою поверенный в делах в Пекине донес о том, что представитель английской группы синдиката Русско-азиатского банка ведет в Шанхае переговоры с сановником Тан Шао-и о новом китайском займе в 2 млн. ф. ст. Не имея иных сведений об этом займе,

[1] Тел. Щекина за № 366 датирована 13 апр./31 марта (см. стр. 408, прим. 1).

я мог сообщить в ответ статскому советнику Щекину лишь то, что мне известно из писем ваших от [8—9 апреля] 26—27 и [12—13 апреля] 30—31 мин. марта, №№ 326 и 335[1], о намерении бельгийской, французской и английской групп названного синдиката выдать временному китайскому правительству новый аванс в 250 тыс. ф. ст. и о решении Русско-азиатского банка не участвовать в этой кредитной операции.

Я считаю весьма важным не дать возможности правительствам, с которыми мы соглашаемся о совместном финансировании Китая, подозревать нас в двойственности и в покровительстве тем займам, которые стремятся заключить не участвующие в предположенном шестерном консорциуме для финансирования Китая банки, конкурирующие с шестерным консорциумом и лишающие таким образом участвующие в нем правительства политического орудия для подчинения Китая воле держав, которое предположено создать из сказанного консорциума. Поэтому я был бы крайне признателен вашему высокопревосходительству, если бы вы сочли возможным принять меры для широкого оповещения общественного мнения о том, что Русско-азиатский банк не участвует в обсуждаемом в Шанхае займе в 2 млн. ф. ст. и вообще воздерживается от конкуренции с четверным консорциумом в деле финансирования временного китайского правительства [2].

В ожидании отзыва вашего о последующем, примите и пр.

Сазонов.

№ 772. Военный агент в Болгарии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 61. 17/4 апреля 1912 г.
Весьма секретно.

Как мне сообщил на-днях военный министр, переговоры о заключении сербско-болгарской военной конвенции протекают вполне гладко и существенных разногласий между обеими сторонами пока нет. В ближайшем будущем проект конвенции будет представлен на благоусмотрение царя, который вчера возвратился в Софию из Филиппополя, где он провел пасхальную неделю. С другой стороны, Данев сообщил мне, что первоначально некоторые из его коллег (я предполагаю, что Гешов), хотели исключить из конвенции пункт о совместных действиях Болгарии и Сербии против Австрии, однако он настоял на принятии этого пункта.

Далее Данев сообщил мне, что вероятно в недалеком будущем будут возобновлены переговоры о заключении военной конвенции с нами.

На мой вопрос, не является ли сербско-болгарская конвенция ловким политическим маневром царя и искренно ли он ее желает, Данев ответил мне, что, конечно, царь прежде всего эгоист и ловкий политик, но в данном случае интересы его вполне совпадают с желаниями и вожделениями Болгарии, и он вполне сознает, что от Австрии ожидать ему нечего. Поэтому, по словам Данева, в данном случае нет никаких оснований не доверять царю Фердинанду.

Далее Данев сообщил мне, что сейчас идут переговоры о заключении соглашения между Болгарией и Грецией.

Относительно Италии Данев сказал, что здешний итальянский посланник только зондировал почву о возможности совместных действий Болгарии и Италии, в случае если бы последняя перенесла военные действия в пределы Европей-

[1] См. стр. 408, примечания 2 и 3.

[2] В ответном письме от 20/7 апр. за № 365 Коковцов сообщил, что Русско-азиатский банк «примет меры к распространению в русской печати сведений о том, что банк не участвует в сделке, о которой ведутся переговоры в Шанхае с Тан Шао-и через посредство Лоусона, и вообще воздерживается от конкуренции с четверным консорциумом». При письме Коковцов препроводил текст составленного в этом же смысле сообщения, которое через С.-Петербургское телеграфное агентство было передано за границу.

ской Турции, но пока каких-либо конкретных предложений Италия не делала.

Недавно здесь получено известие, что [3 мая] 20 апреля Данев будет принят в Ливадии государем императором [1]. Предлог для этой поездки, которая предполагалась еще осенью минувшего года [2] — принесение приветствия государю императору от независимой Болгарии по случаю его пребывания на берегах Черного моря. Фактически поездка эта будет носить политический характер и предполагается, что Данев поднесет государю императору текст болгарско-сербского соглашения.

Полковник Романовский.

№ 773. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 17/4 апреля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как вы изволили усмотреть из секретной телеграммы моей за № 21 [3], мы воспользовались вчерашним днем [4], чтобы сделать Венизелосу предписанное нам сообщение по поводу ходатайства его о восстановлении на Крите должности верховного комиссара.

Председатель совета министров настолько был подавлен решением держав, скажу даже, до такой степени растерян в первую минуту, что в ответе своем мне и французскому посланнику не сделал всех тех возражений, которых мы ожидали и которые затем от него услышали английский и итальянский коллеги. Для выигрыша времени, ввиду назначенного на тот же вечер отъезда Венизелоса, мы решились не делать наших сообщений каждый в отдельности, но вместе с тем предупредили премьера, что шаг наш не имеет характера коллективности и что подобный образ действий выбран был нами исключительно ввиду недостатка времени.

Упомянув лишь вскользь о том, что державы, повидимому, решили отнять у короля Георга I права, признанные за его величеством в 1906 году, Венизелос сказал нам, что он весьма тронут лестным отзывом о его деятельности наших правительств, но что он вместе с тем надеется, что им благоугодно будет облегчить ему его задачу дарованием Криту режима, который способствовал бы установлению правильного и жизнеспособного управления островом. «Это тем более необходимо, — прибавил министр, — что всякое нарушение там порядка неминуемо отзывается каждый раз и на Греции».

Вслед за тем Венизелос с недоумением остановился на вопросе о status quo, сказав нам, что ему совершенно непонятно, о каком, собственно говоря, status quo упоминают державы, на что, как вашему высокопревосходительству известно, мы ответили, что под ним следует понимать существующий порядок.

В заключение министр заявил нам, что он поставлен в тупик и положительно не знает, что ему делать, и что ему теперь вряд ли возможно будет отлучиться на несколько дней для отдыха из Афин. Впрочем, как он предупредил об этом английского и итальянского моих сотоварищей, председатель совета министров все же решился выехать из Афин на короткое время.

Повторяю, что за 18-месячное мое знакомство с Венизелосом, который за это время нередко бывал в крайне затруднительном положении, я ни разу не видал его до такой степени смущенным и озабоченным, как вчера.

Английского и итальянского моих сотоварищей министр принял позднее и, повидимому, успел уже до некоторой степени совладать с собой, так что в ответах своих последним он высказался несравненно энергичнее и определеннее.

---

[1] См. стр. 317, прим. 8.

[2] См. № 262 и прим. 2 к нему.

[3] Тел. от 15/2 апр. за № 21 Свербеев сообщил Сазонову о сделанном представителями четырех держав Венизелосу заявлении по вопросу о восстановлении на Крите должности верховного комиссара в смысле англ. пам. записки от 4 апр./22 марта. (См. № 728.) В остальном содержание тел. № 21 исчерпывается публикуемым документом.

[4] Повидимому, Свербеев писал публикуемое письмо 16/3 апреля. Ср. прим. 3.

Секретной телеграммой моей за № 21 я уже имел честь уведомить ваше высокопревосходительство о тех выражениях, с которыми он обратился к маркизу Карлотти и в которых он главным образом напирал на то, что настоящим своим решением державы-покровительницы лишают, притом вполне незаслуженно, короля Георга I торжественно признанных за его величеством в 1906 году прав и что корректность эллинского правительства не заслуживает, казалось бы, такового сурового обращения с ним держав. Ответ, полученный ныне афинским кабинетом на обращенное к державам ходатайство, является, вместо ожидавшейся помощи, препятствием к поддержанию спокойствия как на Крите, так и в Греции.

Далее Венизелос указал на то, что эллинское правительство и не думало просить о каком-либо окончательном разрешении критского вопроса, а ходатайствовало исключительно о сохранении status quo, дабы положить предел царствующей на острове и постоянно отзывающейся и на самой Греции анархии.

Что же касается до мер, имеющих целью не допустить участие критских депутатов в афинском парламенте, то, по заявлению министра-председателя, таковые уже приняты, или скорее намечены, но, прибавил он, этими мерами он вряд ли в состоянии будет предотвратить грозящие Греции беспорядки и осложнения.

Все мы вынесли впечатление, что Венизелос, после сделанного ему нами сообщения, не чувствует уже под собой почвы, серьезно озабочен будущим и положительно не знает, что ему предпринять в целях обеспечения для Греции столь необходимого для нее спокойствия.

Примите и пр. С. Свербеев.

№ 774. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

:/. Письмо № 210. 18/5 апреля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Николай Генрихович,

Весьма доверительным донесением от [8 апреля] 26 минувшего марта за № 17 ваше превосходительство, сообщая мне о ходе разговора между Белградом и Софией по вопросу о выработке проекта военной конвенции, вместе с тем передавали и ходатайство сербского правительства о разрешении особой миссии с гг. Пашичем или Миловановичем во главе прибыть в Россию для представления государю императору сербских экземпляров болгаро-сербских конвенций [1].

Спешу уведомить ваше превосходительство, что я считаю необходимым отклонить означенное ходатайство самым решительным образом, но в наивозможно мягкой форме.

Главнейший залог успеха состоявшегося сближения двух балканских королевств заключается в его тайне и в отсутствии всяких внешних проявлений, способных возбудить подозрения со стороны, — подозрения, которые получив ложное толкование, не только послужили бы к явной невыгоде договорившихся, но поставили бы и императорское правительство в фальшивое положение.

Аналогия с болгарской миссией здесь не применима. Государь император изъявил согласие на приезд в Ливадию г. Данева, вопрос о коем был поднят еще в прошлом году, вне всякой связи с сербо-болгарскими отношениями [2], а лишь в виде установившегося обычаем акта вежливости со стороны прибрежного на Черном море государства, когда императорский двор пребывает в Ли-

[1] В деп. от 8 апр./26 марта за № 17, в основном изложенной в публикуемом документе, Гартвиг сообщал, что по существу проекта воен. конвенции между Сербией и Болгарией «не встречается серьезных разногласий», и прибавлял, что серб. прав-во, осведомившись через своего посланника в Софии, что болг. депутация едет в Ливадию для представления болгарского экземпляра сербо-болг. конвенции, просит «об исходатайствовании такого же знака всемилостивейшего внимания и к сербским депутатам».

[2] На подлиннике публикуемого письма, хранящемся в делах б. росс. миссии в Белграде, слова: «вне всякой связи с сербо-болгарскими отношениями» подчеркнуты, и на полях помета рукой Гартвига: «Вот единственный аргумент, и его было бы достаточно».

вадии. Кроме того, г. Данев впервые выступает в качестве официального лица и имеет интерес завязать личные сношения в России [1], тогда как упомянутые сербские государственные деятели, в особенности г. Пашич, неоднократно у нас уже бывали и хорошо здесь известны.

Вышеизложенные соображения, как я надеюсь, помогут вашему превосходительству доказать сербам несвоевременность их приезда в Россию в настоящее время, да и вообще отсутствие к тому особого повода после того, как благосклонное отношение России к королевскому дому [2] и Сербии было достаточно доказано прошлогодним приездом короля Петра [3].

Примите и пр. Сазонов.

№ 775. Министр иностранных дел помощнику военного министра Поливанову.

Письмо № 211. 18/5 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Алексей Андреевич,

Вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [12 апреля] 30 марта с. г., № 2144 [4], по вопросу о приглашении представителей сербской армии на русские маневры, считаю долгом вполне откровенно высказать вам, что к этому предположению отношусь отрицательно.

Связывающие Россию и Сербию узы единоверия и единоплеменности подвергаются зачастую столь превратным толкованиям и служили в прошлом предметом нередких злоупотреблений со стороны самих сербов, что всякое оказываемое нами особенное внимание к Сербии, несомненно, вызовет и ныне различные толки, самое возникновение которых я, при напряженности общего политического положения, не могу считать желательным. Посему на мой взгляд представлялось бы нужным отклонить присутствие сербских офицеров на наших маневрах, хотя бы ссылкой на отсутствие специальных представителей какой-либо другой армии.

Вышеизложенная оговорка моя отпадает в том случае, если вопрос идет об обычных, ежегодно происходящих маневрах войск лагерного сбора в окрестностях Красного Села [5].

Примите и пр. Сазонов.

№ 776. Поверенный в делах в Танжере [6] министру иностранных дел.

/. Депеша № 25. 18/5 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к моей секретной телеграмме от сего числа и на основании полученных здешней французской миссией известий, имею честь довести до сведе-

---

[1] Слова: «Кроме того... в России» подчеркнуты, и на полях помета Гартвига: «Неправда! Данев в качестве министра иностранных дел приезжал в С.-Петербург, представлялся государю и вел очень серьезные переговоры с российским министром иностранных дел».

[2] Слова: «королевскому дому... короля Петра» подчеркнуты, и на полях помета Гартвига: «Какая не идущая к делу и совершенно непонятная аргументация! Точно королю Фердинанду не было оказано такое же, если не большее, благоволение».

[3] См. ч. I, стр. 230, прим. 1. В конце этого письма приписка Гартвига: «Эта бумага напоминает пресловутый ответ коменданта крепости на вопрос, почему он не стрелял: «От стрельбы, ваше превосходительство, воздержался по 33 причинам. Первая — пороху не было».

[4] Письмом от 12 апр./30 марта за № 2144 Поливанов передавал пожелание серб. прав-ва командировать в Россию на маневры представителей серб. армии и напоминал Сазонову, что в августе 1911 г. аналогичная просьба серб. прав-ва была отклонена, вследствие незначительности времени, остававшегося до начала маневров.

[5] На оригинале помета: «Военный министр приказал отклонить, ибо ввиду бородинских торжеств маневры сего года будут сокращены. Ж[и л и н с к и й]».

[6] Тел. от 8 апр./26 марта (без номера) Боткин сообщал Сазонову, что он выезжает из Танжера, сдав управление миссией Лихачову.

ния вашего высокопревосходительства нижеследующие подробности вспыхнувшего в Фецe мятежа [1].

Вчера утром, по неизвестной до сего времени причине, часть шерифских таборов взбунтовалась. К ним примкнула чернь из некоторых столичных кварталов. Произошли серьезные беспорядки. Находящимся в данное время в Фецe французским посланником Реньо, султаном, начальником шерифских войск — генералом Брюларом и великим визирем были приняты соответствующие меры.

Против бунтовщиков были высланы оставшиеся верными долгу туземные таборы и немедленно вытребованы из своего лагеря (Дар-Дебибах в 4 клм. от Феца) французские войска. Одновременно с этим генерал Брюлар по беспроволочному телеграфу вызвал стоящие в Мекнесе и действующие в окрестностях французские войска. Против бунтовщиков действовали также оба губернатора (паши) Феца со своими мохазнями (род жандармов). Это обстоятельство служит доказательством тому, что махзен в данном случае не растерялся. Во избежание несчастий, проживающие в Фецe европейцы были собраны и сосредоточены в ближайшем к султанскому дворцу квартале — во дворце, занимаемом французским чрезвычайным посольством, самом дворце султана, французском и английском консульствах и некоторых, находящихся по близости, европейских домах.

Полученное сегодня днем официозное сообщение заведующего шерифскими телеграфами указывает на поранение одного и убийство трех европейцев-телеграфистов беспроволочной станции (захвачены бунтовщиками на квартире). О каких-либо несчастиях с другими европейцами пока сведений не имеется.

По мнению здешней французской миссии, происшедшее событие не имеет политического характера, а является лишь солдатским бунтом все же еще в корне мало дисциплинированных молодых шерифских таборов.

За недостатком подробностей я не решаюсь еще высказаться на сей предмет. Все же полагаю, что причина, вызвавшая этот ашкерский бунт, значительно серьезнее, нежели недовольствие таборов на строгость дисциплины или же недостаточность жалования, пищевого довольствия и т. п. Достаточно вспомнить, что в течение последнего месяца было уже три серьезных столкновения между ашкерами и их инструкторами. Одно из них закончилось убийством офицера-инструктора, другие два — поранениями унтер-офицеров — инструкторов.

Примите и пр.

С. Лихачов.

№ 777. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 10. 18/5 апреля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Переговоры о заключении болгаро-сербской военной конвенции еще не начались вследствие временного нездоровья, а затем и отсутствия уехавшего на пасху в Филиппополь короля Фердинанда, но предложенная Сербией редакция конвенции встретила полное одобрение г. Гешова и военного министра генерала Никифорова. По словам министра-президента, с болгарской стороны предстоят лишь малозначущие редакционные поправки, так что второй сербский делегат, назначенный в подмогу здесь пребывающему военному агенту, вряд ли будет вытребован в Софию.

Таким образом можно предполагать, что последнее звено сербо-болгарского соглашения будет в установленный срок сковано, и долгие усилия русской политики связать в единое целое два родственных и единоверных славянских народа на Балканах увенчаются давно жданным успехом. Несомненно, болгаро-сербскому единению суждено сыграть в балканской политике ближайшего бу-

[1] В тел. от 18/5 апр. (без номера) Лихачов сообщал со слов франц. представителя: «Вчера в Фецe среди части султанского войска вспыхнул бунт, к которому примкнула часть черни» По словам франц. представителя «бунт не политический, а чисто военный».

дущего выдающуюся роль, значение коей в достаточной мере выясняется при рассмотрении тех обстоятельств и причин, которые способствовали осуществлению этого соглашения.

Как ваше высокопревосходительство изволите убедиться из моих донесений от апреля месяца минувшего года, г. Гешов на первых порах существования коалиционного кабинета, поставив себе задачей установление дружеских отношений с Турцией, решительно отказывался ориентировать политику Болгарии в сторону Сербии, к которой он вовсе не был недружелюбно расположен, но совместная работа с коей не отвечала, по его мнению, в данный момент реальным интересам Болгарии. Черед Сербии пришел осенью, когда коалиционному кабинету, успевшему уже убедиться, что из его попыток установить прочные и обоюдновыгодные отношения с Турцией ничего путного не выйдет, пришлось считаться с фактом внезапно вспыхнувшей итало-турецкой войны. Первые известия о бомбардировке итальянской эскадрой портов на албанском побережье, разнеслись с быстротой молнии по центрам Балканского полуострова и мгновенно создали ту атмосферу, в которой с волшебной легкостью рождаются самые смелые планы, самые сокровенные мечты. В эти дни напряженного политического переживания появилось известие, затем опровергнутое, о состоявшейся высадке итальянских войск в Превезе. Пожар войны загорался на полуострове, и г. Тодоров, временно заменявший г. Гешова, стоя на пороге тревожных и многообещающих событий, поспешно шлет г. Ризова в Белград для официозного начатия переговоров о возможном соглашении. Будь известие о высадке войск в Превезе действительностью, события, развиваясь, несомненно привели бы в кратчайший срок к заключению наступательного сербо-болгарского соглашения. Но известие это не только оказалось вымышленным и было незамедлительно опровергнуто, но и одновременно балканские державы были оповещены о формальном намерении Италии не переносить войны на Балканский полуостров. В связи с этим оповещением, в сравнительно короткий срок, волнение, связанное с возникновением итало-турецкой распри, улеглось, положение более или менее разъяснилось и урегулировалось; начавшиеся же в Белграде в дни кризиса переговоры продолжались благодаря настойчивой работе с сербской стороны, деятельной опеке русской дипломатии и намерению болгарского правительства, раз уже направившегося по пути сближения с Сербией, извлечь из создавшегося положения все связанные с ним выгоды. Г. Гешов, подписавший в 1886 г. мир с Сербией, решился подписать с нею и акт дружбы, и после долгих и нелегких переговоров и пререканий текст соглашения был окончательно выработан и представлен на одобрение и подписание царственных глав. В согласии короля сербского никто не сомневался; весь вопрос заключался в том, скрепит ли король Фердинанд своею подписью столь важный акт, до известной степени связывающий его свободу действий и более точным образом определяющий положение Болгарии по отношению как к балканским государствам, так в особенности и к великим державам, имеющим непосредственные интересы на полуострове.

Решающим фактором в этом вопросе, направившим колеблющуюся волю короля в желанную для России сторону, явились слова государя императора, обращенные к болгарскому военному агенту в С.-Петербурге о желании его величества видеть достижение болгаро-сербского соглашения. В сильнейшей степени заинтересованный, по мотивам личным, в сохранении за собой благоволения государя императора, король Фердинанд должен был склониться перед высочайшей волей и скрепить своей подписью соглашение с Сербией, которое, при иных обстоятельствах, весьма вероятно могло бы остаться в форме лишь прекрасно разработанного проекта.

Достигнутое соглашение для Сербии было преемственной, исторической целью, лишь в единении с Болгарией под высокой рукой России могущей реально стремиться к осуществлению своих национальных вожделений. Для Болгарии же подобное соглашение представлялось лишь как один из возможных политических ходов, рациональность коего многие из здешних политических деятелей, напр. г. Данев, сознавали и проповедовали, и который после первого жеста

г. Тодорова ipso facto определяет дальнейшую политику разочаровавшегося в Турции коалиционного кабинета.

Ценность для Болгарии достигнутого соглашения заключается в том, что при активном и заинтересованном содействии Сербии может быть легче и быстрее разрешен македонский вопрос. Для вящшего обеспечения удачи этой цели, не довольствуясь сближением с Белградом, болгарское правительство постепенно устанавливает общность действий Болгарии с Грецией, желая таким образом создать при неизбежном участии Черногории балканский союз, смысл и цель коего было бы соединенными силами ликвидировать македоно-албанский вопрос.

Некоторая опасность для Болгарии достигнутого с Сербией соглашения заключается в возможности быть втянутой в сербо-австрийский конфликт, на каковой именно случай Сербия так старательно и добивалась сближения с Болгарией. Из двух держав, Австрии и Турции, против которых объединили Болгария и Сербия свои в настоящий исторический момент разпоречивые интересы, лишь первая в своей политической игре является возможной нарушительницей status quo; Турция отказалась от агрессивной политики на Балканском полуострове, по опыту войны с Грецией 1897 г. зная, что не воспользуется плодами от побед своих, а при неудачном исходе рискует потерей провинций, потерей престижа и весьма возможным изгнанием из Европы. Таким образом, выжидая обстоятельства, Болгария нормально может предвидеть только наступательное движение Австрии на Новобазарский санджак, а так как в планы Болгарии не входит служить сербским интересам, то Болгария будет поставлена в необходимость, для того чтобы использовать соглашение с Сербией в своих целях, предупредить выступление Австрии и воспользоваться или подготовить обстоятельства для поднятия македонского вопроса. Если Сербия нуждалась в оплоте против постепенного проникновения Австрии в исконно-сербские земли, то Болгария стремилась сплотить для своей национальной задачи возможные силы, Болгария нуждалась в оружии не для защиты, а для наступления.

Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира. Соглашение это рождено войной и рождено для войны. Оборонительный болгаро-сербский договор для Болгарии никакой ценности не имеет, ибо на нее ни Румыния, ни Турция по собственной инициативе не соберутся напасть. Соглашение с Сербией имеет целью наступательный образ действий; враг давно известен — Турция, — и если коренным образом болгаро-сербское соглашение и не изменит миролюбивой политики коалиционного кабинета, то несомненно отразится на его будущих приемах политических выступлений, а затем постепенно приведет его или его заместителя к необходимости применить на деле заложенные в него жизненные принципы.

Что же касается короля Фердинанда и его отношения к сближению Болгарии с Сербией, то приходится отметить, что этим актом им сделан крупный шаг в сторону более определенной политической программы. Продолжать прежнюю jeu de bascule [1] между Россией и Австрией его величеству будет теперь несколько затруднительно, в особенности вследствие всегда возможного более откровенного поведения Сербии. Назревающие события на полуострове и глубокая антипатия к наследнику австрийского престола, с каждым днем играющему все бо́льшую роль, на смену дряхлеющему императору Францу-Иосифу, в судьбах Двуединой монархии, несомненно оказали свое влияние на принятое его величеством принципиальное решение, — пойти, несмотря на выраженные при подписании нелепые страхи, навстречу давно высказанному пожеланию русской политики, державный повелитель которой может окончательно укрепить за Кобургским домом болгарский престол.

Но все же на вопрос, вовлечена ли окончательно Болгария в орбиту русской политики, — нельзя ответить утвердительно, не запинаясь, ибо единственно верным доказательством правоверных по отношению к России намерений Болгарии — не столько руссофильского настоящего кабинета, сколько именно не-

[1] «игру в равновесие».

сменяемого короля Фердинанда, — было бы заключение с нами весьма секретной военной конвенции, которая гораздо полнее отвечает интересам болгарской державы, и по подписании каковой можно будет сказать, что отныне освобожденная Россией Болгария идет к достижению своего национального идеала в согласии с интересами и под верховным руководительством своей старшей и великой сестры.

Примите и пр. Кн. Урусов.

№ 778. Вербальная нота турецкого министерства иностранных дел представителям иностранных государств в Константинополе.

№ 14352/40. 18/5 апреля 1912 г.

Le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur de porter à la connaissance des missions étrangères qu'à partir de ce jour le passage par le détroit des Dardanelles est, jusqu'à nouvel avis, complètement défendu à la navigation étrangère [1].

Перевод.

Императорское министерство иностранных дел имеет честь довести до сведения иностранных миссий, что, начиная с этого дня, проход через Дарданелльский пролив для иностранных судов полностью воспрещается впредь до нового объявления.

№ 779. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 161 [2]. 18/5 апреля 1912 г.

Бомбардировка Дарданелл продолжалась $2^1/_2$ часа, причем разрушены турецкие казармы, но форты не повреждены. Итальянские суда по прекращении огня удалились, оставаясь все же в виду фортов. Сегодня же итальянцы бомбардировали острова Родос и Самос [3].

Гирс.

№ 780. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 163. 18/5 апреля 1912 г.

В тронной речи [4] сказано, что: «Ведутся переговоры о постройке железнодорожных линий Самсун—Сивас—Эрзингян—Эрзерум и Трапезунд — Эрзерум, относительно коих предварительные изыскания уже окончены. Постройка и эксплоатация этих линий не преминут внести новую жизнь в анатолийские провинции. Равным образом серьезно изучается вопрос о соединении анатолийских линий с Сивасом». По этому поводу я имел сегодня разговор с французским послом, сообщившим мне, что нет ничего еще окончательно заключенного между французской компанией и Портой, но переговоры между ними продолжаются. По словам Бомпара, он с самого начала переговоров советовал туркам войти с нами в сношения по поводу ноты 1900 года. По его мнению, Порта ожидает будто бы ныне от нас окончательных предложений, так как объяснения моего предместника с Ассим-беем на почве соглашения о смычке железных дорог, в видах экономических интересов, велись очень усердно, и Ассим-бей заявил будто бы ему, что он уже принял несколько принципиальных предложений Чарыкова. Бомпар старался убедить меня, что одно воспоминание о соглашении 1900 года возбуждает негодование турок, что помешать постройке железных дорог в районе

[1] В тел. от 18/5 апр. за № 160 М. Гирс сообщил: «Дарданеллы совершенно закрыты сегодня минными заграждениями, всякое сообщение прекращено».

[2] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в делах б. росс. пос-ва в К-поле.

[3] В лит. копии, хранящейся в делах б. м-ва ин. дел: Родос и Хиос.

[4] Тронная речь султана была оглашена великим визирем при открытии парламента 18/5 апр. 1912 г.

предположенных линий нам никогда не удастся, но что 12-летний срок, определенный для доведения дороги до Эрзерума, дает нам полную возможность достроить необходимые дороги на Кавказе. Я возражал ему, что, имея в руках акт 1900 года, хотя и несовершенный по форме, мы вполне естественно стремимся извлечь из него наибольшую выгоду, соответствующую нашим интересам, нисколько не стремясь раздражать турок. Разговор наш носил совершенно частный характер. Полагаю, что вопрос назрел здесь настолько, что надлежало бы вызвать объяснения турок касательно их настоящего отношения к соглашению 1900 года. С этим согласен и Бомпар. Но полагал бы я равным образом необходимым объясниться предварительно с парижским кабинетом, дабы избегнуть могущих произойти недоразумений в этом вопросе. Эти объяснения облегчат нам дальнейший наш образ действий и здесь в выяснении наилучшего использования соглашения 1900 года. Повидимому, Бомпар относится несочувственно к непосредственным нашим объяснениям с парижским кабинетом, опасаясь вмешательства политических влияний в преследуемые им здесь коммерческие интересы французской компании. Буду ожидать указаний.

Гирс.

№ 781. Посланник в Пекине [1] министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 380. 18/5 апреля 1912 г.

Четверной консорциум.

Отвечая на сообщение вай-ву-бу по поводу сделки с бельгийским синдикатом [2], посланники отрицают наличность в данном случае какого-либо недоразумения и характеризуют поведение китайцев, как прямое нарушение обязательств по отношению к четверному консорциуму. Переговоры с китайцами могут быть возобновлены лишь по принятии со стороны последних действительных мер, чтобы обеспечить соблюдение означенных обязательств. От этой точки зрения посланники тем меньше могут отступить, что после предъявленного ими [25] 12 марта протеста китайцы заключили второй контракт о займе с участниками бельгийского синдиката [3].

Крупенский.

№ 782. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [4].

19/6 апреля 1912 г.

His Majesty's Government has learnt with much pleasure of the decision of the Imperial Government to participate in the Chinese Reorganisation Loan of sixty million pounds. His Majesty's Government take note of the reservation made by the Russian Government in the aide-mémoire communicated by His Excellency Mr. Sazonow to His Majesty's Ambassador at St. Petersburg on April 6 last/March 24 [5] to the effect that the provisions of the loan must contain nothing likely to prejudice the special rights and interests of Russia in northern Manchuria, Mongolia and the west of China; but it is presumed that, as in the case of the reservation made by the Imperial Government in regard to the recognition of the Republic of China, the special rights and interests here refered to are those which Russia derives from her treaties and agreements with China.

Sir E. Grey has communicated to the British financial group the designation of the Russo-Asiatic Bank to represent the Russian group. His Majesty's Government

[1] 18/5 апр. В. Крупенский вступил в управление миссией.

[2] В тел. от 16/3 апр. за № 375 Щекин сообщил, что в своем ответе на протест посланников (см. № 688) кит. м-во ин. дел, «приписывая происшедшее недоразумению», указывало на свою крайнюю нужду в деньгах и просило возобновить переговоры четверного консорциума с м-ром финансов.

[3] См. стр. 408, прим. 1.

[4] Опубл. М., стр. 552.

[5] См. № 733.

understand that a preliminary interchange of views as to the terms of the loan is already proceeding between the financial groups, in which the Russo-Asiatic Bank will doubtless be invited to take part; but His Majesty's Government have already expressed the view, in a memorandum communicated to the Russian Ambassador in London on April 2 last/March 20 [1], that the terms and conditions of the loan must form the subject of careful consideration at the hands of the Governments concerned, and that until agreement on this question has been arrived at the loan cannot be sanctioned. The Imperial Government may further count on the support of His Majesty's Government in discouraging the introduction into the terms of the loan of any conditions which might be prejudicial to the special treaty rights of Russia to the north of the Great Wall.

Sir E. Grey is in full accord with the view expressed by the Imperial Minister for Foreign Affairs that the Combine cannot claim to possess a monopoly with regard to all Chinese Government loans in the future, but His Majesty's Government have promised not to support any loan which might conflict with the terms or weaken the security of the Reorganisation Loan pending the issue of the final instalment which, according to present arrangements, must take place within five years. As regards municipal loans, His Majesty's Government have always been inclined to regard with disfavour loans to provincial authorities in China, and they are certainly not disposed to alter their attitude in the respect under the present circumstances.

Перевод.

Правительство его величества с большим удовлетворением узнало о решении императорского правительства принять участие в китайском реорганизационном займе в 60 млн. фунтов. Правительство его величества принимает к сведению оговорки, сделанные российским правительством в памятной записке, сообщенной его превосходительством г. Сазоновым послу его величества в С.-Петербурге 6 апреля/24 марта, а именно, чтобы условия займа не содержали ничего могущего нанести ущерб специальным правам и интересам России в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае; но при этом предполагается, что оговорка, сделанная императорским правительством на этот раз, как и оговорка по вопросу о признании китайской республики — имеет в виду специальные права и интересы России, основанные на ее договорах и соглашениях с Китаем.

Сэр Э. Грей сообщил английской финансовой группе, что представителем русской группы назначен Русско-азиатский банк. Правительство его величества осведомлено, что в настоящее время между финансовыми группами уже идет предварительный обмен мнениями относительно условий займа, в котором Русско-азиатскому банку будет, без сомнения, предложено принять участие; но правительство его величества в меморандуме, переданном российскому послу в Лондоне 2 апреля/20 марта уже высказалось в том смысле, что статьи и условия займа должны быть тщательно изучены заинтересованными правительствами и что до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение по этому вопросу, заем не может быть санкционирован. Императорское правительство может также рассчитывать на поддержку правительства его величества в деле противодействия включению в условия займа положений, способных нанести ущерб специальным договорным правам России в областях, расположенных к северу от Великой стены.

Сэр Э. Грей полностью согласен с точкой зрения, выраженной императорским министром иностранных дел, что консорциум не может требовать для себя монополии в отношении всех будущих займов китайскому правительству, однако правительство его величества дало обещание не оказывать содействия каким бы то ни было займам, условия которых были бы в противоречии статьям или ослабили бы обеспечение реорганизационного займа до последнего его выпуска, который по настоящему соглашению должен быть сделан в течение пяти лет. Что касается муниципальных займов, то правительство его величества всегда отрицательно относилось к займам, выдаваемым провинциальным властям в Китае, и оно нисколько не расположено изменить свое отношение к этому вопросу при существующих обстоятельствах.

№ 783. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 106. 19/6 апреля 1912 г.

Dardanelles.

Comme j'entrai chez Nicolson aujourd'hui, le chargé d'affaires d'Italie en sortait. Le chargé d'affaires était venu l'informer que le gouvernement italien avait

[1] См. № 721.

envoyé deux escadres dans les eaux turques. Il n'yapas de nouvelles de la première, la seconde avait fait une démonstration à l'entrée des Dardanelles dans l'intention d'attirer la flotte turque. Un torpilleur turc avait paru puis s'était retiré, à la suite de quoi l'escadre italienne, considérant la démonstration terminée, s'était jusqu'à nouvel ordre retirée après avoir coupé le cable télégraphique. Mais que les Turcs avaient lancé des mines et que les forts turcs avaient les premiers ouvert le feu sur l'escadre italienne sans causer de dégats. Nicolson a répondu au chargé d'affaires que du moment qu'il était informé officiellement de ce qu'il venait d'entendre, il se croyait obligé de lui dire qu'il regrettait vivement la décision de l'Italie: que l'Italie avait perdu de vue que les Dardanelles se trouvaient dans une situation toute particulière et spécialement importante pour le commerce du monde et que les intérêts du commerce anglais allaient à cause de la décision de l'Italie souffrir des pertes sérieuses sans l'exclusion possible de crise économique considérable, que l'Angleterre ne serait pas la seule à éprouver ces résultats, mais qu'il n'avait qualité de parler qu'au nom du gouvernement anglais. Nicolson fit observer à Manzoni que sans parler du feu des fortifications turques, tout naturel contre une escadre ennemie pénétrant dans les Détroits, la responsabilité pour les mines ne pourrait en aucune façon être mise à charge du gouvernement turc mis en état de légitime défense. Le chargé d'affaires d'Italie répondit qu'il n'avait d'autres instructions que celle de faire la communication ci-dessus. Il ajouta pourtant qu'en Italie on considérait le moment venu pour effaroucher la Turquie par des moyens puissants dans l'intérêt de la paix. Nicolson reprit qu'il ne comprenait pas comment une démonstration navale suivie de retraite pouvait le moins du monde impressionner la Turquie, qu'il croyait plutôt qu'elle ne servirait qu'à exciter le sentiment belliqueux des Turcs et les rendrait plus obstinés dans la défense. Nicolson me dit avoir répété qu'il regrettait vivement l'action italienne qui, dans les conditions que le chargé d'affaires d'Italie venait de lui décrire, ne pouvait avoir aucun résultat utile à la paix. Je dis à Nicolson que je vous communiquerais ce qu'il venait de me dire.

Benckendorff.

Перевод.

Дарданеллы.

Когда я сегодня входил к Никольсону, от него выходил итальянский поверенный в делах. Поверенный в делах приходил сообщить ему, что итальянское правительство послало две эскадры в турецкие воды. О первой нет известий, вторая же произвела демонстрацию у входа в Дарданеллы с целью привлечь турецкий флот. Один турецкий миноносец показался, потом ушел, после чего итальянская эскадра, считая демонстрацию законченной, удалилась впредь до новых распоряжений, перерезав телеграфный кабель. Но что турки пускали мины и турецкие форты первые открыли огонь по итальянской эскадре, не причинив ей ущерба. Никольсон ответил поверенному в делах, что раз ему официально сообщено о том, что он только-что выслушал, то он считает себя обязанным сказать ему, что он крайне сожалеет о решении, принятом Италией: что Италия упустила из виду, что Дарданеллы находятся в совершенно особом положении, исключительно важном для мировой торговли и что интересы английской торговли понесут, из-за решения Италии, серьезные потери, не исключена даже возможность значительного экономического кризиса; что не одна Англия испытает на себе эти последствия, но что он уполномочен говорить лишь от имени английского правительства. Никольсон заметил Манцони, что, не говоря об огне, открытом с турецких укреплений, вполне естественном против неприятельской эскадры, проникшей в проливы, нельзя никоим образом возлагать ответственность за мины на турецкое правительство, поставленное в положение необходимой обороны. Итальянский поверенный в делах ответил, что у него нет иных инструкций, как только сделать вышеуказанное сообщение. Он добавил однако, что в Италии считают, что в интересах мира наступило время напугать Турцию сильными средствами. Никольсон возразил, что он не понимает, каким образом морская демонстрация с последовавшим за ней отступлением может хоть в малейшей степени произвести впечатление на Турцию, что, по его мнению, эта демонстрация только послужит к возбуждению воинственных чувств у турок и сделает их более упорными в обороне. Никольсон сказал мне, что он повторил, что очень сожалеет о поступке Италии, который в условиях, описанных ему итальянским поверенным в делах, не может иметь никакого результата, полезного делу мира. Я сказал Никольсону, что передам вам то, что он мне сообщил.

Бенкендорф.

№ 784. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 46 [1]. 19/6 апреля 1912 г.
Срочная.

Будучи спешно приглашен министром иностранных дел, я послал в Консульту Гулькевича. Министр показал ему текст донесения командующего итальянскими морскими силами, сущность которого ваше высокопревосходительство найдете в сообщении «Стефани». Сан-Джулиано добавил, что крейсирование эскадры имело целью доказать на деле, что Италия обладает полной свободой действий в Архипелаге, на случай если бы тронная речь султана содержала упоминание о противном [2]. Цель посылки эскадры была, как он выразился, лишь «demonstration pacifique» [3], и эскадра уже вернулась в Италию. Министр опасается, чтобы инцидент не послужил предлогом к возобновлению Англией или какой-либо иной державой протеста против военных действий Италии в проливах [4]. Подобный протест был бы опасен тем, что дал бы повод туркам рассчитывать, что с этой стороны они обеспечены от всяких посягательств Италии, что осложнило бы, с одной стороны, дело посредничества, а с другой, общую военную программу Италии. Министр полагает, что единственной державой, голос которой пользуется достаточным авторитетом в Англии, является Россия, и он надеется, что ваше высокопревосходительство, продолжая вашу деятельность в интересах мира, не откажетесь воздействовать в вышеизложенном смысле на державы. Министр ему [5] показался очень расстроенным [6].

Долгорукий.

№ 785. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 29. 19/6 апреля 1912 г.

Граф Берхтольд отзывается очень строго о морской демонстрации Италии перед Дарданеллами и заявил мне, что итальянское правительство совершает ошибки за ошибками. Если демонстрация эта должна предвещать намерение ворваться силой в Дарданеллы, то этим выдвигается серьезная опасность осложнений на Балканах, чего сама Италия не может желать; если же это просто демонстрация, то она не произведет никакого впечатления на Турцию. Такая выходка особенно неудачна в момент попытки пяти держав склонить Турцию объявить условия, на которых она согласилась бы заключить мир. Вероятно, турецкое правительство будет еще менее сговорчивым. По сведениям графа Берхтольда, эта морская демонстрация повлияла на текст тронной речи султана [7], составленной в более воинственном и непримиримом духе.

Гирс.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 348, № 593.

[2] Тел. от 19/6 апр. за № 47 (опубл. Siebert, II, S. 349, № 594) Долгорукий сообщил Сазонову, что Сан-Джулиано, пригласив к себе англ. посла в Риме Родда, «старался уверить его, что бомбардировка Дарданелл явилась непредвиденным действием и была вызвана стрельбой турецких фортов по итальянской эскадре, бывшей вне черты территориальных вод». Сан-Джулиано добавил, что «прорыв через проливы никогда не будет осуществлен».

[3] «мирная демонстрация».

[4] Ср. №№ 549 и 550.

[5] Т. е. Гулькевичу.

[6] Тел. от 21/8 апр. за № 48 Долгорукий осведомил Сазонова о том, что Родд передал Сан-Джулиано «сожаление» Грея по поводу бомбардировки Дарданелл, так как он «надеялся, что проливы, ввиду их всемирно-торгового значения, останутся вне области военных действий».

[7] См. стр. 424, прим. 4.

№ 786. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

/. Письмо. 19/6 апреля 1912 г.
Конфиденциально.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несколько дней тому назад уехал из Тегерана назначенный в Бухарест великобританский посланник сэр Джордж Барклай [1].

Считаю долгом засвидетельствовать перед вашим высокопревосходительством, что в течение двух с половиной лет совместного пребывания в Тегеране между бывшим посланником и мной существовали самые искренние дружеские отношения, чему много способствовала прямота характера и порядочность моего великобританского коллеги.

Как у большинства англичан, его симпатии вначале склонялись в пользу персидских националистов и в период, предшествовавший отречению от престола Мохамед-Али-шаха, Барклай несомненно верил в возможность возрождения Персии при помощи этой партии. Это не помешало ему однако критически затем относиться к ее деятельности и, наконец, под влиянием постоянного обмена взглядов с императорской миссией, совершенно изменить о ней свое первоначальное впечатление.

Коренной перелом в образе мыслей моего коллеги совершился летом 1910 года, когда он, уже сознавая все недостатки здешних крайних элементов, находил все же нужным, на основании прежних инструкций, доброжелательно относиться к бывшему тогда у власти демократическому кабинету, между тем как императорская миссия считала необходимым бороться с последним ввиду его явной враждебности к России. Великобританское правительство вполне определенно указало тогда своему представителю, что оно ставит главной целью своей политики в Персии сохранение англо-русского соглашения 1907 года и что ему совершенно безразлично, какая из партий находится здесь у власти. Сэр Джордж был искренно рад получению этих указаний, устраняющих, по его словам, последнюю возможность возникновения каких-либо недоразумений между обеими миссиями в Тегеране, и с тех пор он порвал связи с националистами и во всем неизменно придерживался самого корректного по отношению к императорской миссии образа действий.

Последнее же было особенно полезно прошлым летом, когда, вслед за прибытием в Персию Мохамед-Али-шаха, великобританская миссия наводнялась бесконечными жалобами персидского правительства на наших консулов, всеми силами содействовавших, будто бы, восстановлению бывшего шаха на престоле. Барклай сначала запрашивал у меня объяснений по содержанию этих жалоб, но потом, когда мне удалось несколько раз доказать их неосновательность, он перестал обращать на них внимание, не сообщал их в Лондон и просил даже здешнее министерство иностранных дел не доставлять ему подобных сведений, а направлять их непосредственно в императорскую миссию.

В результате такого отношения великобританского посланника у персов явилось, наконец, убеждение в полной солидарности политики России и Англии в Персии.

Ввиду вышеизложенного я искренне и глубоко сожалею об отъезде сэра Джорджа из Персии.

---

[1] Тел. от 22/9 февр. за № 121 Поклевский известил Сазонова о переводе Барклая в Бухарест и о назначении на его место англ. посланника в Бухаресте Тоунлея. Тел. от 29/16 февр. за № 136 Поклевский сообщал, что «в персидских кругах объясняют перемещение Барклая тем, что он, будто бы, слишком находился под влиянием императорской миссии. В связи с этим здешние националисты надеются, что новый английский посланник будет более энергично отстаивать перед нами персидские интересы». На этой тел. имеется помета рукой Клемма: «Министр хотел переговорить с Бьюкененом, ввиду не совсем благоприятных сведений, которые у нас имеются о заместителе Барклая Sir W. Townley. Бьюкенен сказал С. Д. Сазонову, что сам Тоунлей — паинька, но что его жена — сатана!».

Только-что прибывшего в Тегеран нового великобританского посланника сэра Вальтера Тоунлея я неоднократно встречал в Лондоне, и у меня осталось о нем благоприятное впечатление.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 787. Меморандум японского министерства иностранных дел российскому министру иностранных дел.

20/7 апреля 1912 г.[1]
Strictly confidential.

The Imperial Government of Japan have, in a spirit of conciliation and accomodation, given careful consideration to the observations contained in the aide-mémoire of the Imperial Russian Government on the subject of the proposed secret convention [2], having for its object the delimitation of the respective spheres of special interest of Japan and Russia in Western Manchuria and Inner Mongolia, which the Japanese Ambassador at St. Petersburg suggested to the Russian Minister for Foreign Affairs.

In answer to the first point to which that aide-mémoire is addressed, the Imperial Government hasten to say, in confirmation of the view expressed by Baron Motono to Mr. Sazonow on the 20/7-th February last, that it was their intention that the dispositions of the secret convention of 1910 should fully apply to the newly delimitated region in Manchuria. They had assumed that that result would naturally flow from the extension of the existing spheres. Accordingly they cannot at this time have any objection to the introduction into their present project, of an express stipulation on the subject, if the Russian Government deem that course either necessary or advisable.

With regard to the question of Inner Mongolia, the Imperial Government wish to assure the Russian Government that in suggesting the line of division which appears in the project now under examination, they had no intention or desire to do anything in impairment of the freedom and security of the existing Ourga-Kalgan caravan route or to the prejudice of the treaty rights of Russia. It is quite true that Inner Mongolia is entirely outside of the scope of the understanding of 1907 and 1910. So far as those conventions are concerned, the region stands on the same footing as the other parts of China, not affected by the spheres of interest of either Russia and Japan. It is, in effect, in contemplation of said convention, a neutral zone lying in some of its reaches between the Japanese and Russian spheres.

But in consequence of natural gravitation and propinquity Japan has in recent years acquired special rights and interests in eastern Inner Mongolia. Accordingly, Inner Mongolia has become a region where the interests of Japan and Russia may be said to meet. In these circumstances the Imperial Government earnestly desiring at all times to take suitable measures to remove every possible cause of misunderstanding, considered that the moment was opportune for the conclusion of an arrangement on the subject. Guided by the principle of parity of advantages, which presided over the negociations which resulted in the convention of 1907 and 1910, and wishing to confine the discussions at this time entirely to the question of the Western Manchuria and Inner Mongolia, they put forward their present proposals, in which Inner Mongolia is divided and the provisions of article III of the secret convention of 1907 are reciprocally applied in respect of the two parts.

If, notwithstanding the foregoing exposition, the Imperial Russian Government are still of opinion that the suggested line of demarcation in Inner Mongolia would be injurious to the said caravan route or contrary to the principle of equality of advantages, the Imperial Government would be willing to place the

[1] Меморандум не датирован и был передан япон. пос-вом в Петербурге м-ру ин. дел при сопроводительной пам. записке от 20/7 апр.

[2] См. № 499.

boundary at a sufficient distance to the eastward of such route to prevent any interference from Japan's sphere with that line of communication. Such modification would, moreover, answer all objections based upon the proposition that the division disregards the principle of the balance of advantages to which the two interested Powers, in the development of their activities and special interests in the affected regions, are sincerely attached.

In the judgment of the Imperial Government it is necessary in view of the present situation, as well as in order to keep pace with the progress of events to establish the delimitations now contemplated and they accordingly hope that the Imperial Russian Government will find no difficulty in giving their adhesion to the amended proposals of Japan.

Перевод.

Строго доверительно.

Императорское правительство Японии в духе примирения и в целях согласования интересов подвергло внимательному рассмотрению замечания, содержащиеся в памятной записке императорского российского правительства по вопросу о проектируемой секретной конвенции, имеющей целью разграничение сфер специальных интересов Японии и России в Западной Манчжурии и Внутренней Монголии, которая была предложена японским послом в С.-Петербурге российскому министру иностранных дел.

В ответ на первый пункт, которого касается эта памятная записка, императорское правительство спешит заявить, в подтверждение взгляда, высказанного бароном Мотоно г. Сазонову 20/7 минувшего февраля, что в его намерения входило, чтобы постановления секретной конвенции 1910 года полностью были применены ко вновь разграничиваемой области Манчжурии. Оно считало, что этот результат естественно вытекает из расширения существующих сфер. Вследствие этого оно не может иметь в настоящее время каких-либо возражений против введения в его нынешний проект особого постановления по этому предмету, если российское правительство считает, что это необходимо или желательно.

Что касается вопроса о Внутренней Монголии, императорское правительство желает заверить российское правительство, что, предлагая линию раздела, указанную в проекте, ныне находящемся на рассмотрении, оно не имело намерения или желания нанести какой-либо ущерб свободе и безопасности существующего караванного пути Урга — Калган или договорным правам России. Совершенно справедливо, что Внутренняя Монголия находится всецело вне сферы действия соглашений 1907 и 1910 гг. Согласно этим конвенциям, эта область находится в том же положении, как другие части Китая, не затрагиваемые сферами влияния России или Японии. Действительно, с точки зрения указанных конвенций она является нейтральной зоной, расположенной на некотором своем протяжении между японской и русской сферами.

Но вследствие естественного тяготения и соседства Япония за последние годы приобрела специальные права и интересы в восточной части Внутренней Монголии. Соответственно этому Внутренняя Монголия стала районом, о котором можно сказать, что интересы Японии и России в нем соприкасаются. В связи с этими обстоятельствами императорское правительство, всегда стремящееся путем принятия надлежащих мер устранять всякую возможную причину к недоразумению, нашло момент подходящим для заключения соглашения по этому предмету. Исходя из принципа равенства выгод, которым руководились переговоры, приведшие к конвенциям 1907 и 1910 гг., и желая ограничить в настоящее время обсуждение исключительно вопросом о Западной Манчжурии и Внутренней Монголии, оно выдвинуло настоящие предложения, согласно которым Внутренняя Монголия подлежит разделу и постановления статьи III секретной конвенции 1907 г. будут взаимно применяться в отношении обеих частей.

Если, несмотря на изложенное выше, императорское российское правительство все же придерживается мнения, что предлагаемая демаркационная линия во Внутренней Монголии нанесла бы ущерб упомянутому караванному пути и нарушила бы принцип равенства выгод, то императорское правительство было бы готово провести границу на достаточном расстоянии к востоку от этого пути для того, чтобы предотвратить какое-либо нарушение со стороны Японии этой линии сообщения. Подобное изменение отвечало бы, сверх того, на все возражения, основанные на том положении, что разделом игнорируется принцип равенства преимуществ, которым обе заинтересованные державы искренне руководятся при развитии их деятельности и их специальных интересов в указанных областях.

По мнению императорского правительства, ввиду нынешнего положения, равно как и для того, чтобы итти в ногу с ходом развития событий, необходимо установить предполагаемое ныне разграничение, и оно поэтому надеется, что императорское российское правительство не встретит затруднений к принятию измененных предложений Японии.

№ 788. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

-/. Телеграмма № 716 [1]. 20/7 апреля 1912 г.

Сообщается в Париж, Токио и Пекин для личного сведения.

Reçu lettre du [16] 3 avril [2], je me réfère à ma lettre expédiée hier par courrier [3].

La réserve faite par Morley, qui limite nos intérêts spéciaux au nord de la Grande Muraille à ceux basés sur nos traités avec la Chine, ne répond pas à notre idée. La gravitation géographique et économique de ces régions vers la Russie nous y crée une situation spéciale et des intérêts politiques de la plus grande importance qui n'ont pas toujours trouvé leur expression dans nos traités avec la Chine et que le gouvernement chinois a dernièrement tâché de méconnaître.

Veuillez vous expliquer dans ce sens avec le Foreign Office de manière à ne laisser aucun malentendu au sujet du caractère de l'appui sur lequel nous comptons de la part de l'Angleterre en participant aux emprunts chinois de réorganisation. Veuillez aussi rappeler au gouvernement anglais la convention russo-anglaise de 1899 [4] concernant la construction de chemins de fer en Chine et nos conventions secrètes avec le Japon de 1907 et de 1910, qui ont été communiquées à Sir E. Grey et qu'il a accueillies avec satisfaction.

Je m'expliquerai dans le même sens avec Buchanan quand il fera la démarche qui lui a été prescrite par Morley [5].

Sazonow.

Перевод.

Сообщается в Париж, Токио и Пекин для личного сведения.

Получил письмо от [16] 3 апреля, ссылаюсь на свое письмо, отправленное вчера с курьером.

Оговорка, сделанная Морлеем, которая ограничивает наши специальные интересы к северу от Великой стены, интересами, основанными на наших договорах с Китаем, не соответствует нашей точке зрения. Географическое и экономическое тяготение этих областей к России создает нам особое там положение и политические интересы величайшего значения, которые не всегда находили выражение в наших договорах с Китаем и которые китайское правительство за последнее время пыталось игнорировать.

Благоволите объясниться в этом смысле с министерством иностранных дел таким образом, чтобы устранить всякое недоразумение относительно характера поддержки, на которую мы рассчитываем со стороны Англии, присоединяясь к китайскому реорганизационному займу. Благоволите также напомнить английскому правительству об англо-русской конвенции 1899 г. касательно постройки железных дорог в Китае и о наших секретных конвенциях с Японией 1907 и 1910 гг., которые были сообщены сэру Э. Грею и которые он принял с удовлетворением.

В этом же смысле я объяснюсь с Бьюкененом, когда он предпримет шаги, предписанные ему Морлеем.

Сазонов.

№ 789. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

-/. Телеграмма № 718 [6]. 20/7 апреля 1912 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 78 [7] получена. Ссылаюсь на №№ 1873 [8] и 1915 [9] минувшего года.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 350, № 595.

[2] При письме от 16/3 апр. Бенкендорф препроводил Сазонову переданный ему англ. м-вом ин. дел текст инструкций Морлея Бьюкенену, датированный 15/2 апр., в соответствии с которыми последний вручил пам. записку от 19/6 апр. (см. № 782).

[3] Повидимому, Сазонов имеет в виду свое письмо от 13 апр./31 марта за № 313 (см. № 758).

[4] Соглашением, состоявшимся в форме обмена нот от 28/16 апр. 1899 г., росс. прав-во обязалось не домогаться железнодорожных концессий в бассейне Янцзы, а англ. прав-во — ж.-д. концессий на север от Великой стены.

[5] Публикуемая тел. была, повидимому, отправлена до получения пам. записки англ. пос-ва в Петербурге от 19/6 апр. (см. № 782).

[6] Опубл. Stieve, II, S. 88, № 257.

[7] Тел. М. Гирса за № 78 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[8] См. № 93.

[9] См. № 121.

Благоволите безотлагательно сделать Порте письменное заявление нижеследующего смысла: не можем не обратить серьезное внимание Порты на несоответствие обеспеченного трактатами права свободной нейтральной торговли как в мирное, так и в военное время с изданным ею распоряжением о полном запрете прохода иностранных судов чрез Дарданеллы [1].

Поэтому надеемся и уверены, что Порта, уже знакомая с нашей точкой зрения на этот вопрос, без замедления отменит свой запрет плавания и восстановит и обеспечит свободу прохода Дарданелл, как только прекратится непосредственная угроза нападения врага, — что уже существует со вчерашнего дня.

В противном случае неминуемо возникнет вопрос о возмещении материальных убытков за задержку торговли, для Турции очевидно нежелательный.

Благоволите вызвать Порту на скорейший ответ и о последующем уведомить [2].

Сазонов.

№ 790. Король болгарский Николаю II.

Письмо [3]. 20/7 апреля 1912 г.

Sire,

Votre majesté trouvera ci-inclus copie de certaines pièces rigoureusement secrètes [4] dont la teneur doit être l'objet de la lecture de votre majesté et que je la prie de vouloir bien conserver ensuite dans ses archives personnelles. J'espère que cette lecture causera satisfaction à votre majesté et lui apportera une preuve nouvelle de mon activité pour la grande œuvre slave.

La mission à la tête de laquelle se trouve le président de la Chambre monsieur Danew avait pour but d'inviter de ma part votre majesté à venir assister à la consécration de la cathédrale st. Alexandre Newsky à Sophia. Nous savons dès à présent que votre majesté est empêché de se rendre en Bulgarie à cet effet. Je me permets de vous en exprimer, sire, mon très sincère regret en mon nom et en celui du peuple bulgare, qui eût été heureux à cette occasion d'approcher en l'auguste personne de votre majesté le petit-fils de son libérateur. J'ai chargé monsieur Danew de faire à votre majesté un доклад détaillé sur la situation de la péninsule Balkanique en général et de la Bulgarie en particulier et de lui parler en mon nom à cœur ouvert, afin de faire cesser certains doutes pour moi fort pénibles..!

Sachant que votre majesté n'est pas ami des longues élucubrations épistolaires, je termine ces lignes et en la priant de croire à mes sentiments invariablement dévoués et affectueusement fraternels.

Ferdinand.

Перевод:

Государь,

Ваше величество найдете при сем копии с некоторых строго секретных документов, содержание которых должно явиться предметом чтения для вашего величества и которые я вас прошу хранить затем в ваших личных архивах. Я надеюсь, что это чтение доставит удовлетворение вашему величеству и даст вам новое доказательство моей деятельности на пользу великого славянского дела.

Миссия, во главе которой находится председатель палаты г. Данев, имела целью пригласить от моего имени ваше величество прибыть в Софию для присутствия на освящении собора св. Александра Невского. Мы уже знаем, что ваше величество лишено возможности

---

[1] См. № 778.

[2] В ответной тел. от 22/9 апр. за № 174 М. Гирс сообщил Сазонову, что он передал письменное заявление Порте и объяснился устно с великим визирем, который ответил, что «он передаст вопрос без замедления на обсуждение совета министров». Пам. записка Гирса турец. прав-ву от 22/9 апр., совпадающая по содержанию с публикуемым документом, опубл. Изв. МИД, 1913 г., кн. 1, стр. 76.

[3] Письмо Фердинанда было передано Николаю II Даневым, приехавшим в Ялту во главе болг. делегации 6 мая/23 апр. Данев пробыл в Ялте до 10 мая/27 апр. (см. № 678).

[4] См. приложения I и II к № 625.

приехать для этой цели в Болгарию. Позволяю себе выразить вам, государь, самое искреннее сожаление от моего имени и от имени болгарского народа, который был бы счастлив иметь возможность увидеть в лице вашего величества внука своего освободителя. Я поручил г. Даневу сделать вашему величеству подробный доклад о положении на Балканском полуострове вообще и в Болгарии в частности, и говорить с вами от моего имени с открытым сердцем, чтобы положить конец некоторым сомнениям, крайне для меня тягостным..!

Зная, что ваше величество не любите длинных письменных излияний, я заканчиваю эти строки и прошу верить в мою неизменную преданность и благожелательные братские чувства.

Фердинанд.

№ 791. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 61. 20/7 апреля 1912 г.

В дополнение к своим двум телеграммам о бомбардировании Дарданелл имею пока возможность добавить весьма немного, по той причине, что могу основываться лишь на турецких пристрастных данных, а если верить туркам, то один корабль итальянский был выведен из строя, несмотря на то, что итальянские корабли вели бой с расстояния 7 миль. По турецкой версии, укрепления вовсе не пострадали, и потеря заключалась всего в одном убитом солдате и одной павшей лошади.

Одно однако установлено, что итальянцы и не старались форсировать пролив; они выпустили всего 346 снарядов с дальнего расстояния, после чего ушли. Цель их, тем не менее, была достигнута, ибо турки поторопились и забросали фарватер минами и таким образом закрыли свободный проход через пролив для коммерческих судов, что только и было нужно итальянцам, которые рассчитывают на более энергическое воздействие держав на Турцию для заключения мира после фактического прекращения торгового движения через проливы.

Обращает на себя внимание факт, что итальянцы начали бомбардировку до получения державами ответа на их совместное представление о посредничестве для заключения мира.

До известной степени они могут оправдать свой образ действий тем, что они, принимая посредничество держав, выговорили себе свободу действий. Очевидно, они захотели повлиять на турецкий ответ и побудить их к уступчивости и устроили бомбардировку как раз в день открытия нарламента. Но, насколько можно судить, получился отрицательный результат, и турки лишь хуже были озлоблены. И, странное дело, не только против итальянцев, но и против нас, которые приняли на себя инициативу в посредничестве. Здесь все уверены в том, что у нас с Италией заключен договор против Турции, и что мы желаем воспользоваться моментом для своих целей. Полагаю, что этот слух распространяется не только нашими врагами, но и нашими балканскими «друзьями», которые были бы в восторге от нашего вмешательства в турецкие дела и от открытия нами военных действий, из чего составилась бы обстановка крайне выгодная для достижения ими своих целей.

Здесь эти дни циркулируют самые нелепые слухи о «коварстве» России, и на бирже сегодня циркулировал слух о том, что русский флот на-днях ожидается перед Босфором [1].

Во всем этом есть и хорошая сторона, что в Турции почувствовали впервые после 3 лет, что Россия есть сила, с которой Турция очень и очень должна считаться.

Впрочем, все это дело скоро разъяснится, а останется, тем не менее, для турок впечатление пережитого страха, что составит несомненный для нас плюс для будущего.

Генерального штаба генерал-майор Хольмсен.

---

[1] В тел. от 20/7 апр. за № 167 М. Гирс, со своей стороны, указывал, что в связи с бомбардировкой Дарданелл в К-поле замечается возбуждение против России и сообщал: «Нас обвиняют в политических кругах как в оппозиционных, так и сторонников правительства, в общности действий с итальянцами, с коими мы связаны будто бы тайным договором».

№ 792. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 362. 20—19/7—6 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

При записке от [12 апреля] 30 минувшего марта № 201 [1] ваше превосходительство доставили мне 4 донесения бывшего российского посла в Константинополе за №№ 21 [2], 22 [3], 26 и 32 [4], в коих гофмейстер Чарыков сообщает данные касательно современного положения вопроса о сооружении французскими предпринимателями обширной рельсовой сети в восточной части Малой Азии, а равно излагает свои соображения о способах ограждения русских интересов, затрагиваемых предположениями означенных предпринимателей.

Как видно из донесений гофмейстера Чарыкова, французские предприниматели представили оттоманскому правительству проект соединения рельсовым путем важнейших пунктов Восточной Анатолии, каковы Самсун, Сивас, Харпут, Эрзингян, Эрзерум, Трапезунд. Этот проект уже сам по себе имеет большое значение, так как дает туркам выход в Черное море в двух пунктах — Самсуне и Трапезунде, — но для нас значение его особенно велико ввиду того, что проектируемая французами рельсовая сеть будет несомненно соединена с железными дорогами, находящимися в западной части Малой Азии, а, кроме того, не исключена возможность соединения указанной сети и со Средиземным морем путем проведения проектированных Честером линий. Таким образом в случае осуществления французских предположений турки будут иметь возможность передвигать свои войска почти к самой нашей границе как со стороны Константинополя, так и со стороны залива Александретты. Этими же путями, а равно и со стороны Черного моря наши конкуренты будут в состоянии направлять свои товары в сферу нашего торгового влияния.

В представленных уже французскими предпринимателями оттоманскому правительству проектах контрактов о порядке постройки и эксплоатации железных дорог в Малой Азии не содержится каких-либо особых оговорок, которые могли бы быть использованы нами в деле ограждения русских стратегических и экономических интересов, и французский посол в Константинополе мог указать лишь на один пункт контракта о постройке, дающий русским заводам надежду на получение заказов по изготовлению подвижного состава. Наряду с этим представители французских предпринимателей делают нам, в доверительных беседах, словесные успокоительные заявления, что представленные ими оттоманскому правительству данные о технических трудностях и громадной стоимости постройки восточных участков проектируемой сети заставят самих турок отказаться от постройки весьма нежелательной для нас линии Трапезунд — Пекеридж и подчинить план постройки остальных участков к востоку от Эрзингяна соглашению с нами.

В мои виды не входит подвергать какому-либо сомнению искренность заявлений французских предпринимателей, но я все же не могу не отметить, в связи с их образом действий, некоторых обстоятельств.

Согласно подписанному российским и французским послами в Константинополе в апреле 1911 г. протоколу, французы обязались по производстве изыскапий восточных участков вести всякие дальнейшие переговоры с Портой относительно контрактов о постройке и установлении срока постройки не иначе, как с предварительного согласия России. Такая оговорка, казалось бы, должна была обеспечить русскому правительству возможность войти в обсуждение французских

---

[1] При записке от 12 апр./30 марта за № 201 Сазонов препроводил Коковцову указанные в публикуемом документе донесения Чарыкова и просил дать заключение «ввиду предстоящего в ближайшем времени обсуждения в совете министров вопроса о железнодорожном строительстве в Малой Азии».

[2] См. стр. 230, прим. 1.

[3] Деп. Чарыкова от 7 марта/23 февр. за № 22 в основном изложена в его же тел. от 5 марта/21 февр. за № 88 (см. № 588).

[4] Депеши Чарыкова от 23/10 марта за № 26 и от 30/17 марта за № 32 в основном изложены в публикуемом документе.

*

условий постройки железных дорог ранее сообщения таковых оттоманскому правительству. В действительности однако полные проекты контрактов о постройке и эксплоатации оказались переданными оттоманскому правительству ранее, чем они могли сделаться известными всем заинтересованным русским ведомствам.

Не вдаваясь в детальную критику указанных проектов, я ввиду даваемых французами частным путем успокоительных заверений укажу на то, что из сообщенных французским послом в Константинополе [2 марта] 18 февраля сего года результатов железнодорожных изысканий явствовало, что стоимость постройки железных дорог возрастает по мере удаления на восток [1]. Между тем из представленного затем туркам проекта контракта об их постройке видно, что вероятно вследствие изменения группировки участков, строительная стоимость наиболее близкого к русской границе участка Эрзингян — Эрзерум (15 200 турец. фун.) ниже стоимости примыкающих к нему с запада участков Сивас — Чалта — Харпут и Чалта — Эрзингян (24 300 турец. фун.); эти же последние участки турки, согласно заявлению французов, желают во всяком случае строить вне всякой зависимости от соглашения с нами.

С другой стороны, турки, повидимому, не очень обеспокоены исчисленными французами крупными расходами, так как турецкий министр общественных работ добивается сокращения сроков постройки линий с 12 лет до 8, очевидно, надеясь и в более короткий период изыскать, в случае необходимости, нужные средства.

При таких условиях нам, как мне кажется, нельзя не учитывать возможности того, что, если только не встретится решительных помех, оттоманское правительство может не остановиться перед затратой даже весьма крупной суммы для сооружения необходимых для него железных дорог в Малой Азии и что в таком случае французы возьмутся за это дело на тех условиях, которые они уже заявили названному правительству, но в которых интересы России не приняты в должной степени во внимание. Таким образом в течение 8—12 лет стратегическое положение Турции у границ нашего Закавказья и Северной Персии может коренным образом измениться к нашей невыгоде.

Возникает, следовательно, вопрос о способе ограждения наших интересов, которым угрожает проект французских капиталистов. Насколько можно судить по сообщенным мне при записке от [12 апреля] 30 минувшего марта за № 201 и письме от [17] 4 сего апреля за № 204 документам [2], как бывший наш посол в Константинополе, так и министерство иностранных дел не усматривают возможности совершенно прекратить дальнейшие переговоры французов с оттоманским правительством отчасти ввиду необходимости оберегать самолюбие нынешнего турецкого правительства, а отчасти вследствие того, что сделка с ним французских предпринимателей не нарушает, по мнению министерства иностранных дел, буквы русско-турецкого соглашения 1900 г. Ввиду сего нами уже заявлено, хотя пока и в частной предварительной форме, оттоманскому правительству, что мы готовы вступить с ним в переговоры о железных дорогах в Малой Азии на почве «принятия во внимание взаимных коммерческих интересов обоих государств», с тем, чтобы были взаимно установлены руководящие принципы направления и порядка постройки указанных дорог. Турецкое правительство приняло этот принцип, причем выдвинуло вопрос о смычке русских и турецких дорог между Карсом и Эрзерумом [3]. Гофмейстер Чарыков отнесся к этому вопросу с полным сочувствием, усматривая в согласии турок на таковое соединение уступку с их стороны.

Предположения гофмейстера Чарыкова и министерства иностранных дел о дальнейшем направлении этого дела являются логическим развитием создавшегося при изложенных условиях положения вещей. Именно гофмейстер Чарыков полагает, что мы могли бы поддержать французские предложения с тем лишь

---

[1] См. стр. 230, прим. 1.
[2] См. № 770 и приложение к нему.
[3] См. № 588.

изменением, чтобы была совершенно исключена линия Трапезунд — Пекеридж и установлена постепенность постройки остальных дорог в пределах намеченного французами 12-летнего срока. При этом, *одновременно* с подписанием контрактов о постройке дорог, турецкое правительство должно было бы дать нам обязательство, что вслед за приступом к постройке магистрали от Чалта на восток к Эрзингяну и Эрзеруму, а равно в случае возникновения вопроса о сооружении линии к востоку от Диарбекира и Моссула оттоманское правительство не преминет войти в переговоры с Россией о заключении конвенции касательно соединения русских и турецких железных дорог, направления таковых в пределах русской и турецкой территорий и срока их постройки. Со своей стороны, министерство иностранных дел, повидимому, склонно поддерживать французские предложения, не настаивая на *одновременной* выдаче нам Турцией каких бы то ни было обязательств, надеясь достигнуть таковых последующими объяснениями.

Из целого ряда моих предшествующих отзывов вашему превосходительству хорошо известно, что путь, избранный министерством иностранных дел в данном вопросе, внушал мне с самого начала серьезные сомнения, тем более, что он не согласовался с высочайше утвержденным заключением особого совещания 1910 г. Министерству иностранных дел, конечно, ближе доступна оценка как действительного значения русско-турецкого соглашения 1900 г., так равным образом и политической обстановки, создавшейся после заседания особого совещания, но я все же не мог не считать, что мы далеко не бессильны в борьбе с железнодорожными проектами оттоманского правительства, и что данный вопрос, как затрагивающий серьезные государственные интересы, надлежало бы, ранее какого либо соглашения с французами обсудить в совете министров.

Я не буду повторять высказывавшихся уже мной сомнений, но не могу не остановиться на мнении министерства иностранных дел, нашедшем яркое выражение в сообщенной мне ныне при письме за № 204 для внесения на рассмотрение совета министров записке, а именно, что состоявшийся между французами и Портой предварительный договор не нарушает *буквы* соглашения 1900 г., так как не носит характера обычной концессии. Повидимому, ранее и само министерство иностранных дел не держалось столь определенного взгляда, так как еще в письме от [7 августа] 25 июля минувшего года за № 498 [1] гофмейстер Нератов находил формально вполне возможным опротестовать указанный выше договор между французами и Портой, основываясь на соглашении 1900 г. И действительно, именно буквальный текст этого соглашения дает нам, как мне кажется, основание считать его нарушенным в случае действительного осуществления предположений французских предпринимателей.

Соглашение 1900 г. предусмотрело только два пути для постройки железных дорог в Черноморской полосе Малой Азии: или постройку их самим турецким правительством или предоставление концессии русским капиталистам. Между тем в данном случае мы имеем налицо проект сооружения железных дорог иностранной компанией, а не самим турецким правительством, и притом на иностранные деньги, хотя и реализуемые под фирмой другого учреждения.

Хотя выражение «постройка самим правительством» в соглашении и не объяснено точнее, но, казалось бы, оно не может подразумевать полного устранения от дела турецких правительственных инженеров, как это предположено французами. На мой взгляд, мы не лишены формального основания настаивать на том, что для соблюдения как духа, так и буквы соглашения 1900 г. турки должны строить дороги при посредстве именно турецких инженеров, и чтобы, в случае заключения на нужды такой постройки займа, сооружаемые дороги не служили его обеспечением. Такое толкование дало бы нам более твердую почву для объяснений с турками, чем рассуждения о необходимости соблюдения коммерческих интересов обоих государств, и обеспечило бы нам возможность, в случае, если бы действительно было признано целесообразным отказаться от соглашения 1900 г.

---

[1] См. т. XVIII, № 301.

по политическим соображениям, добиться тех или иных компенсаций реального характера.

Я затрудняюсь пока судить в какой мере в настоящее время после всех предшествовавших объяснений наших с турками и французами возможно стать на указываемую мной точку зрения, но во всяком случае я полагаю, что после заседания особого совещания 1910 г. нами, без предварительного обсуждения дела в совете министров, были предприняты известные шаги, которые затруднят предстоящую ныне совету министров задачу, так как поставили на очередь такие не предусматривавшиеся ранее вопросы, как сооружение целой сети турецких железных дорог в ближайшем соседстве с нашей кавказской границей и смычка русских и турецких железнодорожных линий, а равно внушили французам убеждение, что мы относимся сочувственно к их предположениям, — и дадут повод для справедливых с их стороны нареканий в случае перемены нашего отношения к означенным предположениям.

При сем возвращаются четыре донесения гофмейстера Чарыкова, с приложениями, доставленные при записке от 12 апреля/30 марта, № 201.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 793. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Мешеде Дабиже.

Телеграмма № 729. 21/8 апреля 1912 г.

В Лондоне получены, вероятно от Сайкса, фотографии повреждений Беста от бомбардировки. Постарайтесь достать и выслать сюда спешно эти фотографии. Насколько правильно указание, заключающееся в телеграмме Поклевского № 323, что исправление повреждений обойдется в 50 тысяч томанов? [1]

Клемм.

№ 794. Посол в Мадриде [2] министру иностранных дел.

*/. Письмо. 21/8 апреля 1912 г.
Confidentielle.

Monsieur le Ministre,

Des négociations franco-espagnoles sur les affaires du Maroc ont bien peu progressé les dernières semaines.

Comme de part et d'autre on s'entêtait à ne pas céder, Sir E. Grey vient de faire une démarche tant à Paris qu'à Madrid, insistant sur la nécessité absolue pour les deux Puissances d'arriver à une entente.

C'est la première fois que le Cabinet de St.-James s'est départi de son rôle de spectateur bienveillant et a abordé clairement la question des concessions et des compensations territoriales.

Sir E. Grey fit dire qu'il trouvait équitable que la France accepte le Ouerga comme frontière de la zone espagnole et cède la rive droite à cette Puissance, ne voyant aucune raison pour que le gouvernement de la République demande plus

---

[1] В тел. от 19/6 апр. за № 323 Поклевский сообщал Сазонову о получаемых в Тегеране «преувеличенных сведениях» относительно действий русского отряда в Мешеде и добавлял, что перс. прав-во получило извещение от особой комиссии, «что исправление причиненных бомбардировкой повреждений будет стоить около 50 тысяч томанов».

В ответ на публикуемую тел. Дабижа, препровождая фотографии повреждений Беста, отмечал, что «повреждения выглядят значительными на приложении № 1 лишь потому, что фотография снята в упор». Далее Дабижа сообщал, какие повреждения сделаны русскими войсками в мечети: выломано и испорчено около ста маленьких дверей; выломано двое больших ворот и гранатами выломано в куполах около 60 волоченых кирпичей. Дабижа указывал, что эти повреждения можно исправить за 1 тыс. томанов (донесение от 27/14 апр. за № 51).

[2] Будберг вернулся в Мадрид из отпуска 28/15 марта.

dans le Nord du Maroc; qu'en outre l'Espagne lui paraissait avoir droit à un terrain «raisonnable» (Hinterland) enclavant Ifni, sans quoi ce point perdait toute valeur pour elle.

Tant Sir Maurice de Bunsen que M. Garcia Prieto me parlèrent confidentiellement de cette démarche anglaise, que fort heureusement on est parvenu à soustraire à la curiosité toujours en éveil de la presse de Paris. Je ne dissimulai ni à l'un ni à l'autre ce que l'expression «terrain raisonnable» me paraissait avoir de vague et qu'elle pourrait aisément devenir un foyer de nouvelles contestations.

Depuis dimanche dernier on est à Madrid sans réponse officielle.

Les seules nouvelles sont le télégramme de l'ambassadeur d'Espagne à Paris, rendant compte de la remise des propositions espagnoles à Mr. Poincaré [1]. Mr. Perez Caballero ajoute que le Président du Conseil, qui se rendait le jour même à Nice, lui dit qu'il ne serait en mesure de répondre officiellement qu'à son retour, mais que son impression «personnelle» était qu'elles étaient inacceptables.

A Madrid on espère que les désordres de Fez [2] et les embarras qu'ils ne manqueront pas de causer à la France, l'inciteront à plus d'indulgence pour les revendications espagnoles.

Mr. Garcia Prieto ne me cacha pas que la situation lui paraissait des plus tendues et sérieuses et qu'il attendait avec la plus vive impatience le résultat de la démarche anglaise à Paris.

Veuillez agréer, etc. B-n Boudberg.

Перевод.

Доверительное.

Г. министр,

Франко-испанские переговоры по марокканским делам очень мало подвинулись вперед за последние недели.

Так как обе стороны упорствовали в нежелании итти на уступки, то сэр Э. Грей предпринял шаги как в Париже, так и в Мадриде, настаивая на абсолютной необходимости для обеих держав притти к соглашению.

Это первый раз, что С.-Джемский кабинет вышел из своей роли благожелательного зрителя и в ясной форме затронул вопрос об уступках и территориальных компенсациях.

Сэр Э. Грей дал понять, что он находит справедливым, чтобы Франция согласилась считать Уэргу границей испанской зоны, и уступила правый берег этой державе, так как он не видит никакой причины для правительства республики требовать большего в северном Марокко; что кроме того, ему кажется, что Испания имеет право на «разумную» территорию (хинтерланд), охватывающую Ифни, без чего этот пункт теряет для нее всякую ценность.

Как сэр Морис де Бунзен, так и г. Гарсиа Прието говорили мне доверительно об этом английском выступлении, которое, к великому счастью, удалось скрыть от постоянного любопытства парижской прессы. Я не скрыл ни от того, ни от другого, что выражение «разумная территория», мне кажется, страдает неопределенностью и что оно легко может сделаться источником новых споров.

С прошлого воскресенья в Мадриде не имеют официального ответа.

Единственной новостью является телеграмма испанского посла в Париже, сообщающая о передаче испанских предложений г-ну Пуанкаре. Г. Перес Кабальеро добавляет, что председатель совета, уезжавший в тот же день в Ниццу, сказал ему, что он будет в состоянии ответить официально лишь после своего возвращения, но что, по его «личному» впечатлению, они неприемлемы.

В Мадриде надеются, что беспорядки в Феце и затруднения, которые они не преминут доставить Франции, побудят ее к большей снисходительности к испанским требованиям.

Г. Гарсиа Прието не скрыл от меня, что положение представляется ему крайне напряженным и серьезным и что он ожидает с живейшим нетерпением результата английского выступления в Париже.

Примите и пр. Б-н Будберг.

№ 795. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 399. 22/9 апреля 1912 г.

Сегодня состоялось мое первое свидание с Юань Ши-каем. После обмена приветствий, сопровождавший меня Щекин напомнил президенту обещание по-

[1] Ср. № 751.
[2] См. № 776.

следнего дать ответ на поставленные нами требования. Юань сказал, что ввиду возвращения Тан Шао-и и других министров ответ будет ими нам дан в самом непродолжительном времени. Затем я подробно и точно сделал президенту заявление, предписанное мне телеграммой № 667 [1]. Я подчеркнул важное значение, которое мы придаем вопросу о сухопутной торговле и просил дать мне ответ. Юань заверил меня в своем постоянном желании содействовать развитию торговли и дружественных отношений между Китаем и Россией и возложил на присутствующего тут же Ху Вей-дэ поручение изучить сделанное мной предложение и сообщить мне о принятом решении.

Крупенский.

№ 796. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 747 [2]. 23/10 апреля 1912 г.

Ваша телеграмма № 163 [3] получена.

Вполне разделяя соображение о желательности вызвать объяснения турок касательно их настоящего отношения к соглашению 1900 года, полагаю, что, основываясь на разговорах Ассим-бея с Чарыковым, изложенных в его телеграммах №№ 53 [4] и 88 [5], вы могли бы обратиться к Ассим-бею с заявлением в нижеследующем смысле: официальное упоминание в тронной речи о переговорах о построении железных дорог, осуществление коих поставлено соглашением с Россией от 1900 года в зависимость от известных условий, без того, чтобы мы были об этих переговорах официально предуведомлены, — составляет со стороны Порты явный акт невнимания к взаимно [6] с Россией договоренным условиям, — чего мы не можем не отметить с прискорбием.

Тем не менее, готовые из чувства добрососедства согласиться в принципе на пересмотр соглашения 1900 года, в видах облегчения Турции постройки линий коммерческого значения, мы однако предупреждаем, что принуждены будем искать равноценных гарантий нашим коммерческим интересам, почему и ожидаем в ближайшем будущем предложений Турции об изменении соглашения 1900 года.

Частным образом можете прибавить, что упоминаемых гарантий мы будем искать на почве изменения той площади, к коей применимы принципы соглашения 1900 года.

Для личного вашего сведения прибавляю, что если бы Ассим сделал предложения, ставящие вопрос о гарантиях на другую почву, вы можете его выслушать и сообщить министерству его предложения.

О последующем уведомьте возможно скорее.

Сазонов.

№ 797. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо [7]. 23/10 апреля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Quand je reçus votre télégramme du 15/2 avril [8] Sir E. Grey était malheureusement déjà parti en congé [9] et je compris que j'aurais à m'expliquer au sujet des principes de notre politique en Perse avec Sir A. Nicolson. Pourtant, tant par égard personnel pour Lord Morley que pour avoir occasion de m'exprimer en toute fran-

---

[1] См. стр. 405, прим. 1.
[2] Лит. копия.
[3] См. № 780.
[4] См. № 497.
[5] См. № 588.
[6] В оригинале слово «вваимно» надписано над словом «временно».
[7] Опубл. Siebert, II, S. 351, № 596.
[8] См. № 763.
[9] См. № 756

chisé avec un membre du Cabinet autre que le ministre des affaires étrangères, je crus devoir m'adresser d'abord à lui.

Je me rendis bientôt compte que Lord Morley était si peu au courant de l'actualité que sans me lier aux termes propres de vos instructions et sans même faire allusion directe aux paroles que Sir E. Grey m'avaient adressées, je pris occasion des événements de Méched pour établir en principe, avec les développements voulus, la très grande différence entre la situation faite à la Russie et celle faite à l'Angleterre par l'esprit de la convention à cause des conditions géographiques et même éthnographiques, et je dis que cette différence comportait la nécessité non seulement de notre liberté d'action dans notre sphère, mais aussi de la part de l'Angleterre le degré de confiance auquel nous croyons avoir droit et dont nous avions nous-mêmes donné maints gages.

Lord Morley m'interrompit ici pour faire allusion lui-même «to the statesmanlike and straightforward proceeding» du gouvernement russe à l'occasion de la difficulté qui avait surgi pour la convention Afghane de par le refus de l'Emir de donner réponse à ce sujet. Il partit de là pour laisser libre cours à ses souvenirs du temps des négociations pour les conventions qu'il caractérisa des plus importantes et bienfaisantes pour la paix du monde auxquelles il eut prit part. Il me dit, qu'alors comme aujourd'hui il en était partisan chaleureux et convaincu et qu'à son âge avancé rien ne modifierait ses convictions à ce sujet.

Il ne m'opposa aucun argument de principe à ce que je lui disais, ajoutant seulement que selon lui chaque cas devait faire de la part de l'un comme de l'autre gouvernement l'objet d'une étude approfondie, où le moins possible serait abandonné aux hazards des événements et des agents de second ordre.

Lord Morley me dit en terminant qu'il voudrait comme conséquence de notre entretien formuler deux pensées, — la première, que les deux Puissances, en s'occupant chacune de leurs intérêts propres, devraient l'une et l'autre garder en vue toujours le maintien de l'entente et comme corollaire, que certains intérêts plus spéciaux à l'une des deux devraient autant que possible être pris en considération par l'autre. Il mentionna comme intérêt anglais tout spécial les égards pour ce qui regarde le sentiment religieux musulman.

Je répondis à Lord Morley qu'il pourrait être parfaitement sûr, que sauf cas de force majeure, ces égards, exigés d'ailleurs par nos propres intérêts, seraient strictement observés par nous [1].

De chez Lord Morley je descendis chez Sir A. Nicolson [2], et en réponse à ce que Sir Edward Grey m'avait dit avant son départ, je lui fis une traduction verbale, mais exacte de votre télégramme 680 [3].

Pourtant j'ai cru devoir omettre vos remarques concernant l'exécution de Sikat ul Islam, — cet événement étant celui sur lequel Lord Crew, dans la lettre que Sir Edward m'avait lue [4], appuyait le plus fort, non pas, il est vrai, comme ayant causé des troubles ou des désordres en Perse, mais comme incident qui, gonflé chemin faisant, avait agité les esprits mahométans et provoqué des protestations de la part de communautés en pays musulmans.

Lecture faite, j'appuyai sur les points principaux, — la nécessité pour nous de liberté d'action dans notre sphère et le degré de confiance voulu de la part du gouvernement anglais en cette matière et je renversai avec soin l'argument que Sir Edward m'avait fait à plusieurs reprises sur l'opposition et les attaques dont il était l'objet.

Sir Arthur prenait des notes pour Sir Edward et je vis clairement que bien des points, le dernier entre autres, trouvaient chez lui un écho favorable.

Il n'insista que sur deux questions — la question religieuse mahométane et celle du passage éventuel de certains parages de notre sphère sous notre administration directe.

[1] Содержание беседы с Морлеем, происходившей 19/6 апр., было передано Сазонову Бенкендорфом в тот же день тел. за № 104 (№ 1).

[2] Содержание беседы с Никольсоном было передано Бенкендорфом тел. от 19/6 апр. за № 104 (№ 2).

[3] См. № 763.

[4] См. № 756.

Je lui répondis que quant à la première, nous en connaissions toute la portée; que les deux cas déplorables, mais rendus inévitables par les circonstances ne se répéteraient certainement jamais, sauf dans des circonstances tout aussi forcées.

Quant au deuxième point, je lui avouai que je ne savais pas de quoi il était question. Là-dessus Sir Arthur me dit que Sir George Buchanan avait par télégraphe rendu compte d'un entretien où vous l'aviez prévenu que dans certains cas nous aurions à prendre en mains l'administration du Nord de l'Azerbeidjan. Il me lut le télégramme. Son contenu, je n'en doute pas tout à fait exact était, comme souvent les télégrammes, rédigé d'une façon un peu trop serrée, et donnait l'impression d'un projet mûri sinon décidé.

Depuis Sir Arthur a reçu de Sir G. Buchanan un nouveau télégramme qui représente, après nouvel entretien avec vous, l'éventualité que vous lui aviez mentionnée comme une possibilité in ultima ratio que l'état peu satisfaisant des choses à Tabriz vous faisait redouter. Je trouvai l'impression de Sir Arthur à cette seconde visite toute différente. Il avait d'ailleurs reçu de Tabriz des nouvelles directes qu'il me dit être rassurantes [1].

Je revis Sir Arthur aujourd'hui après avoir reçu votre lettre personnelle du 18/5 ct. [2] dont je fis un large usage. De son côté il avait reçu, me dit-il, une longue lettre toute privée de Sir G. Buchanan exactement sur le même sujet.

Je trouvais Sir Arthur très fortement impressionné par le ton très amical mais entièrement franc dont vous aviez usé avec l'ambassadeur.

Je ne crains pas de me tromper en vous disant que Sir Arthur partage mon impression que l'explication entre vous et l'ambassadeur a été une très bonne chose. Les termes dont vous avez usé au sujet de l'entente, tant dans l'une que l'autre lettre, — car en entendant ce qu'écrivait Buchanan, je citais de mémoire ce que vous m'en aviez écrit — et la description des difficultés qui naissaient dans la pratique de l'entente y ont certainement grandement contribué.

En lisant votre lettre avec soin j'avais été frappé que par deux fois vous disiez «ville de Tabriz», tandis que Buchanan avait télégraphié «province de l'Azerbeidjan du Nord». Je fis cette observation à Sir Arthur sans donner à mes paroles la valeur d'une rectification positive. Sir Arthur me dit que cette différence était extrêmement importante, parce que la perspective de la prise en administration russe de toute cette province contiguë aux frontières russes, quelqu'éloignée qu'en soit l'éventualité, lui donnait quand même des soucis bien sérieux.

Je crois que les résultats de ces explications non seulement ne resteront pas sans effet, mais tout en confirmant la confiance dans la solidité de l'entente des deux pays, ont donné à notre situation réciproque sinon tout le degré d'élasticité désirable, tout au moins ont augmenté cette élasticité très considérablement.

Permettez moi pourtant d'ajouter que cette question religieuse musulmane est à l'heure qu'il est, non seulement de premier ordre pour l'Angleterre, mais qu'en général je la crois brûlante et même qu'elle peut donner quelqu'explication à la situation générale. Je suis bien sûr d'ailleurs que vous êtes à même de voir cela même plus clairement que moi.

Mille compliments sincèrement affectueux.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Когда я получил вашу телеграмму от 15/2 апреля, сэр Э. Грей, к сожалению, уже уехал в отпуск, и я понял, что по вопросу о принципах нашей политики в Персии мне придется объясняться с сэром А. Никольсоном. Однако, как из чувства личного уважения к лорду Морлей, так и из желания объясниться с полной откровенностью с кем-либо из членов кабинета, кроме министра иностранных дел, я счел своим долгом обратиться сначала к нему.

Скоро я заметил, что лорд Морлей так мало в курсе дела, что я, не придерживаясь точных выражений ваших инструкций и даже не упоминая прямо о словах, сказанных мне

[1] Ср. № 766.

[2] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

сэром Э. Греем, воспользовался событиями в Мешеде, чтобы установить в принципе, путем соответствующих комментариев, весьма существенную разницу в положении России и Англии, вытекающую из самой сущности конвенции, в силу географических и даже этнографических условий. Я сказал, что это различие вызывает необходимость не только свободы действия для нас в сфере нашего влияния, но и известной степени доверия со стороны Англии, на которое мы, по нашему мнению, имеем право и чему мы не раз давали доказательства.

Здесь лорд Морлей прервал меня, чтобы самому упомянуть «о государственно-разумном и прямом образе действий» российского правительства по случаю затруднений, возникших в связи с афганским соглашением в результате отказа эмира дать ответ по этому вопросу. Затем он отдался воспоминаниям о времени, когда он принимал участие в переговорах относительно соглашений, имевших, по его словам, величайшее и благотворное значение для дела мира. Он мне сказал, что он был и остается горячим и убежденным сторонником этих соглашений и что в его преклонном возрасте ничто не может изменить его убеждений.

Он не сделал никакого принципиального возражения против того, что я ему сказал, добавив только, что каждое дело должно быть как для одного, так и для другого правительства, предметом внимательного рассмотрения, при котором случайные события и факторы второстепенного порядка должны играть минимальную роль.

В заключение лорд Морлей мне сказал, что в результате нашей беседы он хотел бы формулировать две мысли: — первая, что обе державы, имея в виду свои собственные интересы, должны помнить о необходимости поддерживать согласие, а в соответствии с этим, некоторые более специальные интересы одной из них должны по возможности приниматься во внимание другой. В качестве специальных интересов Англии он указал на необходимость считаться с религиозными чувствами мусульман.

Я ответил лорду Морлей, что он может быть совершенно уверен, что, за исключением крайних случаев, мы будем безусловно считаться с ними, чего требуют и наши собственные интересы.

От лорда Морлей я спустился вниз к сэру А. Никольсону и в ответ на то, что сказал мне сэр Э. Грей перед своим отъездом, я дал ему устный, но точный перевод вашей телеграммы за № 680.

Однако я счел нужным опустить ваши замечания касательно казни Сикат-оль-Ислама, потому что лорд Крю в письме, которое прочел мне сэр Эдуард, больше всего подчеркивал этот инцидент; правда, он писал о нем не как о причине волнений и беспорядков в Персии, но как о происшествии, слухи о котором, возрастая подобно снежному кому, вызвали волнение среди магометан и послужили поводом к протесту со стороны общин в мусульманских странах.

Закончив чтение, я остановился на главных пунктах: на необходимости для нас иметь свободу действий в нашей сфере влияния и на желательной степени доверия к нам Англии в этой области. Я старательно опровергал доводы, несколько раз приведенные сэром Эдуардом относительно оппозиции и тех нападок, которым он подвергается.

Сэр Артур делал заметки для сэра Эдуарда и я хорошо видел, что многие пункты, между прочим и последний, встретили у него сочувствие.

Он настаивал только на двух вопросах — о религиозных чувствах мусульман и о возможном переходе некоторых областей из нашей сферы влияния под наше непосредственное управление.

Относительно первого вопроса я ему ответил, что мы понимаем все его значение; что два прискорбных случая, ставшие неизбежными вследствие стечения обстоятельств, вряд ли когда-либо повторятся, если только нас не вынудят к тому обстоятельства.

Относительно же второго пункта я ему признался, что я не знаю, о чем идет речь. На это сэр Артур мне сказал, что сэр Джордж Бьюкенен сообщил по телеграфу о беседе, в которой вы предупредили его, что при известных обстоятельствах мы должны будем взять в свои руки управление северным Азербайджаном. Он прочел мне телеграмму. Содержание телеграммы, — в точности его я отнюдь не сомневаюсь, — выраженное, как это часто бывает в телеграммах, в чересчур сжатой форме, производило впечатление если не окончательно решенного, то все же назревшего проекта.

С тех пор сэр Артур получил от сэра Дж. Бьюкенена новую телеграмму, в которой, после новой беседы с вами, предположение, высказанное вами, упоминается лишь как возможность на самый крайний случай, которой вы опасаетесь в результате малоудовлетворительного положения в Тавризе. При втором посещении я нашел, что у сэра Артура создалось совсем иное впечатление. Он, к тому же, получил известия непосредственно из Тавриза, по его словам, успокоительные.

Сегодня я опять виделся с сэром Артуром, по получении вашего личного письма от 18/5 текущего месяца, которое я в широкой мере использовал. Он сказал, что, со своей стороны, получил длинное совершенно частное письмо от сэра Дж. Бьюкенена по тому же самому вопросу.

Я нашел, что тот весьма дружеский, но совершенно откровенный тон, которого вы придерживались в беседе с послом, произвел на сэра Артура очень сильное впечатление.

Я не боюсь ошибиться, сказав, что сэр Артур, как и я, считает ваше объяснение с послом очень уместным. Слушая письмо Бьюкенена, я цитировал на память то, что писали мне вы; выражения, к которым вы прибегли как в одном, так и в другом письме, говоря о согласии, а также описание затруднений, возникающих при осуществлении этого согласия, в значительной мере содействовали укреплению такого взгляда.

Внимательно читая ваше письмо, я был поражен тем, что два раза вы написали «город Тавриз», тогда как в телеграмме Бьюкенена значилось «провинция северного Азербайджана». Я обратил на это внимание сэра Артура, не придавая моим словам характера определенной поправки. Сэр Артур сказал мне, что эта разница весьма существенна, потому что перспектива перехода под русское управление, хотя бы и в отдаленном будущем, всей этой провинции, смежной с русскими владениями, все-таки серьезно беспокоит его.

Я думаю, что эти объяснения не только не останутся без результата, но, утверждая веру в прочность согласия обеих стран, они, если и не дали нашим взаимоотношениям ту эластичность, которая была бы желательна, все же в значительной мере увеличили ее.

Позвольте мне все же добавить, что этот вопрос о религиозном чувстве мусульман в настоящий момент не только имеет для Англии первостепенное значение, но я вообще считаю, что это жгучий вопрос и что он до некоторой степени объясняет общее положение. Впрочем, я уверен, что вы и сами отдаете себе в этом отчет и даже лучше, чем я могу это сделать.

Тысяча самых искренних пожеланий.

Бенкендорф.

№ 798. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 23/10 апреля 1912 г.

Monsieur le Ministre,

A peine avais-je pris connaissance du télégramme de votre excellence № 718 [1], ayant trait à la démarche prescrite à Mr. de Giers concernant la fermeture des Dardanelles, que je reçus la visite de l'ambassadeur d'Italie qui revenait de Rome.

Il me parla, entre autre, de cette démarche. Comme il me disait sortir du ministère des affaires étrangères, je lui demandai s'il en avait parlé à Sir A. Nicolson. Il me répondit que oui.

M'étant rendu dans l'après-midi chez Sir Arthur, je lui demandai s'il avait connaissance de cette démarche. Il me répondit dans l'affirmative, mais qu'il n'en connaissait pas les termes. Je les lui communiquai verbalement et j'ajoutai que je le priais de se rendre compte que les termes étaient précis et fermes, mais nullement hostiles, et n'enfreignant en rien le principe de la neutralité; qu'il s'agissait d'une situation nouvelle, d'une importance tellement majeure pour la Russie qu'elle ne pouvait guère durer.

Sir Arthur me répondit qu'en effet l'important était que cette situation cesse; que tout comme le nôtre, le gouvernement anglais était assailli de démarches de représentants du commerce anglais et que Sir Gerard Lowther avait été chargé d'exprimer à Constantinople le ferme espoir que les détroits fussent réouverts dans le plus bref délai possible.

Je remarquai à Sir Arthur que sans vouloir nier le moins du monde la valeur des intérêts anglais engagés, les nôtres étaient de beaucoup plus sensiblement lésés et que j'espérais que le gouvernement britannique insisterait en ce sens auprès du gouvernement ottoman.

Sir Arthur me répondit que c'est ce qu'il avait déjà fait, qu'il avait vu Tewfik-Pacha et qu'il lui avait parlé à fond de cette affaire. Il me dit que Tewfik-Pacha ne s'était pas rendu tout de suite, mais qu'il ne doutait pas qu'il avait compris et qu'il avait bon espoir que cette difficulté serait résolue promptement.

Le marquis Impériali ne m'avait pas fait grand mystère des appréhensions que lui inspirait une mesure qui n'avait pas eu le succès que surtout la marine italienne en avait espéré. Il me dit que Mr. Giolitti avait clairement déclaré qu'il était contraire à la dignité de l'Italie de prendre aucun engagement ni à l'égard des Dardanelles ni à aucun autre point, sauf les engagements pris envers l'Autriche en circonstances toutes spéciales [2]. Mais que dans son opinion personnelle l'objectif des forces italiennes serait probablement l'occupation d'une ou de plusieurs îles Turques avec l'intention d'y rester jusqu'à la conclusion de la paix. Salonique lui paraissait exclu même au point de vue militaire.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

[1] См. № 789.
[2] См. № 550 и примечания к нему.

Перевод.

Г. министр,

Едва я ознакомился с телеграммой вашего превосходительства, № 718, касающейся выступления, предписанного г. Гирсу относительно закрытия Дарданелл, как меня посетил итальянский посол, возвратившийся из Рима.

Он между прочим говорил мне и об этом выступлении. Так как, по его словам, он только-что был в министерстве иностранных дел, то я спросил его, говорил ли он об этом сэру А. Никольсону. Он ответил мне утвердительно.

Отправившись днем к сэру Артуру, я спросил у него, знает ли он об этом выступлении. Он ответил мне в утвердительном смысле, но что он не знает текста заявления. Я сообщил ему его устно и добавил, что я прошу его заметить, что выражения точны и решительны, но отнюдь не враждебны и ни в чем не нарушают принципа нейтралитета; что дело идет о новом положении, имеющем такое первостепенное значение для России, что оно не может долго продолжаться.

Сэр Артур ответил, что, действительно, самое важное, чтобы это положение прекратилось; что, как и наше правительство, английское правительство непрерывно осаждается представителями английской торговли и что сэру Джерарду Лоутеру поручено выразить в Константинополе твердую надежду; что проливы будут снова открыты в возможно более короткий срок.

Никоим образом не отрицая значения затронутых английских интересов, я заметил сэру Артуру, что наши интересы нарушены гораздо более чувствительным образом, и что я надеюсь, что британское правительство будет настаивать в этом смысле перед оттоманским правительством.

Сэр Артур ответил, что именно это он уже сделал, что он виделся с Тевфик-пашой и основательно переговорил с ним об этом деле. Он сказал мне, что Тевфик-паша сдался не сразу, но что он не сомневается, что он понял, и вполне надеется на быстрое разрешение этого затруднения.

Маркиз Империали не стал особенно скрывать от меня тех опасений, которые ему внушает мера, не имевшая того успеха, на который особенно надеялось итальянское морское ведомство. Он сказал мне, что г. Джиолитти ясно заявил, что достоинству Италии противоречит принятие какого-либо обязательства в отношении Дарданелл или какого-либо другого пункта, кроме обязательств, принятых перед Австрией при совершенно особых обстоятельствах. Но что по его личному мнению, задачей итальянских военных сил явится, вероятно, занятие одного или нескольких турецких островов с намерением остаться там до заключения мира. Салоники представляются ему исключенными даже с военной точки зрения.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 799. Поверенный в делах в Танжере министру иностранных дел.

/. Депеша № 26. 23/10 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаюсь на секретную телеграмму [1] и донесение от 17/4 апреля с. г. № 25 [2].

Спокойствие в Фецe восстановлено. Вновь назначенный военный губернатор столицы каид Бухта Бен Багдади действует крайне энергично. Масса бунтовщиков уже им разыскана, разоружена и, в ожидании суда, заключена в тюрьмы. Число арестованных превышает тысячу человек. Официальные потери французов: убитыми 68 чел., ранеными 63 чел. Погибших бунтовщиков насчитывается до 800 чел. В разграбленном «мелла» (еврейский и торговый квартал) по регистрации насчитывается убитых 83, раненых 52 еврея. Материальный убыток от разграбления и пожара складов, магазинов и домов значительный.

Действующая под главным руководством французского посланника г. Реньо следственная комиссия занята расследованием и определением причин возникновения мятежа.

Насколько можно судить уже по имеющимся теперь данным, фецкий мятеж является результатом существовавшего среди населения и таборов недовольствия на нынешнее положение вещей. Выражалось оно уже не раз и довольно наглядно. На улицах столицы некоторые европейцы подверглись оскорблениям толпы; были даже случаи поранения. В таборах ашкерами было совершено одно убийство и два поранения инструкторов при исполнении службы. В кофейнях и база-

[1] См. стр. 421, прим. 1.

[2] Указанное донесение датировано 18/5 апр. (См. № 776).

рах — места сборищ — последние события, в особенности введение протектората, связанные с этим реформы и переезд султана в Рабат давно уже служили предметом постоянных обсуждений. Обратили ли на все это должное внимание пребывающие в Феце французские власти и махзен? По всей вероятности недостаточно. Предупредительные меры к подавлению в самом корне развивающегося брожения, видимо, приняты не были. Даже не было обращено внимания на то, что французский гарнизон в Дар Дебибахе, нормальная численность коего 2 000 чел., благодаря отправлению экспедиционных отрядов в дальние окрестности столицы ослаблен был до 800 чел. В Феце в данное время насчитывается около 120 тысяч жителей.

Не касаясь принципиального вопроса рациональности учреждения туземной армии с ничтожными инструкторскими кадрами в враждебно настроенной стране, относительно начавших бунт шерифских таборов следует заметить следующее:

Набраны были далеко не лучшие люди населения. За короткий срок пребывания в таборах эти дикари, усвоив некоторую наружную показную дисциплину, не могли приобрести нужных воинских качеств. Результатом ничтожных инструкторских кадров явилось: отсутствие внутренней связи между начальством и ашкерами, отсутствие контроля над ашкерами вне службы и недостаточная осведомленность начальства о характерах своих людей. Предъявленные на основании новых уставов к ашкерам требования совершенно не подходят к здешним людям и идут вразрез с установившимися издавна марокканскими традициями. Введены они были вдруг без подготовительной постепенности. Вместе с тем ашкеры, имея много свободного времени, вне начальственного контроля, могли легко подпасть под влияние мятежной пропаганды, которая и проникла в таборы. Нужен был лишь толчок для того, чтобы глухое недовольствие вылилось в форму бунта. Таким толчком послужили вновь введенные стеснительные положения о довольствии от котла с обязательным вычетом из жалованья и ранец с полной укладкой при походном снаряжении.

В общем следует считать, что кровавая драма 17 апреля [нов. ст.] обошлась французам сравнительно дешево. Потери и последствия легко могли бы быть гораздо значительнее и серьезнее.

Такому исходу способствовало: отсутствие, как то всегда здесь бывает, сплоченности и единения действия у мятежников, их алчность, давшая возможность властям, пока разграблялся «мелла», принять нужные меры. Самоотверженное поведение погибших инструкторов. Быстрое и решительное действие французского отряда из Дар Дебибаха, успевшего во-время пробиться чрез городские ворота и достигнуть дворцового квартала. Обстоятельство, что часть таборов осталась верна долгу, другая же примкнула к бунтующим товарищам значительно позднее. Быстрое прибытие и успешные действия батальона майора Феллера и французских войск из Мекнеса, а затем и приближение колонны генерала Муанье. Распорядительность и хладнокровие французских властей, султана и чинов махзена. Поведение части туземного населения, способствовавшего спасению и укрытию многих европейцев.

Получаемые изнутри страны известия указывают на то, что брожение, и довольно сильное, существует не только среди племен долины р. Муллуи и Атласса, но даже во всем Хаузе, Гхарбе и Джебале. Словом, во всей стране. Причины такого явления для Блед эль Сиба (племена, махзена не признающие) и Блед эль махзен (племена, подвластные махзену) разные.

Первые видят в введении французского протектората в стране угрозу для существовавшей доселе их независимости. К этому присоединяется еще и искусственно разжигаемый духовенством мусульманский фанатизм.

Вторые же, в особенности же ближайшие к столице, исстрадавшиеся под игом алчного махзена, поверили в свое время, что с приходом в Фец французов наступит конец их притеснениям и водворен будет порядок и справедливость как в Шауе, [так] и на алжирской границе. Большинство населения смирило свой фанатизм и ненависть к «руми» (христианам) в надежде на улучшение участи. Но прошел почти год. В смысле облегчения участи населения ничего сделано не

было. Наоборот, нестесняемый махзен, предвидя скорый конец своему существованию, использовал с успехом присутствие французских войск — непосильные реквизиции, штрафы, налоги и самовольные поборы каидов вконец разорили население. Обманутый в своих надеждах на улучшение участи, народ всю свою ненависть обратил на французов. Это народное настроение, конечно, было с выгодой использовано имеющимися в достаточном количестве во всей стране и в особенности в больших религиозных центрах фанатиками исламитами. Недостаточное количество французских войск и связанный с этим вялый образ действия против племен Блед эль Сиба, как всегда, здешними туземцами истолковывается как слабость. Если французским правительством не будут приняты своевременные меры, и военные действия не примут более решительного характера, нельзя поручиться, что волнения не повторятся [1].

Примите и пр. С. Лихачов.

№ 800. Нота турецкого министерства иностранных дел представителям великих держав в Константинополе [2].

23/10 апреля 1912 г.

Le gouvernement impérial ottoman apprécie hautement le sentiment qui a inspiré aux Grandes Puissances amies les démarches qu'elles ont décidé d'entreprendre auprès des parties belligérantes pour leur demander les conditions auxquelles celles-ci accepteraient leur médiation en vue d'arriver à une cessation des hostilités [3] et il les remercie sincèrement de la communication amicale qu'elles ont bien voulu lui faire à cet effet.

Le gouvernement impérial n'a sans doute pas besoin de rappeler que, dès le début et pendant les premiers jours de la guerre, il n'avait cessé de faire preuve de ses dispositions pacifiques en offrant à l'Italie, dans les provinces de Tripoli et de Benghazi, les concessions compatibles avec ses droits souverains et l'intégrité de son territoire.

La Sublime Porte avait, à ce moment, recouru sur cette base aux bons offices des Puissances [4] afin d'amener l'Italie, au nom des intérêts supérieurs de l'humanité, de la paix générale et aussi par respect aux traités garantissant l'intégrité de l'Empire Ottoman, à renoncer à cette guerre dont le gouvernement impérial prévoyait dès lors les conséquences également préjudiciables aux intérêts réels des deux Etats.

La Turquie était uniquement préoccupée de sa réorganisation et de ses réformes intérieures. En plusieurs circonstances graves elle avait déjà prouvé l'esprit de conciliation dont elle était animée pour conserver une paix qui lui était si nécessaire.

Devant la brusque et injuste agression de l'Italie, sa surprise a presque été plus forte que son indignation et avant de songer à protester et à se défendre elle a cherché, croyant à un malentendu, à arriver à une explication et à une entente.

Les Puissances amies connaissent mieux que le gouvernement impérial l'accueil que cette appel suprême à la paix et à la raison avait trouvé en Italie.

Après l'insuccès de cette dernière tentative et les événements qui se sont produits à Tripoli, le gouvernement impérial n'avait plus qu'à se préparer, avec résignation, mais sans faiblesse, à soutenir une lutte qu'il savait devoir être longue et sanglante pour la défense de ses droits et de son territoire.

---

[1] В донесении от 26/13 апр. за № 27 Лихачов сообщал: «Как и следовало ожидать, фецкий мятеж отозвался на поведении других частей шерифского войска. Стоящий в м. Арбауа (Гхарб близ Эль-Ксара) шерифский конный табор в 175 всадников полностью, в конном строю и при полном боевом снаряжении, дезертировал в горы».

[2] Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, V., II, p. 384, № 378, Annexe; Gr. Pol., Bd. XXX. T. I, S. 334, № 11065, Anlage. Текст этой ноты был препровожден М. Гирсом в м-во ин. дел при деп. от 29/16 апр. за № 2 (см. № 827). В оригинале публикуемого документа дата отсутствует. Тел. от 23/10 апр. за № 178 Гирс передал резюме этой ноты.

[3] См. № 768.

[4] Ср. т. XVIII, № 495.

Quant à l'Italie qui ne croyait viser qu'une province sans lien solide avec l'Empire, elle avait prononcé dès le premier moment et pendant même le débarquement de ses troupes les mots de conquête et d'annexion. Elle ne se doutait pas — et c'est là sans doute la seule atténuation possible à la lourde responsabilité qu'elle assumait devant l'Europe et devant l'histoire — que le cœur ottoman battait avec autant de force à Tripoli et à Benghazi que dans toute autre province et que demander au gouvernement impérial d'amputer lui-même un membre aussi vivace de son Empire équivalait à lui proposer le suicide.

L'Italie a pu constater, depuis, que les coups violents et cruels qu'elle leur a portés ont fait refluer vers ces provinces, à travers mille obstacles, tout ce que le sang ottoman a de plus pur et de plus généreux; de sorte que l'armée italienne reste encore assiégée dans les mêmes ports où elle avait débarqué il y a sept mois.

Le gouvernement italien a dû certainement se convaincre, à l'heure actuelle, que la séparation de ces provinces du reste de l'Empire est absolument impossible et que cette impossibilité, rendue plus évidente par les faits de la guerre, ne dépend ni des pouvoirs d'un parti ni de l'existence d'un régime en Turquie. Elle résulte de causes plus hautes et plus générales et aucun gouvernement ottoman ne pourrait consentir, soit formellement, soit tacitement, à abandonner ces provinces si fortement attachées à la patrie commune, non plus que leurs vaillants défenseurs. Un pareil acte provoquerait dans tout l'Empire un bouleversement qui risquerait d'en compromettre la paix intérieure et de compliquer encore davantage la situation internationale et qui, dans tous les cas, ferait annuler et disparaître cet acte de renonciation et d'abandon.

Le résultat d'un pareil acte serait de la sorte diamétralement opposé au but poursuivi par les Puissances amies, c'est à dire la sauvegarde de la paix générale.

Si donc l'Italie, après s'être rendu compte de la gravité du problème soulevé par elle, persistait encore à vouloir occuper et réclamer des provinces qu'elle n'a pas conquises et imposer un acte d'annexion nul en fait comme en droit, son insistance ne ferait que prolonger et accentuer l'impossibilité dans laquelle se voit le gouvernement impérial de trouver, pour sa part, une solution à ce pénible problème.

De cet exposé d'une situation, connue d'ailleurs des Puissances elles-mêmes et dont le gouvernement impérial n'est certes pas responsable, il ressort évidemment que la solution cherchée dépend de la juste appréciation par l'Italie des exigences de cette situation.

Toujours conscient de son besoin de paix et en même temps désireux de prouver sa déférence au vœu exprimé par les Puissances, le gouvernement impérial accepte leur médiation; mais il doit déclarer dès maintenant et pour éviter tout malentendu qu'il ne lui serait pas possible d'entrer dans des négociations qui n'auraient pas pour base et point de départ le maintien effectif et intégral des droits souverains de sa majesté impériale le sultan, la renonciation formelle par l'Italie à l'annexion des provinces ottomanes de Tripoli et de Benghazi et l'engagement préalable de sa part d'en retirer ses troupes.

Ainsi qu'il l'a déjà exposé, c'est par la force même des choses et parce que toute autre solution ne serait pas applicable et ne servirait pas, par conséquent, à faire cesser les hostilités, que le gouvernement impérial, tout en désirant la paix, se voit obligé d'y mettre cette condition préalable. Il est convaincu que les Puissances l'apprécieront dans ce sens. Il persiste également à espérer que l'Italie, se rendant à leurs explications et à leurs conseils, conviendra elle-même que dans la présente réponse donnée après mûre reflexion à la communication amicale des Puissances, la Sublime Porte a fait abstraction de tout sentiment d'animosité, — bien naturel cependant après l'injuste agression de l'Italie et les provocations qu'elle ne lui a pas ménagées, même au lendemain de ladite communication, — et que cette réponse n'a été dictée au gouvernement impérial que par la vision claire et objective des nécessités inéluctables d'une situation de laquelle les deux Parties ont également intérêt à se dégager.

Перевод.

Императорское оттоманское правительство высоко ценит чувства, внушившие дружественным великим державам шаги, которые они решили предпринять перед воюющими сторонами, чтобы запросить об условиях, на которых эти последние приняли бы их посредничество с целью прекращения военных действий, и оно искренне благодарит их за дружественное сообщение, которое они изволили сделать ему по этому поводу.

Императорскому правительству, несомненно, незачем напоминать, что с самого начала и в первые дни войны оно не переставало давать доказательства своих миролюбивых настроений, предлагая Италии в провинциях Триполи и Бенгази уступки, совместимые с его суверенными правами и с неприкосновенностью его территории.

На этой основе Высокая Порта прибегла в тот момент к добрым услугам держав с целью побудить Италию во имя высших интересов гуманности и всеобщего мира, а также из уважения к договорам, гарантирующим целостность Оттоманской империи, отказаться от этой войны, последствия которой, одинаково вредные для насущных интересов обоих государств, императорское правительство предвидело уже тогда.

Турция была занята исключительно своей реорганизацией и своими внутренними реформами. Несколько раз в серьезных обстоятельствах она уже доказала миролюбивое настроение, которым она воодушевлена в интересах сохранения столь необходимого ей мира.

Пред лицом неожиданного и несправедливого нападения Италии ее удивление почти превысило ее возмущение, и прежде чем подумать о протесте и защите, она, предполагая недоразумение, пыталась достигнуть объяснения и соглашения.

Дружественные державы знают лучше, чем императорское правительство, какой прием этот последний призыв к миру и благоразумию встретил в Италии.

После неудачи этой последней попытки и после событий, происшедших в Триполи, императорскому правительству оставалось только готовиться безропотно, но и без слабости, к борьбе за защиту своих прав и своей территории; оно знало, что эта борьба будет длительной и кровавой.

Что касается Италии, то, считая, что провинция, являющаяся предметом ее притязаний, не имеет прочной связи с империей, она с первого момента и во время самой высадки своих войск произнесла слова «завоевание» и «аннексия». Она не подозревала — и в этом несомненно единственное возможное смягчение тяжелой ответственности, взятой ею на себя перед Европой и перед историей, — что в Триполи и в Бенгази оттоманское сердце бьется с той же силой, как и во всякой другой провинции и что требовать от императорского правительства, чтобы оно само отсекло столь жизненный член своей империи, равносильно предложению совершить самоубийство.

С тех пор Италия имела возможность убедиться, что суровые и жестокие удары, которые она нанесла этим провинциям, заставили хлынуть в них, через тысячу препятствий, все что есть самого чистого и благородного в оттоманской крови; в результате итальянская армия все еще остается осажденной в тех самых портах, где она высадилась семь месяцев тому назад.

Итальянское правительство наверное убедилось в настоящий момент в том, что отделение этих провинций от остальной империи совершенно невозможно, и что эта невозможность, ставшая еще более очевидной благодаря событиям войны, не зависит ни от власти какой-либо партии, ни от существования того или другого режима в Турции. Она вытекает из более высоких и более общих причин, и никакое оттоманское правительство не могло бы, формально или молчаливо, согласиться отказаться от этих провинций, столь крепко связанных с общим отечеством, равно как и покинуть их доблестных защитников. Подобный поступок вызвал бы во всей империи смятение, которое угрожало бы нарушением внутреннего мира и еще большим осложнением международного положения, и которое, во всяком случае, привело бы к уничтожению и исчезновению этого акта отречения и отказа.

Результат подобного акта был бы таким образом диаметрально противоположен цели, преследуемой дружественными державами, т. е. ограждению всеобщего мира.

Если же Италия, отдав себе отчет в серьезности поставленной ею проблемы, все еще упорствовала бы в желании оккупировать и требовать себе провинции, не завоеванные ею, и навязывать акт аннексии, не имеющий ни фактической ни юридической силы, то ее настойчивость лишь продлила бы и усилила бы невозможность для императорского правительства найти со своей стороны решение этой тягостной проблемы.

Из этой картины положения, известного впрочем самим державам, и за которое, конечно, императорское правительство не ответственно, с очевидностью следует, что искомое решение зависит от правильной оценки Италией требований, вытекающих из указанного положения.

Всегда сознавая свою заинтересованность в мире и в то же время желая показать, что оно относится с уважением к пожеланию, высказанному державами, императорское правительство принимает их посредничество, но оно должно теперь же заявить, во избежание всякого недоразумения, что для него было бы невозможно вступить в переговоры, которые не имели бы, в качестве основы и отправной точки, действительное и полное сохранение суверенных прав его императорского величества султана, формальный отказ Италии от аннексии оттоманских провинций Триполи и Бенгази и предварительное обязательство с ее стороны вывести оттуда свои войска.

Как уже изложено, оттоманское правительство, хотя и желает мира, но вынуждено самой силой вещей поставить это предварительное условие, так как всякое иное решение

было бы неприменимым и потому бесполезным для прекращения военных действий. Оно уверено, что державы поймут его именно в этом смысле. Равным образом оно продолжает надеяться, что Италия прислушается к их объяснениям и к их советам и признает сама, что в настоящем ответе, данном, после зрелого размышления, на дружественное сообщение держав, Высокая Порта отрешилась от всякого враждебного чувства, вполне, впрочем, естественного после несправедливого нападения Италии и вызывающих актов, на которые Италия не скупилась по отношению к ней, даже на следующий день после упомянутого сообщения, и что этот ответ продиктован императорскому правительству лишь ясным и объективным пониманием неизбежной необходимости, вытекающей из положения, в устранении которого одинаково заинтересованы обе стороны.

№ 801. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 176. 23/10 апреля 1912 г.

Продолжение моей телеграммы № 174 [1].

Дарданеллы.

Вследствие болезни Ассим-бея письменное заявление было вручено мной его помощнику. В последовавшей затем беседе моей с великим визирем Саид-паша стремился убедить меня, что действительная и непосредственная опасность существует и теперь, так как, по последним полученным Портой сведениям, итальянский флот стоит будто бы у самого входа в Дарданеллы и легко может прорваться, в особенности в ночное время. Он спросил, не могут ли державы путем добрых услуг гарантировать, что итальянский флот не произведет нового нападения на Дарданеллы. Я решительно отклонил вопрос о гарантиях, заявив, что таковые Порта должна искать в собственных своих силах, но что это обстоятельство не дает ей права нарушать трактатами обеспеченную свободу плавания торговых нейтральных судов, как только прекращается действительная и непосредственная опасность нападения, — последний же опыт доказал, что при возобновлении таковой достаточно и получаса для постановки минных заграждений. По получении обещанного мне Саидом ответа немедленно буду телеграфировать.

Гирс.

№ 802. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 180. 23/10 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 178 [2].

По получении ответа Порты я высказал товарищу министра сожаление касательно поставленных ею предварительных условий медиации, оставляющих впечатление, что Порта отклоняет последнюю. Мой собеседник, оговорив, что он не уполномочен министром разъяснять ответ, все же возразил против моего толкования, утверждая, что он убежден, что Порта далека от мысли и желания прекращения сношений с великими державами по вопросу о медиации. Полагаю, что действительно оттоманскому правительству желательно, чтобы великие державы продолжали заниматься этим вопросом, и что его ответ настолько неблагоприятен главным образом вследствие впечатления, произведенного на него нападением на Дарданеллы немедленно по мирном выступлении держав. Думаю поэтому, что не надлежало бы прекращать сношений как с великими державами, так и с воюющими сторонами по поводу медиации.

Гирс.

№ 803. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 27. 23/10 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В согласии с прежними заявлениями о слиянии «пяти народностей», входящих в состав населения Китая, во единую китайскую республику, президентом

[1] См. стр. 433, прим. 2.
[2] См. стр. 447, прим. 2.

Юань Ши-каем опубликован ныне декрет, в переводе у сего прилагаемый, коим Монголия, Тибет и Туркестан объединяются под общим административным управлением с Собственным Китаем и Манчжурией [1].

Осуществляя, — по крайней мере, на бумаге, — идею объединения всех областей Китая в одно целое, декрет этот уничтожает относительно Монголии наименование вассального и колониального владения и идет как бы навстречу пожеланиям союза монгольских князей, признавших китайскую республику и настаивавших на полном равноправии Монголии с Собственным Китаем. В этом равноправии, как то было отмечено стат. сов. Щекиным в донесении от [4 апреля] 22 марта сего года за № 23 [2], союз князей усматривает залог отказа Китая от планов колонизации Монголии.

Само собой разумеется, что до принятия такого толкования князей официально самим китайским правительством дело фактически не дошло.

Рассматриваемый декрет несомненно свидетельствует о нежелании Китая считаться с нашей программой автономной Монголии и о его намерении подготовить более активное выступление в монгольском вопросе.

Впечатление, вынесенное мною от первого моего свидания с Юань Ши-каем, о коем я имел честь донести вашему высокопревосходительству секретной телеграммой от вчерашнего числа за № 399 [3], вполне согласуется с такой оценкой. Кроме общих и ни к чему не обязывающих заявлений со стороны президента, не было высказано ни малейшего желания не только пойти навстречу нашим требованиям, но даже ближе войти в обсуждение дела по существу, и все ограничилось обычным обещанием ответа в недалеком будущем.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 804. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 367 [4]. 24/11 апреля 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Японский посол посетил меня, чтобы, по поручению своего правительства, передать мне копию инструкции, данной японскому представителю на конференцию финансовых групп о китайском реорганизационном займе. Считаю долгом препроводить при сем вашему высокопревосходительству этот документ [5]. Барон Мотоно выразил желание, чтобы инструкция нашего представителя на означенной конференции была равным образом сообщена японскому правительству, и я полагаю, если с вашей стороны не встретится к тому препятствий, что желание это могло бы быть исполнено. Я покорнейше просил бы вас не отказать прислать мне копию инструкции, данной г. Верстрату.

В разговоре по этому поводу барон Мотоно сообщил мне некоторые сведения о ходе дела китайских займов, которыми считаю нелишним поделиться с вашим

---

[1] В декрете Юань Ши-кая от 21/8 апр. между прочим говорилось: «В настоящее время, когда пять народностей составляют единую республику, Монголия, Тибет и Туркестан должны составлять на общих основаниях территорию китайской республики, а населяющие их народности — монголы, тибетцы и мусульмане — считаться гражданами китайской республики, вследствие чего не должны более быть применяемы к ним такие наименования, употреблявшиеся при монархическом строе, как колониальные, вассальные и т. п. владения. Отныне впредь в отношении управления Монголией, Тибетом и Туркестаном должен быть выработан такой порядок, который содействовал бы объединению как внутреннего управления государством, так и всех населяющих его народностей». Далее в декрете говорилось, что управление этими частями Китая будет находиться в ведении министерства внутренних дел наравне с управлением провинций Собственного Китая.

[2] См. № 732.

[3] См. № 795.

[4] Опубл. Siebert, II, S. 356; № 598. На оригинале имеется помета: «Сообщается копия инструкции в Пекин № 368, Токио № 369, Париж № 370, Лондон № 371, [24] 11 апреля 1912 г.».

[5] См. приложение к публикуемому документу.

высокопревосходительством. По его словам, в Пекине состоялось собрание посланников держав, представленных в четверном консорциуме, на которое был приглашен японский поверенный в делах. Первоначально было предположено привлечь к участию в этом совещании и русского посланника, но мысль эта была оставлена ввиду возражений одного из иностранных представителей, участников совещания. Обсуждалось преимущественно отношение к займу, заключенному Китайско-бельгийским банком [1], причем было решено, что консорциум не разрешит покрывать из реорганизационного займа авансов, сделанных китайскому правительству другими банками.

Барон Мотоно сообщил мне также, что японское правительство отказывается примкнуть к четверному консорциуму на условиях, изложенных в акте, которым он был образован в ноябре 1910 г.

О вышеизложенном имею честь довести до вашего сведения и пользуюсь случаем, чтобы возобновить и пр.

Сазонов.

Приложение.

Projet d'instructions aux représentants financiers japonais à la Conférence de l'emprunt chinois [2].

1. Dans le cas où la part de l'emprunt chinois qui revient au Japon ne sera pas émise sur le marché intérieur du Japon, le groupe japonais devra s'entendre avec un ou plusieurs groupes prenant part au dit emprunt pour que l'émission de la part japonaise puisse avoir lieu sur un marché étranger.

2. Le gouvernement impérial ayant catégoriquement déclaré aux quatre gouvernements dont dépend le groupe financier des quatre Puissances que le gouvernement japonais s'attendait à ce que l'emprunt chinois projeté ne puisse, en quoi ce soit, porter atteinte aux droits et intérêts spéciaux que le Japon possède dans la Mandchourie du Sud, et comme il est entendu que le groupe financier ne peut faire quoi que ce soit contrairement aux vues du gouvernement impérial pour tout ce qui touche directement ou indirectement aux affaires concernant ces régions, les représentants financiers du Japon sont tenus de veiller à ce que les principes ci-dessus énoncés soient strictement observés.

Le Japon ayant également des droits spéciaux en Mongolie, par suite de ses rapports avec la Mandchourie du Sud, les mêmes principes devront être observés pour ce qui concerne la Mongolie comme pour ce qui concerne la Mandchourie du Sud.

Etant donnés les motifs susmentionnés, il est désirable que les mesures convenables soient prises à l'effet de stipuler si possible dans une des dispositions de l'emprunt projeté, qu'aucune partie de la somme acquise au moyen du dit emprunt ne sera employée aux affaires de la Mandchourie et de la Mongolie.

Pour atteindre les buts mentionnés dans les paragraphes précédents, les représentants financiers du Japon sont tenus d'être en rapport constant avec les représentants financiers russes et peuvent prendre, s'il y a lieu, de commun accord les mesures nécessaires, après toutefois s'en être référés au gouvernement impérial.

3. Le groupe financier japonais ayant une part égale à celles des autres groupes dans l'emprunt projeté, il va de soi que le Japon devra avoir les mêmes droits que les autres pays intéressés, pour tout ce qui concerne cét emprunt et notamment pour l'engagement du personnel technique.

4. L'emprunt chinois de 10 000 000 de livres sterlings pour la réforme monétaire et le développement économique, projeté au mois d'avril 1911, n'a pas reçu l'approbation du gouvernement impérial. Le gouvernement japonais ignore si même il pourra être réalisé. Néanmoins, dans le cas où les parties intéressées poursuivraient la réalisation de cet emprunt et où l'article 16 sera supprimé ou modifié dans le sens des réserves contenues au § 2 des présentes instructions, conformément à la

[1] См. № 764.
[2] Лит. копия. Заголовок оригинала.

protestation du gouvernement impérial, le gouvernement japonais a le désir de faire participer le groupe financier japonais à cet emprunt. Les représentants financiers sont tenus d'agir en conséquence le cas échéant.

Le gouvernement impérial a, sur ce sujet, déjà échangé ses vues avec le gouvernement impérial de Russie et les deux gouvernements sont tombés d'accord dans leurs manières de voir sur cette question.

Dans le cas où le 1-er emprunt projeté de réforme monétaire et de développement économique ne pourrait avoir lieu, si la Chine venait à contracter un nouvel emprunt pour la réforme monétaire, le gouvernement impérial a le désir d'y prendre absolument part. Les représentants financiers du Japon ne doivent pas perdre de vue les principes susmentionnés et devront agir en conséquence.

Перевод.

Проект инструкций японским финансовым представителям на конференцию о китайском займе.

1. В случае, если часть китайского займа, приходящаяся на долю Японии, не будет выпущена на внутреннем рынке Японии, японская группа должна будет договориться с одной или несколькими группами, участвующими в указанном займе, для того чтобы эмиссия японской доли могла бы иметь место на иностранном рынке.

2. Так как императорское правительство категорически заявило четырем правительствам, от которых зависит финансовая группа четырех держав, что японское правительство рассчитывает на то, что проектируемый китайский заем не сможет нанести в чем бы то ни было ущерб специальным правам и интересам Японии в Южной Манчжурии и так как установлено, что финансовая группа не может делать что-либо противное видам императорского правительства во всем, что имеет прямое или косвенное отношение к делам, касающимся этих областей, то финансовые представители Японии должны следить за строгим соблюдением вышеизложенных принципов.

Так как Япония имеет также специальные права в Монголии, в результате ее связей с Южной Манчжурией, то в отношении Монголии должны соблюдаться те же принципы, что и в отношении Южной Манчжурии.

Наличие вышеизложенных соображений заставляет желать, чтобы были приняты соответствующие меры, дабы оговорить, если возможно, в одном из постановлений проектируемого займа, что никакая часть из сумм, вырученных от указанного займа, не будет обращена на нужды Манчжурии и Монголии.

Для достижения целей, упомянутых в предыдущих параграфах, финансовые представители Японии должны поддерживать постоянные сношения с русскими финансовыми представителями и могут, в случае надобности, принимать, по общему соглашению, необходимые меры, однако, снесясь предварительно с императорским правительством.

3. Так как японская финансовая группа имеет в проектируемом займе долю, одинаковую с другими группами, то само собой разумеется, что Япония должна иметь такие же права, как и другие заинтересованные страны во всем, что касается этого займа и, в частности, в приглашении технического персонала.

4. Китайский заем в 10 000 000 ф. ст. на монетную реформу и экономическое развитие, проектированный в апреле 1911 г., не получил одобрения императорского правительства. Японское правительство не знает даже, можно ли будет его реализовать. Тем не менее, в случае если заинтересованные стороны будут добиваться осуществления этого займа и если ст. 16-я будет изъята или изменена в смысле оговорок, содержащихся в § 2 настоящих инструкций, соответственно возражениям императорского правительства, то японское правительство желает, чтобы японская группа приняла участие в этом займе. Сообразно чему финансовые представители и должны действовать в случае надобности.

На этот предмет императорское правительство уже обменялось взглядами с императорским правительством России и оба правительства пришли к согласному образу мыслей в этом вопросе.

В случае, если 1-й проектируемый заем на монетную реформу и на экономическое развитие не сможет состояться и если бы Китай заключил новый заем на монетную реформу, императорское правительство непременно желает принять в нем участие. Финансовые представители Японии не должны упускать из виду вышеизложенные принципы и должны действовать согласно с ними.

№ 805. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 451. 24/11 апреля 1912 г.
Секретно. Спешное.

М. г. Владимир Николаевич,

Великобританский посол, по поручению своего правительства, сообщил мне, что персидское правительство, за израсходованием выданного ему Россией и

Англией аванса в 200 000 ф. ст., ныне вновь настоятельно нуждается в денежной поддержке впредь до заключения крупного займа. При этом сэр Дж. Бьюкенен добавил, что лондонский кабинет готов притти в этом деле на помощь шахскому правительству.

Вслед за тем мною получена была по тому же предмету секретная телеграмма от нашего посланника в Тегеране от [20] 7 сего апреля за № 326, в копии при сем прилагаемая [1], в которой действительный статский советник Поклевский-Козелл высказывается за выдачу персам ссуды в размере 100 000 ф. ст. на равных условиях с предыдущим авансом, присовокупляя при этом, что соображения относительно крупного займа будут представлены им в самом непродолжительном времени.

Ваше высокопревосходительство изволите припомнить, что при выдаче нами в январе с. г. совместно с англичанами персидскому правительству ссуды в 200 000 ф. ст. имелось в виду, что этих денег может хватить лишь на два месяца, почему решено было по возможности ускорить решение вопроса о крупном займе для Персии в расчете, что заграничные банки, которые примут на себя финансирование этого займа, согласятся немедленно предоставить персам, в счет его, известную сумму [2]. За возможность такой комбинации высказывался, между прочим, представитель «Banque de Paris et des Pays Bas» Бенак. Однако затребованные своевременно у персидского правительства подробные сведения, необходимые для установления размера будущего займа, гарантий для него и других частностей, не могли быть доставлены нам в столь короткий срок. Задержка в этом отношении произошла, кроме того, и вследствие смены бывшего великобританского посланника в Тегеране, сэра Дж. Барклая [3], который решил предоставить разработку всего вопроса о займе своему преемнику.

Между тем положение дела в Персии в настоящий момент особенно настоятельно требует того, чтобы мы не оставляли на произвол судьбы персидское правительство. Как вашему высокопревосходительству известно, тегеранский кабинет, со времени принятия им наших требований, стал проявлять явное стремление неукоснительно следовать нашим советам и принялся энергично за подготовку всего необходимого для водворения порядка в Персии. Об этом свидетельствуют успехи, уже достигнутые в деле сформирования надежной жандармерии, под руководством шведских офицеров, принятие серьезных мер к усмирению буйных элементов, назначение, с нашего одобрения, новых губернаторов в разные провинции и т. п. Все это дает полную надежду на то, что, продолжая действовать в этом направлении, шахское правительство сумеет подавить смуту и внести, наконец, в страну успокоение, столь желательное с точки зрения наших экономических и политических интересов. Для этого необходимо ему однако прежде всего покончить совершенно с восстанием, поднятым бывшим шахом, и справиться с братом и сторонником последнего, принцем Салар-эд-Доуле, который, вопреки преподанным ему Россией и Англией советам, отказывается сложить оружие. Есть полное основание полагать, что персидское правительство достигнет своей цели, но снаряжение экспедиции против принца ложится тяжелым бременем на неустроенное еще персидское казначейство, а истощение казны может легко свести на-нет все благие начинания правительства и ввергнуть страну в состояние полной анархии.

Ввиду этих соображений я полагал бы, со своей стороны, безусловно необходимым пойти навстречу пожеланиям, высказанным лондонским кабинетом и нашей миссией в Тегеране относительно выдачи нами шахскому правительству совместно с Англией новой ссуды и притом именно в размере, указанном д. с. с. Поклевским-Козелл, т. е. не в 50, а в 100 тысяч ф. ст. с тем, чтобы персы знали пока лишь о первой ее половине.

Передавая об изложенном и покорнейше прося ваше высокопревосходительство почтить меня вашим заключением по затронутому вопросу, считаю долгом

[1] Тел. Поклевского от 20/7 апр. за № 326 в основном изложена в публикуемом документе.
[2] Ср. №№ 399 и 510.
[3] См. стр. 429, прим. 1.

высказать еще свой взгляд относительно способа осуществления намеченной финансовой операции.

По всей вероятности, выдача нашей доли нового аванса, хотя бы и в размере всего 50 000 ф. ст., при посредстве нашего Учетно-ссудного банка встретит непреодолимые затруднения, и нам надо будет изыскать другой источник, откуда можно было бы почерпнуть нужную сумму. Я полагал бы в таком случае предложить эту сделку банкам, входящим в состав «Société d'Etudes» Трансперсидской железной дороги, или хотя бы одному «Banque de Paris et des Pays Bas», и притом либо в виде самостоятельной операции, либо в виде аванса в счет будущего займа. Из полученной мною на-днях и в копии при сем прилагаемой памятной записки великобританского посольства от [15] 2 сего апреля [1] вы изволите усмотреть, что лондонский кабинет в принципе согласен предоставить финансирование персидского займа упомянутому консорциуму, почему с последним и возможно в настоящее время вступить в более определенные переговоры. Но даже если бы этого еще не было, то едва ли могло бы встретиться затруднение склонить любой заграничный банк к выдаче персидскому правительству столь ничтожной сравнительно суммы, как 50 000 ф. ст., на тех же условиях, на которых выдан был ему русско-английский аванс в 200 000 ф. ст., при гарантии нашей, что принятые им на себя обязательства будут персидским правительством добросовестно исполнены.

Если вам угодно будет разделить это мнение мое, то я покорнейше просил бы вас уведомить меня, не признаете ли вы возможным со своей стороны принять зависящие меры к привлечению консорциума «Société d'Etudes» или отдельного какого-либо банка к означенной финансовой операции, имея при этом в виду, что последнее желательно осуществить по возможности безотлагательно [2].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 806. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 402. 24/11 апреля 1912 г.

Четверной консорциум.

Вчера Тан Шао-и имел свидание с приглашенными им четырьмя посланниками. Попытавшись оправдать свой образ действий в вопросе о бельгийском займе, первый министр указал на настоятельную потребность Китая в деньгах, определяя таковую в размере, превышающем прежние его исчисления, а именно в 36 миллионов лан единовременно и в шесть с половиной миллионов лан ежемесячно. Главным основанием расчета выставлена была необходимость расплаты с подлежащими увольнению солдатами, причем общая численность войск приводилась Таном с явным преувеличением. Посланники ответили, что вопрос об авансе Китаю может быть обсуждаем лишь по получении ими письменного сообщения за подписью Тан Шао-и, а равно министров финансов и иностранных дел, с признанием, что китайское правительство, заключая бельгийский заем, нарушило принятые им ранее перед консорциумом обязательства. В письме этом должно быть далее заявлено, что преимущественное право бельгийского синдиката на

---

[1] См. № 762.

[2] Письмом от 26/13 апр. за № 368 Коковцов отвечал, что Учетно-ссудный банк Персии не может принять непосредственного участия в выдаче нового аванса перс. прав-ву. Не встречая препятствий к тому, чтобы эта операция была предложена банкам, входящим в состав Об-ва по изучению вопроса о Трансперсидской дороге, Коковцов настаивал на том, чтобы в случае, если гарантией аванса будет служить доход северных таможен, «порядок взноса таможенных поступлений в наш банк остался неизменным и чтобы право приоритета в отношении этих поступлений принадлежало не только платежам по долговым обязательствам Персии перед Россией, но и так называемым обязательным расходам, не исключая и уплаты пенсии б. шаху Мохамеду-Али».

реализацию крупного займа отменяется, и что выдаваемые консорциумом деньги не пойдут на возвращение бельгийцам их аванса. Тан обещал представить посланникам проект письма в этом смысле [1].

Крупенский.

№ 807. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 374 [2]. 25/12 апреля 1912 г.

En accusant réception de l'aide-mémoire de l'ambassade britannique du 19/6 avril 1912 [3], le ministère des affaires étrangères de Russie croit devoir faire les observations suivantes:

1. La gravitation géographique et économique naturelle de la Mandchourie du Nord, de la Mongolie et de l'Ouest Chinois vers les possessions russes en Asie crée à la Russie dans ces régions une situation spéciale et des intérêts politiques de la plus grande importance qui n'ont pas toujours trouvé leur expression dans les traités russo-chinois. Par conséquent en se joignant aux autres Puissances pour l'émission de l'emprunt chinois de réorganisation et en faisant ses réserves concernant les droits et intérêts spéciaux russes en Chine, le gouvernement impérial n'avait pas seulement en vue, comme au temps des négociations sur les conditions de la reconnaissance du nouveau régime en Chine, — les droits et intérêts russes découlant des traités, mais l'ensemble des droits et intérêts tant politiques qu'économiques que la Russie a dans la Mandchourie du Nord, en Mongolie et dans l'Ouest Chinois.

2. Dans l'aide-mémoire précité le gouvernement anglais se déclare contraire aux prêts d'argent aux autorités provinciales et municipales en Chine. Dans l'idée du gouvernement russe il n'est que naturel que lesdites autorités contractent des emprunts pour des besoins économiques ayant un caractère purement local, comme cela se fait du reste dans les autres pays. Le gouvernement impérial est donc d'avis qu'il n'y aurait pas lieu d'entraver la liberté d'action des financiers russes en ce qui regarde les entreprises locales dans la Mandchourie du Nord, en Mongolie et dans l'Ouest Chinois [4].

Перевод.

Подтверждая получение памятной записки английского посольства от 19/6 апреля 1912 г., российский министр иностранных дел считает своим долгом сделать следующие замечания:

1. Естественное географическое и экономическое тяготение Северной Манчжурии, Монголии и Западного Китая к русским владениям в Азии создают для России в этих областях особое положение, а также политические интересы крупнейшего значения, которые не всегда находили свое выражение в русско-китайских договорах. Поэтому, присоединяясь к другим державам для эмиссии китайского реорганизационного займа и внося оговорки относительно специальных прав и интересов России в Китае, императорское правительство имело в виду не только права и интересы, основанные на договорах, — как это имело место при переговорах об условиях признания нового режима в Китае, — но всю совокупность прав и интересов как политических, так и экономических, которые Россия имеет в Северной Манчжурии, в Монголии и в Западном Китае.

2. В вышеуказанной памятной записке английское правительство высказывается против выдачи ссуд провинциальным и муниципальным китайским властям. По мнению российского

---

[1] Тел. от 29/16 апр. за № 412 Крупенский извещал Сазонова, что Тан Шао-и передал посланникам четырех держав письмо в потребованной ими редакции, прося при этом разрешить банкирам возобновить переговоры о дальнейших авансах кит. прав-ву. «По поручению остальных коллег, — заканчивал Крупенский, — французский посланник предупредил меня, что инцидент с бельгийским займом считается ими теперь исчерпанным и что они дают здешним представителям банков просимое китайцами разрешение, сами же приступают совместно с японским посланником к обсуждению способов надзора за расходованием авансов в случае их выдачи».

[2] Опубл. М., стр. 553.

[3] См. № 782.

[4] О своем ответе англ. послу Сазонов известил Бенкендорфа тел. от 25/12 апр. за № 759 (опубл. М., стр. 554, где номер отсутствует).

правительства, вполне естественно, чтобы указанные власти заключали займы для экономических целей, имеющих чисто местный характер, как это и делается во всех других странах. А потому императорское правительство полагает, что не следовало бы стеснять свободу действий русских банкиров в отношении предприятий местного характера в Северной Манчжурии, Монголии и Западном Китае.

№ 808. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Депеша № 25 [1]. 25/12 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Едва успело французское правительство заключить с марокккским султаном договор о протекторате [2], как уже начались беспорядки, связанные с новым положением вещей в шерифской империи [3].

В самом сердце страны, в ее столице, внезапно вспыхнул бунт, в котором погибло весьма значительное число французских подданных. По последним сведениям, погибших насчитывается до 70 человек, из коих 15 офицеров-инструкторов, 40 нижних чинов и 13 штатских; раненых же — 4 офицера и 66 нижних чинов. Помимо сего, в еврейском квартале Феца произошла, повидимому, резня и ограбление еврейских домов и лавок; количество убитых евреев превышает сотню, а среди остающихся в живых царит ужас и полное обнищание. В числе погибших французов находятся между прочим корреспондент газеты «Matin» с женой. Четыре служащих при беспроволочном телеграфе были одни из первых убиты взбунтовавшимися шерифскими солдатами и исступленным населением.

Сначала печать и общественное мнение отнеслись довольно хладнокровно к этой вспышке марокккской озлобленности; бесчинства объясняли, главным образом, недовольством шерифских войск на требование ношения ранца, на подобие французских солдат, и не придавали событию большого значения. Но по мере того как поступали подробные известия и все новые списки убитых, раздражение общественного мнения все более усиливалось; ныне печать требует разъяснений и установления ответственности.

Не без основания она спрашивает, каким образом могло произойти, без ведома властей, явно организованное восстание; если же, как следует предположить по многим признакам, оно было предвидено, то почему охрана столицы не оказалась во-время подкрепленной достаточным количеством надежных войск. Повидимому, последние были бесцельно разбросаны по всей области, и в Мекнесе находился отряд в 6 000 человек, между тем как в Феце их было всего 1 300. Доказательством этого упущения служит факт, что генералу Муанье пришлось оттянуть войска от соседних местностей для подавления кровавого восстания, длившегося при этом безнаказанно целых три дня в столице империи. Подобное положение вещей требует немедленного выяснения настоящих причин смуты и строгого следствия, в каком смысле председатель совета министров поспешил телеграфировать г. Реньо, временно исполняющему с 1 апреля обязанности генерального резидента. Запрос по поводу сказанных событий уже предъявлен правительству со стороны депутата радикал-социалиста Дюмениля, находящегося в настоящее время в Марокко.

Во всяком случае уже теперь в достаточной степени установлено, что отсутствие планомерного действия французских властей в Марокко, их беспечность и ошибочная оценка настроения умов столичного населения в большой мере способствовали возможности возникновения последних происшествий.

Старые махзенские порядки, повидимому, не отменены; ко введению же новых еще не успели приступить. Переходная стадия от бывшего режима к режиму протектората обещает еще много неожиданностей, особенно в более отдаленных местностях и на алжирской границе, где, по газетным известиям, уже замечаются среди беспокойных племен некоторые признаки брожения.

[1] Опубл. М., стр. 181.
[2] См. № 741.
[3] См. №№ 776 и 799.

Не подлежит сомнению, что и другие факторы возымели действие на порождение смуты: неохотно принятое населением новое соглашение о протекторате, задержка франко-испанских переговоров, умаляющая, в глазах марокканцев, престиж французской мощи; наконец, итало-турецкая война и упорное сопротивление триполийских арабов. Вообще, последние европейские захваты в мусульманских странах не могли не отозваться в особенности на Марокко, где чувства самостоятельности и ярого фанатизма столь долго ограждали эту дикую страну от европейского вмешательства.

Ввиду последних происшествий и дабы не подать повода новой тревоге среди населения, газеты сообщают о вероятной отмене предположенного путешествия султана в Рабат, а затем во Францию [1].

Примите и пр. Извольский.

№ 809. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 26 [2]. 25/12 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из писем моих и телеграмм по поводу финансовой политики держав в Китае, вашему высокопревосходительству известна точка зрения французского правительства на этот вопрос.

В высшей степени сочувственный прием, оказанный здесь решению императорского правительства принять участие в консорциуме, нашел свое выражение и в печати.

По этому поводу считаю долгом обратить ваше внимание на статью, появившуюся в газете «Temps» от 15/2 апреля. Статья эта, если и не прямо инспирирована министерством иностранных дел, несомненно, отражает взгляды здешних правительственных кругов и заключает доводы и аргументации, которые мне пришлось слышать в беседах моих с председателем совета и другими министрами.

Рассматривая вопрос о китайских займах не с финансовой, а с чисто политической точки зрения и приветствуя вступление России в консорциум, автор статьи усматривает в этом нашем решении намерение итти впредь по пути широкого «применения» союза (pratiquer l'alliance). Необходимость во всем согласовать действия союзников является, по мнению автора, непременным условием успеха.

---

[1] В деп. от 9 мая/26 апр. за № 31 (опубл. М., стр. 194) Извольский сообщал: «По распоряжению французского правительства назначено следствие для выяснения причин недавнего восстания в Феце. Следствием этим в настоящее время установлено, что мятеж был заранее подготовлен улемами и знатными жителями столицы, распространявшими среди войск и населения слухи о предстоящем увезении султана в плен. Вместо того, чтобы использовать их влияние на невежественные массы и заручиться их содействием, французские власти постоянно отстраняли их от всякого участия в проводимых преобразованиях и держали их в полном неведении о настоящем положении вещей. С другой стороны, местные войска неохотно подчинялись новым вводимым у них правилам, существующим во французских войсках, и представляли собой готовую почву для агитационной пропаганды». Для восстановления поколебленного престижа Франции, — указывал Извольский, — «правительство назначило генерала Лиоте французским генеральным резидентом и решило тотчас же отправить в Марокко значительные военные подкрепления из своих африканских владений». Далее Извольский сообщал, что «в последнее время в печати упорно появлялись слухи о желании султана отречься от престола, покинуть Фец и отправиться на отдых в Рабат; султан будто бы основывался при этом на принятом по отношению к нему в октябре прошлого года обязательстве французского правительства не сопротивляться его отречению и предоставить ему право удалиться в любое место Марокко. Оказывается, что такое неосторожное обязательство было действительно дано ему французским правительством 17 октября 1911 г., в самом разгаре франко-германских переговоров». «Как бы то ни было, — заканчивал свою депешу Извольский, — обязательство это без сомнения усугубляет уже и без того тяжелую задачу правительства. Отречение султана при настоящих условиях бесспорно обрекло бы страну на продолжительную анархию. По последним известиям, г. Реньо удалось, наконец, убедить султана повременить своей поездкой в Рабат, по причине недостатка войск для его охраны на пути, до прибытия в Фец генерального резидента, указав ему при этом на крайнее возбуждение, которое поездка эта вызвала бы среди недоумевающего населения».

[2] Опубл. М., стр. 183.

Россия имела вполне законный повод быть недовольной образованием иностранного четверного синдиката, влияние коего грозило распространиться на области, где должны господствовать ее специальные интересы; подобное же справедливое недовольство было бы несомненно испытано во Франции, если бы был образован, при содействии русских банков, консорциум, без французского участия, для финансирования Марокко. Как в России, так и во Франции, зачастую недостаточно признавали в прошлом первостепенную важность использования, в каждом действии, всей силы, вытекающей из их единения. Такие упущения неоднократно повторялись, в особенности в первые годы после заключения союза, а в последнее время, — по поводу Багдадской железной дороги. Несмотря на уверения г. Пишона, что по отношению к названному предприятию, никакое соглашение не состоится без предварительного уговора между Германией, Францией, Россией и Англией, тем не менее Россия связалась сепаратным соглашением с Германией. Ошибки и колебания французской дипломатии на Востоке сыграли, по мнению автора статьи, в руку соперниц Тройственного согласия и привели к возможности отдельного их соглашения с Россией.

Примите и пр. Извольский.

№ 810. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 27 [1]. 25/12 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Открытие в Ницце и Каннах памятников королеве Виктории и королю Эдуарду VII состоялось на прошлой неделе, в присутствии г. Пуанкаре и великобританского посла в Париже, последнего — в качестве представителя особы короля Георга. Празднества эти, на которые прибыл также отряд судов великобританского флота, отличались блеском и самой неподдельной сердечностью. Английские и французские моряки снова, как еще недавно на Мальте [2], приняли совместное участие в военном смотре. Во все время своего пребывания на Ривьере английские гости являлись предметом исключительного внимания и восторженных оваций со стороны местного населения.

Самая церемония открытия памятников сопровождалась обменом речей между г. Пуанкаре и сэром Ф. Берти. Великобританский посол в кратких словах выразил в обоих случаях от лица короля Георга и английского народа признательность за внимание, оказанное Францией памяти почивших монархов, и твердую надежду на дальнейшее укрепление англо-французской дружбы.

Председатель совета министров ответил на эти приветствия двумя речами.

В первой из них, произнесенной в Ницце, г. Пуанкаре в изящных выражениях очертил возвышенный облик королевы Виктории и ее долголетнее царствование, всецело посвященное благу и величию английского народа.

На следующий день в Каннах, при открытии памятника королю Эдуарду VII, председатель совета затронул в своей речи также вопросы внешней политики. Он напомнил, что покойный английский монарх, тотчас по вступлении на престол, приложил достигнутую им широкую осведомленность в вопросах международного свойства к обеспечению в Европе мира, на началах политического равновесия. Этой цели, по его мысли, должно было послужить сближение между Францией и Англией, причем, в качестве великого «реалиста», король Эдуард счел совершенно излишним облекать соглашение между двумя державами в торжественную письменную форму и находил достаточным, чтобы оба народа, после устранения разъединявших их преходящих недоразумений, постепенно поняли бы и лучше оценили друг друга.

---

[1] Опубл. М., стр. 185.

[2] Имеется в виду посещение франц. судами острова Мальты в январе 1912 г. с целью приветствовать английского короля на обратном его пути из Индии (см. ч. 1, стр. 30, прим. 3).

Посещение королем Эдуардом Парижа в 1902 г., ответный визит Эмиля Лубе в Лондон [1], прибытие английской эскадры в Брест и французской в Портсмут [2], таковы были последовательные этапы этой осторожной, но настойчивой политики, увенчавшейся нынешним франко-английским сердечным согласием.

Когда затем король Эдуард, все в том же порядке мыслей протянул руку России, то стало очевидно, что равновесие сил в Европе приобрело большую устойчивость, и мир является лучше обеспеченным. Большая заслуга короля заключается также в том, что созданное им политическое сочетание оставило неприкосновенными существовавшие уже в Европе союзы и соглашения и безусловно лишено было неприязненного оттенка по отношению к кому бы то ни было.

Франция, по словам г. Пуанкаре, глубоко ценит блага мира и не помышляет о вызывающей политике; но она ясно сознает, что для того, чтобы самой не подвергнуться нападению или вызову, ей необходимо непрестанно поддерживать на высоте свое военно-морское могущество. «Мы должны, конечно, прежде всего рассчитывать на свои собственные силы,— закончил оратор,— но эти силы получают значительный прирост вследствие поддержки, оказываемой нам нашими союзниками и друзьями. Французский народ не забудет, что король Эдуард VII первый осуществил дружественное сотрудничество между Францией и Англией».

Торжества открытия памятников почтил своим присутствием его императорское высочество великий князь Михаил Михайлович. Г. Пуанкаре, после возвращения с юга Франции, сказал мне, что по внутреннему своему смыслу, подчеркнутому присутствием великого князя, празднества эти носили, по вынесенному им впечатлению, ясно выраженный характер проявления взаимной солидарности между всеми тремя державами — участницами Тройственного согласия.

Примите и пр.

Извольский.

№ 811. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Письмо [3]. 25/12 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Известие, полученное из Рима газетой «Matin» о будто бы предстоявшей демонстрации русского флота в турецких водах, настолько взволновало здешнюю печать и биржу, что я счел необходимым телеграфировать вам просьбу об официозном его опровержении [4]. Тотчас по получении вашей телеграммы [5] я принял необходимые меры, и в той же газете была напечатана прилагаемая при сем заметка [6].

Тенденциозные сведения о наших отношениях к Италии и о существовании между нами и римским кабинетом специального соглашения распространяются здесь не только газетой «Matin» (находящейся в близкой связи со здешним итальянским посольством), но и некоторыми другими крупными органами, и производят сильное впечатление на французские политические круги. Как вам известно, со времени инцидентов с французскими судами французское общественное мнение настроено к Италии довольно недружелюбно и сочувствует скорее Турции. Г. Пуанкаре не скрыл от меня, что многие парламентские деятели обращаются к нему с запросами о том, правда ли, что между Россией и Францией существует разница во взглядах на турецко-итальянскую войну и что Россия следует в этом вопросе совершенно особой политике. По уверению г. Пуанкаре, он делает все,

[1] Эдуард VII приезжал в Париж не в 1902 г., а в начале мая 1903 г.; ответный визит Лубе состоялся в том же году в начале июля.

[2] В июле и августе 1905 г.

[3] Опубл. М., стр. 184.

[4] Имеется в виду тел. от 19/6 апр. за № 53 (опубл. М., стр. 180), содержание которой исчерпывается публикуемым документом.

[5] В тел. от 20/7 апр. (без номера) Сазонов просил Извольского «доступными» ему средствами «категорически опровергнуть известие газеты «Matin» как безусловно вымышленное».

[6] В этой заметке указывалось, что на основании полученных из Петербурга сведений, редакция газеты может сообщить следующее: «В наиболее авторитетных кругах С.-Петербурга заявляют, что совершенно неверно, будто Россия намеревалась произвести морскую демонстрацию в турецких водах».

что от него зависит, чтобы рассеять эти предположения, которые весьма искусно распространяются из Рима; но, по его мнению, цель эта может быть достигнута лишь авторитетными разъяснениями с нашей стороны. С этой точки зрения я очень радуюсь только-что прочитанному мной в газетах известию, что вы должны выступить в конце этой недели в Думе, так как уверен, что ваши публичные заявления положат конец всем вышеописанным кривотолкам.

По поводу действий итальянского флота у входа в Дарданеллы г. Пуанкаре сказал мне, что итальянское правительство приписывает их простой случайности и отрицает намерение со своей стороны форсировать проливы; г. Пуанкаре думает, что вряд ли следует ожидать нового нападения итальянцев на Дарданеллы и что итальянский флот, по всему вероятию, сосредоточит свои усилия на занятии возможно большего количества островов. Как я вам телеграфировал [1], Пуанкаре сказал мне, что тотчас после событий [18] 5 апреля [2] французский посол в Константинополе, по собственному почину, обратил внимание турецкого правительства на желательность скорейшего открытия Дарданелл коммерческим судам; шаг этот был вполне одобрен г. Пуанкаре, который дважды высказался в том же смысле перед здешним турецким послом; по сведениям его, английское правительство действует в том же направлении, но, подвергнув рассмотрению вопрос о том, возможно ли требовать от Турции возмещения убытков нейтральной торговли, пришло к отрицательному заключению. Г. Пуанкаре также сомневается в существовании юридического основания для подобного требования, так как речь идет о последствиях военных действий.

Турецкий ответ на предложение держав [3] г. Пуанкаре считает весьма неблагоприятным для дальнейшего хода медиации и в настоящую минуту не видит никаких шансов на более успешный поворот дела.

В данный момент внимание г. Пуанкаре и его коллег всецело поглощено трагическими событиями в Фецe [4]. Общественное мнение отнеслось в общем к этим событиям довольно рассудительно и хладнокровно и не затрудняет правительству принятие необходимых мер истерическими выкриками и нападками. В Фецe объявлено военное положение; на-днях будет решен вопрос, кто будет поставлен во главе протектората — гражданский чиновник или один из знакомых с положением в Марокко военачальников, и требуется ли посылка в Марокко подкреплений.

Франко-испанские переговоры о Марокко все еще не налаживаются. Испанский посол смотрит на дело очень мрачно. По его словам, мадридский кабинет рассчитывал на воздействие Англии, предложившей проект разграничения по течению реки Уэрга [5]; Франция продолжает настаивать на уступке ей всей долины этой реки. Г. Перес Кабальеро считает это требование неприемлемым и думает, что если французское правительство не откажется от него, Испания предпочтет совершенно уйти из Марокко; в таком случае возникнет крайне затруднительный вопрос о том, кому должно принадлежать Средиземное побережье Марокко, а это может опять поставить ребром весь марокканский вопрос. Г. Пуанкаре, со своей стороны, заявляет, что последние события в Фецe указывают на абсолютную необходимость для Франции обладать достаточно широкой зоной защиты вокруг Феца; тем не менее он высказывается менее пессимистически и надеется в конце концов достичь соглашения.

Французское правительство очень сожалеет об отмене предполагавшегося в мае визита великого князя Николая Николаевича; согласно желанию великого князя оно примет все меры к тому, чтобы принять его высочество в назначенное им время, т. е. в конце нашего октября [6].

Примите и пр. Извольский.

---

[1] Извольский имеет в виду свою тел. от 24/11 апр. за № 54 (опубл. М., стр. 181), содержание которой полностью изложено в публикуемом документе.

[2] См. №№ 778 и 779.

[3] См. № 800.

[4] См. № 808.

[5] См. № 794.

[6] См. стр. 278, прим. 3.

№ 812. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 25/12 апреля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

J'ai été très sensible à votre lettre du 17/4 courant [1]. Comme vous j'ai été très chagriné du décès subit de Modeste Korff, pour lequel j'avais estime et affection de longue date.

Veuillez m'excuser encore si je m'étais permis de vous entretenir d'une façon privée de ma personne. Il n'entrait nullement dans ma pensée de faire valoir mes mérites, je tenais simplement à attirer votre bienveillante attention sur le fait que depuis que j'avais quitté Paris [2] j'ai reçu toutes mes récompenses «за выслугу лет», tandis que mon frère a eu la grande chance de recevoir les deux dernières décorations «за выдающиеся отличия, не соблюдая установленного срока». Ce n'est que pour celà que j'ai été affecté.

A son passage par Vienne, Nekludoff m'avait confidentiellement donné lecture de la convention très secrète, conclue entre la Bulgarie et la Serbie, sous les auspices de la Russie. Cet acte aurait été très heureux pour nous s'il constituait une entente sérieuse entre ces deux pays et si aucune indiscrétion n'était à craindre, qui nous mettrait dans une situation extrêmement délicate vis-à-vis de l'Autriche-Hongrie. A mon humble avis il n'y a pas entente sérieuse entre ces deux gouvernements et surtout entre les deux rois, qui se détestent et se méfient l'un de l'autre; quand il s'agira d'appliquer cet accord signé, la divergence d'opinions et les mauvaises passions se feront jour. Si du moins nous pouvions être assurés de la discrétion, le mal aurait pu être attenué, mais l'indiscrétion est toujours possible, soit du côté serbe, soit de la part de Ferdinand s'il croit pouvoir en tirer un profit personnel. Et alors, quelle serait notre situation vis-à-vis de nos puissants voisins l'Autriche et l'Allemagne?

Le comte W. Bobrinsky a été mal inspiré en adressant son fameux appel au «Times» au sujet de la Galicie. Bobrjinsky (cette ironie du sort et fatalité de la ressemblance du nom) lui répond et toute la question ne s'est qu'envenimée. Le mauvais côté pour nous, c'est que l'on ne voudra pas actuellement remplacer Bobrjinsky, comme le gouvernement en avait l'intention, afin que Bobrinsky ne chante point victoire. D'après ce que m'a dit Сватковский, le lieutenant de Galicie aurait entre ses mains des preuves que le comte Bobrinsky aurait transmis de fortes sommes nullement pour secourir les églises orthodoxes russes, mais pour la propagande électorale, qui du reste a échoué. Le «Новое время» m'accuse de n'avoir même pas réussi à régler l'incident de Lemberg [3],— il a tout fait pour gâter nos relations et emboîter le pas de Bobrinsky, qui a son organe «Прикарпатская Русь» qu'il dirige. Il suit l'exemple des Finlandais séditieux. A côté de cela paraissent des articles sensationnels au sujet de nos intentions belliqueuses. Le gouvernement de Vienne a fait saisir l'article du «Deutsches Volksblatt» du 17 avril que je joins ci-près [4].

L'empereur François-Joseph a été particulièrement aimable avec Crozier [5] à son audience de congé, qui a eu lieu il y a 3 jours. Il a exprimé son vif regret de le voir partir à un moment ou l'état général semble inquiétant en Europe. On parle tant de guerre en Europe entre les grandes Puissances,— aurait-il ajouté,— que l'opinion publique s'y accoutume et c'est mauvais signe, l'effervescence est trop grande, la nervosité — mauvaise conseillère, il faudrait s'unir loyalement pour écarter ce grand danger.

---

[1] Указанное письмо Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] См. стр. 9, прим. 1.

[3] См. №№ 198, 242, 305 и 326.

[4] В приложенной к публикуемому документу газетной вырезке под заголовком «Сенсационные сообщения о мобилизации России против Австро-Венгрии» передавалось полученное редакцией из Кракова сообщение о повсеместной мобилизации в России и отправке войск на австро-венгерскую границу.

[5] Французский посол в Вене.

H. Г. Гартвиг nous a apporté lui-même cette fois son expédition, qui a repris le cachet volant. Comme il est d'usage le jour de l'expédition du courrier, il a déjeuné chez nous avec le personnel de l'ambassade. Il a été d'une correction absolue, je ne demande pas autre chose.

Veuillez agréer, etc. N. de Giers.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я был очень тронут вашим письмом от 17/4 текущего месяца. Как и вы, я был очень огорчен внезапной смертью Модеста Корфа, к которому я с давних пор питал чувства уважения и привязанности.

Извините меня еще раз за то, что я позволил себе говорить вам частным образом о себе самом. Я вовсе не имел в виду восхвалять свои достоинства. Мне просто хотелось обратить ваше благосклонное внимание на то обстоятельство, что с тех пор, как я уехал из Парижа, я получал все награждения «за выслугу лет», в то время, как моему брату посчастливилось получить два последних ордена «за выдающиеся отличия, не соблюдая установленного срока». Вот это-то меня и огорчило.

При проезде через Вену Неклюдов доверительно дал прочесть мне текст весьма секретной конвенции между Болгарией и Сербией, заключенной под покровительством России. Этот акт мог бы быть нам очень полезен, если бы он устанавливал серьезное согласие между этими двумя странами и если бы не приходилось опасаться какого-либо разглашения, которое поставило бы нас в чрезвычайно щекотливое положение перед Австро-Венгрией. По моему скромному мнению, серьезного согласия между этими двумя правительствами нет, и в особенности его нет между двумя королями, которые ненавидят друг друга и не доверяют один другому; когда придет время осуществить на деле это подписанное соглашение, разногласия во взглядах и дурные страсти дадут себя знать. Если бы еще мы могли быть уверены в соблюдении тайны, то можно было бы уменьшить зло, но разглашение всегда возможно либо со стороны Сербии, либо со стороны Фердинанда, если он усмотрит в этом возможность извлечь личную выгоду. И тогда каково будет наше положение по отношению к нашим могущественным соседям — Австрии и Германии?

Знаменитое обращение графа В. Бобринского к «Times» по вопросу о Галиции было неудачной затеей. Бобржинский (какая ирония судьбы, какое роковое сходство имен) ему отвечает, и в результате вопрос только обостряется. Для нас плохо то, что в настоящее время Бобржинского не захотят сместить, как раньше намерено было поступить правительство, чтобы не дать Бобринскому возможности торжествовать победу. По словам Сватковского, у наместника Галиции имеются доказательства того, что граф Бобринский передал крупные суммы отнюдь не на помощь православным русским церквам, а на выборную пропаганду, которая к тому же не удалась. «Новое время» обвиняет меня в том, что я не сумел даже урегулировать львовский инцидент,— оно сделало все, чтобы испортить наши отношения, идя по стопам Бобринского, у которого есть свой собственный орган «Прикарпатская Русь», руководимый им. Он следует примеру мятежных финляндцев. Наряду с этим появляются сенсационные статьи относительно наших воинственных намерений. Венское правительство конфисковало статью «Deutsches Volksblatt» от 17 апреля, которую я при сем прилагаю.

Император Франц-Иосиф был чрезвычайно любезен с Крозье на прощальной аудиенции три дня тому назад. Он выразил свое глубокое сожаление по поводу его отъезда в тот момент, когда общее положение в Европе тревожное. Между великими державами так много говорят о войне, — будто бы добавил он, — что общественное мнение свыкается с этой мыслью, а это — дурной признак, возбуждение слишком велико, а нервность — плохой советчик; нужно искреннее единение, чтобы устранить эту грозную опасность.

Н. Г. Гартвиг на этот раз сам привез свою экспедицию, которая посылается под открытой печатью. Как принято, в день отправления почты он завтракал у нас со всем персоналом посольства. Он держался абсолютно корректно; ничего другого я и не требую.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 813. Посланник в Софии [1] министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 36. 25/12 апреля 1912 г.

Выступление итальянского флота в Дарданеллах [2] вызвало здесь возбуждение, впрочем скоро улегшееся. Тем не менее в первых же разговорах моих с Гешовым и Даневым, я предупредил их, что и дальнейшие действия Италии не изменят нашего твердого намерения охранять мир на Балканах, что мы серьезно пре-

[1] Тел. от 21/8 апр. (без номера) Неклюдов сообщал, что он вернулся в Софию и вступил в управление миссией. См. стр. 314, прим. 3.

[2] См. №№ 778 и 779.

дупреждаем Болгарию против какого-либо необдуманного действия и что всякое выступление ее без нашего предварительного согласия будет шагом для нее крайне опасным и предпринятым на собственный риск и страх. Гешов ответил мне, что подобного шага ныне кабинет не предпримет и что всякое предложение Италии будет прежде всего сообщено болгарами нам. Гешов и Данев согласились при этом с моим мнением, что Италия вообще не намерена переносить военных действий на Балканский полуостров. Короля я еще не видел, но повторю ему при случае то же самое. Здесь никаких военных приготовлений не делается.

Неклюдов.

№ 814. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Берлине и Вене — Бенкендорфу, Извольскому, Остен-Сакену и Н. Гирсу.

-/. Телеграмма № 761 [1]. 26/13 апреля 1912 г.

Сообщается в Рим и Константинополь.

Ответ Турции по вопросу о посредничестве, особенно же поставленные ею предварительные условия не оставляют, как нам кажется, почвы для продолжения разговоров в настоящую минуту. Но мы надеемся, что, убедившись на деле, как чувствительно задеваются интересы нейтральных настоящей войной, державы не прекратят взаимного обмена мнений по этому вопросу с тем, чтобы воспользоваться первой возможностью для возобновления своих примирительных попыток.

Благоволите в изложенном смысле объясниться с министром иностранных дел и о последующем уведомить.

Сазонов.

№ 815. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

-/. Депеша № 20. 26/13 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Депешей от 29/16 минувшего марта за № 18 [2], я имел честь поставить ваше высокопревосходительство в известность о принятии Союзным советом нового законопроекта касательно увеличения сухопутных и морских сил германской империи, который тогда же был опубликован в выдержках в местной печати. Ныне законопроект этот внесен был на обсуждение парламента.

Вопреки ожиданиям и требованию большинства партий, он не представляет одного общего правительственного предложения, а состоит из трех самостоятельных законопроектов, а именно: 1) проект изменения имперского военного закона (Reichsmilitärgesetz) и изменения закона о мирном составе армии, 2) проект об изменении законов о флоте 1900 и 1906 годов, и 3) проект некоторых изменений в бюджете на 1912 год, заключающий между прочим отмену нормировки контингента спирта, не подлежащего общему налогу (Beseitigung des Brantweinkontingents).

Цель, преследуемая правительством при таком разделении в сущности одного законопроекта, несомненно, заключается в том, чтобы получить сначала желаемое усиление армии и флота, а уже затем, путем, может быть, и некоторых компромиссов, добиться наиболее для себя удобного источника средств, необходимого для этого усиления.

Тактика эта, приписываемая главным образом г. фон Бетман-Гольвегу, облегчается удачным финансовым прошлым годом, а также ожидаемым и в текущем году значительным превышением доходов по сравнению с слишком осторожно сделанными сметными предположениями. Таким образом правительство будет

[1] Опубл. М., стр. 190.
[2] См. № 705.

иметь возможность немедленно же проводить в жизнь военную и морскую реформу, пользуясь бюджетными остатками, в ожидании получения от парламента согласия на выработанный правительством проект способа покрытия этих новых, весьма крупных расходов, которые составят за пятилетие 1912—1917 гг. сумму в 650,5 млн. марок.

В объяснительной записке, приложенной к третьему законопроекту, правительство излагает свои виды на способ покрытия столь крупных расходов. Сущность его заключается в том, что, кроме сравнительно небольшого увеличения доходов путем реформы закона о спирте (14 млн. в первый год и по 36 в последующие), предполагается покрыть все новые расходы из бюджетных остатков.

Насколько проект самого увеличения боевой готовности Германии встречен был сочувственно во всей печати, кроме, конечно, социалистической, настолько же вызвал протест большинства политических партий способ покрытия новых расходов. Главным образом недовольны все либеральные фракции, считающие необходимым, чтобы при вотировании расхода был также ясно определен источник дохода и требующие в данном случае введения налога на наследство. Но не удовлетворены также и правые, так как изменение закона о спирте отзовется преимущественно на сельскохозяйственных классах. Кроме того, консервативно-аграрные элементы опасаются упоминания в объяснительной записке правительства о том, что в случае, если не оправдаются оптимистические виды на поступление излишних доходов, придется несколько задержать уже проектированное уменьшение некоторых старых налогов; уменьшение же это должно было между прочим коснуться и сахара.

Единственным защитником финансовых предположений имперского канцлера явилась таким образом лишь находящаяся под непосредственным влиянием правительства печать.

Обсуждение новых законопроектов в рейхстаге началось 22/9 апреля речью имперского канцлера. Общее политическое положение, по словам г. фон Бетман-Гольвега, не является в настоящее время угрожающим для Германии, которая желает жить со всеми в мире и ссоры ни с кем не ищет. Тем не менее она должна быть готова ко всем неожиданностям. Германии необходимы сильная армия и такой же флот для того, чтобы иметь возможность не только дать отпор всякому нападению, но также, чтобы сохранить мир, лучшим залогом коего является хорошо организованная военная сила. Далее г. фон Бетман-Гольвег, намекая на пангерманистов, выразил сожаление, что некоторая часть немецкой прессы распускает алармистские слухи, не имеющие под собою твердой почвы, и наносит этим вред торговле и общему экономическому положению Германии.

Переходя затем к вопросу покрытия издержек на увеличение вооружения, имперский канцлер старался доказать правильность предположений правительства и главным образом восстал против требований левых партий ввести налог на наследства.

Речь г. фон Бетман-Гольвега, в особенности в первой ее части, произвела своей твердостью и ясностью хорошее впечатление даже на несочувствующие ему партии.

Вслед за имперским канцлером выступил военный министр. Он не скрыл, что новое военное усиление вызвано мароккским кризисом. Перечисляя проектированные меры по реорганизации армии, генерал Геринген настаивал на необходимости осуществления всей реформы к 1 марта [нов. ст.] 1913 года.

Следующий оратор — адмирал Тирпиц, уже давно стоящий во главе морского ведомства и, как известно, являющийся душою усиления германского флота,— высказал сожаление, что состояние имперских финансов мешает ему высказать все свои пожелания. И теперь он принужден был ограничить свои требования, отказавшись от одного большого крейсера; между тем, заметил адмирал, опасность часто наступает именно тогда, когда ее менее всего можно ожидать.

После морского министра выступил с пространной речью о финансовой стороне законопроектов новый статс-секретарь казначейства. Главной целью г. Кульма было доказать, что он идет по стопам своего предшественника и что, следова-

тельно, комментарии печати об уходе г. Вермута не соответствуют действительности.

Речи депутатов различных фракций при обсуждении законопроектов вполне соответствуют вышеизложенным отзывам печати соответствующих политических направлений, вследствие чего не считаю возможным утруждать ими внимание вашего высокопревосходительства. Критика же военной реформы с технической, военно-морской и финансовой стороны и объяснения правительства по этому поводу служат предметом донесений состоящих при императорском посольстве агентов по их начальству.

Не могу однако еще раз не отметить единодушие, с которым все, даже представители крайних радикальных партий, выразили принципиальное согласие на увеличение боевой готовности Германии. Таким образом в оппозиции остались лишь социалисты, не изменившие своего всегдашнего отношения к вопросу вооружений.

Первое чтение законопроектов закончилось вчера. Проекты увеличения армии и флота переданы, согласно парламентскому обычаю, в бюджетную комиссию, чем уже заранее предрешено их принятие.

Что же касается законопроекта об ассигновании дополнительных средств к бюджету на 1912 г. в связи с новыми расходами, то он передан большинством 160 голосов против 158 в особую комиссию из 28 членов. Это было сделано по предложению национал-либералов и большинство составилось, как и при выборе президиума, из совокупности всех левых партий. Пока трудно предугадать, какое решение примет эта комиссия. Это решение не помешает однако, как я уже упомянул выше, теперь уже приступить к осуществлению военно-морских реформ.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 816. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 26/13 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Возобновление заседаний рейхстага и возвращение имперского канцлера в Берлин послужили сигналом для прекращения того затишья в политической жизни страны, о котором я имел честь донести вашему высокопревосходительству в письме от 12 апреля/30 марта 1912 г. [1]

Обсуждение в рейхстаге правительственного законопроекта о новом усилении армии и флота закончилось вчера передачей первой части законопроекта, касающейся самих вооружений, в бюджетную комиссию; что же касается второй его части — источника кредитов для покрытия расходов, вызываемых новым законом, — то вопрос этот передан был в специальную комиссию рейхстага, что повлечет за собой не только значительное замедление, но, по всей вероятности, и видоизменение этой части правительственного законопроекта.

На разрешение этого вопроса в означенном неблагоприятном для правительства смысле несомненно оказало некоторое влияние неудачное выступление военного министра по вопросу об исключении из военной службы военного врача Зембаха за отказ принять вызов на дуэль.

Генерал фон Геринген в настоящем случае явился только защитником изданного недавно императором Вильгельмом указа о дуэлях военных чинов. Тем не менее выступление его вызвало целую бурю негодования, и он подвергся ожесточенным нападкам партии центра и всех левых партий рейхстага.

Представитель всесильной в настоящий момент партии центра престарелый Шпаан высказал даже в весьма резкой форме требование об оставлении генералом фон Герингеном поста военного министра.

Вышеозначенный инцидент, не имеющий сам по себе особого значения, заслуживает внимания, как показатель с одной стороны, того возбуждения полити-

[1] См. № 757.

ческих страстей, которое несомненно господствует в настоящее время в Германии; с другой стороны, он свидетельствует о той роли, которую присваивает себе,— и с которой поневоле приходится считаться правительству,— партия центра в настоящем рейхстаге. Присоединением ее к правым или левым партиям разрешится судьба всех вопросов, представленных на рассмотрение рейхстага.

Во внешней политике — затруднительное положение, в которое ставят Германию в настоящий момент союзные отношения ее к Италии и тесные узы, связывающие ее с Турцией, а также довольно обостренные отношения с Англией и Францией, поддерживают в правительстве и общественных кругах страны тревожное настроение.

Французский посол, который на-днях вернулся из Парижа и с которым я беседовал сегодня по этому поводу, сказал мне конфиденциально, что он очень озабочен господствующим в обеих странах (Франции и Германии) возбужденным друг против друга настроением, могущим во всякий момент при обсуждении даже маловажного вопроса принять самый острый характер.

Примите и пр. Шебеко.

№ 817. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 57. 27/14 апреля 1912 г.

Получил телеграмму № 761 [1].

Только-что сообщил ее содержание министру иностранных дел, который вполне согласен с вами, что в настоящую минуту бесполезно продолжать разговоры с воюющими сторонами, но что державы не должны прекращать между собой обмена мыслей, дабы возобновить при первой возможности свои примирительные попытки. Пуанкаре высказал мне живейшее удовольствие по поводу ваших вчерашних заявлений в Думе [2] и просил меня передать вам выражение искреннейшей благодарности за слова, касающиеся Франции и Тройственного согласия. Вечерние газеты отзываются о вашей речи самым благоприятным образом, отмечая ее миролюбивый и оптимистический характер.

Извольский.

[1] См. № 814.

[2] В речи, произнесенной в Государственной думе 26/13 апр. (см. стр. 261, прим. 2), Сазонов заявил следующее об отношении России к Франции и Англии: «В основе нашей внешней политики попрежнему незыблемо лежит союз наш с Францией. За долголетнее свое существование этот союз уже успел доказать, что, являясь надежной опорой для обоих связанных им государств, он вместе с тем не служит каким-либо агрессивным целям, направленным против кого бы то ни было, а, наоборот, способствует бесспорно сохранению всеобщего мира. Минувшим летом мы с благожелательным вниманием следили за ходом переговоров между нашей союзницей и Германией по поводу Марокко и с удовольствием приветствовали мирное разрешение возникших между ними переговоров, не лишенных в свое время некоторой остроты.

Будучи убеждены, что союз наш с Францией рассчитан не только на случай наступления чрезвычайных обстоятельств, но должен проявлять свое благотворное значение равным образом и в мирное время, мы считаем необходимым поддерживать с нашими союзниками непрерывное общение по всем стоящим на очереди вопросам внешней политики. Единомыслие между нами облегчает для каждой стороны осуществление своих задач соответственно обоюдным интересам и согласно с общим миролюбивым направлением, которого неизменно придерживаются Россия и Франция. Для лучшего достижения указанной цели я счел полезным, при первой для меня возможности, побывать с высочайшего соизволения в Париже, чтобы завязать личные отношения с французскими государственными людьми. Я рад засвидетельствовать, что я нашел во французских руководящих кругах те же чувства привязанности к испытанному уже союзу и то же стремление направить этот союз как к выгоде обеих стран, так и на пользу европейского мира.

Мой предшественник имел случай указать с этой трибуны на происшедший за последние годы поворот в наших отношениях с Англией. Предоставляя себе в другом месте коснуться той области, где благотворные плоды соглашения 1907 года сказались наиболее наглядно, я не могу не упомянуть здесь, что взаимное доверие и сочувствие не ограничиваются правящими кругами обеих стран, но имеют под собой более широкое основание. В этом легко было убедиться как во время посещения вашими представителями Англии, так и по случаю недавнего приезда сюда английских гостей». (О поездке англ. делегации см. № 436 и примечания к нему. Русская делегация во главе с председателем Гос. думы Хомяковым ездила в Англию летом 1909 г.).

№ 818. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 38. 28/15 апреля 1912 г.

Медиация.

Германский статс-секретарь по иностранным делам, с которым я не преминул объясниться вчера в смысле вашей телеграммы № 761 [1], заявил мне, что он вполне разделяет мнение вашего высокопревосходительства относительно бесцельности продолжения в настоящую минуту переговоров по вопросу о посредничестве между Италией и Портой. Кидерлен к этому присовокупил, что он также считает весьма важным, чтобы установившийся по этому вопросу, благодаря инициативе России, обмен мнений и согласованность действий между державами не прекращались, дабы иметь возможность использовать сообща первый благоприятный случай для воздействия на воюющих в примирительном духе.

Шебеко.

№ 819. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 31. 28/15 апреля 1912 г.

Ответ на телеграмму № 761 [1].

Посредничество.

По получении текста ответа Турции граф Берхтольд подтвердил мне, что он думает, что не следует прекращать обмен взглядов между державами. Переговоры могли бы касаться приемлемых условий для прекращения военных действий за исключением вопроса о суверенитете. И Италия, казалось бы, желает продолжения посредничества держав [2]. По мнению итальянского посла в Берлине, можно было бы установить столь же неосязаемое и неопределенное разграничение верховной власти в Триполи, как между Квиринало́м и Ватиканом.

Гирс.

№ 820. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

·/. Телеграмма № 771. 29/16 апреля 1912 г.

№ 410 получен [3].

Мы приступили к четверному консорциуму, поскольку дело касается китайского реорганизационного займа. Русско-азиатский банк приглашен участвовать в собираемом в Лондоне совещании представителей шести национальных групп, выпускающих этот заем. Представительство Русско-азиатского банка на этом совещании возложено на его директора Верстрата.

Что касается вашего участия в происходящих в Пекине совещаниях посланников, то мы не видели в этом нужды, пока дело шло о бельгийском займе. Раз с этим вопросом будет покончено, вы могли бы потребовать участия в дальнейших совещаниях по вопросам китайских займов наравне с японским посланником. В случае затруднений к удовлетворению этого вашего требования, мы вступим в объяснения с заинтересованными правительствами.

[Сазонов.]

---

[1] См. № 814.

[2] Тел. от 26/13 апр. за № 30 Н. Гирс сообщил, со слов итал. посла в Вене, что итал. прав-во «очень озабочено возможностью приостановки посредничества держав в вопросе о прекращении войны»

[3] В тел от 28/15 апр. за № 410 Крупенский запрашивал Сазонова, состоялось ли окончательное соглашение о вступлении России в консорциум.

№ 821. Министр иностранных дел генеральному консулу в Канее Шебунину.

./. Телеграмма № 778. 29/16 апреля 1912 г.

В случае одинаковости инструкций представителей держав-покровительниц можете присоединиться к предлагаемой Англией мере насильственного захвата и ареста на судах критских депутатов, в случае их демонстративного и корпоративного отъезда в Афины [1].

Сазонов.

№ 822. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

./. Телеграмма № 779. 29/16 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 718 [2].

Финансовое и торговое положение крайне обостряется продолжительным закрытием Дарданелл, ныне более ничем не оправдываемым, ибо итальянцы заявили об отсутствии военных судов севернее Стампалии.

Удивляемся неполучению ответа турок на ваше заявление. Благоволите обратить внимание Порты на необходимость более внимательного отношения к законным интересам нейтральных.

Сазонов.

№ 823. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 110. 29/16 апреля 1912 г.

Reçu № 761 [3].

En ai communiqué contenu. Grey partage votre opinion que prolongation de conversation aujourd'hui manquerait de base et partage aussi vos vues pour éventualité de l'avenir permettant nouvelle démarche conciliante [4].

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 761.

Сообщил его содержание. Грей разделяет ваше мнение, что продолжение разговоров в настоящее время было бы лишено основания; он разделяет также ваш взгляд, что в будущем окажется возможным возобновить выступление с целью примирения.

Бенкендорф.

---

[1] Пам. запиской от 26/13 апр. англ. пос-во в Петербурге сообщило м-ру ин. дел, что англ. представителю в Канее отдано приказание арестовать критских депутатов, если они открыто, «группой», отправятся из Крита в Афины, и задержать их до нового приказа. В заключение англ. пос-во выражало надежду, что Сазонов пошлет такую же инструкцию росс. консулу в Канее. Ответной пам. запиской от 29/16 апр. Сазонов известил англ. посла в Петербурге, что соответствующая инструкция Шебунину послана.

Но еще 28/15 апр. Шебунин телеграфировал за № 50, что, основываясь на инструкции м-ва от 22/9 марта (см. № 670), он «примкнул вместе с французским представителем к английскому, получившему определенное предписание задержать последнюю группу депутатов, если они отправятся демонстративно». В связи с тем, что отъезд депутатов носил демонстративный характер, Шебунин, по соглашению с коллегами, предложил старшему командующему в эскадре — англ. капитану — арестовать депутатов. «В силу этого распоряжения дежуривший сегодня английский крейсер «Минерва» остановил около Судской бухты вышедший из Канеи греческий пароход и привел его в Суду. Депутаты, которых оказалось 19 человек, были свезены под конвоем на «Гемпшир». В заключение Шебунин просил «возможно скорого решения относительно их дальнейшей судьбы».

[2] См. № 789.

[3] См. № 814.

[4] Тел. от 30/17 апр. за № 111 (опубл. Siebert, II, S. 359, № 600) Бенкендорф сообщил о заявлении Империали в качестве личного мнения, что он считает возможным уступку, касающуюся верховной власти султана.

№ 824. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 50. 29/16 апреля 1912 г.

В Консульте получили известие из достоверного источника, будто бы в Константинополе не только в турецких кругах, но и среди дипломатов преобладает мнение, что в Италии замечается усталость от войны и что здесь готовы итти на уступки ради заключения мира. Такое ошибочное мнение может ввести турок в заблуждение, поощряя их упорство. Между тем настроение здесь нисколько не изменилось, воодушевление прежнее, в промышленных и финансовых кругах даже замечается недовольство нерешительностью правительства. Последнее может быть вынуждено ввиду этого принять более действительные военные меры. Не полагает ли ваше превосходительство, что изложенные выше сведения могут быть полезными нашему послу в Константинополе.

Долгорукий.

№ 825. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 29/16 апреля 1912 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Ayant diné chez moi avant-hier, le comte Berchtold m'a parlé d'une façon privée de votre discours à la Douma [1].

Il m'a dit que cet exposé politique a produit une excellente impression au point de vue de la consolidation des idées pacifiques: (aussi la majorité des journaux autrichiens y compris la «Neue Freie Presse», qui n'est guère tendre pour nous, l'a accueilli avec grande satisfaction).

Personnellement Berchtold regrette que vous avez évité le mot d'«amitié» en parlant de l'Autriche-Hongrie et que vous avez parlé en dernier de son pays, en lui accordant seulement la 5-me place.

J'ai répliqué à Berchtold, qu'en l'écoutant je croyais entendre l'appréciation du journal «Zeit»,— que je ne saurais partager.

Pour écarter tout soupçon d'une entente spéciale de notre part avec l'Italie au sujet des Balkans, dont il était question dans les journaux autrichiens, il fallait parler d'abord de l'Italie; l'entrevue de Potsdam indiquait que l'Allemagne devait figurer en premier parmi les Puissances de la Triple Alliance. Pour ce qui est du mot d'«amitié», vous aviez bien souligné le désir qu'il figurât dans nos relations futures, mais en parlant devant la «Douma» et l'opinion publique en Russie, vous deviez tenir compte que l'année 1908, de triste mémoire pour nos relations, n'était pas encore effacée, il faudrait des faits plus palpables pour arriver à une base nouvelle, et ce n'est que petit à petit qu'on arriverait à ce résultat désirable; j'ai ajouté, à titre scrupuleusement privé, que le «Zeit» était un journal plus allemand qu'autrichien et qui a toujours attaqué avec violence le comte Aehrenthal.

Le comte Berchtold a admis mon argumentation, en déclarant qu'il fallait lire le texte même de votre discours pour s'en rendre mieux compte.

[1] В речи, произнесенной в Государственной думе 26/13 апр. (см. стр. 261, прим. 2) Сазонов, касаясь вопроса русско-австр. отношений, сказал: «Как вам известно, господа, наши отношения к Австро-Венгрии в недавнем прошлом подверглись испытанию. Тем не менее обоим правительствам, в высших целях укрепления мира, удалось найти почву для установления общих руководящих начал, которых могли бы придерживаться Россия и Австро-Венгрия в той области, где их интересы соприкасаются. Я считаю долгом напомнить вам, что этими началами были признаны с обеих сторон: а) сохранение status quo на Балканском полуострове; б) независимость, укрепление и мирное развитие малых балканских государств и в) поддержание и утверждение нового строя Оттоманской империи, ввиду поставленного в его основу уравнения в правах всех народностей в Турции». «Мы имеем сведения из авторитетного источника, — продолжал Сазонов, — что в Вене и впредь намерены сохранять в силе указанные начала. Твердая решимость Австро-Венгрии оставаться на этой почве может иметь только благоприятное влияние на дальнейший ход наших взаимных отношений».

En attendant l'organe officieux le «Fremdenblatt» n'a pas émis son opinion.

Je joins ci-inclus le résumé du sentiment des principaux journaux autrichiens concernant votre exposé [1].

Berchtold m'a dit, qu'il était très ennuyé de l'exposé qu'il devra faire demain aux délégations, n'ayant ni le don de la parole, ni la pratique parlementaire. Après la lecture qu'il donnera aux deux comités successivement, autrichien et hongrois, — il devra répondre à toutes les questions qu'on lui posera, c'est un genre d'examen indiscret qu'on lui fera subir,— ces comités se réunissent séparément. C'est une pierre de touche qui le rend nerveux, car il est timide et ne possède pas le don d'une prompte et vive réplique.

«Je n'ai pas le don de la parole», aurait-il dit à l'empereur François-Joseph en déclinant la succession d'Aehrenthal.

«Vous parlez bien en me parlant,— aurait répliqué sa majesté,— faites de même aux délégations».

Le dr. Turban rentré à Davos a exprimé le désir que le prof. Tavel soit consulté de nouveau. Mon gendre a engagé Tavel à revenir à Davos.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

P. S. Très secret et strictement personnel.

D'après un rapport de notre chargé d'affaires à Sofia, la convention conclue entre la Bulgarie et la Serbie, a le caractère plutôt offensif et malheureusement pas exclusivement défensif [2]. Les indiscrétions de ces deux pays balkaniques sont fort à craindre et j'appréhende l'envoi de la députation bulgare en Crimée, car ce fait pourrait bien donner l'éveil en Autriche-Hongrie. On est devenu très soupçonneux au Ball-Platz. L'exposé de demain du comte Berchtold aux délégations devra toucher à nos relations et à votre exposé.

Ut in litteris

N. de Giers.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Обедая позавчера у меня, граф Берхтольд беседовал со мной частным образом о вашей речи в Думе.

Он сказал мне, что этот политический отчет произвел прекрасное впечатление с точки зрения укрепления идеи пацифизма: (вот почему большинство австрийских газет, включая и «Neue Freie Presse», не питающей к нам симпатий, приняли его с большим удовлетворением).

Лично Берхтольд сожалеет, что, говоря об Австро-Венгрии, вы избегали слова «дружба» и что о его стране вы говорили только в конце речи, отведя ей лишь пятое место.

Я возразил Берхтольду, что, слушая его, можно подумать, что он высказывает мнение газеты «Zeit», — мнение, которого я не разделяю.

Дабы устранить всякое подозрение в том, что относительно Балкан у нас существует специальное соглашение с Италией, о котором говорилось в австрийских газетах, нужно было говорить сначала об Италии; после свидания в Потсдаме естественно, что из держав Тройственного союза на первом месте должна фигурировать Германия. Что касается слова дружба, то вы подчеркнули желание, чтобы оно было применимо к нашим отношениям в будущем, но, выступая перед Думой и общественным мнением России, вы были вынуждены считаться с тем, что воспоминания 1908 года, прискорбные для наших отношений, еще не изгладились; для отношений на новой базе нужны факты более осязательные и этих желательных результатов можно добиться лишь постепенно. В порядке совершенно частного разговора я добавил, что «Zeit» — газета скорее германская, чем австрийская, и что она всегда яростно нападала на графа Эренталя.

Граф Берхтольд согласился с моими доводами, сказав, что нужно прочесть самый текст вашей речи, чтобы лучше уяснить ее себе.

В ожидании, официозный орган «Fremdenblatt» не высказал еще своего мнения.

При сем прилагаю отзывы наиболее крупных австрийских газет о вашей речи.

Берхтольд сказал мне, что, не обладая ни даром красноречия, ни парламентскими навыками, он очень тяготится необходимостью выступить завтра перед делегациями. По прочтении экспозе последовательно перед двумя комиссиями — австрийской и венгерской — эти комиссии заседают по отдельности — он должен будет ответить на все предложенные ему вопросы, что будет своего рода бесцеремонным экзаменом, которому он будет подвергнут.

---

[1] Приложение не воспроизводится.

[2] См. № 777.

Это испытание нервирует его, так как он застенчив и не обладает даром отвечать быстро и находчиво.

«Я не обладаю даром слова», будто бы сказал он императору Францу-Иосифу, отклоняя предложение быть преемником Эренталя.

«В беседах со мной вы говорите хорошо, — ответил его величество, — говорите так же и перед делегациями».

Д-р Тюрбан, вернувшийся в Давос, выразил желание, чтобы профессор Тавель был снова приглашен для консультации. Мой зять предложил Тавелю приехать в Давос.

Примите и пр.

Н. Гирс.

P. S. Весьма секретно и строго лично.

Судя по донесению нашего поверенного в делах в Софии, конвенция, заключенная между Болгарией и Сербией, имеет, к сожалению, скорее наступательный, а не исключительно оборонительный характер. Следует очень опасаться нескромности этих двух балканских государств; меня тревожит посылка болгарской делегации в Крым, потому что этот факт легко может возбудить подозрение Австро-Венгрии. Ball-Platz стал очень подозрительным. Завтрашний отчет графа Берхтольда должен коснуться наших отношений и вашей речи.

Ut in litteris

Н. Гирс.

№ 826. Памятная записка турецкого министерства иностранных дел российскому послу в Константинополе М. Гирсу.

№ 14829 [1]. 29/16 апреля 1912 г.

Dès l'ouverture des hostilités avec l'Italie, le gouvernement impérial avait eu soin d'éviter tout ce qui aurait pu causer préjudice à la navigation et au commerce des neutres dans les Détroits. Il avait même renoncé, dans ce but, à beaucoup de restrictions et formalités relatives à la contrebande de guerre et l'ambassade impériale de Russie a pu apprécier dès lors ses intentions sincères et conciliantes à cet égard.

C'est donc malgré lui que le gouvernement impérial a été amené dernièrement à prendre la mesure qui fait l'objet de la communication en date 22/9 courant de l'ambassade impériale [2].

Le gouvernement ottoman, ainsi que l'ambassade impériale le reconnaît d'ailleurs elle-même, n'a fait en fermant le détroit qu'user du droit de légitime défense. Aussi bien ne saurait-il être question d'une stipulation contraire de traités, car il n'en existe pas qui oblige le gouvernement impérial, en cas de guerre et d'hostilités dirigées contre lui et lorsqu'il, y va de la sécurité de son Empire, à laisser ouvert le passage du détroit donnant accès à sa capitale.

Le gouvernement impérial s'était d'ailleurs fait un devoir, devant les menaces italiennes, de prévenir les Puissances que, dès l'apparition de la flotte ennemie dans ses eaux européennes ou asiatiques, il se réservait le droit de fermer le détroit des Dardanelles et qu'il déclinait toute responsabilité de ce chef [3].

La responsabilité en revient, en conséquence, au gouvernement italien qui a fait croiser sa flotte à l'entrée du détroit et l'a même attaqué à l'improviste. Si une indemnité pour les préjudices causés au commerce neutre était exigible en droit, ce serait donc au gouvernement italien qu'il incomberait de la payer.

L'ambassade impériale de Russie peut être assurée que le gouvernement impérial regrette lui-même d'avoir été obligé de recourir à la fermeture des Dardanelles, mesure qui lèse d'ailleurs gravement ses propres intérêts économiques, et que les engins supplémentaires de défense, jugés indispensables dans un péril aussi grave pour l'Empire, seront enlevés avec toute la célérité compatible avec cette délicate opération et le détroit rendu libre à la navigation neutre dans les mêmes conditions qu'avant la fermeture complète, aussitôt que les circonstances lui permettront de le faire sans danger ou que l'Italie aura donné aux Puissances neutres l'assurance qu'elle n'attaquera pas le détroit.

---

[1] Опубл. Изв. МИД, 1913 г., кн. I, стр. 77. Текст этой пам. записки был препровожден М. Гирсом при деп. от 13 мая/30 апр. за № 4 (см. № 893).

[2] См. стр. 433, прим. 2.

[3] См. № 44.

Перевод.

С самого начала войны с Италией, императорское правительство тщательно избегало всего, что могло бы нанести ущерб навигации и торговле нейтральных государств в проливах. С этой целью оно даже отказалось от многих ограничений и формальностей в отношении военной контрабанды и императорское российское посольство смогло уже тогда оценить его искренние и миролюбивые намерения в этом вопросе.

Следовательно, приняв недавно меру, составляющую предмет сообщения императорского посольства от 22/9 сего месяца, императорское правительство действовало помимо своего желания.

Оттоманское правительство, как впрочем это признает и само императорское посольство, закрывая пролив, лишь воспользовалось своим правом законной самозащиты. Также не может быть и речи о распоряжении, противоречащем договорам, так как нет такого договора, который обязывал бы императорское правительство, в случае войны и неприятельских действий, направленных против него и когда дело идет о безопасности его империи, оставлять открытым проход через пролив, дающий доступ к столице.

Кроме того, императорское правительство сочло своим долгом, перед лицом угроз Италии, предупредить державы, что с момента появления неприятельского флота в его европейских или азиатских водах оно оставляет за собой право закрыть Дарданелльский пролив и что оно снимает с себя всякую ответственность в этом отношении.

Ответственность падает, следовательно, на итальянское правительство, флот которого крейсировал у входа в пролив и даже совершил на него неожиданное нападение. Если бы имелось правовое основание требовать возмещения за убытки, нанесенные торговле нейтральных стран, то это возмещение должно было бы быть возложено на итальянское правительство.

Императорское посольство России может быть уверено в том, что императорское правительство само сожалеет, что оно было вынуждено прибегнуть к закрытию Дарданелл — мере, которая к тому же наносит существенный ущерб его собственным экономическим интересам,— а также в том, что дополнительные средства обороны, установление которых оказалось необходимым при наличии столь серьезной опасности для империи, будут удалены со всей поспешностью, которая только возможна при этой сложной операции, и пролив будет открыт для навигации нейтральных стран на условиях, предшествовавших его полному закрытию, как только обстоятельства позволят сделать это без риска, или в том случае, если Италия даст нейтральным державам заверение, что она не нападет на пролив.

№ 827. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Депеша № 2. 29/16 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от [23] 10 сего апреля, № 178, я имел честь передать вашему высокопревосходительству содержание ответа Порты по запросу великих держав об условиях принятия ею их посредничества в деле прекращения войны [1].

Почитаю ныне долгом представить при сем полный текст турецкого ответа [2].

По форме он несомненно неблагоприятный, так как Порта категорически выставляет в нем три неприемлемые требования: 1) *действительное и полное* сохранение суверенных прав его величества султана; 2) *формальный* отказ Италии от присоединения к своим владениям оттоманских провинций Триполи и Бенгази и 3) *предварительное* ее обязательство отозвать оттуда оккупационные свои войска.

Как я имел честь доносить телеграммой за № 180 [3], на неуместность таких категорических заявлений, могущих быть истолкованными в смысле скрытого отказа от принятия посредничества, я не преминул обратить внимание товарища министра иностранных дел, принесшего мне турецкое сообщение за болезнью Ассим-бея.

Из горячности его возражений я вынес убеждение, что Порта в действительности далека от мысли отклонить посредничество держав; она полагает, что высказала свое отношение к предложению довольно ясно, заявляя, что она принимает посредничество.

---

[1] См. стр. 447, прим. 2.
[2] См. № 800.
[3] См. № 802.

При всем том она опасается возбудить против себя поспешной уступчивостью негодование националистов, готовых обвинить правительство в предательстве по отношению к арабским племенам Триполитании, связь коих с метрополией благодаря нынешней войне никогда, быть может, не была так крепка, как теперь.

К тому же ничем необъяснимая стрельба итальянского флота по дарданелльским укреплениям послужила лишь к усилению национального самомнения турок.

Таковое их настроение, несомненно, отразилось на данном ими нам ответе. Оно внушило им желание не быть менее требовательными, чем итальянцы, ответ коих на предложение посредничества им хорошо известен.

На мое замечание, что никто не мешает Порте высказывать свои пожелания, но тем не менее напрасно было ей выставлять последние в форме предварительных требований, товарищ министра иностранных дел возразил мне, что Порте положительно, будто бы, известно, что условия Италии выражены именно в этой форме.

Мое убеждение, что турки не имели в виду прекратить переговоры о посредничестве, разделяется большинством моих коллег. Оно не отрицается и бароном Маршаллом, несмотря на несочувственное его отношение к вопросу о медиации, признаваемому им еще несвоевременным. До меня доходят стороной его отзывы, что запросы, обращенные в Рим и в Константинополь, лишь подчеркнули резкость различия в точках зрения воюющих сторон на возможные условия примирения.

Полагаю однако, что ход военных событий до некоторой степени поколебал уже устойчивость этих точек зрения, и, вероятно, внесет в них еще больше разочарования. При этих обстоятельствах я считал бы не только желательным, но и необходимым, чтобы начатые дружественные переговоры пяти держав с Италией и Турцией не были прерваны, тем более, что того же желают и воюющие стороны. Посредничество держав, несомненно, лишь облегчит воюющим постепенный переход с первоначальных утопических их мечтаний к более здравой оценке их интересов.

Мой германский сотоварищ сам не прочь предрешить конечную, по его мнению, их оценку.

В частной беседе со мной он усиленно мне доказывал, что итальянский декрет об аннексии незаконен и в самой Италии порицается, будто бы, дальновидными политическими деятелями.

С другой стороны, в Оттоманской империи понятие о суверенитете султана до того растяжимо и выливалось в столь разнообразные формы на Самосе, Крите, в Боснии и Египте, что весьма возможно, по словам барона Маршалла, придать ему новый, еще менее чувствительный облик.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 828. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 377. 29—28/16—15 апреля 1912 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма от [24] 11 сего апреля за № 367 [1] имею честь препроводить при сем вашему превосходительству проект инструкции [2], которую я полагал бы дать делегату Русско-азиатского банка, имеющему принять участие в совещании финансовых делегатов шести держав, решивших выпустить китайский реорганизационный заем, покорнейше прося не отказать почтить меня вашим, по содержанию этого проекта, заключением в скорейшем, по возможности, времени.

Как ваше превосходительство изволите усмотреть, препровождаемый мною проект инструкции составлен в общем применительно к заявлениям, сделанным

[1] См. № 804.
[2] См. приложение к публикуемому документу.

нами иностранным правительствам. По сравнению с японской инструкцией указанный проект представляет три наиболее существенных отличия.

В нашем проекте нет упоминания о подготовке почвы для реализации нашей доли реорганизационного займа за границей. В этом отношении Россия находится в лучших условиях, чем Япония, так как Русско-азиатский банк, благодаря своим связям с русскими и иностранными банкирами (французскими, английскими и бельгийскими) имеет полную возможность разместить русскую долю.

В японской инструкции предусматривается возможность выпуска, независимо от реорганизационного займа, еще займа в 10 млн. ф. стерл. (на монетную реформу в Китае и на развитие Манчжурии), о котором состоялось соглашение между китайским правительством и четверным консорциумом в 1911 г. Такая возможность допускалась и мною раньше, когда речь шла о выдаче Китаю авансов на небольшую сумму, причем в письме от [12 марта] 28 февраля сего года за № 262 [1] я лишь указывал на необходимость пересмотра означенного соглашения в соответствии с нашими интересами. С тех пор однако положение дел существенно изменилось, и теперь имеется в виду устроить для Китая весьма крупный заем в 60 млн. ф. ст. Так как при этом предполагается, что этот заем даст китайскому правительству достаточные средства, которые понадобятся ему в течение 5 лет для упрочения нового строя, то, казалось бы, вопрос о вышеупомянутом займе в 10 млн. ф. ст. должен считаться отпавшим. Если бы тем не менее оказалось невозможным устранить этот вопрос, то нашему делегату надлежало бы испросить дополнительные указания русского правительства и, во всяком случае, оговорить за Россией право принять, если она того пожелает, участие в займе в 10 млн. ф. ст. Так же следовало бы поступить означенному делегату и в случае возникновения вопроса об изыскании средств на монетную реформу в Китае каким-либо иным способом.

Наконец, в инструкции предусмотрен еще случай, что представители четверного консорциума, пользуясь присоединением России и Японии для осуществления проекта реорганизационного займа, могут пожелать связать Китай таким обязательством, которое обеспечит за консорциумом монополию в последующих операциях. Так как вопрос о полном присоединении России и Японии к консорциуму и преобразовании его в шестерной на новых основаниях остается пока открытым, то я считал бы, впредь до решения этого вопроса, невозможным допускать получение консорциумом монопольных прав на будущее время, и потому делегату Русско-азиатского банка рекомендуется протестовать против подобной постановки дела.

Вместе с тем позволяю себе обратить внимание вашего превосходительства на п. I указанного проекта инструкции, которым устанавливается желательность принятия мер к тому, чтобы в контракт о реорганизационном займе была по возможности включена оговорка о недопустимости обращения выручки от этого займа на предприятия, касающиеся Северной Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана. Хотя этот пункт и проектирован в полном соответствии с японской инструкцией, нельзя однако не опасаться, что наши настояния в данном вопросе могут вызвать серьезные возражения и затормозить налаживающееся дело согласования политики иностранных держав в китайских финансовых делах. Но, конечно, вам ближе судить о том, в какой мере нам неудобно отделяться в данном вопросе от Японии, и если вы не усматриваете неблагоприятных последствий от сохранения пункта I в проектированной редакции, то и с моей стороны не встретилось бы к сему препятствий.

Что же касается затронутого японским послом в беседе с вашим превосходительством вопроса об условиях присоединения к консорциуму, то я, в согласии с мнением японского правительства, полагал бы, что для нас такое присоединение невозможно, если не будут изменены постановления договора, коим консорциум был образован первоначально.

---

[1] См. стр. 247, прим. 2.

Против сообщения японскому правительству инструкции, которою будет снабжен делегат Русско-азиатского банка, с моей стороны возражений не имеется.

В ожидании уведомления о последующем прошу вас принять и пр. [1]

В. Коковцов.

Приложение.

Проект инструкции делегату Русско-азиатского банка, имеющему принять участие в предстоящем совещании банкиров шести стран по вопросу о китайском реорганизационном займе [2].

Русское правительство заявило правительствам Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов Северной Америки и Японии о согласии своем на участие России в проектируемом китайском реорганизационном займе, а равно в авансах, которые уже выданы Китаю консорциумом четырех стран и имеют быть еще выданы в счет помянутого займа с тем, чтобы русской группе была предоставлена равная с прочими доля участия в указанных операциях, и чтобы условия реорганизационного займа не содержали ничего такого, что могло бы нанести ущерб специальным правам и интересам России в Северной Манчжурии, Монголии и Восточном Туркестане. При этом русское правительство высказало мнение, что условия займа должны быть выработаны финансовыми группами шести стран в согласии с их правительствами и затем представлены на одобрение сих правительств. Представителем русской финансовой группы русское правительство назначило Русско-азиатский банк.

Ввиду изложенного делегату Русско-азиатского банка, имеющему принять участие в выработке подробностей реорганизационного займа, надлежит настаивать на том, чтобы при такой выработке были в точности соблюдены вышеуказанные условия, поставленные русским правительством. В частности, делегату надлежит стремиться к следующему:

1. Желательно принять меры к тому, чтобы в контракте о займе было по возможности оговорено, что средства, которые Китай получит путем реорганизационного займа, не будут употреблены на предприятия, касающиеся Манчжурии, Монголии и Восточного Туркестана.

2. Россия должна пользоваться во всем, касающемся займа, одинаковыми правами с прочими державами и в особенности в деле приглашения Китаем для той или иной отрасли управления технического персонала.

3. Выработанный в совещании проект контракта о займе должен быть, предварительно подписания, сообщен на рассмотрение русского правительства.

Для облегчения своей задачи делегату Русско-азиатского банка следует поддерживать постоянное общение с представителем японской финансовой группы, которому японское правительство дает аналогичное указание.

В случае невозможности добиться соблюдения каких-либо из указанных условий или в случае вообще каких-либо в этом деле затруднений, делегату Русско-азиатского банка надлежит немедленно ставить в известность русское прави-

---

[1] Письмом от 6 мая/23 апр. за № 423 Нератов ответил, что со стороны м-ра ин. дел не имеется возражений против проекта инструкции, которою м-во фин. предполагает снабдить Верстрата, отправляющегося на конференцию в Лондон в качестве делегата, и что, сообщая этот проект япон. послу (в пам. записке от 1 мая/18 апр.), он обратил его внимание на разницу между росс. и япон. инструкциями в вопросе о займе на монетную реформу, предложив ему переработать этот пункт либо путем согласования его с росс. прав-вом, либо путем исключения второго абзаца, где говорится о согласованности взглядов на этот вопрос России и Японии. Далее Нератов сообщал, что в ответной ноте (от 5 мая/22 апр.) Мотоно уведомил его, что япон. прав-во «считает невозможным для Японии принять участие в китайском займе на монетную реформу, не поставив при этом своих условий; японским представителям на лондонской конференции поручается поэтому не принимать никаких решений по вопросу об участии японской группы в этом займе, не испросив дополнительных указаний токийского правительства». Разница, по мнению Нератова, в русской и японской инструкциях является таким образом устраненной.

[2] Заголовок оригинала.

тельство и затем действовать на основании его указаний по соглашению с японским делегатом.

Независимо сего делегату Русско-азиатского банка необходимо иметь в виду следующее.

В случае, если бы представители четверного консорциума, пользуясь присоединением к нему России и Японии для осуществления проекта реорганизационного займа, пожелали в связи с этим займом получить от китайского правительства обязательства, что дальнейшие операции будут совершаться исключительно через посредство консорциума и вообще добиться в его пользу тех или иных монопольных прав в области китайских финансов, то делегату Русско-азиатского банка надлежит протестовать против такой постановки дела.

Так как предположено, что реорганизационный заем даст Китаю средства, необходимые ему на предстоящие 5 лет, то вопрос о выпуске займа в 10 млн. ф. ст. на монетную реформу и экономическое развитие Манчжурии, предусмотренного соглашением с Китаем от [28] 15 апреля 1911 года, должен считаться ныне отпавшим. Если бы, тем не менее, был поставлен на очередь вопрос о необходимости реализации этого займа, то русское правительство желает, чтобы и русской финансовой группе была предоставлена возможность участия в этой операции на одинаковых с прочими державами основаниях, но при этом условия означенного займа должны быть согласованы с видами русского правительства. Равным образом русское правительство вообще желает сохранить за собой право принять участие во всяких операциях, имеющих целью монетную реформу в Китае. По обоим этим вопросам, в случае их возникновения, делегатом Русско-азиатского банка должны быть испрошены дополнительные указания русского правительства [1].

№ 829. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 112 [2]. 30/17 апреля 1912 г.

Ayant appris par presse refus Porte ouvrir les Détroits [3], j'ai été chez Grey pour porter son attention toute particulière sur portée de ce refus en Russie. Je lui dis que situation ainsi créée, n'étant pas modifiée, serait telle que gouvernement impérial ne pourrait pas en admettre la continuation, que l'opinion publique ne se perdrait pas à discuter la part des responsabilités entre Turquie et Italie, ni les droits de traités; qu'il ne s'agirait pas de politique; qu'elle exigerait simplement avec unanimité que les Détroits soient ouverts au commerce russe et que gouvernement impérial s'inspirerait certainement de ce sentiment; que dans moment actuel il s'agissait moins d'une question de droit que d'une question de fait à laquelle il était d'autant plus urgent de trouver remède sans retard qu'une impression, résultat d'un événement inattendu, pourrait prendre dès l'abord des pro-

[1] Содержание этой инструкции было сообщено Крупенскому тел. от 6 мая/23 апр. за № 819. Письмом от 9 мая/26 апр. за № 433 Коковцов известил Нератова, что в связи с согласием м-ва ин. дел на эту инструкцию, он передал ее для руководства Верстрату. Коковцов высказывался за желательность сообщения этой инструкции франц. прав-ву «с тем, чтобы оно, со своей стороны, приняло меры к установлению между французским и русским представителями на лондонской конференции возможно большей солидарности». Тел. от 10 мая/27 апр. за № 856 (опубл. L. N., II, p. 500) Нератов предписал Извольскому сообщить инструкцию, полученную Верстратом, франц. прав-ву, указав на желательность, чтобы «русский представитель на лондонской конференции банкиров пользовался поддержкой со стороны своего французского сотоварища».

Тел. от того же числа за № 855 он просил Бенкендорфа договориться с япон. послом о сообщении англ. прав-ву инструкций, данных япон. и росс. представителям. Тел. от 11 мая/28 апр. за № 65 (опубл. L. N., I, p. 249) Извольский передал обещание франц. м-ра ин. дел снабдить соответствующими указаниями франц. представителей на лондонской конференции. Со своей стороны Бенкендорф тел. от 13 мая/30 апр. за № 122 сообщил, что он и япон. посол передали Никольсону тексты инструкций росс. и япон. делегатам на конференции.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 359, № 601.

[3] См. № 826.

portions irrésistibles et de nature à passer outre à toute considération politique. Grey me répondit qu'il venait de recevoir députation de députés du commerce anglais, que d'après ses renseignements il y avait un 1 000 000 de tonnes de blé embarqué sur bateaux anglais et qu'il était d'accord avec moi que la situation était intolérable. Il me dit qu'il allait télégraphier à Lowther un telégramme qui serait répété à Buchanan, chargeant Lowther de demander ouverture immédiate des Détroits dans[1] 15 jours de manière à obvier à difficultés immédiates. Je lui fis observer que celà n'était que du provisoire. Il me répondit qu'en tout cas on aurait deux semaines pour agir et négocier et que 15 jours étaient un terme qui lui paraissait acceptable aussi à l'Italie et que ce moyen éviterait un danger de guerre immédiate, que ni l'une ni l'autre Puissance ne pourrait se plaindre de droits de belligérant lésés et que principe de neutralité serait maintenu. Grey me dit qu'il pensait faire une démarche parallèle à Rome pour obtenir que marine italienne s'abstienne d'agir pendant 15 jours, mais qu'il n'y était pas encore décidé. Je répondis que tout comme gouvernement anglais, gouvernement impérial tenait au maintien de la paix, que d'ailleurs je ne pouvais pas préjuger de l'impression que les instructions de Lowther feraient sur votre excellence, ni si Giers serait chargé de les appuyer. Grey me dit qu'il verrait Tewfik dans la journée et lui tiendrait un langage d'autant plus sérieux après ce que je venais de lui dire. Grey ajouta qu'il allait aussi en conférer avec Cambon[2].

Benckendorff.

Перевод.

Узнав из сообщений прессы об отказе Порты открыть проливы, я отправился к Грею, чтобы обратить его особое внимание на значение этого отказа для России. Я ему сказал, что императорское правительство не может согласиться, чтобы создавшееся таким образом и остающееся без перемены положение продолжалось и дальше, что общественное мнение не будет вдаваться в рассуждение о том, кто виноват больше — Италия или Турция, ни о правах, основанных на трактатах; что не будет речи о политических вопросах; что оно единодушно потребует, чтобы проливы были открыты для русской торговли и что императорское правительство, конечно, будет руководствоваться этими настроениями; что в данный момент речь идет не о правовом вопросе, а о практическом вопросе; этот вопрос тем более требует немедленного разрешения, что возбуждение, вызванное этим неожиданным событием, может принять такие размеры, с которыми будет невозможно бороться и которые могут опрокинуть все соображения политического характера. Грей мне ответил, что он только-что принял депутацию от английских коммерсантов, по сведениям которых 1 000 000 тонн зерна погружено на английские пароходы и что он согласен со мной, что такое положение не может быть терпимо. Он мне сказал, что пошлет Лоутеру телеграмму, содержание которой будет сообщено Бьюкенену, с предписанием потребовать немедленного открытия проливов на 15-дневный срок, с тем чтобы устранить непосредственные затруднения. Я заметил ему, что это лишь временная мера. Он ответил, что в течение двух недель у нас все же будет возможность действовать и вести переговоры и что, по его мнению, срок в 15 дней приемлем и для Италии, что такой образ действий устранит опасность немедленной войны, и ни у той, ни у другой державы не будет оснований жаловаться на нарушение прав воюющих и принцип нейтралитета будет соблюден. Грей мне сказал о своем намерении предпринять параллельные шаги в Риме, с целью добиться того, чтобы итальянский флот воздержался от действий в течение 15 дней, но что окончательного решения он еще не принял. Я ответил, что подобно английскому правительству, императорское правительство стремится поддерживать мир, но что я не могу предвидеть, какое впечатление произведут на ваше высокопревосходительство инструкции, данные Лоутеру, и не знаю, получит ли Гирс предписание поддержать их. Грей сказал, что сегодня он увидится с Тевфиком и, принимая во внимание высказанное мною, он будет говорить с ним особенно серьезно. Грей добавил, что он будет также совещаться об этом с Камбоном.

Бенкендорф.

---

[1] Так в оригинале. Следует читать: «durant».

[2] В тел. от того же числа за № 113 (опубл. Siebert, II, S. 361, № 602) Бенкендорф передал содержание своей беседы с Никольсоном по этому вопросу. По словам Никольсона, «временный характер требования облегчит дело для Италии, которая усмотрит в этом косвенное подтверждение полноты ее прав в качестве воюющей державы. Таково же впечатление Империали, с которым Никольсон говорил». Бенкендорф добавлял, что, по мнению Никольсона, крайне желательно, чтобы росс. прав-во использовало с этой целью свое влияние в Риме.

№ 830. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 51. 30/17 апреля 1912 г.

Дарданеллы.

В печать проникли слухи о намерении Порты обратиться к державам с просьбой оказать давление на Италию в целях получения от нее каких-нибудь обеспечений относительно Дарданелл. Итальянское правительство считало бы подобное выступление держав действием враждебным по отношению Италии и способным нарушить на долгое время добрые отношения. Весьма чутко настроенное общественное мнение, требующее решительных военных действий, не позволит правительству принять какие бы то ни было представления по этому поводу [1].

Долгорукий.

№ 831. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 189 [2]. 30/17 апреля 1912 г.

Получил телеграмму № 747 [3].

Малоазиатские дороги.

Вчера говорил с Ассим-беем. Он изложил мне свои объяснения с моим предместником, поставившим вопрос на почву взаимных коммерческих интересов и доказывавшим, что Россия, завоевав с трудом рынки Северной Персии, не может отнестись хладнокровно к тому, чтобы иностранные ее конкуренты воспользовались турецкими дорогами для вытеснения ее из Персии. Приняв эту почву, Ассим-бей сообщил Чарыкову, какие линии Турция намерена строить в 8-летний минимальный срок, и ожидал нашего отзыва по их поводу. Я возразил ему, что вполне разделяю взгляды Чарыкова, беседы коего с министром, по взаимному соглашению, носили предварительный личный характер, но Порта, не предупредив нас, заговорила уже официальным языком в тронной речи [4]. Я спросил министра, о каких переговорах идет в ней речь, он смущенно и запинаясь ответил, что подразумевал предварительные переговоры. Я обратил вновь его внимание на их доверительный характер, добавив, что готов возобновить их, при этом высказал, что не следует однако терять из виду, что постройка дорог находится в зависимости от условий, установленных в прошлом, но имеющих силу и теперь. Мы готовы, вняв положению Турции, пересмотреть эти условия, но желаем знать, какие гарантии взамен наших уступок намерена она нам дать и ожидаем ее предложений в этом смысле. Ассим-бей ответил, что должен предварительно переговорить с великим визирем и министром путей сообщения; вопроса об изменении площади я еще не коснулся. Ближайшим результатом нашего первого объяснения считаю, что нами вновь заявлено о силе соглашения 1900 года и что в дальнейшем развитии вопроса Порта не может более ожидать нашего ответа касательно указанных ею линий, в оценку коих я не входил, а мы вправе ожидать от нее ее предложения касательно изменения условий соглашения 1900 года.

Гирс.

---

[1] Тел. от 29/16 апр. за № 58 (опубл. М., стр. 190) Извольский передал следующее сообщение Титтони: «По поводу известия газеты «Neue Freie Presse», будто Россия и Англия намерены потребовать от Италии отказа от военных действий против Дарданелл, граф Берхтольд заявил итальянскому послу, что Австро-Венгрия ни в каком случае не присоединится к подобному шагу, так как он был бы противен нейтралитету». Титтони, по словам Извольского, добавил, что «Италия фактически не намерена действовать против Дарданелл и сосредоточивает свои действия в южной части Эгейского моря, но не может формально отказаться от свободы военных операций».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 357, № 599.

[3] См. № 796.

[4] См. № 780.

№ 832. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 191. 30/17 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 188 [1].

Дарданеллы.

Давая мне словесные объяснения по поводу ответной ноты Порты, министр иностранных дел утверждал, что его личные старания открыть Дарданеллы встречали упорное противодействие со стороны военных, убежденных, что итальянские военные суда могут во всякое время вновь напасть на Дарданеллы, тем более, что еще вчера их, будто бы, видели крейсирующими между Дедеагачем и ближайшими островами. С перерезанием же итальянцами кабеля, соединяющего острова с материком, турки лишены возможности следить за передвижением итальянского флота; в случае же выслеживания его быстроходными турецкими миноносцами, снабженными беспроволочным телеграфом, последние по сообщении о приближении неприятеля были бы им уничтожены, так как оказались бы отрезанными от Дарданелл вследствие немедленной постановки мин, на что потребуется будто бы несколько часов. Порта не может лишиться пятидесяти процентов защиты столицы, от участи которой зависит судьба империи, тем более что такая мера сильно возбудит население. В таком же смысле Ассим-бей говорил и другим послам и произвел на них некоторое впечатление.

Гирс.

№ 833. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 192. 30/17 апреля 1912 г.

Получил телеграмму № 779 [2].

Не перестаю усиленно настаивать перед Ассим-беем на необходимости открыть Дарданеллы, предупредив его, что в интересах Турции взять на себя инициативу в этом деле во избежание неминуемого неблагоприятного для Турции осложнения вопроса. Вчера я лично усиленно убеждал его в этом. Сегодня послал первого драгомана вновь настойчиво повторить ему мое предупреждение. Завтра состоится совет министров. Полагаю, что Ассим-бей стремится к открытию пролива, но боится ответственности пред военными, заявляющими, что в таком случае не ручаются за безопасность столицы. Рядом с этим скрывается надежда побудить державы произвести давление на Италию, дабы заручиться ее обещанием не возобновлять нападения на пролив.

Гирс.

№ 834. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петербурге Мотоно.

-/. № 390. 1 мая/18 апреля 1912 г.
Strictement confidentiel.

Le gouvernement impérial russe n'a pas manqué d'examiner avec attention les considérations concernant le projet de convention secrète que l'ambassade du Japon a bien voulu lui communiquer le [20] 7 avril courant [3]. Le gouvernement russe prend acte avec la plus vive satisfaction de l'assurance contenue dans ce document que le gouvernement japonais est prêt à tracer la ligne de démarcation dans la Mongolie Intérieure de façon à exclure de la sphère japonaise les routes réunissant Kalgan à Ourga, et à tenir compte du désir de la Russie de prendre le principe du parallélisme pour base de la délimitation des sphères dans cette région.

---

[1] Тел. от 29/16 апр. за № 188 М. Гирс сообщил о получении им ответной пам. записки турец. прав-ва (см. № 826).

[2] См. № 822.

[3] См. № 787.

Le gouvernement russe a déjà eu l'occasion de faire observer dans son pro-mémoria du [20] 7 février 1912 [1], que dans son idée, l'application du principe sus-indiqué à la délimitation des sphères dans la Mongolie Intérieure devrait avoir pour effet de placer la Russie et le Japon dans une situation également favorable par rapport à la province de Chili et à la capitale de la Chine qui est située dans cette province. Partant de ce point de vue, le gouvernement russe considère qu'une ligne de démarcation qui suivrait le méridien de Pékin répondrait le mieux au principe du parallélisme ci-dessus indiqué, de même qu'aux intérêts et aux désirs légitimes des deux Puissances. Car la sphère japonaise comprendrait ainsi toute la partie de la Mongolie Intérieure qui gravite vers le chemin de fer Sud-Mandchourien, et d'autre part, les différentes routes entre Kalgan et Ourga se trouveraient comprises dans la sphère russe. Les routes que les caravanes russes suivent en se rendant de Kalgan et de Dolon-nor en Transbaïkalie passeraient ainsi, il est vrai, dans la sphère japonaise, mais le gouvernement russe, désireux de donner une preuve de son esprit de conciliation, n'insisterait pas pour étendre davantage à l'est les limites de ses intérêts spéciaux.

Dans le pro-mémoria du [20]7 avril [2], le gouvernement japonais déclare que les dispositions de la convention politique du 4 juillet/21 juin 1910 établies pour la Mandchourie, seront applicables aux sphères russe et japonaise dans la Mongolie Intérieure. Le gouvernement russe serait par conséquent d'avis que le préambule de la convention projetée devrait indiquer qu'elle est destinée à compléter et à préciser les dispositions des deux conventions — de 1907 et de 1910. Une stipulation expresse, concernant l'application de la convention de 1910 aux sphères délimitées dans la Mongolie Intérieure, deviendrait ainsi superflue, les deux gouvernements étant déjà d'accord quant au caractère des droits et intérêts qu'ils s'y reconnaissent mutuellement.

Lors des négociations qui ont précédé la signature de la convention politique de 1907, le gouvernement russe a cru devoir signaler au gouvernement japonais la présence d'intérêts spéciaux russes dans les territoires de l'Ouest chinois limitrophes de la Russie. Depuis, la question des intérêts russes dans l'Ouest chinois n'a pu que gagner en importance. Les récents événements qui s'y sont produits par suite de la crise générale en Chine, ont déjà obligé le gouvernement impérial à déclarer que la Russie se réservait la liberté de prendre telles mesures dont la nécessité s'imposerait pour protéger ces intérêts. Le gouvernement russe estime que, en vue d'éviter toute cause de malentendus à l'avenir, il serait utile que la convention projetée mentionnât les territoires de l'Ouest chinois comme sphère où le Japon reconnaît à la Russie des intérêts spéciaux.

Ci-inclus, le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur de remettre à l'ambassade du Japon le projet de convention secrète modifié conformément aux considérations ci-dessus exposées [3].

Le gouvernement russe aime à espérer que le gouvernement japonais n'aura pas d'objection à approuver ce projet amendé.

C[огласен].

Ливадия, [5 мая] 22 апреля 1912 г.

Перевод.

Строго доверительно.

Императорское российское правительство не преминуло внимательно рассмотреть соображения относительно проекта секретной конвенции, которые японское посольство соблаговолило сообщить ему [20]7 текущего апреля. Российское правительство с живейшим удовлетворением принимает к сведению заверения, содержащиеся в этом документе, в том, что японское правительство готово провести демаркационную линию во Внутренней Монголии так, чтобы исключить из японской сферы пути, соединяющие Калган с Ургой, и учесть пожелание России о принятии принципа параллелизма за основу для разграничения сфер в этой области.

[1] См. № 499.
[2] См. № 787.
[3] См. приложение к публикуемому документу.

Российское правительство уже имело случай отметить в своей памятной записке от [20]7 февраля 1912 г., что, по его мнению, применение вышеуказанного принципа к разграничению сфер во Внутренней Монголии должно было бы иметь результатом создание для России и Японии равно благоприятного положения по отношению к провинции Чжили и к столице Китая, расположенной в этой провинции. Исходя из этой точки зрения, российское правительство считает, что демаркационная линия, которая проходила бы по пекинскому меридиану, лучше всего соответствовала бы указанному выше принципу параллелизма, равно как и законным интересам и желаниям обеих держав. Японская сфера охватывала бы таким образом всю ту часть Внутренней Монголии, которая тяготеет к Южно-Манчжурской железной дороге, а, с другой стороны, различные пути между Калганом и Ургой оказались бы включенными в русскую сферу. Пути, по которым идут русские караваны, направляющиеся из Калгана и из Долон-Нора в Забайкалье, правда, проходили бы таким образом в японской сфере, но российское правительство, желая дать доказательство своего примирительного настроения, не будет настаивать на расширении дальше к востоку пределов своих специальных интересов.

В памятной записке от [20]7 апреля японское правительство заявляет, что постановления политической конвенции от 4 июля/21 июня 1910 г., принятые для Манчжурии, будут подлежать применению к русской и японской сферам во Внутренней Монголии. Российское правительство было бы поэтому того мнения, что во вступлении к проектируемой конвенции должно быть указано, что она предназначена дополнить и уточнить постановления обеих конвенций — 1907 и 1910 гг. Особое постановление относительно применения конвенции 1910 г. к разграниченным сферам во Внутренней Монголии стало бы таким образом излишним, так как оба правительства уже согласны между собою по вопросу о характере взаимно признаваемых ими там прав и интересов.

Во время переговоров, которые предшествовали подписанию политической конвенции 1907 года, российское правительство считало долгом указать японскому правительству на наличие специальных русских интересов на территориях Западного Китая, граничащих с Россией. С тех пор значение вопроса о русских интересах в Западном Китае могло лишь увеличиться. Последние события, происшедшие там вследствие общего кризиса в Китае, уже заставили российское правительство заявить, что Россия оставляет за собой свободу принимать любые меры, которые оказались бы необходимыми для защиты этих интересов. Российское правительство считает, что, дабы избежать всяких причин для недоразумений в будущем, было бы полезно, чтобы проектируемая конвенция упомянула о территориях Западного Китая, как о сфере, в которой Япония признает за Россией специальные интересы.

При сем императорское министерство иностранных дел имеет честь передать японскому посольству проект секретной конвенции, измененный согласно соображениям, изложенным выше.

Российское правительство льстит себя надеждой, что японское правительство не будет иметь возражений против одобрения этого измененного проекта.

Приложение.

Projet de convention secrète [1].

Le gouvernement impérial de Russie et le gouvernement impérial du Japon, désireux de préciser et de compléter les dispositions des conventions politiques conclues entre eux le 30/17 juillet 1907 et le 4 juillet/21 juin 1910, afin d'éviter toute cause de malentendus concernant leurs intérêts spéciaux en Mandchourie et en Mongolie, ont décidé de prolonger la ligne de démarcation fixée par l'article additionnel de la convention précitée du 30/17 juillet 1907, et sont convenus de ce qui suit:

I

Partant du point d'intersection du fleuve Tola-ho et du 122° méridien est de Greenwich, la ligne de démarcation susmentionnée suit le cours du fleuve Oulountchourh et du fleuve Moushisha jusqu'à la ligne de partage des eaux du fleuve Moushisha et du fleuve Haldaïtaï; de là elle suit la ligne frontière de la province de Hei-Loung-chiang et de la Mongolie Intérieure pour arriver au point extrême de la frontière de la Mongolie Intérieure et de la Mongolie Extérieure.

II

La Mongolie Intérieure est partagée en deux parties: l'une à l'est, et l'autre à l'ouest du méridien de Pékin (116°27' est de Greenwich).

Le gouvernement impérial de Russie s'engage à reconnaître et à respecter les intérêts spéciaux japonais dans la partie de la Mongolie Intérieure à l'est du méridien

[1] Заголовок оригинала.

sus-indiqué; et le gouvernement impérial du Japon s'engage à reconnaître et à respecter les intérêts spéciaux russes dans la partie de la Mongolie Intérieure à l'ouest dudit méridien et dans les territoires chinois au delà de cette région.

III

La présente convention sera strictement confidentielle entre les deux Hautes Parties Contractantes.

En foi de quoi, les soussignés, dûment autorisés à cet effet par leurs gouvernements respectifs, ont signé cette convention et y ont apposé leurs sceaux.

С[огласен].

Ливадия, [5 мая] 22 апреля 1912 г.

Перевод.

Проект секретной конвенции.

Императорское российское правительство и императорское японское правительство, желая уточнить и дополнить постановления политических конвенций, заключенных между ними 30/17 июля 1907 г. и 4 июля/21 июня 1910 г., дабы избежать всяких причин для недоразумений, касающихся их специальных интересов в Манчжурии и в Монголии, решили продлить демаркационную линию, установленную дополнительной статьей вышеупомянутой конвенции от 30/17 июля 1907 г., и согласились о следующем:

I

От точки пересечения реки Толахо и 122-го меридиана к востоку от Гринвича, вышеупомянутая демаркационная линия следует по течению реки Улунчур и реки Мушиша до линии водораздела реки Мушиша и реки Халдайтай; оттуда она следует по линии границы провинции Хейлунцзян с Внутренней Монголией и доходит до крайнего пункта границы Внутренней Монголии и Внешней Монголии.

II

Внутренняя Монголия разделяется на две части: одна к востоку, а другая к западу от Пекинского меридиана (116° 27′ восточнее Гринвича).

Императорское российское правительство обязуется признавать и уважать специальные японские интересы в части Внутренней Монголии, лежащей к востоку от вышеуказанного меридиана; императорское японское правительство обязуется признавать и уважать специальные русские интересы в части Внутренней Монголии, лежащей к западу от указанного меридиана, и в китайских территориях за пределами этой области.

III

Настоящая конвенция будет строго доверительной между высокими договаривающимися сторонами.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные на то своими правительствами, подписали эту конвенцию и приложили к ней свои печати.

№ 835. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

1 мая/18 апреля 1912 г.

His Majesty's Government have informed His Majesty's ambassador at Constantinople that the decision of the Turkish Government not to open any passage through the Straits is very disappointing and serious. British shipowners state that one hundred and fifty merchant vessels, mostly British, representing nearly one million tons and money value of about six million pounds, laden with cargoes of very considerable value in addition to this, are held up. Shipowners have already lost about one hundred thousand pounds and each day's delay involves loss to British shipowners of at least nine thousand pounds. About four thousand British officers and sailors are detained. Besides this the value of cargoes of maize may rapidly deteriorate. Some measure of temporary relief is essential to enable this congestion of

traffic so unexpectedly held up to be relieved and to avoid further hardship and loss on vessels and cargoes now detained.

His Majesty's Government have therefore instructed Sir G. Lowther at once to urge the Turkish Government strongly to open a passage at any rate temporarily for a sufficient time to enable vessels now blocked to pass in and out through the Straits, and to inform them that apart from the fact that there does not seem to be any prospect of an immediate attack on the Dardanelles, they could surely close at short notice in case of danger the small passage that needs to be cleared to enable shipping not [1] blocked to be piloted through the Straits. His Excellency has further been instructed to obtain a reply without delay from the Turkish Government, the question being very urgent [2].

Перевод:

Правительство его величества известило посла его величества в Константинополе о том, что решение турецкого правительства не открывать проход через проливы очень прискорбно и серьезно. Британские судовладельцы заявляют, что задержано сто пятьдесят торговых судов, по большей части английских, представляющих почти миллион тонн и денежную ценность около шести миллионов фунтов, нагруженные к тому же товарами весьма значительной ценности. Судовладельцы уже понесли убыток около ста тысяч фунтов и каждый день задержки влечет потерю для британских судовладельцев не менее, чем в девять тысяч фунтов. Задерживается около четырех тысяч британских офицеров и матросов. Кроме того, грузы маиса могут быстро оказаться обесцененными. Необходимо принять какие-нибудь временные меры для устранения скопления судов, образовавшегося от неожиданной приостановки движения, чтобы избежать дальнейших затруднений и потерь на задержанных судах и грузах.

Правительство его величества дало поэтому инструкцию сэру Дж. Лоутеру немедленно энергично настоять перед турецким правительством на открытии прохода хотя бы временно, но на достаточный срок, чтобы дать возможность ныне задержанным судам пройти через проливы и выйти из них, а также указать ему, что, независимо от того факта, что, повидимому, не предвидится немедленной атаки на Дарданеллы, оно, конечно, может в случае опасности закрыть в короткий срок узкий проход, который требуется очистить, чтобы дать возможность провести через проливы не [3] задержанные суда. Его превосходительству далее дана инструкция получить немедленно ответ от турецкого правительства, так как вопрос очень срочный.

№ 836. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Берлине и Вене — Бенкендорфу, Извольскому, Остен-Сакену и Н. Гирсу.

Ф. Телеграмма № 788 [4]. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Сообщается послу в Константинополе.

Получив весьма уклончивый ответ Порты по вопросу об открытии проливов [5], как бы вымогающий у нейтральных держав давление на Италию для получения ручательств о ненападении на Дарданеллы, мы считаем необходимым выяснить, не признали ли бы державы уместным сделать Порте, каждая в отдельности и в форме, какую считает наилучшей, заявление в том смысле, что закрытие Дарданелл, не оправдываемое более необходимостью обороны и несогласное с оговоренной трактатами свободой торговли нейтральных, является в сущности лишь мерой, враждебной по отношению нейтральной торговли, причиняющей громадные убытки всем и в особенности нам и вследствие сего никак не способной расположить державы в пользу турецкой точки зрения на вопрос. О последующем благоволите уведомить.

Сазонов.

---

[1] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «now».
[2] Ср. № 829.
[3] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «ныне».
[4] Опубл. М., стр. 191.
[5] См. № 826.

№ 837. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 789 [1]. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Турхан-паша официально запросил меня о причинах чрезмерно сдержанного, по мнению Порты, упоминания о Турции в моей речи в Думе [2]. Я возразил, что, чуждый намерения неблагоприятно отозваться о Турции, я воздержался от упоминания о всех недружелюбных действиях Турции, на которые мы имели справедливый повод сетовать за последнее время, как то: двуличный образ действий ее в Урмийском округе, отношение ее к вопросу о Проливах и упоминание в тронной речи султана о переговорах касательно железнодорожного строительства [3], без принятия во внимание обеспеченного нам в этом вопросе положения.

Благоволите передать Ассим-бею, что мы весьма удивлены заявлением посла при наличности перечисленных действий Порты, которые только потому не были мной оглашены, что я не желал затруднять положения почтенного Турхан-паши, деятельностью и личностью которого мы дорожим [4].

Сазонов.

№ 838. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 790 [5]. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Сообщается послу в Париже.

Великобританский посол запросил меня относительно согласия нашего обратиться к Италии, чтобы получить от нее ручательство не предпринимать, хотя бы на известный срок, враждебных действий против Дарданелл, чтобы тем временем могли бы воспользоваться нейтральные торговые суда для прохода проливов [6].

Я ответил послу, что отказываюсь приступить к такому шагу в Риме, так как из имеющихся у меня официальных сведений знаю, что Италия ответит решительным отказом дать подобное ручательство и что таковой шаг, будучи обречен на неминуемый неуспех, не будет содействовать улучшению положения.

Сазонов.

№ 839. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 59 [7]. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Вчера в разговоре с турецким послом Пуанкаре опять настойчиво советовал поспешить открытием Дарданелл. На заявление Рифаата, что державы должны

[1] Лит. копия.

[2] В своей речи в Государственной думе 26/13 апр. (см. стр. 261, прим. 2), Сазонов по поводу положения на Ближнем Востоке сказал следующее: «Относительно Болгарии и Сербии я не боюсь ошибиться, выразив твердую надежду, что политическая мудрость их государей, благоразумие правительств и патриотизм населения предохранят эти государства, даже при наличности брожения на Балканском полуострове, от опасности быть вовлеченными в какие бы то ни было политические приключения, подвергая тем опасности вместе с европейским миром свои собственные насущные интересы. Укреплению балканских государств в этой решимости могло бы несомненно в значительной степени содействовать сознание Турцией необходимости обеспечить внутренний мир на своей территории и особенно в европейской ее части, к чему лучшим, едва ли не единственным, средством является внимательное и справедливое попечение о культурных и экономических нуждах ее разноплеменного христианского населения».

[3] См. № 780.

[4] В ответной тел. от 7 мая/24 апр. за № 204 М. Гирс сообщил, что речь Сазонова и особенно слова его, обращенные к Турхан-паше, произвели тяжелое впечатление в Турции. По словам Гирса, Ассим-бей «горячо отрицал всякую мысль не относиться с должным вниманием к великой России и будучи глубоко убежденным в необходимости и в стремлении обеих держав установить дружественные между собой отношения, он не сойдет с этого пути и в дальнейшей своей деятельности».

[5] Опубл. М., стр. 191.

[6] Ср. № 835.

[7] Опубл. М., стр. 191.

предварительно заручиться обещанием Италии не действовать против Дарданелл, Пуанкаре ответил, что он не может предъявить подобного требования, которое было бы несогласно с нейтралитетом и было бы сочтено итальянским правительством за недружелюбное действие. Сегодня Пуанкаре телеграфировал Бомпару продолжать свои настояния. О приписываемом газетами лондонскому кабинету предложении касательно временного перемирия [1], Пуанкаре ничего не знает; по его личному убеждению Порта в конце концов, вероятно, согласится открыть Дарданеллы.

Извольский.

№ 840. Поверенный в делах в Танжере министру иностранных дел.

*/. Депеша № 30. 1 мая/18 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаюсь на донесения №№ 25 [2], 26 и 27 [3].

Произведенное по требованию французского правительства г. Ренью официальное расследование о причинах возникновения фецкого мятежа, по своим результатам, если можно так выразиться, далеко не удовлетворило здешнее общественное мнение.

Бывшее возмущение признано ашкерским бунтом, в коем приняли участие с грабежной целью подонки столичного населения. Причина, вызвавшая неожиданный бунт, — обязательный вычет из жалованья ашкеров. Предвидеть это печальное событие не было основания. Бывшие несколько времени тому назад покушения ашкеров на жизнь инструкторов следует рассматривать как случайные явления, связи с мятежом не имеющие. Дух и дисциплина таборов даже после этих случаев, по свидетельству инструкторов, были превосходны. Чины махзена к мятежу не причастны. Исключение однако составляют Аллаф (махзенский военный интендант) и его ближайший помощник. Для выяснения степени их виновности производится тщательное дознание.

Здешнее общественное мнение, основываясь на получаемых из других источников данных и сведениях (от лиц, по своему положению находящихся в постоянном общении с туземцами), представляет картину подготовки и хода фецких событий совершенно иначе.

В происшедшей смуте принимали участие не только взбунтовавшиеся ашкеры, но и население городское и окрестное. Брожение и антифранцузская пропаганда существовали не только среди населения, но и в таборах. Помянутые выше претензии ашкеров против вычета из жалованья и ранец были не причиной, а поводом к началу бунта.

Главным виновником возникновения брожения среди ашкерских таборов общественное мнение считает подполковника Манжена. Назначенный в свое время главным инструктором шерифских войск и переименованный недавно в начальники штаба (ближайший помощник) начальника всех шерифских войск генерала Брюлара, этот штаб-офицер не имел нужных качеств для столь трудного и ответственного поста. Среди туземцев он не пользовался популярностью.

Задавшись целью из ничего создать образцовую шерифскую армию, подполковник Манжен чересчур увлекся своей теоретической идеей и не принял в расчет весьма важных в здешнем крае факторов. Набор ашкеров в таборы поневоле, ввиду спешности и недостатка подходящих людей, произведен был не с нужной тщательностью. Инструкторские кадры были до смешного малы (по 2—3 человека на табор), непременным следствием чего явилось полное отсутствие столь важной в войсках внутренней связи между начальством и подчиненными; само собой разумеется, не могло быть и речи о фактическом контроле начальства над внеслу-

[1] См. №№ 829 и 835.
[2] См. № 776.
[3] См. № 799 и стр. 447, прим. 1.

жебной жизнью ашкеров. С самого начала существования таборов не было обращено вовсе внимания на необходимую в войсках вообще, а в особенности в фанатичных мусульманских странах, изоляцию ашкеров от пагубного влияния вредных элементов населения. Выработанный подполковником Манженом и, по утверждении султаном, введенный в прошлом году новый воинский устав для шерифских войск был крайне неудачен. Его строгость, неприменимость к местным понятиям и слишком европейская редакция неминуемо должны были среди ашкеров и населения вызвать брожение и недовольствие.

Действительно, в прошлом году первое же применение на деле означенного устава доказало всю его несостоятельность. За дезертирство, сопряженное по здешним порядкам с промотанием казенного имущества и грабежом, несколько ашкеров судом приговорены были к смертной казни. Долго колебавшийся султан, под давлением, утвердил приговор; виновные ашкеры были расстреляны. Все туземцы были поражены этой казнью. С незапамятных времен дезертирство, грабеж и промотание казенного имущества в махзенских мехаллах по многим причинам не считались серьезными преступлениями, а лишь большей частью вынужденными обстоятельствами проступками, за кои самое строгое наказание полагалась тюрьма на время более или менее неопределенное.

Эта неуместная строгость подполковника Манжена, настаивавшего на необходимости, для примера прочим, смертной казни, не прошла даром. Народное неудовольствие было удачно использовано реакционной пропагандой. Успокоение было однако достигнуто отъездом подполковника Манжена в отпуск. Ашкеры и население поняли и толковали этот отъезд, как отозвание. Исправляющий должность главного инструктора подполковник Бремон по своему характеру, знакомству с туземным элементом и такту пользовался бóльшей популярностью. Строгости регламентов фактически мало применялись за его время. Но подполковник Манжен вернулся из отпуска и уже в качестве ближайшего помощника главного начальника всех шерифских войск. Применение нового устава и всех строгостей регламентов начались с новой энергией. Малочисленный кадр инструкторов-начальников не был в состоянии усмотреть разраставшееся брожение среди вверенных им ашкеров. Нужен был лишь повод, чтобы назревшее недовольствие вылилось в форму открытого бунта. Этим поводом и явилась неудовлетворенная претензия против обязательного вычета из жалованья и ранца.

Помимо фанатизма и грабительских инстинктов толпы, участие населения в фецких событиях вызвано было несколькими причинами. Народ, надеявшийся, что с прибытием в Фец французов настанет конец произволу и хищениям махзена, за истекший год наглядно убедился в противном. Чувствуя близкий конец своему существованию, махзен, подбодренный бездействием в этом направлении французских властей, с успехом для себя использовал пребывание французских войск. Вымогательства и хищения каидов перешли все пределы допустимого. Неурядицы и неудачные для французов и махзена пререкания с испанцами в Эль-Ксарском округе, неблагоразумное решение отъезда султана из столицы — все это было использовано реакционерами. Они, пользуясь всем этим, наглядно убедили население и недовольных ашкеров, что султан теперь уже не что иное, как безвольный и безгласный пленник французов. Как последнее доказательство тому, приводился ответ султана посланной к нему с жалобой депутации от таборов: «Я ничего против этого не могу сделать; во избежание наказания, пойдите и укройтесь в мечеть Мулей-Дрисса (главная святыня страны)».

Вместо мечети ашкеры пошли на грабеж и резню.

Как среди туземцев, так и европейцев, имеющих деловые связи и интересы в стране, сложилось убеждение, что фецкий мятеж, сорванный благодаря горячности взбунтовавшихся ашкеров, имел выработанный план, заключавшийся в общих чертах в следующем:

Отъезд из Феца чрезвычайной французской миссии, а вслед за ней и султана, должен был состояться беспрепятственно; на пути их следования в Рабат должна была быть устроена засада. Эскорт перебит, а султан и г. Реньо захвачены живьем. Вместе с тем договор о протекторате, рассматриваемый народной массой

как «мулькия», т. е. договор о купле и продаже Марокко, отобран. В случае удачи — общая резня всех европейцев в Фецe и грабеж «мелла».

Приведению в исполнение этого плана (буде он существовал) помешали: Отсрочка долженствующего быть 17 числа отъезда французской чрезвычайной миссии, горячность ашкеров, начавших преждевременно убийства и грабежи, поведение фецкой черни, бросившейся прежде всего грабить богатый «мелла» и, как то всегда здесь бывает, отсутствие руководителя и единства действий среди мятежников. Не растерявшиеся французские власти, с помощью во-время подоспевших вначале французских частей, имели возможность локализировать мятеж и задушить его в самом начале.

В заключение считаю долгом доложить, что в данное время, судя по последним известиям, в Фецe и его окрестностях все спокойно. Благодаря присутствию значительных французских сил и распорядительности военного начальства, начатое общее разоружение населения и отобрание разграбленного имущества протекает спокойно.

Примите и пр. С. Лихачов.

№ 841. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 54. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Посредничество.

Исключительно для сведения вашего высокопревосходительства. Узнал доверительно в Консульте, что будто, в виде уступки, дабы найти основу для посредничества, Италия не воспротивилась бы отделению понятия политического суверенитета султана от духовной власти калифа [1]. Полагаю однако, что необходимо избежать того, чтобы сделалось известно отношение Италии к этому вопросу. Желательно ради обеспечения успеха дальнейших посреднических выступлений держав, чтобы выдвигаемые ими предложения носили характер условий, навязанных в одинаковой степени обеим воюющим сторонам, а не являлись бы условиями, установленными с согласия одной из них.

Долгорукий.

№ 842. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Депеша № 17. 1 мая/18 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить у сего в газетной вырезке подлинный текст речи о внешней политике Австро-Венгрии, с которой граф Берхтольд выступил вчера, 30/17 апреля, перед делегациями по поводу внесения на их рассмотрение общеимперского бюджета [2].

Исходной точкой своего изложения австро-венгерский министр иностранных дел, как и следовало ожидать, поставил Тройственный союз и в особенно сердечных выражениях отозвался об отношениях монархии к Германии. О другой союзнице, Италии, он также выразился весьма сочувственно. Этим он, повидимому, желал скорее подчеркнуть прочность Тройственного союза вообще, быть может, ввиду предстоящего в более или менее близком будущем его возобновления, нежели дать выражение существующим в данный момент между Австро-Венгрией и Италией отношениям, которые со времени итало-турецкой войны не раз подвергались испытаниям, вызывая взаимные подозрения.

Особенно тепло граф Берхтольд отозвался о Франции, консерватизм политики которой, главным образом на Востоке, представляет для монархии большую ценность, могущую быть отнесенной, как он выразился, прямо на политический актив Австро-Венгрии.

---

[1] См. стр. 469, прим. 4.

[2] Приложение не воспроизводится.

Относительно России, как ваше превосходительство могли убедиться из моей вчерашней телеграммы, в которой я привел в русском переводе полностью часть речи, касающуюся наших взаимных отношений, министр выразился вполне корректно, но сдержанно [1]. Из нескольких слов, сказанных им мне еще в прошлую субботу по поводу вашей речи в Государственной думе [2], я вынес впечатление, что он ожидал от вас несколько более теплого изложения этих отношений; особенно отметил он отсутствие в вашей речи слова «дружба» по отношению к Австрии. Я думаю, что вследствие этого он несколько изменил часть заготовленной им речи, касающейся России, придав ей более сдержанный тон. Впрочем, в вашем выступлении пред Думой он официально и всенародно «усмотрел ценный залог дальнейшего дружественного развития взаимных отношений обеих империй».

Весьма знаменательным следует, по-моему, считать сказанное австро-венгерским министром относительно Румынии, которую он называет верным сотрудником Австро-Венгрии в деле сохранения мира на Ближнем Востоке. О румынском короле он упоминает, как о государе, соединенном с австро-венгерским монархом узами долголетней дружбы и деятельным преследованием одинаковых политических целей.

К Румынии граф Берхтольд перешел тотчас же после изложения отношений к великим державам, причем он в сравнительно кратких выражениях охарактеризовал отношение к Англии и Турции.

Упомянув о заключенных торговых договорах с Сербией и Черногорией и с Болгарией (последний еще не утвержден парламентом) и об удовлетворительном отношении ко всем прочим государствам, министр перешел к итало-турецкой войне, к попыткам посредничества держав и к последствиям бомбардировки Дарданелл. Затруднения, встречаемые державами-посредницами, по мнению министра, не должны их удерживать от дальнейших попыток примирить воюющих: окончание между ними войны предотвратит возможность нарушения мира на Балканах; министр во всяком случае считает себя вправе рассчитывать на то, что таковому миру на Балканском полуострове со стороны Италии не грозит опасности, а равно, что Италия не будет посягать на турецкие владения на названном полуострове.

Затем граф Берхтольд изобразил изменившуюся картину политических комбинаций за последнее десятилетие: отречение Англии от принципа «splendid isolation» [3], вступление Японии в мировую политику, русско-японские соглашения, переплетение взаимоотношений держав, независимо от крупных политических сочетаний, в связи с недавними специальными соглашениями, заключенными некоторыми великими державами в видах разграничения политических сфер в Азии и Африке. Это последнее обстоятельство вносит в международные отношения элемент неспокойствия, за которым следует зорко следить. «Наша политика, — сказал в заключение граф, — есть политика устойчивости и мира, сохранения существующего и избежания осложнений и потрясений... мы не преследуем политики переворотов (Umsturzpolitik), агрессивных стремлений, наступательных замыслов». Сославшись на географическое положение монархии, окруженной государствами, беспрестанно увеличивающими свои оборонительные силы, не терпящими внешнего вмешательства в свои решения, он заявил о необходимости и для Австро-

---

[1] Тел. от 30/17 апр. (без номера) Н. Гирс передал Сазонову, касающуюся России, часть речи Берхтольда в делегациях: «Особенное внимание должно быть посвящено нашим отношениям к России. Как вам известно, при моем вступлении в должность я обменялся с руководящими русскими государственными людьми телеграммами, и этот обмен дал выражение взаимному намерению в параллельном направлении содействовать сохранению мира». (В «Новом времени», № 12899 от 22/9 февраля, был опубликован обмен приветственными телеграммами между Сазоновым и Берхтольдом, а также Коковцовым и Берхтольдом по случаю назначения последнего м-ром ин. дел.) Эти намерения,—заявил далее Берхтольд,—преобладающие как в Вене, так и в Петербурге, также были ясно подчеркнуты в недавней речи, произнесенной в Государственной думе русским министром иностранных дел. Мы можем с удовольствием принять к сведению убедительное выступление министра и вполне присоединиться к мысли, что оно является ценным залогом дальнейшего дружественного развития взаимных отношений».

[2] См. № 825.

[3] «блестящей изоляции».

Венгрии, в видах осуществления своей мирной политики, содержать армию и флот согласно современным требованиям военного и морского дела и воззвал к патриотизму делегаций, от решения коих зависит ассигнование на содержание дипломатии, армии и флота необходимых сумм.

Речь свою граф Берхтольд прочел утром в венгерской делегации, а после полудня — в австрийской. Прежде чем приступить к чтению ее венгерцам, он по-венгерски обратился к своим слушателям с просьбою разрешить ему чтение на немецком языке, ввиду его несовершенного знания венгерского. Таким образом немецкий текст является подлинным и официальным для обеих делегаций.

Судя по сегодняшним газетам, речь эта встречена в общем сочувственно венской прессой, несмотря на некоторые колкости, отпущенные по адресу министра некоторыми органами печати. Из комментариев этих я считаю долгом отметить лишь передовую статью «Neue Freie Presse». Она меня поразила не столько вполне уместным хвалебным отзывом о речи графа Берхтольда, сколько преобладающим местом, отведенным толкованию части речи, относящейся к России, и дружелюбным по отношению к нам тоном этого толкования.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 843. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Mon cher Ministre,

Le chargé d'affaires d'Angleterre, Hon. Theo Russel, m'a donné lecture d'une note verbale qu'il venait de remettre de la part de son gouvernement au comte de Berchtold.

Le Cabinet de St.-James attire l'attention du Cabinet de Vienne sur le fait que les intérêts commerciaux des neutres sont lésés par suite de la fermeture des Dardanelles. Admettant parfaitement que la Turquie est en droit de prendre telle mesure de défense qu'elle juge nécessaire tant qu'elle n'est pas garantie contre une attaque des Dardanelles par l'Italie, Sir E. Grey trouve que les trois Puissances les plus intéressées à la question,—l'Autriche-Hongrie, la Russie et la Grande-Bretagne, devraient faire une démarche commune à Rome pour engager le gouvernement italien à renoncer à tout nouveau bombardement des Dardanelles.

Mr. T. Russel, qui est fort sceptique sur le résultat de cette démarche, m'a demandé si je n'étais pas muni d'instructions identiques.

Je lui ai répondu que pour le moment je n'avais rien reçu de St.-Pétersbourg.

Il me semble très douteux que le comte Berchtold consente à exercer la moindre pression à Rome. Dans un entretien qu'il a eu dernièrement avec le duc d'Avarna, qui lui avait demandé s'il avait connaissance des intentions prêtées à l'Angleterre de faire une démarche à Rome au sujet des Dardanelles, le comte Berchtold aurait répondu qu'il n'en savait rien, mais qu'il lui semblait qu'elle ne serait pas opportune [1]. D'Avarna aurait acquiescé, en ajoutant que l'Italie n'accepterait aucune démarche dans ce sens et serait très offensée de toute pression qu'on voudrait exercer contre elle.

Veuillez agréer, etc. N. de Giers.

Перевод.

Дорогой министр,

Английский поверенный в делах, достопочтенный Т. Рассель, прочел мне вербальную ноту, которую он перед этим передал от своего правительства графу Берхтольду.

С.-Джемский кабинет обращает внимание венского кабинета на то, что торговые интересы нейтральных стран страдают вследствие закрытия Дарданелл. Вполне допуская, что Турция вправе принимать те меры защиты, какие она считает необходимыми, пока она не гарантирована от нападения Италии на Дарданеллы, сэр Э. Грей находит, что три наиболее заинтересованные в этом вопросе державы — Австро-Венгрия, Россия и Великобритания — должны были бы предпринять общие шаги в Риме, чтобы предложить итальянскому правительству отказаться от новой бомбардировки Дарданелл.

Г. Т. Рассель, который очень скептически смотрит на результаты этого шага, спросил меня, не имею ли я идентичных инструкций.

[1] См. стр. 479, прим. 1.

Я ответил ему, что до настоящего момента я ничего не получил из С.-Петербурга.

Мне кажется очень сомнительным, чтобы граф Берхтольд согласился оказать малейшее давление в Риме. В разговоре, который он имел недавно с герцогом д'Аварна, спросившим его, известно ли ему о приписываемых Англии намерениях предпринять шаги в Риме по вопросу о Дарданеллах, граф Берхтольд будто бы ответил, что он ничего об этом не знает, но что ему кажется, что они не были бы своевременными. Д'Аварна будто бы согласился, добавив, что Италия не приняла бы никакого выступления в этом смысле и была бы очень оскорблена всяким давлением, которое пожелали бы на нее оказать.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 844. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 40. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Гешов сообщил мне вчера, что переговоры его с греческим посланником идут на лад [1]. Ожидается в скорости подписание соглашения, сводящегося, по словам Гешова, к: 1) взаимной поддержке в турецких провинциях народных и религиозных привилегий болгар и греков и 2) взаимной обороне в случае нападения другой державы на одну из договаривающихся сторон. Гешов предполагает, по подписании, сообщить это соглашение нам и Белграду, но воздержаться пока от сообщения Афинам сербо-болгарского соглашения. Я сочувствую этой предосторожности.

Неклюдов.

№ 845. Вербальная нота турецкого министерства иностранных дел представителям иностранных государств в Константинополе.

№ 15038 [2]. 1 мая/18 апреля 1912 г.

Le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur de porter à la connaissance des missions étrangères que le gouvernement impérial ottoman a décidé de rouvrir le détroit des Dardanelles à la navigation neutre sous les mêmes conditions qu'avant la fermeture, c'est à dire avec obligation pour les bateaux de commerce de se soumettre aux prescriptions du pilotage.

Le détroit sera rendu libre à la navigation sous les conditions précitées dans le délai matériellement indispensable à la levée des engins supplémentaires de défense.

Il est bien entendu que le gouvernement impérial maintient absolu son droit légitime de fermer complètement les Détroits aussitôt que le besoin s'en fera sentir.

Перевод.

Императорское министерство иностранных дел имеет честь довести до сведения иностранных миссий, что императорское оттоманское правительство решило снова открыть пролив Дарданеллы для нейтральной навигации на тех же условиях, как до закрытия, т. е. с обязательством для торговых судов подчиняться лоцманским предписаниям.

Пролив будет освобожден для навигации на указанных выше условиях в срок, технически необходимый для удаления дополнительных средств обороны.

Разумеется, императорское правительство сохраняет свое абсолютное и законное право полностью закрыть проливы, как только в этом почувствуется надобность.

№ 846. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 419. 1 мая /18 апреля 1912 г.

Получил № 771 [3].

Реорганизационный заем.

Вчера сообщил пяти посланникам, что я уполномочен принимать участие в их совещании. Не предвижу с их стороны никаких затруднений. Здешние банки по-

[1] См. № 712.

[2] О публикуемой циркулярной ноте турец. прав-ва М. Гирс известил Сазонова тел. от 2 мая/19 апр. за № 196.

[3] См. № 820.

лучили из Лондона извещение о том, чтобы допустить Гойера на их совещание, но, по словам Одагири, для приглашения Гойера они ожидают получения об этом их посланниками извещения от меня, подобно тому, как это сделано было японским поверенным в делах относительно Одагири. Гойеру не предписано сделать банкирам какого-либо заявления о своем участии. Мне казалось бы желательным, чтобы мне разрешено было оповестить посланников о том, что Гойер должен принимать участие в совещании банкиров между собой и с китайцами. При этом считаю долгом сообщить, что французскому посланнику предписано не допускать обсуждения банкирами каких-либо вопросов политического характера, каковыми считаются и вопросы о контроле, о надзоре над китайскими финансами и администрацией. Подобные же указания имеются и у большинства остальных посланников, хотя ими пока предположено предоставить банкирам обсудить с китайцами условия контроля над расходованием просимого ныне последними аванса в 35 миллионов лан. Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство уведомить меня, соответствуют ли имеющиеся у французского посланника указания взгляду на дело императорского правительства и будут ли в этом смысле даны инструкции Гойеру, а если нет, то какие вопросы наше правительство считает подлежащими обсуждению посланниками, и какие — банкирами. Мне казалось бы во всяком случае желательным, чтобы Гойеру было предписано не высказываться по политическим вопросам без ведома и согласия миссии, ибо самостоятельные выступления его в таких случаях неминуемо должны будут привести к недоразумениям между мною и моими коллегами.

Крупенский.

№ 847. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 381. 1 мая/18 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [29]16 ноября минувшего года за № 785 [1] я имел честь передать вашему превосходительству ходатайство правления общества Тавризской дороги об оказании ему содействия к скорейшему получению от персидского правительства разрешения на укладку рельсов от Джульфы до Тавриза и на постройку железнодорожной ветви к Урмийскому озеру, с правом продолжения ее до г. Урмии.

В последнее время в правление обществ Тавризской и Энзели-Тегеранской дорог поступило, через посредство третьего лица, предложение одного перса, назвавшегося родственником регента, облегчить названным обществам получение концессий на постройку железных дорог в Персии. Подобные предложения делались обществам уже и раньше.

Признавая весьма важным скорейшее разрешение вопроса о сооружении железных дорог в Северной Персии, но считая нежелательным пользоваться услугами посторонних лиц в деле испрошения концессий, д.с.с. Подгурский вновь возбудил ходатайство о поручении нашему посланнику в Тегеране вступить в соответствующие переговоры с персидским правительством.

Имея в виду, что при недавнем обсуждении, совместно с Англией, условий оказания персидскому правительству поддержки в деле восстановления порядка в стране предусматривалась, как видно из ноты вашего превосходительства на имя великобританского посла в С.-Петербурге от [29]16 января с. г. [2], возможность предъявления названному правительству требования сообразоваться с пожеланиями России в отношении необходимых для нее концессий в русской сфере влияния, и что в последнее время отношения к нам персидского правительства изменились к лучшему, позволяю себе обратиться к вашему превосходитель-

[1] Письмо Коковцова от 29/16 ноября 1911 г. за № 785 в основном изложено в публикуемом документе.
[2] См. № 398.

ству с покорнейшей просьбой не отказать сообщить мне, изволите ли вы признавать своевременным возбуждение перед персидским правительством вопроса о предоставлении нам концессий на сооружение железных дорог в Северной Персии.

Примите и пр. В. Коковцов.

№ 848. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 2375. 1 мая/18 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В телеграмме от [28]15 сего апреля за № 3261 [1] наместник его императорского величества на Кавказе сообщает, что в феврале сего года, по его приказанию, через эриванского губернатора и макинского хана, предприняты были шаги для сближения с турецкими курдами в целях привлечения их на нашу сторону в случае столкновения с Турцией, причем из переговоров с некоторыми курдскими вождями выяснилось, что они недовольны турецким правительством нового режима и склонны стать на нашу сторону, при условии предоставления им возможности поселиться в наших пределах со своими семействами. При этом генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков присовокупляет, что необходимо ныне же дать благоприятный ответ курдским вождям, дабы не оттолкнуть их от себя и воспользоваться их влиянием на турецких курдов в нужный момент.

Уведомляя об изложенном ваше превосходительство и препровождая при сем копию вышеупомянутой телеграммы за № 3261, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не отказать сообщить мне ваше заключение по существу изъясненного предположения наместника кавказского. Со своей же стороны, не могу не выразить серьезных сомнений в возможности принятия русскими властями каких-либо обязательств по устройству курдов в наших пределах и, в особенности, по обеспечению курдских вождей постоянными субсидиями за казенный счет.

Примите и пр. В. Коковцов.

№ 849. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 796. 2 мая/19 апреля 1912 г.

Сообщается посланнику в Тегеране.

Новый аванс, о котором просит персидское правительство, может хватить лишь на самое короткое время; поэтому необходимо спешно решить вопрос о крупном займе. Имеем в виду осуществить таковой путем, указанным в телеграмме моей от [29]16 января, № 96 [2], через Учетно-ссудный и Имперский банки Персии и банки, входящие в состав Общества Трансперсидской железной дороги, с одновременным предъявлением персидскому правительству требования о предоставлении этому обществу, в самых общих чертах, концессии на постройку такой дороги. Независимо от этого мы считаем, что взамен оказываемой нами шахскому правительству услуги Россия и Англия будут вправе выговорить себе известные выгоды, в виде благоприятного разрешения некоторых назревших вопросов, как, например, о праве русско-подданных приобретать и принимать в залог недвижимую собственность в Персии, об упорядочении судопроизводства и исполнения судебных решений и т. п. Выработку всех условий займа мы полагали бы возложить на русского и великобританского посланников в Тегеране, с тем, конечно, чтобы их предположения были представлены на усмотрение обоих правительств.

Благоволите в этом смысле объясниться с лондонским кабинетом и просить о снабжении Тоунлея соответствующими указаниями.

Сазонов.

[1] Упомянутая тел. в основном изложена в публикуемом документе.
[2] См. № 399.

№ 850. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 243. 2 мая/19 апреля 1912 г.
Весьма секретно.

М. г. Александр Петрович,

Вполне разделяя высказываемое вашим превосходительством в весьма секретном письме от [10 апреля] 28 мин. марта [1] убеждение в пользе продолжения начатого с французским правительством обмена мнений по могущим наступить на Ближнем Востоке случайностям я, несмотря на трудность определенно оформить все могущие произойти события, готов более подробно остановиться на обсуждении одной из таких случайностей, представляющейся г. Пуанкаре наиболее вероятной и правдоподобной, а именно на возможности вторичного занятия Австро-Венгрией Новобазарского санджака, так как такое выступление действительно могло бы отвечать предполагаемым целям австрийской политики относительно славянских государств, Турции, Албании и приближения к Эгейскому морю.

Не имея оснований предполагать у Австро-Венгрии такие намерения после неоднократно данных ею устных и письменных заверений, я во всяком случае убежден, что такое выступление Австрии явилось бы не самостоятельным шагом, а ответом на уже состоявшееся нарушение status quo со стороны Албании или славянских стран.

Однако таким действием Австро-Венгрии столь существенно нарушалось бы равновесие на Ближнем Востоке, что им, без сомнения, были бы задеты интересы всех европейских великих держав. Ввиду сего ответным шагом на предполагаемое выступление Австро-Венгрии должно бы служить, по моему мнению, взаимный предварительный уговор между нами и Францией, к каковому следовало бы затем привлечь и Англию в целях вынести происшедшее событие и вызвавшие его причины на совместное обсуждение всей Европы.

Ввиду сего, в случае наступления каких-либо событий, способных вызвать предполагаемые осложнения, обоим посольствам в Вене должна будет быть предписана особая бдительность с тем, чтобы они могли заблаговременно осведомиться о степени вероятности предполагаемых выше выступлений Австрии и в случае существования поводов к действительным опасениям заблаговременно дать понять о возможных последствиях австрийских действий.

О вышеизложенном благоволите доверительно объясниться с г. Пуанкаре и о последующем своевременно меня уведомить.

Примите и пр. [С а з о н о в.]

№ 851. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 115 [2]. 2 мая/19 апреля 1912 г.

Reçu télégramme № 788 [3].
№ 2.
Dardanelles.

J'ai remis à Nicolson une paraphrase du contenu. Il s'est réservé d'en référer à Grey et m'a communiqué le contenu de mon télégramme d'aujourd'hui № 1 [4]. A titre personnel il m'a fait observer qu'il n'est pas facile de se faire juge du moment précis où la nécessité de la défense justifierait la fermeture, la Turquie n'ayant pas de flotte d'observation. Il me rappela aussi que le point de vue anglais sur traités n'est pas tout à fait identique au nôtre. A cette dernière observation j'ai répondu à titre personnel que ni le texte de ma communication actuelle, ni celui de notre démarche à Constantinople dont traite le télégramme

[1] См. № 747.
[2] Опубл. Siebert, II, S. 362, № 604, где помечена № 116.
[3] См. № 836.
[4] Тел. от 2 мая/19 апр. за № 114 (1), опубл. Siebert, II, S. 361, № 603, где помечена № 115, Бенкендорф сообщил Сазонову о тел. Лоутера по поводу решения Порты открыть проливы, как только мины будут выловлены (см. № 845).

№ 718 [1] ne constituent un refus absolu de reconnaissance du droit de la Turquie de fermer les Détroits; qu'implicitement il me paraît reconnu, mais seulement au cas d'absolue nécessité, et à condition du rétablissement immédiat du libre passage aussitôt le danger passé. Nicolson dit que l'éventualité d'un nouvel avancement de la flotte italienne présenterait à ce point de vue de sérieuses difficultés, si par exemple, me dit-il, l'Italie occupait Mytilène il serait difficile de soutenir qu'il n'y a pas de danger pour la Turquie. Nicolson me pria de considérer cet entretien comme privé.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 788.
№ 2.
Дарданеллы.
Я передал Никольсону ее содержание. Он счел необходимым доложить это Грею и сообщил мне то, что составило предмет моей сегодняшней телеграммы № 1. В качестве личного мнения он заметил, что не легко быть судьей того, в какой именно момент потребность обороны оправдала бы закрытие, так как Турция не имеет наблюдательного флота. Он также напомнил мне, что английская точка зрения на трактаты не вполне идентична нашей. На это последнее замечание я ответил, в качестве личного мнения, что ни текст моего нынешнего сообщения, ни текст нашего выступления в Константинополе, о котором говорится в телеграмме № 718, не представляют собой безусловного отказа признать за Турцией право на закрытие проливов; что оно представляется мне молчаливо признанным, но лишь в случае совершенной необходимости и при условии немедленного восстановления свободы прохода по миновании опасности. Никольсон сказал, что возможность нового продвижения итальянского флота создала бы при такой точке зрения серьезные затруднения; если, например, сказал он, Италия заняла бы Митилены, то трудно было бы утверждать, что для Турции нет опасности. Никольсон просил меня рассматривать этот разговор, как частный.

Бенкендорф.

№ 852. Товарищ министра иностранных дел [2] посланнику в Пекине Крупенскому.

/. Телеграмма № 801. 3 мая/20 апреля 1912 г.

Телеграмма № 419 [3] получена.

Реорганизационный заем.

Можете заявить посланникам, что Гойер, в качестве представителя русской группы, должен участвовать в совещаниях банкиров между собой и с китайцами. Сносимся с министром финансов о предписании Гойеру держать вас в курсе этих совещаний и не делать никаких заявлений политического характера без вашего ведома и согласия.

Мы согласились участвовать в реорганизационном займе только после получения заверений французского и английского правительств, что деятельность консорциума будет подчинена контролю держав и выработанные банкирами совместно с их правительствами условия сказанного займа будут представлены на утверждение заинтересованных кабинетов. Поэтому, инструкции французского посланника соответствуют нашим мыслям. Необходимо стремиться по возможности ограничить политическую роль банкиров и сосредоточить обсуждение политических сторон займа в руках посланников. Для предупреждения недоразумений благоволите ныне же напомнить вашим французскому и английскому сотоварищам о вышеизложенных заверениях, данных нам их правительствами.

Было бы также желательно, чтобы ввиду наших отношений с Японией по китайским делам, вы обменивались мнениями с японским поверенным в делах по настоящему вопросу и держались с ним сколь возможно солидарно [4].

Нератов.

---

[1] См. № 789.
[2] 2 мая/19 апр. Сазонов выехал в Ялту. 15/2 мая он возвратился в Петербург.
[3] См. № 846.
[4] В тел. от 4 мая/21 апр. за № 422 Крупенский, извещая м-во ин. дел, что он объяснился с франц., англ. и япон. посланниками в предписанном смысле, сообщал, что «на последнем

№ 853. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 33. 3 мая/20 апреля 1912 г.

Получил телеграмму № 788 [1].

Проливы.

Граф Берхтольд заявил мне о получении циркуляра Порты касательно предстоящего вновь открытия проливов [2]. Это даст ему возможность оставить без ответа предложение Англии воздействовать на римский кабинет [3]. Он твердо поддержал по отношению к воюющим державам самый строгий нейтралитет, которому не противоречила дружественная беседа австро-венгерского посла в Константинополе с турецким правительством касательно ущерба, приносимого торговле Австро-Венгрии закрытием проливов.

Гирс.

№ 854. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 8. 4 мая/21 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях здесь появилась новая политическая брошюра под заглавием «Внешняя политика Швеции и Норвегии», принадлежащая перу бывшего члена риксдага П. Фальбека, ныне профессора университета в Лунде. Содержание этой брошюры, у сего прилагаемой, в общих чертах следующее: следуя примеру Свен Хедина, ее автор, впрочем в совершенно приличной форме, указывает на необходимость обратить внимание на опасность, грозящую Швеции извне и в частности со стороны России. Последняя, по словам автора, стремится к открытому морю в сторону наименьшего сопротивления. Уже много лет тому назад Россия домогалась такого урегулирования границы, которое доставило бы ей всю северную Норвегию с Варангер-фиордом, и ее постоянная цель — иметь в норвежских водах защищенную и незамерзающую гавань для ее военного флота.

На эти стремления России, по мнению Фальбека, указывают следующие мероприятия в Финляндии:

1) Соединение русских железных дорог с финляндским стратегическим мостом через Неву.

2) Приспособление финляндских железных дорог к возможно большему пропуску русских военных поездов.

3) Постройка чисто стратегических железных дорог по направлению к берегам Ботнического залива.

4) Ускоренное сооружение шоссейных дорог по направлению к норвежской границе.

заседании посланников, на коем ни японский, ни я еще не участвовали, ими было решено, согласно полученным ими инструкциям, что дальнейшая выдача авансов китайцам без всяких условий не должна быть допущена, а потому ими было предложено банкирам, при обсуждении с китайцами подробностей просимого последними на нужды ближайших шести недель аванса в 35 млн. лан, поставить условие, чтобы расплата с увольняемыми солдатами производилась под надзором иностранных офицеров и чтобы дальнейшее расходование полученной путем аванса ссуды производилось под контролем избранного банками и причисленного к министерству финансов иностранного аудитора. Кроме того, от китайского правительства требовалось обещание принять меры к реорганизации, при участии иностранных экспертов, соляной монополии, служащей обеспечением авансов».

В ответной тел. от 6 мая/23 апр. за № 820 Нератов сообщил Крупенскому: «Направление, приданное посланниками вопросу о контроле за расходованием авансов, соответствует нашим видам. Благоволите в общем поддерживать мысль, что выдача авансов без контроля за их расходованием нежелательна. Однако, если бы все другие ваши сотоварищи сочли возможным пойти в этом отношении на некоторые уступки, полагаем, что вам нельзя оставаться при отдельном мнении, пока дело идет о сравнительно небольших суммах». См. также прим. на стр. 525.

[1] См. № 836.

[2] См. № 845.

[3] См. № 843.

5) Введение прошлой осенью всеобщей конской повинности на случай мобилизации.
6) Происходящее в настоящее время преобразование лоцманского ведомства.
7) Постройка новых казарм.
8) Постройка флота по обширной программе.
9) Устройство двух сильных баз для флота в Ревеле и Тверминне.
10) Маневры флота в минувшем году в Ботническом заливе и
11) Прокладка военных фарватеров в Аландских шхерах.

Перечисляя все эти мероприятия, указывающие, по убеждению Фальбека, на намерение России напасть через Финляндию на Швецию и Норвегию, автор взывает к необходимости для трех скандинавских государств сплотиться воедино, улучшить свою оборону и составить оборонительный союз, существование которого дало бы возможность вести сообща активную внешнюю политику. Но для полного достижения цели подобного союза — сохранения независимости и территориальной неприкосновенности скандинавских государств, — ему необходимо сблизиться с какой-нибудь мировой державой. «В какую же сторону нам следует обратиться?» — спрашивает себя далее автор. Ввиду вышеизложенного, обращение в сторону России немыслимо; по тем же причинам невозможно обратиться и в сторону ее союзников: Франции и Англии; остается одна Германия с Тройственным союзом. В пользу такого выбора, по мнению автора, говорит еще то соображение, что Тройственный союз заключен с целью поддержания мира и до сих пор был верен этой задаче; таким образом вступление в этот союз содержит в себе некоторую гарантию мира, так как Германия не имеет другой цели, как поддержание в Европе status quo.

Брошюра г. Фальбека произвела здесь известное впечатление, и некоторые журналисты обратились в императорскую миссию с просьбой разъяснить значение и справедливость приводимых в ней соображений. Я счел полезным не уклоняться от просимых разъяснений и дал представителям нескольких газет указания для правильного освещения наших мероприятий в Финляндии, указав, что они отнюдь не имеют того агрессивного характера и значения, которое им приписывает г. Фальбек, а представляют лишь меры внутреннего распорядка, обусловленные необходимостью внутреннего же управления.

Разъяснения эти были помещены в некоторых газетах и вызвали конечно комментарии других газет, как правого, так и левого направления, признавших правильность некоторых объяснений, например, экономическое значение моста через Неву, коммерческий характер перестройки финляндских железнодорожных станций и др., но не желавших согласиться с тем, например, что детальная разработка планов новых дорог в Финляндии не имеет стратегического значения.

В связи с вопросом о наших мероприятиях в Финляндии шведская и норвежская пресса обсуждала возбужденный г. Фальбеком вопрос о союзе Швеции с Норвегией. Главную же мысль г. Фальбека о союзе скандинавских государств с Тройственным союзом вообще и с Германией в частности печать оставила на этот раз без обсуждения.

Примите и пр. А. Савинский.

№ 855. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 200. 4 мая/21 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на № 163 [1].

Из доверительного французского источника узнаю, что французская компания пришла уже к полному соглашению с Портой касательно технических условий постройки малоазиатских линий. Усиленно подвигается и обсуждение финансовых условий, относительно коих вероятно очень скорое соглашение. Ссылаясь на мою телеграмму № 163, почитаю долгом указать на крайнюю желательность,

[1] См. № 780.

чтобы подписание финансового соглашения компании с Портой состоялось лишь одновременно с благоприятным окончанием наших переговоров с ней по поводу изменения ноты 1900 года [1].

Гирс.

№ 856. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Д. Депеша № 29. 4 мая/21 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

29/16 сего апреля в присутствии временного президента китайской республики, председателя и прочих членов совета министров и других высших чинов столичной администрации состоялось торжество возобновления сессии палаты представителей, переведенной из Нанкина в Пекин, в измененном и пополненном новыми депутатами составе.

Запоздание в открытии сессии, назначенном сначала на 21/8 апреля, произошло вследствие неприбытия к сроку в Пекин значительного количества депутатов и неимения поэтому до последнего времени надлежащего кворума.

Для охраны президента республики, по всему пути его следования из временной его резиденции до помещения, занимаемого палатой, были приняты самые строгие и тщательные военные и полицейские меры предосторожности.

К 10 часам утра в зал заседаний палаты собрались находящиеся в данный момент в Пекине депутаты, в числе около 80-ти из общего состава в 130 человек. Большинство из них явилось в самых разнообразных европейских костюмах. Число оставшихся верными национальной китайской одежде было сравнительно невелико, и даже между ними лишь весьма немногие сохранили прежние косы. Заседание началось с прочтения председателем отчета, заключавшего в себе фактические данные, касающиеся перенесения деятельности палаты из Нанкина в Пекин. После этого прибыли и заняли свои места на министерской скамье председатель и члены совета министров, а затем, под звуки музыки, в зал заседаний вошел президент Юань Ши-кай, занявший особо приготовленное для него место. Когда оркестр смолк, президент республики прошел на ораторскую трибуну и прочел по записке речь, обращенную к депутатам, выразив в ней надежду, что народные представители оправдают возложенное на них доверие, и указал на неотложные мероприятия во всех отраслях государственной жизни, которые правительство должно привести в исполнение. Согласно сообщенному газетам и в переводе при сем прилагаемому тексту этой речи [2], Юань Ши-кай обращает в ней особое внимание депутатов на затруднительное финансовое положение страны и на необходимость вследствие этого прибегнуть к немедленной реорганизации финансов, причем он излагает краткую программу предстоящих изменений, среди которых отмечается повышение таможенного тарифа, уничтожение ликинов, понижение вывозных пошлин, преобразование соляной монополии, упорядочение поземельного налога и реформа монетной системы. Далее в президентской речи содержится также упоминание о необходимости приглашения иностранных советников и экспертов и о предстоящем сокращении непомерно возросшего числа военных сил. В заключение президент с признательностью отзывается о справедливом и дружелюбном положении, принятом по отношению к Китаю иностранными державами, и подчеркивает необходимость упрочения международных сношений и соблюдения всех прежних договоров. Как мне сообщают, однако, из верного источника, действительный текст прочитанной в палате Юань Ши-каем речи значительно разнится от сообщенного прессе. Он был проникнут горячим национализмом и в нем не заключалось никаких упоминаний ни об иностранных советниках, ни о дружественных отношениях с иностранными державами и соблюдении трактатов. Подобная попытка самым грубым и наглым образом обма-

[1] Публикуемая тел. была передана Нератовым Извольскому 6 мая/23 апр. за № 817.
[2] Приложение не воспроизводится.

нуть иностранное общественное мнение является весьма характерной и наглядно показывает, чего можно ожидать от нынешнего китайского правительства и как мало можно полагаться в каком бы то ни было отношении на его правдивость.

В прочитанном затем председателем палаты кратком ответном адресе народных представителей на президентскую речь, в переводе равным образом при сем прилагаемом [1], выражается радость по поводу установления в стране республиканского режима и высказывается готовность содействовать правительству, поскольку оно будет стремиться к благу государства.

По окончании церемонии президент Юань Ши-кай, все время выказывавший заметную нервность и беспокойство, отбыл обратно по оцепленным полицией и войсками улицам в занимаемое им помещение, эскортируемый внушительным отрядом кавалерии, плотным кольцом окружавшим его карету.

При возобновлении сессии председательское кресло в палате представителей продолжал еще занимать бывший председатель нанкинского собрания, депутат фуцзянской провинции Лин-сень. Не пользуясь однако в изменившейся по своему составу пекинской палате достаточной популярностью и авторитетом, Линь-сень на следующий уже день подал в отставку в связи с предъявленным к нему, при самом открытии сессии, обвинением в нарушении закона, вследствие допущения в зал заседаний депутатов от некоторых провинций в большем, чем полагается по уставу, числе. На его место председателем палаты избран мукденский депутат Ву Цзинь-лянь, входивший в состав нанкинского собрания. Одновременно с сим, в товарищи председателя палаты, вместо назначенного товарищем министра торговли и промышленности Ван Чжен-тина, выбран хорошо известный всему молодому Китаю хубейский депутат Тан Хуа-лун, бывший глава союза депутатов, агитировавших в пользу скорейшего открытия парламента и против допущения членов императорской фамилии в состав кабинета.

Оба названные лица принадлежат к партии «Единение», характеристика которой дана была статским советником Щекиным в донесении от [28] 15 марта с. г. за № 21 [2]. По последним сведениям, партия «Единение» слилась ныне с пятью другими общественно-политическими организациями, образовав одну общую «Республиканскую партию», к которой и принадлежит большинство из членов начавшей свои заседания в Пекине палаты представителей.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 857. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 52 [3]. 5 мая/22 апреля 1912 г.

Сербско-болгарское соглашение.

Узнав от Тошева о моей поездке по делам службы в Ниш [4], Данев, с коим давно состою в дружеских отношениях, совершенно инкогнито прибыл туда на несколько часов, чтобы через меня с достоверностью осведомиться о нынешнем положении Сербии, ее правительства, настроении умов в стране и пр. Свидание наше состоялось в консульстве. Я прежде всего дал Даневу самые успокоительные сведения по вопросу, который видимо тревожил короля Фердинанда, а именно о сохранении в тайне состоявшегося соглашения: радикалы после выборов остались у власти, стало быть, и секретное дело это попрежнему будет в их руках. Насколько тайна обеспечивается, доказательством служат непре-

[1] Приложение не воспроизводится.

[2] В деп. от 28/15 марта за № 21 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 100) Щекин писал Сазонову, что союз «Единение» ставит своей задачей «упрочение государственного единства, создание сильного центрального правительства и усовершенствование формы государственного устройства, основанного на республиканских принципах».

[3] Царск. экз.

[4] Тел. от 2 мая/19 апр. за № 51, Гартвиг сообщал, что он выезжает в Ниш для ознакомления с деятельностью кон-ва.

станные нападки всех партий на Милановича за то, что он будто бы не сумел достигнуть сближения с Болгарией. К этому Данев сказал, что в настроении короля Фердинанда произошла поражающая перемена по отношению к Сербии, к которой король питает ныне полное доверие и считает соглашение знаменательным актом. Данев подчеркнул, что по его инициативе была сделана сербам уступка границы у Охриды, видимо, желая, чтобы это стало известным Пашичу и Милановичу. По сему поводу я не преминул заметить, что как ни важно было для сербов обеспечить за собой опору на Охриде, все же они ныне прониклись убеждением, что территориальный раздел — вопрос отдаленного будущего, а существенным представляется согласованная работа в обоюдных интересах. Так смотрят на дело болгары, — сказал Данев. По поводу общего положения я указал на намерение сербов строго следовать советам России. Несмотря на окружающую тревожную атмосферу, никаких активных выступлений правительство не предпримет; нарушить мирное настроение могут только такие события, как вступление австрийских войск в Санджак или резня в Старой Сербии. То же положение, по словам Данева, будут соблюдать и болгары. Из дальнейшей беседы выяснилось, что у обоих государств на горизонте имеется мрачная точка: Болгария опасается несдержанности македонских комитетов; Сербия — движения албанцев, некоторые главари коих заявляли сербским пограничным властям о скором поднятии ими восстания. Данев особенно ценным признал мое утверждение, основанное на самых положительных заверениях Милановича, что Сербия никаких банд в Македонию не посылала и посылать не будет, а также откажется от какой бы то ни было пропаганды сербизма в местностях, отошедших в сферу болгарского влияния, рассчитывая на взаимность со стороны Болгарии. Это — уже утешительные результаты состоявшегося соглашения. Сегодня Гешов уведомил Тошева по телеграфу, что все сообщенные мной Даневу сведения о сербских делах произвели на болгарское правительство самое благоприятное впечатление.

Подробности курьером [1].

Гартвиг.

№ 858. Нота бельгийского поверенного в делах в Петербурге министерству иностранных дел.

№ 408 [2]. 6 мая/23 апреля 1912 г.

D'ordre du gouvernement du roi j'ai l'honneur de donner connaissance à votre excellence d'une lettre relative à la question des emprunts chinois, que le ministre des affaires étrangères vient d'adresser aux légations du roi à Paris, à Londres, à Berlin et à Washington.

Je saisis etc. [Escaille.]

Il résulte d'un télégramme que je viens de recevoir de la légation du roi à Pékin que Tang Shao-Yi a dû accepter 29 avril dernier toutes exigences des ministres représentant les quatre Puissances du Consortium et consentir à l'annulation des contrats conclus avec le syndicat financier international dont le groupe belge fait partie. Il ne l'a fait qu'après que toutes ses propositions de conciliation eurent été repoussées sous le prétexte avancé par lesdits ministres que ces contrats étaient légaux [3].

Tang Shao-Yi s'est montré profondément affecté de ces exigences humiliantes pour lui et injustes à l'égard du Syndicat et qu'il a été forcé d'accepter parce que

[1] Деп. от 7 мая/24 апр. за № 23 Гартвиг сообщал Сазонову, что поездка Данева в Ниш была вызвана «настоятельным желанием короля Фердинанда, г. Гешова и самого г. Данева в точности осведомиться от российского представителя в Белграде о настоящем положении дела в Сербии». По словам Гартвига, серб. и болг. прав-ва «одушевлены действительно твердым намерением внести в их будущие отношения более искренности и доверия», и это даст возможность в недалеком будущем «полюбовно разрешить многообразные задачи на почве культурной и политико-экономической, вызывавшие постоянно непримиримое соперничество между обеими народностями».

[2] Лит. копия.

[3] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «illégaux».

le manque absolu de fonds expose le gouvernement de la République à de nouvelles mutineries militaires.

Il a donné à entendre à la légation qu'il offrirait une compensation aux intéressés belges.

Notre ministre à Pékin estime que ce n'est qu'en exposant clairement l'entière bonne foi de nos nationaux et en établissant leurs droits auprès des gouvernements des Puissances du Consortium que la question des compensations sera facilitée.

J'ai immédiatement, d'accord avec les banquiers belges, chargé télégraphiquement Mr. de Cartier de Marchienne [1] de protester énergiquement contre l'annulation des contrats, laquelle est injustifiable en présence de la régularité indiscutable desdits contrats.

Je l'ai prié de ne négliger aucun effort pour obtenir subsidiairement une compensation équitable.

J'ajoutai que le but essentiel à atteindre pour nos banquiers serait de s'entendre finalement avec le consortium.

Il me paraît indispensable que nos légations auprès des gouvernements en cause fassent à ceux-ci un exposé détaillé des faits en signalant combien l'attitude de nos banquiers a été loyale et en attirant leur attention sur les conditions parfaitement régulières du contrat qu'ils ont conclu avec le gouvernement chinois.

La note que vous trouverez en copie sous ce pli [2] et qui émane des intéressés, vous fournira toutes les indications utiles en vue de la démarche que je vous prie de faire. Au cas où nos compatriotes devraient abandonner le bénéfice du contrat pour l'avenir, ils auraient droit à une compensation du gouvernement chinois.

Mais ainsi que je le fais remarquer dans mon télégramme à la légation de Pékin, le but principal serait pour eux de s'entendre finalement avec le consortium.

Перевод.

По распоряжению королевского правительства я имею честь ознакомить ваше превосходительство с письмом по вопросу о китайских займах, которое министр иностранных дел послал королевским миссиям в Париже, Лондоне, Берлине и Вашингтоне.

Пользуюсь случаем и т. д.

[Эскалье.]

Из телеграммы, только-что полученной мною от королевской миссии в Пекине, явствует, что Тан Шао-и вынужден был 29 апреля принять все требования, которые предъявили посланники четырех держав, представленных в консорциуме, и согласиться на аннулирование контрактов, заключенных с международным финансовым синдикатом, в состав которого входит бельгийская группа. Он сделал это лишь после того, как все его предложения примирительного характера были отвергнуты указанными посланниками под предлогом, что эти контракты были законны [3].

Тан Шао-и был глубоко возмущен этими требованиями, унизительными для него и несправедливыми по отношению к синдикату, но которые он должен был принять, потому что полное отсутствие средств у республиканского правительства грозило ему новыми беспорядками в армии.

Он дал понять миссии, что он предложит компенсацию бельгийским участникам.

Наш посланник в Пекине полагает, что лишь одним путем можно способствовать разрешению вопроса о компенсациях, а именно: следует разъяснить правительствам держав, входящих в состав консорциума, абсолютную лойяльность позиции наших соотечественников и указать на законность их прав.

В согласии с бельгийскими банкирами, я тотчас же телеграфировал г. де Картье де Маршиен, поручая ему выразить энергичный протест против аннулирования контрактов, ничем неоправданного, ввиду бесспорной законности указанных контрактов.

Я его просил не щадить усилий, чтобы добиться дополнительно справедливой компенсации.

Я добавил, что основная цель наших банкиров — договориться в конце концов с консорциумом.

---

[1] Бельг. посланник в Пекине.

[2] В приложенной копии записки правления Китайско-бельгийского банка пространно изложены все перипетии заключения 14/1 марта контракта о займе в 10 млн. ф. ст. между представителем кит. м-ва фин. Чанг-ю и представителями названного банка в лице директора пекинского отделения Девоса и представителя англ. группы международного финансового синдиката Генри Лоусона. Этот контракт был санкционирован Юань Ши-каем в тот же день и ратифицирован 20/7 марта Национальным собранием.

[3] Так в оригинале. Повидимому следует читать: «незаконны».

Мне кажется необходимым, чтобы наши миссии изложили перед заинтересованными правительствами подробно все факты, отметив при этом, сколь лояльна была позиция наших банкиров, и обратив их внимание на абсолютную законность контракта, заключенного ими с китайским правительством.

Прилагаемая при сем копия ноты заинтересованных банкиров даст вам все полезные указания для демарша, который я прошу вас предпринять. В случае если бы нашим соотечественникам пришлось отказаться на будущее время от преимуществ, связанных с контрактом, они должны иметь право на компенсацию со стороны китайского правительства.

Но, как я указал в телеграмме в адрес миссии в Пекине, основная цель банкиров — договориться в конце концов с консорциумом.

№ 859. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 816. 6 мая/23 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 200 [1].

Гирс заявил турецкому министру иностранных дел, что мы готовы, вняв положению Турции, пересмотреть условия постройки малоазиатских железных дорог, но желаем знать, какие гарантии она намерена нам дать взамен наших уступок, и ожидаем ее предложений в этом смысле. Ассим-бей ответил, что должен предварительно переговорить с великим визирем и министром путей сообщения.

Считаем, что отныне мы вправе ожидать от Порты предложения касательно изменения условий соглашения 1900 г. [2]

Желательно поэтому, чтобы французское правительство преподало в Константинополе указания о задержке технического и финансового соглашений французской компании с турецким правительством впредь до выяснения результатов наших переговоров с последним об изменении соглашения 1900 г.

Желательно иметь здесь ваш ответ в четверг [3] утром к заседанию совета министров [4].

[Нератов.]

№ 860. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу [5].

6 мая/23 апреля 1912 г.

Sir E. Grey has given his most careful attention to the memorandum communicated by the Russian Ambassador on the 22-nd ultimo [6] respecting reservation made by the Russian Government in regard to Russian participation in the Chinese Reorganisation Loan.

His Majesty's Government have promised their support in opposing the introduction into the terms of the loan of any condition which might be prejudicial to the special treaty rights of Russia to the north of the Great Wall, and besides this, they have already given practical proof of their willingness to discourage any enterprises which may be regarded by Russia as prejudicial to recognized Russian interests in Manchuria, and their action will continue to be inspired by the same friendly spirit.

In regard to the secret convention between Russia and Japan, Sir E. Grey would remind Count Benckendorff that he informed His Excellency on June 28-th 1910 that His Majesty's Government would welcome the new agreements between Russia and Japan «so long as they did not impair the «open door» in Manchuria

---

[1] См. № 855.

[2] См. № 831.

[3] 9 мая/26 апреля.

[4] Тел. от 8 мая/25 апр. за № 61 (опубл. Stieve, II, S. 103, № 273) Извольский сообщил, что Пуанкаре дал предписание Бомпару «по возможности задержать подписание технического и финансового соглашений французской компании с Портой».

[5] Маш. копия. Этот меморандум был препровожден Бенкендорфом в м-во при письме от 8 мая/25 апр.

[6] Меморандумом от 22/9 апр. Бенкендорф передал Никольсону содержание тел. Савонова за № 716 (см. № 788).

for our commerce, which was our main interest» and this reservation is of course of general application.

Seeing that it is one of the conditions put forward by His Majesty's Government that «the terms and conditions of the loan must form the subject of careful consideration at the hands of the Governments concerned, and that until an agreement on this question has been arrived at, the loan cannot be sanctioned», Russia, as a party to the loan, is in a position herself to prevent the proceeds from being applied to purposes to which she objects.

Перевод.

Сэр Э. Грей уделил самое тщательное внимание меморандуму, сообщенному российским послом 22-го прошлого месяца по поводу оговорок, сделанных российским правительством в вопросе о русском участии в китайском реорганизационном займе.

Правительство его величества обещало свою поддержку в деле противодействия включению в условия займа каких-либо положений, могущих нанести ущерб специальным договорным правам России к северу от Великой стены, и кроме того, оно уже дало фактическое доказательство своего желания противодействовать каким-либо предприятиям, которые могут рассматриваться Россией, как наносящие ущерб признанным русским интересам в Манчжурии, и его действия будут попрежнему руководствоваться теми же дружественными чувствами.

По поводу секретной конвенции между Россией и Японией сэр Э. Грей хотел бы напомнить графу Бенкендорфу, что 28 июня 1910 г. он известил его превосходительство, что правительство его величества приветствует новые соглашения между Россией и Японией «поскольку они не нарушают принципа «открытых дверей» для нашей торговли в Манчжурии, что представляет для нас главный интерес», и эта оговорка имеет, конечно, общее применение.

Принимая во внимание, что одним из положений, выдвинутых правительством его величества, является то, что «статьи и условия займа должны подвергнуться тщательному рассмотрению со стороны заинтересованных правительств и что пока не будет достигнуто соглашения по этому вопросу, заем не может быть санкционирован», — Россия, как одна из участниц займа, имеет сама возможность воспрепятствовать применению сумм, вырученных от займа, на цели, против которых она возражает.

№ 861. Памятная записка австро-венгерского посольства в Петербурге министерству иностранных дел.

7 мая/24 апреля 1912 г.

Un groupe composé de maisons de banque considérables d'Autriche et de Hongrie s'est formé avec le consentement des gouvernements autrichien et hongrois dans le but de participer, en se joignant au consortium international constitué à cet effet, à l'emprunt que le gouvernement républicain chinois a l'intention de contracter [1].

Ce groupe financier austro-hongrois désirerait entrer prochainement en rapports immédiats avec les autres groupes du consortium international pour entamer avec ceux-ci des négociations au sujet de la participation du capital austro-hongrois à l'emprunt chinois projeté. Néanmoins, le groupe financier austro-hongrois tient à faire savoir dès à présent, qu'il n'a pas en vue de revendiquer pour son compte une quote-part du chiffre total de l'emprunt proportionnée au nombre des différents groupes prenant part à l'opération financière.

Mais tout en se contentant d'une participation sensiblement moins considérable, le syndicat austro-hongrois désirerait être admis au consortium international comme *groupe indépendant* avec les mêmes droits que les autres groupes, ce qui exclurait d'avance toute idée d'une sous-participation.

[1] Ср. № 700. Тел. от 12 апр./30 марта за № 66 Малевский сообщал: «Австрийское правительство выразило здесь вчера через своего поверенного в делах желание примкнуть к державам уже вошедшим в состав финансовой группы, ссужающей Китай политическим займом». Дополнительной тел. от 17/4 апр. за № 73 Малевский сообщал: «Министр иностранных дел сегодня ответил австрийскому поверенному в делах, что Япония, как еще сама не решившая окончательно вопроса своего участия в китайских займах и не бравшая в этом деле на себя почина, затрудняется выразить свое мнение». «Виконт Уцида, — заканчивал Малевский, — весьма доверительно дал мне понять, что японское правительство не сочувствует австрийскому выступлению».

Il résulte de ce qui précède qu'en prenant part à l'emprunt chinois, le groupe austro-hongrois ne poursuivrait pas autant un bénéfice direct à retirer de cette opération financière, que le but de créer un nouveau débouché en Chine aux produits de l'industrie austro-hongroise, but auquel le gouvernement impérial et royal commun d'Autriche-Hongrie accorde son plein et entier appui.

Le gouvernement impérial et royal se plaît par conséquent à espérer que le gouvernement impérial de Russie voudra bien donner de sa part son adhésion à l'entrée du groupe austro-hongrois dans le consortium international.

L'ambassade impériale et royale croit devoir ajouter que dans le cas où un arrangement satisfaisant pourrait être conclu quant à l'entrée du groupe austro-hongrois dans le consortium, le gouvernement impérial et royal désirerait naturellement prendre part aux pourparlers sur les conditions de l'emprunt et de pouvoir ainsi procéder en cette question en toute harmonie avec les autres Cabinets intéressés [1].

Перевод.

С согласия австрийского и венгерского правительств из крупных банкирских домов Австрии и Венгрии составилась группа, имеющая в виду, — объединившись с международным консорциумом, созданным для этой цели, — принять участие в займе, который намеревается заключить республиканское правительство Китая.

Эта финансовая австро-венгерская группа желала бы войти в непосредственные сношения с другими группами международного консорциума, дабы начать с ними переговоры об участии австро-венгерского капитала в проектируемом китайском займе. Однако австро-венгерская финансовая группа считает нужным заявить теперь же, что она не имеет в виду требовать для себя из общей суммы займа долю, пропорциональную числу различных групп, принимающих участие в этой финансовой операции.

Но, довольствуясь значительно меньшим участием, австро-венгерский синдикат все же желал бы быть принятым в международный консорциум, в качестве самостоятельной группы, с теми же правами, как и у других групп, что заранее исключило бы всякую мысль о подчиненном положении.

Из вышеизложенного следует, что принимая участие в китайском займе, австро-венгерская группа будет руководиться не столько тем, чтобы получить прямую прибыль от этой финансовой операции, сколько целью создать в Китае новый рынок сбыта для австро-венгерской промышленности, — целью, которой императорское и королевское правительство Австро-Венгрии оказывает свою всемерную и полную поддержку.

В связи с этим императорское и королевское правительство льстит себя надеждой, что императорское правительство России даст со своей стороны согласие на вступление австро-венгерской группы в международный консорциум.

Императорское и королевское посольство считает долгом добавить, что в случае, если бы относительно вступления австро-венгерской группы состоялось удовлетворительное согла-

---

[1] Содержание публ. пам. записки было передано Нератовым в Париж, Лондон и Токио тел. от 9 мая/26 апр. без номера (опубл. М., стр. 555), в которой он сообщал, что при вручении ему этой пам. записки австро-венг. посол добавил, что его прав-во уже заручилось принципиальным согласием Англии и Германии. Поручая послам узнать мнение соответствующего прав-ва по этому вопросу, Нератов указывал: «Со своей стороны мы несколько удивлены постановкой, которую дает вопросу австрийское правительство и при которой Австрия извлекла бы равные с другими державами политические выгоды из участия в финансировании Китая, жертвуя для этого меньшими по сравнению с ними денежными суммами. Мы предвидим также, что допущение в состав финансирующего Китай консорциума австрийской группы поведет к аналогичным требованиям других держав, из которых некоторые, например Бельгия, гораздо более Австрии заинтересованы в китайских финансах».

Пам. запиской от 10 мая/27 апр. Бьюкенен сообщил об аналогичном выступлении австро-венг. посла в Лондоне. Запрашивая мнение росс. прав-ва, Бьюкенен добавлял, что еще 29/16 марта Грей заявил австро-венг. послу в Лондоне, что англ. прав-во «не имело бы принципиальных возражений против такого проекта, если бы другие заинтересованные державы отнеслись к нему благожелательно и если могли бы быть установлены условия, которые дали бы удовлетворение другим группам». В настоящий же момент Грей, по словам Бьюкенена, ответил австро-венг. послу, что он запросит мнение других держав, но что англ. прав-во не может оказывать воздействия на англ. группу. В тел. от 11 мая/28 апр. за № 66 (опубл. М., стр. 555) Извольский сообщил, что на подобный запрос австро-венг. посла в Париже Пуанкаре ответил, что «в таком случае придется допустить Италию и Бельгию, что это может встретить возражения как с финансовой, так и с политической точки зрения и что Франция во всяком случае будет действовать в этом деле в полном согласии с Россией». По словам Пуанкаре, Сечен «уверял его, что австрийские банкиры готовы поддержать в консорциуме русские требования».

шение, то императорское и королевское правительство желало бы, конечно, принять участие в переговорах об условиях займа и иметь таким образом возможность действовать в этом вопросе в полном согласии со всеми другими заинтересованными кабинетами.

№ 862. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Письмо. 7 мая/24 апреля 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Произнесенная вашим высокопревосходительством в Государственной думе речь [1] произвела самое отрадное впечатление в Консульте. Здесь с признательностью отметили дружеский тон, которым были проникнуты ваши слова по адресу Италии и, в особенности, указания, что образ ведения Италией войны подтверждает ее намерение считаться с интересами нейтральных держав, намерение, ясно подчеркнутое возвращением королевского флота в Италию после бомбардировки Дарданелл.

Как я уже имел честь донести вам, в Консульте более всего опасались каких-нибудь замечаний со стороны держав на действия итальянского флота против фортов Кум-Калеси и Седиль-Бахр [2]. Ваше выступление перед народными представителями и ваш отказ сделать в Риме представление, как мне приходилось неоднократно слышать, не только «спасли» самолюбие Италии, но и помогли ей выйти с честью из весьма затруднительного положения. Маркиз ди Сан-Джулиано был весьма и весьма озабочен обращением сэра Эдуарда Грея за содействием в С.-Петербург и Вену. Великобританский министр иностранных дел, как мне сказал маркиз, руководился в данном случае исключительно опасениями внутренних осложнений, которые могло вызвать в Англии закрытие Дарданелл. Потрясенное только-что окончившейся стачкой углекопов [3] экономическое положение страны подверглось бы еще более серьезному испытанию, если бы прекратился подвоз зерновых грузов из бассейна Черного моря. Ваше отношение к предложению великобританского статс-секретаря по иностранным делам не могло не остаться без влияния на него, и он во всяком случае смягчил тон своего обращения к Италии. Сэр Реннель Родд сообщил ди Сан-Джулиано текст ноты, переданной Лоутером Ассим-бею [4], и добавил, в чрезвычайно дружественных выражениях, что если Италия не имеет намерения предпринимать каких-либо военных действий в области Дарданелл, то не найдет ли она возможным поставить об этом в известность державы, дабы они могли настойчивее повлиять на Турцию и добиться удаления ею мин. Такая предупредительность по отношению нейтральных держав была бы тем более уместна, что близ Дарданелл скопились суда, застигнутые врасплох бомбардировкой и к ним было бы справедливо отнестись более предупредительно, нежели к тем, которые еще не вышли из нейтральных портов.

---

[1] В своей речи в Государственной думе 26/13 апр. (см. стр. 261, прим. 2) Сазонов об отношениях России с Италией сказал следующее: «Дружественные наши отношения с Италией, получившие ясное выражение во время посещения государем императором короля Виктора-Эммануила в Ракониджи, продолжают развиваться и крепнуть. Прочность этих отношений лучше всего обеспечивается тождественностью наших взглядов на положение вещей на Балканском полуострове. Италия, как и мы, благожелательно относится к мирному развитию балканских народов». По вопросу об итало-турец. войне, Сазонов заявил следующее: «Но всеобщее признание возможности новых осложнений и сознательное отношение держав к их возможным последствиям дает основание надеяться, что спокойствие на Балканах не будет нарушено и что итальянско-турецкая война не приведет ко всеобщему столкновению. В способе ведения войны Италией мы до сих пор видели сознание такой опасности. На самом деле, Италия до последнего времени ограничивала поле военных действий отдаленными местностями, видимо, стараясь, чтобы интересы нейтральных не были слишком чувствительно задеты. Последовавшая на-днях бомбардировка Дарданелл не сопровождалась дальнейшими действиями, которые бы доказывали, что Италия отступила от подобного соображения, так как итальянский флот, заняв небольшой остров в Южном архипелаге, уже возвратился в Италию».

[2] См. № 784.

[3] См. стр. 329, прим. 6.

[4] См. № 835.

Сэр Реннель Родд ограничился изложением сказанного и не просил маркиза ди Сан-Джулиано дать ему какой-либо ответ. Австрийский посол был гораздо менее осторожен в своих словах. Он приписал исключительно Великобритании вину своего выступления, но вместе с тем настоятельно потребовал ответа. Обоим ди Сан-Джулиано ответил, что никакого ответа он не намерен дать, не осведомившись предварительно о мнении императорского правительства. Он добавил, что так как Россия является державой наиболее заинтересованной в вопросе о Проливах, он подчинит свой ответ исключительно ее желаниям. Последовавшее засим решение Порты открыть Дарданеллы [1] сделало излишним какой-либо шаг итальянского правительства; тем не менее, нельзя не признать, что в данном случае Италия честно выполнила принятые на себя в Раккониджи обязательства [2]. Ни французский, ни германский послы в Консульте не появлялись.

Не считаю однако себя вправе умолчать о некотором разочаровании, с которым встретили здесь известие об открытии Дарданелл. Повидимому, итальянцы рассчитывали, что упорство Порты вынудит нас к более решительным действиям: например к демонстрации нашего флота в Босфоре. Лица менее воинственные надеялись, что неуступчивость Порты расположит державы оказать на нее давление и принудить ее отозвать свои отряды из Ливии, взамен отказа Италии от новых нападений на проливы.

В Консульте весьма обрадованы отъездом барона Маршалла из Константинополя. Князь Скалеа сказал мне, что, по доверительно полученным сведениям, названный германский посол не вернется более в оттоманскую столицу.

Итальянская печать осталась вполне удовлетворенной вступительной частью речи графа Берхтольда [3], посвященной Тройственному союзу. Я имею основание полагать, что таковая была предварительно сообщена на просмотр Консульте. Часть, касающаяся Дарданелл, вызвала неудовольствие, ибо в ней усмотрели как бы косвенное признание за Турцией права закрывать проливы [4]. От внимания князя Скалеа не ускользнуло сходство выражений, которыми воспользовались граф Берхтольд и, будто бы, Ассим-бей в ответ на нашу первую ноту [5]. Иронию вызвала заключительная часть, относившаяся к частным соглашениям, подрывающим значение основных договоров.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 863. Посол в Вене министру иностранных дел.

-/. Депеша № 18. 7 мая/24 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Заседания собравшихся в Вене 30/17 апреля австро-венгерских делегаций продолжались всего лишь пять дней. Несмотря на это, дебаты по поводу внесенного на их утверждение бюджета послужили поводом для произнесения речей, интересных как выражающие настроение правительства, так и отражающие господствующие в настоящую минуту веяния в стране.

Самой важной из этих речей, несомненно, является речь графа Берхтольда [3], произнесенная тотчас по открытии сессии делегаций и уже известная вашему высокопревосходительству.

После министра иностранных дел кратко говорил военный министр, генерал фон Ауффенберг, выступивший с заверением, что в своих домогательствах перед

[1] См. № 845.

[2] Русско-итальянское соглашение 24/11 окт. 1909 г., заключенное в Раккониджи по делам Ближнего Востока.

[3] См. № 842.

[4] Говоря о закрытии Дарданелл турец. прав-вом, Берхтольд заявил: «Мы должны констатировать, что Высокая Порта отдает себе отчет в том, что закрытием Дарданелл она нарушает насущные интересы нейтральных держав; она имеет намерение дать свободный пропуск нейтральным судам, как только обстоятельства это позволят».

[5] См. № 826.

народными представителями он преследует исключительно технически-военные цели, а отнюдь не политические. Такое заявление министра было, повидимому, вызвано толками о решающей роли, сыгранной им в деле недопущения в венгерском парламенте голосования известных вашему высокопревосходительству «резолюций», имевших целью ограничение прав короны в военном деле. Но, как обнаружили последующие прения в венгерской делегации, генералу Ауффенбергу не удалось рассеять существующего против него предубеждения, и за последние дни стали ходить слухи о возможном его замещении в течение нынешнего лета другим лицом.

Общеимперский министр финансов, г. Билинский, в своей речи делегациям упомянул о необходимости считаться с южно-славянской идеей и говорил, главным образом, о предстоящих ему задачах по управлению Боснией и Герцеговиной. Он указал, между прочим, на весьма понятное желание населения этих двух провинций упорядочить свое государственно-правовое положение, причем отметил отсутствие у босно-герцеговинцев всякого стремления к триализму. Своей задачей г. Билинский считает поднятие благосостояния и процветание имперских провинций, без малейшего однако посягательства на нынешний государственный строй монархии. В заключение он перечислил предполагаемые им к проведению меры: учреждение новых школ, упорядочение лесного хозяйства и железнодорожного дела и пр.

В делегациях г. Билинский обошел молчанием главный мотив, побуждающий его так усердно заботиться о процветании Боснии и Герцеговины. Но в частной беседе со мною он мне откровенно сказал, что улучшением быта населения он рассчитывает предупредить всякое тяготение его к соседним независимым славянским народам. Такому тяготению всегда помешает, по его мнению, сравнение благополучных условий жизни в провинциях с тяготами, коим подвержены жители в сербском королевстве и Черногории.

Что касается речей делегатов, то темами, возбужденными ими и обратившими на себя наибольшее внимание, послужили: отношения к России, отношения к Италии по поводу войны с Турцией и триализм. Выдержки из некоторых речей считаю долгом приложить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства [1].

Работа делегаций ограничилась утверждением внесенного на их рассмотрение временного общеимперского бюджета. Бюджет этот составлен на основании бюджета 1911 г. всего на шесть месяцев, так что кредиты по оному истекут 31 октября [пов. ст.] 1912 г. До того времени правительство не теряет надежды провести в парламентах обеих частей монархии военный закон, и тогда для разрешения расходов двух последних месяцев текущего года и всего 1913 г. в соответствии с требованиями нового военного закона в Будапеште собраны будут делегации в продолжительную сессию будущей осенью.

Итак, попрежнему центром тяжести всей внутренней политики монархии в настоящий момент остается вопрос о проведении военного закона. Им и занят главным образом новый министр-президент Венгрии г. Лукач; в ожидании возобновления работ венгерского парламента, прерванных сессией делегаций, он успел не только упрочить свое положение в своей собственной партии, но и кое о чем столковаться со многими членами оппозиции. Впрочем, как говорят, с главой последней, г. Юштом, он все-таки не успел сговориться. Хотя г. Лукач уже ознакомил печать со своей политической программой, я не считаю нужным ныне же утруждать ею ваше внимание, предоставляя себе донести о политике нового венгерского министра-президента, когда выяснится общее положение в Венгрии и когда лучше можно будет судить о том, какие шансы на проведение в жизнь имеет пежелательный с нашей точки зрения новый военный закон.

Примите и пр.

Н. Гирс.

---

[1] Приложение не воспроизводится.

№ 864. Посланник в Афинах товарищу министра иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 30. 7 мая/24 апреля 1912 г.

Крит.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 29 [1].

Венизелос собрал нас сегодня и высказал соображения, в ней изложенные, прибавив, сверх того, что царящее здесь и на Крите возбуждение значительно усиливается вследствие распространения театра военных действий на острова с греческим населением. Ввиду этого министр, коего личное положение становится все более затруднительным, убедительно просит освободить депутатов, причем ручается за успех личного своего на них воздействия, а также и за то, что с его стороны будут приняты, в маловероятном случае неудачи, все меры к недопущению их в палату. А если бы меры эти вплоть до усиления афинского гарнизона ко дню открытия палаты не привели к желаемому результату, он твердо намерен выйти в отставку, ибо не счел бы возможным удерживать власть после столь серьезной неудачи. Так как министр просил нас спешно передать вышеизложенное нашим правительствам, то покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить настоящую телеграмму в Ливадию [2].

Свербеев.

№ 865. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Депеша № 22. 7 мая/24 апреля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из полученного мной с последним курьером доверительного письма вашего высокопревосходительства от [18] 5 сего апреля за № 210 [3] явствует, что ходатайство сербского правительства о разрешении командировать в Россию особую миссию с гг. Пашичем или Миловановичем во главе, без сомнения, возникло на почве какого-либо недоразумения.

В самом деле, как ваше высокопревосходительство изволили усмотреть из моей депеши по сему предмету от [8 апреля] 26 минувшего марта за № 17 [4], сербский посланник в Софии Спалайкович, со слов председателя совета министров Гешова, сообщил по телеграфу г. Миловановичу, будто с высочайшего соизволения даневская депутация отправляется в Ливадию для представления от имени софийского правительства третьих экземпляров сербо-болгарских секретных

---

[1] В тел. от 5 мая/22 апр. за № 29 Свербеев сообщал: «От сотоварищей узнал об английском предложении содержать арестованных депутатов [см. стр. 469, прим. 1] на берегу, на судах или на Мальте. Слух об этом проник уже в печать. Особенно компетентное и весьма осведомленное лицо сообщило мне следующее: «Дальнейшее задержание арестованных, не говоря уже об отправлении их на Мальту, грозит вызвать и здесь, и на Крите серьезные беспорядки. Влиятельные враги Венизелоса организуют вооруженные демонстрации находящихся здесь многочисленных критян, временное же правительство острова, состоящее из ярых революционеров, всячески старается вызвать реоккупацию. Между тем Венизелосу удалось образумить критских уполномоченных. Подобное же воздействие становится при длительном задержании, а тем более при высылке на Мальту, невозможным. Таким образом настоящий фазис критского вопроса легко может окончиться греко-турецкой войной, чего турки только и желают». Мне кажется, что действительно настоящий случай является выгодным предлогом для всяких беспорядков. Для того, чтобы воспрепятствовать появлению критских депутатов в афинской палате, казалось бы, следовало арестовать всех 69 уполномоченных и на все время сессии». Задержание же одной лишь части их, по мнению Свербеева, когда остальные пользуются свободой на Крите и в самих Афинах, «могло бы быть объяснено лишь целью доказать недопустимость демонстративного нарушения воли держав, для каковой цели значение имеет только самый факт, а не продолжительность ареста». Содержание этой тел. было передано Нератовым в Париж и Лондон 8 мая/25 апр. за № 834.

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым на следующий день Сазонову в Ялту, а также в Лондон и Париж за № 833.

[3] См. № 774.

[4] См. стр. 419, прим. 1.

конвенций. Только на основании сего и ввиду состоявшегося уже между обеими сторонами предварительного уговора, сербские министры решились ходатайствовать перед императорским правительством о дозволении им в одинаково благожелательных условиях представить свои экземпляры соглашений.

Ныне, пользуясь преподанными мне указаниями, я не преминул, конечно, рассеять возникшее недоразумение и осветить должным образом цель и характер поездки г. Данева в Ливадию. Как Пашич, так и Милованович, само собой разумеется, вполне удовлетворились этими разъяснениями. Им самим, впрочем, хорошо известно, что в настоящее время не может быть и речи о передаче императорскому правительству вышеупомянутых актов, так как до сих пор еще не заключена военная конвенция, некоторые статьи которой должны быть окончательно выработаны на совещании начальников генерального штаба обоих государств — генерал-майора Фичева и генерала Путника.

Повидимому, наиболее затруднительным представляется решение вопроса о *единоличном командовании* сербским и болгарским отрядами при их совместных военных действиях. Общепринятый порядок, а именно передача командования военачальнику, старшему в чине, не всегда может быть применен по отношению к сербской армии, где число офицеров в чине «генерала» (без подразделений на чины генерал-майорский и генерал-лейтенантский) до крайности ограничено и где посему дивизиями сплошь и рядом командуют заслуженные полковники и подполковники.

Уладить все эти затруднения и является задачей вышеупомянутого совещания.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 866. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 206. 7 мая/24 апреля 1912 г.

Малоазиатские железные дороги.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 189 [1] и 204 [2].

На мой вопрос, какой ответ может он мне дать по поводу железных дорог, Ассим-бей сказал, что, переговорив с великим визирем, он может заявить, что его правительство готово принять в соображение коммерческие интересы обеих держав, но просит в частной беседе указать ему, какие именно гарантии мы желали бы получить. Дальнейшие объяснения имели затем частный, доверительный и не связывающий нас характер. Ассим заявил, что он ошибся, указывая Чарыкову на восьмилетний срок [3] для окончания проектированных дорог, что дороги эти, как оказывается, могут быть готовы лишь через двенадцать лет, что вообще крайне желательно сговориться и что относительно сроков дальнейших построек можно принять в расчет нежелательность пользования ими со стороны иностранцев для вытеснения наших товаров из Персии, пока мы там окончательно не окрепнем. Как личное мнение, он указал на возможность установить тарифные льготы, говоря, что не может допустить мысли, что мы хотим совсем лишить Турцию права поднять экономическое развитие ее областей путем железных дорог. Я отклонил вопрос о тарифах. Ввиду настояний министра на вопросе о сроках я, оговаривая то, что выражаю лишь свое личное мнение, заметил, что дело не в одних сроках, а в территориальной зоне, в которой постройка железных дорог по направлению как к нашей, так и к персидской границам, несомненно будет наносить ущерб нашим торговым интересам. На запрос определить эту зону я возразил, что несомненно и часть предполагаемых ныне к постройке линий входит в эту зону. Министр, не возражая, избегал вопроса о площади, стремясь перевести разговор на сроки, утверждая, что, желая сохранить дружбу России, он готов

[1] См. № 831.
[2] См. стр. 485, прим. 4.
[3] См. № 588.

принять во внимание русские торговые интересы, если даже от этого до некоторой степени пострадают интересы Турции. Он просил меня испросить инструкций императорского правительства касательно требуемых нами гарантий. Не ручаясь за успех дела, я все же считаю, что настало время более определенно указать наши требования и прошу инструкций вашего высокопревосходительства. В беседе я частным образом указал на линии восточнее Самсун — Сиваса, как бесспорно нам вредные, но думаю, что французская компания будет настаивать на доведении линии до Эрзингяна. Думаю равным образом нужным теперь же определенно указать, что запретная зона должна быть доведена до Ханекена, хотя в этом мы можем встретить противодействие министра путей сообщения. Имея в виду эту площадь, я и говорил о направлении дорог как к русской, так и к персидской границам. Думаю также, что нельзя будет избегнуть совершенно вопроса о сроках, но, быть может, удастся удлинить их до того времени, когда все дороги у нас будут достроены.

Гирс.

№ 867. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 835. 8 мая/25 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Свербеева № 30 [1].

Благоволите обратить самое серьезное внимание правительства, при коем вы аккредитованы, на тревожность создавшегося положения [2] и сообщить его мнение о возможных решениях по содержанию телеграммы Свербеева [3].

Нератов.

№ 868. Товарищ министра иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 596. 8 мая/25 апреля 1912 г.
Секретно. Спешно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [25—26] 12—13 сего апреля за № 368 [4] запрошено было заключение нашего посланника в Тегеране относительно наилучшего способа осуществления выдачи персидскому правительству нашей доли нового аванса в размере 50 000 ф. ст. При этом действительному статскому советнику Поклевскому-Козелл было разъяснено, что если Учетно-ссудный банк Персии лишен возможности совершить эту операцию, то таковая могла бы быть совершена лишь при помощи какого-либо иностранного кредитного учреждения. Далее было указано на то, что тем не менее операцию эту желательно осуществить при посредстве нашего банка, которому персидское правительство могло бы, быть может, вручить на требуемую сумму «боны» для реализации их через какой-либо заграничный банк по нашему усмотрению.

В ответ на это посланник изложил подробно свой взгляд на дело в прилагаемой при сем в копии секретной телеграмме от [3 мая] 20 сего апреля за № 372 [5]; как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, г. Поклевский-Козелл находит все же предпочтительным, чтобы аванс был выдан непосредственно нашим банком, который, по имеющимся у него сведениям, располагает не только

[1] См. № 864.

[2] Далее зачеркнуто: «и на крайнюю опасность допустить отставку Венизелоса, последствием которой были бы неисчислимые затруднения. Мы склонны со своей стороны исполнить его просьбу об освобождении депутатов и ожидаем срочного сообщения вашего о взгляде французского (английского) правительства».

[3] Публикуемая тел. была переслана Нератовым в тот же день Сазонову в Ялту за № 836.

[4] См. стр. 455, прим. 2.

[5] Тел. Поклевского от 3 мая/20 апр. за № 372 в основном изложена в публикуемом документе.

необходимыми для сего деньгами, но мог бы, в случае крайности, если бы вопрос о крупном займе почему-либо затянулся дольше осени, притти на помощь шахскому правительству еще в таковой же сумме.

Не вдаваясь в обсуждение сообщенных посланником соображений и покорнейше прося ваше высокопревосходительство почтить меня по ним своим заключением, я позволю себе лишь указать на обстоятельства, которым министерство иностранных дел придает особенное значение.

Представляется безусловно желательным, чтобы наша доля аванса была выдана персам возможно скорее, так как великобританское правительство, во внимание к безвыходному положению шахского правительства, уже распорядилось уплатой последнему 25 тысяч томанов. Далее представляется весьма важным, чтобы Учетно-ссудный банк принял участие в этой операции, хотя бы лишь в качестве посредника. При этом следовало бы однако не упускать из виду, что у нас уже были некоторые разговоры по поводу этого аванса с Парижско-Нидерландским банком и что возвращение к прежней комбинации с Зелигманом было бы нежелательно, ввиду намерения нашего, при выраженном уже на то согласии Англии, предоставить реализацию будущего крупного персидского займа банкам, входящим в состав общества по изучению вопроса о Трансперсидской железной дороге.

Наконец, особенное значение министерство иностранных дел придает вопросу об оказании возможной поддержки исправляющему ныне должность главного казначея Персии г. Морнару, человеку безусловно нам преданному. Надо заметить, что положение этого чиновника чрезвычайно трудное, так как он, в отличие от своего предместника Шустера-Моргана, лишен какой-либо опоры на месте и имеет явно против себя английский Шахиншахский банк. Персидские министры, вынужденные в свое время сильно считаться с Шустером, ввиду могущественной поддержки, которой последний пользовался со стороны меджлиса и националистов, относятся к Морнару совершенно иначе, и лишь сознание, что он может добыть Персии нужные средства, может упрочить положение нашего ставленника. В случае же оставления Морнаром означенного поста, таковой легко может быть замещен лицом, вроде Шустера, который, как известно, не стеснялся действовать открыто в ущерб нашим интересам, как, например, в вопросе о поставке серебра на персидский монетный двор, и из-за которого мы вовлечены были в серьезный конфликт с персидским правительством.

Передавая об изложенном на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и в ожидании вашего возможно скорого отзыва по содержанию настоящего письма, примите и пр.

Нератов.

№ 869. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 8 мая/25 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За последнее время я имел несколько длинных бесед с гг. Титтони и Пуанкаре. Итальянский посол продолжает жаловаться на положение, занятое Францией по отношению к Италии, в особенности на настроение французской печати и французского общественного мнения. Со своей стороны, я прилагаю все усилия к тому, чтобы сглаживать существующие между ним и г. Пуанкаре шероховатости, подчеркивая все действия французского правительства в пользу Италии, например, отказ его произвести давление на римский кабинет в вопросе о Дарданеллах. Г. Пуанкаре неизменно уверяет меня в отсутствии у него всякой враждебности к Италии. По его словам, в Риме на него возводятся два обвинения: во-первых, что он стремится воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы заручиться в Турции экономическими выгодами для Франции, и во-вторых,

[1] Опубл. М., стр. 192.

что он выполняет лишь букву, а не дух франко-итальянского соглашения 1904 года [1], ибо тогда как Италия на Алжесирасской конференции открыто и энергически поддерживала притязания Франции на Марокко, он, будто бы, относится к итальянским требованиям по отношению к Триполи вполне пассивно, не препятствуя, но и не благоприятствуя им. Г. Пуанкаре заявляет, что оба эти обвинения совершенно неосновательны: со времени открытия военных действий Франция не получила в Турции ни одной экономической выгоды. Затем, если Франция не поддерживает более энергично итальянские требования на Триполи, то это зависит прежде всего от обязанностей, налагаемых на нее нейтралитетом. Если бы спор происходил не с оружием, а вокруг зеленого стола, как в Алжесирасе, он мог бы выступить гораздо энергичнее в пользу Италии.

В одном гг. Титтони и Пуанкаре вполне сходятся, а именно в убеждении, что необходимо как можно скорее найти средство положить конец военным действиям, от которых страдают не только итальянские, но и общеевропейские интересы. Г. Титтони несколько раз высказывал и мне, и г. Пуанкаре, что при нынешних обстоятельствах это возможно только путем изыскания такой формулы, которая в одинаковой степени оградила бы самолюбие как Италии, так и Турции: «il n'est possible de sortir de la situation présente que par une équivoque» [2]. Г. Пуанкаре совершенно с этим согласен, но до сих пор не видит возможности побудить стороны к обсуждению подобной формулы. Со своей стороны, я вполне разделяю мнение гг. Пуанкаре и Титтони и думаю, что в дипломатической истории последнего тридцатилетия имеются прецеденты, могущие облегчить приискание подходящей формулы. В этом отношении весьма интересна история переговоров 1884—1885 гг. между Францией и Китаем, столкновение между коими из-за Тонкина до некоторой степени аналогично с нынешней итальянско-турецкой распрей из-за Триполи. В то время стороны начали с того, что заключили (11 мая [нов. ст.] 1884 г.) предварительную конвенцию (convention préliminaire), в которой тщательно обойдены все щекотливые вопросы. Некоторые статьи ее, весьма искусно редактированные, могут, мне кажется, послужить образцом для будущей итальянско-турецкой конвенции, например статья 3-я, гласящая: «Le gouvernement français s'engage à n'employer aucune expression de nature à porter atteinte au prestige du Céleste Empire dans la rédaction du traité définitif qu'il va contracter avec l'Annam et qui abrogera les traités antérieurs relatifs au Tonkin» [3]. Окончательная франко-китайская конвенция (9 июня [нов. ст.] 1885 года) также содержит несколько статей такого же рода, например статья 2-я: «La Chine décidée à ne rien faire qui puisse compromettre l'œuvre de pacification entreprise par la France, s'engage à respecter, dans le présent et dans l'avenir, les traités, conventions et arrangements directement intervenus ou à intervenir entre la France et l'Annam. En ce qui concerne les rapports entre la Chine et l'Annam, il est entendu qu'ils seront de nature à ne point porter atteinte à la dignité de l'empire chinois et à ne donner lieu à aucune violation du présent traité» [4]. Я счел полезным указать на приведенные выше примеры г. Титтони, который очень ими заинтересовался и обещал обратить на них внимание своего правительства. Г. Пуанкаре также находит, что текст конвенций 1884 и 1885 гг. может послужить весьма ценным прецедентом и считает особенно счастливой мысль

---

[1] Так в оригинале. Имеется в виду франко-итал. соглашение от 1 ноября/19 окт. 1902 г.

[2] «из настоящего положения можно выйти только обиняком».

[3] «Французское правительство обязуется не употреблять никаких выражений, способных нанести ущерб престижу Небесной империи, в редакции окончательного договора, который оно заключит с Аннамом и который аннулирует предшествующие договоры, касающиеся Тонкина».

[4] «Китай, решивший не предпринимать ничего, что могло бы компрометировать дело замирения, предпринятое Францией, обязуется уважать, в настоящем и будущем, трактаты, конвенции и соглашения, непосредственно заключенные или которые могут быть заключены между Францией и Аннамом. Что касается отношений между Китаем и Аннамом, то признается установленным, что они будут такого характера, что не нанесут ущерба достоинству китайской империи и не дадут повода к какому-либо нарушению настоящего трактата».

начать дело замирения с «прелиминарной» конвенции. Позволяю себе рекомендовать и вам изучение текста сказанных конвенций, напечатанных в издании французского министерства иностранных дел: «Documents diplomatiques. Affaires du Tonkin 1884—85».

До самого последнего времени здешний турецкий посол самым энергическим образом отрицал всякую возможность для Турции отступиться от занятого ею непримиримого положения. Но на сегодняшнем дипломатическом приеме он проронил несколько слов, внушивших г. Пуанкаре предположение, что турецкое правительство ищет мирного исхода из создавшегося тупика. Рифаат-паша начал с того, что спросил у г. Пуанкаре, правда ли, что в Петербурге возникла мысль подвергнуть вопрос о Триполи обсуждению международной конференции? Г. Пуанкаре ответил, что о подобном проекте ему известно лишь из газет, и в свою очередь спросил Рифаата, как отнеслось бы турецкое правительство к мысли о конференции? Рифаат-паша ответил, что лично он — не сторонник этой мысли, но что об отношении к ней Порты ему ничего неизвестно. Через несколько минут Рифаат опять, по собственному почину, вернулся к вопросу о конференции и спросил, думает ли г. Пуанкаре, что, в случае созыва таковой, было бы возможно ограничить круг ее обсуждения одним только предметом, т. е. решением вопроса о Триполи? Г. Пуанкаре поспешил ответить, что, по его убеждению, подобное ограничение вполне возможно. На этом разговор прекратился, но г. Пуанкаре вынес из него впечатление, что вопрос о конференции занимает умы в Константинополе и что Турция, может быть, не прочь направить державы на этот путь, который в конце концов привел бы ее к подчинению воле не одной Италии, а всей Европы.

Я вошел к г. Пуанкаре тотчас после турецкого посла и нашел его под впечатлением вышеописанной беседы, о сущности коей он намерен поставить в известность французских послов в Петербурге, Лондоне и Константинополе. Замечательно, что, ожидая вместе со мной своей очереди в приемной министра, Рифаат-паша обратился ко мне с тем же вопросом о будто бы предположенной в Петербурге конференции. В ту минуту я не обратил на этот вопрос особенного внимания и ответил ему, что это, вероятно, газетная выдумка. Но мне кажется, что г. Пуанкаре прав, и я не премину воспользоваться первым случаем, чтобы опять навести Рифаат-пашу на этот предмет. Во всяком случае считаю своим долгом обратить ваше внимание на вышеописанный разговор Рифаата с г. Пуанкаре, заключающий, может быть, некоторые указания на состояние в данную минуту турецкой психологии.

Примите и пр.

Извольский.

№ 870. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 8 мая/25 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Бывший председатель французской палаты депутатов, депутат и член французской академии Поль Дешанель, прибыл в Вену после своего путешествия по балканским государствам. Выдающийся французский государственный деятель состоит уже четыре года председателем комиссии, касающейся французской иностранной политики, и шесть лет докладчиком по бюджету министерства иностранных дел. Его политические изложения считаются всегда совершенством ораторского искусства и им придают значение и в австрийских политических кругах. Желая лично ознакомиться с политическими вопросами Ближнего Востока и с французским представительством, о котором ему приходится говорить в своих изложениях перед палатой депутатов, г. Дешанель решил посетить Болгарию, Сербию и Румынию, познакомиться с местными государственными деятелями.

На обратном пути он остановился в Вене, чтобы рассеять впечатление, ложно, по его мнению, вынесенное из его речи, произнесенной во французской академии касательно будущности австро-венгерской монархии.

Прием, оказанный Дешанелю в Вене, может вполне удовлетворить его самолюбие. Император Франц-Иосиф принял Дешанеля в продолжительной частной аудиенции и очаровал его, судя по тому, что мне сказал Дешанель, своей изысканной любезностью и желанием установить самые сердечные отношения с Францией. Приезд Дешанеля был очень приятен графу Берхтольду, который явно выказывает во всем свою политику сближения с Францией, как и с Россией; по отношению к Франции это сближение должно было бы принять даже более интимный характер, так как ничто не разъединяет эти две державы, и Австро-Венгрия, по мнению Берхтольда, не должна забыть, что Франция выказала по отношению к ней крайне корректные отношения во время пережитого острого кризиса после присоединения Боснии и Герцеговины.

Граф Берхтольд предполагает, что Дешанелю предстоит еще в будущем немаловажная политическая роль. Он видит в нем и возможного министра иностранных дел,и серьезного и желательного кандидата на пост президента французской республики, хотя вполне неосновательно было заявлено в некоторых органах здешней прессы, что он не является кандидатом на это наследование Фальера. На мой вопрос, на чем основано такое утверждение, приписанное Думеру и ему, что они не будут кандидатами, Дешанель мне ответил, что от Версальского конгресса будет зависеть выставить того кандидата, который может рассчитывать на большинство голосов, и никто не отклонит эту честь.

Находясь со времени моего продолжительного пребывания во Франции [1] в дружеских отношениях с Дешанелем, я мог навести его на откровенную беседу насчет его личных впечатлений. Дешанель отзывается с большой благодарностью о гостеприимстве короля Фердинанда, который выказал по отношению к нему особенное внимание. Он совершил все свои поездки по окрестностям Софии в автомобиле короля болгарского. По мнению Дешанеля, малейшая искра на Балканах, агрессивные меры Италии, даже повторение бомбардировки Дарданелл может вызвать вторжение Болгарии и Сербии в турецкие владения. Одна только политика status quo великих соседних держав способна удержать мир на Балканах. С большим уважением отзывается Дешанель о короле румынском, но он убежден, что Румыния вполне предалась Тройственному союзу.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 871. Товарищ министра иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Телеграмма № 849. 9 мая/26 апреля 1912 г.

Сообщается в Пекин.

Германский посол сообщил, что японское правительство обратилось к германскому с указанием на то, что в связи с переговорами о китайском реорганизационном займе, оно оговаривает свои специальные права и интересы не только в Южной Манчжурии, но и в Монголии. Германское правительство готово отнестись с должным уважением к русским специальным правам в Монголии, как основанным на особых русско-китайских договорах, но оно не знает о существовании подобных договоров между Китаем и Японией и потому недоумевает, о каких специальных японских правах в Монголии может итти речь.

Я ответил германскому послу, что Южно-Манчжурская железная дорога обслуживает часть территории, занятой монгольскими кочевьями. Весьма вероятно, что японское правительство имеет в виду специальные права, которые создались у Японии именно в этой части Монголии и вытекают из факта ее тяготения к Южно-Манчжурской железной дороге. Подобно сему, и императорское правительство, оговаривая свои специальные права в Северной Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане, разумеет не только права, основанные на русско-китайских договорах, но всю сумму прав и интересов политических и эко-

[1] См. стр. 9, прим. 1.

номических, вытекающих из пограничного с Россией положения этих областей и не всегда укладывающихся в рамки торговых договоров.

Благоволите в строго доверительной форме ознакомить с вышеизложенным министра иностранных дел, подчеркнув, что таким ответом германскому послу мы имели в виду поддержать положение, занятое в настоящем вопросе Японией.

Нератов.

№ 872. Министр иностранных дел товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма [1]. Ялта, 9 мая/26 апреля 1912 г.

Получил №№ 833 [2] и 836 [3].

При упомянутых в них условиях считаю необходимым поддержать Венизелоса и выпустить арестованных депутатов. Переговорите в этом смысле с представителями держав-покровительниц и предложите Шебунину действовать в этом смысле в согласии с французским и великобританским коллегами.

Сазонов.

Да.

Ливадия, [9 мая] 26 апреля 1912 г.

№ 873. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

№ Телеграмма № 118. 9 мая/26 апреля 1912 г.

Reçu №№ 833 [2], 834 [4] et 835 [5].

J'ai demandé à Nicolson s'il avait reçu du ministre d'Angleterre à Athènes un télégramme correspondant à celui de Sverbéew dont lui ai communiqué contenu. Nicolson me fit lecture de ce télégramme. O'Beirne est chargé de vous faire une proposition à ce sujet. Nicolson est d'avis que danger de guerre greco-turque interviendrait surtout si députés crétois étaient reçus á la Chambre grecque, la Turquie considérerait ce cas comme casus belli. Il n'a pas confiance entière dans l'influence de Vénizélos. Nicolson me dit qu'il craint que les représentants étrangers à Athènes prennent en considération la situation locale, plus que la situation en général. C'est ce qui inspire la proposition du Cabinet de Londres [6].

Benckendorff.

Перевод.

Получил №№ 833, 834 и 835.

Я спросил у Никольсона, получил ли он от английского посланника в Афинах телеграмму, соответствующую телеграмме Свербеева, содержание которой я ему сообщил. Никольсон прочел мне эту телеграмму. О'Берну поручено сделать вам предложение по этому

---

[1] Номер отсутствует.
[2] См. стр. 508, прим. 2.
[3] См. стр. 510, прим. 3.
[4] См. стр. 508, прим. 1.
[5] См. № 867.
[6] Пам. запиской от 10 мая/27 апр. О'Берн сообщил м-ву ин. дел, что, по мнению англ. прав-ва, предпочтительнее освободить критских депутатов, «если окажется возможным помешать их будущим попыткам отправиться в Афины». В заключение О'Берн просил, по поручению Грея, дать инструкции представителям трех держав в Канее заявить критскому прав-ву следующее: «Депутаты будут освобождены лишь при условии, что критское правительство и лидеры политических партий примут обязательство не делать больше попыток в будущем посылать депутатов в Афины».

Пам. запиской от 13 мая/30 апр. англ. пос-во в Петербурге сообщило м-ву ин. дел, что председатель критского прав-ва заявил англ. ген. консулу в Канее следующее: «Арестованные критские депутаты никогда не дадут обязательства не возобновлять попыток отправиться в Афины, хотя они готовы обязаться не покидать больше Крит демонстративно».

*

вопросу. По мнению Никольсона, опасность войны между Грецией и Турцией может возникнуть главным образом в том случае, если критские депутаты будут приняты в палату депутатов Греции; такое обстоятельство Турция рассматривала бы как casus belli. Он не имеет полной уверенности во влиянии Венизелоса. Никольсон высказал мне опасение, что иностранные представители в Афинах принимают больше во внимание местную обстановку, чем общее положение. Этим и объясняется предложение лондонского кабинета.

Бенкендорф.

№ 874. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 62. 9 мая/26 апреля 1912 г.

Получил телеграммы №№ 833, 834 [1], 835 [2].

Сейчас говорил по их содержанию с Палеологом. Здесь считают, что всякая уступка вроде освобождения задержанных критских депутатов послужит лишь только усилению возбуждения на острове и поощрению агитационной там деятельности. По его мнению, английское правительство отнесется к предложению Венизелоса еще более отрицательно, нежели французское. Здесь думают также, что шаг Венизелоса рассчитан на приобретение большей популярности и что обстоятельства пока не вызывают особых опасений. В случае наступления острого положения державам-покровительницам придется приступить к реоккупации острова. Об английском предположении содержать арестованных депутатов на Мальте здесь ничего не известно.

Извольский.

№ 875. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 9 мая/26 апреля 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Прежде всего позвольте мне самым искренним образом поздравить вас с успехом вашей думской речи [3]. Здесь она произвела самое хорошее впечатление и много способствовала успокоению умов насчет целей нашей политики, о которой не без умысла пускается в обращение столько басен. При полном отсутствии материальных средств для воздействия на печать, для меня крайне трудно направлять здешнее общественное мнение и бороться с тенденциозными слухами, пускаемыми иногда не только нашими врагами, но иногда и друзьями, напр. итальянцами, силящимися представить в преувеличенном виде наше италофильство. Вот почему я с особенным нетерпением ожидал вашего авторитетного выступления в Думе. Те, кто принципиально восстают против подобных выступлений, очевидно, не отдают себе отчета в том, какое это могучее орудие в руках министра иностранных дел и как было бы невыгодно для целей русской политики лишить его этого орудия.

Со времени моего последнего письма [4] я имел несколько серьезных разговоров с г. Пуанкаре по вопросу о Ж. Луи. Я изложил ему в осторожной форме, но с полной откровенностью причины, по коим желательно, как можно скорее, заменить его другим лицом. Мне, кажется, удалось вполне убедить его, и отозвание Ж. Луи *в принципе окончательно решено*. Но остается главная трудность: во-первых, приискать ему другой пост, а во-вторых, найти кандидата в Петербург. Ж. Луи имеет здесь крупное личное положение и сильные парламентские протекции, а потому простое удаление его на покой едва ли возможно. Что касается его заместителя, то французская дипломатическая карьера крайне бедна подходящими кандидатами. Наилучшим из них был бы нынешний посол в Мадриде Жоффре.

---

[1] См. стр. 508, прим. 1 и 2.
[2] См. № 867.
[3] См. стр. 467, прим. 2.
[4] См. № 750.

Сейчас он намечается в Вену, на место Крозье [1], но ввиду затянувшихся переговоров с Испанией, от которых его невозможно отвлечь, это назначение вряд ли состоится, и ныне Пуанкаре ищет другого кандидата в Вену. К сожалению, Жоржа Луи туда назначить нельзя, по тем же причинам, по которым он мало подходит к требованиям Петербурга. Мне известно, что г. Пуанкаре на-днях зондировал г. Жоффре насчет эвентуального назначения его в Петербург и получил в ответ настойчивую просьбу не посылать его в северный климат, так как он давно и серьезно болен и боится санитарных условий Петербурга. Таким образом, вероятнее всего, что в Петербург будет послан outsider, т. е. один из выдающихся политических деятелей. В таком случае наибольшие шансы имеет известный Paul Deschanel, бывший председатель палаты депутатов, член Французской академии и т. д. Здесь его считают наиболее блестящим представителем так называемой «République Athénienne» и сам он мнит себя чуть ли не преемником корифеев века Людовика XIV. На мой вкус — это типичный французский журналист, напыщенный и вульгарный, и совершенно не подходящий ни к общественным, ни к политическим условиям Петербурга. Лично у меня имеется несравненно лучший кандидат — это маркиз де Бретейль, бывший депутат, необыкновенно умный, с большим состоянием и широкими политическими взглядами. Он находился в тесной дружбе с королем Эдуардом VII и в настоящую минуту у него гостит молодой принц Валлийский. Г. Пуанкаре вполне оценивает его достоинства и, если бы дело зависело только от него, я уверен, что мне удалось бы провести эту кандидатуру; но следует опасаться узкости взглядов остальных министров и влиятельных парламентеров [2], для которых Бретейль является представителем ненавистного аристократического класса, тщательно отстраняемого от высших дипломатических постов. Вы видите, что за последние две недели мне удалось значительно подвинуть этот вопрос. Затем очень прошу вас не торопить меня с этим делом и покуда ограничиться уже внесенными вами изменениями в способ ваших сношений с парижским кабинетом. В августе вы лично увидитесь с Пуанкаре, и если к тому времени Луи не будет смещен, вы сами можете докончить начатое мною дело. Чем ближе я знакомлюсь с Пуанкаре, тем более я убеждаюсь в справедливости моей оценки его личности, и я убежден, что он вам понравится.

Искренне преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 876. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [3]. 9 мая/26 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом дополнить некоторыми подробностями последовательные телеграммы мои, поставившие вас, вкратце, в известность об отношении французского правительства к вопросу о закрытии Дарданелл [4]. Я имел по этому поводу несколько разговоров с г. Пуанкаре как до, так и после решения Порты вновь открыть их для международной торговли. Из разговоров этих я вынес вполне определенное впечатление, что если, с одной стороны, г. Пуанкаре приложил самые энергические усилия, чтобы добиться фактического разрешения этого вопроса в нашу пользу, с другой стороны, он не вполне убежден в основательности выдвигаемого нами юридического тезиса об обязанности Турции предоставлять нейтральным судам свободный проход через проливы как в мирное, так и военное время; г. Пуанкаре не скрыл от меня, что в своих разговорах с турецким послом и в своих инструкциях Бомпару он становился лишь на точку зрения практической необходимости (à un point de vue d'opportunité), оставляя в стороне пра-

[1] См. № 812.
[2] Так в оригинале. Следует читать: «парламентариев».
[3] Опубл. Stieve, II, S. 106, № 276.
[4] См. № 811 и примечания к нему.

вовую сторону вопроса. Он признался мне также, что лично, по внимательном прочтении текстов, он скорее склонялся к отрицательному разрешению последнего вопроса; но, не довольствуясь в столь важном деле личным изучением вопроса, он намеревался подвергнуть его рассмотрению специалистов по международному праву как раз в ту минуту, когда было получено известие о решении Порты исполнить наши требования [1]. В разговоре со мной г. Пуанкаре не отрицал, что Проливы поставлены трактатами в особое положение и что на Турции лежит известного рода сервитут по отношению к международной торговле, но за отсутствием вполне ясных постановлений об их интернационализации, вроде тех, которые существуют по отношению к Суэцкому каналу [2], вряд ли возможно отрицать право оттоманского правительства, в случае неминуемой военной опасности, принимать необходимые меры защиты. На мое замечание, что по нашему мнению защита Дарданелл может вполне успешно быть обеспечена, помимо полного их закрытия, г. Пуанкаре ответил, что он склонен разделить это мнение, но что это опять-таки вопрос факта, а не права. В разговоре со мной г. Пуанкаре высказал, кроме того, как бы вскользь, мысль, на которую я также считаю долгом обратить ваше внимание, а именно, что если бы окончательно восторжествовала наша мысль об обязанности Турции держать проливы открытыми для нейтральной торговли, как в мирное, так и в военное время, это в конце концов привело бы к формальной их интернационализации, тем более, что это было бы согласно с общим направлением современного международного права. Это, по его мнению, нам необходимо иметь в виду, дабы не оказаться впоследствии в противоречии с собственными нашими политическими интересами и стремлениями.

Что касается специального вопроса о праве требовать вознаграждения за убытки, причиненные нейтральным судам, то, по мнению г. Пуанкаре, разрешение его в том или другом смысле всецело зависит от решения принципиального вопроса о праве Турции закрывать Дарданеллы во время войны [3].

Имея в виду, что рассматриваемый вопрос, несмотря на принятое ныне Турцией решение, может опять неожиданно выдвинуться, а также, что он во всяком случае послужит предметом всестороннего теоретического изучения со стороны французского правительства и французских юристов, я был бы чрезвычайно признателен вам за сообщение мне подробных соображений, могущих вооружить меня аргументами в пользу поддерживаемого нами тезиса, на случай дальнейших объяснений моих с г. Пуанкаре по сказанному вопросу.

Примите и пр.

Извольский.

№ 877. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 9 мая/26 апреля 1912 г.

Mon cher Ministre,

Vous m'excuserez d'être si prolixe dans cette expédition, mais j'ai cru devoir vous soumettre en détail les événements de cette quinzaine, — certains faits pouvant vous être utiles.

Je complète ma lettre au sujet de «l'immortel» Deschanel par certains aveux d'ordre privé [4]. Deschanel m'a dit que ses bonnes relations avec Delcassé ont été troublées par les reproches qu'il a cru devoir lui faire au sujet de la question du Maroc. Il lui a déclaré qu'il avait commis une grosse faute de n'avoir pas entamé

---

[1] См. № 845.

[2] Имеется в виду конвенция, заключенная в К-поле 29/17 окт. 1888 г., относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу, согласно которой «морской Суэцкий канал как в военное, так и в мирное время будет всегда свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов, без различия флага». (Участники конвенции: Россия, Германия, Австро-Венгрия, Испания, Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды и Турция).

[3] У Stieve последующая часть документа опущена.

[4] См. № 870.

ses pourparlers au sujet du Maroc simultanément avec l'Angleterre et l'Allemagne, — Agadir et ses conséquences inéluctables auraient pu être évitées. A l'heure présente le chauvinisme en France a atteint une telle puissance que la moindre imprudence commise par l'Allemagne, peut provoquer la guerre, on s'y est résigné dans le peuple même en France. Vis-à-vis de l'Espagne la politique suivie par la France n'a pas été prévoyante. Deschanel considère qu'à l'heure présente il doit rester à Paris et continuer à présider la commission parlementaire des affaires étrangères, ce qui lui permet d'exercer une influence sur les événements, il décline à la suite de cela toute proposition, qui aurait pu lui être faite, d'accepter une ambassade [1]. Il est un partisan convaincu de la première heure de l'alliance avec la Russie. Il voudrait des relations très amicales avec l'Autriche, correctes avec l'Allemagne. Modéré dans ses idées, l'avenir de la politique intérieure de l'Angleterre le préoccupe. Il est très partisan de Poincaré et il est heureux du choix du général Lyautey comme résident général au Maroc [2], — il l'avait chaudement recommandé. Il est probable que le comte de St.-Aulaire, conseiller à l'ambassade à Vienne, sera adjoint à celui-ci. Voici en résumé ce que Deschanel m'a dit.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

P. S. Très secret.

Je suis certain que la députation bulgare [3] n'a entendu que des paroles de grande sagesse et de prudence de la part de votre excellence et j'en suis fort aise, car mon collègue d'Italie dans ses derniers entretiens avec moi est revenu à deux reprises sur un entretien que Daneff aurait eu avec le ministre d'Italie à Sofia. Il aurait déclaré que si l'Italie renouvelerait le bombardement des Dardanelles, la Bulgarie et la Serbie ne pourraient contenir l'élan populaire qui pousserait à un conflit général.

J'apprends aussi que notre ministre en Serbie serait très contraire à l'idée de garder le plus profond secret sur l'arrangement serbo-bulgare. Ce serait fatal, si en Autriche cette convention était connue dans ses détails, nos relations deviendraient très pénibles.

Ut in litteris N. de Giers.

Перевод.

Дорогой министр,

Извините меня за то, что я так многоречив в этой экспедиции, но я счел долгом подробно изложить вам события последних двух недель, так как некоторые факты могут быть вам полезны.

Я дополняю свое письмо о «бессмертном» Дешанеле некоторыми признаниями частного порядка. Дешанель сказал мне, что его хорошие отношения с Делькассе омрачились вследствие упреков, которые он счел своим долгом сделать ему по поводу марокканского вопроса. Он ему заявил, что он допустил грубую ошибку, не начав переговоров о Марокко одновременно с Англией и Германией, в каковом случае можно было бы избежать Агадира с его неизбежными последствиями. В настоящее время шовинизм во Франции достиг такой силы, что малейшая неосторожность, допущенная Германией, может вызвать войну; даже народ во Франции покорился этой мысли. Политика Франции по отношению к Испании не была предусмотрительной. Дешанель считает, что в настоящее время он должен оставаться в Париже и продолжать председательствовать в парламентской комиссии по иностранным делам, что дает ему возможность влиять на события; вследствие этого он отклоняет всякое предложение, которое могло бы ему быть сделано, принять пост посла. С самого начала он был убежденным сторонником союза с Россией. Он желает весьма дружественных отношений с Австрией, корректных — с Германией. Он придерживается умеренного образа мыслей, его заботит будущность внутренней политики Англии. Он — убежденный приверженец Пуанкаре, он очень доволен, что на пост генерального резидента в Марокко выбран генерал Лиоте, — он его горячо рекомендовал. Возможно, что граф де Сент-Олер, советник посольства в Вене, будет назначен помощником резидента. Вот вкратце все, что сказал мне Дешанель.

Примите и пр.

Н. Гирс.

---

[1] Ср. № 875.
[2] См. стр. 458, прим. 1.
[3] См. № 790.

P. S. Весьма секретно.

Я уверен, что болгарская депутация услышала от вашего высокопревосходительства только слова благоразумия и осторожности, и я очень радуюсь этому, потому что мой итальянский коллега в последних беседах со мной два раза возвращался к одному разговору, который Данев, будто бы, имел с итальянским посланником в Софии. Он, будто бы, заявил, что, если Италия возобновит бомбардировку Дарданелл, Болгария и Сербия не сумеют больше сдерживать народного порыва, который вызовет общий конфликт.

Я узнал также, что наш посланник в Сербии большой противник сохранения в глубокой тайне сербо-болгарского соглашения. Это имело бы роковые последствия, если бы в Австрии узнали подробности этого договора, наши отношения сделались бы весьма тягостными.

Ut in litteris Н. Гирс.

№ 878. Записка министра иностранных дел [1].

·/. Ливадия, 10 мая/27 апреля 1912 г.

Вопросы, затронутые г. Даневым в разговорах со мной [2].

1) Адрианопольский вилайет. Болгары желают включения его в признаваемую нами за ними сферу влияния.

Адрианополь не входит в схему Сан-Стефанской Болгарии. Независимо от этого значение Адрианополя, как турецкого форпоста в случае осуществления болгарских народных вожделений, будет ничтожно, так как сама Турция превратится при этих обстоятельствах в державу 3-го разряда.

2) Желательность воздействия со стороны России для заключения таможенного союза между Болгарией и Сербией.

3) Существование переговоров между Болгарией и Грецией в видах заключения оборонительного союза за исключением, однако, того случая, когда столкновение между Грецией и Турцией было бы вызвано критским вопросом.

На это возражений не имеется. Мной было выражено только одобрение решению Болгарии не сообщать Греции о существовании сербо-болгарского соглашения.

Затруднительность полюбовного разграничения сфер влияния Греции и Болгарии в Македонии.

4) Относительно Румынии болгары начинают сомневаться в возможности внушить ей дружественные и доверчивые чувства.

5) Черногория. Затронута была возможность привлечь ее к сербо-болгарскому союзу.

Я возразил, что считал бы крупной ошибкой всякую попытку подобного привлечения, так как ввиду открытой вражды между Черногорией и Сербией всякое политическое соглашение между ними было бы неискренним, не говоря уже о том, что само существование союза стало бы неминуемо известно Австрии в весьма скором времени.

6) Желательность наискорейшего соглашения с Россией об уничтожении капитуляций. Нежелательно, чтобы в решении этого вопроса Австрия опередила Россию.

[1] Царск. экз.

[2] С. Д. Сазоновым. [Прим. оригинала, написано рукой Нератова.]

7) Желательность установления товарищеских отношений между русскими и болгарскими офицерами.

8) Австрия обещала допустить болгарского представителя в Дунайскую комиссию, но отказывает в этом преимуществе Сербии.

9) Болгария ведет переговоры с Румынией о совместной выработке правил плавания по Дунаю, для предотвращения вмешательства Австрии в эти вопросы.

10) Австрия старалась привлечь к себе Болгарию, давая ей еще в 1908 году надежду на раздел с ней Сербии и на предоставление ей Македонии. Болгары отклонили эти попытки и в этом вопросе король и народ находятся в полном единомыслии.

11) Болгарам потому важно скорейшее разрешение нынешнего неопределенного положения, что вследствие приемов турецкого управления в Македонии болгарский элемент все более теряет там почву.

12) Заем в Париже. Правительство республики относится благожелательно к этому вопросу, а финансовые круги ссылаются на непрочность политического положения. Получается нежелательное впечатление двойственности образа действия Франции.

На этот вопрос я обратил уже внимание императорского посла в Париже [1].

№ 879. Министр иностранных дел товарищу министра иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма [2]. Ялта, 10 мая/27 апреля 1912 г.

Телеграфирую Париж. Сообщаю копию в Софию.

Данев жаловался мне, что, несмотря на благоприятное отношение французских официальных кругов к проекту болгарского займа на парижском рынке, заем этот встречает противодействие финансовых сфер, ссылающихся на неспокойное общее положение. Данев указывает на получающееся таким образом впечатление неискренности Франции относительно Болгарии и просит нашего содействия к устранению препятствий займа, так как образ действий французов может заставить болгар снова обратиться в Вену, откуда они получат те же французские деньги, причем Австрия выиграла бы на комиссии. Не могу не согласиться с этими доводами и прошу вас объясниться в этом смысле с Пуанкаре и о последующем благоволите телеграфировать [3].

Сазонов.

---

[1] См. № 879.

[2] Номер отсутствует. Опубл. Stieve, II, S. 111, № 280.

[3] Тел. от 15/2 мая за № 68 (опубл. Stieve, II, S. 112, № 283) Извольский сообщал: «Французский министр финансов заявил болгарскому посланнику, что он согласен в принципе на заем в 180 000 000 франков и что заем этот может состояться в начале сентября нового стиля. Что касается гарантий, то он предоставляет болгарскому правительству разрешение этого вопроса путем непосредственных переговоров с банками и со своей стороны не ставит никаких ограничительных условий».

№ 880. Товарищ министра иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Письмо № 273. 10 мая/27 апреля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Михаил Николаевич,

Итальянский поверенный в делах сообщил мне, по предписанию своего правительства, самым доверительным образом, о данном итальянскому посланнику в Афинах поручении объясниться с Венизелосом относительно занятия итальянскими силами островов в Эгейском море [1].

Ввиду вызванного в Греции этими событиями возбуждения умов, римский кабинет считает необходимым теперь же заявить греческому правительству, что означенные действия итальянцев вызываются исключительно военными соображениями и никоим образом не должны быть истолковываемы как преследование Италией каких-либо особых политических целей, как, например, присоединение этих островов к греческому [2] королевству в будущем; маркиз Торрета добавил, что итальянским представителям в столицах других балканских государств поручено проводить свое умеряющее воздействие на местное правительство, так как римский кабинет твердо придерживается неоднократно уже выраженного намерения возможного ограничения объекта войны.

Доводя о сем до сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить вас, буде к тому окажется возможность, поставить о вышеизложенном в известность д. с. с. Свербеева верным способом, а если бы это оказалось неисполнимым, сообщить ему вкратце содержание настоящего письма по телеграфу.

Примите и пр.

Нератов.

№ 881. Товарищ министра иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Письмо № 274. 10 мая/27 апреля 1912 г.

М. г. Михаил Николаевич,

Итальянский поверенный в делах сообщил мне, по поручению своего правительства, что начальнику занявшего остров Родос итальянского отряда предписано выказывать самое благожелательное отношение к пребывающим там подданным нейтральных государств и не ставить никаких препятствий их деятельности за исключением случаев, когда это являлось бы необходимым с военной точки зрения. Генералу Амелио поручено вместе с тем довести о вышеизложенном до сведения пребывающих на острове консулов.

Ввиду выраженного итальянским правительством желания, чтобы последние получили такое же уведомление и от своих правительств, считаю долгом поставить о сем в известность ваше превосходительство для зависящих распоряжений.

Примите и пр.

Нератов.

№ 882. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

·/. Письмо. 10 мая/27 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Речь, произнесенная вашим высокопревосходительством в Государственной думе, произвела в правительственных кругах Германии самое лучшее впечатление. Как имперский канцлер, так и статс-секретарь по иностранным делам, неоднократно в моем присутствии отозвались о ней самым сочувственным образом, не только по отношению той ее части, которая касалась Германии [3], но также и ко всей речи в совокупности.

---

[1] 4 мая/21 апр. итальянцы заняли остров Родос.

[2] Так в оригинале. Следует читать: итальянскому.

[3] В речи, произнесенной в Государственной думе 26/13 апр. (см. стр. 261, прим. 2), Сазонов сказал: «По отношению к сопредельной германской империи мы твердо держимся

Местная печать с большим удовлетворением отметила высказанное вашим высокопревосходительством намерение поддерживать и в будущем старинную традиционную дружбу с Германией, обратив особенное внимание на выраженное сочувственное отношение России к идее возможного сближения Германии с Англией.

Эта часть речи вызвала некоторые возражения со стороны пангерманских органов, относящихся вообще крайне скептически к возможности подобного сближения.

Они высказали по этому поводу убеждение, что заключение соглашения между Германией и Англией, если бы оно состоялось, неминуемо повлекло бы за собой возвращение последней к своей традиционной враждебной России политике, от которой она временно отказалась, несмотря на противоречие своих интересов с русскими в Средней Азии, исключительно с целью развязать себе до некоторой степени руки ввиду обострившихся отношений ее с Германией.

Большое впечатление на здешние политические круги произвели слова вашего высокопревосходительства относительно развития и упрочения дружественных отношений России к Италии [1], возбуждающих здесь уже давно некоторую тревогу и раздражение.

В общем в Германии, как и везде, особенно благоприятное впечатление произвел спокойный и миролюбивый тон речи вашего высокопревосходительства в такой политический момент, когда опасность, представляемая для всего мира затяжкой итало-турецкой войны, сильно озабочивает как правительства, так и общественные круги всех стран.

Примите и пр: Шебеко.

№ 883. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

-/. Письмо. 10 мая/27 апреля 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Оставление своего поста германским послом в Лондоне графом Вольф-Меттернихом и известие о предполагаемом замещении его послом в Константинополе бароном Маршалл фон Биберштейном [2] выдвинуло здесь снова на первую очередь жгучий вопрос англо-германских отношений.

Насколько вопрос этот является жизненным для Германии, явствует из крайне страстного к нему отношения всего общественного мнения страны без различия политических партий.

Г. фон Бетман-Гольвег сам открыто заявляет, что он считает вопрос отношений между Германией и Англией в настоящий момент краеугольным камнем германской внешней политики.

Со времени вызвавшей столько толков поездки в Берлин лорда Холдена прошло около трех месяцев, и отсутствие каких-либо осязательных практических результатов этой попытки со стороны известных политических кругов обеих стран притти к соглашению могло только усилить прежнее тревожное настроение.

Главным сторонником сближения с Англией в Германии считается в настоящую минуту сам император Вильгельм и беспрекословно исполняющий его волю имперский канцлер г. фон Бетман-Гольвег.

старинной дружбы и доброго соседства, которые мы искренне ценим в уверенности, что и с германской стороны ими дорожат в одинаковой мере. Это убеждение окрепло во мне во время свидания государя императора с императором Вильгельмом в Потсдаме, где было установлено отсутствие противоречий между нашими давнишними политическими интересами на Ближнем и Среднем Востоке и интересами, имеющимися там у Германии. В последнее время по поводу путешествия английского министра в Берлин общественное мнение обратило особенное внимание на слухи о завязанных между английским и германским правительствами переговорах. Ввиду только что указанного мной общего характера наших отношений к обеим названным державам мы можем лишь приветствовать всякую попытку сгладить натянутость их взаимных отношений».

[1] См. стр. 505, прим. 1.

[2] Маршалл был послом в К-поле с 1897 г.

Поездка лорда Холдена состоялась, как говорят, по его личной инициативе, причем посредниками между императором и английским правительством являлись гг. Баллин и сэр Эрнест Кассель. Хотя результат переговоров окружен был глубокой тайной, но, повидимому, германские предложения признаны были лондонским кабинетом неприемлемыми, и переговоры с тех пор, если не прекратились совершенно, то во всяком случае настолько заглохли на мертвой точке, что не в силе были даже оказать влияния на новые вооружения, предпринятые с тех пор обеими сторонами.

Отозвание графа Меттерниха из Лондона, которому поставлено было в вину неправильное осведомление своего правительства в разгаре марокканского вопроса относительно решимости лондонского кабинета поддержать Францию с оружием в руках, и предстоящая замена его другим лицом, является, по всей вероятности, новой попыткой со стороны императора Вильгельма добиться соглашения с Англией, поручив ведение переговоров более опытному и искусному дипломату, стяжавшему уже блестящие лавры на другом поприще.

Нет сомнения, что некоторым побуждением к этому служит настоящее политическое положение и в частности опасение будто бы усилившегося за последнее время воинственного настроения во Франции и нашего сближения с Италией.

Весь вопрос этот облекается на Willhelmstrasse непроницаемой тайной, так что трудно сказать, что именно послужит базой для предстоящих переговоров.

В осведомленных кругах говорят о колониальном соглашении в Африке, причем весь африканский материк разделен был бы на три сферы влияний: северную — французскую, западную — немецкую и восточную — английскую.

Китай, Багдадская дорога, Персидский залив и балканские дела должны будто бы также быть предметами отдельных соглашений; что касается ограничения вооружений, то оно не должно составлять предмета отдельного соглашения, но являться естественным последствием политического сближения между двумя странами.

В воскресенье [1] имперский канцлер в сопровождении статс-секретаря по иностранным делам и барона Маршалла уезжает в Карлсруэ для доклада императору, находящемуся на обратном пути из Корфу, стоящих на очереди вопросов внутренней и внешней политики.

Примите и пр. Шебеко.

№ 884. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 447. 10 мая/27 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [5 мая] 22 сего апреля за № 428 я имел честь высказать некоторые соображения о желательности сделать попытку путем объяснения с французским и великобританским правительствами миролюбиво разрешить вопрос об авансе, выданном Китаю через посредство Китайско-бельгийского банка [2].

---

[1] 12 мая/29 апреля.

[2] В этом письме Коковцов, ссылаясь на препровожденные ему Сазоновым тел. из Пекина (см. № 781 и стр. 425, прим. 2), сообщал, что «подобный непримиримый образ действий иностранных представителей был бы вполне понятен до установления между наиболее заинтересованными державами единения по делу о китайских займах. Равным образом едва ли можно было бы заявлять какие-либо претензии, если бы это дело попрежнему находилось в руках капиталистов, которым естественно стремиться к устранению своих конкурентов. Однако теперь, как известно, положение совершенно изменилось, и иностранным правительствам едва ли справедливо с такой настойчивостью добиваться унижения финансовой группы, осуществившей такую же сделку, какая была проведена и самим консорциумом, помимо столь заинтересованных держав, как Россия и Япония». Коковцов далее указывал, что, по мнению правления Русско-азиатского банка, выходом из создавшегося положения «могло бы явиться включение бельгийского аванса в общую сумму реорганизационного займа, чем были бы ликвидированы и нежелательные для консорциума вопросы о праве

Тем временем из Пекина были получены сведения о том, что посланники четырех держав, покровительствующих четверному консорциуму, настояли на формальном заявлении китайского правительства, что договор о бельгийском авансе, как нарушивший обязательства Китая перед консорциумом, будет отменен. Хотя точный текст означенного заявления пока еще не известен, но оно вызвало сильное недовольство в Бельгии и, как сообщает правление Русско-азиатского банка, в настоящее дело решило вмешаться бельгийское правительство, которое будто бы уже заявило правительствам шести держав, участвующих в выпуске реорганизационного займа, протест против нарушения интересов бельгийского учреждения действиями иностранных посланников в Пекине [1].

Со своей стороны, я полагаю, что протест бельгийского правительства, буде он последовал, является вполне основательным, так как четверному консорциуму отнюдь не принадлежало монопольное право совершения китайских кредитных операций, и в свое время Россией были опротестованы подобные притязания в связи с займом в 10 млн. ф. ст. на монетную реформу и на развитие Манчжурии. Ввиду этого нам, казалось бы, надлежало бы воспользоваться протестом бельгийского правительства для объяснений с заинтересованными правительствами по вопросу о способе урегулирования инцидента, созданного выступлением представителей четырех держав в Пекине.

Правление Русско-азиатского банка, основываясь на переговорах, которые происходили в последнее время между ним и участниками организованного им синдиката, высказало, что наиболее справедливым разрешением данного вопроса явилась бы передача договора, заключенного Китайско-бельгийским банком с Китаем, шестерному консорциуму, образовавшемуся для выпуска реорганизационного займа, с тем, чтобы бельгийским и английским участникам синдиката была предоставлена известная компенсация. Таковой компенсацией могло бы быть, по мнению Русско-азиатского банка, предоставление им участия в выпуске реорганизационного займа, причем фирме Шредер и К⁰ было бы желательно облегчить достижение согласия Гонконг-шанхайского банка на то, чтобы выпуск упомянутого выше займа в Англии был произведен от имени обоих этих учреждений.

Сообщая об изложенном и препровождая при сем копию письма директора «Banque d'Outremer» г. Франки от 4 мая н. с. [2], имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о последующем не оставить меня уведомлением.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 885. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 872. 11 мая/28 апреля 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 62 (Париж) [3].

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 118 (Лондон) [4].

Английское правительство предлагает уведомить чрез консулов критское правительство, что депутаты будут освобождены лишь под условием, что оно и

приоритета бельгийцев на будущий заем и о залоге Пекин-Калганской дороги». Из бесед, которые Верстрат имел в Париже с Пуанкаре и Симоном и содержание которых он сообщил Коковцову, явствовало, что последние были бы готовы поддержать подобное предложение.

В тел. от 6 мая/23 апр. за № 820 (ср. прим. на стр. 496) Нератов сообщил Крупенскому по поводу бельгийского займа следующее: «Нам кажется, что ныне, когда соперничество между консорциумом и синдикатом Русско-азиатского банка оставлено, выданные бельгийцами авансы, в которых участвует и наш банк, должны быть включены в общую сумму реорганизационного займа. При этом, конечно, бельгийцы должны бы отступиться от заключенного ими контракта, дающего приоритет на китайский заем». Нератов просил Крупенского воздействовать в этом смысле на посланников других держав в Пекине.

[1] См. № 806.

[2] Приложение не воспроизводится.

[3] См. № 874.

[4] См. № 873.

главари политических партий примут на себя обязательство не пытаться впредь посылать депутатов в Афины [1].

Полагая такой образ действий не обещающим результатов, вполне разделяем высказанное Свербеевым в телеграмме № 29 [2] мнение о бесцельности ареста лишь части депутатов, так как остальные, находясь в Афинах, создадут путем агитации еще большие затруднения Венизелосу. Считаем желательным освобождение всех задержанных при возложении на Венизелоса полной ответственности за недопущение критян в афинскую палату, в чем он ручается. Консулам в Канее следовало бы при возвращении депутатов на остров поручить заявить критскому правительству, что произведенный арест депутатов должен служить явным указанием на бесповоротность решения держав, и что возобновление арестов сделается неизбежным при всякой новой попытке критян не подчиниться воле последних.

Благоволите объясниться об изложенном с министром иностранных дел и телеграфировать о последующем [3].

[Нератов.]

№ 886. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 11 мая/28 апреля 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Je tiens de Sir Arthur Nicolson le récit suivant:

Hier le ministre de Perse est venu lui dire que non pas le ministre des affaires étrangères, mais des personnes influentes lui avaient écrit pour se plaindre de ce que le gouvernement anglais n'adoptait pas une attitude différente en Perse par rapport à l'action qu'y exerçait la Russie.

Sir Arthur répondit que si c'était une plainte que le ministre venait porter au nom de ses amis contre la Russie, il était fort étonné d'une pareille démarche, que l'Angleterre et la Russie agissaient en Perse en coopération et en amitié et continueraient à le faire. En plus il trouvait qu'en Perse on devait de la reconnaissance à la Russie, que la Russie n'avait qu'à étendre le bras et que la Perse n'existerait plus, que la Russie avait prouvé à maintes reprises son respect pour l'indépendance et l'intégrité de la Perse, qu'elle ne s'était ingérée dans la révolution qui avait substitué le shah actuel à l'ex-shah Mohamed-Ali, que c'est grâce à l'action russe tout autant qu'à l'action anglaise que la tentative récente de Mohamed-Ali avait abouti à un échec, mais que cette fois encore la Russie avait la position en main, que la Russie, tout comme l'Angleterre, prodiguaient conseils et aidaient de leurs finances le gouvernement persan, que les seuls parages où l'ordre régnait en Perse étaient ceux occupés par des troupes russes, — que pour cette raison le chaos régnait dans le Sud où l'Angleterre avait cru pouvoir compter sur le déployement de quelque énergie persane, — qu'il était extrêmement difficile d'aider un pays qui ne savait s'aider lui-même en rien, — et que c'est encore la Russie et l'Angleterre qui, après avoir insisté auprès de Salar-ud-Dowleh pour qu'il se retirât, avaient reçu l'assurance du gouvernement persan que les forces persanes suffiraient pour venir à bout de cet agitateur, on savait avec quel résultat.

Sir Arthur demanda alors au ministre en quoi on pensait à Téhéran que l'attitude pourrait être différente de ce qu'elle était en fait. Le ministre répondit qu'on avait espéré que le gouvernement anglais interviendrait auprès du gouvernement russe à l'occasion de l'activité de certains consuls russes.

Sir Arthur répondit qu'il lui paraissait que ses amis à Téhéran avaient des idées

[1] См. стр. 515, прим. 6.

[2] См. стр. 508, прим. 1.

[3] Тел. от 14/1 мая за № 123 Бенкендорф сообщил Сазонову, что Никольсон считает необходимым пересмотреть вопрос об освобождении критских депутатов.

Тел. от 15/2 мая за № 70 Извольский известил Сазонова, что Пуанкаре лично вполне присоединяется к точке врения Сазонова и считает, что лучше всего освободить арестованных депутатов и возложить ответственность за дальнейшее на Венизелоса.

extrêmement peu précises sur les égards que deux grandes Puissances amies comme l'Angleterre et la Russie se devaient et des procédés usuels entre elles.

Le gouvernement anglais ne s'occupe aucunement du rôle des consuls russes dans le Nord de la Perse, pas plus que le gouvernement russe ne s'occupe du rôle des consuls anglais dans le Midi; il est donc hors de question que l'une des deux Puissances entre en communication avec l'autre à ce sujet.

Sir Arthur me dit qu'il avait conseillé au ministre de mander sa réponse à ses correspondants de Téhéran. Il me dit aussi qu'il n'avait pas en général à se plaindre du jeune représentant de Perse, plutôt le contraire, mais qu'il avait en ce cas évidemment agi en vertu d'instructions auxquelles il ne pouvait se soustraire.

Sir Arthur ajouta qu'il lui avait paru nécessaire de repousser avec une fermeté spéciale toute insinuation de ce genre et d'y couper court, et que c'est pour cette raison qu'il m'en parlait confidentiellement.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Я узнал от сэра А. Никольсона следующее:

Вчера персидский посланник пришел к нему сообщить, что не министр иностранных дел, а влиятельные лица писали ему, жалуясь на то, что английское правительство не заняло в Персии иной позиции по отношению к действиям там России.

Сэр Артур ответил, что если это жалоба, которую посланник приносит от имени своих друзей на Россию, то он очень удивлен таким шагом, что Англия и Россия действовали и будут действовать в Персии согласованно и дружественно. Кроме того, он находит, что Персия должна быть признательна России; что России достаточно протянуть руку, чтобы Персия перестала существовать; что Россия неоднократно давала доказательства того, что она уважает независимость и целостность Персии; что она не вмешалась в революцию, поставившую теперешнего шаха на место экс-шаха Мохамед-Али; что благодаря действиям России, так же как и Англии, недавняя попытка Мохамед-Али закончилась неудачей; но что и на этот раз Россия еще осталась хозяином положения; что Россия, как и Англия, не скупились на советы и помогали своими финансами персидскому правительству, и что единственными местностями в Персии, где царит порядок, являются местности, занятые русскими войсками; что по этой же причине хаос царит на Юге, где Англия полагала возможным рассчитывать, что персидское правительство само проявит некоторую решительность; что очень трудно помогать такой стране, которая ни в чем не может помочь сама себе и что опять таки Россия и Англия после того, как они настояли перед Салар-эд-Доуле, чтобы он удалился, получили от персидского правительства заверения, что оно располагает достаточными средствами, дабы покончить с этим агитатором; результаты этих заверений известны.

Сэр Артур спросил затем у посланника, в чем же — думают в Тегеране — позиция [Англии] могла бы отличаться от той, которую она занимает в действительности. Посланник ответил, что там надеялись, что английское правительство предпримет шаги перед российским правительством по поводу деятельности некоторых российских консулов.

Сэр Артур ответил: ему кажется, что его [посланника] друзья в Тегеране имеют весьма неясное представление о том, в какой мере две великие дружественные державы, как Англия и Россия, должны считаться одна с другой, и о том образе действий, который принят в их взаимоотношениях.

Английское правительство нисколько не интересуется ролью российских консулов в Северной Персии, как российское правительство не занимается ролью английских консулов на Юге; таким образом не может быть и речи о том, чтобы одна из двух держав вошла по этому поводу в сношения с другой.

Сэр Артур мне сказал, что он посоветовал посланнику передать его ответ своим корреспондентам из Тегерана. Он мне сказал также, что, вообще говоря, он не может жаловаться на молодого представителя Персии, скорее наоборот, но что на этот раз тот, очевидно, действовал в силу инструкций, от выполнения которых он не мог уклониться.

Сэр Артур добавил, что он счел нужным с особой твердостью опровергнуть и пресечь всякие инсинуации такого рода. Вот почему он и говорил со мной об этом доверительно.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 887. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Депеша № 30[1]. 11 мая/28 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Насколько я могу до сих пор судить, положение дел в Китае представляется в довольно мрачных для нынешнего правительства красках. Со времени моего

[1] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 102.

приезда в Пекин я не слышал ни от одного из моих коллег, не исключая даже бывших столь искренне расположенными к китайской республике, как сэр Джон Джордан [1] и г. Кальхун [2], иного мнения, как то, что на скорое водворение спокойствия и порядка и на установление прочного и внушающего к себе доверие режима никак нельзя рассчитывать. Этот пессимистический взгляд разделяется и большинством проживающих здесь иностранцев.

Действительно, состав нового китайского правительства, настроение большинства его членов и некоторые из принимаемых им мер заставляют думать, что ему трудно будет справиться с предстоящей ему тяжелой задачей. В настоящее время в Китае нет необходимой для такого огромного государства центральной власти, обладающей достаточной силой и авторитетом, чтобы внушить уважение и страх всем неспокойным и недовольным элементам в стране. Престиж Юань Ши-кая, в значительной степени созданный иностранцами и сильно ими раздутый, потерпел за последнее время большой ущерб, особенно после солдатского бунта в Пекине [3]. Во многих провинциях царствует анархия, а в некоторых идет открытое восстание. В среде самого правительства уже начинаются раздоры и разные происки. Так, например, первый министр Тан Шао-и — человек чрезвычайно ловкий и умный, но не гнушающийся ничем для достижения своей цели, с некоторых пор сблизился с крайней, так называемой кантонской партией и ведет подпольные интриги против временного президента республики и его сторонников из партии хунанцев. Сам Юань Ши-кай чувствует, повидимому, что он постепенно все более теряет под собой почву и начинает сознавать, что революционеры, использовав его в своих целях для свержения династии, теперь готовы отвернуться от него. На всех, кто, как я, видел его за последнее время, Юань производит впечатление человека совершенно удрученного и упавшего духом. Среди остальных членов правительства, как вашему высокопревосходительству известно, преобладают люди молодые, получившие поверхностное образование в Америке или Японии и отличающиеся огромным самомнением и заносчивостью. Упоенные легко доставшейся им властью и будучи в денежном отношении столь же мало безупречными, как и пресловутые мандарины старой школы, эти незрелые политические деятели, надевшие европейское платье и считающие себя ни в чем не уступающими европейцам, спешат воспользоваться нынешним, вероятно, лишь мимолетным своим положением в целях личной наживы. Вслед за ними в Пекин явилось в качестве искателей мест множество южан, требующих принятия их на государственную службу как лиц, послуживших делу революции. В угоду им в некоторых министерствах началось уже массовое увольнение служащих с целью замены их южанами. Так, в министерстве путей сообщения из 400 чиновников на своих местах осталось только 51. Понятно, что все таким образом уволенные примкнут к числу врагов нынешнего режима. Характеристика лиц, стоящих здесь теперь у власти, будет неполной, если не отметить выказываемый ими при всяком случае яркий национализм. Желая заслужить популярность в народе и показать, насколько они лучше защищают интересы своего отечества, чем прежнее манчжурское правительство, эти представители молодого Китая открыто проповедуют теорию так называемого «rights recovery», т. е. возвращения себе Китаем всех прав суверенитета по отношению к проживающим в нем иностранцам. Преследуя эту задачу, они уже теперь всячески стараются по возможности урезывать те экстерриториальные права, коими иностранцы всегда здесь пользовались, и те наивные люди, которые приветствовали китайскую революцию, считая поборников республики искренне расположенными к иностранцам людьми, теперь не могут не сознавать, как глубоко они в этом отношении ошибались. При таком настроении людей, входящих в состав китайского правительства, вести с ними дела для иностранных миссий труднее, чем когда-либо, и все без исключения мои коллеги

[1] Англ. посланник в Пекине.
[2] Посланник США в Пекине.
[3] См. № 576.

горько жалуются на невозможность добиться чего бы то ни было от нынешних китайских министров.

Вышеизложенная неотрадная картина становится еще мрачнее, если обратить внимание на являющееся главным затруднением для нового правительства финансовое положение страны. Обыкновенных доходов нехватает на уплаты по внешним долгам; деньги, полученные от консорциума в виде авансов и от реализации бельгийского и других мелких займов, все израсходованы самым безрассудным, а отчасти и неблаговидным образом; государственная касса совершенно пуста, а между тем правительству необходимы деньги на самые неотложные государственные нужды, на первом месте среди коих стоит необходимость уплаты жалованья огромному количеству излишних, подлежащих теперь увольнению солдат. Продолжительная задержка в производстве этой уплаты неминуемо приведет к новым беспорядкам среди войск, легко могущим принять пагубный для нынешнего режима оборот. Столь неотложно необходимые ему денежные средства китайское правительство может теперь получить только путем авансов от консорциума шести держав. Но для этого оно должно было бы согласиться на известные условия контроля и надзора по отношению к расходованию авансируемых сумм, подчиниться коим нынешним китайским министрам не позволяет их самомнение и их шовинизм. Если они, с одной стороны, и видят всю безвыходность теперешнего положения, то, с другой, они, вероятно, не без основания опасаются, что принятие ими иностранного финансового контроля может возбудить со всех сторон негодование, дать удобный повод к обвинениям против них и равным образом привести к ниспровержению теперешнего правительства. В этой трудной дилемме у них явилась было даже мысль прибегнуть к отчаянному средству заключения принудительного внутреннего займа, что несомненно также привело бы к какой-нибудь катастрофе.

Все вышесказанное заставляет признать, что положение Юань Ши-кая и его правительства представляется крайне непрочным и что в Китае можно ожидать новых смут. Что придет на смену нынешнему режиму, в случае его падения, — сказать, конечно, трудно. О возвращении дайцинской династии вряд ли можно думать, так как манчжуры не имеют более под собой никакой почвы и даже в случае минутного успеха не были бы в состоянии удержать за собою власть. Более вероятным представлялось бы образование правительства с нанкинским наместником Хуан-сином или находящимся в Учане нынешним вице-президентом генералом Ли Юань-хуном во главе. Оба они — люди весьма энергичные и, как говорят, пользуются большой популярностью на Юге, но ни тот, ни другой равным образом не располагают денежными средствами, столь необходимыми для достижения успеха.

Как бы то ни было, все указывает, что до водворения снова в Китае порядка и спокойствия пройдет еще много времени. Жалеть об этом с точки зрения наших интересов, мне кажется, не приходится.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 888. Посланник в Белграде товарищу министра иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 56 [1]. 12 мая/29 апреля 1912 г.

Телеграфирую министру в Ялту:

Сегодня генералы Путник и Фичев подписали сербо-болгарскую военную конвенцию [2], которая будет тотчас же представлена обоим монархам для ратификации.

Гартвиг.

[1] Царск. экз.

[2] См. приложение к публикуемому документу.

Приложение.

Сербо-болгарская военная конвенция [1].

По смыслу и в силу основных начал ст. II договора о дружбе и союзе, заключенного между королевствами сербским и болгарским, и ради более успешного ведения войны и полного достижения целей, намеченных союзом, утверждаются следующие постановления, имеющие одинаково обязательную силу и важность, как и постановления самого договора.

Ст. I

Королевства Сербии и Болгарии обязуются в случаях, предусмотренных ст. I и II договора о союзе, как и ст. I секретного приложения к помянутому договору, прибегать друг к другу на помощь, а именно: Болгария военной силой по меньшей мере в 200 000 человек, а Сербия — силой в 150 000 человек, подготовленных к военным действиям как на границе, так и вне пределов их территорий.

В вышеупомянутое число не должны входить ратники резервных частей, ни ратники сербского III призыва, ни ратники болгарского ополчения.

Вышеупомянутые войска должны прибыть на границу или за пределы государственной территории по направлению, определяемому надобностями и задачами военных действий не долее как в 21-дневный срок с минуты объявления войны или извещения одного из союзников о том, что наступило время для союзнических обязательств (casus foederis). Однако и до полного истечения указанного выше срока договорный долг, если это соответствует характеру военной операции и может содействовать успеху войны, обязывает союзника отправлять свои войска на поле брани отдельными частями, по мере их мобилизации и концентрирования, не позже как на 7-й день с минуты объявления войны или наступления casus foederis.

Ст. II

В случае нападения Румынии на Болгарию, Сербия обязуется тотчас же объявить войну Румынии и направить против нее либо на Средний Дунай, либо на операционный театр Добруджи свои войска в составе не менее 100 000 человек.

В случае нападения Турции на Болгарию Сербия обязуется вторгнуться в пределы Турции, направив из своих мобилизованных войск не менее 100 000 человек на вардарский операционный театр.

Если бы Сербия в это время находилась уже, самостоятельно или совместно с Болгарией, в войне с какой-либо другой державой, она обязана отрядить против Румынии или Турции все имеющиеся в ее распоряжении свободные войска.

Ст. III

В случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, Болгария обязуется тотчас же объявить Австро-Венгрии войну и направить свои войска в числе 200 000 человек в пределы Сербии для совместных с сербской армией наступательных или оборонительных действий против Австро-Венгрии.

Эти обязательства со стороны Болгарии по отношению к Сербии сохраняют силу и в том случае, если Австро-Венгрия под каким бы то ни было предлогом, по соглашению ли с Турцией или без такового, ввела бы свои войска в Ново-

[1] Маш. копия. Заголовок оригинала. Опубл. Сб. секр. док., кн. 3, стр. 99. Текст публикуемого документа был препровожден Гартвигом при деп. от 4 июня/22 мая за № 29 (опубл. Сб. секр. док., кн. 3, стр. 104). В этой деп. Гартвиг сообщал, что только «на-днях получено было сербским правительством известие о состоявшейся ратификации военной конвенции». Сообщая далее, что председатель серб. совета м-ров передал ему текст конвенции для снятия с него копии, Гартвиг указывал: «Ввиду недостатка времени мною лично сделан подстрочный перевод только 8-ми первых статей, как наиболее важных, и последней — XIV статьи. Остальные от IX до XIII ст., касающиеся второстепенных вопросов, передаются в кратком пересказе». (Эти статьи полностью опубликованы в книге Гешова «Балканский союз», стр. 88.)

базарский санджак и тем принудила бы Сербию либо объявить войну Австро-Венгрии, либо отправить войска свои в Санджак для защиты своих интересов, вызвав тем столкновение с Австро-Венгрией.

В случае нападения Турции на Сербию, Болгария обязуется тотчас же вторгнуться в пределы Турции, направив на вардарский театр из состава мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей армию численностью не менее 100 000 человек.

Если бы Румыния напала на Сербию, Болгария обязуется начать агрессивные действия против румынской армии тотчас по переходе ее чрез Дунай в пределы Сербии.

Если бы Болгария в каком-либо из предусмотренных настоящей статьей случаев находилась уже, самостоятельно или совместно с Сербией, в войне с другой державой, она обязана помочь Сербии всеми остальными свободными войсками, находящимися в ее распоряжении.

Ст. IV.

Если бы Сербия и Болгария по предварительному взаимному соглашению объявили войну Турции, то оба союзника на случай отсутствия других специальных на этот счет распоряжений, обязуются из состава своих мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей направить на вардарский театр армию численностью не менее 100 000 человек.

Ст. V

В случае, если бы одна из договаривающихся сторон объявила войну какой-либо третьей державе, без предварительного сношения и согласия другой стороны, то последняя освобождается от обязательств, изложенных в ст. I настоящей конвенции; однако, она все же обязана придерживаться по отношению к своей союзнице дружественного нейтралитета за время войны, а также немедленно мобилизовать войско численностью не менее 50 000 человек, в целях наибольшего ограждения свободы движения своей союзницы.

Ст. VI

Во время союзных военных действий ни одна из договаривающихся сторон не может заключить с противником свыше двадцатичетырехчасового перемирия без предварительного сношения и соглашения с другой договаривающейся стороной.

Договаривающиеся стороны могут вести переговоры о мире и заключить мирный трактат только по предварительному взаимному соглашению.

Ст. VII

Во время войны войсками каждой из договаривающихся сторон и их операциями ведает их законный командир.

Когда отдельные отряды из состава войск обеих договаривающихся сторон действуют против одного и того же объекта, то общее командование принимает: над единицами одинаковой силы — командир старший по чину, а над единицами различной численности — командир старший по положению.

Когда одна или несколько отдельных армий, принадлежащих к составу войск одной из договаривающихся сторон, поступают в распоряжение другой стороны, то командование над ними сохраняется за их законным военачальником, который однако во всех стратегических операциях подчиняется главнокомандующему той стороны, в распоряжение коей он поставлен.

В случае совместных военных действий против Турции, верховное командование на вардарском театре, согласно ст. IV настоящей конвенции, предоставляется Сербии, если на этом театре будут оперировать ее главные силы, превышающие численностью болгарские войска.

В случае же однако, если главная сербская армия не будет производить операций на вардарском театре или ее силы будут слабее болгарских, то главное командование на означенном театре предоставляется военачальнику Болгарии.

Ст. VIII

В случае, когда войска обеих договаривающихся сторон будут находиться под единоличным командованием, то все приказы и распоряжения, касающиеся стратегических и тактических операций, будут издаваться на обоих языках — сербском и болгарском.

Ст. ст. IX, X, XI, XII и XIII

Касаются второстепенных постановлений о продовольствии и содержании союзнических войск, о перевозке раненых и больных, погребении убитых и т. п. О распределении военных трофеев. О назначении особых делегатов при штабах для обоюдных сношений. Об исправлении путей сообщения. По различным другим вопросам — начальникам генерального штаба обоих государств предоставляется войти в будущем в дальнейшие переговоры.

Ст. XIV

Настоящая конвенция вступает в действие со дня ее подписания и будет оставаться в силе до истечения срока договора о дружбе и союзе, к коему она прилагается как составная часть.

Белград. — София. — [12 мая] 29 апреля 1912 г.

Подписали конвенцию:

Король Петр. Король Фердинанд.

Милованович. Гешов.

Генерал Путник. Генерал-майор Фичев.

№ 889. Посланник в Цетинье [1] министру иностранных дел.

*/. Депеша № 21. 12 мая/29 апреля 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях в разговоре со мной турецкий посланник Рустем-бей, упомянув о наступившем за последнее время улучшении в черногорско-турецких отношениях, высказал мысль, что отношения Турции и Черногории при султане Абдул-Гамиде имели более устойчивый характер главным образом вследствие материальных выгод, которые доставляло черногорскому правительству решение Абдул-Гамида уплачивать Черногории субсидии в различных видах.

Так, кроме подарка султаном Абдул-Гамидом князю Николаю яхты «Румия» и ежегодной уплаты княжичу Мирко субсидии в форме жалованья по званию турецкого дивизионного генерала, турецкое правительство выплачивало черногорскому при султане Абдул-Гамиде, как мне это самым положительным образом заявил Рустем-бей, ежемесячную субсидию в тысячу турецких лир, т. е. около 120 000 рублей ежегодно.

О намерении турецкого правительства возобновить в настоящее время выдачу подобных субсидий Рустем-бей мне не говорил, хотя, повидимому, считает подобную меру целесообразной.

Примите и пр. С. Арсеньев.

---

[1] Тел. от 28/15 марта Арсеньев сообщал: «Вчера прибыл к месту служения. Вступил в управление миссией». См. стр. 138, прим. 3.

№ 890. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 434. 12 мая/29 апреля 1912 г.

Я получил от вай-ву-бу пространное сообщение относительно прибытия в Кульджу двух сотен русских казаков [1]. В нем Ху Вей-дэ заявляет, что в Или и Синьцзяне уже ведутся переговоры, и успокоение последует в непродолжительном времени, а также ссылается на отсутствие в Кульдже военного бунта и на то, что о движении русского отряда не было предварительно заявлено ни императорской миссией, ни консульством в Кульдже. Указывая, что будто бы общественное мнение взволновано этим случаем, управляющий министерством иностранных дел просит моего ходатайства перед императорским правительством о немедленном удалении названного отряда. Принимая во внимание, что императорская миссия в свое время предупредила вай-ву-бу сообщением [11 января 1912 г.] 29 декабря минувшего года о возможности послать в Кульджу, при первой опасности для русской колонии и консульства, соответствующую охрану [2], а равно то, что, как китайцы сами признают, смута в Илийском крае еще не прекратилась, вышеупомянутое сообщение вай-ву-бу, составленное в обычном для китайских сообщений за последнее время тоне, представляется неосновательным, и я полагал бы в ответе своем ограничиться кратким заявлением китайскому министерству иностранных дел, со ссылкой на наше предупреждение, что ввиду значительной русской колонии в Кульдже и крупных интересов русской торговли в Или, страдающей от царящей там смуты, мы считаем себя в праве принимать соответствующие меры для охраны в названной области нашего консульства, русских подданных и их торговых интересов. Прошу указаний.

Крупенский.

№ 891. Товарищ министра иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 445. 13 мая/30 апреля 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

При записке от [26] 13 сего апреля, № 375, гофмейстер Сазонов счел долгом препроводить вашему высокопревосходительству копию памятной записки, переданной им накануне великобританскому послу по вопросу о китайском реорганизационном займе [3], в которой между прочим высказывается, что императорское правительство не считает возможным препятствовать заключению русскими капиталистами провинциальных займов на местные экономические нужды в сфере русских преимущественных интересов в Китае.

Из прилагаемой при сем в копии секретной телеграммы посла в Лондоне от [10 мая] 27 сего апреля, № 119 [4], вы изволите усмотреть, что английское правительство настаивает на первоначально высказанном им мнении о нежелательности провинциальных займов в Китае, которые могли бы создавать китайскому правительству возможность злоупотреблений в видах, очевидно, уклонения от контроля держав.

О вышеизложенном имею честь уведомить ваше высокопревосходительство на случай, если бы вы признали нужным посвятить г. Верстрата в сущность обмена мнений по настоящему вопросу между императорским и английским правительствами, дабы он мог действовать на предстоящей в Лондоне конференции с над-

---

[1] См. № 765.

[2] Сообщение росс. миссии в Пекине вай-ву-бу от 11 янв. 1912 г./29 дек. 1911 г. в основном изложено в публикуемом документе.

[3] См. № 807.

[4] В тел. от 10 мая/27 апр. за № 119 Бенкендорф сообщал, со слов Николсона, что англ. прав-во не может изменить своей точки зрения по вопросу о провинциальных займах и что другие прав-ва разделяют эту точку зрения.

лежащей осторожностью и, не компрометируя самого дела китайского реорганизационного займа, оставить за русскими банкирами свободу ссужать деньгами местные власти Китая в наиболее интересующих нас частях Манчжурии, Монголии и Западного Китая [1].

О последующем покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не отказать меня уведомить для сообщения послу в Лондоне о той постановке, которая будет дана вопросу о китайских провинциальных займах в инструкциях представителя русской финансовой группы на Лондонской конференции банкиров.

Примите и пр.

Нератов.

№ 892. Поверенный в делах в Танжере министру иностранных дел.

*/. Депеша № 34. 13 мая/30 апреля 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вступившему сегодня в исполнение своих обязанностей французскому генеральному резиденту в Марокко генералу Лиоте [2] предстоит впереди нелегкая задача: водворить порядок в стране, в которой уже десятками лет царит хроническая анархия, и исправить сделанные за последнее время местными французскими и махзенскими властями крупные ошибки, приведшие к нынешнему, почти что критическому положению.

За исключением портовых городов и пунктов, занятых французскими и испанскими войсками, вся страна объята восстанием. В зависимости от обстоятельств и условий племена проявляют свое мятежное состояние сильнее или слабее, но брожение среди них, вызванное успехами антиевропейской и махзенской пропаганды, существует повсюду.

Рассматривая положение вещей порайонно, мы видим следующую, мало отрадную для страны картину.

Быстрое усмирение столичного бунта и значительное количество французских войск как в самой столице, так и в ближайших ее окрестностях, вне всякого сомнения, смирило население. Но брожение и пропаганда далеко не уничтожены. Они стали лишь более скрытыми. Предпринятые за последнее время вокруг столицы военные операции решительных результатов не имели. Собравшиеся для раззий харки (туземные отряды) французскими войсками не были уничтожены, а лишь оттеснены от столицы. Вполне понятно, что при нынешнем настроении племен есть много шансов, что означенные харки в увеличенном составе появятся снова в окрестностях Феца. Можно считать, что весь юг Фецкого округа вплоть до подножий Атласа, находится в мятежном состоянии. Сам же Атлас, как известно, всегда был очагом мятежной пропаганды.

Район Тазы и левый берег р. Муллуи объяты восстанием. Большие скопища берберских племен сосредоточены невдалеке от названной реки. По последним полученным здесь сведениям, они уже начали свои действия против французских аванпостов муллуйского отряда. Генерал Аликс спешно прибыл в Таурирт — главную квартиру муллуйского отряда.

Могущественные берберские племена земуров и заянов, вообще доставлявшие немало хлопот французским войскам, за последнее время стали проявлять еще более усиленную деятельность и грозят сообщениям по военно-этапному пути Фец — Мехедиа — Рабат.

---

[1] Тел. от 12 мая/29 апр. за № 435 Крупенский в ответ на запрос Нератова сообщал следующие имеющиеся у него сведения о займах, заключенных провинциальными властями Китая: чженцзянский дуду заключил заем в 6 млн. марок с герм. фирмой Карловиц, «представительницей Круппа», из коих 2 млн. должно пойти на уплату за крупповские пушки; чжилийские власти заключили с герм. фирмой Карберг заем в 800 000 ф. ст.; шанхайская торговая палата заключила заем в 5 млн. марок у фирмы Дидерихсена и, наконец, были попытки к заключению займов со стороны провинциальных властей Юнани и Гуаньдуна.

[2] См. стр. 458, прим. 1.

В Хаузе (южная часть султаната) анархия процветает полностью. О престиже махзенской власти нет и речи. Пользуясь нынешними благоприятными обстоятельствами, каиды сводят друг с другом старые счеты. В результате — междоусобные распри, раззии, грабежи и убийства.

Недавние фецкие события отозвались и на южной столице — Маракеше. Как в городе, так и в его окрестностях идет брожение, могущее весьма легко перейти в открытое возмущение со всеми его нежелательными последствиями. Вообще, анархия в Хаузе достигла таких размеров, что вряд ли возможно рассчитывать на восстановление прочного порядка, не прибегая к посылке экспедиционной колонны.

В Суссе междоусобные распри каидов, в связи с усилением антиевропейской и махзенской пропаганды, грозят усложнить и без того серьезное положение области.

Волнения среди окрестных племен Могадора и Сафи не преминули отозваться на городских жителях. Поднявшаяся было паника была остановлена благодаря прибытию на рейд военных судов и разумным распоряжениям нерастерявшихся властей. Грабежи в окрестностях не прекращаются.

В прилегающих к Танжеру областях Джебалла и Гхарбе начавшееся после фецких событий сильное брожение племен ныне несколько улеглось. Успокаивающее влияние оказало увеличение испанского отряда в Эль-Ксарском округе и прибытие сильного французского отряда в Сук эль Арба (Гхарб).

По последним известиям, значительные харки рифян, пополненные добровольцами из внутренних племен, снова перешли на правый берег р. Керт и собираются атаковать испанские передовые позиции.

Примите и пр.

С. Лихачов.

№ 893. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 4. 13 мая/30 апреля 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретные мои телеграммы поставили ваше высокопревосходительство в известность об объяснениях моих с оттоманским министром иностранных дел по поводу открытия Дарданелл [1]. Почитаю долгом представить ныне тексты нотисы, переданной мной ему во исполнение ваших указаний [2], и ответной нотисы по тому же предмету Ассим-бея [3]. Последняя предшествовала сорока восемью всего часами официальному объявлению решения Порты приступить к открытию пролива [4] и была редактирована главным образом с целью обеспечить принцип свободы действий оттоманского правительства в военное время в вопросе о Проливах и отстранить от него ответственность за убытки, причиняемые их закрытием торговым интересам нейтральных держав [5].

Порта рассчитывала, что в защите этих положений ей возможно будет опереться на сочувствие большинства великих держав и побудить их перенести свое воздействие в Рим. Местные газеты ликовали, говоря об изолированности России в этом вопросе, и возбуждение против нас значительно возрастало.

Таковое настроение оправдывалось, в глазах турок, тем обстоятельством, что, хотя совет открыть пролив при первой возможности преподавался здесь всеми иностранными представителями и неоднократно моим французским сотоварищем, тем не менее мы одни выступили в этом случае с письменным заявлением. К тому

[1] См. №№ 801, 832 и 833.
[2] См. № 789 и стр. 433, прим. 2.
[3] См. № 826.
[4] См. № 845.
[5] Тел. от 4 мая/21 апр. председатель ростовского биржевого комитета Парамонов обратился к Сазонову и Тимашеву с просьбой «возбудить ходатайство о предъявлении нашим правительством виновникам закрытия Дарданелл требования о возмещении вызванных этим убытков для нашей торговли и судоходства». Особая комиссия биржевого комитета в Ростове н/Д определила сумму этих убытков до 4 мая/21 апр. в 2 226 555 р. 88 к.

же из моих коллег лишь великобританский посол придавал своим советам более настойчивый характер. Вообще же взгляды представителей великих держав не отличались сочувствием к Италии и были снисходительны к точке зрения турок.

Еще накануне открытия пролива г. Бомпар посетил меня и доказывал желательность притти к соглашению с Портой о временном открытии Дарданелл, хотя бы на три недели.

Я отказался последовать за ним на этом пути, так как таковым соглашением мы признали бы за Турцией право вновь закрыть их по истечении определенного срока независимо от степени опасности от нового нападения Италии.

Отношение к вопросу о Проливах великих держав не могло остаться тайной для Порты; поэтому я не сомневаюсь, что столь сравнительно быстрое решение ее приступить к вылавливанию мин было вызвано главным образом более энергичным выступлением императорского правительства и нежеланием турок доводить дело до разрыва с нами.

Однако отношение Порты к этому вопросу будет всегда в зависимости от места нахождения итальянского флота.

Между тем посещающий меня от времени до времени итальянский советник, состоящий при здешнем германском посольстве, в частной беседе доверительно сообщил мне, что, предполагая первоначально занять шесть островов в Эгейском море — Родос, Хиос, Митилену, Тенедос, Лемнос и Имброс, Италия отказалась ныне от занятия последних трех, но намерена привести в исполнение свой план касательно первых трех.

Митилена настолько близка к Дарданеллам, что захват ее итальянцами вновь нежелательным образом обострит вопрос о Проливах. Ввиду чего я и счел долгом телеграфировать вашему высокопревосходительству, покорнейше прося сохранить в тайне источник, откуда почерпнуты мной вышеприведенные сведения [1].

Последние действия итальянского флота дают мне повод высказать мнение, что они не достигают цели — побудить Турцию к скорейшему заключению мира.

Не оспаривая, что захват островов может служить залогом в руках итальянцев, могущим облегчить переговоры, когда им настанет время, я не полагаю однако, что он приближает наступление этого времени, так как он не производит на турок впечатления, ожидаемого в Италии.

Турки видят в действиях итальянского флота косвенное признание итальянцами своего бессилия завоевать Триполитанию и справиться с горстью воюющих против них турок и арабов.

Судьбой же островов они пока мало интересуются, так как убеждены, что Европа, и в особенности Англия, не позволят Италии сохранить их.

Этой надеждой на Англию и объясняются хвалебные статьи, появляющиеся в настоящее время по ее адресу почти во всех турецких газетах.

Примите и пр.

М. Гирс.

---

[1] Ср. № 880 и прим. 1 к нему. В тел. от 10 мая/27 апр. за № 214 М. Гирс сообщал: «Совершенно доверительные сведения указывают, что отказавшись от первоначального плана занять острова Лемнос, Имброс и Тенедос, Италия имеет в виду занять Хиос и Митилену. Считаю долгом обратить внимание на то обстоятельство, что занятие последнего острова вновь обострит вопрос о Дарданеллах».

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

Абдул-Гамид — 532
Абдул-Керим-бей — 355
Абруццкий — 389
Аварна — 16, 17, 18, 38, 397, 490, 491
Август-Вильгельм, прусский принц — 346
Айронсайд — см. Бакс-Айронсайд
Акбер-Болан — 81, 83
Александр, сербский королевич — 101
Александра-Виктория, прусская принцесса — 346
Александра Федоровна — 296
Александров — 355
Аликс — 534
Али-Сеиди-бей — 322
Аллаф — 486
Амелио — 522
Амурлин-гуй — 377
Андрей Владимирович, вел. кн. — 83, 95, 96, 110, 120, 263, 265, 295
Арсеньев — 2, 82, 138, 175, 532
Артамонов — 100, 161, 252
Асквит — 148, 151, 153, 335, 337
Ассим-бей — 1, 76, 157, 163, 230, 231, 234, 280, 299, 300, 358, 359, 387, 388, 413, 424, 440, 450, 473, 479, 480, 485, 502, 505, 506, 509, 535
Ауффенберг — 346, 506, 507

Бабичев — 106
Базаров — 71, 124, 206, 221, 279
Базили — 375
Бакс-Айронсайд — 353
Баллин — 524
Бальфур — 319
Барклай — 10, 43, 60, 61, 72, 81, 82, 109, 132, 155, 156, 170, 180, 199, 242, 243, 251, 269, 304, 313, 370, 382, 429, 454
Бароли — 380, 381
Баррер — 63, 70, 157, 201, 202, 204, 227, 237, 248, 254, 255, 256, 324
Бахметев — 21, 22, 111, 112, 113, 143, 236, 269, 270
Беляев — 409
Бенак — 56, 57, 60, 61, 90, 91, 110, 136, 137, 454
Бенедикт — 289, 290
Бенкендорф — 4, 5, 6, 21, 22, 29, 32, 35, 36, 37, 40, 43, 44, 45, 52, 53, 56, 57, 59, 60, 61, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 101, 102, 110, 114, 115, 116, 117, 118, 133, 143, 148, 151, 153, 155, 165, 180, 190, 200, 201, 202, 203, 211, 217, 236, 251, 253, 269, 270, 280, 283, 284, 294, 297, 300, 312, 313, 315, 322, 329, 330, 332, 333, 336, 337, 365, 366, 367, 369, 370, 371, 380, 384, 385, 401, 402, 403, 405, 406, 407, 411, 413, 427, 432, 441, 442, 444, 445, 456, 464, 469, 477, 478, 484, 485, 493, 495, 502, 510, 515, 516, 525, 526, 527, 533
Берг — 349
Беренс — 124, 204, 207, 208, 221
Бернсторф — 112, 113, 402
Бертело — 342
Берти — 459
Берхтольд — 17, 19, 190, 198, 201, 215, 288, 289, 290, 296, 338, 339, 340, 346, 397, 398, 428, 468, 470, 471, 472, 479, 488, 489, 490, 491, 496, 506, 514
Бетено — 173
Бетман-Гольвег — 92, 115, 116, 122, 352, 464, 465, 523
Билинский — 346, 507
Бильи, де — 57, 58
Бинерт — 16, 18, 346
Бисмарк — 47, 219
Бобржинский — 462, 463
Бобринский — 462, 463
Боден — 23, 67, 68
Боллати — 38, 198, 300
Бомпар — 12, 17, 19, 24, 43, 76, 158, 230, 231, 275, 394, 424, 425, 486, 502, 517, 536
Бонар Лоу — 51, 53
Бопп — 164
Борис, болгарский королевич — 83, 101, 106, 162, 185, 264, 265
Боткин — 57, 58, 277, 278, 420
Брантинг — 348
Бремон — 487
Бретейль — 517
Бриан — 8, 272, 273, 340
Броди — 106
Броневский — 21, 22, 88, 158, 167, 192, 227, 229, 241, 250, 261, 270, 296, 301, 316, 319
Брюлар — 421, 486
Будберг — 182, 438, 439
Бунде — 257
Бунзен — 183, 184, 439
Буржуа — 8, 67, 342
Бустани — 203
Бухта Бен Багдади — 445
Бьюкенен — 4, 6, 44, 54, 56, 60, 61, 79, 81, 85, 98, 108, 131, 146, 165, 179, 181, 200, 201, 214, 251, 258, 270, 307, 358, 370, 378, 380, 385, 400, 401, 403, 410, 412, 413, 429, 432, 442, 443, 444, 454, 456, 478, 504
Бэлл — 194, 195, 196

[1] Цифры обозначают страницы.

Вадбольский — 363
Ван Чжао-мин — 176
Ван Чжен-тин — 499
Ванг Чунг-гуй — 22, 244
Василько — 338
Венизелос — 19, 20, 179, 181, 182, 236, 302, 303, 304, 311, 373, 374, 418, 419, 508, 510, 515, 516, 522, 526
Вермут — 351, 466
Верстрат — 102, 128, 149, 173, 174, 308, 345, 372, 373, 451, 468, 476, 477, 525, 533
Виктория-Луиза, прусская принцесса — 346
Виктор-Эммануил III — 333, 334, 346, 505
Вилле — 47, 48
Вильгельм, шведский принц — 347
Вильгельм II — 47, 48, 64, 71, 75, 99, 276, 333, 339, 340, 346, 351, 352, 388, 402, 466, 523, 524
Витали — 260
Воейков — 347
Воронцов-Дашков — 28, 79, 80, 145, 217, 218, 493
Восуг-эд-Доуле — 98, 155, 258, 306, 307, 370, 382, 383
Вуд — 194
Вуич — 38
Ву Цзинь-лянь — 499

Гаврилович — 139
Гагарин — 395
Гайльд — 378
Гардинг — 4, 6, 51, 53, 401, 402, 405, 406
Гарсиа Прието — 439
Гартвиг — 10, 27, 28, 31, 40, 41, 97, 106, 107, 108, 110, 111, 147, 163, 169, 180, 186, 187, 188, 199, 242, 252, 258, 262, 264, 279, 288, 326, 327, 381, 419, 420, 463, 499, 500, 509, 529, 530
Гауч — 16, 18
Гели д'Уассель — 233
Георг, греческий король — 302, 304, 418, 419
Георг V — 57, 459
Георгий, сербский королевич — 188
Герингер — 465, 466
Гернгросс — 24
Геров — 355
Гетцендорф, фон — см. Конрад фон Гетцендорф
Гешов — 10, 27, 30, 41, 65, 107, 147, 148, 161, 163, 169, 174, 185, 187, 188, 199, 242, 262, 264, 265, 266, 268, 314, 353, 356, 357, 361, 376, 397, 417, 421, 422, 463, 464, 491, 500, 508, 530, 532
Гизль — 17, 82, 138, 139
Гирс, М. — 222, 280, 413, 424, 425, 432, 433, 434, 440, 444, 445, 447, 450, 469, 472, 474, 478, 479, 480, 485, 491, 498, 502, 510, 522, 536
Гирс, Н. — 9, 18, 19, 27, 45, 72, 76, 84, 95, 96, 97, 103, 138, 165, 181, 198, 288, 289, 290, 296, 300, 302, 338, 339, 340, 346, 384, 393, 394, 398, 428, 463, 464, 468, 471, 472, 484, 489, 490, 491, 496, 507, 514, 519, 520
Гойер — 173, 193, 223, 238, 239, 261, 308, 492, 495
Голеевский — 262
Голубинов — 39, 80
Гошен — 92, 129
Грегович — 2, 175, 327
Грей — 3, 4, 5, 6, 35, 36, 37, 40 44, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 79, 81, 82, 85, 90, 91, 92, 93, 94, 102, 114, 115, 116, 117, 118, 130, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 157, 165, 166, 179, 180, 200, 201, 203, 213, 214, 226, 251, 270, 283, 284, 307, 312, 313, 317, 322, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 336, 337, 338, 358, 366, 367, 370, 371, 380, 400, 401, 403, 405, 406, 407, 410, 411, 412, 425, 426, 428, 432, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 469, 477, 478, 490, 494, 495, 502, 503, 504, 505, 515
Гренвиль — 375
Григорович — 213, 347, 414
Грипарис — 304
Гроссе — 172
Груич — 97, 108
Гуан-Сюй — 31, 141
Гулькевич — 255, 256, 300, 428
Гулэн — 133
Гурко — 47, 48
Густав, шведский король — 346

Дабижа — 82, 83, 156, 172, 178, 191, 215, 235, 237, 317, 318, 362, 370, 371, 401, 438
Данев — 174, 187, 188, 317, 361, 417, 418, 419, 420, 422, 433, 434, 463, 464, 499, 500, 509, 519, 520, 521
Данилов — 14, 121, 129, 204, 220, 279
Даути Вайли — 105
Девос — 173, 501
Делькассе — 7, 8, 12, 23, 198, 214, 254, 272, 518, 519
Демерик — 288, 289
Дервиш-паша — 322
Дерид-паша — 42
Дешанель — 513, 514, 517, 518, 519
Джабир-паша — 322
Джавид-бей — 157, 231
Джиолитти — 61, 63, 198, 291, 444, 445
Джордан — 528
Диков — 162, 237
Димитриевич — 37, 38
Дожич, министр юстиции — 175
Дожич, черног. митрополит — 2, 293, 294
Долгорукий — 9, 38, 45, 61, 62, 63, 120, 156, 157, 165, 189, 198, 201, 204, 214, 227, 236, 237, 248, 254, 256, 285, 286, 292, 300, 324, 325, 326, 333, 334, 384, 387, 388, 389, 406, 428, 470, 479, 488, 506
Думер — 41, 397, 514
Дюбайль — 13, 14, 15, 24, 74
Дюваль — 63
Дюмениль — 457
Дюпюи — 134

Егорьев — 229
Ергович — 222, 223
Ермолов — 12, 14, 129, 131, 220, 410, 412

Женуврие — 133
Жеребин — 180
Жермино — 23
Жилинский — 11, 13, 14, 74, 124, 204, 206, 293, 420
Жорес — 272, 273, 340, 341

Жоффр — 74, 75, 279
Жоффре — 182, 184, 517
Жуковский — 338

Зелигман — 54, 56, 57, 60, 61, 89, 90, 91, 109, 110, 136, 137, 168, 336, 337, 511
Земмлер — 7, 22
Зичи — 17, 19
Злошило — 175
Зорка — 326, 327

Ибрагим-Мирза — 362
Иванов — 72, 80, 86, 127, 128, 175, 176, 179
Ивасаки — 87
Иджуин — 66, 177
Извольский — 2, 8, 9, 12, 13, 21, 22, 24, 25, 33, 40, 45, 69, 70, 73, 74, 76, 89, 91, 101, 133, 135, 136, 137, 157, 165, 168, 171, 184, 202, 203, 212, 213, 214, 216, 222, 226, 233, 236, 237, 239, 244, 248, 250, 260, 270, 272, 273, 274, 275, 278, 284, 288, 291, 294, 300, 301, 302, 307, 308, 316, 333, 341, 343, 344, 345, 353, 363, 364, 369, 374, 376, 379, 384, 385, 387, 391, 392, 393, 395, 396, 397, 458, 459, 460, 461, 464, 467, 477, 479, 484, 486, 494, 498, 502, 504, 510, 513, 516, 517, 518, 521, 525, 526
Империали — 444, 445, 469, 478
Исаак-хан — 98, 168, 258, 269
Иттизад-эс-Солтане — 86, 243
Ишии — 86

Каймакам-ут-Тоулиэ — 362
Кайо — 1, 2, 7, 8, 9, 12, 22, 23, 67, 68, 69, 129, 133, 136, 182, 272, 274, 340, 341
Кальхун — 528
Камбон, Ж. — 7, 99, 137, 152, 154, 376
Камбон, П. — 68, 92, 201, 283, 284, 335, 336, 411, 412, 413, 478
Канева — 120
Кан Ю-вей — 176
Карлотти — 419
Каррер — 172, 173, 253
Картрайт — 215
Картье де Маршиен — 501
Карцов — 213, 214
Кассель — 130, 524
Керзон — 130
Кестер — 402
Кидерлен-Вехтер — 40, 61, 62, 64, 70, 92, 112, 115, 116, 182, 200, 218, 219, 241, 251, 252, 352, 360, 376, 402, 468
Кирилл, епископ — 327
Кирилл Владимирович, вел. кн. — 347
Киэза — 63
Клемансо — 7, 9, 23, 68, 133, 137, 138, 272
Клемм — 40, 155, 178, 304, 313, 410, 429, 438
Клермон-Тоннер — 213
Козаков — 193, 239, 378, 379, 380
Коковцов — 28, 48, 57, 78, 79, 80, 81, 84, 89, 108, 109, 128, 145, 146, 149, 165, 167, 174, 176, 178, 192, 193, 209, 217, 218, 231, 232, 233, 240, 241, 247, 260, 271, 281, 282, 292, 295, 297, 299, 306, 311, 313, 314, 319, 320, 323, 328, 329, 368, 370, 373, 385, 404, 405, 408, 409, 414, 416, 417, 435, 438, 451, 453, 455, 476, 477, 489, 492, 493, 510, 524, 525, 533
Конрад фон Гетцендорф — 198
Константин, греческий королевич — 185
Коншид-эс-Солтане — 43
Коростовец — 277, 278, 395
Корф — 324, 462, 463
Кривошеин — 414
Кровье — 13, 73, 462, 463, 517
Кронлунд — 348
Крупенский — 16, 18, 181, 190, 215, 404, 405, 425, 440, 451, 456, 468, 477, 492, 495, 496, 499, 525, 529, 533, 534
Круппи — 212, 340, 341, 345
Крю — 400, 401, 402, 441, 443
Кульм — 465
Кун Хедервари — 346
Куэ-Фан — 1
Кэмпбелл-Баннерман — 130

Лаговари — 222
Ламарзель — 133
Ламорне — 157, 297, 415
Ла-Касес — 133
Ларош — 198
Легран — 63
Леденл — 194
Леопольд-Сальватор, австрийский эрцгерцог — 346
Лермонтов — 182, 184
Лессар — 398
Ливен — 121, 204, 207, 221
Лиджа Ясу — 105
Линдстрем — 389
Лин-Сень — 499
Лиоте — 458, 519, 534
Листер — 57, 58
Лихачев — 420, 421, 447, 488, 535
Ли Юань-хун — 176, 244, 529
Лост — 41, 397
Лоусон — 408, 417, 501
Лоутер — 26, 32, 43, 79, 93, 444, 445, 478, 484, 494, 505
Лубе — 460
Луи, Жорж — 29, 203, 213, 216, 226, 239, 276, 277, 301, 333, 341, 342, 343, 344, 354, 360, 364, 369, 374, 375, 378, 379, 390, 391, 392, 394, 516, 517
Лукач — 507
Лу Чжен-цзян — 147
Львов — 288
Люмович — 327
Лян-би — 66
Лян Тен-вей — 164

Мак-Магон — 193, 194
Малевский-Малевич — 378, 399, 503, 514
Малинов — 186
Мамед — 172
Манжен — 486, 487
Манцони — 427
Маржери — 209
Мария Павловна, вел. кн. — 347
Мария Федоровна — 296
Мартинович-327
Мартынов — 164, 251

Маршалл — 25, 26, 42, 64, 387, 388, 474, 506, 523, 524
Матов — 355
Маттон — 13, 14
Мелегари — 16, 18, 373
Меликеидже-хан — 243
Менелик II — 104, 105
Мессими — 274, 340
Метелич — 175
Метро — 75
Меттерних — 51, 53, 523, 524
Микаэль — 105
Миллер, А. — 39, 80, 132
Миллер, Б. — 17, 138, 139, 145, 161, 175, 222, 223, 229, 292
Милованович — 10, 27, 30, 31, 40, 97, 100, 101, 107, 108, 110, 147, 148, 163, 169, 186, 242, 252, 258, 262, 264, 265, 266, 268, 327, 381, 419, 500, 508, 509, 532
Мильеран — 8, 23, 274
Минорский — 3, 32
Мирко, черногорский князь — 229, 532
Михаил Михайлович, вел. кн. — 460
Монис — 7, 8, 12, 22, 273
Морлей — 400, 401, 410, 411, 412, 432, 440, 441, 442, 443
Морнар — 108, 132, 199, 390, 511
Мотоно — 22, 35, 158, 167, 189, 192, 218, 228, 240, 241, 281, 308, 309, 310, 316, 378, 398, 399, 430, 431, 451, 452, 476, 480
Мохамед-Али-мирза — см. Мохамед-Али-шах
Мохамед-Али-шах — 1, 36, 37, 39, 43, 44, 50, 52, 54, 72, 77, 78, 81, 83, 84, 85, 86, 98, 127, 155, 156, 170, 172, 175, 176, 178, 179, 180, 191, 192, 199, 213, 215, 216, 243, 305, 306, 307, 407, 429, 455, 526, 527
Мохтар-эль-Мокри — 58
Муанье — 446, 457
Муравьев, М. Н. — 263, 264
Муравьев, Н. В. — 325
Мутевали Баша — 371
Мюлинг — 324
Мюллер — 71, 72, 75, 103
Мясоедов — 124, 126, 142, 145, 257, 348, 389

Наср-оль-Мольк — 382
Неймайер — 346
Неклюдов — 10, 28, 30, 40, 41, 65, 147, 161, 162, 163, 175, 180, 185, 186, 187, 188, 199, 258, 262, 279, 310, 314, 353, 395, 396, 462, 463, 464, 491
Нератов — 19, 88, 163, 164, 187, 193, 238, 239, 262, 264, 313, 324, 389, 437, 476, 477, 495, 496, 498, 502, 504, 508, 510, 511, 515, 520, 521, 522, 525, 526, 529, 534
Нецлин — 136, 137, 168
Низам — 258
Низами-паша — 375, 376
Никифоров — 27, 162, 238, 314, 421
Николай, черногорский король — 17, 26, 73, 82, 138, 229, 293, 294, 326, 327, 532
Николай II — 33, 78, 80, 82, 83, 93, 142, 189, 193, 216, 217, 219, 292, 307, 317, 363, 433
Николай Николаевич, вел. кн. — 278, 347, 461
Николов — 355
Никольсон — 4, 6, 35, 50, 51, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 61, 133, 148, 151, 154, 200, 201, 203, 217, 329, 330, 331, 332, 410, 411, 412, 426, 427, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 477, 478, 494, 495, 502, 515, 516, 526, 527, 533
Нитти — 324
Нокс — 111, 112, 113, 128, 143, 158, 192, 227, 228
Ностиц — 13, 14, 15, 24, 75, 279

О'Берн — 515
Обри — 389
Овсеенко — 170
Одагири — 492
Окура — 86, 87, 88, 128
Остен-Сакен — 21, 22, 26, 45, 64, 71, 99, 100, 120, 121, 165, 181, 182, 218, 219, 236, 242, 252, 270, 287, 300, 350, 384, 464, 484
Островерхов — см. Тимченко-Островерхов

Палеолог — 73, 74, 221, 222, 516
Паллавичини — 17, 19
Палта — 377
Панафье — 376, 392
Панса — 61, 138
Парамонов — 535
Пашич — 10, 27, 30, 97, 108, 110, 163, 174, 175, 419, 420, 500, 508, 509
Пелле — 220, 278, 279
Перес Кабальеро — 396, 439, 461
Петр, сербский король — 186, 229, 258, 265, 266, 268, 327, 420, 532
Пишон — 133, 134, 213, 272, 273, 310, 341, 459
Планш, де — 388
Плеве — 145
Погуляев — 213
Подгурский — 492
Поклевский-Козелл — 2, 3, 10, 43, 44, 45, 72, 77, 78, 80, 83, 84, 86, 98, 108, 128, 132, 155, 156, 168, 170, 172, 175, 176, 178, 179, 180, 191, 199, 215, 216, 217, 218, 235, 237, 243, 244, 251, 258, 269, 270, 304, 306, 313, 318, 363, 364, 371, 383, 384, 390, 401, 409, 411, 413, 429, 430, 438, 454, 510
Покотилов — 244
Поливанов — 314, 364, 408, 409, 420
Попович — 2, 327
Поппе — 148, 149, 164
Потапов — 222, 293
Преображенский — 409, 410
Приклонский — 37
Пуанкаре — 1, 2, 8, 9, 12, 13, 23, 29, 32, 33, 40, 62, 63, 67, 68, 69, 70, 73, 76, 133, 134, 135, 136, 182, 184, 198, 201, 202, 203, 211, 212, 213, 214, 217, 226, 231, 237, 244, 248, 254, 255, 260, 272, 273, 275, 276, 277, 278, 284, 287, 301, 307, 308, 317, 333, 335, 337, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 353, 362, 364, 369, 374, 375, 379, 386, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 439, 459, 460, 461, 467, 485, 486, 494, 502, 504, 511, 512, 513, 516, 517, 518, 519, 521, 525, 526
Пурталес — 64, 360, 378
Пустошкин — 19, 76, 77, 98

Путилов — 345
Путник — 509, 529, 532

Радев — 353
Райнер, австрийский эрцгерцог — 161, 346
Рамель — 126
Рафалович — 57, 137, 345
Рачинский — 222
Ревелиотти — 109, 110
Ревелиотти, Л. — 193, 197
Ревельсток — 109, 110, 168, 336, 337
Ревуаль — 157, 230, 231, 235, 272
Гедько — 235, 237, 318, 362
Рейн — 204, 205
Рекс — 346
Реньо — 277, 284, 385, 386, 421, 445, 457, 458, 486, 487
Решид-эс-Солтане — 39
Рибо — 67, 134, 137, 138
Ризов — 422
Рифаат-паша — 25, 133, 230, 388, 485, 513
Родд — 254, 428, 505, 506
Романовский — 10, 27, 30, 40, 65, 106, 110, 111, 147, 161, 162, 199, 237, 238, 263, 264, 268, 314, 361, 418
Рощаковский — 181, 182, 357
Рукн-эд-Доуле — 172, 318
Рустем-бей — 2, 229, 532
Рухлов — 89, 414
Рассель — 490
Рюше — 48

Саблер — 414
Савинский — 346, 348, 350, 390, 497
Савонов — 1, 2, 3, 4, 7, 8, 10, 12, 16, 17, 18, 19, 22, 24, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 56, 57, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 69, 72, 73, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 94, 98, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 115, 119, 120, 124, 127, 128, 131, 132, 133, 135, 136, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 153, 155, 156, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 188, 189, 191, 192, 193, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 243, 244, 247, 248, 250, 251, 253, 254, 256, 258, 260, 261, 262, 264, 270, 272, 273, 274, 275, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 287, 288, 291, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 322, 323, 324, 325, 326, 329, 332, 333, 334, 336, 338, 340, 341, 343, 344, 346, 348, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 360, 363, 364, 365, 366, 367, 370, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 379, 380, 381, 384, 385, 387, 388, 389, 390, 391, 394, 395, 396, 397, 399, 402, 404, 405, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 417, 418, 420, 421, 425, 426, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 438, 440, 441, 442, 445, 450, 452, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 462, 463, 464, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 473, 474, 484, 485, 486, 488, 489, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 498, 499, 500, 505, 506, 508, 510, 511, 513, 515, 516, 517, 520, 521, 522, 523, 524, 526, 527, 532, 533, 534, 535
Саид-оль-Мемалек — 39
Саид-паша — 42, 450
Сайкс — 178, 191, 192, 401, 438
Саландра — 324
Салар-эд-Доуле — 155, 156, 213, 305, 306, 384, 411, 413, 454, 526, 527
Самад-хан — 243
Самойлов — 21, 22
Самсам-эс-Солтане — 383
Сан-Джулиано — 16, 18, 37, 61, 63, 119, 120, 156, 157, 202, 204, 227, 255, 256, 333, 334, 387, 389, 397, 428, 505, 506
Сватковский — 462, 463
Свербеев — 20, 169, 181, 304, 311, 374, 418, 419, 508, 510, 515, 522, 526
Свечин — 279, 280, 384, 413
Сегени — 76
Сельв, де — 7, 8, 13, 23, 182, 212, 341, 345, 369, 379, 380
Сеймур — 250
Сементовский-Курило — 187, 279
Сент-Олэр — 519
Сепехдар — 132, 258, 383, 410
Сечен — 17, 19, 76, 344, 504
Сикат-оль-Ислам — 408, 411, 412, 441, 443
Си-Магомет-эль-Геббас — 58
Симон — 233, 345, 525
Скалеа — 120, 256, 506
Спалайкович — 10, 27, 30, 31, 41, 106, 107, 111, 147, 148, 163, 169, 242, 252, 258, 353, 508
Спринг-Райс — 382
Стааф — 124, 257
Станчов — 162, 163, 169, 174, 376, 393
Стеег — 8
Степанович — 100, 101, 107
Стивенс — 132
Стоянович — 97, 107
Стрейт — 357
Стриндберг — 257
Стрэт — 245
Сулейман-Назиф — 388
Сунь-У — 224
Сун Ят-сен — 65, 66, 131, 140, 141, 142, 147, 150, 173, 246
Супрунов — 235
Сухомлинов — 11, 14, 24, 48, 49, 74, 78, 79, 81, 89, 233, 363, 409, 414

Табурно — 101
Тавель — 471, 472
Талаат-бей — 356
Талиб-оль-Хакк — 362, 371
Тан Хуа-лун — 499
Тан Цзай-ли — 244
Тан Шао-и — 172, 173, 223, 227, 244, 245, 260, 261, 408, 416, 417, 440, 455, 456, 500, 501, 528
Тардье — 273
Татарчев — 355
Тафт — 113
Тевфик-паша — 133, 444, 445, 478
Тедески — 388
Телян — 66

Тесамма — 106
Тимашев — 404, 405, 414, 535
Тимченко-Островерхов — 224
Тирпиц — 99, 120, 121, 122, 204, 351, 402, 465
Тиррель — 331, 332, 333
Титтони — 63, 69, 138, 202, 213, 479, 511, 512
Тодоров — 188, 354, 422, 423
Томанович — 138, 145, 175
Торретта — 387, 406, 522
Тоунлей — 429, 430, 493
Тошев — 187, 499, 500
Турн — 296, 338
Турхан-паша — 190, 280, 299, 300, 302, 322, 373, 485
Тухер — 346
Тьебо — 389, 390
Тюрбан — 471, 472
Тюреттини — 173

Уатсон — 121, 122, 123, 208
Урусов — 187, 314, 317, 353, 355, 357, 358, 376, 396, 397, 424
Устиновский — 40
Утин — 41
Уцида — 87, 167, 192, 227, 228, 248, 249, 261, 318, 399, 503
Уэрдель — 93

Фальбек — 496, 497
Фальер — 23, 47, 514
Фалькенгаузен — 75
Фан Юань-лянь — 244
Феллер — 446
Фердинанд, болгарский король — 10, 13, 27, 73, 74, 161, 162, 163, 175, 185, 186, 188, 252, 258, 262, 265, 266, 268, 279, 353, 376, 411, 412, 417, 420, 421, 422, 423, 424, 433, 434, 499, 500, 514, 532
Ферман-Ферма — 258
Ферреро — 387
Фичев — 162, 509, 529, 532
Фонвизин — 186
Фондер — 7, 22, 273
Форер — 48
Фосс — 238
Франки — 233, 310, 319, 525
Франц-Иосиф — 16, 17, 18, 19, 75, 83, 95, 96, 163, 289, 290, 295, 296, 346, 423, 462, 463, 471, 472, 514
Франц-Фердинанд — 16, 18, 95, 96, 97, 338, 346, 393

Хайле Георгис — 105, 106
Хакки-паша — 42, 230
Харитонов — 414
Хедин, Свен — 125, 126, 142, 143, 144, 145, 256, 257, 348, 349, 496
Хильми-паша — 231
Холден — 85, 92, 99, 100, 115, 116, 120, 121, 124, 129, 130, 138, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 211, 212, 220, 283, 339, 340, 351, 352, 523, 524
Хольмсен — 271, 434
Хомяков — 467
Хорват — 149, 164, 165
Хуан-Син — 223, 529
Ху Вей-дэ — 111, 112, 367, 440, 533

Цай Юан-пэй — 176, 245, 246
Цзай-Тао — 31
Цзай-Цзэ — 67
Цзао Чжу-лин — 131, 140, 141
Цзян Гуй-ци — 112
Циммерман — 25, 26, 64, 360
Цин — 31, 67, 398

Чанг-ю — 501
Чарыков — 1, 2, 3, 17, 19, 26, 28, 29, 32, 41, 43, 45, 76, 79, 120, 127, 144, 158, 164, 169, 170, 171, 179, 191, 230, 231, 234, 235, 260, 262, 264, 271, 272, 275, 279, 280, 296, 297, 298, 307, 322, 352, 353, 359, 384, 388, 415, 424, 435, 436, 438, 440, 479, 509
Чемерзин — 105, 106
Ченг — 87
Черчилль, Дж. — 382
Черчилль, У. — 115, 122, 129, 138, 283, 351, 352
Чжао Эрр-сюнь — 224
Чжао Эрр-фын — 377
Чжан-Сюнь — 66
Чжан Хуай-чжи — 66
Чиршки — 75, 346
Чэм Цзин-дао — 173
Чэн Гуй-чан — 112

Шаган — 196
Шарак — 196
Шебеко — 351, 352, 360, 376, 402, 466, 467, 468, 523, 524
Шебунин — 169, 180, 181, 216, 242, 303, 311, 469, 515
Шептицкий — 95
Шиба — 249
Шипле — 32
Шоа-эс-Солтане — 86, 172, 178, 191, 243
Шоджа-эд-Дбуле (Самад-хан) — 39, 44, 132, 258, 409, 410
Шостак — 235
Шпаан — 466
Штумм — 115, 116
Штюргк — 94
Шукри-бей — 355, 356
Шустер-Морган — 10, 50, 51, 52, 53, 108, 313, 390, 511

Щегловитов — 414
Щекин — 1, 22, 31, 32, 33, 66, 67, 102, 111, 112, 131, 139, 140, 141, 142, 148, 164, 167, 173, 177, 178, 193, 209, 210, 223, 224, 225, 227, 231, 232, 233, 239, 245, 250, 251, 260, 261, 282, 291, 308, 327, 328, 367, 368, 372, 377, 398, 408, 416, 417, 425, 439, 451, 499

Эдуард VII — 459, 460, 517
Эллиот — 19, 303
Энвер-бей — 10, 11
Эренсверд — 126, 145, 256, 348, 349, 350
Эренталь — 13, 16, 17, 18, 19, 37, 38, 71, 72, 74, 75, 76, 82, 84, 96, 162, 198, 397, 470, 471, 472

Эскалье — 500, 501
Эстурнель де Констан — 134

Юань Да-хуа — 408
Юань Ши-кай — 31, 33, 34, 65, 66, 67, 101, 102, 111, 112, 131, 139, 140, 141, 142, 143, 147, 149, 150, 167, 173, 176, 177, 178, 192, 200, 210, 211, 223, 224, 225, 227, 229, 231, 232, 233, 240, 241, 244, 245, 246, 250, 259, 281, 294, 295, 301, 327, 328, 330, 334, 336, 367, 368, 377, 404, 439, 440, 451, 498, 499, 501, 528, 529
Югэ — 11, 12
Юй-Лан — 31
Юнг — 411, 413
Юнгхэсбенд — 197
Юсуф-хан — 81, 83, 156, 172, 216, 361, 371
Юшт — 507

Ягов — 254, 324
Ян Цзан-сюй — 408
Яхия — 120

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспондентский [1]

Абиссиния

Миссия — министерство ин. дел: № 447

Австро-Венгрия

Ноты, пам. записки: № 861
Министерство ин. дел — посольство: №№ 394, 530, 659, 739, 814, 836
Посольство — министерство ин. дел: №№ 361, 369, 411, 416, 427, 437, 438, 446, 476, 539, 563, 646, 647, 653, 663, 695, 696, 697, 702, 749, 753, 785, 812, 819, 825, 842, 843, 853, 863, 870, 877

Англия

Ноты, пам. записки: №№ 398, 419, 424, приложение к № 459, 470, 487, 506, 525, 577, 614, 620, 675, 721, 728, 733, 762, 769, 782, 807, 835, 860
Министерство ин. дел — посольство: №№ 364, 365, 377, 392, 394, 399, 444, 445, 481, 590, 591, 629, 652, 659, 671, 672, 736, 739, 758, 763, 788, 814, 836, 838, 849, 867, 885
Посольство — министерство ин. дел: №№ 350, 380, 381, 386, 393, 397, 401, 402, 434, 435, 436, 451, 457, 458, 459, 490, 493, 549, 550, 551, 641, 656, 690, 691, 694, 724, 756, 760, 767, 783, 797, 798, 823, 829, 851, 873, 886
Генеральное консульство в Калькутте — см. Индия
Военный агент: №№ 357, 468, 624
Перехваченная переписка: № 429

Бельгия

Ноты, пам. записки: № 858

Болгария

Фердинанд — Николай II: № 790
Министерство ин. дел—миссия: №№ 528, 774
Миссия — министерство ин. дел: №№ 354, 389, 406, 520, 534, 536, 546, 618, 636, 674, 678, 707, 710, 711, 712, 731, 777, 813, 844
Запись беседы Неклюдова с королем болгарским: № 625
Неклюдов — Гартвиг: № 535
Военный агент: №№ 501, 594, 626, 716, 772

Германия

Ноты, пам. записки: № 733
Министерство ин. дел — посольство: №№ 364, 394, 530, 591, 629, 659, 739, 814, 836
Посольство — министерство ин. дел: №№ 368, 405, 442, 461, 532, 569, 570, 598, 612, 644, 705, 706, 715, 730, 757, 815, 816, 818, 882, 883
Военный агент: №№ 410, 571, 635
Морской агент: №№ 462, 555 и приложение к № 572

Греция

Министерство ин. дел — миссия: № 531
Миссия — министерство ин. дел: №№ 362, 664, 773, 864

Индия

Генеральное консульство — министерство ин. дел: № 544

Испания

Посольство — министерство ин. дел: №№ 533, 794

[1] Цифры обозначают номера документов.

Италия

Ноты, пам. записки: № 356
Министерство ин. дел — посольство: №№ 394, 590, 659
Посольство — министерство ин. дел: №№ 353, 382, 403, 404, 460, 496, 545, 554, 561, 562, 580, 607, 615, 616, 643, 650, 685, 686, 693, 742, 743, 744, 761, 784, 824, 830, 841, 862

Китай

Ноты, пам. записки: № 488
Министерство ин. дел — миссия: №№ 345, 365, 491, 508, 622, 668, 764, 820
Миссия — министерство ин. дел: №№ 375, 376, 407, 453, 454, 455, 469, 478, 479, 504, 518, 523, 556, 575, 576, 581, 595, 603 и приложение, 610, 648, 688, 722, 726, 732, 754, 781, 795, 803, 806, 846, 852, 856, 887, 890

Марокко

Миссия — министерство ин. дел: №№ 400, 776, 799, 840, 892

Персия

Ноты, пам. записки: №№ 494, 665
Министерство ин. дел — миссия: №№ 349, 391, 412, 426, 428, 441, 467, 471, 510, 526, 592, 611, 628, 746, 766
Министерство ин. дел — генеральное консульство в Тавризе: № 384
Министерство ин. дел — генеральное консульство в Мешеде: № 793
Министерство ин. дел — вице-консульство в Урмии: № 385
Миссия — министерство ин. дел: №№ 355, 430, 495, 513, 516, 547, 564, 589, 601, 602, 619, 738, 786
Генеральное консульство в Мешеде — министерство ин. дел: №№ 517, 541, 679, 717, 725
Консульство в Астрабаде — министерство ин. дел: №№ 465, 522

Румыния

Миссия — министерство ин. дел: № 573

Сербия

Министерство ин. дел — миссия: №№ 371, 388, 489, 527, 774
Миссия — министерство ин. дел: №№ 370, 374, 439, 448, 449, 452, 502, 511, 599, 613, 687, 737, 857, 865, 888
Гартвиг — Неклюдов: № 535
Военный агент: № 443

Соединенные Штаты Америки

Ноты, пам. записки: приложение к № 456, 733
Министерство ин. дел — посольство: №№ 364, 482, 591, 629
Посольство — министерство ин. дел: №№ 456, 627

Турция

Ноты, пам. записки: №№ 538, 658, 778, 800, 826, 845
Министерство ин. дел — посольство: №№ 346, 394, 483, 514, 637, 638, 639, 655, 683, 739, 789, 796, 822, 837, 880, 881
Министерство ин. дел — генеральное консульство в Канее: №№ 529, 670, 821
Посольство — министерство ин. дел: №№ 348, 390, 421, 464, 497, 503, 512, 540, 584, 587, 588, 713, 768, 779, 780, 801, 802, 827, 831, 832, 833, 855, 866, 893
Военный агент: № 791
Генеральное консульство в Канее — министерство ин. дел: №№ 418, 440, 600

Франция

Ноты, пам. записки: №№ 373, приложение к № 596, 604, 714, 733
Министерство ин. дел — посольство: №№ 364, 394, 417, 433, 444, 515, 566, 578, 590, 591, 596, 621, 629, 649, 652, 659, 667, 677, 708, 709, 720, 729, 734, 735, 739, 814, 836, 850, 859, 867, 885
Посольство — министерство ин. дел: №№ 347, 351, 352, 358, 366, 367, 378, 387, 408, 409, 413, 414, 472, 473, 474, 475, 552, 553, 558, 559, 560, 579, 593, 606, 609, 631, 632, 633, 634, 642, 645, 661, 662, 692, 698, 699, 700, 701, 718, 741, 747, 748, 750, 751, 752, 808, 809, 810, 811, 817, 839, 869, 874, 875, 876
Военный агент: №№ 359, 360, 415

Черногория

Король черногорский — Сазонов: № 651
Министерство ин. дел — миссия: № 500
Миссия — министерство ин. дел: №№ 477, 485, 521, 574, 583, 889

Швейцария

Военный агент: № 395

Швеция

Миссия — министерство ин. дел: №№ 463, 484, 617, 703, 704, 745, 854

Япония

Ноты, пам. записки: №№ 383, 499, 507, 537, 605, 682, 733, 755, 787, 834
Министерство ин. дел — посольство: №№ 364, 365, 509, 623, 629, 660, 871
Посольство — министерство ин. дел: №№ 431, 498, 542, 582, 608, 654, 676, 680
Военный агент: № 363

Переписка министерства ин. дел с другими ведомствами

Военное: №№ 396, 586, 719, 775
Финансов: №№ 450, 466, 492, 505, 519, 543, 548, 557, 585, 597, 640, 669, 681, 684, 689, 723, 727, 740, 759, 771, 792, 804, 805, 828, 847, 868, 884, 891
Председатель совета министров: №№ 372, 432, 524, 567, 630, 657, 673, 765, 770, 848
Торговли и промышленности: № 759

Переписка других ведомств

Председатель совета министров — военный министр: № 423
Председатель совета министров — наместник на Кавказе: №№ 422, 486
Инструкции финансовым представителям на конференции банкиров: приложения к №№ 804, 828

Докладные записки министра ин. дел Николаю II: №№ 379, 425, 480, 565, 566
Докладная записка военного министра Николаю II: № 420
Сазонов — Нератову: №№ 872, 879
Записки и справки: №№ 568, приложение к № 770, 878
Договора, соглашения, конвенции: 2 приложения к № 625, приложение к № 834, приложение к № 888

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки [1]

Абиссиния

1. Проникновение Франции, Англии и Италии в Абиссинию — 447

Австро-Венгрия

1. Австро-албанские отношения — 361
2. Австро-болгарские отношения — 414, 501, 710
3. Австро-венгерский заем во Франции (вопрос о) — 358
4. Австро-германские отношения — 702, 842
5. Австро-итальянские отношения — 382, 615, 749, 842
6. Австро-румынские отношения — 842
7. Австро-русские отношения — 361, 427, 437, 438, 646, 647, 653, 695, 749, 753, 812, 825, 842
8. Австро-сербские отношения — 382
9. Австро-французские отношения — 870
10. Австро-черногорские отношения — см. Черногория (5)
11. Военные приготовления в Боснии и Герцеговине — 358, 382
12. Внутреннее положение (смерть Эренталя, назначение Берхтольда) — 361, 416, 427, 438, 545
13. Заключение торгового договора с Болгарией — 710
14. Львовский инцидент — 361
15. Новый военный закон — 369
16. Поездка Вильгельма II в Вену — см. Германия (11)
17. Присоединение Австро-Венгрии к четверному консорциуму (вопрос о) — 861
18. Речь Берхтольда в делегациях — 842, 863
19. Черногорский заем в Австро-Венгрии — см. Черногория (7)

Англия

1. Английская парламентская делегация в России — 436, 493
2. Англо-германские отношения — 350, 357, 397, 429, 434, 442, 458, 462, 468, 476, 490, 493, 555 и приложение, 558, 571, 635, 641, 706, 882, 883
3. Англо-русские переговоры о присоединении России к четверному консорциуму — 386, 557, 577, 585, 597, 620, 629, 640, 652, 671, 675, 689, 690, 691, 694, 721, 723, 726, 736, 740, 758, 767, 782, 788, 807, 891
4. Англо-русские отношения в Персии — см. Персия (1)
5. Англо-французские отношения — см. Франция (15)
6. Внутреннее положение (угольная стачка) — 690, 694
7. Миссия Холдена — 429, 434, 442, 458, 461, 462, 468, 476, 490, 493, 558, 571, 641, 697, 706, 883
8. Политика Англии в Афганистане — см. Афганистан (1)
9. Политика Англии в Персии — см. Персия (5, 8, 9, 10, 11, 16)

Афганистан

1. Политика Англии в Афганистане — 760, 767

Болгария

1. Болгаро-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (2)
2. Болгаро-греческое сближение и вопрос о заключении греко-болгарского договора — 534, 712, 844
3. Болгаро-румынские отношения — см. Румыния (2)
4. Болгаро-турецкие отношения — приложение к № 596, 716
5. Болгарский заем во Франции (вопрос о) — 414, 731, 750, 752, 878, 879
6. Заключение торгового договора с Австро-Венгрией — см. Австро-Венгрия (13)
7. Поездка Данева в Россию — 678, 790, 865, 878, 879

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

8. Русско-болгарская военная конвенция (вопрос о) — 594, 625, 626, 772
9. Сербо-болгарский союзный договор и военная конвенция — 354, 370, 371, 374, 388, 406, 448, 452, 489, 501, 502, 511, 520, 527, 528, 535, 546, 594, 599, 613, 618, 625 и приложения I и II, 626, 636, 678, 708, 734, 748, 752, 767, 772, 774, 777, 790, 812, 857, 878, 888 и приложение
10. Снабжение Россией болгарской армии (вопрос о) — 501, 594, 674
11. Ссуда росс. прав-ва Фердинанду — 536
12. Учреждение франко-болгаро-русского банка — 389, 750, 752

Германия

1. Внутреннее положение — 816
2. Военно-морские приготовления Германии — 555, 572, 635, 705, 706, 757, 815, 816
3. Германо-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (4)
4. Германо-английские отношения — см. Англия (2)
5. Германо-итальянские отношения — см. Италия (2)
6. Германо-русские отношения — 882
7. Германо-турецкие отношения — см. Турция (9)
8. Германо-французские отношения — 351, 357, 359, 476, 635
9. Германо-шведские отношения — см. Швеция (1)
10. Миссия Холдена — см. Англия (7)
11. Поездка Вильгельма II в Вену — 702
12. Попытка заключить военный союз с Швейцарией — см. Швейцария (1)
13. Свидание Вильгельма II с Виктором-Эммануилом III — 693, 702
14. Финансовая подготовка Германии к войне — 635, 644, 815
15. Франко-германское соглашение относительно Марокко — см. Франция (17)

Греция

1. Греко-болгарское сближение и вопрос о заключении греко-болгарского договора — см. Болгария (2)
2. Греко-итальянские отношения — 880
3. Греко-турецкие отношения — приложение к № 596
4. Критский вопрос — 362, 418, 421, 440, 487, 512, 525, 529, 530, 531, 539, 565, 569, 590, 600, 612, 664, 666, 670, 697, 728, 773, 821, 864, 867, 872, 873, 874, 885

Испания

1. Франко-испанские переговоры о Марокко — 533, 649, 698, 751, 794, 811

Италия

1. Итало-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (5)
2. Итало-германские отношения — 387, 403, 405, 409, 570, 615, 693, 702
3. Итало-греческие отношения — см. Греция (2)
4. Итало-русские отношения — 656, 686, 743, 753, 811, 862, 882
5. Итало-сербские отношения — см. Сербия (4)
6. Итало-турецкая война — см. рубрику Итало-турецкая война.
7. Итало-французские разногласия — см. Франция (19)
8. Свидание Вильгельма II с Виктором-Эммануилом III — см. Германия (13)

Итало-турецкая война

1. Аннексия Италией Триполитании — 538
2. Бомбардировка Бейрута — 540, 549, 552, 658
3. Бомбардировка Италией Дарданелл и закрытие их Турцией — 496, 549, 550, 562, 580, 587, 626, 716, 778, 779, 783, 784, 785, 789, 791, 798, 801, 811, 813, 822, 826, 829, 830, 832, 833, 835, 836, 838, 839, 843, 845, 851, 853, 862, 876, 893
4. Занятие Италией островов Додеканеза — 880, 881, 893
5. Медиация держав — 347, 352, 353, 356, 361, 368, 387, 390, 394, 401, 403, 405, 411, 413, 427, 435, 438, 445, 446, 457, 459 и приложение, 460, 472, 496, 506, 532, 553, 559, 561, 563, 566, 578, 579, 593, 596, 606, 607, 616, 634, 643, 645, 647, 650, 653, 658, 659, 662, 663, 667, 677, 686, 692, 696, 697, 709, 715, 718, 720, 730, 739, 742, 761, 768, 800, 802, 811, 814, 817, 818, 819, 823, 824, 827, 841, 869
6. Ограничение сферы военных действий Италии в целях сохранения мира на Балканах (вопрос о) — 580, 813
7. Условия мира (вопрос о) — 554, 643, 650, 800, 827, 841

Китай

1. Займы и авансы республиканскому прав-ву отдельными финансовыми группами — 379, 431, 444, 466, 481, 492, 508, 518, 519, 543, 548, 551, 557, 575, 585, 595, 622, 648, 652, 668, 681, 684, 688, 690, 726, 754, 764, 771, 781, 806, 858, 884

2. Китайская революция — 363, 364, 365, 375, 407, 431, 454, 455, 469, 478, 479, 488, 523, 576, 603 и приложение, 765, 803, 856, 887
   а) Признание державами республиканского прав-ва (вопрос о) — 364, 376, 379, 491, 504, 505, 507, 523, 537, 568, 582, 591, 598, 609, 614
   б) Нота Нокса — 453, 456 и приложение, 481, 498, 582, 627
   в) События в Пекине — 363, 576, 581, 582, 603, 887
3. Отделение Монголии от Китая (вопрос о) — см. Монголия (1)
4. Пересмотр русско-китайского торгового договора 1881 г. (вопрос о) — 379, 396, 759, 795
5. Реорганизационный заем — 347, 352, 386, 474, 556, 557, 577, 585, 597, 604, 605, 620, 629, 640, 648, 652, 654, 660, 661, 669, 671, 675, 676, 680, 682, 689, 690, 691, 694, 700, 701, 714, 721, 723, 726, 727, 733, 735, 736, 740, 750, 755, 758, 767, 782, 788, 804 и приложение, 807, 809, 820, 828 и приложение, 846, 852, 860, 861, 871, 891
   а) Присоединение России и Японии к четверному консорциуму — 347, 352, 386, 556, 557, 577, 585, 597, 604, 605, 620, 629, 640, 648, 652, 654, 660, 661, 669, 671, 675, 676, 680, 682, 689, 690, 691, 694, 700, 701, 714, 721, 723, 726, 727, 733, 735, 736, 740, 750, 755, 758, 767, 782, 788, 804 и приложение, 807, 809, 820, 828 и приложение, 846, 852, 860, 861, 871, 891
   б) Присоединение Австро-Венгрии к четверному консорциуму (вопрос о) — см. Австро-Венгрия (17)
6. Русские войска в Китае — 396, 423, 586, 610, 890

Марокко

1. Восстание в Феце — 776, 794, 799, 808, 811, 840, 892
2. Назначение посланника в Танжер — см. Россия (5)
3. Установление Францией протектората над Марокко — 400, 698, 741, 808
4. Франко-испанские переговоры — см. Испания (1)

Монголия

1. Отделение Монголии от Китая (вопрос о) — 345, 722, 732, 795, 803

Персия

1. Англо-русские отношения в Персии — 350, 381, 392, 393, 397, 398, 419, 424, 490, 493, 524, 526, 724, 756, 760, 763, 786, 797, 886
2. Внутреннее положение — 738, 767
3. Восстание Салар-эд-Доуле — 805
4. Джульфа-Тавризская дорога — 847
5. Морнар — 350, 746, 868
6. Назначение Шоджа-эд-Доуле азербайджанским ген.-губернатором (вопрос о) — 471, 513, 619, 766
7. Организация персидской армии (казачья бригада) — 398, 419, 428, 494, 601, 628, 665, 719, 738
8. Переговоры России и Англии с Персией об условиях займа — 398, 399, 402, 419, 428, 433, 450, 451, 470, 475, 494, 510, 516, 547, 601, 602, 611, 665, 719, 738, 762, 769, 805, 849, 868
9. Поставка серебра для монетного двора (вопрос о) — 355, 672
10. Признание Персией англо-русского соглашения 1907 г. — 398, 419, 428, 470, 494, 516, 601, 602, 611, 665, 738
11. Реставрация Мохамед-Али-шаха (вопрос о) — 381, 384, 391, 392, 397, 398, 412, 419, 424, 426, 428, 430, 441, 465, 467, 494, 495, 513, 517, 522, 524, 526, 541, 559, 564, 601, 665, 886
12. Русские войска в Персии — 346, 393, 397, 398, 422, 486, 513, 567, 601, 639, 665
13. Русско-турецкие столкновения на турецко-персидской границе — 346, 372, 385, 422, 486, 514, 655, 730
14. События в Мешеде — 424, 426, 495, 517, 524, 541, 564, 589, 592, 679, 717, 724, 725, 756, 760, 763, 767, 793, 797
15. События в Тавризе — 346, 397, 463, 767
16. Трансперсидская железная дорога (вопрос о) — 373, 399, 433, 451, 475, 510, 762, 769, 849
17. Турецко-персидское разграничение — 349, 377, 514, 638, 655, 683, 837, 848
18. Шведские инструктора — 350, 398, 494, 665, 805

Россия

1. Английская парламентская делегация — см. Англия (1)
2. Англо-русские переговоры о присоединении России к четверному консорциуму — см. Англия (3)
3. Англо-русские отношения в Персии — см. Персия (1)
4. Арбитраж России в сербо-болгарском союзном договоре (вопрос о) — 448, 452, 527, 528

5. Назначение посланника в Танжер — 634, 750
6. Отставка Жоржа Луи (вопрос о) — см. Франция (6)
7. Отставка Чарыкова — 625, 637, 707, 744
8. Переговоры с Турцией о проливах и железных дорогах в Малой Азии — см. Турция (4)
9. Пересмотр русско-китайского торгового договора 1881 г. (вопрос о) — см. Китай (4)
10. Поездка вел. кн. Николая Николаевича во Францию (вопрос о) — см. Франция (7)
11. Поездка Пуанкаре в Петербург (вопрос о) — см. Франция (8)
12. Позиция России по вопросу о реорганизационном займе — 347, 352, 386, 556, 557, 577, 585, 597, 604, 605, 620, 629, 640, 648, 652, 661, 669, 671, 675, 676, 682, 689, 694, 700, 701, 714, 721, 723, 726, 733, 735, 736, 740, 750, 755, 758, 767, 782, 788, 804, 809, 820, 828 и приложение, 846, 852, 860, 891
13. Политика России в Персии — см. Персия (4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17)
14. Политика России в Тибете — см. Тибет (1)
15. Русско-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (7)
16. Русско-болгарская военная конвенция (вопрос о) — см. Болгария (8)
17. Русско-германские отношения — см. Германия (6)
18. Русско-итальянские отношения — см. Италия (4)
19. Русско-сербские отношения — см. Сербия (5)
20. Русско-турецкие отношения — см. Турция (12)
21. Русско-турецкие столкновения на турецко-персидской границе — см. Персия (13)
22. Русско-французские отношения — см. Франция (20)
23. Русско-французские переговоры по балканскому вопросу — см. Франция (11)
24. Русско-французские переговоры о проливах и Северном Китае — см. Франция (12)
25. Русско-черногорские отношения — см. Черногория (2 и 3)
26. Русско-шведские отношения — см. Швеция (2)
27. Русско-японские переговоры о заключении конвенции — см. Япония (4)
28. Русско-японские отношения — см. Япония (5)
29. Франко-русские переговоры о военной конвенции — см. Франция (21)
30. Франко-русские переговоры о железных дорогах в Малой Азии — см. Франция (22)

Румыния

1. Румыно-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (6)
2. Румыно-болгарские отношения — 414, 573

Сербия

1. Внутреннее положение — 439, 443, 449, 452
2. Сербо-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (8)
3. Сербо-болгарский союзный договор и военная конвенция — см. Болгария (9)
4. Сербо-итальянские отношения — 737
5. Сербо-русские отношения — 775
6. Сербо-черногорские отношения (Дело Дожича) — 348, 651, 687
7. Сербская миссия в Ливадию (вопрос о) — 774, 865

Соединенные Штаты Америки

1. Нота Нокса — 453, 456, 466, 481, 482, 498, 509, 542, 582, 627

Тибет

1. Политика России в Тибете — 544

Тройственное согласие

1. Консолидация Антанты — 360, 415, 624, 810

Тройственный союз

1. Возобновление Тройственного союза (вопрос о) — 403, 476, 615, 702
2. Угроза всеобщей войны со стороны Германии и Австро-Венгрии — 410, 571, 635

Турция

1. Англо-германские переговоры о Багдадской ж. д. — 458, 468, 493, 558
2. Итало-турецкая война — см. рубрику Итало-турецкая война
3. Критский вопрос — см. Греция (4)
4. Переговоры с Россией о проливах и железных дорогах в Малой Азии — 390, 417, 432, 464, 483, 497, 503, 515, 584, 588, 621, 630, 633, 657, 673, 770 и приложение, 780, 792, 796, 831, 837, 855, 859, 866
5. Позиция Турции по отношению к медиации держав — 730, 742
6. Политика Турции в Македонии — 711
7. Русско-турецкие столкновения на турецко-персидской границе — см. Персия (13)

8. Турецко-болгарские отношения — см. Болгария (4)
9. Турецко-германские отношения — 744
10. Турецко-греческие отношения — см. Греция (3)
11. Турецко-персидское разграничение — см. Персия (17)
12. Турецко-русские отношения — 639, 656, 713, 837, 848
13. Турецко-черногорские отношения — см. Черногория (9)

Франция

1. Австро-венгерский заем во Франции (вопрос о) — см. Австро-Венгрия (3)
2. Болгарский заем во Франции (вопрос о) — см. Болгария (5)
3. Военные приготовления — 632
4. Внутреннее положение — 351, 352, 366, 631, 698
5. Восстание в Феце — см. Марокко (1)
6. Отставка Жоржа Луи (вопрос о) — 701, 750, 875
7. Поездка вел. кн. Николая Николаевича во Францию (вопрос о) — 811
8. Поездка Пуанкаре в Петербург (вопрос о) — 701
9. Позиция Франции по вопросу о реорганизационном займе — 604, 629, 640, 661, 669, 671, 700, 701, 714, 721, 725, 735, 750, 809
10. Политика Франции в Марокко — см. рубрику Марокко
11. Русско-французские переговоры по балканскому вопросу — 414, 596, 634, 699, 729, 747, 850
12. Русско-французские переговоры о проливах и Северном Китае — 358, 609
13. Установление протектората над Марокко — см. Марокко (3)
14. Франко-австрийские отношения — см. Австро-Венгрия (9)
15. Франко-английские отношения — 400, 473, 698, 810, 877
16. Франко-германские отношения — см. Германия (8)
17. Франко-германское соглашение относительно Марокко — 351, 366, 408, 473, 476, 631, 642, 698, 877
18. Франко-испанские переговоры о Марокко — см. Испания (1)
19. Франко-итальянские разногласия — 378, 403, 404, 409, 476, 552, 615, 685, 869
20. Франко-русские отношения — 347, 352, 473, 559, 560, 634, 698, 701, 750, 809, 817, 876
21. Франко-русские переговоры о военной конвенции — 359, 367
22. Франко-русские переговоры о железных дорогах в Малой Азии — 390, 417, 633

Черногория

1. Командирование австрийских судебных чиновников — 477, 500, 521
2. Пересмотр русско-черногорской военной конвенции — 420, 583, 651
3. Поездка короля Николая в Россию — 420, 583, 651
4. Постройка австрийских стратегических дорог в Черногории — 574
5. Черногоро-австрийские отношения — 382, 425, 477, 485, 500, 521, 574, 687
6. Черногоро-албанские отношения — 651
7. Черногорский заем в Австро-Венгрии — 382, 425, 485
8. Черногоро-сербские отношения (Дело Дожича) — см. Сербия (6)
9. Черногоро-турецкие отношения — 348, 583, приложение к № 596, 651, 889

Швеция

1. Шведо-германские отношения — 745
2. Шведо-русские отношения — 463, 480, 484, 617, 703, 704, 854
3. Шведские инструктора в Персии — см. Персия (18)

Швейцария

1. Попытка Германии заключить военный союз с Швейцарией — 395

Япония

1. Занятие японскими войсками железной дороги Шанхай-Гуань—Мукден — 365, 380
2. Позиция Японии по отношению к китайской революции — 376, 379, 537, 568, 591, 598, 608, 614
3. Позиция Японии в реорганизационном займе — 386, 556, 557, 577, 585, 597, 604, 605, 629, 640, 652, 654, 660, 669, 676, 680, 682, 689, 694, 723, 740, 755, 804 и приложение, 871
4. Русско-японские переговоры о заключении конвенции — 383, 499, 787, 834 и приложение
5. Японо-русские отношения — 608, 623, 669, 787, 788, 804, 852

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА